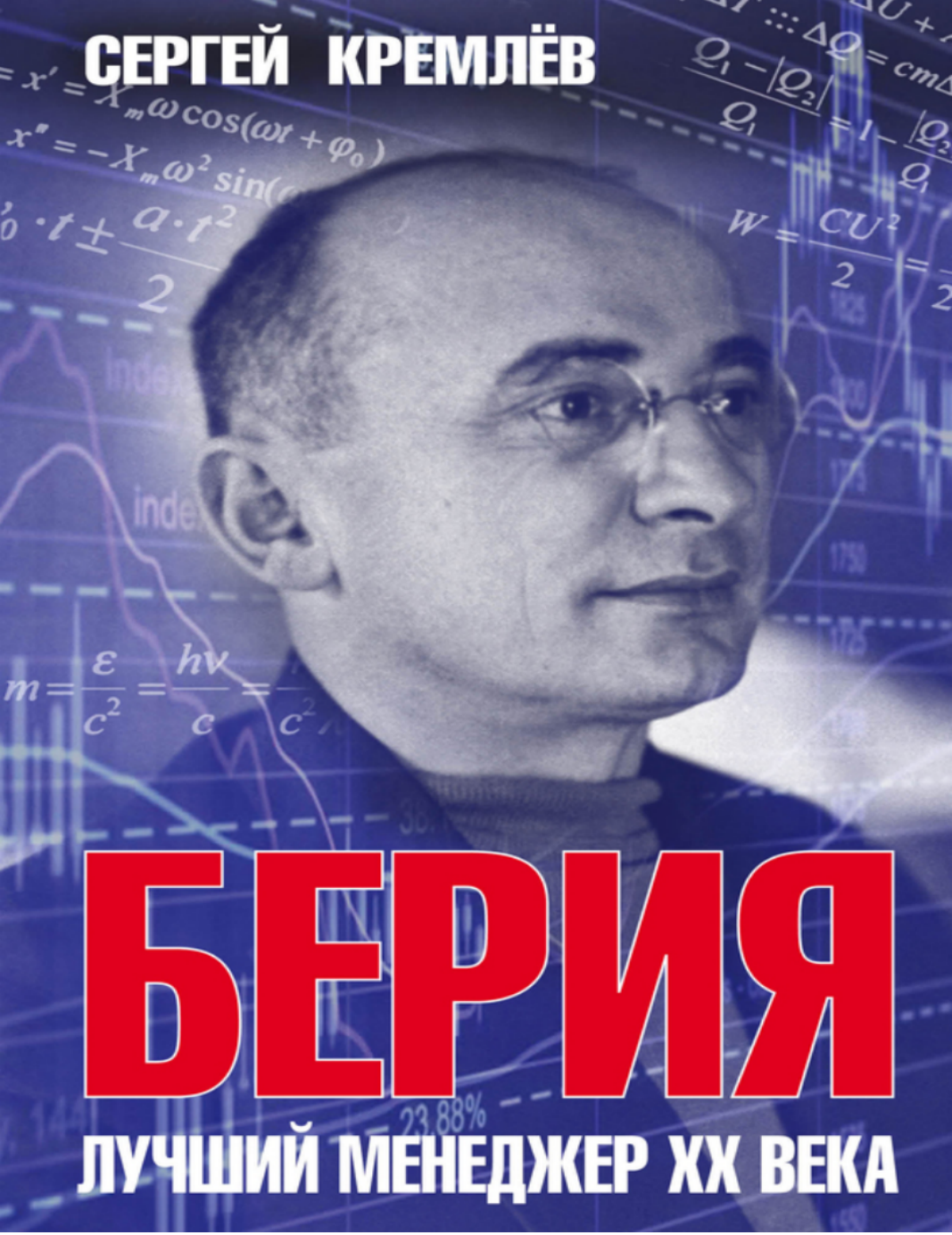
СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ



БЕРИЯ

ЛУЧШИЙ МЕНЕДЖЕР XX ВЕКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

6-е ИЗДАНИЕ культового бестселлера, с которого началась полная моральная реабилитация Лаврентия Павловича Берии. Самая честная и подробная биография величайшего Управленца СССР. Лучший памятник единственному достойному наследнику Сталина, который мог исполнить завещание Вождя: вырвать власть из рук чиновников, чтобы вернуть ее народу!

В юности Берия мечтал строить новые города, но в итоге стал вторым после Сталина строителем Сверхдержавы. Заняв пост наркома внутренних дел в разгар Большого Террора, он покончил с ежовским беспределом и восстановил законность. Он предупреждал Вождя о близости войны, подготовил оборону Москвы, отстоял Кавказ и всю Великую Отечественную отвечал за военное производство, а после Победы стал основателем атомной и ракетной отрасли. Не зря даже многие враги признавали его «лучшим менеджером XX века».

Опровергая хрущевскую клевету, эта книга воздает должное советскому гению, который был не «палачом» и «вурдалаком», как врут враги народа, а спасителем СССР и последней надеждой Сверхдержавы на великое будущее!

- Сергей Кремлёв
  -
  - От автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18

- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Послесловие

Сергей Кремлёв
Берия. Лучший менеджер XX века

Я не верю в коллективный разум невежественных индивидуумов.

Томас Карлейль

Переоценка прошлого необходима не для одной совести. Переоценка истории есть единственная возможность пути.

Петр Чаадаев

Автор предлагает расценивать эту книгу как концептуальную базу для действий тех своих сограждан, которые обладают правом законодательной инициативы, по организации кампании за полную юридическую и историческую реабилитацию выдающегося сына России Лаврентия Павловича Берии, а также за достойное увековечение его памяти в общенациональном масштабе.

От автора

Уважаемый читатель!

В последнее десятилетие имя Берии по частоте его упоминания среди других исторических фигур советской эпохи стоит, пожалуй, на третьем месте после Ленина и Сталина.

Случайно ли это?

Думаю, нет. Причем среди написанного о Берии имеются и серьезные работы, как, например, «Неизвестный Берия» безвременно ушедшего Алексея Топтыгина, и пасквили типа «Красного заката» бывшего партократа Валерия Болдина.

Стали широко известными «Убийство Сталина и Берия» Юрия Мухина и «Последний рыцарь Сталина» Елены Прудниковой. Немало страниц посвящено Лаврентию Павловичу в местами спорной, но яркой книге Александра Бушкова «Сталин: ледяной трон».

Однако тема далеко не исчерпана. И поэтому я – после некоторых сомнений – решил сделать и свою книгу о Берии. Началось все, впрочем, с предложения написать журнальную статью о его вкладе в решение советской Урановой проблемы.

Давно догадываясь, что имя Лаврентия Павловича во многом оболгано, я с удовольствием взялся за работу и вскоре был удивлен тем обликом Берии, который вырисовывался при внимательном изучении объективных документов Атомного проекта СССР. Председатель Спецкомитета при Совете Министров СССР выглядел не просто выдающимся организатором новой отрасли, но и…

Да, он выглядел к тому же и человеком высокой моральной кондиции, нормальным и даже душевным, чутким человеком!

Причем я имел дело с достоверными рассекреченными документами, издаваемыми в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 17.02.95 № 160 «О подготовке и издании официального сборника архивных документов по истории создания ядерного оружия в СССР». Восемь солидных томов этого «сборника» весят более десяти килограммов!

И вот из этих документов проглядывал человек, а не «монстр»!

Пришлось забраться в материалы по Берии и его эпохе (и, увы, в пасквили о нем и о ней) более глубоко. Я все более увлекался темой и, в конце концов отставив в сторону другие замыслы, принялся за тот труд, результаты которого представляю теперь на суд уважаемого читателя.

Завершая это краткое вступление, автор считает своим

приятным долгом поблагодарить за содействие и плодотворные дискуссии многих своих коллег, в том числе: А.А. Агапова, В.А. Акулова, В.М. Ботева, Л.А. Кочанкова, А.Н. Кочубаева, П.П. Максименко, А.А. Мукашева, А.П. Осипцова, Н.А. Сороку, и отдельно – В.М. Воронова, с неизменной доброжелательностью помогавшего автору отыскивать некоторые материалы и постоянно обсуждавшего с автором его будущую книгу.

Автор искренне признателен А.И. Колпакиди как за предоставление ряда ценных материалов, так и за полезные обсуждения различных сторон проблемы в ходе работы.

Автор благодарен также коллективу библиотеки им. В.В. Маяковского в городе Сарове («Арзамас-16») за внимание к его нуждам и интересам.

Глава 1
Рассуждения о предмете книги, о первоисточниках и кое о чем еще…

Казалось бы, предмет книги ясно обозначен на обложке – это судьба Лаврентия Павловича Берии. Однако на самом деле все не так уж и ясно. Поэтому, приступая к работе, я много размышлял над тем, как разобраться в его жизни так, чтобы дать по возможности ее ***реконструкцию***, а не «версию». Сейчас в ходу серия книг с интригующим названием «Рассекреченные жизни». Лаврентий Берия не был секретным агентом – уже с молодых лет он стал личностью, как говорится, «публичной». И тем не менее, если уж включать его жизнеописание в какую-то серию, то ей очень подошло бы название «Засекреченные жизни».

Причин тому – много.

Одна из них – та, что почти полвека о Берии или не говорили ничего, или лгали так, что никакое мало-мальски верное представление о нем составить было невозможно. Пожалуй, лишь еще одну фигуру мировой истории стремились изгнать из памяти общества так же настойчиво. Это – Герострат, в 356 году до нашей эры, в ночь рождения Александра Македонского, сжегший храм Артемиды в Эфесе.

Берия не разрушал, а создавал, но его тоже настойчиво изгоняли из официальной истории. А уж если и создавали ему славу, то исключительно геростратову. Однако время действительно рано или поздно все расставляет на свои места, даже если кого-то на время вырезают из истории в прямом смысле слова – бритвенным лезвием, как было вырезано из нее имя Берии.

Да, в 1953 году подписчики Большой Советской Энциклопедии получили по почте пакет, внутри которого находилась четвертушка листа, где типографским образом сообщалось следующее:

«ПОДПИСЧИКУ
БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия» рекомендует изъять из 5 тома БСЭ 21, 22, 23 и 24 страницы, а также портрет, вклеенный между 22 и 23 страницами, взамен которых Вам высылаются страницы с новым текстом.

Ножницами или бритвенным лезвием следует отрезать указанные страницы, сохранив близ корешка поля, к которым приклеить новые страницы.

Государственное научное издательство
«Большая Советская Энциклопедия».

Считается, что наиболее длинная фамилия в советской истории – «Примкнувшийкнимшепилов».

Этот когда-то знаменитый партийно-государственный деятель, главный редактор «Правды», кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, министр иностранных дел, улаживавший Суэцкий кризис 1956 года, выступил против Хрущева на том заседании Президиума ЦК в июне 1957 года, когда большинство Президиума (и прежде всего – Молотов, Каганович и Маленков) было готово отстранить Хрущева от руководства. Вскоре большинство этого большинства, а с ним – и «примкнувший к ним Шепилов», лишилось всех постов после быстро спроворенного Хрущевым Пленума ЦК.

Шепилов прожил долгую жизнь и умер в 1995 году девяноста лет от роду. На книгу о нем и на его воспоминания я буду позже ссылаться, и тогда отношение к нему автора обрисуется яснее. Сейчас же я упомянул об этом обладателе – как считали остряки той эпохи – «самой длинной фамилии в СССР» лишь для того, чтобы опровергнуть остряков и заявить, что «фамилия» с 22 буквами – не рекорд! Ибо в «фамилии» «Вклеенныймежду22и23страницами» 29 букв, и, выходит, абсолютным рекордсменом как по анонимности, так и по длине невольного «псевдонима» стал Берия.

Соответственно, его фамилию мы тщетно искали бы после 1953 года в любом советском справочнике. Даже в самых подробных и детальных академических изданиях не упоминалось имя человека, которому в 5-м томе БСЭ было посвящено четыре (!) страницы и чей портрет занимал там полностью еще одну страницу. Берию напрочь выбросили из отечественной истории.

А из истории мировой?

В четвертом томе «Оксфордской иллюстрированной энциклопедии», изданной на русском языке издательством «Весь мир» в 2000 году, скупые сведения об этом, десятилетиями не существовавшем для СССР, человеке имеются, и эта энциклопедия отводит советскому политику Lavrenti Pavlovich Beria поистине чудовищную роль в проведении широкомасштабных «чисток» сталинской эпохи.

Справедливости ради замечу, что русский «Оксфорд» скупо признает, что во время войны Берия занимался развитием

оборонной промышленности. А далее, переврав хронологию (Лаврентия Павловича арестовали не в июле, а 26 июня 1953 года), «Оксфорд» сообщает, что Берия после смерти Сталина проиграл-де коалиции Маленкова, Молотова и Хрущева, был арестован, осужден и расстрелян.

Итак, и для мировой истории ключевые слова в части Берии: «чудовище», «чистки», «лагеря», «ликвидация», «заговор», «расстрел», «смерть»…

А сквозь зубы – «развитие».

Доморощенные «аналитики» и «исследователи» «демократического» образца следуют примерно той же схеме. Мол, насаждая страх, «шеф НКВД» методом террора умел-де обеспечить работу различных отраслей промышленности, неплохо руководил атомными работами, но – «все равно сволочь», как сказал мне один все еще «демократизированный» знакомый. И втолкуй ему, что на самом деле все было иначе. Нет, он все «знает» и так!

Для того чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной! Этим рецептом широко пользовался Геббельс, однако уже в Первую мировую войну пропаганда англосаксов облыжно обвиняла Германию в производстве жиров, извлекаемых из трупиков невинно убиенных французских младенцев.

А ЧТО ЖЕ совершил «изверг» Берия?

Вот некая цитата, которую я приведу без малейших купюр: «…очерк, уже написанный, лежал на моем столе. Я поставил последнюю точку и размышлял и еще раз переживал все ужасы, связанные с именем человека, которого наверняка будут проклинать многие поколения. И если я писал в четырех первых очерках с болью в сердце и с состраданием к невинно расстрелянным маршалам, то пятый, о котором пойдет разговор, заслужил не только расстрела, но, если бы было возможно, его надо было бы еще повесить, посадить на электрический стул, отрубить ему голову гильотиной (вообще-то литературная норма – «на гильотине». – *С.К.)* – и всего этого было бы мало за его преступления».

Четыре «невинных» – это: 1) самоуверенный, с замашками Бонапарта, «гений» троцкистского толка Тухачевский; 2) маршал с весьма запутанной судьбой Егоров; 3) бездарный «маршал» Кулик и 4) деградировавший, потерявший сам себя Блюхер.

Пятый же маршал – Берия. А его ненавистник – писатель Владимир Карпов, в свое время ушедший из лагеря на фронт и там ставший полковым разведчиком, Героем Советского Союза.

Читаешь сие и думаешь – откуда у «инженера человеческих

душ» такая звериная кровожадность? Да и не звериная – зверь не кровожаден, он всего лишь хочет есть.

Так откуда такая патологическая ненависть? От застарелой обиды? Но очень уж злопамятно… Нет, вряд ли все объясняется обидой. Здесь что-то другое… Возможно – инстинктивное неприятие человека яркого, выдающегося и – в отличие от хулителей – не корыстного, жившего – в отличие от хулителей – не личной выгодой, а высокими идеалами? Но ярких, нестандартных личностей в советской истории хватает и кроме Берии.

Так почему же до одури злобно – именно о Берии? Очаровательная Констанция Бонасье из «Трех мушкетеров» заявляла: «Кто говорит «Ришелье», тот говорит «Сатана». Сегодня «интеллектуалы», «интеллигенты», либералы и «демократы» широкого спектра заявляют то же самое в отношении Берии. И это – очень нечастый случай абсолютной, тотальной демонизации исторической личности не на страницах авантюрного исторического романа, а в реальной истории.

Сказать доброе слово о Берии – как бы оно ни было подкреплено фактами – непросто. Дальше мы увидим, что даже тот, кто приводит глубоко положительные для Лаврентия Павловича сведения из практики личного общения с ним, пугливо оговаривается: мол, Берия, конечно, «изверг» и «создатель ГУЛАГа», но вот, мол, ***лично со мной*** вел себя по-человечески, в лагерную пыль не стирал и даже матом не ругался. А так, какие могут быть сомнения – «палач»!

Однако был ли мальчик? В смысле – демон?

Русская история богата на оболганные по тем или иным причинам выдающиеся государственные фигуры, начиная с Ивана Грозного… Стало отрицательно нарицательным имя, скажем, Аракчеева… Хотя объективные документы доказывают обратное, начиная, например, с того, что реформатор русской артиллерии эпохи Отечественной войны 1812 года не имел отношения к эксцессам «военных поселений», с которыми его имя прочно связывают.

А в наше время такой мрачной «знаковой» фигурой стал Лаврентий Павлович Берия.

«Внутренний хроникер» ЦК КПСС Николай Зенькович в одной из своих книг бухнул прямо, что, мол, вопрос не в том, был ли Сталин убит, а в том, как это было сделано. Признание ценное, но примерно то же самое можно сказать, имея в виду Берию. Вопрос не в том, был ли он гнусно оболган, а в том, почему он был оболган так гнусно и тотально.

Этот вопрос приходит на ум каждому, кто приступает к исследованию проблемы непредвзято.

Им задавался Юрий Мухин.

Им задавалась Елена Прудникова.

Задался им и я. И ответ мой близок к ответам других объективных исследователей феномена Берии: его вначале оклеветали, а затем вообще вырезали из истории страны потому, что преступником был не он, а его хулители и уничтожители.

Государственный потенциал Берии по сравнению со всеми этими Хрущевыми и Маленковыми был настолько велик, что концы преступления надо было прятать в грязь.

Вот их туда и спрятали.

И разобраться теперь с тем, где – грешное, а где – праведное, сложно. Причем первичных сведений о Берии в научном обороте немного, что и понятно: попробуй доберись до них, скрытых в глухо закрытых архивах! Да и есть ли в этих, семидесяти– и более летней давности, архивах все факты? И сколько в этих архивах «фактов» в кавычках?

Уничтожать архивы начал уже Хрущев, при Горбачеве эта линия успешно продолжилась, «обогатившись» еще и практикой изготовления стратегических фальшивок.

А уж при Ельцине…

Для «Россиянин» Путина процесс уничтожения и фальсификации исторических архивных документов нехарактерен, но лишь потому, что предшественниками Путина в этом направлении уже была проделана громадная работа. Ложь о Великой Октябрьской революции, о «белых и пушистых» белогвардейцах, о Ленине и Сталине, о Великой Отечественной войне и «семидесятилетием» «совковом» рабстве уплотнена уже до предела.

«Пружина» фальсификации истории Отечества сжата так, что «витки» ее почти сомкнулись. И постепенно начинается обратный процесс.

ОДНАКО не каждому положительному свидетельству о Берии можно верить, особенно если оно исходит, например, от сына Берии – Серго, написавшего нашумевшую книгу «Мой отец Лаврентий Берия». В этой книге немало откровенных выдумок. Скажем, Серго явно не был – как он утверждает – на испытании нашего атомного первенца РДС-1 в 1949 году. Очень уж неточен он во многих деталях. Фантастичны его утверждения о том, что гостем особняка отца и собеседником Серго был в конце 1939 года Роберт Оппенгеймер. И уж совсем ни в какие ворота не лезет рассказ Серго о встрече отца в его присутствии с командиром

германской подводной лодки, прибывшей на советскую военно-морскую базу за неделю до начала войны, чтобы командир лодки мог известить Берию о приказе через неделю топить советские суда.

Но когда Серго пишет о том, что отец его был скромен в быту, поверить в это можно, как и в то, что его отец любил активный отдых (глядя на любительские фото Берии на отдыхе, в этом убедиться легко).

Так же явно достоверны сообщения Серго Лаврентьевича о том, что отец не препятствовал желанию юного сына ездить на машине, но лишь после того, как сын сам (пусть и при помощи опытных механиков) соберет из старья «фордик» для катания.

И стопки иностранных журналов сыну для перевода Берия-старший, как я понимаю, действительно приносил, приучая Серго под видом помощи отцу к труду и к освоению языков.

Это вроде бы – мелочи… Но это мелочи показательные, говорящие о сути и характере личности многое.

И даже – очень многое.

И так же можно поверить тому же Серго, что профсоюзных деятелей Берия открыто называл бездельниками, потому что на уровне высших профсоюзных лидеров (Берия имел дело, конечно, с ними) так ведь оно чаще всего и было. А Берия, будучи человеком дела, болтунов и бездельников жаловал не больше, чем Сталин.

Вполне можно верить и тем историкам и мемуаристам, которые к Берии нелояльны, но из материалов которых объективно вытекают выводы, для Лаврентия Павловича положительные (как, например, в случае мемуаров конструктора систем ПРО Кисунько). Уж эту-то информацию можно считать достоверной!

Очень легко было сбиться и на такой подход: «Сам Молотов вспоминал…», или: «В мемуарах «легендарного» Судоплатова…», и т. д. Но как часто такая информация объективно стоит немного. Где-то подводит память, где-то – увы, совесть… Не исключаются и позднейшие дописывания. А уж как часто, повторю еще раз, мы имеем дело с прямой, геббельсовского образца, ложью!

Внучка выдающегося русского невропатолога, психиатра и психолога, морфолога и физиолога нервной системы Владимира Михайловича Бехтерева, академик Бехтерева, в конце 80-х годов заявила, что ее, мол, дед после медицинского осмотра Сталина назвал его параноиком, за что и был-де отравлен.

Ах, сколько же было вокруг этого заявления «демократических» обличений. Но вот в 1995 году, в № 32 еженедельника «Аргументы и факты» внучка-академик

признается: «Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было… На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что так и было…»

Вдумайся, уважаемый читатель, в это признание!

И ведь даже после него ходила Наталья Бехтерева по земле недрогнувшими ногами – вместо того чтобы публично, под взорами телекамер, на коленках проползти за Мавзолей Ленина и на коленках же публично покаяться перед могилой Сталина.

Увы, даже самый раскаявшийся негодяй не сможет сделать этого перед могилой Лаврентия Берии. Ее просто нет.

Но есть документы – хотя ко многим из них надо подходить критически. Есть мемуары, исторические труды и прочее… Не пользоваться теми же, скажем, книгами Феликса Чуева о его беседах с Молотовым и Кагановичем нельзя – это источник, так сказать, нормативный. Однако нестыковок и «ляпов» там хватает, начиная с чисто фактических и заканчивая логическими.

И я старался или проверить все перекрестно, или исходить из принципа: тому, что человек рассказывает о его непосредственных, личных контактах с Берией, верить, скорее всего, можно – после анализа как фактической, так и психологической стороны дела. А если кто-то что-то пересказывает (как, например, генерал НКВД Судоплатов – рассказы секретарей Берии, услышанные им от них уже в тюрьме во время совместной «отсидки»), то верить этому, скорее всего, не стоит. Очень уж это скользкая вещь для исторического исследователя – «испорченные телефоны» мемуаров. Так что на многие «свидетельства» лучше не полагаться.

И дело не в соблазне отбросить неудобную для тебя информацию, а в огромных масштабах хрущевско-горбачевско-ельцинского очернения и эпохи Сталина, и ее ведущих положительных фигур, включая Берию.

Но достоверные документы о Берии все же имеются, прежде всего – та их совокупность, которая содержится в упомянутых выше рассекреченных «атомных» архивах. Эти бесспорные документы – хорошая путеводная нить для объективного исследователя.

Причем их достоверность гарантируется не только высоким статусом публикации, но и профессиональными и личными качествами двух ведущих фигур этой работы, проводимой в главном ядерном оружейном центре России в «Арзамасе-16» – РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Я имею в виду старейшего физика-оружейника Германа Арсеньевича Гончарова, Героя Социалистического Труда,

лауреата Ленинской премии, и полковника Павла Петровича Максименко, бывшего многолетнего руководителя представительства МО СССР во ВНИИЭФ.

Как-то в разговоре я сообщил Павлу Петровичу Максименко о том, что, приступив к освоению материала, был ошарашен тем, как резко и положительно стала меняться для меня фигура Берии.

И услышал в ответ:

– Когда я несколько лет назад начал работать с архивными документами, то был по отношению к Берии, конечно же, предубежден. Но по мере работы мое впечатление от него изменилось на прямо противоположное.

– Как о человеке? – уточнил я.

– Да, в том числе и как о человеке…

ЕСТЬ и еще одна нить – простая логика нашей современной жизни. Общественная атмосфера сегодня неправедна и лжива. Значит, если ее творцы говорят о чем-то или о ком-то плохо, то в действительности все обстоит, скорее всего, наоборот.

Если о Берии говорят, что он был интриганом, то логично предположить, что на деле он был весьма благороден.

Если утверждают, что он был карьеристом, то логично предположить, что в действительности он не искал высоких постов, а они сами находили его, этих постов достойного.

Если утверждают, что он был сластолюбив, то не будет очень уж неверным думать, что он был скорее аскетом и, уж во всяком случае, достаточно сдержанным в личных потребностях человеком.

А оно ведь, уважаемый читатель, так, в общем-то, и было. И я постараюсь это доказать!

Работая над книгой, мне пришлось разгрести немало грязи, скопившейся на уже пожелтевших газетных и журнальных страницах «перестроечной» поры, на страницах «монографий» и «мемуаров». Однако в ходе работы меня ожидали и приятные неожиданности, когда я находил вполне положительные для Берии сведения даже там, где, казалось бы, никак не мог их обнаружить.

И по мере написания книги я все лучше начинал понимать – почему из Берии сделали монстра. Надеюсь, по мере прочтения книги это понимание будет приходить и к читателю.

А пока что я приглашаю его перенестись вместе с автором на более чем полвека назад, в мартовскую Москву, прощающуюся со Сталиным.

Глава 2
Передвижки на трибуне Мавзолея

10 марта 1953 года они стояли на трибуне Мавзолея…

Лаврентий Берия, Николай Булганин, Климентий Ворошилов, Лазарь Каганович, Георгий Маленков, Анастас Микоян, Вячеслав Молотов, Вячеслав Малышев, Михаил Первухин, Максим Сабуров, Никита Хрущев…

Страна хоронила Сталина. Плакали люди, в пути останавливались поезда, гудели заводские гудки, гремели прощальные артиллерийские салюты.

И теперь Державу олицетворяли они, стоящие сейчас на трибуне Мавзолея Ленина, отныне становящегося Мавзолеем Ленина – Сталина.

И они же теперь Державу возглавляли.

Коллективно.

Но и среди равных кто-то становится первым.

Председателем комиссии по организации похорон был Хрущев.

Членами – член Президиума ЦК Л.М. Каганович, Председатель Верховного Совета СССР Н.М. Шверник, военный министр маршал А.М. Василевский, секретарь ЦК Н.М. Пегов, командующий Московским военным округом генерал-полковник П.А. Артемьев, председатель Мосгорисполкома М.А. Яснов.

На лидерство никто из членов комиссии не претендовал и близко, даром что формально первым лицом государства был Шверник. Но он и при Сталине был формально первым.

Другое дело – Георгий Маленков. Он не входил в комиссию, но, тем не менее, не только претендовал на первую роль, но и во многом ее обрел, став вместо Сталина Председателем Совета Министров СССР.

Однако заседания Президиума ЦК КПСС вел Хрущев. И это тоже что-то да значило.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия, до смерти Сталина возглавлявший также Специальный Комитет при Совмине по атомным и ракетным делам, после смерти Сталина стал уже первым заместителем Председателя Совета

Министров и был назначен министром внутренних дел – с объединением вновь МГБ и МВД в единое МВД.

Но этим его круг обязанностей и интересов не ограничивался. Он был активен всесторонне. И это ему, надо сказать, было не

внове – он работал «многостаночником» всю свою жизнь.

И везде – результативно!

Да, самым всесторонне компетентным, энергичным и подходящим на роль не только формального, но и неформального лидера страны был он – Лаврентий Берия.

Пока не утруждая себя пространными доказательствами сказанного, я приведу данные со страницы 407 сборника документов Международного фонда «Демократия» (Фонд ныне покойного Александра Н. Яковлева) «Лаврентий Берия. 1953».

Ни в этом Фонде, ни в выступивших соиздателями сборника Гуверовском институте войны, революции и мира и Стэнфордском университете коммуниста Берию на щит никто поднимать не собирался. Но справочные данные, приведенные о Берии в упомянутом выше сборнике и касающиеся его деятельности в период лишь с 1941 по 1945 год, когда Лаврентий Павлович был членом Государственного Комитета Обороны, впечатляют.

ГКО – высший чрезвычайный орган, который во время войны руководил страной, был образован 30 июня 1941 года в составе: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков.

С февраля 1942 года в ГКО вошли также Л.М. Каганович, А.И. Микоян, позднее – Н.А. Вознесенский.

И вот что сообщает сборник А.Н. Яковлева:

«Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 года о распределении обязанностей между его членами Берии был поручен контроль за выполнением решений по производству самолетов и моторов, вопросами формирования ВВС, кроме того, в дальнейшем на Берию был возложен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, минометов, боеприпасов, танков, а также наблюдение за работой трех наркоматов: нефтяной, угольной промышленностей и путей сообщения».

Кроме этого, по решению ГКО от 13 марта 1942 года «ввиду трудного положения на железных дорогах и необходимости выхода из такого положения» была создана оперативная группа под руководством Кагановича, Берии и Маленкова, «на которую возлагалась вся ответственность за все перевозки по железным дорогам».

А еще Берия в июле 1941 года и позже много сил вложил в создание Резервного фронта, «в состав которого входило значительное количество войсковых соединений НКВД СССР».

В 1942 году Сталин посылал Берию представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Северный Кавказ.

А с 21 августа 1943 года он входил в высшую руководящую группу Комитета при Совете Народных Комиссаров СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации.

И ни одна из этих обязанностей не была формальной, парадной. В СССР Сталина синекур не раздавали.

В 1944 году Сталин назначил Берию заместителем Председателя ГКО вместо Молотова и председателем Оперативного бюро ГКО, «рассматривавшего все текущие вопросы».

Плюс все это время Берия был народным комиссаром внутренних дел СССР. Во время Тегеранской 1943 года, Крымской (Ялтинской) и Потсдамской 1945 года конференций «на него возлагалось обеспечение охраны советской делегации, а на Крымской конференции – и других делегаций».

Зная все это, можно с уверенностью сказать, что во время войны более Берии в стране был загружен и перегружен высшей ответственностью лишь один человек – сам Сталин.

Да и после войны – тоже! Ведь Берии поручали самые сложные и новые задачи – Урановую проблему, контроль над разработкой систем противовоздушной обороны (с расчетом на будущую уже противоракетную оборону).

А кроме этого, с заместителя Председателя Совнаркома (Совмина) СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Берии не снимались обязанности по курированию ряда мирных отраслей экономики.

Такой «воз» мог тянуть лишь высокопрофессиональный, разносторонний управленец с большим опытом и хорошей общей и специальной эрудицией и мгновенной деловой реакцией.

И обязательно – умеющий подобрать кадры и умело же их потом использовать.

Берия всеми этими качествами обладал и объективно был на голову выше всех остальных, стоявших мартовским днем на трибуне Мавзолея. И, безусловно, он это понимал.

Понимали это и его соседи по трибуне.

Но готовы ли были они принять лидерство Берии? Они стояли под мартовским небом и не знали – как там все сейчас повернется…

Или знали?

Пожалуй – кто-то знал.

И этим кем-то уж точно был Хрущев.

ГОД назад в центре трибуны стоял Сталин.

Он приветливо махал рукой малышке, машущей ему снизу, с

плеч отца, проходящего мимо Мавзолея в первомайской колонне.

Теперь Сталина не было. И поэтому на трибуне Мавзолея были неизбежны те или иные передвижки. Да они уже и происходили. Но все же будущее стоявших на трибуне в марте 1953 года было еще смутным. И они не могли не задумываться – каким же оно будет?

Сегодня мы знаем ответ на этот вопрос. Еще 1 мая 1953 года состав высшего руководства, занимавшего праздничную трибуну, от мартовского не отличался.

Но уже 7 ноября того же года на трибуне не было Берии.

26 июня он был арестован.

На июльском (2–7 июля 1953 г.) Пленуме ЦК КПСС его исключили из партии «за предательские действия, направленные на подрыв Советского государства», и постановили предать суду «как врага партии и советского народа».

8 августа 1953 года пятая сессия Верховного Совета СССР утвердила Указ Президиума Верховного Совета СССР о «лишении Л.П. Берия полномочий депутата Верховного Совета СССР, снятии его с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста министра внутренних дел СССР с лишением всех присвоенных ему званий и наград и о передаче дела о преступных действиях Л.П. Берия на рассмотрение Верховного Суда СССР».

Прошло четыре года, наступил 1957 год, и с трибуны ушли руководители «антипартийной группы» Молотов, Каганович, Маленков, ушли и поддержавшие их Первухин и Сабуров.

Открестившись от неисправимых «сталинистов», не удержались, тем не менее, на трибуне Булганин и Ворошилов. А через семь лет с нее бесславно ушел и сам Никита Хрущев.

Дольше всех на ней оставался Микоян – до марта 1966 года.

Одни уходили с трибуны Мавзолея, другие на нее приходили. Менялась номенклатурная конъюнктура, менялись политические симпатии тех, кто занимал центр трибуны. Рабочему Луганску, названному в 1935 году Ворошиловградом, в 1958 году вернули старое имя, чтобы в 1970 году вновь переименовать его в Ворошиловград, с течением лет ставший опять Луганском. Нечто подобное происходило с древним Рыбинском, переименовывавшимся четырежды: Рыбинск – в Щербаков, Щербаков – в Рыбинск, Рыбинск – в Андропов и, наконец, опять в Рыбинск.

Но имя ушедшего с трибуны образца марта 1953 года Лаврентия Берии никто никогда в жизнь страны не возвращал.

Только с началом «перестройки» оно обрело громкую известность, однако лишь для того, чтобы стать в глазах «прогрессивных» и «политически продвинутых» слоев общества

«омерзительным олицетворением кровавой тирании и тотального тоталитаризма».

А ЧТО, если бы Лаврентий Берия не только не ушел с главной трибуны Державы, но и прочно занял бы ее центр? И занял бы ее на долгие годы. Он ведь был неплохим спортсменом-любителем, не курил, не увлекался ни спиртным, ни, вопреки сплетням, женщинами… Так что мог бы жить долго.

Скажем, лет до семидесяти семи.

То есть мог бы скончаться в том самом 1976 году, когда будущему четырежды Герою Советского Союза Леониду Брежневу по случаю его семидесятилетия подарили вторую Геройскую звезду в комплекте со звездой Маршала Советского Союза.

Но Берия был арестован, изолирован и расстрелян. Относительно того, как и когда это произошло, есть несколько версий, но я не буду сейчас на них останавливаться, а познакомлю читателя с одним из тех писем, которые Берия написал уже после ареста.

Вообще-то писем к своим бывшим товарищам по руководству он написал три. И авторство их оспаривается, например, – Ю. Мухиным, Е. Прудниковой, а также – косвенно, Серго Берией, утверждавшим, что его отца расстреляли-де при аресте в особняке, где жил с семьей и Серго. Но я не сомневаюсь в том, что «письма из бункера» подлинны! Почему я в этом уверен, скажу в свое время, а сейчас просто возьму в руки яковлевско-гуверовско-стэнфордский сборник документов 1953 года по Берии и открою его на странице 74, где начинается второе письмо Лаврентия Павловича в ЦК КПСС, Маленкову.

Глава 3
Письмо из камеры

Датированное 1 июля 1953 года, это письмо занимает в книге пять с половиной листов типографского формата 70xl00Vi8– Поэтому приводить его полностью я не буду, однако нашего серьезного внимания оно заслуживает. С одной стороны, письмо стало своего рода подведением итогов всей политической и государственной работы Берии, а с другой стороны, оказалось чем-то вроде его политического завещания.

В тексте хватает ошибок, порой «хромает» стиль, но одним лишь публикаторам известно, где ошибки принадлежат Берии, а где – тем, кто рукопись переводил в типографский текст. Одну ведь и ту же букву можно прочесть по-разному. К тому же автор письма, несомненно, волновался, что на стиле письма не могло не сказаться – Берия был все же не литератором.

Те или иные части письма я буду сразу же комментировать, причем с таким расчетом, чтобы эти комментарии постепенно знакомили читателя с некоторыми обстоятельствами той давней и не очень-то по сей день известной нам эпохи.

Начинается письмо так:

«Товарищу МАЛЕНКОВУ
Дорогой Георгий!
В течение этих четырех тяжелых суток для меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, к[а]к на работе, так и в отношении лично тебя и – некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждая себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддерж[ать] делами новое руководство Ц.К и Правительства…»

Здесь не видно стремления разжалобить и оправдаться. Условия написания письма для его автора были не то что некомфортными, а попросту дикими. Однако не заметно, чтобы он был психологически смят. Но и до спокойствия здесь далеко, и Берия анализирует – в чем же он провинился перед товарищами так, что его вдруг арестовывают.

А вот дальше идет нечто интересное:

«В соответствии с имеющимися указаниями Ц.К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н.С. ряд заслуживающих политических предложений, к[а]к то:…»

Ну-ну, что же это такое *заслуживающее* советовали новому министру внутренних дел новый предсовмина Маленков и секретарь ЦК Хрущев?

А вот что:

«…как то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по т. называемому менгрельско[му] национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлении искривлении линии партии, допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н.С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием…»

Из этих строк следует, что инициатива, например, «реабилитаций» по «делу врачей» исходила, вопреки устоявшемуся мнению, не от Берии, а от Хрущева и Маленкова. Ведь не стал бы

Берия выдумывать несуществующие инициативы коллег в письме к этим самим коллегам!

Правда, часть инициатив принадлежала на самом деле непосредственно новому министру внутренних дел, но это были как раз те инициативы, которые после расстрела Берии были полностью или частично свернуты как «ошибочные». И, скажем, о национальной политике в видении самого Берии у нас еще будет повод поговорить.

А вот на «деле врачей» я остановлюсь сразу, напомнив, что началось оно в 1952 году с письма Лидии Федосеевны Тимашук в ЦК, написанного и переданного в МГБ еще в 1948 году.

В 1952 ГОДУ Лидии Тимашук было пятьдесят четыре года, и она с 1926 года, после окончания медицинского института, работала в Лечебно-санитарном управлении Кремля, а с 1948 года заведовала кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы. Уйдя на пенсию в 1964 году с должности заведующей отделением, Тимашук скончалась в 1983 году, восьмидесяти пяти лет от роду. «Демократы» презрительно пишут о ней нередко как о «медсестре Тимашук», но это, как видим, ложь.

В 1948 же году, снимая кардиограмму Андрею Андреевичу Жданову, она, опытный практический врач, поставила диагноз «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки». Но кремлевские профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко и П.И. Егоров, лечащий врач Г.И. Майоров и врач-диагност С.Е. Карпай заявили, что ничего серьезного не произошло.

Жданова, впрочем, и до этого «лечили» так, что «лечение» само по себе было преступлением. Если не государственным, то уж врачебным – точно! Так, Майоров передоверил уход за больным медсестре, а сам часами ловил рыбу – дело происходило на Валдае в санатории «Долгие броды».

Не привлекательнее выглядел и главный терапевт Кремлевки профессор Виноградов. Слово «терапия» вообще-то происходит от греческого «therapeia» – «забота, уход». Но этот ренегат гиппократовой клятвы вместо организации повседневной заботы о здоровье руководства страны сосредоточился на другом. Он «одновременно заведовал кафедрой в 1-м Московском медицинском институте, был главным редактором журнала «Терапевтический архив», заведующим электрографическим отделением Института терапии АМН СССР и занимал ряд других должностей». Я пользуюсь здесь сведениями из книги Г.Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», изданной в 2001 году на средства Еврейского Конгресса.

Такие вот любители зашибать доходы где только можно и определяли облик Лечебно-санитарного управления Кремля! Сам Костырченко пишет:

«В знаменитой «Кремлевке», как и повсюду (н-да. – *С.К.),* наличествовала созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства, витал мертвый дух чиновной иерархичности, корпоративности, круговой поруки».

«Созданная «органами» атмосфера всеобщей слежки и доносительства» – это на совести (если она у него есть) Костырченко… На таком, скажем, сверхрежимном «объекте», как атомное КБ-11 в Сарове, ничего подобного не было – там царила атмосфера деловой сосредоточенности, хотя разгильдяйство, конечно, не поощрялось.

А вот насчет «круговой поруки» – это уже интересно! В словаре Морица Ильича Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» в статье 702 «Круговая порука» приведена уместная здесь цитата из «Дневника провинциала в Петербурге» Салтыкова-

Щедрина:

«Какимъ образомъ создалась эта *круговая* порука снисходительности – я объяснить не берусь, но что порука эта была некогда очень крепка – это подтвердить каждый провинциаль».

Г. Костырченко – не провинциал, но вот же – тоже подтверждает, что порука профессорствующих прохиндеев в Кремлевке была крепка, и в итоге Тимашук заставили переписать заключение в соответствии с профессорским диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни».

Начальник Лечсанупра Кремля профессор Егоров 28 августа 1948 года записал в истории болезни: *«Рекомендовано… увеличить движение, с 1 сентября разрешить поездки на машине, 9 сентября решить вопрос о поездке в Москву».*

Но Жданова увезли в Москву раньше, потому что 31 августа он умер.

Врачебная ошибка – вещь страшная, но возможная для любого врача… Однако в данном-то случае все было вполне прозрачным – инфаркт кардиограмма показывала уверенно! Да и как можно было барски пренебречь заключением опытного профессионала Тимашук, которая не занимала, как Виноградов и иже с ним, вереницы прибыльных должностей, зато всю жизнь занималась своим прямым делом – лечила людей?!

Тимашук обратилась с письмом к начальнику Главного управления охраны МТБ Власику. И 6 сентября 1948 года профессор Егоров собрал в своем кабинете совещание, где заклеймил Лидию Федосеевну как невежественного врача и «чуждого, опасного» человека.

Для всей этой «теплой» компании Тимашук действительно была опасна, как опасен для негодяев любой честный человек. И Егорова поддержали Виноградов, Майоров, патологоанатом Кремлевской больницы Федоров, профессор Василенко.

Виноградов тогда еще пользовался полным доверием Сталина (он «лечил» и его, и других членов Политбюро, сопровождал Сталина в 1943 году в Тегеран), и письмо Тимашук тогда удалось замять. Виноградов заявил министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову: «Или я буду работать в Кремлевской больнице, или она».

Оставили, к сожалению, профессора, а Тимашук перевели в один из филиалов Кремлевки.

Но в Лечсанупре Кремля творились такие «художества» и «лечебные ошибки» приобретали (с учетом якобы высокой

квалификации высшего персонала) такой странно массовый характер, что в 1952 году письмо Тимашук извлекли из архива, опубликовали в печати, а сама она 21 января 1953 года была награждена орденом Ленина.

К тому времени на Лубянке сидели профессора Виноградов, Егоров, Василенко, Вовси, Коган, Гринштейн, Фельдман, Темкин…

Когда 4 ноября 1952 года оперативники пришли за Виноградовым, «их поразило богатое убранство его квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Профессор происходил из провинциальной семьи (а, вот откуда навык круговой поруки! – *С.К.)* мелкого… служащего, но еще до революции… успел стать довольно состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат. Стены жилища лейб-медика украшали картины И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены, кроме того, золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности, даже солидная сумма в американской валюте».

Это я все, уважаемый читатель, книгу Костырченко цитировал (стр. 645), так что сведения точные, оплаченные Еврейским Конгрессом, и антисемитизмом здесь пахнуть не может. Но от себя замечу: жаль, что этого профессорствующего буржуя (по оценке Костырченко – «интеллигента старого закала») недорезали в 17-м…

Смотришь, и Жданов был бы жив!

Да и не один он!

Костырченко, к слову, утверждает, что «дело врачей» началось раньше того времени, когда был дан ход письму Тимашук. Но это всего лишь попытка подмены причин и следствия. Подлинной причиной «дела врачей» была их преступная, как минимум, халатность.

А может – и более чем халатность! Черт их знает, этих кремлевских «эскулапов»… Забегая вперед, напомню, что их всех потом «реабилитировали», под шумок забыв о том, что уж Виноградов-то был виновен в ряде вполне вульгарных, уголовно наказуемых деяний, тайно храня золото, драгоценности, валюту.

Да и задуматься бы не мешало – зачем профессору Виноградову все эти «камешки» и доллары? Не прятал ли он их до лучших времен, надеясь на такие перемены в СССР, которые стали возможными лишь после 1991 года? И не пытался ли он и впрямь такие перемены приблизить?

Но до таких ли «мелочей» было тогда в Кремле – после триумфа победителей «изверга» Берии, сидящего в подземном бункере штаба Московского военного округа!

ВЕРНЕМСЯ, однако, в этот бункер и на правах исследователей вчитаемся через спину Лаврентия Павловича в продолжение его письма в ЦК…

«…совершенно справедлива… критика… на Президиуме ЦК; с последним моим участием на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили [значение] самых решений Ц.К… Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политическим недомыслием, тем более ты мне советовал этого несследует делать. Поведение мое на заседании Президиум[а]ЦК, и Президиума Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервозность и излишную резкость я бы сказал, к[а]к это сейчас хорошо продумал и понят, иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущев [а] Н.С. и Булганина Н.А. при обсуждении По Германскому вопросу, конечно я здес[ь] безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения…»

Здесь, пожалуй, надо кое-что пояснить… Сегодня нам крайне трудно представить себе, что это такое – партийная чистка. В воображении встает нечто карательное, но ведь когда мы говорим, что надо отдать костюм в химчистку, то не имеем в виду ничего плохого, а просто сообщаем о том, что хотелось бы иметь чистый, а точнее – *вычищенный*, костюм.

Так вот, партийные чистки имели своей целью не некое избиение и унижение членов партии, а, с одной стороны, очищение партии от «примазавшихся», а с другой – очищение и самоочищение вполне надежных членов партии.

Когда христианин идет на исповедь, он ведь идет не только за отпущением грехов. Он идет и для того, чтобы очистить себя, признавшись кому-то вне себя – священнику, в тех или иных прегрешениях. Верующий признается в них тайно, и то становится чище. А большевики в ходе чисток занимались самокритикой публично, перед товарищами по партии, и это было – надо ясно отдавать себе в том отчет – действительно мощным средством самовоспитания и самосовершенствования.

Ведь еще Чехов рекомендовал выдавливать из себя раба каждый день – по капле. А в крепком партийном коллективе в ходе чисток люди не то что по капле дрянь из себя выжимали, а

целыми ручьями!

Со временем этот образ поведения становился для старых партийцев автоматическим – если они попадали в ситуацию острой критики со стороны. Они не обижались – как это принято сейчас, на критикующих не озлоблялись, а начинали думать – в чем же я дал промашку? Если, конечно, они были большевиками, партийцами, а не «членами партии».

Но Берия-то и был партийцем! То есть человеком, который живет порученным ему делом, а не прикидывает – как бы из этого дела выжать побольше личной выгоды. И его письмо имело в какой-то мере смысл персональной чистки – благо ситуация тому способствовала. Он и дальше в письме время от времени не самобичеванием занимается и не унижается перед руководством ЦК, а искренне, как тогда говорилось, признает ошибки.

Искренне… Хотя современному человеку это может показаться малодушием и показным раскаянием.

Но это было не малодушие!

Что же до «германского» вопроса, а также упоминаемых далее вопросов «корейского», «турецкого», «иранского», «ответов Эйзенхауэру и Черчиллю», «поступка при приеме венгерских товарищей», то о некоторых из этих «вопросов» мы поговорим значительно позднее, а сейчас я лишь замечу, что внешнеполитические концепции Берии были интересны и реалистичны.

Продолжим чтение…

«Предложения о Надь Имре, должен был не я или, кто иной вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за что конечно меня следует крепко взгреть».

Сказано энергично, и за этими словами вполне чувствуется характер – не всегда сдержанный, но весьма искренний.

Искренний, уважаемый читатель!

И такими же искренними видятся мне следующие строки…

«…Но должен сказать со всей честностью сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовиться к заседаниям Ц.К. и правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами работающими со мной, чтобы не ошибиться и не подвести Ц.К. и Правительство. У меня остался в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проэкт решения об упорядочении наградных дел, над этим я провозился около двух месяцев (речь об идее учреждения новых

орденов СССР. – *С.К.)… В отношениях с товарищами с которым[и] я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялось, к[а]к это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять хотя бы руководящих работников в МВД. Т-щей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали к[а]к положено настоящим партийцам. Т-ща Серова с бригадой по оказании помощи Московской и ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик…»*

Повторяю: иногда авторство этого письма оспаривается – мол, не мог его Берия писать, он уже к тому времени был убит, а следовательно, письмо – фальсификат.

Я уверен в обратном! Внимательный анализ содержания и стиля письма убеждает в том, что его, как и другие «письма из бункера», писал именно Лаврентий Павлович. Очень уж плотно «набито» это письмо такими деталями и фактами, которые никакой, даже – номенклатурный, «писарь» знать не мог. Да и уровень мышления и чувствования, свойственный письмам, «писарь» иметь не способен.

Но даже без глубокого анализа одно положительное упоминание имен Серова и Стаханова показывает, что письмо писал Берия.

Николай Павлович Стаханов, генерал-чекист, возглавлял тогда Главное управление милиции МВД, потом был замминистра внутренних дел СССР, с 1955 по 1961 год – министром внутренних дел РСФСР. С чего бы это – в случае фальсификации письма – «примазывать» его к Берии?

Ну, а генерал армии (с 1955 года) Иван Серов, которому в 1953 году не исполнилось и пятидесяти, был вообще твердым «хрущевцем». И никакой «писарь»-фальсификатор не стал бы включать его и Стаханова в число тех, о ком «должен был» одобрительно отзываться Берия.

Да и то, что упомянутый в «обойме» Круглов сразу после ареста Берии был назначен министром внутренних дел, тоже косвенно свидетельствует о подлинности письма.

Нет, в начале июля 1953 года Лаврентий Павлович был жив. И это он, а не подставной «писарь», вспоминая всю свою прошлую жизнь и борьбу, писал Маленкову:

«…Все ценное в моей жизни связано [с] совместной работой с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел (при назначении Берии в 1938 году в НКВД СССР), *укрепление кадрами МВД при твоей помощи, – большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Обороны, когда волей партии нам было поручено тебе организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств – выпуск самолетов и моторов, а мне – вооружения и боеприпасов или вопросы формирования для фронта. Совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л.М. и Микояном А.И. для налаживания железнодорожного транспорта, которы[й] играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Запад[ный] фронт – которы[й] немец сильно теснил наша совместная работа по созданию под руководством Госуд[арственного] К[омитета] Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградский] фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха…»*

Нет, «писарь» так не напишет!

ПОХОЖЕ, став вспоминать прошлое, Берия даже забыл, где и в силу чего он это все пишет! И сразу после приведенного выше текста он увлеченно и подробно касается атомных проблем и систем ПВО «Беркут» и «Комета», а потом, вспомнив, что пишет не докладную записку, возвращается к теме, напоминает Маленкову о годах совместной работы:

«Я не говорю о всевозможных поручениях, – пишет он, – *которые давались нам ЦК, правительством и лично т-щем Сталиным в с[в]язи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать всегда мы старались быть принципиальным объективным, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли не каждый день встречались в стечении десяти лет и*

разговор у нас всегда был только о делах, о людях, к[а]к лучше организовать ту или иную работу и к[а]к лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше…. Поэтому, моя трагедия в том, что как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы были в сложных переплетах и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня а теперь исключительно по моей вине, потерял все что связывало нас…

А дальше Лаврентий Павлович пишет: *«Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей…»* и обращается к остальным членам Президиума ЦК.

К Молотову:

«…Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение к Вам работая в Закавказье мы все высоко ценили считали Вас верным учеником Ленина и верным соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина… Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова… После…мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [о] немедленном организации Комитета Обороны Страны…

Я привел бы другие факты, но скажу одно, что не раз говорил, тот кто ссорит Молотова со Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной… Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г.М. и Микоян А.И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно тов-щ Сталин называл сводниками Маленкова Г.М. и меня, имея в виду Вас и Микояна».

Сталин имел основания разочаровываться в некоторых старых соратниках… Однако не это суть важно сейчас, а то, каким образом Берия отметал обвинения в неких интригах! Ссылаться в письме Маленкову на свидетельство Маленкова можно было лишь тогда, когда говоришь правду.

И выходило, что правда, а не наветы, была такой, как писал о том Берия.

Была она и такой:

«Клемент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил

специально в Москву в ЦК и т. Сталину настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил. Назначить в тяжелые времена переживаемые нашей Родиной известных все[й] стране т-щей Вас и Буденного командующими Обругать обругал, а, чуть позже, т-щ Сталин назначение провел…»

Обращаю внимание читателя на формулу *«по поручению руководящих органов Грузии»*… Не *«я ездил»,* а *«я по поручению руководящих органов Грузии…».*

Если бы Берия имел низкую натуру, он, скорее всего, не преминул бы выпятить перед Ворошиловым *личную* роль в приглашении… Но Берия всегда был «человеком команды». И лишний раз подтвердил это в своем письме.

К ХРУЩЕВУ и Булганину он обратился коротко и «отписочно», сухо аттестовав обоих «прекрасными большевиками и товарищами».

Булганин был фигурой весьма серой, что же до Хрущева, то Лаврентий Павлович, похоже, уже понимал, who is он… Пяток строк, обращенных к Никите, интересны лишь сообщением о том, что Хрущев на Президиуме ЦК «крепко и гневно» ругал Берию.

Зато хотя тоже коротко, но выразительно и искренне автор письма обращался к Кагановичу и Микояну:

«…Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию, тогда еще меньшевистскую от имени Кавбюро РКП и Ревоенсовета, XI армии, Лазарь знает 1927 г. и не забуду никогда по[мо]щи оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За время работы в Москве можно было, многое сказать. Но одно скажу всегда видел, с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог…»

Сколько инсинуаций можно прочесть о службе Берии в мусаватистской разведке. И я об этом скажу подробно… Но не достаточно ли этих вот, только что прочитанных читателем, строк, чтобы поставить на всех наветах крест? Напоминал ли бы в ***такой*** час Берия о 1920 годе, если бы он был нечист?

Вряд ли.

Последнее обращение было «персональным» наполовину. Лаврентий Павлович писал о Первухине и Сабурове, но – не обращаясь к ним… Однако писал он нечто настолько, на мой

взгляд, интересное для понимания личности Берии, что эту часть письма я пока сообщать читателю не буду, вернувшись к ней в свое время и в своем месте.

А заканчивалось это удивительно емкое и многоплановое письмо так:

«…Все это может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий прошу тебе понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно в пределах своих возможностей вместе с Вами Страну Могущественней и Славной, думать иначе обо мне просто недопустимо моей голове Конечно, после того все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое место и крепко одернуть, чтобы было помнить до конца своей жизни, но поймите дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что раз я занимал большой пост я не буду годен для любой маленькой работы, это ведь очень легко проверить в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке и умоляю Вас не лишайте меня быть активным строителем, [на] любом маленьком участке славной нашей Родины и вы убедитесь, что через 2–3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия».

После подписи следовала приписка:

«Т-щи прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенснэ (очков)».

Не знаю, как кому, но меня, когда я читал это письмо в первый раз, почему-то резануло по сердцу это последнее пояснение в скобках – «(очков)». От него на меня повеяло какой-то наивной беззащитностью, каким-то наивным простодушием…

Впрочем, может, это мне лишь кажется, не знаю.

ВОТ ТАКОЕ вот письмо из бункера. По счету – второе, но первое – краткое, от 28 июня, я приведу позже. А что можно сказать об этом?

Исповедь?

В какой-то мере – да.

Но, скорее, – не исповедь (для натуры Берии это было

несвойственно), а отчет о проделанной работе.

А точнее – отчет о прожитой жизни, о том, чем она была наполнена.

Да, здесь, в этом письме, по сути – вся жизнь. И вроде бы бурная, и вообще-то – однообразная. Никаких тебе Канарских и Багамских островов… И никакой Ниццы – разве что на озеро Рица выберешься… Никаких костюмов «от Версаче» и «пятизвездочных» отелей… Никаких саун в президентских апартаментах… Никаких горных лыж…

И никаких воспоминаний типа: «А помнишь, как мы крепко нарезались в Куршевеле и захороводили сразу десяток девиц…»

Да нужны ли они ему были – все эти куршевели, версачи, апартаменты и «черные пояса» с горными лыжами?!

У него вместо них было – Дело!

Державное!

Что еще надо мужчине, чтобы спокойно смотреть в глаза Эпохе и Истории?

ТОН письма был вполне достойным. Не было в нем никаких «тщетных призывов о помощи», которые усматривают в этом обращении Берии к ЦК «интеллектуалы»-либералы. Они не цитируют письмо подробно, а выхватывают из него пару фраз в целях то ли одурачивания, то ли – «одемокрачивания» сограждан и затем смачно клевещут на автора письма.

А ведь единственное слово, выдающее крайнее внутреннее напряжение Берии, вырвалось у него в самом конце – «умоляю»… Но в контексте оно жалким и слезливым не выглядит.

Нет, не выглядит!

Заканчивая свое второе письмо, Берия не исключал, судя по тону и содержанию письма, что его биография – личная и политическая – уже сделанным до этого не исчерпается. Он надеялся на предоставление возможности работать и дальше – где скажет ЦК.

Однако мы знаем, что вышло не так. В тот ли, в иной ли месяц 1953 года, но жизненный путь героя этой книги завершился в том же году, когда его арестовали.

А как этот путь начинался?

Глава 4
Начало биографии

Я не стремлюсь написать лишь биографию Берии – даже политическую. Скорее тему книги можно определить как эпоха через судьбу Берии и суть этой судьбы как ориентир для понимания прошлого Державы и… И – ее будущего, славного или бесславно гибельного.

Но, говоря о человеке, нельзя не сказать ничего о поре его становления, о его детстве и юности. Мы ведь и впрямь все родом из детства.

Глядя на фотографии юного и молодого Лаврентия, снятые в шестнадцать лет, в семнадцать, в тридцать один год, в тридцать три и даже позднее, с удивлением обнаруживаешь, что в них видна натура в чем-то неистребимо простодушная и наивная…

Натура с налетом одухотворенного идеализма и искренней веры в людей.

К слову, вряд ли и красавица Нино Гегечкори – сама отнюдь не хладный «вамп» – вышла бы замуж за расчетливого прагматика-себялюбца.

И еще одно приходит на ум при взгляде на эти фотографии. Если в 1930 году Берия снят без пенсне, то уже в 1934 году он его носит. Выходит, много перечитал к тридцати пяти годам этот парень – это тебе не Хрущев с его знаменитой резолюцией «Азнакомица»…

Впрочем, тяга к знанию и образованию подтверждается, конечно, не пенсне на переносице Берии, а фактами его биографии.

Он родился 17 (29) марта 1899 года в горном селении Мерхеули Сухумского уезда в Грузии. Родился, по одним источникам, в бедной, по другим – в зажиточной, крестьянской семье.

Возможно и то, и другое… С одной стороны, из очень уж бедных семей, да еще и кавказских, редко кто получал образование, а Лаврентий в восемь лет поступил в Сухумское высшее начальное училище, называемое еще и реальным.

С другой стороны, для того чтобы отдать сына в училище, родителям пришлось продать полдома. Зажиточным так поступать не было бы необходимости. И, скорее всего, семья Берии не нищенствовала, но жила скромно.

Гимназия – это учебное заведение для «чистых». А реальное училище было стандартной возможностью для способных детей

бедняков «выйти в люди». Вспомним, что в реальном училище учился и Павка Корчагин, и создатель его образа, сын рабочего Николай Островский.

Отец Лаврентия, Павле, переселился в Абхазию из Мингрелии, по словам его внука Серго – из-за преследований жандармов за участие в крестьянских волнениях. Это – очень возможно. Надо сказать, что воспоминания сына Берии тем достовернее, чем они дальше от того 1953 года, который оборвал жизнь отца и исковеркал судьбу Серго, и чем они ближе к детству и самого Серго, и Лаврентия.

Мерхеули, хотя и находилось в Абхазии, было мингрельским селом, так что выбор его мятежным мингрелом был вполне понятен.

Мать Лаврентия – Марта Джакели, по словам того же Серго, была в каком-то родстве с князем Дадиани, владельцем Мингрелии, но при этом – очень бедна. За Павле она вышла вторым браком, имея от первого брака сына и дочь.

Серго Берия пишет, что дед покорил его бабушку храбростью и красотой, и вот уж это – наверняка правда. Внуки часто внешне похожи на дедов, а то, что молодой Серго был чертовски красив, доказывают не только фотографии (они нередко и лгут). Это подтверждает, например, Корней Чуковский. В его дневнике за 1953 год есть запись от 12 июля (когда отец Серго уже был арестован): *«Мне вспоминается сын Берии – красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный».*

Замечу в скобках, что «холеный» и «надменный» – это на совести Чуковского, потому что сослуживцы Серго по 3-му Главному управлению (разработка систем ПВО) отмечают как раз его скромность.

Судя по всему, семья была дружной и работящей. Отец всегда в работе, мать прекрасно шила и всю жизнь (даже когда сын занимал высокое положение) подрабатывала портняжным ремеслом.

Родители очень хотели дать сыну образование. Он это ценил и старался помочь семье как мог. Помочь же, не пренебрегая учебой, он мог, лишь зарабатывая репетиторством, и в своей автобиографии, написанной им 27 октября 1923 года, Берия сообщает, что в Сухумском училище готовил учеников младших классов. Замечу, что слабые в репетиторы не идут, да их и не нанимают. Так что сомневаться в успехах юного горца в освоении наук нам не приходится.

Серго Берия писал:

«Некоторых из учителей отца, а это были люди удивительные, учительствовавшие по призванию, я много лет

спустя встречал в Грузии. Много интересного рассказали они мне о детстве отца, да и сам он всегда с теплотой отзывался о них, прекрасно понимая, чем обязан первым своим педагогам».

В шестнадцать лет Лаврентий, с отличием окончив Сухумское училище, уезжает учиться в Баку. Почему именно туда – ведь Тифлис был ближе? Этим вопросом, похоже, никто из биографов не задавался, а он интересен.

Думаю, сыграли свою роль два обстоятельства. Баку по тем временам был и крупнейшим в Закавказье промышленным центром, и центром политической жизни. В Баку было проще и получить техническое образование, и подработать, и включиться в политическую жизнь. Есть основания думать, что преобладало первое соображение – Лаврентий имел инженерную жилку и задатки ученого (впоследствии это отметит такой компетентный эксперт, как академик Капица).

С 1915 года Берия – студент Бакинского среднего механикостроительного училища. А кроме того, он – участник студенческого марксистского кружка.

В том же году к нему приезжают мать с пятилетней внучкой и глухонемая – после перенесенной болезни – сестра. Наступает пора платить по долгам жертвенности родных, и Лаврентий платит: три женщины у него на содержании. Жили они, конечно, очень бедно, мать одно время шила одежду, но потом сын стал подрабатывать почтальоном, и положение с деньгами несколько улучшилось. Мать даже перестала заниматься шитьем.

Отец жил по-прежнему в Мерхеули в маленьком домике (чтобы Лаврентий мог поехать в Баку, пришлось продать и оставшиеся полдома) и крестьянствовал. Почему вышло так, я гадать не собираюсь. Да и стоит ли?

По собственным словам Берии, его первое знакомство с марксизмом произошло в октябре 1915 года – в нелегальном марксистском кружке, организованном группой учащихся из Бакинского технического училища и других учебных заведений.

«Мотивами создания кружка, – вспоминал в 1923 году Берия, – были: организация учащихся, взаимно материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и прочее».

В летние каникулы 1916 года Лаврентий служит в главной конторе Нобеля в Балаханах, «зарабатывая, – как сам признавался, – на пропитание себе и семье». Однако лето уже следующего года он проведет далеко от Каспия – в Одессе.

Об этом, впрочем, – чуть позже.

А сейчас, заканчивая короткий рассказ о поре становления Лаврентия Берии, спросим себя: «Каким, скорее всего, мог сформироваться его характер в тех жизненных условиях, в которых он формировался?»

Ответ на этот вопрос дать несложно. Берия родился в трудовой семье, где не могли и не хотели его баловать, но где хотели видеть его развитым человеком. А развитой человек – это образованный человек. И по отношению к сыну родители повели себя умно и самоотверженно, поступившись житейским благополучием ради его образования. И смогли привить ему чувство не иждивенчества, а благодарности за добро.

Вошли в характер Берии также экономность, бережливость, крестьянская основательность и умение себя ограничивать.

Учителя примером собственной жизни дали ему уроки служения общественному делу и помогли уяснить, что такое есть долг.

Горы тоже что-то дали Берии. Ведь он в полном смысле слова был сыном гор. А горы способны создать характер гордый, независимый, широкий и мудрый. Горец знает, что мир, окруженный горами, не тесен – как может показаться на первый взгляд. Потрудись, взойди на вершину, и тебе откроются захватывающие перспективы, ты будешь видеть далеко и видеть многое. Но все это – лишь после немалых усилий.

Вынужденная ранняя – с восьми лет – жизнь вне семьи воспитывала самостоятельность и чувство ответственности. Да и узнавать людей учила.

Репетиторство дало некий педагогический навык и умение подойти к людям. И еще в одном сомневаться не приходится – в том, что Берия формировался как энергичная, деятельная натура.

Все эти качества уже вскоре ему ой как пригодились.

Глава 5
Революция и Гражданская война

В марте 1917 года Берии исполнилось восемнадцать лет. Революции в России не исполнилось и месяца. И в Баку, как и в Петрограде, вначале установилось двоевластие: образовались Исполнительный комитет – орган нефтепромышленников и помещиков и Совет рабочих депутатов.

Свой партийный стаж Берия исчислял с марта 1917 года – тогда он с группой товарищей по учебе организовал ячейку РСДРП(б). Но, скажем, Антонов-Овсеенко-сын уверяет, что Берия вступил в партию лишь в 1919 году (в феврале). Вряд ли тут может быть одно мнение.

Ведь это была революция! О каком точном учете членства могла быть тогда речь! Человек объединял вокруг себя еще нескольких, и они говорили себе и другим: «Мы – большевики». У них не было членских билетов, но существенным было то, что они действовали как большевики.

А уж формально членство могло быть оформлено и позднее. Между прочим, в «Именном комментарии» к переписке Сталина и Кагановича, изданном в 2001 году издательством «РОССПЭН» и Российским государственным архивом социально-политической истории, ясно сказано: «Берия Л.П. (1899–1953), член партии с 1917 г.».

Так или иначе, в июне 1917 года Берия добровольно поступает техником-практикантом в гидротехническую организацию армии Румынского фронта и выезжает в Одессу, а потом в Румынию, где начинает работать в лесном отряде села Негуляшты.

В 1953 году, после ареста, ему это вменят в вину – мол, большевиком считал себя с марта 17-го, а без разрешения парторганизации уехал невесть куда. С учетом того, когда это было и кем тогда был Лаврентий, упрек выглядит глупо.

Шло первое лето революции, но сама революция пока шла ни шатко ни валко. Берии – всего восемнадцать, он – не партийный лидер, не опытный революционер. И хотя он хочет строить новую жизнь, он хочет ее именно ***строить***! Он мечтает об архитектуре, он неплохо рисует, даже пишет акварелью, маслом. Забегая вперед, скажу, что он, как только к тому появлялась возможность, рвался продолжать учебу, чтобы стать инженером, строителем, архитектором. К чисто политической работе он не стремился – его в нее втягивала эпоха, жесткая политическая ситуация.

И вот молодому парню, которому надо и себя кормить, и мать с сестрой и племянницей, подворачивается заманчивое во всех отношениях предложение: увидеть новые края, получить техническую практику и – чего уж там отрицать – финансовые дела поправить, семье помочь…

А партия? А революция? Так он ведь от них не отшатывается. Какая разница, где работать на новую жизнь – на Каспийском ли море, на Черном?.. Главное – работать!

И о какой жесткой партийной дисциплине могла идти речь у молодых и политически зеленых энтузиастов? Ведь начиналось всего лишь лето 1917 года! Еще не то что Гражданской войны не предвиделось, но и пролетарская революция была под вопросом.

Короче – Лаврентий поехал на Черное море и в Румынию и пробыл там до января 1918 года. А потом вернулся в Баку.

Психологически и исторически все объяснимо. В дальних краях он в стороне от уже набирающего большие обороты революционного процесса не стоял, был – как сам писал – «выборным от рабочих и солдат… делегатом от отряда», часто бывал «на районных съездах представителей районов» в Пашукани (Румыния).

Осень дала России Октябрь, ситуация обострялась, становилось ясно, что по-доброму старая жизнь не уйдет. И бороться за новую жизнь хотелось в родных местах. Да и продолжить учебу, конечно, хотелось. Это видно из собственного признания Берии: *«По приезде в Баку продолжаю усиленным темпом учебу в училище, быстро наверстывая упущенное».*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ борьба на Кавказе и в Закавказье обещала быть особенно непростой. Местные националисты и сепаратисты уже с конца XIX века оформились здесь в отдельные политические партии. Но действовали и партии, общие для всей Российской империи.

Особенно были сильны меньшевики Грузии. Вот занятные цифры. Из 8 депутатов рабочей курии от Грузии в первой Государственной Думе было 5 меньшевиков. Во второй Думе все депутаты от Грузии были меньшевиками. В третьей – 3 депутата, из них 2 меньшевика.

В четвертой, последнего созыва, царской Думе Грузию представляли 2 меньшевика и один социалист-федералист.

Ной Жордания – председатель Тифлисского Совета рабочих депутатов в феврале 1917 года, а в 1918–1921 годах премьер-министр Грузии – меньшевик. И Николай Чхеидзе – депутат 3-й и 4-й Думы, а в 1917 году Председатель Петроградского Совета и ВЦИК, – тоже. Меньшевиком был и член исполкома Петросовета и

член ВЦИК, а позднее – министр почт и телеграфов, а затем – министр внутренних дел Временного правительства Ираклий Церетели.

Вот как сильны были грузинские меньшевики даже в масштабах России!

И это – не считая чистой воды националистов, которые не имели депутатов в царской Думе, но определенным влиянием в грузинских массах пользовались.

Социалистическая революция 7 ноября 1917 года в Петрограде не привела к установлению Советской власти в Тифлисе. Там в конце ноября был ликвидирован все более «краснеющий» Тифлисский Совет и образовалось меньшевистское правительство. И оно продержалось до 1921 года.

Таков был послеоктябрьский политический расклад в Грузии.

В Армении в 1890 году образовалась националистическая партия «Дашнакцутюн» (по-армянски – союз). Дашнаки имели тайные связи с политиками Франции, Англии, США и с турками – в расчете на создание «Великой Армении». Были, впрочем, и более скромные планы: автономия Западной Армении в составе Турции («реалистичность» таких замыслов показал 1915 год, когда младотурки вырезали в турецкой Армении более миллиона армян).

Дашнаки широко применяли террор, не пренебрегая и методами резни (при скрытом одобрении царского Петербурга, склонного властвовать на национальных окраинах, разделяя).

После распада Российской империи в Армении к власти пришли не большевики, а дашнаки. Пришли, безусловно, при внешней помощи. Но уже в марте 1920 года Микоян писал Кирову в Астрахань: ***«В Армении работа наладилась, наши силы растут».***

В апреле 1920 года советские войска заняли Баку. А в августе дашнакское правительство Армении объявило войну кемалистской Турции, и вскоре турецкие войска уже угрожали Эривани. Все меморандумы дашнаков к Лиге Наций, европейской и (как же без нее!) американской «демократиям» результат имели ожидаемый, то есть – нулевой.

9 ноября 1920 года в Баку приехал Сталин и поставил прямую задачу освобождения Армении. В интервью «Правде» в конце ноября он сказал:

«Дашнакская Армения пала, несомненно, жертвой провокации Антанты, натравившей ее на Турцию и потом позорно покинувшей ее на растерзание турок. Едва ли можно сомневаться в том, что у Армении не осталось никаких возможностей

спасения, кроме одной: союза с Советской Россией. Это обстоятельство, нет сомнения, послужит уроком для всех народов, буржуазные правительства которых не перестают низкопоклонничать перед Антантой».

29 ноября 1920 года в Армении была установлена Советская власть. Но, как оказалось, еще не окончательно. 2 декабря

1920 года дашнакское правительство буржуазной Армении подписало Александропольский «мирный договор», по которому Армения объявлялась турецким протекторатом. Следующей, к слову, могла быть Грузия.

Рассчитывая на поддержку Турции, дашнаки в феврале 1921 года подняли мятеж и захватили Эривань с прилегающими к ней районами. Обстановка на Кавказе сразу осложнилась. И 16 марта

1921 года РСФСР пришлось заключить с Турцией договор, по которому районы Карса, Ардагана и Артвина отходили к туркам. Вне границ Армении оказалась и священная гора армян – Арарат. Расположенная на расстоянии примерно в шестьдесят километров от Еревана, она по-прежнему возвышается над армянской столицей, но уже на турецкой территории. «Демократы» ставят сей факт в счет Ленину, однако утраченный армянами Арарат – это цена последней авантюры дашнаков.

В июле 1921 года с ними было покончено: их выбили из последней базы – Зангезура, и в Армению, наконец, пришел мир. Хотя до покоя было еще далеко.

Несколько ранее прекратила свое существование меньшевистская Грузия. 25 февраля 1921 года Красная Армия вступила в Тифлис.

В Азербайджане националистический тон задавала партия «Мусават» («Равенство»). Она образовалась в 1912 году и имела программой панисламизм и пантюркизм. После Февральской революции мусаватисты объединились с Федералистской партией азербайджанских беков.

В ноябре 17-го образовался Бакинский Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов и его возглавил Степан Шаумян. Возвратившийся Берия начинает с января 1918 года работать в его секретариате.

В сборнике «Политиздата» 1991 года «Берия: конец карьеры» (анализируя этот «документальный» пасквиль, можно написать отдельную книгу) на странице 335 «многозначительно» сообщается:

«Из уст в уста, где тайно, а где явно передавали, к примеру, рассказ о том, что Берия в 1918 году являлся командиром взвода

охраны Бакинской коммуны, и все диву давались, как ему удалось спастись, а тем более избежать ареста, в то время как те, кого он при Советской власти охранял, были и арестованы, и расстреляны».

Тут непонятно все (или напротив – очень даже все понятно)… Во-первых, почему «из уст в уста» и «тайно»?

Не такой уж великой властью обладал Берия в начале 20-х (и не очень к ней рвался, чему есть весомое документальное, не отрицаемое никем доказательство в автобиографии 1923 года, о чем я еще скажу), чтобы «стирать в лагерную пыль» тех, кто этот «рассказ», то есть – сплетню, «передавал», вместо того чтобы поставить вопрос в партийном порядке (что было обычной в таких случаях практикой).

Во-вторых, с чего бы это Берию, военного опыта не имевшего, назначили командиром взвода охраны Бакинской коммуны? Он был по понятиям того времени уже образованным человеком, и использовать его было целесообразно с учетом «грамотности». Что, вообще-то, и было сделано – Лаврентий работал в секретариате Совета.

В-третьих, Берия что – двадцать седьмым бакинским комиссаром был? Даже если бы он их охранял, скрыться ему было принципиально проще, чем тем, кого он при Советской власти «охранял». Тем более что он их и не охранял, ибо…

Ибо, в-четвертых, скрывать от партии факт нахождения на такой видной (в смысле – публичной) должности было бы для Берии бессмысленно. А вот щегольнуть им можно было. Однако в подробной автобиографии 1923 года (это, вообще-то, для анализа ценнейший документ!) он об этом не упоминает. И не упоминает, конечно, потому, что никаким начальником взвода охраны он никогда не был!

Напротив, он сам внятно сообщал в 1923 году, что оставался сотрудником Бакинского Совета до сентября 1918 года, а события октября этого года застали его «в ликвидации комиссии советслужащих», а не во взводе охраны.

Подобные «разоблачения» Берии в «обличительной» литературе о нем имеются в изобилии. И почти все они опровергаются даже без привлечения документов – простым логическим анализом.

Вернемся, впрочем, в Баку 1918 года.

В КОНЦЕ марта мусаватисты подняли в Баку антисоветский мятеж. Его быстро подавили, и 25 апреля был создан Бакинский Совет народных комиссаров, куда вошли Шаумян, Азизбеков,

Джапаридзе, Фиолетов… Однако в июне 18-го мусаватисты образовали свое правительство с центром в Елизаветполе (впоследствии – Кировабад) и начали заигрывать как с турками и немцами, так и с англичанами (ведь еще шла Первая мировая война).

Начался период интервенций, и 31 июля 1918 года Советская власть в Баку пала, а 1 августа была сформирована «диктатура Центрокаспия», куда входили мусаватисты, эсеры, меньшевики, дашнаки…

4 августа Баку оккупировали англичане под предлогом военной помощи против турок. То есть «националистический» «Мусават» привел на Кавказ турок, англичан и сотрудничал и с теми, и с теми. Как, впрочем, и эсеры.

Надо сказать, что в Баку политическая обстановка напоминала калейдоскоп. 11 сентября ввиду наступления турок английские войска ушли из города, а 15 сентября Баку заняли немцы и турки. Установился режим террора. В ночь на 20 сентября 1918 года между станциями Ахча-Куйма и Перевал эсерами (при соучастии англичан) были расстреляны 26 бакинских комиссаров во главе с Шаумяном.

В первое время турецкой оккупации Берия работал конторщиком в Белом городе на заводе «Каспийское товарищество». Но, как сам он писал в автобиографии 1923 года, «в связи с началом усиленных занятий в техническом училище и необходимостью сдать некоторые переходные экзамены» он «принужден был бросить службу».

Партийная же его работа прекратиться, конечно, уже не могла.

В конце октября 1918 года Турция вышла из войны, и вскоре Баку оккупировали уже турки. А 17 ноября город вновь заняли англичане. Боевые действия Первой мировой на Ближнем Востоке и в Месопотамии заканчивались, и у бриттов появилась возможность переключиться на Кавказ. Освободившиеся войска (в основном – сикхов) ввели из Ирана и Ирака. А «знаковой» приметой ситуации стало создание интервенционистских структур по управлению нефтепромышленностью.

В декабре 1918 года председатель одной из бакинских нефтяных компаний Герберт Эллен откровенно заявил:

«Британские вооруженные силы появились на Кавказе… Их прибытие приветствовали почти все народности, ждавшие защиты – одни от турецкого ига, другие от большевиков… Никогда еще история Британских островов не давала нам такого благоприятного случая для мирного расширения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или

второго Египта… Русская нефтяная промышленность… составила бы сама по себе ценное прибавление к империи…»

Стоит ли, уважаемый читатель, эту речь комментировать?

Англичане – признанные демократы, и поэтому жизнь в Баку при них установилась в чем-то похожая на жизнь в многоквартирном доме. Англичане играли роль владельца «дома». Эсеры и мусаватисты – роль управляющего. Какие-то «квартиры» занимали при этом «официальные» власти и партии, но находилось место и для полулегального существования большевиков – трогать всерьез их боялись, ведь народ это был такой, что мог и огрызнуться.

В 1919 году Берия окончил училище, став дипломированным техником. По тем временам это было немалое образование, и Лаврентий хотел бы его продолжить. Политическая работа для него по-прежнему – необходимость момента, а быть ему хотелось архитектором.

Увы, пришлось заниматься другим.

«С февраля 1919 года по апрель 1920 г., – писал он в автобиографии, – будучи председателем ком. ячейки техников, под руководством старших товарищей выполнял отдельные партийные поручения райкома, сам занимаясь с другими ячейками в качестве инструктора…»

И вот тут мы подходим к тому моменту жизни Берии, который, по словам, например, «внутреннего хроникера ЦК КПСС» Николая Зеньковича, является в биографии Лаврентия Павловича «темной страницей». Это, конечно, служба в мусаватистской контрразведке…

Однако ничего особо темного лично я здесь не усматриваю и предлагаю читателю разобраться в этой истории совместно.

Режим жизни в Баку в 1919–1920 годах определялся во многом присутствием, как я уже говорил, английских интервентов (официально – «союзников»). Авантюра Колчака к лету 1919 года провалилась, да и у Деникина обозначился явный провал. Так что открыто зверствовать и «затягивать гайки» эсеровско-мусаватистским «властям» и англичанам в условиях все большего нависания над Каспием 11-й Красной Армии было не с руки. Тем более что политическая жизнь Баку (да и вообще в Закавказье) пестрила тогда, как сарафан цыганки, и разобраться, кто есть кто, иногда было просто невозможно. Чуть позже я приведу на сей счет интересную оценку Ивана Исакова, будущего советского адмирала.

В такой обстановке и началась пресловутая «темная

страница» в биографии молодого техника. Сам он об этом писал в 1923 году так:

«Осенью того же 1919 года от партии Гуммет поступаю на службу в контрразведку, где работаю вместе с товарищем Муссеви. Приблизительно в марте 1920 года, после убийства тов. Муссеви, я оставляю работу в контрразведке и непродолжительное время работаю в Бакинской таможне».

В не тем будь помянутом антибериевском сборнике «Политиздата» 1991 года относительно партии «Гуммет» дается скупая и невнятная справка: «социал-демократическая организация, действовавшая с конца 1904 года по февраль 1920 года, созданная для политической работы среди трудящихся мусульман».

Думаю, что эта скороговорка не случайна. За развернутой справкой о социал-демократической группе «Гуммет» («Энергия») я отсылаю читателя к вполне доступному источнику – 13-му тому второго издания БСЭ (стр. 202), а здесь сообщу, что она была создана по инициативе Сталина в 1904 году для политической работы среди трудящихся всего Азербайджана, а не только мусульман (наряду с Азизбековым ее возглавлял Алеша Джапаридзе, был среди лидеров Нариман Нариманов). В бакинский период деятельности Сталина в 1907–1910 годах он тесно сотрудничал с «Гуммет», но по своему составу группа не являлась однородной – в ней были активны националистические элементы.

И как раз летом 1919 года «Гуммет» раскололась, и часть ее, «скатившаяся, – как пишет БСЭ, – на позиции, враждебные пролетариату», примкнула к меньшевикам, а большевистская часть «Гуммет» впоследствии вошла в Компартию Азербайджана.

А ТЕПЕРЬ можно события и реконструировать! Летом 1919 года уже нетрудно было предвидеть такой поворот дел, когда 11-я армия пойдет на Баку. Для подготовки этого нужна была информация о действиях врага, и Берию решают направить к мусаватистам. Скорее всего, в принятии решения участвовал и Анастас Микоян (хотя, как мы увидим позднее, он это «запамятовал»).

Весьма вероятно, что имел отношение к направлению Лаврентия и упомянутый им М. Муссеви – в 1919 году заместитель начальника Организации по борьбе с контрреволюцией (то есть контрразведки) при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики.

Пусть читателя не смущает сверх-р-р-еволюционное наименование организации, одним из руководителей которой

был Муссеви, погибший в марте 1920 года. Эта организация и была… той самой мусаватистской контрразведкой, в которую пришел Берия. Ведь в правительстве марионеточной Азербайджанской республики были сплошные р-р-еволюционеры – эсеры, меньшевики. И они «тоже боролись с контрреволюцией». На свой лад – языком.

Такие вот «семнадцать мгновений весны» пролетали тогда над Баку.

Время и канал внедрения Берии в контрразведку были выбраны (им или «старшими товарищами») весьма грамотно. Если кто-то обратит внимание на недавнюю «красноту» нового сотрудника, то ее легко объяснить – да я же из «Гуммет»! Была, мол, дурь по молодости, да вышла, и разошлись, мол, мои дорожки с большевичками. Для того (да и только ли – для того?) времени в такой метаморфозе ничего особо удивительного не было!

Зададимся вопросом: «Если бы Берия был тайным агентом контрразведки, работая в партии, пошел ли бы он в контрразведку уже открыто?»

Думаю – вряд ли.

А точнее – нет!

Отговориться можно было без труда – его же не на явный фронт посылали, а на тайный. Тут отказ можно обставить легко – мол, под пули, товарищи – хоть сейчас, а притворяться не приучен, разоблачат в момент!

Но, может, Берию перевербовали уже во время его службы в контрразведке? Тоже не получается! Во-первых, когда все уже сказать было можно и нужно – после ареста в 1953 году, даже после окончания «следствия», официальных обвинений Берии в подобном так и не было предъявлено. Предсовмина Грузии Бакрадзе хотя и назвал Лаврентия Павловича на пятой сессии Верховного Совета СССР «шпионом международного империализма», но это было сказано так – для грязного словца.

Главное же – если бы Берию завербовали, то весь «рисунок» его натуры изменился бы! Какие там напор и жесткость в горячие времена! Осторожность, сдержанность, неспешный подъем вверх, а лучше бы – вообще без него. Чем выше поднялся, тем больше на тебя смотрят…

Записной политический пасквилянт Антонов-Овсеенко-сын много и гнусно писал о Сталине. «Отметился» он в «бериевской» теме, написав «труд» под названием «Путь наверх», помещенный в сборнике «Берия: конец карьеры». Анализировать психопатические бредни Овсеенко непросто – самому можно свихнуться, разбираясь с допускаемыми им «нестыковками»

фактов и логики иногда в пределах одной страницы. При этом Овсеенко заявляет: «Моя работа основана на фактах».

На его «фактах» я еще буду иметь повод остановиться не раз, а сейчас приведу один «факт», касающийся работы Берии у мусаватистов. Овсеенко пишет: «Добытые Берией данные Багиров пересылал в Царицын, в штаб X армии».

Об этом «факте», уважаемый читатель, со ссылкой на Овсеенко, я вначале прочел у Н. Зеньковича («Маршалы и генсеки», «Русич». Смоленск. 1997 г., стр. 207) и тогда подумал, что здесь – ошибка набора, надо – в «штаб XI армии», потому что Зенькович опустил «в Царицын».

«Внутренний хроникер ЦК КПСС» Зенькович приводит этот «факт» даже в оправдание Берии – мол, передавал же он сведения, даже, мол, Овсеенко не отрицает. То есть – приносил Берия Родине какую-то пользу. Хотя, мол, «страница и темная». Но штука-то в том, что ни в какой штаб X армии никаких сведений от Берии поступать не могло – они там были нужны, как телеге пятое колесо.

Просто уму непостижимо – если уж Овсеенко и Зенькович не знают истории Гражданской войны, то уж географию-то знать надо бы!

Где Баку, а где – Царицын?

И зачем Багирову или кому-то еще надо было тыщи полторы верст киселя хлебать до Царицына, когда по пути намного ближе был штаб 11-й армии (в Красной армии, вообще-то, не были приняты латинские цифры в номерах частей) – в Астрахани! Еще 14 марта 1919 года (если быть совершенно, по-военному точным – в 14 часов 46 минут) Главком Вацетис подписал в Серпухове директиву № 1185/оп о реорганизации войск в связи с ликвидацией фронта, где пункты 2-й и 3-й гласили:

«2. Из прочих войск бывшего Каскавфронта (Каспийско-Кавказского фронта. – *С.К.) сформировать 11 армию, сведя их в две стрелковые и одну кавалерийскую дивизии…*

3. Штаб 11 армии – Астрахань».

И в этом-то штабе оперативная информация из Баку была крайне необходима. Туда ее Берия и передавал.

И информация была, очевидно, ценной, если, как писал Берия в 1923 году, позднее он был командирован *«от регистрода* (разведотдела. – *С.К.) Кавфронта при РВС 11-ой* (Берия пишет номер верно. – *С.К.) армии в Грузию для подпольной зарубежной работы».*

Такие вот «факты».

Такие – под стать им, «аргументы».

И уж так – напоследок… В 2003 году издательство «Олма-пресс» выпустило в свет переводной (с итальянского) двухтомник «История шпионажа» некоего Э. Бояджи. Написан он хлестко, история мировой разведки подана в нем с расчетом на сенсацию. Однако в статье «Берия – великий архитектор секретной полиции» о якобы провокаторстве Берии не сказано было ни слова. Видно, даже Бояджи не рискнул подрывать свое реноме дешевой сплетней.

Не упоминают о якобы «провокаторстве» Берии и охочие, вообще-то, до выдумок Норман Полмар и Томас Б. Аллен, авторы капитальной «Энциклопедии шпионажа». Они ведь – не Антонов-Овсеенко или Никита Хрущев.

НАЧАЛСЯ 1920 год.

Закавказский политический балаган (увы, не без немалой крови народов!) все еще продолжался, но близился к концу.

Заканчивались основные военные действия Гражданской войны в Великороссии и на Украине, и появлялась возможность разобраться с кавказскими делами. В феврале 1920 года в Баку нелегально состоялся I съезд КП (б) Азербайджана. В Астрахань приехал Киров.

17 марта Ленин шифром направил телеграмму в РВС Кавказского фронта Смилге и Орджоникидзе, где писал:

«Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно…»

И к Баку начала продвигаться 11-я армия во главе с Орджоникидзе, Кировым и Микояном.

27 апреля 1920 года в Баку началось восстание, в тот же день был образован Азербайджанский ревком. А утром 28 апреля стремительно, на всех парах, летевшие бронепоезда 11-й армии с десантными отрядами вошли в Баку. С моря подошли корабли Волжско-Каспийской флотилии с десантным отрядом моряков под командой Ивана Кожанова.

Была образована Азербайджанская ССР.

Остатки белогвардейцев и англичане ушли в иранский порт Энзели (ныне Пехлеван). Они увели туда все корабли и вспомогательные суда своей Каспийской флотилии и немалое количество торговых судов.

Наше командование решило вернуть их силой.

В операцию были назначены эсминцы «Карл Либкнехт»,

«Деятельный», «Расторопный», канонерские лодки «Карс» и «Ардаган», вспомогательные крейсера «Роза Люксембург», «Советский Азербайджан», «Австралия», два тральщика. 17 мая они и транспорты с десантом в две тысячи моряков вышли из Баку и 18 мая подошли к Энзели. Одновременно из Астары подошел кавалерийский дивизион.

Персам было сказано, что мы с ними не воюем, пришли в Энзели «за русским имуществом».

Боевые действия закончились в тот же день и заключались в основном в переговорах с английским генералом Чемпэйном, старавшимся оттянуть неприятный момент неизбежной капитуляции до темноты, и периодическом напоминании ему о необходимости поторопиться орудийным огнем крейсеров.

В Баку были возвращены 10 крейсеров, авиатранспорт, 4 английских торпедных катера, немало средних и малых шхун и шаланд. И это – не считая трофейных грузов на судах и брошенного англичанами имущества (тоже в немалой мере награбленного), а также 50 орудий английских береговых батарей.

Один из руководителей операции – Иван Исаков, тогда командир эсминца «Деятельный», записывал в дневнике:

«Когда миноносцы медленно проходили по фарватеру внутрь залива, громадная толпа энзелийцев, стоявшая сплошной стеной вдоль мола и причальных стенок, помахивала приветливо маленькими красными флажками (наспех состряпанными из материи и бумаги) и горячо аплодировала пришельцам…

Это был своеобразный знак признательности за то, что мы изгнали англичан…»

Нет никаких сведений о том или ином участии молодого Берии в разработке и проведении операции в Энзели. Но не знать о ней он не мог и наверняка усвоил ее уроки, тем более что поучиться здесь будущему чекисту было чему.

Энзелийская операция мало известна, а зря. Ее надо бы упоминать в курсе истории начальной школы в качестве примера того, как должна поступать настоящая российская власть, восстанавливая русские интересы.

В политическом отношении Энзелийская операция имела блестящий результат: 20 мая правительство Ирана предложило Советскому правительству «урегулировать добрососедские отношения»…

30 сентября 1920 года между Азербайджанской республикой и РСФСР был подписан союзный договор, где говорилось, что правительства обеих республик проводят в кратчайший срок

объединение военной организации и военного командования, органов, ведающих народным хозяйством и внешней торговлей, органов снабжения, железнодорожного и водного транспорта, почтово-телеграфного ведомства и финансов.

Фактически новый Азербайджан вернулся в состав новой России.

ХОРОШЕЕ представление о том, чем было тогда в политическом отношении Закавказье, дают дневниковые записи 1920 года моряка Ивана Исакова, имевшего и зоркий глаз, и толковую голову будущего флотоводца, и неплохое перо:

«Какими бы лозунгами ни прикрывались муллы, ханы и беки, они служат контрреволюции и самой черной реакции. Особенно характерно и в то же самое время нелепо то, что о национальных интересах азербайджанского народа больше всего «заботятся» турецкий паша, английские генералы и сэр Детердинг (международный нефтяной магнат. – *С.К.), швед Нобель, французский еврей Ротшильд и те коренные бакинцы вроде Ассадулаева, Тагиева, Манташева, Лалаева и др., которые проводят большую часть года в Париже и воспитывают там своих детей.*

Грузинские меньшевики заботу о национальных интересах отдали сперва кайзеровской Германии, затем с такой же легкостью передоверили Англии, поскольку с Италией сговор не состоялся из-за помехи конкурентов.

Дашнаки в Армении более твердо держались одной ориентации, зато целиком, с потрохами продались американцам (внешняя политика, экономика, армия, полиция и т. д.).

В результате, поскольку Турция продолжает политику экспансии в расчете на религиозный фанатизм мусульман, в Закавказье получился многослойный, противоречивый и запутанный клубок, в котором очень трудно разобраться, тем более что обстановка меняется не по дням, а по часам».

Да, период Гражданской войны в Закавказье был окрашен в пестрые цвета.

И еще он был окрашен кровью не только классовой борьбы, но и кровью межнациональной розни, кровью резни. Скажем, меньшевистское правительство Грузии не разрешило пропустить через свою территорию эшелон с хлебом из РСФСР, шедший в голодающую Армению.

Нынешние либеральные историки могут заметить: «Ведь были в Закавказье и попытки федерализации – в Тифлисе 24 ноября 1917-го был учрежден Закавказский комиссариат – орган

управления, образованный совместно меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами!»

Так-то оно так… Однако сбивали эту шваль в одно «стадо» с собственными далеко идущими целями англичане, а особенно – американский посол в Тифлисе Смит. Комиссариат «возглавил» меньшевик Гегечкори, но тот же Смит имел там – не входя в «правительство» – право решающего голоса.

С его же «помощью» 23 февраля в Тифлисе был создан Закавказский сейм. Он объявил себя законодательным органом Закавказья и подтвердил верность договорам, заключенным Закавказским комиссариатом с белыми силами Дона, Кубани и Урала. Общий же курс был на юридическое закрепление отторжения Закавказья от России. Председателем сейма стал Николай Чхеидзе. Однако из «объединения» Закавказья на манер Соединенных Штатов ничего путного не вышло.

Этот край был потенциальным раем. Собственно, легенды и помещали рай на горе Арарат. Сюда отправлялся «Арго» Ясона за Золотым руном. А теперь здесь лилась кровь, и прекратить это могли лишь большевики.

О тогдашней обстановке на Кавказе народный писатель Армении Александр Ширван-Заде рассказывал в 1934 году, на первом Съезде советских писателей, так:

«Красная Армия… появилась на Кавказе в то время, когда… меньшевистская Грузия и многострадальная дашнакская Армения вцепились друг в друга и готовы были вырвать глаза одна другой… Это была борьба двух карликов, двух пигмеев. Тем более она была жестока. В этой борьбе никто бы не победил, были бы побеждены обе стороны: обычный результат, когда бессильные вцепляются друг в друга.

Красная Армия появилась тогда, когда Армения погибала от голода, когда меньшевистская, такая же многострадальная, Грузия и мусаватский Азербайджан разорялись… империалистическими армиями. В то время, когда лилась… кровь на улицах Баку и Тифлиса, а в особенности в Армении, империалистические армии вывозили из Грузии марганец, из Азербайджана – нефть, а у голодающей, обнищавшей Армении отнимали последние сельскохозяйственные продукты.

Армия большевиков, армия красных сказала свое слово: «Стой! Довольно! Это не ваше место, уходите! Мы не позволим превращать цветущий край в вашу колонию».

С другой стороны, она обратилась к ведущим грузинским, армянским и тюркским массам: «Для кого, для чего вы воюете?.. Жизнь дана вам не для того, чтобы побивать друг друга, а для того, чтобы братски помогать друг другу».

Она вырвала из рук кавказских крестьян ружье и вложила в них серп, вырвала из рук пролетариата кинжал, вложив в них молот.

И пролетариат, весь народ постепенно понял это и бросил оружие».

Но до того как это произошло, понадобилось несколько лет борьбы.

Для молодого большевика Берии эта борьба была временами нелегальной. А любая тайная работа дает богатые возможности для клеветы на тех, кто ее ведет. Чтобы понять, что я имею в виду, предлагаю читателю подумать – как встретили бы рядовые жители Ровно советского разведчика Николая Кузнецова, если бы он остался жив и после войны приехал бы в Ровно без предварительных публичных разъяснений, почему он проходил пару лет назад по этим же улицам в форме офицера вермахта?

Вот так же обстоят дела и с обвинениями против Берии как «двойника», якобы работавшего на мусаватистов. Ложной «информации» на сей счет хватает, и поэтому к этому моменту в жизни Берии надо вернуться еще раз.

Серго Берия пишет:

«То, что отец по заданию партии большевиков работал в контрразведке в Баку, никогда не скрывалось. Именно там начинал он свой путь в разведке. Лучше других знал об этом Анастас Микоян, работавший там же по тому же заданию».

Но надо ли верить сыну Берии? Ведь его книга «Мой отец – Лаврентий Берия» – источник зачастую ненадежный, что лишний раз подтверждается его смехотворным, вообще-то, утверждением о работе у мусаватистов и Микояна (Анастаса Микояна в Баку знали как облупленного, потому что он уже тогда был одним из партийных лидеров Закавказья).

Зато, скажем, журнал «Юность» в № 9 за 1989 год публикует письмо некоего Ф.Я. Березина, чей отец Я.Д. Березин, секретарь МЧК в 1918–1921 годах, был якобы жертвой отца Серго Берии.

Автор письма, со слов отца, утверждает, что в декабре 1921 года Якова Березина вызвал к себе Дзержинский и вручил ордер на арест Берии. «При этом, – как пишет Березин-младший, – Феликс Эдмундович сказал, что Кедров (в то время видный чекист. – *С.К.)* написал докладную, в которой есть факты о провокаторской деятельности Берия – ответственного работника Азербайджанской ЧК…»

Стоп!

Березин – всего лишь секретарь МЧК. Это значит: убери,

принеси, подай и т. д. и т. п. Вручить ему ордер для производства ареста – это понятно.

Но с чего вдруг председатель ВЧК будет сообщать рядовому работнику, пусть и центрального аппарата, такие оперативные данные, которые этому работнику для выполнения задания знать не положено? Это ведь азбука для всех, кто имеет дело с секретами – любому положено знать лишь то, что ему положено знать! С сообщения этого правила начинается первый инструктаж тех, кого допускают к секретным сведениям.

Ну, ладно! Допустим, «Железный Феликс» оказался – по Березину, то ли отцу, то ли сыну – болтуном. Но дальше березинское повествование становится вовсе неправдоподобным!

Для задержания Берии, прибывающего ночным поездом из Баку, якобы был назначен наряд из четырех чекистов, но даже старший не знал, кого они должны арестовать.

А это как? Как же они будут арестовывать неизвестно кого? И почему наряду нельзя было сообщить имя никому в Москве тогда не известного Берии? Сам Березин-отец это имя впервые услышал в кабинете Дзержинского.

Тут фантазия то ли отца, то ли сына явно подвела. И подобные казусы объясняются смещением восприятия. Врут спустя много времени и при этом забывают, что это в 1953 году имя Берии гремело, а в 1921 году наряд лишь плечами пожал бы – Берия, мол, так Берия… Мы и не таковских бериев брали!

А далее события – по Березину-сыну – разворачивались так:

«За несколько часов до прихода ночного поезда из Баку Дзержинский вновь вызвал Березина, сказал, что арест Берия отменяется, попросил сдать ордер и резко порвал его.

«Что случилось?» – спросил Березин.

«Позвонил Сталин и, сославшись на поручительство Микояна, попросил не принимать строгих мер к Берия», – ответил Дзержинский…

Берия в ту ночь не прибыл в Москву, за неявку в ВЧК он не получил упреков. Выходит, на то была санкция Дзержинского или Сталина.

«Отец говорил мне, – продолжал Березин, – что… Берия… шкурой почувствовал нависшую над ним опасность ареста после проверки, проведенной Кедровым в Баку».

Нет, уважаемый читатель! Хорошо все-таки, что «жертвы режима» так склонны к «мемуарам»! Адмирал Канарис говорил майору Штейнглицу, что приметы осла – не обязательно уши. Вот так и с повествователями типа березиных. Они сами не понимают, что пишут.

Зададимся вопросом: «Каким образом Сталин, к оперативной деятельности ВЧК тогда отношения не имевший, а уж тем более – Микоян, узнали о всего лишь предстоящем (несовершившемся) аресте пусть и ответственного, но периферийного сотрудника ЧК?»

Может, кто-то проговорился? Но кто? И кому? Впрочем, сам Березин-папа заявлял, что получить информацию о готовившемся аресте от работников МЧК Берия не мог. Да как бы он ее от них получил, если его имя якобы не знали даже те, кто его должен был арестовать?

Значит, версия о том, что Берия снесся с Микояном, а сам, от греха подальше, в Москву пока не поехал, не проходит. А насчет «шкурой почувствовал» – тоже неубедительно. Берия что – новичком в чекистских делах был? Если бы он предполагал арест и знал за собой подлинные грехи перед партией, то понимал: не взяли в Москве – возьмут в Баку.

И тогда бы он просто, взяв ноги в руки, кинулся бы в бега к «своим» – за кордон. Тогда это ведь делалось просто!

Далее… Березин-сын пишет, что его отец в 1932 году «в узком кругу чекистов рассказал о былых намерениях Дзержинского арестовать Берия и о роли Сталина и Микояна в этом деле»…

А как надо оценивать ***это*** сообщение? Что можно сказать о человеке, который на основании всего лишь недоказанных подозрений (а проще – слухов) в кругу коллег чернит другого своего коллегу? Понятно, что это – как минимум – клеветник и завистник.

Но 1932 год – время непростое.

Берия – уже партийный лидер Закавказья, сменивший «лидеров» провалившихся. Он вполне предан как делу Сталина (то есть – делу построения социализма в России), так и Сталину лично.

Политическая борьба между большевистским ядром В КП (б) и «уклонами» в 1932 году начинает набирать остроту. И вот в этот момент чекист «в узком кругу чекистов» пытается подорвать реноме как руководителя коммунистов Закавказья, так, заодно – и реноме руководителя партии. Как это надо понимать?

Можно ли это расценивать иначе, кроме как доказательство троцкистских симпатий «дважды почетного чекиста»?

В историю с ордером, выданным Дзержинским, я не верю (уж не знаю, насколько я убедил в обоснованности своего недоверия также и читателя). А вот в то, что Березин-папа запускал провокационные слухи в 1932 году – верю. Это вполне укладывается в объективную картину той эпохи.

Березин пытался, между прочим, порочить Берию в год 15-

летия органов ВЧК – ОГПУ. А за год до этого – 30 марта 1931 года председатель ОГПУ Менжинский издал приказ № 154/93…

Впрочем, я слишком забегаю вперед. Вернемся в двадцатые годы, о которых в начале тридцатых годов Берия писал из Тбилиси в Москву Орджоникидзе вот что:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве (Берия с 1932 года был первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), объединявшего парторганизации Азербайджана, Армении и Грузии. – *С.К.) гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в муссаватистской контрразведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает. Между тем Вам хорошо известно, что в муссаватистскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году, в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Дауд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла, Ахундова, Буниат-Заде и других. (В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован.)»*

Это письмо было опубликовано в № 2 за 1995 год теоретического и политического журнала «Свободная мысль», издававшегося таким оплотом демократии, как Горбачев-фонд. Там вряд ли восхищаются коммунистом Берией, так что верить в подлинность письма можно, тем более что оригинал хранится в РЦХИДНИ – Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории.

Как видим, сыну Лаврентия Павловича Берии в данном случае верить можно. А вот сыну Якова Давидовича Березина – вряд ли.

Как и самому Якову Давидовичу.

И что характерно – эти якобы разоблачения Березина-сына вошли и в политиздатовский сборник 1991 года «Берия: конец карьеры». Туго, выходит, у «обличителей» Лаврентия Павловича с документальными доказательствами, если приходится раз за разом пускать в ход подобные сплетни…

ОБРАТИМСЯ вновь к анализу. В Баку Берия работал в мусаватистской контрразведке. Если бы у товарищей по партии возникли какие-то сомнения относительно его надежности, то разве его после установления в Азербайджане Советской власти направили бы вновь на нелегальную работу уже в Грузию? А его туда направили!

Так в чем же причина пересудов вокруг бакинского периода

работы Берии? Думаю, не в последнюю очередь они объясняются инсинуациями упомянутого Березиным Кедрова.

Михаил Кедров оставил по себе в истории сложную память. Старый большевик, известный Ленину, он после Октября выполнял различные поручения на Севере России, с 1 января по 18 августа 1919 года руководил Особым отделом ВЧК, но уже к концу года его назначают председателем Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния Республики.

Такое назначение для опытного работника в горячую пору не очень объяснимо, если не предполагать, что он просто не подошел Дзержинскому по каким-то серьезным основаниям.

Какими же могли быть эти основания? О Кедрове шла слава как о человеке не просто жестком, но жестоком. Однако в суровые времена жесткость – не самый большой порок. А вот чрезмерная подозрительность и склонность к оговорам и произволу в таком месте, как Особый отдел ЧК, – это прямая угроза прочности армии!

Возможно, поэтому Дзержинский и избавился от Кедрова. Следить за чистотой отхожих мест, когда вокруг тиф и холера, – задача тоже важная, но тут особо трибуналом не погрозишь.

Бывал Кедров позднее и председателем комиссий по проверке различных учреждений. Тут придирчивость и подозрительность тоже не были благом, но конкретные меры по наказанию определяли все же другие.

Временно на чекистскую работу Кедров вернулся в 1921–1924 годах, совместив обязанности уполномоченного Совета Труда и Обороны по рыбной промышленности Южного Каспия с обязанностями уполномоченного ВЧК по Каспию. Тут-то, в Баку, въедливый и подозрительный, он и «раскопал» «компромат» на Берию.

Разведка, а уж тем более – разведка нелегальная, агентурная, – штука тонкая, в годы Гражданской войны чаще всего не документируемая. Кедров же был, думаю, натурой ограниченной – как всякий подозрительный человек, готовый верить слухам. И верно оценить ситуацию не смог.

В сферу его компетенции входил лишь Азербайджан. Из Баку, от Кедрова, и пошел с 21-го года слух о «мусаватистском агенте» Берии.

И этот слух кое-кому очень пришелся по душе. Ведь Берия не в странноприимном заведении работал, а в ЧК. А у принципиальных и толковых сотрудников этого ведомства недостатка в недоброжелателях никогда не наблюдалось…

НО ПОКА что Кедров проверяет сортиры, а Берия…

А Берию вновь посылают на нелегальную работу. И пусть об этом расскажет он сам:

«С *первых же дней после Апрельского переворота в Азербайджане краевым комитетом компартии (б-ков) от регистрода* (регистрационное, разведывательное отделение. – *С.К.) Кавфронта при РВС 11-ой армии командируюсь в Грузию для подпольной зарубежной работы в качестве уполномоченного. В Тифлисе связываюсь с краевым комитетом в лице тов. Амаяка Назаретяна, раскидываю сеть резидентов в Грузии и Армении, устанавливаю связь со штабами грузинской армии и гвардии, регулярно посылаю курьеров в регистрод г. Баку. В Тифлисе меня арестовывают вместе с Центральным Комитетом Грузии, но согласно переговорам Г.Стуруа с Ноем Жордания освобождают всех с предложением в 3-дневный срок покинуть Грузию…»*

А вот здесь я Лаврентия Павловича прерву, чтобы кое-что пояснить.

Георгий Федорович Стуруа – тогда ему было 36 лет – это один из руководителей Компартии Грузии, большевик с 1901 года, профессиональный революционер. В 1903–1914 годах он работал в нелегальных большевистских типографиях в Баку и Москве, неоднократно арестовывался, был сослан в Нарымский край, откуда бежал.

8 июня 1926 года Сталин, отвечая на приветствия рабочих главных железнодорожных мастерских в Тифлисе, писал:

«Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было лет двадцать восемь тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у товарища Стуруа… получил первые уроки практической работы…»

Так вот *этот* Стуруа – Иван, это старший брат Георгия Стуруа, член ЦК КП(б) Грузии, член РСДРП с 1896 года.

Иван родился в 1870 году и умер в 1931-м. А Георгий, будучи младше Ивана на 14 лет, умер в 1956 году в Тбилиси, семидесяти двух лет от роду. Уж кто-кто, а братья Стуруа знали и о Сталине, и о Берии очень много… Но вот же – никто их никогда не репрессировал. А за что?

Они были большевиками без «уклонов», жили честно. Потому, наверное, к слову, и не попали в тот том второго издания БСЭ, который был подписан в печать 21 апреля 1956 года – уже после выступления Никиты Хрущева на XX съезде о «культе личности», уже после разгона 2 марта 1956 года в Тбилиси демонстрации молодежи, протестовавшей против шельмования Сталина.

Вместе с младшим Стуруа и другими видными грузинскими большевиками Берию и арестовали – прямо в здании ЦК. Ведь ситуация тогда в Тифлисе была у Берии не как в Берлине у Штирлица – коммунисты в Грузии действовали в 1920 году вполне открыто и энергично. Будущее, и уже – близкое, было ведь за ними.

У меньшевиков Грузии, тогда еще формально находившихся у власти, положение было, как говорится, хуже генеральского. Вроде бы и власть, но с этими чертовыми большевиками никакие крутые меры невозможны. Единственное, что допустимо – оцепить здание их ЦК отрядом гвардии, арестовать и выслать.

Их и выслали, и тот же Стуруа вскоре уже работал в Баку секретарем ЦК КП(б) Азербайджана. Но Берию-то посылали в Грузию для организации нелегальной работы! И он ее организовал. И сеть агентурная уже была создана, и даже в среде грузинских жандармов («гвардии») уже были связи. И Берия остался, что само по себе доказывает его высокое чувство ответственности и долга.

Сам он об этом, без малейшей рисовки, любования и саморекламы, а в чисто информационном стиле писал позднее так:

«Однако мне удается остаться, поступив под псевдонимом Лакербая на службу в представительство РСФСР к т. Кирову, к тому времени приехавшему в г. Тифлис (Сергей Миронович Киров в то время был полномочным представителем Советской России в Грузии. – *С.К.). В мае 1920 г. я выезжаю в Баку в регистрод за получением директив в связи с заключением мирного договора с Грузией…»*

Да, Берии в Тифлисе было, конечно, проще, чем Штирлицу в Берлине – штандартенфюрер выехать в Москву для консультаций не мог. Но разведка в разное время имеет весьма разное оперативное оформление.

Итак, Берия получил в Баку новые инструкции, но на обратном пути его, как он пишет, «арестовывают по телеграмме Ноя Рамишвили» и доставляют в Тифлис, а оттуда «несмотря на хлопоты т. Кирова» направляют в Кутаисскую тюрьму….

Ной Рамишвили был министром внутренних дел в меньшевистском правительстве Грузии (мы о нем еще услышим).

А пока скажу, что нет худа без добра. Хозяином одной из конспиративных квартир Берии был большевик Александр Гегечкори, у которого имелась очаровательная 15-летняя племянница Нино. Второй дядя Нино – Евгений Гегечкори – был министром иностранных дел меньшевистского правительства.

Подобные казусы были, впрочем, для Закавказья характерны.

Когда Берия попал в тюрьму, там уже находился Гегечкори, естественно – Гегечкори-большевик. Лаврентий с Александром сидели в одной камере, а жена Александра Мери приходила к мужу на свидание и прихватывала с собой Нино. Так Лаврентий впервые увидел уже свою будущую жену. Сюжет – вполне для кино, но жизнь Берии уже тогда была интереснее любого кино.

Да ведь и эпоха ему выпала интересная.

ЕСЛИ Берию арестовали уже на границе, то, значит, в Тбилиси уже знали о том, кем на самом деле является этот сотрудник Кирова. Ведь и та сторона имела своих агентов на нашей стороне. Поэтому вполне понятно, почему хлопоты Кирова не имели успеха, хотя просьба *такого* полпреда летом 1920 года значила в Тифлисе вряд ли меньше, чем значила бы просьба посла Смита в том же Тифлисе в году 1918-м.

Итак, несмотря на требовательные просьбы Кирова, Лаврентия не освобождают. Он пишет:

«Июнь и июль месяцы 1920 г. я нахожусь в заключении, только после четырех с половиной дней голодовки, объявленной политзаключенными, меня этапным порядком высылают в Азербайджан».

На том подпольные мытарства Берии закончились раз и навсегда. А вот полная грязных вымыслов и слухов «антибериада» была еще впереди.

Скажем, в «антибериевском» сборнике 1991 года приведена смачная история… Дескать, то ли в 1928-м, то ли – в 1929 году меньшевистский экс-МВД Рамишвили и его экс-подчиненный, бывший начальник «особого отряда» МВД Меки Кедия, вспоминали, что Берия-де после ареста «плакал и все разболтал о своих заданиях и связях, после чего был освобожден». Причем он якобы «раскололся» без какого-либо насилия над ним.

Могло ли нечто подобное быть на самом деле?

Нет, конечно! Весь рассказ Рамишвили и Кедии – несомненный вымысел. Если бы «распустившего сопли» Берию отпустили, то об этом, во-первых, знала бы вся тюрьма. Он ведь не мелким уголовником был!

Во-вторых, если бы его вот так взяли и освободили – в награду за предательство, то разве он отправился бы в Баку?

А главное – если бы Лаврентий «все разболтал о своих связях и заданиях», то – с учетом того, что знал Берия ***очень*** много, – в грузинской гвардии у Меки Кедии гвардейцев не хватило бы, чтобы обеспечить арест бериевской агентурной сети! Однако

ничем подобным Ной Рамишвили похвалиться не мог.

Казалось бы, нельзя врать и клеветать так – ладно бы уж нагло, а то ведь – глупо! Но я не сборник анекдотов выше цитировал, а почти научный труд, изданный в Москве в 1991 году Издательством политической литературы под общей редакцией доктора исторических наук В.Ф. Некрасова.

Феликс Чуев записал такие слова Лазаря Кагановича:

«Нашли где-то какого-то свидетеля, который просидел 30 лет и они с Шатуновской (эту мадам я значительно позже еще вспомню. – *С.К.)* болтают… Чушь! Самая чушь! Дрейфусиада! Выдумано от начала до конца. И этот Антонов-Овсеенко то же самое…»

Лазарь Моисеевич возмущался выдумками о XVII съезде партии. Но его слова в полной мере можно отнести и к злым выдумкам о Берии.

Вернемся, однако, к нашему герою, которого этапным порядком выслали в Советский Азербайджан. Как уже было сказано, подпольные мытарства его закончились раз и навсегда. А вот полная напряженного труда захватывающая державная работа была еще впереди.

Глава 6
Чекистское десятилетие

По возвращении в Баку в августе 1920 года Берию назначают управляющим делами ЦК КП(б) Азербайджана. На такой должности можно было хорошо зарекомендовать себя единственным образом – тщательностью, аккуратностью и трудолюбием. И еще – честностью и неподкупностью.

Молодой, пунктуальный управделами проявил, надо полагать, именно эти качества, потому что уже в октябре его назначают ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих.

Выбор Берии на эту должность был явно удачным – даже через десятилетия, поднявшись на вершины государственной власти, будучи председателем Спецкомитета в 40-е годы, он мог снять с работы директора «атомного» предприятия за – не удивляйся, уважаемый читатель, – пренебрежение к социальной сфере. Истоки такого подхода уходят во времена молодости Лаврентия, когда Берия учился быть внимательным к нуждам рабочего люда.

«Эту работу, – писал он в «Автобиографии», – *я и т. Саркис (председатель комиссии)* (Саркис – С. Тер-Каспарян (Касьян). – *С.К.) проводили в ударном порядке вплоть до ликвидации Комиссии (февраль 1921 г.)».*

Причем деятельность в Комиссии приходилось совмещать с занятиями в институте. Осенью 1920 года Бакинское механико-строительное училище было преобразовано в Политехнический институт, и Берия сразу же в него поступает. Он более всего хочет быть студентом, чтобы стать инженером-строителем, а скорее – архитектором.

Сколько молодых людей, да на его-то месте, уже сочли бы, что и судьбу за бороду схватили, и что все науки превзошли, а он мыслил, как романтик.

Впрочем – как «практический» романтик, умеющий делать повседневные дела, не теряя вкуса к жизни и способности к ярким мечтам…

Экспроприация буржуазии, если она проводится решительно и с умом, – акция не бесконечная. И, как далее продолжает рассказ Берия, с окончанием работы в Комиссии ему *«удается упросить* (!! – *С.К.) Центральный Комитет дать возможность продолжать образование в институте».*

Просьбу Берии ЦК удовлетворяет и отпускает его на учебу,

дав даже стипендию «*через Бакинский Совет*».

Казалось бы, можно взяться, наконец, за книги и логарифмическую линейку… Однако не проходит и двух недель, как Берию затребуют через Кавказское бюро для работы в Тифлисе.

Значит, там его помнят лишь с хорошей стороны. Но ценные кадры нигде на дороге не валяются, и если уж Берия в Баку, а его требует Тифлис, то если уж Лаврентия с учебы и срывать, то стоит ли отдавать его «на сторону»? Он и в Баку пригодится!

Судя по дальнейшему, в ЦК Компартии Азербайджана рассуждали именно так, потому что закончилось вот чем… С учебы-то Берию «сняли», но вместо того, чтобы послать его в Тифлис, ЦК АКП(б) своим постановлением назначает 22-летнего Лаврентия в Азербайджанскую ЧК заместителем начальника секретно-оперативного отдела (СПО), а вскоре – начальником СПО и заместителем председателя Азчека.

Это уже серьезно и более чем ответственно. Но это – лишь начало быстрого служебного роста. Да, именно служебного, а не карьерного, как сказали бы сейчас. Ведь в том, что к деланию карьеры Берия не стремился, читатель уже мог убедиться хотя бы из того, как настойчиво он стремился быть не начальником, а студентом!

В Баку приезжает Нино, и вскоре они с Лаврентием становятся мужем и женой (сын Серго родился уже в Тбилиси, куда Берия будет переведен в 1922 году).

Чем он жил тогда? Что ж, я опять дам слово для ответа на этот вопрос самому молодому Лаврентию. Он-то свою жизнь помнит лучше, чем кто-либо другой… К тому же выше и ниже я цитирую не мало к чему обязывающие мемуары, а тот официальный документ, который все еще лежит в личном деле Берии в потаенных, но все же не уничтоженных архивах и который он озаглавил «Автобиография».

«Не буду останавливаться на напряженном и нервном характере работы в Азчека, – заявляет Берия решительно, но хотя бы кратко на такой работе не остановиться нельзя, и он не удерживается. – *В результате такой вскоре сказались положительные результаты. Останавливаюсь здесь на разгроме мусульманской организации «Иттихат», которая насчитывала десятки тысяч членов* (турецкая правая партия «Иттихад не тараки» – «Единение и прогресс» – была основана в 1889 году и существовала до 1926 года. – *С.К.). Далее – разгром Закавказск. организации прав, эсеров, за что ГПУ (ВЧК) своим приказом от 6 февраля 1923 г. за № 45 объявляет мне благодарность с*

награждением оружием. Итоги той же работы отмечены Совнаркомом АССР в своем похвальном листе от 12 сентября 1922 г. и в местной прессе.

Работая в Азчека, одновременно состою председателем Азмежкома (Азербайджанская междуведомственная комиссия) с VII – 1921 г. по XI – 1922 г. Затем в комиссии ВЭС (Выс. Эконом, совета) и в комиссии по обследованию ревтрибунала. По партийной линии состою прикрепленным от БК АКП (Бакинский комитет Азербайджанской коммунистической партии. – *С.К.) к рабочим ячейкам, а позже для удобства – к ячейке ЧК, где состою членом бюро, бывал избираем почти на все съезды и конференции АКП, состоял также членом БакСовета…»*

Здесь все сказано верно. А подтверждают это документы, хранящиеся в личном деле Л.П. Берии и приводимые, как ни странно, в «антибериевском» сборнике 1991 года.

Там, кроме такой, скажем, характеристики, как кировская (Киров был тогда в Баку секретарем ЦК): «…тов. Берия хороший и энергичный чекист, проявил себя на чекистской работе с хорошей стороны», имеются еще три документальных свидетельства о работе Берии в АзЧК.

Итак, первое:

«Азербайджанская
Социалистическая
Советская Республика
Азербайджанский Совет
Народных Комиссаров

Азербайджанский Совет Народных Комиссаров в ознаменование исполнения начальником секретно-оперативного отделения Азербайджанской Чрезвычайной комиссии тов. Берией Лаврентием Павловичем своего долга перед пролетарской революцией, выразившегося в умелом руководстве блестяще выполненного в государственном масштабе дела по ликвидации Закавказской организации и. с.-р., награждает его золотыми часами с монограммой.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Г. Мусабегов».

Второе:

«Выписка из приказа ГПУ
от 1923 года за № 45

За энергичное и умелое проведение ликвидации Закавказской организации и. с.-р. нач. с.о.ч. Бакинского губотдела тов. Берия и нач. секретного отделения тов. Иоссем награждаются оружием – револьверами системы «Браунинг» с надписями, о чем занести в их послужные списки…

Зампред ГПУ (Уншлихт)».

И третье:

«Удостоверение

Дано сие ответственному партийному работнику тов. Берия Л.П. в том, что он [обладает] выдающимися способностями, проявленными в разных аппаратах государственного механизма… Работая Управделами ЦК Аз. компартии, чрезвычайным уполномоченным регистрода Кавфронта при реввоенсовете 11-ой армии и ответственным секретарем Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих, он с присущей ему энергией, настойчивостью выполнил все задания, возложенные партией, дав блестящие результаты своей разносторонней работой, что следует отметить как лучшего, ценного, неутомимого работника, столь необходимого сегодня в советском строительстве…

Секретарь ЦК АКП ***Ахундов».***

Эти документы приведены в «антибериевском» сборнике 1991 года со следующим «научным» комментарием:

«Все… три документа роднят не только выспренний тон, возможно соответствующий… восточной фразеологии (угу, особенно у польского дворянина Уншлихта. – *С.К.)*… но и судьбы тех, кто поставил под ними свои подписи. Год смерти у них один и тот же – 1938-й, когда в Наркомат внутренних дел СССР пришел Берия…»

Вот так, уважаемый читатель, и написано. И даже сказано далее, что сначала Берия был заместителем наркома, и уточнено даже, что – с августа 1938-го…

Но Иосиф Уншлихт был арестован 11 июня 1937 года, а расстрелян 29 июля 1938 года.

Но Газанфар Махмуд оглы Мусабегов (Мусабеков) был арестован в июле 1937 года, а расстрелян 9 февраля 1938 года.

По Рухулле Али оглы Ахундову точных данных я не нашел, но можно не сомневаться, что и к его аресту и расстрелу в 1938 году Берия отношения не имеет. Причем, скорее всего, и Ахундов был арестован в июне 1937-го.

Ахундов и Мусабегов в тридцатые годы, безусловно, часто

сталкивались с Берией – они были видными людьми в Закавказье. Но их общественное положение ко второй половине 30-х годов было ниже, чем у Берии. Никаких грехов они за ним в годы Гражданской войны, как видим, не числили. И арестовывали их не в силу интриг Берии, а в силу иной причины – общего обострения внутрипартийной борьбы.

Причем Берия не имел даже отношения к санкции на их арест, потому что с принятием на 8-м Чрезвычайном съезде Советов СССР 5 декабря 1936 года «сталинской» Конституции СССР Закавказская Федерация была разделена на Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую ССР, и в апреле 1937 года Закавказский крайком В КП (б), первым секретарем которого к тому времени был Берия, упразднили.

Ахундов же и Мусабегов работали в Азербайджане, и с весны 1937 года Берия, будучи первым секретарем Компартии Грузии, уже не являлся для них партийным начальником. И санкцию по партийной линии на их арест давал Багиров.

Что же до Уншлихта, то на его судьбу Берия вообще не имел и не мог иметь никакого влияния.

Вот так!

НО ПОКА ЧТО у нас еще год 1922-й, и блестящие служебные и партийные аттестации Берии доказывают одно: чтобы сделать за такой короткий срок так много и так много успевать, одной старательности мало, и даже трудолюбия и способностей – тоже.

Здесь нужен дар божий, талант!

Так ведь Берия и был очевидно талантлив! И из-за чего другого, если не из-за этого, его так настойчиво желает перетащить к себе грузинское руководство?

Действительно – как же это так! Родился в Грузии, родители – в Грузии, а он там, на Каспии, на бакинского «дядю» работает. Нет уж, подавайте-ка нам его в родные края!

И в ноябре 1922 года Берия распоряжением Закавказского крайкома отзывается из АзЧК в распоряжение ЦК КП(б) Грузии. А в Тифлисе Лаврентия назначают начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузии.

В своей «Повести о жизни» Константин Паустовский признавался: «Я знал уже много мест и городов России. Некоторые из этих городов сразу же брали в плен своим своеобразием. Но я еще не видел такого путаного, пестрого, легкого и великолепного города, как Тифлис».

Это сказано о Тифлисе примерно тех лет, когда туда – уже как в столицу Советской Грузии – прибыл молодой чекист Берия. Но его здесь ждала отнюдь не такая беззаботная жизнь, какую мог

позволить себе молодой литератор Паустовский.

Скажем, Паустовский описал свою встречу с бандитами-дезертирами в горах Кавказа как приключение, а Берии надо было этих бандитов вылавливать.

Паустовский вспоминал: «Весь Батум шумел на ветру от флагов. Почти половина флагов было турецких. Жители города еще не успели сделать новые, советские флаги». А Берии и его коллегам надо было разбираться – кто «еще не успел», а кто – был не прочь, чтобы турецкие флаги развевались над Батумом и впредь.

Паустовский как о забавной фигуре писал о коменданте Батума: «Некий красивый и преувеличенно галантный полковник, оставшийся городу во временное наследство от… меньшевистской армии». А Берии надо было оценивать – остался полковник в советской Грузии волею случая или по чьей-то более конкретной и определенной воле?

Но и у Паустовского мы находим строки о «встревоженном войной и междоусобицей» Кавказе, прямо касающиеся задач Берии: «На любом повороте горной дороги можно было получить пулю в спину… Успокоение приходило на Кавказ медленно, исподволь, только с приходом Советской власти».

А «карающим мечом» Советской власти на Кавказе была ГрузЧК. И в Тифлисе чекисту Берии надо было работать не менее напряженно, чем в Баку. К тому же он – член бюро партийной ячейки и член Тифлисского Совета рабочих и солдатских депутатов.

«Принимая во внимание всю серьезность работы и большой объект, – писал Берия, – *отдаю таковой все свои знания и время, в результате в сравнительно короткий срок удается достигнуть серьезных результатов, которые сказываются во всех отраслях работы: такова ликвидация бандитизма, принявшего было грандиозные размеры в Грузии, и разгром меньшевистской организации и вообще антисоветской партии, несмотря на чрезвычайную законспирированность».*

Литературному стилю Берии далеко до совершенства, но он ведь приехал в Тифлис не за материалом для новых книг. И не без законной гордости он напоминает, что уже первые результаты его деятельности «*отмечены Центральным Комитетом и ЦИКом Грузии в виде награждения… орденом Красного Знамени…».*

Начинается длительный тбилисский период жизни и деятельности Берии, который закончится в 1938 году переводом его в Москву.

Однако жизнь Лаврентия Берии могла бы сложиться и иначе

– если бы ЦК Грузии дал ход тому заявлению в форме автобиографии, которое я уже неоднократно цитировал прямо или использовал в своем рассказе.

Ведь это было, уважаемый читатель, именно заявление с некой просьбой.

И пожалуй, именно сейчас, когда мы подошли к 1923 году, уместно привести конец «автобиографии» Берии, где это заявление и сформулировано.

Вот о чем просил Берия старших партийных товарищей:

«За время своей партийной и советской работы, особенно в органах ЧК, я сильно отстал как в смысле общего развития, так равно не закончив свое специальное образование. Имея к этой отрасли знаний призвание, потратив много времени и сил, просил бы ЦК предоставить мне возможность продолжения этого образования для быстрейшего его завершения. Законченное специальное образование даст возможность отдать свой опыт и знания в этой области советскому строительству, а партии – использовать меня так, как она это найдет нужным.

1923 г. 22/X (подпись)».

О поразительной и показательной сути этой просьбы уже писали Юрий Мухин, Елена Прудникова, и даже Николай Зенькович в книге «Маршалы и генсеки» издания 1997 года вопросил: «Вам симпатичен этот молодой человек? Нравятся его душевные порывы, стремление учиться, приобрести знания, строить новую жизнь?»

Зенькович сам же и ответил на свой вопрос: «Мне, например, такие качества весьма по душе!»

Однако «кремлевед» Зенькович не был бы тем, кто он есть, если бы сразу после этого не задал уже другой вопрос: «Откуда же тогда появился дьявол, тиран, палач, имя которого сродни проклятью?»

Точный-то ответ, вообще-то, таков: «Да из-под пера таких, как Николай Зенькович».

Но я не уверен, что читатель уже сейчас так вот со мной и согласится – ведь моя книга еще далеко не закончена и читателю еще предстоит познакомиться с многими фактами и аргументами, чтобы вынести окончательный приговор и оценкам автора, и герою его книги.

ПОЭТОМУ я продолжу накопление аргументов и скажу вот что…

Это заявление датировано 22 октября 1923 года. И написано оно в Тбилиси. И отдано в ЦК – четыре листа этого удивительного

документа находятся в личном деле Берии.

Так мог ли он в подробном заявлении партийному и чекистскому руководству Грузии в 1923 году «вешать лапшу на уши» о событиях, происходивших в Грузии же в 1920 году? А также – и в Азербайджане.

Он ведь писал это для прочтения непосредственными и хорошо информированными участниками (и даже более того – организаторами) этих событий. Так мог ли он лгать, что-то выдумывать?

Можно ведь было коротенько «изложить», в общих чертах… Мол, боролся, боролся, дорогие товарищи, но вот малость образование подзапустил… Отпустите, мол, учиться. Просьба для тех лет, да от молодого партийца, не такая уж и необычная.

А Берия все расписал подробно. Зачем? Для похвальбы?

Не думаю. Он написал это для того, чтобы старшим товарищам стало понятно – он всю свою, пока еще недлинную, жизнь хотел стать образованным человеком, и не просто так, а инженером, строителем, архитектором, а приходилось заниматься иным.

А учиться хочется… А партии и народу он уже и так немало послужил там, куда его ***направляли.***

Так дайте мне возможность, товарищи, выучиться тому, чего хочется! А потом я готов продолжать служить партии и народу. Но служить там, где мне служить хочется самому!

Вот почему это заявление было написано так подробно, и вот почему оно было написано вообще – он еще раз попытался заняться любимым делом.

Однако и эту просьбу молодого чекиста партия и руководство ГрузЧК не удовлетворили. Берия нужен был там, где уже был – на конкретной и непростой чекистской работе.

Именно там он надолго и остался.

УСТАНОВЛЕНИЕ Советской власти на Кавказе повернуло ситуацию в совсем иное русло. И 12 марта 1922 года на полномочной конференции представителей Центральных Исполнительных Комитетов Грузии, Азербайджана и Армении была учреждена Закавказская Федерация – федеративный союз трех советских республик Закавказья.

Идее Федерации противились не только «записные националисты», но и немало национальных большевистских лидеров. Мдивани, Думбадзе, Кавтарадзе, Окуджава, Цинцадзе в Грузии, Ахундов, Гусейнов, Ханбудагов в Азербайджане считали, что каждая республика должна сохранить свою армию, иметь свою валюту, пользоваться свободой внешней торговли и

обладать партийной автономией от ЦК РКП(б) и Кавказского бюро ЦК.

Забегая вперед, скажу, что почти все из вышеперечисленных «большевиков» были в 1938 году репрессированы, но причина была не в Берии и Сталине, а в политической деградации их оппонентов, о чем еще будет сказано позже.

Вариант Федерации был разумен, и 13 декабря того же 1922 года на 1-м Закавказском съезде Советов в Баку Федерация была преобразована в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

30 декабря ЗСФСР объединилась с РСФСР, УССР и БССР в единое союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик.

В Закавказье началось восстановление разрушенного и строительство нового. И это хозяйственное строительство надо было охранять от диверсий и саботажа извне и внутри страны. И чем спокойнее становилось в Закавказье, тем сложнее была работа по обеспечению этого спокойствия.

Борьба не прекращалась, она всего лишь видоизменялась. И ее, как правило, скрытый от постороннего взгляда характер лишь осложнял ситуацию.

За кордон эмигрировали многие из верхушки тех же меньшевиков – Жордания, Мгеладзе, Церетели…

Многие их сторонники остались в Грузии, но ко всем ли из них была применима оценка «бывшие сторонники»?

К партии начинали «примазываться» карьеристы, и в нее же шли с подрывными целями скрытые враги.

Я напомню читателю, что писатель Ширван-Заде говорил о Красной Армии: «Она вырвала из рук кавказских крестьян ружье и вложила в них серп, вырвала из рук пролетариата кинжал, вложив в них молот. И пролетариат, весь народ постепенно понял это и бросил оружие».

Но оружие бросили не все. И уж тем более не все разоружились идейно и морально. И зампред ГрузЧК молодой Берия полностью уходит в чекистскую работу.

Впрочем, сказать так – значит сказать очень мало. Ведь тогда сложно было одним словом или парой слов описать – что же это такое: работа ЧК.

Гражданская война закончилась, и теперь задачи чекистов серьезно менялись. Органам ВЧК – ГПУ – ОГПУ приходилось теперь заниматься сразу таким количеством проблем, что можно было голову…

Нет, голову терять чекистам ни при какой загрузке не позволялось. Тем не менее голова-то была одна, а дел…

Дел было много, и дел – разных. Противодействие прямой, организованной, нелегальной контрреволюционной деятельности – это само собой. Но кроме этого – и хозяйственные, и экономические проблемы, и культурные, и даже – спортивные…

А в национальных республиках – еще и национальные проблемы. Причем конкретно в Закавказье все это окрашивалось в особо специфические политические и общественные тона.

В 1910 году Сталин опубликовал два очень содержательных и метких «Письма с Кавказа» – «Баку» и «Тифлис».

В письме «Тифлис» он писал:

«В смысле развития промышленности Тифлис представляет прямую противоположность Баку. Если Баку интересен как центр нефтяной промышленности, то Тифлис может быть интересен лишь как административно-торговый и «культурный» центр Кавказа. Всех промышленных рабочих в Тифлисе около 20 тысяч, т. е. меньше, чем солдат и полицейских. Единственное крупное предприятие – мастерские железных дорог (около 3500 рабочих). В остальных предприятиях по 200, 100 и большей частью по 40–20 человек. Зато Тифлис буквально заполняют торговые заведения и связанный с ними «торговый пролетариат»… Этим… и объясняется, что меньшевизм… так долго продержался в Тифлисе. То ли дело в Баку, где резко классовая позиция большевиков находит живой отклик среди рабочих!»

Но Берия работал теперь не в Баку, а как раз в Тифлисе, где классовая опора для Советской власти и ее спецслужб была менее массовой. И в Тифлисе же был особенно развит меньшевистский и буржуазный национализм.

Россия, которую неумно назвали «тюрьмой народов», веками была скорее крепостью, за стенами которой многие народы смогли сохранять если не свою национальную государственность, то – национальную самобытность, что, пожалуй, важнее. И самые яркие примеры здесь – это Грузия и Армения.

Вряд ли они сегодня, в XXI веке, хоть в какой-то форме существовали бы, если бы не Русское государство, если бы не Россия, к которой веками жались грузины и армяне. Причем то, что сегодня называют «Грузией», собрано вокруг Тбилиси к первому десятилетию XIX века усилиями русской политики вопреки стремлениям Турции и Ирана жестко закабалить эти земли.

Тем не менее в 1832 году был раскрыт дворянский заговор, имевший целью отторжение Грузии от России… Грузин Иосиф Джугашвили, ставший известным под политическим псевдонимом Сталин, писал об этом: «Грузинское дворянство… считая «простое

подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии»… Это движение… не стяжало себе славы ни одним фактом…»

Еще бы! Ведь в случае успеха заговора под острый турецкий нож пошли бы не только картлийские крестьяне, но и владетельные князья. Но могут ли любые националисты – во все времена – видеть дальше собственного спесивого носа?

Они и не видели! И стремление отложиться от России у грузинской «демократической» «интеллигенции» было сильно еще в дореволюционные времена. Лидер будущих меньшевиков Ной Жордания в 1893 году на первом собрании марксистской группы в Грузии предлагал учредить не социал-демократическую, а национал-демократическую партию. И не случайно, что именно в Грузии оказались очень сильны меньшевики. Меньшевистская партия имела в Грузии ***десятки тысяч*** членов.

Общее же количество большевиков в Грузии не превышало ***двух тысяч —*** до установления Советской власти. Зато менее чем через год после ее установления, в 1922 году, в Компартии Грузии было уже 18 821 человек!

Вскоре прошла чистка, и чуть ли не половина состава была исключена как примазавшиеся и чуждые элементы. Осталось 10 816 человек, но в 1927 году в ГКП(б) было уже 32 712 членов. Но сколько среди этих трех десятков тысяч членов было настоящих большевиков, сказать было невозможно.

А ведь состав закавказской политической «окрошки» скрытыми грузинскими меньшевиками не ограничивался. Вполне реальным фактором дестабилизации, террора и саботажа были ушедшие в подполье монархисты, сепаратисты, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты.

И кроме этого – для полного «джентльменского набора» – агенты Англии (как же без них на тогдашнем Кавказе и в Закавказье!), Турции и Персии (Ирана). Да и посол США Смит, убывая из Тифлиса, кого-то да в Тифлисе и оставил.

Нельзя было забывать и о германской агентуре – как разведывательной, так и агентуре влияния. Ведь немцы, особенно в Закавказье, весомо присутствовали давно. Рихард Зорге был уроженцем не Лейпцига, а Баку! Именно там в 1895 году в семье инженера германской нефтяной фирмы Адольфа Зорге, занимающего двухэтажный дом в Аджикенте, неподалеку от бакинских промыслов, родился пятый ребенок. Но не все ведь немцы, уроженцы Аджикента, вырастая, становились членами Коминтерна, как Зорге. Кто-то шел и в рейхсвер, в политическую разведку Германии.

И еще в Закавказье – как и везде тогда в СССР – хватало

троцкистов.

Чем отличались они от большевиков? Прежде всего тем, что видели в СССР базу мировой революции. Стоит ли, мол, укреплять СССР, заявляли они, если без «мирового пожара» он все равно обречен?

Сталин и его сторонники видели в СССР прежде всего новую Россию, способную в будущем – когда она станет могучей, развитой в экономическом отношении и непобедимой в военном отношении – повести за собой народы мира к разумной и справедливой жизни уже на всей планете.

Троцкисты были врагами России везде, а в Закавказье троцкисты были опасны еще и национализмом. Характерен в этом отношении пример Буду Мдивани. И характерен настолько, что на нем я подробно и остановлюсь…

ПОЛИКАРП Гургенович (Буду) Мдивани родился в 1877 году, в партии – с 1903 года. Революционную работу вел в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку и других городах Закавказья. Неоднократно подвергался при царизме репрессиям. В 1921 году – председатель Ревкома Грузии. В 1922 году – член Президиума ЦК КП(б) Грузии. В 1924 году – торговый представитель СССР во Франции. С 1931 по 1936 год – председатель Высшего Совета народного хозяйства Грузии.

Казалось бы – все «О'К»?

Увы, нет!

Из таких, как Мдивани, в хрущевско-горбачевские времена «бойцы идеологического фронта ЦК» делали «когорту ленинской гвардии», но впервые имя Мдивани появляется в ленинской переписке 26 сентября 1922 года: «Завтра буду видеть Мдивани (грузинский коммунист, подозреваемый в «независимстве»)». Тогда Ленин и узнал впервые о существовании в природе этого якобы его «гвардейца».

Мдивани по форме был коммунистом, а по сути – удивительной смесью националиста и троцкиста (это только масло и уксус не смешиваются, а в политике нередко, пойдя налево, приходят направо).

В начале 20-х годов, как раз тогда, когда Берия был направлен в Грузию, Мдивани и его сторонники составляли в ЦК КП(б) Грузии большинство. ***Большинство***, уважаемый читатель!

Фактически они тормозили хозяйственное и политическое объединение закавказских республик и добивались сохранения обособленности Грузии. Вначале группа Мдивани была вообще против образования СССР, а после того, как в октябре 1922 года Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании СССР, группа

Мдивани стала добиваться непосредственного вхождения Грузии в союзное государство, а не через Закавказскую Федерацию.

В комментариях не где-нибудь, а к 54-му тому ленинского Полного собрания сочинений внятно сказано:

«Эта позиция Мдивани и его сторонников играла на руку буржуазным националистам, грузинским меньшевикам, и коммунисты Грузии на своих съездах, конференциях и собраниях партийного актива справедливо расценили ее как уклон к национализму…»

Но сколько было тогда в Грузии тех коммунистов? Так что Мдивани объективно становился очень привлекательной фигурой для всех антисоветских грузинских сил. Был он гож и для фанфаронистого Троцкого, уже тогда не терпевшего деловитого Сталина.

Через много лет после описываемых событий, когда в стране происходили уже другие, очень грустные события конца 80-х годов, писатель Феликс Чуев в своей книге «Так говорил Каганович» привел такой разговор с бывшим «железным наркомом» Сталина:

«Каганович: А что с Грузией происходит – кошмар!

Чуев: Грузинам нужна торговля напрямую с Западом. Конечно, простой народ от этого ничего иметь не будет.

Каганович: То, что Мдивани требовал при Ленине. И они хотят уйти от нас.

Чуев: Но абхазцы не хотят.

Каганович: Абхазцы не грузины».

Помня об этом диалоге, вернемся в год 1922-й. Закавказский краевой комитет РКП(б), которому были подчинены национальные ЦК, тогда возглавлял Серго Орджоникидзе. Он был твердым сторонником Союза, но он был и горячим человеком, и его конфликт с группой Мдивани приобретал тоже «горячий» характер. Причем партийная масса Грузии была на стороне Серго.

В октябре 1922 года группа Мдивани по прямому проводу обратилась в Москву с жалобой на Серго и «в знак протеста» подала в отставку. Возник так называемый «грузинский вопрос».

Я написал «с жалобой», но это была, похоже, не очень-то жалоба, потому что Ленин 21 октября направил в Тифлис шифровку, где было сказано:

«Удивлен неприличным тоном записки по прямому проводу за подписью Цинцадзе и других, переданной мне почему-то Бухариным (н-да! – С.***К.),*** а не одним из секретарей Цека… Решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на

разрешение Секретариата ЦК РКП…»

25 ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с Дзержинским для срочной выработки мер, «необходимых для установления прочного мира в Компартии Грузии».

Комиссия Дзержинского работала в Тифлисе примерно две недели (12 декабря Феликс Эдмундович доложил Ленину о результатах поездки), и работа ее проходила бурно. Достаточно сказать, что Орджоникидзе закатил одному из сторонников Мдивани пощечину. Сталин и Дзержинский отнеслись к этому спокойно, а Ленин очень возмущался. Но возмущался он все же зря – эта компания ничего другого не заслуживала!

И как раз в ноябре 1922 года Берия приезжает в Тифлис! Приезжает в разгар драки (как видим – даже в прямом смысле слова) между ленинцами настоящими и «ленинцами» в кавычках. И сразу же становится на сторону Сталина и Орджоникидзе…

Ты можешь представить себе, читатель, сколько на одном этом Лаврентий Берия сразу же заработал себе не то что недругов, а смертельных врагов!

Да что там! Поминаемый в шифровке Ленина Цинцадзе был тоже старым, с 1904 года, большевиком, при царе работал с Мдивани в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку. А после установления в Грузии Советской власти стал… членом ЦК Компартии Грузии, членом ЦИК Грузии и… председателем ЧК Грузинской ССР. То есть троцкист Цинцадзе (в 1927 году его исключили из партии) какое-то время был прямым начальником Берии!

Не завидую я Берии – с его-то принципиальностью!

Конфликт тогда внешне уладили, а на самом деле лишь загнали внутрь. И в 1928 году Мдивани был исключен из партии за троцкистско-оппозиционную деятельность. В 1931 году он якобы покаялся и был восстановлен, но в 1937-м его арестовали и приговорили к расстрелу.

И вполне за дело. Выслушав «расстрельный» приговор, Буду заявил:

«Меня мало расстрелять, меня четвертовать надо! Ведь это я, я привел сюда одиннадцатую армию, я предал свой народ и помог Сталину и Берии, этим выродкам, поработить Грузию и поставить на колени партию Ленина».

Вот так! Не более, но и не менее.

НАСЧЕТ «партии Ленина» Мдивани ляпнул так – для эффекта. А вот его подлинное политическое (да и человеческое)

лицо в этом последнем слове проявилось вполне отчетливо. И вряд ли оно будет выглядеть для тебя, уважаемый читатель, более привлекательно, когда придет время рассказа о том, какой к лету 1937 года была социалистическая Грузия и какой она стала в последующие ближайшие годы.

Между прочим, в 1922 году в группу Мдивани входил Сергей Иванович Кавтарадзе. Сын дворянина, закончил юридический факультет Петроградского университета в 1915 году. Как и Мдивани – большевик с 1903 года, с восемнадцати лет. Вел работу в Кутаисе, Батуме, Тифлисе, Баку, Петербурге, арестовывался. В 1919 году был направлен в Грузию – как и Берия – для подпольной работы, дважды арестовывался за «антиправительственную» деятельность. С мая 1920 года работал у Кирова – как и

Берия – в представительстве РСФСР в Тифлисе. В 1922–1923 годах – Председатель Совнаркома Грузии, в 1924–1928 годах – первый заместитель председателя Верховного Суда СССР. В 1927 году входил в троцкистскую оппозицию и в декабре 1927 года был исключен из партии XV съездом ВКП(б).

Восстановлен он был в партии только в 1940 году! Причем этот бывший активный троцкист благополучно, никуда не скрываясь, пережил «Большой террор», не арестовывался, не репрессировался, а в 1941 году его назначили заведующим Среднеазиатским отделом Наркомата иностранных дел СССР, потом – замнаркома. После войны он был послом в Румынии, в 1954 году вышел на пенсию и умер в 1971 году, восьмидесяти шести лет от роду.

Вот так! Уж, казалось бы, кому-кому было идти «под нож» «палача Берии», так это дворянину Кавтарадзе. И троцкист, и по подпольной работе «труса и предателя» Берию знал. Но Сергей Иванович просто перестал играть в политику, и трогать его не было нужды – не за что!

Такие, как Мдивани, Орахелашвили и прочие, все не унимались и склочничали, разводили семейственность и круговую поруку, капали на мозги, зудели… А Берия был твердым большевиком-сталинцем. И уже в двадцатые годы не устраивал многих даже в якобы большевистском кавказском лагере.

В помянутых выше «Письмах с Кавказа» Сталин отмечал «особую склонность» тифлисских большевиков к дискуссиям. Он объяснял это тем, что им в Тифлисе надо особенно упорно вести идейную борьбу с меньшевиками. Однако недаром же говорят, что посеешь привычку, пожнешь характер, а посеешь характер – пожнешь судьбу…

Привычка к словесным баталиям до революции обусловила

склонность грузинского партийного, государственного и хозяйственного руководства 20-х годов к излишней болтовне вместо конкретных дел. То есть как раз к тому, чего не умел и не терпел Берия.

А кроме этих горе-«лидеров» имелись, как уже было сказано, притаившиеся меньшевики. Сталин их еще в 1907 году назвал «наши кавказские клоуны», чего тот же Ной Жордания («товарищ Ан») простить ему, конечно, не мог.

Жордания эмигрировал, но от политики не отошел. И чтобы читатель лучше представлял себе ориентацию Жордании, я сообщу, что этот «теоретик» рассуждал в начале XX века так: «Кто в Грузии является носителем прогресса? Армяне – это представители отсталого, реакционного, грабительского (торгового) капитализма. Русские – чиновники и землевладельцы, консерваторы. Европейцы – вот это прогресс, вот кто указывает грузинам путь к будущему».

Орган Жордании «Квали» («Борозда») помещал хвалебные жизнеописания Наполеона, Гладстона, Бисмарка… Особенно партия Жордании любила Британскую империю, ив 1919 году Жордания хвалился, что ведет-де пропаганду за нее уже 25 лет.

При эвакуации из Батума в Турцию «националистическое» правительство Жордании вывезло из Грузии, между прочим, весь запас хинина, нужный для малярийной (тогда) Грузии жизненно.

И теперь Жордания за границей желал Советской Грузии одного – смерти, как и его сторонники в самой Грузии. Одни готовили заговоры, другие – просто зудели… Однако и первые, и вторые не могли не попадать в поле зрения Лаврентия Берии и его ведомства. И за 1923 год из 31 банды, установленной чекистами на территории Грузии, 21 была уничтожена, в ходе боев 123 бандита были убиты, 377 захвачены живыми.

Отдельной «статьей» забот для Берии были дашнаки, перебравшиеся в свое время из уже советской Армении в еще меньшевистскую Грузию. В начале 1923 года основной костяк дашнакского актива в Грузии был арестован, включая весь состав их Тифлисского комитета. Из тайного склада в Ахалцихе были изъяты 11 пулеметов, 33 ящика гранат, 70 винтовок, 30 мешков артиллерийского пороха, 70 плит динамита, 500 пудов патронов…

Но основную боль составляли, конечно, грузинские контрреволюционеры.

ЗАНЯТНАЯ все же штука – судьба человека!

Как уж старались вырезать, вымарать, вытравить любое положительное слово о роли Берии в истории СССР! А правда о

нем – пусть и без упоминания его имени – сообщалась не кем-нибудь, а «Политиздатом» даже в 1978 году, когда в Москве вышло второе издание монографии Давида Львовича Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР».

Да, если дела человека крупны и он служил Родине честно, то невозможно замолчать эти дела полностью. Так вот, одна из главок монографии называлась «Авантюра грузинских «паритетчиков»» и была посвящена работе Грузинской ЧК в 1922–1925 годах. Между прочим, даже когда по всему Союзу органы ВЧК были заменены органами ГПУ, в Грузии все еще продолжала работу именно ***Чрезвычайная*** комиссия по борьбе с контрреволюцией – вот какой сложной была там оперативная обстановка.

В сугубо документальной книге Голинкова имя Лаврентия Берии даже не упоминается. Но о работе ГрузЧК, в которой начальник секретно-политического отдела и зампредседателя играл ведущую роль, рассказано ярко.

Вот я этим рассказом и воспользуюсь!

С 25 по 30 августа 1923 года в Тбилиси вполне легально состоялся съезд грузинских меньшевиков, делегаты которого представляли 11 235 членов партии. Съезд объявил о ликвидации партии, но еще до этого из нее вышло около 17 тысяч рабочих и крестьян. На стороне бывшего ЦК меньшевиков осталось примерно 2 тысячи человек, главным образом выходцев из дворянских и буржуазных кругов.

За границей было образовано «грузинское правительство в изгнании» во главе с Ноем Жорданией, Ноем Рамишвили и Ираклием Церетели.

В Грузии же представители пяти ушедших в подполье партий – социал-демократов (меньшевиков), национал-демократов, социалистов-федералистов, независимых социал-демократов и эсеров – заключили соглашение об учреждении «Комитета независимости». Называли его и «Паритетным комитетом», потому что пять партий договорились: после свержения Советской власти будет образована паритетная комиссия, и ни одна партия не сможет занимать в коалиционном правительстве более трети мест.

С арифметикой у «паритетчиков» было, как видим, плохо, ибо слово «паритет» происходит от латинского paritas, что означает «равенство», а пять третей в одно целое не помещаются.

Руководил «паритетчиками» прибывший для этого из-за кордона член ЦК партии грузинских меньшевиков, бывший министр земледелия Ной Хомерики (судя по количеству Ноев в своем руководстве, грузинские меньшевики вели свое

происхождение прямо от праотца послепотопного человечества).

ГрузЧК имела в лице «Комитета независимости» серьезного противника, но и комитетчики в лице ГрузЧК имели перед собой тоже далеко не ротозеев. В 1924 году чекисты Берии арестовали Хомерики, членов меньшевистского ЦК Чхикишвили, Нодия и других.

У Чхикишвили обнаружили письмо Ноя Жордании, который наставлял «борцов» следующим образом:

«Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более 30 лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооруженными силами – залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на нас серьезное внимание и окажет помощь».

Вот так, читатель! Эти благообразного вида негодяи, честившие Сталина варваром, готовы были превратить Закавказье в место постоянных военных действий, разоряющих край и приносящих страдания народу. Да они вскоре и попытались это сделать – в Грузии готовилось восстание.

Но меньшевистская авантюра уже была близка к краху. 6 августа 1924 года ГрузЧК арестовала эмиссара Жордании – Валико Джугели. Причем Берия повел себя с Джугели так, что тот убедился – и без его признаний грузинские чекисты имеют подробные данные о деятельности «Комитета независимости».

Далее же зампредседателя ГрузЧК Берия поступил благородно и в то же время расчетливо. И доказал при этом, что он понимает: кровь людская – не водица.

Казалось бы, если большинство нитей заговора у тебя в руках, то лучший способ выслужиться для карьериста – сразу же приступать к арестам, не считаясь с масштабами потерь, и чужих, и своих. Напротив, чем они больше, тем больший вес можно придать победе.

А Берия принимает предложение Джугели (не исключено, впрочем, что он сам это Джугели предложил) обратиться из заключения к лидерам готовящегося выступления с рекомендацией отказаться от – как он убедился – авантюры. Джугели не хотел напрасной крови. Но и Берия ее не хотел!

Письмо Джугели было опубликовано в советских грузинских газетах, и вот что он, кроме прочего, писал:

«Я испытал на себе страшное влияние воздуха Чека, и я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми

ее теневыми сторонами».

Джугели заявлял, что не малодушие и трусость привели его к отказу от борьбы, а безнадежность задуманного предприятия. Но ведь надо было суметь это Джугели доказать, убедить его. А чтобы убедить, надо было иметь убедительные доказательства. И секретно-политический отдел ГрузЧК их имел.

Однако заговорщики не вняли призыву Джугели, и 28 августа вооруженная группа князя Георгия Церетели захватила Чиатуру и образовала «Временное правительство Грузии». Были незначительные выступления в Сенакском, Себеринском, Зугдидском, Душетском уездах, в Гурии… Но уже к 31 августа 1924 года все было закончено при поддержке – в большинстве мест – самого населения. В Аджаристане на усиление охраны границы с Турцией пришло полторы тысячи крестьян.

4 сентября 1924 года работники ГрузЧК выследили и арестовали основной состав «Паритетного комитета» во главе с князем Коте Андроникашвили. Но, как чаще всего и бывает, ликвидация «головки» заговора не ликвидировала всех его участников.

И это вскоре выявилось весьма зримым образом.

ОСЕНЬЮ 1925 года Берия с группой чекистов на двух автомобилях возвращался по Военно-Грузинской дороге в Тифлис. На горном перевале их ждала засада. Берия ехал на первом автомобиле – так уж было в ЧК заведено с первых дней: первым рискует тот, кто старше всех по званию.

Один чекист погиб, два были ранены. Но Берия – это не моя оценка – «не потерял присутствия духа» и, отстреливаясь, прикрыл остальных.

Ну, к чему здесь, казалось бы, придраться? Герой, раненых товарищей не бросил, прикрывал огнем. Но клеветник всегда найдет, где укусить… И Антонов-Овсеенко по этому поводу «задумывается»: «Каким образом уцелел Берия, если ехал на первой машине, да еще отстреливался?»

Это «еще отстреливался» просто великолепно! По Овсеенко, получается, что если бы Берия не отстреливался, то шансов уцелеть у него было бы больше!

Абсурд?

Увы, не совсем… Это – та самая чудовищная ложь, когда лгут настолько тотально, что в ложь трудно не поверить. Если, конечно, не поступать в соответствии с рекомендацией Маркса: «Все подвергай сомнению».

Не «сомневайся во всем» – это ни к чему! Но все подвергай

сомнению для того, чтобы после взвешенного анализа или принять что-то как факт, или отбросить как вымысел.

И как только мы поступим «по Марксу», все «подозрения» относительно инсценировки этой засады Берией рушатся тут же. В жизни не бывает инсценировок, где три человека в скоротечной ситуации получают реальные пули и где самому заказчику инсценировки в условиях гор запросто можно получить четвертую – просто шальную.

Нет, в то (да и только ли в то?) время по Берии стреляли реальные и жестокие враги. И эти враги по мере укрепления Советской власти лишь меняли формы борьбы, но от борьбы как таковой не отказывались. Поэтому Берии пришлось остаться чекистом, так и не «переквалифицировавшись» в архитекторы.

БУРЖУАЗНЫЙ общественный деятель и умеренный колчаковец И.И. Серебренников в эмиграции написал воспоминания, где есть откровенные признания…

«Начавшаяся национализация промышленных и торговых предприятий, – вспоминал он, – конфискация ценностей в банках и, главное, попрание всех свобод и права частной собственности углубляли море озлобления против захватчиков во всех кругах общества, кроме тех, которым нечего было терять (а таких в царской России было где-то процентов 70 с гаком. – *С.К.)*…

Большевистское «действо» порождало свое противодействие. Сопротивление большевикам выражалось в разных видах; главными из форм его выражения были пассивные методы борьбы, бойкот и саботаж…

В Иркутске, как и во многих крупных городских центрах России, многие служащие правительственных учреждений начали покидать свои места… Оставшиеся же… стали работать из-под палки… не обнаруживая никакого усердия и даже порою нарочито подрывая успех работы данного предприятия…

В Иркутске едва ли еще не в феврале 1918 года началась организация офицерства в тайный противобольшевистский отряд».

Так все начиналось… И не только, конечно, в Сибири, но и в Закавказье тоже. Разгром в Гражданской войне противников национализации промышленных и торговых предприятий, конфискации ценностей в банках и «попрания» права частной собственности на время снизил видимое противостояние старого, жадного и нового – человечного… Но сразу же после того, как партия Сталина взяла курс на индустриализацию и коллективизацию, в стране началась новая Гражданская война

озлобленного и весьма образованного меньшинства против большинства.

Велась она разными методами, и велась везде – начиная с тех мест, откуда в страну приходит солнце, с Приморья. И что там бурные 20-е годы! Забегая вперед, возьмем год 1933-й… На самом мощном в Приморье Путятинском консервном заводе суточное производство снизилось с 1000 ящиков консервов в сутки до 150–200. Часть экспортных консервов ежедневно доставлялась на свалки…

Во Владивостоке новый хлебозавод был «сдан» без бродильной камеры и другого необходимого оборудования…

В Дальневосточной Промышленной академии академики Мирохин и Ушаков открыто говорили о реставрации капитализма, а когда их исключили из академии, их сторонники устроили им пышные проводы, в которых участвовали студенты-коммунисты…

В колхозах Уссурийского района распускались слухи – комсомольцев будут живыми в землю закапывать. Кулаки заявляли: «Мы еще посмотрим, кто кого…»

В Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии тоже было неспокойно… Типичный пример из донесения Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды Сталину от 4 мая 1933 года:

«Пом[ощник] по политчасти начсвязи тяжартдива 1 С.Д. Диванов, член ВКП(б), во время политзанятий при красноармейцах книгу «Вопросы ленинизма» называл молитвенником, законом божьим, нарисовал на ней Иисуса Христа и перед началом занятий произносил «Аллилуйя, аллилуйя…»

Возьмем места к Москве поближе – Центральный Казахстан, берега бухты Бертыс… Балхашстрой, Балхашский медеплавильный завод.

Программа капиталовложений 1-го квартала 1934 года сорвана, из 20 миллионов рублей за половину квартала освоено 316 500 рублей. Главный инженер Архиреев не был на площадке строительства два месяца. Помощник главного инженера Крайнее, бывший владелец медеплавильного завода, разложил инженерно-технических работников… Прибывающее оборудование не учитывается… Работы производятся без проектов и смет…

И это – не выдумки ОГПУ, уважаемый читатель, хотя данные взяты из спецсообщения заместителя Председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьева Сталину от 20 марта 1934 года.

А вот уже и сама Москва, август 1931 года. Каганович

жалуется Сталину:

«С заказом на нефтеналивные суда выяснилась безобразная картина сознательного затягивания и волокиты со стороны НКТорга, а между тем директива ПБ была совершенно ясная – закупить на 250 т. суда не старше 25 года, затратив до 25 милл. рублей, а теперь приходится тратить валюту на фрахтование».

Читаешь о таких дикостях и не веришь, что из всех этих «волокит» страна смогла выбраться в считаные годы! Первая очередь того же Балхашского завода была сдана в 1938 году. В 1950 году в тех местах, где раньше ничего не росло, цвел ботанический сад, на орошаемых землях вызревали вкуснейшие арбузы и помидоры…

И Владивосток к концу тридцатых имел иной вид. И общее настроение активной части народа к 1938-му, а тем более – к 1941 году, изменилось неузнаваемо. Переворот произошел, повторяю, в считаные годы!

А ведь одна из причин этого – жесткая репрессивная политика большевиков, в те же считаные годы сумевших жестко отделить в народной массе «плевелы» от «зерна» в интересах самой народной массы! И пора это понять!

Да разве во имя умной и изобильной жизни народа помощник по политчасти начсвязи тяжартдива 1 С.Д. Диванов, пробравшись в ВКП(б), вел в войсках антикоммунистическую пропаганду?

Разве главный инженер Балхашстроя Архиреев, разваливая строительство, делал это во имя могучей и независимой России?

А чекист Берия служил такой России, которая под руководством партии Сталина на глазах всего мира преобразовывала себя в первоклассную мировую державу.

БЕРИЯ работал много и хорошо. Еще в 1924 году тогдашний 1-й секретарь Закавказского крайкома Александр Мясников (Мясникян) дал ему весьма лестную характеристику и отметил, что «Берия – интеллигент… заявил себя в Баку как способный чекист…».

Мясников, большевик с 1906 года, был старше Берии на тринадцать лет, в 1911 году окончил юридический факультет Московского университета и, отслужив год в армии вольноопределяющимся, до 1914 года был помощником присяжного поверенного в Москве (с 1914 года на фронте, прапорщик). Я это все к тому, что Мясников сам был вполне интеллигентным, развитым человеком. И то, что он оценил не только чекистские качества Берии, но и его интеллигентность,

говорит само за себя.

Причем надо подчеркнуть и еще один момент, о котором как-то забывают. И в АзЧК, и в ГрузЧК, а потом – в ГПУ Грузии Берия был не просто заместителем председателя, а еще и начальником СПО – секретно-политического отдела. Иными словами – ведал разведкой. А разведка, как известно, дело тонкое, и малообразованных невежд к ней стараются не подпускать.

Сам Берия, однако, постоянно ощущал нехватку настоящего образования и в мае 1930 года писал Орджоникидзе:

«Дорогой Серго, не один раз я ставил перед Вами вопрос о моей учебе. Время проходит, кругом люди растут, развиваются, и те, которые еще вчера были далеко от меня, сегодня ушли вперед. Известно, что безбожно отстаю. Ведь при нашей чекистской работе не успеваем зачастую даже газету прочесть, не то что самообразованием заняться…»

Возможно, когда он писал эти строки, Берия думал и о блондинке с голубыми глазами – жене Нино, которая закончила экономический факультет университета, готовила диссертацию. От него это все было в 1930 году далеко так же, как в 1922-м, в 23-м… И он с горечью замечал:

«Дорогой Серго! Я знаю, Вы скажете, что теперь не время поднимать вопрос об учебе. Но что делать… Чувствую, что больше не могу…»

Берии в это время пошел всего тридцать второй год, и он был председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя ГПУ Закавказской СФСР.

И, даже занимая такие посты, хотел учиться. Хотя не исключено, что теперь он, если бы получил возможность выбора профиля образования, выбрал бы не архитектурный факультет, а, скажем, Промышленную академию, готовящую кадры хозяйственных руководителей.

Берия ведь всегда имел задатки блестящего руководителя и крупного организатора. И до своего приезда в Грузию, и после отъезда в Москву он на всех занимаемых им постах обнаруживал очевидную компетентность и даже сверхкомпетентность.

Сверхкомпетентность – понятие разнообразное. Подтверждение сверхкомпетентности спортсмена – мировой рекорд. Композитора – «Лунная соната»… Писателя – «Война и мир»…

А что значит быть сверхкомпетентным руководителем? Работать по четырнадцать часов в сутки? Не спорю, это – тоже. Уметь дать конкретное указание или совет, уметь принять верное

и быстрое решение, а не осуществлять «общее вмешательство в дела подчиненных»? И это – тоже… Как и умение видеть проблемы в целом, умение видеть перспективу.

Но сверхкомпетентный руководитель – это, прежде всего, умелый подбор кадров и умение нейтрализовать угрозу их деградации. Говорят, что короля «играет» окружение. Верно! Но для того чтобы быть сильным, король должен обладать компетенцией в деле подбора такого окружения, которое само по себе сильно и незаурядно.

На посту зампреда ГПУ Закавказья Берия не обладал абсолютными возможностями формирования идеальной «команды», но он – тут сомнений быть не может – относился к этому ответственно и заинтересованно. То есть – компетентно.

И явно не рисовался, когда писал Орджоникидзе в Москву:

«Мой уход на работе не отразится. Аппарат Груз. ГПУ и в центре, и на местах налажен и работает настолько четко, что любой товарищ, который возглавит его после меня, справится с положением.

Аппарат Аз ГПУ в центре тоже налажен. Укрепляется теперь и аппарат Арм. ГПУ путем переброски туда новых работников».

И этот крепкий аппарат «в центре и на местах», налаженный Берией, мог проводить чекистскую работу спокойно, планомерно и тоже компетентно. В Закавказье при Берии не было штурмовщины и «ударных кампаний». Говоря спортивным языком, стабильно высокие результаты были обеспечены упорными и ежедневными «тренировками».

К слову, о спорте.

Для чекиста хорошая физическая форма – одно из обязательных качеств компетентного профессионала. А Берия, как я сказал, мог уже в закавказский период деятельности претендовать на сверхкомпетентность – не в спорте, конечно. И раз так, то в чекистских органах Закавказья к физическому развитию сотрудников должны были относиться с должным вниманием.

Так и было, потому что личный пример здесь подавал сам зампред Закавказского ГПУ. Скажем, в футбол он играл так, что в начале 20-х годов выступал за тбилисское «Динамо», и, когда в Тифлис приехала сборная Москвы, он играл левым полузащитником против самого Николая Старостина (этот спартаковец еще будет помянут позднее).

Собственно, высоким уже в тридцатые годы уровнем грузинский футбол не в последнюю очередь обязан Берии… И уж точно ему город Тбилиси был обязан прекрасным

республиканским стадионом, не случайно названным так же, как чекистское спортивное общество – «Динамо», и не случайно носившим имя Берии до лета 1953 года.

ИТАК, в начале 30-х годов в чисто чекистской работе в Закавказье Берия был компетентен и во многом самостоятелен. Однако общее руководство жизнью Закавказья в прерогативы Берии тогда не входило. Этим занимались «старшие товарищи», чаще всего не имевшие, мягко говоря, высокой деловой, а к тому времени – и политической, компетентности. Они заваривали политические «каши», а расхлебывать их приходилось нередко чекистам. Вышло так, например, и с коллективизацией в Закавказье.

Вокруг событий «Великого перелома» в жизни крестьянства и в его массовом сознании сегодня создан ряд гнусных мифов, и это – тоже одна из примет небывалого доселе Мутного времени на Руси. Разоблачение таких мифов выходит за рамки моей книги, но кое-что тут сказать надо.

Неоднократно и необоснованно осмеянная «демократами» «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», изданная Госполитиздатом в 1945 году, сообщала:

«Политика ликвидации кулачества, как класса, была закреплена в историческом постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству…»

Были установлены различные темпы коллективизации. ЦК ВКП(б) разбил области СССР с точки зрения темпов коллективизации на три группы.

К первой группе были отнесены важнейшие зерновые районы, наиболее подготовленные к коллективизации, имевшие больше тракторов, больше совхозов, больше опыта в борьбе с кулачеством в прошедших хлебозаготовительных кампаниях, – северный Кавказ (Кубань, Дон, Терек), средняя Волга, нижняя Волга. Для этой группы зерновых районов ЦК предлагал закончить в основном коллективизацию весной 1931 года.

Вторая группа зерновых районов, куда входили Украина, Центрально-Черноземная область, Сибирь, Урал, Казахстан и другие зерновые районы, могла закончить в основном коллективизацию весной 1932 года.

Остальные области, края и республики (Московская область, Закавказье, Среднеазиатские республики и т. д.) могли растянуть сроки коллективизации до конца пятилетки, то есть до 1933 года».

Как видим, Москва и Сталин были вполне реалистичны и в

целом верно и группы выделили, и сроки назначили. Но сработало два фактора: желание «мест» отрапортовать поскорее, а в еще большей мере – скрытые троцкистские провокации. Так, Московская область стала ориентироваться на завершение коллективизации уже весной 1930 года (вместо директивного срока – конец 1933 года). А одной из причин было то, что 1-м секретарем Московского комитета ВКП(б) был Карл Бауман, в апреле 1937 года арестованный как троцкист.

В 31-м же году Баумана просто заменили Лазарем Кагановичем, сделав 1-м секретарем Среднеазиатского бюро ЦК (вот как еще сильны были тогда в партии скрытые оппозиционеры). И к концу 1931 года в Московской области уровень коллективизации достиг отметки всего в 37,5 % крестьянских хозяйств.

В Закавказье были допущены еще более грубые «перегибы». Хотя там за этой стандартной формулой намного чаще, чем в других районах, стояли не только «процентомания» и противодействие оппозиционеров, но также замаскированная внутренняя контрреволюция и подрывная деятельность извне.

Вот часть записки председателя Закавказского ГПУ С.Ф. Реденса и начальника секретно-оперативного отдела Л.П. Берии, направленной 11 марта 1930 года первому заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде по прямому проводу:

«Сов. секретно

Москва, ОГПУ – тов. ЯГОДА

В результате недостаточного охвата огромного числа вновь созданных колхозов, допущенных перегибов, внутриколхозных недочетов и общей активизации антисоветских и кулацких сил усилились массовые антиколхозные выступления, принимающие политическую окраску, брожением охвачен ряд районов… Идет стремительный распад колхозов, сопровождающийся в ряде случаев разгромом Сельсоветов, избиением и изгнанием парткомсомольцев и совактива. Имевшие место выступления до сих пор ликвидировались мирными средствами и уговорами и лишь в редких случаях демонстрацией и незначительной войсковой силой, инициаторов и непосредственных участников разгромов и насилий за небольшим исключением не арестовывали… все это истолковывалось населением как признак слабости власти и способствовало еще большему обнаглению выступавших под влиянием антисоветских сил…

Особо напряженное положение создалось в Тюркских районах. В Ведибасарском районе Эриванского округа ушло в горы вместе с семьями до 250 человек, из них вооруженных до 150 человек.

Ушедшие повели широкую агитацию в окрестных селах и вербовку сторонников. Для ликвидации выступления, принявшего широкий характер, пришлось направить войсковую группу численностью до 30 штыков. Последующие переговоры не дали результатов, поэтому 11 марта начнутся оперативные действия.

В остальных Тюркских районах Армении, а также в отдельных приграничных Тюркских селах Грузии – отмечается сильное переселенческое движение – бегство в Турцию. По Грузии и Армении, а в особенности по Азербайджану, перешли на нелегальное положение и скрываются с оружием группы кулаков, за их счет значительно пополнились существующие банды…»

А создавали такую конфликтную ситуацию те самые «старые большевики», те «жертвы Сталина и Берии», о которых льют слезы нынешние либералы и «демократы». Создавали и по левацким заблуждениям – Сергей Кавтарадзе, например, был искренним сторонником жесткой политики. Создавали и злонамеренно – для дискредитации «режима Сталина». Ведь если верить не кому-нибудь, а Антонову-Овсеенко (а тут ему верить можно!), в среде тогдашнего грузинского руководства «помнили еще мнение старой гвардии социал-демократов: Ной Жордания называл Сталина не иначе как «варваром».

И «признанные большевики» Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили – по свидетельству Овсеенко – недоумевали: «Какой же это вождь?»

Ну, 65-летний (в 1930 году) долгожитель Цхакая (умер он в 1950-м), председатель ЦИК ЗСФСР, был фигурой уже по преимуществу представительской – как Калинин в Москве.

Сменивший Цхакаю на посту председателя ЦИК ЗСФСР в 1931 году 63-летний (в 1931 году) Филипп Махарадзе (умер в декабре 1941 года в Тбилиси) был бойцом из той же почтенной седовласой когорты перманентно брюзжащих патриархов.

А вот 47-летний (в 1930 году) председатель Совнаркома Грузии Шалва Элиава, бывший наркомвоенмор Грузии, вместе с 1-м секретарем Закавказского крайкома 49-летним Мамия Орахелашвили не столько брюзжали, сколько действовали. Ведь и для них почти их ровесник Сталин, которому в 1930 году исполнялся всего 51 год, был не очень-то вождем. В отличие, надо заметить, от «старого революционера» Троцкого.

Эти, привыкшие к кавказскому куначеству и междусобойчику, «генацвале» уже тогда мешали нормальному социалистическому строительству в Грузии, и их конфликт с курсом «варвара» Сталина был неизбежен. Поэтому был неизбежен их конфликт и с Берией.

В XIX веке французский историк Жюль Мишле сказал: «Чувствительные люди, рыдающие над ужасами революции, уроните несколько слезинок и над ужасами, ее породившими».

А в начале XXI века да позволено будет сказать мне самому: «Бесстыжие фальсификаторы, рыдающие крокодиловыми слезами над ужасами (я не иронизирую!) репрессий, уроните несколько слезинок и над гнусностями, провокациями и амбициями, их породившими».

Ведь они были, уважаемый мой читатель, и провокации, и амбиции…

БЕРИИ в марте 1930 года исполнился тридцать один год. Еще не возраст Христа, однако…

Распираемые самомнением и амбициями Мдивани, Орахелашвили, Элиава с братьями Окуджавами заваривали конфликты, а Берии приходилось предпринимать «оперативные» действия по их ликвидации.

А это ведь не вечерние посиделки. Это – штыки войсковых групп, аресты инициаторов выступлений и подстрекателей, аресты и простых крестьян, ликвидация бандгрупп, пулеметы, винтовки, патроны и гранаты…

Это – кровь. И своя, и чужая, которая хотя и чужая, но тоже – кровь. И это, конечно, утомляло.

Ведь на чекистском фронте настоящий чекист получал не только заслуженные пули врага, но и незаслуженные плевки пусть невежественных и обманутых, пусть не умеющих заглянуть в будущее, но – своих же сограждан. Да и – не только невежественных… А пожалуй, и не столько невежественных, сколько вполне образованных, ибо наиболее злобно и неистребимо невежество высокообразованных невежд.

Записка Реденса и Берии в Москву о ситуации с колхозами датирована мартом 1930-го. А в мае Берия пишет Орджоникидзе то письмо, которое я уже частично цитировал. И в нем есть показательные для тогдашнего психологического состояния Лаврентия строки. Обосновывая перед Орджоникидзе возможность своего направления на учебу, Берия писал:

«Я думаю, что мой уход из Закавказья даже послужит к лучшему. Ведь за десять лет работы в органах ГПУ в условиях Закавказья я достаточно намозолил глаза не только всяким антисоветским и контрреволюционным элементам, но и кое-кому из наших товарищей. Сколько людей будут прямо-таки приветствовать мой уход, настолько я им приелся своим постоянным будированием и вскрыванием имеющихся недочетов. Им хотелось, чтобы все было шито-крыто, а тут, извольте

радоваться, кругом недочеты и ляпсусы…

Со мной начинают связывать все истории, которые когда-либо были в Грузии и вообще в Закавказье… В умах многих товарищей я являюсь первопричиной всех тех неприятностей, которые постигли товарищей за последнее время, и фигурирую чуть ли не как доносчик».

Что ж, всесторонняя оценка ситуации и руководства «на местах» входила в прямые служебные обязанности Полпреда ОГПУ Закавказья. А Лаврентий Берия своими обязанностями не пренебрегал никогда.

Да и другим этого не позволял.

Таких не любят ни во многих «курилках», ни уж тем более в большинстве начальственных кабинетов. Ведь для обратного требуется, чтобы сам хозяин кабинета был деятельным лидером, главное «хобби» которого – его дело, занимающее двадцать четыре часа в сутки, а не положенные «присутственные» часы.

Именно таким лидером был Ленин. Сталин – тоже… Ленин, по словам меньшевика Дана, думал всегда об одном, о социалистической революции. Сталин тоже думал об одном – о строительстве Державы для трудящихся.

А были ли на это способны «старые партийные интеллигенты»? Особенно в Тифлисе – с его не выветрившейся за годы Советской власти атмосферой «княжеского» барства в среде властей предержащих!

Не думаю.

И настроение Берии, прорвавшееся в письме к Орджоникидзе, можно было понять… Да куда угодно – лишь бы от этих партийных «князей» подальше! Тем более что по всей стране начинается первая пятилетка, начинается грандиозное социалистическое строительство.

Строительство! Для Берии это слово всегда было притягательным, он ведь и по образованию был строителем! И хотел строить… А для этого хотел получить уже фундаментальное, высшее образование.

Орджоникидзе был в это время кандидатом в члены Политбюро (вскоре он станет полноправным его членом), председателем Центральной Контрольной комиссии ВКП(б), наркомом рабоче-крестьянской инспекции СССР, заместителем Председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны. С 10 ноября 1930 года он возглавил Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ).

И все эти обстоятельства позволяют нам предполагать, что Берия надеялся – подучившись, попроситься к Серго на

хозяйственную работу (не знал Лаврентий тогда, что этой работы в годы войны у него будет выше завязки).

Но эпохе Берия был нужен пока не в народном хозяйстве, а в чекистском ведомстве. И вот тут я приведу извлечения из лишь упоминавшегося мной ранее приказа от 30 марта 1931 года председателя ОГПУ Менжинского № 154/93:

«30 марта 1931 г.
Секретно
Гор. Москва

21 марта исполнилось 10 лет существования и героической борьбы органов ГПУ Грузии…

Трудная была работа ГПУ Грузии, много славных бойцов выбыло из строя, но и достижения огромны: разгромлена меньшевистская партия Грузии, одна из наиболее мощных и организованных антисоветских партий в СССР, изъяты десятки составов ее ЦК, сотни местных комитетов, тысячи членов актива; разгромлены линии связи, и в результате 80-ти тысячная партия меньшевиков, имевшая поддержку интервентов и всего 2-го Интернационала, сведена до положения жалкой группы контрреволюционеров, разоблаченных перед трудящимися массами.

Также разгромлены и сведены на нет крупные в свое время антисоветские буржуазные партии национал-демократов и социалисте в-федералистов.

Разгромлен бандитизм…

Коллегия ОГПУ с особым удовлетворением отмечает, что вся эта огромная напряженная работа в основном проделана своими национальными кадрами, выращенными, воспитанными и закаленными в огне боевой работы, под бессменным руководством тов. Берия – сумевшего с исключительным чутьем, всегда отчетливо ориентироваться и, в сложнейшей обстановке, политически правильно разрешая поставленные задачи… в то же время личным примером заражать сотрудников и, передавая им свой организационный и оперативный навыки, воспитывать их в безоговорочной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету…

Председатель ОШУ В. Менжинский».

Что тут можно сказать?

Очернители Берии иногда намекают, что, мол, фактически приказ готовил заместитель Менжинского Ягода, поскольку, мол, сам председатель ОГПУ тогда уже «серьезно болел». Но в то время Менжинский (умер он в 1934 году) интеллектуально был еще

вполне «в форме».

Так что – соратник Дзержинского Менжинский, опытный партиец и чекист, не мог разглядеть в реальном масштабе времени карьеристские, бонапартистские, «грязные» стороны натуры Берии – если бы они у председателя ГПУ Грузии присутствовали?

Что – Менжинский и высшее руководство ОГПУ было слепо и не желало обращать внимание на те «горы компромата», которые имелись – если верить помянутому «антибериевскому» сборнику 1991 года – где угодно, даже в Ростовском отделе ГПУ.

«Нет», – отвечают «демократические» «историки» и «публицисты». И утверждают, что руководство ОГПУ времен Менжинского – Ягоды, а затем НКВД времен Ежова так-де боялось «палача» Берию, пользовавшегося покровительством-де другого «кровавого палача» – Сталина, что и подумать не могло об изгнании «проходимца» и «провокатора» из чекистской среды и о достойном его наказании. И, боясь, нахваливало Берию и нахваливало.

Итак, в наше повествование входит тема «Сталин и Берия». Что ж, посмотрим, как и когда впервые стакнулись вместе эти два «палача»…

Глава 7
Переписка Сталина и Кагановича

5 августа 1931 года последним подпунктом (подпункт «п») пункта 2-го Постановления Политбюро «О кадрах и деятельности ОГПУ» полномочный представитель ОГПУ Закавказья т. Берия был утвержден членом коллегии ОГПУ.

Решение Политбюро – это акт, который мимо Сталина пройти не мог, и все фамилии, фигурировавшие в таких документах, так или иначе входили в круг внимания Сталина.

Входил в этот круг и Берия, и, конечно же, не с 5 августа 1931 года. Но до начала 30-х годов контакты Сталина и Берии не могли быть ни частыми, ни доверительными.

В 20-е годы Сталин отдыхал (если можно назвать отдыхом всего лишь временное выпадение из совсем уж чертовой круговерти в режим относительно спокойной работы) в районе Сочи. А это – Краснодарский край, Северный Кавказ, и делать там грузинским чекистам было нечего.

И лишь когда Сталин стал предпочитать абхазские Гагры, полпред ОГПУ Закавказья Берия просто обязан был бывать в местах отдыха Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

И бывал.

Но в поле зрения Сталина он попадал все чаще отнюдь не потому, что постоянно мельтешил у Сталина перед глазами. К слову, если бы он это проделывал, то Сталин резонно спросил бы: «А что это вы, товарищ Берия, здесь делаете? Я-то отдыхаю, заслужил, а вы?» Русский-то вождь и на глаз, и на слово был остер, доказательств тому мы имеем много.

Нет, Сталина в Берии привлекла именно его управленческая компетентность, особенно заметная на фоне всех этих Мамия, Миха и Шалв…

И 17 августа 1931 года…

Нет, вначале я поясню, откуда я знаю, что делал (а конкретно – что и кому писал) в этот день Сталин.

В 2001 году издательство «Российская политическая энциклопедия» и Федеральная архивная служба России тиражом в 2000 экземпляров издали переписку Сталина и Кагановича за 1931–1936 годы. Эта переписка захватывает и сама по себе – я читал ее как роман Дюма! Но она же мне и пригодилась практически – там нередко (хотя и не так уж часто) упоминается Берия.

И что интересно! В 1995 году была издана (намного

скромнее) переписка Сталина и Молотова за 1925–1936 годы. Как видим, период этой второй переписки на пять лет больше, чем у первой. Тем не менее в молотовской переписке имя Берии отсутствует вообще.

Почему?

Не потому ли, что переписка Сталина с Молотовым – это всего 86 писем (для сравнения: переписка с Кагановичем имеет объем в 862 письма), которые 79-летний Молотов сдал в декабре 1969 года в Центральный партийный архив по собственной инициативе? И коль так, не имеем ли мы здесь дело с цензурой самого Молотова?

Лично я убежден – отсутствие имени Берии в сданных Молотовым письмах не может не выглядеть многозначительно. Не хотелось, похоже, Вячеславу Михайловичу, представлять потомкам очень уж объективную картину далекого прошлого.

Но как бы то ни было, в моем распоряжении имелась обширная переписка Сталина с Кагановичем, и вот в ней-то я нашел немало занятной информации, начиная прямо с первых страниц.

17 августа 1931 года Сталин писал с юга Кагановичу в Москву:

«… *Теперь для меня ясно, что Картвелишвили* (до 1929 года – Предсовнаркома Грузии, в 1929–1931 гг. – 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины и начальник Политуправления Украинского военного округа, а с 1931 года – 1-й секретарь Закавказского крайкома. – *С.К.) и секретариат Грузцека своей безрассудной «политикой хлебозаготовок» довели ряд районов Западной Грузии до голода. Не понимают, что украинские методы хлебозаготовок, необходимые и целесообразные в хлебных районах, нецелесообразны и вредны в районах нехлебных, не имеющих к тому же никакого промышленного пролетариата. Арестовывают людей сотнями, в том числе членов партии, явно сочувствующих недовольным и не сочувствующих «политике» грузинского ЦК. Но на арестах далеко не уедешь. Нужно усилить (ускорить!) подвоз хлеба сейчас же, без промедления. Без этого мы можем схлопотать хлебные бунты, несмотря на то, что зерновая проблема уже разрешена у нас. Пусть немедля… ПБ обяжет Микояна усилить подвоз хлеба в Западную Грузию… В противном случае наверняка схлопочем политический скандал».*

А еще через два дня, 19 августа, Сталин следующее письмо заканчивает так:

«… *Четвертое. Предлагаю все дело строительства новых складов зерна для чаеводов, табаководов на западе Грузии*

поставить под контроль РКИ, послать людей на места, привлечь к работе Закчека, в частности, Берия, и добиться того, чтобы все новые склады были выстроены и сданы в эксплуатацию на позднее начала ноября».

Хлеб в западную Грузию пошел, склады строились быстро (коль уж к этому «подключили» Берию). Однако общая ситуация в Закавказье от благополучной была далека. И это доказывало сталинское письмо Кагановичу от 26 августа 1931 года:

«Здравствуйте, т. Каганович.

Пишу о Закавказских делах. На днях побывали у меня члены Заккрайкома, секретари ЦК Грузии, некоторые работники Азербайджана (в том числе Полонский). Склока у них невероятная, и она у них, видимо, не скоро кончится…

Я их помирил кое-как, и дело пока что уладилось, но не надолго. Лгут и хитрят почти все, начиная с Картвелишвили. Не лгут Берия, Полонский, Орахелашвили. Но зато Полонский допускает ряд бестактностей, ошибок. Самое неприятное впечатление производит Мамулия (секретарь ЦК Грузии)… Комическое впечатление производит предСНКГрузии Сухишвили – безнадежный балбес…

Если не вмешаться в дело, эти люди могут по глупости загубить дело. Они уже испортили дело с крестьянством в Грузии, в Азербайджане. Без серьезного вмешательства ЦК В КП Картвелишвили и вообще Заккрайком бессильны улучшить дело, если считать, что они захотят улучшить дело.

Как быть?

Надо:

1) Назначить… на конец сентября (к моему приезду) доклад в Оргбюро…о положении дел;

2) Прочистить их хорошенько на заседании Оргбюро и снять ряд лиц типа Мамулия;

3) Назначить третьего секретаря Заккрайкома (предлагаю Меерзона [заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б). *– С.К.]), дав ему соответствующий наказ…*

Без таких мер дело в Закавказье будет гнить.

И. Сталин

26/VIII-31».

Как видим, даже летом 1931 года ни о каком особом фаворе у Сталина применительно к Берии говорить не приходится. Однако Сталин уже прочно держит его на заметке.

Прошел сентябрь, Сталин вернулся в Москву. 19 октября

состоялось заседание Оргбюро, а 31 октября Политбюро приняло ряд кадровых решений по Закавказью. Первым секретарем Закавказского крайкома стал председатель Совнаркома Закавказья М.П. Орахелашвили, вторым – Л.П. Берия, а третьим – В.И. Полонский, первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана.

Берия по совместительству был назначен и первым секретарем ЦК КП(б) Грузии.

Орахелашвили же стал 1-м секретарем Заккрайкома во второй раз – он уже был им в 1926–1929 годах.

КАК ГОВОРИТСЯ, «не прошло и полгода»… А точнее, прошло неполных восемь месяцев, и 20 июня 1932 года Сталин пишет Кагановичу, Постышеву и Орджоникидзе: «Ну, дорогие друзья, опять склока. Я говорю о Берии и Орахелашвили…»

Да, конфликт у первого и второго секретаря возник серьезный. А одну из причин можно было отыскать, руководствуясь старым советом: «Ищи женщину». В данном случае дело было в жене Мамии Орахелашвили – 45-летней красавице и строптивице Марии Платоновне Орахелашвили, старой (с 1903 года) большевичке.

В октябре прошлого года в Москве многих руководящих кавказцев крепко взгрели за групповщину при подборе кадров. Однако не успел Мамия Орахелашвили стать первым человеком в Закавказье во второй раз, как Мария Орахелашвили стала наркомом просвещения Грузии.

Вот те на!

Хотя, с другой стороны, пристойно ли «первой леди» Закавказья, да еще и при редкостной красоте, да при солидном дореволюционном партстаже, быть не при должности?

Супруги Орахелашвили происходили, что называется, из интеллигентов, а Мамия даже более – из дворян. Берия же в глазах Марии Платоновны был не более чем выскочкой, да еще и недоучкой.

Ну, мог ли он равняться с ее Мамия, закончившим в 1908 году Военно-медицинскую академию? К тому же, кроме прочего, Мамия был членом редколлегии «Правды».

А этот Берия…

Короче, 10 июня 1932 года Бюро ЦК Компартии Грузии разобрало вопрос о групповщине Марии Орахелашвили и других, которые «путем распространения ложных слухов пытались противопоставить ЦК Грузии Заккрайкому и дискредитировать отдельных руководителей ЦК и Тифлисского комитета (в частности тов. Берия)».

Красавица Мария получила выговор и была освобождена от

занимаемой должности. Но не угомонилась, а поехала в Москву, в ЦКК к Ярославскому. А Мамия написал письма Сталину и Орджоникидзе, которые Сталин переслал Кагановичу.

Берия же никаких писем никому не писал.

СТАЛИН, прочтя письма Орахелашвили, сообщал Кагановичу:

«…Мое мнение: при всей угловатости в «действиях» Берии – не прав в этом деле все же Орахелашвили. В просьбе Орахелашвили надо отказать… Уходить ему незачем. Боюсь, что у Орахелашвили на первом плане самолюбие (расклевали «его» людей), а не интересы дела и положительной работы…»

Пока еще Сталин не склонен к замене Орахелашвили, и письмо от 20 июня заканчивает сразу же за цитированным выше текстом так:

«Все говорят, что положительная работа идет в Грузии хорошо, настроение крестьян стало хорошее. А это главное в работе.

Привет. И. Сталин».

Замечу, что эта констатация Сталина тоже характеризует Берию. При первом секретаре ЦК Грузии Мамулии крестьяне волновались, а при сменившем его Берии их настроение «стало хорошим».

Вот что значит компетентность!

Каганович, ознакомившись с сутью претензий и жалоб супругов Орахелашвили, в свою очередь в обширном, касающемся многих вопросов письме к Сталину 23 июня одиннадцатым пунктом сообщил и свое мнение:

«…11) В Закавказье действительно загорается новая склока. Вы, безусловно, правы, что здоровое начало, особенно в деловом отношении, на стороне Берии, Орахелашвили отражает ноющие, не деловые круги актива…»

ДЕЛОВЫЕ же «круги актива» были уже всецело за Берию – нормальным-то людям не склочничать хочется, и не умничать, не нос драть, не баклуши бить… Им хочется нормально работать!

Тем более что с «положительной» работой в Грузии не ладилось долгими годами, а тут встал во главе дела толковый человек, и оказалось, что не так уж и плохи дела солнечной республики!

Но актив – активом, а старые большевики – старыми

большевиками… У актива – энергия, у патриархов – заслуги. А у Марии Платоновны Орахелашвили – еще и «редкостная красота».

Если же говорить серьезно, то амбиции и антипатии Марии Орахелашвили что-то всерьез значили лишь для Мамии Орахелашвили. А для Берии в этом конфликте была важна – как точно это уловил Сталин – деловая сторона. И в конечном счете это был конфликт между нарастающей компетентностью Берии и убывающей компетентностью Орахелашвили.

А если уж совсем точно – между молодыми и старыми партийцами Грузии.

13 июля Берия сообщил Кагановичу: *«Был два раза у т. Коба и имел возможность подробно информировать его о наших делах».*

И через месяц, 12 августа, Сталин писал тому же Кагановичу так:

«…3. Берия производит хорошее впечатление. Хороший организатор, деловой, способный работник. Присматриваясь к закавказским делам, все больше убеждаюсь, что в деле подбора людей Серго – неисправимый головотяп. Серго отстаивал кандидатуру Мамулия на посту секретаря ЦК Грузии, но теперь очевидно (даже для слепых), что Мамулия не стоит левой ноги Берия».

Вот даже как!

И сама логика ситуации заставляет Сталина прийти в выводу о необходимости освобождения Орахелашвили от Заккрайкома, о чем настойчиво просил сам первый секретарь.

А кем его заменить? Сталин размышляет и продолжает:

«Хотя Берия не член (и даже не кандидат) ЦК, придется все же его выдвинуть на пост первого секретаря Заккрайкома, – Полонский (его кандидатура) не подходит, так как он не владеет ни одним из местных языков…»

Это было написано 12 августа 1932 года, а в середине августа Берия приехал в Москву. Он поставил перед Политбюро несколько вопросов, и их должны были обсудить на очередном заседании 16 августа.

Заседание состоялось, и в тот же день Каганович уведомил Сталина:

«Берия был у меня. Действительно, он производит очень хорошее впечатление крупного работника. Ряд его вопросов мы сегодня же на ПБ обсудили. В частности, сняли еще с Грузии 300 т. пуд. хлеба и др. вопросы. Автобусы мы им дадим за счет Москвы…»

Да, «холодный интриган» Берия приехал в Москву не склочничать – как Мария Орахелашвили, а ходатайствовать за

республику, просить о снижении плана хлебозаготовок, о семенной ссуде, о выделении автомобилей. Причем все просьбы он обосновывал – иначе их никто не удовлетворил бы.

Он сумел даже у Москвы кое-что «оттяпать», как видим! А конкретно: 10 автобусов, 10 легковых «фордов» и 8 грузовиков.

И тут я должен сообщить читателю, что забота о том деле, которым он в данный момент занят, – вообще характерная для Берии черта. Забегая вперед очень далеко, я скажу, что если бы со временем Берия стал во главе страны, то он бы так же заботился уже о всей стране. Ведь теперь его делом была бы ***вся*** она!

ФОРМАЛЬНО первым секретарем был еще Орахелашвили, но фактически люди шли к Берии, и на него, кроме проблем Грузии, валились уже и проблемы всего Закавказья. А он их решал. А ведь многие из этих проблем были и общесоюзными. Особенно – бакинская нефть.

Почти сразу после возвращения из Москвы Берия – без сомнений, окрыленный перспективами и поддержкой Политбюро – берет это же Политбюро в оборот и запрашивает у Москвы уже кое-что посерьезнее, чем десяток «фордов». И уже не для Грузии, а для нефтяников Азербайджана.

В своем письме Кагановичу и Молотову он просит улучшить техническое снабжение нефтепромыслов, поставить дополнительно трубы и транспорт и улучшить продовольственное положение рабочих.

Рассмотрение чисто производственной и социальной сфер в едином комплексе тоже было стилем Берии. И он просит не только трубы, но и: 764 тонны мяса, 56 тонн животного масла, 167 тонн масла растительного, 64 тонны сельдей, 328 тонн крупы, 198 тонн сахара, 2 тонны чая, 172 тонны рису, 596 тонн муки, 67 тонн сыра, 370 тонн кондитерских изделий, 65 тонн мыла бельевого, 545 тысяч метров «хлопчатки» и «разных промтоваров» на 2 миллиона рублей.

Все это – на квартал.

Кроме того, он предлагает приравнять нефтяников в снабжении к Москве и Ленинграду.

26 августа Каганович и Молотов направили Сталину шифровку с предложением эти просьбы удовлетворить, но… Но при этом дать в адрес Берии, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Рубена, председателя азербайджанского Совнаркома Багирова и управляющего трестом «Азнефть» Баринова телеграмму с встречной просьбой – не только выполнить данную «сверху» программу добычи нефти в 500 тысяч тонн до закрытия навигации, но и перевыполнить ее.

Проект телеграммы заканчивался так: «Грозный в этом году подведет, надо со всей силой нажать на Азнефть».

Сталин в левом верхнем углу шифровки наложил резолюцию:

«Хотя вы и перекармливаете Азнефть согласно «требования» рвачей всякого рода, думаю, что телеграмму все же можно принять. И. Ст.».

Итак, Сталин уже зачислил Берию в число «рвачей», но если бы Лаврентий Павлович прочел бы эту резолюцию, то лишь обрадовался бы.

Ведь ворчал Сталин для проформы – чтоб служба медом не казалась. А по сути он уже видел – этому «рвачу» можно и дать. Во-первых, не для себя старается, а для дела и для людей, не забывая ни об одном, ни о других.

А во-вторых, этот «рвач» – не трепач. И если ему дать требуемое им, то в результате получишь и то, что сам от него потребуешь!

9 ОКТЯБРЯ 1932 года Политбюро удовлетворило просьбу Орахелашвили об освобождении его от обязанностей первого секретаря Заккрайкома и наметило первым секретарем Берию с оставлением его первым секретарем ЦК Компартии Грузии. И вскоре Берия стал первым секретарем Закавказского крайкома В КП (б). Он достиг возраста Христа и успел за свои тридцать три года тоже немало. Но еще больше ему предстояло сделать – вместе со страной.

Мамия Орахелашвили укатил в Москву – замдиректорствовать в Институте Маркса – Энгельса – Ленина. Вскоре укатила туда и Мария – в Наркомат просвещения, начальником Управления высшей школы.

А Сталин в положенное время уезжал на отдых, и переписка Сталина и Кагановича продолжалась. И в ней периодически обсуждались дела Закавказья и периодически возникало имя Берии.

Но теперь из этой переписки исчезло слово «склоки».

Зато там появились слова «идеи и предложения».

Глава 8
Партийный лидер Закавказья

Партийные бюрократы-хрущевцы, переименовавшие Берию в директивной четвертушке бумаги для подписчиков Большой Советской Энциклопедии во «Вклеенныймежду22и23страницами», не были бы бюрократами, если бы подходили к своим обязанностям иначе, чем они подошли. Отправив подписчикам рекомендацию поработать бритвой или ножницами, они упустили из виду, что такую фигуру, как Лаврентий Павлович, так просто из истории не вырежешь.

И поэтому, когда я взял в руки, например, том второго издания БСЭ № 12, подписанный к печати 28 мая 1952 года, чтобы взглянуть на содержание статьи «Государственный Комитет Обороны», то был почти уверен в том, что фамилию Берии там найду.

Я там ее и нашел, но об этом – в свое время.

А сейчас сообщу, что, ободренный первым успехом, я углубился и в другие тома (естественно, лишь те из них, которые вышли в свет до 26 июня 1953 года) и могу сообщить, что, по ускользнувшим от цензуры хрущевцев данным БСЭ, к 1953 году:

а) в Армении существовали Бериевский район, канал имени Берия, парк культуры и отдыха им. Л.П. Берия в Ленинакане (том 3);

б) в Грузии имя Берии носили абхазский совхоз «Афали-Афони», Сухумский педагогический институт, Ткварчельская ГРЭС (том 1), машиностроительный завод в Батуми, обувная фабрика в Тбилиси, колхоз в Сухумском районе, Грузинский сельскохозяйственный институт, Тбилисский дворец пионеров и школьников и стадион «Динамо» – тоже в Тбилиси (том 13).

В Азербайджане тоже, надо полагать, о Берии не забывали – для его нефтяной промышленности первый секретарь Закавказского крайкома сделал немало, но упоминаний об этом в БСЭ я не нашел. И тут меня выручил – надо же, Антонов-Овсеенко – из книги которого я узнал, что имя Берии было присвоено вагоноремонтному заводу в Баку и крупному нефтяному промыслу.

Он же сообщает, что имелись Ленинаканский пограничный отряд имени Берии и его же имени театр в Поти, Хашурское электровозное депо, Агаринский сахарный завод. В общем же дополнения Овсеенко энциклопедический список пополнили не сильно.

Не думаю, что все эти (и, надо полагать, другие, не установленные мной) присвоения имени Берии заводам и колхозам были его инициативой. В таких актах присутствовал дух эпохи. И не такой уж и нездоровый – для того времени – дух, надо сказать.

Чаще всего в этом проявлялось не подобострастие, а уважение к тем, чье имя принимал на себя коллектив. Что было делать носителям этих имен? Отказаться? Но это означало обидеть, не так ли? Тем более – на Кавказе!

Так или иначе, с началом тридцатых годов Берия становится несомненным лидером Закавказья. И утверждение тома 1-го второго издания БСЭ – о том, что «осуществление сталинского плана реконструкции азерб. нефтяной пром-сти с большевистской настойчивостью проводили ученики и соратники… Сталина – С.М. Киров. Г.К. Орджоникидзе, Л.П. Берия», полностью соответствовало действительному положению дел.

Но Берия активно занимался не только нефтью. Достаточно сказать, что уже в октябре 1933 года Берия лично передал Сталину две записки – одну о нефти, а другую – о редких металлах в Грузии.

Берия предлагал включить в план 1934 года:

– строительство крекингов и заводов по первичной переработке нефти;

– строительство керосинопровода Махачкала – Сталинград;

– расширение нефтепровода Баку – Батум;

– проведение геологоразведочных работ на новых площадях в Азербайджане;

– строительство новых судов для Каспийского пароходства.

Здесь все рассматривалось так, как оно и должно быть – в комплексе. И это тоже было стилем Берии. По сути, во главе Закавказья впервые оказался, говоря языком более поздним, не чистый политик, а технократ.

Но не просто технократ, а технократ нового, социалистического типа, технократ-политик. То есть – государственный деятель, который способен разобраться в специальных проблемах и работает в целях развития осмысленной и зажиточной жизни масс. Деятель, который не разделяет жизнь на «производство» и «соцкультбыт», а видит их единство.

Так же конкретна была и «редкоземельная» записка Берии.

В ней говорилось о чиатурском марганце, о полиметаллических молибденовом и свинцово-цинковом месторождениях, о производстве окиси алюминия.

И ведь ясно, уважаемый читатель, что не был Берия ни

геологом, ни нефтяником, ни металлургом… Не он выдвигал идею новых геологоразведок… Не он оценивал потребность в новом нефтепроводе или перспективность полиметаллических месторождений.

Но если раньше эти идеи разного рода специалистов омертвлялись некомпетентностью того же Мамии Орахелашвили, то теперь они оживали при компетентной поддержке Берии.

Марганец добывали на Чиатурских рудниках и при царе… И при Орахелашвили… Но масштабы, объем добычи, ее методы – все теперь менялось и количественно, и качественно.

Раньше с теми же полиметаллами дело стопорилось. А теперь сдвинулось с мертвой точки. Благодаря, подчеркну еще раз, Берии!

Сталин считал, что «это дело также надо двигать вперед», но его больше беспокоила нефть, и он 21 октября 33-го года пишет Кагановичу:

«Плохо обстоит дело с бакинской нефтью. В этом году добываем 15 мил. тонн нефти. В будущем надо добыть 21–22 мил. тонн… Несмотря на это, Нефтяной главк спит, а Серго отделывается благочестивыми обещаниями…»

Но теперь у Сталина в Закавказье есть наконец-то надежный человек, который и сам не благодушествует, и другим не даст, который за «деревьями» нефтяных вышек умеет видеть и весь «лес» проблем. Видеть и в перспективе, и в реальном масштабе времени.

И – что тоже очень ценно – не ждет руководящих указаний, а инициативен и самостоятелен. Это «вечный» партократ Суслов будет скрипеть позднее: «Нам не поручали», а Берия был и «сам с усам».

На фоне его готовности взять ответственность решения на себя Сталина не могла не раздражать несамостоятельность других… 5 сентября 1933 года Сталину на юге кладут на стол шифровку:

«Из Москвы 5/IX.33 г. 1 час. 28 мин. Вх. № 18

Тов. СТАЛИНУ.

Коминтерновцы очень просят ускорить рассмотрение ответа Коминтерна Английской Независимой Партии.

Если материал у Вас прошу срочно сообщить ваше мнение…

№ 18

КАГАНОВИЧ».

Сталин прямо на бланке расшифровки не без раздражения ответил так:

«Ваш НР 18. Я не могу и не должен давать заключение на все и всякие вопросы, возбуждаемые в ПБ. Ответ английским независимцам вы могли бы сами разсмотретъ и выработать.

Сталин».

БЕРИЯ же в руководящих «костылях» не нуждался. Да и зачем они были ему, когда куда ни посмотри – в Закавказье накопились груды нерешенных проблем, решать которые было попросту интересно!

Ведь недаром в этих местах древние помещали рай, недаром ездили за золотым руном в легендарную Колхиду греки. Потенциально Закавказье было благодатным, цветущим краем сказочной красоты и сказочных же богатств. Но для того чтобы иметь эту сказку наяву, надо было крепко поработать.

К слову, о Колхиде… В 1934 году Константин Паустовский написал повесть «Колхида», где среди главных героев были инженеры Кахиани и Габуния – энтузиасты осушения болот в бассейне реки Риони, текущей к морю по Колхидской низменности.

«В Колхиде климат Южной Японии и Суматры, – говорил один из персонажей, старик Пахомов, – обилие тепла, а между тем это малярийная пустыня в полном смысле слова. Нечто вроде тропической каторги…Если бы не болота, то мы перекрыли бы Яву и Цейлон с их пышностью и богатствами…»

Я не имею возможности цитировать книгу молодого Паустовского обширно, но предлагаю желающим перечесть ее самим – ведь даже в путинской «Россиянин» закрыты еще не все массовые библиотеки, и найти «Колхиду» вряд ли будет сложно.

В конце книги Кахиани произносит речь. В ответ на его вопрос – кто болел малярией? – не поднял руку лишь «маленький мальчик с красным галстуком»…

И Кахиани говорит: «Но не только в том ценность нашей работы, что мы осушаем болота и создаем новую землю, что мы в корне уничтожаем старую болотную растительность… и насаждаем новую. Не только в этом смысл нашей работы, товарищи. Он еще и в том, что мы создаем молодое, здоровое поколение…»

В книге Паустовского Берия не упоминается, однако реальные прототипы Кахиани и Габунии были людьми как раз из «команды» Лаврентия Берии.

Впрочем, осушение рионских болот в общей бериевской программе преобразования Грузии занимало все же скромное

место.

В одной только Абхазии надо было форсировать строительство рудника в Ткварчели, Сухумской ГЭС, Черноморской железной дороги, развивать производство цитрусовых, табака, чая…

А на другом черноморском краю Грузии, в Аджарии, немало внимания надо было уделять Батуми – порт, нефтепереработка… И опять цитрусовые!

Вот лишь одна цифра. В 1932 году в Аджарии было собрано 14 миллионов цитрусовых плодов, а в 1940 году – 315 миллионов.

А от берегов Черного моря в глубь Грузии уходили покрытые лесами большие и малые хребты гор.

И все это нуждалось в умных головах и умелых руках созидателей.

Мамия Орахелашвили доказывал, что в Грузии-де невозможно крупное колхозное хозяйство – на склонах-де гор оно неэффективно… Он был за сохранение посевов кукурузы и выступал против посадок цитрусовых – мол, крестьянам-то есть надо.

Так-то так, но кукурузу и пшеницу можно было выращивать и на Кубани, привозя зерно в Грузию. А вот мандарины и лимоны…

Берия же мыслил, как говорят математики, с точностью «до наоборот». И объяснялось это не просто его широким кругозором, но и его принципиальной установкой на развитие Грузии как неотъемлемой части единой взаимодополняющей общесоюзной экономики.

Причем это касалось не только сельского хозяйства. 2 марта 1932 года Берия инициирует решение о реорганизации Высшего Совета народного хозяйства Грузии с передачей республиканских предприятий тяжелой промышленности в ведение уполномоченного Наркомтяжпрома СССР. Это было блестящее и перспективное чисто управленческое решение. Теперь, с одной стороны, Орджоникидзе мог эффективнее организовывать развитие промышленности Грузии, увязывая его с общесоюзным, а с другой стороны, Берия мог в большей мере сосредоточиться на делах внутриреспубликанских, не устраняясь, конечно, от проблем и тяжелой индустрии. Но это было и мудрым политическим решением, углубляющим интеграцию хозяйства Грузии с общесоюзным. А это вело к консолидации советского общества и в остальных сферах.

Всякие же Мдивани мыслили иначе…

Берия говорил и об этом на собрании Тбилисского партийного актива 21–22 июля 1935 года, где сделал доклад «К

вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье».

Вот часть стенограммы его выступления:

«Националуклонизм представлял собой довольно разностороннюю систему националистических меньшевистских взглядов. Известно, что грузинские уклонисты пытались провести декрет о «разгрузке» Тифлиса, осуществление которого означало бы изгнание инонациональных элементов, и в первую очередь армян.

Известен также факт «дикого» – по выражению товарища Сталина – декрета о кордонах, которыми Грузия отгораживалась от советских республик…

Вот эти документы:

1) 31 марта 1922 г. за подписью председателя ЦИК тов. Махарадзе и зам. пред. Совнаркома тов. М. Окуджава посылается следующая телеграмма: «От сего числа границы республики Грузии объявляются закрытыми ***(смех в зале)*** и дальнейший пропуск беженцев на территорию СССР Грузии прекращен…

2) § 1. Лица, получающие разрешение на право въезда в пределы Грузии своих родственников, платят за выдаваемые разрешения 50 000 руб. ***(смех в зале)…***

§ 5. Лица, после 13 августа 1917 года прибывшие в пределы Грузии и желающие получить право на постоянное жительство в Грузии, в случае удовлетворения их просьбы платят за выдаваемые разрешения 1 млн. рублей…

4) …Гражданство Грузии теряет: грузинская гражданка в том случае, если она выйдет замуж за иностранца ***(смех в зале)…»***

Читаешь это, сопоставляешь с сегодняшним днем и невольно думаешь: «Грустно все это, господа товарищи…»

Да и гнусно!

С ЭТИМ знаменитым докладом, который вскоре был издан в виде не менее знаменитой одноименной брошюры, связано одно из наиболее громких чисто политических обвинений Берии якобы в фальсификации истории «в угоду Сталину». Берия действительно заявил, что «вся история закавказских большевистских организаций, все революционное движение Закавказья и Грузии с первых дней его зарождения неразрывно связаны с работой и именем товарища Сталина». И как уж изгалялись над этим утверждением многие «старые большевики» и тогда, и типы типа Антонова-Овсеенко позже.

А ведь это – правда.

И дело даже не в том, что уже в 1905 году Ленин очень высоко оценил статью Сталина, опубликованную в № 11

нелегальной газеты «Пролетариатис Брдзола» («Борьба пролетариата») и тут же переведенную на русский язык. И не в том даже, что сама газета, вначале названная «Брдзола», была основана еще в 1901 году (менее чем через год после «Искры») при участии «Кобы», и он в первом же ее номере опубликовал программную статью «От редакции». Блестящую, между прочим, статью, чисто большевистского направления – еще до возникновения самого понятия «большевик».

И не в том даже дело, что уже в 1903 году «Кобу» в первый раз высылают в Сибирь, в Иркутскую губернию, что все годы до революции и после революции Сталин без колебаний шел за Лениным…

Дело в том, ***кем*** стал Сталин в новой России. Ведь если сравнить его послеоктябрьский политический и организационный масштаб, его талант, с масштабами всех этих Мдивани, то все сразу станет на свои места.

Но ведь не бывает же так, что в юности – «пока сердца для чести живы» – был человек так себе, ни богу свечка, ни черту кочерга, не проявлял никаких выдающихся лидерских качеств, а потом взял да и стал великим вождем великой державы.

Перед Сталиным и Черчилль испытывал желание встать навытяжку. А вот перед Мдивани – если на минуту представить себе такую встречу – вряд ли…

Или кто-то будет отрицать и это?

Да и подтверждение изначально ведущей роли Сталина в рабочем движении в Закавказье можно отыскать, кроме брошюры Берии, также в других источниках. Скажем, 8 октября 1904 года в карточке Тифлисского охранного отделения появилась новая запись: «Джугашвили бежал из ссылки и в настоящее время является главарем партии грузин, рабочих».

Вряд ли тифлисские жандармы писали это в расчете на подкрепление аргументов Берии.

И еще одно… Как уж часто пишут о том, что брошюру Берия писал чуть ли не по заказу Сталина… Но вот чем возмущался Сталин в письме Кагановичу, Ежову (тогда зав. Отделом руководящих партийных органов ЦК. – *С.К.)* и Молотову 17 августа 1935 года:

«Прошу воспретить Заккрайкому за личной ответственностью Берия переиздание без моей санкции моих статей и брошюр периода 1905–1910 годов. Мотивы: изданы они неряшливо, цитаты из Ильича сплошь перевраны, исправить эти пробелы некому, кроме меня (подумать только, а референты на что? – *С.К.), я каждый раз отклонял просьбу Берии о переиздании без моего пересмотра, но несмотря на это закавказцы бесцеремонно игнорируют мои*

протесты. Ввиду чего категорический запрет ЦК о переиздании без моей санкции является единственным выходом».

Я не буду утверждать, что всегда и везде во всех действиях героя этой книги видна одна лишь безупречная рыцарственность. Хотя благородство мыслей и дел – это ведь как свежесть осетрины у Булгакова: или она есть, и ее нет. И если руководствоваться заслуживающими доверия документами и объективными воспоминаниями, ничего недостойного за Берией не отыскивается.

Под объективными воспоминаниями, замечу в скобках, я понимаю и такие воспоминания, авторы которых в *эмоциональной* оценке Берии недалеко ушли от того же Антонова-Овсеенко, но при этом невольно приводят ***факты***, аттестующие Берию положительно.

Однако настойчивость Лаврентия Павловича в просьбах к Сталину о переиздании его работ – это как раз факт. И его легко оценить как проявление того самого подхалимажа, в котором страстно обвиняют Берию его хулители.

Но по здравом размышлении можно понять, что и тут мы имеем дело с той же компетентностью – политической, государственной, да и человеческой.

Ну, в самом-то деле!

С одной стороны, к середине 30-х годов в Грузии выросло новое поколение, полностью сформированное Советской властью и не знакомое с теми работами Сталина, которые сделали его лидером большевиков Закавказья и которые доказывали его выдающийся политический и интеллектуальный уровень.

С другой стороны, именно в Грузии немалым количеством «старых большевиков» (а уж тем более – бывших меньшевиков и т. п.) распускались слухи о второстепенной роли Сталина в начальную эпоху революционной борьбы.

Да что там слухи! Вот том 19-й первого издания Большой Советской Энциклопедии (в состав редакционного совета тогда входили Бухарин, Пятаков и ряд других видных оппозиционеров).

Редакционная работа над томом, в котором была помещена объемная статья «Грузинская Советская Социалистическая Республика (ССРГ)», закончилась 1 ноября 1930 года. Сталин к тому времени уже восемь лет занимал пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Так вот, в историческом очерке статьи «ССРГ» в подразделе «Начало рабочего движения и социал-демократия» первое встречающееся имя – Ф. Махарадзе. В подразделе приводится его цитата, начинающаяся так: «Уже на исходе 1894 закладывается

фундамент первой строго марксистской группы…» и т. д. И уже это можно было расценивать как намек читателю: первым сказал кавказское «мяу» отнюдь не товарищ Сталин, так что и роль его в развитии рабочего движения на Кавказе не так уж и велика.

Итак, первое имя – Махарадзе… Но может, хоть потом упомянут сразу Сталин? Да нет, его номер даже не второй… Ибо второе упоминаемое в подразделе имя – Ной Жордания… Он, правда, аттестуется как лидер «право-оппортунистического» течения в противовес «ортодоксально-марксистскому», во главе которого «стояли М. Цхакая, Ф. Махарадзе, Сосо Джугашвили (Сталин), Ал. Цулукидзе и др.».

Итак, номер Сосо Джугашвили был всего лишь четвертым… Причем дальше пространно излагается деятельность, опять-таки, Жордания. И только потом автор статьи в БСЭ, сообщив, что в начале 1903 года «избирается Союзный комитет, в составе к-рого большинство оказалось на стороне будущих большевиков (Цхакая, Махарадзе, Кнуньянц, Зурабов, Цулукидзе, Бочорошвили, Сталин и др.)», «милостиво», сквозь зубы, констатирует: «Руководящую роль в революционном крыле Закавказской организации начинает играть т. Сталин».

Но затем, на листах 582–598 (по два листа на страницу), в подразделах «Между двумя революциями», «Организация власти в период Февральской революции», в следующем разделе «Октябрьская революция и борьба за Советскую Грузию» (с подразделами «Отделение Закавказья от России», «Меньшевистская диктатура в Грузии», «Большевистская организация в 1918—20», «Крестьянские восстания 1918–1921», «Конец меньшевистской власти», «Первые шаги Советской власти» и «Антисоветская деятельность меньшевиков») имя Сталина **вообще отсутствует!**

Вообще!

Даже «ренегат Джугели» есть (не потому ли, что его имя созвучно с «Джугашвили»?), а Сталина нет.

Это было для меня настолько неожиданным, что я не поверил собственным глазам и прошелся по тексту еще раз… Нет, все верно – Сталин не упоминается никак.

Не упоминаются там, к слову, ни Орджоникидзе, ни Киров… Зато не раз упоминается Жордания, и – само собой: Ф. Махарадзе, Ам. Назаретьян, С. Кавтарадзе, Мравьян, Цхакая, Шаумян и Джапаридзе (два последних были расстреляны в числе 26 бакинских комиссаров, так что чего уж там – можно на упоминание и «расщедриться»), Окуджава, Орахелашвили «и др.».

Сталин, выходит, попал в «др.».

Вот так, уважаемый читатель!

А «демократы» нам рассказывают о том, что деятельность центров антипартийной оппозиции – это выдумки НКВД.

В библиографии к упомянутой выше энциклопедической статье работ Сталина тоже, между прочим, нет. Зато там есть труды Ф. Махарадзе, Е. Драбкиной и неких Г. Натадзе и С. Какабадзе.

И это – в БСЭ, издаваемой в Москве! Можно представить, как обстояли дела до Берии – при «марксистских патриархах» типа Мдивани, Элиавы и Орахелашвили – в самой Грузии!

Так что должны были думать о роли товарища Сталина молодые коммунисты, комсомольцы Грузии и просто молодые грузины? А ведь уже подрастали и пионеры! Да что пионеры! Тот, кто родился в 1921 году, к 1935 году достиг уже комсомольского возраста.

Молодежь не очень-то верит голословным утверждениям. А тут – работ Сталина нет, зато «признанные большевики» Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава, Мамия Орахелашвили недоумевают по его поводу: «Какой же это вождь?»

А бывшие меньшевики нашептывают, что такой, мол, умница, как Ной Жордания, называл Сталина не иначе как варваром.

И у молодых не мог не возникать невысказанный вопрос: «Так был ли товарищ Сталин большевиком Закавказья № 1, был ли он «кавказским Лениным» – как сейчас пишет «Заря Востока»?»

Все это объяснялось, конечно же, не случайным недосмотром – в стране тогда еще шла борьба между троцкистами и большевистским ядром партии во главе со Сталиным. И «объективность» статьи в БСЭ была одним из подтверждений того, что в этой борьбе троцкисты и оппозиционеры (а они в тогдашней БСЭ занимали, повторяю, солидные позиции) не пренебрегают любыми методами. Недаром ведь авторы «грузинской» статьи в БСЭ не только о Сталине то и дело «забывали», но также – и о Серго Орджоникидзе, Сергее Кирове, а по сути – и об Анастасе Микояне…

Фактически оппозицией не просто искажалась роль Сталина в развитии рабочего движения в Закавказье, а делалась попытка дезавуировать как его самого, так и его концепцию развития страны – с упором на экономическую самостоятельность!

А молодежь была лишена возможности увидеть объективную историческую картину.

В какой-то мере информационный пробел заполнили доклад и брошюра Берии, однако наилучшим ответом на все вопросы было бы переиздание этих давних статей Сталина. Это и политическому образованию молодых коммунистов способствовало бы, и сплетни опровергло бы.

Ведь Сталин действительно заслуживал того, чтобы его называли «кавказским Лениным»! Заслуживал и как практик большевистского движения, и как его идеолог.

Так что и тут Берия оказывался не подхалимом, а зрелым политиком, мудро заботящимся о политическом воспитании масс.

Не так ли?

Сталин-то настоял, чтобы Берии решением ЦК запретили печатать ранние работы без его санкции. Но именно старания Берии в этом направлении инициировали и другое, объективно очень актуальное, решение ЦК – «признать необходимым полное издание сочинений тов. Сталина и поручить Институту Маркса – Энгельса – Ленина… разработать план издания».

Заместителем директора ИМЭЛ был тогда Мамия Орахелашвили. Но он и прочие так «разбежались» выполнять постановление ЦК, что первый том Собрания сочинений Сталина был подписан в печать только после войны (предисловие автора к первому тому датировано январем 1946 года).

Такая вот показательная деталь «развитого культа личности»…

Впрочем, до писулек ли какого-то там «Кобы» было Мамия Орахелашвили! Он летом 1935 года дни и ночи проводил у Авеля

Енукидзе, только что исключенного из партии, освобожденного от обязанностей председателя ЦИК Закавказья и пребывающего в Кисловодске в качестве теперь уже уполномоченного ЦИК СССР по Минераловодческой группе. В сентябре Сталин писал из Сочи в Москву:

«Енукидзе не сознает своего падения, а скромностью он не страдает… играет в политику, собирает вокруг себя недовольных и ловко изображает из себя жертву разгоревшихся страстей в партии…»

Вот так ситуация в партии и в стране и развивалась! С одной стороны Сталин и Берия, тянущие воз повседневной государственной работы. А с другой стороны: «жертва Сталина» – разложившийся Енукидзе и «жертва Берии» – изболтавшийся Орахелашвили.

И это противостояние державного дела и безответственного злобствования в ближайшие же годы в Закавказье и особенно в Грузии лишь обострилось.

ДА СОБСТВЕННО, оно там и не ослабевало никогда. Ведь Грузия в политическом отношении была самой сложной из всех национальных республик.

Восток – дело тонкое, это мы знаем. Но к началу XX века в

одной лишь Грузии из всех остальных восточных регионов России особенно было развито то, что я назвал бы политической интеллигентщиной.

Средняя Азия оставалась в европейском смысле политически девственной. Азербайджан испытывал сильное космополитическое влияние, поскольку нефть – она и в Африке нефть. Правда, в Армении доморощенных политиков-националистов, имеющих шанс и на общероссийской арене, было не так уж и мало. Но Грузия затмевала всех!

Жордания, Гегечкори, Церетели – это же были всероссийские «звезды» первой величины. Сколько «политиков» в Грузии стремились светить хотя бы отраженным их светом, однако были и склонные к собственной игре – более националистической.

Увы, «звездные» амбиции имели и многие ведущие грузинские большевики. И как среди грузин до революции был популярен меньшевизм, так теперь там был популярен троцкизм. Не в его политическом смысле – грузинские большевики не очень-то бредили мировой революцией, а в психологическом, так сказать.

У Корнея Чуковского есть прекрасный коллективный психологический портрет троцкистов, причем данный чисто для себя, в дневнике 1933 года, где он 28 января записал:

«Троцкисты для меня всегда были ненавистны не как политические деятели, а раньше всего как характеры. Я ненавижу их фразерстео, их позерство, их жестикуляцию, их патетику. Самый их вождь был для меня всегда эстетически невыносим: шевелюра, узкая бородка, провинциальный демонизм. Смесь Мефистофеля и помощника присяжного поверенного…»

И этот портрет напоминал многих закавказских оппонентов Берии.

К тому же оппонентов хватало не только в Закавказье, что можно увидеть хотя бы из сталинского письма, ушедшего из Сочи в Москву 2 ноября 1933 года:

«Кагановичу. Молотову

Поведение «Правды» в отношении закавказских парторганизаций становится странным. По нефти, хлопку, по абхазским табакам Заккрайком и местные парторганизации добились серьезнейших успехов. Имеются в «Правде» соответствующие рапорта. А «Правда» замалчивает факты и не публикует рапортов. Публикуются рапорта Чувашии, Удмуртии. А рапорт Заккрайкома гниет в «Правде». Расхваливает «Правда» Баринова, хотя Баринов является тормозом, а не двигателем нефтедобычи, заслуги же закпарторганизации замалчиваются. И

эту гнилую несообразность допускает орган партии «Правда». Я думаю, виноват в этом Кахиани, который стоял и стоит против нынешнего руководства в Закавказье. Пора положить конец этому безобразию! Пора добиться того, чтобы в «Правде» не имели руководящих постов друзья левобуржуазных радикалов – Костаняна, Ломинадзе и других.

Сталин».

Баринов – это 45-летний управляющий трестом «Азнефть», старый большевик (многие из них к этому времени уже начинали обнаруживать, мягко говоря, неполное служебное соответствие).

Костанян – нарком внутренних дел Армении.

Кахиани – член бюро редколлегии «Правды», но о нем и Ломинадзе я скажу отдельно, а сейчас лишь замечу: масштаб личности Кахиани виден уже из того, как он зажимал информацию из родного ему вроде бы Закавказья, только чтобы мелко досадить Берии.

А ведь обида наносилась сразу трем республикам – на что явно Берия внимание Сталина и обратил.

Суть конфликта просматривается прозрачно – Берия сам был всегда точен, пунктуален, подтянут в мыслях и делах и требовал этого от других. И заносчивые, больше горазды болтать, чем делать, молодые закавказские «лидеры» (Кахиани и Ломинадзе ряд лет работали в Закавказье) явно не могли терпеть этого чекиста в пенсне – полного их антипода.

И личностный антагонизм был так силен, что не исчез даже после отъезда «лидеров» на другие места работы.

ЛОМИНАДЗЕ – это очень растрепанная по характеру и судьбе фигура. Я скажу о нем, о Кахиани и еще кое о ком подробно по двум причинам.

Во-первых, для того, чтобы читатель мог лучше понять сложность положения Сталина. Во-вторых, для того, чтобы читатель мог лучше понять, что постоянные «закавказские» конфликты Берии со многими своими тогдашними коллегами объясняются не его интригами, а его требовательностью и неумением мириться с выспренней болтовней вместо дела.

Немалое число его сверстников, высоко вознесенных новым строем, видели в своем взлете естественный результат их исключительности. И поэтому постепенно деградировали. Лаврентий видел в своем взлете лишь те расширяющиеся задачи, которые этот взлет перед ним ставил.

Так оно тогда было – кто-то, отмеченный Сталиным, начинал драть нос, а кто-то – как Берия – по уши уходил в порученную

работу. Берия ведь всегда умел и любил работать, а такие люди к склочности не склонны.

Сталин и страна нуждались в кадрах. Сталин отыскивал подходящих – как ему казалось – людей, выдвигал, ожидая от них скрупулезной ежедневной работы политических организаторов *экономического* преобразования страны.

Увы, нередко эти его выдвиженцы не оправдывали доверия и начинали мнить себя способными на самостоятельную политику. Кончалось это для них рано или поздно крахом – как для Ломинадзе.

Ломинадзе родился в 1897 году и был на два года старше Берии. Взлетел он быстро: в 1922–1924 годах – секретарь грузинского ЦК, потом – секретарь Коммунистического интернационала молодежи. И вот тут Ломинадзе «возомнил».

И не он один…

И 29 июля 1929 года Сталин отправил Молотову резкое письмо, где писал:

«…Решительно возражаю против помещения в «Комсомольской правде» статьи Стэна (30-летний зам. директора ИМЭЛ. – *С.К), аналогичной статье Шацкина* (28-летний член ЦКК. – *С.К), спустя несколько дней после осуждения Политбюро статьи Шацкина. Это либо глупость редакции… либо прямой вызов Центральному Комитету партии. Называть подчинение комсомольцев… генеральной линии партии «службизмом», как делает это Стэн, – значит призывать к пересмотру генеральной линии партии, к расшатке железной дисциплины, к превращению партии в дискуссионный клуб. Так именно начинала свое антипартийное дело всякая оппозиционная группа. С этого начинал свою «работу» Троцкий. От этой же печки танцевал Зиновьев. Этот же путь избрал себе Бухарин. На этот путь становится и группа Шацкина – Авербаха – Стэна – Ломинадзе…»*

Маяковский сказал о Ленине: «Он к товарищам милел людскою лаской, он к врагам вставал железа тверже».

Это сказано и о Сталине… Вот почему к Ломинадзе, Стэну, Шацкину он отнесся по-товарищески. Два последних остались на своих местах, Ломинадзе же вскоре направили в Закавказье первым секретарем Заккрайкома.

Однако он не унялся и свел знакомство еще с одним молодым выдвиженцем Сталина – 37-летним кандидатом в члены Политбюро, председателем Совнаркома РСФСР Сырцовым.

И 23 октября 1930 года Сталин опять пишет Молотову:

«Вячеслав!

1) Посылаю тебе два сообщения Резникова об антипартийной

(по сути дела правоуклонистской) фракционной группировке Сырцова – Ломинадзе. Невообразимая гнусность. Все данные говорят о том, что сообщения Резникова соответствуют действительности. Играли в переворот, играли в Политбюро и дошли до полного падения…»

Между прочим, сразу за этим шло:

«2) Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100 %. Это очень хорошо…»

Повторю еще раз: Сталин хотел верить товарищам и в этом стремлении иногда жестоко обманывался – как вот с Тухачевским. На него в 1930 году, независимо друг от друга, дали серьезные показания арестованные преподаватели Военной академии имени Фрунзе – Какурин и Троицкий. Оба утверждали, что Тухачевский – тогда командующий войсками Ленинградского военного округа – выжидает благоприятной обстановки для захвата власти и установления военной диктатуры и что у него много сторонников в военных кругах.

Какурин и Троицкий подтвердили свои показания на очной ставке, но Сталин, после опроса Гамарника, Якира и Дубового, заявивших, что здесь-де «какое-то недоразумение», решил «это дело зачеркнуть».

Он ведь и им верил!

ОДНАКО мы забыли о любителе играть «в Политбюро» Ломинадзе. Его, после таких «игр», конечно, сняли (Заккрайком принял от него Мамия Орахелашвили) и…

И Ломинадзе перевели в Москву парторгом авиационного завода. Сталин все еще относился к нему как к запутавшемуся младшему товарищу и надеялся, что парень образумится и поймет: надо строить не сомнительные политические планы, а экономику. В 1933 году его направляют секретарем Магнитогорского горкома.

Увы, амбиции не исчезли, Ломинадзе «игр в переворот» не прекратил, на что, в конце концов, обратили внимание в НКВД. И в январе 1935 года Ломинадзе покончил самоубийством.

Сырцов – в 1930 году тоже снятый, был до 1937 года директором «Электростали». В 1937-м его, как и Стэна, и Шацкина, репрессировали – к тому времени к фигурам, им подобным, пришлось встать «железа тверже».

А вот с судьбой Кахиани судьба Берии конфликтно пересекалась не только при жизни, но и после смерти обоих…

Кахиани, ровесник Ломинадзе, был его приятелем – с 1923 по 1930 год он тоже был секретарем ЦК Компартии Грузии, потом обретался в Средней Азии, в Казахстане, ас 1933 года стал членом бюро редколлегии «Правды». С 1934 года Кахиани – уполномоченный КПК по Северо-Кавказскому краю РСФСР.

Летом 1937 года его арестовали, и в декабре того же года «тройкой» при НКВД Грузинской ССР он был приговорен к расстрелу.

О сути репрессий 37-го года, о том, что такое – «тройки», у нас еще разговор будет. Но сразу скажу, что Первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Л.П. Берия в составе «тройки» был.

Кахиани расстреляли в 1937-м, Берия погиб в 1953-м. Но когда начался парад реабилитаций всех, кто «безвинно погиб» в 37—38-м годах, в марте 1955 года в ЦК КПСС поступило заявление вдовы Кахиани Т.Н. Давтян с просьбой о реабилитации.

11 марта и.о. Генерального прокурора СССР Баранов откликнулся на эту просьбу запиской в ЦК, где сообщал, что Кахиани был арестован ***в августе*** 1937 года НКВД Грузинской ССР.

Сведения эти взяты из еще одного сборника документов, изданных Фондом «Демократия» – «Реабилитация: Как это было. Март 1953 – февраль 1956».

И в именном комментарии к ***этому же*** сборнику указано, что Кахиани был арестован ***в июле***, а не в августе. Мелочь, конечно, но когда в одном источнике натыкаешься на такие «разнотыки», плечами пожимаешь невольно.

Ну, пусть так! Может, кто-то в 1937 году старым стилем пользовался, а кто-то – новым. Но почему члена союзной Комиссии партконтроля по одному из регионов РСФСР арестовывает НКВД Грузии? Позвольте не поверить, что Берия захватил Кахиани на территории РСФСР, как Наполеон захватил герцога Энгиенского на территории Бадена. Без санкции Москвы такие вещи не делаются – Кахиани был ведь в союзной юрисдикции.

Уже из чтения записки Баранова – тут читатель пусть поверит мне на слово – можно сделать вывод: вина за Кахиани, скорее всего, была. А ведь эта записка призвана была Кахиани обелить, да вот очень уж странные несуразицы содержит.

Но как же – в просьбе вдовы Кахиани имелось волшебное слово: «палач Берия!». И Кахиани реабилитировали, но…

Но – «в партийном порядке», то есть – посмертно, восстановили в партии. А вот почему его не реабилитировали «за отсутствием состава преступления», я сказать не могу.

Но знать хотел бы…

РАССКАЗАВ о казусе с Кахиани, я не намерен и впоследствии подробно останавливаться на том, как выглядели репрессии 1937–1938 годов в Грузии.

Однако одну деталь приведу…

«Демократы» стенают о загубленных талантах грузинских поэтов Тициана Табидзе и Паоло Яшвили. И погубил их, конечно же, «сталинский сатрап» Берия.

Но вот как описал Тициана Табидзе в своем дневнике Корней Чуковский, приезжавший в Грузию осенью 33-го года:

«Во главе угла сидел тамада Тициан Табидзе, осоловелый тучный человек, созданный природой для тамаданства…»

Далее следует рассказ о серьезной таки пьянке и вновь упоминается будущий «страдалец»:

«Табидзе, бывший символист русско-французского толка… – и его пьяные стихотворные вопли были в духе 1908–1910 гг. Лицом он похож на Оскара Уайльда, оплывшего от абсента».

Не знаю, что имел в виду Чуковский, сравнивая Табидзе с Уайльдом, – только внешнее сходство или, говоря языком современным, также нетрадиционную сексуальную ориентацию грузинского мастера застолий. Но можно представить себе, как относился этот двойник Оскара Уайльда к «варвару» Сталину, к «жандарму» Берии и вообще к социалистической реконструкции в Закавказье…

А ведь он пользовался в среде грузинской интеллигенции популярностью.

Знатоки истории литературы могут сунуть автору под нос стенографический отчет Первого Всесоюзного Съезда советских писателей 1934 года с внешне благопристойными речами Табидзе и Паоло Яшвили, но у автора этот отчет есть и у самого. И, открыв его на обширнейшем, начатом с Шота Руставели, докладе председателя оргкомитета союза писателей Грузии Торошелидзе, я читаю:

«Еще до революции… выступила в грузинской литературе буржуазно-декадентская школа символистов «Голубые роги». Крайний индивидуализм, самодельный эстетизм, уход от реальности, культ богемы, эстетика уродства… характеризовали творчество… П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, К. Надирадзе и др. И, несмотря на ряд деклараций «голуборожцев» об их лояльном отношении к Советской власти, своей творческой продукцией эти писатели заняли видное место в антипролетарском лагере литературного фронта…»

И слово «фронт» здесь было точным. Скажем, писатель-антисоветчик Константин Гамсахурдия прославлял «грузинскую расу» (оказывается, родина слонов – не только Украина Бандеры, но и Грузия Гамсахурдии), и вот что он писал в редактируемом им журнале «Илиони» в преддверии установления в Грузии Советской власти:

«Когда народ терпит поражение на политическом фронте, он напрягает все свои жизненные силы, чтобы усилить работу на фронте культуры. Сегодня у нас должна быть лихорадочная работа, в Грузии должно быть объявлено осадное положение во имя господства культуры».

Гамсахурдия лгал – осадное положение он объявлял во имя господства не культуры, а господ. Но язык у таких «политбойцов» был подвешен неплохо.

В двадцатые годы Берия противостоял им как чекист, в тридцатые – уже как политический лидер. И на том же съезде писателей грузинский писатель Мицишвили в очень неглупом докладе сказал спасибо и большевику Берии. И это был не «верноподданный» панегирик, а констатация факта:

«Я не могу не воспользоваться случаем, чтобы не заявить с полной ответственностью, что все практические вопросы, относящиеся к литературной жизни Грузии, стоят в центре внимания ЦК Грузии во главе с Лаврентием Берия, принимающим неизменно личное участие в их разрешении».

Берия действительно был внимателен к вопросам культуры – он сам писал неплохие акварели, любил музыку и книги. И как раз во время работы писательского съезда ЦК Компартии Грузии принял постановление о праздновании в 1937 году юбилея Руставели и установлении ему монументального памятника.

В идее мощно вписанного в город памятника явно сказалась тяга Берии к архитектуре. Уж тут он равнодушным не мог быть никак – генеральный план развития столицы Грузии был далеко не последним предметом его забот.

И новый, социалистический Тбилиси в немалой мере именно Берии обязан своими масштабными архитектурными панорамами.

В ОТЛИЧИЕ от фигур типа Константина Гамсахурдии, терпевших поражение по всем статьям, Берия вместе с народом и на политическом, и на хозяйственном, и на культурном фронте одерживал победы.

Но усилий это требовало огромных. В помянутом выше дневнике Чуковского попадаются весьма пикантные батумские и тифлисские зарисовки 33-го года, и они доказывают – наследие от Мамии Орахелашвили Берии досталось тяжелое. Но он не просто разгребал эти мамиевы конюшни, а строил новое! И строил так, что о «закавказском» Берии 1932–1938 годов можно (да и нужно бы) написать отдельную книгу.

Между прочим, первая БСЭ в статье об «ССРГ» среди полезных ископаемых Грузии даже не упоминала о грузинских полиметаллических рудах. А ведь материалы для этой статьи не могли пройти мимо тех же Орахелашвили, Картвелишвили. Вот как знали «партийные лидеры» Закавказья и Грузии до Берии, чем богата Грузия.

А Берия не успел взять в руки бразды правления, как тут же обратился к Сталину с запиской на сей счет! Но он ведь не сам по горам с геологическим молотком лазил… И до него геологи обращались в Заккрайком, в грузинский ЦК, в Совнаркомы ЗСФСР и Грузии… Но «достучались» они, выходит, только до первого секретаря Заккрайкома и первого секретаря Компартии Грузии товарища Берии.

По переписи населения 1926 года в промышленности Грузии было занято 4,9 % самодеятельного населения. При этом в фабрично-заводской – лишь 1,4 % – меньше двух человек из ста! Но стоимостной вклад промышленности в экономику Грузии составлял уже 30 % – сказывалась крайне низкая производительность труда в грузинском сельском хозяйстве. В 1929 году в Грузии «числилось до 70 агрономов» (данные БСЭ-1).

Земо-Авчальская ГЭС (ЗАГЕС) на Куре у впадения в нее Арагвы была закончена еще в 1927 году и обслуживала Тифлис. Но лишь с приходом Берии Тифлис начал постепенно становиться Тбилиси – городом уже не с тем «торговым пролетариатом», о котором писал когда-то молодой Сталин, а развитым промышленным центром Закавказья.

В те годы все еще лишь намечалось. Корней Чуковский, приехав в июле 32-го года в Туапсе, писал:

«Жарко, пыльно, много гнусного, много прекрасного – и чувствуется, что прекрасное надолго, а гнусное – временно, на короткий срок (то же чувство, что во всей СССР). Прекрасны заводы Грознефти, рабочий городок, которого не было еще в 1929 году… А гнусны: пыль, дороговизна, азиатчина…»

Вот чтобы ушло гнусное и восторжествовало прекрасное, Берия и работал. И надо было осушать как болота бездеятельности и безответственности, так и настоящие

потийские, аджаристанские и абхазские болота Колхидской низменности.

В 1934 году вышел специальный выпуск журнала «Огонек» под названием «Советские субтропики». В нем много говорилось о создании «советской Флориды», были призывы догнать и перегнать Калифорнию.

Были там и крупные фото Лаврентия Берии и Нестора Лакобы – руководителя Абхазии. Со временем Берии припишут (бездоказательно, потому что – облыжно) убийство и Лакобы (отравление), но пока что о них обоих говорится в очерке Ефима Зозули «Субтропические люди».

Зозуля не думал о каком-то их противопоставлении, но вот что он написал о Берии:

«У него твердые, военные навыки в работе. Огромный опыт. В лице его обращает на себя внимание выражение воли, соединенной с особой острой вдумчивостью. Он говорит нам о субтропиках. Говорит с большим воодушевлением: «Да, этот край будет одним из лучших в стране!»…»

А вот что он написал о «старом большевике» Лакобе:

«…Нестор Лакоба – первый хозяйственник замечательной Абхазской республики. В лице его настороженность и озабоченность… «Методы, методы нужны другие. Разве можно подходить ко всем явлениям одинаково?!»…»

«Настороженный» Лакоба был первым человеком в Абхазии с марта 1921 года! И всегда пользовался поддержкой Сталина – своего старого товарища. Так кто мешал Лакобе внедрять в жизнь его автономной республики эффективные методы, необходимость внедрения которых «заботила» его на тринадцатом году управленческой работы в Абхазии? Но было ли у него время заниматься Абхазией, если Хрущев, например, позднее писал, что «когда Сталин приезжал в Сочи… то Лакоба жил не в Сухуми (столица Абхазии. – *С.К.),* а… в Сочи со Сталиным. Лакоба был отличный бильярдист…»?

Что ж, последнему утверждению относительно талантов Лакобы я охотно верю. А вот Берия был зато отличным управленцем, причем не просто «менеджером», а управленцем-большеви-ком. То есть работал не ради карьеры, а ради народа и – опираясь на народ. В спецвыпуске «Огонька» была помещена его статья с конкретным и деловым названием: «Дадим лимоны, мандарины и апельсины – на стол трудящегося Советской страны».

Но «советская Флорида» была лишь одной из больших забот Берии. Занялся он вплотную и, скажем, чиатурским марганцем. Первое издание БСЭ сообщало: «Чиатурское месторождение марганца не имеет себе равного в мире ни по размерам залежей, ни по их качеству, ни по близости к морю. Вплоть до 1913 года Грузия сохраняла на мировом рынке марганца первое место (42 % всей добычи)».

Меньшевистской власти было не до этого лакомого куска, и разработки были свернуты. В первые годы Советской власти положение сразу не изменилось, и в 1925 году Чиатурский рудник был отдан в концессию фирме Гарримана на три года. Но, как сообщает та же БСЭ-1: фирма «хищнической постановкой дела привела его в полный упадок, так что после прекращения концессии в 1928, его пришлось восстанавливать заново».

А вот и цифровая иллюстрация к этой информации: в августе 1928 года добыча составила 14,2 тысячи тонн, в феврале 1929-го – 77 тысяч тонн, а в сентябре того же 1929-го – уже 143,5 тысячи тонн.

И уже вряд ли мы когда-нибудь узнаем – кто, «спевшись» в Грузии и в Москве, отдал Чиатурский рудник Гарриману на разграбление и какого количества «зеленой» наличности это Гарриману стоило.

Теперь Чиатура работала на социализм.

Еще в 1928 году началось строительство Рионской ГЭС для обеспечения развития промышленности Кутаиси. Первые агрегаты были сданы через пять лет, но на полную мощность ГЭС вышла в 1935 году, и Кутаиси начал превращаться во второй после Тбилиси промышленный центр республики. Население к концу тридцатых выросло там почти вдвое по сравнению с началом тридцатых!

И это – лишь некоторые штрихи бериевской Грузии.

БЕРИЯ сам был профессионалом – профессионалом разведки, профессионалом управления и поэтому умел ценить профессионалов.

И вот какая история случилась в Грузии в его бытность там первым секретарем Закавказского крайкома. В республике давно работал и получил известность как квалифицированный инженер-проектировщик гидротехнических сооружений Николай Козьмич Зворыкин, родной брат знаменитого электронщика, изобретателя современного телевидения Владимира Зворыкина.

С социальным происхождением у братьев было плохо: отец – муромский купец первой гильдии, пароходчик и торговец хлебом. Вышло так, что Владимир (позднее его назовут подарком

Американскому континенту) оказался в США, преуспевал. Однако в тридцатые годы не раз приезжал в СССР, был склонен принять приглашение правительства и остаться. И лишь стечение ряда обстоятельств да недобрые советы зворыкинского шурина – будущего академика-геолога Дмитрия Наливкина лишили Россию одного из ее выдающихся сынов.

Николай же остался… И вот при строительстве гидроузла произошел сбой, а в итоге Зворыкин и его подчиненные были осуждены, тем не менее продолжая работать. И как только объект успешно сдали в эксплуатацию, судимость со всей бригады сняли.

Это был стиль Берии – не избегать жесткости, но не допускать жестокости, а тем более – несправедливости. Вот почему те, кто становился доверенным его сотрудником, уже не хотели бы иметь дело с кем-либо другим. Мы имеем яркий пример этого в лице Всеволода Меркулова…

Меркулов был старше Берии на четыре года. Сын офицера, он учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. В 1916 году его призвали в армию, и по окончании в 1917 году Оренбургской школы прапорщиков он успел немного повоевать.

С марта 1918 года экс-прапорщик Меркулов – безработный в Тифлисе, а в августе он начинает работать учителем в училище для слепых. В меньшевистской Грузии принудить его служить в армии не могли – это была не Россия, где мобилизовали и «красные», и «белые». Сам же он, похоже, не очень-то тогда определился с тем, кем ему быть.

Но в сентябре 1921 года, после установления в Грузии Советской власти, Меркулова принимают на службу в грузинскую ЧК. А вскоре в Тифлисе появляется Берия, и Меркулов входит в его орбиту уже в чекистский период деятельности Берии в Тифлисе.

В октябре 1931 года Берию перевели с чекистской на партийную работу, и он забрал Меркулова (члена ВКП(б) с 1925 года) из ГПУ Грузии к себе в Заккрайком. Но до этого, как мы уже знаем, положение Берии было проблематичным. И вот что писал ему Меркулов в 1930 году, в непростое время, когда у Берии обострились отношения с тогдашним партийным руководством Закавказья.

«Здесь у нас распространились слухи о якобы предстоящем твоем уходе из Тифлиса… В связи с ними у меня к тебе глубокая просьба: не забыть меня. В случае, если ты действительно решил уехать из Закавказья, я очень прошу тебя взять меня с собой туда, где ты будешь работать. Город и должность меня не интересуют: я согласен работать где угодно…»

Эта просьба заслуживает нашего внимания по трем причинам… Во-первых, она характеризует Берию как человека и руководителя. Во-вторых, она характеризует Меркулова как человека. И в-третьих, она в какой-то мере характеризует тогдашних партийных закавказских лидеров и общую атмосферу в «верхах» Закавказья.

Сказав это, я теперь объяснюсь подробнее…

Меркулов сам был достаточно незаурядной личностью, обладал хорошим пером, писал под псевдонимом «Всеволод Рокк»… Да, он поднимался вместе с Берией: помощник первого секретаря крайкома, заведующий советско-торговым отделом крайкома, заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК КП(б) Грузии и депутат Верховного Совета СССР, с 1 сентября 1938 года – 1-й заместитель начальника Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Берии, а с 15 декабря – 1-й заместитель наркома Берии и начальник ГУГБ.

Однако сравнивать Меркулова с рыбой-«прилипалой» нельзя. Берия всего лишь оценил его раньше других, и это лишний раз доказывает кадровую прозорливость Лаврентия Павловича. Но рассмотрел Меркулова не только Берия, потенциал его «протеже» оценил и сам Сталин. Ведь это он назначал позднее Меркулова министром государственной безопасности, министром государственного контроля СССР…

И если такой человек был готов ехать за Берией куда угодно, то это можно расценить однозначно: Меркулову было интересно работать с руководителем, работать с которым было интересно. А это – плюс и начальнику, и подчиненному. Причем письмо написано в 1930 году, когда Берия был всего лишь председателем ГПУ Грузинской ССР и в случае перевода вряд ли мог рассчитывать на пост более высокий, чем начальник какого-то областного управления. И не обязательно в очень уж крупном городе. А тогда ведь и с продуктами мало где было хорошо, даже на Украине. И зарплата у чекистов была не из великих…

Мамию же Орахелашвили и прочих «лидеров» такая просьба Меркулова косвенно аттестует не лучшим образом. Ведь из настроя Меркулова следует, что его, человека явно толкового, партийное руководство Закавказья не ценило только потому, что Меркулов был «человеком Берии». Второй вариант: Меркулова третировали именно из-за его высоких деловых качеств. Но так могут поступать лишь некомпетентные руководители, каковыми эти мамии и были, впрочем.

А поскольку во главе страны тогда стоял лидер вполне компетентный, то уходить пришлось мамиям. Берия же был по праву поднят в Закавказье на командные высоты.

В 1935 году Сталин выдвинул лозунг «Кадры решают все!». И одним из ярких персональных подтверждений правоты сталинского заявления стал Лаврентий Берия.

ЧТОБЫ предметнее убедиться в этом, вернемся к первому периоду полноправного руководства Берии в Закавказье. Я уже писал, что он быстро переориентировал сельскохозяйственное производство в Грузии на выращивание таких культур, которые могла дать стране лишь горная и субтропическая зона Грузии: цитрусовые, виноград, чай, табак. Уже в 1933 году ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР в своем постановлении отмечали, что достижения Грузии положили начало независимости Советского Союза в деле производства чая.

Однако начинал Берия не с чая, а с того, что в декабре 1931 года ликвидировал грузинский Колхозцентр, заменив его Народным комиссариатом земледелия. И в отличие от, например, Косиора и Хатаевича на Украине, не сократил, а даже несколько расширил подсобные хозяйства колхозников, чтобы избежать угрозы голода. А уж параллельно первый секретарь Заккрайкома вел большую организационную работу как в кабинете, так и выезжая в села. Пленумы грузинского ЦК посвящались отдельным культурам, проводились съезды колхозников, устраивались выставки, портреты передовиков украшали первые полосы газет и обложки журналов.

В итоге в январе 1934 года на IX съезде Компартии Грузии он имел полное право сказать так:

«Стало реальностью вполне устойчивое положение деревни Грузии, укрепление колхозов, рост коллективизации, успешное внедрение специальных и технических культур… и добросовестное выполнение колхозниками и трудящимися-единоличниками своих обязательств перед государством».

Вот цифровой «фон» сказанного выше: в 1931 году в колхозах было объединено 36 % крестьянских хозяйств, к 1939 году – 86 %. При этом в 1936 году доходы колхозов составили 234 992 тысячи рублей, а в 1939 году они превысили полмиллиарда.

Алексей Топтыгин в своей книге о Берии заявляет, что «как организатор сельскохозяйственного производства Берия оказался на высоте, которая была доступна очень и очень немногим». Я уточню эту оценку, прибавив к ней лишь один союз: ***«И*** как организатор сельскохозяйственного производства…»

Скажем, тот же А. Топтыгин справедливо констатирует, что при Берии Грузия стала лидером в деле создания советской пищевой индустрии по части консервирования плодов и овощей,

промышленного виноделия, переработки чая… Здесь немало потрудился и ближайший сподвижник Берии еще по ЗакЧК Владимир Деканозов, ставший наркомом пищевой промышленности Грузии.

Но Берия был не менее компетентен и в организации культурной революции в Закавказье. В данном случае я сошлюсь на данные А.Топтыгина:

«В 1928/29 году было принято несколько постановлений ЦК ВКП(б) о строительстве высшей школы. В Грузии (где тогда подвизалась на ниве высшего просвещения мадам Орахелашвили. – *С.К.)* на это отреагировали – было создано несколько институтов, влачивших, мягко говоря, жалкое существование…

Л. Берия отнесся к этим вопросам как к серьезной боевой задаче. Только за конец 1931-го и 1932 год ЦК КП(б) Грузии принял шесть постановлений по разным областям народного образования (за предшествующие пять лет к этой проблеме обращались дважды… обсуждая решения пленумов ЦК ВКП(б). Постановления, принятые во время секретарства Берия, умещались на 1–1,5 страницах, но были буквально битком набиты цифрами, суммами, именами ответственных за исполнение… С 1932 года в Грузии переходят к всеобщему начальному образованию детей и подростков… По комсомольскому набору тысячи грузин отправляются учиться в Москву, Ленинград, Харьков, Саратов… К 1938 году Грузия по уровню образованности населения выходит на одно из первых мест в Советском Союзе».

В 1987 году тбилисское издательство «Мецниереба» выпустило книгу А.В. Бицадзе о выдающемся советском математике академике Илье Векуа. О Берии в ней не было сказано ни слова. И тем не менее Лаврентий Павлович на ее страницах незримо присутствовал! Бицадзе писал:

«В начале 30-х годов Тбилиси стал одним из крупнейших центров образования страны. В 1933 году в нем уже насчитывалось одиннадцать высших учебных заведений…. В 1933 году Илья Несторович и другие грузинские математики, окончившие аспирантуру в Ленинграде и Москве, возвращаются в Тбилиси, где их ждали интересные и весьма актуальные задачи…

Осенью 1937 года Илья Несторович начинает чтение курса лекций по обыкновенным дифференциальным уравнениям для студентов математического отделения приема 1935 года в Тбилисском государственном университете…»

Но ведь во всем этом была заслуга и Первого секретаря ЦК Компартии Грузии Л.П. Берии! Его понимание значения образования для новой Грузии давало многие исходные импульсы

в деле развития грузинской высшей школы. Берия всегда поддерживал молодых талантливых грузинских ученых. И, как видим, для тбилисской осени 1937 года были характерны отнюдь не приметы «террора», а такие вот детали, как новый математический курс тридцатилетнего Ильи Векуа.

Берия возглавил Закавказье в преддверии второй пятилетки. И это было взаимной удачей и для Берии, и для Закавказья. Берия получал возможность все более возрастающей деятельности.

Закавказье получало деятельного лидера, способного решать предстоящие большие задачи.

Общесоюзные директивы по новому пятилетнему плану (1932–1937 гг.) утвердил XVII съезд ВКП(б), закончившийся 4 февраля 1932 года. А в марте объединенный пленум Заккрайкома рассмотрел основные направления пятилетнего плана развития Закавказской Федерации. Объем промышленного производства в Грузии должен был возрасти более чем в пять раз, производство ферросплавов – в семь с половиной раз, добыча угля – в двенадцать раз…

НАСТУПИЛ 1936 год.

В конце этого года на Чрезвычайном VIII съезде Советов должна была приниматься новая Конституция СССР – «Сталинская». Но обновлялась не только правовая база Советской власти – должна была измениться и структура союзного государства. Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика на основании новой Конституции упразднялась. Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР входили непосредственно в состав СССР в качестве союзных республик.

Менялась и структура управления экономикой – в союзных республиках образовывались народные комиссариаты легкой, пищевой, лесной промышленности, зерновых и животноводческих совхозов. И 17 октября Каганович и Молотов направили Сталину в Сочи проект соответствующего Постановления ЦИК СССР.

ЗСФСР в этом проекте по вполне понятной причине не было.

В тот же день Сталин ответил телефонограммой:

«Ваш проект… вызывает возражения закавказцев, например, у Берия. Формально следовало бы упомянуть в списке союзных республик также и ЗСФСР, но через 2 месяца ЗСФСР уже не будет, а создавать наркоматы в ЗСФСР, чтобы через два месяца ликвидировать их, конечно, не стоит. С другой стороны, отсутствие в списке союзных республик ЗСФСР может вызвать недоумение…»

Сталин предлагал подождать с опубликованием Постановления до принятия новой Конституции, а пока заниматься образованием республиканских наркоматов по факту… А в конце прибавлял:

«Что касается самого проекта, то он, по-моему, сформулирован несколько неуклюже. Неудобно сверху приказывать союзным республикам образовывать такие-то наркоматы. Я представлял себе дело так, что союзные республики, каждая отдельно, обратятся в ЦИК с пожеланиями создать такие-то наркоматы, а ЦИК не будет возражать. А у вас вышло наоборот».

Читателю может показаться, что это – пустяк и что Берия поднимал бурю в стакане воды… И, возможно, кто-то скажет: «Подумаешь – не помянули «его» Федерацию, и Берия сразу с возражениями! И что это Сталин стал строить из себя демократа – мол, нельзя указывать союзным республикам. Он им еще как указывал! Москва первых секретарей ЦК в этих самых республиках порой как перчатки меняла…»

Но это был не пустяк! И если вдуматься, из этого «пустяка» проистекли в 1953 году и странная смерть Сталина, и неожиданный арест Берии.

И вот в чем тут дело.

Сменить из Москвы первого секретаря ЦК Рубена на Багирова в Азербайджане – это допустимо и приемлемо, потому что от Москвы до самых до окраин все коммунисты должны жестко подчиняться решениям ЦК ВКП(б).

Это – партия, политический авангард общества, союз добровольно сплотившихся идейных единомышленников.

А союзные республики – это Советская власть, это – все общество. А решать за общество имеет право только общество!

И то, что Сталин (и Берия – тоже!) видел это тонкое различие, показывало, что Сталин рассматривает верховенство партии в обществе не как нечто непреложное и вечное, а как меру, необходимую до тех пор, пока не укрепится и не разовьется Советская власть.

А такой подход вряд ли мог понравиться уже складывающейся – пока еще лишь в зачаточных формах – партократии. Более того – такой, пустяковый, казалось бы, «разнотык» в подходах Сталина и партийно-государственной «верхушки» СССР к перспективам развития общественного строя сказался уже в ближайшем будущем – в 1937 году, году начала серьезных репрессий.

Но об этом еще будет сказано.

Реорганизации 1936 года в Закавказье имели много аспектов, начиная с изменения чисто административного деления и

подчинения и заканчивая… Впрочем, с политического аспекта надо было бы начать.

Закавказская Федерация имела как общий Совет народных комиссаров ЗСФСР, так и отдельные республиканские Совнаркомы. В отношении партийного руководства было то же самое: имелся Закавказский краевой комитет ВКП(б) и три ему подчиненных Центральных Комитета компартий Азербайджана, Армении и Грузии.

Теперь Заккрайком упразднялся, и Берия оставался только Первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. С одной стороны, это было как бы понижением. С другой стороны, он теперь мог сосредоточиться на проблемах Грузии. Однако до этого все еще первому секретарю Заккрайкома предстояло немало хлопот. Ведь подготовка любой реорганизации – дело непростое, если его проводят по-деловому, а не делячески.

Берия умел работать и не умел имитировать бурную деятельность. Поэтому 1936 год принес ему много новых задач в дополнение к уже привычным – надо было готовить «разъединение» закавказских республик. Но вот что хочу заметить… Вчитаемся еще раз в письмо Сталина и попробуем понять – почему все-таки протестовал Берия? Через два месяца ЗСФСР уже не будет, и что ему тогда за дело до возможных обид уже почти «чужих» ему Азербайджана и Армении!

Но Берия никогда не работал «от сих до сих». Он был полным антиподом личностей типа Суслова (если в последнем случае можно говорить о личности), с его сакраментальным «нам не поручали». Берия тонко понимал, что, несмотря на уже почти ликвидацию Закавказской Федерации, обиды могут возникнуть. А это – нехорошо для дела. И раз так, то, товарищ Сталин, надо бы нам это учесть.

Товарищ Сталин и учел. Он ведь тоже умел понимать все тонко и знал силу «мелочей».

1936 год пролетел в хлопотах… Ушла в прошлое Закавказская Федерация, а наступающий 1937-й был уже годом двадцатилетия со дня Октябрьской революции. Он же был годом столетия со дня гибели Пушкина, и к этой дате готовилась вся страна. Дата была хотя и со скорбным смыслом, но отмечать ее готовились с упором не на то, что Пушкин погиб, а на то, что Пушкин бессмертен. И этот, вроде бы литературный, юбилей имел серьезное политическое значение. Не только ведь Константин Гамсахурдия, но и Иосиф Джугашвили понимал значение культурного фронта – особенно тогда, когда страна одерживает одну победу за другой.

Кое-кто отметил эту дату, впрочем, по-своему. На обложке

одной из юбилейных ученических тетрадей был изображен витязь на распутье. Контуры перехватов ножен меча были составлены из букв, и буквы же были на бляхах сбруи коня. В целом же все складывалось – при внимательном изучении – в лозунг: «Долой ВКП(б)».

В Тбилиси активно готовились к пушкинскому юбилею, но готовились также отметить 750-летие поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Ведь и грузинам было кем и чем в литературе гордиться! Казначей царицы Тамары, владетельный феодал, Руставели в XII веке воспел честь, справедливость, добро, отрицал зло как природное начало…

Юбилей Руставели стал таким же всесоюзным праздником, как и юбилей Пушкина, и, хотя масштаб Руставели был, несомненно, великим, в том, что юбилей творения грузина громко отмечала вся страна, была заслуга не только Сталина, но и Берии.

Увы, 1937 год был отмечен не только славными юбилеями… Он вошел в новейшую историю страны еще и как год серьезных драматических событий. «Демократы» называют этот период «Большим террором», и репрессии в период с лета 1937-го по весну 1938 года действительно были наиболее значительными по размаху и глубине, чем в любой другой период.

НО ВОТ были ли они действительно массовыми и, уж тем более, необоснованными – это большой вопрос. И на нем, как и на других событиях 1937 года, нам, уважаемый читатель, придется остановиться надолго…

Глава 9
«Органы», пленумы, заговоры, репрессии и выборы

«В августе 1938 года Берия прибыл в Москву и 22 августа был назначен 1-м заместителем народного комиссара внутренних дел СССР Ежова… А вскоре в НКВД началась эпоха уже Берии…» – так начинался первый вариант 9-й главы, которая первоначально называлась «НКВД образца 1939–1941 гг.».

Но по мере работы над ней я понял, что вначале надо хотя бы кратко сказать о предшественниках НКВД, о деятельности НКВД 1937–1938 годов и даже более ранней, а уж потом переходить к временам более поздним.

Затем выяснилось, что к теме «НКВД образца 1937–1938 гг.» примыкает тема Конституции 1936 года и первых выборов в первый Верховный Совет СССР. И 9-я глава стала называться «НКВД, Конституция образца 1936 года и выборы»…

Но еще позднее стало ясно, что надо как-то остановиться и на теме военного заговора, на Пленумах ЦК в 1937 году, а также – и на некоторых общественных тенденциях, вполне к 1937 году сформировавшихся.

Глава разрослась, «отпочковала» от себя главу 10-ю, приняла, наконец, тот вид, с которым сейчас познакомится читатель, и обрела окончательное название. То, которое читатель только что прочел.

Итак, мы двигаемся дальше…

ЛАВРЕНТИЙ Берия стал чекистом в 1921 году, в эпоху ВЧК Дзержинского. А 5 августа 1931 года Полномочный представитель ОГПУ В ЗСФСР Л.П.Берия был введен в коллегию ОГПУ.

ВЧК – это Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, организованная на заседании Совета Народных Комиссаров 7(20) декабря 1917 года.

23 января 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об упразднении ВЧК и создании на ее основе Государственного политического управления (ГПУ) в составе Народного комиссариата внутренних дел РСФСР.

9 февраля 1922 года был выпущен приказ ВЧК № 64, объявивший об упразднении ВЧК. Наркомом внутренних дел оставался, впрочем, тот же Дзержинский (он был им с 25 марта 1919 года по 7 июля 1923 года).

30 декабря 1922 года 1-й Съезд Советов Союза ССР принял Союзный договор между РСФСР (в которую тогда входили и азиатские национальные республики), Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской Федерацией.

В пункте 12-м этого Договора говорилось:

«В целях утверждения революционной законности на территории СССР и объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается… при СНК Союза… объединенный орган государственного политического управления…»

2 ноября 1923 года Центральный Исполнительный Комитет СССР принял постановление об организации ОГПУ при СНК СССР, о чем было объявлено приказом ОГПУ № 486 от 21 ноября 1923 года. Пункт 9-й этого приказа гласил, что ОГПУ СССР руководит работой местных органов ОГПУ «через своих уполномоченных при Советах Народных Комиссаров союзных республик».

Примерно в то время и возникло обобщенное понятие «органы»…

Председателем ОГПУ оставался Феликс Эдмундович Дзержинский, а после его смерти от сердечного приступа, спровоцированного эмоциональной речью на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК 20 июля 1926 года, председателем стал Вячеслав Рудольфович Менжинский.

Общий штат центрального и московского городского аппарата ОГПУ составлял на 1 декабря 1929 года 2409 человек, но с 30-х годов функции ОГПУ расширялись (в его составе находились органы милиции, хозяйственные управления по отраслям промышленности и т. д.).

10 мая 1934 года Менжинский умер, а 10 июля 1934 года Постановлением ЦИК СССР на базе ОГПУ создали Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР во главе с Председателем бывшего ОГПУ Генрихом Ягодой.

Среди других управлений и отделов (их вначале насчитывалось одиннадцать, включая ГУП О – Главное управление пожарной охраны и ОАГС – Отдел актов гражданского состояния) в составе НКВД СССР было образовано Главное управление государственной безопасности со штатом 1410 человек.

Работой ГУГБ руководил сам нарком, и формально должности начальника ГУГБ не существовало.

Постановлением ЦИК СССР от 7 октября 1935 года для сотрудников ГУГБ вводились специальные звания: комиссар государственной безопасности 1-го ранга, комиссар ГБ 2-го ранга,

комиссар ГБ 3-го ранга, старший майор ГБ, майор ГБ, капитан ГБ, старший лейтенант ГБ, лейтенант ГБ, младший лейтенант ГБ и сержант ГБ.

Специальные звания были выше армейских на две ступени: комиссар ГБ 1-го ранга был равен командарму 1-го ранга РККА, а с мая 1940 года – генералу армии; капитан ГБ равнялся армейскому полковнику, а сержант ГБ носил в петлицах два «кубаря» – как лейтенант РККА.

26 ноября 1935 года появилось и звание «Генеральный комиссар государственной безопасности», присвоенное Ягоде (а позднее – Ежову и впоследствии – Берии).

Через десять месяцев после этого Ягода был от должности наркома освобожден, и 26 сентября 1936 года в НКВД пришел Николай Иванович Ежов – секретарь ЦК и председатель Комиссии партийного контроля. Ягода же 3 апреля 1937 года был арестован и 15 марта 1938 года – после процесса Бухарина – Рыкова, на котором проходил как один из обвиняемых, расстрелян.

Ежов был освобожден от должности НКВД 25 ноября 1938 года, 10 апреля 1939 года арестован и 4 февраля 1940 года расстрелян.

Судьбу двух этих наркомов объясняют коварными замыслами Сталина в его борьбе за единоличную-де власть в партии, но это – не так. Хотя я не отрицаю того, что некий план у Сталина ***по ходу развития ситуации*** и возник.

Но об этом я расскажу, когда мы подойдем к августу 1937 года…

РЕПРЕССИЯМ начала и конца 30-х годов пока не дана ***всеобъемлющая*** объективная оценка. Изменение положения вещей в этом вопросе выходит за рамки книги, но поскольку когда «демократы» говорят «Берия», то они подразумевают «репрессии» (даже в том случае, если речь идет о репрессиях того периода, когда Берия был в Закавказье), об этой стороне дела надо бы кое-что и сказать…

Одним из главных символов сталинской эпохи «демократы» числят не «Рабочего и Колхозницу» Веры Мухиной, созданных ею для советского павильона на Всемирной выставке 1937 года в Париже, а закон, как они говорят «о пяти колосках», или закон от «седьмого-восьмого», то есть от 7 августа 1932 года.

Так, в предисловии к известной читателю «Переписке Сталина и Кагановича» утверждается, что «в условиях голода эти меры были направлены против голодающих крестьян, которые, спасая свою жизнь, срезали колоски хлеба на колхозных полях».

Вообще-то колоски бывают не хлебные, а пшеничные, ржаные

и т. д., но у «демократов» ведь булки на деревьях растут, так что уж пусть так…

Не примем во внимание и то, что это Христос мог пятью хлебами накормить ораву народа, а «пятью колосками» «хлеба» сыт не будешь, так что срезали – если уж срезали – не пять этих пресловутых колосков, а, надо полагать, побольше.

Я здесь не иронизирую – от голода на Украине едва не умерла на Днепропетровщине моя бабушка со своими тремя дочерьми, так что я знаю – голод был. И были, увы, голодающие крестьяне.

Однако, по данным «демократических» авторов того же предисловия, за полгода действия закона от 07.08.32 года на основании его к 15 января 1933 года осуждены 103 тысячи человек. «Из них (по разработанным данным о 79 тыс. осужденных) осуждены, – как сообщают те же авторы, – к расстрелу 4880 человек, а к 10 годам лишения свободы – более 26 тыс. человек…»

Странно!.. Голодали многие миллионы, а осуждена сотня тысяч.

Странно и другое… 15 января в России – это зима. 7 августа в ней же – это уже конец лета, и уборочная 1932 года к моменту обнародования закона была вроде бы закончена. К тому же и инструкция «по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 7/VHI-32 об охране государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» была утверждена лишь 16 сентября 1932 года.

Какие же это такие «колоски» и где собирала их в конце 1932 года сотня тысяч осужденных по «закону о пяти колосках»?

Ответ, уважаемый читатель, отыскивается в самом наименовании Постановления ЦИК и СНК СССР (закона «от седьмого-восьмого»)! Ибо там шла речь не о пяти колосках, конечно, а именно об охране государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности.

Инициировавший это Постановление Сталин писал 20 июля 1932 года Кагановичу и Молотову:

«За последнее время участились, во-первых, хищения грузов на железнодорожном транспорте (расхищают на десятки миллионов рублей), во-вторых, хищения кооперативного и колхозного имущества… По закону эти господа (расхитители. – *С.К.) рассматриваются как обычные воры, получают два-три года тюрьмы (формально!), а на деле через 6–8 месяцев амнистируются. Подобный режим…. только поощряет их… Терпеть дальше такое положение немыслимо. Предлагаю издать*

закон… который бы:

а) приравнивал по своему значению железнодорожные грузы, колхозное имущество и кооперативное имущество – к имуществу государственному;

б) карал за расхищение… минимум десятью годами заключения, а как правило – смертной казнью…

Без этих (и подобных им) драконовских социалистических мер невозможно установить новую общественную дисциплину, а без такой дисциплины – невозможно отстоять и укрепить наш новый строй…»

Так что не за пять колосков были расстреляны к 15 января 1933 года почти пять тысяч человек, а за миллионные (в сумме, конечно) хищения, в том числе – на предприятиях и железных дорогах.

А нам все рассказывают о «пяти колосках».

РАНЕЕ я приводил и другие примеры, из которых должно быть ясно – с началом первой пятилетки все внутренние враги новой России оживились и активизировались. Ведь пятилетка давалась стране непростой ценой. 4 мая 1935 года в речи в Кремлевском дворце на приеме в честь выпускников академий РККА (6 мая ее опубликовала «Правда») Сталин вспоминал:

«Мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну… Разоренная четырьмя годами империалистической войны, повторно разоренная тремя годами Гражданской войны, страна с полуграмотным населением, с низкой техникой, с отдельными оазисами промышленности, тонувшими среди моря мельчайших крестьянских хозяйств – вот какую страну получили мы в наследство от прошлого…»

Его аудитория знала, как прав Генеральный секретарь ЦК… Знала она, что он был прав и тогда, когда продолжал так:

«Задача состояла в том, чтобы эту страну перевести с рельс… темноты на рельсы современной индустрии и машинизированного сельского хозяйства… Вопрос стоял так: либо мы эту задачу разрешим в кратчайший срок… либо… наша страна… растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав…»

«Академики» Красной Армии слушали то, что через день прочтет вся страна:

«Надо было создать первоклассную индустрию… А для этого

надо было пойти на жертвы и навести во всем строжайшую экономию, надо было экономить на питании, и на школах, и на мануфактуре, чтобы накопить необходимые средства для создания индустрии… Понятно, что в таком большом и трудном деле… успехи могут обозначиться лишь спустя несколько лет. Необходимо было поэтому вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением, чтобы преодолеть первые неудачи и неуклонно идти вперед…»

Сталин был прав сто раз, но что было до его правоты лишенному добра кулаку? Лишенным нормального куска хлеба обывателям в городе? Недалекому – пусть и не по своей вине – мужику на селе? Заносчивому в своей интеллектуальной спеси старому специалисту, внутренне враждебному новой России? Да и – новому советскому бюрократу?

Все они были недовольны ухудшением качества жизни. И этим недовольством пытались воспользоваться (и усилить его) различные политические силы – от троцкистов, боровшихся «против Сталина», до антисоветчиков, боровшихся и против Сталина, и против Советской власти вообще.

Так что объективные обстоятельства делали те или иные репрессивные меры в «реконструктивный период» неизбежными.

Но это – первая половина 30-х годов. А как там было во второй их половине?

ПЕРЕДО мной лежит книга в черном переплете, по которому идут багровые буквы: «Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области. Мартиролог. 1937–1938».

Это – грустный документ. Но это – в отличие от пасквильных сборников – документ (хотя и не без налета искажений во вводных статьях и в комментариях). А с документом работать проще… Из него можно извлечь факты.

И они стоят того, чтобы их здесь привести. Так, во вводной статье Г.П. Цветкова ясно и внятно сообщается, что вскоре после убийства С.М. Кирова:

«Судебную коллегию ОГПУ заменило **Особое совещание** при народном комиссаре внутренних дел, **наделенное правом высылки и ссылки, заключением в исправительно-трудовые лагеря сроком до**

5 лет (здесь и далее выделения мои. – ***С.К.)»*.**

Я прерву цитирование, чтобы уточнить – вообще-то еще в ОГПУ кроме Особого совещания с 1933 года существовал институт «троек», имевших право применить высшую меру

наказания. Но это были каждый раз действительно особые случаи. О предоставлении таких прав каждый раз принималось отдельное Постановление Политбюро (например, по судебной «тройке» полпредства ОГПУ в Белоруссии; по «тройке» по Ленинградской области «в составе тт. Кирова, Медведь и Кодацкого» и по ряду «троек» ОГПУ в некоторых регионах и республиках).

А вот теперь я продолжу цитирование статьи Г.П. Цветкова.

«Приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 года в НКВД республик, управлениях краев и областей были образованы **тройки НКВД – УНКВД,** на которые распространялись **права Особого совещания.** В состав тройки входили: начальник УНКВД, начальник управления милиции и прокурор области. Приказом НКВД СССР от 30 июля… были созданы краевые, республиканские и областные тройки, членами которых утверждались секретарь обкома ВКП(б), начальник Управления НКВД и прокурор области. В 1937 году была также образована комиссия в составе наркома внутренних дел и прокурора СССР (двойка).

Тройки и двойки (Г.П. Цветков почему-то употребляет множественное число, говоря о «двойках», хотя сам же сообщил, что «двойка» была в СССР одна, и входили в нее два высших должностных лица государства. – ***С.К.)*** **наделялись правом применения высшей меры наказания.** Соответствующим образом могли действовать тройки и двойки (опять «двойки» – двоечником, что ли, был этот Г.П. Цветков? – *С.К.)* краев и областей. **Эти внесудебные органы были упразднены в ноябре 1938 года.** С этого времени до сентября 1953 года в органах государственной безопасности действовал **единственный внесудебный орган** – Особое совещание (наделенное, напоминаю, лишь правом высылки и ссылки, а также заключением в исправительно-трудовые лагеря и временно «повысившее» свои права «до ВМН» лишь в начальный период войны в 1941–1942 годах. – ***С.К.)».***

Вот как все просто и ясно: с ноября 1938 года в СССР не было «троек», то есть не было внесудебных органов, наделенных правом применения высшей меры наказания.

И большинство «расстрельных» россказней «демократических» «историков», а тем более – «публицистов», утверждающих, что «палача Берию сменил палач Ежов» (именно в таком порядке, я не ошибся!), не стоят выеденного яйца.

Вернемся к «Мартирологу Калининской области»… Во второй вводной статье декан исторического факультета Тверского

государственного университета профессор Смирнов пишет:

«Оставшиеся в живых после политического террора 1937–1938 гг. неоднократно задавали сами себе и нам вопрос: зачем, во имя каких целей невинно пострадали миллионы советских граждан? Полного ответа не может дать никто и сейчас, но, безусловно, при помощи репрессий Сталин укреплял свои политические позиции как единоличный диктатор, а также решал все те политические, экономические и социальные проблемы, которые как горы накапливались в государстве…»

Для историка этот пассаж, вообще-то, позорен, поскольку показывает как его некомпетентность, так и, увы, – недобросовестность…

Ученый должен не только собирать факты, но и осмыслять их. И даже лишенный чувства историчности историк не может не знать, что Сталин диктатором не был… Что к концу 30-х годов многие проблемы, накопившиеся в России за предыдущие триста лет, как раз начинали находить свое разрешение.

Впрочем, профессор Смирнов – не Антонов-Овсеенко. Он все же ученый, и поэтому далее он сообщает факты, причем сообщает их так и в такой последовательности, что, по сути, сам дает ответ на тот вопрос, на который, по его мнению, «ответа не может дать никто».

И что же он сообщает?

А вот что:

«В 1936 г. наркомом внутренних дел вместо освобожденного от занимаемой должности, а затем расстрелянного Г.Г. Ягоды был назначен Н.И. Ежов… Окончательную санкцию на массовые аресты (это, увы, ложь, и ложь для историка непозволительная. – *С.К.)* дал февральско-мартовский пленум 1937 г., на котором И.В. Сталин призвал громить и корчевать беспощадно «врагов рабочего класса» и «изменников нашей Родины». Вскоре последовал и приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н.И.Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля 1937 г.».

Здесь надо сразу сделать уточнение… Решение о проведении такой «операции» не было прямо связано с основной повесткой дня ни февральско-мартовского Пленума ЦК в 1937 году, ни даже июньского Пленума ЦК в том же году.

И позднее я на этом остановлюсь подробно.

Возможно, внимательный читатель и сам уже заметил некоторые странности в информации профессора Смирнова. Пленум закончился в начале марта и вроде бы уже «дал санкцию

на аресты», а Ежов издает приказ лишь в конце июля (очевидно, имеется в виду оперативный приказ наркома № 00447 от 30 июля 1937 года, а возможно, и его же оперативный приказ № 00486 от 15 августа 1937 года). Почему такая задержка?

Да потому, что «задержки» не было. И приходится врать, чтобы скрыть от нас очень динамичные и по сей день хорошо не освещенные события той поры.

Ведь и еще на одну несуразность в утверждениях профессора Смирнова надо сразу указать – между приказом Ежова и февральско-мартовским Пленумом был еще и июньский Пленум. Так не вернее ли связывать приказ Ежова с решениями этого Пленума? (Забегая вперед, скажу, что в определенной мере так оно и было!)

И я хочу предупредить читателя, что «демократические» историки то ли по недомыслию, то ли сознательно, но соединяют в одно ДВА достаточно разных процесса – массовые репрессии 1937–1938 годов и репрессии в советском военном и партийногосударственном руководстве в тех же 1937–1938 годах.

Я повторю и выделю жирно: в одно смешиваются два достаточно разных процесса: ликвидация возможной «пятой колонны» в низах общества и ликвидация конкретного антигосударственного (формально – антисталинского) заговора «верхов».

Эти две категории репрессий совпали по времени и были, безусловно, взаимосвязаны – хотя бы их общей направленностью против антисоциалистических элементов. Но тем не менее для того, чтобы их понять, их надо четко разграничивать!

И в каждом из этих процессов можно выделить, между прочим, по крайней мере еще по два… Скажем, заговор «верхов» был в каких-то своих проявлениях скорее «глухим», чем организационно оформленным. Но он был. Его просто не могло не быть – мы это увидим.

А пока вернемся к статье профессора Смирнова:

«В соответствии с **ним** (приказом Ежова. – ***С.К.)*** **с 5 августа надо было начать операцию** «по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников»… Так, по Калининской области к первой категории (наиболее враждебные из перечисленных выше элементов) подлежащих немедленному аресту и рассмотрению дел в тройках (что этих профессоров так тянет к множественному числу – ведь сами же сообщили, что в Калининской области была **одна** тройка! – *С.К.)* было отнесено 1000 человек. Все они должны были быть расстреляны. Ко второй категории относились остальные враждебные элементы – 3000 человек, которых те же тройки

(опять! – *С.К.)* приговаривали на срок от 8 до 10 лет заключения в тюрьмы или лагеря. Утвержденные цифры назывались ориентировочными, хотя **начальникам областных управлений запрещалось их самостоятельно превышать.** «Операцию» предполагалось закончить в четырехмесячный срок, т. е. до 5 декабря 1937 г.».

Из сообщенного профессором Смирновым видно, что цели у этой общегосударственной акции были вполне внятными и конкретными: репрессирование бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников.

Понятно и то, почему эту акцию было решено предпринять (а точнее – резко и ***единовременно*** расширить) именно в 1937 году.

Мировая ситуация к тому времени имела ясную тенденцию к обострению – наднациональные силы мира готовили новую мировую войну с целями:

– обеспечения окончательного прихода в Европу капитала США и установления мировой гегемонии США;

– уничтожения или крайнего ослабления СССР;

– максимального ослабления главного экономического конкурента США – Германии.

И в преддверии грозных событий необходимо было нейтрализовать тем или иным образом (вплоть до, увы, физического уничтожения) потенциальную «пятую колонну». Между прочим, это понятие уже вошло тогда в словарь мировой политики, впервые возникнув осенью 1936 года, когда франкисты, наступая на Мадрид четырьмя колоннами, хвалились тем, что в самом Мадриде имеют еще и «пятую колонну» своих агентов и диверсантов (они ее там действительно имели!).

Благодаря «демократическим» средствам массовой информации все еще малоизвестно, что численность военных формирований «добровольных помощников» Германии из числа бывших советских граждан к середине июля 1944 года превышала 800 тысяч человек (в действительности таких предателей было еще больше – ведь кто-то, начиная с 1941 года, и погиб). Только в Ваффен-СС в период войны служило более 150 тысяч бывших граждан СССР. Да плюс – военнослужащие вермахта, полицейские, осведомители, активные сотрудники оккупационных учреждений, власовцы…

Однако не эти «невинные» «предтечи демократии и борцы со сталинским тоталитаризмом» определяли лицо эпохи. В том числе и потому, что большинство потенциальных волонтеров Ваффен-СС и служащих ортскомендатур было в СССР вовремя, то

есть – до войны, репрессировано. Если бы этого не было в 1937–1938 годах сделано, то количество «помощников Германии» могло бы составить два-три миллиона. И за счет их помощи Германии наша Победа обошлась бы России в дополнительные сотни тысяч жизней советских солдат.

Кроме внешнеполитической, именно к середине 1937 года по ряду причин обострилась и внутриполитическая ситуация. Читатель это увидит сам.

И для всех, хорошо осведомленных как тогда – в реальном масштабе времени, так и осведомленных сейчас, вопрос о том, были ли репрессии обоснованы, не стоит.

Были!

Другое дело, что эти репрессии зацепили немало (но – не преимущественно!) невинных людей. Тут сказалось несколько факторов, и я ***некоторые*** из них назову.

1. Неизбежные ошибки…

Почему-то «демократы» не лишают права на «врачебную ошибку» тех «невинных врачей», которые угробили в 1946 году Калинина, в 1948 году Андрея Жданова (я об этом еще скажу), а вот НКВД в таком праве отказывают. А ведь в том, враг человек или нет, разобраться сложнее, чем по снятой кардиограмме диагностировать инфаркт (как это было в случае Жданова).

2. Прямая провокация скрытых антисоветчиков, троцкистов и «правых», находившихся в том числе и в органах НКВД, в партийно-государственном руководстве, и воспользовавшихся удобным случаем для дискредитации Советской власти и Сталина.

К слову, как раз их провокационная активность и помогла многих из них разоблачить и репрессировать, в свою очередь, еще в ходе «операции». Так, начальник УНКВД Калининской области капитан ГБ В.Р. Домбровский был арестован 5 сентября 1937 года.

3. Неизбежные попытки сведения негодяями личных бытовых счетов, а отсюда – ложные доносы, суть которых не всегда выявлялась, но порой и выявлялась (как это было с моим дедом Константином, освобожденным после полугодичного ареста).

4. Недостаточная квалификация как работников НКВД (расейская-то интеллигенция вместо того, чтобы страну поднимать, в парижские шоферы и стамбульские проститутки подалась), так и осведомителей НКВД.

Сам Ежов на встрече с мобилизованными на работу в НКВД

молодыми комсомольцами и коммунистами 11 марта 1937 года предупреждал: «У нас осведомители не ахти какие квалифицированные люди. Если посмотреть на некоторые их сводки, то там иногда довольно трудно понять, что там написано».

5. Процентомания, так или иначе присутствующая при любом строе, а уж в России – особенно.

6. Все еще высокий процент инородцев (прежде всего – евреев) в НКВД времен Ежова. Этот фактор вряд ли был очень значащим, но в какой-то мере на раздувании масштаба репрессий сказался.

И я назвал еще не все факторы!

Так или иначе, исторически какие-то предохранительные репрессии были своевременными и необходимыми. В том числе и в Калининской области. И – не только в политическом отношении, между прочим! Сам профессор Смирнов пишет:

«Надо признать, что управление (НКВД. – *С.К.)* приняло решительные меры по «очистке» нашего региона от уголовно-преступных элементов, неоднократно преследовавшихся за бандитизм, вооруженные грабежи, кражи и другие преступления уголовного характера… Таких рецидивистов по первой категории было осуждено 525 и по второй – 588 человек. Всего 1113 социально опасных элементов».

Причем профессор Смирнов не очень-то возмущается расстрелом 525 бандитов и насильников и даже, как я понимаю, одобряет его. А ведь их расстреляли, уважаемый читатель, тоже без особой канители – по ***внесудебным*** приговорам «тройки»!

Но сколько же всего в ходе «операции» 1937–1938 годов было репрессировано живших в Калининской области? Напоминаю, что первоначальный «лимит» Центра составлял 1000 человек по первой категории и 3000 – по второй, при завершении действий к 5 декабря 1937 года.

А вот что сообщает профессор Смирнов:

«Фактически так называемая «операция» продолжалась не четыре месяца, а неполных восемь и осуждено было не три тысячи (пардон, но «лимит» был в четыре! – *С.К.),* а 10 200 человек… Всего за время с августа 1937 г. по 26 марта 1938 г. было осуждено по первой категории 4587 человек и по второй категории – 5613».

5613 человек минус 588 бандитов – это 5025 осужденных, вина которых проблематична (пусть так!).

А 4587 человек минус 525 бандитов – это 4062 уже расстрелянных. И тоже, допустим, «проблематично».

Немало.

Ведь кровь людская – не водица.

Причем в мартирологе сплошь: «крестьянин-единоличник, член колхоза, кузнец, крестьянин, машинист водоканала, прессовщик сенопункта «Заготзерно», конюх колхоза, вальщик леса, электромонтер…».

Но ведь и те – из русских Ваффен-СС тоже не фабрикантами и помещиками были. К тому же нередки и такие данные: «ранее судим; без определенных занятий…».

Или вот – «Ф-в (полные фамилии здесь и ниже опустил я. – *С.К.)* Гавриил Герасимович, 1903 г.р., уроженец д. Казаки Стрелецкого р-на Воронежской обл., б/п, смазчик вагонов 7-го участка ст. Савелово»…

Арестован 04.02.38 в Калининской области, а приговорен «тройкой» УНКВД по Московской области. Странно… И не все понятно – сам из хлебных воронежских мест, а забрался на север… Не из кулаков ли?

Сказать что-то точно относительно большинства тех, кто упомянут в калининском «Мартирологе», я не могу. Но кое о ком – можно, причем на основании данных самого «Мартиролога». Особенно показателен тот единственный случай, в котором информация об осужденном оказалась относительно подробной.

Да, пожалуй, составители сборника промахнулись, когда поместили среди фотодокументов машинописный оригинал «Справки по агентурному] делу «Подрыватель», по состоянию на 25/1-1937 г.», относящейся к некоему Ав-еенко Николаю Георгиевичу, 1898 г. рожд., и т. д.

В общем списке данные о нем ничем внешне не отличаются от других:

«АВ-ЕЕНКО Николай Георгиевич, 1898 г.р., уроженец г. Ржев Калининской обл., б/п, машинист Ржевской льночесальной ф-ки, прож.: г. Ржев, ул. Калинина, д. 95, кв. 125. Арестован

18.04.1937. Приговорен Тройкой УНКВД по Калининской обл.

13.08.1937. Расстрелян 17.08.1937. По заключению Тверской областной прокуратуры от 24.05.1989 реабилитирован».

Но если мы прочтем «Справку…», то облик Николая Георгиевича Ав-еенко приобретет уже более определенный характер. И чтобы читатель в этом убедился сам, я приведу эту

«Справку…» полностью:

«СПРАВКА
по аг. делу «Подрыватель», по состоянию на 25/1-1937 г.»,

Аг. дело «Подрыватель» заведено 20/XII-1936 г.
По делу проходят:
1. АВ-ЕЕНКО Николай Георгиевич, 1898 г. рожд., б/п, русский, машинист паровой машины ф-ки РАДФ г. Ржев.

АВ-ЕЕНКО Н.Г. имеет судимость за хулиганство и 2-е за крушение поезда, а/с настроен. 22/XI-36 г. в ресторане-столовой пос. Селижарово, Калининской обл., гр-ну ШАРИКОВУ Макару Арсеньевичу предлагал принять участие в организации взрыва жел. дор. моста через реку Волга у г. Калинина, предлагал ему деньги для покупки одежды, от которых ШАРИКОВ отказался.

АВ-ЕЕНКО назначил встречу ШАРИКОВУ М.А. в п. Селижарово 25/XI-36 г., куда он собирался приехать, чтобы взять еще двух человек.

В 1934 г. АВ-ЕЕНКО был судим за крушение поезда по ст.59 п. 3в УК. Отец АВ-ЕЕНКО служил вахмистром. По уходе в отставку содержал бакалейную лавочку. Все родственники АВ-ЕЕНКО активные церковники. Работая в депо Торжок и Селижарово, проводил а/с агитацию, а I/V-32 г. в депо Селижарово сорвал развешенные плакаты и лозунги.

Дело намечено к реализации открытым следствием (как видим, начатое **задолго до начала** «операции» НКВД дело предполагалось передать в суд, так что о его фальсификации не может быть и речи! – *С.К.).* Задерживается отсутствием гр-на ШАРИКОВА М.А. как основного и единственного свидетеля подготовки диверсионного акта.

МЕРОПРИЯТИЯ:

1. Установить местонахождение гр-на ШАРИКОВА Макара Арсеньевича.

2. На разработку АВ-ЕЕНКО Н.Г. до установления ШАРИКОВА М.А. направить осведомителя «ТОПКИН», знакомого с АВ-ЕЕНКО по совместной работе в депо Селижарово. «ТОПКИНУ» показать себя опустившимся, на все способным человеком, неустроенным в жизни.

3. За связями по месту работы ведет наблюдение осв. «ПОДРУГА».

Нач. Ржевского отд. б. отд. УГБ

Лейтенант госбезопасности
/Лясковский/

В 1989 году Ав-еенко Н.Г. был горбачевцами посмертно реабилитирован. А ведь он был потенциальным диверсантом. И ждать в тех конкретных исторических условиях, когда он совершит реальную диверсию, было бы для страны непозволительной роскошью.

Я не знаю, как проходил в 1989 году процесс реабилитации таких, как Ав-еенко Н.Г., но могу предполагать, что всех, ему подобных, реабилитировали, как говорят, «чохом».

А вот репрессировали его не в одночасье, а после достаточно длительного рассмотрения следственного дела, в том числе – и с учетом данных агентурного дела «Подрыватель».

Между прочим, в списке приговоренных к расстрелу имеется и младший брат Ав-еенко Н.Г – Ав-еенко Александр Георгиевич, 1901 года рождения, телеграфист на станции Волоколамск.

Старший брат был арестован 18 апреля 1937 года, а младший – 5 мая, надо полагать – после того, как старший брат начал давать на него показания.

Оба – железнодорожники. Начнись война – вот и диверсия готова. Причем – в стратегически важном пункте.

И братьев ведь арестовали еще ***до начала*** «операции» – тут на «кампанейщину» не спишешь! Другое дело, что после того, как была создана областная «тройка», процесс осуждения упростился, и 17 августа оба брата были расстреляны.

Жаль, конечно, двух русских мужиков неполных сорока лет, выбравших в жизни не ту дорогу… Но они ее выбрали сами.

Как выбрали ее и многие другие, о ком в «Мартирологе» скупо сообщаются данные по типу проведенных мной об Ав-еенко Н.Г. Это была гибельная и для них, и для страны дорога. И кое о ком из них можно узнать кое-что дополнительно.

Дело в том, что авторы сборника совершили еще один просчет, опубликовав в конце его статью Е.Ю. Виноградовой «Судьбы крестьянства в документах следственных дел», где сообщаются интересные сведения. Я приведу оттуда данные лишь еще по двум конкретным судьбам.

Вот основные справки на двух репрессированных:

«БЕ-ЗЕРОВ Афанасий Егментьевич, 1880 г.р., уроженец д. Вязовка Сандовского р-на Калининской области., б/п, крестьянин, прож.: д. Елизаветино Сандовского р-на Калининской области. Арестован 17.02.1938. Приговорен Тройкой УНКВД по Калининской обл. 21.03.1938. обв. КРД. Расстрелян 23.03.1938.

По заключению Тверской областной прокуратуры от 22.03.1989 реабилитирован.

БЕ-ЯКОВ Иван Елинарович, 1877 г.р., уроженец и житель д. Львовское Сандовского р-на Калининской области., б/п, крестьянин-единоличник. Арестован 17.02.1938. Приговорен Тройкой УНКВД по Калининской обл. 21.03.1938. обв. КРД. Расстрелян 23.03.1938. По заключению Тверской областной прокуратуры от 26.07.1989 реабилитирован».

Внешне все благопристойно… Два крестьянина-труженика, безвинно-де попавшие в «мясорубку террора»… Но вот что публично говорил до ареста раскулаченный (как оказывается) Безеров Афанасий Егментьевич: «Сколько бы ни была Советская власть, но все равно ее уничтожат, как только поднимется война. Из колхозов выйдет весь народ и восстанет против Советской власти».

А вот раскулаченный шестидесятилетний Бе-яков Иван Елинарович: «Только бы началась война, тогда бы Советской власти не продержаться ни одного дня, так как крестьяне недовольны Советской властью… Через колхозы являются уже не хозяевами, а батраками. Вот потому-то и получаются все недостатки и в хлебе, и в магазине других товаров, а жили без колхозов, всего бы хватало и были б сыты».

Это и называется – вражеская агитация. На житейском, конечно, уровне, в лесной деревне. Но тем не менее – агитация, духовная отрава… Бе-яковы снизу, скрытый «правый» во главе обкома партии сверху, а в итоге: «Куды бедному хрестьянину податься?»

Хотя уже к началу войны большинство «хрестьян» поняло – можно неплохо жить и в колхозе.

А теперь я опять прибегну к жирному шрифту, чтобы обратить особое внимание читателя на такую деталь:

Братья Ав-еенко, как и ряд других расстрелянных по приговорам «тройки» УНКВД в середине августа 1937 года, были арестованы задолго до приказа Ежова. И значит, они были арестованы не в ходе «операции», которой этот приказ дал начало.

Это очень важно, читатель! Потому что кое-кто из историков привязывает чекистскую «операцию» исключительно к событиям конца июня 1937 года, когда закончился Пленум ЦК. И не просто привязывают, а, я бы сказал, прикручивают толстенным манильским тросом.

Думаю, зря.

Так что те же братья Ав-еенко формально не должны бы числиться в «Мартирологе» – их лишь осудили внесудебным порядком, но арестовали, предполагая судить обычным судом! Во всяком случае, таких, как Ав-еенко, надо было бы дать отдельно, не в общем списке приговоренных к «ВМН».

Однако попали Ав-еенко в «Мартиролог» вряд ли по недосмотру составителей, потому что «историкам» типа профессора Смирнова выгодно смешать в одно несколько не очень-то смешиваемых явлений тогдашней политической жизни страны.

Но и об этом – позднее.

ПОКА я просто замечу, что независимо от конкретных причин, репрессии 37—38-х годов не были некой вакханалией террора. Не были в том числе и потому, что, во-первых, решение каждой судьбы в этом скорбном процессе было обставлено немалым количеством бумаг, начиная от ордера на арест и заканчивая актом о приведении приговора в исполнение.

А во-вторых, это не было некой перманентной приметой тогдашней жизни – сам проф. Смирнов пишет, что «операция» продолжалась неполных восемь месяцев. То есть это была не акция запугивания народа, а именно чрезвычайная разовая операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

Да и был ли террор «массовым» – применительно к народной массе? В Калининской области всего репрессировали 10 200 человек… Из них, за вычетом несомненных бандитов, было 4062 человека расстреляно (осуждено по первой категории) и отправлено в лагеря (осуждено по второй категории) – 5613 человек.

По данным же 30-го тома первого издания Большой Советской Энциклопедии (подписан к печати 15 февраля 1937 года), в 68 районах Калининской области проживало (данные 1933 года) 3 345 775 человек.

15 районов были выделены в особый (приграничный тогда) Великолукский округ.

Проблематично репрессированных (отнесем к ним всех, кроме явных бандитов) по двум категориям: 4062 + 5025 = 9087, что составляет от общего населения Калининщины 0,271 %, или один человек из 368.

При этом процент расстрелянных от общего количества населения равен 0,121 %, или один человек из 823.

Процент отправленных в лагеря равен 0,15 %, или один человек из 665.

Причем не будет некорректным предположить, что по крайней мере половина была репрессирована обоснованно (не совсем же «с потолка» первоначальные «лимиты» назначались, и даже, уверяю читателя, – совсем не «с потолка»).

А это дает уже одного «проблематичного» репрессированного на 557 человек. Вряд ли этот «террор» уместно называть «массовым» или «Большим», даже если он был в немалой части неправедным. К тому же театрального действа из арестов никогда не делают (кроме как в кино), так что аресты, проводимые преимущественно в ночное время, вряд ли замечались основной частью населения.

В «Мартирологе» приводятся, правда, данные о том, что по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 года в Калининской области проживало 2 миллиона 487 тысяч человек, но, как видим, репрессии 37—38-х годов уменьшили население незначительно, голода в эти годы не было, так что снижение за шесть лет общей цифры объясняется лишь миграцией населения (тогда шел немалый приток людей из села в город) и административной перекройкой состава области. В любом случае данные 1939 года повышают мои расчеты не более чем на тридцать четыре процента – вместо 0,271 % до 0,36 % и 1 репрессированный на 274 жителя вместо 1 на 368. Причем это расчет в предположении, что все репрессированные невиновны, хотя как минимум половина из них была все же виновна.

Конечно, если мы «выйдем из народа» и поднимемся в горние элитные высоты, то проценты будут повыше. Но ведь и прегрешения элиты были велики – я потом об этом скажу!

И еще об одной примете репрессий по Калининской области должен я сообщить читателю – об их «возрастном срезе».

Взятая наугад страница «Мартиролога» дает следующие года рождения репрессированных: 1881, 1884, 1875, 1876, 1873, 1877, 1880, 1879, даже 1867-й…

По моим подсчетам, из 652 человек с фамилиями, начинающимися на «А», «Б» и В (на остальные буквы алфавита меня, честно признаюсь, не хватило), лишь 102 человека оказалось моложе сорока лет, но не младше, как правило, тридцати пяти лет. И практически никого моложе 30 лет.

С другой стороны, в списке имеются, например, Б-еев Матвей Петрович, 1864 г.р., церковный староста, или Б-дин Сергей Федорович, 1858 г.р., крестьянин-единоличник с формулировкой обвинения «КРД» (контрреволюционная деятельность).

Первому в 1937 году было 73 года, второму – вообще 79 лет. Глубокие старики… Зачем было расстреливать их? Из садистских побуждений?

Конечно же – нет! Как говорят, ***умело*** брошенный окурок может стать причиной пожара. А этот окурок может умело бросить и старческая рука – если ею руководит злобствующий, не принимающий нового разум.

Кроме того, обладающий немалым жизненным опытом человек может умело бросить искорку ***сомнений*** в умы и души односельчан или соседей по дому.

И то, что репрессии практически не задели молодых, как раз и доказывает – в конечном счете все объяснялось жестокой борьбой старой, уходящей «Расеи» и новой Советской России.

Олицетворением старой стала галерея портретов церковников, написанных Павлом Кориным в 1933–1937 годах как подготовительные этюды для его знаменитого «Реквиема» – «Руси уходящей».

С одной стороны была она, эта Русь, с ее нищими и юродивыми, с молодыми фанатичными монахами – сверстниками, но не современниками «Рабочего и Колхозницы» Веры Мухиной.

И ей противостояла новая Россия – летчики Чкалов, Байдуков, Беляков, Громов, Данилин, Юмашев, «папанинская» четверка на дрейфующей станции «Северный полюс-1», пограничник Никита Карацупа и трактористка Паша Ангелина, бригадир Мария Демченко и шахтер Никита Изотов, ткачихи сестры Виноградовы…

Нынешние «демократы» облыжно утверждают, что акциями типа перелетов Чкалова и Громова сталинская «тирания» отвлекала-де внимание страны от массовых-де репрессий. Но создание в 1936 году Главного управления гидрометеорологической службы СССР к числу громких пропагандистских акций не отнесешь никак. А «СП-1» была как метеостанцией для Чкалова, так и одним из логических шагов в развитии ГУГМС, нужной и всей стране, и новому Северному Морскому пути.

Другое дело, что небывалый ледовый дрейф действительно приковывал к себе внимание и мальчишки-радиолюбителя в смоленском селе, и аса-коротковолновика где-нибудь на Гавайях…

А ТЕПЕРЬ еще раз относительно «массовости» репрессий. Она ведь не очень-то достоверна, уважаемый читатель!

Напомню, что процент «проблематично» репрессированных составил от общего населения Калининщины 0,271. Если мы исчислим население СССР в примерно 170 миллионов (что занижено), то пропорциональное число репрессированных по

СССР должно находиться в пределах 460 тысяч человек. Ну – 680 тысяч, если делать расчет по данным 1939 года.

«Калининские» средние цифры можно считать вполне представительными для страны в целом, я это подчеркиваю! Для сравнения приведу цифры первоначальных «лимитов» НКВД по ряду областей и регионов):

	Расстрел	Высылка
Калининская область	1000	3000
Азербайджанская ССР	1500	3750
Грузинская ССР	2000	3000
Башкирская АССР	500	1300
Горьковская обл	1000	3500
Азово-Черноморский край	5000	8000
Куйбышевская обл.	1000	4000
Харьковская обл.	1500	4000
Черниговская обл.	300	1300
Восточно-Казахстанская обл.	300	1050
Ярославская обл.	750	1300

Всего по стране к расстрелу предполагалось осудить примерно 57 тысяч человек, а общее число репрессированных должно было составить примерно 250 тысяч. Если мы примем «калининские» «коэффициенты реального увеличения», то получим по расстрелам примерно 230 тысяч и всего репрессированных – 420 тысяч.

В любом случае – примерно 400–600 тысяч человек по стране.

Вот эти цифры, скорее всего, и близки к фактическим. Однако выпущенный в свет в 2003 году научным (!) издательством «Большая Российская энциклопедия» карманный энциклопедический словарь «История Отечества» уверяет, что в 1937–1938 годах было арестовано семь миллионов человек, а три миллиона умерли или были расстреляны.

Из данных же знаменитой «Справки спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР в 1921–1953 гг.», составленной и.о. начальника

1-го спецотдела МВД СССР полковником Павловым 11 декабря 1953 года, где все цифровые данные вписаны ***от руки и без указания кем***, следует, что только в 1937–1938 годах к высшей мере наказания было приговорено якобы 681 692 человека. А общее число осужденных составило якобы 1 344 923 человека.

Как-то это все, уважаемый читатель, не очень стыкуется…

Сообщу дополнительно, что если верить этой «Справке…» (почему-то приводимой без учетного номера), то даже в 1925 году 4490 человек было осуждено «тройками» (в 1926-м – 2379 человек и т. д.), хотя из записки министра государственной безопасности СССР С.Д. Игнатьева в Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 октября 1951 года «№ 837/и» следует, что до 1934 года к высшей мере наказания приговаривала Коллегия ОГПУ (тоже присутствующая в «Записке…» отдельной строкой) и лишь в 1931–1933 годах – особые «тройки» ПП (полномочных представительств) ОГПУ (не путать с «тройками» 1937–1938 годов!).

То есть в двадцатые годы «троек», получается, не было. И, похоже, «полковник Павлов» просто не был об этом осведомлен, почему и допустил непростительный для фальсификатора «ляп».

Серенький (как это понимаешь с течением лет) роман Юлиана Семенова, по которому был снят яркий сериал о Максиме Максимовиче Штирлице, дал нам все же такое удачное выражение, как «информация к размышлению». Так вот, как еще одну «информацию к размышлению» могу сообщить читателю, что

1 февраля 1924 года прокурор РСФСР Николай Васильевич Крыленко подал в Политбюро ЦК РКП(б) записку № 308с, где писал:

«…за десять месяцев прошедшего года приговорено к расстрелу судами – 971, трибуналами – 296, а всего 1267 человек, причем за разбой и участие в бандах 721 человек, или 57 %. Приговор утвержден в отношении 497 человек, или 39 % к общему числу.

За то же время ГПУ осужден 121 человек, из них за разбой и бандитизм 16 человек. Общее число осужденных, в отношении коих приговор приведен в исполнение, равняется 604 человека, что дает в среднем по два человека в сутки. Этот процент не может считаться низким и, наоборот, должен быть признан чрезмерно высоким. Если же приводились бы в исполнение все приговоры, то он увеличился бы в два раза и достигал бы 4 человек в сутки».

По данным же «Записки…» «полковника Павлова», в 1923 году к высшей мере наказания было осуждено (органами ГПУ) 414 человек (в 1922-м – 1962, в 1924-м – 2550).

Здесь, как видим, тоже не все стыкуется, начиная с того, что в начале 1924 года Крыленко считал высокой цифрой два расстрела в сутки по стране, а если верить «полковнику Павлову», то только в ГПУ за год до этого была успешно преодолена «планка» в пять-шесть человек в сутки. А непосредственно в 1924 году – даже в семь человек! И это только – в ГПУ, не считая судов и трибуналов, где число «расстрельных» приговоров было значительно выше.

Ну, а что получается во времена якобы «Большого террора»… В 1937 году суточный «план» – если верить «полковнику Павлову» – выходил на фантастический (от слова «фантазировать») уровень 967 человек в сутки. Но «узнали» об этом, конечно же, «лишь после смерти Сталина» и «разоблачения Берии».

Впрочем, глубокое исследование этой цифровой эквилибристики я оставляю другим – иначе я никогда свою книгу не закончу. Однако надеюсь, что мои оценки позволят читателю усомниться в достоверности «самых официальных» цифр по репрессиям.

Они-то официальные… Но относятся-то к хрущевским временам. А «дорогой Никита Сергеевич» не стеснялся ни архивы грузовиками уничтожать, ни гнусно клеветать на Сталина с самых высоких трибун – мол, с началом войны уехал в Кунцево пьянствовать и т. д.

Да и относительно Берии на антибериевском июльском Пленуме ЦК в 1953 году Хрущев и другие товарищи публично такие «номера» откалывали, что и не поверишь, даже если в том убедишься. (А мы в своем месте убедимся!)

А уж после антибериевского Пленума ЦК фантазии не только поощрялись, но чуть ли не предписывались!

Но об этом, повторяю, – в свое время, когда мы до этого Пленума доберемся.

ТО, ЧТО я написал о репрессиях в Калининской области, было «низом» репрессивных мер. А как там было с их «верхом»?

Чтобы понять это, надо вначале дать хотя бы крупными «мазками» общую внутриполитическую картину того непростого периода в жизни страны, Сталина и его соратников.

Я уже говорил, что в 1937 и 1938 годах параллельно совершилось два растянутых по времени события: ликвидация возможной массовой базы «пятой колонны» ***в низах*** общества и ликвидация конкретного антигосударственного заговора ***«верхов».***

А точнее – нескольких пластов таких заговоров.

И условный отсчет здесь можно вести от зимы 1937 года, но не так, как это делает тверской профессор Смирнов.

Получивший двойное название «февральско-мартовского», Пленум ЦК оказался самым длительным пленумом в истории партии – он продолжался с 23 февраля по 5 марта. А ключевым в его ходе стал день 27 февраля.

В этот день на утреннем заседании выступил с докладом А.А.Жданов, и резолюция по его докладу была озаглавлена так: «Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы».

Это был первый «нервный» узел работы Пленума. 5 декабря 1936 года была принята новая Конституция, и стране в декабре 1937 года предстояли первые выборы в Верховный Совет СССР первого созыва.

Вторым же «нервным» узлом стал доклад Ежова на вечернем заседании о деле Бухарина и Рыкова. Незадолго до этого, 30 января, вынесением смертного приговора 13 из 17 обвиняемых закончился так называемый второй московский процесс по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» во главе с Пятаковым, Серебряковым, Мураловым и Радеком.

На первом московском процессе 19–24 августа 1936 года судили Зиновьева, Каменева и других членов «террористического троцкистско-зиновьевского центра» по «делу 16-ти». А теперь речь шла о «правых» Бухарине и Рыкове, на которых участники второго процесса дали показания в ходе следствия.

Ежов докладывал:

«Для объективной проверки показаний Политбюро Центрального Комитета устроило очную ставку Бухарина с Пятаковым, Радеком, Сосновским, Куликовым, Астровым. На очной ставке присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян и другие члены Политбюро. Все… члены Политбюро… неоднократно ставили перед всеми арестованными троцкистами и правыми вопрос, не оговорили ли они Бухарина и Рыкова, не показали ли лишнего на себя…. Все из арестованных целиком подтвердили свои показания и настаивали на них…»

В зале Пленума тогда сидело и слушало доклад наркома внутренних дел немало тех, кто уже к осени 1937 года или немного позднее сам будет давать показания следствию. И подумать им в феврале 37-го было над чем.

Да и тем, кто был не антипартийцем, а просто шкурником, тоже было над чем задуматься… Ведь опубликованная в «Правде»

6 марта резолюция Пленума говорила не только о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР, но и о перестройке партийно-политической работы.

Выражалась эта перестройка в том, что новую избирательную систему с тайными выборами Сталин вводит и в практику партийной жизни. Не только общество, но и партия должны были демократизироваться – без кавычек.

В резолюции говорилось:

«Если раньше выборы средних и высших органов Советской власти были многостепенными, то теперь… выборы во все Советы… будут производиться… путем прямых выборов.

Если раньше выборы депутатов в Советы производились открытым голосованием и по спискам, то теперь голосование… будет тайным и… по отдельным кандидатурам…

Чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна стать во главе этого поворота и обеспечить полностью свою руководящую роль в предстоящих выборах верховных органов страны».

В резолюции спрашивалось:

«Готовы ли партийные организации к такого рода руководству?.. Можно ли сказать, что все партийные организации уже… перестроились полностью на демократический лад?»

Фактически этот вопрос партийным кадрам задавал Сталин. И по его же инициативе Пленум обязал партийные организации:

– отменить практику кооптации (введения в партком без выборов);

– воспретить голосование списком;

– установить при выборах партийных органов тайное голосование;

– проводить выборы парторганов не реже 1 раза в год до уровня города и не реже 1 раза в полтора года на уровне областей, краев и республик.

Партия отныне тоже должна была жить по своей партийной «конституции» – Уставу. И радовать все это партийных бюрократов не могло.

ОСНОВНАЯ работа над проектом новой Конституции шла в 1936 году. Но еще 26 сентября 1935 года Сталин писал Молотову:

«Здравствуй, Вячеслав!

Насчет конституции я думаю, что ее ни в коем случае не следует смешивать с партийной программой. В ней должно быть то, что уже достигнуто. В программе же, кроме того –

и то, чего добиваемся…»

Уже из этой вводной фразы можно было понять, что Сталин четко разграничивал задачи и роль социалистического государства и задачи и роль Коммунистической партии в социалистическом государстве.

Как я это себе представляю, Сталин мыслил примерно так… Государство «ведает» реальной текущей жизнью общества, а партия – как политический авангард общества – ведет это общество вперед, указывая ему ориентиры. И то, что в данный конкретный исторический момент партия контролирует все стороны жизни общества, есть не стратегическая линия, а тактическая необходимость момента.

В будущем контроль предполагался лишь нравственный, так сказать. А руководящая роль партии обеспечивалась бы высокими моральными и деловыми качествами ее членов. Если человек был талантлив и предан народу, он шел в партию. Но если он был талантлив, то он рос и профессионально, повышая свой общественный статус.

Так это мыслилось Сталиным. На перспективу, конечно, а не на следующий же после принятия конституции день.

Замечу в скобках, что свое письмо Сталин закончил вполне конкретными своими соображениями о плане хлебозакупок по состоянию на конкретный сентябрь 1935 года.

Что же до планов по конституции, то он писал:

«У меня такой предварительный план. Конституция должна состоять из (приблизительно) семи разделов: 1) Общественное устройство (о Советах, о социалистической собственности, о социалистическом хозяйстве и т. п.); 2) Государственное устройство (о союзных и автономных республиках, о союзе республик, о равенстве наций, рас и т. п.); 3) Органы высшей власти (ЦИК или заменяющий его орган, две палаты, их права, президиум, его права, СНК СССР и т. п.); 4) Органы управления (наркоматы и т. п.); 5) Органы суда; 6)Права и обязанности граждан (гражданские свободы, свобода союзов и обществ, церковь и т. п.); 7)Избирательная система…»

Очень характерно то, что Сталин прибавлял: ***«Я думаю, что нужно ввести референдум».***

Референдум в Конституцию ввели, но не прибегли к нему ни разу, что лишний раз доказывает – Сталин был отнюдь не всевластен.

Мнение Сталина о необходимости референдумов доказывает и то, что Сталин-то прямого совета власти с народом не боялся. А

вот партийно-государственная «верхушка»…

Тут все было неоднозначно.

Шло время…

1 марта 1936 года Сталин дал интервью председателю американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Рою Говарду. 5 марта его опубликовала «Правда».

Говард затронул много тем, но я остановлюсь на одной.

– Вы говорите, – спрашивал Говард, – что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?

Сталин отвечал:

– Выражение «государственный социализм» неточное… Общество, которое мы построили, никак не может быть названо «государственным социализмом». Наше советское общество является социалистическим, потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки… у нас отменена и заменена общественной собственностью. Ни итальянский фашизм, ни германский национал-«социализм» ничего общего с таким обществом не имеют. Прежде всего, потому, что частная собственность… осталась там нетронутой…

Сталин говорил длинными периодами, поэтому дадим ему отдохнуть, а я пока сообщу читателю, что Рой Говард (ему было тогда 54 года) был владельцем и редактором ежедневной газеты «New-York World's Telegram and Sun» и главой крупнейшего газетно-журнального концерна, которому принадлежало большинство акций агентства «United Press».

Говард не относился к поклонникам СССР, во время Второй мировой войны выступал против открытия фронта в Европе и за сепаратный мир с Германией, был связан с рядом крупнейших промышленных концернов. Так что перед Сталиным сидел отнюдь не друг. Но Сталин-то говорил не для него, а для людей, в том числе – и советских.

– Вы говорите, – отвечал он, – что для того, чтобы построить наше социалистическое общество, мы пожертвовали личной свободой и терпели лишения. В вашем вопросе сквозит мысль, что социалистическое общество отрицает личную свободу. Это неверно. Конечно, для того, чтобы построить что-то новое, приходится…временно сокращать свои потребности… Если хочешь построить новый дом, то копишь деньги, временно

урезываешь свои потребности, иначе дома можешь и не построить. Это подавно справедливо, когда речь идет о том, чтобы построить целое новое человеческое общество… Но это общество мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной… Мне трудно представить себе, какая может быть «личная свобода» у безработного… Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация… где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб…

А почти сразу после этого Говард задал вопрос, наиболее для нашей темы важный:

– В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин отвечал так:

– Мы примем нашу новую конституцию, должно быть, в конце года… Как уже было объявлено, по новой конституции выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными. Вас смущает, что на этих выборах будет выступать только одна партия. Вы не видите, какая в этих условиях может быть избирательная борьба. Очевидно, избирательные списки на выборах будет выставлять не только коммунистическая партия, но и всевозможные общественные беспартийные организации. А таких у нас сотни…

И, пояснив, как он понимает всеобщие, равные, прямые и тайные выборы, Сталин сказал главное:

– Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживленную избирательную борьбу. У нас немало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и все возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры…

И это было не рядовым заявлением, уважаемый читатель! Это было нечто такое, мимо чего нам пройти нельзя никак… Ведь что, если вдуматься, сказал тогда Сталин и зачем он это сказал? И кому?

Он ведь, говоря языком казенным, фактически давал

советскому народу предвыборную установку – как надо подходить и к формированию списка кандидатов, и к самому голосованию!

Он давал народу политический «карт-бланш» против самого страшного врага новой страны – бюрократа!

И советского, и партийного…

Причем Сталин еще и добавил:

– Да, избирательная борьба будет оживленной, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом практических… Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти…

ПОСЛЕДНИЕ слова были настолько ключевыми и для ближайшей перспективы, и для всего последующего бытия СССР, и даже для нашего с тобой сегодняшнего дня, уважаемый читатель, что я еще раз приведу их и выделю жирно:

«Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Это, уважаемый читатель, 5 марта прочла вся страна. Прочли токари-передовики, колхозные бригадиры, домохозяйки, студенты, командиры эскадрилий и заводские инженеры – все те новые советские люди с «неоскорбленной душой», уверенной работе которых по-хорошему позавидовал в дневниковой записи от 21 июля 1936 года русский писатель Михаил Пришвин.

Все они и абсолютное большинство граждан СССР сталинское интервью, опубликованное в «Правде», восприняли как слова об их завтрашнем дне. Они восприняли их и как наказ, как предвыборный совет!

И были полны энтузиазма.

Но ведь эти же слова прочли и советские бюрократы… И примазавшиеся к власти шкурники… И уже склонные к авторитаризму партийные секретари (типа украинского «товарища Хатаевича») и их секретари и секретарши… И ***эти*** таким мыслям товарища Сталина не обрадовались. Подобные идеи не предвещали им ничего хорошего…

Прочли эти строки и затаившиеся троцкисты… Прочли монархисты, церковники и прочие недоброжелатели и ненавистники нового строя российской жизни.

И эти, с одной стороны, увидели в идеях Сталина свой окончательный будущий крах, с другой стороны – шанс на развертывание нужной им агитации, а с третьей стороны –

присутствовала ведь в ситуации и она – некий шанс на избрание нужных им кандидатов.

Вот как много всего всколыхнуло в разных душах и умах интервью Сталина, опубликованное в «Правде» 5 марта 1936 года, – ровно, между прочим, за семнадцать лет до его смерти. И ровно за 9 месяцев (надо же!) до принятия «сталинской» Конституции СССР.

Конституцию приняли в конце 1936-го. Начавшийся 1937 год был уже годом предстоящих выборов.

В марте 1937-го закончился Пленум ***ЦК,*** о котором уже было сказано и еще будет сказано.

А В МАЕ начались аресты военных заговорщиков во главе с Тухачевским и Якиром. Не отвлекаясь на обширные доказательства заговора, скажу сразу: «Военный заговор был…» Спорить можно лишь о его корнях – то ли троцкистских, то ли – английских, то ли – германских… Скорее всего тут было всего понемногу (а может, и наоборот – всего помногу).

2 июня 1937 года Сталин выступил на расширенном заседании Военного Совета при наркоме обороны Ворошилове. Кроме постоянных членов, двадцать из которых были уже арестованы, на нем присутствовали члены Политбюро и более ста приглашенных военных деятелей.

Первым, 1 июня, выступал весьма растерянный нарком – с докладом «О раскрытии органами НКВД контрреволюционной организации в РККА». Его состояние можно было понять: армия – вроде бы наиболее надежный государственный институт – оказался не таким уж и надежным.

Сталин выступал на второй день (всего Совет длился четыре дня). И неправленая стенограмма его выступления начинается так:

«Сталин. Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний со стороны преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах… что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти…»

Здесь я на правах автора вклинюсь в сталинский доклад и скажу вот что…

Я не исключаю чьих-то ухмылок по адресу слов Сталина, но стоит ли кому-либо ухмыляться на их счет после 1991 года? Тогда свою партию, свою страну и свой народ предала почти поголовно вся элита общества – партийно-государственная, военная,

хозяйственная, научная, творческая.

А тут предали все же немногие. Но предали!

Вернемся, однако, к стенограмме.

«Сталин. Ругают людей: одних мерзавцами, других – чудаками, третьих – помещиками.

Но сама по себе ругань ничего не дает… Говорят, Тухачевский – помещик, кто-то другой – попович… Такой подход, товарищи, ничего не решает… Ленин был дворянского происхождения – вы это знаете?

Голос. Известно.

Сталин. Энгельс был сын фабриканта… Чернышевский был сын попа – неплохой человек. И, наоборот, Серебряков был рабочий, а вы знаете, каким мерзавцем он оказался…

Есть у вас еще другая, тоже неправильная ходячая точка зрения. Часто говорят: в 1922 году такой-то голосовал за Троцкого. Тоже неправильно… Человек ***мог быть*** молодым, просто не разбирался. Был задира… Дзержинский… открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого… Андреев был очень активным троцкистом в 1921 году.

Голос с места. Какой Андреев?

Сталин. Секретарь ЦК, Андрей Андреевич Андреев…

Стало быть, и эту, вторую точку зрения, ходячую и распространенную среди вас, я отвергаю как абсолютную.

Нужна третья точка зрения при характеристике этого ядра заговора. Это точка зрения характеристики людей по их делам за ряд лет…»

Много интересного говорил тогда Сталин. Ну вот, например:

«Начали с малого – с идеологической группки, а потом шли дальше. Вели разговоры такие: вот, ребята, дело какое. ГПУ у нас в руках, Ягода в руках, Кремль у нас в руках, так как Петерсон с нами, Московский округ, Корк и Горбачев (и тогда не обошлось без своего Горбачева. – *С.К.)* тоже у нас. Все у нас. Либо сейчас выдвинуться, либо завтра, когда придем к власти, остаться на бобах. И многие слабые, нестойкие люди думали, что это дело реальное, черт побери, оно будто бы даже выгодное. Этак прозеваешь, за это время арестуют правительство, захватят Московский гарнизон, и всякая такая штука, а ты останешься на мели… Точно так рассуждает в своих показаниях Петерсон. Он разводит руками и говорит: дело это реальное, как тут не

завербоваться?»

И такие были разговоры на Военном Совете 2 июня:

«Сталин. Не обращали достаточного внимания, по-моему, на дело назначения на посты начальствующего состава…

Я сторонний человек и то заметил недавно. Каким-то образом дело обернулось так, что в механизированных бригадах, чуть ли не везде, стоят люди непроверенные, нестойкие… Взять хотя бы Абошидзе – забулдыга, мерзавец большой, я слышал краем уха о нем. Почему-то обязательно надо дать ему механизированную бригаду. Правильно я говорю, товарищ Ворошилов?

Ворошилов. Он начальник АБТ войск корпуса.

Сталин. Я не знаю, что такое **АБТ.**

Голос с места. Начальник автобронетанковых войск корпуса.

Сталин. Поздравляю! Поздравляю! Очень хорошо! Почему он должен быть там? Какие у него достоинства? Стали проверять. Оказалось, несколько раз его исключали из партии, но потом восстановили, потому что кто-то ему помогал. На Кавказ послали телеграмму, проверили, оказывается, бывший каратель в Грузии, пьяница, бьет красноармейцев. Но с выправкой!

Стали копаться дальше. Кто же его рекомендовал, черт побери! И представьте себе, оказалось, рекомендовали его Элиава (тот самый «старый большевик». – *С.К.),* товарищи Буденный и Егоров. И Буденный и Егоров его не знают. Человек, как видно, не дурак выпить, умеет быть тамадой, но с выправкой! Сегодня он произнесет декларацию за Советскую власть, завтра – против Советской власти, – какую угодно! Разве можно непроверенного человека рекомендовать? Ну, вышибли его, конечно…

Я знаю грузинских князей, это большая сволочь. Они многое потеряли и никогда с Советской властью не примирятся, особенно эта фамилия Абошидзе сволочная…»

Уважаемый читатель! Абошидзе был всего лишь мерзавцем. Но это – неподсудная черта биографии. И Абошидзе – несмотря на то что он «удостоился» чести быть упомянутым самим Сталиным – всего лишь «вышибли».

Но вот другое упомянутое Сталиным имя… Сорокалетний латыш (в 1937 году) дивизионный интендант Рудольф Петерсон. С апреля 1920 года комендант Кремля, с 1936 года – заместитель командующего Харьковским военным округом по тылу. В 1922 году удостоен ордена Красного Знамени, в 1934-м – ордена Ленина. Арестован 27 апреля 1937 года, на следствии дал обширные показания, 21 августа расстрелян. В 1957 году его реабилитировали вместе с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими.

Но ведь заговор Тухачевского был! Так что вряд ли был невиновен и Петерсон. Напротив, логично предполагать, что он был виновен.

И что интересно! Известный «историк репрессий» полковник в отставке Сувениров (как много все же бывших членов хрущевско-горбачевской КПСС оказалось антикоммунистами) в своем труде «Трагедия РККА 1937–1938», скорбя по невинно-де убиенным восьми высшим командирам РККА (Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Примаков, Фельдман, Путна, Эйдеман), признает, что именно на основе их показаний были якобы «оговорены» десятки командиров и политработников.

Но тот же Петерсон был арестован тогда, когда Тухачевский был еще заместителем наркома обороны. И понятно почему: Петерсон – это в заговоре линия Ягоды, а не Тухачевского.

Сувениров приводит обширный сводный «мартиролог» репрессированных командиров РККА. Так вот, комбригов в нем – 211, полковников – 273, майоров – 108, а лейтенантов – всего 22. Соотношение вполне типичное как раз для военного заговора – в нем важно не количество, а качество, статус заговорщиков.

Не стыкуется что-то здесь у присягавшего когда-то Союзу Советских Социалистических Республик полковника в отставке Сувенирова.

Да и второй известный военный «историк» профессор Анфилов зря утверждает, что, мол, репрессии в военной среде обескровили-де армию. У того же Сувенирова мы найдем, что в 1936 году в РККА было 1713 полковников, а репрессировано 273 человека.

Причем даже поверхностный анализ «мартиролога» Сувенирова показывает, что процент «линейных», строевых командиров среди репрессированных был не очень-то и высок!

Зато там то и дело попадаются такие, например, полковники, как адъютант Буденного Аквилянов, военрук Грузинского индустриального института Ахведиани, помощник командира 26-1 авиабригады по материально-техническому обеспечению Балашов, начальник штаба дивизии Особого назначения НКВД Барков, сотрудник научного отдела ЦАКА Владиславский-Крекшин, старший преподаватель Ульяновского бронетанкового училища Гильяшов, начальник кафедры иностранных языков ВАММ РККА Григорьев, начальник отдела секретариата Комитета обороны при СНК СССР Даргольц, секретарь танково-стрелкового комитета АБТУ РККА Дейбнер и т. д.

То есть в списке репрессированных полковников (и в других подобных списках) много не военных, а военных чиновников. Да оно и понятно – среди них проще было найти недовольных,

мнящих себя непризнанными гениальными стратегами.

Особенно занятно – с учетом будущей деятельности его подросших сынов-близнецов Жореса и Роя – выглядит фигура ровесника Берии Александра Романовича Медведева. Тридцативосьмилетний старший преподаватель кафедры философии Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева, пребывавший в звании полкового комиссара, он получил восемь лет лагерей весьма оригинальным образом, и значительно позднее я к этому «философу» еще вернусь.

Всего по подозрению в участии в заговоре было арестовано 8075 человек (прошу читателя простить меня за «точную» цифру, в точности которой сомневаюсь сам). Однако в конце 1938 года штатная численность командного состава РККА составила 240 000 человек. Разделить 8075 на 240 000 и умножить на 100 предлагаю самому читателю.

Да ведь и не все были расстреляны или остались в ведении ГУЛАГа. Далеко не единственный, но наиболее яркий пример здесь – Константин Рокоссовский. Был арестован, два года находился под следствием, в марте 1940 года освобожден, восстановлен в должности и звании.

Нужен второй яркий пример?

Пожалуйста, – будущий комиссар соединения Ковпака, Герой Советского Союза Руднев.

Нужен третий?

Можно и третий…

Передо мной эффектно изданный в 2005 году биографический словарь «Великая Отечественная. Командармы»… Одного его достаточно для того, чтобы опровергнуть все россказни об обескровленной-де РККА. На самом деле были в ней и после 1938 года тысячи прекрасных командиров высшего и среднего звена. И я упоминаю этот справочник с тем, чтобы привести обещанный третий пример.

Генерал-лейтенант Кузьма Петрович Подлас… В русской армии с 1914 года, подпоручик. С 1939 по 1940 год содержался под арестом в органах НКВД. В августе 1940 года восстановлен в армии и в звании.

А вот четвертый пример – генерал-лейтенант Серафим Евгеньевич Рождественский. С октября 1937 года уволен из армии и находился под следствием как «враг народа». В апреле 1939 года ввиду отсутствия состава преступления реабилитирован.

А вот генерал-полковник, Герой Советского Союза Вячеслав Дмитриевич Цветаев. В июле 1938 года арестован органами особого отдела Забайкальского военного округа, в сентябре освобожден вследствие прекращения дела.

Все вышеупомянутые (кроме Цветаева) и другие, со схожей судьбой, но здесь не упомянутые, реабилитированы уже при наркоме Берии. Но ведь и при наркоме Ежове их арестовали, однако не расстреляли – разбирались.

И ведь это примеры, что называется, «навскидку».

А ЗАГОВОР был! И заговор многослойный и многолетний.

На мартовском процессе уже 1938 года Рыков показал, что впервые вопрос о перевороте возник в 1933 году и его поднял Енукидзе. Активен был и Ягода… Привлекли уже тогда и Петерсона, и начальника кремлевской военной школы Егорова.

Это был один пласт – амбициозно-авантюристический, енукидзевский…

Был пласт группы Бухарина, Рыкова и Томского. Она имела контакты и с Троцким, и с Тухачевским, и с Ягодой, но претендовала на наибольшую, так сказать, «концептуальность» в проведении послесталинских реформ…

С ними блокировался Николай Муралов (1877 года рождения, из мещан, в 1897–1903 годах управляющий различными имениями, винокуренным и маслобойным заводом, с 1903 года помощник земского агронома в Подольске и член РСДРП (б), после революции – первый командующий войсками Московского военного округа, активный троцкист, исключенный в 1927 году из партии, но в 1935 году «покаявшийся» – увы, притворно). Это имя еще выплывет в конце моей книги.

Был пласт группы Тухачевского – с первыми соединяющийся, но более бонапартистского характера. Хотя присутствовал там и троцкистский элемент. Давно высланный за границу Троцкий публично заявлял, что «недовольство военных диктатом Сталина ставит на повестку их возможное выступление» и что в Красной армии его-де, Троцкого, «помнят».

А ведь помнили! Тот же Тухачевский был обязан своей быстрой карьерой наркомвоенмору Троцкому и его окружению. И один ли Тухачевский…

Группа Тухачевского имела хорошие связи в старом германском рейхсвере. Многие германские генералы были недовольны Гитлером так же, как «красные Бонапарты» – Сталиным. И был реален двойной заговор – в Берлине военные опрокидывают фюрера, в Москве военные – Генсека, и…

Ну, а там… Как говаривал Наполеон Бонапарт: «Надо ввязаться в бой, а там – посмотрим».

Этот вариант Гитлер наверняка видел, поэтому не исключено, что Гейдрих действительно получал от него задание скомпрометировать русских военных. Ударив по Тухачевскому в

Москве, фюрер косвенно нейтрализовал угрозу со стороны рейхсвера.

Но и при такой версии Тухачевский все равно оказывается заговорщиком. Хотя не исключено, что Гитлер и сам держал в рукаве «Тухачевскую» карту. Во всяком случае, в апреле 1937 года фюрер заявил: «Следует делать разницу между коммунизмом, как доктриной и режимом, и всей Россией, как страной и национальной державой… Договорные отношения Германии с коммунистической властью не имели бы никакой ценности, но положение в России быстро меняется, и Германия должна быть готовой к новым переменам».

Гитлер мог иметь тут в виду все более державную политику Сталина, объективно программирующую нормальные отношения с Германией, но мог иметь в виду и заговор Тухачевского.

Троцкий к тому времени хотел одного – падения Сталина. Он не чурался контактов с немцами, но генетически, так сказать, и по своим давним связям с англичанами тяготел к «туманному Альбиону» (талантливый английский разведчик Джордж Хилл в 1918 году одно время был у Троцкого в советниках, да и с Сиднеем Рейли у Льва Давыдовича какие-то делишки тогда обстряпывались).

А через Лондон шли пути в Штаты с их Уолл-стрит, с мощной еврейской диаспорой и с тоже старыми, еще дореволюционными, связями Троцкого – деловыми и родственными.

Существовал внутри страны и потенциально опасный слой «вычищенных» из партии. Это ведь был добрый миллион весьма социально активных, но шкурно настроенных людей.

К слову, в калининском «мартирологе» сплошь указаны беспартийные, но лишь из следственных дел можно узнать, сколько среди этих «б/п» было бывших членов ВКП(б).

Да, я еще забыл зарубежных «младороссов» во главе с казанским дворянином Казем-беком и великим князем Дмитрием Павловичем. В марте 1935 года последний написал меморандум, заключительный абзац которого гласил: «С разложением первой советской партии… очищается почва для создания второй советской партии, антикоммунистической, партии национальной революции».

«Младороссы» в России даже не были известны. Но потенциально это тоже был фактор.

Был и еще один аспект, о котором я не сказал пока ничего… Я имею в виду «правый» уклон в ВКП(б) и в хозяйственном руководстве. Ведь не один Бухарин призывал: «Обогащайтесь!», это было целое течение мыслей и дел. И в различных эшелонах руководства страны «правых», особенно скрытых, хватало даже в

конце тридцатых годов. И они были для будущего России не менее опасны, чем «чистые» троцкисты. Недаром Сталин однажды на вопрос, какой, мол, уклон хуже, правый или левый, ответил: «Оба хуже».

И все это сплеталось в один то ли паучий, то ли гадючий, но уж точно – в антисталинский клубок.

В конечном же счете это был многослойный заговор против России.

Военные заговорщики решались долго, но два фактора их подтолкнули.

Во-первых, ряд арестов вне армейской среды и в ней самой, в том числе арест Петерсона.

Во-вторых, позиции Сталина, и так в народе весьма прочные, после выборов могли лишь окрепнуть.

И Тухачевский назначил выступление на срок не позднее 15 мая. Ведь в случае успеха не исключался совместный с рейхсвером, сбросившим Гитлера, удар по Польше, который не удался у Тухачевского в 1920 году. Не исключался и удар совместно с Гитлером, поладившим с рейхсвером. А по осенней российской и польской грязи не очень-то навоюешь.

Да вот, не получилось… Антисоветского переворота врагам России пришлось ждать еще более чем полвека – до 1991 года.

ПОЧЕМУ я так порой подробен в рассмотрении того, что к Берии прямого отношения вроде бы не имеет? Ну, во-первых, потому, что на самом-то деле – имеет. Ведь это был тот политический и общественный фон, на котором разворачивалась и его судьба.

Во-вторых, это ведь Берии уже скоро предстояло разбираться во всех таких хитрых сплетениях – как наркому внутренних дел.

А в-третьих, лишний раз убедившись в лжи очернителей Сталина и сталинской эпохи, нам проще осознать масштабы лжи относительно самого Берии.

А лжи хватало, как хватало и слухов – в реальном масштабе времени.

Но даже в среде старой интеллигенции хватало и трезвого понимания происходящего…

Скажем, академика Владимира Ивановича Вернадского отнести к энтузиастам социалистического строительства нельзя было никак.

Однако 7 июля 1937 года он записал в дневнике:

«…положительная творческая работа делается «беспартийной» интеллигенцией и такими людьми, как Сталин, Молотов… – а не всей бесчисленной массой

коммунистов, морально, идейно и по талантливости ниже среднего уровня. Среди интеллигенции ясно сознается и распространяется убеждение, что политика Сталина – Молотова – русская и нужна для государства. Их партийные враги – враги и русского народа, если брать его государственное выражение, несомненно связанное с культурой».

Читатель, знакомый с литературным наследием академика Вернадского, может возразить мне, что я некорректно выдернул из дневника удобную для меня запись, оставив «за бортом» неудобные, например, запись от утра 1 марта 1938 года:

«Сегодня в газетах о новом «процессе». Безумцы. Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что в своей основе не исчезнет… Тревога в том, в здравом ли уме власть, делающая нужное и большое дело (ага, все же «большое»! – ***С.К.) и теперь его разрушающая…»***

Или еще хлеще – от 2 марта 1938 года:

«Кругом мильоны страданий. Небывалый террор и масса ненужных страданий и несправедливостей. Вся страна измучена и тут еще недостаток продовольствия и забота о его получении».

Увы, Владимир Иванович всегда был склонен к политическому нытью и брюзжанию в адрес большевиков, почему я и привел именно его лестные оценки Сталина и Молотова.

Что же до мифических «мильонов», то для академика эта количественная мера была вообще единственной… 5 января 1938 года он записал: «Мильоны заключенных – даровой труд, играющий заметную роль и большую роль в государственном хозяйстве».

Но и заключенных были не «мильоны», да и насчет их роли в экономике Вернадский преувеличил. Вот данные из «антибериевского» сборника 1991 года о добыче угля предприятиями НКВД не за какие-нибудь, а за суровые военные 1941–1944 годы. Всего силами НКВД было добыто тогда 8 миллионов 924 тысячи тонн.

Общая же добыча по СССР составила: 1941 год – 165,9 млн. т., 1942 год – 75,5 млн. т., 1943 год – 93,1 млн. т., 1944 год – 121,5 млн. тонн.

Итого: 456 миллионов тонн.

Процент, данный НКВД – 1,8 (одна целая восемь десятых) процента.

Ничего не скажешь – заметную роль в «государственном хозяйстве» играл «рабский труд».

«Мильоны» были преувеличением, простительным, впрочем, для личного дневника, а не для публичного выступления. Но если уж я затронул «дневниково-академическую» тему, то сообщу читателю, что:

а) Вернадский брюзжал с ноября, почитай, 1917 года;

б) брюзжал – весьма, увы, неумным и недостойным образом – не он один.

В подтверждение пункта «а» приведу выдержки из дневников В.И. Вернадского 1917–1918 годов:

12. X.1917.

«Всегда боялся, что социализм дает дисциплину казармы…» (хотя 3 ноября он же записывает: ***«…для всех ясна необходимость перехода к той или иной форме диктатуры».*** *– С.К.).*

18. X. 1917.

«Сифилис и болезни, разнузданность и оправдание грабежа – почва, на которой придется строить воспитание нового поколения…»

20.XI.1917.

«***Неизбежно… идейное и моральное крушение социализма. Что поставить на его место? Идеал единой космической организации человечества через государство?..»***

18. IV/1.V.1918.

«Мы хотели верить в русскую революцию, в мировое демократическое движение. Теперь мы верить в нее не можем. А у меня все более и более поднимается презрение…

Равенство людей – фикция… Промышленность и техника вообще не может свободно развиваться при социалистическом строе, т. к. он весь не приспособлен к личной воле, неизбежной и необходимой для правильного функционирования организаторов и изобретателей…»

Вернадский не эмигрировал, надо отдать ему должное… Он стал одним из руководителей Академии наук СССР, но до конца жизни так и оставался не более чем «попутчиком» народа в его историческом движении. К сожалению, не более чем попутчиком.

В подтверждение же пункта «б» (насчет неумного брюзжания и других видных интеллигентов, кроме Вернадского) я приведу

еще один дневниковый отрывок…

«Участь России, околевшего игуанодона или мамонта – обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран. *<…>* ***Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы. Будущего России нет; мы без настоящего и будущего. Жить остается только для того, чтобы кормить и хранить семью – больше нет ничего. Окончательное падение России, как великой и единой державы, вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности, чувства «священного союза» – эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории.*** *<…>* ***Мы годны действительно только, чтобы стать навозом для народов высшей культуры…*** *<…>* ***Русский народ – народ-пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди чисто русских людей – людей, страстно желающих конечного поражения России. Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжество.*** *<…>* ***Необычайно уродливое явление – отсутствие русского вообще и в частности великорусского патриотизма. В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно – армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский – имя им легион, – нет только общерусского…*** *<…>* ***Как будто великороссы, создавшие в свое время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись…»***

Это – выдержки из дневника академика-историка, директора Румянцевского музея (и тоже будущего академика АН СССР) Юрия Владимировича Готье за… июль 1917 года. Стоило ли их комментировать в 1937 году, давшем миру триумф Чкалова?!

Вот такие казусы случались тогда со старой научной интеллигенцией. Она вроде бы режим Сталина и поддерживала, но она же его и осуждала.

Однако бог уж с ней – с брюзжащей академической и вообще интеллигентской средой. ***Эти*** – пока не было массового телевидения, ни на что всерьез не влияли и ничего всерьез не значили. Надо было появиться телевизионному Останкину времен «перестройки», чтобы расейский интеллигент решил судьбу страны.

Но ведь были и те, кто мог повлиять на нее решающе уже тогда. Те, что не брюзжали, а могли действовать.

Угрозу военного заговора удалось ликвидировать, хотя частности еще оставались. Однако имелась вторая влиятельная

опасная прослойка – скрытая реальная или потенциальная оппозиция со стороны партийно-государственных верхов.

Так что после разговора о «военной» угрозе и «интеллигентском» брюзжании остановимся-ка мы на этих самых «верхах»…

ВЕРНЕМСЯ в март 1937 года, а точнее – в день 3 марта, когда Сталин выступил на февральско-мартовском Пленуме ***ЦК*** с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (29 марта его опубликовала «Правда»).

В тот день он говорил о резком сужении массовой политической базы троцкизма, но – зато и о его превращении в «оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданию разведывательных органов иностранных государств…».

В таком заявлении – если иметь в виду текущее положение дел – был, пожалуй, перехлест. Но это был тот случай, когда лучше «перебдеть», чем «недобдеть»… ***Потенциальная*** «пятая колонна» в развитой и политически активной части общества была! Собственно, Сталин же и отметил, что «вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны».

Говорил Сталин и о теневых сторонах хозяйственных успехов, и прежде всего – о политической беспечности:

«Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится все более и более ручным…

Наоборот, чем больше мы будем продвигаться вперед… тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут идти они на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству…»

Но Сталин не пощадил и почивающих на лаврах (вообще-то весьма жидких пока) хозяйственных руководителей:

«Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям также выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже

перевыполнивших годовые… планы, систематически не выполняют планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства».

Сказал Сталин и о партийных кадрах:

«Я думаю, если бы мы смогли, если бы сумели наши партийные кадры снизу доверху подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач…»

Что сулили такие речи «верхам»? Двух мнений быть не может – работу, работу и еще раз – работу. И это – в дополнение к ленинскому (а теперь еще и сталинскому) завету учиться, учиться и еще раз – учиться.

А все ли в «верхах» советского общества этого хотели?

Уже Ленин на заре Советской власти в письме Цюрупе возмущался:

«…Все у нас потонули в паршивом бюрократизме «ведомств»… Большой авторитет, ум, рука нужны для повседневной борьбы с этим. Ведомства – г…; декреты – г… Искать людей, проверять работу – в этом все…»

В мае 1935 года Сталин, выступая перед выпускниками академий РККА, развил эти мысли, сказав:

«Раньше мы говорили, что «техника решает все»… Но этого далеко и далеко не достаточно… Техника без людей, овладевших техникой, мертва… Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг «техника решает все», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом о том, что «кадры решают все». В этом теперь главное…»

Но все ли кадры так уж и горели желанием «решать все»? Маяковский в конце двадцатых годов издевался над такими вот стихами одного из «пролетарских» поэтов:

За все бои, за все невзгоды
Глухим сомнениям не быть!
Под этим мирным небосводом
Хочу смеяться и любить…

А теперь шла уже вторая половина тридцатых годов. И среди «старых бойцов» (а уж тем более – среди новых партийных и государственных аппаратчиков) число любителей «смеяться и любить» лишь возросло.

Конечно, такие любители водились прежде всего в «творческой среде»… Об этом есть хорошее свидетельство в дневнике Корнея Чуковского. 24 ноября 1931 года он записал:

«Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь…»

А 25 и 27 ноября прибавил:

«***Был… у Пильняка. За городом. Первое впечатление: страшно богато, и стильно, и сытно, и независимо…***

Вчера заехал за мной Пильняк… – у него «Форд» очень причудливой формы… По дороге… быстро и уверенно в гастрономич. магазин. Выбежал с бутылкой. В доме у него два писателя, Платонов и его друг… Друг – коммунист («вы таких коммунистов никогда не видали»), и действительно этот странный партиец сейчас же заявил, что «ну его к чорту, машины и колхозы (!), важен человек (?)», – сейчас же сели обедать, Ольга Сергеевна, американская дама с мужем, только что к нему приехавшая, Ева Пильняк и мы, трое гостей. Гусь с яблоками…»

Ну, какие тут могут быть «машины и колхозы», граждане и господа-товарищи, когда гусь на столе!

Да еще с яблоками.

И две бутылки из «гастрономич». магазина…

Нет, им не подходил ни сталинский лозунг «Кадры решают все», ни новая избирательная система как хлыст в руках народа против плохих властей, ни сталинское намерение посадить их за парты – не снимая обязанностей по работе.

Ведь Владимир Маяковский не выдумал ни Пьера Присыпкина, ни Олега Баяна из «Клопа», ни тов. Победоносикова из «Бани».

Так что уже февральско-мартовский Пленум подспудно обстановку в «верхах» накалял. А в июне предстоял еще один Пленум ЦК – «предвыборный»…

Глава 10
Июнь 37-го: партия Сталина против партии партократов

Историк Юрий Жуков, автор информативной книги «Иной Сталин», приводит убийственные факты. Оказывается, в гласном обсуждении проекта новой Конституции очень вялое участие приняла именно партийно-государственная «верхушка»…

Хронология тут такова.

11 июня 1936 года ЦИК СССР одобряет проект Конституции и назначает созыв Всесоюзного съезда Советов на 25 ноября.

12 июня проект нового Основного закона публикуется во всех газетах.

14 июня в газетах вводится постоянная рубрика «Всенародное обсуждение проекта конституции СССР». Но обсуждали проект все, кроме партийных секретарей.

Так, первый секретарь ЦК Компартии Армении Ханджян (позднее якобы «невинно убиенный», о чем я впоследствии расскажу) опубликовал 27 июня в «Правде» нейтральный экономико-географический очерк о своей республике.

Так же поступил 25 июня первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Гикало.

Не было ни слова о проекте в «правдинских» статьях первого секретаря Донецкого обкома Саркисова, наркома просвещения РСФСР Бубнова (к слову, ярого сторонника калечащей детей педологии) и других.

Приходится ли удивляться, что Михаил Пришвин в своем дневнике 22 июня 1936 года записал:

«Просят от «Крестьянской газеты» моего отклика на новую конституцию… Мои современные писания доказывают, что я по-прежнему близок к родному русскому народу, но почему же, несмотря на это, я остаюсь мятежником и обращусь в живой труп, если этот мятеж каким-нибудь способом будет изъят из моей груди. Спрашиваю себя: «Кто же этот мой враг, лишающий меня возможности быть хоть на короткое время совсем безмятежным?» И я отвечаю себе: мой враг бюрократия, в новой конституции я почерпну здоровье, силу, отвагу вместе с народом выйти на борьбу с этим самым страшным врагом всякого творчества…»

Не знаю, как тебя, мой читатель, но меня поразила эта

удивительная перекличка идей большевика Сталина и мыслей интеллигента Пришвина.

Вот и еще одно размышление – со стороны, в книге Лиона Фейхтвангера «Москва. 1937»:

«Молодая история Союза отчетливо распадается на две эпохи: эпоху борьбы и эпоху строительства. Между тем хороший борец не всегда является хорошим работником, и вовсе не обязательно, что человек, совершивший великие дела в период Гражданской войны, должен быть пригоден в период строительства… Ныне Гражданская война давно стала историей; хороших борцов, оказавшихся негодными работниками, сняли с занимаемых ими постов, и понятно, что многие из них теперь стали противниками режима».

А это значило, что нерв общественной жизни тогда был в борении новой жизни и жизни отходящей. В борении молодых, образованных, естественных сторонников социализма с начинающей ***зажиратъся*** бюрократией и с изболтавшимися «старыми большевиками», компетентность которых могла быть поставлена под вопрос уже в ближайшее время.

Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Лаврентий Берия был – в отличие от многих его коллег и товарищей по партии – безусловно компетентен. Он и при новой избирательной системе ***массами*** не был бы отвергнут и был бы избран в любом случае. И поэтому он не просто откликнулся на проект конституции, но сделал это внятно и развернуто. Его статья «Новая Конституция и Закавказская Федерация» появилась в «Правде» уже 12 июня.

Она была выдержана вполне в духе сталинских идей, но старый чекист не был бы самим собой, если бы при этом не предупредил:

«Нет сомнения, что попытки использовать новую конституцию в своих контрреволюционных целях будут делать и все заядлые враги Советской власти, в первую очередь из числа разгромленных групп троцкистов-зиновьевцев».

БЕРИЯ в своих опасениях был, конечно же, прав! Накануне июньского Пленума 1937 года, о котором ниже пойдет речь, из Мексики в адрес ЦИК СССР пришла телеграмма Троцкого.

«Политика Сталина ведет к окончательному как внутреннему, так и внешнему поражению. Единственным спасением является поворот в сторону советской демократии, начиная с открытия последних судебных процессов. На этом пути я предлагаю полную поддержку».

И знал ведь, когда писать – в Москве собиралось все партийное руководство! А знал ведь не из газет. Была у него

прочная связь с Москвой, была!

Троцкий являлся все еще сильным фактором – не сам по себе, а именно как вдохновитель своих единомышленников. Именно единомышленников, а не масс – массы шли за Сталиным.

Фейхтвангер – блестяще осмысливший процессы 1937 года – блестяще написал и о Сталине с Троцким. Я приведу лишь одну его мысль:

«Троцкий – ослепительное единичное явление. Сталин – поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов. Троцкий – быстро гаснущая ракета, Сталин – огонь, долго пылающий и согревающий».

Замечу, что и Берия ведь был сыном крестьянина, поднявшимся до выдающегося работника интеллектуального труда. Хотя и не поднявшимся, конечно, до гениальности.

А вот рекомендации Троцкого испанским троцкистам в «Бюллетене оппозиции» за 1937 год:

«Десять тысяч, при твердом и проницательном руководстве, могут найти дорогу к массам, вырвать их из-под влияния сталинцев и социал-демократов… и обеспечить не только… неустойчивую победу республиканских войск над фашистскими, но и полную победу трудящихся над эксплуататорами».

Такую же линию поведения Троцкий рекомендовал своим сторонникам в СССР.

На самом деле это не было стратегией победы – Сталин еще в 1934 году говорил Герберту Уэллсу, что любой политический авангард бессилен без хотя бы молчаливой поддержки масс. Но вред стране «десять тысяч» «соколов Троцкого» могли нанести огромный, потому что обстановка была напряженной.

Напомню:

31 марта 1937 года арестован Ягода – тогда уже нарком связи. Однако аресты в центральном и периферийном аппаратах НКВД продолжались; в мае прошли основные аресты среди высшего командного состава РККА, арестованы маршал Тухачевский, командармы Якир, Уборевич, Корк, комкоры Примаков, Путна; летом 1937 года прошел процесс по делу военного заговора, и 11 июня по этому делу был оглашен приговор – расстрельный…

Готовился третий процесс марта 1938 года по делу «правотроцкистского блока» Бухарина – Рыкова, на котором судили и Ягоду. А одновременно с этим шла подготовка к первым выборам в Верховный Совет.

Вот как обстояли основные политические дела в стране к

концу июня 1937 года, когда в Москве открылся очередной Пленум ЦК, вначале назначенный на 20 июня.

РЕАЛЬНО он длился с 23 по 29 июня, рассмотрел проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и одобрил его. В информационном сообщении о Пленуме, опубликованном в «Правде» 30 июня, говорилось: «Далее пленум рассмотрел вопросы: а) об улучшении семян зерновых культур, б) о введении правильных севооборотов и в) о мерах по улучшению семян зерновых культур…»

«Семенной» вопрос на Пленуме действительно рассматривался, и по нему было принято соответствующее развернутое, вполне деловое постановление, опубликованное в печати.

Однако главным был, конечно, вопрос «выборный», но по нему никакой развернутой публичной информации не было. Об этом Пленуме вообще известно немного – даже стенограммы отсутствуют. Даже порядок рассмотрения вопроса был скрыт, потому что «семенной» вопрос рассматривался не «далее…», а первым.

И тому были причины.

Анализ некоторых из них с привлечением многих малоизвестных данных о тех днях проведен в книге Юрия Жукова «Иной Сталин», которую было бы вернее назвать «Подлинный Сталин», если иметь в виду не столько оценки ее автора, сколько факты, им приводимые.

В аннотации на четвертой обложке книги сказано, что Юрий Жуков доказывает невероятные-де вещи, а именно:

«Сталин хотел начать демократизацию страны и провести свободные выборы на альтернативной основе, ***обеспечивая выдвижение новых сил, проявивших себя в социалистическом строительстве;***…стремился удалить от власти партократию, продолжавшую жить иллюзиями мировой революции, ***а частично буржуазно переродившуюся;*** пытался отстранить от управления экономикой дилетантов, заменяя их ***новыми, воспитанными социалистическим строем***, профессионалами;…проводить внешнюю и внутреннюю политику, сообразуясь лишь с национальными интересами ***народов*** России и ***народов, объединившихся с русским в единое Союзное государство».***

Признаюсь читателю, одновременно принося свои извинения Юрию Николаевичу Жукову, что все слова, выделенные в этой цитате курсивом, принадлежат мне, а не ему. И вот с этими коррективами я такой взгляд на Сталина разделяю.

Надеюсь, что сказал уже достаточно для того, чтобы с такой

оценкой Сталина периода 1936–1937 годов согласился и читатель. Но я кое-что сейчас и прибавлю…

Парт– и совбюрократы действительно все более наглели. Например, практика кооптации (введения в выборный орган без проведения выборов), несмотря на резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК, так и не прекратилась. Скажем, Челябинский областной исполнительный комитет более двух третей вопросов решал «опросом», а не на сессиях, Свердловский – 70 %, Азово-Черноморский крайисполком – более 80 %.

Из 20 000 постановлений облисполкома Западной области, принятых с начала 1936 года, только 500 были рассмотрены на заседаниях президиума, а остальные были приняты либо «опросом», либо просто после подписи председателя и секретаря.

Последний факт выявлял сразу три прискорбных момента:

– увлечение региональных «вождей» не делом, а бумаготворчеством (примерно 40 «бумаг» областного значения в день!);

– несклонность тех же «вождей» к совету не то что с народом, но даже со своим выборным окружением;

– несклонность руководящих региональных кругов к изменению положения.

И СТАЛИН воспользовался тем же методом (палка-то всегда о двух концах!). Уже во второй половине мая «опросом» были выведены из состава ЦК В КП (б) первый секретарь Свердловского обкома Кабаков, Рудзутак, Элиава, Орахелашвили (он), Уха-нов (кроме них также Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман, Гамарник)…

А уже в ходе Пленума из состава ЦК без лишнего шума были выведены – с исключением из партии – и другие… В том числе: секретарь Союзного комитета ЦИК СССР Уншлихт, председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР Антипов, бывший нарком совхозов Калманович, первые секретари Курского и Одесского обкомов Шеболдаев и Вегер, первый секретарь Крымского обкома Лаврентьев.

Бывший председатель Совнаркома Грузии и секретарь Заккрайкома Картвелишвили уехал из Закавказья еще в 1933 году. Был секретарем Западно-Сибирского крайкома, Дальневосточного крайкома, а с 28 декабря 1936 года стал секретарем Крымского обкома партии Лаврентьевым (так Картвелишвили начал именовать себя с некоторых пор).

«Демократы» репрессию и Лаврентия Картвелишвили приписывают Лаврентию Берии. Но пусть кто-то из них объяснит, как мог Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Берия

распорядиться судьбой первого секретаря Крымского обкома ВКП(б) Лаврентьева. Оно, конечно, Крым – солнечный край, но в состав солнечной Грузии он все же не входил.

Однако это были лишь «цветочки»… Кислую «ягодку» преподнес многим участникам Пленума член образованной 26 мая 1937 года Комиссии Политбюро по подготовке нового избирательного закона Яков Яковлев (Эпштейн). Напомнив о том, что выборы будут всеобщими, равными, прямыми и тайными, он подчеркнул, что выборы – в полном соответствии с уже действующей Конституцией, должны быть еще и альтернативными!

Альтернативными!

Это ведь, уважаемый читатель, в хрущевско-брежневские времена стало нормой наличие в избирательных бюллетенях только одного кандидата, хотя Конституция допускала их несколько. А тогда ведь все начиналось – первые выборы лишь предстояли.

И по Конституции (цитирую, между прочим, учебное пособие «Конституция СССР» для 7-го класса средней школы издания 1953 года) правом выдвигать кандидатов в депутаты Совета пользовались «все общественные организации и общества трудящихся: коммунистические партийные организации, профессиональные союзы рабочих и служащих (а их, если считать отраслевые профсоюзы, был не один десяток! – *С.К.),* кооперативные организации, молодежные организации, культурные общества»…

И это – не считая общих собраний на предприятиях, в колхозах, совхозах и воинских частях!

Яковлев говорил:

«Конституция СССР предоставляет каждой общественной организации и обществу право выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР. Эта статья имеет огромное значение, она внесена по предложению товарища Сталина. Ее цель развить, расширить демократию. Эта статья обеспечивает подлинный демократизм на выборах».

Сказанное с трибуны Пленума было не простым звуком, потому что дальше Яковлев конкретизировал общий тезис:

«На окружные избирательные комиссии возлагается обязанность зарегистрировать и внести в избирательный бюллетень по соответствующему округу всех без исключения кандидатов в Верховный Совет, которые выставлены общественными организациями и обществами трудящихся…»

Далее Яковлев пояснил, что отказ от регистрации может быть обжалован в Центризбирком, что никаких особых требований к

кандидатам не предъявляется, что для избрания в депутаты необходимо получение абсолютного большинства голосов и т. п.

Но это не все!

Говоря о работе призванных контролировать исполкомы депутатских секций местных Советов (то есть комиссий Советов), Яковлев сказал:

«В тех многочисленных случаях, когда секции проявляют инициативу, вскрывают недостатки, требуют исправления, критикуют заведующих (отделами исполкомов. – *С.К.),* заведующие начинают нередко осаживать их, перестают ходить на секции… Все наши работники должны понять, что нет людей, которые могли бы претендовать на бесконтрольность в работе, что подконтрольность любого работника вытекает из основ Советской власти, что только с помощью контроля снизу, дополняющего контроль и руководство сверху, можно улучшить работу Советов…»

Возможно, кому-то из читателей эти слова могут показаться слишком общими и похожими на ту ни к чему не обязывающую партболтовню, которую мы слышали с брежневско-горбачевских трибун. Но это – закрытая (до 2005 года) стенограмма Пленума ЦК. Это – не пропаганда, не агитация. Это – практический, так сказать, «разбор полетов»… И одновременно – инструктаж и директива.

Поэтому для понимания возникающей ситуации нам важно знать, что Яковлев говорил и так:

«Само собой разумеется, что практика подмены законов усмотрением той или иной группы бюрократов является делом антисоветским…»

И так:

«Партгруппы в Советах, и в особенности в исполкомах Советов, зачастую превратились в органы, подменяющие работу Советов, в органы, кои все решают, а Советам остается лишь проштамповать заранее заготовленное решение… Вывод отсюда: необходимо будет войти на очередной съезд партии с предложением об отмене пункта Устава ВКП(б) об организации партгрупп в Советах…»

Стиль доклада Яковлева позволяет предполагать двойное авторство – как самого Яковлева, так и Сталина.

Кем же он был – Яковлев Яков Аркадьевич, а точнее – Яков Аркадьевич Эпштейн? Человек он был явно талантливый, но неоднозначный, и – с не очень понятной мне судьбой. 1896 года рождения, сын учителя в Гродно. Учился в Петербургском политехническом институте, но не окончил – явно по причине

ухода в политику, с 1913 года большевик. Участник Октябрьской революции в Петрограде. Затем – стандартная для профессионального революционера круговерть должностей и местностей. Был редактором газет «Беднота» и «Крестьянская газета», то есть обладал и литературными навыками, и стилем. А плюс к тому – и головой.

К Троцкому отношения не имел, наоборот, Троцкий его периодически «поклевывал». Троцкий ведь был «левым», а Яковлев уклонялся «вправо». И одно время уклонялся серьезно – вплоть до организационных действий. В декабре 1929 года – накануне начала коллективизации – он возглавил только что созданный союзный Наркомат земледелия, и ему приписывают все «ужасы коллективизации», что, конечно же, неверно.

С апреля 1934 года Яковлев стал заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК, а с октября 1936 года фактически исполнял обязанности председателя Комиссии партийного контроля при ЦК (формальный председатель Ежов даже официально девять десятых своего времени отдавал НКВД).

Яковлев был одним из соавторов Сталина и Бухарина по проекту Конституции. Над докладом на июньском Пленуме Яковлев, как я понимаю, тоже поработал немало, однако общий замысел его был, конечно, сталинским. И по нему Советская власть должна была стать именно Властью.

Кронштадтский мятеж эсеров в 1921 году проходил под демагогическим лозунгом «Советы без коммунистов». А теперь партия Сталина, поняв опасность установления в стране власти партии партократов, выдвигала, по сути, лозунг: «Советы без партократов, но под идейным руководством коммунистов!»

Вот те, бабушка, и Юрьев день! Приехали, называется, «хозяева жизни» на Пленум!

Такой поворот дел не радовал партократов-«победоносиковых». Но и бескорыстные старые бойцы тоже не были обрадованы докладом Яковлева – Сталина.

А тут еще и Молотов подбавил:

«Надо понять, товарищи, что наши старые критерии старых партийцев теперь во многих отношениях недостаточны. Товарищ Сталин за последнее время несколько раз нам всем говорил о том, что наши старые оценки людей теперь совершенно недостаточны. Имеет дореволюционный партийный стаж… участвовал в Октябрьской революции, имел заслуги в Гражданской войне, потом… неплохо дрался против троцкистов и против правых… Но это недостаточно… В данное время от нас… требуется, чтобы… руководители… умели на места устаревшего хламья, обюрократившейся или очиновничейся группы

работников выдвигать новых людей».

Все цитаты из выступлений на июньском Пленуме, приведенные выше, взяты не из чьих-либо воспоминаний. Это – данные из архива, а конкретно – из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Смотри, как говорится, фонд 17-й, опись 2-ю, дело 616-е, листы 5—224-й…

Я, конечно, сам это дело не читал – не допущен. Но вряд ли читавший его ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук Ю.Н. Жуков в цитировании что-то напутал.

Хотя путаницы вокруг июньского Пленума напутано ой как много. И вполне сознательно.

Ведь если широко обнародовать тот факт, что Сталин намеревался уже в 1937 году демократизировать страну, то это…

Это поставит крест на любой – хрущевской, советологической, «демократической» — концепции Сталина как «тирана», «сатрапа», «диктатора»!

А помня об основной теме книги, я подчеркну: и на подобных концепциях Берии – тоже! Ведь если свора партократов и партократических историков так нагло, подло и тотально клеветала десятилетиями на Сталина, то логично считать, что и на его соратника Берию она клеветала так же!

Между прочим, на Пленуме из состава ЦК был выведен нарком здравоохранения СССР Каминский – большевик с 1913 года, в 1920–1921 годах секретарь ЦК КП (б) Азербайджана и председатель Бакинского Совета.

Некий халтурщик от истории Федор Волков в своем капитально-пасквильном труде 1992 года «Взлет и падение Сталина» (среди рецензентов были академик А.М. Самсонов и гораздый на выдумку писатель Овидий Горчаков, с которым мы еще столкнемся) сообщил, что Каминский-де «погиб после того, как выступил по совету Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) с разоблачением Берии как агента охранки (уже и охранки! – ***С.К.)».***

Забавно, что несколькими страницами далее Волков утверждает, что это грузинские большевики давно, мол, «говорили Сталину о его (Берии. – *С.К.)* темном прошлом, о том, что он был «агентом международного империализма».

То есть, по Волкову, выходит так: старые большевики сказали Сталину, тот сказал Каминскому, а Каминский сказал всем, на чем и погорел – Берия его тут же и расстрелял. Не будучи, правда, еще наркомом внутренних дел и находясь не в Москве, а в Тбилиси.

Если же верить К. Залесскому, автору биографического справочника «Империя Сталина», то Каминский на июньском Пленуме якобы обратился к Сталину со словами: «НКВД продолжает арестовывать честных людей», на что Сталин-де ответил: «Они враги народа, а вы птица того же полета».

Возможно, такая пикировка и имела место быть – во всяком случае, она адекватно отражает суть ситуации. Однако 27 июня Молотов в своем докладе на Пленуме причиной отстранения Каминского и ряда других наркомов назвал неспособность слишком многих профессиональных революционеров справляться со своими прямыми служебными обязанностями.

Конкретно Каминский не справился со строительством родильных домов, яслей и с обеспечением их оборудованием. Молотов определил его отношение к делу как «совершенно бюрократическое».

25 июня 1937 года – в ходе Пленума – Каминский был арестован и 8 марта 1938 года приговорен к расстрелу.

Читатель может заметить: «Даже если он провалился как наркомздрав, не расстреливать же за это!» Но Каминский был не просто наркомом, а еще и «старым борцом» с опытом подпольной и агитаторской работы. И годков ему было не так чтобы много – всего сорок два… Оставшись на свободе и собравшись вместе, такие борцы могли ведь устроить борьбу и еще раз. Со Сталиным. А стране не борьба их была нужна, а новые родильные дома.

Потом речи Каминского выплывут на антибериевском Пленуме ЦК в июле 1953 года – в речи Хрущева. Но до этого Пленума нам, уважаемый читатель, еще надо добраться.

А ПОКА что у нас заканчивается июньский Пленум 1937 года, и на нем разгораются последние прения. Возражать Яковлеву (то есть Сталину) или Молотову (то есть тому же Сталину) никто по существу не может – против правды не попрешь!

«Сбросить» Сталина, пользуясь Пленумом, тоже нельзя. За Сталиным прочно стоит не только основная партийная масса, но и подавляющее большинство активной части страны. Подчеркиваю – активной! Но ситуацию-то определяет именно она!

Нет, Сталина партократам не свалить. И это понимают все – как они, так и сам Сталин. И спор идет не вокруг сути – вопроса об альтернативности, а о наиболее беспристрастной форме подсчета голосов – кто его контролировать будет? Сталин мимоходом бросил фразу насчет того, что на Западе, мол, в условиях многопартийной системы этой проблемы нет, и вдруг прибавил:

– У нас различных партий нет. К счастью, или к несчастью, у нас одна партия…

Уж не знаю – последовала ли за этими словами Генерального секретаря ЦК Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) немая сцена по типу гоголевской. Думаю, вряд ли… Тем более что Сталин тут же пояснил, что в качестве временной меры надо привлечь для контроля существующие общественные организации, но не партийные – мол, у нас и так много власти в руках. Но реплику Сталина заметили и запомнили многие.

Подготовка же к выборам после Пленума шла по-прежнему в русле альтернативности. В проекте образца избирательного бюллетеня еще в конце августа имелся текст: «Оставьте в избирательном бюллетене фамилию ОДНОГО кандидата, за которого Вы голосуете, остальных вычеркните».

Так почему же вместо альтернативных или, как тогда говорили, параллельных, выборов страна получила «операцию» НКВД?

Уже не раз упоминавшийся Ю. Жуков считает, например, что репрессии-де спровоцировали партократы, чтобы воспрепятствовать реализации идей «группы Сталина». Мол, Эйхе потребовал права немедленных расстрельных репрессий для своего Западно-Сибирского края, а там, мол, пошло-поехало…

Но московский историк Жуков имел возможность наблюдать лишь не то что загнившую, а изначально гнилую «элиту» 70—90-х годов. И поэтому он мыслит категориями «борьбы за власть», «подсиживания» и т. п. Он и Сталина измеряет мерками Хрущева, Брежнева, Андропова (Горбачев здесь «мимо денег», потому что ***этот*** за власть не боролся, его к власти ***привели*** для того, чтобы он ее впоследствии ***сдал —*** вместе со страной).

Но Жуков, конечно, ошибается! Не так прост и слаб был товарищ Сталин, чтобы поддаться за здорово живешь – в считаные дни после завершения Пленума – требованиям или провокации какого-то там Эйхе и так вот – скоропалительно – дать санкцию на массовые репрессии во избежание-де нежелательных для Сталина результатов выборов.

К тому же и репрессивная «операция» после выборов не закончилась ведь.

Думаю, все было и проще, и сложнее. Как мог (и даже как обязан был!) рассуждать в конкретно сложившейся ситуации Сталин?

Скорее всего, так… Кто должен на практике организовывать выборную кампанию и вообще пока осуществлять – пусть и

некачественно – повседневное управление страной и экономикой? Да эти вот самые парт– и совбюрократы, и даже скрытые «правые» и «левые»…

В одночасье их всех не заменишь – и управление рухнет, и они взбунтуются. И вместо мощно набирающего обороты хозяйственного развития получим черт-те знает что…

Организацию подлинных альтернативных выборов бюрократы не обеспечат и саботируют их втихую. А если на них «нажать», так могут такие ***кандидатуры*** подобрать и протащить, что от впервые избранного Верховного Совета у всей страны будет головная боль.

Именно – головная боль, а не свержение Советской власти, как это, замечу я в скобках, получилось со Съездом народных депутатов СССР в 1991 году. Избрать антисоветский и антисталинский Верховный Совет у антисоветчиков и антисталинцев не получилось бы – не те были общественные настроения в целом.

А вот протащить в первый Верховный Совет некоторое количество политических «бузотеров» – это было реально. И что вышло бы? Стране ведь не просто парламент нужен был, от слова «парле» («говорить» или, резче, – «болтать»), а нормальный рабочий орган, решающий насущные ***деловые*** проблемы социалистического общества. В некотором смысле – орган деполитизированный.

Деполитизированный в том смысле, что никакой ***политической*** борьбы внутри Верховного Совета СССР быть не должно было… Споры должны были идти лишь о путях решения проблем ***хозяйственного и социального*** строительства.

Спорить можно было, но о том, как лучше строить социализм, а не о том, можно ли его построить в одной стране, или о том, надо ли его вообще строить. А бюрократы вольно (пытаясь реализовать свои политические амбиции) или невольно (не сумев эффективно противодействовать прямым или скрытым врагам социализма) могли навязать стране политизированный Верховный Совет.

Причем здесь получали шанс и оставшиеся троцкисты, и «правые», и карьеристы, и скрытые антисоветчики. А нейтрализовать их партократия – в условиях, навязываемых ей Сталиным, – вряд ли захотела бы. Да и не сумела бы…

С другой стороны, предстоящие выборы неизбежно активизировали врагов социализма на всех уровнях (помните высказывания калининских раскулаченных?).

Сталин не боялся «утратить власть». Не боялся он, безусловно, и угрозы падения вообще Советской власти, потому что такой внутренней угрозы не было – молодая Россия была за

Советскую Россию. Но Сталин опасался даже временной нестабильности, угрозу которой, ***как выяснялось***, могли создать альтернативные выборы.

С другой стороны, коль уж дела заваривались таким манером, можно было использовать ситуацию для «зачистки» низовой потенциальной «пятой колонны». Ведь известно – чтобы засечь огневые средства врага, надо вызвать его на активность. А такая активность в ожидании выборной кампании уже наблюдалась.

И получалось, что так или иначе необходимую чекистскую «операцию» против «пятой колонны» было целесообразно начать именно сейчас. И объяснение ей было убедительным – мол, нейтрализация недобитого враждебного «элемента», способного сорвать выборы.

Провести эту «операцию» надо было при старой партократии, советской и хозяйственной бюрократии. А уж потом (и даже в ходе «операции» в «низах») можно постепенно прибирать «к ногтю» провалившиеся и враждебные «верхи».

Математики знают: неберущийся интеграл берут по частям!

Вот Сталин и решил его взять так! Чтобы уж потом – как там сказал Молотов? – на места устаревшего хламья, обюрократившейся или очиновничейся группы выдвигать новых людей.

Пока от идеи альтернативных выборов приходилось отказаться, но конституционная-то возможность сохранялась! И идею можно было отложить до следующих выборов.

Первые выборы – 12 декабря 1937 года. Срок полномочий обеих палат Верховного Совета – 4 года. Значит, следующие выборы – 12 декабря 1941 года. Нормально! К тому времени и кадры можно сменить… И молодая поросль социализма окрепнет.

А коль уж Эйхе, Хрущев и другие сами требуют немедленных репрессивных мер – тем лучше.

Вот как, возможно, думал Сталин. И думал недолго: Пленум закончился 29 июня, а приказ № 00447 НКВД Политбюро утвердило 31 июля. А ведь надо было еще дать запросы «на места» о том, сколько там человек предполагается репрессировать, получить ответы и определить окончательные квоты по регионам – эти самые «лимиты».

Это была политика не борьбы за личную власть, а политика борьбы за страну. Да, здесь был расчет, однако не шкурный, а мудрый и по необходимости жесткий.

В республики и регионы был дан запрос о численности тех, кого, по мнению «мест», необходимо репрессировать в ходе единовременной «операции». Ответы «мест» были разными (но

практически все – с точностью до единиц), и я приведу лишь три:

	К расстрелу	К высылке
Грузинская СССР (Берия)	1419	1562
Западно-Сибирский край (Эйхе)	10 800	—
Московская область (Хрущев)	8500	32 805

Итак, что мы здесь видим?

«Палач» Берия выдал в ЦК вполне резонные и даже умеренные цифры: высылать надо немногих, но «расстрельные» кандидатуры есть… А как им было не быть в такой сложной республике, как Грузия?! Вспомним людоедские инструкции Ноя Жордании, несущие Закавказью кровь, слезы и дым военных пожарищ… Разве в Грузии еще не оставались тогда многие из тех, кто не смог выполнить эти инструкции в 1924–1925 годах, но кто был не прочь их все же выполнить при удобном случае?

Иногда облыжно пишут о том, что Берия-де за 1937–1938 годы уничтожил все руководство Грузии в качестве акта некой личной мести. Но в закавказских республиках то коммунистическое чванство, рост которого беспокоил уже Ленина и которое так осложняло жизнь Сталину, имело особенно благодатную базу. На все ведь рук не хватало, даже Сталин в Москве, как видим, не всегда мог с партократией совладать и вынужден был пойти на ее «зачистку».

Берии в Тбилиси было не легче, и я мало сомневаюсь, что он безотносительно к возможности репрессий (санкцию на которые со стороны Сталина и сталинской части Политбюро он к тому же не мог заранее предвидеть) готовил разумные кадровые замены «старым большевикам». Репрессии решали этот вопрос жестко, но достаточно эффективно.

Если что и бросается в глаза, так это, напротив, низкая «расстрельная» пропорция по Грузии при составлении «проскрипционных» списков: примерно 1 человек на 2400 жителей. А сюда же и очевидные враги Советской власти входили… И «просто» бандиты – их в горной Грузии все еще хватало.

Нет, те из грузинского руководства, кого потом, в годы повальных реабилитаций, зачисляли в «безвинные жертвы мстительности Берии», если и были личными врагами последнего, то лишь потому, что они уже мешали делу Советской власти как власти творчества масс.

Между прочим, Микоян и Маленков осенью 1937 года «зачистили» руководство соседней Армении не менее круто, чем Берия. А о какой «личной мести» Микояна, а тем более – Маленкова, могла здесь идти речь?

Наконец, если бы Грузия оказалась в кадровом отношении обескровленной, то откуда бы произошел мощный рост объема валового производства в республике в период с 1937 по 1940 год? А оно выросло в полтора раза!

И это был результат как создания – при Берии – экономического базиса роста, так и работы молодых кадров бериевского призыва.

А вот Хрущев, а Эйхе…

Рой Медведев в своей лживо-«объективной» биографии Хрущева фарисейски заявил: «Не приходилось встречать свидетельств того, что Хрущев принимал активное участие в проведении террора… Хрущев не был движущей силой террора в Москве…»

Как видим – был!

И такая ретушь подлинной натуры Хрущева вполне объяснима. Придет время, и молодые хрущевские референты, друзья братьев Медведевых, подтолкнут «дорогого Никиту Сергеевича» на первые шаги к ползучей реставрации капитализма, которую потом поддержит своим бездействием «энергичный» Леонид Брежнев и для которой подготовит окончательную кадровую базу «загадочный» Юрий Андропов.

Партократии ведь – как и некой весьма пахучей субстанции – двух сортов не бывает.

Что же до Эйхе, то, скажем, Ю. Жуков считает его одним из главных инициаторов массовых репрессий. Однако после XX съезда Эйхе был зачислен Хрущевым в их «жертвы…». Впрочем, после этого сакраментального съезда в России становились возможными и более удивительные вещи!

«ОПЕРАЦИЯ» в «низах» началась 5 августа в соответствии с приказом наркома внутренних дел № 00447.

«Операцию» же в «верхах» никто официально не объявлял. Но уже в сентябре 37-го начались аресты в среде различных первых секретарей и наркомов. И начались признания, а за ними – новые аресты и новые признания.

Были и тут невинно оговоренные, но, думаю, их было намного меньше, чем в «низах». И намного меньше, чем нам говорят о том «официальные» цифры эпохи Хрущева.

Вот как я представляю себе политическую суть периода с лета 1937-го по весну 1938 года.

В этот период действительно были проведены самые масштабные репрессии в стране. Однако не они составили суть жизни страны в этот период.

В 1937 году над Парижем устремлялись вперед молодые советские ребята – «Рабочий и Колхозница» Веры Мухиной.

В 1937 году была впервые исполнена 5-я симфония Шостаковича и открыта станция метро «Маяковская», удивительная по своей новаторской архитектуре.

В 1938 году Капица открыл сверхтекучесть гелия.

В 1937 году – уже после 5 августа – были введены в строй Мурманский рыбный порт, Смоленский льнокомбинат, а в 1938 году – первая очередь Балхашского медеплавильного завода.

В 1937 году на Ленинградском металлическом заводе собрали советскую турбину мощностью в 100 тысяч лошадиных сил на 3000 оборотов в минуту.

В 1938 году был создан Институт автоматики и телемеханики Академии наук.

Это ведь все тоже «навскидку», уважаемый мой читатель! Полный перечень только крупных достижений – экономических, социальных, научно-технических, культурных, военных – страны за эти два года составил бы целую главу.

ОДНАКО надо сказать и вот что…

Наряду с новой Россией Иванов и Марий, наряду со старой «Расеей» кулаков и церковников существовала не то чтобы враждебная новому, но достаточно равнодушная к нему «Расея» Ванек и Манек. И наряду с обюрократившейся или очиновничейся частью «верхов» она своим равнодушием тоже провоцировала эксцессы «операции» от 5 августа, потому что с молчаливого попустительства равнодушных совершаются все преступления на свете.

Увы – да. Не только в «верхах», но и в народной, как говорят, толще тоже были вполне реальные враги народа. Враги народа в среде самого народа, враги сами себе.

Вот документальные примеры…

В пригороде Сталино оживилась баптистская община – 102 человека. Они тоже готовились к выборам. Намереваясь навредить своим же собственным, но не осознаваемым ими, интересам.

В Днепропетровской области в избирательные комиссии пробирались бывшие кулаки. Эти тоже готовились к выборам, но – уже в интересах, ими очень хорошо осознаваемых, шкурных. И народ в ряде районов Днепропетровщины им не смог противодействовать – наоборот, он их демагогии поддался, вредя

этим своим интересам.

В Тельмановском районе Крыма ловко провалили председателя сельсовета и избрали враждебный сельсовет.

В Котласском районе Архангельской области священник собрал церковников и говорил: «Вы обязательно организованно идите на выборы и там ведите себя так, чтобы не голосовать за коммунистов, чтобы провалить коммунистических депутатов». А говорил-то поп не с дворянами, а с крестьянами.

Это ведь тоже было!

Эти враги самим себе – не помещики и не капиталисты – не могли свалить коммунистов. Но дестабилизировать страну на время могли.

По Грузии у меня подобных «предвыборных» примеров нет. Однако могу представить, с чем приходилось сталкиваться там Берии! Но хотя численность населения Грузии была сопоставима с населением Калининской области – примерно три с половиной миллиона человек, масштабы репрессий здесь оказались качественно меньшими.

Имеется документ, достоверность которого лично для меня сомнительна – «Справка на осужденных к ВМН особой тройкой НКВД ГССР за период 1937–1938 гг. под председательством Кобулова», датированная 18 декабря 1953 года и подписанная начальником 1-го секретного отдела МВД Грузинской ССР полковником Н.Копалейшвили. Так вот, даже в этом – на мой взгляд – подлоге приведены следующие данные:

Всего было рассмотрено дел	— 1.756
По ним приговорено к ВМН	— 1.233
Осуждено к разл. срокам	— 514
Освобождено	— 9

Первоначальная «контрольная» цифра Берии по ВМН, направленная в ЦК, – 1419 человек. Реально она оказалась превышенной очень не намного, и это при том, что в Грузии одних бывших меньшевиков были десятки тысяч, да националисты, да бывшие князья, да «торговый пролетариат» и прочие…

Но Берия, как и Сталин, не любил крови. Тем не менее в ходе чекистской «операции» стало возможным эффективно и быстро «зачистить» Закавказье. Недаром же в Грузии, в Армении, в Азербайджане во время войны серьезной «пятой колонны» не наблюдалось. А ведь Закавказье – это зона, важнейшей точкой

которой в годы войны был Баку с его нефтью.

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ объемность складывающейся ситуации придавали различные детали. Так, 14 июня 1937 года посол США в Германии профессор Уильям Додд записал в дневнике:

«В субботу Сталин казнил восемь генералов Красной Армии. Их заподозрили в тайных сношениях с Германией и даже с французскими фашистами в целях свержения Советского правительства… Мне трудно судить, что скрывается за всем этим, но Видеман (адъютант Гитлера. – ***С.К), сидевший вчера за столом со мной, сказал, что в течение субботы и воскресенья он должен собрать всю имеющуюся информацию и передать ее по телефону Гитлеру, находившемуся в это время в Берхтесгадене, вблизи австрийской границы. Это наводит на размышления – не вел ли кто-либо из гитлеровских соратников какую-либо закулисную игру в России…»***

Это интересно уже само по себе, но Додд записал и еще кое-что:

«*… **немецкие газеты изображают это событие как одно из самых жестоких преступлений в современной истории… Странно видеть… Геббельса… в роли руководителя немецких газет, осуждающих казни в России».***

А ведь действительно – странно. Нацисты должны были бы лишь радоваться «ослаблению военной мощи красных», а они скорбят о казнях якобы носителей этой мощи…

Когда кого-то жалеет враг – это всегда странно.

Вот и еще одна «американская» деталь лета 1937 года…

28 июня посол США уже в СССР – Джозеф Эдвард Дэвис – направил в Вашингтон шифр-телеграмму № 457, где опровергал слухи о массовом недовольстве в Советском Союзе и о неминуемом крушении Советской власти.

«Что касается дела Тухачевского, – сообщал Дэвис, – то корсиканская опасность пока что ликвидирована…»

И это была объективная информация – для своих.

2 же июля посол (крупный бизнесмен, к слову) произносил иные речи. В этот день он встретился с наркомом иностранных дел СССР Литвиновым. В официальной записи их беседы Литвинов отметил:

«4. Дэвис начал с предисловия о своем восхищении нашими государственными деятелями, достижениями советской власти, нашей силой, энергией и т. п. Когда он уезжал 3 месяца тому назад (то есть в марте. – ***С.К), в московском***

дипкорпусе господствовало убеждение в абсолютной крепости советского режима, в силе и мощи Красной Армии, в мудрости руководителей и т. д. Вернувшись сейчас в Москву, он сталкивается с совершенно противоположным мнением, являющимся общим для всего дипкорпуса. Говорят о слабости Красной Армии, о непрочности режима, об ошибках руководства и т. д.».

И далее Литвинов сообщал, что, по словам Дэвиса, «выводы, нелестные для нашего режима и Красной Армии», содержатся также в «40 передовицах наиболее ответственных американских газет». В скобках замечу, что примерно в эти же дни по США триумфально (есть же фото!) проехали Чкалов, Байдуков и Беляков, завершившие 20 июня беспосадочный перелет через Северный полюс в США. А вскоре не менее триумфально Америка встретит летчиков Громова, Юмашева и Данилина… Так что Дэвис вряд ли был очень уж искренен – он преследовал вполне определенную цель: добиться интервью у Сталина «какого-нибудь крупного журналиста – американского, английского или французского»…

Сталин – по замыслу только что вернувшегося из Штатов Дэвиса – должен был «путем такого интервью… рассеять все сомнения и недоразумения и восстановить веру в прочность режима и в силу Красной Армии».

Но вряд ли это была идея лишь Дэвиса, и вряд ли он так уж был заинтересован в силе РККА (хотя кое-кто в США хотел бы видеть в СССР противовес Японии). Скорее это была попытка общего зондажа внутриполитической ситуации в России.

19 августа – даром что на призыв Дэвиса никто не откликнулся – в Москву приехал редактор иностранного отдела журнала «Тайм» Лэйрд Голдсборо с намерением получить интервью от Сталина, или Калинина, или – в случае невозможности – «от кого-либо другого из руководителей партии и правительства».

Однако и Голдсборо уехал несолоно хлебавши – Сталину было не до интервью.

Если в марте, когда он давал интервью Говарду, он был уверен в себе, в партии, в стране, то теперь – после июньского процесса военных и июньского Пленума – он был, надо полагать, как натянутая струна. И обнаруживать это свое состояние перед ушлыми газетчиками было совершенно ни к чему.

Не до интервью сейчас было – слишком много, оказывается, накопилось внутри «верхов» страны гноя и гнили. Да и в «низах» имелся, увы, тоже гнилой элемент…

Вот почему внешние и внутренние враги России могли питать пусть и слабые, но надежды на то, что утвержденная сталинским Политбюро репрессивная «операция» может стать удобным поводом для принципиального подрыва позиций Сталина и его соратников, для создания действительно массового недовольства в стране и на этой базе – антисталинского переворота.

МНОГОЕ, многое, до этого скрытое, годами накапливавшееся, в этот год проявилось видимо. И прежде всего, злой волей сознательных врагов и Советской власти, и врагов Сталина (то есть, по сути, врагов той же Советской власти) объясняется то, что среди репрессированных оказалось так много невинных.

Они были!

Но их было не настолько много, чтобы их трагедия определила общественную атмосферу тех лет в целом. Она – не только в газетах и на плакатах, но и во всей творческой части общества была оптимистической и созидательной.

Юрий Жуков утверждает, что исключена-де случайная накладка таких двух событий, как «операция» по репрессированию чуждых элементов, которую предполагалось закончить к декабрю 1937 года – как раз накануне выборов в Верховный Совет, и сами выборы.

Да, связь здесь есть.

Но «операция» была призвана не запугать основную массу избирателей – репрессии затронули незначительную и явно антисоветски настроенную часть населения. Да и не закончилась эта операция, как предполагалось, к началу выборов.

«Операция» была призвана лишить массовой базы как возможную внешнюю интервенцию, так и возможный заговор партийно-государственной бюрократии, соединенный с заговором троцкистов и заговором военных.

Но не скажешь ведь об этом в реальном масштабе времени тем, кто в этот заговор вовлечен или может быть вовлечен… Ведь параллельно с «операцией» шла постепенная превентивная ликвидация и верхушечной базы заговоров реальных и потенциальных – всех этих руководящих якобы коммунистов, готовых (вспомним свидетельство Чуковского) ради гуся с яблоками послать к черту все эти «машины и колхозы».

Да и Пильняков, и Платоновых – «творческую» среду, обеспечивавшую духовные запросы этих якобы коммунистов, тоже надо было «зачистить». Ведь надо было, уважаемый мой читатель! Ведь в Европе и вообще в мире уже очень пахло порохом.

Юрий Жуков наблюдательно подметил одну верную деталь. Он констатировал, что чисто политические формулировки

обвинений в тот период уже не применялись, а вместо них утвердились новые, такие, которые могли быть предъявлены кому-либо в любой стране, то есть относящиеся к антигосударственным преступлениям: измена, шпионаж…

Все верно! Наиболее бесспорными в глазах общества и наиболее понятными массам были именно эти формулировки, и именно их стали применять. Проще было сказать народу, что тот же Бухарин – кроме прочего, еще и шпион, даже если он и не был прямым агентом гестапо (он им и не был).

Но вот агентом влияния – говоря языком современным – он был. И в конце концов, главным было то, что арестованные и осужденные были перед страной виноваты и высшей меры наказания ***заслуживали.***

А то, что они были не агентами империалистических разведок, а несостоявшимися путчистами и заговорщиками, было не так уж и существенно. Во всяком случае, в преддверии возможных внешних мировых потрясений не стоило обнаруживать перед всем миром политический раскол в руководстве, пусть – вроде бы – и успешно преодоленный.

Вот так в 1937 году трагически столкнулись необходимость демократизации и необходимость репрессий – во имя будущей демократизации страны.

Вторые выборы в Верховный Совет в декабре 1941 года должны были пройти уже иначе… Но в том декабре стране пришлось заниматься, увы, другим.

И поэтому потенциальный конфликт между квазисоциалистической мертвящей партократией и социалистической созидающей технократией сохранялся.

Хрущев при этом сумел сохранить доверие Сталина.

А вот Яковлев-Эпштейн пал жертвой то ли действительных собственных грехов «правого» толка, то ли жертвой обстоятельств, то ли – чьей-то провокации…

А Берия?

Берия вернулся в Тбилиси – у него было много срочных дел, и репрессии осени 1937 года не стояли среди них на первом месте. Он был спокоен за свою судьбу, потому что был на стороне дела. Значит, был на стороне Сталина.

ПОЧТИ все пишущие о Сталине (и о Берии – тоже) говорят о некой-де борьбе Сталина (и Берии) за власть. Описывают те или иные якобы имевшие место комбинации и интриги, якобы умение Сталина (и Берии) сталкивать лбами соратников по принципу «Разделяй и властвуй»…

Авторы таких интерпретаций, как правило, хотя бы

немножечко, но антикоммунисты и антисоветчики, а это автоматически делает их людьми весьма узкой души.

Ведь доведенный до логической точки антикоммунист – это законченный индивидуалист, считающий, что человек человеку – волк. Он просто не способен понять – как это можно искренне жить не для себя, а для других.

Напротив, последовательный коммунист – это коллективист, убежденный, что человек человеку друг, товарищ и брат. И это для него не евангельская реплика, а конкретный политический принцип, отрицающий частную собственность, как фактор разобщения людей.

Сталин был не просто последовательным коммунистом, он был гениальным коммунистом. И он не мог жить иначе как для других, для народов Земли. Он видел в этом свой человеческий долг, ибо кому много дано, с того много и спрашивается!

Нет, Сталин не за власть ради власти боролся. Он за державу для народа боролся. Он не сдавал своей руководящей позиции потому, что понимал: в данной конкретной «кадровой» ситуации у России нет другого, «запасного», лидера, кроме него, который способен привести народ к умному и изобильному будущему.

И сводить его борьбу к борьбе за власть глупо и мелко. Это была, повторяю, борьба за великое и умное будущее России.

Не раз уже цитированный мной Лион Фейхтвангер издал свою книгу об СССР в 1937 году в Амстердаме еще до начала широких репрессий 1937 года как в «низах», так и в «верхах» общества. И его книга – если внимательно в нее вчитаться, в художественной форме, но фактически документально показывает – какой хотел видеть страну уже в ближайшем будущем Сталин и как ему этого не позволили партократы.

Сталин не хотел крови – он хотел работать. Фейхтвангер (даже удивительно, не коммунист ведь, не политик!) уловил это в начале 1937 года, констатировав:

«Великий организатор Сталин, понявший, что даже русского крестьянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается (ах, как точно! – *С.К.)* использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает. Он заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцкому».

А далее Фейхтвангер написал так, что я это выделю отдельно и жирно:

«Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того – чтобы их уничтожить. И в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в

интересах своего дела, есть что-то трогательное».

Но это было написано о Москве зимы и весны 1937 года, об эпохе, когда Сталин еще пытался убедить своих младших товарищей по партии словом…

Но слишком уж многие из них, говоря попросту, возомнили о себе.

На февральско-мартовском Пленуме Сталин о таких сказал:

«У нас некоторые товарищи думают, что если он нарком, то все знает. Думают, что чин сам по себе дает очень большое, почти исчерпывающее знание. Или думают: если я член ЦК, стало быть, не случайно я член ЦК, стало быть, я все знаю…»

И горько добавил:

– Неверно это…

Но и этому не вняли.

Кто-то еще и кукиш в кармане держал. Да уж и не кукиш, а бомбу. А было немало и таких, кто хотел не «решать все», а есть жареного гуся, «смеяться и любить»…

Вчитаемся, уважаемый читатель, в строки письма Кагановича Сталину от 12 октября 1936 года… О чем пишет младший товарищ старшему?

О, пардон, бабах?

Или, может, о достоинствах дорогих вин?

Или о красотах какой-нибудь там Венеции, наконец?

Нет… Между подробными сообщениями о том, что на Горьковском автозаводе «мотор, сцепление, коробка скоростей и задний мост имеют крупные дефекты» и как предполагается брак исправлять, и докладом об «испанских делах» Каганович пишет и вот что:

«По вопросу о семенах, по которому Вы давали указания, сейчас проводится большая работа сельхозотделом ЦК. Выяснилось, что по гречихе ни в институтах, ни в Наркомземе нет людей, которые занимались бы сортами гречихи или хотя бы даже имели знакомство с этим вопросом. По просу – та же картина… По яровой пшенице установлено уже, что районирования сортов нет. Наркомзем рекомендовал для всей средней полосы, включая Сибирь, сорт цезиум 0111. Теперь установлено, что этот сорт наиболее поражается головней и уступает сортам лютесценс 062 для европейской части и сорту мильтурум 0321 для востока.

Рекомендованный Наркомземом для нечерноземной полосы сорт новинка сильно заражается ржавчиной и головней. Не исключено, что мы здесь имеем дело не только с простым головотяпством, но и с вредительством…»

Черт побери! Да как рука поднимается назвать таких людей невежественными, недалекими! Они ведь впервые в мировой истории взвалили груз державных забот не ради мелких шкурных интересов, а ради…

Ну, конечно же, ради создания действительно человеческого общества.

И в целом тащили этот груз на своих плечах достойно и компетентно.

А чего заслуживали все эти чиновники Наркомзема и «ученые мужи» из «институтов», если они даже районирование уже имеющихся сортов пшеницы обеспечить не могли – не говоря уже о выведении новых сортов?!

Они ведь заслуживали любой кары, даже если были виновны всего лишь в головотяпстве. Но ведь среди них было еще немало и скрытых саботажников.

Почему самоучка Каганович мог знать, что сорт «цезиум 0111» хуже сорта «мильтурум 0321», а агрономы Наркомзема, специалисты (!), – нет?

Так имеет ли наше Мутное время право судить ту Великую эпоху, если даже самые достойные из достойных, живущих сегодня, имеют лишь право понять ее, а – поняв – стать лучше и честнее?

СТАЛИН и его ближайшие соратники ***жили*** социалистическим строительством. А любители жареных гусей и спокойной жизни его – в лучшем случае – ***вели.*** И вели ни шатко, ни валко, не желая ни трижды учиться, ни трижды работать. А кто-то уже не желал его даже вести – хоть как-то.

Когда Сталин понял это, ему пришлось пойти на чистку бюрократии и партократии кровью. Потому что чистка «чернилами», то есть – путем директив, резолюций и прочего подобного, не получилась. Старые революционные борцы не годились как хозяйственные работники, а занесшаяся молодая партократия и бюрократия из числа партийцев образца 1917–1920 годов оказалась глухой к его идеям, призывам и…

И предупреждениям!

Не все, конечно, «не вняли», но – многие.

Наслоившись одно на другое, это тоже обуславливало верхушечные репрессии 1937–1938 годов. Да и «низовые» – тоже.

Что ведь получается…

Сталин не сразу стал выдающимся лидером огромной страны. Он тоже «учился, учился и еще раз учился» быть вождем и государственным деятелем. Учился, начиная с конца 1917 года.

Однако он был, при этом, в чем-то идеалистом. Желающих ухмыльнуться по прочтении этих слов я отсылаю к Лиону Фейхтвангеру, смотревшему на Сталина так же. И поэтому Сталин верил в то, что если сам он любит революцию в себе, а не себя в революции, если сам он живет принципом «я для интересов дела, а не дело для моих интересов», то и другие его товарищи по партии живут так же и тем же. В своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме 1937 года он говорил:

«В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около трех-четырех тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, генералитет нашей партии. Далее идут тридцать-сорок тысяч средних руководителей. Это – наше партийное офицерство… Дальше идут около ста – ста пятидесяти тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство…»

И вся эта сила виделась Сталину в виде идейного монолита, недаром он сравнивал как-то партию с орденом меченосцев. Это сравнение мало кем было понято, а ведь Сталин имел в виду, конечно же, такие черты, как сплоченную готовность к жертве и умение в реальной, практической жизни руководствоваться идеалом.

Итак, он постепенно растет как вождь, набираясь опыта. И при этом тоже ***постепенно*** убеждается в том, что все обстоит далеко не монолитно, и прежде всего – в «генералитете» партии.

Да, есть, есть надежные товарищи и толковые соратники. Но – не все. Кто-то из товарищей ставит амбиции старого большевика выше необходимости учиться хозяйствовать, кто-то перерождается в духе, говоря словами Ленина, «коммунистического чванства», а кто-то и просто заедается и даже ***зажирается.***

Для Сталина все еще лишь начинается, в стране непочатый край работы, а они уже все «превзошли» и хотят одного – комфорта. Да ладно бы еще, если бы только материального, а им еще и душевный комфорт нужен. На кой черт им вечный бой, когда покой им будет только сниться!

И Сталин с горечью видит, как эти товарищи – формально по-прежнему товарищи по партии, а фактически уже ***бывшие*** товарищи – начинают интриговать, сбиваться в группки, а кто-то доходит уже и до прямых заговоров.

А Сталин живет идеей создания лучшего общества – он ведь по убеждениям коммунист. Но он – как точно уловил это Фейхтвангер – в чем-то идеалист. Практический романтик, так сказать.

И вот этот романтик в результате политического

самообразования себя как вождя начинает понимать невеселые вещи… Он думал, что «генералитет» и «офицерство» ВКП(б) – это все же нечто единое с ним в идейном отношении, в жизненных установках. А оказывается, это верно в отношении далеко не всех.

Он думал, что освободившимся от частной собственности обществом будут править ***всегда и во всем*** разум и идея, а оказалось… Оказалось, что им по-прежнему правит чиновничий «кисель» и инертность немалой части масс.

Не только «кисель», конечно… И не только инертность… Возникли, возникли в России и новые, невиданные ранее молодые силы! Есть в ней молодое пенящееся вино! Но этот «кисель» грозит и этому молодому «вину».

Сталин мучительно размышляет – как изменить ситуацию? Как противостоять врагу умной, творческой жизни – бюрократу? И видит выход в стимуляции инициативы масс и в расширении их прав. Так возникает новая Конституция.

Но этого мало – это общий принцип. А как его конкретизировать, как обеспечить контроль масс над властью в условиях однопартийной системы? Так возникает идея альтернативных выборов.

Но бюрократ противится ей. Формально еще товарищ, на деле он становится врагом – не сегодня, так завтра. И медлить здесь нельзя. Промедление здесь смерти подобно. Не Сталина смерти, а смерти Державы.

Думаю, к концу лета 1937 года Сталин завершил свое политическое самообразование и становление трезвого вождя масс. То есть вождя, не утратившего чувства перспективы, но уже не имеющего иллюзий относительно как многих своих коллег, так и состояния умов и душ немалой части народа. Пожалуй, это стоило ему неких разочарований и в какой-то мере ожесточило. Но ожесточило лишь в той мере, какая необходима вождю в ситуации, когда его стране и ее народам грозит поражение в борьбе за процветающее будущее.

Не просто было решиться Сталину на проведение репрессий. А не решиться было нельзя – История не позволяла.

ЛАВРЕНТИЙ Берия был высокоталантливым человеком. Но гением социального анализа – в отличие от Сталина – он не был, и разочарований гения, надо полагать, не испытывал. Да и поколения это были разные – разница в возрасте двадцать лет, а в судьбах – целая эпоха.

Но психологически Берия был, конечно, Сталину весьма близок – оба были практическими романтиками, оба – идеалистами, по горло загруженными реальными и

многотрудными делами создания нового общества.

Сталин сказал: «Кадры решают все!» И в партийно-государственной среде, поднятой к высотам власти революцией и Гражданской войной, Берия был одним из наиболее ярких представителей тех, кто оказался равнодушен к жареным гусям, но кто, напротив, оказался жаден до работы, кто хотел быть среди тех кадров, которые «все» и решали…

Решать и работать! Работать и потому, что это интересно, и потому, что своей работой служить грандиозному делу развития великой страны. Для Берии это была не красивая фраза, а повседневная моральная установка.

Вот почему Сталин не мог не включить Берию в свое ближайшее окружение уже в ближайшее время. Уже скоро его вызовут в Москву за новым, на этот раз – в Москве же, назначением в Наркомат внутренних дел СССР.

И приход Берии на самый верхний этаж государственной власти был обусловлен объективно – запросами эпохи и интересами Державы.

Глава 11
Дела в стране, дела в Тбилиси…

Вернувшись в Тбилиси с Пленума, Берия вновь погрузился в те многочисленные хозяйственные проблемы, которых становилось все больше по мере того, как решались проблемы вчерашние.

С августа 1937 года началась чекистская «операция», затронувшая, естественно, и Грузию. Поскольку репрессивные акции против широкого спектра враждебных элементов – антисоветчиков, «правых», троцкистов и прочих – давали все больше следственного материала и вовлекали в круг следствия все больше имен, первому секретарю ЦК КП(б) Грузии приходилось заниматься, конечно, и этой стороной дела. Берия долго был чекистом, и его следовательский опыт просто не мог не быть им использован в эти примерно полгода, когда по всей стране шла основательная «зачистка» провалившейся части партийно-государственного «генералитета» и «офицерства».

Ранее кое-что сказав относительно объема репрессий в Грузии, я сейчас сообщу дополнительно, что 8 июля 1937 года нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе докладывал секретарю

ЦК Компартии Грузии Берии следующее: из общего «лимита» на репрессию по первой категории (расстрел) «контингента кулаков и уголовников» в 1419 человек на уголовный элемент, числящийся по линии Управления рабоче-крестьянской милиции, приходится 338 человек, и по линии Управления государственной безопасности – 1081 человек, а на высылку соответственно 463 и 1099 человек.

Замечу, что такие конкретные цифры говорят о том, что в грузинском НКВД включали в списки репрессируемых вполне конкретных людей, имеющих вполне конкретные прегрешения. Причем расстрел во внесудебном порядке более чем трехсот бандитов сразу же резко улучшил криминогенную ситуацию, как и высылка из республики уголовников-рецидивистов. Были обоснованными репрессии также против контрреволюционных сил, как и жесткая «чистка» сомнительных кадров. Впрочем, я не намерен подробно останавливаться на этой стороне дела, критически анализируя «достоверность» «демократической» галиматьи о том, как «садист»-де Берия только что живьем подследственных не ел. Однако, надеюсь, читателю будет небезынтересно узнать, что если в ходе «чистки» партии, начатой в мае 1933 года и ужесточившейся после убийства Кирова 1

декабря 1934 года, в целом по стране было исключено 46 % членов партии, то в Грузии с первым секретарем ЦК КП(б)Г Берией – 31,8 % (примерно 18 тысяч человек). Причем в ходе «чистки» Берия не раз выступал в грузинской печати с призывами относиться к проверяемым внимательно и уважительно.

Апелляцию по итогам проверки партийных документов подали 2394 человека, из которых 638 были восстановлены, 424 переведены из членов в кандидаты и еще 315 человек восстановлены в кандидатах.

Эти цифры и факты хорошо показывают – был ли Лаврентий Павлович «садистом». В дополнение же к приведенным данным я позднее ***в отдельной главе*** подробнейшим образом проанализирую самое, пожалуй, серьезное обвинение против Берии – в убийстве лично им первого секретаря ЦК Компартии Армении Ханджяна, прямо в своем служебном кабинете в бытность Берии первым секретарем Заккрайкома в 1936 году.

Формально инцидент с Ханджяном (страдая тяжелой формой туберкулеза и будучи человеком неуравновешенным, он покончил самоубийством) произошел за год до начала широкой репрессивной акции в «верхах». Но по технологии его «освещения» в документах периода XX съезда КПСС случай с Ханджяном очень характерен для понимания того фальсификаторского подхода к проблеме репрессий, который устанавливался в СССР после этого съезда. Потому я на нем и остановлюсь. Но – в свое время.

Возвращаясь же в год 1937-й, скажу, что никакие «зачистки» кадров не вели к дезорганизации экономики – скорее можно говорить об обратном, как в Грузии, так и вообще в СССР.

И я, на первый взгляд отойдя от темы Берии, а по существу ее продолжая, кое-что сообщу читателю об одном из адресатов упоминавшейся ранее переписки двух лидеров ВКП(б) – о Лазаре Кагановиче.

Константин Залесский в своем биографическом словаре утверждает, что Каганович, мол, еще до начала массовых чисток организовал-де погром в Наркомате путей сообщения, арестовав в НКПС 3 тысячи человек «руководящего персонала» и уничтожив «весь высший и средний эшелон руководящих работников».

Что имеет в виду К.Залесский под «НКПС», понять сложно – всю сеть железных дорог Союза или центральный аппарат наркомата? Для всей сети цифра арестованных – по тем временам, когда одних саботажников хватало, – невелика. А если подразумевается центральный аппарат НКПС, то при наличии в нем в середине 30-х годов трех тысяч человек только ***«руководящего*** персонала», это был не рабочий аппарат, а

сборище бездельников.

Так или иначе, но до Кагановича порядка на железных дорогах не было. Он стал наркомом путей сообщения 28 февраля 1935 года, а вот что он сообщал Сталину из Иркутска шифром 26 января 1936 года:

«Ознакомился с работой Красноярского узла и паровозоремонтного завода. На подходах к Чернореченской, на самой станции и в Красноярске накопились десятки поездов, задержанных продвижением на восток. Наряду с безобразной работой эксплуатационников это вызвано развалом паровозного парка депо Красноярск. Половина всех товарных паровозов выбыли из строя из-за неисправности. Качество ремонта безобразное, часто прямо преступное. Депо и завод засорены вредительскими элементами… Они при попустительстве горе-коммунистев завели такую систему ремонта, которая приводила к… порче котлов, инжекторов и насосов. На заводе вскрыта группа троцкистов, занимавшихся вредительством в ремонте, травлей стахановцев, разложением рабочих. Парторги и парторганизации депо и завода работают отвратительно, парторганизации в загоне, настроение рабочих неважное. Принял оперативные меры… перебросил 15 паровозов из резерва НКПС из Иркутска…» и т. д.

Каганович на месте нашел толковые замены парторгам депо и завода, начальника Красноярского паровозного отделения заменил инженером Соколовым из Управления паровозного хозяйства НКПС… И подобными мерами на железных дорогах Союза быстро завоевал у железнодорожников прочную деловую репутацию.

А до него… Скажем, Корней Чуковский в 1933 году сдавал в Батуми багаж ***три с половиной часа.*** Жаль, что в этой очереди не было Константина Залесского, как не было его и на том армавирском вокзале в 1932 году, где Чуковские несколько суток ждали прихода поезда, «отлично обозначенного» в расписании.

Залесский утверждает, что подавляющее, мол, большинство современников отзывается о Кагановиче как о крайне грубом и глубоко невежественном человеке. Но я, читая его деловые письма, его мемуары (ведь ему их не референты писали), раз за разом поражался тому, насколько этот чистой воды самоучка прекрасно владел как словом, так и логикой. И разбирался в проблемах тех отраслей, которые возглавлял.

Без серьезной работы над собой и без таланта тут ничего не вышло бы. Что же до грубости, то я с детских лет помню рассказ

знакомого моего отца, старого железнодорожника, о том, как Каганович, приняв рапорт начальника станции по фамилии Гапон и, после соответствующего вопроса, узнав, что он не однофамилец, а родной брат «того самого» попа Гапона, тут же поинтересовался: «Как вас тут, не прижимают? – И прибавил: – Если что, обращайтесь прямо ко мне…»

Так что не со всеми был груб Лазарь Каганович. Хотя особых политесов «железный нарком» и впрямь никогда не разводил. Чего не было, того не было.

Что же до работы железных дорог, то в 1932 году грузооборот на них составил 169,3 миллиарда тонно-километров, в 1937 году – 354,8 миллиарда, а в 1940-м – 414 миллиардов. За три «пострепрессивных» года рост на 17 %. Очень даже прилично, и вряд ли этот рост имел бы место, если бы Каганович и впрямь уничтожил весь высший и средний эшелон руководящих работников на транспорте.

В 1938–1940 годах было построено 4,6 тысячи километров новых дорог (во второй пятилетке – 3,4 тысячи), основные фонды железных дорог за три года выросли на 74 %, паровозный парк стал самым молодым в мире по среднему возрасту локомотивов. Доля новых грузовых паровозов серий ФД («Феликс Дзержинский»), СО («Серго Орджоникидзе»), Э и пассажирских ИС («Иосиф Сталин») и Су приблизилась к двум третям, все электровозы были отечественного производства, удельный вес большегрузных вагонов увеличился до 30 %.

Это все тоже ведь после того, как Каганович «уничтожил» в НКПС «весь высший и средний эшелон руководящих работников».

ГРИБОЕДОВСКИЙ полковник Скалозуб говорил о Москве: «Пожар ей был к лицу…» Увы, горькая ирония истории сказалась в том, что репрессии скорее повысили качество работы экономики. И повысили не за счет нагнетания атмосферы страха, а за счет усиления ответственности, во-первых, и за счет устранения из экономики ее сознательных дезорганизаторов и некомпетентных управленцев, во-вторых.

Да, во всех сферах жизни страны репрессивные «чистки» зацепили и ряд честных советских людей. Кто-то так и погиб – не в силу «кровожадности заплечных дел мастеров НКВД», а в силу суровых реалий классовой борьбы, отнюдь не выдуманной на Лубянке. Упоминавшийся мной генерал Цветаев (тогда комдив), уже освобожденный из-под следствия, при восстановлении в кадрах РККА автобиографию закончил так:

«…Причиной своего ареста считаю результат вражеской

работы контрреволюционного элемента, стремившегося подорвать мощь Советского Союза и РККА».

Испытавший тяжелую несправедливость Цветаев понимал это в реальном масштабе времени, но для приведшего эти строки в своей книге «Из ГУЛАГа в бой» военного историка Черушева существуют лишь «застенки НКВД». Как будто Ежов и сменивший его Берия только о том и думали, как бы «крови безвинных жертв напиться»…

Собственно, само название книги Черушева имеет клеветнический оттенок, потому что в ней рассказывается о тех военачальниках, которые были освобождены – как правило, уже при наркоме внутренних дел Берии – из-под следствия, а не из лагерей. Так что ушли они в 1939–1940 годах не в бой, а вновь в кадры РККА.

А ведь заговор военной верхушки, заговоры в партийно-государственном руководстве существовали, и размотать все их нити было крайне сложно. Я еще об этом скажу – когда пойдет рассказ о начальной поре деятельности Берии как наркома внутренних дел.

В КОНЦЕ 1937 года – 12 декабря – прошли выборы в Верховный Совет СССР. Был избран депутатом и Лаврентий Берия.

Идея несостоявшихся альтернативных выборов не стала известной широким массам. Однако некий ее отголосок прозвучал в речи Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1937 года, на следующий день опубликованной в «Правде».

Думаю, современному, сытому картинами «россиянских» предвыборных кампаний читателю познакомиться с одним фрагментом этой речи будет еще интереснее, чем слушателям Сталина.

Он говорил тогда так:

«Я хотел бы, товарищи, дать вам совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям… Если взять капиталистические страны, то там между депутатами и избирателями существуют некоторые своеобразные, я бы сказал, довольно странные отношения. Пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, отношения меняются в корне. Вместо

зависимости от избирателей получается полная их независимость. На протяжении четырех или пяти лет, то есть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может запутаться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может кувыркаться как ему угодно – он независим».

Ах, уважаемый читатель! Не напоминает ли это тебе нечто знакомое до отвращения.

Но это еще не все!

Сталин – и эту часть его речи в полной мере могли понять лишь партийные «генералы», осведомленные о «предвыборной» борьбе в «верхах», – сказал и еще кое-что, и это был еще один его прямой совет народу через головы партократов:

«Можно ли считать такие отношения нормальными? Ни в коем случае, товарищи! Это обстоятельство учла наша Конституция, и она провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают финтить, если они свертывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей».

Но это говорилось о «партии партократов», а не о партии Сталина, активным «штыком» в которой был Лаврентий Берия.

НАЧАЛСЯ 1938 год. «Операция» НКВД еще продолжалась, однако в этот последний свой тбилисский год, когда он еще оставался партийным лидером Грузии, у Берии просто не было возможности отдавать чекистским расследованиям слишком уж много времени.

Прошли юбилей поэмы Руставели, юбилей Пушкина, отмеченный в Грузии тоже громко и славно. Но это были все же заботы второго плана. На первом месте стояли масштабные промышленные проекты…

А строительство нового Тбилиси! Одно это дело могло поглотить все его время, тем более что проблемы строительства и архитектуры были для Берии как первая любовь.

Том 53-й первого издания БСЭ в 1946 году сообщал:

«Новая эра истории Т[билиси] начинается после установления Советской власти в Грузии (1921). Т[билиси] становится столицей Грузинской ССР и Закавказской Федерации. Быстрое развитие города… принимает характер полной его реконструкции, проведенной под руководством Л.П. Берия…»

Так оно и было! В 1926 году в Тифлисе проживало 294 044 жителя, а в 1939-м в Тбилиси – уже 519 175, чуть ли не вдвое больше!

Повторю: Берия знал строительное дело профессионально и был подготовлен не только теоретически – его служебная дача в Гаграх построена по его же проекту, содержавшему все чертежи и расчеты. И делу социалистической реконструкции Тбилиси он отдавал не только сердце, но и ум, знания.

Генеральный план развития столицы Грузии был рассмотрен в июне 1933 года на объединенном пленуме ЦК и Тифлисского горкома, где основной доклад делал первый секретарь ЦК и горкома Л.П. Берия.

Как всегда у него, и в плане реконструкции был реализован комплексный, системный подход, когда вопросы архитектурного облика увязаны с проблемами всех видов коммуникаций, рационального размещения жилой, административно-общественной и промышленной зон, разумной перепланировки без утраты сложившегося своеобразия города. Достаточно сказать, что были сохранены все архитектурные достопримечательности старого Тифлиса, включая храмы.

За две пятилетки в коммунальное хозяйство было вложено 219 миллионов рублей (не путинских, а сталинских!). Основные магистрали и площади города подверглись, как писала БСЭ, «коренной, порой очень сложной перестройке…».

Новый жилой массив Баке… Площадь имени Берии… Подъем Каляева, связавший с центром основной рабочий район… Полностью обновленная привокзальная площадь… Набережная имени Сталина длиной в три километра… Новые мосты, в том числе мост имени Челюскинцев… Цирк и стадион «Динамо» имени Берии… Прекрасный парк культуры и отдыха на горе Давида, откуда открывались панорамы Тбилиси и Кавказского хребта… Новые парки на бывшем Мадатовском острове и на Плато Фуникулера…

Фуникулер, построенный в 1936–1938 годах, был гордостью и Тбилиси, и Берии… Но ведь можно было гордиться и новым мощным водопроводом с ключевой водой Натахтари, и новой ТЭС… И автоматической телефонной станцией… И большим банным зданием у серных источников… И Ботаническим садом… И корпусами Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта… И городком Института бактериологии…

И еще – перестроенными линиями трамвая, как и новым для Тбилиси городским транспортом – автобусом и троллейбусом.

В 1938 году была закончена постройка ансамбля Дворца правительства Грузии по проекту профессора В. Кокорина. Это было крупнейшее здание Закавказья.

По проекту академика А. Щусева с участием архитектора П. Сардарьяна в том же 1938 году было построено монументальное здание Тбилисского филиала Института Маркса – Энгельса – Ленина.

Вот какими были 1937 и 1938 годы для столицы Грузии и для Лаврентия Берии… И в преображающийся на глазах Тбилиси, в его социалистический генеральный план развития, уважаемый читатель, были вложены не только деловая энергия, но и архитектурный талант Берии. Об этом ведь тоже надо помнить. И прежде всего – самим тбилисцам.

Он нередко приходил или приезжал на строящиеся объекты ночью… Так было проще получить объективное представление о реальном положении дел, и…

И конечно же, помечтать после обычной суматохи дня, в ночной тишине о несбывшемся… О так и не достигнутом им звании архитектора.

В 1934 году был создан Союз архитекторов Грузии. Это была общая тенденция по СССР – постановление СНК и ЦК по архитектуре было принято в 1932 году. Но то, что в Грузии, как и в Армении, в Азербайджане, с этим делом не затянули, обусловлено было и заинтересованностью Берии. Его мнение, как секретаря Заккрайкома до начала 1937 года, было, безусловно, значимым, и то, например, что в 1938 году был принят новый, серьезно переработанный генеральный план перестройки Еревана, доказывает внимание Берии не только к Тбилиси.

Формально за свою жизнь он так и не построил ни одного здания. Однако он стал все же архитектором, но не одного какого-то ансамбля – пусть даже самого грандиозного, а архитектором в великой перестройке всего общества.

И был уверен, что сделает в этом деле еще немало…

ДА, ЛЮДИ дела в 1937 году, как ни странно, почувствовали себя свободнее и увереннее.

Даже такой ненавистник новой России, как историк-эмигрант Георгий Федотов, в своем «моментальном снимке России – к 1 января 1936 года» сквозь зубы признавал:

«… Сталин широко распахнул дверь в жизнь практикам-профессионалам…

Подлинная опора Сталина – это тот класс, который он сам назвал «знатными» людьми… Партийный билет и прошлые заслуги значат теперь немного; личная годность… – все. В этот

новый правящий слой входят… чекисты, командиры Красной Армии, лучшие инженеры, техники, ученые и художники страны…

Новый советский патриотизм есть факт, который бессмысленно отрицать. Это есть единственный шанс на бытие России…»

А ведь это писал враг!

Открытый… Злобствующий… Ненавидящий.

Во второй половине 1937 года наркомом тяжелой промышленности был назначен Лазарь Каганович. Проблем у нового наркома хватало, и вот уж действительно «тяжелых»: простои, аварии, неизжитое вредительство.

И начал Лазарь Моисеевич – хотя начинался страшный для «демократов» сентябрь 1937 года – не с репрессий, а с того, с чего и начинает подлинно деловой человек на новом месте – с совета с людьми.

Каганович стал наркомом 22 августа. А уже 26 октября Коллегия Наркомтяжпрома созвала Всесоюзный актив работников металлургической промышленности, подготовленный в сентябре.

Результаты не замедлили сказаться. В 1938 году началось строительство первой доменной печи с кислородной установкой – что увеличивало производительность печи в два раза. Для повышения производительности прокатных станов внедрялась бесслитковая прокатка…

Профессора Вологдин и Гевелинг разработали метод поверхностной закалки металла токами высокой частоты, и Каганович сразу же заинтересовался этим чрезвычайно. Он, по своей работе в Наркомате путей сообщения, знал, что это такое – износ рельсов в эксплуатации, а новый метод позволял резко снизить его.

Между прочим, профессор Валентин Петрович Вологдин (в 1937 году ему было 56 лет) был одним из основателей Нижегородской радиолаборатории в 1918 году, в 1919 году создал первый в мире ртутный выпрямитель с жидким катодом, в 1927 году предложил использовать двуокись титана для создания искусственных диэлектриков… Ученый, инженер, сформировавшийся еще старым режимом, он всю жизнь до глубокой старости служил России, в 1943 году получил Сталинскую премию, был награжден орденом Ленина. В 1948 году Академия наук СССР присудила ему первую золотую медаль имени А.С. Попова.

И никто никогда его не притеснял, не репрессировал.

Его старший брат – Сергей, русский ученый-металловед,

профессор Донского (Новочеркасского) политехнического института, тоже честно и без проблем работал на Россию до самой кончины в 1926 году, на пятьдесят втором году жизни.

Ученый-металловед Николай Владимирович Гевелинг, впоследствии генерал-майор инженерно-авиационной службы, кавалер ордена Ленина и еще четырех орденов, родился в 1897 году и был младше Вологдина-младшего на шестнадцать лет. В 1924-м закончил МВТУ, с 1933 года – профессор Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского.

И тоже – никаких репрессий, никаких арестов.

Не за что было!

25 ноября 1937 года Каганович проводит в Свердловске актив работников уже цветной металлургии, производящей медь, алюминий, свинец, олово, золото, редкие металлы.

В марте 1938-го было созвано отдельно совещание работников золотопромышленности… Чуть позднее – актив цементной промышленности, дважды – активы строителей.

Но так же получали новые импульсы и остальные отрасли – топливная, химическая, энергетическая, строительная и строительных материалов…

Каганович отлично понимал значение широкой геологоразведки и свел хорошее деловое знакомство с академиком-геологом Иваном Михайловичем Губкиным, провел и Всесоюзное совещание геологов.

А в 1938 году в Баку должно было собраться Всесоюзное совещание нефтяников. Проводил его нарком, но перед отъездом из Москвы с Кагановичем обстоятельно беседовал Сталин, хорошо знающий и Закавказье, и проблемы нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности.

Каганович был в Баку две недели. Был там и Берия… Он плотно «въехал» в нефтяные проблемы, еще будучи первым секретарем Заккрайкома, и его помощь была так велика, что Каганович отметил ее даже через десятилетия в своих мемуарах, опубликованных в 1996 (девяносто шестом) году. И такая похвала из таких уст – с учетом всего происшедшего позднее – дорогого стоит.

Не так ли?

ПЕРВУЮ половину 1938 года Берия был занят, как и всегда, делами республики. Освободившись с начала прошлого года от необходимости распределять свое внимание и время между тремя регионами, он в 1937 году «рванул» особенно мощно, и результаты были налицо везде – в промышленности, в строительстве и сельском хозяйстве, в культуре.

Второй пятилетний план Грузия перевыполнила по всем показателям. Причем по числу студентов на 1000 человек она обошла Англию и Германию!

Объем промышленного производства с 1929 по 1939 год увеличился более чем в пять раз, а по сравнению с 1913 годом – более чем в пятнадцать раз! Электрифицировались железные дороги, строились новые предприятия.

Чайные плантации в 1913 году занимали менее тысячи гектаров, ав 1938-м – более 47 тысяч. С цитрусовых деревьев снимали до 400 миллионов лимонов и мандаринов, а в перспективе виделись уже миллиарды. На полях республики работало более двух тысяч тракторов. Осушались болота Колхиды.

Грузия превратилась во всесоюзную здравницу: Гагры, Сухуми, Гульрипш, Цхалтубо, Боржоми, Батуми… К созданию сети курортов Берия имел непосредственное и вполне понятное отношение, как и вообще ко всем крупным строительным проектам.

В 1938 году был основан Грузинский институт физической культуры, и это тоже была одна из прямых инициатив Берии.

Берия увлеченно работал в Тбилиси, но Сталин в Москве уже имел на него свои собственные виды.

Глава 12
Почему был заменен Ежов…

Стандартная схема «демократов» при объяснении двойной замены наркомов внутренних дел за три года такова…

1) Ягода создал «империю ГУЛАГа», провел «грязную работу» 1930–1936 годов по первым широким репрессиям.

2) Затем его убрали, чтобы скрыть первые массовые-де преступления, и на его место поставили Ежова, заранее обрекая на будущее заклание и его.

3) Ежов организовал и провел «Большой террор» в массах и провел также массовые чистки неугодных-де Сталину людей в партийно – государственном руководстве.

4) Когда это было сделано, «палача» Ежова, скрывая-де «тайну преступлений» Сталина, убрали и заменили «палачом» Берией.

По поводу последнего звена этой схемы замечу, что вряд ли Сталин мог предполагать, что в будущем его соотечественники падут так низко, что допустят до власти Горбачевых, ельциных, Яковлевых и до средств массовой информации – волкогоновых и радзинских, а те начнут гнусно на него клеветать. Так что «прятать концы преступлений в кровь» ему не было никакой нужды. Он ничего не прятал, потому что нечего было прятать – репрессии в высшем эшелоне власти сразу же становятся известны не только в стране, но и во всем мире.

Относительно третьего звена мы знаем уже достаточно, чтобы помнить о роли в «низовых» репрессиях не Ежова, а Эйхе,

Хрущева и всей партократической рати, а также – о необходимости репрессий среди самой этой «рати»…

Что же до первых двух звеньев…

Вот, скажем, «тайны» пресловутого ГУЛАГа – Главного управления лагерей НКВД. В его истории есть одна фамилия – Яков Давыдович Рапопорт. Родился в 1898 году в Риге в семье служащего, учился в Дерптском университете. В январе 1917 года вступил в РСДРП(б), а это было время, когда в партию большевиков вступали исключительно по идейным соображениям. С августа 1918 года следователь, а потом – заведующий отделом и заместитель председателя Воронежской ЧК. В 1922 году был секретарем наркома иностранных дел Чичерина, служил в Экономическим отделе ОГПУ, а с 9 июня 1932 года стал заместителем начальника ГУЛАГа и с тех пор занимался одним – строил: Беломорско-Балтийский канал,

Рыбинский и Угличский гидроузлы… Во время войны командовал саперной армией.

С именем генерал-майора инженерной службы Рапопорта мы, хотя и вскользь, еще встретимся во времена решения Атомной проблемы в СССР, потому что он работал в МВД и в сороковые годы, и в начале пятидесятых. Уволили его в запас 6 июня 1953 года. Дожил же Рапопорт до 1962 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Он знал о «тайнах», а точнее, о деятельности ГУЛАГа – с самого начала его организации, все. И никто его не «убирал». Рапопорт был способным организатором, хорошо ориентировавшимся и в технических вопросах. В «политику» не лез, хотя ценил себя высоко. Вот почему он уцелел при всех чистках НКВД, хотя слово «уцелел» здесь некорректно, вернее сказать: остался на своем месте. Потому что он всегда был на своем месте.

Так же без каких-либо проблем и при Ягоде, и при Ежове, и при Берии – до 1947 года – работал на различных должностях (начальник работ на Беломорканале, начальник БАМлага, строившего вторые пути Транссибирской магистрали, заместитель начальника ГУЛАГа) Нафталий Френкель. В 1947 году он в 64 года ушел в запас по болезни и спокойно, получая генеральскую пенсию, жил в Москве. Умер в 1960 году, не дожив два года до восьмидесяти.

И Френкель, и Рапопорт работали. А вот многие их сослуживцы имели, да, и политические замыслы, почему и были впоследствии репрессированы. Однако и у них вряд ли были некие «тайны», связанные с репрессиями конца двадцатых и начала тридцатых годов. Тогда у нового строя внутри и вне страны было так много реальных врагов, что Объединенному Главному Политическому Управлению Менжинского – Ягоды не было никакой нужды «выдумывать» заговоры, акты саботажа и вредительства. Дай бог с реальными-то разобраться!

Как только началась социалистическая реконструкция – с конца двадцатых, так сразу же активизировалась и контрреволюция, и ничего иного быть не могло. Поэтому делать из Ягоды некого провокатора-фальсификатора могут лишь злостные клеветники.

Вот заговор он готовил. И признал это в последнем слове на суде, отвергнув лишь обвинения в шпионаже: «Если бы я был шпионом, то десятки стран мира могли бы закрыть свои разведки».

Причем Ягоду вначале сняли по причинам чисто деловым, а заподозрили его в заговоре несколько позднее. И все объяснение

можно найти на двух страницах «Переписки Сталина и Кагановича»…

25 сентября 1936 года Сталин и Жданов (ручку держал конкретно последний) направили Молотову и Кагановичу из Сочи шифровку, где писали:

«Первое. Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистски-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года (если учесть, что саботаж «старых специалистов» после 1930 года пошел «на нет», зато пик дезорганизации экономики, саботажа и вредительства силами именно оппозиции пришелся на 1932–1933 годы, то временные рамки Сталин определил точно. – ***С.К.). Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова.***

Второе. Считаем необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягоду. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно…

Четвертое. Что касается КПК ˆКомиссии партийного контроля при ЦК. – ***С.К), то Ежова можно оставить по совместительству председателем КПК с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал Наркомвнуделу, а первым заместителем Ежова по КПК можно было бы выдвинуть Яковлева Якова Аркадьевича.***

Пятое. Ежов согласен с нашими предложениями.

Сталин. Жданов.

№ 44 2 5/IX-36 г.

Шестое. Само собой понятно, что Ежов остается секретарем ЦК».

В тот же день вечером, в половине десятого, Сталин продиктовал в Москву по телефону записку для Ягоды: ***«Тов. Ягоде. Наркомсвязъ дело важное. Это наркомат оборонный. Я не сомнева***юсь, что Вы сумеете этот наркомат поставить на ноги. Очень прошу Вас согласиться на работу Наркомсвязи. Без хорошего Наркомата связи мы чувствуем себя, как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязь в ее нынешнем положении. Ее надо срочно поставить на ноги. И. Сталин».

И шифровка, и записка – чисто внутренние, оперативные

документы, не на публику. Тут не было смысла чего-то недоговаривать, наводить тень на ясный день… И поэтому все россказни об отстранении Ягоды и назначении Ежова как акте подготовки пресловутого якобы «Большого террора» можно отправить на свалку.

Ягоду тогда отстранили не с целью устранить вообще, а потому что он – как считал Сталин – ***провалился.*** Но поскольку Ягода не мог не провалиться, ибо его целью был заговор, то уже через четыре месяца после нового назначения его вывели в резерв – когда подозрения возникли. А 28 марта 1937 года арестовали. 27 апреля был арестован Петерсон, и что-то для Сталина и Ежова стало проясняться, ниточка потянулась…

Ежов, назначенный НКВД 26 сентября 1936 года, виделся хорошей кандидатурой. Он ведь действительно работал неплохо на всех постах, на которых оказывался. А об атмосфере в НКВД сразу после прихода туда Ежова можно судить по тому, что писал о ней Каганович Сталину 12 октября 1936 года:

«…5) У Ежова дела идут хорошо. Взялся он крепко и энергично за выкорчевывание контрреволюционных бандитов, допросы ведет замечательно и политически грамотно. Но, видимо, часть аппарата, несмотря на то, что сейчас притихла, будет ему нелояльна. Взять, например, такой вопрос, который, оказывается, имеет у них большое значение, это вопрос о звании. Ведутся разговоры, что генеральным комиссаром остается все же Ягода, что-де Ежову этого звания не дадут (27 января 1937 года Ежов его получил. – ***С.К.) и т. д. Странно, но эта «проблема» имеет в этом аппарате значение. Когда решали вопрос о наркоме, этот вопрос как-то не ставился. Не считаете ли, т. Сталин, необходимым этот вопрос поставить?»***

И потом Каганович прибавляет:

«В остальном стараемся исправить недостатки и ошибки, на которые Вы указываете, и работаем на всю силу тяги. Очень рады, что Вы чувствуете себя хорошо. Сердечный Вам привет и наилучшие пожелания.

Ваш Л. Каганович…»

Это ведь тоже не на публику писалось и не в расчете на будущих историков. Это – текущая деловая переписка, и из нее видно – движущей силой тех дней были для Сталина и его верных соратников не интриги, а проблемы, которые надо было решать. И то, что Ежов сам был впоследствии репрессирован, объяснялось не принципом «Мавр сделал свое дело, мавра надо уходить», а

личностными его качествами.

Знаменитый авиаконструктор Александр Сергеевич Яковлев вспоминал разговор со Сталиным, когда тот сказал: «Ежов – мерзавец! Был хорошим парнем, хорошим работником, но разложился… Звонишь к нему в наркомат – говорят, уехал в ЦК. Звонишь в ЦК – говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом – оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяный. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли…»

К слову, на момент ареста Ежов был вдовцом – жена покончила самоубийством, а жену он любил.

Нет, Ежов отнюдь не был «исчадием ада» и серым аппаратчиком. Я с интересом читал, например, стенограмму его выступления перед мобилизованными на работу в НКВД молодыми комсомольцами и коммунистами 11 марта 1937 года… Это было выступление не по бумажке, но это было обширное, конкретное, деловое и информативное с позиций именно профессиональной ориентации выступление.

В начале его (а разговор был «домашний», причем с людьми, которым предстояло работать не столько в центральном аппарате, сколько «по преимуществу в больших городах») Николай Иванович говорил: «Мы со своим аппаратом всеми щупальцами опираемся на большинство нашей страны. На весь наш народ…»

А позднее повторил: «Разведка наша народная, мы опираемся на широкие слои населения…»

В конце же им было сказано вот что:

«С введением Конституции (1936 года. – *С.К.)* многие наши вещи, которые мы сейчас делаем походя (пометка стенограммы ***«смех в зале». – С.К.),*** они не пройдут даром. Имеется законность, поэтому нам надо знать наши законы, следователь должен знать досконально наши законы, тогда исчезнут все взаимоотношения с прокуратурой. Главная наша драка с прокуратурой пока что идет просто по линии незнания законов, незнания процессуальных норм…»

Не удержусь и приведу и такое, между прочим, замечание Ежова:

«Двое приятелей, члены партии или не члены партии, собрались и начинают рассказывать… а у чекистов соблазн рассказать историю… вроде охотника, всякие сказки. Я знаю, например, от разных чекистов, по крайней мере 15 вариантов поимки Савинкова…»

Читаешь это и думаешь – а сколько же подобные любители «охотничьих историй» запустили «дез» о службе Берии у мусаватистов?

Уж наверное, побольше, чем пятнадцать!

ПРИ ЕЖОВЕ в НКВД начался и некий процесс, необходимость в котором назрела давно.

В 1934 году, при первом наркоме Ягоде, в руководстве НКВД (по данным историка Игоря Пыхалова) из 96 человек было 30 русских, 37 евреев, 4 поляка, 7 латышей, 2 немца… Как видим, ОГПУ – НКВД превратился тогда в некий междусобойчик «избранного народа». И роль многие из его представителей играли сомнительную… Причем – не только в НКВД.

Чтобы не быть голословным, я спрячусь за такой авторитет, как академик Вернадский, записавший в дневнике 10 августа 1928 года:

«Бросается в глаза и невольно раздражает всюду находящееся торжествующее (разрядка В.И. Вернадского. – ***С.К.) еврейство. Еще в санатории ЦЕКУБУ*** Центральная комиссия по улучшению быта ученых, в санатории которой в Кисловодске отдыхал Вернадский. – ***С.К.) их число не так велико – но всюду в парке, на улице местами они преобладают. Редко встречаются тонкие, одухотворенные, благородные лица – преобладают уродливые, вырождающиеся… лица. Они сейчас чувствуют власть – именно еврейская толпа».***

А с учетом тяготения представителей этого народа к таким лидерам, как Овсей-Герш Аронович Зиновьев-Радомысльский, Лев Борисович Каменев-Розенфельд и Лев Давыдович Троцкий-Бронштейн, репрессивные органы СССР при Ягоде имели и вполне определенную политическую окраску.

Потому эти органы и «опоздали» на четыре года… Троцкистов, конечно, арестовывали (есть на сей счет интересные мемуары убежденного троцкиста Александра Боярчикова), ссылали и даже расстреливали. Но их ведь тогда насчитывалась не одна сотня тысяч человек. Да плюс «раскаявшиеся». Так что массовая база троцкизма сохранялась и через восемь, и через десять лет после того, как Лев Давыдович был в 1929 году выдворен за пределы страны.

К осени 1936 года, когда Ягода из НКВД ушел, там из 110 руководителей было 33 русских, 43 еврея, 5 поляков, 9 латышей, 2 немца.

При Ежове же к 1 сентября 1938 года из 150 руководителей НКВД русских было уже 85, а евреев – 32. Но дело было не в политике Ежова как таковой. В мае 1938 года вышло указание Е(К об удалении из органов всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из мелкобуржуазных семей. А таковых было много как раз среди

евреев.

ДА, ТЕПЕРЬ на дворе стоял уже не 1928-й, а 1938 год. «Операция» НКВД заканчивалась, и вот тут все более стало выясняться, что вместе с гнилым лесом была вырублена и часть здорового.

Однако, как и кто его рубил?

19 января 1938 года в № 19 «Правды» было опубликовано информационное сообщение о закончившемся «на днях» Пленуме ЦК и постановление пленума «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из В КП (б) и о мерах по устранению этих недостатков».

«…ЦК ВКП(б) не раз требовал от партийных организаций и их руководителей внимательного, индивидуального подхода к членам партии при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении неправильно исключенных…» – говорилось в начале постановления.

А далее напоминалось о призывах Сталина к такому подходу на февральско-мартовском пленуме 1937 года, об еще более раннем письме ЦК от 24 июня 1936 года.

Потом же густо шли конкретные примеры по многим регионам Союза, из которых я приведу два: по Куйбышевской области РСФСР и Киевской области УССР:

«Больше-Черниговский райком ВКП(б) исключил из партии и объявил врагами народа 50 человек из общего количества 210 коммунистов, состоящих в районной парторганизации, в то время как в отношении 43 из этих исключенных органы НКВД не нашли никаких оснований для ареста…

Бывший секретарь Киевского обкома КП(б)У, враг народа Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с провокационным вопросом: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?» В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации, причем большинство заявлений оказалось явно неправильным или даже провокационным».

Вот так! Спрашивается – кто же необоснованно расширял масштабы репрессий – «палач» Ежов и его «подручные» на местах или партократы и скрытые оппозиционеры?

Конечно, в каждом конкретном случае ответы могли быть

различными – до противоположных. Однако «информация к размышлению» здесь имеется.

Да ведь все и действительно было весьма неоднозначно, уважаемый читатель. Потом партийному функционеру Хрущеву было удобно все свалить на НКВД, на Ежова, на Берию… Но профессионалы из НКВД нередко были вынуждены разбираться в том, что наворотили непрофессионалы из «партии» шкурников.

Хотя профессионалам работы и так хватало. Вот уже другой документ – «Спецсообщение о контрреволюционных проявлениях со стороны лиц, исключенных из ВКП(б) при проверке партдокументов в Курской области и в Грузии». И вот его-то в «Правде» не публиковали – по причине наличия на нем грифа «Совершенно секретно».

Начальник секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар ГБ 2-го ранга Молчанов 14 февраля 1936 года сообщал Сталину и Ежову о ситуации в Грузии:

«Отмечается рост контрреволюционной активности исключенных из партии… и в первую очередь троцкистов…

Анализ настроений исключенных из партии показывает, что часть из них… приступает к созданию контрреволюционных группировок, а наиболее озлобленные высказывают террористические настроения.

В связи с проверкой партдокументов по парторганизации ССР Грузии органами НКВД было арестовано 460 человек, в том числе:

1. троцкистов-двурушников – 136
2. членов антисоветских политпартий – 157
3. жуликов с партбилетами – 167».

Это – лишь явная опасность! Но в спецсообщении говорится о еще девяноста выявленных троцкистах, итого уже 550 человек. Простая логика подсказывает, что «болтает» далеко не каждый враг. Более того – опаснее всего та собака, которая не лает, она как раз и кусает решительней. Да и в поле зрения «органов» попадает ведь не каждый.

Если мы сопоставим запрошенный Берией в 1937 году «лимит» (1419 человек к ВМН и 1562 к высылке) и цифры из сообщения Молчанова, то все окончательно становится на свои места: Берия в Грузии не «палачествовал», необходимость таких ***минимальных*** репрессивных цифр была объективной. И данные СПО ГУГБ НКВД СССР это подтверждают.

Ниже я даю практически без комментариев ряд высказываний из сообщения по Грузии, полученных агентурным путем…

«Нужно выдержать несколько месяцев. Потом начнется война с Японией, народ пойдет за нами и власть перейдет к нам» (исключенный из партии троцкист).

«Выход в войне. Тогда нас, стариков, призовут, и руль руководства перейдет к нам» (исключенный из партии троцкист).

«На заводе военного кораблестроения у нас имеется большая организация. Весь Балтийский флот наш. Мы имеем связь с Москвой, но работаем не так, как раньше. Теперь соблюдаем больше строгости» (троцкист Каландадзе, подлежит аресту).

«Я хочу быть в партии только для того, чтобы не терять авторитета в народе. Победа за меньшевиками. Коммунисты в Грузии победить не могут» (исключенный из партии троцкист Гоготишвили).

Что забавно – не верящий в коммунистов Гоготишвили тем не менее был в партии, чтобы иметь авторитет именно ***в народе.*** Признание невольное, но ценное.

«В городе у нас ничего не получится, надо перенести работу в деревню…» (Бердзенишвили, арестован).

Да, крестьянина охмурить было легче… Тогда…

«Меня интересует не партбилет. Посредством партбилета я находился в курсе секретов партии» (исключенный из партии троцкист Вашекидзе).

«Конечно, я не хочу гибели России. Я сторонник только того, чтобы молодое поколение нашей партии, которое очутилось во главе… аппарата, было арестовано и руководство было передано старым большевикам» (Каландадзе, партпроверку прошел).

«Я скрыл от партии, что был троцкистом. Надо терпеть, быть осторожным, голосовать за их предложения. Хлопай в ладоши, если требуется» (Сепертеладзе, партпроверку прошел).

И это ведь была не просто «воркотня»… В стабильные, правда, времена на нее можно было махнуть рукой – мол, все

ограничится кукишами в кармане. А в нестабильные? Такие ведь «голубки» могли натворить много кровавых бед.

Вот пример уже по Курской области: состав одной из организованных групп бывших «партийцев» в Грайворонском районе:

1. Тищенко, кулак, работал инструктором райкома.

2. Новомлинский, бывший кулак, работал заведующим гаражом в МТС.

3. Захаров, бывший кулак, бывший председатель горсовета.

4. Солошенко, бывший кулак, ранее работал заведующим райземотделом Грайворонского РИК.

5. Твердохлеб, бывший кулак, владелец кирпичного завода, бывший председатель горсовета.

6. Устинов, исключен за взяточничество, бывший районный прокурор…

Хорош подбор?

И все они, как один, были готовы, «не задумываясь», «вступить в банду, если бы она где-либо организовалась».

Эту группу, к счастью, обезвредили вовремя. И такая группа в Курской области была не единственной. Имелись подобные группы и в других областях.

Причем внедрение врагов Советской власти в органы Советской власти происходило чуть ли не с момента установления этой власти. Так, в 1924 году будущий Герой Советского Союза Дмитрий Медведев (тогда он работал в Одесском отделе ГПУ Украины) с группой чекистов и сотрудников уголовного розыска ликвидировал банду «Бим-Бом» из кулаков-украинцев и еврейских налетчиков (как видим, бандиты национальной рознью не страдали во все времена). Стояли во главе банды кулак Филька Телегин, профессиональный грабитель Абрам Лехер и… председатель одного из сельсоветов Григорий Рошковский.

Бандиты специально протаскивали «своих» на ответственные посты в местные Советы.

Кого-то разоблачили в 20-е…

Кого-то – в 30-е…

А кого-то не разоблачили никогда.

Это была потенциальная «пятая колонна» в «низах»… Но была же она и в «верхах». Так что объективно для НКВД работы хватало без фальсификации дел. Но субъективно Ежов как работник, похоже, уже не тянул.

Он, между прочим, мог действительно быть одной из невольных жертв репрессий 1937–1938 годов в том смысле, что на

нем был в то время груз не просто огромной административной ответственности (для сильного управленца это не повод опускать руки), а ответственности психологической.

Он не мог не понимать, что при расширении масштабов репрессий, да еще в условиях, когда они носили превентивный чаще всего характер (то есть репрессировались не уже состоявшиеся, а потенциальные преступники), неизбежно осуждение и части невинных. Да не просто осуждение, а смерть их. И эти, что там говорить, страшные накладки были более вероятны в «низах». То есть счет тут был на тысячи, а то и десятки тысяч.

В «верхах» же, при расследовании дел о заговорах, саботаже и прочем, невинно осужденных тоже не могло не быть, потому что прямых-то ***вещественных*** улик не было ни на кого, даже на явно виновных. Все строилось на признательных показаниях. Значит, были возможны оговоры.

Наконец, Ежов не мог не понимать, что упрощенный порядок следствия не может не развращать часть аппарата. Пусть не «зверские пытки», но какие-то физические меры воздействия в условиях политического и исторического цейтнота применять приходилось – на войне как на войне.

И при этом Ежов, весьма вероятно, видел и еще один, психологически страшноватый, момент: невинные-то жертвы он и его люди невольно создают, а вот врагов при этом выявляют не всех – по объективным причинам. Тут действительно запьешь – если есть хоть какая-то слабина.

Так или иначе, Сталин все более приходил к выводу: Ежова надо заменять.

Но кем?

Естественным образом возникала кандидатура Берии. Он был хорошо известен Сталину, имел прочное и незапятнанное чекистское прошлое и прекрасно зарекомендовал себя в Закавказье и Грузии.

О ТОМ, как было принято окончательное решение, имеют хождение разные версии: решал лично Сталин; кто-то ему рекомендовал конкретно Берию; кто-то подготовил список, в котором был и Берия, и т. п.

Я не буду пересказывать здесь ни одной версии, оставляя это занятие создателям «исторических триллеров», и не буду гадать – от кого исходил исходный импульс в деле нового назначения Берии. Но не приходится сомневаться в том, что исходил он не от самого Лаврентия Павловича.

Оставаясь же на почве точных фактов, можно сказать одно:

к августу 1938 года выбор Сталина был сделан.

И этот выбор был удачным.

В АВГУСТЕ 1938 года Берию вызвали в Москву.

Уезжая из родных мест, он мог быть доволен. Для той земли, на которой он родился, он потрудился с успехом. И теперь ему предстояло расширить поле своей деятельности до масштабов всей страны и даже всего мира – если учесть, что в состав НКВД входила и внешняя разведка.

Вначале, 22 августа, Берия был назначен 1-м заместителем Ежова, а 29 сентября – также и начальником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Он сменил на посту как 1-го зама наркома, так и начальника ГУГБ, своего практически ровесника – Михаила Петровича Фриновского (не еврея, к слову, как утверждают нередко сами евреи, а вполне русского).

Фриновский, собственно, был начальником просто Управления государственной безопасности, потому что 28 марта 1938 года ГУГБ несколько понизили в статусе. Однако Берия сразу настоял на восстановлении за Управлением государственной безопасности прежнего положения Главного управления.

Он был, конечно, прав – дело было не в личных амбициях, а в престиже того подразделения, которое было ядром НКВД. И даже не в престиже, а в возможностях, в правах…

Фриновский начал подниматься еще при Ягоде, но при Ежове не только сохранил свое положение, но и упрочил его, став первым заместителем наркома.

В то время у каждого человека «на виду» была биография не из тихих. Однако у Фриновского она была особенно бурной. На год старше Берии, родом из пензенского Наровчата, сын учителя, он окончил духовное училище, в январе 1916 года поступил в кавалерию вольноопределяющимся, в августе уже дезертировал, примкнул к анархистам, участвовал в террористическом акте против генерал-майора Бема.

С марта 1917 года работал бухгалтером, в сентябре вступил в Красную гвардию Хамовнического района Москвы, в ноябре штурмовал Кремль, был тяжело ранен. В марте – июле 1918-го Фриновский – помощник смотрителя Ходынской больницы. Однако причиной такой мирной должности явно было восстановление от последствий ранения, потому что в июле он уже в Первой конной, дослужился там до командира эскадрона.

В 1919 году Михаила переводят в органы ВЧК, и вскоре он – помощник начальника активной части Особого отдела

Московской ЧК. Затем: операции по разгрому анархистов и повстанческих отрядов на Украине, Особый отдел Южного фронта, снова Первая конная, оперативный отряд Всеукраинской ЧК…

До сентября 1930 года – командир и комиссар дивизии особого назначения имени Ф.Э. Дзержинского, а потом до 1933 года – председатель ГПУ Азербайджана, откуда ушел на повышение начальником Главного управления пограничной охраны О ГПУ СССР.

Во время работы в Азербайджане Фриновский просто не мог не сталкиваться с Полпредом ОГПУ по Закавказью, а позднее – первым секретарем Заккрайкома Берией. А Берия был не просто опытным, но, безусловно, выдающимся психологом и, конечно, понял Фриновского, как говорят, «до донышка».

Фриновского в литературе обычно аттестуют неким чуть ли не зверем, причем еще и невежественным, но я уверен, что такого просто не может быть. Физически это действительно был богатырь, на лице – шрам. Невежественным же он, сын учителя, быть не мог уже потому, что духовные училища давали неплохое базовое образование. К тому же Михаил в 1927 году закончил еще и Курсы высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Академии имени Фрунзе, а там тоже учили неплохо.

Да и тот факт, что начинал он свою чекистскую работу, находясь в поле зрения самого Дзержинского, тоже что-то да значит. Дзержинский невежд не жаловал.

Психологически же Фриновский… Вот психологически это наверняка был человек, сочетающий осмотрительность с «рисковостью». Безусловно – боевик. То есть как друг он был бесценен, как враг – очень опасен, а то, что в нем всегда могла проснуться авантюристическая жилка, делало его еще более опасным.

Опять-таки в литературе часты заявления насчет того, что Фриновский быстро-де «подмял» под себя невежественного в чекистских делах Ежова и напропалую фальсифицировал-де «липовые» дела в НКВД.

Думаю, и это не так. Нет, я не хочу сказать, что в ОГПУ и НКВД на протяжении какого-то периода не имелось творцов «липовых» дел (о своем утверждении противоположного я не забыл, но в любом правиле имеются грустные исключения). Тем не менее, объективно они могли преуспевать скорее на периферии, чем в центральном аппарате. Там, как я уже говорил, хватало «честной» загрузки. На периферии, впрочем, тоже… Чтобы убедиться в этом, вернемся в 1933 год.

Полпред ОГПУ по Белоруссии Леонид Заковский (собственно

– латыш Генрих Штубис) в октябре 1933 года телеграфировал в Москву Якову Агранову:

«4 октября 1933 г.
№ 50665

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

I. В Могилеве вскрывается, ликвидируется филиал Польской Военной Организации (ПОВ). Сознанием членов организации: слесаря депо, исключенного из партии в 1931 г., РЕУТА, сестры известного к. – р. деятеля БЕЛОГОЛОВОГО – СКОПОВСКОЙ выявлены пока свыше 30 членов организации, завербованных ксендзом ЯРОШЕВИЧЕМ.

II. В Жлобине также скрывается филиал ПОВ, созданный ксендзом ЯРОШЕВИЧЕМ. Арестованные члены организации БАТУРО и КУЧИНСКАЯ сознались в передаче ЯРОШЕВИЧУ сведений о Жлобинском узле и воинских частях.

III. В Осиповичском районе вскрывается, ликвидируется филиал ПОВ, созданный ксендзом МУСТЕЙКИСОМ. Сознанием арестованных РОЖНОВСКОГО и БАРТАШКЕВИЧА устанавливается возникновение организации в 1924 году…

IV. Арестованный в Гомеле по делу ПОВ СЕСКЕВИЧ Антон подтвердил свою причастность к организации. Сознался в том, что в 1929–1932 г. по заданиям ксендза АНДРЕКУСА бывал в Польше, в 1932 г., будучи в Белостоке, окончил 3-х месячные разведывательно-диверсионные курсы.

V. 1-го октября 1933 г. в Минске задержан бежавший в Польшу в начале 1933 года по досрочной демобилизации из армии отделком (отделенный командир, сержант. – ***С.К.) 5-го артполка 2-й дивизии СУЧКОВ. Сознанием СУЧКОВА устанавливается его сотрудничество в Лунинецкой разведпляцувке и создание им в Минске резидентуры в лице отделкома 2-го артполка ТРОФИМОВА Георгия, инструктора военстройплощадки КУЛИНИЧА Ивана. Арестованный ТРОФИМОВ в шпионаже сознался…»***

И т. д., всего десять пунктов.

Это – не «липа». Это – реальность тайной войны против СССР в те годы.

Заковский, к слову, был сам арестован в 1938 году по обвинению в связях с немцами и поляками и расстрелян. Но вышеприведенный документ не опровергает такого обвинения. Во-первых, членов ПОВ вскрывал не Заковский, а все белорусские чекисты. Во-вторых, разгром ПОВ был выгоден и немцам,

уменьшая влияние Польши на события в России. Само же по себе сообщение белорусского полпреда ОГПУ вряд ли нуждается в комментариях.

Причем обвинение Заковского-Штубиса тоже к «липовым», скорее всего, не относилось, несмотря на безусловно славное революционное прошлое Заковского. Между прочим, в 1987 году было признано, что оснований для пересмотра его дела не имеется (здесь могла, конечно, сказаться просто мстительность «демократов», но все же…).

Увы, даже книга – не резиновая. И я не могу привести как показательный пример того, что перерождение ряда большевиков имело место, еще и обширное письмо некоего «Г.», переправленное неизвестным адресатом в Московский горком лично Хрущеву. Этот «доброжелатель», получив письмо «Г.», счел для себя разумным оторвать на первой странице адресацию и отослать остальное в МК с просьбой «разобрать, оставив меня в стороне, в покое».

Из МК письмо попало в НКВД, откуда замнаркома Агранов 5 сентября 1935 года направил его Сталину. Желающие могут ознакомиться с этим любопытным документом (стр. 683, док. № 539) в капитальном издании Фонда «Демократия» А. Яковлева – «Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936».

Так вот, очень много интересного есть в этом письме о, например, Авеле Енукидзе, мечтающем «стать русским Рузвельтом», и о недовольных старых большевиках-«и…нах», которых «надо организовывать», и о плане «убрать ту одиозную фигуру, которая теперь загородила даже солнце…».

Надо ли расшифровывать, чью «одиозную фигуру» имел в виду Енукидзе? Но кто конкретно подразумевался под «старыми большевиками-«п…нами», чекистам лишь предстояло устанавливать. И, оказываясь перед необходимостью «разматывать» клубок связей одного такого письма, самим валить себе на горб еще и «липу»? Это еще с чего?

А таких – вне сомнения, достоверных и свидетельствующих об остроте момента – документов в упомянутом выше сборнике не один десяток, прошу читателя поверить мне на слово.

Но я еще не закончил с Михаилом Фриновским, который якобы обошел «невежественного»-де в оперативном отношении Ежова… Я и тут сомневаюсь. Безусловно, в тонких, скажем, делах разведки Николай Иванович сразу ориентироваться не мог. Но в целом…

В целом и у Николая Ивановича Ежова биография ведь тоже была не так чтобы чисто канцелярская!

Квалифицированный рабочий-путиловец, с 1915 года – рядовой 172-го Лидского пехотного полка, воевал, был ранен, в 1916 году демобилизован, а в конце того же года вновь призван в запасной полк в Новом Петергофе. После революции – комиссар станции Витебск, а уж позднее – партработник. В Казахстане руководил подавлением басмачества.

Работа в учетно-распределительном отделе ЦК и в Комиссии партийного контроля тоже имела ряд черт, роднивших ее с чекистской. По словам его бывшего «патрона» Москвина, у Ежова плохо было развито чувство меры – не мог-де остановиться вовремя. Возможно, и так, хотя такие аккуратисты, как Ежов, скорее страдают обратным – не умеют идти далеко вглубь.

Стенограммы его выступлений обнаруживают, тем не менее, и ум, и компетентность (к слову, его выступление на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года очень убедительно дополняет документы типа упомянутого мной выше письма «Г.»).

И все же в решении проблемы конструктивного преобразования НКВД Ежов запутался, как запутался он и в собственной жизни.

ПОЭТОМУ многое в НКВД к началу 1939 года надо было менять. Как и – многих. Во-первых, в ходе «операции» 1937–1938 годов так или иначе выявились непригодные для работы в НКВД по многим причинам. Имелись и сомнительные…

Того же Фриновского удалили из НКВД вскоре после прихода туда Берии, но арестовали лишь 6 апреля 1939 года (а расстреляли после долгого следствия лишь 8 февраля 1940 года). И арестовали, судя по всему, как раз вследствие того, что его былая авантюристическая жилка полностью не заглохла. А он ведь был не «старый п…н»…

Или вот еще один замнаркома времен Ягоды – Ежова – Яков Агранов. Историк Геннадий Костырченко в весьма информативной своей книге «Тайная политика Сталина» странным образом злостно неточен в очевидной ситуации. Он относит и Агранова к жертвам-де нового наркома Берии. Но Агранов был арестован 20 июля 1937 года, осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к ВМН 1 августа 1938 года и в тот же день расстрелян. А Берия появился на Лубянке ровно через три недели – 22 августа.

Думаю, неточен Костырченко не случайно – так вот, по фальшивым «фактикам», и лепится образ «кровожадного» Берии. Ведь монография Костырченко претендует на солидность – она издана мидовским издательством «Международные отношения» под эгидой Института российской истории РАН (и при

финансовой поддержке Российского Еврейского Конгресса).

В документальных справках на Агранова далеко не всегда сообщается, что до того, как стать с 1915 года членом большевистской партии, он с 1912 года был членом партии эсеров, в 1919 году был секретарем Совнаркома, в 1921 году – секретарем Малого Совнаркома. Так что и эсеровское прошлое, и разветвленные связи среди «элиты» вполне могли продуцировать некие политические амбиции Агранова. Да и продуцировали.

Нет, «верхи» НКВД «прореживались» наркомом Берией чаще всего не «ежовские», а еще «ягодинские», да и еще более раннего происхождения – когда троцкисты сидели не в лагерях, а в высоких кабинетах…

Зато многие «новобранцы» «ежовского» призыва уже при Берии выросли в толковых работников. И уровень их образования был вполне «на уровне». В свое время мы познакомимся с Виталием Павловым – участником операции «Снег». Так вот он, как и тысячи его будущих коллег, пришел в НКВД при Ежове после окончания Сибирского автодорожного института. И никто его впоследствии не «убирал». Напротив – продвигали.

Елена Прудникова, автор интересной книги о Берии, пишет (о временах, правда, начала 30-х годов): «Что такое типичный чекист того времени?.. На всех должностях, снизу до самого верха, было полно малограмотных и полуграмотных выдвиженцев времен революции и Гражданской войны. Так, знаменитый Заковский закончил два класса, Агранов – четыре класса… Это были необразованные, жестокие, беспринципные авантюристы…»

Виталий Павлов и его товарищи – как представители чекистского «низа» – никак не укладываются в эту схему. Что же до «верхов»…

Думаю, Прудникову здесь подвело желание показать «рыцарство» Берии «на контрасте» с «жестокими» предшественниками, и она некритически отнеслась к позднейшим негативным характеристикам ряда видных чекистов эпохи ВЧК – ОГПУ и первого НКВД. А ведь и эти характеристики чаще всего злостно искажены.

Тот же Агранов был хорошо знаком с Авербахом, Мандельштамом, Пильняком, Бриками, Маяковским… Сейчас иногда утверждают, что Агранов и организовал «самоубийство» последнего, что лично я не исключаю, как не исключаю, что к этому были причастны и Авербах с Осипом Бриком. Но говорить о Якове Агранове как о человеке сером не приходится. «Второе дно» в его натуре было, но личностью он был, конечно, незаурядной. Желающим дополнительно убедиться в этом могу рекомендовать многостраничный «Обзор деятельности контрреволюционных

организаций в период 1918–1919 годов», написанный Аграновым и помещенный в «Красной книге ВЧК». Дай бог любому строю таких «невежественных» государственных служащих, как 26-летний автор этого обзора.

И не забудем – Антон Макаренко, Дмитрий Медведев, Александр Лукин, Георгий Брянцев, герои писателя Юрия Германа Иван Лапшин и Альтус – это тоже чекисты двадцатых – тридцатых годов. Так что Берия и его «новобранцы» приходили на смену отнюдь не бездарям.

Более того! Я не уверен, что с самого начала Берия был призван Сталиным прежде всего для скорой замены Ежова. Почему-то не обращают внимания на то, что Берия был назначен не просто 1-м заместителем наркома, а к тому же – именно начальником Главного управления государственной безопасности, ведавшего и внешней разведкой. И как раз у разведчиков НКВД незадолго до вызова Берии в Москву за новым назначением произошло три серьезнейших ЧП.

Вначале изменил капитан ГБ Игнатий Станиславович Рейсс (Натан Маркович Порецкий). Ровесник Берии, он родился в Австро-Венгрии, в Галиции, некоторое время учился на юридическом факультете Венского университета, в 1917 году примкнул к большевикам. Был на нелегальной работе в Польше, работал в Разведывательном управлении РККА, а в 1931 году перешел в разведку ОГПУ – Иностранный отдел (ИНО). Базируясь на Голландию, он действовал и во Франции. В июле 1937 года Рейсса отозвали в Москву, но он не вернулся, а 17 июля опубликовал во французских газетах открытое письмо с обличениями Сталина и так же открыто примкнул к Троцкому.

Рейсса ликвидировала специальная группа НКВД неподалеку от Лозанны уже в сентябре 1937 года. Но доверие к Иностранному отделу НКВД у Сталина было подорвано.

А тут подоспела и вторая измена. Осенью 1937 года стал предателем и невозвращенцем капитан ГБ, нелегальный резидент в Голландии Вальтер Германович Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзберг) – тоже ровесник Берии, между прочим.

Кривицкий имел схожую с Рейссом биографию: родился в австро-венгерском Подволочисске, служил в Разведупре РККА, с 1931 года – в ИНО ОГПУ. Награжден орденом Красного Знамени.

Кривицкий тоже пустился во все тяжкие, связался с сыном Троцкого Львом Седовым, но главное – «сдал» Интеллидженс Сервис более сотни наших разведчиков и агентов.

Даже относительно объективные авторы нередко сваливают все потери нашей внешней разведки в 1937–1938 годах на кровавые-де репрессии Ежова. Но ведь сотня «засвеченных» наших

разведчиков на счету не Ежова, а Кривицкого. А это очень немало. ИНО НКВД – не полевая дивизия, там «и один в поле воин».

А в придачу к Кривицкому в июле 1938 года изменил Александр Орлов (Лейба Лазаревич Фельдбинг, известный в НКВД и как Лев Никольский).

Старший майор ГБ (почти генерал!) Орлов знал много. Был резидентом ИНО НКВД во Франции, Австрии, Италии, советником в Испании (из Испании он и бежал в США).

В Испанию Орлова-Фельдбинта направил его близкий друг Слуцкий. Фактически – спасая от скандала. В августе 1936 года прямо перед зданием Лубянки застрелилась молодая сотрудница НКВД Галина Войтова – любовница Фельдбинга. Она не могла вынести того, что тот покинул ее, отказавшись развестись с женой.

Впоследствии Берии припишут множество историй с женщинами, все из которых будут лживыми. Но вот тебе, уважаемый читатель, реальная неблаговидная история с одним из тех, кто входил в чекистскую среду, «зачищаемую» Ежовым. Причем протеже Слуцкого, порывая с Родиной, прихватил с собой «на память» о ней из сейфа резидентуры шестьдесят тысяч долларов, предназначавшихся для оперативных целей. По нынешнему курсу это где-то более миллиона.

Итак, с одной стороны, Фельдбинг был хотя и талантливым, но авантюристом, о котором сегодня сложно сказать, что он будет делать завтра. С другой стороны, Слуцкий был, повторяю, близким другом Фельдбинга. А мы все удивляемся – как могли не ценить такого несомненного умницу, как Слуцкий, и других, ему подобных, и тоже – умниц!

Что же до Фельдбинга-Орлова, то в 1924 году он был в подчинении и у Берии – работал сотрудником Экономического управления ОГПУ и начальником погранохраны Сухумского гарнизона.

Считается, что Орлов сохранил жизнь, в своем письме на имя Ежова предупредив, что агентуру «сдавать» не будет – пока жив. Но, вообще-то, в разведке полагаться на честность «невозвращенца» могут только наивные люди. Так что и изменой Орлова можно объяснить то недоверие к агентуре, которое вначале выказывал уже нарком Берия.

Не говоря уже об измене Кривицкого…

Короче, не исключено, что эта тройная измена тоже стала одной из причин вызова Берии в Москву. Он ведь был не только опытным разведчиком, но и более чем опытным ***контрразведчиком.*** А это, между прочим, очень нечасто сочетается в одном человеке.

ПОЖАЛУЙ, можно привести и еще одно соображение… Если мы сравним структуру НКВД на 1 января 1938 года (нарком Н.И. Ежов) и на 1 января 1939 года (нарком Л.П. Берия), то увидим, что с 1939 года появляется новое управление – Главное экономическое (ГЭУ) и что на 1 января должность его начальника вакантна.

С 4 сентября 1939 года ее занял тридцатипятилетний Богдан Кобулов, давний сотрудник Берии по Грузии и долгое время, как и Берия, профессиональный чекист.

Кобулов фактически ГЭУ и создал. И уже в 1940 году в него входили отделы:

– промышленности,
– оборонной промышленности,
– сельского хозяйства,
– Гознака и аффинажных заводов,
– авиационной промышленности,
– топливной промышленности.

Кроме того, к 1 января 1940 года в структуре НКВД создаются дополнительно:

– Инспекция по котлонадзору;
– сектор ширпотреба;
– Главное транспортное управление с отделами по железнодорожному транспорту, водному транспорту, связи, шоссейному строительству, гражданскому воздушному флоту;
– Главное военно-строительное управление;
– Главное управление военного снабжения;
– Дальстрой.

Все было объяснимо: экономические задачи НКВД после репрессий 1937–1938 годов объективно расширялись. Сказав так, я ни в коей мере не склонен следовать за стандартным «демократическим клише» – Сталин и НКВД загоняли-де народ в ГУЛАГ, чтобы рабским-де трудом возводить социализм. Однако новые задачи НКВД действительно были связаны со значительным увеличением количества заключенных, имевших ту или иную народнохозяйственную квалификацию (если мои оценки с опорой на «калининские» данные верны, то пополнение лагерей составило примерно полмиллиона человек).

Нет, не НКВД «загонял» людей в лагеря, а жесткая реальность противостояния нового и старого. Однако нельзя же было эту действительно рабочую силу просто кормить! Тем более – силу, нередко, повторяю, квалифицированную.

Короче говоря, НКВД резко расширял свою народнохозяйственную деятельность. И тут во главе НКВД был необходим человек широких способностей. А Берия как раз и показал себя на все руки мастером. Мастер разведки и контрразведки, он доказал и свою компетентность как политический деятель, и – что тоже было очень важно – он показал себя компетентным хозяйственным организатором.

Однако, уважаемый читатель, не эти все соображения – при всей их первостепенной значительности – повлияли, скорее всего, на выбор Сталина. Думаю, решающее значение имели другие соображения, о которых еще будет сказано.

ПЕРВЫМ замом Ежова Берия оставался недолго. 25 ноября 1938 года Ежов был освобожден от должности наркома внутренних дел, оставаясь пока наркомом водного транспорта, которым он стал ***по совместительству*** с 8 апреля 1938 года. «Демократы» нередко лгут насчет того, что Ежова-де «перевели» в НКВТ лишь после снятия с НКВД перед будущим-де «закланием», но, как видим, это было не так.

Лишь 10 апреля 1939 года Ежов был арестован и после, опять-таки, достаточно долгого следствия расстрелян за четыре дня до Фриновского – 4 февраля 1940 года.

О снятии Ежова ходит тоже немало версий – как и об обстоятельствах ареста Савинкова, над чем язвил сам Ежов.

Два наиболее расхожих варианта таковы…

Первый: Сталин хотел убрать руками Берии «мавров» Ежова и самого Ежова, слишком-де много знавшего. Нечто подобное писал «генерал» Волкогонов (должен признаться, что его имя, как и имя Эдварда Радзинского, я не могу не то что произносить, но даже писать без крайней брезгливости)…

Второй вариант: вечный-де интриган Берия провел интригу и против своего шефа, в результате чего того арестовали по обвинению в намерении убрать Сталина. Именно этот второй вариант прозвучал в мемуарах выдающегося деятеля НКВД – МГБ генерала Павла Судоплатова. Мы с ним еще встретимся…

Так вот, Судоплатов привел некий рассказ бывших секретарей Берии Мамулова и Людвигова, якобы услышанный им от них во Владимирской тюрьме в пятидесятые годы. Увы, Елена Прудникова ухватилась и за эту байку то ли Судоплатова, то ли – Мамулова – Людвигова, то ли – вообще политкорректировщиков мемуаров Судоплатова.

Байка эта такова: фальшивку, «открывшую дорогу кампании против Ежова и работавших с ним людей», запустили-де два начальника управлений НКВД из Ярославля и Казахстана,

подстрекаемые-де Берией. Они обратились с письмом к Сталину, утверждая, что «в беседах с ними Ежов намекал на предстоящие аресты членов советского руководства в канун октябрьских торжеств (то есть **накануне 7 Ноября** 1938 года. – ***С.К.)».***

Но это – не более чем байка с любой точки зрения. Вот, скажем, логическая сторона… В памяти Сталина еще было свежо прошлогоднее раскрытие заговора Тухачевского накануне его выступления. Арестов самых высоких руководителей после этого было проведено множество. И если бы такой «сигнал» Сталину действительно поступил, то Ежов, вне зависимости от реальности его вины, был бы если не формально арестован, то фактически изолирован уже в начале ноября 1938 года. И уж во всяком случае, был бы заменен Берией на посту наркома ***немедленно***! И это особого удивления ни у кого, включая самого Ежова, не вызвало бы – его замена Берией была во многом предрешена самим ходом событий.

А Ежов был сменен лишь 25 ноября.

Причем и Берия знал, что его назначение наркомом – дело, надо полагать, считаных недель. Так зачем ему, безусловно знающему об этом, было затевать рискованную интригу, втягивая в нее плохо ему знакомых людей (он ведь тогда еще кадрами не распоряжался и своих людей расставлять в периферийной системе НКВД не мог)?

Так стоит ли ссылаться на тюремные «воспоминания» Судоплатова и Мамулова с Людвиговым? Последний, к слову, был родственником Микояна и наплести о Берии мог много чего – чтобы поскорее освободиться…

И вот тут мы переходим к уже хронологическому доказательству позднейшего происхождения «судоплатовской» версии. Ежов был заменен 25 ноября 1938 года, а заведующий сельхозот-делом ЦК КП(б) Грузии Степан Мамулов (Мамулян) был вызван Берией в Москву лишь в декабре 1938 года и стал первым заместителем начальника Секретариата НКВД СССР 3 января 1939 года. К тому времени Ежова в НКВД уже не было более месяца. И если даже допустить (чего лично я не допускаю), что упомянутая выше интрига имела место, то проведена она была без участия и, естественно, без осведомления Мамулова. Бывший же помощник Берии еще по Заккрайкому Людвигов – ему в 1938 году исполнился тридцать один год – тем более ничего знать не мог, его номер даже по сравнению с Мамуловым тогда был «третьим».

То есть окончательный вывод совпадает с первоначальным: то ли Мамулов с Людвиговым, то ли политкорректировщики мемуаров Судоплатова лгут.

Нет, я больше верю свидетельству авиаконструктора Яковлева, по которому Сталин снятие Ежова объяснял разложением последнего… Думаю, и слова Сталина о Ежове Яковлев передал точно, и Сталин был в своем признании искренен. Не Берия «подсидел» Ежова, просто Николай Иванович и Лаврентий Павлович были очень уж разновеликими величинами.

И КОЛЬ УЖ я вспомнил Яковлева, то приведу и еще одно его воспоминание, позволяющее, на мой взгляд, лучше понять и Берию, и общую атмосферу вокруг него…

Яковлев вспоминал:

«А.А. Жданов однажды рассказал мне анекдот про любимую трубку Сталина: «Сталин жалуется: пропала трубка». Ему говорят: «Возьмите другую, ведь у вас вон их сколько». – «Да ведь то любимая, я много бы дал, чтобы ее найти».

Берия постарался: через три дня нашлось 10 воров, и каждый из них «признался», что именно он украл трубку.

А еще через день Сталин нашел свою трубку. Оказывается, она просто завалилась за диван в его комнате».

Далее Яковлев резюмирует: «И Жданов весело смеялся этому страшному анекдоту».

Увы, Александр Сергеевич сути ситуации не понял, но попробуем разобраться в ней, уважаемый читатель, мы сами, учтя при этом, что мемуары Яковлев писал уже тогда, когда Берию пнуть только ленивый отказывался, и что на оценки мемуаристов нередко влияют общепринятые позднейшие оценки того периода, о котором они вспоминают. И эти ***оценки,*** в отличие от приводимых мемуаристами ***фактов***, бывших ***лично с ними,*** могут быть прямо противоположными сути происходившего тогда на деле.

Итак, поразмышляем…

Что – Жданов, смеясь по поводу «этого страшного анекдота», был неким моральным уродом, лишенным элементарного чувства меры, сострадания и т. п.?

Нет, конечно! Он потому и смеялся, что подобная история для него, хорошо знакомого с положением вещей и хорошо знающего как Сталина, так и Берию, была по сути абсурдной, не имеющей под собой никакой реальной базы. То есть – в полном смысле слова анекдотичной, но…

Но – что уж тут отрицать – остроумной.

Переосмысляя яковлевский рассказ (зная его со студенческих времен, я увидел ситуацию в ее истинном свете лишь в ходе работы над этой книгой), я вспомнил другую схожую ситуацию.

Ленин как-то со смехом рассказал услышанный от кого-то анекдот. Спрашивают: «Чем кончится большевистская революция?»

Ответ: «Прочтите слова «молот серп» наоборот». Проделав это, читатель прочтет: «Престолом».

Ленин, рассказывая это, смеялся. Так что – он был скрытым монархистом? Нет же – он был просто духовно здоровым человеком, способным посмеяться даже над злой шуткой врага – если она удачна.

Ленин, к слову, так же воспринял книгу сатирика-эмигранта, «озлобленного, – по его определению, – почти до умопомрачения белогвардейца» Аркадия Аверченко «Двенадцать ножей в спину революции» и 22 ноября 1921 года опубликовал в «Правде» заметку «Талантливая книжка». Так что – Ленин был скрытым контрреволюционером?

А анекдот о трубке Сталина?

Что ж, в этом анекдоте очень хорошо выявились злость и злобствование определенных столичных кругов по адресу и социализма, и Сталина, и тех, кто любил машины и колхозы, предпочитая их гусям с яблоками под водочку… Такой анекдот вполне мог придумать троцкист, и это могло тоже рассмешить Жданова. А мог придумать и прямой враг. Но враг неглупый. Ведь этот остроумный по своей фабуле анекдот еще надо было ***придумать!*** Придумать кому-то конкретно! Но в России хватало профессиональных анекдотчиков еще с царских времен, многие из которых успешно «хохмили» и при Советской власти. А их выученики позднее так же блестяще работали по заказам ЦРУ, только в 60—80-е годы анекдоты с реальностью не очень-то расходились…

НО ЧЕРТ уж с ними – с анекдотами и анекдотчиками! Давайте попробуем проследить логику Сталина. Например, не раз упоминавшийся мной ранее А.Топтыгин считает, что Сталин-де, избирая новые кадры, действовал логично. «Пусть логика этого человека для нас (это «для нас» вместо «для меня» я у А. Топтыгина понял плохо. – *С.К.)* и неприемлема, – пишет автор «Неизвестного Берии», – но логика была». И Топтыгин представляет себе логику Сталина, увы, так: «Отобрать молодых, готовых ради него (?? – *С.К.)* и ради сохранения собственной головы на все, умных и неразборчивых (н-да. – *С.К.)* в средствах».

К сожалению, логика здесь отказывает самому А. Топтыгину. В своей книге он приводит много документальных свидетельств того, что Берия вел себя на занимаемых им постах вполне в личностном отношении достойно, поднимаясь вверх не за счет

интриг или подхалимажа, а за счет выдающегося делового потенциала. И вдруг…

Нет, Сталин-то был в своей кадровой политике логичен, но его логика и близко не соответствовала представлениям о ней Алексея Топтыгина.

Дело – кроме прочего – в том, что сегодня уже не приходится сомневаться в подлинности некоего знаменательного факта: ***еще до вызова Берии Сталин несколько раз предлагал пост НКВД Чкалову.***

Почему?

Почему именно ему? Чкалов – это человек, во-первых, знаменитый во всем мире, а не только в Стране Советов. Причем в своей стране он был искренне любим народом и… И имел незапятнанную репутацию рыцаря.

Так что – это ***Чкалову*** Сталин первоначально намеревался поручить роль «уничтожения много знавших Ежова и его подручных»?

Какие глупости! И с учетом кандидатуры Чкалова можно сказать, что Сталину на посту НКВД нужен был человек:

а) честный и искренний;

б) не имеющий на руках невинной крови, но решительный;

в) работящий;

г) бескомпромиссный;

д) преданный народу и лично Сталину;

е) способный разбираться в хозяйственных проблемах.

Но если учесть, что Сталин видел на таком посту Чкалова, то станет ясно, что во главе НКВД Сталину нужен был человек, способный стать несомненно и прежде всего «знаковой» фигурой! Фигурой, способной изменить имидж чекистской «конторы» после всех мнимых и действительных прегрешений Ягоды и Ежова…

Герой, любимый герой советского народа, Герой Советского Союза по званию и по сути, свой человек в среде и технической, и творческой интеллигенции, явно рыцарственный, Чкалов мог такой фигурой стать… И фигурой не только парадной… Однако Чкалов отказывается…

И Сталин выбирает Берию. У него не было громкой известности Чкалова, зато как «рабочая лошадь» он был, конечно, неизмеримо сильнее и перспективнее.

Но если Сталин вначале упорно «сватал» на НКВД Чкалова, остановился ли бы он в итоге на Берии, если бы лидер Кавказа имел в стране и в «верхах» репутацию палача или интригана?

Не думаю.

У Берии было всем известное чекистское прошлое – хотя и достаточно давнее (он отошел от чекистской работы еще до

образования НКВД, во времена ОГПУ Менжинского). Если бы в этом прошлом были интриги, они, конечно же, отяготили бы неофициальную репутацию Берии. Однако их и не было, как не было «садистских» методов ведения следствия в Грузии, якобы применявшихся или поощрявшихся Берией. И было существенным то, что о чистых руках Берии знали в НКВД.

Так что в свете уже одного несостоявшегося назначения наркомом внутренних дел Чкалова состоявшееся назначение Берии, на мой взгляд, выявляет положительный облик Берии в большей мере, чем многие архивные изыскания.

Уже в наше время возник ряд клеветнических версий относительно того, что Берия был причастен к гибели Чкалова, но это именно клевета, на анализе которой я останавливаться не буду. И лишь напомню читателю, что Чкалов погиб 15 декабря 1938 года, когда с любой точки зрения вопрос о его назначении в НКВД был снят с рассмотрения раз и навсегда – с 25 ноября во главе НКВД встал Лаврентий Берия.

БЕРИИ приписывают двоякую роль в репрессивной политике после его прихода к руководству НКВД. Мол, с одной стороны, при нем начались-де смягчения. Но с другой стороны, незаконные-де репрессии продолжались и при нем. Это, конечно, еще один подлый антибериевский миф.

Даже если мы возьмем уже упоминавшуюся и, на мой взгляд, сомнительную, справку и.о. начальника 1-го спецотдела МВД СССР полковника Павлова от 11 декабря 1953 года, где сообщается, что в 1937–1938 годах к высшей мере наказания было приговорено якобы 681 692 человека, то из этой же справки мы узнаем, что за 1939–1940 годы к ВМН было приговорено ***всего 4201*** человек.

Уменьшать реальную «расстрельную» цифру, относящуюся к деятельности Берии, хрущевцам и «демократам» было ни к чему. Разве что и ее они могли завысить, хотя в данном случае – вряд ли.

Так вот, если учесть, что:

– антисоветская деятельность в эти два года внутри страны активизировалась в связи с общим обострением мировой военно-политической ситуации;

– в эти два года в состав СССР вошли Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина, три прибалтийские республики – а везде имелись, конечно, непримиримые враги Советской власти (одни бандеровцы чего стоили!);

– в конце 1939 – начале 1940 года прошла советско-финская

война;

– активизировалась деятельность прозападных кругов в кавказских и южных национальных республиках (ведь англо-французы весной 1940 года имели планы бомбить Баку и Батуми);

– не был окончательно изжит политический бандитизм, включая басмачество (полностью оно было ликвидировано лишь в 1945 году), то цифра в четыре тысячи расстрелянных за государственные преступления выглядит до удивления умеренной.

Однако более того!

Ни о каких необоснованных репрессиях (исключая неизбежные в такой сфере невольные «накладки») в НКВД Берии не могло быть и речи по существеннейшей причине! Удивляюсь, как это утверждающие обратное «упускают» из виду, что за неделю до снятия Ежова и назначения Берии, 17 ноября 1938 года, было принято подписанное Сталиным и Молотовым постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета В КП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Тон и суть постановления были жесткими, адресация – вполне конкретной:

«Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам окружных, ***городских и районных*** (выделение здесь и ниже мое. – *С.К.)* отделений НКВД.

Прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, окружным, ***городским и районным*** прокурорам.

Секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов и ***райкомов*** ВКП(б)».

В постановлении отмечалась большая работа органов НКВД в 1937–1938 годах по очистке СССР «от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников», а также «по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, пробравшихся в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, «харбинцев» и пр.».

Далее честно признавалось, что:

«Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные… в 1937–1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к

ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры…

Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры, являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой… работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для проведения массовых арестов…

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными…»

Далее доставалось и НКВД, и Прокуратуре… А стиль выдавал однозначно руку Сталина.

Уважаемый читатель! Сама такая констатация в официальном документе, которым должны были руководствоваться десятки тысяч функционеров, была со стороны Сталина акцией беспрецедентной! Однако – вполне логичной: ведь и «операция» 37—38-х годов была беспрецедентной, и беспрецедентными же были допущенные при ее проведении извращения. Значит, и меры по их выправлению должны были быть такими же.

И они такими и были. В постановляющей части, кроме прочего, указывалось:

«1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению….

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК (рабоче-крестьянской. – *С.К.)* милиции…

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

…б) при истребовании от прокуроров санкции на арест

органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы…

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор…» и т. д.

Последняя же фраза постановления была таковой:

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, невзирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности».

Не исключаю, что это не так чтобы широко известное сегодня постановление, может кое у кого вызвать шок: «Как, и это – Сталин?! И это – 1938 год?!»

Возражения «демократов» известны: тиран-де Сталин поступил-де как всегда! Вначале санкционировал массовый террор, а когда он был проведен, в очередной раз (как и при коллективизации) выставил себя поборником справедливости. Но пусть мне приведут пример из истории любого народа в любую эпоху, когда тиран публично признал бы ошибки власти! И не просто признал на словах, а инициировал широкий процесс освобождения невинно пострадавших, не убоявшись того, к слову, что эти освобожденные, хлебнув лиха, теперь-то и станут его врагами.

Сталин ведь и своим авторитетом рисковал – должностные – то лица знали, что репрессии не могли быть санкционированы без решения Сталина, а теперь он не только прямо распекал их, но и косвенно признавал свою неправоту.

Мог ли так поступать тиран?

Наконец, если бы постановление СНК и ЦК было актом «на публику», то можно было бы ограничиться словесами в сочетании с освобождением части осужденных, но сохранить сам репрессивный механизм. А он-то и упразднялся! «Тройки» ликвидировались на всех уровнях! А Особое Совещание при НКВД СССР – это лишь в Москве для особо важных дел государственного значения. И – без права вынесения «расстрельных» приговоров.

Так о каких незаконных и неправедных репрессиях могла идти речь после такого Постановления? Какой прокурор поддался бы теперь «давлению» НКВД, ***не рискуя*** быть осужденным

«тройкой», но рискуя попасть под суд за невыполнение строгой партийно-государственной директивы?

Нет, вдумчивый анализ не оставляет камня на камне от попыток «демократов» сделать из большевика Сталина иезуита Лойолу, а из большевика Берии – Малюту Скуратова.

Постановление не публиковалось. Однако уже его широкая адресация – вплоть до «низового» аппарата – заранее программировала широкое осведомление общественности страны с сутью дела. То есть замолчать и «спустить на тормозах» эту директиву «на местах» не смогли бы. К тому же документ был строго директивным! И вряд ли находилось много желающих рискнуть и пренебречь такой директивой.

Глава 13
НКВД образца 1939–1941 годов

Вот на каком политико-правовом фоне Берия 25 ноября 1938 года стал полноправным наркомом внутренних дел СССР.

Так с чего же он начал? А с того, что уже на следующий день подписал приказ о мерах по выполнению постановления СНК и ЦК от 17 ноября. Новый нарком требовал от подчиненных ему органов НКВД всех уровней немедленного прекращения массовых операций. Запрещалась практика арестов по так называемым «альбомам», «справкам» и «меморандумам». Разъяснялось, что по делам о государственных преступлениях следует составлять мотивированные постановления и т. д.

Ас 1 января 1939 года Берия ввел в новую структуру НКВД ранее небывалый элемент – Бюро по приему и рассмотрению жалоб. Оно просуществует год, и это доказывает, что такое бюро было создано для разбора жалоб, касающихся дел именно 1937–1938 годов.

Однако мы что-то давно не вспоминали антибиографа Берии – Антонова-Овсеенко… Что же писал по поводу действий нового наркома внутренних дел СССР он?

А вот что:

«Берия всеми мерами поддерживал иллюзию потепления климата. По его распоряжению узникам разрешили пользоваться в камерах настольными играми и книгами…

Ну а в лагерях? В конце 1938 года в лагпунктах Воркуты вызывали тех заключенных, у которых срок истекал весной следующего года. Им зачитывали постановление ОСО и объявляли новые сроки… А в марте вызвали вновь. Оказывается, те бумаги – результат ошибки. Теперь с ежовщиной покончено, их выпустят на волю в соответствии с законом

Таких счастливчиков оказалось несколько человек в каждом ОЛП (отдельный лагерный пункт. – *С.К.)*…

Что изменилось в судьбе шестнадцати миллионов, томившихся в бесчисленных тюрьмах-лагерях?..

Как и все иные политические кампании, эта вскоре же изошла демагогическим дымом…»

Увы, кроме стандартного «демократического» коэффициента лжи (10:1) в количестве заключенных, мы здесь ничего не найдем, и поэтому я, пожалуй, далее этого «биографа» цитировать не буду, хотя по некоторым поводам еще вернусь к нему значительно позднее.

Действительность была, конечно, не идиллической, но – совершенно иной. Берия быстро разобрался (он во всем разбирался быстро) с основными завалами праведного и неправедного, что было сделано при Ежове, и уже в 1939 году из лагерей НКВД вышло более двухсот тысяч человек.

И в бытность Берии во главе НКВД никаких массовых репрессий уже никогда не проводилось. Хотя это не означает, что была полностью прекращена репрессивная деятельность органов НКВД. Этого просто не могло быть, потому что в суровые времена жесткие меры по отношению к антигосударственным элементам характерны для любого строя.

А времена наступали суровые, и это было обусловлено не жестокостью Сталина и Берии, не стремлением к единоличной власти Сталина, а объективными ***условиями*** текущего исторического бытия России и мира. Так что быть неким всепрощающим «иисусиком» Берия не собирался и не мог. Особенно – в деле расследования и пресечения заговорщицких тенденций. В силу своей высокой компетентности как контрразведчика, он ясно отдавал себе отчет в том, что хотя «персональная», так сказать, база антисоветских заговоров и была серьезно подорвана чистками 37—38-х годов, но полностью уничтожена она была вряд ли. Этой проблемой Берии предстояло заниматься по-прежнему серьезно, как и ранее – Ежову.

Полковник-историк Сувениров сетует, что Тухачевский и его подельники уже в первые дни, мол, после ареста «оговорили» десятки человек. Но спрашивается – почему Тухачевский или Уборевич назвали генерал-майора такого-то, а не генерал-лейтенанта такого-то? Им ведь, с их маршальских и командармных высот, было все равно – кого называть? «Ага! – скажет полковник Сувениров. – Вот о том и речь! Называли наобум – кого вспомнили! Ведь заговора не было».

Нет, так в жизни не бывает. А Берия и без психологического анализа знал – как оно бывает! И он-то понимал, что в следствии по делам о заговорах вещественных доказательств, прямых улик не отыскать. Видеозаписей тогда не было, а фиксировать что-либо на бумаге могут лишь идиоты. И единственное, чем располагает следователь, – это показания и признания подследственных. Только показания! А показания могут быть намеренно противоречивыми, ненамеренно противоречивыми, неточными и т. д. Очень сложно здесь в чем-то разобраться.

Другое дело, что разобраться надо.

Причем и информация-то по следствию крайне секретна – утечки здесь недопустимы. И сфера особая – если иметь в виду военный заговор. Ведь во время войны всего лишь два-три

невыявленных предателя (на уровне, скажем, высшего командования приграничных военных округов) могут стать причиной стратегического краха!

При расследовании общеполитического заговора на карту тоже ставится безопасность всего государства. Берия это понимал и поэтому мог быть жестким даже тогда, когда кого-то формально и сочли невиновным. Тем не менее процесс возврата в кадры РККА многих арестованных командиров – это одна из первых заслуг Берии перед страной в должности наркомвнудела, как тогда говорили.

Конечно, заслуга!

И тут надо кое-что прояснить.

ОБЫЧНО в качестве примеров «произвола» НКВД образца 1939 года, то есть – НКВД уже при Берии, «демократы» приводят разного рода воспоминания – мол, один генерал сказал, а другой старый большевик подтвердил и т. д. Однако у юристов недаром есть выражение: «Лжет как очевидец»… Даже сотня самых «страшных» свидетельств ничего не доказывает при исследовании явлений жизни всего общества. Нужны сводные статистические данные.

И есть объективные цифры, приведенные, скажем, военным историком Н.Черушевым. В своей книге «Из ГУЛАГа в бой» он пишет, что ни один из уволенных или арестованных, а затем освобожденных и восстановленных в кадрах РККА командиров не знал истинных масштабов репрессий в РККА.

Странно, конечно… Если репрессии были настолько тотальными, как это утверждают «демократы», то их огромный масштаб вряд ли мог быть тайной, тем более – в военной среде. И такое заявление военного историка порождает сомнение: «Так ли уж эти репрессии были велики?»

Что ж, теперь мы их знаем, в том числе – благодаря тому же Н.Черушеву! И он утверждает: «… цифры эти впечатляющие!»

И они действительно могут впечатлить, уважаемый читатель! Меня они и впечатлили, да так, что я, приводя их сейчас, сам не верю, что они – верны. Очень уж они «копеечны».

Но Н. Черушев – историк политкорректный, он другого термина, кроме как «застенки НКВД», не знает. И уж он-то данные занижать не будет, сообщая их, тем более со ссылкой на Российский Государственный военный архив (фонд 37837, опись 18, дело 888).

Так вот, с приходом в НКВД Берии процесс освобождения военных заметно усилился не сразу, а лишь к концу 1939 года, что говорит, конечно же, о внимательном изучении следственных

дел. Ведь перед тем как решать – освобождать человека или нет, надо было понять – виновен он или нет?

И по состоянию на 27 января 1940 года количество восстановленного в РККА командного состава в званиях от комдива до младшего лейтенанта из числа освобожденных составило 1579 человек.

Много это или мало?

А вот это пусть решит сам читатель после знакомства с данными Н. Черушева о числе уволенного командного и начальствующего состава в 1937 и 1938 годах.

Итак, за два года из РККА было уволено (из них – арестовано):

	1937	1938	Итого
Комкоров	35(30)	17(16)	52(46)
Им соответствующих	25 (11)	1(1)	26(12)
Комдивов	73(54)	50(42)	123(96)

	1937	1938	Итого
Им соответствующих	84(14)	22(15)	106(29)
Комбригов	124(65)	140(100)	264(165)
Им соответствующих	194(36)	85(49)	279(85)
Полковников	362(141)	535(352)	897(493)
Им соответствующих	513(108)	461(231)	974(339)
Итого	1410(459)	1311(806)	2721(1265)

То есть на уровне от комкора до полковника в РККА было арестовано всего-то 1265 человек!

А нам рассказывают о десятках тысяч, о чуть ли не сотнях тысяч!

Из этих 1265 человек к 27 января 1940 года было освобождено 129 человек, но при этом не все ведь из арестованных в дальнейшем репрессировались.

Причем, как я уже говорил, репрессированных лейтенантов и капитанов в РККА было меньше, чем репрессированных полковников.

Так где же здесь массовое избиение военных кадров, если в

конце 1938 года штатная численность командного и начальствующего состава РККА равнялась 240 тысячам человек, а к 1940 году возросла до 358 тысяч человек?

Теперь понятно, почему ни один – как сообщает Н. Черушев – из уволенных или арестованных, а затем освобожденных и восстановленных в кадрах РККА командиров не знал истинных масштабов репрессий.

Они их толком и не заметили – ведь арестов почти и не было на массовом уровне. Аресты и расстрелы были значимыми лишь в самом высшем эшелоне комсостава, но там ведь и концентрировался заговор! К тому же многие командармы разных рангов тогда уже превратились в нечто похожее на их «оборзевших» гражданских собратьев-партократов.

Армейской же массы репрессии практически не коснулись, и потому-то в ней их масштаб так и «не осознали» – в войсках всегда ведь велико движение комсостава… Кого-то уволили за пьянку, кто-то ушел в запас, кто-то – в другую часть, ну а кого-то – слышишь, арестовали…

Приведу гипотетический (увы!) пример из сегодняшней нашей жизни… Представим себе, что в некоем средней руки городе Перепутькинске без особого шума «органы» арестуют три четверти городской администрации… Пусть даже во главе с ее главой, микроолигархом Недопутькиным. А в придачу – этак с по л сотни местных дельцов, функционеров и т. п.

Да две или три сотни тысяч жителей города этого и не заметят! Какая им разница – Недопутькин, Беспутькин, Распутькин? Дела-то все равно идут непутевым образом.

Конечно, в 37—38-м годах арестовывали не только прохвостов с петлицами и без, но и ряд достойных людей. Однако я сейчас не об этом, а всего лишь – об аналогии в психологической стороне дела.

Итак, даже Ежова нельзя обвинить в организации погрома в РККА. А уж Берии, повторяю, надо в прямую заслугу поставить восстановление справедливости в отношении нескольких тысяч (с учетом лейтенантов, капитанов, майоров) честных красных командиров.

В Великой Отечественной войне они стране очень пригодятся.

К 1 ЯНВАРЯ 1939 года структура НКВД еще не приобрела того развернуто перестроенного вида, который имела структура уже чисто бериевского НКВД к 1 января 1940 года. Однако контуры намечались – я об этом говорил. И это тоже было характерно для Берии. Он всегда был прекрасным организатором – это сегодня признают даже те, кто поспешно прибавляет при

этом: «…но руки у него все равно по локоть в крови».

А что значит – быть прекрасным организатором? Это, во-первых, знать порученное тебе дело или уметь в нем разобраться и затем разработать эффективную структуру управления им, а также – и структуру его функционального членения.

Во-вторых, надо уметь разобраться в уже имеющейся кадровой ситуации и подобрать те кадры, которые заполнят «квадратики» схемы и будут под твоим руководством работать.

В-третьих, надо уметь требовать, но и уметь вовремя помочь тем, кто в помощи нуждается, а при необходимости – вовремя сменить негодных или несправившихся работников.

Кроме того, надо уметь и, что называется, вдохновить людей. Причем не болтовней с трибун, а заботой о них.

Берия умел… И лишний раз подтвердил это, придя в НКВД.

Для любого умного руководителя и лидера кадровый вопрос – всегда главный. Кадры действительно решают все, но тогда, когда это – компетентные кадры. Он и здесь начал энергично. И уже 27 января 1939 года замнаркома обороны армейский комиссар 2-го ранга Щаденко издал приказ № 010 о досрочном выпуске и откомандировании в распоряжение НКВД СССР ряда слушателей выпускных и младших курсов военных академий РККА.

Интриганы и тираны не любят иметь дело ни с развитыми людьми, ни с военными. Первые слишком часто независимы, вторые – слишком часто честны. И то, что Лаврентий Берия призывал под свои знамена не только молодых инженеров типа Виталия Павлова, но и молодых командиров-«академиков», тоже доказывает, что он не был тем, кем сделала его в глазах общества после 1953 года партократически-«демократическая» «тусовка».

Кадровым вопросом он занимался в первые свои «наркомвнудельские» месяцы много. При Ежове с 1 октября 1936 года по 1 января 1938 года из органов убыло 5229 оперативных сотрудников (но только 1220 из них, к слову, было арестовано). Взамен было принято 5359 новых сотрудников. И далеко не все из них были уволены уже с приходом Берии.

Тем не менее, за 1939 год из системы НКВД было уволено 7372 оперативных работника (22,9 % от их общего состава), а принято на оперативно-чекистскую работу 14 506 человек, из них – 11 062 по партийно-комсомольским путевкам.

Увольнение, даже из НКВД – не обязательно арест. Знаменитый чекист Дмитрий Медведев сорока лет от роду был уволен в запас по состоянию здоровья 3 ноября 1939 года (за три недели до назначения Берии наркомом) и вернулся в кадры с началом войны, что было санкционировано, конечно, Берией.

Константин Залесский в справочнике «Империя Сталина» утверждает, что Берия-де «почти наполовину обновил аппарат НКВД, заменив соратников Ежова лично себе обязанными людьми».

Такое заявление для клеветнической «Бериады» вполне типично. О Берии можно сказать любую, даже очевидно глупую и несуразную гнусность, и можно быть уверенным, что ей поверят. Такую уж непроницаемо черную стену вокруг подлинной судьбы Берии выстроили общими усилиями несколько поколений фальсификаторов этой судьбы. Вот и здесь… Почти полтора десятка тысяч человек, «лично обязанных» наркому? Помилуйте, Константин Александрович, можно врать, но стоит ли так уж откровенно завираться?

Сообщу, к слову, что общая штатная численность центрального аппарата НКВД СССР по состоянию на 1 января 1940 года составила 32 642 человека. Это и чекисты, и милиционеры, и пожарные, и прочие, включая сюда 259 штатных единиц ансамбля песни и пляски (если не ошибаюсь, в нем подвизались будущий танцор всех господ Игорь Моисеев и будущий любимец «демократов» «таганский» режиссер Любимов).

У КАДРОВОЙ проблемы был еще один аспект… Уже Ежов существенно снизил процент евреев в руководстве наркомата. Берия еще более снизил этот процент: на 1 июля 1939 года среди 153 руководящих работников НКВД было 102 русских, 19 украинцев и 6 евреев.

Но дело было, опять-таки, не в «антисемитизме», а в установлении нормальной «национальной» пропорции в управленческих кадрах одного из деликатнейших государственных институтов. И к началу 1940 года в центральном аппарате НКВД продолжали работать 189 евреев (6 %).

Начальником Главного транспортного управления стал Соломон Милынтейн. Это, правда, был особый случай – с 1931 года Милынтейн входил в близкое окружение Берии еще по Закавказью, заведовал особым сектором ЦК КП(б) Грузии, был 3-м секретарем Тбилисского горкома. Вскоре после ареста Берии он тоже, 30 июня 1953 года, будет арестован, а осенью 1954 года расстрелян.

Но еще со времен Менжинского в чекистское руководство входили такие, например, евреи, как начальник ГУЛАГа Нафталий Френкель, Яков Рапопорт и другие…

В «кадровый» период 1939 года Берия наладил и хорошие деловые контакты с Георгием Маленковым, тогда заведовавшим в ЦК Отделом руководящих партийных кадров. Маленков сам был

одним из кандидатов на замещение должности Ежова, имел опыт «чисток» – в 1937 году вместе с Микояном провел в Армении замену большей части партийного аппарата, к тому времени в этой южной республике сильно деградировавшего.

На два года моложе Берии, Маленков мог быть отнесен к «технократам» – он начинал учебу в МВТУ, оттуда ушел в 1919 году на фронт, вернувшись, учебу продолжил. Впрочем, не завершив ее, в начале 1925 года он был назначен техническим секретарем Оргбюро ЦК. Иногда пишут о некоем позднейшем «тандеме» «технократов» Маленкова и Берии, и в свое время он станет на первый взгляд очевидным фактом. Но люди они были все же разные, что потом очень остро и проявится. Но тогда Маленков и Берия работали вполне дружно, в том числе и по наведению порядка в новом «хозяйстве» Берии.

Бериевские (хотя отчасти их можно назвать и «маленковскими») «чистки» аппарата НКВД и Разведывательного Управления Генерального Штаба РККА давно обросли клеветой – как, собственно, и вообще все касающееся Берии.

Но вот пять судеб (взяты почти наугад по алфавиту)…

1. Килачицкий Георгий Иванович (Адвокат, Жорж, Вольский, Рашевский) р. 1887, Варшава. Русский. Член ВКП(б) с 1932 года, член Польской социалистической партии «Пролетариат» (1904), в феврале 1908 осужден на 6 лет каторги, с 1913 года земский деятель.

Работал в министерстве промышленности и торговли Дальневосточной республики (1920–1922), в администрации Исполкома Международной организации помощи рабочим (МОПР).

В распоряжении Разведуправления Штаба РККА с апреля 1926 года. Нелегальный резидент во Франции, покинул страну, обнаружив слежку полиции.

Полковой комиссар (1936), начальник отделения Центральной школы подготовки командиров штабной службы Разведупра РККА.

2. **Колесников (Москаленко) Иван Антонович,** р. 1897, Новосотенская волость (ныне Острогожскай район Воронежской обл.). Украинец. Окончил учительскую семинарию в г. Острогожске (1916), Алексеевское военное училище в Москве (1916). Участник Первой мировой войны, подпоручик. В РККА с сентября 1918 года. Член РКП(б) с октября 1919 года.

Помощник военкома Новосотенского военкомата, начальник штаба бригады, помощник начальника оперативного отдела

штаба Приволжского военного округа (1922–1927). Окончил Военную академию РККА (1922) и восточный факультет Академии им. Фрунзе (1927–1930).

Сотрудник Разведупра (1930–1937). Семь лет находился за рубежом. С 1937 года в распоряжении Разведупра по 5-му отделу.

3. **Константинов Владимир Михайлович,** р. 1903, Иркутск. Русский. Участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. Член РКП(б) с 1921 года. Инструктор орготдела Иркутского губкома (1922–1923). В РККА с 1921 года. Окончил японское отделение дипломатического факультета Московского института востоковедения (1927).

Секретарь военного атташе в Японии (1927–1933), прошел курс в университете Васэда.

В распоряжении Разведуправления Штаба РККА с августа 1933 года, окончил восточный факультет Академии им. Фрунзе (1938). После окончания академии – 1-й секретарь полпредства в Японии.

4. Кравченко Федор Иосифович (Клейн, Магнат, Панчо), р. 1912. Краснодарский край. Русский. Участник революционного движения в Уругвае, где проживал с 1913 по 1929 год. В РККА с 1936 года, участник войны в Испании, переводчик Главного военного советника Д.Г.Павлова (перед войной – командующего Западным Особым военным округом, осенью 1941 года расстрелянного за утрату управления войсками).

5. Кремер Семен Давидович (Александр, Сергей), р. 1900, Гомель. Еврей. Из рабочих. В РККА с 1918. Участник Гражданской войны. Член РКП (б) с 1919 года. Окончил Коммунистический университет им. Свердлова (1922) и основной факультет Академии им. Фрунзе (1934).

В распоряжении Разведуправления Штаба РККА с августа 1933 года. С января 1937 года – секретарь военного атташе при посольстве СССР в Англии…

Попробуйте угадать – какой была дальнейшая судьба у этой «великолепной пятерки»? Верные ответы таковы…

Первый – Килачицкий, репрессирован 14 июня 1937 года.

Второй – Колесников, репрессирован 14 марта 1938 года.

Третий – Константинов, был арестован осенью 1938 года и в 1939 году приговорен к расстрелу. В 1940 году за перевод японского стратегически важного документа высшая мера заменена 20 годами лишения свободы. Этапирован из Бутырской

тюрьмы вначале в Уфу, затем в Хабаровск. Работал с секретными японскими документами в кооперации с сотней японистов, прибывших в Хабаровск со всей страны. В 1954 году освобожден, в мае 1956-го реабилитирован. Вел научную деятельность под псевдонимом М. Аирский, доктор исторических наук (1961). Умер 08.09.1967.

Четвертый – Кравченко, с 1938 года по октябрь 1941 года – разведчик-нелегал в Мексике. Участник Великой Отечественной войны, выполнял задания в составе разведгруппы «Лео», командир отряда им. Ивана Богуна в партизанском соединении А. Федорова (1942–1943). Майор. Член ВКП(б) с 1943 года. Герой Советского Союза (1945). Нелегальный резидент во Франции (Тулуза, 1945–1949). С 1951 года в запасе. Скончался в Москве 19.11.1988 года и похоронен на Кунцевском кладбище.

Пятый – Кремер, до августа 1942 года через Урсулу Бертон – Кучинскую (Соню) поддерживал в Лондоне связь с ученым-атомщиком Клаусом Фуксом, затем до июля 1943 года был начальником западного факультета Военного института иностранных языков. С июля 1943-го – на фронте, в 1944 году командир 8-й гвардейской мехбригады, тяжело ранен. Генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза (1944), командир 5-й гвардейской механизированной дивизии (1945–1956). С 1956 года в запасе. Умер в 1990 году в Одессе.

Вот так, уважаемый читатель! Внешне – абсолютно схожие, до определенного момента, судьбы. И – такие разные.

Вот еще одна судьба уже «чистого» кадрового чекиста, ровесника Берии – полковника Станислава Алексеевича Ваупшасова (Ваупшаса).

Сын литовского крестьянина, он прожил, как говорится, яркую и бурную жизнь, в 20-е годы партизанил в Западной Белоруссии, воевал в Испании, был и нелегалом.

В Великую Отечественную «майор Градов» командовал спецотрядом «Непобедимый» в Белоруссии, а в 1944 году подполковник Ваупшасов становится Героем Советского Союза…

Ваупшасов покинул Испанию одним из последних – в марте 1939 года. Его, к слову, никто не пытался «отзывать» оттуда в 1937 году – как того же Орлова-Фельдбинга. И неудивительно! Служебная биография Станислава Ваупшаса была безупречна – ее чистота подтверждалась не анкетой, а натурой рыцаря и солдата народа.

19 мая 1939 года Ваупшасов через Францию прибыл в Кронштадт на том же пароходе «Ульяновск», на котором в СССР прибыла и Долорес Ибаррури.

В конце 39-го он – на финской войне. А затем – вновь полтора года нелегальной работы в Европе, откуда Станислав вернулся уже осенью 1941 года. После боев под Москвой в составе Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД «майор Градов» весной 1942 года ушел за линию фронта с оперативной спецгруппой – на лыжах, под Минск.

Через много лет Ваупшасов написал книгу «На тревожных перекрестках», и вот что он пишет о весне 1939 года:

«Вернувшись из Испании, я некоторое время привыкал к мирной жизни, к шумной и похорошевшей столице, к спокойному домашнему обиходу.

Отпуск я провел под Ленинградом вместе с женой…

По возвращении в Москву я стал работать в одном из управлений НКВД. Жил в семье, ходил на службу по родным московским улицам, любовался столичным блеском и деловой суетой огромного города…»

Как видим, Ваупшасова никто не дергал проверками. Лично для него это означало, что ему доверяют. Для нас же, уважаемый читатель, это может служить доказательством, что в НКВД образца 1939 года подозревали не всех, вернувшихся из загранкомандировок. Однако это не означало, что Берия верит без проверок всем – позднее мы это еще увидим…

О ПОДЛИННОЙ роли Лаврентия Павловича применительно к советским спецслужбам в 1938–1939 годах и позднее и о злостных подтасовках этой роли можно говорить много – примерам лжи несть числа.

Скажем, председатель КГБ в 1982–1988 годах Виктор Чебриков. Он – один из той «когорты» лубянских чинов, на которой кровь Советского Союза, которая выдала Державу на расправу Горбачеву и Ельцину, а потом – и «демократам» с «олигархами».

2 сентября 1988 года он, уже в должности секретаря ЦК КПСС, дал интервью «Правде» (в которой к тому времени не было не только известий, но и правды) и заявил:

«В результате ложных обвинений жертвами репрессий стали более 20 тысяч чекистов. Высокопрофессиональных работников, преданных партии коммунистов».

Но Игорь Пыхалов в книге «Время Сталина: факты против мифов» со ссылкой на Центральный архив ФСБ приводит данные справки о численности репрессированных сотрудников ОГПУ – НКВД за 1933–1939 годы. И мы ею сейчас займемся!

Надо заметить, что давать ***подобную*** сводную справку – это уже заниматься подтасовкой. А почему так, вскоре объясню (возможно, читатель догадался, в чем тут дело, уже и сам).

Данные справки таковы:

Год	Арестовано
1933	738
1934	2860
1935	6249
1936	1945
1937	3837
1938	5625
1939	1364
Итого:	22 618

Странный скачок наблюдаем мы в 1934 году: число арестованных возрастает сразу чуть ли не в четыре раза!

Почему?

Главой ведомства был и остался Ягода, а он был склонен грехи своих сотрудников – чем дальше, тем больше – покрывать. Особых заговоров тогда никаких не было раскрыто. Указаний свыше об усилении репрессий тоже не было.

Откуда же такой рост?

Все объясняется просто: Постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 года на базе Объединенного Государственного политического управления СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР. И теперь в подчинении у Ягоды были не только собственно чекисты и рабоче-крестьянская милиция с угрозыском, но и дополнительно:

– Главное управление пожарной охраны;

– Отдел актов гражданского состояния;

– Отдел лесной охраны…

А это – резкое расширение количественного состава периферийных структур при снижении их кадрового качества (в ЗАГСе возможны взятки, пожарные не всегда на высоте готовности и трезвости, лесники могут сплавлять лес «налево» и т. п.).

Функции руководства военизированной пожарной охраной были переданы, правда, ОГПУ уже осенью 1932 года (тогда был создан специальный отдел). Но сами масштабы противопожарной деятельности сильно расширились именно с образованием ГУПО.

Кроме того, постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 года все исправительно-трудовые учреждения Наркомата юстиции (дома заключения, изоляторы, исправительно-трудовые

колонии, бюро принудительных работ) были переданы в состав ГУЛАГа нового НКВД СССР. Это ведь у «демократов» – как тюрьма, так сразу и ГУЛАГ, а на самом деле до 27 октября 1934 года это были вещи разные. Теперь же в ГУЛАГе число арестованных сотрудников неизбежно должно было возрасти – в тюрьмах преступники порой попадаются по обе стороны дверей камер.

И наконец, с образованием НКВД выросли штаты – и центральный, и периферийный – непосредственно чекистских и милицейских структур НКВД. Значит, в полном соответствии с законами статистики, возросла и цифра арестованных и наказанных за различные прегрешения.

Все это, вместе взятое, и дало такой скачок уже ***до конца 1934 года.***

В 1935 году – первом полном году существования НКВД – цифра выросла по сравнению с 1933 годом – последним годом «чистого» ОГПУ – уже в восемь с половиной раз! И тут тоже все объяснимо. Теперь проштрафившиеся пожарные, лесники, тюремные надзиратели и регистраторы ЗАГСов дали в статистику полновесную прибавку, да и почистить новых сотрудников Ягоде пришлось, наводя в той же пожарной охране порядок.

1936 год принес вполне ожидаемое «плато» – стабилизация была достигнута. Сотрудники периферийных структур новых управлений НКВД вынуждены подтянуться – дисциплина повысилась.

1937 и 1938 годы дали новый, хотя и меньший, рост в рамках общего роста репрессий. К слову, то, что даже в эти два года уровень 1935 года не был достигнут, лишний раз косвенно доказывает не такой уж и массовый характер якобы «Большого террора» как в чекистском ведомстве, так и в стране.

А вот первый полный «бериевский» год – 1939-й – дал резкий спад числа арестованных. Что тоже понятно – Берия никогда не жаловал лишней крови и лишних кар.

Это ведь у Антонова-Овсеенко и генерала Волкогонова он – «монстр», «вурдалак», «палач» и т. п.

Думаю, теперь ясно, что суммарная цифра в 22 618 человек включает в себя не только чекистов, но и милиционеров, пожарных, личный состав пограничных, внутренних и конвойных войск и персонал «гражданских» структур НКВД.

Собственно, Геннадий Костырченко сообщает, что с 1 октября 1936 года по 1 января 1938 года было арестовано 1220 чекистов. И эта цифра хорошо «вписывается» в общие цифры по НКВД, а также корректно соотносится с тем возрастанием числа арестов в НКВД, которое мы наблюдаем по сравнению с 1933 годом.

Автор сводной справки ФСБ лукаво «подверстал» к НКВД с его разросшимися функциями всего один годик «чистого» ОГПУ и тем произвел в сознании тех, кто будет знакомиться со справкой, ловкую подмену.

Арестованный сотрудник ОГПУ – хотя это может быть и проворовавшийся бухгалтер из Административно-хозяйственного управления – в сознании большинства чекист. И соединение в справке ОГПУ и НКВД в нечто единое обеспечивает большинству уверенность в том, что все арестованные, отмеченные в справке, – чекисты.

Надо признать – сработано неплохо! Но ложь есть ложь… Это правду нельзя разоблачить никогда и никак – на то она и правда. А ложь разоблачить можно, хотя и не всегда делать это просто.

Но мы ее разоблачили, уважаемый читатель, не так ли?

ВОТ как много можно понять, анализируя всего лишь два столбика цифр!

Но всю злостность клеветы на Берию можно проиллюстрировать и примерами прямых фальсификаций, на которые впервые обратил внимание тот же Игорь Пыхалов и которые я сейчас приведу.

В 1995 году еженедельник «Новости разведки и контрразведки» (№ 15–16, стр. 4) писал о разведчике Федоре Карповиче Парпарове:

«27 мая 1938 года Парпаров был арестован по указанию Берии и находился под следствием до июня 1939 года. Освобожден из-за отсутствия состава преступления (шпионаж)».

В том же 1995 году Служба внешней разведки издает краткий биографический справочник «Ветераны внешней разведки России (даже имени СССР в СВР ельцинского образца тогда боялись. – *С.К.)»,* и там утверждается:

«По указанию Берии к середине 1938 года почти все резиденты внешней разведки были отозваны в Москву, многим из них выражено недоверие, и назад они не вернулись» (стр. 161).

А в биографии разведчика Григория Сергеевича Сыроежкина сказано, что он-де в 1938 году «*в частной беседе высказал мнение о невиновности Тухачевского и других военачальников, дела которых были состряпаны Берией и его подручными»* (стр. 140).

В мае 1938 года Берия еще перерезал ленточки на дверях новеньких, только что освобожденных от строительных лесов зданий в Тбилиси. И давать указаний об аресте Парпарова, как и вообще кого-либо из разведчиков, не мог. Зато он дал указание о его освобождении после проверки и зачислении – как и других,

эту проверку прошедших, – в кадры внешней разведки.

По той же причине – отсутствие отношения к делам Лубянки в 1937 году – Берия никак не мог что-либо «стряпать» в отношении Тухачевского.

Похоже, впрочем, традиции недоброкачественного сочинительства и очернительства Берии в постсталинской нашей разведке имеют глубокие корни. Был такой – его сейчас аттестуют выдающимся – разведчик Дмитрий Быстролетов. Аттестуют его и непременно как жертву бериевского-де произвола.

Вообще-то этот вроде бы действительно профессионал таковым в своих мемуарах не выглядит. Скажем, он сам пишет, что при аресте у него изъяли «альбомы с фотографиями, сделанными… в Африке, Европе и Америке, – почти три тысячи лучших снимков, собранных в течение восемнадцати лет беспрерывных скитаний по свету».

Прочтя это, я ошалел. А если бы все эти снимки изъяли при его аресте ***за кордоном***? Это же для любого следователя ценнейший материал! Вот так «конспиратор»! А между прочим, ученик Артузова и Слуцкого…

Тем не менее личность это была, насколько я себе его представляю, действительно незаурядная, и результаты он мог давать порой действительно выдающиеся, очень уж был ярок и артистичен. О таких еще не без оснований говорят: блестящий авантюрист.

Родился в 1901-м, с 1925 года – в ИНО ОГПУ, нелегал. В 1938 году арестован, направлен в лагерь, в 1954 году реабилитирован, но почему-то уже к работе не привлекался. Умер в 1975 году в Москве.

В 1969 году по указанию Андропова ему дали отдельную квартиру, и Быстролетов занялся литературным трудом. Работал и над воспоминаниями, начатыми не в писательском, к слову, Переделкине, а еще в 1939 (!) году в Норильском исправительно-трудовом лагере (!).

В 1993 году в издательстве «Граница» вышла книга его «воспоминаний» «Пир бессмертных», компьютерный набор которой выполнили в 1990–1991 годах еще сотрудники КГБ СССР. В предисловии некто Сергей Милашов сообщал, что Быстролетову, мол, еще повезло, ибо: «…многие его сослуживцы… были уничтожены подручными Ежова и Берии».

Быстролетов обладал пером легким и бойким, но, увы, и очень – как мы сейчас увидим – лживым. Сам он сообщает, что его арестовали ***18 сентября 1938 года*** – еще при «палаче Ежове», но все его беды случились при «палаче Берии». И он описывает свои мытарства, быт в общей камере и прочее уже, естественно, в

«бериевских застенках». Я приведу лишь два фрагмента его «откровений»…

«Мы протолкались к окну и влезли на нары.

– Это – знаменитый человек, бывший генеральный конструктор наших самолетов, Андрей Николаевич Туполев, – шепотом сказал Котя и глазами показал на бродягу, лежавшего рядом с ним. – Он ночью был на допросе… Андрей Николаевич… надо подвинуться…

Под тряпьем кто-то зарычал, но не шелохнулся» (стр.18).

Туполев (Генеральным конструктором авиационной промышленности он стал, к слову, в декабре 1956 года) действительно был арестован – 21 октября 1937 года. Я не буду входить сейчас в суть этого ареста (он произошел не совсем на пустом месте), но факты таковы, что уже с начала 1938 года начинает успешно, хотя и в режиме изоляции, работать Особое техническое бюро (ОТБ) при НКВД СССР, куда входили отдельные конструкторские бюро Туполева, Петлякова и Мясищева. Поэтому никакого Туполева осенью 1938 года Быстролетов на нарах видеть не мог. Он его вообще не мог видеть на нарах ни в какой общей камере.

«Один раз днем дверь приоткрылась, в камеру, шатаясь, вошел человек в окровавленной рубахе, крикнул: «Я из Лефортовой! Братцы, палача Медведя в Питере нет: он арестован!» – и повалился на пол. На спине у него зияли глубокие треугольные раны, из них торчало развороченное мясо, виднелись обломки ребер. Показав нам раненого, как видно, для устрашения, надзиратели вскоре выволокли его…» (стр. 36).

Начальник Ленинградского управления НКВД Филипп Медведь действительно дважды арестовывался. Первый раз его арестовали в декабре 1934 года «за преступно-халатное отношение к своим обязанностям» после убийства Кирова и дали 3 года лагерей. До вторичного ареста Медведь работал в руководстве Дальстроя на Колыме. В мае 1937 года было начато новое следствие по вновь открывшимся обстоятельствам, и 7 сентября 1937 года он вновь был арестован, а в ноябре 1937 года расстрелян «в особом порядке».

Так что сообщать, как о новости, о всего лишь его аресте – через год после расстрела – вряд ли кто-то мог. Да и, конечно, не сообщал… Ни с «треугольными ранами» на спине, которые Быстролетов якобы «увидел» ***через*** «окровавленную» ***рубаху***, ни без оных. Спрашивается: что, сотрудники КГБ СССР, которые выполнили в 1990–1991 годах компьютерный набор этой лихой

«стряпни», не знали, что имеют дело с побасенками?

За год до смерти Быстролетов сжег хранившиеся у него материалы «Пира бессмертных». И можно понять – почему…

НО ВОТ действительно документальная история… Родившийся в 1909 году статный красавец Александр Коротков был вот уж точно выдающимся разведчиком-нелегалом. Начав работать на Лубянке в 1928 году лифтовым, он в 1933 году отправился в свою первую загранкомандировку. Рекомендовал его в разведку В.Герсон, личный секретарь Ягоды. В Париже Коротков начинал под руководством невозвращенца Орлова-Фельдбинта… Как видим, «родословная» не лучшая, хотя вины Александра в том не было.

Коротков работал во Франции под оперативным псевдонимом Степанов до конца 1938 года. По возвращении в Москву он повышается в должности и награждается орденом Красного Знамени.

А 1 января 1939 года в кабинете Берии собираются отозванные из-за кордона «асы» ИНО НКВД. Я знаком с несколькими описаниями этого «исторического совещания», и, думаю, не случайно крупный чекистский «чин» уже послесталинских времен, генерал-лейтенант Виталий Павлов в своих воспоминаниях датирует его «одним из январских дней 1940 (сорокового. – ***С.К.)*** года», причем из контекста следует, что это – не описка и не ошибка набора.

Но совещание состоялось в начале января именно 1939 (тридцать девятого) года, что датируется точно (как – скоро сообщу). И на этом совещании Берия обрушился на «асов», резко обвиняя их в двурушничестве. Досталось и Короткову. Вел он себя, впрочем, как и остальные, достойно, не оправдывался, а отметал все обвинения.

Для иллюстрации того, как можно верить «художественной документалистике», особенно с прямой речью, я приведу отрывок из книги Владимира Антонова и Владимира Карпова (как я понимаю – авторов с Лубянки) «Тайные информаторы Кремля», изданной в 2000 году:

«Обращаясь к Александру Короткову, Берия сказал:

– Вы завербованы гестапо и поэтому увольняетесь из органов…»

Но вот передо мной **факсимиле** заявления «*Короткова А.М., бывшего с-ка 5 отд.* (внешняя разведка. – *С.К.) Г.У.Г.Б. НКВД»,* написанного им на имя «*Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР т. Берия»* и датированного 9 января 1939 года (вот

откуда у меня точная датировка январского совещания у Берии).

Орфография оригинала сохраняется:

«8.1.39 мне было об'явлено об моем увольнении из органов (а по Антонову и Карпову, выходит, что об этом ему объявил лично грубиян и «провокатор» Берия прямо 1 января. – *С.К.). Так как в течении десятилетней работы в органах я старался все свои силы и знания отдавать на пользу нашей партии, не чувствую за собой какой либо вины перед партией и не был чем либо замаран по чекистской и общественной работе, думаю, что не заслужил этого увольнения.*

В органах я начал работать в 1928 г. лифтовым, год работал делопроизводителем в 5 от. Г.У.Г.Б, а в 1930 г. был назначен пом. уполномоченного.

В 1933 г. был послан во Францию в подполье <…>.

В 1936 г. был вновь послан заграницу в Германию для работы по технической разведке <…>.

… Ехал заграницу только из-за желания принести своей работой там пользу и думаю, что не один знающий меня человек может подтвердить, что я не барахольщик и что меня не прельщает заграничное житье <…>.

Что касается моей жены, то несмотря на наличие у нее родственников заграницей, на ее долгое проживание там, не смотря на компрометирующие материалы против ее умершего в 1936 г. отца, я полностью уверен в ее преданности партии и могу нести за нее любую ответственность. К тому-же она неплохо показала себя как работница в отделе и в комсомольской организации.

Я отлично понимаю (в отличие от клевещущих на Берию. – *С.К.) необходимость профилактических мер, но поскольку проводится индивидуальный подход, то выходит, что я заслужил такого недоверия, которое обуславливает мое увольнение из органов. В тоже время я не знаю за собой просту[п]ков, могущих быть причиной отнятия у меня чести работать в органах. Очутиться в таком положении беспредельно тяжело и обидно.*

Прошу Вас пересмотреть решение об моем увольнении

9.1.1939 г. Коротков».

Этот, уже знаменитый в новейшей литературе о разведке, шаг Короткова подают часто как отчаянный. Мне же он представляется логичным. Причем явно доказывающим, что Коротков (а он ведь тоже был неплохим психологом), после личного, хотя и не очень-то радостного, знакомства с новым наркомом, верил, что ***этот*** поймет!

Короткова поддержали коллеги, обратившись в партком

ГУГБ. Берия вызвал его для беседы, а после нее подписал приказ о его восстановлении на работе.

Не лифтовым, уважаемый читатель, и не делопроизводителем… Лейтенант ГБ Коротков почти сразу же направляется в краткосрочные командировки в Норвегию и Данию для восстановления законсервированных связей.

В июле 1940 года он вновь едет в Германию…

Вот так!

А нам талдычат, что Берия-де никогда и никому не доверял. Но сумел бы он за свою не очень-то долгую жизнь сделать так много в самых разных сферах деятельности, если бы не верил людям и в людей, если бы им не доверял?

Другое дело, что он их и проверял – когда в том была нужда. Но так и должен поступать умный и честный человек, сполна отвечающий за выполняемое им дело.

Я приведу еще один, показательный для установления правдивого взгляда на Берию, пример его отношения к нелегалам, и этим, пожалуй ограничусь, потому что если приводить их все, так или иначе обнародованные, надо писать отдельную главу.

Арнольд Дейч родился 21 мая 1904 года в Вене, а в январе 1932 года он, член Компартии Австрии и бывший курьер Коминтерна, приехал в Москву с женой Жозефиной и вскоре начал работать в ИНО ОГПУ.

Замечу, что в ИНО тогда работало всего 150 человек, половина которых – за границей. Если учесть, что за шесть лет – к 1938 году – эти цифры резко увеличиться не могли, то можно понять, чего стоят басни о «сотнях советских разведчиков», уничтоженных «палачом» Берией и его «подручными». Их всего-то, включая зарубежных агентов-иностранцев, было на все про все две-три сотни, из которых сотню «сдал» Кривицкий.

Чтобы читатель понял, что значил для нашей разведки Дейч, я сообщу, что это он создал и воспитал «кембриджскую пятерку», составленную из Кима Филби, Дональда Маклина, Гая Берджеса, Энтони Бланта и Джона Кернкросса. Но это был далеко не единственный его успех.

В сентябре 1937 года Дейч с семьей (жена и дочь, родившаяся в Лондоне) возвратился в СССР. И ни в какие «мясорубки» его не запустили, хотя его биография к тому, казалось бы, располагала (он и с Быстролетовым в Лондоне работал). Тем не менее никто товарища Стефана не трогал. Напротив, в 1938 году он, жена и дочь получили советское гражданство.

До войны Дейч так и не получил нового задания – ранее он работал по английскому направлению, а там одна измена

Кривицкого смешала много карт. Однако Берия не упускал его из виду, и с началом Великой Отечественной войны Дейч вновь был призван на «тихую» войну. Местом работы ему была определена Аргентина, но группа Стефана до нее не добралась – пароход «Донбасс», на котором она плыла в исходную точку зарубежного маршрута, был потоплен германским крейсером.

Берия верил ему, потому что Дейч был настоящим, убежденным коммунистом, а при этом – еще и несомненным ***советским*** патриотом.

Да, Берия умел верить подчиненным. Умел он о них и заботиться… И вот тому лишний пример…

Павел Георгиевич Громушкин – в 2008 году ему исполнилось 94 года – был зачислен младшим оперуполномоченным в иностранный отдел НКВД (7-й отдел ГУГБ) в марте 1938 года, еще при Ежове, и вскоре стал асом в таком тонком деле, как изготовление поддельных документов для разведчиков. Громушкин – это живая история советской внешней разведки, одна из ее славных легенд и реальностей. В 2008 году он дал интервью крупному московскому еженедельнику «Военно-промышленный курьер» (№ 12, март 2008), где, в частности, вспоминал, как новый нарком Берия знакомился с разведчиками и аппаратом разведки – лично, с каждым. Я приведу такую деталь процесса этого знакомства, описанную Громушкиным:

«Еще запомнилось – в зале сидела высокая девушка-переводчица. Берия ее спросил: «Почему такая худая? Больная, что ли?» Та ответила: «Я здорова. Ничем не болею». Тогда он (Берия. – *С.К.)* повернулся к Деканозову и говорит: «Дай ей путевку, пускай съездит отдохнет куда-нибудь»…»

Кто-то скажет: на публику, мол, работал. Но, во-первых, это, конечно, не так. Берия был органически заботлив – без позы и сюсюканий. А во-вторых, если бы это было даже так, то дай бог всем высоким начальникам подобным образом «работать на публику» в своем отношении к нижестоящим!

Вот и другой ветеран НКВД, нижегородец Виктор Гусев, с 1948 года командир взвода в полку спецназначения дивизии им. Дзержинского, чьи солдаты охраняли Боровицкую заставу в Кремле, в № 51 еженедельника «Аргументы и факты – Нижний Новгород» за 2007 год сообщает, что Лаврентий Павлович пользовался среди сотрудников ГБ авторитетом, и вспоминает о своей встрече с Берией так:

«Как-то Лаврентий Павлович вместе с Маленковым зашел к нам на заставу. Пожал мне руку, спросил, как служба, пожелал успехов. Когда он уходил, я не стал открывать ему дверь. Он это сделал сам. Хотя в то время многие старались прислуживать в

таких случаях».

Вряд ли тут требуются комментарии…

А ТЕПЕРЬ вернемся к «ошибке» Виталия Павлова в дате январского совещания у Берии… Напомню, что совещание состоялось 1 января 1939 года, а Павлов датирует его началом января 1940 года. Он писал, что «в середине 1939 года поступило указание наркома Берии отозвать в Москву весь личный состав резидентуры Ахмерова. Этот приказ явился для нас неожиданным и тяжелым ударом, так как подрывал нашу основную информационную базу в США».

Однако Павлов просто лжет! Он не может не знать точной хронологии событий, потому что сам же сообщает, что через несколько дней после январского совещания Ахмерова (а также – Зарубина и Григорьева) направили в американское отделение под начало к… Павлову.

Павлов это интерпретирует как намеренное унижение-де опытнейших профессионалов самодуром Берией, но в действительности это был вполне разумный карантин, позволяющий, кроме прочего, оценить истинные моральные и волевые качества проверяемых. Забегая вперед, скажу, что все трое потом много и полезно работали для страны в новых загранкомандировках.

Однако почему Павлов отнес дату совещания на год назад? А вот почему… Если Ахмеров был отозван в середине 1939 года, то это – на Берии… Это он-де необоснованно прерывает нормальную работу резидентуры Ахмерова, которого грубо распекал в январе 1940-го.

Но Ахмеров был в кабинете Берии уже 1 января ***1939*** года, а это значит, что его отозвали летом ***1938*** года – еще при Ежове! Вот для чего надо было подправлять даты – чтобы лишний раз облить грязными чернилами Лаврентия Павловича! Посмертно… И – в который уже раз…

К Ахмерову, к Павлову и к их коллегам мы еще вернемся, а сейчас я должен сказать, что, приняв бразды правления в НКВД, Берии пришлось разбираться не только с зарубежными кадрами, но и с периферийным аппаратом внутри страны. Например, уже в конце декабря 1938 года он получил распоряжение Политбюро расследовать достоверность данных о заговоре «сионистской» организации учителей во главе с неким Ленгинером в Молдавской АССР (Молдавия тогда входила в состав Украинской ССР).

Начиналось это дело – как выяснилось, фальсифицированное – еще при наркоме внутренних дел Украины Александре

Успенском. С начала 30-х годов он входил в руководство Московского управления ОГПУ – НКВД, потом был начальником Управления НКВД по Оренбургской области. В январе 1938 года Хрущев, назначенный исполняющим обязанности первого секретаря ЦК КП(б) Украины и хорошо знавший Успенского по работе в Москве, взял его с собой в Киев.

Успенский – парень горячий и сумбурный – был склонен к фальсификациям (чем Хрущева, надо сказать, и устраивал) и вначале развил на Украине бурную деятельность. Но дело шло к утверждению Берии наркомом, готовилось Постановление СНК и ЦК от 17 ноября… И когда Берия в ноябре 1938 года вызвал Успенского в наркомат, Успенский 14 ноября симулировал самоубийство и сбежал на Урал. Через пять месяцев, 15 апреля 1939 года, его арестовали в Челябинской области, в Миассе, и в начале 1940 года расстреляли. Расстреляли и других фальсификаторов дела Ленгинера. Но сам факт того, что этой «липой» занималось Политбюро, показывает, что такие случаи нормой не были.

БЕРИЯ всегда смотрел на все проблемы, оказывавшиеся в сфере его компетенции, комплексно и инициативно. Не успел он стать во главе Заккрайкома, как тут же подготовил записку по редким металлам.

Не успел он стать наркомом внутренних дел, как проявил интерес к состоянию и организации правительственной высокочастотной связи («ВЧ-связь»). И уже в январе 1939 года Меркулов, возглавивший ГУГБ, подает ему докладную о мерах по повышению надежности и защищенности линий «ВЧ».

В том же январе подготавливается проект реорганизации этого дела, потому что, как писал Меркулов, «на этом участке работы большая путаница».

Проверка показала, что технические возможности здесь у страны велики. Была создана аппаратура автоматического засекречивания телефонных разговоров типа ЕС (по фамилиям создателей, инженеров Егорова и Старицына), проложены первые линии.

Дело «крутилось», но – ни шатко ни валко. За 1938 год было принято три подряд постановления Совнаркома, однако качественные сдвиги начались только при новом наркоме. Ведь любые «путаницы» – это для специалиста их распутывать Лаврентия Берии. И там, где делом руководил он, все убыстрялось, как в сказке. Но секрет был прост – Берия работал сам, никогда никуда не опаздывал, был точен, умел быстро вникнуть в проблему и – главное – умел использовать потенциал

специалистов и верить им.

А для любого профессионала нет большего счастья, чем работать под началом того, кто дает ему возможность полностью выложиться и идти дальше и выше к новым профессиональным достижениям и успехам! Недаром же в одном советском фильме мальчишка написал школьное сочинение, состоящее из одной фразы: «Счастье – это когда тебя понимают».

Вот Берия и умел понимать подчиненных. Но, конечно, тех, кто такого понимания заслуживал. Потому, если читатель помнит, молодой Меркулов и хотел работать с ним, и только с ним!

К началу 1939 года в СССР функционировало 58 ВЧ-стан-ций, обслуживавших 290 абонентов. И работали они без должной координации. В течение 1939 года количество ВЧ-станций было доведено до 78, трансляционных пунктов до 28 (в том числе 8 резервных), а число абонентов выросло в полтора раза, достигнув 430.

За один год!

В 1939 году станции были открыты в 24 городах СССР. К июлю 1940 года из 103 линий связи на 50 были установлены шифраторы, и их число росло.

Берия прекрасно понимал, что надежная оперативная засекреченная связь – вещь важнейшая, и, развивая ВЧ-связь в общегосударственных интересах, он в полной мере использовал ее возможности для подчиненного ему ведомства. В марте 1940 года был издан «Список абонентов правительственной (ВЧ) связи». Так вот, 9 из 40 московских абонентов относились к НКВД. А по стране из перечисленных в «Списке» 286 фамилий и должностей прямое отношение к структурным подразделениям НКВД имели 149!

Но во вкус новой связи входило все больше руководителей, и прежде всего – оборонных отраслей. Осенью и зимой 1940 года Берия выполнил личное указание Сталина об организации засекреченной связи с предприятиями Наркомата вооружения. Аппараты были установлены в кабинете наркома Ванникова, на заводах № 2 в Коврове, № 66 в Туле, № 74 в Ижевске. Причем директор завода № 2 стал единственным абонентом нового пункта, а начальнику городского отдела НКВД приходилось еще долгое время пользоваться Ивановской ВЧ-станцией.

Начнется война, и Берия среди множества военных забот найдет время для помощи фронтам в обеспечении, кроме плановых линий ВЧ-связи, еще и дополнительных линий – в зависимости от обстановки.

Я ХОТЕЛ написать: «Ко второй половине 1939 года результаты напряженной работы Берии и его ближайших сотрудников начали сказываться, и наступила некая стабилизация…»

Но потом вспомнил – какая там стабилизация! Напротив, наступала все большая и большая запарка. И объяснялось это не промахами и просчетами Берии, а убыстрением мирового и европейского политического процесса – «демократический» Запад явно вел дело к войне. Причем очень хотел втянуть в нее Советы – или напав на них сам, или…

Или – спровоцировав на это Германию.

Да, все профессиональные проблемы Берии: кадровые, народнохозяйственные, разведывательные – были накрепко привязаны к проблемам внешней политики, все более грозно и масштабно вставшим перед Советской Россией.

Весной 1938 года Германия произвела аншлюс Австрии – при массовой восторженной реакции самих австрийцев, но при весьма «кислой» реакции внешнего мира. Осенью того же года в состав рейха перешла Судетская область Чехословакии, населенная преимущественно этническими немцами. В принципе это был акт восстановления справедливости и права наций на самоопределение, попранных Версальским «мирным» договором. Такое усиление Германии тоже не радовало, тем более что весной 1939 года немцы вступили в Прагу. Словакия отделилась, провозгласила независимость, и СССР установил с ней дипломатические отношения.

Но Западу не нужен был мир. 17 апреля 1939 года по лондонскому радио выступил сэр Бернард Пэре. Уж он-то Россию знал!

72-летний профессор русского языка, литературы и истории, директор Королевского колледжа славяноведения, директор Института славяноведения в Лондоне и издатель «Slavonic Review», с 1909 по 1917 год – секретарь Англо-русского комитета, в 1914–1917 годах он был прикомандирован к русской армии, в 1917 году находился в распоряжении английского посла в России.

И вот Пэре критиковал Коминтерн, но всячески превозносил Сталина и утверждал, что Тухачевский поплатился жизнью за измену России, став агентом Германии. Тут я замечу, что Тухачевский поплатился жизнью за многое, в том числе и за недостойную заносчивость, за высокомерные замашки, за то, что он и близкие ему «командармы» вызывали к себе на дачи военные оркестры для частных концертов. Но это так, к слову…

Хороший знакомый Пэрса, бывший царский дипломат-эмигрант Евгений Саблин, бывший первый секретарь русского

посольства в Лондоне, имея в виду речь Пэрса, писал 20 апреля 1939 года своему постоянному адресату – Василию Маклакову, послу Временного правительства во Франции, бывшему дипломатическому представителю Колчака, Деникина, Врангеля:

«Нет никаких сомнений, что ему (Пэрсу. – *С.К.) рекомендовано свыше сильно сгустить краски в смысле того значения, которое имеет Россия для сохранения мира на Юго-Востоке…»*

И прибавлял:

«Мне думается, что почтенный Бернард Иванович пересолил во всех своих утверждениях. Все это можно было сказать с меньшим, я бы сказал, подхалимством. Но, очевидно, без России придется трудно…»

НКВД имел в среде эмиграции хорошо налаженную разведывательную сеть, и эти строки вскоре уже читали на Лубянке. Впрочем, Запад не очень-то рассчитывал тогда на союз с Советской Россией, и речи Пэрса имели целью другое: осложнить (а еще лучше – сорвать!) намечающийся процесс сближения СССР и Германии.

Но сами такие речи были показателем обострения европейских противоречий вследствие провокаций «демократической» Европы, за спиной которой стоял неизменный уже и непременный дядя Сэм. И уже это обуславливало режим постоянной боевой тревоги для НКВД и его главы, призванных:

– обеспечить охрану и непроницаемость самых протяженных в мире государственных границ;

– обеспечить охрану высшего руководства страны;

– выявлять и нейтрализовать все проявления «пятой колонны» внутри страны;

– выявлять и нейтрализовать очень возможные антигосударственные заговоры, проявления вредительства и т. п.;

– обеспечивать информационно-разведывательную деятельность государства за рубежом:

– проводить контрразведывательную деятельность во всем ее объеме;

– обеспечивать охрану общественного порядка силами милиции и борьбу с уголовщиной;

– осуществлять пенитенциарную деятельность государства;

– вести ряд крупных народнохозяйственных проектов, осуществляемых при использовании труда заключенных с одновременным привлечением вольнонаемных работников и специалистов…

О пожарной охране и ЗАГСах я уж не говорю. Они ведь тоже

какое-то время и силы у наркома отнимали, хотя он их не курировал. И еще была социальная сфера, к которой Берия равнодушен не был.

А впереди уже маячили новые проблемы.

В САМОМ начале мая 1939 года Сталин, наконец, решил сделать внешнюю политику СССР рациональной. А это было невозможно при наркоме иностранных дел Литвинове-В аллахе и том составе НКИД, в котором процент евреев был не то что непропорциональным, а неприлично высоким.

3 мая наркомом стал по совместительству председатель Совнаркома Молотов, его заместителем – Деканозов. И уже 4 мая последовали аресты группы ведущих сотрудников Литвинова. В НКИД начал действовать «тандем» Молотов – Деканозов.

Владимир Григорьевич Деканозов был старше Берии на год, родился в Баку и был знаком с Лаврентием еще с 1918 года. В июне 1921 года он был переведен из нефтяной компании в АзЧК, в отдел по борьбе с бандитизмом. В ОББ всегда были кадры серьезные – бандиты есть бандиты. И то, что при очень малом росте Деканозова он работал в ОББ, о чем-то говорит. Уже тогда Берия и Деканозов сблизились, что подтверждается и служебной биографией последнего: служба в АзЧК, затем – в ГрузЧК, затем – в ЗакЧК.

Продвигал его, конечно, Берия, но он всегда продвигал людей по их деловым качествам. А уж то, что называют «личной преданностью» продвигаемого, было естественной реакцией человека дела на внимание к себе шефа – тоже человека дела.

С 21 марта 1937 года Деканозов стал председателем Госплана Грузии и заместителем председателя грузинского Совнаркома, будучи при этом и министром пищевой промышленности республики. О нем иногда пишут, что он-де отличался непомерной-де тягой к роскоши, но это вряд ли… Берия и сам ею не отличался, и не приблизил бы такого к себе в Тбилиси. И уж точно не взял бы подобный «хвост» с собой на новое место. А Берия в конце 1938 года вызвал его в Москву и 2 декабря назначил начальником 3-го (контрразведывательного) и 5-го (разведывательного) отделов ГУГБ. 17 декабря 1938 года Деканозов стал и заместителем Меркулова по ГУГБ, но вскоре, как мы уже знаем, был переведен в НКИД СССР.

Напомню, что все перемещения сотрудников Берии по Грузии в Москву не могли состояться без согласования с теперь уже союзным ЦК. Что же до назначения Деканозова в Наркомат иностранных дел, то оно не могло состояться без прямой санкции Сталина. Но пришел Деканозов в НКИД, безусловно, по

рекомендации Берии. И это не был приход в дипломатическое ведомство «бериевского инспектора-палача», как это подают «демократы». По свидетельству ветеранов дипслужбы, Деканозов был высоко эрудирован, начитан, в общении вежлив и культурен. Так что в его лице советская дипломатия получила вполне компетентного руководителя.

Начался весьма быстрый разворот СССР от бесперспективной ориентации на блок с англо-французами к пониманию необходимости нормализации отношений с Германией. Итогом, как известно, стал Пакт о ненападении, заключенный 23 августа в ходе блиц-визита в Москву рейхсминистра иностранных дел Риббентропа. Многие в мире испытали шок. В Японии – случай беспрецедентный – заключение двустороннего договора другими державами привело к падению кабинета барона Киитиро Хиранума.

Этот же пакт стал психологической точкой трехмесячного японо-советского конфликта в районе реки Халхин-Гол. Начавшись 28 мая вторжением японских войск на территорию Монголии, он к 28 августа закончился.

Такие бурные события, включая и августовские англо-франко-советские военные переговоры в Москве, нуждались в адекватном разведывательном обеспечении, так что одно это обеспечивало Берии более чем напряженный рабочий график.

1 сентября 1939 года началась германо-польская (а не Вторая мировая, как обычно считают) война. Польша рухнула почти мгновенно. 17 сентября в западноукраинские и западнобелорусские земли вошла РККА, и вскоре Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав УССР и БССР. Сегодня иногда приходится читать, что СССР и Германия осуществили-де новый раздел Польши. Но разве украинские Ровно или Луцк – это Польша? Или – белорусские Барановичи и Молодечно?

Для НКВД воссоединение означало новую и огромную дополнительную нагрузку, и отнюдь не «палаческого» характера. Это Хрущев и его протеже в НКВД Иван Серов принялись за укоренную «советизацию» западноукраинских областей в манере, палаческую напоминающей. И один малоизвестный факт сразу показывает – кем был Хрущев, а кем – Берия.

Во Львове мирно проживал Кост-Левицкий, бывший глава бывшей «незалежно!» Украинской Народной Республики. По приказу Хрущева Серов его арестовал, и Кост-Левицкого, которому было уже за восемьдесят, этапировали из Львова в Москву и заключили в тюрьму. Эта акция сильно подорвала наши акции в среде украинской интеллигенции, но Хрущев доложил

Сталину, что он-де нейтрализовал потенциального премьера украинского правительства в изгнании.

И тут в ситуацию вмешался Берия. Вначале он поручил своим специалистам по Украине дать оценку целесообразности содержания Кост-Левицкого в заключении. Рекомендации были следующими:

– старика, как безвредного, немедленно освободить, извиниться перед ним и отослать обратно во Львов, где устроить его с максимальным комфортом;

– Кост-Левицкий, в свою очередь, должен содействовать направлению в Москву влиятельной и представительной делегации из Западной Украины для переговоров о специальном статусе Галиции в составе УССР;

– предоставить Галиции специальный статус.

Берия тут же направил записку наркому иностранных дел Молотову с этими предложениями, и Молотов с ними согласился. Кост-Левицкий был освобожден и отвезен домой в отдельном спецвагоне. Но остальное Хрущев сумел сорвать…

И тут, пожалуй, впервые судьба разграничила позиции двух тех фигур, будущий конфликт которых определил уже будущее не маленькой Галиции, а всей огромной страны. Но об этом мы поговорим значительно позже.

Возвращаясь же в осень 1939 года, надо отметить, что ведомству Берии – кроме решения политических проблем – надо было на воссоединенных территориях и милицию организовывать, и бандитов вылавливать, и пожарную охрану реорганизовывать, и ЗАГСы создавать.

Репрессии и высылки из Западной Украины и Западной Белоруссии во внутренние районы СССР в задачи НКВД Берии тоже, естественно, входили. Но как же иначе! Это ведь была не просто новая приграничная зона! Эти районы в достаточно близком будущем могли стать районами боевых действий. И допускать существование массовой «пятой колонны» могли только государственные преступники.

А Сталин и Берия были государственными деятелями.

Впрочем, анализ цифр репрессий 1939–1940 годов в Западной Украине и Белоруссии показывает, к слову, что «демократические» цифры завышены по Белоруссии примерно в десять раз (обычный коэффициент лжи «демократических» «общечеловеков»). Это при том, что в Западной Украине, например, сильное националистическое подполье имелось еще при поляках. И с установлением Советской власти националисты не свернули свою работу, а усилили, потому что в ней теперь

появился новый аспект – антисоветский.

Возникала и проблема польских военнопленных. И это тоже была задача для Берии. Причем с пленными «панами» связано одно из «перестроечных» обвинений Берии в организации-де «Катынской трагедии» и расстрелов у села Медное Калининской области.

Что ж, посмотрим, много ли правды и в этом обвинении…

19 СЕНТЯБРЯ 1939 года нарком Л.П. Берия, комиссар ГБ 1-го ранга, издал приказ № 0308:

1. На основании положения о военнопленных организовать при НКВД СССР Управление по военнопленным.

2. Утвердить прилагаемый штат Управления по военнопленным.

3. Назначить начальником Управления по военнопленным майора тов. Сопруненко П.И. и комиссаром управления – полкового комиссара тов. Нехорошева…

4. Организовать 8 нижеследующих лагерей для содержания военнопленных:

1) Осташковский – на базе помещений бывшей детской колонии НКВД на острове Столбное, на озере Селигер (Калининской области) на 7 тыс. человек, с доведением к 1 октября до 10 тыс. человек;

<…>

6. Утвердить начальниками и комиссарами лагерей:

1) Осташковского: майора тов. Борисовец П.Ф. – начальником, ст. политрука тов. Юрасова И.В. – комиссаром…»

Я привожу данные лишь по Осташковскому лагерю вполне сознательно. «Катынская» фальшивка известна широко, и ее разоблачение можно найти в книгах Юрия Мухина «Катынский детектив» и «Антироссийская подлость», к которым я читателя и отсылаю. Но сообщу в дополнение, что в литературе можно встретить факсимильное воспроизведение первого листа якобы записки Берии в ЦК ВКП(б) о военнопленных поляках. Так вот, «виза» Сталина сфальсифицирована там крайне небрежно, и это сразу бросается в глаза, как и то, что «виза» идет с наклоном сверху вниз, а не снизу вверх – как всегда у Сталина.

Смоленская Катынь известна, повторяю, широко. Менее известно село Медное. В начале помещенной в «Книге жертв политических репрессий Калининской области» статье директора Государственного мемориального комплекса «Медное» Б.Н. Ещенко и научного сотрудника Е.Н. Образцовой об этом говорится так:

«19 октября 1996 года (за № 1247) опубликовано Постановление Правительства Российской Федерации «О создании мемориальных комплексов в местах захоронения советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катыни (Смоленская область) и Медном (Тверская область)…»

Но должно было пройти около 50 лет, прежде чем название тверского села Медное зазвучало из уст Президента Российской Федерации М.С. Горбачева, членов Правительства России…»

Уважаемый читатель! Я не описался… В этой уже известной тебе «Книге памяти…» на странице 604 написано именно это. И какая уж тут «ошибка набора»! И инициалы соответствуют, и фамилия… Вот с должностью, правда, промашка.

Казалось бы, дальше идти в «исторических открытиях» уже некуда, но страница 605 переплюнула страницу 604:

«…В начале 1940 г. в Осташковском лагере содержалось в заключении около 6500 поляков.

Начиная с 4 апреля 1940 года узников Осташковского лагеря переводили по этапу группами, день за днем, из лагеря к железнодорожной станции Сорога, откуда под конвоем в тюремных вагонах их везли через Лихославль в г. Калинин. С железнодорожной станции военнопленные перевозились в областное управление НКВД по ул. Советской (это в центре города. – *С.К.),* где их ждала смерть от пули.

О ходе расстрелов подробно рассказал во время допроса бывший начальник НКВД в г. Калинине С. Токарев. Каждую ночь в подвалах современного здания медицинской академии г. Калинина расстреливали по 250 человек. Группа расстрела пользовалась преимущественно немецкими пистолетами типа «Вальтер» (зачем это понадобилось делать в марте 1940 года, вряд ли объяснит и сам Б.Н. Ещенко. – *С.К.).*

На рассвете машины с телами убитых отправлялись по шоссе Москва – Ленинград в отдаленную на 32 км местность Медное. Там, на территории дач Калининского НКВД, на окраине леса находилась подготовленная уже экскаватором яма глубиной около 4 м, способная вместить 250 тел…» и т. д.

Технология «убиения» здесь описана, прямо скажем, идиотская, да и маршрут придуман не умнее – достаточно посмотреть на карту Калининской области.

Если бы все было так на самом деле, то о «сверхсекретной» акции судачили бы все калининские бабы. И если бы уж поляков решили «убрать», то проще всего это было сделать прямо на острове Столбном, где размещался лагерь, или в лесах у Селигера. А то и в самом озере Селигер… Без затрат тонно-

километров.

Но так, как написано, – эффектнее для публики, уже привыкшей смотреть на триллеры как на хронику. Да и чего взять с «ученых», путающих Горбачева с Ельциным? Они, конечно, два сапога пара, но не знать своих «героев» уж до такой степени!

Хотя… Хотя имеются строго документальные данные о том, что в Осташковском лагере в 1940 году действительно творилось форменное безобразие. Я это сейчас докажу, ***полностью*** приведя другой приказ по НКВД – № 678 от 12 августа 1940 года.

«12 августа 1940 г.

Обследованием хозяйственной деятельности Осташковского лагеря для военнопленных установлено:

1. Руководство лагеря расходовало государственные фонды прод-фуража, стройматериалов и других материалов не по прямому назначению.

2. Несмотря на указания Управления НКВД СССР по делам военнопленных, в лагере практиковалось бесплатное питание ездовых.

3. Во время отсутствия начальника лагеря майора тов. Борисовца помощник начальника лагеря лейтенант милиции тов. Половянюк организовал групповую пьянку и в нетрезвом виде появлялся в зоне лагеря, чем дискредитировал себя.

Приказываю:

1. За израсходование государственных фондов не по прямому назначению начальнику лагеря майору тов. Борисовцу объявить выговор.

2. Помощнику начальника лагеря лейтенанту милиции тов. Половянюку объявить выговор и с работы в лагере снять.

3. Выдачу бесплатного питания всем сотрудникам, кроме вахтерской и пожарной команд, запретить.

4. Продажу в лагерях спиртных напитков и пива запретить.

5. Комиссару лагеря старшему политруку тов. Юрасову за непринятие мер по пресечению незаконных действий и слабую подготовку политике-воспитательной работы в лагере поставить на вид.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР

ЧЕРНЫШОВ».

Источник сведений сомнений не вызывает – вполне «демократический» сборник документов из серии «Русский архив. Великая Отечественная», издаваемой Институтом военной истории МО РФ, том 24(13), «Иностранные военнопленные Второй мировой войны», (изд. ТЕРРА, 1996 г., тираж 1000 экз.),

стр. 33–34.

Вот как обстояли дела в Осташковском лагере летом 1940 года – уже ***после того***, как тверской «ЕБН» вкупе со своей сотрудницей напрочь «опустошили» его еще ранней весной 40-го…

Так что расстреляли поляков в Медном все же немцы. Как и в Катыни…

Кстати, еще раз насчет «вальтеров»… Исполнителям НКВД немецкие пистолеты в любом случае были ни к чему…

Район села Медное находился в зоне немецкой оккупации, точнее – в прифронтовой зоне, причем в самом Медном, по моим данным, немцы были с 13 по 17 октября 1941 года. А бои шли в основном северо-западнее, у Марьино. Где-то между Осташковом и Медным могла оказаться в то время на оккупированной территории и часть поляков с острова Столбного. Впрочем, немцы могли расстрелять из «вальтеров» в 1941 году и не поляков, но расстрелять в польской форме, захоронив трупы действительно в районе дач НКВД – как и в Катыни! – с дальним прицелом…

Ведь немцы рассчитывали победить. И тогда можно было свезти на место «зверств НКВД» «демократических» журналистов со всего мира и «убедительно» продемонстрировать, от какой, мол, участи рейх уберег их страны.

Вот только из-под Калинина немцев вышибли еще в 41-м, так что «Медная» задумка лопнула. И пришлось, когда трупы «дошли до кондиции», довольствоваться лишь «катынским» вариантом – пока немцев не вышибли еще и из-под Смоленска.

Поэтому не стоит потрясать «запиской Берии», она – еще одна фальшивка в копилку «антибериады». Никаких польских офицеров НКВД никогда, конечно, не расстреливал. Хотя, пожалуй, многих и стоило… Уже в 1942 году, находясь в составе формирующейся в СССР армии Андерса, «гоноровые паны» вели себя гнусно. 14 марта 1942 года Берия в докладе Председателю Государственного Комитета Обороны Сталину о ходе формирования и морально-политическом состоянии польской армии на территории СССР приводил данные, полученные и агентурно-осведомительным путем.

Так вот, некто полковник Домбровский заявлял:

«Я успокоюсь только тогда, когда большевистский генерал в моем имении поработает с тачкой вдвое больше того, что я работал в советском лагере…»

И никто этого «пана пулковника» и ему подобных *даже тогда* не арестовывал и не расстреливал.

А жаль!

28 СЕНТЯБРЯ 1939 года рейхсминистр Риббентроп и

председатель Совнаркома СССР Молотов подписали в Москве советско-германский договор о дружбе и границе. Для Берии и его наркомата это означало, кроме прочего, большую работу по обустройству новой границы. Но и на старых границах было неспокойно – начиная с севера, с советско-финской границы.

Считается, что последней точкой в мирных отношениях СССР и Финляндии стал день 26 ноября 1939 года, когда в районе пограничной деревни Майнила на советской территории разорвалось несколько артиллерийских снарядов.

Поскольку пограничные войска – это тоже НКВД, то по сей день приходится встречать намеки на то, что, мол, без провокаций Берии здесь не обошлось. Не развивая эту тему, скажу, что стреляли финны. Они тогда вообще вели себя просто-таки безрассудно! А конфигурация границы была такова, что тяжелая артиллерия с финской границы могла обстреливать Ленинград. О полетном времени бомбардировщиков до северной столицы я уже не говорю.

«Благодарить» нам за это надо было царя Александра I, установившего в 1811 году границу между автономным Великим княжеством Финляндским и Россией с передачей в Великое княжество части русской территории. Теперь его ошибку надо было исправлять Сталину. И поскольку финны были абсолютно (читатель может мне поверить) глухи к призывам и разума, и удивительно терпеливого русского вождя, у СССР не было нужды в неких провокациях, дающих casus belli (повод к войне).

Хотя инциденты происходили. И уже после обстрела в Майниле Берия подписал информационное сообщение, начало которого я приведу:

«№ 5278/Б 28 ноября 1939 г.

Сегодня, 28 ноября 1939 г., в 17.10 пограничный наряд заставы № 17 – Озерко 35-го Мурманского пограничного отряда… на перешейке между полуостровами Средний и Рыбачий был внезапно обстрелян засадой финских пограничников, находившихся на нашей территории…»

Наряд принял бой, а застава выбросила к месту перестрелки группу поддержки из 10 человек во главе с начальником штаба погранвойск НКВД Мурманского округа майором Прусским. В результате 3 финна были взяты в плен, два ушли на территорию Финляндии.

В тот же день финны углублялись на нашу территорию в зоне Рестикентского погранотряда.

Советско-финские переговоры давно зашли в тупик, а точнее, их завели туда сами финны (я писал об этом в своей книге

«Кремлевский визит фюрера»). И последующее развитие ситуации было с нашей стороны не просто логичным, но единственно оправданным с любой точки зрения. 30 ноября начались полномасштабные боевые действия. И «зимняя» – как ее назвали в Финляндии – война затянулась до весны.

21 декабря нарком обороны Ворошилов писал Сталину и Молотову:

«Коба и Вячеслав!

Дело дрянь! Дороги в завалах, пехота действует на фронте не как организованная сила, а болтается туда-сюда как почти никем не управляемая масса, которая при первом раздавшемся выстреле разбегается в беспорядке по укрытиям в лес…»

Однако по итогам войны военный обозреватель «Таймс» оценил РККА в целом высоко, мудро заметив, что русские за войну сильно прибавили. Так оно и было – «линия Маннергейма» с ее дотами-«миллионниками» была в начале 1940 года прорвана, а 12 марта 1940 года был подписан мир. Но в ту пору, когда Ворошилов писал горькое письмо Сталину и Молотову, армейцам крепко помогли пограничники Берии.

Я об этом еще расскажу.

В ЕВРОПЕ же по-прежнему шла война – до мая 1940 года «странная», без боев. Однако 10 мая для немцев наступил «день Икс». Началось наступление на Северную Францию, и вскоре вся оборона союзников рухнула. Немцы вошли в Париж, англичане спаслись бегством через Дюнкерк.

А СССР решил «прибалтийскую» проблему… Еще осенью 1939 года мы заключили договоры о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией. На их территорию были введены советские войска, но ни о какой «советизации» не могло быть и речи. Однако успехи немцев ситуацию изменяли кардинально. Германия усиливалась по всем позициям, и отдавать ей балтийский «фланг» не стоило. А прибалтийская элита была не прочь отвильнуть от русских и уйти «под крыло» немцев и финнов.

Или – англичан! С апреля 1940 года Англия вместо одного посланника на весь регион назначила в Литву, Латвию и Эстонию отдельных посланников в каждую республику. При этом они же были консультантами в «национальных» МИДах. Полпред СССР в Литве В.Г. Поздняков сообщал в шифровке наркому Литвинову, что в Риге находится 40–50 английских агентов, которых Англия забросила в Прибалтику, в том числе рассчитывая «протолкнуть» их в Германию. Кончилось, однако, тем, что в начале августа 1940 года в состав СССР вошли Литовская, Латвийская и Эстонская

СССР. Еще ранее мы возвратили себе Бессарабию и присоединили Северную Буковину…

Я не буду останавливаться на этих сюжетах и на анализе проблемы репрессий и депортации из новых союзных республик, хотя в следующей главе кое-что об этом расскажу. Могу, впрочем, привести несколько деталей и сразу.

После того как в 1919 году литовские националисты получили, наконец, «свое» государство, литовскому крестьянину, пришедшему в государственное учреждение, нередко кричали: «Говори по-русски, литовского не понимаем». И кричали не русские, а… поляки.

В «национальной» же Латвии можно было наткнуться в подобной ситуации на немца, даром что русские цари в свое время подорвали немецкое помещичье землевладение и создали мощный слой латышских «серых баронов» – кулаков.

В «национальной» Эстонии в русских деревнях Печорского округа молодежь распевала коммунистические частушки, а крестьяне были готовы перейти в колхозы. И притесняли их за это эстонцы. Так что основания для «зачисток» в Прибалтике были.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ прибалтийских республик породило два встречных потока переселенцев из Мемельской и Сувалкской областей в Литовскую ССР и «германских граждан и лиц немецкой национальности» из трех республик в «фатерлянд». Все это не проходило мимо внимания Берии.

Из Германии была принята к концу марта 1941 года 5251 семья или 21 343 человека, в том числе литовцев – 11 995, русских – 9 223, белорусов – 55, украинцев – 20, поляков – 36. Между прочим, уж не знаю почему, но переселиться в СССР пожелал тогда всего 1 (один) еврей.

Зато среди 10 472 человек, выехавших в рейх из Латвии, кроме 9851 немца было и 436 латышей, 9 литовцев, 7 эстонцев.

Из Литвы переселилось 44 434 немца, 5091 литовец, 36 латышей, 14 эстонцев.

Из Эстонии – 5306 немцев, 514 эстонцев, 10 латышей.

Как видим, возможность уехать получили не только этнические немцы, но и другие (в том числе 1 грузин, 1 испанец, 1 татарин).

Выезжали некоторые немцы и из глубинных районов СССР, причем и в среде «политэмигрантов» имелось некоторое возвратное движение, которое доказывало, что репрессии против них не были результатом вымыслов НКВД. Так, еще 28 февраля 1939 года Председатель Исполкома Коминтерна Георгий Димитров направил в НКВД следующее сопроводительное

письмо:

«Дорогой товарищ Берия!

Посылаю Вам приложенное письмо представительства Компартии Германии при ИККИ для ознакомления. Вам, конечно, виднее, какие меры по этому вопросу следовало бы предпринять со стороны органов НКВД.

С товарищеским приветом,

Г. Димитров».

К «сопроводиловке» Димитрова было приложено письмо Вальтера Ульбрихта, начинавшееся так:

«Дорогой товарищ Димитров!

В течение последних месяцев вернулись в Германию при помощи германского посольства несколько жен арестованных. Эти враги теперь шлют письма к тем из своих знакомых, о которых предполагают, что их можно завербовать для возвращения в Германию…»

Ульбрихт приводил ряд конкретных фамилий и фактов: *«В жилом доме Электрозавода проживает некая Баумерт, которая в частных разговорах ведет антисоветскую пропаганду»* и *«имеет широкие связи в Москве»*; чешка Кэте Рааб «*пересылает арестованным немцам в лагерь под Саратов деньги, посылает их и в Хабаровск, а получает в германском посольстве»* и т. д.

Заканчивал же Ульбрихт вполне определенно:

«Мы считаем, что необходимо решать в каждом отдельном случае, давать или не давать разрешение на выезд. Теперь же дело обстоит так, что такие враги имеют право жительства в Москве.

Просьба довести об этом до соответствующих органов, чтобы они могли принять те меры, которые считали бы необходимыми.

С коммунистическим приветом,

Партпредставительство КПГ при ИККИ,

Ульбрихт».

Репрессии в ненавистном им, вообще-то, Коминтерне «демократы» «вешают» на Ежова и Берию. Но что – Димитров и Ульбрихт тревожились зря? Они ведь были не пугливыми базарными бабами, а опытными подпольщиками и уже поэтому – людьми, опытными в делах как разведки, так и контрразведки.

А ОБСТАНОВКА в мире все более накалялась. 22 августа 1940 года «Правда» сообщила, что 20 августа Лев Троцкий на своей вилле в элитном районе Мехико – Койокане, получил

смертельный удар ледорубом от некоего Жана Мортана Ван ден Райна. Однако это был 27-летний испанский коммунист и сотрудник НКВД Рамон Меркадер дель Рио.

Удар ледорубом поставил точку в затянувшейся истории подрывной работы Троцкого против СССР. После заключения Пакта 1939 года он писал в американском журнале «Либерти»:

«Кремль впрягся в повозку германского империализма… До тех пор, пока Гитлер силен – а он очень силен, Сталин будет оставаться его сателлитом».

Не прошло и полгода, как 17 января 1940 года на стол обергруппенфюрера СС Риббентропа (был у министра иностранных дел рейха и такой титул) оберфюрер Ликус из «личного штаба» обергруппенфюрера положил донесение из Лондона:

«Троцкий с помощью англичан должен будет вернуться в Россию, чтобы организовать путч против Сталина…»

Но это же знал и Сталин. И Лаврентий Берия был вызван в Кремль. Результатом обсуждений там и стала операция по ликвидации Троцкого. Сама по себе она для нашей темы малосущественна, но с ней теснейше связано имя человека, которое я уже упоминал и о котором пришло время сказать подробнее.

Майору ГБ Павлу Судоплатову в 1940 году было всего тридцать три года. И впервые он оказался в кабинете Сталина три года назад, когда его привел туда Ежов. Тогда рядовой оперативный работник НКВД, работавший нелегально в среде украинских националистов за рубежом, Судоплатов получил нерядовое задание – ликвидировать одного из лидеров «Организацп украшських нацюналютш» (ОУН) Коновальца.

Заместитель директора Российского государственного военного архива Владимир Иванович Коротаев и его коллега Виктор Константинович Былинин в томе II «Трудов Общества изучения истории отечественных спецслужб» за 2006 год свидетельствуют: «За свою сравнительно короткую жизнь лидер ОУН успел вступить в «деловые отношения» с целым рядом зарубежных спецслужб – германской, австрийской, литовской, финской, английской, итальянской, японской…»

Как видим, вереницы связей с многочисленными разведками отнюдь не выдумывались в НКВД, а существовали в реальности… Ведь друзья и коллеги Коновальца жили не только по ту сторону границы СССР, но и по ***эту!***

Враг опасный и влиятельный, Коновалец был уже приговорен на Украине к расстрелу за санкционирование и личное руководство казнью революционных рабочих киевского завода

«Арсенал» в январе 1918 года. На совещании в Кремле об этом напомнил Григорий Петровский. А вот приговор в исполнение в результате тщательно разработанной операции был приведен в Роттердаме 23 мая 1938 года Судоплатовым.

Между прочим, когда он после акта гулял по бульварам уже Парижа, то читал в русских эмигрантских газетах о его шефе Ежове как о человеке, обреченном вскоре пасть жертвой кампании чисток. До ареста Ежова был год, до расстрела – два. Многое, многое переплеталось тогда, уважаемый мой читатель, в многократно запутанный клубок…

Впрочем, мы сейчас в августе 1938 года, когда Судоплатов. вернувшийся в Москву, был вызван к новому начальнику ГУГБ НКВД СССР Берии, о котором знал лишь, что «в 20-е годы он возглавлял ГПУ Грузии, а затем стал секретарем ЦК Коммунистической партии Грузии».

Как видим, статусом политических фигур Судоплатов интересовался мало и был информирован относительно биографии Берии неполно, что, впрочем, бедой не было.

В 1997 году впервые вышли в свет интереснейшие (увы, не всегда точные и достоверные) мемуары Павла Анатольевича, где описана и его первая встреча с Берией. Правда, Судоплатов несколько сбивается в хронологии… По мемуарам получается, что он в июле 1938-го прибыл пароходом в Ленинград, тут же ночным поездом выехал в Москву и на следующий день был принят Берией.

Но Берия стал начальником ГУГБ лишь с 22 августа 1938 года, так что раньше этой даты Судоплатов не мог оказаться в его кабинете, расположенном рядом с приемной Ежова. Однако эта явная аберрация памяти несущественна для главного – описания Берии, данного человеком, хорошо знавшим его лично. И оно стоит того, чтобы быть сообщенным читателю почти без купюр:

«Моя первая встреча с Берией продолжалась, кажется, около четырех часов… Берия задавал мне вопрос за вопросом, желая узнать обо всех деталях операции против Коновальца и об ОУН с начала ее деятельности…

Из вопросов Берии мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь…»

Тут я временно прерву рассказ Судоплатова, чтобы заметить: он, похоже, так и не понял, что Берию интересовали не столько его личные приключения, сколько вообще та атмосфера

европейской жизни, с которой Берия, работавший как чекист на закавказском направлении, был знаком, конечно, плохо. А теперь ему надо было быстро входить в курс и европейской работы разведки, и он пользовался удачным случаем, чтобы узнать и понять насчет нее как можно больше.

То же надо сказать об информации по ОУН. Для «закавказца» Берии эта проблема являлась новой. А что же это за профессионал, который не использует любую возможность для самообразования!

«Берия поинтересовался, – продолжает Судоплатов, – обратил ли я внимание на количество выходов, включая и запасной, на явочной квартире, которая находилась в пригороде Парижа. Его немало удивило, что я этого не сделал, поскольку слишком устал. Из этого я заключил, что Берия обладал опытом работы в подполье, приобретенным в закавказском ЧК…

Будучи близоруким, Берия носил пенсне, что делало его похожим на скромного совслужащего…

Одет он был, помнится, в весьма скромный костюм. Мне показалось странным, что он без галстука, а рукава рубашки, кстати, довольно хорошего качества, ***закатаны.*** Это обстоятельство заставило меня почувствовать некоторую неловкость, так как на мне был прекрасно сшитый костюм: во время своего краткого пребывания в Париже я заказал три модных костюма, пальто, а также несколько рубашек и галстуков. Портной снял мерку, а за вещами зашел Агаянц (известный впоследствии разведчик, генерал, имевший прикрытие в Париже как третий секретарь посольства. – *С.К.)* и отослал их в Москву дипломатической почтой».

Деталь с костюмами Судоплатова я не опустил потому, что она лишний раз косвенно подтверждает аберрацию его памяти. Если бы он после приезда (пусть даже и в августе) был вызван к Берии немедленно, вряд ли у него было бы время получить в НКИД или на Лубянке свои парижские обновки. Значит, между приездом и встречей был определенный временной зазор.

И, не в укор Павлу Анатольевичу, скажу, что на его месте Берия, несмотря ни на какую усталость, проверить пути возможного отхода с явки не забыл бы наверняка. А вот костюмы стал бы заказывать вряд ли.

Берия проявил интерес и к диверсионной работе в Испании чекиста Василевского, служившего в свое время под началом Берии в контрразведке грузинского ГПУ.

Отметил Судоплатов и то, что Берия хорошо говорил по-русски с небольшим грузинским акцентом, а по отношению к

собеседнику вел себя «предельно вежливо».

Интересно, что в другом месте Судоплатов написал и следующее:

«Берия часто был весьма груб в обращении с высокопоставленными чиновниками (когда они того, как я понимаю, заслуживали. – *С.К.),* но с рядовыми сотрудниками, как правило, разговаривал вежливо. Позднее мне пришлось убедиться, что руководители того времени позволяли себе грубость лишь по отношению к руководящему составу, а с простыми людьми члены Политбюро (сталинского. – *С.К.)* вели себя подчеркнуто вежливо».

Замечу, что Сталин ко всем обращался, как правило, на «вы», и по инерции это сталинское и бериевское «вы» сохранилось, выветриваясь, при Хрущеве. А уж при Брежневе, и особенно при Горбачеве, укоренилось всеобщее хамское «ты»… Впрочем, было бы удивительно обратное.

В конце встречи – и это очень характерно для Лаврентия Павловича – он предоставил Судоплатову пятидневный отпуск для того, чтобы тот смог навестить мать в Мелитополе и родителей жены в Харькове. «Монстр» в описаниях клеветников, Берия на самом деле был заботлив и внимателен к тем, кто делал одно с ним дело.

НО ЧИТАТЕЛЬ, хорошо знакомый с мемуарной литературой по советской разведке, может мне возразить. И в опровержение сведений о вежливости Берии он может сослаться, например, на воспоминания генерал-майора в отставке Елисея Тихоновича Синицына, на рубеже 60—70-х годов занимавшего пост заместителя начальника Первого Главного управления (разведывательного) КГБ СССР.

Накануне советско-финской войны он был легальным резидентом разведки НКВД в Хельсинки с очень солидным дипломатическим прикрытием временного поверенного в делах – для этого временно отозвали штатного нкидовского полпреда.

Нечто подобное уже было – крупный советский разведчик Рыбкин (с его женой Зоей Рыбкиной-Воскресенской мы еще познакомимся) весной 1938 года вел по личному поручению Сталина секретные переговоры с финнами под таким же прикрытием, для чего временно отзывали полпреда Асмуса.

По образованию инженер (в 1934 году закончил Московский институт химического машиностроения), Синицын пришел в разведку НКВД в 1937 году по партийному «ежовскому» набору, окончил Школу особого назначения, работал под прикрытием в советском консульстве во Львове еще до присоединения Западной

Украины к УССР.

Посылал Синицына, естественно, Берия, но его легальным шефом числился Молотов. И вдруг Синицыну приходит телеграмма: «Срочно выезжайте в Москву для доклада. Молотов».

«Срочно» – не «немедленно». К тому же Синицын – по его же словам – удивился: почему вызывает Молотов, а не Берия. Но выехал в тот же день и сразу же по приезде направился не в НКВД на Лубянку, а в НКИД, в Спиридоньевский…

Выслушав доклад, Молотов отпустил Синицына (которого знал как Елисеева), сказав, что тот может идти «к товарищу Берия»… Далее я передаю прямой рассказ Синицына:

«Через десять минут (после доклада у Молотова. – *С.К.)* я был уже у Фитина (начальник ИНО. – *С.К.)* и заметил, что он чем-то взволнован.

– Где ты ходишь и почему сразу не пришел в наркомат? – зло спросил он.

Я начал объяснять… как вдруг по домофону послышался резкий не голос, а бич:

– Явился этот дурак к тебе?

На этот голос Фитин как ужаленный вскочил со стула и ответил:

– Явился.

– Вместе с ним ко мне…

Когда вошли в кабинет, Берия полулежал на кожаном диване и угрюмо, через пенсне (а как же ему, близорукому, еще смотреть! – *С.К.)* молча осматривал нас. Перебравшись затем к столу и тяжело усевшись в кресло, неожиданно выкрикнул, глядя на меня:

– Ты знаешь, кто ты? – Через короткую паузу добавил: – Ты большой дурак.

Я молчал.

Видимо, ему показалось, что я слабо реагирую на его замечание, схватил карандаш и еще резче выкрикнул:

– Ты большой ноль с точкой.

При этом на листе бумаги начертил ноль, карандаш от большой силы нажима сломался, и он резко отбросил его на стол в мою сторону Я сразу понял, что виной такой выходки наркома явился мой доклад Молотову, и хотел сказать, почему это получилось. Но Фитин, наступив мне на ногу, просигналил молчать…»

А тут я рассказ Синицына прерву, чтобы обратить внимание читателя вот на что… То, что Берия отбросил-де карандаш на стол в его сторону, мемуарист отметить не забыл… Хотя куда-то в

другую сторону Берия, сидя за столом, ничего отбросить и не мог, разве что на пол. Синицын-то сидел напротив него. Но вот то, что Берия пригласил их с Фитиным ***сесть за стол*** (не на глазах же у наркома Фитин подчиненному на ногу наступал!), Синицын запамятовал! И понятно почему – тогда не складывается целостный образ Берии как несдержанного хама…

Но двинемся дальше:

«Я не считал правильным молчаливо выслушивать брань Берии и… сказал, что товарищу Молотову мною не были доложены важные сведения, лично полученные позавчера, о положении на Карельском перешейке и о новом оружии в финской армии.

Берия как-то странно, вопросительно посмотрел на меня и резко выкрикнул:

– Рассказывай все, о чем не говорил Молотову…

Внимательно выслушав сказанное мною, Берия… проговорил:

– Запомни, у тебя один нарком!

Мы вышли из кабинета. В свою очередь Фитин нравоучительно сказал:

– Ты, наверное, понял, что гнев Берии был вызван твоим докладом Молотову, а не ему. При всех случаях ты обязан был сначала доложить своему наркому. Не повторяй этой ошибки…»

Итак, Берия все же самодур? Вот же – прямой свидетель. И не Антонов-Овсеенко, а заслуженный генерал КГБ. Но все ли тут так гладко?

Синицын скончался 31 марта 1995 года (в возрасте 86 лет), а мемуары его подписаны в печать 29 ноября 1996 года, через год после смерти автора. Причем в начале книги имеется стандартная, по сути, для серии «Рассекреченные жизни» приписка насчет того, что издательство за факты, изложенные в книге, ответственности не несет. То есть взятки гладки. Что ж, разумно…

Но и мы поступим разумно, если подойдем к некоторым изложенным фактам с осторожностью. Скажем, провинился ли в действительности Синицын перед Берией? Безусловно! Он оговаривается, что после вызова Молотова известил-де и свой наркомат. Но о точной дате выезда сообщил не в Наркомвнудел, а в Наркоминдел, почему его в Москве на перроне вокзала и поджидал не кто-то из сослуживцев, а работник скандинавского отдела Наркоминдела.

Что, Синицын не мог, получив вызов Молотова, тут же известить Лубянку и выехать в тот же день (что он и сделал) в Москву, сообщив о приезде не в НКИД, а в НКВД? И сразу же по приезде поехать туда, доложиться прежде всего Берии, а уж потом

испросить у него разрешения отбыть к Молотову.

Да капитан ГБ Синицын это не только мог, он это ***обязан*** был сделать! НКИД – это прикрытие. А работа – это НКВД! Посылал его в Финляндию не Молотов, а Берия. И обо всех нештатных ситуациях прежде всего должен был узнавать как минимум начальник ИНО Фитин!

Молотов «временного поверенного» «Елисеева» в зад не колол. «Срочно» – не значит в тот же день, так что Синицын имел возможность (по срокам) вначале уяснить ситуацию «дома», на Лубянке, а уж потом «через десять минут» быть в НКИД. Но, как я полагаю, Синицыну хотелось понравиться Молотову… А вдруг из временных сотрудников НКИД да станешь постоянным! А вдруг Вячеслав Михайлович да заберет «Елисеева» из НКВД от Лаврентия Павловича к себе… В Наркоминделе ведь спокойнее, вольготнее…

Так что Синицын, вспоминая эту давнюю историю, не мог не сместить акценты в сторону, для Берии неблаговидную.

Верить оценкам Синицына надо с большой оглядкой и потому, что он, как и большинство его высокопоставленных коллег, повел себя в годы «катастройки» не очень-то достойным образом и поплыл по тем мутным волнам, которые вовсю гнали «демократы»….

Так, он сам же пишет, что во время работы в львовском консульстве слышал от местных жителей после начала германо-польской войны: «Приходит наш конец. Почему Советский Союз отдает нас немцам?» И у него же (возможно, впрочем, у политкорректировщиков его мемуаров) хватило совести написать, что он-де не знал, что «наши войска посылаются в Польшу для захвата части ее восточных воеводств по договоренности Сталина с Гитлером». Это Синицын так о том воссоединении украинцев с украинцами и белорусов с белорусами, принципиальную необходимость которого признавал даже империалист Керзон еще в 1919 году и подтвердил Верховный совет Антанты на конференции в Спа в 1920 году!

Так что «…не голос, а бич», «вскочил как ужаленный…», «… полулежал и угрюмо осматривал», «тяжело усевшись…», «… выкрикнул» и т. д. – это так, художественные детали для обеспечения должного восприятия читателем образа Берии…

А вот в то, что Лаврентий Павлович был с Синицыным груб и хлестко назвал его «нолем с точкой», я верю! Во-первых, такое не придумаешь…

А во-вторых, повел себя тогда Синицын действительно как дурак. И вразумить его надо было соответственно, то есть – быстро и жестко. Ведь Берии с Синицыным предстояло еще много

работать, а линию поведения подчиненный избрал не деловую.

Причем, вразумив и получив от него важную информацию, Берия… тут же прихватил Синицына с собой в Кремль, на доклад к Сталину! Так что не проходит и то возможное объяснение, что Берия, мол, хотел-де выслужиться перед вождем, а Синицын ему карты спутал, дал возможность выскочить-де вперед Молотову. Если бы это было так, если бы Берия был интриганом и подлецом, то он бы, выслушав «Елисеева», просто уехал бы в Кремль без него и всю заслугу добывания ценной информации приписал себе. Ведь о том, что эти свежие сведения привез Синицын, не знал никто, в том числе и Молотов.

Но для Берии было важно дело. А для дела было полезнее, чтобы Сталин и услышал все без испорченных телефонов и мог бы Синицына расспросить. Вот Берия его к Сталину и привез…

ДА, НА ФАКТЫ, сообщаемые мемуаристами об их личном общении с Берией, можно как-то полагаться. Зато очень нечасто можно полагаться на их же общие оценки. Так, Судоплатов в мемуарах писал, что если до прихода Ежова в НКВД не было следственной части (оперативный работник, работавший с агентами и осведомителями, вел и следствие по делу арестованного, готовил обвинительное заключение и т. п.), то, мол, при Ежове и Берии была создана специальная следственная часть, которая, как он утверждает, «буквально выбивала показания у арестованных… не имевшие ничего общего с реальной действительностью».

Здесь налицо неправомерное соединение в один двух разных НКВД – Ежова и Берии. Причем Судоплатов пишет о том, к чему сам отношения не имел – он был не следователем, а разведчиком.

В действительности же Следственной части НКВД при Ежове не было! Она была создана (вначале во главе с Богданом Кобуловым) уже наркомом Берией, и это его нововведение 12 декабря 1938 года санкционировал сам Сталин. И вот как оценивает новшество Берии член Общества изучения истории отечественных спецслужб профессор Владимир Константинович Виноградов: «Это был первый шаг за многие годы существования советских спецслужб, когда функции розыска и следствия были разделены в интересах их квалифицированного ведения».

Сей казус, уважаемый читатель, типичен! Берии как прегрешение приписывают то, что на деле является его заслугой. В том числе – и заслугой перед не попранной беззаконием справедливостью.

Хотя уж, справедливости ради, сообщу, что впервые этот вопрос перед Сталиным поставил действительно Ежов. В апреле

1937 года он написал Сталину письмо, где в конце были и такие строки:

«Следователь, принимая от любого оперативного отдела ГУГБ для реализации агентурное дело, будет требовать достаточно веских и законных оснований для ареста и добиваться того, чтобы передаваемое ему агентурное дело было бы в достаточной мере доработано и документировано».

Нет, и из Ежова – при внимательном рассмотрении, «кровожадного палача» не получается.

ПАВЕЛ Судоплатов в своих мемуарах (а возможно, политкорректировщики его мемуаров) частенько злоупотребляет прямой речью, в том числе и вкладывая ее в уста Берии. За редкими исключениями я в аутентичность прямой речи в мемуарах не верю вообще, а в случаях, касающихся Берии, – тем более. Но то, как Берия реагировал на одну из ситуаций в конце 1938 года, Судоплатов передал, думаю, верно – и текстуально, и по духу.

В 4 часа утра накануне октябрьских торжеств его разбудил звонок начальника секретариата Иностранного отдела Козлова, который сообщил о срочном вызове на Лубянку и об аресте начальника ИНО Пассова.

Встретив Судоплатова, Козлов провел его к Меркулову, тогда заместителю начальника ГУГБ, а тот направился вместе с Павлом Анатольевичем к Берии.

Нарком официальным тоном сообщил, что Пассов и Шпигельглас арестованы за обман партии и что Судоплатову надлежит немедленно приступить к исполнению обязанностей начальника ИНО. Судоплатов, возможно с недосыпа, возразил, что он, мол, не может войти в кабинет Пассова, поскольку тот опечатан.

Ответ Берии был коротким, конкретным, внятным и блестящим: «Снимите печати немедленно, а на будущее запомните: не морочьте мне голову такой ерундой. Вы не школьник, чтобы задавать детские вопросы».

Три фразы – всего-то!

Но Берия сразу:

а) дает Судоплатову понять, что он теперь – лицо, облеченное не только высокой ответственностью, но и немалыми правами;

б) определяет стиль и суть их будущих взаимоотношений: не мелочиться, а брать сразу быка за рога;

в) призывает подчиненного не бояться ответственности – мол, если ты тут пасуешь перед печатями на дверях кабинета уже не Пассова, а своего собственного, то как же ты, братец, будешь

серьезные дела решать?

г) еще и выволочку подчиненному делает, но так стремительно, без ругани и без унижения, что тому остается только окончательно проснуться и в полную силу немедленно включаться в работу.

Это и есть тот высший класс компетентного управления, который Берия демонстрировал везде и всегда. И я сразу же приведу еще одну историю, относящуюся уже к 1940 году и рассказанную опять-таки Судоплатовым. Для тех, кто искренне верит в образ Берии – «монстра» и «вурдалака», она может показаться невероятной, но произошла на самом деле.

Дело было так…

В конце июня 1940 года к СССР была присоединена Северная Буковина, и Судоплатов (естественно, с санкции Берии) направил в Черновцы группу капитана ГБ Адамовича, куда входил, между прочим, и Вильям Фишер, ставший много позднее знаменитым под именем Рудольфа Абеля. Фишера увольняли (всего лишь увольняли!) из НКВД за связь с невозвращенцем Орловым-Фельд бинтом, но после проверки Берия вновь принял его в кадры.

Адамович должен был провести инструктаж четырех агентов, направляемых за кордон, а Фишер – обучить их основам радиосвязи. У Адамовича был и комплект фотографий сотрудников разведки, действовавших в Варшаве, Данциге, Берлине и Кракове под прикрытием дипломатических структур, торгпредств, журналистской работы, с которыми агенты должны были войти контакт. И вдруг после прибытия на место Адамович исчез, о чем узнал нарком внутренних дел УССР Иван Серов. Он тут же доложил о ЧП Хрущеву, не информировав Берию.

И вот Судоплатов в кабинете Берии, разъяренного тем, что Судоплатов не отследил ситуацию с Адамовичем. Раздается звонок по ВЧ – из Киева звонит Хрущев. И Судоплатов имеет возможность слышать, как украинский первый секретарь начинает попрекать Берию за вмешательство-де в работу украинского

НКВД, во-первых, и за посылку на Украину «изменника» Адамовича, во-вторых. «По данным» Хрущева, он уже «перебежал к немцам».

В ответ на ругань Хрущева Берия мягко и вежливо отвечает, что рядом стоит майор ГБ Судоплатов, заместитель начальника разведки, и он все может объяснить. После этого передает трубку Судоплатову.

Хрущев, недослушав разъяснений насчет того, что Адамович-де компетентный работник, хорошо знающий Польшу, грубо

обрывает Судоплатова и заявляет, что сломает ему карьеру, если он будет упорствовать и «покрывать бандитов и негодяев». А потом бросает трубку. Это – любимый демократами автор будущей гнилой «оттепели».

Нелюбимый же ими «палач» Берия сухо и официально дает Судоплатову два дня на розыски Адамовича, предупреждая: «В случае невыполнения указания члена Политбюро вы будете нести всю ответственность…»

Начинается горячка чрезвычайного розыска, но и через два дня – пусто. И тут Судоплатов сделал то, с чего, пожалуй, надо было начать – позвонил Адамовичу на дом, жене… И жена, польщенная вниманием начальства мужа, поблагодарила за заботу и сообщила, что мужу уже легче… Он лежит дома два дня с сотрясением мозга, и к нему, спасибо, приезжали из поликлиники НКВД.

Итак, оказалось, что Адамович…

Нет, уважаемый читатель, я так просто не могу… Я прежде воспользуюсь советом инопланетянина-голована Щекна из романа Стругацких и попрошу: «Читай внимательно, понимай правильно, запоминай надолго…»

Оказалось, что Адамович… напился в вокзальном ресторане в Черновцах, ввязался в пьяную драку в туалете, получил сильнейший удар по голове, потерял конверт с фотографиями агентов (его потом обнаружили на вокзале сотрудники местного НКВД), сумел сесть в московский поезд и укатил домой, никому не сообщив о случившемся.

И вот Судоплатов опять в кабинете шефа.

«Докладывая Берии, – вспоминал он, – как обычно в конце дня, я сообщил, что Адамович… в Москве.

– Под арестом? – спросил Берия.

– Нет, – ответил я и начал объяснять ситуацию.

Мы были в кабинете одни. Он грубо оборвал меня, употребляя слова, которых я никак не ожидал услышать от члена Политбюро (Берия, вообще-то, был тогда еще кандидатом в члены. – *С.К.)*. Разъяренный, он описывал круги по своему огромному кабинету, выкрикивая ругательства в адрес меня и Адамовича, называя нас болванами, безответственными молокососами (а как их еще называть? – *С.К.),* компрометирующими НКВД в глазах партийного руководства.

– Почему вы молчите, – уставился он на меня, неожиданно прервав свою тираду.

Я ответил, что у меня страшная головная боль…»

В «демократическом» киносценарии о Берии после такого

ответа Судоплатова должна была бы следовать примерно следующая реплика Берии:

– Ах, у тебя голова болит? Да я тебе сейчас ее оторву вместе с х…, в окно выброшу и в лагерную пыль сотру…

В жизни же все было иначе:

«– Тогда немедленно, сейчас же, – бросил Берия, – отправляйтесь домой…

На следующее утро позвонил секретарь Берии. Он был предельно краток и деловит – нарком приказал оставаться дома три дня и лечиться, добавив, что хозяин посылает мне лимоны, полученные из Грузии».

Это, уважаемый читатель, не случайное барское благоволение, а норма – для Берии. Через много лет, стоя уже во главе Урановой проблемы, на просьбе ведущих теоретиков проекта Юлия Харитона и Якова Зельдовича об отпуске он, дополнительно к разрешающей визе, дает указание о том, чтобы их еще и хорошенько подлечили.

А Адамович? Его просто выгнали из органов, сплавив куда-то в Наркомат иностранных дел. Судоплатов как-то столкнулся с ним в начале 50-х на театральной премьере в Москве.

Берия был непримирим к врагам. Адамович же оказался просто прохвостом, и Берия от него всего лишь избавился. Это ведь был не Хрущев с его склонностью к самодурственной жестокости, настаивавший на расстрелах и тогда, когда Берия видел возможность смягчения приговора.

Берия действительно был предельно внимателен к тем, кто этого заслуживал. Когда в Мексике арестовали Меркадера, то Берия объявил Судоплатову, руководившему операцией по ликвидации Троцкого, что для защиты Меркадера не будут жалеть никаких средств, а адвокаты должны будут доказать, что произошедшее – результат внутренних троцкистских склок.

А ведь если бы Берия был тем «монстром», которым его выставляют негодяи, то решение было бы противоположным – убрать сделавшего свое дело Меркадера, а то вдруг он заговорит. Через два с лишним десятка лет самые демократичные демократы в самой демократической стране мира так, между прочим, и поступят вначале с якобы убийцей президента Кеннеди Ли Освальдом, а потом – с реальным убийцей Освальда – Джеком Руби. О Рамоне же Меркадере по указанию Берии, действовавшему и после его отхода от дел НКВД, заботились в тюрьме и далее.

А чтобы читатель лучше понял, как в деликатных случаях может стать роковой всего лишь оплошность, болтливость, я

сообщу, что личность Меркадера спецслужбы установили в 1946 году, после побега из Москвы на Запад одного из видных деятелей Компартии Испании. А тому о роли Рамона в казни Троцкого рассказала в эвакуации в Ташкенте мать Меркадера – Каридад. Она была убеждена, что ее знакомый все будет держать в секрете.

Но вот – не только не удержал, но сознательно и подло выдал. Так что недоверие, которое Берия нередко проявлял в делах разведки, имело под собой основания – иногда простая болтовня в таком деле может обернуться невольным преступлением даже против собственного сына.

Но Берия умел, как мы уже знаем, и верить. И те, кому он верил, как правило, его доверия были достойны. Оказался его достоин и Александр Коротков… В 1940 году он опять активно работал и в июле был отправлен в Германию в месячную командировку, которая затянулась почти на полгода. В декабре он опять возвращается в рейх, и на имя «легального» резидента НКВД в Берлине Амаяка Кобулова, заместителем которого назначался Коротков, ушло письмо:

«Основным его заданием на первое время согласно указаниям т. Павла будет работа с «Корсиканцем» и детальная разработка всех его связей…

Одновременно Вам следует использовать его как Вашего основного помощника по всем организационным и оперативным внутренним делам резидентуры…для активизации всей работы в вашей конторе…»

«Товарищем Павлом» был Берия.

И он действительно был старшим товарищем для тех своих сотрудников, кто готов был работать так, как он сам – живя порученным делом.

СТАНИСЛАВ Ваупшасов в своих воспоминаниях цитировал одного из любимых героев Хемингуэя: «Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал договор на весь срок». Ваупшасов был профессиональным чекистом. Берия – тоже. Но Ваупшасов всю жизнь так и делал одно свое чекистское дело, а у Берии их, крупных жизненных дел, каждое из которых можно было назвать главным, оказалось несколько. И чекистская линия в его жизни не стала единственной путеводной, хотя и здесь он успел очень много и как оперативный работник, и как организатор и реформатор советской спецслужбы.

Однако его главные успехи были зримыми в том смысле, что были достигнуты в открытых сферах жизни страны – в прямом ее социалистическом строительстве. Оно шло все более успешно,

причем строились не только заводы и фабрики, электростанции и новые города. Строился и новый человек.

В этом общегосударственном строительстве роль и значение Берии к 1941 году стали уже очень значимыми – вскоре он будет назначен еще и заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. И, принимая на себя все больший груз обязанностей, он работал не для умножения личного состояния, не для возможности получить редкие удовольствия, мало кому доступные, а работал во имя создания мощной державы, подвластной ее народам. И так же как он, работали тогда миллионы и миллионы его сограждан.

В 1935 году Аркадий Гайдар написал одно из самых светлых произведений мировой литературы – рассказ «Голубая чашка». А в 1938 году он же закончил киносценарий по своей повести 1934 года «Военная тайна» и приписал к нему несколько советов режиссеру-постановщику, где о главной героине Натке Шегаловой говорилось так:

«НАТКА ШЕГАЛОВА – только что выросла. Человек она умный. У нее чувство легкой иронии, и оно проявляется не только по отношению к другим (что встречается часто), но и к самой себе.

Она культурная советская девушка – такая, каких сейчас еще не так много, но зато через три-четыре года будет уйма».

1938 + 3…4 = 1941…1942.

Итак, в 1942 году перспективную ситуацию в стране должны были определять молодые парни и девушки, полностью сформированные новым строем. Это было поколение уже не первых энтузиастов, а поколение детей первых энтузиастов. На них и рассчитывал Сталин, как на опору незыблемого могущества Державы. Они смогли бы обеспечить в конце 1941 года альтернативные выборы и доломать «партократию», и они никому не позволили бы манипулировать их сознанием и ставить под сомнение их право быть хозяевами своей судьбы и своей страны.

В 1940 ГОДУ посетителей главного павильона Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, ВСХВ (предшественницы ВДНХ), встречала огромная надпись над входом в павильон:

«Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1941 году, идущую впереди просвещенного мира.

Виссарион Белинский, 1841 год».

Это была не совсем точная цитата, Белинский в 1840 году

писал так: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году – стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке, и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Но организаторам выставки вполне можно было простить некоторые неточности в целях краткости и большей устремленности в будущее. Относительно главного все было сказано точно: следующий, 1941 год мог вполне оправдать многие из надежд «неистового Виссариона», высказанных им сто лет назад.

Глава 14
Бутерброды для Туполева и жена для резидента

Страна развивалась бурно и уверенно. Все – кроме разве что предков нынешних «демократов», – вспоминая и через много лет тот последний мирный год, вздыхали: «Да, перед войной мы начали жить».

Один из героев повести «С фронтовым приветом», написанной прекрасным советским писателем Валентином Овечкиным в 1944 году, старшина Крапивка, вздыхал:

«– Эх… какая жизнь распрекрасная установилась у нас перед войной, да не ценили мы ее как следует. Подумать только: два с полтиной килограмм селедок стоил, бери, сколько хочешь, хоть бочонок. Астраханская, залом, в руку толщиной, спинка как у поросенка, сало из нее течет. А донская, высший сорт, четыре пятьдесят, в маринаде, с лавровым листиком? В какой магазин ни заглянешь, полки трещат от продуктов. Колбаса всяких сортов: любительская, чайная, варшавская, краковская, сосиски, сардельки, консервы, балыки, копчености. А выпивки – хоть залейся: от простой белой до тех ликеров включительно, в глиняных кувшинчиках, что как раскупоришь, так запах идет по всей комнате, будто духи разлили. Да дешево же все было! Три пятнадцать четвертушка белой стоила. Без карточек, без очереди».

И после этого вполне реалистичного описания Крапивка прибавлял:

«– А пирожки какие продавал у нас мясокомбинат, с печенкой, по тридцать пять копеек штука! А пельмени сибирские в замороженном виде – два пятьдесят килограмм!..»

Не везде, конечно, эта картина была перед войной наблюдаема, однако дела шли так, что еще одна мирная пятилетка, и Россия, страна преимущественно рискованного земледелия, решила бы продовольственную проблему. И при этом в России могли появиться уже не только отечественные радиоприемники, но и отечественные телевизоры – даром что первый изобретатель телевидения Зворыкин жил, увы, за океаном.

Подняв до неплохих высот промышленность группы «А», то есть – производство средств производства, страна теперь могла

сказать уже и «Б» – в смысле, развивать уже и эту группу производства товаров широкого потребления.

Многое поняли люди за это небывалое ранее в истории России десятилетие… И даже тот, кто еще три-четыре года назад имел те или иные перед Россией прегрешения, оглядываясь назад, пожимал плечами, вспоминая себя прошлого.

Написав это, я имею в виду и Андрея Николаевича Туполева…

21 ОКТЯБРЯ 1937 года он, ведущий советский авиаконструктор, хорошо известный Сталину, был арестован органами НКВД, тогда возглавлявшимися Ежовым.

В 1936 году только в кремлевском кабинете Сталина Туполев был три раза – 14 июля, 14 декабря и 31 декабря. Однако не прошло и года, как главного инженера и заместителя начальника Главного управления авиационной промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР Туполева «взяли». В стране и до его ареста, и после его ареста специалистов различных отраслей арестовывали и осуждали к различным срокам заключения (расстреливали инженеров и ученых редко, зато, как правило, они имели возможность и далее работать по специальности). Но случай с Туполевым оказался уникальным в том смысле, что были арестованы и несколько лет провели вместе с ним «в особых условиях» десятки его сотрудников.

Вокруг темы инженерных «шарашек» лжи – как «искренней», связанной с деформацией воспоминаний мемуаристов, так и злобно-злостной – нагорожено много. Даже, например, А. Топтыгин безосновательно утверждает, что интеллигенция-де у Сталина особым почетом не пользовалась, и он ее якобы терпел лишь потому, что без нее и пятилеток не выполнишь, и к войне не подготовишься. А Туполев, мол, здесь типичный пример.

Нет, не типичный, а, повторяю, уникальный. Но я коснусь этой истории постольку, поскольку она связана с именем Берии. Ведь если принять на веру официальную версию, Лаврентий Павлович выглядит не очень-то красиво: вроде бы и не «вурдалак», не «палач», но – вряд ли порядочный человек. Так что на истории с конструктором Туполевым надо остановиться…

27 декабря 1954 года он направляет письмо Хрущеву:

«Уважаемый Никита Сергеевич!

В соответствии с Вашим согласием оказать нам помощь в деле реабилитации, направляю Вам список работников моего конструкторского бюро, репрессированных органами НКВД в 1937–1938 годах и освобожденных досрочно, со снятием судимости, постановлениями Президиума Верховного Совета Союза ССР.

Приложение: список на 9 листах, мб № 4552.
Туполев».

А 23 февраля (надо же!) 1955 года заведующий административным отделом ЦК Дедов, первый заместитель Генерального прокурора СССР Баранов и председатель КГБ при Совете Министров СССР Серов в докладной записке сообщали секретарю ЦК КПСС товарищу Н.С. Хрущеву:

«Туполев и другие видные работники авиационной промышленности были арестованы НКВД СССР в 1937–1938 гг. Конкретных материалов для обвинения в распоряжении НКВД не имелось, и все следствие строилось лишь на показаниях арестованных, оговоривших друг друга.

От Туполева, например, были получены показания, что он из числа сотрудников ЦАГИ создал антисоветскую группу, участники которой… якобы занимались саботажем… и вредительски сконструировали почти все самолеты.

Вскоре после ареста Туполева были также арестованы все ведущие работники ЦАГИ – Мясищев, Петляков, Некрасов и другие. Все эти лица на допросах показали, что они будто бы занимались организованной антисоветской деятельностью. В последующем большинство… отказалось от ранее данных показаний, как от вымышленных…

В 1938 году все эти лица, не будучи осужденными, были направлены на работу в Особое техническое бюро при НКВД СССР… С приходом в НКВД Берия, он для того, чтобы создать видимость использования специалистов для пользы дела, добился обманным путем перед инстанцией (то есть Сталиным. – *С.К.) осуждения 307 авиаспециалистов заочно на разные сроки, указав, что «рассмотрение этих дел нецелесообразно, т. к. это оторвет специалистов от их работы и сорвет план работы Особого технического бюро»…*

Приведя эти явно надуманные и совершенно несостоятельные доводы, Берия вместе с тем лживо утверждал, что вина арестованных специалистов в совершении государственных преступлений якобы доказана, и отмечал, что вызов… в судебное заседание ничего не даст, так как они длительное время находились во взаимном общении и договорились о характере показаний, которые следует давать…

В мае 1940 года Военная Коллегия Верховного Суда заочно рассмотрела дела на арестованных специалистов и определила им меры наказания…»

Ну, а далее сообщалось, что *«следственные материалы были*

сфальсифицированы в результате применения… мер физического воздействия».

Итак, что – документы поймали-таки Берию на неблаговидном факте?! Выходит, ошибался автор, так уж положительно аттестуя Лаврентия Павловича? И он, выходит, не без греха, и он способен на подлость, да еще и какую, да еще и по отношению к каким людям!

Однако не так все просто, уважаемый читатель!

ТУПОЛЕВ был арестован 21 октября 1937 года и уже с начала 1938 года возглавил Центральное конструкторское бюро № 29 НКВД СССР. То есть уже к весне, по крайней мере, 1938 года работоспособный коллектив имелся. А аресты продолжались и продолжались. Заместитель главного конструктора Д.С.Марков был арестован 6 ноября 1938 года! Тогда ЦКБ-29 работало уже вовсю, уже и самолеты на летные испытания направлялись! Так зачем было арестовывать Маркова? Он ведь и до ареста, и после ареста занимался тем же самым – работал у Туполева?!

Но если мы посмотрим на хронологию арестов, то кое-что начинает проясняться.

21 октября 1937 года арестован Туполев. 27 октября – В.М. Петляков, 1 ноября – заместитель главного конструктора Г.А. Озеров, 2 декабря – академик Б.С. Стечкин, 10 января 1938 года – академик-консультант А.И. Некрасов и заместитель главного конструктора Черемухин, 12 января – заместитель главного конструктора В.М. Мясищев и т. д.

Эта череда разделенных иногда днями, иногда – неделями арестов говорит не о взаимных оговорах, а о постепенных, вынужденных признаниях не в результате физического воздействия (его, как метода получения показаний, не было), а в результате следствия, очных ставок и т. п. Те, кто вел следствие по делу Туполева, уже через десятилетия отмечали, между прочим, что подследственный это был тяжелый: подпишет протокол, а назавтра от показаний откажется. Это, вообще-то, называется «запутывать следствие». Но никто никогда не называет чьи-то фамилии наобум – всегда за этим что-то стоит. А если все же наобум – лишь бы «не били», так тогда какая разница, сколько оговаривать! Их, этих фамилий, в памяти каждого арестованного были десятки. А арестовали на все про все 51 человека, включая самого Туполева. Да и то – не в одночасье.

Откуда я знаю точное число арестованных? А из письма Туполева Хрущеву, в приложении к которому на 9 листах были приведены данные на 51 (пятьдесят одного) работника.

Кто-то может заметить: арестовывали в 1937-м, Туполев же

письмо написал в 1954 году. За это время многие могли просто умереть. Но, во-первых, не так же массово все поумирали? А во-вторых, такое объяснение не проходит! В списке-заявке Туполева на реабилитацию сотрудников имеется, например, Владимир

Михайлович Петляков. Однако он трагически погиб в авиационной катастрофе в 1942 году. Но его включить в список 51 сотрудника не забыли.

Итак, номенклатурная хрущевская троица солгала. Не триста семь человек было задержано НКВД, а пятьдесят один. Причем почти всех арестовали до появления Берии на Лубянке, и лишь осуждала их Военная коллегия Верховного Суда уже при Берии. Высокое партбюрократическое «трио», правда, утверждает, что все равно – из-за козней Берии. Но почему же Военнная коллегия осуждала «невинных» отнюдь не «чохом»! Ведь если за этим стоял Берия и все было ясно, то взяли бы да и спроворили все приговоры в день-два. Осуждали-то заочно, без вызова обвиняемых в судебное заседание…

А приговоры иногда разделены временем чуть ли не в год, и пункты 58-й статьи не у всех осужденных одинаковы. Так, заместитель главного конструктора Марков был осужден 14 мая 1939 года к 15 годам.

Замы главного конструктора Озеров и Черемухин – 29 мая 1939 года к 10 годам.

Зам. главного конструктора Базенков – 28 мая 1940 года к 5 годам. А зам главного конструктора Минкнер и академик Стечкин осуждены через три дня после него, 31 мая; первый к 5 годам, второй – к 10 годам.

Замы главного конструктора Мясищев и Петляков были осуждены к 10 годам 29 мая 1940 года в один день с самим Туполевым, получившим 15 лет.

Нет, лгут «хрущевцы». Лгут и вот еще почему… Что значило создать современный самолет даже до 1938 года? Это значило только на проектирование затратить:

Истребителя	— 90...100 тысяч человеко-часов;
Штурмовика	— 100 тысяч человеко-часов;
Бомбардировщика:	
двухмоторного скоростного	— 220 тысяч человеко-часов;
двухмоторного дальнего	— 320 тысяч человеко-часов;
четырехмоторного	— 470 тысяч человеко-часов;
Летающей лодки	
двухмоторной	— 320 тысяч человеко-часов.

А постройка двух с половиной (половинку ломают на статическом стенде, чтобы проверить прочность конструкции) экземпляров опытного, например, четырехмоторного бомбардировщика – это и вовсе полтора миллиона человеко-часов.

К тому же самолет не существует без двигателя. И, по логике записки «хрущевцев», в придачу к арестованным самолетчикам надо было арестовать ведущих двигателистов страны. То есть если бы Берия, придя в НКВД, действительно имел широкие планы двинуть вперед нашу авиацию усилиями «рабского труда» ее создателей, то ему надо было бы выдумать десяток антисоветских организаций и упечь за решетку тысячи человек из КБ разного профиля.

Они, собственно, в различных КБ и работали, включая чертежниц, без которых тогда качественных чертежей не было (они начисто вычерчивались чертежницами на кальке). Но работали разработчики самолетов в обычном режиме. И *лишь часть* их руководителей временно и за реальные прегрешения пребывала в режиме *особом*. Скажем, Туполев после 21 октября 1937 года в кабинете Сталина появился не скоро… А как там было с его ближайшим многолетним соратником Александром Александровичем Архангельским, который во многом и есть «АНТ» (аббревиатура из инициалов Туполева, долгое время служившая названием самолетов разработки его КБ)? Что ж, Архангельский в сталинском кабинете появлялся и после 21 октября 1937 года – на встречах Сталина с авиаконструкторами в июне 1939 года, в июне 1940 года. А уж кому как не Александру Александровичу было бы положено «сидеть» рядом с Туполевым, если бы Берия и впрямь лелеял коварные «авиационные» планы?

Архангельский, впрочем, и сидел. Но за столом рабочих совещаний, в рамках своего привычного рабочего дня. А потом уезжал домой.

Но и это не все!

Все осужденные работали не кайлом на Колыме, а карандашами за кульманами на верхнем этаже московского здания по улице Радио. Однако Туполева и многих других освободили (не реабилитировав) только после начала войны – постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1941 года. Хотя приговоры были на 10 лет, на 15. Правда, и те, кто приговаривал, и те, кого приговаривали, наверняка знали, что никто такие сроки в заключении не останется.

Кто-то скажет: «Ага, когда приперло, так сразу и освободили!» Но дело даже не в том, что, освободив, судимость

ни с кого не сняли. Дело в том, что Мясищева и Петлякова освободили намного раньше Туполева, и освободили до начала войны – 25 июля 1940 года. Тоже – по постановлению Президиума ВС!

29 мая 1940 года, не отрывая от руководства разработкой новых самолетов, Петлякову и Мясищеву впаяли по 10 лет, а через ***два месяца*** уже освободили! Вот-те и «интриган» Берия! И ведь ходатайствовал о них перед Верховным Советом именно он, нарком внутренних дел!

Сам, выходит, расстарался засадить конструкторов за решетку, а потом сам же и…

Странно как-то…

Но и это не все!

Туполев всегда отличался, как лидер, эгоцентризмом – одно время он подмял под себя целые самобытные конструкторские коллективы. Конечно, это можно объяснить и благопристойно, красиво – мол, патриарх воспитал плеяду и т. д. Но что-то уж очень долго он не выпускал давно оперившихся учеников в самостоятельный полет. И только арест Туполева сразу же привел к появлению ряда самостоятельных КБ, которые тут же начали работать более чем успешно и зрело.

Так, знаменитый «АНТ-25» (по «Андрей Николаевич Туполев») на самом деле должен был бы называться ПОС – по имени фактического руководителя разработки Павла Осиповича Сухого. И в 1938 году организуется его отдельное КБ. И тут же дает отличный ближний бомбардировщик «Иванов», штурмовики «Су-2» и «Су-6». За последний самолет Сухой в 1943 году получил Сталинскую премию I степени.

А самолет «АНТ-42» – это разработка Петлякова, он потом и назывался «Пе-8». Первый его «полномасштабный» полет состоялся 11 августа 1937 года, а первый полет дублера – в июле 1938 года. И как раз в «заключении» Петляков, фактически, обрел свободу для самостоятельной работы. Именно там он начал свой выдающийся бомбардировщик «Пе-2», который в конце 1940 года уже начал выпускаться серийно.

Торпедоносец «АНТ-41» – это, вообще-то, Владимир Михайлович Мясищев. В 1938 году он тоже стал главным конструктором самостоятельного КБ и сразу дал проект первого в мире дальнего высотного бомбардировщика «ДВБ-102» с герметичной кабиной и дистанционно управляемым вооружением. За создание этого пионерского самолета Мясищев в 1942 году получил благодарность Верховного Главнокомандующего Сталина, а КБ – Сталинскую премию.

Да ведь и сам Туполев в «заключении» прибавил темп. Весной

1940 года он получил задание на проектирование будущего «Ту-2», а в январе 1941 года его уже испытали.

Нет, никого специально Берия по надуманным обвинениям в узилище не отправлял. Но коль уж в его ведомстве велась и такая работа (начатая в НКВД до Берии), то он и ее организовывал так, что все убыстрялось не силой страха, а в результате оптимального управления и создания нужных для работы условий.

Непросто было разобраться мне с этими обвинениями в адрес Лаврентия Павловича, уважаемый мой читатель! Это как к густому лесу подходить… Издали – сплошная стена. Подошел поближе – начинаешь различать отдельные деревья, просветы… А там, смотришь, и тропинка обозначилась, можно идти дальше.

Да и нужно! Ведь когда-то же мы должны разобраться с собственной своей историей без дураков – раз и навсегда. Имя того же Туполева для меня с детства было священным. И останется – несмотря на все его реальные грехи и пороки – ***уважаемым.*** Он был очень крупной профессиональной и человеческой величиной.

Однако нельзя реальную грязь с виновных переносить на невинных (я имею в виду Берию). Так виновных не отмыть. Отмывает лишь правда.

Туполев отнюдь не был тогда убежденным сторонником Советской власти, он был скорее попутчиком, а в чем-то – ***тогда***, и антисоветчиком. И в какой-то момент он «не туда» потянул за собой людей помоложе. Ведь даже хрущевцы в своей записке признали, что «в последующем отказалось от ранее данных показаний, как от вымышленных» лишь «большинство». Не все, выходит, отказались?! Значит, был грех?.. Скажем, академиков Некрасова и Стечкина окончательно освободили лишь 27 февраля 1943 года.

Но как только Берия увидел, что молодые Мясищев и Петляков, работающие увлеченно в условиях заключения, смогут работать еще лучше без опеки НКВД (да и без «опеки» Туполева), он сразу же сам настоял на их освобождении. Однако Хрущеву и хрущевцам надо было создавать из Берии «монстра»… И лживая записка Дедова – Баранова – Серова как раз на эту цель работала.

Но и это еще не все!

В записке этой троицы Хрущеву утверждалось:

«Проверкой… установлено, что многие сконструированные Туполевым и другими работниками ЦАГИ самолеты, о которых следствие добилось показаний, как о сделанных вредительски, изготовлялись в серийном производстве и в свое время считались первоклассными (ТБ-3, С Б и др.)…»

Довод о невиновности Туполева на основании того, что его самолеты изготавливались серийно, – это, вообще-то, для дефективных. Тонкий саботаж на то и тонкий саботаж, чтобы все выглядело внешне нормально. Что же до якобы первоклассности…

Когда-то и самолет братьев Райт выглядел первоклассно.

Но вот классика – «История конструкций самолетов в СССР до 1938 г.» Вадима Борисовича Шаврова:

«Этот самолет («ТБ-3». – *С.К.)*… принадлежит к числу наиболее выдающихся не только для своего времени… Он был первым в мире четырехмоторным свободнонесущим монопланом-бомбардировщиком с двигателями, установленными в ряд по размаху в носке крыла…

Для 1930–1931 года самолет ТБ-3 являлся большим шагом вперед и стоял на высоте технического совершенства…»

Для 1931-го – несомненно! А для 1941-го?

Немцы уже в 1935 году имели проекты «Юнкерса-88», «Хейнкеля-111», англичане – «Ланкастера»… Американцы в эти же годы разработали и концепцию «летающей крепости», и первый «Боинг-17». А Туполев тянул и тянул «волынку» с тихоходными модификациями «ТБ-3». И к началу Великой Отечественной войны «ТБ-3» не просто устарел, а именно что ***преступно*** устарел. При всех рекордах, установленных на самолетах Туполева в 30-е годы, мы в 1941 году имели лишь один массовый дальний бомбардировщик – «ДБ-3ф» Ильюшина («Ил-4»). Плюс выдающийся, но очень дорогой «Пе-8» Петлякова и массовый фронтовой бомбардировщик «Пе-2» Петлякова же.

Факт есть факт! Самолеты известных уже в тридцатые годы немецких конструкторов Вилли Мессершмитта, Гуго Юнкерса (умершего в 1936 году на семьдесят седьмом году жизни), Эрнста Генриха Хейнкеля (ровесника Туполева, между прочим), а также самолеты фирмы «Фокке-Вульф» успешно воевали всю войну, а задуманы были в середине тридцатых.

«Лично» же туполевский самолет воевал лишь один – «Ту-2». И его разработка была начата Туполевым, когда он поневоле стал главным конструктором ЦКБ-29 НКВД.

Объективно техническая и организационная политика Туполева была если и не вредительской, то – на грани этого. Он ведь был главной идеологической фигурой в советском самолетостроении с 1930 года!

Главный конструктор Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), начальник Отдела авиации, гидроавиации, опытного строительства (АГОС) ЦАГИ…

Заместитель начальника Центрального конструкторского бюро (ЦКБ) ЦАГИ…

Заместитель начальника ЦАГИ, начальник Конструкторского отдела сектора опытного строительства (КОСОС) ЦАГИ…

И наконец, главный инженер и заместитель начальника Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома СССР.

Вот должности Туполева с 1930 года по 1937 год.

А итоги деятельности на этих должностях? Что ж, я процитирую авиаконструктора Александра Яковлева:

«Если провести сравнение основных типов советских самолетов, находившихся в серийном производстве… в 1939 году, с такими же немецкими, то это сравнение будет не в нашу пользу.

Истребители МиГ, Як, ЛАГГ… появились в опытных образцах лишь в 1940 году.

Сравнение бомбардировщиков СБ (туполевских. – *С.К.)* с Ю-88 также не в нашу пользу…

Советский пикирующий бомбардировщик Пе-2 появился у нас… только в 1940 году.

Самолета взаимодействия с сухопутными войсками, подобного немецкому пикирующему бомбардировщику «Юнкере-87»… вовсе не было…»

Это были результаты не только удушающей монополии Туполева, но и, между прочим, преступной военно-технической политики замнаркома обороны по вооружениям Тухачевского. И чтобы встретить войну на новой технике, понадобились огромные и срочные организационные усилия многих, и прежде всего – Сталина. В 1940 году по авиационным вопросам было принято более 300 решений и постановлений. В 1941 году – 488.

Но именно с 1938 года начался бурный подъем советской авиации, и она быстро приобрела вполне современный вид. Недаром первая книга классика истории авиации Шаврова (создателя серийной амфибии Ш-2) называется «История конструкций самолетов в СССР до 1938 г.», а вторая – «История конструкций самолетов в СССР. 1938–1950 гг.».

Для «демократов» 1938 год – это год репрессий. Для советской авиации – год начала ее обновления.

А то, что часть ее создателей оказалась в том году в условиях «особого режима» и жила «на казарменном положении», под охраной, виной Берии не было. Ведь я, уважаемый мой читатель, еще не все сказал относительно лжи хрущевцев… Все они прекрасно знали без всяких записок 1955 года… На антибериевском Пленуме ЦК, когда о Берии каких только гадостей не говорили, Молотов сказал:

«Известны и такие бывшие вредители, которые дали нам хорошие конструкции самолетов и в последующем настолько решительно отказались от своего антисоветского прошлого, что превратились в крупных деятелей нашей промышленности, как передовые инженеры-конструкторы…»

Кто-то возразит, что это, может быть, не о Туполеве конкретно!

Но, во-первых, о Туполеве, потому что в примечаниях к стенограмме сказано, что имеются в виду, в том числе, «А. Туполев, В. Петляков, В. Мясищев и др.».

Во-вторых же, я привел часть ***исправленной*** стенограммы выступления Молотова, взятой из сборника «Лаврентий Берия» издания Фонда А. Яковлева. Но там же приведена и ***неправленая*** стенограмма, и в действительности Молотов сказал (при Хрущеве, естественно) следующее:

«Туполев посидел вредителем, а теперь самолеты нам делает. Когда увидел, как дело обстоит, что надо работать на эту власть, то стал работать, и дай бог ему здоровья, пусть себе работает.

Он теперь уже не тот человек, новый человек…»

Вот так! С высокой трибуны Туполев прямо был назван вредителем! Бывшим… И никто Молотову не возразил – чего уж мы тут, Вячеслав Михалыч, на Андрея-свет Николаича бериевскую-то напраслину возводим… Это же все Берия, Берия, Берия…

Ведь в зале заседаний уже не было Лаврентия Павловича, который мог бы доказательно подтвердить правоту Вячеслава Михайловича.

Но когда Берия входил в высшее руководство государства, он не тиранил арестованных ***до него*** конструкторов, а, напротив, постарался сделать «особый режим» для них максимально рабочим. И я, заканчивая с Туполевым, кое-что об этом скажу… А точнее, приведу воспоминания аэродинамика из ЦАГИ Аполлинария Константиновича Мартынова.

Однажды его вызвал и.о. начальника ЦАГИ Поцепкин, сообщил, что назавтра Мартынов должен будет посетить группу Туполева для консультаций, и прибавил: «Вы там увидите ваших бывших друзей и знакомых. Не беспокойтесь и не волнуйтесь. Разговор будет строго деловой, и никаких других тем затронуто не будет».

Разговор был в московском здании ЦАГИ на улице Радио, и Мартынову ***даже из-под крыши не пришлось выходить*** – он просто поднялся на пятый этаж…

«Меня провели в большую комнату, – вспоминал Мартынов, – и представили майору Кутепову… который, видимо, и был

начальником группы.

Он вел себя весьма вежливо и предупредительно. Мне было сказано, что проектируется пикирующий бомбардировщик (будущий «Ту-2». – *С.К.),* работы находятся в стадии изысканий… Первая консультация с моим участием состоится немедленно… И действительно, скоро в комнату вошли Туполев, Озеров, Соколов, Стерлин, Изаксон и еще двое незнакомых мне лиц… Я испытывал сильное волнение. Ведь передо мной находились мой учитель и ряд товарищей, с которыми я работал много лет, и все они, как уверял нас с трибуны нарком М.М. Каганович (брат Л.М. Кагановича. – *С.К.),* были государственными преступниками. Все они сильно изменились, особенно Озеров, который из толстяка превратился в худощавого мужчину. Исключение составлял А.Н. Туполев, который остался таким, каким мы его всегда знали… Если все казались несколько подавленными, то Туполев вел себя так, как будто ничего не изменилось, похохатывал в своей обычной манере и держался довольно фамильярно по отношению к офицерам…»

Контакты стали регулярными, а тем временем ЦАГИ перебазировался в поселок Стаханово (будущий город Жуковский), где был ударными темпами построен мощный исследовательский комплекс. И теперь уже Туполев приезжал туда. Мартынов пишет об этом так:

«В назначенный срок к дверям лаборатории подъехал автомобиль, из которого вышли А.Н. Туполев и два офицера, одним из них был Кутепов. Они проследовали в мой кабинет на первом этаже. На столе было уже все подготовлено: графики… и расчеты… Но вот часы показали три. Андрей Николаевич отложил графики и с веселым смехом сказал: «Стоп! У меня заболела голова, и больше я работать не могу. Привык к регулярному питанию. Раньше, бывало, до двух часов ночи не ешь, и ничего, а теперь уже не могу. Давайте есть».

Я сказал, что, к сожалению, могу предложить ему только чай с сахаром, и сейчас же распорядился приготовить чай. Но один из сопровождающих Туполева офицеров встал и, ничего не говоря, вышел из кабинета. Он отсутствовал минут пятнадцать-двадцать и вошел в кабинет с кульками, содержащими провизию: хлеб, масло, колбасу и еще что-то. Был организован чай с бутербродами, и Андрей Николаевич с аппетитом поел. «Ну, вот, теперь давайте продолжим работу», – сказал Туполев, и мы вернулись к нашим графикам».

А вот как описывает Туполева тех дней новый нарком авиационной промышленности Шахурин:

«…приезжает Андрей Николаевич Туполев, энергично входит в кабинет, и во всем его облике – неиссякаемый оптимизм и сила… Андрей Николаевич заходил ко мне так, словно он только что приехал в наркомат из дома после обеда. Одет просто: в толстовке из сурового материала. Начинается разговор, и он тотчас пошутит, рассмеется…

Я наблюдал его и на аэродроме. Он вел себя там как хозяин, как настоящий главный конструктор…»

Таков истинный портрет «жертвы интриг Берии». И я потому так подробно остановился на истории с «бутербродами для Туполева», что мы ведь, уважаемый читатель, время от времени как бы ведем расследование. А любое расследование – это факты, непрерывно сопоставляемые с другими фактами и постоянно осмысляемые и переосмысляемые в свете новых и новых фактов и (или) логических доводов.

Дедов, Баранов и Серов вкупе с теми, кто готовил им записку для Хрущева, фактически возвели на Берию поклеп. И для того чтобы это понять, надо было затратить определенные усилия. Мне – для добывания и анализа фактов, а тебе, уважаемый читатель, – для их усвоения и уже собственного анализа.

Я ведь и еще кое-что могу сказать, напомнив, что Сталин вначале «сватал» на НКВД Чкалова. Валериан Павлович органически не мог стать двоедушным, лицемерящим. И если бы в

НКВД Ежова действительно творились средневековые кровавые действа, в том числе и по отношению к авиаконструктору Туполеву, могла бы прийти Сталину в голову идея вовлечь великого летчика с его непоспредственной, открытой натурой в «мрачные тайны застенков Лубянки»? Воля твоя, уважаемый читатель, но взвешенный ответ здесь может быть один: «Нет!»

Теперь же, разобравшись, надеюсь, с «авиационными» инсинуациями против Берии, можно двинуться дальше – к новым фактам и к новому их анализу.

УЖЕ ИЗВЕСТНЫЙ нам Виталий Павлов в своих постперестроечных мемуарах 1996 года написал:

«К началу 1941 года внешняя разведка сумела в значительной мере оправиться от страшных ударов, нанесенных ей ежовско-бериевской чисткой».

Если учесть, что с 25 ноября 1938 года Берия был наркомом и все существенные процессы в НКВД (кроме, разве что,

деятельности Отдела актов гражданского состояния и Управления пожарной охраны) проходили под его контролем, это заявление Павлова выглядит бесподобно!

Ведь внешняя разведка оправлялась «от страшных ударов, нанесенных ей бериевской чисткой», под руководством самого Берии! Не так ли, уважаемый читатель?

Опять же Павлов пишет, что «чистки»-де центрального аппарата НКВД, «особенно его зарубежных структур, проводившиеся в 1937–1939 годах наркомами Ежовым и Берией», привели к тому, что «в ИНО из примерно 100 сотрудников осталось всего два десятка. Некоторые направления работы были совершенно оголены».

Сказать так – это сказать примерно следующее: «Россия в период правления Софьи и Петра Великого вошла в число ведущих европейских держав».

Но если даже средний ученик средней школы знает, что Софья и Петр – это, как говорят в Одессе – две большие разницы, то валить в одну кучу Ежова и Берию не запрещается, оказывается, даже генералам КГБ.

Я не говорю уже о том, что подавляющее большинство репрессий в зарубежных нелегальных и легальных структурах ИНО НКВД приходится на эпоху Ежова. Берия же, напротив, и здесь провел частичный обратный процесс. Но нельзя же забывать и о сотне нелегалов, «сданных» Кривицким.

Бритты и янки ведь не сообщили на Лубянку – кого он им «засветил», а кого – нет. А резиденты Рейсс-Порецкий и Орлов-Фельдбинг? Их ведь агентура, их коллеги-резиденты, связники – это ведь тоже автоматически попадало под подозрение. Если бы было иначе, Берия и Меркулов были бы просто болванами.

А они ими не были.

Между прочим, в напрочь «демократических» США издавна существует понятие «security risk». «Security» – это «безопасность, уверенность, охранение, гарантия, ценные бумаги…». Ну а «risk», он и в Африке риск.

Кризис в разведке был спровоцирован не Берией – кризис ему достался уже сформировавшимся. И формировал его не столько Ежов, сколько Кривицкий, Рейсс, Фельдбинг (а ведь был еще и такой, например, крупный предатель, как оставленный мной за рамками рассказа комиссар ГБ 3-го ранга, протеже Ягоды, Генрих Люшков, бежавший к японцам 13 июня 1938 года). Причем масштабы и последствия этого кризиса раздуваются именно с целью свалить все на Берию.

Но вот свидетельство выдающегося советского разведчика болгарина Ивана Винарова. Оно взято мной из его книги «Бойцы

тихого фронта», изданной на русском языке в Болгарии в 1987 году.

«С падением республики (Испанской. – *С.К.) наша работа в Париже, естественно, прекратилась. В начале 1939 года мы с Галиной собрали свои чемоданы в дорогу. Петр Григоров* (коллега Винарова по резидентуре. – *С.К.) уехал с важными поручениями в США. Но в целом группа оставалась. Остались глубоко законспирированные наши сотрудники во Франции, Италии, Германии, Португалии, Испании. Войдя в новую оперативную организацию, в годы войны они самоотверженно сражались против «нового порядка»…»*

Винаров, правда, был разведчиком Разведупра РККА. Но ведь и это была советская разведка! Сохранялись зарубежные кадры Разведупра, сохранялись, несмотря на ряд предательств, и кадры разведки НКВД. Не говоря уже о той Особой группе, которая была в ведении непосредственно наркома.

Виталий же Павлов сообщает, что много позднее смерти Сталина и «разоблачения» (н-да!), как он пишет, Берии ему в архивах попался отчет о работе внешней разведки за период с 1939-го по апрель 1941 года, где он прочел следующее:

«…к началу 1939 года в результате разоблачения (вот тут это слово к месту. – *С.К.)* вражеского руководства в то время иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство их затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке».

Во-первых, на деле все было далеко не так безрадостно для разведывательной деятельности НКВД. А во-вторых, пардон, – а как же иначе?

Это Виталий Павлов и его коллеги оказались настолько, если уж говорить прямо, непрофессиональными лопухами, что позволили предателям и прийти к власти в Советском Союзе, и развалить его. Берия же его строил и укреплял.

Укрепил он и внешнюю разведку. Но перед этим он ее ***проверил.*** Увы, как саму историю процесса проверки, так и мотивы Берии (вначале как начальника ГУГБ, а затем – уже и как полновластного наркома) обычно искажаются в целях придания и этим действиям Берии негативного смысла. Хотя со стороны Берии здесь все было логичным.

Вспомним хотя бы разведчиков Александра Короткова, Павла Судоплатова… Последний, к слову, не был отозван для проверки и вернулся в Москву в плановом, так сказать, порядке. Однако проверяли и его.

Напомню, что в начале ноября 1938 года Судоплатов был назначен исполняющим обязанности начальника ИНО ГУГБ. Был он «и.о.» три недели, потом его сменил Деканозов, а того – 13 мая 1939 года – Павел Фитин. Виталий Павлов, описывая совещание у Берии, когда состоялось назначение Фитина, все переврал, сообщив, что Фитин-де был назначен «вместо арестованного Пассова». Он, правда, оговаривается, что сам на совещании не был и ход его знает со слов своего товарища Рогатнева (впоследствии – талантливого чекиста). Но порядок-то смены собственных начальников Павлов должен знать? Однако так, как он все описал, «имидж» Берии выглядит вполне определенно: хам, унижающий недоверием заслуженных людей.

Не самым достойным образом описывает ситуацию и Судоплатов. Впрочем, возможно, он не все и понял – он был боевик, разведчик, однако контрразведчик из него вряд ли получился бы. Я это говорю ему не в осуждение, просто у боевиков-оперативников другая психология. Судоплатов пишет:

«Берия в беседе с каждым сотрудником… пытался выведать, не является ли он двойным агентом, и говорил, что под подозрением сейчас находятся все».

Так он ведь говорил это людям прямо! Он тактично – насколько это было возможно – давал понять разведчикам, что обижаться не надо, что подозревают не лично его, что это – временно. Если, конечно, разведчик чист.

В итоге при наркоме Берии несправедливо репрессированных разведчиков, считай, и не было! Говорю «считай», потому что разведка – дело, увы, тонкое.

Берия поступал, вообще-то, очень человечно. Жаль, что этого не понял ни сам Судоплатов, ни его жена, красавица еврейка Эмма, назвавшая Берию «князем Шадиманом» по имени коварного героя только появившегося тогда романа Анны Антоновской «Великий Моурави». К тому же «рассмотреть подозрительные связи» Судоплатова публично предложил на партийном собрании ГУГБ осенью 1938 года его сослуживец еще по Харькову армянин Гукасов. Причем они, эти связи, если судить по свидетельствам самого Судоплатова, и впрямь иногда были «того»…

Через три года Гукасов героически повел себя в берлинском нашем посольстве после начала войны. Затеяв жестокую драку с гестаповцами, он был сильно избит, но шифровальщица успела за это время сжечь кодовые книги. Так что Гукасов не был подлецом.

Но напереживался Судоплатов вволю. После обвинений, высказанных Гукасовым и прочими, партбюро приняло решение исключить Судоплатова из партии, а утвердить это решение

должно было общее партийное собрание ГУГБ в январе 1939 года.

Такая деталь: решение по Судоплатову партбюро, на заседании которого присутствовал, как минимум, новый начальник ГУГБ Меркулов, а возможно, и сам нарком Берия, было принято при одном воздержавшемся. Заместитель начальника ИНО Деканозова – Павел Фитин заявил, что он, как человек новый, Судоплатова не знает и судить о нем не может. Судоплатов оценивает такое поведение как честное и порядочное. Но ведь так его оценил и Берия: вскоре именно Фитин получил повышение и был назначен начальником ИНО.

Партсобрание же ГУГБ отложили. Похоже, что Берия, став наркомом, уже кое в чем разобрался, но еще – не во всем. И до окончания всех проверок решил атмосферу не накалять. Он ведь был умницей!

Но вот через несколько месяцев проверка Судоплатова закончилась и произошло следующее, самим Судоплатовым и описанное:

«Берия неожиданно вызвал меня к себе и предложил сопровождать его на футбольный матч на стадионе «Динамо». Никаких объяснений он не дал – это был приказ. Играли «Спартак», команда профсоюзов, и «Динамо», команда НКВД. В те годы каждая встреча этих команд была сама по себе событием. Поначалу я решил, что Берия хочет, чтобы я присутствовал во время его беседы с агентом в ресторане… Когда мы приехали на стадион и вышли из машины, я следовал за Берией на почтительном расстоянии, поскольку к нему сразу подошли Кобулов, Цанава, Масленников и другие замы, тут же окружившие своего шефа. Обернувшись, он, однако, сделал мне знак подойти поближе и идти рядом – так я очутился в правительственной ложе. Берия представил меня Маленкову и другим партийным и государственным руководителям… Сам факт моего присутствия на правительственной трибуне дал понять Круглову, Серову, Цанаве и другим, что пора прекратить распространять слухи о моих подозрительных контактах, связях и о каких-то компрометирующих меня материалах, имевшихся в следственной части. Они должны были убедиться, что отныне я отношусь к разряду доверенных людей в глазах руководства страны…».

И опять Судоплатов не оценил поступка Берии по достоинству даже через много лет.

А ведь Берия:

а) не затевая ни с кем официальных словесных объяснений, наглядно и предметно показал одновременно всем, кому надо, что Судоплатову отныне доверяет;

б) эффективно устранил на будущее все возможные

недоразумения на сей счет;

в) опять-таки без словесных излияний, поставивших бы в неловкое положение прежде всего Судоплатова, показал ему, что все его проблемы позади.

И ведь сделал это, пригласив боевика-террориста Судоплатова, не забудем, – в правительственную ложу!

А почему бы и нет? Проверка закончена, Берия убедился, что Судоплатов доверия достоин. Так почему бы не показать это всем и эффектно, и эффективно (даже с точки зрения экономии времени на соответствующие разговоры!).

Не знаю, как читатель, а лично я восхищен умом, тактом и тонкостью Лаврентия Павловича. Это, уверяю всех, одним лишь трезвым опытом не дается. Для того чтобы так разрешить щекотливую ситуацию, надо самому иметь ранимую и гордую душу. Ну и конечно, огромный психологический опыт.

НО ВОТ генерал КГБ Виталий Павлов для Берии добрых слов не нашел, описывая и по личным впечатлениям, и по рассказу Рогатнева (во время войны героически, впрочем, погибшего), «как тронутых сединами заслуженных разведчиков Берия нарочито небрежно распихивал по разным подразделениям». Короче, по Павлову, Берия – несомненно, хам, да еще и непрофессионал.

Но, скажем, «небрежно распихнутый» Василий Михайлович Зарубин (ему в день совещания на сорок пятом году жизни до седин было далековато) в 1941 году уехал резидентом в США, стал генерал-майором. Умер в 1972 году, не дожив до восьмидесяти два года.

А чуть позднее я остановлюсь на другом успешно действовавшем в США резиденте – Исхаке Ахмерове, тоже Берией якобы «небрежно распихнутом»… Ему, к слову, в 1939 году было 38 лет, и он имел вполне брюнетистую шевелюру без седины.

Вообще-то, генерал Павлов, обвиняя Берию в том, что тот непрофессионально и огульно оголил американское направление работы НКВД, в очередной раз лжет. Скажем, давно и успешно работал в США агент-групповод «Звук» – Яков Голос. Он родился в 1889 году в Екатеринославе в семье рабочего, сдал экстерном за полный курс гимназии, работал в нелегальной большевистской типографии, был сослан на вечное поселение в Якутскую губернию, откуда бежал в США и там осел. Голос был включен в нелегальную сеть НКВД в 1933 году. В 1935 году он отправил в СССР жену и сына, в 1937 году приезжал в Москву сам, встречался со Слуцким. Если бы подозревали всех, то уж Голоса надо было в первую очередь вызывать (и он бы приехал), арестовывать и т. д. Однако Голос спокойно работал при Ежове и

так же работал и при Берии.

Далее, в США – о чем Павлов не знать не мог – успешно работал кроме Ахмерова и после Ахмерова резидент внешней разведки Гайк Овакимян. Его тоже никто не отзывал, действовал он под прикрытием инженера Амторга, в 1940 году стал аспирантом Нью-Йоркского химического института, защитил там диссертацию. У Овакимяна на связи в тот период находилось 14 агентов, не считая агентов-групповодов. Так что Берия не так уж безудержно «громил» в конце 30-х годов внешнюю разведку, как это вдалбливают в наши головы несколько поколений «демократов» и как уверяет генерал Павлов. И скорее надо сказать на сей счет обратное.

Что же до Исхака Абдуловича Ахмерова, то биография у него была – хоть кино снимай. Татарин из Троицка Челябинской области, 1901 года рождения, он еще мальчишкой хлебнул жизни: скорняжничал, был курьером, мальчиком на побегушках в галантерейном магазине, учеником электромонтера, хлебопеком.

А в 1920 году он – депутат Казанского совета, в 1923-м закончил 1-й государственный университет (будущий МГУ) и стал заместителем директора Московского педагогического техникума.

Потом – Наркомат иностранных дел, работа в Бухаре и в Турции, вновь Москва, Институт красной профессуры. В 1932 году Ахмеров зачисляется в штат ИНО ОГПУ, получает свой первый оперативный псевдоним «Юнг» и направляется в Китай… В 1934 году он возвращается в Москву, и там его начинают готовить для работы в США.

В 1936 году в американской нелегальной резидентуре Ахмерова было шесть сотрудников и 10 источников. Иногда, выступая в роли текстильного фабриканта, он назывался то Уильямом Грунком, то – Майклом Грином, то – Майклом Адамецем или еще кем-то. И вот тут…

И вот тут Ахмеров влюбился… Вообще-то предмет его воздыханий был вполне профессионально подходящим – одна из сотрудниц резидентуры, молодая, красивая, имеющая связи в аппарате Белого дома Хелен Лоури (оперативный псевдоним «Таня»). К тому же Хелен была племянницей Генерального секретаря Компартии США Эрла Браудера. И отвечала своему русскому шефу взаимностью.

Пора влюбленности совпала с плановым вызовом Ахмерова в Москву для отчета о проделанной работе. И вот тут Ахмеров направляет лично наркому Берии рапорт с просьбой разрешить брак с «Таней» и вместе с ней приехать домой. Реакция Берии была крайне негативной и бурной. И поскольку двуличием Берия

не отличался, это косвенно опровергает будущую грязную клевету о нем как о сексуальном маньяке.

На формирование Берии как человека, безусловно, наложила отпечаток профессия чекиста. Хороший чекист не может быть бабником. Когда Иван Серов расхвастался, что смог с санкции Хрущева под видом романа подцепить на агентурный «крючок» знаменитую польскую оперную приму Бандровску-Турску, а потом это оказалось блефом (в части вербовки), Берия, по свидетельству Судоплатова, «начал ругать Серова почем зря, грозясь уволить из органов с позором, называя мелким бабником…».

Думаю, это была искренняя реакция… Затащить в постель женщину в оперативных целях – это профессионально. Но путаться с женщинами – это профессии противоречит! На этом «сгорело» множество мужчин, а значит, может «сгореть» и чекист.

Так что рапорт Ахмерова автоматически программировал недоверие Берии к его автору. Ну, в самом-то деле! Берия знал Ахмерова лишь по личному делу. И что он мог думать, ознакомившись с ним?

А вот что…

Привлекательный мужик, с 21 года имеет устойчивое и завидное общественное положение, и за столько лет не обзавелся женой в Союзе… А теперь в возрасте под сорок срочно приспичило жениться за кордоном… Как это понимать? Не вертопрах ли? Не бабник ли? Не подсунули ли ему эту красавицу? Племянница главного коммуниста в Штатах? Ну и что! У нас в агентах князь Радзивилл числится, и много еще кто из высших ***их*** кругов.

Вот логичная реакция профессионала! А Берия был высоким профессионалом как разведки, так и контрразведки – в отличие от тогдашнего, еще малоопытного Павла Фитина, начавшего уверять шефа, что Ахмеров-де «хороший»…

Но и тут Берия поступил человечно… Он сразу не запретил брак – а вдруг у человека действительно большое чувство и он отказом сломает ему судьбу? Но дал указание Фитину детально разобраться и подготовить на Ахмерова подробную справку, что Фитин и сделал. Лишь изучив ее, нарком дал «добро»… Но по возвращении Ахмеров был действительно понижен до должности рядового сотрудника американского отделения внешней разведки. И начались двухлетние проверки.

Но было бы удивительно, если бы было иначе! Тем более что часть агентуры Ахмерова передали «легальной» резидентуре, а часть законсервировали, что является достаточно обычной практикой.

Да, в сложной для внешней разведки ситуации многим (но не всем же!) старым кадровым разведчикам выражалось политическое недоверие. Берия их даже обвинял, о чем пишет тот же Павлов. Да, обвинял, как правило, несправедливо. Но это же был со стороны Лаврентия Павловича умный и точный психологический ход. Он в людях уже тогда разбирался великолепно, он ведь и контрразведчиком был, и партийным деятелем к тому же… У него был выработан уже орлиный взгляд на людей. И – умение оценить человека в сумме, по анкете и по личному впечатлению,

Причем совсем «без анкет» он не обходился. И дело было не в душевной узости – он ею не страдал. Дело было в профессионализме – как профессионал, он вел проверку и по документам. Но как ***высокий*** профессионал он всем прибывшим разведчикам устроил еще и психологическую проверку.

Надо признать, что все, кто вернулся в Москву, ее достойно выдержали! Но ведь надо признать и то, что Берия – убедившись и по объективным, и по личным субъективным данным в честности своих нелегалов, вновь включил их в работу! Тот же Ахмеров уже после начала войны получил важнейшее задание и вновь уехал в США вместе с женой.

А то, что Берия и в дальнейшем мог выражать кому-то некоторое внешнее недоверие, лишний раз доказывает его профессионализм как разведчика. Он ведь знал своих нелегалов – они иногда могли вести себя не менее капризно, чем оперные примадонны. Им ведь тоже – и по схожим причинам – не были чужды недостатки ярких артистов.

И как раз во время пребывания Берии на посту высшего главы как внешней разведки, так и контрразведки СССР, наша разведка приобрела тот феноменально успешный вид, который обеспечивал стране не просто выдающиеся результаты, а достоверные результаты! Что в разведке является, пожалуй, наиболее важным.

Да, многие ценнейшие источники (та же «кембриджская пятерка») были приобретены до Берии.

Да, ряд выдающихся нелегалов пришли в разведку до Берии.

Но именно Лаврентий Павлович, во-первых, сумел разобраться в той «каше», которую наварили до него, в том числе – и Кривицкий с компанией, а во-вторых, сумел поставить работу разведки на прочную долговременную основу. Разведка стала проводить спецнаборы, качественно улучшился уровень подготовки в школах НКВД. И, думаю, не ошибусь, сказав, что ***благодаря Берии страна получила, наконец, могучую разведку именно Советского государства, а не разведку, проникнутую***

«духом Коминтерна». Теперь даже идейные кадры разведки работали не на грядущую мировую революцию, а на реальную социалистическую страну. Другое дело, что позднее разведка, наполненная министром-партократом Игнатьевым партийными выдвиженцами, начала деградировать. Особенно – после устранения Берии.

Думаю, не случайной, а, как сейчас выражаются, «знаковой» стала серия измен начала 1954 года – без всякой угрозы каких-либо репрессий для закордонных работников. В январе 1954 года перешел к американцам оперативный работник токийской резидентуры МВД СССР Юрий Растворов.

18 февраля 1954 года сдался в Германии американским властям боевик МВД капитан Николай Хохлов.

В феврале же 1954 года на сторону ЦРУ в Вене перешел майор Петр Дерябин. Коренной сибиряк, четырежды раненный фронтовик, он в начале 50-х годов работал в структурах охраны правительства и мог составить себе представление о том, кто есть кто в Кремле.

В апреле 1954 года вместе с женой, сотрудницей резидентуры, остался в Австралии резидент КГБ СССР в Канберре Владимир Петров. Петров начинал еще в ИНО ОГПУ в 1933 году, и его побег прямо связывали с гибелью Берии. Да, повидав свет и видя разницу между Берией и хрущевцами, кое-кто из разведчиков провидчески понял, что страна в долгосрочной перспективе обречена.

В конце 50-х эта серия продолжилась. Причем характерно, что еще в 1954 году Дерябин указывал как на потенциального перебежчика на Анатолия Голицына, реально ушедшего на Запад в декабре 1961 года из Хельсинки. Причиной ухода он назвал неприятие атмосферы подковерных интриг, царившей в КГБ.

Советская разведка выдержала испытание войной, но все более не выдерживала испытания хрущевщиной…

Глава 15
Разведсводки для Сталина и автоматы для пограничников

С 1941 года государственное социально-экономическое издательство начало издавать календари-справочники, и первым в этом «проекте» был, естественно, календарь-справочник на 1941 год.

Открыв его, среди доброй сотни биографических справок на Александра Пархоменко и Джека Лондона, «Вениамина» Франклина и Ивана Франко, Модеста Мусоргского и Шолома-Алейхе-ма, Лейбница, Кдори-Склодовской, Шумана, Ломоносова, а также Жданова, Молотова, Кагановича, Хрущева («член Политбюро, верный сын большевистской партии, воспитанник и ближайший соратник великого Сталина»), Микояна, Шверника и других, мы на странице 48 отыщем и биографию Лаврентия Павловича Берии.

«Лаврентий Павлович Берия родился 29 марта 1899 г. в селении Мерхеули (Грузинская ССР) в бедной крестьянской семье. В партию большевиков т. Берия вступил в марте 1917 года в Баку. В 1918–1920 гг., в период господства муссаватистов и меньшевиков в Закавказье, т. Берия вел активную подпольную работу в Баку и Грузии. В 1920 г. т. Берия был арестован меньшевистским правительством Грузии. По настоянию С.М. Кирова, который работал в то время полномочным представителем Советской России в Грузии, т. Берия был выслан из Грузии в Советский Азербайджан. С 1921 г. т. Берия на руководящей работе в органах советской разведки. С ноября 1931 г. – первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, а в 1932 г. и первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б).

На посту руководителя большевистских организаций Грузии и Закавказья т. Берия проявил ленинско-сталинскую настойчивость и непримиримость к врагам народа в борьбе за проведение генеральной линии большевистской партии. Большая заслуга принадлежит т. Берия в деле разоблачения троцкистско-бухаринских фальсификаторов истории большевизма. Его известная книга «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» является ценнейшим вкладом в историю большевистской партии.

С конца 1938 г. т. Берия – народный комиссар внутренних дел СССР. С XVII съезда – член ЦК ВКП(б), с марта 1939 г. –

кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Тов. Берия – один из виднейших руководителей ВКП(б) и ближайших учеников и соратников товарища Сталина.

За боевые и революционные заслуги т. Берия награжден орденом Красного Знамени, орденом Ленина и орденами Трудового Красного Знамени Грузинской и Азербайджанской ССР.

Тов. Берия – депутат Верховного Совета СССР».

Однако в биографической справке календаря (а я привел ее полностью) не разъяснялось, что хотя т. Берия с конца 1938 года и народный комиссар внутренних дел СССР, но с 3 февраля 1941 года он не совсем тот народный комиссар внутренних дел СССР, которым он был до 3 февраля 1941 года.

И даже – совсем не тот!

Круг его государственных обязанностей все более выходил за рамки обеспечения внешней и внутренней государственной безопасности. На Пленуме ЦК 22 марта 1939 года Берия был избран кандидатом в члены Политбюро. И его задачи все более перемещались в сферу управления всей страной со всем разнообразным комплексом ее проблем.

Кроме прочего, это выразилось в весьма серьезной реорганизации ведомства, возглавляемого Лаврентием Павловичем. 30 января 1941 года ему присваивается специальное звание Генерального комиссара государственной безопасности, эквивалентное армейскому званию Маршала Советского Союза (с ликвидацией 6 июля 1945 года в СССР специальных званий офицеров ГБ Берия стал носить уже прямо маршальские погоны).

Но уже 3 февраля 1941 года Берию назначают заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров, сохранив за ним пост наркома внутренних дел. И 3 же февраля 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР из Наркомата внутренних дел (НКВД) был выделен отдельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ).

Новый НКВД включал в себя все прежние структуры, кроме ГУ ГБ и военной контрразведки. То есть в подчинении Берии остались «народнохозяйственные» управления, пенитенциарная сфера, милиция, пограничные, внутренние и конвойные войска, а также пожарная и военизированная охрана, ЗАГСы и прочее, включая Центральный совет добровольного спортивного общества «Динамо».

Все структуры бывшего ГУГБ переходили в НКГБ. Военная же контрразведка – Особые отделы – передавалась в Наркоматы обороны и ВМФ с образованием в НКО и НК ВМФ соответствующих 3 Управлений. В условиях мирного для СССР, но уже военного для Европы и мира времени такая реорганизация

была логичной.

«Чистые» чекисты получили возможность сосредоточиться на своих естественных и все расширяющихся задачах разведки, контрразведки и анализа информации.

«Особисты» стали подчиняться армейскому и флотскому руководству, а это повысило ответственность последних и сделало первых относительно «своими» для вооруженных сил, ранее рассматривавших Особые отделы как соглядатаев НКВД. В итоге возросло качество выявления в войсках враждебных элементов и агентов потенциальных противников.

А Берия?

Ему, как заместителю Председателя Совнаркома, дела хватало теперь и без НКВД. С апреля 1941 года он начинает курировать еще наркоматы цветной металлургии, угольной, нефтяной и лесной промышленности. Однако и в его «основном» наркомате новое качество приобретали старые проблемы охраны важных государственных и промышленных объектов, железнодорожных узлов, аэродромов, телефонных и телеграфных станций, банков… Надо было усиливать охрану государственной границы, решать проблемы новых территорий…

Наркомат же государственной безопасности он передал не в чужие руки. Наркомом ГБ стал 46-летний Всеволод Меркулов – соратник Берии с 1922 года еще по работе в чекистских органах Закавказья, а потом – по работе в Заккрайкоме и в ЦК КП(б) Грузии.

В своих воспоминаниях Судоплатов пишет о неизменно «вежливой и спокойной манере» поведения Меркулова. Однако у нас есть и более развернутая его характеристика, причем – с той стороны баррикад.

В 1953 году на Западе была издана книга «выбравшего свободу» венгерского экс-дипломата Николаша Ниаради «My Ringside Seat in Moscow» (перевести это можно как нечто вроде «Мое коловращение в Москве»). О Меркулове этот Ниаради писал так:

«Вот парадокс: человек удивительной доброты и одновременно звериной жестокости; суров и серьезен, но при этом весьма остроумен; обладает ангельским терпением, с одной стороны, и выкуривает по 40–50 сигарет в течение рабочего дня одну за другой. Чиновник настолько высокого ранга, что перед ним в струнку вытягиваются послы, но вместе с тем от природы скромен и застенчив, а когда говорит, по лицу блуждает неподдельная робкая улыбка. Именно Меркулов лично проследил за физической ликвидацией почти двух миллионов эстонцев, литовцев и латышей, убитых с бессердечной, бесчеловечной

сноровкой. Но он же похож на гангстера, рыдающего над «Колыбельной» Брамса, исполнен чисто русской сентиментальности, особенно по отношению к детям. Однажды, когда мы с ним уже были довольно близко знакомы, он как-то с отеческой гордостью и чуть ли не со слезами на глазах продемонстрировал мне фотографию своего сына-военнослужащего».

Венгр с Меркуловым был знаком, это очевидно – портрет вполне ярок и зрим. Но так же, как не бывает любви без грусти, так не бывает «демократа» без лжи. Уж не будем разбираться с тем, какие это послы тянулись перед Меркуловым «в струнку» – Всеволод Николаевич не занимал таких постов, где надо коллективно общаться с послами…

Что же до «звериной жестокости», «гангстера» и «физической ликвидации почти двух миллионов эстонцев, литовцев и латышей, убитых с бессердечной, бесчеловечной сноровкой», то тут надо разобраться.

Во-первых, к моменту присоединения Прибалтики к СССР все эти три народа суммарно не насчитывали более четырех миллионов человек. «Переполовинить» их в одночасье – это действительно задача для нового Аттилы…

Но вот документ – докладная записка НКГБ Меркулова в

ЦК № 1687/М от 16 мая 1941 года, при которой нарком препровождал для рассмотрения проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР по «зачистке» Прибалтики. Проект был представлен Сталину за подписью Берии, и постановление, принятое на его основе, гласило, в частности:

«1. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет следующие категории лиц:

а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций;

б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие материалы;

в) бывших крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;

г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;

д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью…»

Как видим, в пункте 1 речь шла о срочной «зачистке» явной «пятой колонны».

Пункт 2 постановления предусматривал высылку на 20 лет членов семей, проживавших совместно или находившихся на иждивении репрессируемых.

Предусматривалась и ссылка «лиц, прибывших из Германии в порядке репатриации, а также немцев, записавшихся на репатриацию в Германию и отказавшихся выехать, в отношении которых имеются материалы об их антисоветской деятельности и подозрительных связях с иноразведками».

А вот пункт 3 я с особым удовольствием приведу полностью – уж очень он забавен в свете «ужастиков» Ниаради:

«3. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выслать в административном порядке в северные районы Казахстана сроком на 5 лет проституток, ранее зарегистрированных в бывших органах полиции Литвы, Латвии, Эстонии и ныне продолжающих заниматься проституцией».

В скобках сообщу, что они были высланы в количестве 760 человек, как и 2162 уголовника (эти три тысячи «жертв Меркулова – Берии» «демократы», естественно, тоже плюсуют сегодня в общий «мартиролог»).

Постановление предписывало командировать в Прибалтику, для помощи местным органам, наркома государственной безопасности т. Меркулова и его заместителя т. Серова, а также заместителя наркома внутренних дел т. Абакумова.

Для «использования при проведении операций и следствия» в республики командировались 208 курсантов Высшей школы НКГБ СССР, по национальности – литовцев, латышей и эстонцев.

На границе Литвы с Белоруссией временно, «на период подготовки и проведения операции», устанавливалась заградительная зона с выделением для этой цели до 400 пограничников.

Провести операцию предписывалось в трехдневный срок, и она была проведена с 14 по 17 июня 1941 года.

Итоги ее таковы:

	арестовано	выселено	всего
Литва	5 664	10 187	15 851
Латвия	5 625	9 546	15 171
Эстония	3 178	5 978	9 156

Итого – 40 178 человек, включая шлюх и бандитов, что составляет от цифры «демократического» венгра 2,0089 процента. То есть для «выбравшего свободу» человека не проблема и коэффициент лжи 50:1.

Причем это ведь я процент репрессий вычислил по отношению к брехне Ниаради. Однако в число репрессированных входили не только литовцы, латыши и эстонцы, но и другие национальности, включая осевших в Прибалтике белогвардейцев, так что расчет надо проводить для всего населения. И тогда выходит, что в небольшой Прибалтике, которая после Гражданской войны стала просто-таки большим антисоветским, да и антироссийским заповедником, был репрессирован не более чем один из ста пятидесяти жителей. Причем ***ни один из них*** не был расстрелян! Предельная мера – 8 лет лагерей.

Ложь Ниаради по отношению к Меркулову – это и ложь по отношению к Берии. И она так же гнусна и тотальна, как вообще вся клевета на них – и хрущевцев всех времен и народов, и «демократов», и «историков» «радзинско-волкогоново-овсеенковского» круга.

ИТАК, с февраля 1941 года органами госбезопасности стал единолично ведать Меркулов, в том числе – и внешней разведкой. И теперь уже не Берия направлял высшему руководству страны, начиная со Сталина и Молотова, сводки на основе разведывательных донесений, а Меркулов.

Берия же теперь их лишь получал. И этот момент надо подчеркнуть! С февраля 1941 года вопросами внешней разведки ведал не Берия!

Причем в целом сведения из различных источников поступали в СССР в таком количестве – мы это вскоре увидим, – что даже самая достоверная разведывательная телеграмма от какого-либо одного источника общей картины не изменяла бы – как с позиций информации, так и с позиций дезинформации. А в связи с только что сказанным надо коснуться проблемы Рихарда Зорге. Ее тоже прочно связывают с именем Берии, хотя я не уверен, знал ли Берия вообще о его существовании. «Рамзай»-

Зорге сотрудничал с Разведупром Генштаба, начинал как человек Берзина, но не был штатным агентом, даже воинского звания не имел. А военная разведка традиционно не очень-то делилась деликатной информацией с разведкой НКВД. Думаю, дело было не только в соперничестве спецслужб, а еще и в ряде измен как в одной «конторе», так и в другой… Подставлять же свои разведывательные сети под лишний возможный удар не хотел никто.

Один из устойчивых мифов таков: Сталин и Берия не прислушались к Зорге.

Но, во-первых, это в кино после получения авральной разведтелеграммы все становятся «на уши». В жизни таких телеграмм, оказывающихся нередко ложными, хватает в спецслужбах всех стран мира. И высшее руководство реагирует на единичные «сигналы» соответственно. Важен массив информации в целом, причем – за некий период. А обеспечение этого одному разведчику не под силу в принципе.

Во-вторых же, относительно «телеграммы Зорге» мы вскоре кое-что узнаем.

Зорге был выдающимся интеллектуалом – тут не может быть двух мнений. Причем я не назвал бы его даже журналистом в классическом стиле. Природный журналист – это в основе своей репортер: пришел, увидел, написал. Зорге же был аналитиком, и его газетные статьи из Японии вряд ли смогла бы читать, например, ищущая ***остренького*** светская дама. Это были полноценные, содержащие не столько даже информацию, сколько оценки и прогнозы, аналитические отчеты.

Но Зорге был и плохо организованным человеком, у него даже конспирация была поставлена плохо – участники группы на пикники вместе ездили! К тому же – многочисленные связи с женщинами и очень частое спиртное. Иногда разведчик вынужден играть поклонника алкоголя – пьяницу всегда подозревают меньше (если он, конечно, пьет «на свои трудовые»). Но Зорге не играл, и один случай это доказывает категорически.

Зорге любил мотоцикл и гонял на нем по Токио с весьма интенсивным дорожным движением. Быстрая езда – еще не грех, хотя профессионал имеет право рисковать жизнью лишь в обоснованных ситуациях. Не самым страшным грехом было и то, что Зорге нередко садился за руль нетрезвым. Но вот то, что он в таком состоянии мог везти с собой нечто раскрывающее его как разведчика, это…

Ну, понятно, как это можно оценить!

Однажды провал чуть и не произошел именно из-за ***этого…*** Зорге гнал «под сто», врезался в придорожный камень и в

тяжелом состоянии попал в больницу с… микропленкой в кармане. У него хватило силы воли, не теряя сознания, срочно вызвать радиста Макса Клаузена и передать «компромат» ему. В Москве не узнали тогда о «глюке» с пленкой, но об аварии, естественно, узнали.

Верил бы ты, уважаемый читатель, такому *резиденту* без колебаний даже в том случае, если бы верил ему как *человеку!*

Лично я – вряд ли.

Что же до его знаменитой телеграммы:

«15 июня 1941 года

Нападение ожидается рано утром 22 июня по широкому фронту», —

то в действительности ее просто не существовало!

Она, между прочим, абсолютно не схожа с реальными разведтелеграммами по стилю и конструкции, но, повторяю, ее просто не было! 16 июня 2001 года в «Красной звезде» публиковались материалы «круглого стола», посвященного 60-летию начала войны, где полковник СВР Карпов сказал:

«К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Такие «дурочки» запускаются просто: кто-то из авторов публикаций о Зорге эти радиограммы для красного словца придумал, а остальные со ссылкой на него подхватили – и пошла писать губерния… Затем добавили психологизма, придумали мстительного Сталина…»

Признание Карпова полностью вскрывает и технологию создания уже другой «дурочки» – относительно предвоенных «лагерно-пыльных» виз Берии, приводимых в десятках, если не сотнях публикаций. Лишь «мстительного Сталина» в них заменяет «мстительный Берия»…

ДА, ПОРА нам взглянуть критическим взглядом и на знаменитые антибериевские фальшивки о позиции Берии касательно сроков начала войны. Я не знаю, кто первым запустил их в оборот, но Серго Берия в своей книге об отце приводит эти якобы «документы», справедливо именуя их фальсификациями, по «документальной» повести Овидия Горчакова «Накануне, или Трагедия Кассандры»…

Горчаков обладал пером еще более бойким, чем Дмитрий

Быстролетов. А фантазия у него была профессионально развита уже в шестидесятые годы… Тогда большой популярностью пользовался «крутой» контрпропагандистский боевик Гривадия Горпожакса «Джин Грин – неприкасаемый». Лихо склепанный из множества клише, он в весьма бульварной манере разоблачал «козни ЦРУ». Надо признать, что когда-то я его читал

взахлеб…

Так вот, «..дий» и «Гор…» – это взнос Горчакова в коллективный псевдоним (**Гри**[горий]**Ва**[силий][Ови]**дий** Горчаков] **Пож**[енян] **Акс** [енов])…

Говорят: узнай, кто его друзья, и поймешь, кто он сам… Поэтому – пара слов о соавторах Горчакова по стяпыванию-сляпыванию образа Джина Грина. Василий Аксенов – это тот самый нынешний писатель Аксенов, мама у которого – несчастная «жертва Берии», «Эшелон» – Евгения Гинзбург и который сам – «Остров Крым» и прочее. Григорий Поженян – ниже средней руки поэт. Но – с претензиями на непонятость.

Горчаков же… Ну, Горчаков как Горчаков… Его аттестуют разведчиком и представляют «майором Вихрем», хотя сюжет известного сериала – это прежде всего история военного разведчика Евгения Степановича Березняка… Однако суть не в моральных качествах одного из членов троицы сочинителей, а в том, что ими или какими-то их собратьями по перу приписано Берии…

А приписано вот что:

«Из докладной записки Л.П. Берия И.В. Сталину:

«21 июня 1941 года… Я вновь настаиваю (это Берия якобы Сталину пишет в подобных выражениях! – *С.К.)* на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В.И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев… Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранцева, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе. Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!»…»

Эти строки гуляют по свету уже не одно десятилетие. И все в них учтено верно – в полном соответствии с законами «жанра» и с учетом официальной фальсификации истории хрущевцами.

Вот я беру толстенный первый том шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945», изданный Воениздатом в 1961 году. Ведь там в именном указателе фамилии такой нет – Меркулов (Берия помянут два раза, но об этом – отдельно). Ояновец Мельник есть, немец-политэмигрант Меркер есть, за ним идет американский дипломат

Мессерсмит и следующим – Мехлис…

А в предметном указателе к этому тому среди наркоматов не упоминаются ни НКВД, ни НКГБ… Даже Наркомат цветных металлов отмечен, а НКГБ нет.

И об НКВД, чьи погранвойска первыми встретили войну, – ни слова. Кстати, «Пограничных войск» в предметном указателе тоже нет. Да оно и понятно: вдруг кто-то задастся вопросом – а в чьем же ведении они были?

Та же картина в томах 3-м и 4-м двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны. 1939–1945», изданных Воениздатом в 1974 и 1975 годах: Берии нет, Меркулова нет, НКВД нет, НКГБ нет, о действиях погранвойск – три коротких абзаца на два тома общим объемом 1038 страниц.

Так что массовый советский читатель (хотя можно ли назвать читателя энциклопедических изданий массовым) не знал ни о разделении наркоматов, ни о подчинении погранвойск Берии, ни о выводе из-под его подчинения разведки, – как и о многом другом. Зато любая советская интеллигентская «курилка» твердо знала: «Войну проморгала разведка НКВД, потому что Берия перед войной уничтожил всех толковых разведчиков». Впрочем, примерно так многие «курилки» «мыслят» и сегодня. Хотя с 3 февраля 1941 года по 20 июля 1941 года (когда наркоматы вновь объединили под рукой Берии) **у НКВД не было внешней разведки!** НЕ БЫЛО!!! Но кто об этом знает и помнит? Причем и разведчиков в 1940–1941 годах никто не уничтожал.

Вот в таком информационном вакууме горчаковы-горпожаксы и запускали свои антибериевские «утки». И они – вопреки законам природы – отправлялись в долгий полет, длящийся, увы, по сей день.

А теперь я прошу уважаемого читателя набраться терпения. Потому что мы сейчас займемся делом скучным – *построчным* анализом измышлений Горчакова.

То, что стиль «записки Берии» – это не стиль служебного документа, очевидно. Тот, кто постоянно пишет деловые бумаги, автоматически вырабатывает вполне определенный словарь, определенным образом строит фразы. И это является более-менее общим для любой страны, для любого учреждения, для любого языка. А здесь мы имеем типичный разухабистый стиль, характерный для создателей бьющих на дешевый эффект детективов. Ну, в самом-то деле: одно употребление чисто жаргонного выражения «деза» в этом якобы документе государственной важности выдает подлог.

Недостоверны и пояснения должностей при фамилиях. Сталину была, безусловно, известна должность даже Тупикова, а

уж Деканозова и Голикова – тем более. Причем только при фамилии Деканозова (прекрасно известного Берии) отсутствуют инициалы, что понятно: Деканозов для автора фальшивки – это символ, а инициалы остальных надо уточнить для придания видимости достоверности, а заодно и пояснения читателю (не Сталину), о ком идет речь. Но вот обязательное для таких документов «т.» при фамилии фальсификатор забыл. А ведь тогда писали именно так: «т. Деканозов», «т. Голиков», без инициалов.

Мастер бойкого пера Горчаков не удержался от плоского каламбура «тупой генерал Тупиков», но реальный Берия был не настолько туп, чтобы употреблять в докладной Сталину подобные выражения. Это – такая же накладка Горчакова, как и «бомбардирует», «радировал», «банда Берзина», «я и мои люди», «мудрое предначертание…».

Горчакову надо убедить читателя в низком лакействе «палача» Берии перед Сталиным, и он вкладывает в уста своего «Берии» (перед этим якобы нахально «настаивавшего» на отзыве Деканозова) абсолютно невозможное не только для него, но и для вообще кого-либо из руководства СССР обращение «Иосиф Виссарионович» вместо прочно устоявшегося «т. Сталин». Но строгое «т. Сталин» выбивается из стиля, и автор фальшивки тонко использует подхалимское – в данном случае – «Иосиф Виссарионович»…

Что же до «подполковника Новобранцева, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе», то некто ему подобный в истории отмечен. Я не знаком с сюжетом «документальной» повести Горчакова, но не исключаю, что она написана как раз о Василии **Новобранце** (если уж быть точным), потому что в мае 1941 года, временно исполняя обязанности начальника разведотдела штаба 6-й армии, он без санкции распространил «Разведывательную сводку № 8», где говорилось о приготовлениях Германии к войне.

Вообще-то за такие фокусы надо крепко взгревать, потому что со стороны Новобранца это была пусть и ненамеренная, но провокация государственного масштаба. Однако его всего лишь сняли с должности и отправили в… дом отдыха Разведупра в Одессу. А 22 июня 1941 года назначили… уже полноправным начальником разведотдела штаба той же 6-й армии.

Смешно, но казус с Новобранцем косвенно доказывает (хотя хватает доказательств и прямых), что высшее руководство СССР, включая Берию, прекрасно знало уже в мае и о 170 дивизиях, и о много еще чем таком, что для рядового начальника армейского разведотдела было тайной за семью печатями. Потому Новобранца и не наказали, что он всего лишь проявил усердие не

по должности и не по разуму. Разведчика без дисциплины и строжайшего подчинения Центру не бывает, но на все армейские разведотделы гениев не найдешь, а Новобранец, как-никак, Академию Генштаба закончил.

Поэтому ему по шее не дали, а дали маленько отдохнуть – перед войной. А поскольку его отправили в карантин до начала войны еще в мае, то лишь горчаковский «Берия» мог ссылаться на него 21 июня 1941 года.

Что еще забавно! В фальшивке Горчакова Деканозову приписывается сверхбдительность. А в биографическом справочнике Залесского Деканозову вменяется в вину то, что он «не смог оценить ситуацию и оставался в неведении о захватнических планах А. Гитлера».

Хотя, вообще-то, ложью является и первое, и второе утверждение. Деканозов не был категоричен ни в ту, ни в ту сторону, более склоняясь, правда, к позиции своего давнего коллеги резидента Амаяка Кобулова, которому немцы в целях стратегической дезинформации подставили агента-двойника Берлинкса, имевшего в НКГБ кодовое имя Лицеист. Так что никого никакими «дезами» насчет скорого наступления немцев Деканозов «бомбардировать» не мог – он поддавался на «дезы» Лицеиста, уверявшего в обратном.

Но туп и глуп тот, кто думает, что Сталин мог строить всю государственную политику на информации от одного какого-то резидента, пусть и берлинской резидентуры. К тому же по прямому указанию Центра известный нам Александр Коротков с марта 1941 года активизировал работу с Харро Шульце-Бойзеном – Старшиной, который давал точную информацию. И эта информация вполне вовремя поступала туда, куда надо – на столы руководителей страны, о чем я еще скажу.

В качестве же вводной «присказки» я напомню о второй, не менее известной, «сенсации», помещенной в книге Горчакова… Он подал ее так:

«На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами пронумерован фонд, опись, дело. Когда открываешь папку, в глаза бросается резолюция, написанная с нажимом вечным пером: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников Ястреба, Кармен, Алмаз, Верного за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль как «пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить». Подпись: «Л. Берия. 21 июня 1941 года».

Вчитаемся теперь уже в эту стряпню… Сразу замечу, что, оказывается, этот «Берия» знаком со словом «дезинформация» и даже употребляет его на документе вроде бы внутреннего пользования. А вот в серьезной записке Сталину он почему-то пользовался жаргоном («деза»). Но в целом стиль и здесь не выдержан – и этот «Берия» в деловой резолюции вдруг начинает митинговать: «пособники международных провокаторов», «поссорить нас с Германией»…

Причем этот «Берия» и дату ставит не так, как ее поставил бы реальный Берия. Для Берии был бы свойственен следующий вариант датировки: «21/VT». Вот на таких мелочах фальсификаторы и «прокалываются».

Далее… В разведке нет «секретных сотрудников», «сексоты» – это из «демократического» словаря. А у профессионалов есть «оперативные работники» и «агенты». Но ведь и кодовые имена «Ястреб», «Кармен», «Алмаз», «Верный» в истории разведки отсутствуют. К тому же если бы они существовали, то указание горчаковского «Берии» об их «стирании в лагерную пыль» до начала войны выполнить не успели бы. А на следующий день этим «алмазам» цены бы не было… Но ведь не было и самих «алмазов».

И ох уж эта пресловутая «лагерная пыль»! Она фигурирует в писаниях о Берии так часто, что образовалась плотная дымовая (или – пылевая?) завеса, скрывающая правду. Вряд ли Лаврентий Берия мог иметь в своем словаре такое выражение… Это ведь «демократы» прочно связывают его имя с ГУЛАГом, а он ведь с 1931 года (когда началось становление ГУЛАГа) по август 1938 года находился на партийной работе. А на посту НКВД более выпускал людей из лагерей, чем отправлял их туда.

Но даже пусть так, пусть он так говорил и писал (хотя он этого и не делал!). В любом случае он не мог 21 июня 1941 года накладывать никаких «лагерно-пыльных» резолюций по той простой причине, что Первое Главное управление – бывший ИНО НКВД – относилось с февраля 1941 года к НКГБ.

Разведчики-чекисты Наркомата госбезопасности были после февраля 1941 года подчиненными Меркулова! Не так ли? Так о каких распорядительных визах наркома внутренних дел Берии по отношению к ним может быть речь?

Берия не мог писать ничего подобного 21 июня 1941 года и потому, что к этому дню не только ему, но и Сталину было ясно: счет мирному времени идет если не на часы, то на считаные дни!

Я чуть позднее познакомлю читателя с извлечениями из лишь ***некоторых*** подлинных записок с разведывательными данными, направляемых наркомом государственной безопасности СССР

Меркуловым Сталину, Молотову и Берии.

Однако вначале я приведу три записки самого Берии (первую – практически полностью!), напомнив, что с 3 февраля 1941 года он не руководил разведкой НКГБ, но был высшим руководителем пограничных войск СССР.

А благодаря его усилиям к 1941 году в погранвойсках была создана ***собственная*** приграничная разведка, у которой не числились в агентах «сливки общества», но которой зато помогали простые поездные машинисты, смазчики, стрелочники, скромные поселяне и жители приграничных городков…

Они собирали информацию как муравьи, и, собранная воедино, она давала наиболее объективную картину происходящего. Итог же работы этой «муравьиной разведки» нашел отражение в записках наркома внутренних дел СССР Берии Сталину.

Документы приводятся по сборнику 1995 года «Секреты Гитлера на столе у Сталина», изданному совместно ФСБ РФ, СВР РФ и Московским городским объединением архивов, выделения текста жирным шрифтом везде мои.

Итак…

«ЗАПИСКА НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР Л.П. БЕРИЯ И.В. СТАЛИНУ, В.М. МОЛОТОВУ И НАРКОМУ ОБОРОНЫ С.К. ТИМОШЕНКО О ПЕРЕБРОСКЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК К СОВЕТСКОЙ ГРАН ЕЩЕ И НАРУШЕНИИ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА СССР.

№ 1196./Б 21 апреля 1941 г.
Совершенно секретно

С 1 по 19 апреля 1941 г. пограничными отрядами НКВД СССР на советско-германской границе добыты следующие данные о прибытии германских войск в пункты, прилегающие к государственной границе в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве.

В пограничную полосу Клайпедской области:

Прибыли две пехотные дивизии, пехотный полк, кавэскадрон, артиллерийский дивизион, **танковый батальон** и рота самокатчиков.

В район Сувалки-Лыкк:

Прибыли до двух мотомехдивизий, четырех пехотных и двух кавалерийских полков, **танковый и саперный батальоны.**

В район Мышинец-Остроленка:

Прибыли до четырех пехотных и одного артиллерийского

полков, **танковый батальон** и батальон мотоциклистов.

В район Остров-Мазовецкий – Малкиня-Гурна:

Прибыли один пехотный и один кавалерийский полки, до двух артиллерийских дивизионов и рота танков.

В район Бяла-Подляска:

Прибыли один пехотный полк, **два саперных батальона,** кавэскадрон, рота самокатчиков и артиллерийская батарея.

В район Влодаа-Отховок:

Прибыли до трех пехотных, одного кавалерийского и двух артиллерийских полков.

В район г. Холм:

Прибыли до трех пехотных, четырех артиллерийских и одного моторизованного полков, кавполк и **саперный батальон.** Там же сосредоточено **свыше пятисот автомашин.**

В район Грубешув:

Прибыли до четырех пехотных, один артиллерийский и один моторизованный полки и кавэскадрон.

В район Томашов:

Прибыли штаб соединения, до трех пехотных дивизий и **до трехсот танков.**

В район Пшеворск-Ярослав:

Прибыли до пехотной дивизии, свыше артиллерийского полка и до двух кавполков.

<…>

Сосредоточение германских войск вблизи границы происходило небольшими подразделениями, до батальона, эскадрона, батареи, и **зачастую в ночное время.**

В те же районы, куда прибывали войска, доставлялось **большое количество боеприпасов, горючего и искусственных противотанковых препятствий.**

В апреле усилились работы по строительству укреплений.

<…>

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км.

Большинство самолетов фиксировалось над районами: Рига, Кретинга, Тауроген, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно.

Приложение: схема.

Народный комиссар внутренних дел СССР ***Берия».***

Второго июня 1941 года Берия направляет записку (№ 1798/Б) лично Сталину:

«Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашов и Лежайск сосредоточились **две армейские группы.** В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в местечке Улянув… и штаб армии в фольварке Усьмеж… командующим которой является генерал Рейхенау (требует уточнения).

25 мая из Варшавы… отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполя) было доставлено **сто самолетов.**

<…>

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау – в районе местечка Ульгу-век… 18 мая – генерал с группой офицеров – в районе Белжец… 23 мая генерал с группой офицеров… в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов.

<…>

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР…

<…>

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар внутренних дел СССР *Берия».*

Через три дня, 5 июня, Берия направляет Сталину еще одну записку (№ 1868/Б) на ту же тему:

«Пограничными отрядами НКВД Украинской и Молдавской ССР дополнительно (наш № 1798/Б от 2 июня с.г.) добыты следующие данные:

По советско-германской границе

20 мая с.г. в Бяло-Подляска… отмечено расположение штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, **личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения.**

В районе Янов-Подляский, 33 км северо-западнее г. Бреста, сосредоточены **понтоны и части для двадцати деревянных мостов.**

<…>

31 мая на ст. Санок прибыл **эшелон с танками.**

<…>

20 мая с аэродрома Модлин в воздух поднималось **до ста**

самолетов.

По советско-венгерской границе

В г. Брустура… располагались два венгерских пехотных полка и в районе Хуста – германские танковые и моторизованные части.

По советско-румынской границе

<…>

В течение 21–24 мая из Бухареста к советско-румынской границе проследовали: через ст. Пашканы – **12 эшелонов германской пехоты с танками;** через ст. Крайова – **два эшелона с танками;** на ст. Дормэнэшти прибыло три эшелона пехоты и на ст. Борщов два эшелона **с тяжелыми танками** и автомашинами.

На аэродроме в районе Бузеу… отмечено **до 250 немецких самолетов.**

<…>

В Дорохойском уезде жандармские и местные власти предложили населению в пятидневный срок устроить возле каждого дома бомбоубежище.

Генеральный штаб Красной Армии информирован.

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар внутренних дел СССР *Берия».*

Можно не сомневаться, что Берия и в оставшиеся до начала войны полмесяца направлял Сталину накапливающиеся данные по мере того, как они добывались агентурой пограничных войск НКВД.

Но эти записки уже не обнародуются. Возможно, чтобы не очень уж позорить всяких там Горчаковых… Как-никак, чуть ли не «майор Вихрь» сотрудничал с таким столпом «демократов», как сам Василий Аксенов. Зато в сборнике приведены тридцать записок Меркулова Сталину, Молотову и Берии в период с 11 марта до 5 июня, десять записок заместителя Меркулова – Богдана Кобулова в период с 6 июня по 15 июня (Меркулов тогда готовил «зачистку» Прибалтики) и еще одна записка вернувшегося из Прибалтики Меркулова от 17 июня.

Это – уже данные разведки НКГБ из-за кордона, а также от источников в московских иностранных кругах, включая германское посольство. Вряд ли их цитирование может что-либо серьезно прибавить к тому, что читателю уже известно, но кое-что я приведу. Скажем, записка Меркулова № 1612/М от 14 мая 1941 года на имя Сталина, Молотова и Берии начиналась так:

«Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

Народный комиссар государственной безопасности СССР *Меркулов.*

Основание: сообщение из Берлина № 156 от 9.V.1941 г. по материалам Старшины, Корсиканца и Старика.

Сообщение из Берлина

Источник, работающий в штабе германской авиации («Старшина» Шульце-Бойзен. – *С.К.),* сообщает:

1. В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время.

В разговорах среди офицеров штаба часто называется 20 мая как дата начала войны с СССР. Другие полагают, что выступление намечено на июнь. В тех же кругах заявляют, что вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию…

2. < … >

5. < … >

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР *Фитин».*

Вот как, между прочим, все было непросто для Сталина и его соратников. Когда начнется война – через неделю или через месяц? Как она начнется – внезапно или с предъявления требований?

А если с требований, может быть, войны можно будет и избежать, несмотря на явную концентрацию войск?

Как тут решать, что предпринимать?

Причем «Старшина» Харро Шульце-Бойзен, «Корсиканец» Арвид Харнак и «Старик» Адам Кукхоф все сообщали честно. Они работали на СССР и после начала войны, были раскрыты гестапо, арестованы и в 1942–1943 годах казнены.

Но пока войны не было. Шло время, никаких требований Германия не пыталась предъявлять, зато войска у границ СССР наращивала, о чем постоянно сообщал Берия.

И постепенно становилось понятно, что мероприятия немцев – не демонстрация силы (да и что бы она Гитлеру дала без нажима на Кремль по дипломатическим каналам!), а приготовления к уже скорой и окончательно решенной войне.

То есть болтовню нескольких поколений «историков ЦК КПСС», а теперь уже «историков» «Россиянин» о стратегической внезапности нападения Германии на СССР можно спокойно

отправлять на свалку истории вместе с подобными «историками». Стратегически Сталин и страна были готовы – настолько, насколько можно быть готовыми в стране, еще десять лет назад лаптем щи хлебавшей.

За десять лет огромной работы были созданы весьма современные оборонная промышленность и Вооруженные силы… Все структуры государственной безопасности совместными усилиями заблаговременно вскрыли замыслы и силы агрессора. Шло перевооружение армии… Войска на всякий случай планомерно выдвигались поближе к границам.

Внезапность могла быть лишь тактической – неизвестно было точно, когда вся эта силища двинется вперед. Однако ТОЧНО этого не мог сказать никакой Зорге! Даже если бы он стоял за спиной фюрера! Сроки наступления на Западе Гитлер переносил чуть ли не два десятка раз! Да и на Востоке – не один раз. И исключить тактическую внезапность обязано было военное руководство за счет вполне возможных мер. А предпринять их должны были прежде всего нарком Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, командующие приграничными военными округами и их заместители по родам войск.

Стратегическая внезапность нападения была для немцев невозможна еще и потому, что кроме данных агентуры 1-го Управления НКГБ в распоряжении Меркулова (а до 3 февраля 1941 года – Берии, а до него – в распоряжении Ежова) была и личная, так сказать, агентура наркома, не проходящая по учету ИНО. Она была особо законспирирована, ее московский аппарат был невелик. Так что, когда говорят и пишут о потерях – мнимых ли, действительных ли, разведки в результате репрессий 1937–1938 годов, то надо понимать, что речь тут чаще всего о кадрах непосредственно Иностранного отдела (ИНО) ГУГБ.

И данные «высшей» разведки тоже исключали для Сталина и страны стратегическую внезапность.

Но и это еще не все! По крайней мере за четыре дня до начала войны Сталин уже точно знал, что война начнется через считаные дни. А если учесть, что 22 июня 1941 года было:

а) самым длинным днем года;

б) воскресеньем;

в) годовщиной капитуляции Франции в 1940 году (а Гитлер не был чужд мистики),

то именно этот день, скорее всего, и должен был стать днем начала боевых действий.

Думаю, Сталин все это учитывал, потому что менее чем за неделю до начала боевых действий провел свой личный стратегический зондаж ситуации, который убедительно

показал ему, что война – дело считаных дней.

Но об этом – позднее…

СЕЙЧАС же пора поговорить о тех пограничных войсках, сказать о которых стократно заслуженное ими доброе слово ***в надлежащей форме*** забыли оба капитальных, многотомных советских труда о Великой Отечественной и о Второй мировой войнах.

Хотя… Хотя перед этим – маленькое отступление в сторону о ВЧ-связи. Мало известно, что при разделении НКВД в феврале 1941 года на два наркомата отделение правительственной ВЧ-связи вначале осталось в НКГБ (в 4-м отделе оперативной техники), но уже через месяц совместным приказом НКВД/НКГБ № 00332/0066 от 26 марта 1941 года это отделение вновь вернулось в состав НКВД.

И это для Берии показательно – его отношение к связи вполне укладывалось в будущую классическую формулу С3 (Commands-Communications-Control).

26 февраля 1941 года была объявлена новая структура НКВД. В наркомате создавалось Особое техническое бюро (во главе с

В. А.Кравченко), куда отделение ВЧ-связи и вошло.

Добившись возврата структур ВЧ-связи в свой наркомат, Берия исходил, конечно, не из ведомственных интересов – новому НКВД объективно было более свойственно по-прежнему курировать существующие и создавать новые засекреченные линии связи, которые становились эффективным элементом государственного и хозяйственного управления. Да и для оперативных нужд наркома внутренних дел защищенные от прослушивания ВЧ-линии были нужны больше, чем для НКГБ.

Что же до пограничников, то им оставаться в НКВД тоже было на роду, так сказать, написано. И для погранвойск Берия как нарком всего за три неполных предвоенных года сделал много.

Конечно, лучшие традиции советских пограничников были заложены не Берией, а до него. Но он их развил, начиная с того, что в 1939 году начал издаваться журнал «Пограничник», быстро ставший популярным.

Идейное оружие, впрочем, эффективно тогда, когда подкреплено эффективной организацией и соответствующим материальным оружием. Я уже не раз говорил, что Берия был блестящим управленцем. И любое новое дело он воспринимал именно как компетентный управленец… Так же он подошел и к совершенствованию организации охраны государственной границы (а при этом он, природный чекист, не забыл и об организации разведывательной работы в погранвойсках).

Ниже я процитирую книгу генерал-майора в отставке «Граница и война» издания 1993 года Сечкина. Несмотря на фронтовое прошлое этого офицера-пограничника, особого уважения у меня к нему нет – он и фальшивки горчаковского пошиба о своем бывшем наркоме воспроизводит (ссылаясь на № 6-й журнала «Знамя» за 1990 год), и о Новобранце пишет так: «В.А. Новобранец (в отличие от лже-«майора Вихря» Сечкин эту фамилию пишет верно. – *С.К.)*… конечно же владел достоверной информацией о подготовке… нападения на Советский Союз, но информация эта не доходила до высшего руководства (н-да. – *С. К.)*. Тогда на свой страх и риск Новобранец разослал в войска сводку об истинном положении дел на границе – знаменитую сводку № 8, которая также легла на стол Сталину и Берии…»

В свете уже известного нам, уважаемый читатель, эти «откровения» Сечкина не впечатляют. Но тем ценнее некоторые ***факты***, им приводимые. А они таковы:

«В феврале было принято постановление СНК (в 1993 году бывший член КПСС Сечкин о том, что это было постановление СНК и **ЦК ВКП(б),** упоминать не счел нужным. – *С.К.),* которым из состава Главного управления пограничных и внутренних войск было выделено как самостоятельное Главное управление пограничных войск. Создание специального органа с ясно и четко определенными задачами и окружных управлений на местах благоприятным образом сказалось на организационном укреплении пограничных войск как войск специальных, предназначенных для охраны и защиты государственной границы СССР…

В течение 1938–1939 гг. была произведена полная реорганизация частей пограничных войск; переформированы штабы частей и соединений по единой схеме управления сверху донизу, **созданы органы разведки частей и соединений пограничных войск также по единой схеме** (выделение здесь и ниже мое. – ***С.К.)***\ переформированы все управления комендатур по двум основным типовым штатам (сухопутному и береговому) <…> сформированы и вновь переформированы имевшиеся подразделения связи <…> произведена моторизация транспорта частей <…> сформировано… 7 морских школ, переформированы 7 школ служебных собак и школа связи.

<…>

Техническая реконструкция войск, **перевооружение сухопутных пограничных частей современным стрелковым оружием** … развитие пограничной авиации, внедрение в охрану границы инженерно-технических средств предъявляли повышенные требования к… подготовке командно-

начальствующего и политического состава.

<…>

К началу 1941 г. командные и инженерно-технические кадры для пограничных войск готовились в 11 военно-учебных заведениях Наркомата внутренних дел».

О Берии здесь – ни слова (Сечкин его если и упоминает, то лишь для того, чтобы мазнуть черной краской). Но во всем этом сразу виден почерк именно Лаврентия Павловича: четкая структура, развитие технических средств, подготовка кадров, надежная связь, моторизация…

И – не забудем – разведка! Разведка массовая, на предельно низовом уровне, разведка, по сути, проводимая простыми людьми, самим народом и поэтому наиболее надежная и ***достоверная***! Такую разведку, как я уже говорил, уместно назвать «муравьиной» – отдельный муравей несет немного, но в итоге вырастает огромный муравейник!

То, что в 1941 году погранотряды собирали такую разведывательную информацию, которой и ИНО ГУГБ вместе с ГРУ Генштаба могли бы позавидовать, – заслуга именно Берии! Он прекрасно поставил такую разведку еще в ЗакЧК, а потом – в Зак ОГПУ, так что значение ее для эффективной защиты как границ, так и безопасности государства знал не в теории.

Но заслуги «пограничника» Берии созданием приграничной разведки не ограничиваются. **Не будет преувеличением сказать, что реформы Берии на десятилетия определили общий облик советских пограничных войск!**

В литературе (например, в изданных в серии «Каталоги» в Новосибирске «Приказах НКВД СССР 1934–1941 гг.») отмечается, что две трети приказов наркома Берии по войскам касаются пограничных войск НКВД. Причем имели место и такие приказы, как «О выделении дополнительно в распоряжение ГУПВ 150 лошадей», то есть это были конкретные, деловые распоряжения. При этом каждую неделю Берии представлялись доклады о политико-моральном состоянии погранвойск, подписанные начальником Политического управления погранвойск, дивизионным комиссаром П.М. Мироненко.

Результаты внимания и заботы нового наркома сказались быстро – выросла не только специальная, но и чисто войсковая подготовка пограничников, хотя они по определению не призваны воевать как армейцы. А вот же – пограничники Берии воевали, да еще как! Их боеспособность уже к концу 1939 года была так хороша, что в финской войне, изобиловавшей просто-таки преступными просчетами армейцев, ситуация иногда складывалась анекдотическая.

Совместной директивой наркома обороны Ворошилова и наркома внутренних дел Берии № 16662 14 сентября 1939 года, то есть до начала боевых действий, было предусмотрено, что с их началом погранвойска входят в оперативное подчинение командования РККА до выхода частей РККА на рубеж 30–50 километров в глубь финской территории.

К середине декабря многие части 9-й армии на этот рубеж вышли, однако **войсковые командиры по-прежнему требовали выделения для поддержки подразделений пограничных войск. И** кончилось тем, что 17 декабря начальник штаба погранвойск НКВД Карельского округа полковник Киселев направил в штаб 9-й армии доклад, в котором тактично, но твердо напомнил армейским генералам, что дело погранвойск – охрана госграницы, а не прорыв сильно укрепленной обороны.

Да и охотиться по лесам за финскими снайперами подчиненные Берии, конечно, могут, намекал Киселев, но пора бы эту науку осваивать и подчиненным Ворошилова.

ПОГРАНИЧНИКИ воевать умели, а Берия озаботился и тем, чтобы они умели воевать еще лучше, и воевать лучшим оружием. Одним из неприятных для нас сюрпризов финской войны стало массовое применение финнами автоматов «Суоми». Образцы их в Наркомате обороны имелись и до войны, но в ходе боевых действий появились как новые трофейные автоматы, так и возможность составить представление об их эффективности в бою.

Однако никто из высоких военных чинов – ни старый нарком маршал Ворошилов, ни сменивший его нарком маршал Тимошенко, ни начальник вооружений РККА маршал Кулик, ни начальник Генштаба генерал армии Жуков – автоматы так и не оценили. Кулик как считал, что автоматы, мол, – это «оружие полиции и гангстеров», а вот русская трехлинеечка, мол, не подведет, так и после финской кампании своего мнения не изменил.

Поэтому армия массовых заказов промышленности на автоматы не сделала, хотя в СССР имелись неплохие отечественные разработки. Собственно, первое стрелковое оружие, получившее название «автомат» – автоматическую винтовку с емкостью магазина на 25 патронов, русский оружейник генерал Федоров разработал еще в 1916 году. К слову, в 1928 году, за 11 лет до установления звания Герой Социалистического Труда, он был удостоен в СССР звания Герой Труда.

Увы, даже после финской войны армия автоматы не жаловала. В 1940 году, при налаженном оружейном производстве,

промышленность СССР произвела всего 81,1 тысячи пистолетов-пулеметов (так официально назывались автоматы). А вскоре после начала Великой Отечественной войны их срочно поручали делать чуть ли не кроватным мастерским – заводское производство не могло удовлетворить потребности армии, понявшей, наконец, что это такое в маневренном бою – автоматы!

Зато верные выводы задолго до войны сделал нарком внутренних дел товарищ Берия. И заказал для погранвойск столько автоматов, сколько позволяла смета расходов Главного Управления погранвойск НКВД.

К началу 1941 года только в Украинском пограничном округе имелось на вооружении 300 станковых пулеметов, более 600 ручных пулеметов и немало автоматов. А кроме того – около 500 автомобилей.

Возможно, читатель помнит, как Берия боролся за автобусы для Тбилиси, будучи секретарем Заккрайкома. Теперь он заботился о мобильности погранвойск.

В пяти же отрядах Белорусского пограничного округа имелось 200 станковых пулеметов, около 400 ручных пулеметов, около 6,5 тысячи самозарядных винтовок и 2,5 тысячи автоматов.

Причем в 1940 году для усиления огневых возможностей погранзастав было дополнительно выделено 3515 пистолетов-пулеметов (автоматов), 1200 самозарядных винтовок и 110 станковых пулеметов, а в марте – апреле 1941 года – 357 ротных минометов РМ-50, 45 станковых пулеметов и 18 противотанковых ружей.

Вот это и было то, что генерал Сечкин называл «перевооружением сухопутных пограничных частей современным стрелковым оружием», «забыв» при этом упомянуть, что таковое перевооружение – результат прозорливости наркома Берии.

Относительная насыщенность погранвойск автоматическим оружием перед войной во много раз превосходила армейские показатели. И с началом войны НКВД пришлось порой делиться с армией своими запасами, хотя они подчиненным Берии и самим были нужны для боев с теми же немцами!

В течение 1939–1940 годов личный состав погранвойск возрос на 50 %, а в начале 1941 года «не готовившийся к войне» Берия добивается и дополнительного увеличения их численности, с доведением ее на западной границе до 100 тысяч человек в пределах пяти приграничных *военных* округов: Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского.

Пограничных же западных округов было восемь: Мурманский, Карело-Финский, Ленинградский, Прибалтийский, Белорусский,

Украинский, Молдавский и Черноморский. Причем в Белорусском и Украинском пограничных округах было сосредоточено 47 % численности всех западных погранвойск. Уже это говорит о том, что Берия направления возможных главных ударов немцев видел не хуже разрекламированного позднее Жукова.

Да и как их можно было не видеть, как можно было не предвидеть возможное развитие событий, передавая Сталину ту информацию, которую ему передавал Берия?

И мог ли Берия не видеть предгрозовой обстановки, если точно знал такую вот статистику… В первом квартале 1940 года среди весьма многочисленных нарушителей границы (а ее нарушали и контрабандисты, и кумовья по разные стороны границы, решившие навестить родственников) было разоблачено 28 немецких агентов, во втором квартале – 43, в третьем – 64, в четвертом – 99, а в первом квартале 1941 года – уже 153.

Конечно же, Берия все понимал и заранее готовил погранвойска к обороне.

ПОГРАНИЧНИКИ были подготовлены к войне лучше армейцев уже самой сутью своей службы. Если армия стреляет боевыми патронами по врагу лишь с началом войны, то погранвойска всегда на войне. И для них Великая Отечественная началась задолго до 22 июня. Скажем, в апреле 1941 года на участке 86-го погранотряда границу перешла разведгруппа… Шестнадцать человек, переодетых в форму инженерных войск Красной Армии… После встречи с ними наших пограничников началось форменное сражение. В итоге 11 диверсантов было убито, 5 взято в плен.

Это был не единичный случай – с апреля по ноябрь 1940 года только в Украинском погранокруге было ликвидировано 38 банд и вооруженных эмигрантских групп общей численностью 486 человек! А в целом накануне войны было отражено более 500 вооруженных вторжений на советскую территорию.

Да, граница готовилась заранее. В монографии А.И. Чугунова «Граница сражается» об этом сказано так:

«Что касается пограничных застав, комендатур и отрядов, то они за короткое (предвоенное! – С.К.) время успели оборудовать оборонительные сооружения легкого типа: блиндажи, траншеи, ходы сообщения, дзоты, окопы, которые дали возможность создать сравнительно прочные узлы сопротивления во время боевых действий на передовом рубеже».

Было ли бы все это возможно без санкции наркома Берии? И дал ли бы он эту санкцию, если бы, как и его подчиненные, не видел очень высокой вероятности начала войны уже в 1941 году?

Ведь ходы сообщения и окопы за год до начала войны не оборудуют.

Глава 16
Накануне…

27 декабря 1940 года новый нарком обороны маршал Тимошенко, сменивший маршала Ворошилова, издал приказ № 0367, гласивший:

«Приказом НКО 1939 г. № 0145 требовалась обязательная маскировка всех вновь строящихся оперативных аэродромов. Главное управление ВВС Красной Армии эти мероприятия должно было провести не только на оперативных, но и на всей аэродромной сети ВВС. **Однако ни один из округов должного внимания этому приказу не уделил и его не выполнил** (выделение везде мое. – С.К.).

Необходимо осознать, что без тщательной маскировки всех аэродромов, создания ложных аэродромов и маскировки всей материальной части в современной войне немыслима боевая работа авиации.

Приказываю:

<…>

3. Все аэродромы… засеять обязательно с учетом маскировки и применительно к окружающей местности путем подбора соответствующих трав. На аэродромах имитировать поля, луга, огороды, ямы, рвы, канавы, дороги, с тем, чтобы полностью слить фон аэродрома с фоном окружающей местности.

<…>

К 1 июля 1941 г. закончить маскировку всех аэродромов, расположенных в 500-км полосе от границы.

<…>

9. Генерал-инспектору ВВС установить контроль и о ходе работ докладывать ежемесячно.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза С. Тимошенко».

Как видим, высшее руководство Красной Армии отнюдь не ориентировало ее на быструю и обязательно успешную наступательную войну, а призывало всесторонне обеспечивать оборону от возможного нападения.

Далее… Что значит срок приказа «к 1 июля 1941 г.»?

Это значит, что если бы комиссия, назначенная наркомом проверить исполнение его приказа № 0367 от 27 декабря 1940 года, 1 июля пролетела бы над всей 500-километровой полосой от границы, то в идеале она, вместо аэродромов, должна была бы

увидеть с воздуха «луга, огороды и ямы».

Но это же значит, что все основные работы по маскировке к середине июня уже должны были закончиться. И к тому были все возможности – приказ был отдан задолго до весенней поры, когда надо сеять травку.

Увы, приказ наркома Тимошенко № 0367 от 27.12.40 г. не был выполнен, так же как не был выполнен приказ наркома Ворошилова № 0145 от 09.09.39 (тридцать девятого!) года.

И если стоять на позициях «демократически» продвинутых «историков», то винить в этом кого-либо, кроме извергов Сталина и Берии, уничтоживших «цвет РККА», не приходится. А генерал-инспектор ВВС, помощник начальника Генштаба РККА по авиации дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Яков Смушкевич и начальник Главного управления ВВС, заместитель наркома обороны Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов тут ни при чем. Их ведь «безвинно» расстреляли после начала войны по распоряжению все того же «кровавого палача» Берии, и только разоблачитель этого «палача» Никита Хрущев их в 1954 году реабилитировал.

Собственно, и Тимошенко приказ-то отдал, а потребовать исполнять его в части ежемесячных докладов генерал-инспектора ВВС явно позабыл. Иначе приказ-то был бы выполнен! А так в приказе № 0042 от 19 июня 1941 года нарком Тимошенко и начальник Генштаба Жуков констатировали:

«По маскировке аэродромов и важнейших военных объектов до сих пор ничего существенного не сделано.

Аэродромные поля не засеяны, полосы взлета под цвет местности не окрашены, а ***аэродромные постройки, резко выделяясь яркими цветами, привлекают внимание наблюдателя на десятки километров.***

Скученное и линейное расположение самолетов на аэродромах при полном отсутствии их маскировки и плохая организация аэродромного обслуживания с применением демаскирующих знаков окончательно демаскируют аэродром…»

Как следовало из того же приказа, устроить ложные аэродромы руководство ВВС к 19 июня 1941 года тоже не удосужилось. А о скученности техники можно судить по фотографиям наших уничтоженных на земле самолетов, сделанным немцами в 1941 году. Обгоревшие, разрушенные самолеты на этих фото стоят крыло к крылу, да еще и в два ряда.

Так надо ли после ***такого*** удивляться, что война началась так, как она началась? И виновен ли в том, что она так началась, Сталин?

А ведь многие наземные генералы по части преступного пренебрежения делами службы ушли от авиационных генералов недалеко. И об этом говорилось в том же приказе № 0042 от 19 июня 1941 года:

«Аналогичную беспечность к маскировке проявляют артиллерийские и мотомеханизированные части: скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели.

Танки, бронемашины, командирские и другие спецмашины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли.

Ничего не сделано по маскировке складов и других важных военных объектов».

Причем, уважаемый читатель, это еще не все, что я имею сообщить о ситуации накануне войны…

НО ПОКА вернемся немного назад, чтобы еще раз посмотреть, как «не готовился» к войне уже не пограничник Берия, а разведчик Берия… С 3 февраля 1941 года внешней разведкой ведал нарком ГБ Меркулов. Но до 3 февраля он был лишь заместителем Берии и начальником ГУГБ НКВД. То есть до 3 февраля 1941 года и чекистской разведкой в конечном счете ведал Берия, и ни одна серьезная разведывательная акция без его санкции не была возможна.

Лишь нарком Берия мог дать «добро» и на те операции, о которых потом вспоминала Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина… Спелая русская красавица, полковник внешней разведки, она начала работу в конце 20-х и перед войной входила в руководство немецкого отделения. О ней можно писать книги, но она и сама ее о себе и о разведке написала – «Под псевдонимом Ирина».

К сожалению, эта книга не свободна от многочисленных неточностей (в описаниях событий перед войной, например, начинает фигурировать военная контрразведка «Смерш», созданная лишь в 1943 году, и т. д.). Еще прискорбнее то, что книга не свободна от более серьезных недостатков. Однако Воскресенская-Рыбкина – действительно яркая фигура первого ряда. И знала она много, во многом же участвуя… Работала она и с двумя очень информированными вражескими разведчиками, сидевшими в польской Львовской тюрьме и оказавшимися в наших руках после 17 сентября 1939 года, когда РККА заняла территорию Западной Украины.

В середине 1940 года начальник 5-го (ИНО) отдела ГУГБ НКВД Павел Фитин поручил Рыбкиной «раскрутить» опытного агента абвера, арестованного поляками, штабс-капитана царской армии Атександра Сергеевича Нелидова. Вначале он упирался, но, в конце концов, сдался. Нелидов принимал участие в штабных военных играх германского Генштаба и сообщил много ценных сведений, но я вспомнил о нем и о Рыбкиной потому, что вся операция, хотя и проходила в пределах внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке, не могла начаться, как я уже говорил, без предварительных обсуждений у Берии. Рыбкина об этом умалчивает, но иначе просто быть не могло.

Еще более необходимой была санкция Берии на операцию с асом 2-го (разведывательного) отдела польского генштаба Сосновским. Талантливый, блестящий резидент польской разведки в Берлине, он вел светскую жизнь и имел отличную агентуру в высших сферах, большинство которой составляли его же любовницы. Увы, среди них были и «подставы» Гиммлера. Сосновского арестовали, но полякам удалось обменять его на двух крупных агентов абвера. Впрочем, лишь для того, чтобы пересадить экс-резидента из тюрьмы в Берлине в тюрьму во Львове.

Сосновского «разговорили» особенно эффектно. Через нашего агента в гестапо, ведавшего разработкой Сосновского (возможно, это был Леман-Брайтенбах), были известны все подробности многих разведывательно-интимных похождений Сосновского. И поляка взяли на Лубянке в двойную разработку. Рыбкина вела допрос, расспрашивая о деталях, например, вербовки жены ответственного работника германского МИДа, Сосновский уклонялся, заявлял, что ничего не помнит. Тогда сидевший молча в уголке Василий Михайлович Зарубин, сам супер-ас разведки, начинал рассказывать за Сосновского… Он «помнил» все: счета в ресторанах, адреса вилл, где проходили свидания, номера и марки автомобилей…

И так – по нескольким позициям, в смысле – любовницам – агентам.

Кончилось тем, что пораженный осведомленностью русских Сосновский полностью «раскололся»… Но ведь вся эта комбинация без санкции Берии осталась бы лишь хитроумным и рискованным (да-да!) бумажным планом. Да, всего планом, если бы на его реализацию не согласился нарком. А он согласился, потому что сам был блестящим профессионалом.

Операции с Нелидовым и Сосновским продолжались и после разделения наркоматов в феврале 1941 года, но с 20 июля 1941 года НКВД и НКГБ вновь объединили под руководством Берии.

И как по-разному он распорядился судьбами двух подопечных Рыбкиной. Сосновский был расстрелян. Это был, увы, абсолютно необходимый шаг в условиях, когда немцы подошли к Москве. А вот Нелидов…

Нелидова… освободили и предложили перебраться в нейтральную Турцию, ему хорошо знакомую, в качестве сотрудника разведки НКВД. В таком предложении был точный психологический расчет и умение понять – кому и когда можно поверить и доверить важное дело.

О роли Берии в решении судьбы Нелидова Рыбкина тоже умолчала. Но кто, кроме наркома, мог окончательно санкционировать направление ***за кордон*** в условиях успешного наступления немцев ***бывшего доверенного сотрудника адмирала Канариса,*** хорошо знавшего Нелидова лично?

А нам рассказывают, что Берия-де «никому не доверял».

ОТ РАЗВЕДЧИКА Берии вернемся к пограничнику Берии.

Имеется одно яркое и убедительное свидетельство того, с одной стороны, какими были погранвойска Берии накануне войны, а с другой… С другой же стороны, это свидетельство послужит мне некой присказкой к рассказу о том, что Сталин-то перед войной сделал все, что от главы государства перед близкой войной требуется, как сделал все и Берия, а вот генералы…

Есть такая книга – ***«Я*** – истребитель», написанная генерал-майором авиации Героем Советского Союза Георгием Нефедовичем Захаровым. Перед войной он командовал 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа. Пребывая тогда в звании полковника, Захаров уже имел опыт боев в Испании (6 самолетов лично сбитых и 4 в группе) и в Китае (3 лично сбитых).

Цщтата из его книги (выделение жирным шрифом везде мое) будет обширной, но сократить в ней что-либо я не мог – здесь важна каждая фраза.

«…Где-то в середине последней предвоенной недели – это было **либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня** сорок первого года – я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север – до Белостока.

Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем незамаскированные танки, бронемашины, орудия. По

дорогам шныряли мотоциклы, легковые – судя по всему, штабные – автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее… и готовое вот-вот перехлестнуть через нее.

Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме единственного: близится война.

Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт, и вывод, который я для себя сделал, можно сформулировать в четырех словах: «со дня на день».

Мы летали тогда немногим более трех часов. Я часто сажал самолет на **любой подходящей** площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, **молча** брал под козырек (то есть он заранее знал, что скоро сядет наш самолет со срочной информацией! – *С.К.)* и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30–50 километров, **снова садились.** И я снова писал донесение, а другой пограничник **молча ждал** и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных…»

Вот как четко была организована служба у пограничников Берии! Это первое, что сразу же бросается в глаза. Впрочем, везде, где во главе дела становился он, четкость и порядок быстро становились обычной практикой. Не из-за страха, а в силу эффективной организации и знания каждым своего места в общем строю. И из пограничного «секрета» донесение Захарова немедленно уходило на заставу, оттуда – в штаб погранотряда, оттуда – в штаб погранокруга, а тот уже телеграфировал в Главное управление погранвойск НКВД…

В обычных случаях очередная сводка ложилась на стол наркома спустя какое-то время. Но случай с Захаровым был не просто особым, но в полном смысле слова уникальным. ***В подлинной истории войны он должен быть описан жирным шрифтом и заглавными буквами***, а почему так, читатель скоро поймет… А возможно, уже и понял.

Информация разведки погранвойск (а мы знаем, что она была точной и обширной) дважды в сутки представлялась пограничниками не только по внутренней «иерархии» НКВД, но также в штабы военных округов, оперативные отделы которых сразу же передавали ее в Генштаб. Но делали ли из этой

информации выводы в Генштабе и в штабах округов?

Захаров пишет:

«В Белостоке заместитель командующего Западным Особым военным округом генерал И.В. Болдин проводил разбор недавно закончившихся учений. Я кратко доложил ему о результатах полета и в тот же вечер на истребителе, предоставленном мне Черных, вернулся в Минск…»

Странно!

Например, автор капитального опуса «Западный Особый» Руслан Иринархов стандартно обвиняет Сталина в том, что его мнение-де о невозможности войны полностью блокировало любые инициативы по изменению расположения войск. А оказывается, вблизи границы, в ЗапОВО, в июне 1941 года даже учения можно было проводить! Так чего тогда стоят россказни относительно того, что Сталин так, мол, боялся дать немцам повод, что требовал от военных, чтобы они тихо, как мышки, сидели, и нос никуда не высовывали? Потому, мол, в кальсонах войну и встретили…

Не знаю, как распорядился сведениями Захарова генерал Болдин, но с началом войны он, командуя оперативной группой войск, отрезанной от главных сил Западного фронта в районе Белостокского выступа, успешно вывел ее из окружения. Зато командующий ЗапОВО Павлов на прямое свидетельство боевого, с богатым военным опытом, командира авиационной дивизии реагировал, мягко говоря, неадекватно… И я в последний раз даю слово непосредственно Захарову:

«Командующий ВВС округа генерал И.И. Копец (22 июня 1941 года он застрелится. – *С.К.)* выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом (фронтом). Слушая, генерал армии Д.Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил, а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно заменяла слово «преувеличивать» на «паниковать» – он явно не принял до конца всего того, что я говорил… С тем мы и ушли».

А нам рассказывают, что Сталин-де «не верил предупреждениям Павлова».

И ВОТ ТУТ я читателя, пожалуй, огорошу, заявив, что с 18 июня 1941 года Сталин, вообще-то, не нуждался уже ни в чьих предупреждениях. **Он точно знал, что война начнется уже очень скоро. И «сообщил» ему об этом сам… Гитлер!**

Захаров, как я понимаю, искренне не помнит, когда он летал по заданию генерала Копца – 17 или 18 июня. Но я, с ним тогда не летавший, склонен считать, что летал он 18 июня! Во всяком случае – не позднее… И летал ***по заданию Сталина***, хотя сам об этом, конечно, не знал, как не знал этого и Копец.

Я предлагаю читателю задуматься: почему, если задание Захарову давал командующий авиацией ЗапОВО, то есть – человек из ведомства наркома обороны Тимошенко, донесения от Захарова везде принимали пограничники из Наркомата внутренних дел, возглавлявшегося наркомом Берией? И принимали молча, не задавая вопросов: кто, мол, ты такой и чего тебе надо?

Но почему вопросов не было? Как это так?! В напряженной приграничной атмосфере у самой границы производит посадку непонятный самолет, и пограничный наряд не интересуется: а что, собственно, пилоту здесь нужно?

Такое могло быть в одном случае: когда на границе под каждым, образно говоря, кустом этот самолет ждали.

А зачем его ждали? Кому нужны были, да еще и в реальном масштабе времени, сведения Захарова? Уверен, что объяснение может быть одно: ***не позднее 18 июня 1941 года Сталин провел личный стратегический зондаж намерений Гитлера,***

Представим себе еще раз ситуацию того лета…

Сталин получает информацию о близящейся войне от нелегалов и легальных закордонных резидентур Меркулова из НКГБ, от нелегалов генерала Голикова из ГРУ Генштаба, от военных атташе и по дипломатическим каналам. Но все это может быть стратегической провокацией Запада, видящего в столкновении СССР и Германии собственное спасение.

Однако есть созданная Берией разведка погранвойск, и вот ее-то информации верить не только можно, но и надо. Это – интегральная информация от такой разветвленной периферийной разведывательной сети, что она может быть лишь достоверной. И эта информация доказывает близость войны.

Подобная (и независимая!) информация приходит также от разведотделов приграничных армейских округов. И ей тоже можно и нужно верить. Но как проверить все окончательно?

Идеальный вариант – спросить самого Гитлера о его подлинных намерениях. Не окружение фюрера, а его самого, потому что фюрер не раз неожиданно даже для окружения менял сроки реализации собственных приказов!

И Сталин 18 июня обращается к Гитлеру о срочном направлении в Берлин Молотова для взаимных консультаций, Я подчеркиваю, уважаемый читатель, что сообщаю не о гипотезе,

а о факте! Сталин действительно делал Гитлеру такое предложение.

Гитлер отказывает.

Даже если бы он начал тянуть с ответом, это было бы для Сталина доказательством близости войны. Но Гитлер вообще сразу отказал.

И Сталин понял: это – война. И для окончательной проверки посылает в разведку Захарова, а точнее – отдает соответствующие распоряжения, подключая сюда и Берию.

Сведения же о предложении Сталина Гитлеру отыскиваются в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск рейха Франца Гальдера. Этот нормативный для любого историка войны источник был опубликован ордена Трудового Красного Знамени Военным издательством Министерства обороны СССР в 1968–1971 годах, и на странице 579 тома 2 среди других записей 20 июня 1941 года имеется следующая:

«Молотов хотел 18.6 говорить с фюрером».

Одна фраза…

Но эта фраза, достоверно фиксирующая факт предложения Сталина Гитлеру о срочном визите Молотова в Берлин, ***полностью переворачивает всю картину последних предвоенных дней!***

Полностью!

Впервые этот феноменальный факт, ранее как-то ускользавший от моего внимания, я обнаружил в блестящем исследовании Арсена Мартиросяна: «Трагедия 22 июня: Блицкриг или измена? Правда Сталина» (М.: Яуза, ЭКСМО, 2006), за что я ему весьма признателен.

Так вот, не исключено, что дата 18 июня – как предлагавшаяся Сталиным, но отклоненная Гитлером – указана Гальдером по факту его осведомления, но само предложение Сталин сделал 17-го к вечеру, после некоего знаменательного разговора с Меркуловым и Фитиным, о котором – чуть позже.

После отказа Гитлера не надо было быть Сталиным, чтобы сделать тот же вывод, который сделал и полковник Захаров и который можно сформулировать в четырех словах: «со дня на день».

И Сталин поручает Наркомату обороны обеспечить срочную и эффективную воздушную разведку приграничной зоны с немецкой стороны. И подчеркивает, что разведка должна быть проведена опытным авиационным командиром высокого уровня. Возможно, он дал такое задание командующему ВВС РККА Жигареву, побывавшему в кабинете Сталина с 0.45 до 1.50 17 (собственно, уже 18-го) июня 1941 года, а уж тот позвонил в

Минск Копцу.

Мог ли Копец выбрать лучшую кандидатуру, чем полковник Захаров?

С другой стороны, Сталин поручает Берии обеспечить немедленную и без помех передачу собранной этим опытным авиатором информации в Москву.

Вот почему Захарова на всем маршруте его полета, в зонах нескольких пограничных отрядов, под каждым кустом **ждал** пограничный наряд, **даже не спрашивая** – что это за самолет сел в пограничной полосе. Он ведь садился на «подходящих площадках» не по собственной инициативе. Ему, безусловно, было заранее сказано, что все сведения в реальном масштабе времени надо периодически передавать через пограничников, делая посадки через 30–50 километров.

Причем обязательно периодически, а не один раз в конце полета! Потому что, во-первых, время не ждало! В реальном масштабе времени сведений от Берии ждал сам Сталин. При скорости У-2 (позднее переименованного в По-2) примерно в 120–150 километров в час фактор времени на 400-километровом маршруте уже был значимым.

А во-вторых… Во-вторых, Захарова в какой-то момент немцы могли и сбить. И тогда хотя бы часть оперативной информации до Сталина все равно через Берию дошла бы.

Она же дошла вообще полностью. И уже к вечеру 18 июня Сталин знал точно и окончательно: война на носу.

Возможно, впрочем, что приведенную мной реконструкцию событий надо кое в чем изменить (особенно если Захаров летал не 18-го, а 17-го), то есть, возможно, вначале был полет Захарова, а уж после него – обращение Сталина к Гитлеру. Возможно и параллельное совмещение этих событий. Но несомненна их взаимосвязь и взаимная обусловленность в реальном, подчеркиваю, масштабе времени.

Поняв, что Гитлер решился-таки на войну с Россией, Сталин немедленно (то есть не позднее вечера 18 июня) начал отдавать соответствующие распоряжения НКО, НК ВМФ и НКВД.

Это не могло не быть так или иначе замечено чужим глазом, что подтверждается и в записке Сталину, Молотову и Берии, направленной Меркуловым 21 июня 1941 года.

Записка содержала текст беседы двух московских иностранных дипломатов, состоявшейся 20 июня. Точные данные относительно их гражданства в тексте записки, опубликованной в сборнике «Секреты Гитлера на столе у Сталина», Служба внешней разведки изъяла даже в 1995 году! Однако нам сейчас важен сам

разговор, часть которого я ниже привожу:

«……: Когда приехал ваш генерал-лейтенант?..

……: Вчера. Он видел Тимошенко и Жукова.

……: <…> Вы с ним были?

……: Я с ним был.

<…>

……: Но он ничего не спрашивал? Тимошенко знал, что он от вашего генерала подходящего ответа не получит…. А здесь все беспокоятся – война, война.

……: Да-да. Русские узнали».

Да, русские узнали!

И узнали заблаговременно потому, что усилия множества крупных и мелких разведчиков, предпринимаемые в последние месяцы, увенчал личный зондаж Сталина!

В свете этого зондажа в истинном свете выглядит и Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года о том, что «по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы…».

Сталин Заявлением ТАСС от 14 июня как бы предварял свое последующее предложение Гитлеру о немедленной посылке в Берлин Молотова.

То есть это была первая фаза зондажа.

Предложение о срочном визите Молотова было второй фазой.

Отказ Гитлера стал «лакмусовой бумажкой».

Полет Захарова и сведения от него, принятые пограничниками Берии и немедленно переданные последним Сталину, поставили последнюю точку.

Теперь надо было немедленно дать указание Тимошенко, Жукову и наркому ВМФ Кузнецову о срочном приведении – без особого шума – приграничных войск и флотов в боевую готовность и ждать развития событий.

Поскольку они нарастали, 21 июня Сталин санкционировал вторую директиву.

То есть, как и утверждали ранее Юрий Мухин и Арсен Мартиросян, первая директива о готовности к нападению была санкционирована Сталиным вечером 18 июня – сразу после полета Захарова.

Я подчеркиваю, что то, что читатель прочел, я не могу подтвердить чем-либо кроме того, что уже сообщил. Реконструкция событий с 14 июня, когда было опубликовано Сообщение ТАСС, по вечер 18 июня, когда полковник Захаров

прилетел в Белосток, есть итог прежде всего логического анализа, который дался мне непросто. Он растянулся на, пожалуй, пару лет и завершился лишь в ходе работы над этой книгой. И уж пусть сам читатель делает вывод о достоверности моей реконструкции.

Лично я считаю, что она полностью отражает то, что и происходило на самом деле. А при этом выявляет истинную роль Сталина и Берии в те дни. Они-то в тот час оказались полностью компетентными – каждый на своем уровне. В отличие от очень многих других.

Причем Берия в это время дважды оказался на высоте: во-первых, как организатор «муравьиной» разведки погранвойск, обеспечившей сбор стратегически важной и ***абсолютно достоверной*** (в целом) информации, а во-вторых, как организатор оперативной передачи Сталину сведений Захарова.

Есть и другие, косвенные, впрочем, подтверждения моей реконструкции.

Так, адмирал Кузнецов в своих мемуарах «Накануне» пишет:

«…Сообщение ТАСС от 14 июня звучит особенно нелогично теперь, когда мы знаем, как отреагировал на него Гитлер. 17 июня, то есть буквально через три дня, он отдал приказ начать осуществление плана «Барбаросса» на рассвете 22 июня. Просматривая сводки с флотов, можно убедиться в повышенной активности немцев на море именно с этого рокового числа – 17 июня…»

Однако тут как раз все логично! Если Сообщение ТАСС было зондажным (а оно таковым и было), а 17-го была проведена вторая фаза сталинского зондажа с предложением о визите Молотова, то Гитлер после своего отказа должен был немедленно санкционировать «Барбароссу» окончательно. Он ведь тоже был не дурак. Войска рейха изготовлены. Фюрер еще, возможно, колебался, но когда увидел, что Сталин ставит его в ситуацию «момента истины», то сразу же понял – немедленно после его отказа Сталин должен будет предпринять срочные меры в приграничных военных округах. А это значит, что фактор внезапности нападения – под угрозой.

И Гитлер отдал окончательный приказ.

Причем имеется очень интересное, тоже работающее на мою реконструкцию, свидетельство с той стороны – в мемуарах Луитпольда Штейдле, бывшего командира 767-го гренадерского полка 376-й пехотной дивизии 6-й армии Паулюса. Накануне войны Штейдле командовал батальоном полка, дислоцированного в районе Белостокского выступа, и сообщает вот что:

«Восемнадцатого июня моему полку было приказано в течение 24 часов реквизировать в точно обозначенном районе 600 лошадей с телегами. Акция была внезапной и сначала выдавалась за полицейско-ветеринарное мероприятие… Теперь каждая рота получила дополнительно гужевой транспорт. Ставилась цель гарантировать наивысшую степень подвижности… в стороне от больших дорог…

Однако почти никто не верил, что положение столь серьезно. И в прошлом не раз случалось, что Гитлер добивался своего путем военных демонстраций (как видим, у Сталина до его прямого зондажа были объективные основания колебаться в оценке планов Гитлера. – *С.К.)*… Штаб дивизии почти ничего не знал ни о противнике, ни о том, как наше командование оценивает обстановку в целом…»

Итак, и тут как некий рубеж называется примерно тот же (17–18 июня) предвоенный день. Думаю, это – не случайно.

ПОСЛЕДНЕЕ, что остается сказать мне здесь о событиях последней предвоенной недели, это несколько слов как об информационном обеспечении Сталина в те дни, так и о позднейшем информационном его предательстве бывшими соратниками. То есть – о многолетней, в последние годы еще более укрепившейся лжи насчет того, что войну-де «проморгал» Сталин.

В опровержение этой лжи кое-что сказано выше. Но я приведу еще один пример того, как даже лично вполне достойные люди то ли по неведению, то ли по неспособности к широким обобщениям, то ли по слабости характера, то ли в силу подлости политкорректировщиков их воспоминаний фактически предают своего Верховного Главнокомандующего Сталина, как предают они и его соратника Берию.

Скажем, на обороте первого форзаца книги Воскресенской, изданной в 1997 году, помещена ее фотография в форме, в папахе, а под фото идет текст, завершающийся факсимиле подписи автора.

Вот этот текст, полностью:

«Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке нападения гитлеровской Германии на Советский Союз (насколько «эффективной» была такая проверка, можно судить по тому, что

двойную роль Лицеиста она не выявила. – *С.К.)*…

Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме – краткое и четкое: мы на пороге войны.

17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов Старшины и Корсиканца с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

Иосиф Виссарионович ознакомился с нашим докладом и швырнул его. «Это блеф! – раздраженно сказал он. – Не подымайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».

Это ведь подано не как беллетристика, а как исторический факт. И отсюда виден как раз тот Сталин, каким его и выставляют все эти годы… Тиран, тупо, упрямо не желающий видеть очевидного и раздраженно отшвыривающий от себя «неудобные» сведения, истинность которых так трагически подтвердится уже через четыре дня…

Еще более лихая версия приведена в книге А. Сухомлинова «Кто вы, Лаврентий Берия», о которой я позднее скажу подробно. В ней имеется такая якобы сталинская виза: «*Товарищу Меркулову. Можете послать Ваш источник из штаба германской авиации к е… матери. Это не «источник», а дезинформатор…»*

Далее А. Сухомлинов пишет: «Нецензурные слова Сталин не только написал, но и подчеркнул дважды. Все это есть в архивах…» Что ж, после Хрущева и Горбачева в архивах можно действительно найти много чего, никогда в реальном масштабе сталинской эпохи не существовавшего. Но архивы архивам рознь. Поэтому как все же грустно, что подобные «сенсации» могут появляться даже после того, как опубликованы не перепевы, не измышления, а документы. Причем тут уж – достоверные. Я имею в виду упоминавшийся мной сборник «Секреты Гитлера на столе у Сталина», появившийся на прилавках за два года до издания книги Воскресенской и за десять лет до книги А. Сухомлинова. И в этом сборнике на страницах 161–162 можно прочесть тот документ, который Зоя Ивановна процитировала, безбожно все, увы, переврав.

Во-первых, это был не некий сводный меморандум по материалам «всех зарубежных резидентур», а всего лишь сопроводительная записка Меркулова № 2279/М Сталину, Молотову и Берии от 17 июня 1941 года. К записке было приложено очередное агентурное донесение из Берлина,

составленное на основании сообщений Старшины и Корсиканца № 4261 и № 4262 от 16.VI.41 г.

В скобках замечу, что фальсификаторы горчаковского образца, измышляя мифических «секретных сотрудников» Алмаз, Кармен и прочих, якобы «бомбардировавших» Берию «дезой» и перечисленных в якобы его визе 21 июня 1941 года, не рискнули включить в этот фальшивый список реальных Старшину и Корсиканца. А вот они-то как раз постоянно сообщали о готовящемся нападении, в том числе и в донесениях от 16 июня 1941 года. И те слова, которые Воскресенская приписывает себе как ***свое*** итоговое резюме, на самом деле стояли первым пунктом в сообщении Старшины Шульце-Бойзена. Отсюда и несколько непривычная для нашего уха формулировка: «…мероприятия… по подготовке вооруженного выступления против СССР…».

Само сообщение из Берлина было, между прочим, не самым информативным и содержало ряд хотя и важных, но второстепенных, на фоне происходящего, сведений. Значения работы Бойзена и Харнака это, конечно, не умаляет. Разведчик передает в Центр все, что узнает, а уж ранжировать информацию – дело аналитиков Центра.

Что же до ***реальной*** сталинской реакции на эту записку Меркулова, то я почти полностью приведу текст, касающийся ее, из редакционного примечания 120, размещенного на страницах 232–233 упомянутого выше сборника документов:

«Ознакомившись с агентурным сообщением, Сталин в тот же день (то есть 17 июня. – *С.К.)* вызвал к себе народного комиссара государственной безопасности В.Н. Меркулова и начальника внешней разведки П.М. Фитина. Беседа велась преимущественно с Фитиным. Сталина интересовали мельчайшие подробности об источниках. Фитину казалось, что он полно и точно рассказал о Корсиканце и Старшине и объяснил, почему разведка им доверяет. Сталин заметил: «Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне»…»

Сведения о том, как проходила беседа 17 июня, исходят от Фитина. И они рисуют нам совсем иного Сталина, подлинного – не упрямца, а предельно ответственного и осторожного государственного деятеля.

В примечании 120 далее сообщается, что результатом приказания Сталина, отданного 17 июня, стал документ, подготовленный 20 июня 1941 г. внешней разведкой и известный, как «Календарь сообщений Корсиканца и Старшины с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г.». В нем были собраны все основные сведения, предупреждавшие о предстоящей войне, с указанием,

от кого и когда получили информаторы эти сведения. Воскресенская имела в виду, скорее всего, именно его. Однако в примечании 120 почему-то отсутствуют указания на то, попал ли 20 июня этот «Календарь» на стол Сталину. Он ведь прямо приказал о результатах перепроверки доложить ему, и вряд ли Фитин в той ситуации мог проигнорировать этот приказ.

В сборнике документов приведены также записки Меркулова Сталину, Молотову и Берии № 2294/М и 2295/М от 18 июня, № 2422/М, 2431/М, 2433/М от 21 июня, а также записки за подписью заместителя Меркулова – Богдана Кобулова, № 2342/М от 19 июня, № 2411/М и 2412/М от 20 июня 1941 года.

Все эти записки, сообщающие о сведениях, полученных агентурным путем в московских дипломатических кругах, тоже однозначно говорили о близкой войне. Причем я прошу читателя обратить внимание на два момента.

Во-первых, на то, что два дня – 19 и 20 июня – записки Сталину уходили из НКГБ за подписью не наркома Меркулова, а Кобулова. Во-вторых, имеют место большие разрывы в нарастающих номерах записок разведки НКГБ, приводимых в сборнике СВР… Судя по этому, общее количество поступающих «наверх» материалов нарастало лавинообразно, в полном соответствии с обострением ситуации.

Зато в сборнике не приводится ни одной записки самого Берии с данными, получаемыми его разведкой – погранвойск, после 5 июня 1941 года. А ведь и сведения разведки Берии тоже нарастали лавинообразно, и Берия не мог не направлять Сталину новых записок. Похоже, у составителей сборника СВР просто не хватило духу – на фоне всех «лагерно-пыльных» инсинуаций – окончательно обелить Лаврентия Павловича в этом вопросе, приведя такие записки, датированные серединой июня.

Хотя, как я предполагаю, **после 18 июня** Берия Сталину уже никаких записок не направлял, потому что в дополнительном информировании лично Сталина не было нужды – информатором Сталина стал лично фюрер.

Меркулов (кстати, его отсутствие в Москве в течение горячих дней 19–20 июня, когда его замещал Кобулов, для меня долго оставалось непонятным) и Кобулов не знали о личном зондаже Сталина и исправно продолжали заваливать его на первый взгляд первоклассной, а по сути – уже несущественной **лично для Сталина** информацией.

Берия же, и как кандидат в члены Политбюро и зампред Совнаркома, и как особо доверенный сотрудник Сталина, знал все. И уже не тратил времени на подготовку записок, а вместе со Сталиным готовился к войне.

Понятно и то, почему Сталин не проявил интереса к «Календарю» Фитина. Он тоже уже устарел, не успев быть составленным. Хотя записка 17 июня свою положительную роль сыграла.

К слову, эпизод с Меркуловым и Фитиным, относящийся к 17 июня, очень хорошо встраивается в мою общую реконструкцию действий Сталина в тот день и последующие дни. Со сведениями от двух берлинских агентов Сталин знакомился уже не раз, и они корректно дополняли ту общую картину, которую Сталин складывал из всего потока идущей к нему информации. Но записка Меркулова – Фитина от 17 июня могла окончательно подтолкнуть Сталина к последней фазе его личного зондажа Гитлера. Чекисты были у него в тот день до командующего ВВС Жигарева. Так что, возможно, Сталин и вызвал-то Жигарева уже за полночь как раз затем, чтобы дать ему срочное задание о «полевой» проверке «штабной» информации.

Имеется и еще одно важнейшее свидетельство, исходящее от генерала Судоплатова. Он, конечно, не всегда точен, но в данном случае его информация крайне существенна и, за исключением каких-то второстепенных деталей, явно верна. Так вот, Павел Анатольевич вспоминал, что в тот день, когда Фитин вернулся из Кремля, Берия вызвал Судоплатова к себе. По линии наркоматов Судоплатов Берии в тот момент прямо не подчинялся, но из выстроенной мной реконструкции ситуации читателю должно быть понятно, что тогда было уже не до формальной ведомственной принадлежности, к тому же Берия являлся и зампредом Совнаркома СССР.

И генерал Судоплатов уже 17 июня 1941 года получил от Берии указание об организации особой группы из числа опытных сотрудников для проведения разведывательно-диверсионных акций в случае войны. Причем одной из задач группы было и противодействие возможным попыткам немцев организовать на границе провокацию типа той, какую спецслужбы рейха устроили накануне германо-польской войны – «захват поляками» радиостанции в немецком городе Гляйвице.

То есть и по Судоплатову получается, что Берия (и Сталин, конечно же!) – в отличие от Тимошенко и Жукова – начали готовиться к войне не позднее чем с 17 июня 1941 года. Тот же Судоплатов, к слову, вспоминал, что 21 июня генерал Масленников из командования погранвойск не скрыл своего разочарования, когда узнал от Судоплатова, что его особая группа будет готова не раньше чем через десять дней.

А теперь о двухдневном отсутствии в столице в самый канун войны наркома государственной безопасности (!) Меркулова,

только что вернувшегося из Прибалтики. Думаю, это отсутствие объясняется тем, что Сталин, отдав распоряжение войскам, направил наркома ГБ на еще одну стратегическую инспекцию на границе.

Окончательный же вывод таков: к 18 июня близкое нападение Германии не было секретом для высшего руководства страны ни в стратегическом, ни в оперативном отношении. Я полностью согласен здесь с А.Б. Мартиросяном, который, к слову, провел и хороший анализ различия между стратегической и тактической внезапностью.

Трудно не согласиться и с его выводом о том, что в начале войны мы зачастую имели дело не с головотяпством многих военных, а с прямым их предательством! Во всяком случае, то, как встретили войну маршалы и генералы, а не Сталин и Берия, иначе как преступлением не назовешь.

Ссылки маршалов и генералов на «размагничивающее»-де влияние Заявления ТАСС от 14 июня могут убедить лишь простаков! Любые политические публичные заявления и в малой мере не могут быть руководством к действию для военных. Для компетентного, настоящего военного человека таковым руководством является только приказ! А генералы РККА не смогли (?) выполнить даже приказы НКО о маскировке…

С конца весны 1941 года каждый старший командир и генерал в западных военных округах должны были быть как натянутая струна. И уж во всяком случае, это было обязанностью личных «команд» Тимошенко и Жукова в Москве, Павлова в Минске и Кирпоноса в Киеве. Но мы уже видели, как они «готовились» к войне…

Могу сообщить и еще кое-что… «Кое-что» не потому, что более на сей счет сообщать нечего, а потому, что книгу-то я пишу не о провалах перед войной, эта тема должна быть встроена в основной рассказ о Лаврентии Берии.

Но вот начальник штаба КОВО генерал-лейтенант М.А. Пуркаев докладывает 2 января 1941 года из Киева в Генеральный штаб:

«Мобилизационный]запас огнеприпасов в КОВО крайне незначительный. Он не обеспечивает войска округа даже на период первой операции. <…> Г[лавное] Артиллерийское] У[правление] не выполняет своих планов. Вместо запланированных по директиве Наркома от 20.9.1940 г. № 371649 на второе полугодие 3684 вагона – подано в округ только 1355 вагонов, причем без потребностей округа по видам боеприпасов» и т. д.

Генералы-«писаря» из Генштаба в лучших канцелярских традициях переправляют доклад Пуркаева в ГАУ, и оттуда – в

лучших опять-таки канцелярских традициях – в феврале 1941 года приходит отписка:

«…Размер подачи боеприпасов округу по плану 2 полугодия [19]40 года, основанному на директиве ГШ, рассчитан был только на частичное удовлетворение потребности округа в [19] 40 году.

<…>

План подачи выполнен на 34 %» – и т. д. с успокаивающим извещением, что, мол, в течение 1941 года все отгрузим.

Отгрузили!

Но как же генштабисты готовили директиву наркома, заранее планируя удовлетворение потребности округа лишь частично? Причем и эту потребность удовлетворили всего на треть! А после этого не теребили наркома Тимошенко, промышленность, ЦК, лично товарища Сталина, зато бодро рапортовали: «Броня крепка, и танки наши быстры…»

Страна действительно давала армии крепкую броню быстрых новейших танков Т-34 (перед войной их в войсках было более полутора тысяч – могучая сила!), но вот генералы в предгрозовую пору так планировали боевую учебу, что рядовые танкисты не имели возможности эту технику в кратчайшие сроки освоить. И то же самое мы имели в ВВС, руководимых «жертвами Берии» Смушкевичем и Рычаговым.

Между прочим, как канцеляристы в петлицах к войне приготовились, так они потом, обзаведясь уже погонами, и писали о войне в официальных капитальных трудах. Я еще об этом скажу…

УВЫ, много, много неясного мы имеем в освещении предвоенной половины 1941 года, и в особенности последней предвоенной и первой военной недель. Скажем, знаменитая «заслуга» наркома ВМФ Кузнецова в своевременном приведении флотов в «готовность № 1…». Николай Герасимович всегда настойчиво подчеркивал, что сделал он это по своей инициативе, без санкции Сталина.

Но, похоже, лукавит Кузнецов…

То, что флоты оказались к нападению немцев более или менее готовы – это факт. А вот несанкционированная отдача наркомом ВМФ приказа о приведении ВМФ в боевую готовность – далеко не факт. Как и само влияние, кстати, этого приказа на готовность флотов. Есть засекреченные с 1943 года «Записки участника обороны Севастополя» капитана 1-го ранга А.К.Евсеева, из которых следует, что полную боевую готовность № 1 на Черноморском флоте объявили уже ***после того***, как первые немецкие бомбы разорвались на Приморском бульваре

Севастополя.

Ну, ладно, пусть приказ Кузнецов отдал вовремя, а его просто не успели на Черном море выполнить. Но разве мог нарком пойти на такой шаг *до начала военных действий* без прямого указания Сталина? Ведь что это такое – готовность № 1? Это сигнал «Большой сбор» в базах флота, боевая тревога на кораблях, бегущие из увольнения бравые краснофлотцы и лейтенанты в белых кителях, белых брюках и белых же туфлях! В Севастополе, в Одессе, в Ленинграде, в Риге, в Таллине…

А за этим переполохом наблюдают агенты абвера… Да просто граждане Третьего рейха, случайно или по служебным делам оказавшиеся, скажем, в Таллине. А война вдруг возьми и 22 июня не начнись.

Скажем, Гитлер все еще на неделю перенес бы! Он же не собирался с нами до осенней распутицы ковыряться, он рассчитывал все до осени завершить и мог еще недельку пожертвовать по тем или иным причинам.

И что мы тогда имели бы? Скорее всего – как минимум – ноту аусамта рейха НКИДу СССР. А как максимум? Как максимум – тот самый повод к нападению, которого так опасался Сталин.

То-то и оно!

Нет, подобного рода акции стране могут выйти боком! Как могут они выйти боком и самовольным инициаторам подобных акций. Поэтому вряд ли Кузнецов действовал накануне войны *на свой страх и риск.*

Другими словами, и анализ действий наркома ВМФ доказывает, что армия и флот первую санкцию Сталина на подготовительные меры получили одновременно – где-то 18 июня. Вот только выполнена ли она была вовремя даже наркомом ВМФ СССР адмиралом Кузнецовым? А уж тем более – наркомом обороны СССР маршалом Тимошенко и начальником Генерального штаба РККА генералом армии Жуковым?

Но когда 21 июня Сталин еще раз санкционировал уже полную боевую готовность, то Кузнецов оповестил флоты о введении готовности № 1. А армейцы опять «тянули резину».

Обращаясь опять к памяти генерала Судоплатова, можно отметить, что 20 июня 1941 года его старый соратник генерал Эйтингон сообщил Судоплатову, что на него произвел неприятное впечатление разговор с командующим Западным Особым военным округом генералом Павловым – давним знакомцем Эйтингона еще по Испании. Эйтингон, позвонив Павлову, по-дружески поинтересовался у командующего, на какие приграничные районы стоит обратить особое внимание в случае начала войны, но Павлов в ответ «заявил нечто…

невразумительное». Он считал, что «никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву…».

Сочинители типа Гривадия Горпожакса клевещут на Берию, но тупое и трагическое непонимание ситуации обнаруживала, как видим, «невинная жертва Берии» – генерал Павлов.

Но вот «тупое» ли и «непонимание» ли? Не имеем ли мы здесь дело с отрыжкой заговора Тухачевского – Уборевича? В конце концов, почему Гитлер ударил через Белоруссию, когда ему – по всеобщему мнению – нужна была Украина? Оккупировав огромной массой войск ее, он мог рассчитывать на многое. А Гитлер ударил через Пинские болота… Не потому ли, что знал – именно тут сопротивление ему дезорганизуют предатели?

Уже после того как это было написано, я разговаривал с моим товарищем и коллегой белорусом Анатолием Николаевичем Покало… И он вспомнил, как лет тридцать назад его односельчане, которые в 1941 году были уже взрослыми, рассказывали ему, что накануне войны их предупреждали: в воскресенье «начнутся «маневры» и будут бросать с самолетов бочки с горящим мазутом». А в авиационной части, которая базировалась в районе села Куплин Пружанского района Брестской области, с боевых машин сняли все пулеметы, оставив вооруженными лишь три самолета дежурного звена.

Кто успокаивающе «предупреждал» об «учениях»? По чьему приказу снимали пулеметы?

В Пружанах установлен скромный, но выразительный памятник заместителю командира авиаэскадрильи 33-го истребительного авиационного полка старшему лейтенанту Степану Митрофановичу Гудимову, совершившему воздушный таран 22 июня 1941 года в 5 часов 20 минут. Не потому ли Гудимов был вынужден идти на таран, что у него уже при взлете не было на борту в оружии ни одного патрона?

Простые люди – это простые люди. Им фальсификация истории ни к чему. И возможно, этот бесхитростный рассказ убедительнее иных исследований доказывает: именно в ЗапОВО под командой генерала Павлова кроме многочисленных головотяпов было немало и прямых изменников.

Кто, к слову, вообще имел тогда более-менее полную информацию о ситуации? Круг лиц в Москве, осведомленных о ней полностью, был крайне мал: Сталин, его ближайшее политическое окружение, прямо причастное к событиям (собственно, Молотов и Берия), и его ближайшее военное

окружение.

Круг первых лиц в трех приграничных Особых округах, которые имели возможность видеть обстановку последних дней перед войной в целом, тоже, в общем-то, был невелик.

Прибалтийский ОБО: командующий Ф.И. Кузнецов; начальник штаба в томе 1-м «Истории Великой Отечественной войны» издания 1961 года не обозначен; член Военного совета П.А. Диброва; командующие армиями: 8-й – П.П. Собенников и 11-й – В.И. Морозов.

Командующий округом Кузнецов 30 июня 1941 года снят, далее воевал без особого блеска. Однако имеются убедительные данные о том, что войска он к войне как-то готовил.

Начальник штаба – не учтенный официальной «Историей…» 1961 года, а в действительности – генерал-лейтенант П.С. Кленов, 1892 года рождения, в июле 1941 года уволен из рядов РККА, дата смерти – 10 июля 1941 года.

Член Военного совета Диброва во время войны занимал второстепенные должности.

Командующий 8-й армией Собенников имел сомнительную военную судьбу, понижался в звании до полковника, был условно осужден. Командующий 11-й армией Морозов воевал тоже не самым лучшим образом.

Западный ОБО: командующий Д.Г. Павлов; начальник штаба В.Е. Климовских; член Военного совета А.Я. Фоминых; командующие армиями: 3-й – В.И. Кузнецов, 10-й – К.Д. Голубев, 4-й – А.А. Коробков.

Командующий округом Павлов расстрелян в 1941 году. Начальник штаба Климовских расстрелян в 1941 году. Член Военного совета Фоминых после начала войны безнадежно понижен.

Командующий 3-й армией Кузнецов доблестно воевал, Герой Советского Союза. Командующий 10-й армией Голубев вышел из окружения в 1941 году, воевал. Командующий 4-й армией Коробков расстрелян в 1941 году.

Киевский ОБО: командующий М.П. Кирпонос; начальник штаба М.А. Пуркаев; член Военного совета Н.И. Вашугин; командующие армиями: 5-й – М.И. Потапов, 6-й – И.Н. Музыченко, 26-й – Ф.Я. Костенко, 12-й – П.Е. Понеделин.

Командующий округом Кирпонос погиб осенью 1941 года.

Начальник штаба Пуркаев, крайне расхваленный Жуковым, с апреля 1943 года командовал войсками невоюющего Дальневосточного фронта.

Член Военного совета Вашугин 28 июня 1941 года застрелился.

Командующий армией Потапов попал в плен летом 1941 года, в 1945 году возвращен на Родину, прошел спецпроверку в

НКВД и в декабре 1945 года восстановлен в кадрах Красной Армии.

Командующий 6-й армией Музыченко попал в плен летом 1941 года, в 1945 году возвращен на Родину, прошел спецпроверку в НКВД и в декабре 1945 года восстановлен в кадрах Красной Армии.

Командующий армией Костенко погиб весной 1942 года.

Командующий 12-й армией Понеделин попал в плен летом 1941 года, тогда же был заочно приговорен к расстрелу, в 1945 году возвращен на Родину, после следствия, длившегося до 1950 года, расстрелян.

То есть живых достоверных свидетелей происходившего почти не имелось ***даже сразу после войны.*** И что там было в округах после 18 июня 1941 года, сейчас установить, скорее всего, вообще невозможно – после хрущевского-то и волкогоновского погрома в государственных архивах.

Но сомнений приведенный мной список, думаю, лишь прибавляет.

А КАК встретили войну пограничники Берии? Что ж, пусть за меня ответит на этот вопрос автор изданной в 1989 году Воениздатом монографии «Граница сражается» А.И. Чугунов:

«Последняя ночь перед вторжением для пограничных войск западного и северо-западного участков фактически уже не была мирной. С вечера 21 июня многие заставы, пограничные комендатуры и отряды по распоряжению их начальников вышли из казарм и заняли оборонительные сооружения, подготовленные на случай военных действий».

Но тогда возникает другой вопрос: «А кто дал распоряжения начальникам?» И что значит «…многие»?

Что – на каких-то заставах начальники сказали подчиненным: «А что, ребята, ночь теплая, звездная, посидим-ка мы эту ночь в окопах? Из них и звезды лучше видно!», а на каких-то заставах ночь была облачная, и там в окопы – звездами любоваться – не садились?

Нет, такой ответственный приказ, как приказ занять с вечера боевые позиции, мог прийти на заставы только из Москвы, из наркомата. И отдать такой приказ мог лишь сам нарком. То есть – Берия. И безусловно, для всей западной полосы границы.

Правда, встречаются сообщения о том, что пограничникам вообще не запрещалось занимать оборонительные сооружения. Хорошо, пусть так! Но кто был инициатором такого положения

дел (фактически – разрешения действовать по обстановке), если не нарком Берия? И мог ли он дать такой «карт-бланш» без ведома и согласия Сталина? И мог ли Сталин ограничиться одними погранвойсками НКВД и забыть о РККА и РККФ? Ведь противной стороне видны действия и повседневная жизнь прежде всего погранвойск.

Так что информация А. Чугунова лишний раз доказывает: и Сталин знал о войне, и остальные знали. Но кто-то меры принял, а кто-то почему-то – нет!

Впрочем, известный нам генерал-пограничник Сечкин утверждает обратное: мол, пограничные-де части «не получили такого распоряжения (занимать оборонительные сооружения. – *С.К.)* даже тогда, когда в 22.00 22.6 Генеральный штаб отдал приказ западным приграничным округам о вводе в действие плана прикрытия границы».

Но, увы, уважаемый читатель, Сечкину надо верить очень избирательно. Когда он сообщает нечто, объективно положительное для Сталина и Берии (не связывая это, правда, с их именами), то тут ему верить можно. Но в других случаях…

Не говоря уже о его воспроизведении антибериевских фальшивок, датированных 21 июня 1941 года, Сечкин способен злостно передергивать и даже измышлять «факты» и сам. Так, он, со ссылкой на «демократического» «историка» В.Анфилова, написал нечто, что потом не раз переписывали у него другие, ему подобные, и что давно стало одним из устойчивых антисталинских (и антибериевских, естественно) мифов.

Анфилов и Сечкин утверждали, что «начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В.Курдюмов» «на совещании в декабре сорокового года» говорил: «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища. Остальные 200 человек – это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса».

Комментарии к такому сенсационному факту не требовались, вывод напрашивался сам собой: вот они, итоги «разгрома РККА» Сталиным и Берией. Но сей «факт», как говорится, не соответствовал действительности. То есть был ложью!

Анфилов запустил свою «утку» в газете «Красная звезда»

22 июня 1988 года, Сечкин дал ей второе дыхание в 1993 году в книге, подписанной в печать 20 октября 1992 года. И поэтому ни тот, ни другой не могли предполагать, что 14 апреля 1993 года в издательстве «ТЕРРА» в печать будет подписан том 12(1) «Русского архива», открывающий многотомное издание

документов Великой Отечественной войны. Том полностью посвящен материалам Совещания высшего руководящего состава РККА 21 —

23 декабря 1940 года и содержит как выступления начальника Управления боевой подготовки РККА генерал-лейтенанта Владимира Николаевича Курдюмова, так и генерал-инспектора пехоты РККА Андрея Кирилловича Смирнова.

Курдюмов воевал, скончался в 1970 году. Смирнов, командуя после начала войны 18-й армией Южного фронта, погиб в бою у села Поповка (ныне село Смирново) Запорожской области.

В докладе генерала Смирнова вообще нет ни одной цифры, относительно же сборов было сказано следующее (стр. 30):

«Мы сейчас проводим сборы командного состава пехоты. Надо отметить, что к сборам командного состава пехоты почти все округа отнеслись достаточно серьезно. Если первый сбор еще был плохо организован, то сейчас основное звено, которое должно разрешить все вопросы боевой учебы, – звено командного состава, заняло соответствующее место в понимании руководителей округов, корпусов и дивизий».

Генерал Курдюмов подготовке начальствующего состава посвятил четвертый раздел своего выступления, и в его выступлении цифры есть. В частности, сообщая о том, что развертывание новых частей обуславливает некомплект старшего и среднего начальствующего состава, особенно во внутренних военных округах, он сказал:

«Так, в ПриВО 70 процентов среднего командного состава и командиров батальонов имеют практический командный стаж от 5 месяцев до 1 года (слушателям Курдюмова это было ясно и так, а читателю я напомню, что имеется в виду не командный стаж вообще, а стаж на занимаемых в настоящий момент должностях. – *С.К.)*. В этом же округе все командиры стрелковых полков, кроме одного, командуют частями первый год».

Генерал Курдюмов привел этот пример как наиболее тревожный, но надо учитывать, что ПриВО – это не ПрибОВО… Второй – это приграничный *Прибалтийский* Особый военный округ, а первый, где было не лучшее положение с командирами полков, это глубоко внутренний *Приволжский* военный округ, боеспособность которого решающего значения не имела.

Вот почему я не верю генералу Сечкину! И не только ему – я еще об этом скажу…

СОБСТВЕННО, генерал Сечкин сам себя и опровергает. В

одном месте своей книги он утверждает, что части погранвойск не получили распоряжения занимать оборонительные сооружения даже после того, как Генеральный штаб отдал приказ военным округам о вводе в действие плана прикрытия границы. В другом же месте он сообщает, что «распоряжений, которые запрещали бы пограничникам занимать оборонительные сооружения, не поступало» вообще. Так что, выходит, опытнейшие пограничные командиры, давно уверенные, что войны не избежать, сознающие, что вот сейчас, скорее всего, все и начнется, и **имеющие свободу действий,** сидели по заставам как суслики?

Да генерал Сечкин, желая и здесь укусить Сталина и Берию, просто клевещет на своих же боевых товарищей! Более того! Он сам сообщает, что в ту ночь с 21 на 22 июня 1941 года на участке 87-го пограничного отряда Белорусского пограничного округа находился начальник Главного управления пограничных войск НКВД! Так что, генерал-лейтенант Григорий Григорьевич Соколов там случайно оказался – на направлении главного удара немцев?

Сечкин не приводит фамилию начальника ГУП В, и это тоже показательно! В его интерпретации сей безымянный начальник, хотя и получил в 2.00 22 июня 1941 года данные о движении немцев к границе, «не отдал приказ пограничникам занять оборонительные сооружения». Зная то, что мы знаем (и что еще сейчас узнаем!), можно уверенно заявлять, что это – ложь!

Конечно же, главный пограничник страны не мог быть на границе без прямого приказа Берии и без санкции Сталина. Поскольку им обоим уже было ясно, что со дня на день начнется тяжелая война, Соколов нужен был именно там, в Белоруссии, чтобы сразу же с началом боевых действий организовать боевую работу пограничников уже в условиях войны.

Вот почему Соколов был в приграничной зоне! Для чекистского участия в близкой войне!

37-летний генерал Григорий Соколов был вполне достоин такой задачи. Уроженец подмосковных Мытищ, в 16 лет он стал бойцом Красной Армии на Южном фронте, а после Гражданской войны ступенька за ступенькой прошел всю служебную пограничную лестницу, начиная с помощника командира пограничного взвода. Служил на границе от Киркенеса до Сибири и Средней Азии.

Встретив войну на границе, он вскоре стал начальником охраны тыла Западного фронта – тяжелейшая должность, учитывая провалы генерала Павлова и К°. И показательно то, что об этой деятельности Соколова скупые биографические справки чаще всего умалчивают, отсчитывая его боевую биографию 1941 года прямо с должности начальника штаба Центрального фронта,

которую он и занимал-то всего три дня – с 22 по 25 августа.

Молчат и о том, что с сентября по октябрь генерал Соколов был заместителем начальника Генерального штаба, проводя сбор и анализ данных об обстановке на фронте и готовя выводы и предложения для Ставки Верховного Главнокомандования. С октября он – начальник штаба 26-й армии, принявшей на себя под Тулой основной удар 2-й танковой группы Гудериана. В конце 1941 года Соколов сформировал новую резервную 26-ю армию и ушел с ней на Волховский фронт.

Так подробно рассказывая о генерале Соколове, уважаемый читатель, я не уклоняюсь от основной темы. Скончавшийся в 1973 году Соколов – явно одна из «знаковых» фигур последнего мирного и первых военных дней 1941 года. И это – фигура из чекистской когорты наркома Берии. Нарком оклеветан, один из его соратников – замолчан. В изданной в 1985 году издательством «Советская энциклопедия» однотомной энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941–1945» имени Соколова нет. Даже графика Сойфертиса включить в энциклопедию о войне составители не забыли. А Соколова «забыли».

Еще бы! Ведь факт направления Берией накануне 22 июня 1941 года в Белоруссию начальника ГУПВ НКВД СССР – это тоже одно из опровержений антисталинского и антибериевского мифов о том, что Сталин и Берия не верили в близость войны! Но правда такова: в том, что для погранвойск НКВД война началась в окопах, а не в постелях, есть заслуга и Сталина, и Берии, и генерала Соколова.

Пограничники всегда умели воевать, причем один опытный солдат границы в условиях сложного, динамичного боя без единой линии фронта, без четкой команды стоил, пожалуй, пяти, а то и десяти, ***а то и полусотни*** обычных солдат срочной службы.

Их, молодых и постарше ребят в зеленых фуражках, было перед войной на западных границах около ста тысяч: 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур и 11 полков оперативных войск НКВД. И в начавшейся войне они сразу же сыграли роль без преувеличений стратегическую, потому что ***сутками*** держались в обстановке, в которой армейские части покатились бы назад уже через ***часы.***

Да они и катились – там, где во главе частей и соединений стояли те горе-«командиры», которых «обеспечила» стране формирующаяся партия партократов.

А вот пограничники под руководством члена партии Ленина

– Сталина товарища Берии встретили войну достойно. То есть как большевики и русские люди.

Грудью!

Глава 17
Война: рейтинг по «гамбургскому счету»

После 4.00 предпоследнего воскресенья июня 1941 года все предположения перешли в уверенность. Война началась. Но как и когда началась она для Сталина и Берии?

После XX съезда, состоявшегося в начале 1956 года, Хрущев и хрущевцы старались представить Сталина негодяем, бросившим страну 22 июня 1941 года на произвол судьбы и уехавшим пьянствовать на дачу в Кунцево, якобы сказав – мол, проср… страну, так теперь сами и разбирайтесь.

Этот «факт» десятилетиями считался «достоверным». Еще бы – его ведь сообщил глава государства и партии! Валентин Пикуль смачно расписал «маразм Сталина» в своем «Сталинграде», и имеется немало таких наших сограждан, которые верят в эту мерзкую ложь по сей день.

Но вот в 1995 году в Твери выходит книга генерал-полковника в отставке Ю.А. Горькова, консультанта Историко-архивного и военно-мемориального центра Генерального штаба, под названием «Кремль. Ставка. Генштаб». Тираж невелик – девять тысяч экземпляров, сам генерал не обнаруживает особой историчности мышления, рассуждает о «преступлениях» Сталина, а оценки этого отставного генштабиста порой удручающе поверхностны. Однако книга оказалась ценна другим: чуть ли не первым Ю. Горьков получил доступ к Журналу посещений И.В.Сталина в его кремлевском кабинете и обнародовал обширные извлечения из него.

Сам генерал оценивал «Журнал…» так: «Совершенно особое значение имеет уникальный, бесценный источник – журнал регистрации лиц, посетивших его (Сталина. – *С.К.)* в кремлевском служебном кабинете, хранящийся ныне в архиве Президента Российской Федерации (бывший архив Политбюро ЦК КПСС)».

Действительно, данные этого Журнала разоблачают много лжи о Сталине, и даже генерал Горьков пишет:

«Вернемся… к первым дням Великой Отечественной войны. Именно вокруг них сконцентрировалась наиболее густая атмосфера сплетен и слухов. К сожалению, уже стало хрестоматийным мнение, что в эти дни И.В. Сталин, глубоко подавленный крахом своей наступательной доктрины (помилуй бог, откуда она у него в 1941 году могла быть? – *С.К.),* обманутый

и униженный (ого! – *С.К.)* Гитлером, впал в глубокую апатию, а 22 и 23 июня вообще беспробудно пьянствовал, не принимая никакого участия в делах управления государством.

Так вот, анализ Журнала посещений И.В. Сталина показывает, что И.В. Сталин находился в своем кремлевском кабинете с раннего утра 22 июня 1941 года…»

Для «полного выяснения обстоятельств дела» Ю.А. Горьков приводит таблицу рабочих дней И.В. Сталина в июне 1941 года, из которой следует, что: 22 июня Сталин начал прием в 5.45 и закончил в 16.45, принимая людей 11 часов подряд!

23 июня, начав в 3.20, он закончил в 0.55 уже 24 июня, и в этот день, после отдыха Сталина, людской поток тек через его кабинет «всего» 5 часов 10 минут. Однако надо же было и с ситуацией более детально разобраться, подумать…

Зато 25 июня рабочий день Сталина составил все 24 часа! В этот день он принял 29 человек!

26 июня за 10 часов 35 минут было принято 24 человека, а 27 июня за 10 часов 05 минут – опять 29!

Вот так!

Генерал Горьков заключает:

«Думаю, теперь вопрос об исчезновении И.В. Сталина в первые дни войны можно считать решенным, поскольку официальный журнал регистрации посетителей его кабинета – источник не конъюнктурный. Этот документ строгой секретности не предназначался для публикации и может служить самым надежным источником сведений о лицах, посещавших сталинский кабинет».

Юрия Горькова никак не причислишь к «сталинистам» – его личное восприятие фигур Сталина и Берии недалеко ушло от тех образов, которые нам навязывают Антонов-Овсеенко, Волкогонов, Радзинский… Однако что касается документов, то тут генерал не подвел! За что ему и спасибо!

Что же до приводимых им выписок из «Журналов посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете», то эти выписки начинаются с 1 января 1935 года и заканчиваются 17 декабря 1945 года. К сожалению, поденные списки Ю. Горькова не полны – он оговаривается, что в них «выборочно указаны в основном имена посетителей кабинета Сталина, которые были непосредственно связаны с организацией обороны и боевых действий в период Великой Отечественной войны». И такая «селекция» позволяет, как я понимаю, отсечь большинство записей о Берии. Но – не все.

21 июня записи начинаются в 18.27 с прихода Молотова.

В 19.05 к Сталину и Молотову присоединились Ворошилов, Берия, Маленков, Вознесенский, Тимошенко, Кузнецов.

В 20.15 Тимошенко и Вознесенский ушли, и через 35 минут Тимошенко вернулся на полтора часа уже с Жуковым и Буденным… Считается, что в это время обсуждалась Директива № 1, но что-то слишком долго «обсуждался» коротенький документ в двадцать строк… Ведь и до этого участники совещания говорили о чем-то почти полтора часа…

Так или иначе, после 22 часов 20 минут 21 июня 1941 года в сталинском кабинете кроме его хозяина осталось лишь три человека: Молотов, Ворошилов и Берия. Вскоре Берия куда-то ненадолго отлучился и в 22.40 пришел опять.

В 23 часа Берия с Молотовым и Ворошиловым ушли, и Сталин остался один. Он, похоже, уже понимал, что его директивы последних дней армейцами исполнены из рук вон плохо. Но в данный момент он уже ничего изменить не мог, а отдохнуть надо было – следующий день обещал быть трудным.

Думаю, поспал в ту ночь и Берия, и по той же причине – отныне его и так плотный рабочий график на годы становился сверхплотным.

ДЕНЬ двадцать второго июня 1941 года начался с того, что в 5.45 в кабинет Сталина вошли Молотов, Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков. В 7.30 пришел Маленков и ушел вместе с Берией в 9.20. Но в половине двенадцатого дня, когда в кабинете у Сталина оставался лишь Молотов, они опять появились вместе на полчаса. И до этого часто связанные общими задачами, Маленков и Берия теперь будут все теснее взаимодействовать все двенадцать последующих лет – до дня ареста Берии 26 июня 1953 года.

Полная же «фотография» первого рабочего военного дня Сталина, первого из тех 1418 дней, когда он нес невиданную ранее в истории ответственность за Россию, такова:

Молотов	5.45—12.05
Берия	**5.45—9.20**
Тимошенко	5.45—8.30
Мехлис	5.45—8.30
Жуков	5.45—8.30
Маленков	7.30—9.20
Микоян	7.55—9.30
Каганович	8.00—9.35
Ворошилов	8.00—10.15
Кузнецов (ЦК)	8.15—8.30
Димитров	8.40—10.40
Мануильский	8.40—10.40
Кузнецов	9.40—10.20
Микоян	9.50—10.30
Молотов	11.30—12.00
Ворошилов	11.30—12.00
Берия	**11.40—12.05**
Маленков	12.30—16.45
Ворошилов	12.30—14.30
Микоян	12.55—16.45
Вышинский	13.05—15.25
Шапошников	13.15—16.00
Тимошенко	14.00—16.00
Жуков	14.00—16.00
Ватутин	14.00—16.00
Кузнецов (ВМФ)	15.20—15.45
Кулик	15.30—16.00
Берия	**16.25—16.45**

Заметим: и в последний день мира, и в первый день войны последним, кто вышел из сталинского кабинета, был Берия. Вновь он появился в нем 23 июня – ровно через сутки минута в минуту, и опять – на двадцать минут.

В тот день, 23 июня, была образована Ставка Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР, и с того же 23 июня Берия вошел в число постоянных советников Ставки. Всего их было двенадцать: маршал Кулик, Мерецков, начальник ВВС

Жигарев, Ватутин, начальник ПВО Воронов, Микоян, Каганович, Вознесенский, Жданов, Маленков, Мехлис и Берия.

С полночи в ночь с 23 на 24 июня Берия пробыл в сталинском кабинете более часа, а в последующие дни иногда оставался в нем то на три часа, то на полчаса, по нескольку раз в день.

А кабинет напоминал берег моря в бурю: на него накатывались и накатывались людские волны, но не захлестывали его, а откатывались вновь в море начавшейся войны. Между прочим, 24 июня с 20.15 до 20.35 Сталин нашел время принять летчика-испытателя Степана Супруна, записавшегося на прием 23 июня! Супрун – в общем-то, хотя и известный, но достаточно рядовой военный. Однако Сталин не только нашел для него время, но и тут же дал «добро» его идее о формировании отборных авиационных полков из летчиков-испытателей.

И обо всем этом нам рассказали не мемуаристы и не писатели, а предельно сухой (фамилия, дата, время; фамилия, дата, время…) документ!

Вот так – достаточно было публикации документа, и обрушился огромный пласт лжи о «запое»-де Сталина. Хотя, если честно, было бы немудрено с горя и запить, обнаружив, как подвели Россию и ее вождя те, на кого надежды было больше всего – военные! Это ведь для них Сталин и страна давали оружие, кадры, средства. Постоянно вникая в *общие* оборонные проблемы, проблемы *чисто военные,* Сталин оставлял на военных, на профессионалов.

А они…

Да, многое проясняется при анализе документов. И тогда ложь рушится. Как ложь о Сталине, так и ложь о Берии…

ВОЗМОЖНО, у читателя давно вертятся на языке примерно такие вопросы: «Неужели ложь о Берии так тотальна? Он что – и впрямь достойный во всех отношениях человек, а не «выродок»? Ну, можно поверить, что он был отличным организатором. Но руки-то у него в крови?»

Что тут сказать…

Кровь?

Когда?

С началом работы Берии во главе НКВД СССР масштаб репрессий в стране упал до того минимума, без которого не обходится любое государство в острые периоды своей истории.

С началом войны кровь стала ее (войны) неизбежным элементом. Вскоре же после окончания войны Берия отошел от работы НКВД до марта 1953 года.

В марте 1953 года, вновь придя в МВД, он начал с амнистий и

реабилитаций. Так где же кровь?

В период репрессий в Грузии? Но и там она была минимальной, а все страшные россказни «старых большевиков» и «жертв террора» о якобы «садисте» Берии не стоят той бумаги, на которой были записаны. Что-то об этом сказав, я скажу кое-что и дополнительно в свое время.

И еще вот что. Ну, не бывает же так, чтобы кто-то годами вел бы себя как человек, проникнутый заботой о других, а потом вдруг повел бы себя как кровожадное чудовище! Нет уж, если кто-то внутренне гнил, то гнилость его так или иначе проявляется во всем, и особенно в том случае, если этот кто-то получает власть. Тем более – власть над миллионами людей. *Такой* сразу начинает *беса тешить*…

Берия же, получив власть в Грузии, не щадя себя исправлял «колхозные» перегибы предшественников и уговаривал соплеменников, что процветание лучше нищеты… Он сразу же – в отличие от предшественников – обеспокоился проблемами развития молодых поколений в Грузии и вообще подъемом образования в республике; сразу же – в отличие от, опять-таки, предшественников – задумался о перестройке грузинской столицы, да не просто задумался, а стал одним из авторов такого градостроительного плана, где каждая идея была ориентирована на умное обустройство жизни широких масс, а не на помпезное самовоз-величивание… Он превращал Грузию во всесоюзную здравницу.

И вдруг – нате, в период репрессий он же – если поверить некоторым «мемуаристам» – начинает чуть ли не вилкой глаза согражданам выкалывать! Хотя объективный анализ убеждает в обратном…

Нет, *невинной* крови на руках Лаврентия Павловича не было никогда – он знал ей цену в том числе и потому, что ему самому приходилось проливать кровь – собственную. За то дело, которому он служил.

Так о какой крови тогда речь? Может быть, о той, что связана с деятельностью подчиненных Берии заградительных отрядов НКВД? Или – «с насильственной депортацией народов»? Что ж, уважаемый читатель, дойдем мы и до заградительных отрядов, и до насильственной депортации…

Однако должен признаться… О нашей новейшей истории лгали и лгут так много, и поверить в ***тотальность*** этой лжи так непросто, что даже у меня, автора книги, периодически возникала мысль: «Неужели о Берии все лгут так дружно?»

Ну, ладно, озлобленный Антонов-Овсеенко… Или – прямые агенты влияния «политбюрист» Яковлев и «генерал» Волкогонов,

пасквилянт Радзинский… Ну ладно, то ли выжившие из ума, то ли вымышленные хрущевцами «старые большевики» типа Снегова и Доры Лазуркиной…

Но Вячеслав Молотов? Лазарь Каганович? Клим Ворошилов? Анастас Микоян? Маршал артиллерии Яковлев и авиаконструктор Яковлев… Маршалы Воронов и Жуков, Конев и Баграмян? Металлург Тевосян? Адмирал Кузнецов?

Неужели они могли так лгать? И если Берия заслуживал доброго слова, то почему же они его не сказали о нем хотя бы через десятилетия?

Но, во-первых, о Берии – когда он уже был уничтожен – были-таки сказаны его современниками и добрые слова. И читатель с некоторыми из них в свое время познакомится.

Во-вторых, о человеческой кондиционности Берии порой давали свидетельства даже люди, его ненавидевшие или его недолюбливавшие, хотя сами не понимали, что свидетельствуют. Позднее читатель познакомится и с ними.

В-третьих, объективные оценки Берии десятилетиями пресекались так тщательно, что, например, отец одного из моих старших коллег Михаила Витольдовича Каминского – Витольд Савельевич Каминский, которому Берия до войны помог решить вопрос о строительстве двух заводов по производству авиационного бензина, рассказывал об этом уже взрослому сыну под строжайшим секретом, хотя сохранил о Лаврентии Павловиче вполне добрые воспоминания.

В-четвертых, когда мое повествование дойдет до более поздних времен, я приведу образцы гнуснейшей лжи о Берии на высшем уровне, и они докажут: да, лгали тотально, официально и подло.

И наконец, я прошу читателя учесть также и то, что **все, мной выше упомянутые (как и многие неупомянутые) первые лица державы молчали же, соучаствуя в лжи Хрущева, о том, как встретил войну Сталин!** Ведь НИ ОДИН из тех, кто здравствовал в 1956 году, в 60-е, в 70-е и даже в 80-е годы и ***точно*** знал, как Сталин провел первый день войны, не возвысил голос в защиту и Сталина, и исторической правды.

Ведь не встал Молотов в зале XX съезда и не сказал в ответ на инсинуации Хрущева во весь голос на всю страну и на весь мир: «Да как вы смеете так подло лгать, гражданин Хрущев, потому что после такой лжи вы мне не товарищ! Я ушел из кабинета товарища Сталина за час до наступления 22 июня 1941 года и вновь вошел в его кабинет наутро без пятнадцати шесть. И потом бывал день за днем в этом кабинете по нескольку раз на дню!»

И Маленков не встал…

И Каганович…

Не встали маршалы и генералы, когда Хрущев, изгаляясь над нашей историей с трибуны XX съезда, записывал в стратеги себя и отказывал в полководческом таланте Верховному Главнокомандующему. А ведь все они сидели тогда в зале – кроме маршала Рокоссовского, бывшего тогда министром обороны Польши.

Стоит ли после этого удивляться, что Хрущев и хрущевцы вскоре с легкостью расправились с теми же Молотовым, Маленковым, Кагановичем, задвинув их в темный угол истории?!

Не встали маршалы Ворошилов и Жуков.

Не встали после того, как Хрущев сказал о Сталине вот такое: «В военных делах он ничего не смыслил, он чуть ли не с глобусом выходил, когда ему докладывали обстановку, он из-за голенища вытаскивал карту, на которой был помещен чуть ли не весь мир…»

А ведь могли сказать правду и маршал Тимошенко, и маршал Василевский, и адмирал Кузнецов. Зато последний как-то обмолвился, что он-де увидел Сталина чуть ли не через неделю после начала войны. А ведь был вызван в сталинский кабинет в 15 часов 20 минут по московскому времени 22 июня 1941 года.

И другие – или прошедшие в первые дни войны через этот кабинет, или получавшие непосредственно от его хозяина приказы и распоряжения – тоже не встали.

Все они тогда промолчали.

Почему?

Вернемся в дни накануне войны и посмотрим, что написано о них в тех мемуарах адмирала Кузнецова, которые так и названы «Накануне». Их дополненное издание Воениздат выпустил в 1990 году…

Страница 285:

«Еще во второй половине дня 21 июня стало известно: в ближайшую ночь можно ожидать нападения немцев…»

Стр.299:

«Около 11 часов вечера (21 июня. – *С.К.)* зазвонил телефон. Я услышал голос маршала Тимошенко:

– Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне…»

Сразу возникает вопрос: «Так когда это стало известно: «во ***второй половине дня*** 21 июня» или ***«около 11 часов вечера»!»***

Читаем страницу 299 дальше:

«…Через несколько минут мы (с контр-адмиралом Алафузовым. – *С.К.)* уже поднимались на второй этаж небольшого

особняка, где временно находился кабинет С.К. Тимошенко.

Маршал, шагая по комнате, диктовал… Генерал армии Г.К. Жуков сидел за столом и что-то писал…

Семен Константинович… не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну…

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов (хронология адмирала Кузнецова плохо согласуется с данными генерала Горькова. – *С.К.)*. Помнится, она была пространной – на трех листах (а выставляемая ныне на всеобщее обозрение «директива № 1» весьма кратка. – *С.К.)*. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии. < … >

Поворачиваюсь к контр-адмиралу Алафузову:

– Бегите в штаб и дайте немедленно указание флотам о полной фактической готовности номер один…»

Адмирал Кузнецов, сообщая это, похоже, не понял, что фактически почти развенчивает свою «заслугу» – ведь пресловутый приказ он отдал тогда, когда затягивание с его отдачей было бы равносильно измене.

Во-вторых, если лишь за пять часов до начала войны начальник Генерального штаба удосужился засесть за написание подробных указаний Вооруженным силам о том, что им «следует пред принять… в случае нападения гитлеровской Германии», то такого горе-начальника не то что в три шеи гнать с позором надо. Его надо расстреливать – за преступное пренебрежение своими обязанностями!

Не так ли?

Но и это еще не все! Читаем страницу 300:

«Позднее я узнал, что нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И.В. Сталину. Следовательно, уже в то время… было принято решение привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его. Значит, все это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю».

И опять возникает вопрос: «Что имеет в виду Кузнецов, написав «это произошло»?»

За одиннадцать часов до нападения «произошла», как я понимаю, последняя (но – если я был прав в ранее приведенной реконструкции событий – не первая) санкция Сталина на приведение войск в боевую готовность. Но даже к 11 часам вечера 21 июня «не произошла» отправка директивы об этом в войска.

Почему?

Что, в этом – Сталин виноват?

Но и это еще не все! Читаем страницу 300 далее:

«Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И.В. Тюленева – в то время он командовал Московским военным округом, – что 21 июня ***около 2 часов дня*** (выделение мое. – *С.К.)* ему позвонил И.В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО».

Выходит, уже не «17 часов», а «2 часа дня»? Но и это еще не все! Читаем страницу 300 далее:

«В тот вечер (21 июня. – *С.К.)* к И.В. Сталину были вызваны московские руководители А.С. Щербаков и В.П. Пронин. По словам Василия Прохоровича Пронина, Сталин приказал… задержать секретарей райкомов на своих местах… «Возможно нападение немцев», – предупредил он…»

Но что интересно – ни Щербакова, ни Пронина в поденных списках посещения кабинета Сталина, приводимых генералом Горьковым, нет! Как нет там и Меркулова с Фитиным в записях за 17 июня.

Почему?

Собственно, в книге Горькова наблюдается странный провал в датах: после 11 июня до 17 июня Горьков не приводит вообще никаких данных по посещению кабинета Сталина.

11 июня там с 21.55 до 22.55 находились Тимошенко, Жуков, командующий ПрибОВО Кузнецов, политработники Запорожец и Диброва, а потом авиаторы Жигарев, Стефановский и Коккинаки. Причем со Стефановским, ушедшим уже в 1.45 12 июня, Сталин полчаса беседовал наедине. А потом – по Горькову – он берет тайм-аут до 17 июня, но в тот день – по Горькову же – принимает лишь Ватутина на полчаса, а за полночь – Жигарева, о чем мы уже знаем.

Хитрую все же дал оговорку генерал Горьков насчет того, что он-де «выборочно» привел «в основном имена посетителей кабинета Сталина, которые были непосредственно связаны с организацией обороны и боевых действий в период Великой Отечественной войны». И получается, что вроде бы Горьков и первооткрыватель «Журнала…», и в то же время любую фамилию он мог выбросить, искажая реальную «фотографию» того или иного сталинского рабочего дня, без риска быть обвиненным в намеренном сокрытии правды.

Но что – на дни с 11 по 17 июня места и типографской краски не хватило? Ведь не может же быть, чтобы в такое время, находясь в Москве, Сталин так уж никого в эти дни и не

принимал! Нет, похоже, принимал, если на странице 79 собственной книги Ю. Горьков сообщает:

«В обстановке надвигающейся войны, 13 июня, С.К. Тимошенко просил разрешения у И.В.Сталина привести в боевую готовность и развернуть первые эшелоны по планам прикрытия. Но разрешение не поступило».

Могу поверить… Сталин, понимая, что страна еще не готова к серьезной войне, не хотел давать Гитлеру ни одного повода к ней. Известно, что Гитлер был очень недоволен тем, что Сталина не удается спровоцировать. Об этом сам Ю. Горьков пишет – на странице 78-й. Поэтому 13 июня Сталин еще мог колебаться – пора ли принимать все возможные меры по развертыванию войск. Потому он и начал свои собственные зондажи, начиная с заявления ТАСС, которое, выходит, после разговора с Тимошенко он и написал.

То есть получается, что описание последней предвоенной недели и у генерала Горькова, и у маршала Жукова, и у прочих (так, маршал Василевский, например, позднее заявлял, что «… нужно было смело перешагнуть порог», но «Сталин не решался на это») принципиально искажено!

Вот еще один факт, наводящий на размышления, – из мемуаров маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, перед самой войной с должности командующего артиллерией Киевского ОВО назначенного начальником ГАУ:

«К 19 июня я уже закончил сдачу дел своему преемнику и почти на ходу распрощался с теперь уже бывшими сослуживцами. На ходу потому, что штаб округа и его управления в эти дни как раз получили распоряжение о передислокации в Тернополь и спешно свертывали работу в Киеве».

Не расходится написанное и с книгой Г. Андреева и И. Вакурова «Генерал Кирпонос», изданной Политиздатом Украины в 1976 году:

«…во второй половине дня 19 июня от наркома обороны поступил приказ полевому управлению штаба округа передислоцироваться в город Тернополь».

Значит, даже не «2 часа дня» 21 июня, а 19 июня? Но с чего это управление ***округа*** вдруг заторопилось в Тернополь, где в здании бывшего штаба 44-й стрелковой дивизии располагался ***фронтовой*** командный пункт? Нам рассказывают, что «тиран» и «глупец» Сталин не позволял командующему ЗапОВО Павлову войска в летние лагеря выводить, хотя в том никакого криминала не было – плановая боевая учеба. А тут штаб Киевского Особого

военного округа с места снимается! Кто мог дать указание об этом, как не Сталин?

И что же – КО В О дали приказ развернуть полевое управление округом (то есть уже, собственно, фронтом), а ЗапОВО – нет? До Кирпоноса в Киев срочные указания ко второй половине 19 июня дошли, а до Павлова в Минск и к 21 июня не успели?

Позвольте не поверить!

А теперь, задав себе и читателю еще и эти вопросы, я действительно ***окончательно*** приведу ключевую хронологию событий июня 1941 года, как я их себе представляю…

Начало июня – возрастание информации о военной активности по ту сторону границы.

Первая половина июня – нарастание озабоченности, а затем и тревоги Сталина; его размышления и формирование идеи о личном зондаже Гитлера.

13 июня – доклад С.К.Тимошенко. Принятие Сталиным окончательного решения о собственном стратегическом, политическом зондаже ситуации.

14 июня – Сообщение ТАСС как первый зондаж.

17 июня – записка Меркулова и беседа Сталина с Меркуловым и Фитиным.

17 или 18 июня – организация Берией полета полковника Захарова и сам полет.

17 или 18 июня – предложение Сталина Гитлеру послать в Берлин Молотова – как окончательный зондаж.

18 июня – санкция Сталина на отдание директивы войскам о приведении их в повышенную боевую готовность, «спущенная на тормозах» растяпами и предателями.

18 июня – окончательная санкция встревоженного сталинским зондажем Гитлера на немедленное начало реализации плана «Барбаросса» и резкое возрастание активности вермахта, тут же замеченное разведкой Берии.

19–20 июня – личная инспекция границы Меркуловым по личному поручению Сталина.

20 июня – доклад вернувшегося в Москву Меркулова Сталину о странной вялости военных.

20–21 июня – Сталин жестко требует от Тимошенко и Жукова отдания немедленной директивы в войска.

22 июня – начало войны.

Вот как оно, возможно, было, уважаемый мой читатель! И лично я сейчас уверен, что вся тогдашняя партийно-государственная и военная элита позднее составила заговор молчания относительно первых военных дней Сталина потому,

что ей важно было исказить и картину последних ***предвоенных*** дней Сталина.

Ведь громко сказать тому же Жукову, или Тимошенко, или Василевскому в пятидесятые ли, в шестидесятые ли годы, что Сталин не только ЗНАЛ, но и ВОВРЕМЯ САНКЦИОНИРОВАЛ приведение войск в боевую готовность, это же…

Это же совершить гражданское самоубийство! Или – если подбирать сравнение более возвышенное – лечь грудью на амбразуру. А на самопожертвование никто из них не отважился.

Да и как мог отважиться на это, скажем, Молотов? Он ведь тоже ***прямо*** лгал – даже в 1984 году. И эта ложь тогда же была зафиксирована Феликсом Чуевым, хотя он ее считал святой правдой. В его книге «Сто сорок бесед с Молотовым» есть запись от 13 января 1984 года:

«Читаю Молотову выдержки из книги Авторханова о 22 июня 1941 года: «Приехали к нему на дачу и предложили выступить с обращением к народу. Сталин наотрез отказался. Тогда поручили Молотову…»

– Да, правильно, приблизительно так…»

Но ведь это даже приблизительно не так!

Это абсолютно не так! 22 июня Сталин впервые увидел Молотова в своем кремлевском кабинете в 5.45 и весь день был в Кремле, начиная дело войны.

Но не мог же Молотов сказать правду. Очень уж она и для него была неприглядна. А если бы выплыла ***эта*** правда, то, смотришь, выплыла бы правда и о Лаврентии Берии… И вместо «лагерно-пыльного» монстра перед глазами изумленных потомков предстал бы блестящий государственный деятель-универсал, не только не грозивший никому стиранием в «лагерную пыль» за предупреждения о близкой войне, а, напротив, своей организаторской работой и своими личными действиями обеспечивший ***своевременное*** информирование о ней Сталина!

Увы, НИКТО из первых лиц державы ни в реальном масштабе времени, ни позднее не вступился за поруганные честь и доброе имя вождя, за правду о товарище Сталине. А ведь это был тот, кто поднял их, дал им золото погон и звезд, дал высокие государственные посты… Это был тот, кто явно – и формально, и неформально – возвышался над ними в силу очевидной гениальности и величия личности и судьбы.

Что уж тут говорить о попранном ими же имени Берии! Он вождем не был, он стоял, считай, рядом с ними – если смотреть формально.

Неформально же он не только был выше их на голову как личность, он был выше их и как человек – не гоняясь за чинами,

за наградами, не изображая из себя государственную величину.

Быть, а не казаться – это для Берии стало даже не лозунгом. Он просто был – на том месте, куда его поставил Сталин. И каждый раз он был на своем месте. И был при этом живым укором ох как для многих своих коллег и сотоварищей.

И поэтому, в зависимости от степени личной слабости или деталей биографии, кто-то его недолюбливал, кто-то – не любил. А кто-то и ненавидел.

Пока Берия был в силе, ненавидел втихую.

А уж когда сверху сказали: «Фас!»…

РАНЕЕ я заявил, что историю войны фальсифицировали на самом высоком уровне по очевидному обоюдному сговору партократической и военной элиты. А вот конкретная иллюстрация к этому общему утверждению.

В 1961 году произошло давно ожидаемое событие: Военным издательством Министерства обороны СССР был выпущен в свет первый том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» – «Подготовка и развязывание войны империалистическими державами».

Шеститомный труд был разработан коллективом научных сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. А председателем Редакционной комиссии был академик Петр Поспелов (на год старше Берии, он тихо почил на 81-м году жизни в Москве в 1979 году). Не раз поминавшийся мной Константин Залесский пишет о нем: «Все подготовленные с его участием работы переполнены подтасовками и извращением действительных фактов и не имеют ничего общего с историей». И это тот редкий случай, когда я с Залесским согласен, если иметь в виду, например, поспеловскую «Историю Великой Отечественной войны».

Что забавно, Залесский далее пишет о Поспелове: «Убежденный сталинист, а затем приверженец Н.С. Хрущева» и т. д. А это ведь Поспелов готовил Хрущеву доклад на XX съезде «О культе личности», переполненный антисталинскими подтасовками и извращением действительных фактов.

Хорош «сталинист»!

Что же до «Истории войны», то в капитальном (вес ровно 2 кг) первом ее томе, созданном «командой Поспелова», имя Берии упоминается два раза. На странице 100 сказано:

«Советские Вооруженные Силы достигли значительных успехов в своем развитии, что беспокоило империалистические круги Запада… Эти круги в поисках путей к ослаблению Красной Армии использовали Берия и его сообщников для уничтожения

многих наиболее опытных и подготовленных командиров и политработников».

Надо ли напоминать читателю хронологию событий и биографию Берии, чтобы стала понятной истинность подобного обвинения в адрес Берии? Но если для разоблачения этой фальшивки надо знать все же, что и когда происходило, а также – кем и когда был Берия, то вторая ложь поспеловцев (на стр. 479) обнаруживается даже при простом логическом ее анализе:

«Борьба с вражеской воздушной разведкой возлагалась на пограничные войска и части приграничных военных округов. Но, как стало известно лишь впоследствии, предатель Берия еще в марте 1940 года категорически запретил пограничным войскам открывать огонь по германским самолетам-нарушителям… Он фактически открыл советское воздушное пространство для вражеской разведки».

Пограничные войска и части *приграничных* военных округов – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. И что-либо разрешать или запрещать военным округам нарком внутренних дел просто не имел права. Что же до погранвойск, то чего ради они должны были открывать огонь по германским самолетам-нарушителям? Пограничники – не армия, зенитных огневых средств у них, считай, не было, как не было (кто бы и что бы ни утверждал обратного) и собственной истребительной авиации.

А ведь это – официальная история войны! Тем не менее, на странице 476 на бериевские «органы НКВД» еще и ответственность за потери нашей авиации на земле свалили! Мол, НКВД затянул с оборудованием аэродромов и самолеты там оказались скучены…

Поспеловцы даже слишком близкое к границе расположение аэродромов в Западном Особом военном округе в вину НКВД поставили, как будто определением местоположения аэродромов не генералы Рычагов, Смушкевич, Павлов занимались, а чекист Берия.

Все это было ложью, начиная с обвинения Берии в избиении командных кадров в 1937 году.

Так что, спрашивается, всего этого не знали высокопоставленные члены редакционной комиссии: академики Минц, Жилин, Хвостов, маршалы Баграмян, Голиков, Соколовский, генералы Гречко и Курасов, юрист Руденко, писатель Полевой и прочие?

Да ведь и во многих других случаях «поспеловская» история войны самым странным образом косноязычна.

Спустимся со «штабных» высот на уровень фронтового окопа… И увидим в начальной (но – не «поспеловской») истории войны удивительный пример 41-й стрелковой дивизии. Командовал этой кадровой дивизией старейший командир Красной Армии генерал Г.Н. Микушев.

Дивизия входила в состав 6-й армии генерала И.Н. Музыченко и дислоцировалась в районе Равы-Русской. Накануне 22 июня генерал Микушев привел дивизию в боевую готовность и занял оборонительные рубежи по плану прикрытия границы. Свои действия он согласовал с командиром 91-го погранотряда майором Я.Д. Малым, но не думаю, чтобы он не поставил в известность и командарма Музыченко.

Впрочем, я склонен думать, что Микушев лишь точно выполнил приказ Музыченко, пришедший по команде из… штаба Киевского ОВО. По своей инициативе командиры дивизий в мирное время личный состав в окопы не сажают, потому что за такие вещи могут посадить их самих. И посадить за дело!

Вот, скажем, такая ситуация… Военные действия еще не начались, но командир дивизии видит, что они вот-вот начнутся. Вроде бы надо занимать оборонительные позиции. Но он – всего лишь командир дивизии. Его задача – быть готовым выполнить приказ вышестоящего командования. А приказа нет!

Ну, хорошо, он самовольно посадил дивизию в окопы. А с первыми разрывами снарядов на территории СССР командующий армией вдруг приказывает дивизии ускоренным маршем занять другие позиции. Командарм исходит из одной дислокации частей дивизии, а она реально уже другая – по вине чересчур инициативного командира. Нет, за такие вещи можно и под трибунал загреметь. И военные люди это знают.

Вот почему я думаю, что Микушев выполнял приказ. Но, так или иначе, на 41-ю дивизию и пограничников 91-го отряда двинулись три пехотные дивизии немцев и часть сил трех танковых дивизий. И дивизия стояла на своем рубеже шесть суток! 23 июня она контратаковала противника и отбросила его на 3 километра на польскую территорию.

23 июня 1941 года! На направлении главного удара вермахта!

Отошел Микушев лишь потому, что его соседи очень уж оголили фланги и возникла угроза окружения.

Это был выдающийся эпизод начала войны… Однако о 41-й дивизии, о генералах Музыченко и Микушеве в хрущевско-поспеловской истории войны, написанной в 1961 году, нет ни слова (Музыченко упомянут как командарм-6 накануне войны в списке других командармов, и все).

Впервые имена этих генералов, сведения о подвиге 41-й

дивизии ***и об обстоятельствах*** этого подвига появляются лишь в краткой «Истории Великой Отечественной войны» уже «брежневского» издания 1970 года.

Почему?

Не потому ли, что история генерала Музыченко и ряда других генералов оказалась косвенно связанной с именем Берии, причем связана выигрышным для последнего образом?

Иван Николаевич Музыченко начал войну мужественно, но в ходе Киевской оборонительной операции в августе в районе Умани был раненым взят в плен. Вначале содержался в ровенской тюрьме, потом – в лагерях в Новограде-Волынском, Хаммельсбурге, Гогелынтейне, Мосбурге. Освобожден он был из плена американцами и 29 апреля 1945 года направлен в Париж, в Советскую комиссию по делам репатриации.

С мая по декабрь 1945 года Музыченко проходил спецпроверку НКВД в Москве. Миновать кабинета Берии он – известный до войны командарм – никак не мог. И вот что получается…

Берия был наркомом внутренних дел по 29 декабря 1945 года. И как раз в декабре этого года закончилась спецпроверка Музыченко, и он 31 декабря 1945 года был возвращен на действительную службу в ряды Красной Армии. Примерно то же произошло и с вернувшимися из плена через Париж генерал-майором Потаповым – бывшим командующим 5-й армией КО В О и генерал-лейтенантом М.Ф.Лукиным, командующим 19-й армией Западного фронта, который тяжело раненным попал в плен 14 октября 1941 года западнее Вязьмы. Они тоже проходили спецпроверку в бериевском НКВД с мая по декабрь 1945 года и одновременно с Музыченко были возвращены в кадры армии.

Возвращены Берией!

А 30 декабря 1945 года на Лубянку, в НКВД под руководством уже Круглова, был доставлен из опять-таки Парижа бывший командующий 12-й армией генерал Понеделин. Сейчас пишут, что он был пленен в августе 1941 года контуженным, после рукопашной схватки. Однако на немецком фото в изданном в 2006 году издательством «Эксмо» фотоальбоме Франсуа де Ланнуа «Немецкие танки на Украине. 1941 год» Понеделин ни контуженным, ни растерзанным не выглядит. Но вот ордена Ленина и двух орденов Красного Знамени у него на груди нет, как нет и медали «ХХ лет РККА». Причем на четком фото не видны и дырочки от них на полевом кителе без следов «схватки». Да немцы и не стали бы ордена снимать, тем более – перед пропагандистским фотографированием. Скорее всего, Понеделин сам избавился от них, надев перед сдачей в плен новый

генеральский китель. Не лучшая для него аттестация.

В плену он тоже вел себя ниже среднего, настроен был антисоветски, но с немцами вроде бы не сотрудничал. Следствие по делу Понеделина длилось пять лет, и лишь в 1950 году его расстреляли (чтобы в 1956 году в общем потоке реабилитировать).

С Понеделиным на Лубянке разбирались тогда, когда Берии там давно не было. А итоговые документы по Музыченко, Потапову, Лукину подписывал еще «изверг» Берия. Конечно, с этими тремя генералами было проще – они и воевали мужественно, и в плену вели себя достойно. И все же – попади даже сильно проштрафившийся Понеделин на Лубянку одновременно с ними, возможно, и он остался бы в живых. Ведь Берия никогда не жаждал лишней, не оправданной обстоятельствами крови.

Итак, имя Музыченко косвенно связалось с именем Берии. А раз так, то о каких заслугах в войне Музыченко может быть речь? Да и имя Микушева тоже неудобно. Скажи о них, и, смотришь, ненароком может выйти наружу правда о том, почему одни встретили войну в казармах, а другие – в окопах.

Преступно провалился-то прежде всего Западный Особый военный округ Павлова, оголяя фланги войск и Киевского Особого военного округа, преобразованного в Юго-Западный фронт под командованием генерала Кирпоноса. Иначе в КОВО все могло бы пойти по-другому.

Увы, последние предвоенные и первые военные дни были переписаны впоследствии так круто, массив уничтоженных документов ныне так велик, что полностью картину нескольких последних суток перед войной восстановить дьявольски сложно. Однако ясно одно: чем точнее мы реконструируем тот короткий период, тем яснее видна вина не Сталина, а высшего генералитета и особенно «команды» Павлова.

Отец моего коллеги, вятича Вячеслава Егоровича Бутусова – Егор Николаевич Бутусов, встретил войну сержантом-пулеметчиком в одной из приграничных частей Киевского военного особого округа. Хлебнув на войне и горячего, и холодного, он скончался в 1969 году, ровно пятидесяти лет от роду. И как вспоминает его сын, когда он, придя из школы, начал рассказывать отцу о неожиданном нападении немцев, то отец возразил ему, что они уже 21 июня 1941 года сидели в окопах. То же в Киевском Особом военном округе, но не в составе 41-й дивизии. Не один, получается, генерал Микушев проявил некое «своеволие». Хотя он его, похоже, и не проявлял, а действовал по приказу свыше, пришедшему из штаба округа, преобразующегося

в Тернополе в штаб фронта.

А «жертва Берии» – командующий Западным Особым военным округом генерал армии Павлов вечером 21 июня 1941 года слушал оперетту.

Зато подчиненный Берии – генерал-лейтенант Соколов был на границе.

ВОЙНУ прошляпили маршалы и генералы, но после смерти Сталина все начали валить на него. Благо, это всемерно поощрял Никита Хрущев. А уж свалить все еще и на Берию после его ареста 26 июня 1953 года – это было для элиты правилом хорошего тона. Ведь иначе могло бы открыться то, о чем я написал выше.

И если уж выстраивать войсковой «рейтинг» виновных в военном провале в первые недели войны, то он будет выглядеть, на мой взгляд, так: Павлов, Жуков, Тимошенко, командующие родами войск РККА, Кирпонос. А в гражданском «рейтинге» я первую позицию отдал бы Хрущеву.

Партийное и государственное руководство Белоруссии, начиная с первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко, тоже было, конечно, не без греха… Есть сборник документов «Скрытая правда войны: 1941 год» издания 1992 года. Клевещущий на Сталина, злобно антисоветский по своему настрою, он все же является сборником достоверных документов.

Относительно Белоруссии я приведу оттуда лишь два абзаца из обширной докладной записки от 5 июля 1941 года военного прокурора Витебского гарнизона военного юриста 3-го ранга Глинки военному прокурору Западного фронта диввоенюристу Румянцеву. Эта записка не только содержательна, но и хороша в чисто профессиональном отношении. В ней я нашел, между прочим, подтверждение того, что при Берии в НКВД ни о каких нарушениях законности помыслить не могли. Так, *в военное время* начальник Управления НКВД по Витебской области Мотавкин и замнаркома НКВД Белоруссии Пташкин *просили* Глинку освободить от судебной ответственности допустившего самоуправство по отношению к заключенным начальника Витебской тюрьмы сержанта ГБ Приемышева.

Просили!

А прокурор гарнизона официально квалифицировал «поведение этих лиц» как возмутительное.

Однако я обещал читателю два абзаца из документа и привожу их:

«Работой начальника гарнизона полковника Редченкова недовольны местные облорганы, заявляя, что он работу не обеспечивает и может провалить. Мое мнение, он просто не в

состоянии охватить всей огромной массы вопросов и нуждается в конкретной деловой помощи. Я предложил секретарям обкома и его первому секретарю тов. СТУЛОВУ послать ему на помощь партработников, которых в Витебске скопилось очень много, но все они ходят без дела. Это секретари обкомов и райкомов других областей, члены ЦК, аппарата ЦК Компартии Белоруссии. Однако обком мое предложение не принял, заявив, что он, начальник гарнизона, может сам найти себе людей…

<…>

Областные органы, в том числе обком и облисполком (тов. СТУЛОВ, тов. РЯБЦЕВ)… запоздали со многими мероприятиями, в результате чего в городе появилось среди населения тревожное настроение, паника, бегство, бестолковщина и дезорганизация, т. е. появилось то, от чего предостерегал тов. СТАЛИН в своей речи».

Картина безобразная, и, хотя немцы заняли Минск на шестой день войны, белорусский ЦК оправдать сложно. Началась огромная война, а многие профессиональные представители политического авангарда общества не могут найти себе дела…

В Белоруссии, впрочем, все осложнил военный цейтнот. А Хрущев на Украине имел достаточно времени для того, чтобы превратить республику в крепость. К тому же только Хрущев входил в состав высшего руководства страны, был членом Политбюро. Когда центральный аппарат НКВД проводил в 1940 году операцию капитана Адамовича, то Хрущев был взбешен, заявляя, что украинский, мол, НКВД и Иван Серов и сами все могли бы сделать! Но вот началась война, и Хрущев вместо того, чтобы оперативно «расшивать» возникающие проблемы гражданской и хозяйственной жизни, начал изображать из себя стратега, дезинформируя Сталина и осложняя положение Кирпоноса.

А начальник Управления политпропаганды Юго-Западного фронта бригадный комиссар Михайлов 6 июля докладывал начальнику Главного Управления политпропаганды Красной Армии армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису:

«В отдельных районах партийные и советские организации проявляют исключительную рассеянность и панику. Отдельные руководители районов уехали вместе со своими семьями задолго до эвакуации районов.

Руководящие работники… Новоград-Волынского, Коростенского, Тарнопольского районов в панике бежали задолго до отхода наших частей, причем вместо того, чтобы вывезти государственные материальные ценности, вывозили имеющимся в

их распоряжении транспортом личные вещи…»

11 июля тот же Михайлов докладывал о бегстве секретарей райкомов КП(б)У Хмельницкого, Янушпольского, Улановского районов… Это – Винничина, это уже близко к Киеву. И это все – кадры Хрущева. Но он их к стенке не ставил. Да и зачем? Они ему еще пригодятся после 1953 года…

Пожалуй, и поэтому Хрущев так подло лгал после 1953 года о Сталине. Свалив все на Сталина, проще было «замотать» вопрос о мере собственной вины. И многие из представителей послевоенного «маршалитета» и генералитета были тут ему естественными союзниками, потому что им тоже не нужна была правда о том, как начиналась война.

Сталин после войны великодушно не обнародовал тот факт, что войну преступно проморгал не один Павлов, а чуть ли не все военное руководство. Ведь готовность к войне определяется не тем даже, встретили ее те или иные части в окопах, а тем, как эти части обучены, как снабжены, как была организована армейская жизнь до войны.

В принципе здесь все наладить было намного проще, чем в народном хозяйстве, потому что армия ничего не производит, она только потребляет. И генералам надо было лишь запрашивать, получать, распределять и учить подчиненных всех уровней пользоваться распределенным. Генералы же не смогли перед войной сделать толком даже этого.

А кто-то и явно предал.

Что оставалось Сталину? Он ведь непосредственно перед 22 июня оказался в очень сложном положении. Он надеялся на генералитет, а тот проваливал дело войны еще до ее начала.

И более того! Если я прав в предположении об инспекции Меркулова 19–20 июня, то надо прибавить вот что… Допустим, после доклада Меркулова Сталин даже заподозрил Павлова в прямом предательстве. Ведь даже в этом случае он не мог распорядиться о его аресте до начала войны! Не мог потому, что арест в такой момент всего лишь ***предполагаемого*** предателя на таком посту не менее опасен для общего тонуса армии, чем оставление его на месте.

Но вот война началась. Предполагаемый провал стал фактом. Что делать? Не наказать после провалов вообще никого было нельзя – надо было показать генералам, что терпение Сталина и Родины кончилось. Однако наказывать многих тоже было нельзя – с кем-то же надо было теперь воевать!

При этом, даже точно зная о том, что кто-то предал, открыто судить и расстрелять его как прямого изменника было опять-таки

опасно, потому что официальная информация о прямой измене части генералитета сделала бы невозможной никакое управление войсками по вполне понятным причинам.

Поэтому Сталин не ткнул пальцем в *очевидное* и смолчал. И объяснил военный провал внезапностью и вероломностью нападения. То, что он покрыл этим грехи, а то и измену кого-то из военного руководства, знал очень ограниченный круг лиц, часть из которых к тому же погибла или была расстреляна.

Потом надо было опять-таки воевать… А уж когда пришла Победа – стоило ли ворошить прошлое?

Так считал Сталин – он же не знал, что после его смерти почти все его маршалы (кроме Рокоссовского) поведут себя в меньшей или большей степени подло и позволят Хрущеву и прочим оболгать своего верховного вождя, да еще и сами грязи на его могилу нанесут.

Так и остались по сей день виновными в провале первых дней войны не они, а «тиран» Сталин совместно с «палачом» Берией, конечно. Берия ведь «преступно отмахивался» от предупреждений «секретных сотрудников» Алмаза и Кармен.

ВПРОЧЕМ, в конце июня 1941 года до Победы еще было далеко – надо было решать сразу множество дел и перестраивать управление страной на военный лад.

В неопределенное будущее отодвинулись и планы демократизации страны, и расчет на альтернативные выборы в декабре 1941 года. Реальной силой должна была стать власть исключительно исполнительная.

И тут Сталин…

И тут Сталин, похоже, испытал-таки минуту слабости… И его можно понять – он ведь был таким же человеком, как и все… И количество нервных клеток было тем же, и количество километров нервов, и сердце одно, и крови те же пять литров.

А вот ответственность…

Причем он-то знал, что как глава государства все делал правильно: и вовремя осторожничал, и вовремя отбросил в сторону колебания, вовремя санкционировав армейцам и флотским начало приведения войск в боевую готовность. Но его подвели…

И как подвели! Прошла неделя войны, а уже пал Минск, немцы перли и перли вперед…

И Сталин, похоже, действительно уехал на ближнюю дачу. Во-первых, он за эту первую неделю дико устал… И ему хотелось побыть одному и наедине с собой… Во-вторых же, на него могла навалиться депрессия.

Момент кризиса – если он был, надо отнести на дни 29 и 30 июня. Накануне, 28 июня, Сталин принял более двух десятков человек, в том числе Тимошенко, Жукова, начальника Разведупра Генштаба Голикова, санкционировал приказы и распоряжения, датированные уже 29 июня.

С 22.00 до 22.10 28 июня у него появились летчики-испытатели Супрун и Стефановский – командиры формируемых по инициативе Супруна полков испытателей. Время же пребывания в сталинском кабинете наиболее интересных для нас посетителей распределялось 28 июня так:

Молотов	19.35—00.50
Маленков	19.35—23.10
Меркулов	19.45—20.05
Берия	22.40—00.05
Микоян	23.30—00.50
Меркулов	00.00—00.15

Как видим, все время – с 19.35 до почти часа ночи 29 июня у Сталина просидел один Молотов, но за полчаса до полночи в кабинет, где тогда находился и Берия, зашел Микоян и оставался там вместе с Молотовым до конца.

Из всех, кто прошел в тот день через кабинет Сталина, лишь эти двое были профессиональными революционерами и были знакомы с хозяином кабинета еще до революции. И не просто были знакомы, а вместе с ним эту революцию готовили… Так что разговор на излете «дня» был наверняка ***всяким —*** не только деловым.

А потом в Журнале посещений – двухдневный провал. Вот тогда, вечером 29-го, похоже, и поехали к Сталину Молотов с Берией. В письме, написанном в 1953 году в камере на имя Маленкова, но обращенном ко всем членам Президиума ЦК, Берия напоминал Молотову:

«Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче, Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова… После…мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его [о] немедленной организации Комитета Обороны Страны…»

Итак, некая поездка была, и они прихватили с собой не только Маленкова, но и Кагановича, Микояна… И были, надо полагать, невеселые разговоры со Сталиным – невеселые в том числе и потому, что Сталин **через неделю после начала войны** вполне мог испытать глубокий душевный кризис.

Временный…

Однако он его быстро, в считаные десятки часов, преодолел, и этот кризис на общей ситуации не сказался. Уже 1 июля Сталин опять был в своем кремлевском кабинете и до конца войны впрягся в ежедневную военную лямку. Но 1 июля он принял немногих, зато с 16.50 до 19.00 беседовал с двумя: Тимошенко и Жуковым.

О чем они говорили, осталось между ними и Богом, но,

возможно, Сталин высказал им все, что думает и о них, и о высшем генералитете РККА в целом. А возможно, он, при всей жесткости тона, говорил только о деле, вначале подробно ознакомившись с текущим положением. Ведь он уже понял, что вскоре ему самому придется взяться за руководство не только тылом, но и фронтом.

В части непосредственного ведения войны всю полноту власти получила Ставка Главного Командования, 10 июля преобразованная в Ставку Верховного Командования во главе со Сталиным.

В части же остального по Конституции власть принадлежала Верховному Совету СССР и Совету Народных Комиссаров СССР. Но теперь надо было свести все в один кулак, и 30 июня 1941 года совместным решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР был образован Государственный Комитет Обороны.

Вот как сообщает о нем однотомная энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945», выпущенная в свет издательством «Советская энциклопедия» в 1985 году:

«Государственный Комитет Обороны (ГКО) – чрезвычайный высший государственный орган СССР, в годы Великой Отечественной войны сосредоточивший всю полноту власти. <… > Первоначальный состав: И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (зам. председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков. Позднее в ГКО были введены Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, А.И. Микоян (энциклопедисты ЦК КПСС «забыли» о Л.М.Кагановиче, введенном в состав ГКО, как и два последних упомянутых члена, в феврале 1942 года, Булганин же стал членом ГКО вообще в 1944 году. – *С.К.)…»*

Простите, а где же член ГКО ***с 30 июня 1941 года***, заместитель Председателя ГКО (то есть второй после Сталина человек в воюющей стране) с 1944 года и он же – с момента его образования в 1944 году – председатель Оперативного бюро ГКО Л.П. Берия?

Его вырезали из истории страны и здесь. То есть даже через сорок лет после Победы малейшее упоминание имени Берии в официально положительном контексте было невозможно. Не изменилось здесь ничего и по сей день, и я считаю просто позорным тот факт, что даже в 2005 году в изданном издательством «Ладога-100» под редакцией бывшего секретаря ЦК КПСС О.Бакланова капитальном труде «Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие» среди членов ГКО Л.П. Берия опять-таки не упоминается.

А ведь с началом войны Лаврентий Павлович…

И вот тут я, уважаемый мой читатель, теряюсь!

Даже предельно сухой, но ***полный*** рассказ о деятельности Берии в годы войны вылился бы в отдельную толстую книгу.

И как же тут поступить?

Вначале перечислить до конца все его обязанности и поручения во время войны, а потом последовательно рассказать о них хотя бы кратко?

Или сразу начать последовательный рассказ, переходя от обязанности к обязанности и попутно разоблачая очередные антибериевские мифы?

Пожалуй, я выберу нечто среднее, сообщив пока, что за день до создания ГКО особым приказом Ставки Главного Командования № 00101 от 29 июня 1941 года Берия был введен в состав Военного совета Московского военного округа. Предыдущий приказ № 00100 возлагал на народного комиссара внутренних дел тов. Берию Л.П. дело формирования 15 новых дивизий, о чем речь у нас еще будет.

20 июля 1941 года наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были вновь слиты в один Наркомат внутренних дел под рукой Берии. А позднее ему придется побывать и представителем Ставки ВГК, организуя оборону Кавказа.

Но сейчас у него – как у наркома внутренних дел – было две основные задачи…

Две?

Нет, три!

Три?

Нет, четыре!

Четыре?

Нет, пять!

Пять?

Нет, даже не пять, а больше! Причем, подчеркиваю, только как у наркома внутренних дел!

Остановимся, однако, на первых пяти задачах. Теперь на Берии было:

1) формирование новых соединений на базе войск НКВД, прежде всего погранвойск;

2) создание заградительных отрядов по охране тылов фронтов;

3) организация разведывательно-диверсионной деятельности за линией фронта, а также – и партизанского движения;

4) чекистская контрразведка (то есть противодействие разведке врага, включая радиоигры и прочее), борьба с диверсиями, охрана стратегических объектов…

И, само собой: 5) внешняя нелегальная разведка НКВД, опять перешедшая под руку Берии.

Кроме того, в НКВД вернулась военная контрразведка – Особые отделы, которые в феврале 1941 года были переданы в наркоматы обороны и ВМФ и преобразованы в Третьи Управления этих наркоматов. И теперь надо было все вновь перестраивать – на ходу.

Ах, да! Я же еще забыл в числе первостепенных вопросы хозяйственной деятельности НКВД! А они тогда сами по себе требовали уйму внимания!

И это, уважаемый мой читатель, еще не все проблемы, с которыми ему приходилось иметь дело ***только по линии НКВД.*** А у него различных разнородных линий вскоре оказалось столько, что в них можно было бы запутаться, как в густой паутине, если бы…

Если бы 42-летний Лаврентий Берия не был мастером по распутыванию любых клубков проблем.

НАЧНЕМ же отматывать линии его военной судьбы и мы… Итак, Государственный Комитет Обороны…

3 июля 1941 года академик Вернадский, находясь в санатории Академии наук Узкое, записал в свой дневник:

«1 июля 1941 года образован Государственный комитет обороны из Сталина, Молотова, Ворошилова, Маленкова, Берия. В общем, ясно, что это идейная диктатура Сталина».

Но дело было не в «идейной диктатуре» (Вернадский в своих политических оценках часто попадал пальцем в небо), а в необходимости эффективного, конкретного, ежедневного и всеобъемлющего управления всем делом войны, кроме непосредственно проблем ведения военных действий. В современной же войне тыл значил как минимум не меньше, чем фронт. А порой – и больше.

Поэтому Сталину предстояло распределить верховную власть между теми, кто вошел в чрезвычайный высший государственный орган СССР, и поручить каждому конкретный, как говорится, участок работы.

Кто же что мог в первом составе ГКО?

Клим Ворошилов…

Он был неплох там, где был неплох. Но, увы, сфер приложения его натуры к 1941 году было не так уж много. Он был политиком, да и в военном деле разбирался, однако много тянуть уже не мог. Так или иначе, в первый период войны он был занят на фронте, командуя войсками Северо-Западного направления, а

потом – Ленинградским фронтом. Вопреки возведенной на него напраслине, в августе – сентябре 1941 года он сделал для сдерживания немцев, рвущихся к Ленинграду, немало. Замена его Жуковым оправданна, но надо учесть, что Жукову крупно повезло, хотя о том тогда не знали ни он, ни Сталин… А повезло в том, что назначение Жукова совпало с решением Гитлера в начале октября 1941 года прекратить штурм русской северной столицы и перейти к ее блокаде.

То есть войска истощили немцев под руководством – как ни крути – Ворошилова. А Жуков во многом лишь пожал плоды коллективных усилий двух месяцев. Тем не менее Ворошилова как активный штык к зиме 1941 года в расчет можно было не брать. Особенно если иметь в виду управление экономикой.

Вторым в ГКО после Сталина шел его заместитель Вячеслав Молотов. Однако он никогда чисто хозяйственной работы не вел – для этого у него не было ни деловой хватки, ни достаточного специального образования, ни практического опыта. Это был прежде всего политический деятель, причем – типичный «второй номер». «Вторым номером» при Сталине он и был, занимаясь в основном делами внешнеполитическими. Функция важная всегда, а во время войны – особенно. Но как же нам быть с экономикой?

Каганович имел хватку, знал промышленность, но больше в ее общенародной, так сказать, части. А сейчас надо было уверенной рукой курировать производство вооружений, что Каганович потянул бы вряд ли.

Оставались Маленков и Берия.

Иногда на Западе о них пишут как о «тандеме технократов», но если давать Георгию Маленкову предельно жесткую оценку, то можно сказать: фигура типа «слушали-постановили», то есть – «аппаратчик», функционер. И хотя он практически закончил МВТУ имени Баумана, его жизнь протекала среди канцелярских столов Московского горкома партии и Центрального Комитета ВКП(б). Безусловно, Маленкову приходилось заниматься экономикой немало. Но успехов он достигал при этом не более чем средних. Каганович о нем вспоминал: «Культурный человек, но не блистал знанием хозяйственной жизни».

Так кто же у нас им блистал? А как раз «забытый» «энциклопедистами» брежневской эпохи член ГКО тов. Л.П.Берия.

Берия в ГКО почти всю экономику на себя и взвалил. Вместе с, естественно, председателем ГКО, Верховным Главнокомандующим, Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, наркомом обороны СССР товарищем Сталиным.

Нагрузку Сталина мог вынести только Сталин. Однако и

нагрузку Берии мог вынести только Берия. И она уступала лишь нагрузке Сталина, потому что в годы войны Лаврентий Павлович был «всего лишь» заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро ГКО, постоянным советником Ставки Верховного Главнокомандования, кандидатом в члены Политбюро, заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и наркомом внутренних дел.

Вошедшие позднее в состав ГКО Каганович, Вознесенский и Микоян в какой-то мере разгрузили Берию и Маленкова, но – лишь во вполне определенных сферах.

Что же до члена Политбюро Хрущева, то его роль в войне оказалась как раз той, какую он и был способен играть во времена грозных испытаний, то есть – незначительной. «Ближайший соратник» и «верный ученик» Сталина всю войну провел в членах Военных советов фронтов, не испытав и сотой доли той нагрузки, которая пришлась на Берию. Недаром Жуков в своих мемуарах вспомнил Хрущева в том смысле, что, проголодавшись, старался заехать к нему, непременному члену Военного совета того или иного фронта, зная, что у «Никиты Сергеевича» всегда можно неплохо перекусить.

Деловой уровень Хрущева определяется его знаменитой резолюцией «Азнакомица» на документах. Хорошо узнавший его впоследствии «и примкнувший к ним» Шепилов аттестует Хрущева как круглого невежду, но и помимо Шепилова подобных характеристик мы имеем с избытком. Тот же Шепилов говорил, впрочем, и так: «Хрущев был дремуче необразован, но имел хорошую голову». Если прибавить: «А также – изощренно хитрую и подлую натуру идеального притворщика», то это и будет тот «джентльменский набор», за счет которого Хрущев держался «на плаву».

Итак, одной из главных линий судьбы Берии в войне стала работа в Государственном Комитете Обороны. И чтобы дать ей общую оценку, я воспользуюсь сведениями из сборника документов «Лаврентий Берия. 1953», изданного Фондом «Демократия». Это самый надежный способ лишить ненавистников Берии возможности что-либо возразить, ибо вот что признают за Лаврентием Павловичем сами «демократы»:

«Постановлением ГКО от 4 февраля 1942 г. о распределении обязанностей между его (ГКО. – *С.К.)* членами Берии был поручен контроль за выполнением решений по производству самолетов и моторов, вопросами формирования ВВС, кроме того, в дальнейшем на Берию был возложен контроль за выполнением решений о производстве вооружения, минометов, боеприпасов, танков, а также наблюдение за работой трех наркоматов:

нефтяной, угольной промышленности и путей сообщения. В 1944 году Сталин назначает Берию заместителем председателя ГКО и председателем Оперативного бюро ГКО, рассматривавшего все текущие вопросы».

Кое о чем в этой справке не упомянуто, однако в целом она отражает военную нагрузку Лаврентия Павловича верно, хотя и с хронологическими неточностями.

Почему Сталин поручил Берии курировать авиационные вопросы, понятно: в 1939–1941 годах бутерброды для Андрея Туполева готовили офицеры НКВД. И за то время, пока существовало ЦКБ-29 НКВД, Берия «авиационного» опыта набрался. Хотя часто считается, что авиацию курировал Маленков. Да, курировал – когда производство более-менее установилось. И курировал недостаточно тщательно и не очень компетентно.

Но как понимать оборот «кроме того, в дальнейшем на Берию был возложен контроль…» и т. д.? Да так и понимать, что те, на кого этот контроль был возложен вначале, проваливались. И их обязанности Сталин переваливал на Берию. Как известно, на человека грузят столько, сколько он снесет. А Берия нес столько, сколько на него грузили.

Вот на него и грузили.

С самого начала войны!

Я НАПОМНЮ читателю, что писал Лаврентий Павлович в письме Маленкову после ареста в июне 1953 года:

«Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Западный фронт – который немец сильно теснил… Наша совместная работа по созданию под руководством Государственного Комитета, Ставки и лично товарища Сталина Резервного фронта для защиты подступов к Москве… Одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных чекистских войсковых дивизий…»

Последняя из упомянутых выше работ стала для Берии первым крупным успехом в войне и первой его крупной военной заслугой перед народом. Уже 29 июня 1941 года был издан приказ Ставки Главного Командования о формировании стрелковых и механизированных дивизий из личного состава войск НКВД.

Вот его полный текст:

«Приступить немедленно к формированию 15 дивизий, из них 10 стрелковых и 5 моторизованных. На формирование

дивизий использовать часть кадров начальствующего и рядового состава пограничных и внутренних войск НКВД.

Недостающий личный состав покрыть из запаса.

Формирование дивизий возложить на народного комиссара внутренних дел тов. Берия Л.П.

Начальнику Генерального штаба Красной Армии обеспечить формирующиеся дивизии людскими и материальными ресурсами и вооружением по заявке НКВД.

Ставка Главного командования
ТИМОШЕНКО
СТАЛИН
ЖУКОВ».

Конечно, Берия не стоял на плацу, занимаясь строевой подготовкой. Как и всегда и везде, он прежде всего подбирал компетентных исполнителей, а за собой оставлял функции контроля и оперативного решения тех из возникающих проблем, которые его подчиненным решить было не под силу.

И для формировании чекистских дивизий много сделал Иван Иванович Масленников – чекистский соратник Берии еще по Закавказью. Придя к руководству НКВД, Берия вытащил в Москву и его. И это, как всегда, был хороший выбор. Глаз ведь на людей у Берии был точным!

В тот же день 29 июня 1941 года Берия издает приказ, где говорилось:

«1. Руководство формированием возложить на моего заместителя генерал-лейтенанта тов. Масленникова.

2. При тов. Масленникове создать оперативную группу в составе пяти человек.

3. К формированию дивизий приступить немедленно.

4. На формирование указанных дивизий выделить из кадров войск НКВД по 1000 чел. рядового и младшего начальствующего состава и по 500 чел. командно-начальствующего состава на каждую дивизию. На остальной состав подать заявки в Генеральный штаб Красной Армии на призыв из запаса всех категорий военнослужащих.

5. Сосредоточение кадров, выделяемых из войск НКВД, закончить к 17 июля с.г.».

Пограничники приграничных округов уже воевали – кто в составе войск по охране тылов фронтов, кто в окружении или в строевых частях. И новые чекистские дивизии формировались прежде всего за счет лучшего кадрового состава погранвойск Грузинского, Армянского, Азербайжданского, Казахского,

Среднеазиатского, Туркменского и Забайкальского округов. Это было решение и верное, и нестандартное, потому что оголить даже второстепенные участки границы было делом все же рискованным.

Но риск был оправданным, и из дальних погранокругов в места формирования, в частности – в Ярославль, в считаные дни (за 8—11 суток) из Закавказья и Средней Азии прибыли 3 тысячи командиров и 10 тысяч сержантов и рядовых.

Плюс – по 500 человек из личного состава частей Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского, Украинского и Молдавского пограничных округов, вышедших из окружения.

Итого – более 15 тысяч боевого ядра на 15 дивизий. Из запаса брались тоже крепкие кадры. А пограничники играли роль легирующих добавок в обычную сталь. И сплав получался великолепным!

Практически все командные должности в дивизиях занимали пограничники. Командирами взводов стали выпускники Харьковского кавалерийского пограничного училища, командирами батальонов – слушатели Высшей пограничной школы.

Первый год войны был горьким для советских пограничников годом – ведь тогда погибли десятки тысяч наших ребят, прекрасных, преданных Родине и профессионально умеющих ее защищать. Однако этот же год стал для советских пограничников и «звездным» годом, потому что никогда ни до, ни после значение погранвойск для страны не было таким значимым – если учесть, что тогда в считаные месяцы решалась сама судьба государства, а пограничники для обеспечения ее будущего в эти же считаные месяцы сделали так много, как, пожалуй, никто другой.

На чекистской эмблеме – щит и меч. Быть мечом в ходе первых сражений с врагом чекисты-пограничники не могли – слишком прочной броней был укрыт враг, и достать его через эту броню должен был меч армии. Но вот щитом для страны пограничники стали, сдерживая и сдерживая натиск, ослабляя его и выигрывая главное в те дни условие будущей победы – время.

Это был действительно коллективный подвиг, совершенный в масштабах войны и истории почти мгновенно. И в том, как он был совершен, был виден стиль Берии. Однако он не смог бы накладывать свой стиль на работу подчиненных, если бы вмешивался в детали. Он давал нужный импульс, исходный толчок в верном направлении, и после этого переходил к другой задаче. Их ведь у него было не две и не три. И даже не пять!

Если все шло так, как надо, Берия в дальнейшем ограничивался получением оперативной информации о ходе дел.

Если что-то не ладилось, он быстро подправлял ситуацию и опять предоставлял инициативу подчиненным. Так было и тут! Решение о частичном оголении невоюющих границ – это за наркомом. Причем Берия недаром широко использовал закавказских пограничников – они ведь были, по сути, его прямыми воспитанниками.

Итак, он дал директиву. А далее – помощь лишь тогда, когда она нужна.

Сколачивание шести дивизий первой очереди прошло в бериевском темпе – с опережением сроков, потому что фронт не ждал. Конечно, двое суток на сколачивание – это очень мало. Но в зоне бывшего ЗапОВО, нынешнего Западного фронта, образовалась огромная брешь, через которую вливались и вливались в Россию германские войска. И закрывать брешь пришлось кадрам Берии.

Присягу принимали в пути следования и на боевых позициях – так диктовала крайне сложная обстановка на фронте. Все пятнадцать дивизий ушли туда, где было наиболее сложно. Десять дивизий (243, 244, 246, 247, 249, 250, 251, 252, 254-я и 256-я) – на Западный фронт, пять (265, 268, 262, 257 и 259-я) – на Северо-Западный.

А уже возникала новая проблема… Приграничное сражение было армией проиграно, и теперь надо было думать о заблаговременной организации обороны на московском стратегическом направлении. И это было как раз то, о чем Берия писал в своем письме из камеры…

14 июля Ставка Верховного Командования (10 июля ГКО преобразовал Ставку ГК в Ставку ВК) издает приказ № 00334 о создании фронта резервных армий на рубеже Старая Русса, Осташков, Белый, Истомино, Ельня, Брянск для подготовки к упорной обороне. В состав фронта были включены шесть армий (29, 30, 24, 28, 31-я и 32-я), четырьмя из которых командовали пограничники: 30-й – начальник войск Украинского пограничного округа генерал-майор В.А. Хоменко, павший позднее смертью храбрых; 31-й – начальник войск Карело-Финского пограничного округа генерал-майор В.Н. Далматов; 24-й – начальник войск Прибалтийского пограничного округа генерал-майор К.И. Ракутин. Заместитель же наркома, генерал-лейтенант Иван Масленников, проведя формирование чекистских дивизий, принял 29-ю армию. Он будет доблестно и умело воевать, закончит войну генералом армии, командующим 3-м Прибалтийским фронтом, Героем Советского Союза, кавалером четырех орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, ордена Суворова I степени, двух орденов Кутузова I степени.

В октябре 1948 года с должности командующего Закавказским военным округом он вернется в МВД СССР – заместителем министра, но уже – не Берии, а Круглова. Он останется им и после гибели Сталина, но теперь уже – вновь заместителем вернувшегося в МВД Берии. И застрелится 16 апреля 1954 года – менее чем через год после гибели своего боевого наркома времен войны.

Итак, из шести армий, прикрывавших летом 41-го года Москву, четырьмя командовали пограничные генералы. Командующим фронтом резервных армий был назначен тоже пограничник – бывший начальник войск Белорусского пограничного округа генерал-лейтенант И.А. Богданов.

30 июля фронт резервных армий был преобразован в Резервный фронт под командованием Г.К. Жукова (Богданова он пригласил к себе заместителем).

Подсчитаем…

На западной границе войну встретило около ста тысяч пограничников, и практически каждый воевал за нескольких армейцев. Фактически пограничники становились тогда последним резервом командования всех уровней, в чьем распоряжении воины Берии оказывались волей судьбы и военного случая.

При этом до 25 сентября 1941 года непосредственно погранвойска имели штаты мирного времени, то есть не имели средств усиления: противотанковых средств, артиллерии, зенитных пулеметов… Ведь пограничники охраняют границу от нарушителей, а не отражают агрессию врага. Воевать – задача армии.

Однако, как и на финской войне, армейское командование вовсю использовало пограничные части (имеются в виду не 15 дивизий НКВД, а погранкомендатуры, погранотряды, погранполки). Но – не всегда выделяло им средства усиления. Впрочем, пограничники в любом «формате» представляли собой силу грозную и стойкую.

Ко второй половине июля страна получила дополнительно к уже воюющим ста тысячам пограничников еще не менее ста тысяч солдат пограничной кондиции, костяк которых составили 15 тысяч лучших пограничников. И тот факт, что, с одной стороны, именно их бросили закрывать прорыв, а, с другой стороны, занимать новый стратегический рубеж Сталин поручил тоже пограничникам, говорит о выдающейся роли погранвойск в начальный период войны.

Однако роль эта оказалась приниженной уже в первых же капитальных исследованиях о Великой Отечественной войне.

Почему?

Да потому, что оценишь погранвойска по заслугам, и можно нарваться на вопрос: «А кто же отвечал за формирование этих 15 дивизий?»

Невозможность ответа сразу же программировала исключение условий для вопроса. Поэтому я так подробно и рассказал о погранвойсках. Военная их история – это и часть военной биографии Берии.

ВТОРЫМ и третьим крупными чисто фронтовыми делами Берии стали с началом войны:

– руководство работой Особых отделов в РККА и РККФ, возвращенных из НКО и НК ВМФ в НКВД;

– организация деятельности войск НКВД по охране тыла, в том числе – входивших в их состав заградительных отрядов.

На кухнях многих интеллигентских квартир и раньше распевали: «Эту роту расстрелял из пулемета свой же заградительный отряд». Сегодня эти песни «поют» школьникам уже в средней школе.

Но, во-первых, вряд ли в истории реальной, а не василий-аксеновской войны имеется хоть один эпизод, когда какая-то ***рота*** была расстреляна каким-то заградительным отрядом. Хотя советские солдаты, расстрелянные заградительными отрядами, были. Ведь шла война. А на войне стреляют – и по тем, кто стоит на пути к победе, и по тем, кто уклоняется от этого пути.

Но советские стрелковые роты тоже «расстреливали…» А точнее – стреляли в боях на фронте по военнослужащим вермахта… И ротам это никто в вину не ставил и не ставит по сей день. Но бежавшие с поля боя трусы были такими же врагами России, как и вторгшиеся в нее захватчики. Напомню: тогда шла война, на которой стреляют как в тех, кто пришел на твою землю врагом, так и в тех, кто своей земле изменил.

Что же до заградительных отрядов, то было два различных их вида. ***И те заградительные отряды, к которым имел отношение НКВД Берии, никогда не обеспечивали боевой устойчивости войск!***

Последняя функция всегда была прерогативой заградительных отрядов не Наркомата внутренних дел (НКВД), а Наркомата обороны (НКО).

О времени создания первых заградительных отрядов как НКВД, так и НКО имеются разные сведения, но самые ранние отыскиваются в документах 1941 года.

Вот извлечение из приказа войскам Западного фронта № 010 от 9 июля 1941 года «Об упорядочении использования

автотранспорта и организации движения по шоссейно-грунтовым дорогам», подписанного командующим фронтом маршалом Тимошенко, членом Военного совета армейским комиссаром 1-го ранга Мехлисом и начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Маландиным:

«…6. Начальнику охраны тыла Западного фронта генерал-лейтенанту Соколову (тому самому, пограничному. – *С.К.)* на линии контрольно-распорядительных станций фронта Ржев, Вязьма, Запозная, Фаянсовая, Брянск, Шостка выставить заградительные отряды с задачей задерживать все незаконно следующие машины и направлять их из района Смоленск в распоряжение начальника отдела тыла штаба Западного фронта…»

А не позднее 15 июля 1941 года четыре контролера Наркомата государственного контроля докладывали наркому Мехлису (он же – член Военного совета Западного фронта):

«…Задержка праздно блуждающих машин происходит через коменданта города и заградительный отряд НКВД. В среднем по 2–3 машины в день, которые передаются на сборный пункт…»

А вот цитата из докладной записки от 5 июля 1941 года прокурора Витебского гарнизона Глинки, уже знакомого читателю:

«Мною получено сообщение, что начальник заградительного отряда НКО – интендант 1-го ранга МЫСЛОВ расстрелял без суда и следствия народного судью Толоцинского района тов. АБРАМОВИЧА за то, что последний… произвел нечаянно выстрел в потолок у себя в кабинете. <…> Прошу… согласия на арест… МЫСЛОВА с передачей дела в ВТ (военный трибунал. – *С.К.)* по ст. 180 УК (Уголовного кодекса. – *С.К.)».*

Как видим, заградотряды НКВД задерживали машины, зато начальнику заградотряда НКО (не НКВД!) «светил» трибунал за бессудную и безрассудную расправу над людьми. Но «руки в крови», конечно же, у «подручных Берии».

Но любимый даже «демократами» генерал армии (будущий маршал) Жуков, вступив в командование Ленинградским фронтом, 18 сентября 1941 года инициирует постановление Военного совета фронта об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов на территорию Ленинграда и поручает создание трех заградительных линий почему-то именно подчиненным «палача» Берии… И никто не обвиняет Жукова в том, что у него-де руки по локоть в крови.

Я уже отметил, что упоминавшийся выше генерал Соколов – это тот самый «пограничный» Соколов. И это среди его

подчиненных «держал режим» в 1941 году знаменитый Таманцев из богомоловского «Момента истины» («В августе сорок четвертого…»).

Могу напомнить:

«В задачи и обязанности нашего погранполка, державшего в тот момент контрольно-пропускной и заградительный режимы на отходах от Орши, только официально – по приказу – входило:

наведение и поддержание в тылах фронта должного порядка;

проверка документов, а в случае необходимости – при возникновении подозрений – и личных вещей…;

охрана важнейших объектов и обеспечение бесперебойной работы связи;

задержание и доставка на сборные пункты самовольно уходящих в тыл красноармейцев, командиров; вылавливание и арест дезертиров;

регулирование движения на дорогах и эвакуации; предельная загрузка всего транспорта…;

ну и, разумеется, в первую очередь – поимка и уничтожение немецких шпионов и диверсантов…

Все это входило в наши задачи и обязанности официально, по приказу, а чем мы только тогда не занимались – не перечислишь! – даже роды приходилось принимать».

Кто-то может сказать: «Ну, это литература!» Да нет, в данном случае не литература, а самая настоящая жизнь.

ИНОГДА заградотряды НКВД сравнивают (считая, что это их «обеляет») с фельджандармерией вермахта или американской военной полицией «эм-пи» – Military Police. Думаю, это сравнение оскорбительно для памяти тех наших ребят, которые стали прототипами того же Таманцева. Но часть функций была схожей: борьба с вражескими агентами в тылах фронтов, с мародерами, дебоширами, дезертирами; охрана коммуникаций. А в период первого отступления – и наведение элементарного порядка движения на дорогах.

Пожалуй, адекватное представление о заградительных отрядах Берии дает следующий документ:

«Совершенно секретно
Народному комиссару внутренних дел СССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу БЕРИЯ

СПРАВКА

С начала войны по 10 октября с.г. Особыми отделами НКВД и

заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных, Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов – 1505

диверсантов – 308

изменников – 2621

трусов и паникеров – 2643

дезертиров – 8772

распространителей провокационных слухов – 3987 самострельщиков – 1671 других – 4371 Всего – 25 878.

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек.

Зам. нач. Управления ОО НКВД СССР

комиссар гос. безопасности 3 ранга С. Мильштейн».

Возможно, если бы я изложил содержание этой справки своими словами, читать книгу читателю было бы легче. Однако автор всегда считал и считает, что лучше не *излагать* факты *по документам,* а *сообщать их* читателю *в виде документов.*

И только сообщив их, можно излагать читателю *собственные* соображения и мнения… А уж когда речь идет о Лаврентии Павловиче Берии, то цитирование документов просто необходимо, ибо ничто так убедительно не разоблачает ложь, как подлинный документ. А лжи о Берии за много лет набралось – море разливанное…

Конечно, читатель может спросить: «А ты, автор, ручаешься за подлинность факта?» Что ж, я привожу как доказательные лишь те документы, которые считаю подлинными. А те, которые считаю заведомо фальшивыми, привожу для того, чтобы по мере сил показать их фальшь… Так оно, пожалуй, будет наиболее верно.

Итак, заградительные отряды НКВД не сидели за спинами тех, кто занимал передовые линии окопов. Это было делом заградительных отрядов НКО.

Их появление обычно связывают со знаменитым приказом наркома обороны СССР Сталина № 227 от 28 июля 1942 года, где, в частности, говорилось:

«…Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования…

<…>

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

<…>

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

<…>

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной…»

Тем же приказом предписывалось в пределах фронта сформировать от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять провинившихся средних и старших командиров и политработников (а не «храбрецов»-уголовников).

В пределах армии предписывалось сформировать от пяти до десяти штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой) для провинившихся рядовых бойцов и младших командиров.

Так это было летом 1942 года. Однако мы уже видели, что заград отряды НКО появились сразу после начала войны, что было и понятно: первой задачей заградотрядов самых первых дней войны было не расстрелять или остановить бегущую толпу пулеметным огнем… Их первейшей задачей было, как и у заградотрядов НКВД, собрать отступающих военнослужащих, так или иначе потерявших свои части или отставших от них, направить их на сборные пункты и т. п.

Но когда отступление стало порой принимать характер бегства и когда война стала более позиционной, функции армейских заградотрядов изменились. И тут я опять сошлюсь на «демократов» фонда Яковлева. Уж если они не вешают на Советскую власть всех «собак», то это значит, что «вешать» точно нечего! Даже «демократам».

Так вот, в сборнике документов «Лаврентий Берия. 1953» на странице 408 в примечании 30 к разделу II сказано:

«Первые заградительные отряды созданы в 1941 году. Директивой Ставки ВТК от 5 сентября 1951 г. командующему войсками Брянского фронта А. Еременко разрешалось (не предписывалось! – *С.К.)* создать заградотряды в тех дивизиях,

которые зарекомендовали себя как неустойчивые. Заградотрядам предписывалось не допускать самовольного отхода частей с позиций, «а в случае бегства – остановить, применяя при необходимости оружие». По приказу НКО № 227 от 28 июля 1942 г. Военные советы и командующие армий обязывались формировать от 3 до 5 хорошо вооруженных заградотрядов.

<…>

После стабилизации обстановки на фронте в конце 1942 г. заградительные отряды использовались в составе частей НКВД по охране тыла Действующей армии. В соответствии с приказом НКО № 349 от 29 октября 1944 г. заградотряды были расформированы».

Вот и вся правда о «кровавых» заградительных отрядах, якобы расстреливавших собственные роты. Но распевавшим глупые гнусности об этом не мешало бы задуматься: кто же будет держать фронт после того, как заград отряд расстреляет стоящую (в смысле – лежащую) перед ним роту? Ведь тогда в положении роты окажется сам заград отряд.

Поэтому армейские заградители непосредственно в районе передовой если когда и стреляли, то поверх голов – для острастки и прочистки мозгов. И в редких случаях могли расстрелять командира побежавшей роты.

В те дни, когда он сидел в бункере после ареста, Берия вспомнил и о заградотрядах. Я приведу вскоре ту часть письма 1953 года к членам Президиума ЦК КПСС, которую в начале книги лишь «анонсировал», и тогда читатель увидит, что бывший нарком внутренних дел причастностью к делу стабилизации фронта в 1941 году гордился. И не по причине «палаческих наклонностей», конечно, а потому, что это было действительно заслугой с любой точки зрения!

Что значит – обеспечить заградительные мероприятия в прифронтовой зоне ***ценой всего десяти тысяч расстрелов за первые четыре месяца тяжелейшей неразберихи***? Это значит действовать профессионально, взвешенно, а не тыкать всем подряд без особой надобности пистолетом в зубы. Но манера поведения подчиненных в немалой мере определяется манерой поведения и требованиями начальника. Если бы Берия почем зря грозил расстрелами заградителям «за невыполнение…», «за отсутствие жесткости…» и т. п., если бы он требовал от Особых отделов и командования заградительных отрядов «процентов», то крови могло быть значительно больше.

И – невинной.

Причем если для Наркомата обороны чрезмерно высокие

цифры «завернутых» назад и расстрелянных не были желательны (ведь они косвенно показывали бы низкий уровень устойчивости армии), то для НКВД соблазн увлечься «цифрами» в духе «война все спишет» объективно был. Однако нарком Берия никогда и никаким видом «процентомании» – тем более в делах, где могла пролиться кровь, – не страдал. А значит, не страдали ею и подчиненные.

А ТЕПЕРЬ пришло время сообщить читателю ту часть письма Берии, написанного им после ареста, где упоминаются имена Первухина и Сабурова… И мы знаем об авторе письма уже достаточно много для того, чтобы прочесть написанное им в 1953 году с пониманием. Причем эти признания Берии важны не только для лучшего уяснения нами его деятельности в предвоенный и военный период в НКВД… Они дополнительно освещают и его предыдущую работу в Закавказье… И будущую его судьбу – тоже.

Размышляя над нижеприведенными строками, мы временно отойдем от темы Берии в войне, но зато – я надеюсь – сможем лучше понять всю его жизнь.

Итак, 1 июля 1953 года он писал Маленкову (некоторые описки, вызванные волнением Берии, мной исправлены):

«Товарищи Первухин и Сабуров говорили, что у меня было привилегированное положение при жизни т-ща Сталина. Это же не верно, Георгий, ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии, ЦК ВКП(б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе… <…> (Многоточие в жирных угловых скобках заменяет фразу, с которой я познакомлю читателя много позднее. В ней не содержится никаких фактических откровений, однако **психологически** она для меня оказалась настолько неожиданной, показательной и подтверждающей достоверность письма, что я ее пока приберегу. – *С.К.) Но скоро после перевода в Москву, когда немного навели порядок в МВД после Ежова, т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Обороны. И только в начале войны, когда надо было остановить бегущие – отступающие наши войска, был вновь объединен… МВД – возвращен Особый отдел из Наркомата Обороны. И после проделанной работы по остановке бегущих войск, когда было расстреляно несколько десятков тысяч* (см. «Справку» Мильштейна с точной цифрой. – *С.К.) дезертиров, созданы заградительные отряды и др. – вновь было выделено МГБ.*

Т-щам, которые близко работали в Политбюро, ведь это им

хорошо известно…»

Это было написано после того заседания Президиума ЦК (заменившего Политбюро ЦК), на котором Берию и арестовали. И писал Берия о том, что действительно хорошо было известно в Президиуме всем, кроме разве что «молодых» (по стажу в высшем руководстве) Сабурова и особенно Первухина.

Попробуем понять – ***что*** он написал? И что мы можем из прочитанного извлечь? Пожалуй, вот что…

Процессы в сталинском руководстве многие «историки» сейчас пытаются рассматривать с позиций интриг и борьбы за власть – я уже об этом говорил. Однако для этого нет никаких объективных оснований.

Никаких!

Рассматривать какие-то действия Сталина и его лояльного окружения до смерти Сталина как интриги в борьбе за власть – значит заниматься антиисторическим перенесением атмосферы сегодняшнего Мутного времени, а также – атмосферы брежневской и хрущевской эпох в те сталинские времена, наступившие после «зачисток» 1937–1938 годов, когда высший эшелон руководства страны жил соображениями дела. И письмо Берии лишний раз подтверждает: лояльные сталинские сотрудники не интриговали, а просто работали. И Молотов, и Каганович, и Маленков, и остальные… И прежде всего – сам Берия!

Нынешние горе-исследователи или сознательно подменяют одни мотивы другими – подличая, или делают это бессознательно – по узости мысли и души. Они меряют на себя и себе подобных и забывают – в кавычках или без – о том, что в СССР Сталина для тех, кто лояльно сотрудничал с ним, более высокая власть означала не больший объем удовольствий в элитной сауне, а больший объем ответственности и нагрузки!

Каждый из них – Молотов, Каганович, Маленков, Микоян, Берия, Ворошилов – был бы рад, наоборот, от части власти избавиться. Это сейчас: больше власти – больше денег и больше удовольствий.

А тогда было наоборот: больше власти – больше работы и меньше удовольствий. Курировали, скажем, Берия или Каганович по три отрасли промышленности. А что бы они получили лично, если курировали бы пять отраслей? Народнохозяйственные отрасли не были ведь лично для них чем-то вроде дойной коровы – как это имеет место быть сегодня.

Зато крупный руководитель сталинской формации умел то, что сегодня «руководителю» рыночной формации покажется

просто невозможным! Вот что писал соратник и заместитель Берии генерал Масленников жене с фронта в 1941 году:

«Бои идут ежедневно и самые кровопролитные. Вот уже громим здесь четвертую дивизию фашистов. Армия моя на хорошем счету… Начались холода, дожди, все время по колено в грязи и за шиворот капает с каски. Мой распорядок дня: в 4–5, иногда в 6 часов утра ложусь спать на час-другой, потом на позициях до 23-х, а затем штабная работа».

Берия в Москве жил в режиме, мало отличающемся от масленниковского. Только грязи по колено не было и за шиворот с каски не капало. Да пули и осколки не летали над головой.

Причем и член ближней «команды» Сталина – Лаврентий Берия, и член расширенной «команды» Сталина и ближней «команды» Берии – Иван Масленников, как и другие их товарищи, так «грузили» себя не в видах ловкой биржевой спекуляции или перепродажи партии импортного «секонд-хенда», а, представьте себе, во имя Родины.

Вряд ли ради возможности жить *такой* жизнью кто-то стал бы затевать *интриги.* Да и времени на интриги у «команды» Сталина не имелось – когда бы она тогда занималась теми горами проблем, наличие которых являлось объективной чертой грандиозного преобразования России?

И поэтому даже Первухин и Сабуров, говоря о якобы привилегированном положении Берии, имели в виду не те привилегии, против которых якобы борется и которые никак не может побороть нынешняя «россиянская» «власть».

Никаких привилегий, если понимать под этим то, что понимается сегодня в якобы рыночной «Россиянин», Берия при Сталине, конечно, не имел. «Привилегированность» его положения была в том, что Сталин всегда позволял Берии брать на себя максимум возможного.

А поскольку у Берии это получалось, то он – не для себя, а для порученного ему дела – получал от Сталина тоже максимум того, что Сталин мог ему дать. Не лично Берии дать, а тому делу, которое он возглавлял.

Вот и все сталинское «благоволение». И уж им-то Берия не был обойден никогда.

Особенно – в войну…

СРАЗУ после объединения НКВД и НКГБ в один наркомат в Госкомитете Обороны и в Совете по эвакуации при СНК СССР было принято решение о частичной эвакуации центрального аппарата из Москвы в Куйбышев, Чкаловск, Уфу, Саратов, Киров,

Новосибирск, Свердловск, Казань, Пензу, Молотов (Пермь) и Ульяновск.

Из 10 тысяч центрального аппарата старого НКВД подлежали эвакуации 7 тысяч, а из бывшего НКГБ – 7,5 тысячи из 11. Всего уезжало 33 тысячи человек, включая членов семей. И к концу 1941 года в центральном аппарате в Москве работало 9 тысяч человек во главе с самим наркомом.

После убытия на фронт заместителей наркома И.И. Масленникова и С.Н.Круглова нарком обязанности по наблюдению за работой управлений и отделов НКВД распределил между собой и оставшимися замами так:

1-й заместитель В.Н. Меркулов: 2-е (контрразведка) и 3-е (секретно-политическое) управления, Управление коменданта Московского Кремля (УКМК), 3-е секретное отделение (обыски, аресты, наружное наблюдение), 1-й отдел (охрана правительства) и Мобилизационный отдел.

Сразу сообщу, что 14 апреля 1943 года совершенно секретным постановлением ЦК ВКП(б) оперативно-чекистские структуры были вновь выделены из состава НКВД, и Меркулов вновь стал наркомом ГБ.

Б.З. Кобулов: Транспортное и Экономическое управления и 6-й секретный отдел (Гохран).

В.С. Абакумов: Управление особых отделов (УОО).

21 апреля 1943 года совершенно секретным (Особой важности) постановлением ГКО № 3222сс/ов на базе УОО было создано самостоятельное Главное Управление контрразведки «Смерш» – «Смерть шпионам» (вначале его хотели назвать «Смеринш» – «Смерть иностранным шпионам»), и Абакумов его возглавил.

И.А. Серов: Главные управления милиции (ГУМ), пожарной охраны (ГУПО), местной противовоздушной обороны (ГУМ-ПВО), 1-й секретный отдел (учетно-статистический), Тюремное управление, Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) и государственными архивами (УГА), а также Штаб истребительных батальонов.

А.Н. Аполлонов: все войсковые управления.

В.В. Чернышов: Главное управление лагерей (ГУЛАГ), Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Управления лагерей лесной промышленности (УЛЛП) и материально-технического снабжения (УМТС), Хозяйственное управление (ХОЗУ), Отдел железнодорожных и водных перевозок.

Л.Б. Сафразьян: Главные управления аэродромного строительства (ГУАС) и строительства шоссейных дорог (ГУШОСДОР), Главгидрострой.

А.П. Завенягин: Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности (ГУЛГМП), Главпромстрой, Управление лагерей по строительству Куйбышевских заводов и Дальстрой.

В 1945 году Берия заберет Завенягина в Специальный комитет и тот станет заместителем начальника Первого Главного Управления при СНК – СМ СССР Ванникова, тоже привлеченного Берией к «атомным» делам.

Б.П. Обручников: отдел кадров.

За собой Берия оставил наблюдение за работой 1-го Управления (разведка за границей, которой руководил П.М. Фитин), Следственной части по особо важным делам (ею руководил Л.Е. Влодзимирский), 2-го (оперативной техники), 4-го (Особое техническое бюро, ВЧ-связь) и 5-го (шифры) секретных отделов, Секретариата Особого совещания (ОСО, во главе с В.В. Ивановым), Контрольно-инспекторской группы при наркоме (во главе с Н.И.Павловым), Центрального финансово-планового отдела (ЦФПО) и Секретариата НКВД СССР (С.С. Мамулов).

Вот что представлял собой НКВД образца июля 1941 – апреля 1943 года. Причем, не вникая повседневно в работу тех структур НКВД, которые курировали его заместители, Берия и эту работу полностью из виду не упускал. Иначе не был бы Берией.

Но если у других руководителей НКВД круг проблем ограничивался перечисленными выше обязанностями, то у Берии их было много еще и сверх НКВД. С 21 августа 1943 года Сталин ввел его, между прочим, еще и в Комитет при Совнаркоме СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецких оккупантов (председатель – Маленков, члены: Берия, Микоян, Вознесенский, Андреев).

Что же до НКВД, то показательно, что Берия лично за собой оставил и курирование ВЧ-связи, понимая ее возросшую важность. Ведь теперь по ВЧ-линиям войска говорили со Сталиным, а Сталин – с войсками. Поэтому не случайно, что именно после начала войны обеспечение устойчивой засекреченной связи для прямых переговоров Ставки В ГК с фронтами и армиями было полностью возложено на НКВД. И приказом НКВД № 001430 от 2 октября 1941 года правительственная ВЧ-связь выделилась в самостоятельную структуру в рамках наркомата – Отдел правительственной связи НКВД СССР.

И опять, с одной стороны, люди, управляющие войной, все более входили во вкус ВЧ-связи, но, с другой стороны, сам Берия

тому всемерно содействовал, постоянно расширяя круг абонентов по собственной даже инициативе.

Так, 27 марта 1942 года Сталин написал «За!» на рапорте Берии об установке телефонных аппаратов ВЧ-связи у начальников тыла действующих фронтов, а 22 октября 1942 года Берия даже без санкции Верховного распорядился установить ВЧ-аппараты начальникам Военно-Воздушных сил Орловского, Сталинградского и Северо-Кавказского округов. Собственно, к октябрю 1942 года Берия добился решения о доведении ВЧ-связи до каждой армии, действовавшей в пределах фронтов.

И еще об одном подразделении НКВД скажу сразу. Как член ГКО Берия отвечал за контроль за производством чуть ли не всех видов вооружений, в том числе и минометов. Этот вид оружия до войны не всеми военными оценивался по достоинству, несмотря на очевидную боевую эффективность и простоту. Теперь минометы нужны были в неограниченном, так сказать, количестве. Как, впрочем, и все остальное.

И 5 сентября 1941 года Берия создает в НКВД новый, 7-й секретный отдел НКВД СССР по чекистскому обслуживанию минометного вооружения, который просуществовал до 14 ноября 1942 года во главе с И.М. Ткаченко.

Думаю, что и в этом отыскивается причина того, что, несмотря на все потери промышленного потенциала, выпуск минометов промышленностью за 1941 год вырос по сравнению с мирным 1940 годом в 4,34 раза – с 38 тысяч до 165,1 тысячи!

Это и был стиль Берии, выраженный наиболее кратко и убедительно – в цифрах.

А ВОТ каким был его стиль в живом описании Бориса Глебовича Музрукова. Имя этого выдающегося организатора промышленности, дважды Героя Социалистического Труда я упоминаю в книге в первый, но далеко не в последний раз.

Свою первую Звезду он получил 20 января 1943 года как директор «Уралмаша» за производство танков, а вторую – 29 октября 1949 года как директор комбината № 817 – за первый наш плутоний для первой атомной бомбы РДС-1.

С июня 1955-го по март 1974 года Борис Глебович был директором крупнейшего центра разработки ядерного оружия в «Арзамасе-16» (КБ-11, позднее – Всесоюзный НИИ экспериментальной физики). Но знаком он был с Берией уже с войны, по «танковой» линии.

Так вот, я процитирую книгу о Музрукове «Все силы отдам Родине», изданную в Сарове («Арзамас-16») в 2004 году, где помещены и воспоминания другого крупного атомщика,

Н.З.Тремасова о том, что рассказывал ему Музруков о работе во время войны:

«Первое время танковую промышленность курировал Молотов. Было худо… У авиационников (которых фактически «вел» Берия. – *С.К.)* есть и энергия, и топливо, и сырье, а у танкистов – бедно-бедно. «Мы, – говорит Борис Глебович, – попросили Малышева (нарком танковой промышленности, позднее тоже взятый Берией в «атомный» Спецкомитет. – *С.К.),* чтобы он попросил Сталина сменить нам шефа, и он сменил… Назначил шефом танковой промышленности… Берия. Стало, конечно, лучше с сырьем, энергией, топливом, продовольствием…»

Итак, Берия Лаврентий Павлович во главе танковой промышленности во время войны. На вопрос об этом человеке <…> Борис Глебович ответил (в 1965 году. – ***С.К.)***\ «Что можно сказать о человеке, который много выше тебя и с которым у тебя отношения – четкое и суровое подчинение? Личных впечатлений нет, что касается дела, то в той степени, которая требовалась для курирования, компетентность была. Он жестко «разносил», но и помогал. Не знаю времени, когда бы он спал или отсутствовал, в любое время дня и ночи звони, и всегда он на месте (спрашивается, а когда же он «по бабам» гулял? – *С.К.)*…»

Надо сказать, что Анастас Микоян в своих воспоминаниях выставил дело так, как будто Берия, возведя на Молотова напраслину перед Сталиным, – мол, тот не способен к оперативному руководству, сам содействовал тому, чтоб и танки отдали ему… Молотов-то действительно не умел принимать оперативные решения, но танков Берия себе у Сталина не выпрашивал. Надеюсь, убеждать в этом читателя не надо?

Но вот что можно заметить… Музруков засвидетельствовал, что в той степени, которая требовалась для курирования производства танков, компетентность у Берии была. Однако Берия был компетентен – в той степени, которая требовалась ***для курирования*** – и в авиационном производстве, и в производстве вооружений, и в добыче нефти и угля, и в вопросах коммуникаций и ВЧ-связи, и много в чем еще…

А ведь ***профессионалом-то*** он тоже был – в своем изначальном деле, в чекистском. И сильный профессионал Судоплатов сразу увидел в нем такого же профессионала. Хотя по большому счету и разведка с контрразведкой не были профессиональными вершинами Берии. В конечном счете он был выдающимся профессионалом в деле управления, Великим Управленцем.

И при этом – состоятельным чисто человечески!

Но что показательно, уважаемый читатель… В воспоминаниях Н.З. Тремасова виден, увы, след того тотального загаживания мозгов, в результате которого в обществе сложился облик Берии, прямо противоположный реальному. Вместо проставленных мной жирных угловых скобок у Тремасова стоит: «… (если его можно назвать человеком)…»

Николай Захарович Тремасов Берию в глаза не видел, однако «знает» точно: Берия – злодей! Еще бы! Об этом же столько рассказано и написано – как и о том, что «злодей» Сталин якобы до последнего не позволял «благородному» Жукову поднять по тревоге войска…

И вот неглупый человек недрогнувшей рукой пишет глупость, не отдавая себе отчет в том, что сам же привел доказательства высокой чисто человеческой кондиции Берии, ибо может ли интриган и негодяй работать так, как работал Берия? Кто-то скажет: «Попробовал бы он не работать – у Сталина-то!» Но ведь и у Сталина не все работали так, как Берия – на полный износ. Иначе Сталин не перепоручал бы обязанности других Берии. А вот обязанности, закрепленные за Берией, Сталин не перепоручал никому!

Много позднее читатель познакомится с уже «атомными» ситуациями, в которых Музруков сталкивался с Берией, и их описание высветит человечность Берии еще более ярко! Но я могу привести и яркие военные примеры…

Однажды Берия позвонил Музрукову и, осведомившись, имеется ли на Уралмаше пресс, сообщил, что пусть Музруков назавтра ждет авиационных инженеров с чертежами – надо срочно штамповать коки для самолетных винтов. Кок – это гладкий аэродинамический колпак, прикрывающий винт спереди, и без него боевого самолета нет.

Музруков запротестовал: мол, у него пресс мощный, тихоходный, а здесь нужен пресс штамповочный, для быстрой высадки. Берия резко оборвал его, заявив, что без коков нельзя отправлять на фронт самолеты, а «штатные» прессы в неразберихе эвакуации потерялись.

Коки начали штамповать, хотя Музруков понимал, что добром это не кончится. Замечу, к слову, что Берия мог не вникнуть в чисто технологический вопрос, но ведь инженеры с авиазавода обязаны были понимать, что пресс Музрукова – не для их коков и быстро выйдет из строя. Однако от возможности решить свои проблемы за счет танкистов, даже проявляя при этом вопиющее инженерное легкомыслие, не отказались. Так что желающим рассматривать ситуацию как свидетельство

технической неграмотности Берии рекомендую от такого намерения отказаться.

Главный цилиндр пресса через какое-то время, конечно, полетел. И теперь уже Уралмаш не мог поставлять на фронт танки. Что делать? Музруков звонит по ВЧ Берии. Полночь, но Берия тут же берет трубку.

«Докладываю… – вспоминал Музруков, – слышу, молчит, сопит в трубку и вдруг спрашивает: «А где второй пресс?»… Отвечаю, что не имею понятия, где второй (его отгрузили на Урал при эвакуации Ново-Краматорского завода, и он где-то застрял. – *С.К.)*. «Какой ты, к чертовой матери, директор, – кричит Берия, – если ты не знаешь, где отгруженный в твой адрес пресс!» И бросил трубку. Каково же было мое удивление, когда утром приходят ко мне свердловские чекисты и докладывают, в каких эшелонах находятся части и детали краматорского пресса. Непостижимо, удивительно: как всего за несколько часов, ночью, можно было в великом хаосе и столпотворении эвакуации, среди сотен эшелонов найти то, что надо. Эшелонам с прессом дали зеленую улицу, через неделю они прибыли, а еще через, кажется, две – заменили главный цилиндр…»

Из этой истории хорошо виден подлинный Берия – не только умеющий спросить, не только умеющий помочь, но и умеющий признать свою ошибку не на словах, а на деле и делом же ее исправить.

Вдумаемся! Даже Уралмаш для масштабов Берии – лишь одна из десятка первоочередных проблем. Ну, запороли пресс при выполнении задания Берии, но член ГКО вполне мог сделать вид, что он здесь ни при чем – пусть Музруков сам отдувается, раз «не сумел обеспечить…».

А Берия – коль уж тут и он не без вины – делает все для того, чтобы вывести лично Музрукова и Уралмаш в целом из тяжелого положения. Да и не в одном извинении дело. Ведь без пресса нет танков!

Искал эшелоны, конечно, не Берия – искали другие по его поручению. Но по его поручению ***нашли***, а вот по поручению других…

Не знаю, нашли ли бы!

И не в страхе перед НКВД и Берией причина – другие руководители страны умели грозить получше Берии и обладали тоже чрезвычайными военными полномочиями. Но ***их*** аппарат мог не подвести, а мог ***и подвести.*** А аппарат Берии – нет, не мог. Потому что Берия имел у себя лишь компетентные кадры, не терпя некомпетентных.

О членах Совета по эвакуации заместителе Председателя

Совнаркома А.Н. Косыгине, наркоме танковой промышленности В.А. Малышеве, председателе Госплана Н.А. Вознесенском порой приходится читать, что они, мол, всегда знали, где какой эшелон находится и что куда направлено. Однако в критический момент Музруков позвонил не «танковому» наркому Малышеву, а Берии.

Почему?

Потому что Малышев мог помочь, а мог и «подставить», возложив на подчиненного ему директора Уралмаша вину за срыв поставок танков. А в Берии Музруков, выходит, был уверен! Верил, что уж Лаврентий-то Павлович поймет… Поймет и поможет.

Уже вычитывая эту главу начисто, я вспомнил – по аналогии – о чем-то схожей ситуации из совсем другой сферы. В 1942 году легальный резидент разведки НКВД в Швеции Борис Рыбкин-Ярцев (Кин), работавший под прикрытием советника посольства, и его жена и сотрудница, знакомая нам Зоя Рыбкина-Воскресенская, получили «сверхоперативное» задание Центра наладить канал связи с «Красной капеллой» в Берлине. Подходящая кандидатура нашлось быстро – шведский промышленник, женатый на русской эмигрантке и по коммерческим делам часто бывавший в рейхе. Получив оперативный псевдоним Директор, он выполнил задание, хотя и не с первого раза – подвела неопытность. И вдруг из Центра приходит сообщение об аресте и казни всех членов «Красной капеллы». Центр считал, что это результат провокации Директора, и для его проверки приказывал Кину вновь направить этого связника в Берлин на связь к заведомому «двойнику», о котором Центр знал точно, что он работает на немцев.

Проанализировав ситуацию, Рыбкин и Воскресенская пришли к выводу, что Директор – честный человек и направить его вновь в Берлин – значит обречь и его на смерть.

«Мы настойчиво пытались доказать Центру свою правоту. – вспоминала Воскресенская. – Последовал приказ: «Выполняйте указание». Мы снова просим все взвесить. В ответ – грубый окрик. Тогда мы решили обратиться к наркому. Просим отменить указание главка, не губить человека. Через пару дней пришел ответ. Посылка Директора в Берлин отменяется, с ним приказано прекратить всякую связь».

А ведь «нарком» – это Берия. Тот, кого генерал от «демократии» Волкогонов называл и «вурдалаком», и бездушным «чудовищем». Но реальный Берия был, напротив, чутким, хотя и абсолютно без сюсюканья, и мудрым человеком. Зная это, Кин и решился апеллировать прямо к нему через голову

непосредственного начальства.

И, коль уж я отвлекся, скажу дополнительно, что был поражен воспоминаниями вдовы Бухарина – Лариной о беседе Берии с ней на Лубянке в 1939 году. Ларина-Бухарина не отходит от стандартной оценки Берии как «сатрапа», но – сама того не сознавая – передав разговор и поведение Берии психологически и в конкретных деталях точно, нарисовала облик на удивление, повторяю, мудрого и чуткого человека, искренне жалеющего ту былую пятнадцатилетнюю девочку, за счастье которой он восемь лет назад, когда она была у него в гостях еще с отцом, поднимал тост.

Вернемся, однако, к военным годам и к Б.Г. Музрукову. По словам Н.З. Тремасова, он рассказывал, что однажды Берия разнес его по ВЧ так, что Борис Глебович уже совсем решил, что его сейчас арестуют, и даже двинулся домой – проститься… И вот он уже одет, стоит у двери, а тут звонит телефон ВЧ. Музруков подошел, снял трубку…

Берия…

– Что делаешь?

– Иду садиться…

– Работать надо, – донеслось из трубки, и сразу же пошли гудки отбоя.

Прочтя это, я вспомнил рассказы о том, как Главный конструктор ракет Сергей Павлович Королев иногда увольнял подчиненных по три раза на дню! Идет сложная сборка, срывается график, и начальник цеха слышит от него: «До свидания! Ты уволен!..» Проходит пара часов, и тот же подчиненный слышит: «Я объявляю тебе выговор…»

И вот тут подчиненный ухмыляется:

– А не имеете права, Сергей Павлович!

– Как?! Я тебе не имею права! Строгий выговор!

– Не имеете… Вы же меня сегодня уволили…

И оба смеются.

У эмоциональных и перегруженных ответственностью людей подобные выплески чувств возможны и объяснимы. Это ведь не пасквили кропать за письменным столом, это – работа… Такая, когда уходишь в нее не по горло, а по уши… Причем по уши не только потому, что ею увлечен, а еще и потому, что ее так много, что она сама по себе захлестывает тебя выше горла! Но когда такое пишут о Королеве, то все умиляются: мол, вот даже как было! Но в действительности-то Сергей Палыч так никого и не уволил!

А Лаврентию Палычу в праве на перехлест в эмоциях отказывают… Ему нельзя, он – «монстр», он – «вурдалак…». А

ведь и Лаврентий Палыч никого не посадил – за срывы в работе! Ни Музрукова, ни Малышева, ни Ванникова, ни Шахурина, ни начальника ГАУ Яковлева, ни авиаконструктора Яковлева и прочих, всю войну якобы боявшихся, что «посадит…».

Кто-то, правда, сидел – но не по вине Берии! Даже такой клеветник на Лаврентия Павловича, как бывший замнаркома вооружения Новиков (мы с ним вскоре познакомимся), вспоминал уже в годы «перестройки», что во время войны именно после того, как «мы оказались в сфере влияния органов безопасности, аресты заводских работников любого ранга практически прекратились».

А бывший нарком Малышев на «антибериевском» пленуме 1953 года невольно признался: «Мы думали, большое дело делает человек, горячится, наверное, так нужно… конечно, мы и с авторитетом считались, *мы* (здесь и ниже выделение мое. – *С.К.)* считали его непогрешимым, а *иногда и побаивались…»*

То есть не *боялись*, а иногда *побаивались*… Так что ж – на войне как на войне… Причем, заметим, не сам Берия считал себя непогрешимым, а *его* считали таковым отнюдь не восторженные мальчики, а опытные «капитаны» советской индустрии. Выходит, практически всегда его управленческие решения «били в точку», что и создавало члену ГКО Берии такую лестную репутацию.

К слову, о «посадках…». Даже два раза арестовывавшийся перед войной и посидевший в тюрьме бывший нарком вооружений Ванников, став начальником «атомного» Первого Главного управления, мог в эпоху решения Урановой проблемы, то есть тогда, когда немцы к Москве, как-никак, не рвались, перевести в лагерь для заключенных инженера Абрамзона, допустившего ошибки в ходе монтажных работ. И при этом «пошутить»: «Ты не Абрамзон, а Абрам в зоне». Хотя и со стороны Ванникова это была мера временная.

Однако Ванникова не честят «сатрапом», зато его тоже подают как «жертву» Берии. А Ванников уже в пятидесятые годы в частном разговоре в «Арзамасе-16» признавал, что в свое время «зарвался» и «сел» не без вины.

А ВОТ стиль Берии, описанный человеком, в своих мемуарах ни разу имени Берии не упомянувшим, но написавшим именно о нем…

В 1981 году Воениздат выпустил в свет мемуары начальника ГАУ военных лет, маршала артиллерии Яковлева «Об артиллерии и немного о себе». И вот что он пишет:

«Каждому из членов Государственного Комитета Обороны было поручено единолично отвечать: одному – за выполнение плана поставок по авиационной технике, другому – по танкам,

третьему – по вооружению и боеприпасам…»

Забавно и одновременно грустно то, что Яковлев пишет, вообще-то, о едином в трех лицах (почти как Господь Бог) Берии. И вот что он пишет (без упоминания имени, естественно) о Берии «боеприпасном…»:

«При члене ГКО, отвечавшем за поставки вооружения и боеприпасов, в конце 1941 года были созданы группы из ответственных работников Госплана и Совнаркома во главе с П.И. Кирпичниковым (вооружение) и Н.А. Борисовым (боеприпасы). После этого процесс планирования пошел через эти группы, державшие постоянную связь с наркоматами и ГАУ».

Пусть читателя не смущают слова «работников Госплана», позволяющие предположить, что под членом ГКО, о котором пишет маршал Яковлев, он подразумевает председателя Госплана Вознесенского. Во-первых, именно Берия с самого начала отвечал в ГКО за вооружения и боеприпасы – он, как мы увидим позднее, за это потом и отмечен был. Во-вторых, Вознесенского ввели в состав ГКО лишь с февраля 1942 года, а Яковлев пишет о конце 1941 года. К тому же в 1981 году фамилия «Вознесенский» не была табу – в отличие от фамилии «Берия».

Нет, пишет маршал Яковлев о Берии… И в который раз приходится подчеркивать: вот он, стиль Берии – четко структурировать задачу, найти нужных людей, а после этого… Да что, собственно, «после этого»? Если люди подобраны верно, если на них можно полагаться, то после этого остается просто успешно работать.

Что и происходило.

А людей и на этот раз Берия нашел тех, что и требовалось. Вот как написал о П.И. Кирпичникове и Н.А. Борисове маршал Яковлев:

«Это были специалисты высокой квалификации, исключительно трудолюбивые люди. Они имели у себя тоже очень знающих инженеров, подчинялись непосредственно ГКО, обладавшему непререкаемой властью по отношению к наркоматам…

Не могу не сказать, что представителей этих групп подчас не очень-то жаловали некоторые ответственные работники наркоматов. И в первую очередь – за их жесткий контроль. Но уверен, что в душе и они были согласны с необходимостью такого бескомпромиссного планирования».

Увы, Берии в праве на такой же – жесткий – контроль историки и мемуаристы почему-то отказывают. У него такое отношение к делу объясняют не чувством высокой

ответственности, а шкурными соображениями. И поэтому на воспоминаниях одного из заместителей наркома вооружений В.Н. Новикова (впоследствии заместителя Председателя Совета Министров СССР) мне придется остановиться особенно подробно… В известном читателю пасквильном сборнике «Берия: конец карьеры» 1991 года есть и воспоминания Новикова – «Шефство» Берии». И я уж прошу у читателя прощения за утяжеление текста, но многие пассажи Новикова мне придется комментировать сразу…

Начинает он с рассуждений о репрессиях, а далее пишет:

«…наш наркомат в начале войны подчинили НКВД или, вернее, как члену ГКО, Берии («Зубр» государственного управления Новиков не может не знать, что его наркомат никто никогда НКВД не подчинял, но НКВД – явно «для страху» – поминает. – *С.К.).* Следовательно, и отвечал он за нас перед Сталиным лично.

Сейчас часто вспоминают эту зловещую фигуру, казалось, вечно сопровождавшую Сталина (выходит, и Новиков, и Берия служили телохранителями Сталина, потому что иначе Берия не смог бы его вечно сопровождать, а Новиков этого не смог бы наблюдать. – *С.К.).* Но подходят к его оценке упрощенно, не идя дальше «мрачной личности» и «кровавого палача». А был он, нарком НКВД (у Берии было много других государственных постов, о чем Новиков не может не знать, однако Берия для него лишь «энкавэдист». – *С.К.)* Лаврентий Павлович Берия, далеко не прост и не так примитивен, каким кажется большинству писателей и других творческих людей, а с их легкой руки (вот уж тут Владимир Новиков попал в точку, хотя написать надо было «…с нелегкой руки»! – *С.К.)* и миллионам читателей и зрителей.

Помнится, в конце июля 1941 года Берия проводил совещание. Мы с Д.Ф. Устиновым (нарком вооружений. – *С.К.)* были приглашены по поводу резкого увеличения выпуска винтовок… Производил он впечатление человека решительного. Лицо широкое, бритое (ну, понятно, – чтобы борода кровь пить не мешала. – *С.К.),* холеное (н-да!), с бледным оттенком (нет бы в горы за загаром махнуть в конце-то июля 1941 года! – *С.К.),* очки-пенсне (еще один порок у «вурдалака» – очки носил! – *С.К.)*… На руках кольца…»

«Правдивую» деталь насчет колец я прошу читателя запомнить. Что же до сути, то Берия спросил у Устинова – когда Ижевский завод может выйти на выпуск пяти тысяч винтовок в сутки?

Устинов переадресовал вопрос Новикову, еще месяц назад бывшему директором этого завода. И тот назвал срок не менее

семи-восьми месяцев, потому что сейчас выпускают в сутки две.

Далее Новиков писал так:

«Берия нахмурился:

– Что же это вы, товарищ Новиков! Знаете, что на фронте одних убивают или ранят, а другие ждут освободившиеся винтовки, а вы – семь месяцев. Это не годится, надо уложиться в три месяца. Вы завод знаете, кто еще может нам помочь?

Я ответил, что при любых условиях уложиться в названный срок невозможно.

Создали комиссию из двух заместителей председателя Госплана В.В. Кузнецова, П.И. Кирпичникова и меня. Срок – два дня. Дать предложения, как выйти на пять тысяч винтовок в сутки за три месяца…

Кузнецов с Кирпичниковым склонялись согласиться с трехмесячным сроком. Я отказался подписать бумагу…

Опять мы на докладе у Берия, опять полный кабинет народа, включая не только наркомов оборонных отраслей, но и других.

Дошла очередь и до нашего вопроса. Берия читает бумагу.

Обращаясь к Кузнецову, спрашивает, почему нет подписи Новикова?

Василий Васильевич отвечает, что Новиков считает сроки нереальными.

Тогда Берия довольно сердито:

– Какой срок ставить, товарищ Новиков?

Я еще раз подтвердил, что минимальный срок – это с натяжкой семь месяцев.

Берия сплюнул в сторону (ну, понятно, хоть и на «вы» обращается, но хам! – *С.К.),* выругался (а как же Берии-то без этого. – *С.К.)* и сказал:

– Принять предложение Новикова…»

Новиков сообщает, что Берия потому-де принял его предложение, что «смертельно боялся обмануть Сталина, который многое прощает, но обмана – никогда»…

Повторяю, грустно видеть, как заслуженный человек ведет себя подло… Во-первых, Берия не «смертельно боялся обмануть Сталина», а не мог его обманывать! Не мог и потому, что сам обмана от подчиненных не терпел, и потому, что крупный руководитель, прощающий подчиненным обман, уже по этому критерию автоматически не-ком-пе-тен-тен!

И еще насчет «смертельно боялся»… Коль уж так, то рискнул бы Берия носить, да еще и *в июле 1941 года, кольца*? Да Сталин бы за одно *этакое* наладил бы из своего кабинета любого! И справедливо! Это Гейдар Алиев мог в Баку «дорогому Леониду Ильичу» дарить огромное бриллиантовое кольцо. А «дорогого Иосифа Виссарионовича» даже для его близкого окружения не существовало – он и для него был «товарищ Сталин». И товарищ, личной нескромности не терпевший.

Мнение же Новикова Берия учел просто потому, что оно было высказано тем специалистом, который объективно должен был знать положение на Ижевском заводе лучше кого бы то ни было. Ведь методом Берии был не кнут, а опора на людей и доверие к компетентным специалистам.

Но это не все…

В 1988 году Политиздат выпустил книгу Новикова «Накануне и в дни испытаний», где есть глава «О славной русской винтовке и не только о ней»… И там Новиков даже не упоминает о задании в пять тысяч винтовок в сутки, а сразу гордо сообщает о задании ГКО в двенадцать тысяч!

При этом уже в ноябре 1941 года ижевцы изготавливали четыре тысячи, а «к концу лета 1942 года» – двенадцать тысяч винтовок в сутки! И сам Новиков пишет, что приехавший в Ижевск Ворошилов глазам своим не верил: «Не могут винтовки течь рекой». А Новиков отвечал, что «так винтовки текут у нас

круглые сутки из недели в неделю, из месяца в месяц»…

То есть, фактически, для плана в пять тысяч винтовок реальным был срок не более пяти, и даже – четырех месяцев. Так спрашивается – кто боялся брать на себя ответственность за форсирование сроков?

Да, Новикову пришлось из Ижевска не вылезать месяцами, но ведь Берия и надеялся на его чрезвычайные усилия. И имел на это полное право не только потому, что времена были чрезвычайные, но и потому, что сам ежедневно выкладывался чрезвычайно, потому и имел «бледный оттенок» лица.

Тот же Новиков описывает и еще один показательный случай… Весной 1942 года к нему в Ижевск приехал от Берии генерал-лейтенант Ткаченко с поручением лично наблюдать за ходом производства пулеметов «максим», о чем сам Ткаченко сообщил при первом визите к замнаркома вооружений. Утверждать не могу, но по всему получается, что это был начальник 7-го секретного отдела НКВД по чекистскому обеспечению производства минометов, так что особо долго он у Новикова быть не мог. Но какое-то время Ткаченко «вникал», следуя за Новиковым – если верить последнему – как тень. Между прочим, Алексей Топтыгин, автор «Неизвестного Берии», считает рассказ Новикова о коллизии с генералом НКВД «откровенно надуманным анекдотом», однако история эта в своей основе, как я понимаю, правдива.

Итак, вскоре Ткаченко познакомил Новикова со своей докладной запиской Берии. Замечу – не за спиной Новикова ее решил направить наркому, а познакомил! И, несмотря на возражения Новикова, отправил ее по назначению. Вряд ли Ткаченко был во всем прав, хотя он, например, оценил директора пулеметного завода Дубового как слабого работника и предлагал заменить его главным механиком завода № 74 П.А. Сысоевым, а «защищал» Дубового Новиков так: «Что касается директора завода Дубового, то он работает добросовестно, но… я его подменяю в эти тяжелые дни. И если надо освободить, по вашему мнению, директора, так это надо освободить меня».

То есть Новиков ни в 1942 году, ни в 80-е годы не понял, что хотя бы в отношении Дубового, фактически, признал правоту Ткаченко – сильные работники в начальственных подпорках не нуждаются, а по признанию Новикова, фактическим директором пулеметного завода был не Дубовой, а он.

К слову, в июле 1942 года Сысоев был назначен директором нового механического завода в Ижевске, о чем я узнал из солидной коллективной монографии «Оружие Победы», вышедшей в 1987 году под редакцией Новикова. Причем имя (и

портрет) Сысоева – «протеже» Ткаченко там есть, а вот «протеже» Новикова – Дубовой в этой монографии даже не упомянут.

Так или иначе, докладная Ткаченко ушла. И вот Новикову около трех часов ночи звонит по ВЧ Берия и начинает выяснять его мнение о тех работниках, которых Ткаченко оценил как «вредителей». Новиков все отвергает, и Берия интересуется – где Ткаченко? А тот как раз появляется в дверях, и Новиков передает трубку ему… Дальше, по словам Новикова, было вот что:

«…слышу, через каждые три-четыре слова такой мат, что… Короче, смысл сводится к следующему: «Я зачем тебя…посылал к Новикову – шпионить за ним или помогать ему? За твою телеграмму ты, такая-то б… подлежишь расстрелу… Не тем делом ты занялся, я тебя помогать послал, а ты чем занимаешься?.. Кляузы разводишь на хороших работников?»

Ткаченко стоит не бледный, а синий и только бормочет бесконечно «Слушаюсь, товарищ нарком».

Такого «воспитания» я в жизни не слышал ни раньше, ни позднее. После этого случая Ткаченко ко мне не появлялся примерно десять дней. А вскоре и совсем уехал куда-то…»

Якобы «по-черному» нецензурный лексикон Берии и «десять дней не появлялся» – это на совести мемуариста. Во-первых, Ткаченко и до войны, и во время войны, и после войны был в рабочей «команде» Берии и ему, как правило, поручались именно контрольные функции. То есть Берия Ткаченко неизменно доверял, а унижать людей у наркома было не в обычае. Во-вторых, вряд ли в военное время генерал-лейтенант НКВД после такого разворота событий мог позволить себе почти полмесяца прохлаждаться в Ижевске, а не отбыть в Москву.

Но что важно в свидетельстве Новикова? А то, что Берия жестко осадил своего подчиненного исключительно на основе возражений Новикова! Так где же здесь подозрительность и неумение верить людям? Причем сам Новиков подчеркивает, что «в особо острых случаях звонил прямо Берия… И он обычно отвечал: «Ладно, что-нибудь придумаем»…»

Однако Новиков объясняет такую реакцию члена ГКО опять-таки тем, что Берия-де «боялся Сталина, боялся его гнева, боялся потерять его доверие и расположение…». Вывод ясен: не о деле, не о нуждах фронта «монстр» душой болел, а за шкуру свою тревожился…

Случай с Ткаченко приводят в своих книгах и Юрий Мухин, и Алексей Топтыгин, и Елена Прудникова. И Ю. Мухин констатирует, что Новиков, оценивая Берию как шкурника, судил по себе… Это, конечно, слишком жесткая оценка Новикова – он в войну сделал для фронта много. Однако пример Новикова

характерен другим. Как и во многих других случаях, когда о Берии отзывается кто-то, имевший с ним дело лично, воспоминания о Берии можно разделить на две противоположные по смыслу части.

Из описания *фактов*, относящихся к личному деловому общению мемуариста с Берией, виден прекрасный, в общем-то, человек, преданный делу и умеющий его делать.

Из *оценок* же и из сведений, передаваемых мемуаристом *с чужих слое*, предстает привычный образ негодяя.

Так, Новиков пишет о том, что когда в Ижевске оставалось угля на сутки, он звонил Берии, и уголь приходил. Это из уст Новикова – точный факт. Он сам этот уголь просил, и сам его получал.

Но вот Новиков пишет, что Берия, пользуясь своей властью, поворачивал на Ижевск «угольные» маршруты из Кузбасса, предназначенные для авиационных заводов в Казани. Мол, выслуживаясь перед Сталиным, Берия-де интересы общего дела игнорировал и ущемлял-де «авиатора» Маленкова.

В принципе переадресация эшелонов могла иметь место, хотя вряд ли Новиков о ней, сидя в Ижевске, знал. До того ли было Новикову, чтобы выяснять – откуда пришел уголь? Пришел, и ладно!

Но вот уж то, что Берия самовольно и эгоистически перехватывал уголь у Маленкова, «который опекал авиацию», это уже полностью относится к измышлениям Новикова, навеянным традицией измарывать Берию до черноты шахтера, только что поднявшегося из забоя. И дело даже не в том, что такое самоуправство тут же стоило бы Берии дорого! Дело в том, что Новиков общей ситуации и общей картины перевозок знать не мог. То есть, когда писал свой «перестроечный» очерк, воспользовался антибериевскими сплетнями. И ведь не Антонов-Овсеенко, а выдающийся организатор промышленности, Герой Социалистического Труда… Увы, на бесчестном отношении к Берии поскользнулся не он один.

Заканчивая же тему «Берия – «оружейник», скажу, что эти его заслуги в войне не только замолчаны, но и неоднократно перевраны даже в официальных источниках. И вот даже полностью лояльная к своему герою Е.Прудникова числит за Берией, как за членом ГКО, курирование производства вооружений и минометов лишь с 4 февраля 1942 года – вместо Вознесенского, который якобы вел вначале это производство как советник ГКО (членом ГКО он стал в феврале 1942 года). Но этого просто не может быть! В противном случае никаких совещаний по винтовкам Берия у себя в июле 1941 года не проводил бы! У него

что – своих дел было мало? И не образовался бы тогда в сентябре 1941 года 7-й отдел НКВД по минометам. К тому же что еще из оружия числить за Берией, как за членом ГКО, с ***начала*** войны? Их всего-то в ГКО было тогда пять человек, включая Сталина! Танки, как мы знаем, Сталин вначале отдал Молотову, авиацию вначале курировал Маленков (с подключением Лаврентия Павловича)…

Вооружения же и боеприпасы были «чистой епархией» члена ГКО тов. Л.П. Берии.

А уж потом и танки с самолетами перешли к изначальному «оружейнику» и «боеприпаснику» Берии (Е. Прудникова не заметила, что сам Новиков датирует начало курирования Берии над Наркоматом вооружений началом войны).

Увы, и, скажем, А. Топтыгин сообщал, что «ГКО (то есть, собственно, Сталин. – С.К.) возлагает контроль за танковой отраслью советского ВПК» на Берию «с конца 1942 года», в то время как Берия «занялся» танками намного раньше.

Берия много сделал и для налаживания производства всей гаммы реактивных снарядов для гвардейских минометов – «катюш». И еще одно… В своих записках 40-х годов Ванников оценивал усилия Берии в помощи Наркомату боеприпасов как героические. А это была, напоминаю, лишь одна из «ипостасей» Берии в его военной биографии…

РЕЗЕРВНЫЙ фронт, заградительные отряды – это война видимая. А для чекиста Берии давно стал привычным, если пользоваться журналистскими штампами, «фронт без линии фронта», «невидимый фронт». И с 20 июля 1941 года, после воссоединения НКВД и НКГБ, он вновь стал командовать и этим специфическим «фронтом…» Недаром же он оставил лично за собой наблюдение над работой закордонной разведки.

На эту тему можно писать много, но моя книга и так будет объемной. В том числе и поэтому я, во избежание разрастания объема, не привел выше многих впечатляющих цифр по темпам роста вооружений для фронта и других фактических данных, показывающих значение Берии в обеспечении таких успехов. А стоило бы!

Вот и в рассказе о сфере разведки времен войны я ниже ограничусь одним лишь примером, показывающим Берию как человека. Тем более что тема «Берия и разведка в 1941–1943 годах» необъятна, а мне позднее придется остановиться на аспекте начальной «атомной разведки», связанной с работой Берии в НКВД военных лет.

Поэтому вместе с известной нам рослой красавицей Зоей

Рыбкиной-Воскресенской мы войдем в кабинет Берии, чтобы посмотреть на развитие событий там.

Вскоре после начала войны Воскресенскую включили в состав особой группы, и она занималась «отбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных групп». А теперь, в октябре 1941 года, Рыбкина готовилась к очередной разлуке с мужем – крупным разведчиком Борисом Аркадьевичем Рыбкиным-Ярцевым. Как читатель уже знает, он под легальным прикрытием советника посольства направлялся в Швецию.

И вот как все было дальше:

«Накануне его (мужа. – *С.К.)* отъезда все перевернулось в моей судьбе. Меня вызвал нарком и спросил, чем я занимаюсь. Я сказала, что готовлюсь идти работать в тыл. «В качестве кого?» – «Железнодорожной сторожихой на переезде». Нарком рассмеялся: «Немцы такую сторожиху арестуют и расстреляют. Ехать вам надо в Швецию…»

Пришлось сдавать дела… Через несколько дней мы вдвоем уже летели на «уточке» (У-2) в Архангельск…»

И тон разговора безымянного – в изложении Зои Ивановны – «наркома», и суть его решения способны подкупить любого человека своими разумностью и человечностью. А ведь «нарком» – это все тот же Генеральный комиссар госбезопасности СССР Лаврентий Павлович Берия!

Узнает читатель в этом – внимательном к судьбе разведчицы, спокойном, доброжелательном и компетентном, в отличие от непосредственных начальников Рыбкиной, «наркоме» – «демона» и «исчадие ада»?

А ведь и о самой Зое Ивановне – женщине редкого обаяния (это даже по ее фото видно) распространяли гнусные сплетни. Так, полковник КГБ Э.П. Шарапов писал, что жившая с ней уже много позднее времен войны в одном доме на Красноармейской улице «поэтесса Маргарита (Мариэтта? – *С.К.)* Шагинян предупреждала соседей, чтобы они были осторожнее в общении с Воскресенской, поскольку у нее «руки по локоть в крови»…»

Н-да… Знакомый словарь!

Эстафету от Шагинян приняла «демократка» Марина Кудимова, тоже «проходящая» по поэтическому ведомству. И 20 октября 1993 года (это после ельцинского кровавого расстрела Белого дома!) в телевизионной передаче «Лясы» Кудимова рассказывала о «чекистке, у которой руки по локоть в крови».

Ну, точно так же, как у чекиста Лаврентия Берии!

А СЕЙЧАС надо бы – и тоже кратко, сказать о

Берии-«партизане» и «диверсанте»… Во вступительной статье к тому 20 (9) «Русского архива» – «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» сказано:

«В июле 1941 года для обеспечения подготовки партийного подполья и формирования партизанских отрядов была создана комиссия ЦК ВКП(б), но к работе она так и не приступила. С августа 1941 года в системе НКО СССР стало действовать специальное управление по руководству партизанским движением, но и оно в начале декабря прекратило свое существование, т. к. Сталин дал указание создать при Ставке Верховного Главнокомандования

Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Однако в январе 1942 г., когда полным ходом с помощью Генерального штаба шло формирование управлений и отделов этого штаба… поступило распоряжение Верховного всю эту работу прекратить… а кадры передать в НКО СССР…»

Читая эти строки, недоумеваешь: «А кто же до этого – с первых недель войны – организовывал партизанскую войну в тылу наступающих германских войск?» И стандартный ответ: «Партия…» – здесь вряд ли будет точным и исчерпывающим.

Так кто же? Партизанами, выходит, толком никто не руководил, а немецкие эшелоны под откос летели! Странно… И почему так долго все не могло организоваться? Почти официальное издание ельцинской России (серия «Русский архив» издается под эгидой Института военной истории МО РФ) винит во всем…

Кого?

Ну, ясно кого:

«…в таком неожиданном повороте дел сказалось влияние Л.П. Берии. Он сумел убедить И.В. Сталина в нецелесообразности создания специальных органов для управления партизанскими отрядами «из народа», т. к., уверял Берия, деятельность таких партизан носит стихийный, разрозненный характер, не поддается руководству и не может дать ожидаемого оперативного эффекта (Берия, надо сказать, был тут абсолютно прав! – *С.К.)*. Такие результаты, по его мнению, под силу лишь квалифицированным диверсантам, для подготовки и руководства которых имеются специальные органы. «Эта вреднейшая точка зрения, – вспоминал П.К. Пономаренко (первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. – *С.К.),* – к сожалению, поколебала членов ГКО, и организация Центрального штаба была отменена». Но необходимость в таком органе была настолько очевидна (непрофессионалам. – *С.К.),* что Центральному Комитету партии и правительству вскоре вновь пришлось вернуться к решению этого вопроса.

ЦПШД был создан лишь на одиннадцатом месяце войны – 30 мая 1942 г. Его начальником ГКО утвердил члена ЦК В КП (б), первого секретаря ЦК КП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко…»

Прошу прощения у читателя за длинную цитату, но в ней сконцентрированы все главные обвинения в адрес Берии, якобы мешавшего нормальному развитию партизанского движения. А чтобы разобраться и с этим обвинением, я и далее буду часто прибегать к цитированию документов. Так, я думаю, будет надежнее, да и проще. Мнение – это мнение, а факт – он даже для «демократа» факт. Если, конечно, он («демократ») уже не на пути к московскому «бедламу» – Канатчиковой даче или его аналогу – структурам «власти».

Так вот, факты…

Постановление ЦК об организации борьбы в тылу германских войск было принято 18 июля 1941 года, но должного результата не дало потому, что доведение содержания постановления до населения оккупированных территорий было вряд ли возможно. Нужны были не общие призывы, а конкретные меры. Зато, по свидетельству опытнейшего мастера спецопераций НКВД генерала Судоплатова, уже в первый день войны ему было поручено возглавить всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии. Ну, в первый, не в первый, но поручено было… И из контекста сообщаемого Судоплатовым можно понять, что поручено Берией, хотя до 20 июля формально наркоматы ВД и ГБ еще считались разъединенными. Тем не менее 5 июля 1941 года приказом именно по НКВД образуется Особая группа при наркоме (в нее входила и Зоя Рыбкина). Заместителями Судоплатова были назначены такие чекистские «зубры», как Серебрянский, Маклярский, Дроздов, Мордвинов, Гудимович, Орлов. 3 октября 1941 года Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД при сохранении непосредственного подчинения Берии. Наконец, 18 января 1942 года 2-й отдел был развернут в 4-е управление НКВД с расширением задач и полномочий.

В отличие от генералов Генштаба и партийных функционеров линия Берии была тут, как и всегда, четкой и отвечающей ситуации.

1) Началась война – надо иметь группу руководства спецоперациями.

2) К осени становится ясно, что война – надолго. И группа расширяется до отдела.

А потом – и до управления.

Была сформирована отборная 25-тысячная (!) ОМСБОН – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД

СССР, эта подлинная кузница партизанских кадров для спецотрядов и спецгрупп, с которой связаны имена Медведева, Ваупшасова, Стехова, Прокопюка, Кузнецова…

Бюрократы в погонах из Генштаба и Наркомата обороны провалили начало «большой» войны. Теперь они так же проваливали войну партизанскую. Шел январь 1942 года, а Генеральный штаб «полным ходом» еще *формировал* ЦШПД.

Подчиненный наркома Берии, капитан ГБ Дмитрий Медведев за это время успел сформировать спецотряд «Митя», 4 сентября 1941 года уйти с ним в Брянские леса, провести там и в Белоруссии ряд операций, 12 января 1942 года вернуться в Москву, 17 февраля получить свой первый орден Ленина и начать готовиться к новой выброске уже под Ровно.

Но еще 12 декабря 1941 года нарком внутренних дел СССР Берия доносил в ГКО ***«о*** действиях командира партизанского отряда НКВД СССР капитана ГБ т. Медведева» за последний месяц: взорван железнодорожный мост, пущен под откос эшелон, сожжены три моста, уничтожены три маслозавода, скипидарный завод, разгромлены военная комендатура и полицейское управление, уничтожены два самолета, совершивших вынужденную посадку. Убиты 10 офицеров, 39 солдат, переводчик, два полицейских, один предатель, три дезертира.

Потери отряда: 1 убит, 2 легко ранены.

Донесение Берии заканчивалось так:

«Партизанский отряд состоит в настоящее время из 218 человек и растет за счет военнослужащих, оказавшихся в окружении немецких войск. Вооружается за счет трофеев.

ПРИМЕЧАНИЕ. Партизанский отряд тов. Медведева организован в Москве и переброшен за линию фронта в сентябре месяце 1941 года».

И донесение о действиях Медведева было, конечно, яркой, но лишь одной из многих страниц в общей папке дел 2-го отдела и 4-го управления НКВД. А Генштаб все «формировал», а начальник Главного управления по формированию и укомплектованию Красной Армии Щаденко подсовывал Сталину глупейшие проекты приказов ***«о*** формировании партизанских армий» (мне их даже цитировать лень)…

Но даже фамилия самого знаменитого нашего «не чекистского» партизанского командира, будущего дважды Героя Советского Союза Сидора Артемовича Ковпака, стала впервые известна Сталину из донесения чекиста Берии от 21 ноября 1941 года. Это были первые известия о действиях Ковпака, и в донесении наркома внутренних дел стояло не совсем верное

«партизанский отряд Колпака».

То есть реальный результат давал Наркомат внутренних дел. Поэтому понятно, почему Сталин согласился с его наркомом – московские канцеляристы лишь «формировали» ***свои*** штабы, а чекисты уже подрывали штабы ***немецкие***!

Однако Пономаренко Сталина, как видим, все-таки «дожал». И в этом противостоянии партийного аппаратчика Пономаренко и управленца Берии сказались не некие «ведомственные» трения, а два разных подхода к проблеме. Подход Пономаренко был во многом «показушным», а подход Берии – чисто деловым.

Как понимал задачи войны в тылу врага Берия? Главное – содействовать скорейшему изгнанию гитлеровских войск из СССР с минимально возможными усилиями и потерями при максимально возможном эффекте. Поэтому войну за линией фронта он видел как сеть непрерывных специальных диверсионных и разведывательных операций, организуемых профессионалами и проводимых профессионалами при, естественно, поддержке народа на оккупированных территориях. Берия ведь сам был профессионалом спецопераций. И опыт контрпартизанских действий у него был – в Закавказье в 20-е и 30-е годы у полпреда ОГПУ имелись для набора такого опыта все возможности!

Причем нельзя объяснить стремление Берии к руководству войной во вражеском тылу тем, что он-де хотел похвастаться перед Сталиным еще и «партизанскими» своими заслугами. У Берии и без того хватало дел, а значит, и успехов, потому что для Берии делать дело означало делать его успешно.

А вот Пономаренко…

Нет, Пантелеймон Пономаренко тоже желал скорейшей победы не менее, чем Лаврентий Берия. Но Пономаренко – это партийный «генерал», да еще временно без войска. Белоруссия-то оккупирована. И вот как раз Пономаренко-то надо было показать Сталину: белорусская земля горит, товарищ Сталин, под ногами немецко-фашистских захватчиков. А организует движение народных мстителей наша родная партия… То есть – Пономаренко. Так кто, спрашивается, действовал здесь как карьерист и интриган?

В конце концов ЦШПД был создан под рукой Пономаренко. Но сравним две даты… ЦШПД образовался 30 мая 1942 года. А 18 мая 1942 года Ковпак получил свою первую Золотую Звезду. Без «руководящих указаний» начальника ЦШПД, но – не без деловой помощи оружием, кадрами, заданиями (это ведь тоже помощь!) со стороны ведомства Берии.

Конечно, пользы от наличия во время войны ЦШПД было все

же больше, чем вреда. Но – не более того. Думаю, если бы все было завязано только на 4-е управление НКВД, война во вражеском тылу шла бы намного эффективнее, не утрачивая вполне всенародного характера. Ведь Берия не исключал, а приветствовал расширение и развитие спецотрядов НКВД за счет «местных ресурсов», но командиры ***таких*** отрядов умело выдерживали пропорции между численностью отрядов и эффективностью их боевой работы. Они-то знали, что профессионалы воюют не числом, а умением, даже на фронте. А уж за линией фронта…

Профессионал Станислав Ваупшасов, оказавшись ***один*** в острой ситуации, из-за кустов мгновенно расстрелял ***сразу шесть*** карателей, неосторожно, непрофессионально вышедших ***скопом*** на поляну. Не в голливудском боевике, а в жизни это сделать крайне сложно.

Да, профессиональный чекист Берия имел четкую линию и последовательно ее проводил. А «профессиональный» аппаратчик Пономаренко метался от «концепции» небольших отрядов к признанию факта наличия и полезности соединений в несколько тысяч бойцов, типа ковпаковского. В июле 1942 года Пономаренко подготовил проект приказа наркома обороны СССР, то есть – Сталина, об усилении партизанской борьбы, который так и остался проектом – очень уж он был бестолков, неконкретен, оторван от реальности и выдержан в худших традициях партийной канцелярщины.

Пономаренко писал:

«Опыт показывает, что крупные партизанские соединения, доходящие иногда до нескольких тысяч человек, малоподвижны, легко обнаруживаемы противником… плохо управляемы…

<…>

Приказываю:

<…>

4. Прекратить практику создания (этот пассаж своей партдубовостью меня просто-таки умилил. – *С. К.)* крупных партизанских соединений… так как опыт показал, что наиболее удачно действующим является хорошо сколоченный, маневренный отряд в 60—100 человек…

5. Без ведома партизанского движения никаких перемещений в командном составе не производить…» и т. д.

Сидор Ковпак в это время проводил очередной рейд двухтысячного соединения, Алексей Федоров-Черниговский наращивал до схожих размеров свое… И уже образовывались целые партизанские края с новыми, без ведома Пономаренко

выдвинувшимися командирами. Реально все определяла на местах сама жизнь, а не бумажки ЦШПД.

Истинным же партократическим шедевром я назвал бы докладную записку Пономаренко Сталину от 4 марта 1943 года. Я приведу ее полностью:

«В результате успехов Красной Армии в Белоруссии и на Украине происходит бурный рост партизанского движения. В Белоруссии число партизанских отрядов достигло 460 с количеством партизан свыше 60 000, а скрытые резервы достигают до 200 000 человек. На Украине только в Житомирской, Ровенской и Черниговской областях резервы партизанских отрядов насчитывают до 60 000 человек.

Прошу принять для доклада и получения указаний по принципиальным вопросам дальнейшего развития движения.

П. Пономаренко».

Нет, «скрытые резервы» – это здорово! «Узнают коней ретивых по их выжженным таврам, узнают парфян кичливых по высоким клобукам», – писал Пушкин. Но партократического «партийного» секретаря можно узнать по одним этим «скрытым резервам»! Увы, подобным сам Сталин порой грешил, но уж он-то умел свои ошибки и выправлять.

Берия направил за линию фронта более двух тысяч оперативных групп общей численностью 15 000 человек. Мало – по сравнению с цифрами Пономаренко? Как сказать… Это ведь были не просто люди с оружием, а люди, прошедшие подготовку, имевшие целевые задания, радиосвязь с Москвой. На месте они по мере необходимости «обрастали» новыми людьми.

Впрочем, не только оперативные группы, но и большинство эффективно действовавших отрядов и соединений имели ядром кадры НКВД. Герои Советского Союза партизаны Дмитрий Медведев, Станислав Ваупшасов, Дмитрий Емлютин, Виктор Карасев, Александр Сабуров, Николай Прокопюк, Евгений Мирковский – это все кадровые чекисты.

Герои Советского Союза руководители подпольных центров Виктор Лягин, Иван Кудря, Виктор Молодцов – тоже кадровые чекисты.

И это – лишь часть славных, героических имен славных подчиненных наркома-чекиста Берии.

В 1943 году в Минске в собственной постели был взорван гауляйтер Белоруссии Кубе. Три женщины – Елена Мазаник, Мария Осипова и Надежда Троян 4 ноября 1943 года получили за эту операцию звезды Героев Советского Союза. Но сама операция – разработка оперативников НКВД в кооперации с ГРУ Генштаба.

Акты мщения в Ровно Героя Советского Союза Николая Кузнецова («Пауля Зиберта») разрабатывали профессионалы с Лубянки, готовили Дмитрий Медведев и Александр Лукин – тоже профессионалы с Лубянки, но ведь и сам Николай Кузнецов был профессионалом. И тоже – с Лубянки!

Да, собственно, в руководстве ЦШПД, а также республиканских штабов были в основном представители НКВД, включая чекистов Строкача, Спрогиса.

Тем не менее Берия своей директивой от 13 июля 1942 года запретил передачу штабам партизанского движения кадров разведывательно-диверсионных групп специального назначения, действовавших в немецком тылу, разведывательных резидентур, курьеров и связников, а также – переписки по партизанским формированиям НКВД (сводки, донесения, доклады, радиограммы)… Его сейчас и в этом упрекают, а ведь все было верно. То, что Берия сохранил в компетенции НКВД, было весьма «тонкими материями». И отдавать их в неумелые руки было бы неразумно. И Берия здесь не о собственных амбициях пекся, а о строжайшей конспирации и безопасности тех людей, которые каждый день во вражеском тылу жили под угрозой провала.

Опасения Берии безусловно имели под собой почву. Есть удивительный по саморазоблачению (хотя и невольному, неосознанному) исторический документ – письмо начальника ЦШПД П.К.Пономаренко секретарю Смоленского обкома партии Д.М. Попову от 10 февраля 1943 года, где Пономаренко отмечал, что:

«…некоторые товарищи организуют на оккупированной территории райкомы, как правило по обычному типу, более-менее широкого состава, устраивают совещания, заседания, заслушивают отчеты политических работников бригад и отрядов… и вместе с тем не обращают внимание… на построение и организацию глубоко законспирированного большевистского подполья».

Можно ли было доверять подобным «прозаседавшимся» разведывательные сети, кадры, связи? Казалось бы, ответ очевиден, однако и тут Берия не угодил тем, о ком Шота Руставели точно сказал: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны…» Так, в 2001 году в Минске под общей редакцией небезызвестного Тараса выходит книга В.И. Боярского «Партизаны и армия (История утерянных возможностей)», где утверждается:

«Ряд грубых просчетов и ошибок явился следствием ошибочных действий… руководства НКВД, продиктованных ведомственными интересами, стремлением обеспечить не только проникновение во все доступные сферы по линии безопасности,

но и линию влияния, если не руководства».

В одной этой фразе выявляется вся глубина (или все же вернее сказать – мелкость?) непонимания сути и смысла деятельности Берии и его соратников во время войны. Конечно, чекисты были людьми и поэтому не всегда были чужды честолюбия, и не всегда оно было здоровым, но в пору, когда за просчеты в работе могут строго *спросить*, по своей инициативе взваливают на себя дополнительную ношу лишь *добровольцы*. А они, как известно, карьеристскими побуждениями не обуреваемы.

И чтобы закончить с темой «партизана» Берии, я познакомлю читателя с извлечениями из еще одного письма П.К. Пономаренко, написанного им в начале марта 1943 года члену Военного совета 4-й ударной армии А.А. Стулову. Возможно, читатель помнит эту «партократическую» фамилию по рапорту военного прокурора Витебского гарнизона? Это – тот самый Стулов и есть. В 1943 году он по-прежнему был секретарем Витебского обкома, и Пономаренко писал ему:

«Получил от Вас записку <…> о том, что некоторые командиры и комиссары бригад и отрядов занимают неправильную линию поведения по отношению к обкому партии. <…> Совершенно ясно, что роль обкома и райкомов… в руководстве партизанским движением в области должна подниматься. Обком партии обязан пресекать всякие попытки… умалить или тем более оторвать обком… от руководства партизанскими отрядами и бригадами. <…>

При нынешнем положении, когда обком находится не в Витебской области, конечно, Вы и дальше будете встречаться с фактами, когда мимо Вас будут поступать в некоторых случаях материалы… Другое дело, если обком будет находиться там, где партизаны. Тогда у обкома, конечно, будут сосредоточены все нити связей и все вопросы деятельности отрядов и бригад…»

Первый секретарь Черниговского обкома КП(б) Украины Федоров был как раз там, «где партизаны» – во главе мощного партизанского соединения. Потому и заработал – личным ратным трудом – две Золотые Звезды Героя Советского Союза. А его коллега по партийной работе Стулов как начал войну бездарно и трусливо, так ее и продолжал, лишь на еще один стул уселся – члена Военного совета армии… И ни на одном не мог сидеть с толком для дела.

Это ведь был не мастер управления – в отличие от Берии и его боевых соратников Судоплатова, Ваупшасова, Медведева, Прокопюка…

О РОЛИ Берии в защите Кавказа если и можно было отыскать

глухие упоминания, то лишь в обычном для «антибериады» ключе – самодур-де Берия, посланный «тираном» Сталиным в качестве представителя Ставки В ГК на Кавказ, всемерно мешал отстаивать Северный Кавказ и Закавказье. За примером далеко ходить не надо – «Триумф и трагедия», Дмитрий Волкогонов:

«Боевые действия Берии в Великой Отечественной войне ограничиваются двумя его поездками в качестве члена ГКО на Кавказ (он направлялся туда Сталиным не только как член ГКО, а, фактически, как представитель Ставки ВГК, на манер того же Жукова. – *С.К.)* в августе 1942 – марте следующего года. Архивы свидетельствуют: здесь он от имени Сталина нагонял страх на военных работников, снимал ему неугодных людей, расстреливал. Сопровождали его в тех поездках Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Пияшев, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе, Какучая, его собственный сын. Досталось Тюленеву, Сергацкову, другим военачальникам».

Волкогонов тщился изображать из себя аналитика, хотя был просто негодяем, да еще и неумным, потому что умные негодяи тонко «подправляют» историческую правду, а не лгут тотально. Ведь тотальную ложь и разоблачить легко – очень уж много в ней «проколов»!

Что забавно, Волкогонов не взял слова «боевые действия» в кавычки, хотя формально Берия в боевых-то действиях не участвовал – его не затем Сталин на Кавказ посылал. Впрочем, в ходе налетов немецкой авиации жизнью порой рисковать приходилось… Несколько офицеров из Ставки, прибывших на Кавказ с Берией и полковником Штеменко, отвечавшим в Генштабе за кавказское направление (в 1953 году он хотя и отречется от Берии, но пострадает «за связь» с ним), было убито. Получил ранение в голову член Военного совета фронта Лазарь Каганович, был ранен адмирал Исаков (ему пришлось отнять ногу)…

Но вернемся к цитате из Волкогонова… К перечню соратников

Берии по обороне Кавказа, взятых им туда, он мог бы прибавить Меркулова, Судоплатова, Масленникова, Хоменко, Орлова…

Почти все перечисленные Волкогоновым, а также Меркулов, Масленников, – это старая «команда» Берии по Закавказью, прекрасно знавшая обстановку и способная начать действовать «с полоборота». А чекист Судоплатов, пограничные генералы Пияшев, Хоменко – это тоже давно проверенные кадры, но – уже по союзному НКВД. Серго Берия в «команде» тоже был, но брал его, во-первых, Штеменко, а во-вторых, он был явно полезен и

своими знаниями, и толковостью.

В целом то, что Берия взял в трудную поездку своих, как раз доказывает, что он умел доверять людям в полной мере. Но – лишь тем, кто был не раз проверен им в конкретных делах.

Ситуация на Кавказе к августу сложилась критическая. Демонстрируя намерение и в 1942 году нанести основной удар группой армий «Центр» на Москву, Гитлер основным считал план «Блау» по захвату нефти Кавказа и выходу на Волгу в районе Сталинграда.

Сталинградскую эпопею (туда, к слову, в качестве представителя Ставки В ГК был направлен Маленков) мы знаем хорошо. Кавказскую знаем значительно хуже. И возможно, вышло так потому, что Берия в ней сыграл одну из ключевых ролей. Оказавшись на прямом фронте, он эффективно сработал и здесь, но как раз поэтому объективное изображение хрущевскими и другими партократическими «историками» борьбы за Кавказ стало после июля 1953 года невозможным.

Я не намерен разбирать оперативную обстановку на Северо-Кавказском и Закавказском фронтах, однако приведу оценку обстановки, данную «поспеловской» «Историей Великой Отечественной войны», где на странице 461 тома 2-го сказано:

«Командование немецкой группы армий «А» считало, что советские войска в операциях на Северном Кавказе утратили боеспособность и уже не могут оказать значительного сопротивления. Поэтому с середины августа противник приступил к перегруппировке войск с целью одновременного развития наступления на Баку и Батуми. 1-я танковая армия развертывалась фронтом на юго-восток и должна была наступать… в направлении Грозный – Махачкала – Баку. 17-я армия получила задачу наступать из района Краснодара на Новороссийск, овладеть им и развить наступление вдоль Черноморского побережья на Сухуми-Б ату ми. 491-й горнострелковый корпус должен был нанести удар из района Черкесска через перевалы Главного Кавказского хребта, выйти в район Сухуми и способствовать прорыву 17-й армии к Черноморскому побережью.

18 августа начались бои на перевалах…»

Вот какой была ситуация, когда Берия оказался вновь первой фигурой Закавказья. Он знал здесь всех, и все знали его, поэтому все сразу же убыстрилось по всем направлениям. Причем теперь в распоряжении наркома внутренних дел Берии были и «свои» толковые военные, на которых он мог положиться – прежде всего Иван Масленников. И 8 августа 1942 года – еще до отбытия Берии на Кавказ – была создана Северная группа Закавказского фронта,

командующим которой стал генерал-лейтенант Масленников.

Идея этого назначения принадлежала, безусловно, Берии. Однако создание Северной группы и назначение Масленникова состоялось лишь после того, как 6 августа начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник Василевский и начальник направления Оперативного управления ГШ полковник Штеменко переговорили об этом с Тюленевым. Они сообщили ему, что Масленников может быть у него «дня через два-три».

А вскоре к Тюленеву в Тбилиси прибыл сам Берия со Штеменко. И началась большая работа.

Срочно укреплялись перевалы – здесь много помог опыт Судоплатова и Меркулова по мобилизации альпинистов, по организации засад, снайперских групп, постановке минных полей. Судоплатов вспоминает, как Сталин объявил выговор Меркулову за «неоправданный риск при выполнении операций по минированию: он подвергал свою жизнь опасности и мог быть захвачен передовыми частями немцев». Влетело и Берии, а уж тот взгрел Судоплатова за плохую опеку первого заместителя наркома.

Что ж, война в острые моменты – это жесткость. Любимый «демократами» Жуков в такие моменты, кроме мата, в разговоре ничего не употреблял и расстреливал безжалостно. Берия же был лишь жесток, но не жесток, и если расстреливал, то в крайних случаях. Недаром конкретных фамилий расстрелянных тот же Волкогонов не приводит, а лишь утверждает, что «досталось Тюленеву, Сергацкову»…

Пятидесятилетний генерал армии (уже в 1940 году!) Иван Владимирович Тюленев перед войной командовал войсками Московского военного округа, а вскоре после ее начала был назначен командующим войсками Закавказского военного округа, ставшего с мая 1942 года Закавказским фронтом. Тюленев им и прокомандовал до… июня 1945 года. Не имея выдающихся полководческих качеств, он был, что называется, крепким середняком, то есть – фигурой достаточно надежной, особенно в обороне. А от него ничего другого и не требовалось, кроме прочной защиты Кавказа и бакинской нефти.

И Берия ему в этом помог крепко. Помог прежде всего в том, в чем мог и обязан был помочь именно в Завкавказье именно Берия – в мобилизации людей, резервов и экономики. Конкретные примеры я приведу, а сейчас скажу, что и в военном отношении Берия помог! Тюленев позднее писал (без упоминания имени Берии, конечно):

«Некоторые из нас считали главной задачей войск оборону Черноморского побережья, где и были развернуты основные силы

46-й армии.

Лишь вмешательство Ставки исправило нашу ошибку. По указанию из Москвы мы разработали новый план обороны перевалов Главного Кавказского хребта: она разбивалась на направления, во главе которых стали опытные командиры и штабы».

Тюленев излагает здесь такую концепцию обороны, за которой сразу виден Берия. Думаю, не без Берии 1 сентября 1942 года Сталин принял и решение об объединении Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в один Закавказский фронт.

Надо было создавать глубоко эшелонированную оборону. И в течение августа и сентября 1942 года на подступах к Орджоникидзе, Грозному и Махачкале было построено по пяти-шести оборонительных полос, а на подступах к Баку – более десяти. На это строительство ежедневно было мобилизовано 90 тысяч человек местного населения. И все было на члене ГКО Берии. Однако он, как правило, не лез в оперативные решения – куда и какие направлять части, как планировать удары и т. д. Он сам был настолько профессионален в том, в чем был профессионален, что всегда уважал профессионализм и в других.

А вот подбор и расстановка кадров – в этом Берия разбирался, и кое с кем он действительно разобрался… Так, Волкогонов помянул Сергацкова. 1898 года рождения, Василий Сергацков успел повоевать на Западном фронте в Первую мировую войну, в звании поручика командовал ротой. В РККА командовал полком, дивизиями. С мая 1941 года стал старшим преподавателем Академии Генштаба…

28 августа 1942 года Берия снял генерал-майора Сергацкова с командования 46-й армией и назначил на его место генерал-майора Леселидзе. Ну, допустим, Берия был к Сергацкову несправедлив. Но кто мешал тому развернуться во весь свой военный талант позднее? Однако Сергацков и дальше воевал средне и с должности командира 11-го гвардейского стрелкового корпуса в январе 1944 года был «по состоянию здоровья» переведен «командовать» кафедрой общей тактики Академии имени Фрунзе. Хотя прожил потом с «плохим здоровьем» не так уж и мало. Скончался в 1975 году в Москве на 77-м году жизни.

А что же генерал Леселидзе? Родился в Грузии в 1903 году, в Красной Армии с 1921 года. Войну начал на Западном фронте начальником артиллерии 2-го стрелкового корпуса, храбро воевал под Москвой. После Кавказа воевал на Кубани, на Украине, в 1943 году стал генерал-полковником, был смертельно ранен и 21 февраля 1944 года скончался от ран в московском госпитале. Герой Советского Союза (посмертно). Воевал за

свободу Грузии, погиб за Украину, а если уж совсем точно – за нашу Советскую Родину.

«Крестником» Берии стал и ровесник Леселидзе – будущий маршал Андрей Гречко, назначенный 8 сентября 1942 года командующим 47-й армией. Правда, позднее о таком «родстве» Гречко помалкивал.

ИТАК, в чисто военном, отчасти даже – полководческом, отношении Берия не «провалился». Однако без преувеличений выдающейся оказалась роль Берии в организации тыловой поддержки фронта. Я опять прибегну к обширной цитате из тома 2-го «поспеловской» 6-томной «Истории…войны» издания 1961 года, (в редакционную комиссию которой входил и Гречко), а потом этот текст проиллюстрирую еще одной цитатой.

Итак:

«…9 сентября в республиках Закавказья было объявлено военное положение.

В связи с тем, что основные коммуникации, связывавшие Закавказье с индустриальными районами страны, оказались перехваченными врагом, в Закавказье по заданию Государственного Комитета Обороны был увеличен план выпуска военной продукции…. Многие предприятия, особенно местной промышленности, целиком переводились на производство боеприпасов, вооружения и снаряжения для армии… Увеличение производства военных материалов в закавказских республиках позволило Государственному Комитету Обороны сократить централизованные поставки войскам, оборонявшим Кавказ. Находившиеся в Закавказье войска получали теперь из промышленных центров страны лишь важнейшие виды боевой техники – самолеты, танки, орудия. Минометы, автоматы, гранаты, патроны, различное снаряжение и обмундирование производилось на месте».

Это ведь тоже все Берия, уважаемый мой читатель! Все это было сделано в Закавказье во время его пребывания там и, в немалой мере, ***в силу*** его пребывания там. Конечно, тут речь об усилиях миллионов людей. Но исходный импульс этих усилий – он. Осенью 1941 года он обогатился новым опытом куратора оборонного производства, и теперь использовал его, как говорится, «на полную катушку».

Причем надо помнить, что битва за Кавказ проходила на фоне начинающегося сражения за Сталинград, и поэтому Берия и его товарищи в Закавказье тоже защищали его – позволяя перебрасывать туда максимум возможного за счет того, что

Кавказ начал делать многое сам.

А теперь – «конкретная» иллюстрирующая цитата. Начальник Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Яковлев в своих мемуарах пишет:

«…одновременно со Сталинградским сражением развернулась и грандиозная битва за Кавказ. Причем на огромном фронте, простирающемся от Черного до Каспийского моря. И если снабжение вооружением и боеприпасами наших войск в районе Сталинграда было трудным, то кавказская эпопея в этом отношении вообще явилась непревзойденной по своей сложности…

Подача обороняющимся здесь войскам вооружения и боеприпасов… должна была идти кружным путем – через Среднюю Азию, Красноводск, Баку…

Однако транспорты шли…

С огромной нагрузкой работали и промышленные предприятия Закавказья. Под руководством Центральных Комитетов Коммунистических партий Грузии, Армении, Азербайджана (работой которых руководил Берия. – *С.К.)* они, переключившись на военное производство, дали фронту тысячи орудий, минометов и боеприпасов.

В это трудно поверить, но было и так. Как-то мне доложили, что в Баку создано нечто подобное снаряжательному заводу. Причем на базе… городского утильсырья. А в Тбилиси для этого приспособили здание бойни. И вот на таких-то «заводах» за пять месяцев работы было снаряжено 647 тыс. ручных гранат, 1,2 млн. мин, 549,5 тыс. артиллерийских снарядов!»

Яковлев восклицает: «Это ли не проявление беззаветной преданности трудящихся Закавказья своей социалистической Родине!» Да, верно! Но это же и лишнее доказательство того, как Берия умело организовывал этих трудящихся.

А еще нельзя было упускать из виду тот факт, что рядом была хотя и нейтральная, но при ухудшении ситуации готовая войти в Закавказье Турция. Она ведь это уже двадцать лет назад проделывала… И как раз в компании с Германией. Берия учитывал и этот момент, в самые критические дни сдерживая у армейцев соблазн снять войска с границы для усиления фронта. Уж довоенный лидер Закавказья и его уроженец понимал, что в результате может возникнуть опасный соблазн у турок.

Критическая ситуация заставляла продумывать все варианты – вплоть до худшего. Судоплатов свидетельствует:

«Опасения, что Тбилиси да и весь Кавказ могут быть захвачены врагом, были реальны. В мою задачу входило создание

подпольной агентурной сети, на случай, если Тбилиси оказался бы под немцами. Профессор Константин Гамсахурдиа (отец Звиада Гамсахурдиа) был одним из кандидатов на пост руководителя агентурной сети в Грузии. Он являлся старейшим осведомителем

НКВД. К сотрудничеству его привлек еще Берия… По иронии судьбы, перед войной он был известен своими прогерманскими настроениями… Мне он показался не слишком надежным. К тому же весь его предшествующий опыт осведомителя сводился к тому, чтобы доносить… а не оказывать… влияние…»

Вот оценка мингрела Гамсахурдиа, с которой нельзя не согласиться и которую дал ему русский подчиненный другого мингрела – Лаврентия Берии. Да, как я уже сказал, он был на Кавказе своим, потому что Кавказ был ему свой. Берия в любом, конечно, случае выкладывался бы на Кавказе до конца, как и на любом другом участке фронта, куда его послал бы Сталин. Однако на Кавказе Берия защищал не только большую Родину – Советский Союз, но и родину «малую»… Так что для общей мобилизации Закавказья на борьбу кавказец Берия был идеальной фигурой во всех отношениях. Он здесь родился, он здесь был как рыба в воде, он имел авторитет, он опирался на людей, им же в свое время найденных и выдвинутых.

В «поспеловской» «Истории…» на странице 467 говорится о том, что в ноябрьских 1942 года боях за Орджоникидзе погиб член Военного совета Закавказского фронта первый заместитель Председателя СНК Грузии А.Н. Саджая… А ведь это был один из наиболее опытных грузинских чекистов, воспитанный Берией.

За время войны на разных фронтах побывали представителями Москвы разные люди и в разные времена: Жуков, Василевский, Ворошилов, Маленков, Каганович… Кто-то на ситуацию оказал большее влияние, кто-то – меньшее… Однако роль Берии в защите Закавказья (и, между прочим, также в подготовке операций на Северном Кавказе в марте – апреле 1943 года) во все еще не написанной объективной истории войны должна быть выделена особо. Пожалуй, ни в каком другом военном случае личность так ярко не наложила на события ***свое*** влияние, мощно содействуя коллективному успеху.

И пора бы это признать!

НАСТУПИЛ 1943 год.

14 апреля из НКВД был вновь выделен НКГБ, и Всеволод Меркулов вновь стал самостоятельным наркомом, однако на загрузке Берии это не сказалось, потому что, снимая с него одни проблемы, Сталин «подбрасывал» ему другие… Да и не Сталин, а

сама жизнь: надо было все так же много работать в экономике, надо было налаживать дела в освобожденных районах.

Да и в НКВД появлялись новые направления работы… В стране, особенно там, где долго длилась оккупация, возрос бандитизм, в том числе и политический. Возникла проблема лагерей для военнопленных в сочетании с проблемой массового использования их для восстановления страны.

Осенью 1943 года на Берию официально возлагалось и обеспечение охраны советской делегации на Тегеранской «конференции трех». Неофициально же пришлось отвечать и за президента Рузвельта, поселившегося по соображениям безопасности в советском посольстве. Такое же поручение Берия имел и на Берлинской конференции в Потсдаме летом 1945 года, и чуть раньше – на Ялтинской конференции 1945 года, где отвечал за безопасность всех делегаций уже официально…

Война шла для России все более успешно, страна даже развивалась, крепла, набиралась новых сил, но Берии легче и проще не становилось – с 1944 года он назначается еще и заместителем Председателя ГКО И.В.Сталина. Если учесть, что Сталину к этому времени приходилось уделять основное внимание операциям на фронте и дипломатической подготовке будущего мира, то…

То почти вся организация работы тыла для нужд фронта легла на плечи Берии… А он и так уже притомился. Со Сталина спрашивала История. Это, конечно, немалая ответственность. Но с Берии спрашивал Сталин. И сложно было сказать, в каком случае напряжение и груз психологического давления были большими.

Нет, я здесь не о страхе…

Конечно – не о нем.

АВИАКОНСТРУКТОР А.С. Яковлев вспоминал, что в июле 1941 года они с заместителем наркома авиационной промышленности Дементьевым имели такой разговор со Сталиным:

– Товарищ Сталин, вот уже больше месяца, как арестован наш замнаркома по двигателям Баландин. Мы не знаем, за что он сидит, но не представляем себе, чтобы он был врагом. Он нужен в наркомате – руководство двигателестроением очень ослаблено…

– Да, сидит уже дней сорок, а никаких показаний не дает. Может быть, за ним и нет ничего… Очень возможно… И так бывает, – ответил Сталин.

«И на другой день Баландин, – пишет Яковлев, – осунувшийся, подстриженный наголо, уже занял свой кабинет в

наркомате и продолжал работу, как будто с ним ничего не случилось».

А через несколько дней Сталин спросил:

– Ну, как Баландин?

– Работает, товарищ Сталин, как ни в чем не бывало.

– Да, зря посадили.

И в ответ на недоуменный взгляд Яковлева – мол, как же можно сажать невинных? – Сталин пояснил:

– Да, вот так и бывает. Толковый человек, хорошо работает, ему завидуют, под него подкапываются. А если он к тому же человек смелый, говорит что думает, – вызывает недовольство и привлекает к себе внимание подозрительных чекистов, которые сами дела не знают, но охотно пользуются всякими слухами.

О чем говорит этот случай?

Во-первых, что Баландина арестовывали до объединения наркоматов, так что к его аресту Берия отношения не имел. А вот нарком авиационной промышленности Шахурин имел, потому что без его визы ордер на арест был недействителен. Зато освобождали Баландина уже при НКВД Берии.

Во-вторых, из рассказа Яковлева следует, что на Лубянке Баландина не били – лишь подстригли наголо, но это понятно. Но раз так – за сорок дней ни одного синяка, то выходит, что уж при Берии, во всяком случае, рукоприкладства не было. А ведь шла война!

В-третьих же…

В-третьих, из этого случая следует вот что… В Баландине Дементьев и Яковлев были уверены и за него поручились. И Сталин (но и Берия – тоже!) этому поручительству поверили, и Баландин был освобожден. Однако в авиационной промышленности был арестован не один Баландин. Тот же Туполев с сотрудниками до 19 июля 1941 года работал формально еще в заключении.

Так почему же Яковлев и Дементьев, да и сам нарком Шахурин не поручились ***и за них***?

Боялись?

А почему же просить за Баландина не боялись?

Нужен был?

А другие что – не нужны были?

Нужны!

А за них руководство наркомата не поручалось. Значит, оно не было уверено в поголовной невиновности арестованных по делу Туполева?

Казалось бы, прецедент, созданный освобождением Баландина, должен был «команду» Шахурина подвигнуть и на

дальнейшие ходатайства. Но не подвиг… Так какие претензии можно предъявлять Берии? Он ведь – в отличие от Шахурина, Дементьева, Яковлева и других руководителей промышленности – работников отраслей знал хуже или не знал вообще. Руководствовался оперативными материалами, а арестовывали-то не с бухты-барахты…

А ведь шла война.

Но шла она не для всех… И я сообщу читателю весьма любопытные сведения о наркоме авиационной промышленности Шахурине. Да и не только о нем…

В Наркомате иностранных дел в конце тридцатых и в сороковых годах подвизался некто Константин Уманский… Автор книги «Тайная политика Сталина» Г. Костырченко считает его «незаурядной и в то же время трагической личностью» и, многое переврав, продолжает:

«Отличный знаток русского авангарда в живописи, друг журналиста М.Е. Кольцова (точнее – Фридлянда. – *С.К.),* он в 30-е годы работал корреспондентом ТАСС в странах Западной Европы, потом был направлен в НКИД (впервые он работал в центральном аппарате НКИД с августа по октябрь 1922 года. – *С.К.),* где занял должность заведующего (вначале – заместителя заведующего. – *С.К.)* отделом печати, которую наследовал после него Е.А. Гнедин (точнее – Парвус-Гельфанд-сын, фигура еще более темная, чем Кольцов-Фридлянд и сам Уманский. – ***С.К).*** В 1939 году Уманского направили послом в США (вначале с 1936 по 1938 год он был советником полпредства. – *С.К.).* А в критические для Советского Союза дни ноября 1941 года Уманский был отозван в Москву…»

Уманского сменил Макс Литвинов-Валлах, имевший среди сионистов США более прочные позиции, хотя и у Уманского они были неплохими. И до мая 1943 года этот «друг журналиста Кольцова» болтался членом Коллегии НКИД, а в мае его назначили послом в Мексику (в январе 1945 года он погиб там в авиационной катастрофе).

Сказав это, я далее процитирую труд Костырченко, имеющий статус серьезной монографии (и действительно обильный интересным фактическим материалом):

«…в семью Уманского (в мае 1943 года. – *С.К.)* вошло большое горе. Его дочь Нина, учась в школе для детей высшей номенклатуры (сын Сталина Василий учился в обычной школе. – *С.К.),* подружилась с Володей Шахуриным, сыном наркома авиационной промышленности, и между ними возникло романтическое чувство, ставшее причиной последовавших вскоре трагических событий. Когда… стало известно, что Нина уезжает в

Мексику… молодые люди договорились о прощальной встрече. Во время их свидания на Каменном мосту произошло бурное объяснение, закончившееся тем, что сын наркома в порыве отчаяния от предстоящей разлуки застрелил сначала девушку, а потом смертельно ранил себя…»

Уважаемый читатель! Если кому-то этого новоявленного «Ромео» жаль, то я по поводу его выходки могу лишь пожать плечами. Шла тяжелейшая война… Все честное и чистое в стране напрягало силы для того, чтобы быть в этой войне полезным народу. На фронт шли молоденькие девушки, в Краснодоне сверстники Шахурина и Уманской из «Молодой гвардии» рисковали жизнями, которые к тому времени они уже мученически и отдали (15, 16 и 31 января 1943 года немцы частично живыми, частично расстрелянными сбросили 71 человека в шурф шахты № 5 глубиной 53 метра).

А здесь какой-то великовозрастный оболтус…

Короче, началось следствие. Вел его начальник следственного отдела Прокуратуры СССР Лев Шейнин (обращаю внимание, что вначале дело вел не НКВД). И было установлено, что орудием убийства послужил пистолет «вальтер», переданный сыну Шахурина сыном Анастаса Микояна – Вано.

Мать убийцы, жена Шахурина – С.М. Лурье, утверждала, что имеет место провокация гестапо (за кордоном вообще-то не работавшее. – ***С. К.).***

И… нечто, связанное с Третьим рейхом, к этой истории отношение действительно имело… Я опять прямо сошлюсь на Костырченко:

«Согласно записям обнаруженного в ходе обыска дневника Володи Шахурина, он и его друзья из семейств А.И. Микояна, А.С. Аллилуевой, хирурга А.Н. Бакулева, американского бизнесмена А. Хаммера (так у Костырченко, стр. 240, но это вряд ли ошибка, русская жена у Арманда Хаммера была. – *С.К.)* и других (хотелось бы знать и «других»! – *С.К.),* начитавшись позаимствованной у отцов «Mein Kampf» (русский перевод книги был распространен по указанию Сталина в узком кругу советских руководителей), создали организацию «Четвертая империя» и тайно именовали себя «рейхсфюрерами» и «группенфюрерами». Разумеется, расследованием этих обстоятельств занялись органы госбезопасности (которые тогда уже, к слову, вновь вышли из подчинения Берии. – ***С. К.)…»***

Дело замяли, и восемь юношей по окончании следствия были высланы из Москвы. Как говорят представители нынешней «элиты», тяготеющей уже к англосаксам, – «No comments».

Здесь, конечно, можно было бы обойтись и без «comments». Ноя замечу, что Шахурин, возможно, потому не ходатайствовал за того же Туполева, что не имел объективных оснований верить в лояльность к Советской власти собственного сына – так уж Шахурин его воспитывал. А был ли лоялен по отношению к Советской власти, спрошу я, коль уж так, сам Шахурин? Лоялен не к той государственной машине, в «колесе» которой он был не последней «спицей», а по отношению к Советской власти как власти масс и ***для масс***?

Вот в этом последнем я сомневаюсь и относительно Шахурина, и относительно многих других молодых «лидеров», выдвинувшихся за годы Советской власти и благодаря ей. Костырченко пишет, что, возвращаясь домой из зарубежных поездок, представители новой «рабоче-крестьянской» элиты не скрывали своего восхищения «европейским шиком», и этот восторг передавался их «кремлевским детям»…

Что ж, не в отношении всех, но в отношении многих это так и было. Сын Берии в начале войны закончил разведшколу и участвовал в весьма деликатных операциях… А сын Шахурина играл в «фюрерство». Но яблоко падает недалеко от яблони, а не от березы. И по судьбе сына Берии можно судить о личности его отца. Как и, пожалуй, о личности Шахурина по судьбе ***его*** сына.

Увы, нутро у многих и из этой – лишь формирующейся – «элиты», где-то начинало подгнивать. И когда кого-то «брали», те, у кого имелась потаенная слабина, про себя думали: «А может, за дело?» И вместо того чтобы сказать: «Да я за него головой отвечаю», делали вид, что все идет как надо, лишь в редких случаях вступаясь за тех, кто им был, во-первых, позарез нужен, а во-вторых, в кого они верили ***больше, нем в себя.***

Константин Мерецков в своих ***мемуарах*** выставлял дело так, что он, мол, 2 июня 1937 года на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны Ворошилове прямо перед Сталиным защищал Уборевича… Но если уважаемый читатель познакомится со ***стенограммой*** выступления Мерецкова на том совете, то увидит, что Уборевича надо было расстреливать уже по факту его тогдашней оценки Мерецковым.

Уборевич, конечно, заговорщик… Его надо было расстреливать! Его и расстреляли… Но зачем же натягивать чистые ризы на грязные дела? Ведь когда сопоставляешь мемуары Мерецкова и стенограмму, то вывод напрашивается сам собой: и самого Мерецкова оба раза «брали» за дело, но в силу обстоятельств ***пощадили.***

Нет, они не были уверены в самих себе. А от Сталина, от

Ежова, от Берии требовали, чтобы те верили всем, всегда и во всем…

СРЕДИ крупной и мелкой клеветы на Берию есть и некая клевета на сюжет «Берия – Зорге» – в справке по Зорге, приведенной в биографическом словаре К. Залесского, утверждается: «Жена З. – Екатерина Александровна Максимова (1903–1943) 4.9.1942 по приказу Л.П. Берия была арестована и умерла в лагерях…»

Здесь точна лишь дата ареста Максимовой. Однако Елена Прудникова в своей книге о Зорге документально показывает, что к провалу Зорге арест Екатерины – через год после ареста в Токио мужа – отношения не имел. Максимову, уехавшую в эвакуацию, арестовали по показаниям ее родственницы Елены Гаупт, арестованной в мае 1942 года. Причем Гаупт вряд ли оговорила Екатерину, просто ей показался подозрительным образ жизни Максимовой, связанной с «непонятным иностранцем».

17 ноября 1942 года Максимову перевели в Москву, а 13 марта 1943 года Особое совещание при наркоме приговорило ее к 5 годам ссылки за связи, подозрительные по шпионажу. 15 мая она приехала (сама) в поселок Большая Мурта в 120 километрах от Красноярска и 21 мая написала сестре: «Милая сестричка! Вот я опять наслаждаюсь небом, воздухом и полной свободой…»

Работать Максимова начала, судя по дальнейшему, на опасном производстве, потому что уже 29 мая 1943 года она была доставлена в муртинскую больницу с обширным химическим ожогом и 3 июля умерла. В больнице, а не в лагере…

И ее грустная история, походя «пристегнутая» клеветниками к деятельности Берии, – это лишняя капля, в которой отражается история жизни самого Берии, оклеветанного и «по-крупному», и «по мелочам».

Да, у негодяев хватает наглости лить грязь на Берию даже времен войны, когда он был деятельнейшим членом ГКО! Полковник Сувениров в своем, изданном по решению Ученого совета Института военной истории МО РФ, «труде» пишет:

«С началом войны дело дошло до того, что стали убивать (н-да. – *С.К.)* просто по личному указанию народного комиссара внутренних дел СССР. Так, в октябре 1941 года были расстреляны генерал-полковники А.Д. Локтионов и Герой Советского Союза Г.М. Штерн, генерал-лейтенанты авиации Ф.К. Арженухин, Герои Советского Союза И.И. Проскуров и П.В. Рычагов, дважды Герой Советского Союза Я.В.Смушкевич, дивинженер И.Ф. Сакриер, генерал-майоры П.С. Володин, М.М. Каюков, Г.М. Савченко, бригинженер С.О. Склизков…»

Почти о каждом из расстрелянных можно было бы сказать «пару слов». Собственно, о Смушкевиче и Рычагове я уже говорил, а тут прибавлю, что у К.Залесского я нашел смутные сведения о том, что Сталин непосредственно перед войной поручал Рычагову секретную инспекцию границы. Если это так, то окончательно ясными становятся мотивы ареста Рычагова сразу после начала войны – он дал Сталину ложную информацию.

Однако подробно я объясню вину генерал-майора Павла Володина…

10 июня 1941 года нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков издали приказ № 0035, начинавшийся так:

«15 мая 1941 года германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было…»

Как это тебе, уважаемый читатель, нравится? А генерал Володин… Впрочем, лучше я приведу соответствующее место приказа НКО № 0035:

«*… Начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет…»*

Тогда Володину всего лишь объявили замечание, а вот 27 июня 1941 года арестовали. Ведь ситуация 10 июня и 27 июня различались как небо и земля. Однако Володин и остальные были расстреляны в тяжелейший день 27 октября 1941 года не по «личному указанию» Берии, а по решению Особого совещания при НКВД СССР, получившего после начала войны право приговаривать в качестве чрезвычайной меры к высшей мере наказания.

Между прочим, сразу после войны Берия поднимал вопрос об отмене такого права, но поддержан в том не был.

ВОЗМОЖНО, читатель заметил, что я, рассказав о какой-то стороне деятельности Берии во время войны, затем, спустя некоторое время, вновь к ней возвращаюсь, но иначе просто нельзя… Берия времен войны выглядит сущим Фигаро – он успевал все и везде. Так, в очередной раз перечитывая эту главу, я

вдруг обнаружил, что ничего не сказал о Берии как о члене созданной 13 марта 1942 года по решению ГКО особой группы сотрудников Наркомата путей сообщения (НКПС) и Центрального управления военных сообщений Генерального штаба (УПВОСО) во главе с Кагановичем, Маленковым и Берией.

Бывший начальник УПВОСО, впоследствии – нарком И.В.Ковалев в «Правде» от 15 апреля 1982 года писал об этом так:

«В ночь на 14 февраля меня пригласили на совместное заседание ГКО и Политбюро… Я высказал мнение УПВОСО о несовершенстве управления транспортной системой и предложил создать Транспортный комитет при ГКО – единый орган управления всех видов транспорта железнодорожного, авто– и авиатранспорта и речных перевозок…

Это было крупное событие. Транспортный комитет, в который вошли четыре члена Политбюро, смог мобилизовать все ресурсы транспортной системы, ликвидировал беспорядок в использовании всех видов транспорта, обеспечил их взаимодействие».

Не названные тогда Ковалевым три члена Политбюро названы выше мной. Что же до четвертого члена, то имелся в виду сам Сталин, который первым поддержал предложение Ковалева и согласился чисто формально, «для авторитета» ТК, принять на себя звание его председателя. Но практически и здесь как минимум треть нагрузки тянул все тот же Берия. И уже поэтому не то что подлыми, а попросту смехотворными выглядят россказни о его военных любовных похождениях. Мало того, что он не был бабником по натуре (вспомним, как он взъелся на «загулявшего» с польской примадонной Серова), у него на все это не было времени!

Маршал Яковлев вспоминал, как был недоволен Сталин даже в 1943 (!) году, когда Поскребышев не смог найти начальника ГАУ в течение «целых» сорока минут, потому что Ворошилов вначале прихватил его в ЦАГИ, а потом затащил к себе на квартиру в Кремль пообедать, и Яковлев отсутствовал в ГАУ где-то с полудня до шести часов вечера. А ведь на Яковлеве было только ГАУ! И он Сталину требовался намного реже, чем Берия!

Да, Берия был кем-то вроде Фигаро, но – без Розины в качестве развлечения. Зато удовлетворение от дела он испытывал постоянно.

Есть такое понятие – «гамбургский счет». Свою историю оно ведет от абсолютно закрытых чемпионатов мира по борьбе, которые периодически устраивали в начале XX века цирковые борцы, сняв для этого цирк в Гамбурге. Антрепренеры борцов

выстраивали их рейтинги так, как это было выгодно для цирковой коммерции, поэтому нередко сильнейшего заставляли проигрывать слабейшему. Однако мастерам ковра хотелось знать и подлинную силу каждого. Вот они и боролись в пустом цирке – без дураков. И у профессионалов ценился лишь «гамбургский» чемпион.

Так вот, если выстраивать «гамбургский рейтинг» персональных заслуг в Великой Отечественной войне, то абсолютный «чемпион» очевиден – это Иосиф Сталин. Но вторую ступеньку надо отдать Лаврентию Берии!

Я уже говорил, что партийные бюрократы от культуры рекомендовали вырезать бритвой из пятого тома БСЭ статью о самом Лаврентии Павловиче. Но слишком много значил Берия в СССР до 26 июня 1953 года и слишком много он сделал для страны до этой даты, чтобы вот так – взмахом бритвы – убрать его если не из официальной истории, то из всех томов БСЭ, изданных до 26 июня 1953 года. Поэтому в томе 12-м, подписанном в печать 28 мая 1952 года, на странице 318-й в статье «Государственный Комитет Обороны» ***и после 26 июня 1953 года*** можно было в любой библиотеке Союза прочесть:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 отмечены особые заслуги членов ГОКО в усилении производства вооружения и боеприпасов и снабжения армии в трудных условиях военного времени: в области производства танков – заместителя председателя ГОКО В.М. Молотова; в области производства вооружения и боеприпасов – члена ГОКО Л.П. Берия; в области производства самолетов и моторов к ним – члена ГОКО Г.М. Маленкова; в области постановки дела снабжения Советской Армии продовольствием, горючим и вещевым довольствием – члена ГОКО А.И. Микояна. Этим указом им присвоены звания Героев Социалистического Труда».

Как мы знаем (из вполне «демократических» источников), Берия курировал еще и производство танков, самолетов и моторов. Но Звезду Героя получил лишь за вооружения и боеприпасы, хотя Лаврентию Павловичу то и дело приходилось подстраховывать как официального «авиатора» Маленкова, так и – особенно – «танкиста» Молотова, которого он быстро заменил даже официально.

В биографическом энциклопедическом словаре Константина Залесского о Молотове сказано, что он «во время Великой Отечественной войны 1941—45 являлся зам. пред. Государственного комитета обороны – вторым человеком после Сталина». Но так ли это было и впрямь? До смерти Калинина в

1946 году формальным главой СССР был он, а после его смерти – Шверник. Вот таким ***формально вторым*** и был Молотов в ГКО с самого начала войны, если иметь в виду конкретную повседневную работу по организации работы экономики.

А реально вторым уже тогда был Берия, став с мая 1944 года вторым человеком после Сталина даже официально.

Даже Залесский (Берию, как и положено либералу, ненавидящий) сообщает, что «по линии ГКО на Б. возлагался контроль за производством вооружений, боеприпасов и минометов, а также (вместе с Г.М. Маленковым) за выпуском самолетов и авиамоторов». О Молотове тот же Залесский пишет, что в ГКО «в его обязанности входили прежде всего переговоры со странами антигитлеровской коалиции».

А производство танков кто контролировал?

Вот то-то и оно! Признать, что и контроль за производством танков был на Берии, это было бы для Залесского уж очень чересчур! А ведь не случайно в руководстве той Урановой проблемы, которую курировал Берия, оказалось так много бывших «танкистов»! В.М. Малышев, Н.Л. Духов, Б.Г. Музруков – всех их и многих других Берия знал по совместным делам в танкостроении.

А вот как в 1995 году в коллективной монографии «Создание первой советской ядерной бомбы» оценивал Берию академик Петросьянц, знавший его деловым образом еще со времен войны:

«…Будучи по природе своей очень умным человеком, с хорошей технической хваткой (в молодости окончил механикостроительное техническое училище, увлекался архитектурой), он стал в предвоенные и военные годы крупнейшим организатором военной техники. Курируя по поручению Сталина военные отрасли промышленности в годы войны, руководя соответствующими наркоматами, он сумел наладить выпуск многих тысяч танков, самоходных артустановок, многих миллионов боеприпасов, снарядов, обеспечивал в тылу бесперебойную работу металлургии – черной и цветной и др.

Среди всех членов Политбюро… и других высших руководителей страны Берия оказался наиболее подготовленным в вопросах технической политики и техники. Все это я знал не понаслышке, а по личным контактам с ним по многим техническим вопросам, касавшимся танкостроительной и ядерной тематики…»

Чтобы понять весомость этого мнения, надо знать, кем был человек, его высказавший. Андраник Мелконович Петросьянц в 1933 году после окончания Уральского политехнического института начал рядовым инженером на Уральском заводе

тяжелого машиностроения им. С. Орджоникидзе и быстро вырос там до главного инженера. В 1939 году он был назначен членом коллегии и заместителем наркома тяжелого машиностроения, а с 1940 года – первым заместителем наркома станкостроительной промышленности. С октября 1941 года – заместитель наркома танковой промышленности. А с 1943 года генерал-майор инженернотанковой службы Петросьянц работал в ГКО СССР – по той же «танковой» линии. Забегая далеко вперед, скажу, что в конце 1946 года Берия взял его в Урановую проблему – заместителем начальника Первого Главного управления, и Петросьянц стал одной из крупных фигур в быстро формирующейся атомной технике, впоследствии – Героем Социалистического Труда, академиком.

Увы, уважаемый читатель, я пока привел не всю характеристику, данную Берии Петросьянцем, и лишь сейчас восполню этот пробел. Петросьянц начинал свой рассказ о Лаврентии Павловиче так:

«Л.П. Берия с 1938 года возглавлял НКВД СССР, до этого работая в органах ЧК и НКВД Азербайджана и Грузии. Эти ведомства под руководством Берия осуществляли массовые аресты и казни, жестокие операции по выселению коренных жителей Ингушетии, Чечни, Осетии, крымских татар, калмыков и других народностей в глухие степи Казахстана, Средней Азии. Во время войны с гитлеровской Германией Берия создал СМЕРШ и заградительные отряды, принесшие гибель многим людям.

Но у Берия – карателя и организатора массовых арестов – было и другое лицо. Будучи по природе своей…» – и далее по вышеприведенному тексту.

Не знаю, как читатель, но я, перечитывая только что приведенные мной строки, улыбался, хотя смешного тут ничего нет. ***Лично*** Петросьянц знал лишь одно лицо Берии – блестящего организатора, умеющего работать и умеющего создать условия для работы, самоотверженного, семижильного (если подсчитать его обязанности только по перечню Петросьянца) большевика, отдающего все силы для победы страны.

То, другое «лицо», якобы карателя – ***лично*** Петросьянцу известно быть не могло, он никогда с теми ситуациями, о которых пишет как о негативных для оценки Берии, ***лично*** не сталкивался. Он даже довоенную биографию Берии перевирает и осуждает Берию с ***чужих*** слов.

Увы, это, как читатель уже мог видеть неоднократно, повторяется раз за разом: вполне достойно характеризующие Берию положительные ***личные*** впечатления, и тут же –

некритическое восприятие его отрицательного образа, навязанного ***извне.***

МОЙ РАССКАЗ о Берии военных лет подходит к концу. Однако кое-что еще тут сказать надо бы…

9 мая 1945 года Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков закончилась. И теперь можно было сравнить ход и итоги двух мировых войн, которые выпали на долю России.

Вначале посмотрим на Первую мировую войну, в которой участвовала старая Россия. И вот что получается…

Царская Россия – по уверениям «демократов» – была не страна, а разлюли-малина! И «Государь» «милостью Божьей» имелся, и государственные мужи… Один Петр Аркадьич Столыпин чего стоил! Как сказали бы белые пикейные жилеты из прославленного кафе «Флорида» в незабвенном ильфо-петровском Черноморске: «Это – голова!»

Да и солдатушки – бравы ребятушки, и мордатые «патриоты» – тороватые купцы-охотнорядцы – наличествовали. И радетель за землю русскую был – святой Иоанн Кронштадтский, непревзойденный златоуст.

Были также и прочая, и прочая, и прочая…

Начала эта Россия войну с Германией, тут же переросшую (как это и планировал «Золотой Интернационал») в войну Мировую, по собственному изволению. Вначале даже сильно потрепала «немца» в Восточной Пруссии.

Высшее руководство, включая императора, психологического шока от начала войны не испытало, потому что ничего неожиданного в происходящем не было – Россия даже первой объявила мобилизацию!

Промышленность начавшей войну России имела все возможности работать без перебоев в полную силу – за всю войну ни одна германская или австро-венгерская бомба или снаряд не упали ни на один из стратегически важных промышленных или военных объектов России. ***И все они всю войну сохранялись в неприкосновенности.*** Полностью – всю войну – сохраняется (за малыми потерями в Польше) – вообще весь экономический потенциал России.

И с самого начала войны немцы вынуждены воевать на два фронта, ибо с самого начала войны у той России были могучие союзники.

А потом…

А уж потом – когда война получила дальнейшее развитие, Россия так и топталась на своих рубежах, постепенно сдавая свою

пусть и окраинную, но все же – свою территорию!

Варшаву…

Ригу…

И все более разваливалась, все более влезала (как это и планировал «Золотой Интернационал») во внешние долги. И все более не хватало винтовок, снарядов (хотя порой и утверждают обратное), не хватало ресурсов.

А главное, не хватало того морального духа, который, по точной оценке Наполеона, соотносится с материальным фактором, как три к одному. За годы ***той*** войны не было создано ни одного значительного произведения искусства – одни «Анянясы в шампанском, анянясы в шампанском…». Рыловские гуси, шелестящие над русским Севером своими крылами: «Какой простор!», не в счет – они уже летели к будущей новой России.

И в конце концов царская Россия Николая II – в итоге войны – рухнула!

Позорно и бесславно!

А как там с Россией Советской? Как с СССР Сталина? По уверениям тех же «демократов» и вечно чем-то недовольных россиянских «интеллигентов», это была не страна, а мрачный концентрационный лагерь, которым правили, запугав перед этим народ, два главных «палача» – Сталин и Берия. Талантливые люди были в этой стране-тюрьме в загоне и их пачками отправляли на Колыму.

Бездарных партийных и советских работников (то есть власть) народные массы ненавидели. Ну, и так далее…

И вот коварный и сильный враг наносит по этому «колоссу на глиняных ногах» мощный, в истории ранее небывалый – по территориальному и материальному размаху – военный удар. Фронт разваливается, в плен сдаются целые соединения. Враг быстро занимает миллионы квадратных километров территории страны. Многие представители власти позорно бегут на восток, бросив все на произвол судьбы. В некоторых местах немцев встречают хлебом-солью…

«Тиран» Сталин и его «сатрапы» – на грани краха. Управление потеряно. Помощь извне мала, деятельных союзников нет, второго фронта нет. Значительная часть страны оккупирована, часть – под бомбежками…. Бомбят даже столицу, а вторая столица попадает в блокаду.

Тысячи важнейших промышленных предприятий или потеряны из-за оккупации, или разрушены, или эвакуируются на восток. Добыча угля упала со 165,9 миллиона тонн в 1941 году до 75,5 миллиона тонн в 1942-м. Выплавка стали – с почти 15

миллионов тонн в 1940 году до 4,8 миллиона тонн в том же 1942-м, чугуна – с 18 миллионов тонн до 8…

А потом…

А уж потом – когда война получила дальнейшее развитие, Россия мощно пошла вперед, отбирая назад вначале пяди, крохи, а потом… А потом уже и до «европ» дойдя!

Эта, новая, Советская Россия смогла в ходе войны воссоздать такую мощную экономику, которая дала армии десятки тысяч танков, самоходных артиллерийских установок, сотни тысяч самолетов, артиллерийских орудий!

И каких танков!

Каких орудий!

Эта Россия стала единым военным лагерем. Не на словах, а на деле она жила призывом «Все для фронта, все для Победы!». Эта Россия создала в ходе войны выдающиеся произведения искусства: симфонии и подлинно народные песни, романы и повести, поэмы и пьесы…

Эта Россия даже новые линии и станции метро строила!

И какие станции!

И в конце концов разгромила врага, пришла в Берлин, отлив из ратной бронзы медаль и за его взятие, и за взятие Будапешта и Вены, и за освобождение Варшавы, Праги, Белграда…

В итоге этой Второй мировой войны, ставшей для России второй Отечественной, Россия окончательно оформилась как великая сверхдержава.

Какая слава!

Какой итог!

И какой контраст по сравнению с итогами той, первой, «царской» войны.

ПОЧЕМУ? Как? За счет чего? И под чьим руководством?

В 1944 году, на Урале, в ту парторганизацию, членом которой был и Борис Глебович Музруков, поступило заявление о приеме в ВКП(б) от 74-летнего академика Патона.

Вот что он писал:

«Когда Советская власть взяла в свои руки управление нашей страной, мне было уже 47 лет. Проработав много лет в условиях капиталистического строя, я усвоил его мировоззрение… Начинания новой власти я считал нежизненными… Когда я познакомился с планом первой пятилетки, я не увидел возможностей для его выполнения. Время шло, развернулась работа по Днепрострою, которая никак не давалась прежней власти. Я начал понимать свою ошибку по мере того, как осуществлялись новые стройки… Все больше менялось мое

мировоззрение. Я стал понимать, что к Советской власти меня приближает то, что труд, который является основой моей жизни, Советская власть ставит выше всего. В этом я убедился на деле… Начавшаяся Великая Отечественная война явилась блестящим подтверждением мощности и стойкости советского строя. Перед моими глазами прошли две последние войны – японская и империалистическая. Я имел возможность сравнить положение тогда с тем, что происходит сейчас, во время Отечественной войны. Меня поражает выдержка и героизм, с какими советский народ борется на фронтах и в тылу под твердым руководством партии и Советского правительства…»

А вот оценка со стороны…

Генерал-майор Фридрих Вильгельм фон Меллентин был врагом, но врагом умным и опытным: воевал в Польше, во Франции, на Балканах, в Африке, на Восточном фронте, а затем опять во Франции, в Арденнах и в самой Германии… Закончил войну начальником штаба 5-й танковой армии в Рурском котле. В 1956 году в Лондоне вышла его книга «Panzer battles 1939–1945», изданная у нас в 1957 г. («Танковые сражения 1939–1945 гг.»). Глава XIX его мемуаров называется «Красная Армия», и ниже я приведу выдержки из нее.

Итак, потомственный немецкий офицер, генерал вермахта Ф.В. фон Меллентин:

«Русский солдат любит свою «матушку Россию», и поэтому он дерется за коммунистический режим, хотя, вообще говоря, он не является политическим фанатиком. Однако следует учитывать, что партия и ее органы обладают в Красной Армии огромным влиянием. Почти все комиссары являются жителями городов и выходцами из рабочего класса. Их отвага граничит с безрассудством; это люди очень умные и решительные. Им удалось создать в русской армии то, чего ей недоставало в Первую мировую войну – железную дисциплину. <…> Дисциплина – главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина. <…>

Индустриализация Советского Союза, проводимая настойчиво и беспощадно, дала Красной Армии новую технику и большое число высококвалифицированных специалистов. <…>

…в ходе войны русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих войск и немецкой армии. Они научились быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно <…>

…русский, в целом, безусловно отличный солдат и при искусном руководстве является опасным противником <…> Умелая и настойчивая работа коммунистов привела к тому, что с 1917 года Россия изменилась самым удивительным образом. Не может быть сомнений, что у русского все больше развивается навык самостоятельных действий, а уровень его образования постоянно растет <…>

Русские дивизии <…> наступали, как правило, на узком фрон-те <…> Они появлялись словно из-под земли, и казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. <…> Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого. <…> После 1941 года к людским массам русских добавились массы танков. Отбить такие атаки было, конечно, значительно труднее, и стоило это гораздо большего нервного напряжения. <…>

Мои замечания^..> касались <…> действий русской пехоты, которая в ходе Второй мировой войны полностью сохранила великие традиции Суворова и Скобелева. <…> Русская артиллерия, подобно пехоте, также используется массированно. <…> В ходе войны русские совершенствовали и развивали тактику артиллерии в наступлении. Их артиллерийская подготовка превратилась в подлинный шквал разрушительного огня. <…> Русская артиллерия является очень грозным родом войск и целиком заслуживает той высокой оценки, какую ей дал Сталин. <…>

Необыкновенное развитие русских бронетанковых войск заслуживает самого пристального внимания со стороны тех, кто изучает опыт войны. Никто не сомневается, что у России может быть свой Зейдлиц, Мюрат или Роммель, – в 1941–1945 годах русские, безусловно, имели таких великих полководцев. <… >Танкисты Красной Армии закалились в горниле войны, их мастерство неизмеримо возросло. Такое превращение должно было потребовать исключительно высокой организации и необычайно искусного планирования и руководства…»

Сам военный, генерал Меллентин дал высокую оценку чисто военному руководству СССР: «Русское высшее командование знает свое дело лучше, чем командование любой другой армии». Но, зная то, что мы знаем, можно и прибавить: «Знает, благодаря политическому руководству, сформировавшему в ходе войны и перед ней компетентный потенциал такого командования!»

Можно привести и другие свидетельства, однако я ограничусь признаниями знаменитого немецкого авиапредпринимателя и конструктора Хейнкеля. Авиаконструктор А.С. Яковлев писал, что выполнение советских заказов в начале 30-х годов заставило

немца резко улучшить технологическую дисциплину и методы заводского контроля. ***«Я*** думал, – удивлялся Хейнкель, – что у меня отличный завод, но большевики работают лучше».

Россиянские «демократы» ставят свечки перед образами «невинно убиенного злодеями-большевиками» «святого» Николая Второго… Но величие Державе обеспечила эпоха Сталина.

И она же – эпоха Берии.

И обеспечила не за счет заградотрядов и страха, а за счет созидательных, творческих сил народа, во главе которого стояли Председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин и его заместитель Л.П. Берия, о котором во всех послевоенных изданиях истории Великой Отечественной войны если и была сказана пара слов, то – лишь клеветнических и ругательных.

Глава 18
Основатель атомной отрасли

21 августа 1944 года в Думбартон-Оксе на окраине Вашингтона, в трехэтажном особняке, построенном в 1802 году и принадлежащем Гарвардскому университету, открылась конференция представителей СССР, США и Великобритании. Задачей Конференции была выработка основ будущей Организации Объединенных Наций.

Обычно старинное здание заполняли студенты, изучавшие античное и византийское искусство, а теперь его более чем на месяц заняли три делегации, вместе с техническим персоналом насчитывающие более семи десятков человек – для представительной международной конференции не так уж и много…

Открывая конференцию, государственный секретарь Кордэлл Хэлл сказал, что сохранение мира и безопасности в будущем является главной целью международного сотрудничества.

Почти за полгода до этого, в марте 1944 года, в Лос-Аламосской национальной лаборатории в рамках «Манхэттенского проекта» было начато полномасштабное планирование первого испытания атомной бомбы США с кодовым наименованием испытания «Trinity» – «Троица». А во время работы конференции в Думбартон-Оксе члены Военно-технического комитета, курирующего «Манхэттенский проект», В. Буш и Д. Конант в меморандуме на имя военного министра Г. Стимсона предложили включить Советский Союз в систему контроля над еще не созданным ядерным оружием «во избежание нежелательного осложнения отношений». Это предложение было отклонено, не имея, собственно, никаких шансов на принятие. Эффективный контроль мог быть реализован лишь в двух случаях: или при контролируемом всеобщем отказе от этого оружия, или при контролируемом его производстве как в США, так и в СССР, причем – с заранее оговоренной взаимной минимизацией будущих ядерных арсеналов. Америку же устраивала лишь монополия, и она шла к ней весьма стремительно. Что ж, когда есть деньги, все (или – ***почти*** все) решается быстро.

Пока что атомная бомба была, впрочем, «шкурой» не только неубитого, но и вообще проблематичного «медведя». Тем не менее вопрос оказывался потенциально настолько серьезным, что даже в Советском Союзе, ведущем тяжелейшую войну, атомные работы уже разворачивались, хотя пока их масштаб вынужденно

был по сравнению с «манхэттенским» и невелик.

Но работы велись, велись вполне осознанно, и как раз в день закрытия конференции в Думбартон-Оксе – 28 сентября – исполнилось ровно два года с момента принятия распоряжения ГКО № 2352сс от 28 сентября 1942 года «Об организации работ по урану». Тогда все еще не выходило из стадии первых (и не очень внятных) организующих документов, причем все крутилось вокруг Молотова. А Вячеслав Михайлович как организатор технических проектов зарекомендовал себя не с лучшей стороны – танкисты от него уже отказались в пользу Берии, а атомщикам – это я скажу, забегая вперед – еще предстояло от него отказаться…

И тоже – в пользу Берии!

11 февраля 1943 года было принято очередное распоряжение ГКО № ГОКО-2872сс, начинавшееся и заканчивавшееся так:

«В целях более успешного развития работ по урану:

I. Возложить на тт. Первухина М.Г. (тогда – зампред СНК СССР и нарком химической промышленности. – *С.К.)* и Кафтанова С.В. (председатель Комитета по делам высшей школы при СНК СССР и уполномоченный ГКО по науке. – С.К) обязанность повседневно руководить работами по урану и оказывать систематическую помощь спецлаборатории атомного ядра Академии наук СССР.

Научное руководство работами по урану возложить на профессора Курчатова И.В.

<…>

II. Обязать руководителя спецлаборатории атомного ядра (Лаборатории № 2 Академии наук СССР. – *С.К.)* проф. Курчатова И.В. провести к 1 июля 1943 г. необходимые исследования и представить Государственному комитету обороны к 5 июля 1943 г. доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива.

Председатель Государственного комитета обороны
В. Молотов».

Уж не знаю, с чего это Молотов был назван тем, кем никогда не был (бессменным Председателем ГКО являлся Сталин), но так стоит в документе.

Да, наилучший способ понять эпоху – знакомство с ее документами. И если мы обратимся к ним, то сразу же рушится, например, один из давних и устойчивых «атомных» вымыслов: мол, значение Атомной проблемы Сталин не понял даже после того, как его на Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 года «просветил» президент США Трумэн.

После знакомства с ныне рассекреченными советскими

документами *1939 (тридцать девятого) – 1944 годов* лишь улыбку может вызвать следующее, например, место в «Воспоминаниях и размышлениях» маршала Жукова:

«Не помню точно какого числа (это было 24 июля 1945 г., через 8 дней после испытания первой бомбы на полигоне Аламогордо (штат Нью-Мексико) 16 июля. – *С.К.)*… Трумэн сообщил И.В. Сталину о наличии у США бомбы необычайно большой силы, не назвав ее атомным оружием.

В момент этой информации, как потом писали за рубежом, У. Черчилль впился в лицо И.В. Сталина, наблюдая за его реакцией. Но тот ничем не выдал своих чувств… Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы считали, что, вероятно, Сталин… не понял значения сделанного ему сообщения.

На самом деле… И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о разговоре с Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал:

– Цену себе набивают.

И.В. Сталин рассмеялся:

– Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы.

Я понял, что речь шла об атомной бомбе…»

Уж не знаю, понял ли что-либо тогда Жуков на самом деле, потому что к информации по нашим атомным работам он тогда и близко допущен не был. И фамилия Курчатова Маршалу Советского Союза Жукову вряд ли тогда что-то говорила. Но кроме маршала Жукова в Потсдаме был еще один маршал Советского Союза, и, хотя он в воспоминаниях Жукова не помянут, ему-то фамилия Курчатова знакома была. Причем этот маршал был знаком с профессором (собственно, к тому времени уже академиком) Курчатовым не первый год. А через неполный месяц после завершения Потсдамской конференции они начнут совместно работать – плотно и плодотворно.

Этим Маршалом Советского Союза был Берия, отвечавший за охрану советской делегации. Впрочем, в письме из камеры в 1953 году Берия напомнил Молотову, что, хотя был он в Потсдаме «по роду своей работы», Молотов предлагал, чтобы Берия прямо входил в состав делегации.

В любом случае, даже формально не будучи делегатом, Берия оставался заместителем Председателя ГКО. Однако даже не поэтому Сталин не мог сразу же не сообщить Берии об информации Трумэна. Он просто обязан был это сделать, потому что еще 3 декабря 1944 года сам утвердил постановление ГКО № 7069сс, заключительный пункт которого гласил: «Возложить на т.

Берия Л.П. наблюдение за развитием работ по урану».

Если вспомнить, что вначале эти обязанности возлагались на Первухина и Кафтанова и что в первых документах ГКО (ГОКО) фигурировала фамилия Молотова, станет ясно, что еще не закончилась война, а Берии уже была уготована новая и – еще «та» работенка, которую другие не очень-то потянули даже на начальной стадии развития проблемы. Чтобы сказанное мной выглядело убедительнее, приведу извлечения из одной докладной записки и одного письма.

19 мая 1944 года Курчатов пишет записку на имя Сталина «О состоянии работ по проблеме урана на 20 мая 1944 года», где были и такие слова:

«Внимание и помощь, которые неизменно оказывались Лаборатории № 2 тов. В.М. Молотовым, непосредственное и повседневное руководство ее деятельностью тов. МЛ. Первухиным, поддержка со стороны тов. С.В. Кафтанова помогли… Лаборатории преодолеть трудности, окрепнуть, начать работать и получить ряд важных результатов…»

Тов. М.Г. Первухин в тот же день направляет записку Курчатова Сталину с собственным письмом, где пунктом пятым предлагает:

«…5. *Создать при ГОКО Совет по урану для повседневного контроля и помощи в проведении работ по урану, примерно в таком составе: 1) т. Берия Л.П. (председатель совета), 2) т. Молотов В.М., 3) т. Первухин М.Г. (заместитель председателя), 4) академик Курчатов И.В…»*

В свете пункта пятого письма Первухина реверанс Курчатова в сторону Молотова выглядел всего лишь актом вежливости по отношению к внешне невозмутимому, а в действительности вполне обидчивому Молотову. Но в преддверии большой работы те, кому предстояло заниматься ее организацией и руководством практически, предпочитали иметь дело с наиболее сильным управленцем державы – Берией. Ибо дело державе, все еще ведущей войну, предстояло небывало сложное, а денег, как у янки, у России на него было не так уж и много.

Но перед тем как начать тему о Берии в Урановой проблеме, я закончу тему о маршальстве Берии. 9 июля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. Заслужил ли Лаврентий Павлович это звание?

Чтобы верно ответить на этот вопрос, зададимся вначале другим вопросом: «А заслужил ли авиаконструктор Александр

Яковлев, ни одного дня на фронте не бывший, звание генерал-полковника? Или конструктор тяжелых танков Леонид Духов – звание генерал-майора, пусть и инженерно-танковой службы?..»

Вклад Берии в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов был огромным, воистину маршальским. И уж головой он рисковал (на войне как на войне) не менее, чем любой из фронтовых маршалов. Так что свое маршальское звание он получил, пожалуй, по праву. Ведь он участвовал в такой войне, где и тыл был фронтом, где победу обеспечивало лишь напряжение всех сил державы, сводимых воедино без деления на чисто военные и чисто хозяйственные.

Но, вообще-то, это – так сказать, эмоции… А если придерживаться сухих фактов, то звание маршала Лаврентий Павлович получил по той причине, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1945 года были отменены специальные звания для начальствующего состава НКВД – НКГБ, введенные 7 октября 1937 года, с приведением их к общевойсковым. Высшее специальное звание Генерального комиссара безопасности СССР было резонно приравнено в свое время к высшему воинскому званию Маршала Советского Союза. А Генеральным комиссаром безопасности был лишь Берия. Кто-то по поводу «Лубянского маршала» иронизировал, но ведь и Сталин на фронте не провел ни одного дня, а звание Генералиссимуса заслужил вне сомнений.

Нарком государственной безопасности СССР Меркулов – комиссар ГБ 1-го ранга – стал генералом армии, комиссары ГБ 2-го ранга Абакумов, Круглов, Серов, Кобулов, Чернышов, Гоглидзе, Павлов – генерал-полковниками и т. д.

ВПРОЧЕМ, почти сразу после окончания войны – не прошло и полгода, суть и характер государственной деятельности маршала Берии изменились кардинально – он стал главным куратором Урановой проблемы, а фактически – основателем нашей атомной отрасли. И уже поэтому его вклад в новое для страны дело был тоже выдающимся.

Хотя…

Хотя к лету 1945 года не такими уж, повторяю, и ***новыми*** были «атомные» дела как для многих советских людей, так и лично для Л.П. Берии.

Во-первых, уже в тридцатые годы СССР имел неплохую отечественную материальную базу физики ядра и неплохие кадры, вполне адекватно смотрящие на ядерные перспективы человечества. 31 декабря 1940 года «Известия» опубликовали статью со знаменательным названием: «Уран-235».

Правда, физик Петр Капица в беседе с активом писателей журнала «Детская литература», опубликованной в апрельском номере журнала за 1940 год, в ответ на вопрос: «Разве нельзя ничего ожидать от развития цепных реакций?» – ответил: «Если бы такая реакция случилась, она не могла бы остановиться и Земли не существовало бы…» Однако Капица – при всей своей талантливости – был более амбициозен, чем гениален, и через пять лет ошибочность его точки зрения обнаружится после реализации взрывной цепной реакции 16 июля 1945 года в Аламогордо.

Не на Капицах, впрочем, физика сошлась, и в 1940 году была создана Урановая комиссия при Президиуме АН СССР. В докладной записке академиков Вернадского, Ферсмана и Хлопина на имя Булганина от 12 июля 1940 года говорилось:

«Работы по физике атомного ядра привели… к открытию деления атомов элемента урана… при котором освобождается огромное количество внутриатомной энергии… Если вопрос о техническом использовании внутриатомной энергии будет решен в положительном смысле, то это должно в корне изменить всю прикладную энергетику».

Однако 6 и 9 августа 1945 года «огромное количество внутриатомной энергии» испепелило Хиросиму и Нагасаки. И этим фактом на долгие годы определились «атомные» приоритеты России.

А ВОТ теперь, пожалуй, можно перейти к «атомной» линии в жизни Берии. Начавшись в военные годы, она, уже не прерываясь, продолжалась буквально до его последнего дня пребывания на вершинах высшей государственной власти.

Началась эта линия, как и можно было ожидать, в ее чекистском, разведывательном аспекте. И одна из первых задач по «атомной» разведке была поставлена в оперативном письме № 1 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР заместителю резидента нью-йоркской резидентуры Гайку Овакимяну еще до войны – 27 января 1941 года. Письмо Геннадию – Овякимяну подписал Виктор (оперативный псевдоним начальника внешней разведки Павла Фитина), но санкционировал это задание, естественно, Павел, то есть – Берия, потому что письмо в Нью-Йорк ушло хотя и незадолго до разделения НКВД на НКВД и НКГБ, но все же до этого разделения. Так что о возможности получения «нового вещества, обладающего громадной энергией, превышающей энергию угля в несколько миллионов раз» (как было сказано в письме), Берия знал по крайней мере с начала 1941 года, еще до войны.

С объединением НКВД и НКГБ после ее начала вопросы разведки вновь вошли в сферу ответственности Берии. Немцы были на подступах к Москве, но поток разведывательной информации не прекращался и тогда, когда Берии было не очень-то до него. Так, записка начальника 4-го спецотдела (Особое Техническое бюро) НКВД СССР В. Кравченко наркому Л.П. Берии о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации этой работы в СССР датирована 10 октября 1941 года.

Она начиналась так:

«Присланные из Англии сов. секретные материалы Британского правительства, касающиеся работ английских ученых в области использования атомной энергии урана для военных целей, содержат два доклада Научно-совещательного комитета при Английском комитете обороны по вопросу атомной энергии урана…

Судя по этим материалам, в Англии уделяется большое внимание проблеме использования атомной энергии урана для военных целей…»

И уже тогда Кравченко предлагал «создать при ГКО СССР специальную комиссию из числа крупных ученых СССР… которой поручить представить соображения о возможности проведения в СССР работ по использованию атомной энергии для военных целей».

Однако официальное письмо НКВД СССР в ГКО на имя Сталина и Молотова № 1720/6 Берия отправил лишь 6 октября 1942 года – почти через год после подготовки первого проекта письма на основе записки Кравченко.

Некоторое запоздание информации Берии по сравнению с датой принятия постановления ГКО (28 сентября 1942 года) о возобновлении работ по урану существенным признать нельзя. Постановление ГКО было обусловлено пониманием проблемы советскими физиками, а письмо Берии – информацией о понимании проблемы зарубежными физиками. Причем Берия дал поручение провести «внутреннюю» экспертизу разведывательных материалов силами специалистов НКВД, что было нелишним. Материалы могли быть дезинформационными (скажем, академик Капица их оценил бы, весьма вероятно, именно так), и перед докладом Сталину надо было все аккуратно взвесить.

К письму Берии прилагалась высокоинформативная справка 1-го Управления НКВД СССР «Использование урана как источника энергии и как взрывчатого вещества». И далее полученные из наркомата Берии разведматериалы по поручению Молотова анализировал Курчатов. 27 ноября 1942 года в заключение своей

докладной записки на имя Молотова он писал:

«1. В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ.

<…>

6. Для руководства этой сложной и громадной трудности задачей представляется необходимым учредить при ГКО Союза ССР под Вашим председательством специальный комитет…»

Тогда же впервые на высшем государственном уровне возникли фамилии профессоров Алиханова, Харитона, Зельдовича, Кикоина, Александрова и Шальникова…

На следующий день, 28 ноября, Молотов адресовал записку Курчатова Сталину. «Цепная реакция» государственной работы по Урановой проблеме началась, хотя до учреждения предлагавшегося Курчатовым уже тогда Специального комитета должно было пройти почти три года.

В 1943 году из НКВД был выделен НКГБ, и Берия от оперативной информации по атомным делам временно отходит… Дело, тем не менее, продвигалось – хотя и ни шатко ни валко. В 1943–1944 годах темп поступления разведывательных материалов из-за кордона был, пожалуй, даже более быстрым, чем наши собственные работы по урановой тематике.

Заведующий Лабораторией № 2 профессор Курчатов писал отзывы на разведывательные материалы, писал докладные записки Первухину, но до прорывных действий было далеко, и причиной было, думаю, не только военное время. Просто этой проблемой занимались пока управленцы хотя и опытные (тот же Первухин), но до уровня проблемы не дотягивающие. И на излете 1943 года, 22 декабря, Курчатов направил заместителю Председателя Совнаркома и наркому химической промышленности СССР М.Г. Первухину очередную записку о невыполнении ведомствами «урановых» постановлений ГКО.

Да, проблема все еще ждала своего Управленца…

А события в мире развивались, и грозное начало атомной эры было уже близко.

8 августа 1945 года Советский Союз во исполнение принятых перед союзниками обязательств объявил войну Японии. Того же 8 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а на следующий день – на Нагасаки.

2 сентября 1945 года представители японского верховного командования на борту американского линкора «Миссури» подписали акт о безоговорочной капитуляции.

За девяносто один год до этого, в 1854 году, коммодор Перри

под жерлами корабельных орудий «вскрыл» Японию, пребывавшую почти триста лет в самоизоляции. Перри был первым янки, продиктовавшим японцам «волю белого человека». А теперь уже генерал Макартур распорядился доставить на «Миссури» флагманский флаг Перри, и, помещенный в стеклянную витрину и установленный на видном месте, этот флаг вновь указывал Японии ее место. Янки любят символику, которая связана с приятными для них воспоминаниями.

Через два дня, 4 сентября 1945 года, был упразднен Государственный Комитет Обороны. 29 декабря 1945 года Берия Указом Президиума ВС СССР был освобожден от обязанностей наркома внутренних дел СССР. 10 января 1946 года он и новый нарком Круглов подписали акт приема-сдачи дел по наркомату, а 15 января в газете «Известия» в разделе «Хроника» появилось несколько строчек:

«Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу заместителя Председателя СНК СССР т. Л.П. Берия об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой. Народным комиссаром внутренних дел СССР назначен т. С.Н. Круглов».

О сути другой «центральной работы» ничего не сообщалось, да и не могло быть ничего сообщено, потому что Постановление ГОКО от 20 августа 1945 года № 9887сс/оп «О Специальном комитете при ГОКО» имело гриф «Совершенно секретно (Особая папка)». И этим постановлением создавался Специальный комитет с чрезвычайными полномочиями для решения любых проблем «Уранового проекта».

В его состав входили: Л.П. Берия – председатель; Г.М. Маленков – секретарь ЦК КПСС; Н.А. Вознесенский – Председатель Госплана СССР; Б.Л. Ванников – нарком боеприпасов; А.П. Завенягин – заместитель наркома внутренних дел, начальник 9-го Управления НКВД; И.В. Курчатов – заведующий Лабораторией № 2 АН СССР, академик, научный руководитель проблемы; П.Л. Капица – академик, директор Института физических проблем АН СССР; М.А. Махнев – секретарь Специального комитета; М.Г. Первухин – нарком химической промышленности СССР.

Молотов, как видим, не фигурировал здесь ни в каком качестве. Да и в каком качестве он мог бы фигурировать здесь ***деловым*** образом?

Для «непосредственного руководства научно-исследовательскими, проектными, конструкторскими организациями и промышленными предприятиями по

использованию внутриатомной энергии урана и производству атомных бомб» организовывалось Первое Главное Управление при СНК СССР, подчиненное Спецкомитету. Начальником ПГУ стал Ванников, освобождавшийся от обязанностей наркома боеприпасов, а его заместителями: А.П. Завенягин (первый заместитель), Н.А. Борисов (от Госплана СССР), П.Я. Мешик (обеспечение режима секретности), П.Я. Антропов (разведка и разработка залежей урановых руд) и А.Г. Касаткин (заместитель наркома химической промышленности).

Возможно, читателю покажется знакомой фамилия Н.А. Борисов. Да, это был тот самый Борисов из группы при члене ГКО Л.П. Берии, которая во время войны обеспечивала текущее руководство производством вооружения и боеприпасов. Теперь заместитель Госплана СССР Борисов фактически переходил в ПГУ. И взял его к себе Берия – он умел ценить профессионалов, и коль уж получил право брать в систему Спецкомитета любого, то выбирал не просто лучших, а тех из лучших, которые были проверены на деле им самим.

Ванников, Завенягин и, уж естественно, Мешик и Махнев были привлечены к атомным делам тоже Берией.

Пунктом VII протокола № 6 заседания Спецкомитета от 28 сентября 1945 года предусматривалась организация в составе Спецкомитета также некоего Бюро № 2 с подчинением непосредственно Берии. Функции этого Бюро были видны уже из того, кто его возглавлял. Начальником Бюро стал заместитель начальника внешней разведки, хорошо нам знакомый Павел Анатольевич Судоплатов, а его заместителями Н.С. Сазыкин, Н.И. Эйтингон и Л.П. Василевский. Это были тоже старые сотрудники Берии, и их привлечение тоже было, конечно же, не случайным – дело всем предстояло более чем серьезное.

Такое отношение к кадрам лучше любых словесных уверений доказывало, что Берия помнил и уважал тех, кто умел и хотел работать. А тот, кто способен понять важность для успеха «человеческого фактора», не может относиться к окружающим пренебрежительно. И уже по этому критерию мы можем уверенно отметать рассказы даже «очевидцев» о якобы хамстве Берии, тем более что при внимательном рассмотрении такие рассказы оказываются или пересказами, или явно украшены «художественными» деталями в духе политкорректности как партократического, так и антисоветского образца.

Порой, правда, мы имеем дело и с желанием как-то приукрасить собственную роль. Имеются, скажем, якобы воспоминания Ванникова о том, что якобы накануне принятия решения ГКО об образовании Спецкомитета его вызвал Сталин –

посоветоваться о том, соглашаться ли с предложением Берии о замыкании руководства Атомным проектом на НКВД. Ванников якобы осторожно высказал сомнения относительно целесообразности такого варианта, и Сталин-де к совету прислушался, придя к мысли о «партийном контроле» над проектом.

Подобный стиль выработки решений был, надо сказать, для Сталина не характерен, да и Ванников для Сталина был фигурой не того уровня, чтобы с ним советоваться, да еще – по «атомным» делам, о которых Ванников тогда вряд ли имел внятное представление. При внимательном же взгляде на «достоверное свидетельство» оказывается, что сын Ванникова, умершего в 1962 году, передал эти «воспоминания» некоему В.А. Баранову, а потом они были некритически воспроизведены в книге «Конец атомной монополии. Как это было…», изданной в Российском Федеральном ядерном центре в «Арзамасе-16».

В действительности же уже 25 января 1945 года Сталин впервые лично беседовал с Курчатовым, и в этой беседе принимали участие Берия и Молотов, так что контуры общей схемы Спецкомитета начинали формироваться уже тогда, без мифического «участия» Ванникова. Увы, таких «достоверных сплетен», связанных с «атомным» Берией (как и с Берией вообще), бродит даже по «авторитетной» вроде бы литературе много. И кое-что об этом я впоследствии скажу.

Но что несомненно, так это то, что вся работа по Урановой проблеме с самого начала шла под постоянным контролем Сталина и при его повседневном осведомлении о ходе работ. Вот характерный пример… 31 января 1946 года академик А.И. Алиханов направляет письмо Сталину:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Лаврентий Павлович Берия сообщил мне, что Вас интересуют вопросы о том:

1) какую роль играет в современной физике исследование космических лучей;

2) что в этой области науки было сделано нами;

3) в каких направлениях следует развить эти работы и, наконец,

4) какими мероприятиями можно этой работе помочь.

На первые три вопроса ответы даны в прилагаемой записке; что касается ответа на последний, то он дан в отдельном приложении…»

И далее следовали подробные записка и приложение. По ознакомлении Сталин наложил размашистую резолюцию:

«Согласен. И. Сталин».

А в левом нижнем углу письма идет виза Берии (машинописью): «Вопрос о космических лучах решен Постановлением СНК СССР от 4 марта 1946 года № 503—208сс» и от руки: *«Тов. Махневу. Л. Берия. 4/III 46».*

Собственно, организационно дело было построено так… Все серьезные вопросы рассматривались и подготавливались в аппарате ПГУ, в Секретариате Спецкомитета и в аппарате Технического Совета Спецкомитета.

Затем вопросы рассматривались на очередном заседании Спецкомитета и оформлялись его Протоколом. Заседания созывались по пятницам в 9 часов вечера в Кремле (реально так получалось, впрочем, не всегда). На основании Протокола готовились проекты постановлений ГКО (позднее – Совнаркома, и еще позднее – Совмина) СССР, которые потом передавались на подпись Сталину. Иногда их подписывал Берия.

Штат центрального аппарата ПГУ в 1946 году составлял 762 единицы, из них 50 приходилось на Секретариат, и это было не случайно – от четкой и оперативной работы технических помощников руководства ПГУ зависела в немалой мере и четкость работы ПГУ вообще. Оклады в аппарате были следующими: начальник ПГУ – 4500 рублей, заместители – 4000 рублей, старший инженер – 2000 рублей, чертежник-конструктор – 1200 рублей, уборщица – 400 рублей.

Вначале ПГУ выделили здание в Кривоколенном переулке, а Секретариат Спецкомитета (не ПГУ) сидел в десяти комнатах в Кремле – где находился и Берия, которого атомные обязанности не освободили от обязанностей заместителя Председателя Совнаркома.

ВХОЖДЕНИЕ Лаврентия Павловича в Урановую проблему оказалось постепенным, но прочным. И Берия, как уже сказано, до конца своей общественной жизни оставался компетентным руководителем советской Атомной программы. Но работой спецслужб он при Сталине уже не руководил (да уже и не курировал эту работу в первую голову).

И тут надо сделать разъяснение… В кадрах Специального комитета и его рабочего органа – Первого Главного Управления при Совнаркоме СССР были собраны люди из разных ведомств, в том числе и пришедшие из НКВД и НКГБ. Это было вполне объяснимо – Берия собирал свою «атомную» гвардию отовсюду, где были знакомые ему лично толковые работники. Но теперь они не являлись работниками, например, НКВД. Берия мог в качестве зампред Совмина и председателя Спецкомитета дать

распоряжение наркому (а позднее – министру) внутренних дел Круглову, но – лишь по части «атомных» дел.

Так же было и с вопросами разведки. Берия не распоряжался ею – это было прерогативой министров ГБ Меркулова, Абакумова, Игнатьева, хотя влияние на эту сторону дела имел, потому что пункт 12-й Постановления ГКО, подписанного Сталиным, об образовании Спецкомитета гласил:

«Поручить тов. БЕРИЯ принять меры к организации *закордонной разведывательной работы* (выделенное курсивом вписано от руки. – *С.К.)* по получению более полной технической и экономической информации об *урановой промышленности и атомных бомбах,* возложив на него руководство всей *разведывательной* работой в этой области, проводимой органами *разведки* (НКГБ, Р.У.К.А. и др.)».

Слова «в этой области» жирным шрифтом выделил я. И напомню, что все деловые документы такого рода, подписанные Сталиным, не имели даже оттенка неопределенности. Если сказано: «в этой области», значит, ни один разведывательный материал по атомной тематике не должен был пройти мимо Берии, но – лишь по «атомной» тематике.

Итак, на Берию было возложено общее руководство атомными работами, то есть, фактически, руководство созданием новой отрасли народного хозяйства. И хотя первые атомные работы в

СССР начались еще во время войны и даже до войны, теперь предстояло придать им качественно иной размах.

Разведка урановых месторождений, организация добычи уранового сырья на территории СССР, Германии, Чехословакии, Болгарии, перепрофилирование старых и создание новых заводов и фабрик, новых производств различных материалов (например, требовался графит такой высокой чистоты, которого до этого в стране не производили), обеспечение научных исследований, бытовые условия на «объектах» – ничего из этого нельзя было упускать из виду… И все это входило в сферу постоянного (причем компетентного и деятельного) внимания Председателя Спецкомитета Л.П. Берии.

А то, что сказанное – не дежурная фраза, убедительно доказывают документы. Надо сказать, что «атомный» Берия оказался «документирован» наиболее полно, поскольку сегодня честный исследователь имеет в своем распоряжении капитальное издание «Атомный проект СССР: Документы и материалы…», выходящее в свет в соответствии с Указом Президента РФ от 17.02.95 г. № 160 о работах по выявлению, отбору и опубликованию официальных, ранее строго засекреченных

«атомных» материалов.

Именно их особая засекреченность и спасла их от «внимания» таких выдающихся уничтожителей исторических документов, как Хрущев и хрущевцы, Горбачев и горбачево-ельцинцы. Я пользовался этими материалами очень широко, хотя в книгу вошла лишь немногая часть того, что, уверен, было бы читателю интересно. И как раз изучение упомянутого издания окончательно прояснило для меня подлинный облик выдающегося сына России – Лаврентия Берии. Более того, не имея в своем распоряжении этого массива ***точной*** информации, ничего путного не только об «атомном» Берии, но и вообще о Берии – как организаторе и человеке – написать, пожалуй, невозможно.

В уже вышедших восьми книгах нет воспоминаний, личных мнений. Здесь – только скрупулезно обработанные (с сообщением о всех визах, подписях, пометках, подчеркиваниях, отчерках и т. п.) рассекреченные документы. Грифы: «Совершенно секретно» и «Строго секретно (Особая папка)», «Хранить наравне с шифром». Сведения – конкретные и деловые, хотя порой документы захватывают не менее, чем детективный роман.

Эти увесистые, отлично изданные тома – явление в мировой практике публикации исторических документов, вне сомнения, уникальное прежде всего потому, что немало лет подряд их готовят к печати не историки, а «атомные» профессионалы, упоминавшиеся мной крупный физик-оружейник, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда доктор наук Герман Арсеньевич Гончаров и полковник Павел Петрович Максименко. Их работа полностью лишена субъективизма, конъюнктурности и непрофессионализма и отличается тщательностью и полным пониманием того, о чем идет речь в обнародуемых ими документах из архивов «атомных» ведомств, а также – разведки.

И из тысяч писем, докладных, протоколов, докладов, постановлений и распоряжений, адресованных Берии или подписанных им, ДОКУМЕНТАЛЬНО проясняется ведущая роль Лаврентия Павловича и в решении первой, наиболее актуальной задачи – создании атомной бомбы, и в решении еще более сложной и величественной задачи – создании отечественной атомной отрасли.

Визы и пометки показывают, что руководитель Атомной программы умел организовать работу нового огромного дела блестяще, вникая при необходимости в мелочи, при необходимости – глядя на вопрос широко. И подчеркиваю – *без каких-либо намеков на карательные меры!*

Конечно, исходящие документы за подписью Председателя

ПГУ готовили другие (это стандартная практика). Но подписывал он их отнюдь не механически, так же как многочисленные *входящие* документы на его имя несут на себе следы вдумчивой работы адресата над ними (обильные подчеркивания, отчерки и, главное, – деловые и умные резолюции и распоряжения, свидетельствующие об адекватном усвоении Лаврентием Павловичем сути вопроса).

ВОТ я открываю книгу первую II тома документов и материалов Атомного проекта, где на страницах 242–255 приведены три Протокола (№ 53, 54 и 55) заседаний Специального комитета при Совете Министров СССР от 28 января, 7 февраля и 27 февраля 1948 года, и выписываю перечень рассматривавшихся вопросов с указанием тех, кто имел к ним отношение.

Обращаю внимание читателя, что порядок фамилий каждый раз определяется не иерархией, а уровнем вовлечения и ответственности того или иного лица. Так, в Протоколе уже № 56 по вопросу IV «О мероприятиях по изготовлению трубчатых фильтров» записаны ответственными «тт. ***Берия***, Первухин», а по вопросу V «Об организации опытного производства коррозионноустойчивых материалов для прокладок в аппаратуре комбината № 817 и завода № 813» – «тт. Первухин, *Берия*».

И сразу же предупрежу читателя, что ниже привожу первый, но не последний утомительный для чтения перечень. А что делать?! Или мы хотим понять – кем и чем был Берия в истории страны, и тогда мы разбираемся с этим «без дураков»! То есть – ПО ДОКУМЕНТАМ!!! Или…

Ну, уверен, что среди читателей этой книги не будет тех, кому знакомство с нижеследующим покажется неинтересным. Итак (без разбивки по датам), все вопросы трех рядовых заседаний Спецкомитета:

О плане работ КБ-11 (тт. Харитон, Зернов, Махнев, Александров, Маленков, Вознесенский, Первухин, *Берия)*.

О плане специальных работ на 1948 г. (тт. Борисов, Маленков, *Берия*, Первухин, Завенягин, Вознесенский, Круглов, Махнев, Черепенев)

О мероприятиях по обеспечению в 1948 г. работ по исследованию космических лучей (тт. *Берия*, Маленков, Вавилов, Первухин, Круглов, Борисов).

Об отселении из режимной зоны комбината № 817 (тт. Родионов, *Берия)*.

Об изменении границ Учебного полигона № 2 МВС СССР (тт. Антонов, *Берия*, Первухин, Махнев).

О сроке разработки оперативного плана проведения исследований на Учебном полигоне № 2 МВС СССР (тт. *Берия*, Первухин).

О порядке финансирования спецстроительств МВД СССР (тт. Завенягин, *Берия*, Вознесенский, Круглов)

О мерах помощи Научно-исследовательскому вакуумному институту Министерства электропромышленности в выпуске опытных образцов высоковакуумного оборудования (тт. Борисов, Комаровский, Мещеряков, *Берия)*.

О выделении иностранной валюты ПГУ на 1948 г. (тт. *Берия*. Вознесенский, Первухин).

Записка т. Ванникова (тт. *Берия*, Вознесенский, Маленков).

О выделении заводу № 544 турбогенератора (тт. Жимерин, Клочков, Завенягин, Первухин, *Берия)*.

Об организации в Минфине СССР управления по финансированию и контролю за расходованием специальных средств, редких и драгоценных металлов (тт. *Берия*, Вознесенский).

О мерах обеспечения кадрами комбината № 817 и завода № 813 (тт. Первухин, *Берия*, Ванников, Вознесенский, Пронин, Круглов, Мешик, Курчатов, Завенягин).

Об организации производства высокоогнеупорных изделий (тт. Вознесенский, *Берия*, Тевосян, Ванников, Митраков, Борисов).

О плане научно-исследовательских работ на установке «Мс» в 1948 г. (тт. Курчатов, *Берия)*.

О ходе сооружения установки «М» (тт. Минц, *Берия*, Кабанов, Ванников, Махнев).

О разработке месторождений Б-9 (торий. – *С.К.)* на территории треста Якутзолото МВД СССР (тт. *Берия*, Маленков, Круглов, Мамулов, Мелик-Степанов, Ломако, Малышев, Ванников).

О мерах обеспечения охраны гидроксилина (тяжелая вода. – *С.К.)* (тт. Первухин, *Берия*, Круглов).

Об использовании репатриантов и спецпереселенцев на строительстве объектов Первого главного управления (т. *Берия)*.

О плане добычи П-9 (кодовое наименование урановой руды. – *С.К.)* в Польше (тт. *Берия*, Завенягин).

О результатах проверки анонимного письма о непорядках в Советском акционерном обществе «Висмут» (тт. Мешик, Вознесенский, Маленков, *Берия)*.

И так в каждом Протоколе: то или иное участие Лаврентия Павловича предусматривалось в решении практически ***всех*** вопросов, находящихся в поле зрения Спецкомитета. Поэтому мы вправе и даже обязаны сказать сегодня: создание атомной

отрасли и решение Атомной проблемы – это итог комплексных усилий сотен тысяч наших соотечественников: ученых, инженеров, разведчиков, строителей, производственников, но личный вклад в этот коллективный успех Л.П. Берии надо определить как выдающийся.

Он умел объединить работу многих в единое целое. И тем, что Советский Союз ликвидировал атомную монополию США так быстро, мы обязаны его организаторскому и человеческому таланту.

Ликвидация угрозы диктата США была тогда действительно вопросом жизни и смерти России! Уже в 1949 году, когда первая бомба была испытана, Сталин как-то сказал в узком кругу, что если бы мы запоздали со своей бомбой на год-полтора, то, наверное, «попробовали» бы ее на себе. Так оно и было бы.

22 февраля 1946 года временный поверенный в делах в Советском Союзе Джордж Кеннан направил из Москвы телеграмму государственному секретарю США. Известная как «длинная телеграмма Кеннана», записка в Вашингтон была опубликована летом 1947 года журналом «Foreign Affairs» в виде статьи «Источники советского поведения» под знаменитым псевдонимом «X». Кеннан, обвиняя Москву в нечувствительности к «логике разума», утверждал:

«Не будучи спровоцированным силами нетерпимости и подрывными силами, «капиталистический» мир сегодня вполне в состоянии жить в мире с самим собой и с Россией».

А 27 сентября 1946 года посол СССР в США Н. Новиков записку, направленную им в Москву по запросу министра иностранных дел Молотова, начинал с противоположной констатации:

«Внешняя политика США, отражающая империалистические тенденции американского монополистического капитала, характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господству…»

Последние два слова Молотов подчеркнул, и они действительно отражали суть ситуации. Первый план ядерного удара по СССР «Тоталити» был разработан в США к концу 1945 года. 20 атомных бомб должны были быть сброшены на 17 городов СССР, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов…

И далее пошло: июль 1946 года, план «Пинчер» (Клещи»)… 50 бомб по 20 городам (Москва, Баку, Уральский промышленный район и т. д.) в период с середины 1946 года по середину 1947 года.

Конец 1948 года: план «Сиззл» («Испепеляющий жар»). 133

бомбы по 70 городам (на Москву 8 бомб, на Ленинград – 7).

И так далее – по нарастающей. И все эти планы разведка министра ГБ Абакумова укладывала на стол Сталина. Получал эти материалы и зампред Совмина, председатель Спецкомитета Берия.

Летом 1947 года США предложили Европе план Маршалла, имеющий целью ее экономическую пристяжку к США. Россия его отклонила, да иного при такой направленности плана Маршалла и быть не могло. План Маршалла прокладывал линию и к НАТО.

К началу 1950 года Объединенный комитет начальников штабов разработал план «Дропшот» («Моментальный удар»), главной целью которого была ликвидация Советского Союза как государства в четыре этапа.

Первым этапом должна была стать атомная бомбардировка 200 наших городов при использовании 300 атомных бомб с уничтожением до 85 процентов экономического потенциала. Прошу читателя представить себе, какой вид приобрела бы тогда наша Родина.

То есть противостояние оформилось окончательно, но винить в этом русских могли или негодяи, или глупцы. Россия только что завершила такую войну, что… Ах, да понятно что!

В некотором отношении пять военных лет жизни СССР укладывались в несколько колонок цифр экономического развития страны, исчисленных в процентах по отношению к 1940 году. И вот какой была картина по годам:

	1941	1942	1943	1944	1945
Национальный доход	92	66	74	88	83
Валовая продукция промышленности	98	77	90	104	92
в т.ч. наркоматов авиационной, танковой промышленности и промышленности вооружения и боеприпасов	140	186	224	251	—
Капитальные вложения в народное хозяйство	86	53	53	72	89
Доходы Государственного бюджета	98	92	113	149	68

Все военные годы резко и непрерывно росло, как видим, лишь военное производство – в ущерб всему остальному. Но война закончилась. И пусть не смущает читателя падение национального дохода валовой продукции промышленности в 1945 году – это было благотворное падение, потому что оно означало начало мирной перестройки экономики. И это выразилось в росте цифры капитальных вложений в народное хозяйство и в росте доходов бюджета. Однако половина экономически развитой части России лежала пока что в развалинах…

В 1939 году мы производили 43,2 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, а в 1945 году – тоже 43,3 миллиарда. Стали в 1945 году мы выплавляли 12,3 миллиона тонн против 17,6 в 1939 году, нефти добывали 19,4 миллиона тонн вместо 30,3 миллиона тонн. Зерновых всех видов собирали 47,3 миллиона тонн против 97,4 миллиона тонн в 1937 году.

О какой «агрессивности» России могла идти речь?

Но свою бомбу нам иметь надо было. И – как можно скорее…

ТОЛЬКО классический «демократический» политолог или журналист, никогда в жизни не поднимавшие ничего тяжелее коньячной рюмки и подола женской юбки, могут думать, что большие научно-технические проекты реализуются в одночасье и благодаря «гениям» типа Андрея Сахарова или Льва Ландау. На самом деле успех в такого рода проектах обеспечивается повседневной разветвленной работой, в которую включены:

– десятки человек как основные генераторы идей по всем направлениям;

– сотни человек как ключевые, сложно заменимые исполнители, призванные разрабатывать основные идеи и рождать идеи частные;

– тысячи человек как помощники этих исполнителей и, наконец, десятки и сотни тысяч техников и рабочих в конструкторских бюро и НИИ, на заводах и стройках, которые выполняют конкретные указания и работают по четко сформулированным заданиям.

Но вся эта работа идет успешно тогда, когда у нее есть подлинный лидер. Берия им был. Все важные организующие документы Урановой проблемы представляют собой постановления и распоряжения Совета Министров СССР, подписанные Сталиным как Председателем Совмина, или Берией как заместителем Председателя Совмина. Но в любом случае они шли через Берию. Кроме того огромен массив писем Берии Сталину, протоколов Специального Комитета, подписанных

Берией, писем на имя Берии. Иногда документы непосредственно Сталину направляли, например, Ванников и Первухин, но их все равно просматривал председатель Спецкомитета. Безусловно, он был не в состоянии внести какие-то технические коррективы в то или иное постановление – этой стороной дела ведали специалисты по частным вопросам. Но Берия вникал в них так, что всегда был способен или одобрить верное решение, или принять его самому.

Скажем, без сверхчистого графита нет реактора для наработки плутония… А сверхчистого графита нет без нового технологического оборудования. А этого оборудования нет без новых методов очистки… А эти методы должны разработать химики и инженеры, которые за свою жизнь и близко не подойдут к атомной бомбе и даже могут не знать, что являются непосредственными участниками проекта создания атомной бомбы.

Берия не решал эту груду «графитовых» проблем, но он должен был о них знать, Так же как и обо всех других проблемах – более или менее существенных. А их было удручающе много.

Вот я открываю наугад книгу 3-ю тома II документов и материалов «Атомный проект СССР» на странице 173 и, листая страницы, начинаю выписывать лишь номера и названия документов, напомнив читателю, что «А-9» – кодовое наименование природного урана, а «Б-9» – кодовое наименование тория (такие кодовые замены наименований всех специальных «атомных» материалов были для документации ПГУ стандартной практикой).

Итак, начнем…

Постановление СМ СССР от 24 марта 1947 года № 656-232сс «О производстве специальных мощных ртутных выпрямителей для нужд Первого главного управления при Совете Министров СССР» (подписано Сталиным).

Постановление СМ СССР от 24 марта 1947 года № 657-233сс «Об организации производства А-9 из криворожских железных руд» (подписано Сталиным).

Распоряжение СМ СССР от 25 марта 1947 года № 2919-рс о передаче охраны зданий ПГУ при СМ СССР Министерству внутренних дел СССР (подписано зам. пред. Совмина Берией).

Распоряжение СМ СССР от 29 марта 1947 года № 3183-рс о поисковых и разведочных работах на А-9 и Б-9 в районе Ванчского хребта на Памире (подписано зам. пред. Совмина Берией).

Распоряжение СМ СССР от 9 апреля 1947 года № 3745-рс об утверждении контингентов, принятых на централизованное снабжение (в том числе иждивенцев взрослых в Москве,

Ленинграде и 43 городах – всего 16 220 человек и детей до 12 лет всего 23 770. ***– С.К.),*** и лимитов дополнительного питания на II кв. 1947 г. (подписано Сталиным).

Письмо Л.П. Берии И.В. Сталину от 19 апреля 1947 года с представлением на рассмотрение проекта постановления СМ СССР о мероприятиях по обеспечению сооружения установки «М» (мощный циклотрон с весом электромагнита 6–7 тысяч тонн для ускорения элементарных частиц до энергий 250 Мэв, строительство которого намечалось в районе Иваньковской ГЭС в 125 км от Москвы. ***– С.К.).***

Письмо Л.П. Берии И.В. Сталину от 19 апреля 1947 года с представлением на рассмотрение проекта постановления СМ СССР «Об организации на заводе № 92 (Горьковский машиностроительный завод, изготавливавший диффузионные машины для обогащения урана. – *С.К.)* Министерства вооружения серийного производства специальных турбокомпрессоров и мерах помощи этому заводу».

Распоряжение СМ СССР от 20 апреля 1947 года № 4285-рс о проведении разведки на А-9 и об организации опытной добычи А-9 в Северной Карелии (подписано зам. пред. Совмина Берией).

Хватит, уважаемый читатель?

Думаю, да…

А ведь мы, пролистав десяток страниц, остановились всего-то на странице 184 одного лишь тома объемом в 895 страниц. А всего этих страниц в семи непосредственно «бериевских» томах более шести тысяч, на которых размещены только *рассекреченные*, специально *отобранные для публикации* документы, многие из которых шли через Сталина и *все* — через Берию!

Многие из них имеют весьма интригующие заголовки, например:

«Указание Л.П. Берия Б.Л. Ванникову, М.Г. Первухину и А.П. Завенягину по работе с немецкими специалистами», август 1946 года;

«О поисках месторождения урана с самолета», август 1946 года;

«О результатах работы Геофизической комплексной экспедиции», октябрь 1946 года;

«О добыче руды висмута и кобальта в Саксонии (в Советской зоне оккупации Германии)», октябрь 1946 года;

«О строительстве аффинажного завода на базе складов Военно-Морских Сил», август 1947 года;

«Письмо В.А.Махнева Л.П.Берии о программе разработки генерального плана использования атомной энергии на 20 лет», сентябрь 1947 года;

«Об организации радиологического кабинета при биологическом отделении АН СССР», октябрь 1947 года;,

«Докладная С.И.Вавилова Л.П.Берия о публикации результатов исследований по космическим лучам», февраль 1948 года…

И т. д. и т. п.

ТЕПЕРЬ ЖЕ я – утомлять читателя, так утомлять! – уже не наугад, а после сознательного отбора примера приведу заголовки разделов и подразделов отчета от 23 декабря 1946 года Курчатова, Ванникова и Первухина на имя Сталина о состоянии работ по проблеме использования атомной энергии за 1945–1946 годы:

I. Сырьевая база урана Месторождения урана в СССР Месторождения урана за границей Предприятия по добыче урановой руды Получение чистого металлического урана Торий

II. О работе по уран-графитовому котлу.

Работа по защите урановых блоков от коррозии Изготовление чистого графита Работы по получению чистого графита

Изучение с помощью испытательных стендов гидродинамических вопросов проекта

Изучение устойчивости против коррозии материалов, применяемых для изготовления уран-графитового котла и устойчивости против действия излучения

Транспортировка продукта из котла Проектирование водоочистки Регулирование мощности котла Выделение плутония из котла

Строительство уран-графитового котла и завода № 817 *(прошу читателя запомнить этот номер. – С.К.)*

III. О разделении по диффузионному методу разделения изотопов

Диффузионный метод разделения изотопов Работа Лаборатории № 2 АН СССР и привлеченных организаций по диффузионному методу

Основные элементы разделительного завода Сырье – шестифтористый уран Проблема фильтров

Нагнетатели (компрессоры), уплотнение и смазка Работы на заводе им. Сталина в Горьком Смазочные и затворные жидкости Анализ обогащения легких изотопов Автоматическое регулирование процесса

IV. Электромагнитные методы разделения изотопов и электромагнитные установки

Основные задачи

Институты, конструкторские бюро и лаборатории, участвующие в разработке методов и их задачи Разработка новых методов расчета Работа сектора № 5 Лаборатории № 2 Работа сектора № 1 ЛФТИ Работа ОКБ завода «Электросила»

Работа Центральной вакуумной лаборатории Новые установки для развития ядерной физики Необходимость организации вакуумной промышленности

V. О состоянии работ по производству тяжелой воды

Назначение тяжелой воды

Научно-исследовательские и другие организации, работающие над тяжелой водой

Методы получения тяжелой воды Получение методом электролиза воды

Установка по окончательному концентрированию тяжелой воды ЧЭХК (Чирчикский электрохимический комбинат. – ***С.К.)*** Строительство новых заводов электролиза Электролиз воды с изотопным обменом Московский электролизный завод Получение тяжелой воды методом дистилляции воды Получение тяжелой воды методом ректификации воды из азотно-водородной смеси

Получение тяжелой воды методом дистилляции аммиака Физико-химический институт им. Карпова Институт физических проблем АН СССР

VI. О состоянии работ, ведущихся в КБ-11 при Лаборатории № 2 АН СССР

Размещение работ Состояние работ

Разработка элементов составного заряда из обычных взрывчатых веществ

Разработка методики исследование процессов сжатия металла взрывом

Разработка электродетонаторов

Разработка высоковольтной установки для подрыва детонаторов

Разработка конструкции корпуса атомной бомбы Разработка одновременного выстрела из двух стволов Разработка взрывателя, срабатывающего на данной высоте Разработка нейтронного взрывателя Расчетно-теоретические работы

VII. Научно-исследовательская работа в области использования атомной энергии и развития молекулярной

физики

Работа Ленинградского ФТИ Электролитический метод разделения Работа Харьковского ФТИ Работа Радиевого института АН СССР Работа Лаборатории № 2 Работа Лаборатории № 3

VIII. Работа по вопросам защиты от радиации

IX. Об использовании немецких специалистов

Размещение немецких специалистов в СССР и организация научных учреждений

Группа доктора Риля

Институт «А» (директор – профессор Арденне. – *С.К.)*

Институт «Г» (директор – лауреат Нобелевской премии 1925 года профессор Герц. – *С.К.)*

Лаборатория «В» (научный руководитель – профессор Позе. – *С.К.*).

Не знаю, хватило ли у читателя сил за один присест прочесть план этого отчета Сталину, занимающего 67 страниц в книге третьей II тома документов советского Атомного проекта. А ведь Берия его внимательно, с карандашом в руках, изучил! И все для того, чтобы потом отдать распоряжение, зафиксированное на оборотной стороне последнего листа секретарем Спецкомитета генералом Махневым: *«По указанию т. Берия Л.П отчет никуда не посылался. В. Махнев».*

И такое решение было вполне оправданным – отчет получился избыточно – для Сталина – подробным. Зато для Берии и его сотрудников он был вполне приемлем и полезен, позволив еще раз охватить все проблемы и задачи сразу.

Ну, как, спрошу я читателя, очень все это напоминает круг интересов и образ жизни «монстра», «дьявола», «вурдалака», «палача»? Да плюс – еще и «сексуального маньяка», только и думающего о том, какую бы еще девятиклассницу приказать затащить в свой «черный ворон»…

МИМО Берии не проходили вопросы, даже, казалось бы, второстепенные. Так, 10 апреля 1948 года директор Лаборатории № 3 АН СССР академик Алиханов обращался к «заместителю Председателя Совета Министров СССР товарищу Берия Л.П.» с подробным письмом, обосновывающим необходимость издания «в закрытом виде ряда руководств по различных вопросам производства атомной энергии и, в первую очередь, с просьбой о разрешении издания в закрытом виде для служебного пользования книги А. Ахиезера и И. Померанчука».

Имелась в виду монография по общей теории реакторов, и Берия поручил неизменному В.А. Махневу (о нем еще будет сказано) направить копию письма Алиханова «на заключение Научно-технического совета».

Что понимал Берия в теории реакторов? Он имел о процессах, в них происходящих, более чем общее представление и сознавал это. И остальные сознавали. И Алиханов – тоже.

Однако Алиханов знал – обратись к другому, «замотают» надолго. Да так оно и было, потому что академик пояснял:

«Эта книга (Ахиезера и Померанчука. – *С.К.)*… является чрезвычайно ценной и полезной, а между тем рукопись без всякого движения лежит в архиве Техсовета, и до сих пор не предпринято никаких шагов к ее изданию в закрытом виде для служебного пользования. Это обстоятельство не дает возможности пользоваться книгой ни научным сотрудникам, ни студентам».

Вот почему Алиханов написал прямо Берии, зная, что тот решит все оперативно. Причем Лаврентий Павлович не стал ведь вникать в суть дела – в ней он не разбирался. Но решил компетентно – как управленец! Не возмутился «мелочностью» темы письма, а переадресовал его через Махнева Завенягину и в Научно-технический совет. Понимая, что коль уж «вопрос» попал в поле зрения Берии, то больше «без всякого движения» лежать не будет – сами не решат, так генерал Махнев кому надо напомнит.

И здесь, пожалуй, надо сказать хотя бы несколько слов о самом Василии Алексеевиче Махневе – человеке скромном, но, по мнению людей сведущих, уникальном. Вятич, 1904 года рождения (умер в 1966 году), после окончания в 1926 году Института народного хозяйства и работы в Вятке и Горьком в системе рабоче-крестьянской инспекции, в 1940 году он стал заместителем Комитета советского контроля при СНК СССР. В 1941–1945 годах был заместителем наркома боеприпасов, будучи с 1942 года одновременно заместителем члена ГКО Берии.

С 1945 года Махнев – член Спецкомитета и начальник его секретариата. В 1949 году после испытания первой атомной бомбы он стал Героем Социалистического Труда, в 1951 году – лауреатом Сталинской премии I степени, а в 1953 году – II степени.

Как я понимаю, он был для Берии чем-то вроде Поскребышева для Сталина. Возможно, его можно назвать и «серым атомным кардиналом» Берии, не забыв при этом, что, хотя «серое преподобие» Жозеф дю Трамбле и был крайне умен, великим был его шеф – сам кардинал Ришелье.

Французы говорят: «Каков хозяин – таков слуга». И Василий

Махнев был достойным слугой – не Берии, а России, Советского Союза.

ЧИТАТЕЛЬ уже знаком с Андраником Петросьянцем. Берия хорошо знал его еще по Наркомату танковой промышленности, а потом – по совместной работе в Государственном Комитете Обороны и в конце 1946 года добился его перевода в атомную отрасль. В ПГУ Петросьянц обеспечил сооружение и ввод заводов № 813 и № 418 по диффузному и электромагнитному разделению и обогащению урана-235, а почти через десять лет после смерти Берии, в 1962 году, стал председателем Государственного комитета СССР по использованию атомной энергии. Ранее я приводил его оценку роли и заслуг Берии во время войны. А вот как он же сказал об «атомном» Берии:

«Берия… сумел полностью оправдать доверие Сталина, использовав весь научный потенциал ученых ядерной науки и техники… Он придал всем работам по ядерной проблеме необходимые размах, широту действий и динамизм. Он обладал огромной энергией и работоспособностью, был организатором, умеющим доводить всякое начатое им дело до конца. Часто выезжал на объекты, знакомился с ходом и результатами работ, всегда оказывал необходимую помощь и в то же время резко и строго расправлялся с нерадивыми исполнителями, невзирая на их чины и положение. В процессе создания первой советской ядерной бомбы его роль была в полном смысле слова неизмеримой. Его усилия и возможности в использовании всех видов и направлений отраслей промышленности страны в интересах создания ядерной индустрии, научно-технического потенциала страны <…> обеспечили ему полную свободу действий и победу советскому народу в этой научно-технической эпопее…»

Увы, уважаемый читатель, я и в этой характеристике Берии Петросьянцем кое-что выпустил. Вместо многоточия в жирных угловых скобках текст Петросьянца таков: «… и громадных масс заключенных, страх перед ним…»

Насчет «страха» – это, увы, малодушный экивок академика Петросьянца в сторону разгулявшейся к 1995 году «демократии». И если перед мысленным взором читателя по прочтении слов «расправлялся с нерадивыми исполнителями…» встает густая «лагерная пыль», то я могу уверить его, что глаза ему закрывать не стоит – эта пыль глаза не выест по причине отсутствия ее наличия. Я позднее приведу примеры, подтверждающие только что сказанное, но, затронув эту тему, сразу скажу следующее…

Объективное изучение рассекреченных документов и ***конкретные*** (без общей «лагерной пыли») воспоминания тех из атомщиков, кто прямо имел дело с Берией, позволяют сделать вполне однозначный вывод о том, что роль Лаврентия Павловича Берии в советском Атомном проекте была не только выдающейся – это очевидно, но и вполне положительной с позиций обеспечения нормального делового климата в отрасли.

Вот как, например, происходило назначение Бориса Глебовича Музрукова директором комбината № 817.

Комбинат № 817, он же: Государственный химический завод, объект № 859, «Проект № 1859 Горно-обогатительного завода», База-10, завод «А» или «агрегат № 1» – это комплекс сооружений первого промышленного реактора – наработчика плутония, построенный в 16 километрах в востоку от города Кыштым на берегу озера Кызыл-Таш в Челябинской области. Современное его название: производственное объединение (ПО) «Маяк». Возникший при комбинате закрытый город впоследствии был назван Челябинск-40 (ныне Озерск) – в просторечии «сороковка».

Между прочим, Василий Васильевич Чернышев, заместитель вначале наркома внутренних дел Берии, а затем – министра внутренних дел Круглова (К. Залесский в своем биографическом словаре называет генерала Чернышева «хозяином миллионов рабов ГУЛАГа»), в 1947–1949 годах практически постоянно жил в «сороковке» вместе с семьей, контролируя ход строительства атомных предприятий Южного, Среднего и Северного Урала. Скончался он всего 56 лет от роду в 1952 году (такие его бывшие «рабы», как, например, Лев Разгон, благополучно загрязняли умы и души сограждан даже в 90-е годы прошлого века).

Берия на этот «объект» приезжал не раз, и он у него был на особом счету, потому что при всей общей грандиозности проблемы ее ключевым и наиболее дорогостоящим звеном оказывалось получение в необходимых количествах активных, делящихся оружейных материалов – высокообогащенного урана-235 и плутония.

Здесь – в отличие от работ по схеме и конструкции атомной бомбы – было меньше «тонкой» науки, зато много «грубой» организационной рутины, которая постоянно грозила превратиться в паутину. И здесь Берия был способен без консультаций ученых увидеть резервы ускорения и оптимизации, в том числе – и кадровые.

Одно время «объект» лихорадило. Главный инженер Славский и уполномоченный Совмина Ткаченко (тот самый, во время войны приезжавший в Ижевск, генерал НКВД) направляли Берии докладные о неблагополучии.

Несколько отвлекаясь от рассказа о Музрукове, я приведу указание Берии от 27 июня 1947 года, которое не подписано им, а ***написано*** им:

«Тт. Круглову (созыв), Ванникову, Завенягину, Чернышеву (замминистра внутренних дел. – *С.К.),* Борисову (ПГУ и Госплан СССР. – С.*К),* Комаровскому (крупный строитель, начальник Главпромстроя НКВД СССР. – *С.К.)*.

1. Срочно рассмотрите докладные записки тт. Славского и Ткаченко и доложите о принимаемых мерах по ускорению и упорядочению строительных работ на строительстве № 859.

2. Свяжитесь с тт. Хрулевым (начальник тыла Советской Армии. – *С.К.)* и Кафтановым (министр высшего образования СССР. – *С.К.)* и вместе с ними разработайте меры дополнительной посылки на строительство № 859 необходимого количества младшего и среднего инженерно-технического состава из оканчивающих вузы молодых строителей, а также из числа командиров военно-строительных батальонов.

3. Тов. Круглову командировать заместителя министра МВД СССР т. Чернышева сроком на 2–3 месяца на строительство № 859 для усиления руководства строительством и принятия на месте всех необходимых мер по обеспечению окончания строительно-монтажных работ в установленные Правительством сроки.

4. Тт. Чернышеву, Завенягину, Курчатову, Комаровскому, Борисову, выезжающим на строительство, на месте рассмотреть состояние дела строительства и монтажа завода № 817, принять необходимые меры и о результатах доложить.

Тов. Круглову и тов. Ванникову взять под свой контроль ход строительно-монтажных работ по заводу № 817 и каждые 10 дней докладывать о положении дел на этом строительстве и о принимаемых мерах.

Л. Берия».

Однако положение не улучшалось, и 8 июля 1947 года Берия впервые приехал на Базу-10 сам, отстранил от должности директора П.Т. Быстрова (он остался в замах) и назначил на его место Ефима Павловича Славского (мы не раз еще с ним встретимся). Однако у Славского тоже появились проблемы, и на Урал выехал. А. Малышев – нарком транспортного машиностроения, без пяти месяцев – зампред Совмина СССР.

Возник конфликт уже между властным Малышевым и крайне уверенным в себе Славским. Вячеслав Александрович позвонил Берии и предложил немедленно Славского снять. В результате на комбинат 20 октября 1947 года вновь прибыл Берия. И тут

Малышев предложил заменить Славского Музруковым, хорошо знакомым Берии и Малышеву с войны по танковым делам, по «Уралмашу». Лаврентий Павлович согласился, обратился к Сталину и, получив его согласие, вызвал Музрукова в Москву.

Выслушав предложение (не приказание!) Берии, Борис Глебович призадумался – дело было для него новым. И вот как поступил Берия… Он не топал ногами (думаю, он вообще никогда ни ногами не топал, ни кулаками по столу не стучал – не его стиль). Он и приказывать не стал. Он вначале свел Музрукова и Курчатова. И Игорь Васильевич провел оперативный и внятный «ликбез» потенциального коллеги. Лишь после этого Музруков пришел к Берии и дал согласие при двух условиях.

Первое… Курчатов и до этого формально числился научным руководителем комбината, однако Музруков попросил назначить его своим заместителем «по делу» (естественно, заручившись согласием Курчатова).

Второе… Ответственные представители генерального проектировщика комбината – ГСПИ-11 и генерального разработчика оборудования – НИИхиммаш, а также и самого ПГУ будут руководить строительством и монтажом не из Ленинграда и Москвы, а на месте, быстро решая с Музруковым все «больные» вопросы.

Вначале Славского хотели понизить сильно (до главного инженера одного из заводов комбината), но Музруков попросил Берию оставить его главным инженером всего комбината. Славский работал самоотверженно (облучения тогда хватало на комбинате на всех, включая начальство!), стал Трижды Героем Социалистического Труда, первую Звезду получив при Берии. Но, будучи человеком, увы, злопамятным, Славский держал потом обиду на Музрукова всю жизнь, а ведь с течением лет Ефим Павлович стал «атомным» министром. И Музруков, имея одну Звезду Героя Труда за танки и вторую – за первый советский плутоний, так и не получил заслуженной третьей Звезды за руководство с 1955 по 1972 год крупнейшим оружейным центром в «Арзамасе-16».

Впрочем, последний факт к Берии отношения не имеет, а вот то, что Берия не только не вскипел по поводу условий Музрукова, а полностью с ними согласился, обещав полную поддержку, говорит о том, что нездоровых амбиций для Лаврентия Павловича не существовало.

Зато нездоровых сплетен вокруг имени Берии впоследствии было наплетено много. И то же смещение Славского даже некоторые заслуженные ветераны-оружейники в позднейших мемуарах (!) описывали так, что инициатором снятия Славского

оказывался, причем – по вздорному поводу, Берия, который повел себя со Славским якобы грубо.

Нет, Лаврентий Павлович исходил из соображений дела и уважал всех, кто мыслил так же… И если они были людьми идеи, то он прощал им даже серьезные промахи. Так, уже будучи директором комбината № 817, Музруков опрометчиво, без санкции ПГУ, провел переговоры о возможности приглашения на работу человека, в «режимном» отношении сомнительного. Этот случай разбирался даже Сталиным, но все окончилось строгим внушением о недопущении подобного впредь.

Всего в «сороковку» Берия приезжал четыре раза. Второй приезд 20 октября 1947 года закончился назначением Музрукова. Третий раз Берия приезжал в октябре 1949 года – лично наградить людей за их героический труд.

Что показательно – в «Челябинске-40» Берия провел тогда беспрецедентное по повестке дня 86-е заседание Специального Комитета. Оно стало одним из немногих выездных, и хотя его протокол отпечатан на стандартном бланке с типографской позицией «г. Москва, Кремль», тут она перечеркнута и сверху напечатано: «Комбинат № 817».

Все заседание было посвящено одному вопросу, а протокол его настолько выразителен, что я приведу его полностью! Старожилы «сороковки», если уж вспоминать легенды, рассказывали, что все закрутилось после того, как Берия, зайдя в магазин, стал свидетелем недовольства кого-то из горожан скудноватым ассортиментом гастрономического отдела. Думаю, что это все же легенда. Зато протокол – достоверный исторический документ.

Вот он:

«Комбинат № 817
22 октября 1949 года
Строго секретно
(Особая папка)

Присутствовали: тт. Берия Л.П.; Ванников Б.Л., Курчатов И.В., Махнев В.А.

Присутствовали (при рассмотрении соответствующих вопросов): зам. председателя Госплана Союза ССР т. Борисов, пом. заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР т. Сазыкин, начальник Главпромстроя МВД СССР т. Комаровский, секретарь обкома ВКП(б) т. Белобородов, директор комбината № 817 т. Музруков, начальник строительства МВД СССР № 247 т. Царевский, гл. инженер комбината т. Славский, уполномоченный

Совета Министров Союза ССР т. Ткаченко, зам. директора комбината Быстров, зам. директора комбината по кадрам т. Сурмач, начальник политотдела комбината т. Морковин, начальник политотдела строительства т. Антонов, замдиректора комбината по рабочему снабжению т. Смирнов, пом. директора комбината по быту т. Овчинников, начальник медсанчасти комбината т. Моисейцев, начальник конторы торгпита строительства т. Розенталь, зам. начальника конторы торгпита строительства т. Иванов.

О жалобах на недостатки в торговле, медицинском и культурно-бытовом обслуживании рабочих и служащих комбината № 817

(т. Берия)

1. Поручить тт. Костыгову, Музрукову, Царевскому, Честных и Паничкину в 5-дневный срок проверить имеющиеся сигналы о фактах неудовлетворительного состояния торговли, медицинского и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих комбината № 817 и строительства, принять в оперативном порядке меры по устранению недостатков и привлечению виновных в этих недостатках к ответственности.

Предложения о мерах по решительному улучшению торговли и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих комбината и мерах укрепления руководства этими участками представить в Совет Министров Союза ССР в 7-дневный срок.

2. Обязать Первое главное управление при Совете Министров Союза ССР в месячный срок вновь проверить состояние торговли и культурно-бытового обслуживания рабочих и служащих комбината и о результатах доложить.

Председатель Специального комитета при Совете Министров СССР *Л.Берия».*

Сам состав вызывавшихся на заседание говорит о том, что это было полностью «социальное» мероприятие и там не забыли ни один из социальных вопросов. И читатель может не сомневаться – заседание было проведено по инициативе Берии. Он ведь еще в 1920 году в Баку занимался улучшением быта рабочих. И уроки тех дней усвоил так, как их и обязан усваивать настоящий общественный лидер-большевик.

Конечно, значение необычного по месту проведения и по повестке дня заседания Спецкомитета выходило далеко за рамки жизни только «сороковки». Молва о том, что Берия провел у Музрукова такое мероприятие, разнеслась, естественно, по всей отрасли, этот факт приняли к сведению все директора всех

«атомных» объектов, чтобы самим не попасть в неловкое положение. Думаю, что и этим соображением руководствовался Лаврентий Павлович, собирая на 817-м комбинате его руководство для участия в 86-м заседании Спецкомитета.

А вот в Саров («Арзамас-16»), в КБ-11 к генералу Зернову и профессору Харитону он не приехал ни разу. Легенд на сей счет тоже хватает, но то, что Берии в центре разработки непосредственно атомной бомбы не было ни разу, точно документировано.

Он не хуже Курчатова, в полной мере допущенного ко всей разведывательной «атомной» информации из США, знал, что работоспособная конструкция непосредственно Бомбы будет разработана – ведь кроме своих идей в распоряжении ведущих разработчиков была американская схема, известная достаточно подробно. И Берия понимал: если будет «продукт» комбината № 817, то у державы будет и Ядерный щит.

Так зачем ему навещать физиков? На Урале его опыт и полномочия могли помочь выправлению провалов. И помогали. А что он мог подсказать теоретикам, экспериментаторам и конструкторам КБ-11? Осуществлять же «общее вмешательство в дела подчиненных» у него обыкновения не было.

НЕТ, Берия управлял не при помощи страха даже в критических ситуациях. Но это не исключало – при объективной необходимости – обоснованной жесткости. В районе уральского поселка Верх-Нейвинское (закрытый город «Свердловск-44», позднее Новоуральск) создавался завод № 813 по производству оружейного урана-235 газодиффузионным методом. Однако дело не ладилось, и Берия, приехав на «объект», в конце концов жестко заявил, что разработка конкретной технологии – государственное задание, и если оно не будет выполнено в срок, то будет считаться, что коллектив с ним не справился.

Угроз не было, да и вряд ли они бы здесь помогли. Решить сложную инженерную и конструкторскую задачу – это не канаву выкопать. А вот жесткость и высокий статус задания свою роль сыграли. Вместо прежнего «раскачивания» началась настоящая работа в режиме «мозгового штурма» – сидели за кульманами и в цехах день и ночь, все решали быстро и дружно – без формальностей и препираний.

И задание было выполнено, да как! Было создано такое производство, которое ***по сей день*** не имеет аналогов в мире по дешевизне и производительности обогащенного урана! В мире не имеет аналогов! И работу по тому заданию Берии на предприятии вспоминают как легенду, гордясь ею и… И отдавая Лаврентию

Павловичу должное.

Да. Советский Союз решал Атомную проблему ударными темпами! 30 августа 1945 года образуется Первое главное управление.

9 апреля 1946 года положено начало КБ № 11 (самые первые, отпавшие почти сразу, наименования также «Лаборатория № 5» и «КБ-5») с дислокацией в поселке Сарово Мордовской АССР. Начальником этого исследовательского комплекса для конструирования ядерного оружия был назначен генерал Зернов, Главным конструктором – профессор Харитон, его заместителем – физико-химик Щелкин.

А в августе 1949 года «Учебный Полигон № 2 Министерства Вооруженных Сил (обороны) СССР» в Казахстане – наш первый ядерный полигон – уже готовился к первому испытанию. 27 августа 1949 года в 2 часа ночи Игорь Васильевич Курчатов утвердил подписанный Зерновым, Харитоном и Щелкиным и исполненный от руки в единственном экземпляре еще 21 августа «Оперативный план окончательной сборки и подрыва изделия…». «Изделием» именовался наш атомный первенец – бомба РДС-1.

Начался окончательный и бесповоротный отсчет обратного времени. В 8.00 27 августа 1949 года к дежурству на командном пункте приступил дежурный диспетчер, москвич, выпускник МГУ, кандидат технических наук, бывший сотрудник Московского энергетического института, а в КБ-11 – старший научный сотрудник отдела 25, Сергей Сергеевич Чугунов. По графику до Опыта оставалось 48 часов. К этому времени на Полигоне собрались уже все участвующие в Опыте и ответственные за него.

Председатель Государственной Комиссии Берия вместе с Кобуловым и Махневым побывал в сборочном здании утром 28 августа. Естественное чувство озабоченности, да и – надо полагать – простое человеческое любопытство привели его туда на некоторое время. Однако «над душой» у оружейников Лаврентий Павлович не стоял, хотя утром следующего дня и ему, и всем, кто четыре последних года жил ожиданием приближающегося события, предстоял итоговый экзамен.

В книге Серго Берия об отце он пишет, что тоже присутствовал на том первом испытании, но этого не могло быть и не было. На полигон строго допускались только те, кого испытания касались прямым, служебным образом. Даже такой крупный ракетчик, как Сергей Павлович Королев, попал на полигон лишь в ноябре 1955 года, когда испытывался наш первый «двухступенчатый» термоядерный заряд РДС-37 – прототип ядерного боевого оснащения первой межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 разработки ОКБ Королева. Причем и

описание Серго Берией хода эксперимента показывает, что он пишет о том, чему свидетелем не был, хотя Елена Прудникова, например, приняла его байки за чистую монету.

А вот свидетельство такого авторитетного эксперта, как Юлий Борисович Харитон. Оно публиковалось в различных изданиях, но я привожу его по коллективной монографии «Советская военная мощь от Сталина до Горбачева», где говорится:

«Нагромождением грубых ошибок, мистификаций, а то и просто непонимания обсуждаемого вопроса… изобилует практически вся глава «Ядерный щит» книги С. Берия.

В книге-интервью «Сын Лаврентия Берия рассказывает…» Р. Чилачавы… С. Берия договорился до того, что его с И.В. Курчатовым «деловое сотрудничество заключалось в выработке конструкции ядерных зарядов», хотя Курчатов, возглавляя советский атомный проект, конструкциями зарядов непосредственно не занимался. Тем более не занимался «выработкой конструкции ядерных зарядов» С. Берия…»

Итак, сборочные работы шли по плану… Заминка, произошедшая при установке «поршня» с плутониевым ядром, хотя и доставила неприятные минуты, имела ту же причину, что и у американцев – прецизионная сборка обусловила воздушную «подушку» под поршнем, но воздух постепенно стравился через тончайший кольцевой зазор, и все стало на место. Наконец, были завершены последние сборочные операции.

Наступило время подъема «изделия» и закрепления его на рабочей площадке 37-метровой стальной ферменной башни. На вольном воздухе, у башни, стояли Берия и Курчатов. К ним подошел Щелкин – за разрешением на вывоз заряда из сборочного здания «ДАФ».

«Команда» КБ-11 выкатила «изделие» по рельсовому пути и установили его в клети грузового лифта башни. За выкаткой наблюдала внешняя офицерская охрана ДАФа – несколько полковников из МГБ СССР и Министерства внутренних дел Казахстана.

Берия отправился на командный пункт Опыта. Через некоторое время туда же с опустевшей площадки вокруг башни прибыли Завенягин и Щелкин. В 6.18 Председателю Государственной Комиссии Л.П. Берии и Научному руководителю Опыта И.В. Курчатову было доложено о полной готовности к подрыву.

Начальник полигона генерал Колесников подтвердил полную готовность полигона и своих подчиненных. Отвечавший за авиацию генерал Комаров, Герой Советского Союза, во время

войны – командир штурмовой дивизии, в отличие от них не обрадовал. Из-за нелетной погоды вылет самолетов с фотоаппаратурой задерживался.

Берия, Первухин и Курчатов вышли из здания КП под открытое небо в надежде увидеть хоть какое-то прояснение. Однако, как зафиксировал отчет К.И. Щелкина, «погода не предвещала ничего хорошего». В этих местах при такой погоде можно было ожидать в это время года всякого – вплоть до грозы.

Много лет спустя один из участников сборки РДС-1 Герой Социалистического Труда профессор Д.А. Фишман вспоминал:

«Испортившаяся погода в ночь с 28 на 29 августа как бы повторила ситуацию при 1-м американском взрыве в Аламогордо».

В Аламогордо перед испытанием погода действительно испортилась, и тоже – неожиданно, вопреки прогнозу синоптиков. Генерал Лесли Гровс в своей знаменитой книге «Теперь об этом можно рассказать» писал:

«Главная неприятность была связана с погодой… Тот вечер оказался дождливым и ветреным. Многие настаивали, чтобы испытание было отложено хотя бы на 24 часа».

Опасаясь капризов погоды, американцы вынуждены были отложить взрыв на некоторое время – хотя и меньшее, чем сутки. У нас же вышло наоборот… Курчатов, опасаясь неожиданностей от ветра и дождя, решил перенести взрыв с 8.00 на 7.00. И в 6.33 Щелкин и сотрудники КБ-11 Матвеев и Давыдов по указанию Курчатова в присутствии генерала МГБ А.Н. Бабкина сняли пломбы с двери в аппаратную, вскрыли ее и включили питание системы автоматики.

1300 приборов и 9700 индикаторов были полностью готовы зарегистрировать все явления взрыва.

Кирилл Иванович Щелкин в своем отчете описал эти последние неполные полчаса до взрыва весьма подробно и ярко:

«Диспетчер последнего этапа опыта т. Мальский А.Я. по трансляционной системе оповещения несколько заунывным голосом объявил: «Осталось 25 минут». На командном пункте все притихли. Электрические часы мерно отсчитывали секунды. Тов.

Мальский А.Я. периодически нараспев объявлял время, оставшееся до взрыва.

За 12 минут до подрыва был включен автомат поля. За 10 минут автомат включил накал всех ламп в приборах, расставленных по обоим радиусам Опытного поля.

Потянулись долгие минуты…».

Накалялись, конечно, не только нити радиоламп – рос накал и внутри тех, кто был сейчас на КП. За три минуты до времени «Ч» Берия, Курчатов, члены Специального комитета Первухин, Завенягин, Махнев, не занятые непосредственно финишными операциями руководители КБ-11 подошли к открытой двери, приготовили темные защитные очки…

Обращусь опять к авторитету Ю.Б. Харитона, чтобы опровергнуть очередной миф, связанный с Берией:

«В одной из книжек Головина (И.Н. Головин – сотрудник курчатовской Лаборатории № 2, известный физик. – *С.К.)* было написано, что когда был запущен автомат поэтапного включения всех устройств воспламенения капсюлей, то Берия сказал Курчатову, что у вас, наверное, ничего не выйдет. Но такого не было. Головин на этих работах не был, а слухи распространялись всякие…»

Здесь видно все то же стремление представить Берию неким провокатором, чего на самом деле не было.

За 20 секунд до взрыва оператор по команде начальника подрыва включил главный разъем (рубильник), соединяющий изделие с системой автоматики.

«С этого момента, – писал Щелкин, – все операции выполняло автоматическое устройство. Однако оставалась возможность одним движением руки по команде начальника остановить процесс. Причин для остановки не было, и ровно в 7.00 вся местность озарилась ослепительным светом. Приблизительно через 30 секунд к командному пункту подошла [ударная] волна.

Всем стало ясно, что опыт удался…»

ДА, В 7 ЧАСОВ 00 минут 29 августа 1949 года отсчет обратного времени закончился. Наступил реальный момент «0…» И над казахской ковыльной степью в то утро как будто второй раз взошло солнце…

Впрочем, это действительно было утро нового дня Планеты – дня, когда Россия обрела тот Ядерный Щит, который мог сдержать уже занесенный над ней Ядерный Меч Мирового Зла.

Будущий академик и будущий Научный руководитель полигона М.А. Садовский описал первые минуты новой эпохи так:

«Что тут было! Мы бросились друг к другу, обнимались, поздравляли друг друга и сами себя, кричали: «Она у нас есть!», «Мы сумели ее сделать»!..»

Обнимался и Берия – все помнят, как он порывисто обнял Курчатова. Обнял он и Харитона, а тот все вырывался, стремясь закрыть дверь до прихода ударной волны.

Счастливы были все, но на КП первого испытания Лаврентий

Павлович был единственным, кто знал, какое важное событие в истории России только что произошло. Ведь только он из всех, здесь собравшихся, даже не как председатель Спецкомитета, а как заместитель Председателя Совета Министров СССР, имел всю информацию о планах ядерной агрессии США против России.

Юлий Борисович Харитон вспоминал, как Берия поцеловал его в лоб… Наверняка так и было… Но особо любопытный эпизод запомнил знаменитый Георгий Николаевич Флеров, а рассказал о нем в своих воспоминаниях другой крупный оружейник, Александр Иванович Веретенников, ученик Флерова…

Нейтронный фон от «нейтронного запала» (НЗ) заряда регистрировался механическим счетчиком, установленным на командном пункте испытаний. Постоянство фона (иначе – количество щелчков счетчика с частотой 2–3 импульса в минуту) доказывало сохранность НЗ до момента взрыва.

Веретенников писал:

«Когда произошел взрыв, никто уже не обращал внимания на счетчик, а Берия посмотрел на его показания и обнаружил, что последний раз он… зарегистрировал в обоих каналах сразу по 3–4 импульса. Немедленно он потребовал объяснений, что же случилось с НЗ? ГН (Флеров. – *С.К.)* ответил, что это, видимо, наводки на аппаратуру. И не ведал в тот момент никто из присутствующих, что здесь неожиданно произошла одна из первых регистраций электромагнитных явлений, сопровождающих ядерный взрыв».

Придумать этого Флеров не мог, но когда же Берия успел уловить всплеск импульса? Это же явление мгновенное, а он не мог ожидать его заранее! Так как же надо владеть собой, чтобы в состоянии нервного ожидания фиксировать такие детали, как щелчки счетчика! И, выходит, единственным внимательным наблюдателем-экспериментатором, впервые в СССР зафиксировавшим явление электромагнитного импульса, оказался, как ни крути, Берия. И его наблюдение не пропало впустую – ученые и факт, и вопрос Берии запомнили и, когда возбуждение спало, задумались. Так пытливость их главного Куратора впоследствии помогла понять – мы имеем дело с новым явлением.

В воспоминаниях того же Михаила Александровича Садовского, опубликованных в имеющем, увы, мизерный тираж в 750 экземпляров 11-м выпуске за 1997 год «Истории Атомного проекта» Курчатовского института, есть и еще два поразительных свидетельства, касающиеся Берии. Садовский пишет, что сразу после взрыва, «воспользовавшись ситуацией», он отправился на Поле.

В его центре, там, где стояла башня, он увидел сравнительно небольшую впадину и «блестящий, стеклообразный слой оплавившегося грунта. Оскальзываясь, по нему, подскакивая, ползал обгоревший орел-беркут». Садовский знал, что долго оставаться здесь нельзя (собственно, сразу после взрыва в этой точке было такое количество рентген, что здесь вообще нельзя было быть, но…), и направился обратно.

«Едем обратно, – вспоминал Садовский, – и вдруг видим еще одну машину, выезжающую из-за развалин. Оказалось, что сам Л. Берия со своими приближенными (антибериевский «негатив» во всех вбили так, что иного слова М.А. не нашел, хотя Берия ехал не с «приближенными», а с товарищами и коллегами. – *С.К.)* одним из первых, если не первый, сумел выбраться на место взрыва. Он спросил меня, что я видел, и когда я сказал, что обгоревшего орла, то Берия и его команда долго хохотали, приговаривая: «Он видел орла!»…»

В такой реакции Берии не было бессердечности. И дело не только в том, что он и его «команда» четыре года назад вышли из такой войны, что чувствительность неизбежно притуплялась. Хохот стал нервной разрядкой после пережитого напряжения. К тому же едущие в эпицентр взрыва опять испытывали напряжение – они ведь знали, что ехать туда очень опасно! Однако желание, да и ***необходимость увидеть самим*** превозмогли осторожность.

За два года до этого, в 1947 году, из-за панической радиофобии пришлось заменить на комбинате № 817 приехавшего с Музруковым директора Воскресенского химкомбината. Он, назначенный главным инженером, заявил, что физически не может работать на «атомном» объекте (хотя химические производства тоже никогда курортами не были). Именно отказ воскресенца позволил Музрукову попросить Берию назначить на должность главного инженера Славского.

А Берия имел крепкие нервы, да и пытливость имел немалую. И еще – чувство ответственности. Он обязан был доложить Сталину: «Да, товарищ Сталин! Был в центре сам, лично! Все видел и на корке стеклянной стоял! Бомба есть!»…Хотя Сталин будет смотреть фильм, первыми зрителями которого стали участники опыта вместе с Берией. Вот как описал этот без преувеличения исторический киносеанс Садовский:

«Успели проявить и кинофильм, который в связи со срочным отъездом Берии решили продемонстрировать прямо в оптической лаборатории полигона. Именинником… был мой друг Г.Л. Шнирман… Решили, что он заслужил честь самолично продемонстрировать Берии результаты своей работы. В… лаборатории… установили кинокамеру, наладили затемнение.

Собралось около 30 зрителей, в том числе и Берия со своими приближенными (увы, опять! – *С.К.)*. Георгий Львович с нескрываемым удовольствием занялся кинопроектором, зарядил пленку, затемнил помещение и попросил разрешения начинать. Получив согласие, включил проектор, и вдруг сильная вспышка, взрыв!.. Все в ужасе, молчание. Наконец Георгий Львович заявляет: «Лампочка лопнула. Сейчас поставим новую». Поставил, включил, все с удовольствием посмотрели и весело разошлись».

Весело разошлись… И никто из «приближенных» «сталинского сатрапа» Берии после вспышки и взрыва (!) не кинулся в темноте хватать «террориста» Шнирмана… Никто после сеанса не начинал следствия с пристрастием. Все весело разошлись. Потому что были нормальными людьми с нормальными реакциями, а этот инцидент ничего, кроме смеха, вызвать не мог.

УСПЕХ есть успех, и все понимали, что те, кто его обеспечивал, будут награждены. Но вокруг первых «атомных» наград тоже обвилась очередная антибериевская клевета: мол, Берия распорядился давать награды по принципу: кому в случае неудачи был определен расстрел, тому дать Звезду Героя. Кому – максимальный срок заключения – тому орден Ленина и т. д. Этой клеветой не погнушался, например, профессор В.Я. Френкель в статье, опубликованной в № 7 журнала «Звезда» за 1990 год.

Другой миф – о возможных репрессиях в случае неудачи – распространялся после расстрела Берии даже почтенными людьми из оружейной среды, но это тоже был всего лишь антибериевский миф, как и россказни о постоянном якобы страхе Курчатова перед Берией. Профессор В.А. Цукерман, Герой Социалистического Труда из «Арзамаса-16», в книге «Люди и взрывы» сообщает, что любивший придумывать «острые словечки и обороты» Курчатов публично употреблял словцо «рукребята» (сокращенное «руководящие ребята»), величая так всех, «начиная от заместителя министра».

Так о каком «страхе» тут можно говорить? И о каких «дублерах», которые в случае неудачи якобы начали новые работы вместо репрессированных Курчатова и его коллег?! Это ведь чепуха даже с чисто деловой точки зрения! В работах по Урановой проблеме были заняты все лучшие силы страны, и Сталин это прекрасно знал.

В некотором отношении ложь о страхе «атомных» репрессий напоминает мне ложь о роте, расстрелянной-де собственным заградительным отрядом. После такого идиотского расстрела заградотряд вынужден был бы принять удар атакующих немецких

войск на себя, поскольку сам лишил бы себя «щита» в виде роты. И уже по этой причине никто никогда ни одной своей роты не расстрелял. Так и тут! Ни о каких возможных репрессиях никто не думал – тогда! Это в хрущевские уже времена после первого «отказа» на испытаниях некий бравый полковник госбезопасности хотел «начать следствие». Но и тогда министр Малышев просто грубо отшил его. Хотя и этот, уже часто гуляющий по страницам «исторических исследований», эпизод известен всего лишь ***со слов*** многолетнего Главного конструктора ядерных зарядов академика, генерал-лейтенанта Е.А. Негина и не может рассматриваться как абсолютно достоверный. В чекистской среде ходило 15 версий поимки Савинкова, но и в среде оружейников имеется свой фольклор…

Что же до наград, то вопрос о них решался спокойно и по-деловому. Генерал А.С. Александров из ПГУ (потом он был некоторое время начальником КБ-11 в Сарове), вспоминая, свидетельствовал, что именно Берия, ***после того как РДС-1 была успешно испытана***, при обсуждении вопроса, как надо награждать оружейников, стал инициатором постройки – в награду за счет государства – дач ведущим оружейникам, выделения им автомобилей и т. д.

Впрочем, это лишь легенда, хотя для «имиджа» Берии и положительная. Но мне, пишущему эту книгу о Берии, не нужны даже «белые» байки о Лаврентии Павловиче. Правда же о иерархии атомных наград такова…

За почти два с половиной года ***до того, как РДС-1 была успешно испытана***, вышло подписанное Сталиным совершенно секретное Постановление Совета Министров СССР № 627-258сс от 21 марта 1946 года, где ***заранее*** были установлены виды наград и поощрений за научные открытия и технические достижения в области использования атомной энергии.

Предусматривалось пять типов премий. И о первой премии было сказано так:

«1. Первая премия присуждается за решение одной из поименованных ниже задач:

а) за разработку проверенного и принятого к промышленному применению метода получения плутония;

б) за разработку проверенного и принятого к промышленному применению метода выделения урана-235;

<…>

д) за создание проверенной конструкции атомной бомбы…»

То есть все: звания Героев и лауреатов, крупные денежные премии (до миллиона рублей), дома-особняки с обстановкой, легковые автомобили, право бесплатного проезда для себя и

членов семьи в пределах СССР всеми видами транспорта (Хрущев это право у оружейников отобрал) и т. п., все это было определено ***заранее*!**

Но оружейников награждали тайно. Тайно потому, что был скрыт сам факт успеха – Сообщение ТАСС от 25 сентября 1949 года, сделанное «в связи с заявлением президента США Трумэна о проведении в СССР атомного взрыва», имело стратегически дезинформационный характер. Факт взрыва отрицался, и фиксация его Западом связывалась со «строительными работами больших масштабов».

В заявлении ТАСС, в частности, говорилось:

«Что же касается производства атомной энергии, то ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует»… Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.М. Молотова как блеф, считая, что русские могут овладеть атомным оружием не ранее 1952 года. Однако они ошиблись…

Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия…»

В таком блефе был точный и умный расчет Сталина на создание того психологического эффекта неопределенности результата ядерной агрессии против России, на котором по сей день держится режим ядерного сдерживания, а точнее – ядерной стабильности. Пусть, мол, янки думают, что Бомба есть у русских давно!

Показательно, что в письме, направленном Берии начальником Генерального штаба С.М. Штеменко 19 ноября 1949 года, в частности, было сказано:

«…американцы считают, что если испытания бомбы прошли успешно, то, видимо, в СССР уже начато серийное производство атомного оружия».

Как видим, предельная секретность была полезна. И поэтому оружейников наградили тайно, но щедро: Золотые Звезды, ордена, Сталинские премии и просто крупные премии…

Завенягин, Курчатов, Славский, Доллежаль, академики Хлопин и Бочвар, члены-корреспонденты Виноградов и Харитон, Зернов, Щелкин, сотрудники КБ-11 Алферов, Зельдович, Флеров и еще ряд атомщиков стали Героями Социалистического Труда.

Курчатов, Славский, Харитон, Щелкин и Зельдович позднее станут трижды Героями, Завенягин и Зернов – дважды. А

прецедент вторичного награждения Золотой Звездой был создан в 1949 году. По предложению Сталина первыми дважды Героями стали Ванников, Музруков и Духов (Николай Леонидович Духов, как и Ванников, потом получит и третью Звезду).

Стал Героем Социалистического Труда – тоже по предложению Сталина – немецкий профессор Риль.

А что же Берия?

29 октября 1949 года ЦК и Совмин приняли Постановление № 5039-1925сс и о его награждении.

«За организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытания атомного оружия» Берия получил а) благодарность; б) Почетную грамоту; в) орден Ленина; г) Сталинскую премию первой степени.

И все!

Но такая официальная формулировка заслуг – это, фактически, признание того, что дело производства атомной энергии (иными словами – атомную отрасль) организовал он – Лаврентий Берия! А объем его усилий и усилий его соратников виден еще и из того, что за период с августа 1945 года до момента испытания РДС-1 только постановлений и распоряжений ГКО, Совнаркома и Совмина СССР было принято более 1000! Примерно по 20 в месяц. И каждое из них было не пустой канцелярской бумажкой, а результатом серьезной проработки тех вопросов, которых касались эти постановления и распоряжения. И ко всем ним так или иначе Берия имел отношение.

Тысяча организующих документов только высшего, правительственного, уровня! А был же еще и ежедневный текущий поток других бумаг, за которыми были большие и малые проблемы.

Когда уж тут девочек в переулках ловить!

Нынешние «демократические» реформаторы уже почти угробили то Державное Дело, которое организовал якобы «тоталитарный», однако умеющий быть – по свидетельству академика Харитона – «вежливым, тактичным и просто нормальным человеком» Лаврентий Берия. А тогда – на рубеже сороковых и пятидесятых – это дело после первого успеха бурно развивалось.

И поэтому рассказ о нем надо продолжить.

Глава 19
Будни Спецкомитета и сплетни о них…

Любое крупное дело обрастает легендами. Когда я, прилетев на Семипалатинский ядерный полигон, стоял ранним июльским утром 1981 года, опершись о балюстраду площадки над Иртышом неподалеку от здания штаба полигона, мне говорили, что с этого самого места Берия любовался-де воздушным ядерным взрывом.

Это – безобидная легенда.

А вот легенда, скажем, о том, что работа советских атомщиков проходила в заключении под жесткой рукой «мрачного» 9-го управления НКВД, – это легенда злостно карикатурная. В начале 1946 года в структуре НКВД СССР (нарком – С.Н. Круглов) действительно появилось 9-е управление (Управление специальных институтов) во главе с замнаркома А.П. Завенягиным, образованное по приказу наркома № 0081 от 26 января 1946 года.

15 марта 1946 года Наркомат внутренних дел, как и все остальные наркоматы, был преобразован в министерство. И с этого момента в ведении 9-го управления МВД СССР находились:

– институт «А» в Сухуми, расположенный в помещении санатория «Синоп» с директором-немцем профессором Арденне, создателем электронного микроскопа;

– институт «Г» вблизи Сухуми, расположенный в помещении санатория «Агудзеры» с директором-немцем профессором Герцем, лауреатом Нобелевской премии;

– лаборатория «Б» (объект «Озера») в районе города Касли Челябинской области на базе санатория «Сунгуль», где проводилось изучение вопросов защиты от ионизирующих излучений и где начальником радиобиологического отдела был «Зубр» Н.В. Тимофеев-Ресовский, работавший здесь с теми же своими немецкими коллегами, с которыми по поручению руководства Третьего рейха он занимался вопросами выведения расы сверхчеловеков, – за что и получил от Советской страны «путевку» в санаторий «Сунгуль»;

– лаборатория «В» в Калужской области вблизи станции Обнинское, расположенная в помещениях бывшей колонии испанских детей и давшая начало Физико-энергетическому институту. В 1947–1949 годах становлением лаборатории «В» руководил ***со стороны 9-го управления*** такой «дремуче

необразованный» человек, как действительный член АН УССР А.И. Лейпунский.

Как видим, в условиях заключения (в санаторном, впрочем, режиме) работали лишь немцы и часть наших специалистов, осужденных за вполне реальные грехи. И для иллюстрации стиля Берии, как и для более объемной картины эпохи, будет полезным познакомить читателя с извлечением из указания Берии от 16 августа 1946 года:

«Тт. Первухину и Завенягину проверить с выездом на место состояние дела в институтах «А» и «Г» (взяв с собой т. Лейпунского), принять необходимые меры и в 2-недельный срок представить свои предложения по обеспечению максимального использования немцев.

При этом иметь в виду необходимость установления регулярного контроля за выполнением немцами заданий (как по качеству, так и по срокам).

Лица, успешно выполняющие задания, должны представляться к премии, а лица, манкирующие работой, должны быть изъяты из институтов и направлены в лагеря.

Л. Берия».

И хотя тут упоминаются лагеря (куда никто из немцев не был отправлен), но и здесь нет пресловутой «лагерной пыли».

В марте 1948 года Круглов и Завенягин обратились к Берии с письменной просьбой о передаче всех этих «санаториев» из ведения МВД в ведение ПГУ, поскольку тематика их работ была полностью «пэгэушной» и все рабочие вопросы решались в ПГУ. Берия снесся с Первухиным, тот поговорил с начальником ПГУ Ванниковым и 27 марта 1948 года сообщил Берии, что Ванников «категорически возражает против приема указанных институтов в Первое главное управление».

Лишь 15 августа 1948 года вышло подписанное Сталиным постановление Совмина № 3091—1248сс/оп о передаче всех объектов 9-го управления из МВД в ПГУ, причем пунктом 6-м постановления министру Круглову предписывалось:

«…а) зачислить в действующий резерв МВД генералов и офицеров 9-го Управления и находящихся в его ведении институтов, лабораторий и объектов;

б) обеспечить их положенным обмундированием;

в) сохранить занимаемые ими квартиры».

И у этого пункта была своя предыстория… 28 июля 1947 года заместитель начальника ПГУ Павел Яковлевич Мешик обратился к Берии с письмом. Кадровый чекист (родился в 1910 году, в 1932 году закончил Центральную школу НКВД), он в ПГУ отвечал за

кадры и режим. О нем тоже написано немало гнусностей, однако, по воспоминаниям ветеранов КБ-11, например, это был человек жесткий, но справедливый (оценка, применимая и к Берии), а в жизни – еще и добрый. В 1953 году он, как и Берия, был арестован и в конце 1953 года расстрелян.

Так вот, Мешик писал:

«Товарищу Берия Л.П.

В Первом главном управлении при Совете Министров СССР работает значительное количество офицерского состава Министерств вооруженных сил, внутренних дел и государственной безопасности.

<…>

Постановлением СНК СССР от 5 октября 1945 г… за генералами и офицерским составом, откомандированным или переведенным на работу в Первое главное управление, были сохранены все права и льготы, предусмотренные для генералов и офицерского состава этих министерств, и они числятся состоящими в кадрах на все время их работы в Первом главном управлении.

<…>

Однако офицеры ПГУ при Совете Министров СССР лишены многих прав и льгот, т. е. не получают денежную надбавку за офицерские звания, как правило, задерживается присвоение очередных офицерских званий, не представляются к наградам за выслугу лет и не обеспечиваются санаторным лечением.

<…>

Просим Вас, Лаврентий Павлович, помочь офицерам Первого главного управления при Совете Министров СССР получить предоставленные им Правительством льготы согласно Постановлению СНК от 5.х.45 г. № 2531-678сс.

П.Мешик».

Проблема была серьезной – из-за неопределенности своего положения многие стремились уйти с «почетной» службы в ПГУ обратно в свои ведомства. И Берия адресует письмо министру Вооруженных сил Булганину с визой: *«Прошу срочно рассмотреть и решить вопрос об офицерах Первого главного управления. Л. Берия. 12.VIII.1947 г.».*

И такая оперативная забота о людях, делающих одно с ним дело, была для Лаврентия Павловича характерной. Он даже отрез, полученный на наркомовскую шинель, после того как шинель была выкроена, отдавал коллегам. В отличие, к слову, от маршала Жукова, складировавшего дома трофейные отрезы километрами.

Вот, например, Берия в начале июля 1947 года побывал лично на строительстве комбината № 817. Побывал в первый раз. О том, что в третий свой приезд он провел там специальное «социальное» заседание Специального комитета, мы знаем. Но и после первого визита он был обеспокоен положением в социальной сфере на «сороковке». И тут же дал указание Ванникову об улучшении жилищных и бытовых условий работников комбината. И уже 20 августа Ванников докладывал ему о том, что:

– на 1947 год установлен план жилищного строительства в 15 000 кв. метров, но «дополнительно решено построить еще 5500 кв. м. стандартных деревянных одноквартирных и двухквартирных домов»;

– решено дополнительно к плану построить также «4500 кв. м. постоянных жилых каменных и деревянных зданий» для временного заселения строителями «с передачей их заводу по окончанию стройки»;

– в городке завода строятся и будут в 1947 году сданы в эксплуатацию школа-десятилетка, баня, прачечная, столовая-ресторан, детский сад, детские ясли, центральная котельная (к 5 октября), временный деревянный кинотеатр, а постоянный хлебозавод уже построен в 1946 году.

В конце Ванников предлагал:

«Для улучшения культурно-бытового обслуживания работников завода № 817 необходимо ускорить открытие коммерческих магазинов, ресторанов-кафе, чайных…»

Причем все эти меры относились не только к работникам пока еще строящегося «плутониевого» комбината, но и к самим строителям.

СКАЗАТЬ, что Берия пользовался всеобщей любовью, нельзя… Он и по натуре не был склонен к сюсюканью, а многие годы такой жизни, когда фактически непрерывно, изо дня в день, надо было принимать множество разнородных решений, не могли не выработать у него естественно решительной манеры поведения. А она могла понравиться не всем, и уж никак не могла прийтись по душе людям холодной души и мелкого разума.

И если объективные наблюдатели (тот же академик Харитон или немец-профессор Риль) отмечали вежливость Берии, то это говорит об изначально очень высокой внутренней культуре и самодисциплине Лаврентия Павловича, потому что мало кто, поставленный в условия Берии, сохранил бы и на вершинах власти способность относиться к окружающим с пониманием. А отнестись с *пониманием* — на таком уровне – это очень много!

Управленцы уровня Берии крайне загружены. Чтобы подчеркнуть значимость того или иного делового человека на Западе, говорят, что минута его работы стоит столько-то тысяч долларов. Минута Берии стоила десятков тысяч долларов. И если она была потрачена впустую, то приносила убыток не лично ему, а стране. Поэтому резкий, решительный, а при необходимости (увы, нередко возникавшей) и жесткий стиль ведения разговора был почти неизбежен.

Я говорю «почти» потому, что, судя по стилю виз на документах, да и по ряду воспоминаний, Берия был, как правило, достаточно сдержан в выражении эмоций.

А обаяние?

Да у него и времени не было на то, чтобы быть обаятельным! Это ведь предполагает возможность немного поболтать, пошутить, улыбнуться… А когда он мог так вести себя? Лишь в очень близком кругу не просто близких сотрудников, а тех, кто был ему предан. Допущенных же к задушевности было немного. А вот уважавших его не только как руководителя, но и как человека, было немало, только за много десятилетий шельмования Берии они почти все успели вымереть, не получив возможности сказать правду о нем. Но кто-то смог передать ее по, так сказать, эстафете.

В 2003 году в минском издательстве «Беларуская Энцыклапедыя» вышла книга Федора Дмитриевича Попова «Атомная бомба и КГБ». Автор попал на «объект 550» (КБ-11, база № 112, Приволжская контора Главгорстроя), то есть – в центр разработки ядерного оружия в Сарове-«Арзамасе-16», в 1954 году, когда Берия был давно предан официальному остракизму.

И вот оперативный уполномоченный «объектового» отдела КГБ капитан Попов представляется начальнику своего отделения подполковнику В.И. Бронникову, и начинается обстоятельная беседа об «атомной» истории «объекта», о бывшей Саровской пустыни, об особенностях оперативной обстановки и прочем.

Ф.Д. Попов пишет:

«Бронников отметил, что решающую роль в развитии атомной эпопеи сыграли Курчатов, Харитон и Берия. «Если бы не они, то атомная бомба в СССР вряд ли была бы испытана в 1949 году», – сказал он».

Это, уважаемый читатель, эпизод 1954 (пятьдесят четвертого) года – когда Берию на высшем уровне объявили агентом международного капитала!

Капитан Попов не был знаком с Лаврентием Павловичем, но знал как тех, кто знал его лично, так и тех, кто работал «во

времена Берии». И поэтому Федор Дмитриевич пусть из вторых рук, но тоже смог сказать правду о нем – в размерах скромных, но честных:

«Широкое развертывание в КБ-11 деятельности по его основному профилю жестко регламентировалось наличием жилья… Многие специалисты ютились в переполненной монастырской гостинице, которая раньше использовалась паломниками Саровской обители.

Положение с жильем резко изменилось после вмешательства Берии. По его указанию при Управлении № 880 (по строительству «объекта» в Сарове. – *С.К.)*… было создано специализированное подразделение по строительству жилья. В 1948—50 гг. многие жители Арзамаса-16 справили новоселье. За три года заселили более 200 жилых домов. Были они разными – и двухквартирные коттеджи, и финские сборно-щитовые, и многоквартирные каменные и брусчатые. Рядом со старыми монастырскими строениями встали трех– и четырехэтажные дома. Сам монастырь с храмами, часовнями, колокольней, келейными домами и трапезной оказался в самом центре объекта…»

Это – изустное доказательство заботы Берии о рядовых участниках Атомного проекта. А вот документальный пример с «верхнего этажа» проекта… 12 июля 1946 года Курчатов на бланке Лаборатории № 2 пишет совершенно секретное письмо следующего содержания:

«Товарищу Берия Л.П.

Докладываю, что за последнее время резко ухудшилось состояние здоровья тов. Харитона Ю.Б.

Обследование в центральной поликлинике Министерства здравоохранения СССР показало, что имеет место функциональное расстройство нервной системы и сердечной деятельности (пульс 120 в минуту) при общем сильном переутомлении и истощенности организма. По заключению главного врача поликлиники д-ра Сосьяна необходим перерыв в работе тов. Харитона для санаторного лечения.

Я считаю возможным предоставить Ю.Б. Харитону отпуск на полтора месяца.

Прошу Вашего решения и помощи.

Академик *Курчатов».*

Итак, в очередной раз Берии приходилось переходить от общих проблем Урановой проблемы к мелким, казалось бы, вопросам… И что – Курчатов боялся взять на себя ответственность за отпуск Харитона? Нет, конечно! Но он знал,

что если обратится к Берии, то уж Лаврентий-то Павлович позаботится также о том, чтобы Харитона подлечили по первому классу и чтобы вообще все было по первому классу…

Так оно и вышло: Берия накладывает визу тут же, от руки, не передоверяя ее машинистке: *«тт. Чадаеву и Бусалову. Обеспечить всем необходимым. Л. Берия. 12/VIII».*

Причем Лаврентий Павлович при всей его тщательности поставил в дате лишнюю черточку, потому что письмо Курчатова легло к нему на стол в день написания – 12 июля, и уже 18 июля помощник Махнева – А. Васин пометил: *«По распоряжению т. Бусалова т. Харитону предоставлено лечение в санатории «Барвиха». А. Васин».*

Пульс самого Берии в расчет при этом никем не брался. Ему в отпуск проситься было не у кого – разве что у Сталина. Да и Курчатов тоже работал в режиме постоянного перегруза. Через четырнадцать лет, зимой 1960 года он в возрасте 57 лет мгновенно скончается на садовой скамейке во время беседы как раз с Харитоном, по сути – у него на руках. К тому времени со дня гибели Берии пройдет почти семь лет.

Прочтя письмо Курчатова, я подумал – а что же он не обращался с этим к Ванникову?

К Малышеву?

К Первухину?

К Завенягину?

Ведь все они тоже обладали немалой, казалось бы, властью…

А он обратился к Берии.

Или вот другой случай.

9 марта 1948 года заместитель Председателя Госплана СССР Николай Андреевич Борисов пишет Берии о проблемах с отводом земельного участка для «строительства коттеджей немецким специалистам, проживающим в настоящее время в Озерах…».

Немцам было неудобно добираться на работу в Лабораторию № 2 и НИИ-9, и Завенягин подготовил проект постановления правительства о постройке коттеджей в пригородной зоне. Однако исполком Моссовета категорически возражал, мотивируя отказ тем, что «этот участок входит в лесопарковый защитный пояс г. Москвы и застройке не подлежит».

Сегодня любой «олигарх» или крупный чиновник решает подобные проблемы в свою пользу походя, безжалостно вырубая не то что защитные зоны, а национальные парки. А вот в «тоталитарном» СССР даже у ПГУ тут возникли проблемы.

Итак, Завенягин настаивал, Борисов считал, что «в виде исключения» согласиться можно.

И как же решает Берия? Он тут же находит вполне очевидный

(после того как найден) выход. Виза его такова:

«т. Завенягину А.П. Надо обойтись без строительства специальных коттеджей для этих специалистов, а подыскать жилой дом вблизи места их работы и приспособить его. Л. Берия. 10 апреля 1948 г.».

Все верно! Зачем наносить ущерб защитному поясу столицы, когда можно все решить проще и дешевле? Почему же до этого не додумался Завенягин со всем его управленческим опытом? Почему и о лесах вокруг Москвы думать приходилось Берии?

И ведь каков «монстр»! Так, смотришь, построили бы в сказочных местах, под боком у Москвы (15–20 км) группу уютных коттеджей, а тут немцам и срок уезжать подойдет (их контракты предусматривали возвращение домой после завершения работ). И в коттеджах можно селиться высшей государственной бюрократии. А «вурдалак» (термин «генерала» Волкогонова) Берия взял да все на корню и зарубил… Не лес зарубил, а административную дурость!

ПОДРОБНО о резолюциях Берии на служебных документах Атомного проекта я еще поговорю. Но как часто необходимость этих резолюций вызывалась не объективной сложностью вопроса, а элементарным нежеланием коллег Берии самим решать в тех случаях, когда все можно было решить и без Председателя Спецкомитета и заместителя Председателя Совета Министров…

В июле 1946 года США объявили о проведении двух ядерных испытаний на атолле Бикини в районе Маршалловых островов. 1 июля на лагуну атолла, где были размещены 73 устаревших корабля, должна была быть сброшена мощная атомная бомба с самолета, а 25 июля предполагался подводный ядерный взрыв. И в СССР возникла естественная идея организовать на Тихом океане специальную комплексную научно-исследовательскую экспедицию для получения информации об этих испытаниях.

22 июня 1946 года Берия как зампред Совмина СССР подписал распоряжение Совмина № 7877-рс, обязывающее Министерство вооруженных сил СССР, Академию наук, Главное управление гидрометеослужбы при Совмине предпринять нужные действия. И началось…

Адмирал Галлер 26 июня просит указаний Берии о выделении сверх лимитов топлива для кораблей и самолетов, и Берия санкционирует расход из мобилизационного резерва Тихоокеанского флота…

2 июля академики Семенов, Курчатов и Алиханов обращаются к Берии с предложением о посылке в район испытаний самолета для отбора проб из радиоактивного облака

взрыва.

2-го же июля Ванников почему-то просит Берию дать дополнительные указания адмиралу Кузнецову.

3 июля адмирал флота Кузнецов, считая идею трех академиков «приемлемой», сообщает Берии, что необходимо дать указания министру морского флота СССР Ширшову (одному из папанинской четверки, дрейфовавшей на станции «Северный полюс-1») о предоставлении командующему ТОФ адмиралу Юмашеву транспорта «Ереван», а также о выделении топлива – дополнительного к дополнительному.

5 июля начальник Штаба ВМС адмирал Головко в дополнение к письму Кузнецова фактически дезавуирует идею академиков, ссылаясь на то, что американцы объявили район испытаний опасным, и заявляет о «малой вероятности получения газообразных продуктов взрыва за пределами этого района»…

Позиция флота выглядит странно! Опасный район – не запретный район. Это ведь международные воды, идти в них можно! А все, обращающиеся к Берии, уже получили основания для действий – распоряжение Совмина № 7877-рс. Теперь риск – проблемы флота. Позднее американские корабли постоянно заходили в те районы акватории Мирового океана, которые объявлялись ТАСС опасными для мореплавания в связи с пусками советских межконтинентальных баллистических ракет.

Тем не менее «лица, принимающие решения», их не принимают, поэтому 5 июля академик Семенов переформулирует идею отбора проб и пишет «глубокоуважаемому Лаврентию Павловичу»:

«…Лаврентий Павлович, конечно, нет никакой гарантии, что удастся получить результат (теория неточна, можно ошибиться в направлении ветра, взрыв может быть проведен очень глубоко под водой, т. е. на глубине большей 10–20 метров и т. п.). Однако шанс на успех есть, а полученные сведения представляют исключительно большой интерес.

Чтобы успеть сделать, необходимо дать немедленное распоряжение».

Ванников в письме Берии от 6 июля поддерживает Семенова и опять просит «дать указания адмиралу Кузнецову».

Но даже Берию вся эта бумажная буря на просторах океана канцелярских чернил, похоже, утомила, и он направляет письмо Семенова от 5 июля министру Вооруженных сил СССР Булганину, написав на нем от руки: «*Тов. Булганину. На Ваше усмотрение. Л. Берия. 6/VH*».

Булганин же – не министерское это дело, думать, – накладывает на письме резолюцию: «*А.М. Василевскому. Прошу*

Вас рассмотреть этот вопрос с вызовом тов. Кузнецова. Н.Г. Булганин. 7/7/46».

Все, вовлеченные в перипетии, связанные с Бикини, имели прочную базу для любых действий – распоряжение Совета Министров. И все они обладали немалыми самостоятельными государственными полномочиями. Представим себе, что шла бы война и изменившаяся оперативная обстановка потребовала бы срочной подготовки крупной операции на море. Неужели флот – в лице адмиралов Кузнецова, Галлера, Головко, Юмашева – не нашел бы резервов топлива без обращения к Берии?

Маршалловы острова – не ближний свет, но разве нельзя было изменить планы боевой подготовки ТОФ так, чтобы направление туда советских кораблей рассматривалось как плановый учебно-боевой поход?

Да, для этого надо было срочно ломать утвержденные графики, сметы и прочее, но если делом руководят подлинные управленцы, все становится возможным, и становится возможным в кратчайшие сроки. Ракетчик Королев говорил: «Кто хочет делать дело, найдет средство, а кто не хочет – причину для отказа». Увы, адмиралы и военные выбирали второй вариант. Ведь прямо это их не касалось…

Пройдет семь лет, и многие участники этого сюжета примут участие в создании первичной «антибериады». И будут поддакивать, когда Берии начнут приписывать самые нелепые «преступления» и «прегрешения». И у Берии даже не будет возможности что-либо возразить, потому что его лишат не только права работать на благо Державы, но и вообще права на жизнь.

Он был загружен каждый день, успевая контролировать все узловые моменты. Скажем, с Урала, с комбината № 817, в начале августа 1949 года должны привезти в Поволжье, в КБ-11 драгоценный (да что «драгоценный» – бесценный!) плутониевый «шарик» для проведения контрольных сборок перед отправкой «изделия» на полигон в Казахстан. И все перемещения литерного поезда отслеживает лично Берия. Это не перестраховка и не недоверие. И не только обостренная ответственность. Это – еще и компетентность, понимание того, что лишь так можно помочь решению всех возможных острых вопросов в реальном масштабе времени! Ведь он же – Берия! Он все решит так, как надо!

В апреле 1948 года чиновники из Министерства кинематографии лишили КБ-11 права получения художественных фильмов на том основании, что в заявках на фильмы не указаны-де «точные географические координаты и название заказывающей организации». И генерал Зернов с начальником политотдела

«объекта» Разореновым пишут письмо Берии с просьбой уладить дело.

И он улаживает.

В Бюро № 2 Судоплатова поступают американские материалы о производственном жилом строительстве для персонала атомных заводов в Клинтоне и Хэнфорде. И Берия их тут же адресует главному «атомному» строителю А.Н. Комаровскому с явным намеком – нам надо строить не хуже…

Но как же это все было утомительно! А если бы он еще знал, что получит от потомков, от страны за эти великие и ежедневные труды через десятилетия?.. Да и что там потомки – уже через четыре года его имя втопчут в грязь его же коллеги по руководству страной.

Грустно все это, товарищи…

ВОТ в книге о начальнике КБ-11 П.М. Зернове, изданной в Российском Федеральном ядерном центре в Сарове, описан – с его якобы слов – конфликт с Берией, произошедший якобы 12 февраля 1949 года:

«После традиционной «накачки», перемешанной с угрозами, Лаврентий попросил меня задержаться (в конце общего заседания. – *С.К.)* «для уточнения одной детали». И когда мы остались с ним наедине, хозяин кабинета дал волю своим чувствам: начал рисовать мне в красках перспективу моего «превращения в лагерную пыль» в случае любого срыва в в работе, и тем более – при неудаче «решающего эксперимента» там, под Семипалатинском.

Несколько минут я держался, сносил это надругательство, а потом произошло непоправимое: руки непроизвольно сгребли массивный канделябр, украшавший письменный стол, и я занес его над головой!..

Опешивший Лаврентий шарахнулся к стене, на ходу выхватив «браунинг» с литой золотой ручкой. Но выстрела не последовало: видимо, он вовремя сообразил, что мою ликвидацию перед испытанием бомбы Сталин вряд ли одобрит…

Одернув китель, Берия со злобой прошипел:

– Ладно, сволочь! Немного подождем! Посмотрим, что покажет эксперимент!»

«Ну и что, – спросит по прочтении этого описания читатель, – что остается от так настойчиво создаваемого автором облика человечного Берии после такого вот прямого свидетельства, да еще такого крупного участника Атомного проекта, как Павел Михайлович Зернов?»

Что ж, присмотримся и к этому «свидетельству»

внимательнее, помня, что мы имеем не один прецедент мифичности подобных «свидетельств» (вспомним хотя бы сказки сотрудника курчатовской Лаборатории № 2, известного физика Н.И. Головина о том, что происходило на КП опыта с РДС-1, где Головина не было).

Итак…

Во-первых, после испытания РДС-1 (после «эксперимента») «Зернов Павел Михайлович, инженер, кандидат технических наук, начальник Конструкторского бюро № 11» в числе других по постановлению СМ СССР № 5070-1944сс/оп был представлен Берией к званию Героя Социалистического Труда и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 года получил его (в 1954 году он стал дважды Героем).

«Знатоки», правда, замечают, что награжден был Зернов без предоставления материального поощрения и льгот. Что же, выходит, Берия на нем действительно за что-то отыгрался? Нет! Внимательное изучение упомянутого выше постановления Совмина, в котором фигурируют сотни фамилий представленных к различным наградам и так или иначе поощренных, показывает, что тот же Б.Г. Музруков, директор комбината № 817, получил «только» вторую Золотую Звезду без материального поощрения. И также «лишь» званием Героя Социалистического Труда был поощрен директор завода № 12 А.Н. Каллистов. А получивший одновременно с ним Золотую Звезду главный инженер завода № 12 Н.Ф. Кваскov был поощрен также премией в 35 тысяч рублей (в дополнение к ранее выданной части (50 %) премии в 35 000 рублей), Сталинской премией второй степени, правом обучения детей в вузах и правом бесплатного проезда всеми видами транспорта.

Примеры можно продолжить…

Зернов был административным руководителем, а не научным, не инженерным, и объем его поощрения был вполне типичным. Поощрение же самого Берии оказалось наиболее скромным… Герои Социалистического Труда Ванников, Музруков и Духов стали первыми дважды Героями, а Герой Социалистического Труда Берия так и остался при одной своей Звезде за военные годы.

Возвращаясь к описанному выше, якобы имевшему место быть инциденту с Зерновым, надо сказать, что неправдоподобен сам «рисунок» ситуации. Это не эпизод – пусть и острый – взаимоотношений двух государственных людей, а описание из плохого сценария серого и неправдоподобного фильма об уголовниках. Да еще и со Сталиным в виде некоего

криминального пахана… Причем описание конфликта не очень-то стыкуется и с натурой реального Зернова. Знавшие его вспоминали, что он мог сделать выговор подчиненным даже за употребление профессионального сленга («отсиним» чертежи вместо «сделаем копии»), за неубранные вовремя окурки в пепельнице… И вдруг Зернов оказывается настолько невыдержанным, что хватается за канделябр (?) в кабинете высокого начальника.

Да и откуда в кабинете Берии канделябры? В карты он не играл, с карточными шулерами дел не имел – так что бить канделябрами было некого. И как в ходе разговора, который шел, конечно, сидя, Берия мог из-за стола «шарахнуться к стене, на ходу» выхватывая «браунинг», да еще и с литой золотой рукояткой? И как Зернов успел рассмотреть, что ручка была именно литой? К слову, стандартный «браунинг» со снаряженным магазином весит чуть больше полукилограмма, а с ***литой золотой*** ручкой – если бы кто-то на такую дурость пошел – он весил бы не менее полутора килограммов. Это было бы уже не оружие, а бесполезный сувенир.

Неправдоподобно и то, что Берия грозил всеми возможными карами именно Зернову. Его роль в обеспечении комплекса работ по РДС-1 в установленные сроки была более чем подчиненной. С 23 по 28 декабря 1948 года на «объекте» в Сарове, в КБ-11, пребывали Ванников и Курчатов и провели совещание по ряду вопросов, но прежде всего – по готовности РДС-1. Докладывали Ю.Б. Харитон, В.И. Алферов, К.И. Щелкин, Г.Н. Флеров, Н.Л. Духов и другие.

Так вот, в обширнейшем протоколе совещания, где затрагивались десятки больших и малых проблем и где даются десятки поручений, фамилия Зернова появляется первый раз только в пункте XII протокола (а также в пункте XV). И суть вопросов такова: Зернову разрешалось «установить на действующей электростанции имеющийся в КБ-11 турбогенератор мощностью 500 кВт» и поручалось «нарастить трубы на электростанции до требуемого размера»…

Вряд ли задержка в наращивании труб могла сказаться как на сроках, так и на результатах испытания РДС-1. К началу 1949 года Зернов руководил «объектом» более трех лет и за эти годы сделал много, но «организационный» период остался давно позади, и теперь сроки зависели не от Зернова, что Берии было известно прекрасно. И «щунять» Зернова ему было ни к чему.

Далее… Зернов скончался в 1964 году, и у него не спросишь – замахивался ли он канделябром на Берию? Приведены же «воспоминания Зернова» по книге «А.П. Завенягин: страницы

жизни», изданной в 2002 году неким издательством «Поли-МЕдиа» через сорок семь лет (!) после смерти уже Завенягина, скончавшегося в 1956 году. И эта последняя книга (автор-составитель М. Важнов) в части измышлений по части Берии может считаться образцовой – так беспросветно-черно изображен в ней «подлец и безрассудный преступный авантюрист» Берия на фоне фигуры Авраамия Завенягина.

История с канделябром там приведена со ссылкой на статью некоего М. Руденко «Восхождение на атомную Голгофу» в… газете «Гудок» за 27 августа 1999 года (№ 160).

Что ж, приходится отыскивать газету, где на первой полосе под рубрикой «Рассекречено в «Гудке» начинается статья, продолженная на 3-й полосе. Манера изложения – разухабистая, неточность громоздится на неточность: Зернов сделан директором «Уралмаша», Щелкин произведен в главные испытатели КБ-11 и т. д. Руденко пишет:

«В 1950 году доходит дело до следующего (после первого в 1949 г. – *С.К.)* испытания атомной бомбы, а точнее – до целой серии в пять взрывов… И происходит самое худшее – первая же бомба в серии не взрывается…»

Реально в 1950 и 1952 годах натурных испытаний вообще не было. Реальная хронология такова: второе советское ядерное испытание проведено 24.09.51 (РДС-2, наземный взрыв), третье – 18.10.51 (РДС-3, воздушный). И далее: 12.08.53 (первая водородная бомба РДС-6с); 23.08.53 (РДС-4, воздушный) и серия из ***трех*** модификаций РДС5—03.09.53; 08.09.53 и 10.09.53 (все – воздушный).

Все испытания были успешными (первый отказ произошел 19.10.54 – не сработал заряд РДС-9 для торпеды Т-5).

В целом же статья в «Гудке» – пример вопиющей некомпетентности, а с учетом инсинуаций (конечно – инсинуаций!) в адрес Берии, да и Зернова, изображенного неврастеником, она – еще и пример очевидной подлости. Что ж, пожалуй, канделябр действительно был бы нелишним в разборках с шустрыми шулерами-писаками, запускающими в общественный оборот «атомные» сплетни.

А вот факты…

12 февраля 1949 года Зернов вряд ли вообще был в Москве, потому что имеется датированное 12 февраля 1949 года письмо Зернова Ванникову о криминальной обстановке на объекте, где в конце Зернов писал:

«Мною три раза по этому вопросу подавались докладные записки на имя т. Берия Л.П., но так как никаких решений нет, то

я не знаю, доложены ли они ему?»

Обращаю внимание читателя на то, что из текста письма видна уверенность Зернова в том, что если бы все было доложено лично Берии, то задержек с решением не было бы. Каждому бы начальнику да такую убежденность подчиненного в его обязательности и оперативности!

Но и это не все, уважаемый мой читатель! В статье М. Руденко (в библиографии Важнова он назван Реденко) нет ссылок на источник, откуда взят «рассказ» Зернова. Эпизод с канделябром подан в статье так, что читатель может подумать, что Руденко сам беседовал с Зерновым, чего, конечно, не было.

Но откуда «высасывал» «сенсацию» Руденко? В № 10–12 за 1990 год и в № 1 за 1991 год журнала «Инженер» появился журнальный вариант повести Ю.К. Чернышева «Нам дали всего 5 лет», а 8 июля 1999 года в ижевском издательстве «Алфавит» было подписано к печати отдельное ее издание.

Лауреат Государственной премии 1967 года, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, автор повести с 1954 года работал в КБ-11 в «Арзамасе-16», а позднее был переведен в уральский центр разработки ядерного оружия НИИ-1011 (ныне РФЯЦ-ВНИИТФ) в «Челябинске-70». Профессиональное его реноме как зарядчика – вне сомнений. Однако писательский дебют Ю.К. Чернышева принес делу истины больше вреда, чем пользы – очень уж многое он придумал, а многое, придуманное другими, абсолютно некритически воспроизвел.

Так, ни разу в жизни не видев генерала Мешика, он очень колоритно описал его: «…вечно болтающаяся на поясе кобура маузера…» и т. д. И это – на совещании у Сталина, где Мешик никогда не бывал… На другое мифическое же «совещание у Сталина» Юрий Кириллович «принес» и плутониевый шар, а потом безмятежно признавался в письме коллегам в Саров-«Арзамас-16», им же опубликованном в ижевском издании: «По поводу демонстрации шарика Сталину готов (н-да! – *С.К.)* согласиться, что ему напрямую он не демонстрировался. Сказано по случаю (!!! – *С.К.)*… Думается, что художественное произведение все же не производственный отчет, который требует более строгого документального повествования».

Увы, очень многие «исследователи» типа Руденко-Реденко, похоже, восприняли «художества» заслуженного оружейника именно как нечто документальное и цитируют его. Это я все к тому, уважаемый читатель, что сюжет с канделябром у Ю.К. Чернышева описан так:

«Незадолго до взрыва… Берия обвинил Зернова в попустительстве ученым и конструкторам… Распаляясь, Берия

затопал ногами по паркету. Слушая его, Зернов все больше багровел…

И тогда, не сдержавшись, Зернов сделал непроизвольное движение, чтобы схватить со стола тяжелое пресс-папье. Внезапно на пороге кабинета выросли два телохранителя, вызванные Берией секретной кнопкой (хорошо хоть не «ядерной». – *С.К.),* и молча шагнули к Зернову. Через мгновение, убедившись в своей безопасности, Берия махнул рукой своим подручным: «Идите пока, – и зловеще добавил: – Подождем результата…»

Похоже, Руденко прочел вымысел Чернышева и «художественно» усилил описание очередного «злодейства» «монстра в пенсне» введением канделябра и «браунинга»… У Чернышева тоже нет ссылки на источник «воспоминаний», но уж у него-то возможностей для выслушивания «атомных» побасенок было с избытком.

Впрочем, что там не в меру увлекшийся писательством оружейник Чернышев! Классическим образцом антибериевской политической паранойи и подлогов может считаться, например, статья профессора И.Н. Головина «Кульминация» в газете «Труд» за 15 апреля 1990 года и другие его публикации. Головин – не оружейник, но физик известный, сотрудник Курчатова. И его измышлениям верят!

Недалеко ушла от них книга журналиста Станислава Пестова «Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней», о которой в издательской аннотации сказано, что автор «в легко принимаемом читателем жанре документального детектива (а это как?! – *С.К.)»* раскрыл «полно и захватывающе – историю создания атомного оружия в СССР».

Пестов тоже цитирует Игоря Головина, который на свой лад рассказывает сплетню о показе Сталину Зерновым, Курчатовым и Харитоном «плутониевого шара» – они-де принесли его «в шкатулке»! Что забавно, даже Пестов в какой-то момент не выдерживает и по поводу особенно лихих выдумок Головина делает авторскую сноску: «В этом абзаце (эх, если бы только в том одном абзаце. – *С.К.)* – сплошные нелепости и искажения».

Однако далее Пестов пишет, что Берия якобы любил приговаривать, что пусть, мол, пока команда Курчатова работает, «расстрелять всегда успеем…»; что были якобы составлены списки «врагов народа», «где Лаврентий Павлович самолично сделал милые его сердцу заметки – «расстрелять», «посадить», «выслать…» и т. п.

Пестов (по его словам, бывший замдекана физико-технического факультета МИЭТа) технически безграмотно объясняет причины подрыва РДС-1 на башне, не понимая, что

иначе было просто невозможно организовать те многочисленные физические измерения параметров взрыва, которые фиксировались 1300 приборами и 9700 индикаторами.

Чтобы читателю стала понятнее «захватывающая» «полнота» освещения Пестовым истории Атомного проекта СССР, я приведу такое его утверждение:

«А Зернова вообще обошли стороной (после испытания РДС-1. – *С.К.)*. Припомнил ему Берия случай, когда Зернов замахнулся на него в кабинете Лаврентия…»

Далее Пестов делает сноску:

«Позже, когда Зернов работал заместителем министра, он был дважды награжден званием Героя Социалистического Труда».

Поскольку мы уже говорили о том, как был реально поощрен Зернов за РДС-1, нужда в моих дополнительных комментариях отпадает.

«Бериефобия» Головина и Пестова сравнима разве что с «бериефобией» Антонова-Овсеенко и «генерала» Волкогонова. И если взять все профессорско-журналистские измышления и прокомментировать, то можно написать отдельную книгу, но вряд ли она получится интересной – подлость всегда примитивна.

Однако моральная реабилитация Лаврентия Павловича от подобных наветов по части «атомной» линии его судьбы наиболее проста, потому что, как я уже писал, «атомный» Берия «документирован» наиболее полно. Так что мы можем реконструировать его облик как руководителя и человека в «атомные» времена по совершенно секретным (ранее) документам. И если фальсификацию истории с канделябром-пресс-папье я могу доказать лишь при помощи в основном логического анализа, то апокрифичность (в смысле – недостоверность) другой байки о «злодее Берии» устанавливается документально…

И я это сейчас сделаю!

НИКОЛАЙ Захарович Тремасов входил в число руководителей КБ-11 в «Арзамасе-16», а затем долгие годы был главным конструктором нижегородского НИИ измерительных систем им. Седакова.

Впоследствии доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РФ, в КБ-11 он попал в августе 1950 года, после испытания РДС-1. И вот что написал он в годы уже ельцинизма:

«…Немного об истории создания первых приборов РД (радиодатчиков для обеспечения заданной высоты подрыва РДС-1. – *С.К.),* известной мне со слов главного конструктора

Скибарко Алексея Петровича и директора ВНИИРТ Мамиконяна Сергея Вартановича, которые в разное время поделились со мной такими воспоминаниями… В 1946 или 1947 году в г. Горький приехал из КБ-11 Турбинер В.А. с большой суммой наличных денег и предложил…Скибарко разработать радиодатчик для атомной бомбы<…> Первое летное испытание изделия с РД, разработанным коллективом А.П. Скибарко, на полигоне было неудачным. Анализ причин неудачи носил ***драматический*** характер. Министр Алексеенко вместе с А.П. Скибарко были вызваны к Берии для объяснений.<…>

…другой разговор состоялся в кабинете Берии с Алексеенко и Мамиконяном (со слов последнего), бывшего в то время главным инженером главка (которому административно подчинялся НИИ-11, где работал А.П. Скибарко) и который административно отвечал за это серьезнейшее задание.

Мамиконян стал горячо объяснять причину неудачи, в своей горячности позволил себе несколько раз перебить высказывания

Берии. Тот вдруг нажал кнопку, вошел полковник. «Взять его», – приказал Берия. Мамиконяна вывели в приемную, усадили на диван, по бокам сели два офицера. Вдруг открывается дверь, из кабинета, белый как мел, выходит Алексеенко и падает на ковер. «Я бросился к нему, – рассказывает Сергей Вартанович, – меня отдернули на диван. Я потянулся к телефону (это в Кремле, куда, как не мог не понимать начальник главка в Минсредсвязи, обычная «скорая» не заедет. – *С.К.),* мне – по рукам. Я с криком ударил по телефонному столику, грохнуло стекло, слетел аппарат. В дверях Берия:

– В чем дело?

– Хочу вызвать к министру врача, не дают.

– Зайди, им займутся.

Захожу в кабинет. Берия спрашивает:

– Что тебе нужно, чтобы доказать свою правоту?

– Три месяца сроку и два комплекта телеметрической аппаратуры…

– Хорошо. Будешь иметь. Докажи, что ты прав.

<…>

Наутро встречаюсь в коридоре наркомата с Алексеенко (то есть случайно, а не на срочном совещании после визита к Берии? – *С. К.).*

– Какого черта ты здесь делаешь?

– Иду на работу.

– Немедленно сегодня же поезжай в Горький, и чтобы здесь я тебя не видел.

…В Горьком за 3 месяца громадными усилиями сделали

новые приборы… Поставили приборы на изделие, сбросили… Но – опять отказ. <…>

– Ну что же, – спросил я, – поверил Берия телеметрии и Вам?

– Да нет, – говорит, – не мне поверил. И. Курчатов и Ю.Б. Харитон убедили его, что задача очень сложная и решать ее нужно большими усилиями…»

Это мы познакомились с «испорченным телефоном» Н.З. Тремасова. И Берия вновь выглядит черно, хотя показательно то, что даже в изображении Мамиконяна, воспроизведенном Тремасовым, в Берии проглядывает некая справедливость («Что тебе нужно, чтобы доказать свою правоту?»).

А как оно было на деле? В качестве предварительного замечания скажу, что В.А. Турбинер был принят на работу в КБ-11 с августа 1946 года, а уже 1 октября 1946 года Берия подписал распоряжение Совмина № 11762рс о создании радиовысотомера на заводе № 326, и только-только появившемуся на «объекте» Турбинеру никто деликатные переговоры не поручил бы. И уж тем более большой суммы наличных денег не дал бы (тем более что подобное не практиковалось).

Собственно, уже 12 сентября 1946 года Ванников и тогдашний министр промышленности средств связи И.Г. Зубович докладывали Берии о том, что в соответствии с постановлением Совмина № 1286-525сс от 21 июня 1946 года к работам по радиовысотомеру привлекаются завод и ЦКБ № 326 (директор завода Добров, директор ЦКБ Скибарко). Так что в любом случае все первые «завязки» шли без Турбинера, и правдой является лишь то, что впоследствии он к этим работам некоторое отношение имел.

А теперь познакомимся с документами, опубликованными в книге 6-й тома II документов и материалов Атомного проекта СССР (страницы 538–541). 26 марта 1949 года М.Г. Первухин направляет письмо Л.П. Берии:

«Осенью 1946 года решением Совета Министров СССР в помощь КБ-11 для разработки радиодатчика, т. е. прибора, предназначенного для подрыва изделия РДС-1 в воздухе на заданной высоте, было привлечено ЦКБ-326 (гл. конструктор Скибарко

А.И.). (Выделения подчеркиванием были сделаны Берией при чтении письма. – *С.К.)* <…>

Однако ЦКБ-326 (т. Скибарко) не справилось с возложенной

на них задачей и до сих пор не дало сколь-нибудь удовлетвори

тельного решения. Все радиодатчики, вмонтированные в

изделие РДС-1, на летных испытаниях дали полный отказ… <… >

Несмотря на меры, принимавшиеся Первым главным управлением и министром промышленности средств связи т. Алексеенко, улучшений в работе ЦКБ-326 нет. Более того, т. Скибарко, видимо, чувствуя безнаказанность своего поведения в этом серьезнейшем деле, предъявил КБ-11 такие требования в части габаритов своего радиодатчика, что КБ-11 вынуждено было пойти на переделки уже испытанных агрегатов.

Мы запретили КБ-11 вносить какие-либо изменения в конструкции, прошедшие летные испытания.

Сейчас положение с РДС-1 таково, что все агрегаты изделия можно считать отработанными, за исключением радиодатчика (этот абзац Берия выделил отчерком на полях. – *С.К.)*.

В связи с тем, что т. Скибарко за 2.5 года не сумел справить

ся с довольно несложной задачей (объективно она была непроста, но решаема. – *С.К.),* прошу Вас дать указание Министерству промышленности средств связи отстранить т. Скибарко от работы в ЦКБ-326 с понижением по должности и назначить на его место более способного инженера, который сможет обеспечить задания, возложенные Правительством на ПКБ-326.

М. Первухин.

2 6/III».

И вот какой была развернутая (машинописью на отдельном листе) резолюция Берии:

«В[есьма] срочно. *Лично.*

Тов. Завенягину А.П., тов. Алексеенко Г.В.

Почему этот вопрос возник только сейчас? По-видимому, ни 1-й Главк, ни министерство серьезно не интересовались разработкой этой конструкции.

Вызовите тт. Скибарко, Зернова и ведущего по этому узлу конструктора от т. Харитона и тщательно, по существу, разберитесь в положении с изготовлением конструкции, о которой идет речь в письме.

Разработайте и примите конкретные меры по обеспечению выполнения этого особо важного задания и жесткие сроки для исполнения. Установите, почему ЦКБ-326 проваливает выполнение задания Правительства, и доложите ваши выводы в отношении т. Скибарко и предложения по укреплению ЦКБ-326.

О результатах доложите.

Необходимо, чтобы в дальнейшем т. Алексеенко повседневно сам следил за выполнением задания, возложенного на ЦКБ-326.

Л. Берия. 30 марта 1949 г.».

Никаких угроз и разносов, никакой «лагерной пыли»! А главное, из резолюции Берии со всей очевидностью следует, что:

– до 30 марта 1949 года Берия с возникшими проблемами разработки радиодатчика не был знаком и после того, как 1 октября 1946 года подписал распоряжение Совмина о создании радиовысотомера, он к этому вопросу более не возвращался;

– до 30 марта 1949 года (как и, к слову, впоследствии) Берия лично с разработчиками радиодатчика не встречался, письменно поручив разобраться со всем руководству ПГУ и Алексеенко.

Надо прибавить, что того же 26 марта уполномоченный Совета Министров СССР по КБ-11 В.И. Детнев направил Берии свое собственное письмо «О неудовлетворительном ходе работ по разработке и изготовлению радиодатчика в ЦКБ-326» с сопроводительной запиской на имя помощника заместителя Председателя Совмина по руководству уполномоченными Совмина Н.С. Сазыкина. Однако к Берии это письмо уже не попало, о чем на «сопроводиловке» имеется помета Сазыкина: *«В дело. По этому вопросу уже приняты необходимые меры. Материал т. Берия не доложен. Н. Сазыкин. 4.IV. 1949».*

Меры принимались. 2 мая 1949 года вышло постановление Совмина СССР «Об отработке прибора «Вибратор»» № 1772-645сс/оп, где фигурировали фамилии Ванникова, Алексеенко и Скибарко (но – не Мамиконяна) со сроком окончания отработки 1 августа.

8 июня Завенягин и Алексеенко в докладной записке на имя Берии сообщали о ходе работ (10 мая первый неудачный сброс «изделия», 17 мая – неполное срабатывание).

30 июня уже Первухин и Алексеенко доложили Берии, что два сброса 16 и 18 июня на полигоне № 71 под Керчью были удовлетворительными.

А 24 августа 1949 года Первухин и Алексеенко в очередной докладной писали:

«За время с мая по июль с.г. на 71-м полигоне ВВС ВС были проведены летные испытания семи радиодатчиков в изделиях «501».

На первых двух изделиях «501…» были исследованы реальные условия работы датчика и установлены причины их отказа… На последующих пяти изделиях «501» испытаны радиодатчики, в которые были внесены конструктивные и схемные изменения… Все они показали удовлетворительное срабатывание…»

В завершение сообщу читателю, что отработка радиодатчиков велась и позднее, в параллель с дублирующим вариантом с барометрическим датчиком (то есть с датчиком, реагирующим на изменение давления с изменением высоты). А Скибарко, между прочим, так и остался главным конструктором в горьковском НИИ.

Вот и все об очередном «злодействе» Берии по стиранию в «лагерную пыль» своих «невинных» сограждан. А ведь и здесь мы имеем дело с, казалось бы, компетентными свидетелями! Тремасов – фигура в атомной отрасли известная…

Увы, когда мы сталкиваемся с «воспоминаниями» о Берии, «поведанными» нам через много лет после того, как Берию представили злодеем впервые на июльском Пленуме ЦК, то надо быть очень осторожным даже в случаях, когда мемуаристами оказываются доктора наук, а то и академики. Осторожным потому, что когда Берию выставляют «монстром» и «палачом», нам не о реальном историческом Берии рассказывают. Нам перепевают те слухи, которыми он оброс за много десятилетий хулы на него. И если уж недобросовестными по отношению к памяти и доброму имени Лаврентия Павловича оказываются инженеры и ученые, то что уж говорить о людях «творческих», которым вымыслы по роду деятельности положены!

И идут в ход «достоверные свидетельства жертв» о «пытках, руководимых лично Берией», о его руках «по локоть в крови…». Ну почему обязательно «по локоть»? Писали бы уж – «по плечо» или, хотя бы, «по предплечье»…

Вот еще один пример… Упомянутая мной книга о Завенягине издана при поддержке ОАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», потому что Завенягин, окончив Горную академию, был одним из основателей Норильского комбината. По количеству цитат из злобствующих по адресу Берии источников ее можно отнести, повторяю, к классическим, и особенно часто там цитируется рукопись «воспоминаний И. И. Новикова» из архива автора-составителя М.Я. Важнова. В именном указателе к книге о мемуаристе сказано кратко: «академик РАН», и Важнов приводит такие его откровения:

«Завенягин лучше, чем кто-либо другой, осознавал, насколько важно в самые сжатые сроки создать атомную бомбу, и притом так, чтобы это был не единичный экземпляр… но чтобы одновременно было запущено производство, обеспечивающее выпуск нужного количества таких бомб.

Стратегическая задача, сформулированная Завенягиным, Ванниковым, Курчатовым (именно в такой последовательности. – *С.К.),* состояла в том, чтобы в кратчайший срок создать промышленное производство ядерного оружия…» и т. д. и т. п.

Завенягин в ПГУ был, вообще-то, заместителем Ванникова по ***общим*** вопросам, а в соответствии с распределением обязанностей руководящего состава ПГУ он непосредственно наблюдал за (цитирую по документам):

«1) вопросом металлургии,

2) вопросом аффинажа и горнорудных предприятий,

3) вопросами геологии,

4) строительством,

5) ГСПИ-11 (Государственный союзный проектный институт. – *С.К.),*

6) контрольной группой,

7) охраной труда,

8) снабжением общим,

9) транспортом».

Это все вопросы важные, однако – не ключевые. В стратегические проблемы Завенягина особо не вовлекали, хотя что-то приходилось решать и ему. Порой – и в стратегической сфере. Но кто сам-то академик Новиков? Какой он внес вклад в советский Атомный проект? Если судить по другому его пассажу, приводимому в книге, изданной «ПолиМЕдиа», то академик в оружейной проблеме поработал на славу и знал все до тонкости, например:

«Напряженная работа, проходившая к тому же в обстановке подозрительности и недоверия со стороны Берии, постоянных угроз и поощряемых Берией доносов, изматывала организм и подрывала здоровье Завенягина, Ванникова, Курчатова…»

Или:

«Накануне первого взрыва атомной бомбы Берия подготовил проскрипционные списки на Курчатова и его сотрудников, которых намеревался жестоко покарать в случае неудачи испытания» и т. д. и т. п.

Так кто же этот знаток «атомной» истории страны? В справочнике Минатома за 1995 год «Кто есть кто в атомной энергетике и промышленности» такового атомщика не отыскалось, зато в общероссийском справочнике значилось: «Новиков Иван Иванович, действительный член РАН, г.р. 1916, советник при дирекции Ин-та металлургии. Главные направления научной деятельности: фундаментальные исследования газообразного состояния, в особенности водяного пара…»

Вот так «оружейник»! Вот так «эксперт»! Отыскался след Иванов и в справочнике АН СССР за 1977 год. Тогда еще членкор, Новиков, состоя в отделении физико-технических проблем

энергетики, работал в том же Институте металлургии имени А.А. Байкова. Как теплотехник он, похоже, имел отношение к работам по атомной энергетике, но в оружейных проблемах не ориентировался абсолютно. Однако гнусности о Берии под прикрытием академической тоги в общественный оборот запустил.

Возможно, кому-то из читателей покажется неуместным мой тон по отношению к вполне заслуженному человеку. Но за время работы над этой книгой я не раз просто-таки стервенел от подлой безответственности подобных «специалистов по водяному пару», на старости лет решивших приобрести еще и дополнительную квалификацию специалистов по «лагерной пыли». Так что за свою злую иронию в их адрес просить прощения ни у кого не намерен. А этот знаток «газообразного состояния» еще и Павла Судоплатова грязью облил:

«По видимому, в целях устрашения Берия вводит в аппарат Спецкомитета – на правах начальника технического отдела (это так у академика именуется Бюро № 2 по разведке. – *С.К.)* – политического киллера Судоплатова…»

Что тут можно сказать? Иногда не только по делам, как утверждал Христос, но и по словам их узнать можно ***их…*** Тем более что слово – это тоже дело.

ЛЮБИТЕЛИ пускать «лагерную пыль» в глаза доверчивых людей немало написали и о драконовских-де режимных мерах, о зловещих «уполномоченных» Берии, свинцово-де нависавших над душой атомщиков. Уполномоченные Совета Министров СССР на атомных объектах действительно были. Однако отбирались они из числа технически образованных чекистов. Аркадий Константинович Круглов, автор одной из первых серьезных и профессионально точных книг об атомной отрасли «Штаб Атомпрома», написал о них так:

«Естественно, стиль работы этих уполномоченных был разный и не мог нравиться всем в условиях той гонки работ по Атомному проекту, однако ярлык «доносчик» или «надсмотрщик», который с легкой руки журналистов, да и ряда специалистов, получил распространение, весьма примитивно и необъективно характеризует деятельность этих людей».

Берия, как мы помним, был опытным и разведчиком, и контрразведчиком (что в одном лице удачно сочетается не часто), и введение института уполномоченных Совмина в структуру атомных работ было удачной его идеей. Причем многое в нашем «режиме» было взято из опыта организации режимных мер безопасности, применявшихся в Манхэттенском проекте США –

они ведь были первыми.

И «режим» в «демократических» Штатах был отнюдь не мягок. Читатель должен помнить имя Владимира Козьмича Зворыкина, эмигрировавшего в 1919 году в США. Зворыкин – изобретатель телевидения, крупнейший специалист в области электронной оптики, президент «Radio Corporation of America (RCA)». Его приборы ночного видения армия США использовала еще во время Второй мировой войны!

Не имеющий отношения к политике, Зворыкин в 1943 году возглавил, однако, Нью-Йоркское отделение Фонда помощи жертвам войны в России (в его работе участвовала даже жена президента Рузвельта). А в 1945 году Зворыкин был включен в группу специалистов, имеющих заданием поиск научно-технических секретов рейха на территории Германии. Но когда он появился с группой в Вашингтонском аэропорту, выяснилось, что покидать пределы США ему запрещено. Зворыкин вспоминал об этом так:

«Я узнал, что мой паспорт задержан госдепартаментом из-за того, что я являюсь членом Фонда помощи жертвам войны в России… Что и говорить, горькая пилюля после…стольких трудов, отданных моей новой стране. Я…почувствовал себя как в клетке. Пришлось… готовиться к увольнению из RCA, так как я лишился допуска к своей работе над секретными проектами. Здесь за меня вступился генерал Сарнов (глава исследовательской фирмы «David Sarnoff». – *С.К.)*… В конце концов в 1947 году мне вернули паспорт, и я опять стал свободным человеком».

Я привел этот пример не в осуждение действий властей США. Каждая страна вправе охранять свои секреты так, как считает это нужным. Но чтобы завершить тему о разумности и пользе режимных ограничений, я приведу еще одну историю с тем же Зворыкиным.

Фирма RCA в 1935 году заключила крупный договор с Наркоматом электропромышленности СССР на поставку технической документации и оборудования для производства электровакуумных приборов. Последний раз Зворыкин приезжал в связи с этим в Ленинград и Москву в 1936 году. Сегодня порой утверждают, что в последующем Зворыкин до 1959 года воздерживался даже от служебных поездок в СССР в связи с расширением-де репрессий, но имеются данные, позволяющие объяснить это воздержание иначе. В сентябре 1934 года 28-летний Ленинградский ученый Леонид Кубецкий продемонстрировал русскому американцу свою новую разработку – многокаскадные электронные умножители. Это была

феноменально плодотворная идея, полезная для многих практических целей. Набросав на первом попавшемся клочке бумаги схему Кубецкого, Зворыкин по приезде в США быстро разработал свой умножитель, получил на него патент и в октябре 1935 года сделал доклад об этом новом классе электронных приборов в Нью-Йоркском отделении Института радиоинженеров. Однако на приоритет Кубецкого, естественно, не сослался.

Кого-то интересует при этом судьба Кубецкого? Что ж, в 1948 году он получил Сталинскую премию и как раз в год гибели Берии удостоился статьи о себе в Большой Советской Энциклопедии… Но откровенничал он со Зворыкиным все же зря. И если бы в момент их беседы рядом был, скажем, уполномоченный Совмина генерал-лейтенант Ткаченко, то, может быть, у Нового Света одним открытием было бы меньше.

Я вспомнил именно И.М. Ткаченко не зря. В начале войны он был начальником 7-го отдела НКВД, отвечавшего за чекистское обслуживание производства минометов, а в Атомном проекте стал уполномоченным СМ СССР на комбинате № 817. Как помнит, надеюсь, читатель, в своих воспоминаниях Новиков-оружейник (назовем его так в отличие от Новикова-теплотехника) выставил Ткаченко чуть ли не дураком. А он был всего лишь полезным педантом. Он ничего не запрещал – прав таких не имел. Он информировал и, скажем, 24 июня 1948 года писал заместителю Председателя Совета Министров Союза ССР товарищу Берии Л.П. о нарушении Курчатовым и Славским правил техники безопасности:

«Академик Курчатов И.В. игнорирует иногда все правила безопасности и предосторожности (особенно когда что-либо не ладится)… Товарищ Славский Е.П. ведет себя еще более неосмотрительно.

Так, 21 июня товарищ Курчатов спустился на лифте на отметку минус 21 метр в помещение влагосигнализаторов в то время, когда активность в нем была свыше 150 допустимых доз.

Прикрепленные к нему работники охраны МТБ, не будучи на сей счет проинструктированными, а сотрудники радиометрической службы, преклоняясь перед его авторитетом, не препятствовали тов. Курчатову…

Так как его посещения зараженных мест не вызываются никакой необходимостью, я лично просил тов. Курчатова быть в дальнейшем более осмотрительным…

Прошу Ваших указаний…»

И Берия лично и строго предупреждает «нарушителей» – во имя их же здоровья. Тот же Ткаченко указывал, что отклонения от проекта завода «Б» комбината № 817 и недостаточное участие

научного руководителя (то есть Курчатова) в проведении реконструкции завода может привести к его досрочной остановке и загрязнению окружающей среды. К Ткаченко не прислушались, и со временем получили экологическую катастрофу.

Я не знаю судьбы Ткаченко после гибели Берии, но знаю, что год его рождения – 1910-й, а смерти – 1955-й. И скорее всего, он разделил судьбу своего начальника, скромным и честным сотрудником которого был долгие и бурные годы в великую эпоху.

А СЕЙЧАС я без прямой связи с предыдущим (хотя, это как посмотреть!) намерен отдать читателю два должка, которые числю за собой еще с «военных» глав этой книги.

Я имею в виду тему «насильственного переселения народов», главным виновником которого привычно называют Берию. Когда-то ведь надо сказать и о ней хотя бы пару слов.

1 сентября 1942 года на имя члена ГКО Берии и командующего Закавказским фронтом Тюленева из Генерального штаба ушел запрос:

«Срочно. Берии и Тюленеву.

Масленников (командующий Северной группой войск. – *С.К.)* и Чечено-Ингушский обком ВКП(б) просят у Ставки Верховного Главнокомандования разрешения:

1. Перевести национальные чечено-ингушские кавполк и кавдивизион в действующие части Северной группы войск.

2. Разрешить начать прием добровольцев в ряды Красной Армии…

При этом Масленников доносит:

а) ингуши и чеченцы хотят драться с немцами,

б) в республике имеется свыше 45 000 военнообязанных, которых в Красную Армию не призывают, и считает необходимым развернуть среди чеченцев и ингушей движение за добровольное вступление их в Красную Армию…

Тов. Сталин приказал запросить Ваше мнение по этим вопросам».

Берия к такой идее отнесся скептически и был прав. Генерал-пограничник Масленников, с которым читатель уже знаком, имел открытую душу солдата, и представить себе, что предать Родину способен целый народ, он не мог. К тому же получить в тяжелые дни пополнение под полусотню тысяч человек было для генерала делом заманчивым. Но Берия знал и понимал то, что знают и понимают порой лишь опытные врачи и опытные контрразведчики…

Чеченцы были занозой в теле еще царской России, и ход

военных событий доказал правоту Берии: доверять Чечне было нельзя! Поэтому когда военная обстановка позволила, чеченцев из Чечни выселили.

Ну, ладно! Допустим, Сталин и Берия проявили несправедливость к народу ***в целом***, выселив всех подряд чеченцев в 1944 году в глубинные районы страны… Но почему же с 1991 года этот «невинно пострадавший» народ – народ ***в целом***, хотя и не все в нем виновны – стал одним из факторов разложения России?

Думаю, честно размышляя над этим вопросом, читатель сам отыщет и ответ на вопрос – имелись ли основания у Сталина и Берии поступить так, как они поступили. Причем реально чекистская операция на Кавказе была проведена без тех эксцессов, которыми ныне полны «демократические» ее описания.

Что же до крымских татар, то я приведу документ, который в 60-е годы хранился в архиве Крымского обкома партии (фонд 151, опись 1, дело 17):

«Список умерших партизан по Ялтинскому отряду с 26.III/42 г.:

26.111. – При нападении на сан. землянку бывшей 3 группы убиты противником: Сергеев, Пташинский, Горемыкин, Казачек, м/с Николаева.

28.111. – Умер боец Годин, причина – болезнь, грипп.

2. IV. – Умер Афонин – болезнь сердца.

2. IV. – Убиты предателем – Смирнов, Вязников, Агеев.

5. IV. – Умер Качалов, причина – истощение.

7. IV. – Умер Долгов, причина – истощение

10. IV. – Умер Гарбузов, причина – истощение

12. IV. – Умерли тт. Болотин, Шостик, Боршинов…Зибарев. От голода.

13. IV. – Умер т. Гребенщиков. Голод.

14. IV. – Умер Гардаш. От голода.

18. IV. – Умер Зуев А.А. От голода.

21. IV. – Умерли Сокольский, Мухин. От голода.

24. IV. – Умер Расторгуев. От голода.

19. V. – Умер Шутенко. От голода.

21. V. – Умер Гришко. От голода.

21. V. – Умер И.П. Дорошенко. От голода.

20. V. – Умер Алексеев. От голода.

21. V. – Убит Пономаренко.

30. V. – Умер Орехов. От голода.

6. V. – Умер Тимохин. От голода.

10. V. – Умер Коренюк. От голода.

15. V. – Умер Кравченко. От голода.
17. V. – Умер Лобода. От голода.
22. V. – Умер Загоса Д.В. От голода.
26. V. – Умер Кузерин. От голода.
26. V. – Умер Кондратенко В.А. От голода».

Это – результат того, что крымские татары-проводники выдали немцам практически все продовольственные базы партизан в Крымских горах.

В Крыму были десятки лагерей военнопленных – немцы хотели сделать Крым неприступным, и для фортификационных работ требовалась рабочая сила. Охрана лагерей – татары. Если среди пленных оказывался краснофлотец (обрывок фланельки, тельняшки, наколотый якорек), то смерть для такого славянского парня со Смоленщины или Полтавщины становилась избавлением после стандартных надругательств: вырезанные звезды, полосы «тельняшки», выколотые глаза, отрезанные гениталии…

Читай, читай, уважаемый читатель, и дай прочесть «демократу». Я намеренно не привожу здесь цифровых данных, хотя они говорят о том, что процент крымских татар, лояльных к Советской власти, не превышал 20 процентов.

А ведь только 9 мая 1945 года стало известно, что война закончилась 9 мая 1945 года, и закончилась нашей победой. Немцы не считали себя побежденными даже в январе 1945 года и имели к тому основания – рейх был еще силен и наносил мощные удары по русским в районе озера Балатон, по союзникам в Арденнах. А уж в 1944 году многие в рейхе (что бы там ни писали обратного) были уверены в том, что неудачи – явление временное. Так могла ли Россия позволить себе роскошь иметь в 1944 году в своем тылу потенциальные очаги восстаний на Кавказе и в Крыму, поддержанных извне?

И опять-таки, посмотрим на сегодняшнюю ситуацию. Что принес возврат в Крым «репрессированного татарского народа»? Кровь, нарастающий этнический конфликт. И источник его – народ, «невинно пострадавший» от «палача» Берии.

Я ОТВЛЕКСЯ на сюжеты, от атомных на первый взгляд далекие, а на самом деле – связанные с ними тем обстоятельством, что любой сюжет, связанный с Берией, как орех скорлупой покрыт прочной коркой окаменевшей грязи. Но если эту корку разбить, то мы получаем «ядро» правды о Берии. И эта правда о его довоенной, военной и послевоенной деятельности доказывает огромный человеческий масштаб и человеческую состоятельность того, кто ее проводил.

Как государственная фигура он был не добр и не зол, он был адекватен исторической ситуации. А чего еще мы можем требовать от выдающихся государственных фигур? Но и как государственная фигура он никогда не был безжалостен и бездушен. Не таким у него было начало жизни, чтобы в его душе выросла жестокость и палачество.

Перебрасывая же мостик из темы «репрессий» к «атомной» теме, я познакомлю читателя с уже упоминавшимся мной письмом П.М. Зернова Б.Л. Ванникову от того самого 12 февраля 1949 года, когда Зернов якобы замахивался на Берию то ли канделябром, то ли – пресс-папье, то ли – дубиной, вырезанной из развесистой клюквы. Зернов писал:

«…за последние восемь месяцев в зоне объекта сложилась совершенно ненормальная обстановка.

По решению Правительства в 1947 году для обеспечения безопасности на объекте… из пределов зоны были отселены все лица, имевшие в прошлом судимость или другие компрометирующие их данные (было отселено 500 человек, включая членов семей, с предоставлением нового жилья и ссуд, с выплатой компенсаций и т. п. – *С.К.)*…

Однако дело изменилось коренным образом в худшую сторону, начиная с апреля месяца 1948 года.

Освобождаемых из заключения строительное управление № 880 МВД СССР… стало оставлять на стройке в качестве вольнонаемных. В результате таких лиц в зоне скопилось более 1750 человек…

Среди освобожденных из лагеря и теперь свободно проживающих в поселке много хулиганства, воровства, грабежей и были случаи убийств…

В общественных местах постоянно толпы бывших заключенных. Научные и инженерно-технические работники (это речь об элите Атомного проекта. – *С.К.)* не могут попасть в кино, стали бояться вечерами и ночами ходить по улицам…

Мною три раза по этому вопросу подавались докладные записки на имя т. Берия Л.П., но так как никаких решений нет, то я не знаю, доложены ли они ему?»

Зная уровень «режима» в непосредственно стенах КБ-11, в подобную коллизию *рядом с ними* трудно поверить! Но так ведь оно и было. А сегодня о тех, кто работал на «атомных» стройках в лагерном ватнике, пишут исключительно как о «жертвах режима». И невольно жалеешь, что в общественные места, заполненные той «криминально продвинутой» толпой «жертв» «палача» Берии, нельзя хотя бы на полчаса перенести актив «Мемориала» и прочих «обличителей» «преступлений» Лаврентия Павловича. Возможно,

тогда сплетен и инсинуаций вокруг его деятельности поубавилось бы…

И еще насчет «атмосферы страха», якобы витавшей вокруг всего, связанного с деятельностью Берии. 8 марта 1947 года Завенягин пишет Берии:

«Первое Главное управление охраняется вахтерской охраной, укомплектованной вольнонаемными лицами.

Несмотря на систематически применяемые дисциплинарные меры… имеют место сон на посту, дезертирство и ряд других серьезных проступков.

Опыт показал, что вахтерская охрана является совершенно ненадежной, не обеспечивающей сохранность секретной документации Первого главного управления…»

В такое тоже поверить трудно. Но и это ведь было! А теперь подумаем, если бы ***тогдашняя*** народная молва приписывала Берии некое «палачество», вели бы себя вахтеры так безответственно? И какова же судьба этих нерадивых вахтеров? Стерты «в лагерную пыль»? Отданы в «рабство» ГУЛАГа? Нет, Завенягин всего лишь просит передать функции охраны Министерству госбезопасности.

Министр ГБ Абакумов отказывает на том основании, что МГБ охраняет только Совмин и ЦК. В том же стиле отказывает и министр внутренних дел Круглов. Тогда 24 марта 1947 года Берии пишет еще и Н.А. Борисов из Госплана. И 25 марта появляется подписанное зампред Совмина Берией распоряжение СМ СССР о передаче охраны зданий ПГУ при СМ СССР Министерству внутренних дел СССР.

Но Берия не был бы Берией, если бы в том же распоряжении не поручал Завенягину и Борисову в связи с передачей охраны МВД «сократить соответственно штат комендатуры и охраны», установленный почти год назад. Берия умел быть не только оперативным, но и экономным – по-крупному и в мелочах.

И можно лишь удивляться, как ему удавалось и то, и другое при все возраставшем круге поручаемых ему важнейших вопросов государственного бытия. Ведь Атомным проектом его задачи не исчерпывались…

Глава 20
Берия + Куксенко = «Беркут»

Нет, уважаемый читатель, Берия в этой формуле носил имя не Лаврентий, а Серго. Хотя и Лаврентий Берия к рождению этой формулы имел непосредственное отношение.

И перед тем как начать рассказ о системе «Беркут» и Третьем Главном управлении при Совмине СССР, я предложу читателю присказку. Летом 1941 года фронт неуклонно приближался к столице. И, как вспоминал авиаконструктор А.С. Яковлев, в Ставке В ГК было решено провести военную игру по отражению воздушного налета на Москву.

Игра проводилась в том особнячке рядом с Наркоматом авиационной промышленности, где размещалась Ставка, пока для нее готовилось кремлевское бомбоубежище. В небольшом зале, увешанном картами и схемами, собрались Сталин, главком ВВС П.Ф. Жигарев, его заместитель И.Ф. Петров, нарком авиационной промышленности Шахурин, его заместители Дементьев и Яковлев, авиационные генералы.

Докладывал командующий ПВО Москвы генерал-майор Громадин и командующий истребительной авиацией ПВО полковник Климов.

Возможно, был там и Берия, поскольку как член ГКО отвечал и за вопросы ВВС, но история, а также Яковлев (авиаконструктор) об этом умалчивают.

Яковлев пишет:

«На протяжении всего учения Сталин внимательно за всем наблюдал и слушал, но не проронил ни слова. Когда игра была закончена и, как полагалось, атаки воображаемых самолетов противника отражены, он молча обошел вокруг планшета. Создалось впечатление, что разыгранные варианты его не убедили… Наконец, раскуривая свою трубку, он произнес как бы сквозь зубы:

– Не знаю, может быть, так и надо…

Потом молча пошел в кабинет, пригласив туда Шахурина, Дементьева, Жигарева, Петрова и меня…

Так же как и на нас, на него эта военная игра не произвела серьезного впечатления: как-то все схематично и бумажно».

Однако ПВО Москвы была уже тогда далеко не «бумажным тигром». А.Г. Федоров, автор монографии 1975 года «Авиация в битве под Москвой», сообщает, что согласно постановлению ГКО от 9 июля 1941 года в составе Московской зоны ПВО имелось 585

самолетов, 1044 зенитных орудия (а советские зенитки были очень хороши!), 336 зенитных пулеметов, 618 прожекторных станций, 124 поста аэростатов заграждения и 702 поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи).

Для сравнения там же сообщается, что Лондон прикрывало 452 орудия крупного, среднего и малого калибра, Берлин – 724.

Сюда надо прибавить еще и 8 первых отечественных радиолокационных станций типа «Редут» и РУС-2.

Москву прикрывали мощно – не в одночасье же была собрана и обустроена здесь такая сила! Система ПВО Москвы строилась как круговая, дальние рубежи ВНОС были отнесены на 200–250 километров от Москвы, и это позволяло истребительной авиации встречать противника на дальностях, начиная со 150–200 километров от города и вести бои до внешней границы зоны зенитного огня (28–32 километра от центра города). В последнюю зону вход истребителям запрещался, за исключением случаев преследования противника, начатого вне зоны действия зениток.

И все же, как видим, Сталин сомневался, хотя Московская ПВО реально сработала неплохо – в первом же налете на столицу 22 июля немцы потеряли 12 самолетов, сбитых истребителями ПВО, и 10 – от зенитного огня. К Москве прорвались лишь одиночные бомбардировщики. При этом части зенитной артиллерии 1-го корпуса ПВО израсходовали 29 тысяч снарядов и около 130 тысяч пулеметных патронов.

Всего же за двухмесячный период отражения налетов на Москву была израсходована 471 тысяча снарядов, при этом средний расход на отраженный самолет составил 2775 снарядов. Недешевое это удовольствие – сбитый самолет.

Но тогда уже в системе ПВО были, как сказано, и радиолокационные станции. Так вот, при использовании РЛС средний расход снарядов на один отраженный самолет составил всего 98 снарядов. А один зенитный артиллерийский снаряд стоил тогда пары хромовых сапог.

Когда немцы отошли от Москвы, меры по защите столицы не ослабели. По постановлению ГКО от 5 апреля 1942 года был создан Московский фронт ПВО, преобразованный в июле 1943 года в Особую Московскую армию ПВО. Фронт все более отодвигался на запад, дела шли все лучше, и с какого-то момента исчезла даже теоретическая угроза налетов.

Налетов немцев… Однако сразу же после войны Сталина опять начала занимать проблема ПВО Москвы. Ведь с появлением ***у США*** атомных бомб эта проблема изменялась принципиально. Даже одиночный самолет над Москвой теперь мог обеспечить русской столице участь Хиросимы.

А вот после такой «присказки» можно вести и сам рассказ…

СОБСТВЕННО, я здесь опираюсь на свидетельство, в частности, такого компетентного эксперта, как генерал-майор, доктор технических наук Александр Павлович Реутов. Крупный ученый и конструктор в области радиолокации, он после окончания в 1950 году Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского начинал в том КБ-1, которое и положило начало современной ПВО Москвы.

Он приводит рассказ основателя КБ-1 генерал-майора Павла Николаевича Куксенко – тоже крупного ученого и конструктора-радиотехника – о том, как в одну из ночей 1950 года Куксенко вызвал к себе Сталин и сообщил, что последний неприятельский самолет пролетел над Москвой 10 июля 1942 года, и это был одиночный разведчик. А после этого Сталин сказал, что теперь надо строить такую ПВО Москвы, которая даже в случае «звездного» (то есть со всех направлений) массированного налета не пропустила бы к столице ни одного самолета, способного нести атомную бомбу.

На вопрос Сталина – какой должна быть такая ПВО, Куксенко ответил, что перспективная система противовоздушной обороны должна строиться на основе сочетания радиолокации и управляемых ракет «земля – воздух» и «воздух – воздух».

Сталин подробно расспрашивал Куксенко, как считает Реутов, потому, что проблема была для него достаточно нова. Но я не исключаю, что Сталин одновременно и испытывал пятидесятидвухлетнего специалиста, потому что значение радиолокации ему стало понятно еще до войны, хотя бы – после его бесед с адмиралом Акселем Ивановичем Бергом (отец – швед, мать – итальянка, сам Берг – чистокровный русак).

Чтобы читатель понял, что и мы не лаптем щи хлебали в «тоталитарные» времена, сообщу, что первая серийная бортовая радиолокационная станция «Гнейс-2» разработки В.В. Тихомирова была создана в июле 1942 года и устанавливалась на бомбардировщике Пе-2 в варианте перехватчика. А Совет по радиолокации при ГКО, заместителем председателя которого стал Аксель Берг, был образован в июле 1943 года. Председателем Совета был, между прочим, Маленков, но и здесь он как компетентный управленец-«технократ» не отличился. В конце концов и радиолокацию – как заинтересованное лицо в высшем руководстве – поддерживал Берия.

Куксенко же во время войны в звании капитана ГБ был главным инженером номерного НИИ НКВД радиотехнического профиля, и Берия, безусловно, его знал. В 1947 году, в возрасте

51 года (родился в 1896-м, умер в 1980-м) Павел Николаевич стал доктором технических наук, а за год до этого получил Сталинскую премию за разработку нового бомбардировочного прицела. Весьма вероятно, что именно Берия «вывел» его на Сталина.

Так или иначе, Сталин сказал Куксенко, что необходимо незамедлительно приступать к созданию ПВО Москвы, рассчитанной на отражение массированного налета с любых направлений. Вскоре было образовано Конструкторское бюро № 1 (КБ-1) Министерства вооружения – крупный конструкторский и научно-производственный концерн по разработке систем радиоуправляемого ракетного вооружения. Во главе КБ-1 были поставлены профессор Куксенко и молодой Серго Берия, окончивший академию связи в Ленинграде.

Григорий Васильевич Кисунько – в 1946 году преподаватель академии, а позднее – один из ветеранов и КБ-1, и работ по противоракетной обороне, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, генерал-лейтенант, в 1996 году издал книгу «Секретная зона». Книга Кисунько в части оценок, особенно политических, оказалась неглубокой, но ценна описаниями фактической стороны дела.

О Сергее Берии он пишет, что тот высокомерием не отличался, был воспитан и тактичен, а «голова у него варила неплохо…». Кисунько же сообщает, что Сталин, убедившись в том, что Куксенко способен дать эффективную систему ПВО, «уже не считал нужным вызывать Павла Николаевича для личных бесед, предоставив «Беркута» на полное попечение Л.П. Берия».

Итак, и ракетные дела сваливались на того же человека, что вел уже дела атомные…

ВПЕРВЫЕ Берия столкнулся с ними по крайней мере за три года до войны, о чем практически никто сейчас не вспоминает. Причем он сразу же вышел на такую мощную «ракетную» личность, как Сергей Павлович Королев. Да, в то время Королев был осужден и находился в заключении. Но могу сообщить читателю, что журнал посещений кремлевского кабинета Сталина зафиксировал появление Сергея Павловича в этом кабинете в октябре 1938 года (15 октября с 22.15 до 23.40). Это был долгий разговор с участием Ворошилова, вошедшего к Сталину в 21.50 и вышедшего от него уже без десяти два 16 октября.

Так что рассказы о том, что будущий Главный конструктор космонавтики годами кайлил породу, можно отдать антоновым-овсеенкам. Королеву пришлось, конечно, несладко, но не Берия в том виноват – арестовывали Королева до прихода Лаврентия

Павловича на Лубянку. А вот после прихода туда, Берия – среди множества дел по непосредственному, так сказать, профилю его «конторы» – внимательно знакомился и с остальным.

Один из основателей ГИРДа – Группы изучения реактивного движения, в Ракетном НИИ Королев с 1934 года занимался управляемыми крылатыми ракетами: 201, 212, 216, 217… Ракета 212 класса «земля – земля» стартовала с помощью пороховой ракетной катапульты с рельсовых направляющих, и ее первый полет состоялся 29 января 1939 года. Тогда, когда Королев был «заключенным». И уже 3 апреля 1939 года он вновь появляется в кабинете Сталина, на этот раз – вместе с Берией!

И они просидели там втроем с 18.00 до 18.35. Немногим более получаса, но это были полчаса личной беседы с главой государства! И разговор, скорее всего, шел о том, как лучше организовать работу Королева, чем Берия может и должен помочь… А поскольку все три собеседника были людьми дела и болтовни не терпели, то за полчаса все и обговорили.

Но видно, Сталина интересовали и чисто технические подробности, потому что на следующий день Королева привезли к Сталину еще раз. И они уже наедине беседовали еще час – с 18.00 до 19.00.

В книге безусловно выдающегося деятеля советского ракетостроения Бориса Евсеевича Чертока «Ракеты и люди» утверждается, что Сталину «обычно докладывали» о всех новинках в области вооружений, но о «сухопутных (для профессионала термин вообще-то странный. – *С.К.)* реактивных снарядах Сталин до 1941 года информации не имел».

Как видим, имел.

Причем, заметим, – вот невинно осужденный Королев перед Сталиным. Нам давно привычна сказочка о вздохах: «Эх, если бы Сталин знал!» Но вот Сталин знает… Он ведь не может не знать, ***откуда*** к нему ***привозят*** молодого талантливого ракетчика.

Ну, так что же этот ракетчик не падает на колени и не просит: «Помилуй, мя, товарищ царь-государь! Не губи душу!»?

Нет – идет деловой разговор, и оба понимают, что некий грех был, и что надо отработать его делом, и что отработан он будет, а за этим последуют и почет, и награды, и… И главное, – новые задания и задачи. Новая увлекательная работа!

Они ведь все ею жили тогда – новые советские люди…

И – Королев.

И – Сталин.

И – Берия.

И уже 28 февраля 1940 года летчик-испытатель В.П. Федоров выполнил первый полет на ракетоплане РП-318 конструкции

Королева, основанной на его же планере СК-9, с работающим жидкостным ракетным двигателем. А в 1942–1943 годах Королев ведет разработку самолетного ракетного ускорителя для самолета Пе-2Р, за что в 1945 году был награжден орденом.

После войны Королев в числе других работал в Германии, изучая богатейший опыт немецких ракетчиков, и там его пути пересекались с генералом Зерновым, который тогда тоже, как уполномоченный Особого комитета при ГКО, имел отношение к «ракетным» поискам.

Берия был в курсе всех этих вопросов и на рубеже 1945–1946 годов стал одним из тех, кто подписал докладную записку Сталину с предложением об организации работ по ракетной технике в СССР и в Германии (там был развернут институт «Нордхаузен»). Подписали ее кроме него Г.М. Маленков, Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, а также министр вооружений Д.Ф. Устинов и начальник ГАУ маршал артиллерии Н.Д. Яковлев.

14 и 29 апреля 1946 года в кремлевском кабинете Сталина прошло два совещания на эту тему, и 13 мая 1946 года вышло Постановление СМ СССР № 1017-419сс «О вопросах реактивного вооружения». При Совмине создавался Специальный комитет по реактивной технике в составе: Г.М. Маленков (председатель), Д.Ф. Устинов и И.Г. Зубович (заместители председателя), Н.Д. Яковлев, П.И. Кирпичников (читатель должен его помнить по работе в группе при члене ГКО Берии во время войны), А.И. Берг, П.Н. Горемыкин, И.А. Серов (его, заместителя министра внутренних дел Круглова, Черток в своих воспоминаниях упорно именует заместителем Берии), Н.Э. Носовский.

Берия в этот Комитет № 2 не входил, но вот оценка П.И.Качура, автора статьи «Ракетная техника СССР: послевоенный период до 1948 г.» в № 6 журнала Российской академии наук «Энергия» за 2007 год: «Фактически ракетостроением руководил Л.П. Берия. Г.М. Маленков не занимался организационными и производственными вопросами и был формальным председателем комитета…»

Упоминавшийся мной Б.Е. Черток тоже подтверждает, что Маленков, как и сменивший его вскоре Булганин, «особой роли в становлении…отрасли не играли. Их высокая роль сводилась к просмотру или подписанию проектов постановлений, которые готовил аппарат комитета».

Все повторялось, как в случае с «авиаторами» Маленковым и Молотовым во время войны. Они председательствовали, Берия тянул воз.

Еще ***и этот.***

Но вновь обращаю внимание читателя на фамилию

Кирпичникова. Берия и в ракетном Спецкомитете имел надежного помощника, испытанного им в годы войны.

На первых порах в развитии ракетной техники был принят тот же подход, что и в Урановой проблеме – воспроизводство немецких прототипов ФАУ-1 и ФАУ-2. Инициативу этого обычно приписывают Сталину, но Б.Е. Черток сообщает, что на точном воспроизведении немецкой ФАУ-2 настоял Устинов, по поводу чего «не раз имел с Королевым серьезные конфликты». Копирование тогда, впрочем, было разумным выходом – немцы в ракетных работах ушли от остальных так же далеко вперед, как янки – в атомных.

Но активно велись и собственные исследования и разработки – в 1947 году в ОКБ Королева прошли натурные испытания экспериментальных ракет. Сотрудник ОКБ с 1946 года А.Н. Вольфицин в восьмидесятые годы вспоминал, что некоторые пуски «скорее напоминали демонстрацию фигур высшего пилотажа» – почти сразу со старта ракеты вместо вертикального полета переходили в замысловато криволинейный.

В 1948 году у Сталина вновь собралось совещание, где маршал артиллерии Яковлев (еще одна «невинная» жертва Сталина и Берии) резко высказался против принятия ракетной техники на вооружение, мотивируя отказ сложностью и низкой надежностью ракет, а также тем, что те же задачи решаются авиацией. Королев столь же резко выступал «за»…

Наши первые баллистические ракеты были действительно несовершенными. Но их появление в войсках стало бы серьезным толчком к совершенствованию техники, а одновременно военные набирали бы опыт эксплуатации. Сталин в этом духе и высказался, заметив, что товарищу Королеву надо сделать такую ракету, чтобы «не огорчать наших военных»…

К слову! Тем, кто пытается представить дело так, что наши ракетчики, зажатые указанием Сталина, в первые годы лишь воспроизводили немецкие образцы, не мешало бы знать, что уже в 1948 году Королев пригласил к себе в КБ специалиста по компоновке кабин самолетов – инженера А.В. Афанасьева из КБ Яковлева, для проработки проекта пилотируемого корабля. Тогда этот проект «не пошел», но Афанасьев впоследствии принимал активное участие в разработке космических кораблей «Восток» и «Союз»…

В Спецкомитете № 2 многое решал министр вооружений Устинов, но «ракетное» значение Берии можно понять из одного разговора времен 1952 года, описанного Г. Кисунько.

Тогда возникли проблемы с одной из конструкций КБ-1 и Устинов собрал межведомственное совещание, на котором

Кисунько впервые познакомился с Королевым. По окончании совещания Кисунько попросил Королева подбросить его на «Победе» и уже в машине упрекнул коллегу в том, что он не лучшим образом поддержал КБ-1, представителем которого на совещании был Кисунько…

Я не сторонник цитирования прямой речи из мемуаров, поскольку это всегда нечто если не вымышленное, то и не достоверное, но ответ Королева в изложении Кисунько приведу:

«– А если я немного переборщил, то это тоже объяснимо: у меня свой министр (Устинов. – *С.К.),* а у вас свои начальники, которые даже по его просьбе не захотели принять участие в совещании, где присутствовали и представители от самого ЛП… Мне надо было немного сместить акценты в сторону КБ-1… Вы для ЛП свои: вас могут не более чем пожурить…»

Кисунько к Берии (отцу) относится отрицательно, и поэтому особенно убедительно выглядят в его изложении такие слова Королева, которые показывают уважительное отношение к «ЛП» Сергея Павловича. У ракетчиков и атомщиков такие аббревиатуры («СП» – Королев, «ЮБ» – Харитон и т. п.) были в ходу лишь по отношению к тем, кого уважали.

ВЕРНЕМСЯ, впрочем, к ПВО Москвы.

В 1950 году по постановлению СМ СССР № 3389-1426сс/ оп от 9 августа система ПВО Москвы получила наименование «Беркут». Точное происхождение такого наименования сегодня установить нельзя, но ветераны КБ-1 сходятся на том, что оно образовано из начальных слогов фамилий главных конструкторов системы – Берии и Куксенко. А для «обеспечения разработки, проектирования и изготовления средств, входящих в комлекс ПВО системы «Беркут» 3 февраля 1951 года постановлением СМ СССР № 307-144сс/оп было образовано Третье Главное управление при Совете Министров СССР под руководством В.Н. Рябикова с непосредственным подчинением Специальному комитету, то есть – Берии.

Рябикова перевели в ТГУ из Спецкомитета № 2, но в острых ситуациях Берия подключал к нему еще и Ванникова. Причем Ванников – по свидетельству того же Кисунько – разговаривал порой очень жестко, например, так: «Я… собираюсь доложить ЛП, что все вы здесь забыли, что такое ответственность… Вы избаловались и думаете, что вам все позволено. Вам давали все, что вы просили… А теперь хватит, теперь вы давайте…» Однако, как признает даже Кисунько, обходилось «без поисков… козлов отпущения».

Теперь как председатель Спецкомитета Берия курировал:

– Первое Главное управление во главе с Б.Л. Ванниковым;

– Второе Главное управление во главе с П.Я. Антроповым, которое ведало вопросами добычи и переработки уранового сырья в концентрат, а также осуществляло производственно-техническое руководство добычей урана из месторождений, разрабатываемых в Германии, Чехословакии, Болгарии и Польше, и контроль за геологоразведкой на уран и торий;

– Третье Главное управление по управляемым ракетам и системам ПВО во главе с В.Н. Рябиковым.

Заместителем Рябикова стал С.И.Ветошкин, научным руководителем ТГУ – академик А.Н. Щукин. А КБ-1 было включено в состав ТГУ. Куксенко и Серго Берия имели статус главных конструкторов, единственным же заместителем главного конструктора был назначен будущий академик и Герой Социалистического Труда А.А. Расплетин, создатель центрального радиолокатора наведения Б-200, обеспечившего одновременное сопровождение до 20 целей. Радиолокаторы первых американских зенитных ракетных комплексов «Найк-Аякс» в отличие от многофункционального секторного локатора Расплетина могли сопровождать лишь одну цель.

Главным конструктором зенитных управляемых ракет (ЗУР) системы «Беркут» стал известный авиаконструктор Семен Алексеевич Лавочкин. Ракета Лавочкина получила индекс В-300.

Начальником же КБ, фактически – заведующим опытным производством Берия выбрал Героя Социалистического Труда Амо Сергеевича Еляна. Во время войны генерал Елян был директором головного артиллерийского завода по выпуску самых массовых полевых и танковых пушек среднего калибра (ко дню Победы было выпущено 100 тысяч орудий). И тогда же Елян вошел в сферу влияния Берии как опытный и умелый управленец. Как и в «атомном» деле, Берия видел залог успеха «ракетных» дел в компетентных кадрах и поэтому перебросил Еляна, работавшего до этого в системе ПГУ, в систему нового Третьего ГУ.

Если в Урановой проблеме «первую скрипку» играли физики, проблемы которых могло понять в полном объеме очень небольшое число физиков же, то в Ракетной проблеме все было понятнее, осязаемее. И вокруг нее быстро сгруппировались динамичные коллективы молодых энтузиастов-ракетчиков, двигателистов, создателей наземных и бортовых систем управления. И, как вспоминал тот же Куксенко впоследствии, работы разворачивались с непостижимой быстротой. В 1951 году начался этап изготовления опытных образцов.

В ноябре 1952 года прошел первый пуск ЗУР В-300 по воздушной цели. 26 апреля 1953 года был сбит специально

переработанный – дистанционно управляемый беспилотный – бомбардировщик «Ту-4», использованный в качестве самолета-мишени. А в мае 1953 года был завершен первый этап программы пусков по реальным радиоуправляемым самолетам.

Вот две позднейшие оценки вклада Берии-старшего в эти достижения.

Генерал М.И. Науменко:

«Он неоднократно бывал на полигоне Капустин Яр, где, кстати, участвовал в испытаниях его сын Сергей… За время строительства, вплоть до 1953 года, пока Берия отвечал за осуществление проекта, ни одного сбоя не было с самого начала…»

Генерал-лейтенант, академик А.Г. Басистов (величина в советских работах уже по противоракетной обороне выдающаяся):

«В августе 1952 года я докладывал Лаврентию Берия о состоянии полигонного образца системы ПВО Москвы. Берия приехал к нам на объект… Разговаривал спокойно, уважительно… В тот приезд он решил для нас проблему питания. Работали мы по 18 часов, а поесть толком было негде. А после его визита сразу все появилось…»

Я прерву цитирование Анатолия Георгиевича Басистова, чтобы познакомить читателя со «свидетельством» некоего безымянного (даже в 2000 году) «командира одной из подмосковных ракетных баз ПВО», взятым из «расследования» Е. Жирнова, опубликованного 6 июня 2000 года в «Коммерсантъ ВЛАСТЬ» под заголовком «Они растворили Берию в щелочи». По уверению автора, у этого «боевого офицера, прошедшего Отечественную войну с первого до последнего дня, и десятилетия спустя начинали трястись колени при воспоминании о встречах с Берией…». Читатель сам сопоставит это «откровение» с воспоминаниями Басистова, а я лишь напомню, что к моменту ареста Берии под Москвой не было никаких ракетных баз ПВО – система «Беркут» тогда была опытной, и армейцы ее не эксплуатировали. Жирнов, к слову, приводит и другое заявление этого вряд ли существовавшего «офицера» о том, что труп Берии после расстрела якобы растворили в щелочи – откуда и заголовок цитированного журнального пасквиля.

Возвращаясь же к оценке Берии Басистовым, приведу ее завершающую часть:

«В технике он разбирался не слишком, но на верхнем уровне был сильный, сильнее, пожалуй, не было в то время…»

Сдержанная оценка «разбирался не слишком…» из уст высокого профессионала стоит иной восторженной. И особенно

ценна она на фоне заявлений одного из вполне заслуженных ветеранов КБ-1 и НПО «Алмаз» Карла Самуиловича Альперовича. Лауреат Ленинской и Государственной премий, имеющий ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, доктор технических наук, профессор, он в сентябре 2007 года (тогда ему шел восемьдесят шестой год) дал интервью еженедельнику «Военно-промышленный курьер», где крайне негативно отозвался о Серго Берии, снисходительно – о Куксенко, а относительно роли Берии в создании московской ПВО сказал так:

«Особое положение Лаврентия Берии в руководстве страной и его особый «характер» (и тут облыжный намек на то, что Берия возглавлял-де «пытошное ведомство», хотя руководителями спецслужб были тогда Круглов и Игнатьев. – *С.К.)* обеспечивали привлечение неограниченных материальных и людских ресурсов («атомщикам», выходит, доставались «объедки» от ракетчиков? – *С.К.)*. Когда мы, например, обращались со своими просьбами в какое-либо министерство, отказа нам никогда не было – никто не хотел почувствовать на себе гнев Лаврентия. То есть нахождение под эгидой этого человека позволяло нашим руководителям решать любые вопросы без задержек (но вот проблему питания инженеров на полигоне решил, почему-то, лишь Берия. – *С.К.)*. Что же касается существа решавшихся нами проблем, то о них Берия никакого представления не имел и активно не хотел знакомиться с ними даже на максимально упрощенном, «мурзилочном» уровне, потому что не обладал такими способностями. Появляющиеся в последнее время попытки представить Берию как эффективного менеджера не имеют никакого основания. Быть им он был просто не способен…»

В такой оценке сквозит всего лишь неистребимая, слепая, столично-«элитная» злоба по отношению к «злодею» «Лаврентию»… К слову, Альперович поставил в вину его сыну то, что «с арестом Лаврентия Берии… Серго вообще перестал бывать на предприятии…». Серго тогда был, вообще-то, арестован, а затем изгнан из Москвы, но даже в этих условиях через годы обрел вполне достойный профессиональный статус – в отличие от другого ракетчика, Сергея Хрущева. Интересно, кстати, как Альперович относится к этому бывшему своему коллеге, укатившему в Штаты, в то время как сын Берии до конца жизни служил своей стране?

Что же до обвинений Альперовича в адрес Берии-старшего, то они доказывают полное непонимание Карлом Самуиловичем сути «менеджерской» деятельности Лаврентия Павловича. Это Хрущев мог «благосклонно» вникать в технические детали специфических

проблем на «мурзилочном» уровне и ***на том же*** уровне принимать уже ***управленческие*** решения! А Берия – как жаловался на него на июльском Пленуме ЦК Завенягин (я еще об этом скажу), – напротив, ругал подчиненных ему управленцев за попытки залезать в детали. «Вы – организаторы», – подчеркивал Берия и требовал умения организовать дело, а не изрекать «глубокомысленные» предложения типа завенягинского – по схеме водородной бомбы. Это предложение физики-теоретики тут же иронично окрестили «канделябром» (не этим ли «канделябром» Берия на Зернова и «замахивался»?).

Лаврентий Павлович потому и не хотел «знакомиться» с «существом решавшихся» Альперовичем проблем, что, будучи высоким профессионалом управления, видел ***свою*** задачу в обеспечении Альперовича и его коллег всем необходимым для решения этих проблем ***ими.***

А эту задачу Берия всегда решал блестяще!

Вот еще несколько слов по теме… «Демократы» от науки сетуют на зажим кибернетики в СССР в 40-е годы, но в действительности в конце 40-х годов в соответствии с правительственными заданиями Министерство машиностроения и приборостроения приступило к организации проектирования и производства счетно-аналитических и математических электронных цифровых машин. Министр П.И. Паршин (хорошо знакомый с Берией по минометному наркомату времен войны) сообщал об этом Лаврентию Павловичу 29 апреля 1949 года и просил ПГУ принять участие в составлении технических условий на проектирование ЭЦМ. Такие машины нужны были и для расчетов термоядерных зарядов, и для систем ПВО.

Систему «Беркут» разрабатывали ударно по многим причинам, главной из которых была реальная угроза атомной агрессии США. Но то, что ее разрабатывали быстро, объяснялось и руководством Берии – к началу 50-х годов он приобрел уже такие знания об экономике, о возможностях страны и такой опыт, что все его начинания были обречены на успех.

В «ракетном» бериевском сюжете есть и еще одно измерение – чисто человеческое, причем сравнение здесь напрашивается само собой. Я уже коснулся его выше. И сын Берии Серго, и сын Хрущева Сергей стали ракетчиками.

Сын Лаврентия Берии жил ракетчиком и умер ракетчиком. И хотя после смерти отца его служебную карьеру оборвали грубо и несправедливо, он вошел в историю ракетной техники как один из ее первопроходцев. И, несмотря на все препоны, остался верен своей профессии до конца жизни.

Никита Хрущев тоже «сунул» своего сына «в ракеты». И мне

кажется, что поступил он так не только потому, что это было, как сейчас говорят, престижно, но и в пику Берии, которого

Хрущев, безусловно, ненавидел тихо, тайно и завистливо – как на это способна бездарность по отношению к таланту.

После гибели Берии из любимого дела попытались выбросить и его сына, даже фамилию ему сменив на материнскую – Гегечкори. Но Серго лишили лишь кресла, а не способностей. И со временем он вырос даже административно. Но вот с вершины власти пал Хрущев, и Сергея Хрущева тоже выбросили из его кресла в ракетном КБ Челомея. Однако тут возврат к прежнему места не имел.

Серго Берия коллеги помнили и через много лет. А Сергея Хрущева прочно забыли, так же как новые поколения будут все более забывать его папу. А вот отца Серго Берия Россия, если у нее будет будущее, станет вспоминать все чаще и звонче!

Наконец, примем в расчет и то, что сын «агента международных разведок» Берии так и умер на родной земле, никуда с нее не подавшись в поисках счастья. А его антипод, сын «верного ленинца» Никиты Хрущева, укатил доживать в Америку.

И это – очень показательно!

Никита Хрущев видел в развитии ракетной техники лишь внешний эффект, и ради реализации своих ракетно-космических амбиций он пренебрегал развитием других видов перспективной техники.

Лаврентий же Берия видел широкую перспективу развития обороны страны во взаимосвязи различных систем современного оружия.

Они и здесь были антагонистами, как и во всем остальном…

РОЛЬ Берии в становлении ракетной отрасли науки и техники была тем более значительной, что у нее, кроме самого Берии, в высшем руководстве страны был лишь один влиятельный сторонник – Сталин. Авиационные конструкторы, исключая Лавочкина, к ракетной технике относились, мягко говоря, сдержанно. Как, впрочем, на первых порах и к реактивной авиации. По свидетельству того же Б.Е. Чертока, Александр Сергеевич Яковлев «недружелюбно относился к… работам по БИ (ракетный перехватчик Березняка и Исаева с жидкостным ракетным двигателем Душкина. – *С.К.)* и к работам А.М. Люлька по первому отечественному варианту турбореактивного двигателя», и даже опубликовал в «Правде» нашумевшую статью, где характеризовал немецкие работы в области реактивной авиации как ***агонию*** инженерной мысли фашистов.

А Берия ракеты поддержал сразу. Собственно, тот факт, что

ракетные дела изначально стал курировать нарком вооружений Устинов (которого в какой-то мере можно считать «человеком Берии»), а не нарком авиационной промышленности Шахурин (которого в какой-то мере можно считать «человеком Маленкова»), сразу обнаруживает влияние Берии. Именно с Устиновым у него во время войны установились рабочие контакты, и назначение Устинова в «ракетчики» вряд ли могло произойти помимо Лаврентия Павловича.

В письме из камеры Берия 1 июля 1953 года писал Маленкову: «Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия, а позже по системе «Комета» и «Беркут» – управляемых снарядов.

<…>

По «Беркуту» испытания закончены удачно. Теперь все дело обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами, и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное на основе «Кометы» и «Беркута» есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов как в смысле точности, так и по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Это оружие надо двигать вперед, это настоящее будущее, которым надо вооружить армию нашей Страны. США и Англия придают этому исключительное значение. Повторяю, все это достигнуто потому, что этого хотела Партия и Правительство, но хотел сказать, и тут мы совместно работали…»

Что касается Берии, то он-то работал, а вот Маленков скорее «совместно» заседал, но, думаю, Берия написал так не только потому, что сидел в бункере, а и потому, что всегда был человеком «команды» и лаврами делился с другими без жадности.

Насколько я понимаю, таким же был и его сын Серго. Однако читатели, знакомые с книгой Серго Берии, возможно, обратили внимание на то, что я не привел здесь из нее ни строчки, хотя об истории «Беркута» один из основателей КБ-1 написал там вещи вполне интересные.

Тем не менее я критически отношусь к книге сына Л.П. Берии, особенно в части предвоенной, военной и послевоенной истории. Не ссылаюсь я и на его положительные оценки отца – они могут быть восприняты кем-то как необъективные. К тому же Серго Берия оказал отцу не лучшую услугу, пытаясь описать его на контрасте с фигурой Сталина, творившего-де преступления, в которых отцу якобы приходилось участвовать как фатальному исполнителю сталинской воли.

А ведь ни Сталин, ни Берия к злодейству и макиавеллизму отношения не имели. Они были всю свою «советскую» жизнь заняты строительством державы и жили этим строительством. Потому так значительны и были успехи России, что ей – при всех издержках реального исторического процесса – руководили ***с умом.***

А народ всегда чувствует это.

КАК писал Берия-старший, к лету 1953 года дела по «Беркуту» шли неплохо. Но вот Берия арестован. И как дальше разворачивались события в отношении КБ-1, я сообщу, основываясь на информации Г. Кисунько. Были упразднены две должности главных конструкторов КБ-1, которые занимали основатели – по оценке Кисунько – этой организации Куксенко и Серго Берия.

«Серго, – писал Кисунько, – после непродолжительного содержания под арестом был отправлен на жительство и работу в Свердловск под новой фамилией (материнской – Гегечкори. – *С.К.)* и даже с измененным отчеством. Мне довелось читать циркулярное письмо ВАК об отмене присуждения Сергею Лаврентьевичу ученой степени доктора физико-математических наук».

Куксенко – «одного из старейшин отечественной радиотехники», по оценке того же Кисунько, – объявили «ставленником Берии», но не арестовали, а лишь допросили в Прокуратуре СССР.

А система ПВО «Беркут» стала называться С-25. Главным конструктором С-25 был назначен Расплетин. Кисунько констатирует: «Беркуту», как и Сергею, поменяли не только фамилию, но и отчество, да еще и назначили отчима».

Окончательно С-25 была принята и поставлена на охрану Москвы в мае 1955 года и впоследствии многократно модернизировалась. Так что и этому детищу Берии судилась долгая жизнь – в отличие от самого Лаврентия Павловича, который и ракетному делу отдал много собственных жизненных сил, да к тому же отдал в него и своего собственного сына…

К СОЖАЛЕНИЮ, «ракетный» Берия «документирован» неизмеримо более слабо, чем Берия «атомный». И эта тема еще ждет своего исследователя, потому что по сей день не обнародованы те документы, без которых серьезная работа невозможна. И в этом надо прямо упрекнуть наших ракетчиков, авиаторов, электронщиков, да и других оружейников! В отличие от атомщиков, они не сделали ничего существенного для рассекречивания информации 40—50-х годов, позволяющей

объективно осветить роль Берии в становлении целостного военно-промышленного комплекса СССР, обеспечившего стране надежный ракетно-ядерный щит и приоритетные позиции во многих пионерских областях научно-технического прогресса.

Или самолетостроение… Пожалуй, лишь из пятого издания (Политиздат, 1987 г.) записок авиаконструктора А.С. Яковлева можно судить о степени влияния Берии уже на авиационные дела. И видно, что Берия был связан с ними тоже прочно. Да это и неудивительно, если учесть, что проблема ракетной ПВО Москвы была взаимосвязана с проблемой новых авиационных пилотируемых перехватчиков (то, что сегодня называют «авиационный комплекс перехвата»).

Яковлев не питает к Берии ни малейшей симпатии… И его поведение на том совещании у Сталина, где обсуждались проблемы создания дальнего тяжелого самолета-перехватчика ПВО, Яковлев описывает в исключительно негативных тонах, выставляя Лаврентия Павловича интриганом, порочащим разработки его КБ в пользу КБ Лавочкина. Яковлев сообщает также, что предлагавшийся им (и пошедший в серию) «Як-25» якобы «имел продолжительность и дальность полета в два раза больше, чем у «МиГов».

Но это не совсем так. Опытный самолет КБ Микояна «И-320» («Р-2») имел схожие с «Як-25» характеристики по скорости и дальности, но вместо двух пушек калибра 37 мм у «Як-25» у него на вооружении было три такие пушки, да и потолок у него был повыше. То же можно было сказать о протежируемом Берией лавочкинском самолете «Ла-200», у которого и конструкционных проблем было меньше, чем у «И-320».

Да, такой авторитетный специалист, как автор «Истории конструкции самолетов в СССР» В.Б. Шавров, заканчивая рассказ об «И-320», написал, что этот самолет (как и «Ла-200») не приняли к серийной постройке, потому что «был запущен в серию «Як-25»… превосходивший как «Ла-200», так и «И-320». Но это же факт, что со временем все современные авиационные комплексы перехвата дали стране КБ Микояна и Сухого, а не Яковлева.

Лавочкин тогда задумывал сверхзвуковой истребитель-ракетоносец «Ла-250» с чисто треугольными крылом и оперением – мощную, пионерскую машину, разработка которой оказалась отягощенной рядом неудач, но которая обещала прорывные качества, если бы… Если бы вначале не смерть Берии, которая не могла не отразиться на положении Лавочкина, а потом, в 1960 году, и смерть самого Лавочкина.

Но и это, уважаемый читатель, не все…

В систему ПВО «Беркут» входили как составные части

следующие системы:

А-100 – радиолокационная станция обнаружения цели;

Б-200 – радиолокационная станция наведения на цель;

В-300 – зенитная управляемая ракета разработки КБ Лавочкина;

«Г-400» – истребитель-перехватчик, оснащенный ракетами «воздух – воздух».

Четвертая система, «Г-400», так и не была доведена до серии и от нее пришлось отказаться. И скорее всего, потому, что Яковлев «перебил» заказ на перехватчик у Лавочкина, а «Ла-200Б» и развитие идеи – «Ла-250» как раз и должны были стать элементами «Г-400». Ведь ЗУР для «Беркута» делал Лавочкин, и поэтому самолет-перехватчик он тоже разрабатывал бы с учетом опыта по ЗУР.

Однако работу по самолету взял на себя Яковлев. То есть получается, что Яковлев, весьма вероятно, сорвал такую архитектуру ПВО, в которую уже в начале 50-х годов встраивался бы, как неотъемлемая часть системы, авиационный комплекс перехвата.

А Берия видел проблему комплексно. Так что при аккуратном подходе выясняется, что и здесь мы имеем дело не с интригами Берии, а с тенденциозным описанием его позиции, на самом деле вполне оправданной именно с позиций интересов государства.

Глава 21
Резолюции Берии и письма Капицы

Берия был мастером управления, и, думаю, для читателя этой книги такая констатация является уже тривиальной. Даже предубежденные к нему люди вынуждены признавать, что Берия хотя и «злодей», но организатором был выдающимся и «работать умел».

Но я своей книгой стремлюсь показать и доказать также и крупный чисто человеческий масштаб Лаврентия Павловича, который – я в этом сейчас убежден – был не просто выдающейся личностью, но и нравственно состоятельной личностью!

Выше я уже приводил на этой счет, как мне представляется, доказательные примеры, но у меня есть еще что сказать о Берии, человеке и гражданине… Вот, скажем, Юлий Борисович Харитон приводит характерный эпизод, ставший известным ему от генерала А.С. Александрова, с 1951 по 1955 год руководившего КБ-11.

По линии Совмина СССР Берия курировал, кроме прочего, топливную промышленность, и вот в 1946 году принимается решение разделить Министерство угольной промышленности на два министерства – угольной промышленности западных районов и восточных районов. Первое должен был возглавить прежний «общий» министр В.В. Вахрушев, второе – Д.Г. Оника. Берия, вызвав их к себе, предложил разделить все, включая кадры и социальную сферу, полюбовно. По истечении назначенного срока вызвал вновь и спросил: нет ли взаимных претензий? Вахрушев сказал, что нет (вообще-то у него было, конечно, больше возможностей при разделе), а Оника запротестовал – мол, Вахрушев себе и кадры лучшие забрал, и санатории.

Решение Берии было мгновенным и системно точным: раз так, пусть Вахрушев берет себе министерство, предназначенное

Онике, а Оника – «вахрушевское…». И это решение можно приводить как образцовый пример в учебниках по управлению, ибо логика Берии несокрушима:

а) Если раздел был честным, то в обиде никто не остается.

б) Если Вахрушев слукавил, будет за это расплачиваться.

в) Если же Оника капризничал, то теперь он даже заикнуться не посмеет о том, что у него были плохие «стартовые» условия.

Да и всем остальным преподан предметный урок насчет того, что при Берии выгоднее быть честным, чем нечестным!

А вот описание другого совещания, данное одним из его

участников, причем человеком, к Лаврентию Павловичу относящимся исключительно негативно. Это – Григорий Кисунько, которого в конце февраля 1953 года вызвали к Берии с полигона Капустин Яр… За год до этого пути Кисунько уже пересекались с путями «ЛП», но – заочно. Тогда, в феврале 1952 года, пригласив Григория Васильевича к себе в кабинет, главный инженер 8-го главка Министерства вооружений Сергей Николаевич Савин положил перед ним на стол папку с «телегой», начинавшейся так:

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ
ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Не могу больше молчать о, мягко говоря, вредительских действиях руководителей разработки системы «Беркут» доктора технических наук Кисунько. Пригласив Григория Васильевича и кандидата технических наук Заксона Михаила Борисовича…» и т. д.

В левом верхнем углу имелась резолюция: ***«Тт. Рябикову, Устинову, Еляну. Разобраться и доложить. Л. Берия».***

Писать ответ министра Устинова на эту «телегу» Савин предложил самому Кисунько, что тот и сделал. Кончилось же все ничем. Причем Кисунько так и не понял, что Берия заслуживает уважения уже хотя бы за то, что адресовал донос для разбирательства исключительно техническому руководству, не подключая сюда ведомство министра ГБ Игнатьева. А ведь отец Кисунько был расстрелян в 1938 году как раскулаченный в 1930-м.

Прошел год, и теперь предстояло очное знакомство, но по какому точно поводу, Кисунько не знал. В Кремль его привез на своем «ЗИМе» Куксенко.

А кроме них в кабинете Берии собрались начальник ТГУ В.М. Рябиков, министр вооружений Д.Ф. Устинов, «локаторщик» профессор А.А. Расплетин, «радист» В.Д. Калмыков (будущий министр радиопромышленности СССР), заместитель Рябикова по научно-технической части академик А.Н. Щукин.

Присутствовал также помощник Берии Сергей Михайлович Владимирский (его вежливую улыбку при приглашении гостей в кабинет Берии Кисунько определил как «гримасу, входящую в трафарет любезности»)…

В описании Кисунько облика Берии явно прослеживаются следы рассматривания Григорием Васильевичем некоторых

неудачных фотографий Берии, опубликованных в «катастроечную» пору. Но вот в то, что не лишенный щегольства (а уж позы – тем более, стихи писал, да еще и с «чуйствами») Кисунько точно запомнил одежду Берии, я верю: «великолепный, с иголочки костюм из мягкой темной ткани, белоснежная рубашка с изысканно повязанным галстуком в вырезе однобортного пиджака…». Кисунько словно упрекает Берию за его стиль одежды, как будто было бы лучше, если бы заместитель Председателя Совета Министров великой державы явился на люди в заношенном пиджачишке с кургузыми брюками, рубашке с грязным воротником и сбившимся набок «вечным» галстуком на резинке…

Точно описание и огромного письменного стола Берии, «уставленного телефонными аппаратами»… Что ж, огромный рабочий стол – необходимое, хотя и недостаточное условие эффективной работы очень загруженного человека. За такими столами обычно не ***руководят***, а действительно ***работают***, удобно раскладывая множество бумаг, чтобы все их держать в поле зрения, и т. д.

Когда все устроились в креслах, Берия…

Впрочем, вначале я признаюсь, что далее цитирую Кисунько с одним коррективом: те слова из уст Берии, которые он дает с «кавказским» акцентом (думая, очевидно, что тем вызовет у читателя дополнительные негативные чувства), я привожу в обычной нормативной транскрипции – для удобства читателя…

Итак:

«– Сначала познакомимся с одним документом, – начал Берия, поднявшись с кресла (я крайне благодарен Кисунько за эту ценную деталь, ибо она доказывает, что Лаврентий Павлович был воспитанным человеком, а не начальственным хамом, который, развалясь в кресле, изрекает «глубокие» указания подчиненной «шушере». – *С.К.)* и взяв со стола папку. – Я его вам сейчас прочитаю: «Дорогой Лаврентий Павлович! Докладываем Вам, что пуски зенитных ракет системы «Беркут» по реальным целям не могут быть начаты из-за того, что поставленные на полигон заводом № 92 антенны оказались некачественными. Завод отнесся к своей работе безответственно… а представитель КБ-1 Заксон самовольно разрешил отгрузку антенн с этими отступлениями. Просим Ваших указаний. Калмыков, Расплетин».

– Кто писал эту шифровку? – спросил Берия.

– Мы, Лаврентий Павлович, – поднявшись по-военному, ответили Калмыков и Расплетин. – Мы вдвоем.

– Как это вдвоем? Кто держал ручку? (Лично меня точность и «сочность» этого вопроса восхитила! Он сразу, «на корню» отсекал

возможность напускать туман, разводить турусы на колесах и т. д., зато устанавливал атмосферу конкретности. – *С.К.).*

– Текст обсуждали вдвоем, а в блокнот вписывал я своей авторучкой, – пояснил Калмыков.

Я понял, что зачитанная шифровка была неожиданностью не только для меня, но и для всех присутствующих (Кисунько неточно выразился: для Расплетина и Калмыкова неожиданностью было лишь то, что Берия так вот прямо и сразу их пасквильную шифровку прочтет при всем честном народе! – *С.К.)*… Вот чем, оказывается, занимались авторы шифровки втайне от меня и Заксона на полигоне… Страшно работать с такими людьми…

– А теперь прочитаем еще один документ, – продолжал Берия. – «Дорогой Лаврентий Павлович! Докладываем Вам, что антенны А-11 и А-12, изготовленные серийными заводами с отступлениями от ТУ (технических условий. – *С.К.),* зафиксированными военной приемкой, согласно принятому нами решению отгружаются для монтажа на боевые объекты системы «Беркут». Рябиков, Устинов, Калмыков, Щукин, Куксенко, Расплетин, Кисунько».

– Какому документу прикажете верить? – спросил Берия. – На полигоне антенны негодные, а для боевых объектов такие же антенны оказываются годными? Объясните мне этот парадокс, товарищ Рябиков.

– Лаврентий Павлович, по-видимому, товарищи Калмыков и Расплетин погорячились и, ни с кем не советуясь, поторопились с шифровкой. Мы посоветовались с главными конструкторами и считаем, что антенны годные, – ответил Рябиков.

– А может быть, они не погорячились, а на них в Москве надавили и заставили подписать этот другой документ об отгрузке антенн на объекты? А оттуда куда будем отгружать? На свалку?..»

Любой человек, когда-либо занимавшийся делом, а не болтовней и принимавший участие в совещаниях, уже по тому, как Берия начал это совещание, поймет, во-первых, насколько сильным управленцем тот был, а во-вторых, и как к человеку отнесется к нему с уважением. Так разговаривать и «заворачивать» дело будет лишь человечески яркая и ***доброкачественная*** личность!

Берия еще задал ряд конкретных уточняющих вопросов, выслушал ответы Кисунько, Куксенко, а затем…

«После паузы Берия подытожил:

– Я убедился, что дело здесь не простое. Надо разобраться

специальной комиссии. Рябиков, Устинов, Елян, Куксенко.

– И Щукин, – добавил Рябиков.

– Хорошо… Результаты работы комиссии доложить мне шестого марта в понедельник».

И на этот раз все для Кисунько кончилось «ничем». Причину этого он видит не в объективности Берии, а в последовавшей почти сразу после совещания смерти Сталина. Однако эта смерть не нарушила обычного порядка работ ни в Первом, ни во Втором, ни в Третьем главном управлениях, да и порядок работы самого Берии изменила лишь на недолгое время (о чем свидетельствуют документы). Так что и после 5 марта 1953 года Берия, если бы за Кисунько выявились действительные грехи, о нем не забыл бы. Да и аппарат у Лаврентия Павловича (не репрессивный, а управленческий) был не таков, чтобы упускать из виду серьезные вопросы, особенно – кадровые.

Увы, злоба слепа, и Кисунько на всю жизнь остался ненавистником Берии-старшего. Но свой единственный контакт с ним Кисунько, в части фактической, описал достоверно и объективно подтвердил (сам того не желая) не только управленческий класс Лаврентия Павловича, но и его высокие человеческие качества.

А посмотрим, как вели себя – с позиций высших государственных интересов – некоторые из тех, кого подают как «невинную жертву» «палача» Берии… Например, авиаконструктор Туполев…

1 ноября 1949 года Завенягин письменно докладывает Берии, что при полете единственного нашего тогда носителя ядерного оружия – самолета «Ту-4» (по типу «Боинга-29») – на высоте 10 километров температура в негерметичном бомболюке опускается до минус 50 ˚С. И такая температура вызовет появление трещин в элементах конструкции РДС-1.

Фактически обогреваемый бомболюк «Ту-4» оказывался проблемой стратегической важности. Без него тогдашнее советское атомное оружие оказывалось чуть ли не пустышкой! И вот что сообщал Завенягин:

«…велись переговоры с тт. ***Туполевым*** и ***Архангельским о*** возможности утепления бомболюка… Но тт. ***Туполев*** и ***Архангельский*** при последнем обсуждении этого вопроса в сентябре месяце с.г. заявили, что они перегружены работами особой важности (вот как: «К нам не подходи, к нам не подходи! А то откажем!» – ***С.К) и, вообще, эта работа к самолетостроению никакого отношения не имеет*** (выделение мое. – ***С.К.)…»***

Дорогой читатель! Уважение автора к Туполеву (именно как к человеку!) во время работы над этой книгой уже подверглось серьезным испытаниям. Но после прочтения приведенного выше высокомерного ответа сохранять прежнее уважение к Андрею Николаевичу автору стало еще сложнее. Это же надо: работа к самолетостроению никакого отношения не имеет! А к обеспечению безопасности, к ***обеспечению гарантий самого существования страны*** имеет? Значит, каждый день крутясь в диком беличьем колесе, о них должен беспокоиться «палач» Берия, а академик Туполев – существо высшего порядка. Он «перегружен работами особой важности», не то что этот сексуальный-де маньяк Берия, озабоченный лишь удовлетворением своих гипертрофированных от безделья половых потребностей за счет невинных десятиклассниц!

И как же реагирует этот «монстр», этот «душегуб» на безответственный, на преступный, на антигосударственный, по сути, отказ Туполева? А вот как:

«Тов. Завенягин! Вместе с т. Хруничевым (министр авиационной промышленности. – ***С.К.) и Туполевым*** (это отсутствие «т.» перед фамилией Туполева у скрупулезного Берии очень красноречиво! – С.К.) ***немедля принять необходимые меры. Результат доложить. Л. Берия. 2 ноября 1949 г.».***

Впервые вопрос об обогреве бомболюка «Ту-4» был поставлен Зерновым и Харитоном в письме на имя Ванникова еще 7 октября 1949 года, а это значит, что Туполева они просили об этом намного раньше, потому что «завязки» КБ-11 с КБ Туполева шли уже давно.

С учетом таких деталей Туполева можно было спокойно и без всяких натяжек обвинить в саботаже. Однако в 1949 году можно было поступить иначе: 5 ноября 1949 года у Хруничева прошло совещание, где были его зам П.В. Дементьев, зам Туполева А.А. Архангельский и от ПТУ: А.С. Александров, П.М. Зернов и Н.Л. Духов. В итоге работа по утеплению бомболюка «Ту-4» была возложена «на главного конструктора самолета т. Туполева А.Н.», а план работы к 15 ноября 1949 года надо было доложить Берии.

Начиналась работа уже не по созданию, а по совершенствованию атомного оружия и его носителя. И это отличие было, конечно, качественным, «знаковым».

ДА, ПЕРЕЛОМНЫЙ для советского Атомного проекта 1949 год заканчивался и вскоре закончился. Основной костяк атомной отрасли имелся.

И Берия…

Нет, он не получил возможность отдаться на досуге

производству скрипок – как маршал Тухачевский, или поиску редких марок – как президент Рузвельт, или – хотя бы, писанию акварелей, как премьер Черчилль (хотя акварелью Берия когда-то увлекался).

Лаврентий Павлович всего-навсего смог в большей мере переключиться с работ оборонных на работы народнохозяйственные. Не полностью, подчеркиваю, а в большей мере! Хотя и оборонные работы приобретали новое качество.

Но ведь и народнохозяйственные проблемы все эти годы Берию не обходили! 6 сентября 1945 года Политбюро приняло постановление об образовании двух оперативных бюро Совета Народных Комиссаров СССР. Одно, во главе с Молотовым (Вознесенский – заместитель, члены Микоян, Андреев, Булганин и Шверник), ведало «вопросами работы НКО, Наркомвоенморфлота, сельскохозяйственных и пищевых наркоматов, наркоматов Торговли и Финансов, а также Комитетов и Управлений при СНК СССР». Второе же, во главе с Берией (Маленков – заместитель, члены Вознесенский, Микоян, Каганович и Косыгин), ведало «вопросами работы промышленных наркоматов и железнодорожного транспорта».

И эта работа по мере развития экономики лишь усиливалась! Причем 20 марта 1946 года два оперативных бюро Совнаркома свели в единое бюро Совета Министров СССР под председательством Л.П. Берии (заместители – Н.А. Вознесенский и А.Н. Косыгин). Система бюро Совмина потом не раз претерпевала реорганизации, 8 февраля 1947 года образовалось восемь отраслевых бюро, из которых на долю Берии пришлось Бюро по топливу и электростанциям при дополнительном наблюдении за вопросами строительства многоэтажных зданий в Москве и работой МВД (наблюдение за МГБ шло отдельно, по линии Политбюро, и его вел секретарь ЦК А.А. Кузнецов).

Впрочем, уже 27 февраля 1947 года – через три недели – бюро Берии (по топливу и электростанциям) объединили с бюро Кагановича (по транспорту и связи) в одно бюро по топливу и транспорту под председательством Лаврентия Павловича. Но при любой структуре управления обязанности Берии в Совете Министров были давно первостепенными.

Так, 28 марта 1946 года постановлением Совмина СССР № 674 были распределены обязанности между Председателем Совета Министров Сталиным и его заместителями. Сталин наблюдал лишь за Министерством вооружения, а министерства и ведомства между его замами распределились по-разному. И за Берией закреплялось двенадцать министерств – больше, чем за кем-либо другим! Даже у Вознесенского был несколько менее

весомый и ответственный «джентльменский набор». У Ворошилова было, правда, семнадцать позиций, но лишь пять «министерских», включая Министерство кинематографии. У Косыгина – тоже двенадцать при десяти «министерских», но Косыгин был чистым «хозяйственником». Андреев курировал сельское хозяйство, Микоян – в основном пищевой «блок», Каганович – два крупных министерства и Комитет по делам архитектуры… За Молотовым «числились» Министерство юстиции, Комитет по делам высшей школы, Комитет по радиофикации и радиовещанию и ТАСС.

18 марта 1946 года Берия стал, наконец, и полноправным членом Политбюро – Пленум ЦК ввел его в состав высшего партийного руководства одновременно с Маленковым (Булганин и Косыгин стали тогда кандидатами в члены ПБ).

С декабря 1945 года Берия входил и в состав узкой комиссии по внешним делам при ПБ (Сталин, Молотов, Берия, Микоян, Маленков и Жданов).

Есть занятный документ – «Выписка из протокола № 81 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) о распределении рабочего времени Л. П. Берия».

Вот его полный текст:

«15 марта 1951 г.
Строго секретно

Решение от 15 марта 1951 года.
1. Вопросы Совета Министров СССР.
<…>
4. Тов. Берия обязать половину своего рабочего времени отдавать делу № 1, 2 и 3.
Секретарь ЦК».

«Дела № 1, 2 и 3» – это обязанности члена ПБ ЦК Берии по 1-му («атомному»), 2-му (добыча урана) и 3-му (работы по ракетной обороне Москвы) Главным управлениям при СМ СССР.

«Дело № 3» как отдельное только что оформилось (постановление Совмина об образовании ТГУ датировано 3 февраля 1951 года), но и его Берия курировал ранее в рамках работ в ПГУ.

И обо всех этих «делах № 1, 2 и 3» мы уже знаем. И эти дела официально должны были занимать лишь ПОЛОВИНУ рабочего времени Берии.

А только дело № 1 и дело № 2 имели емкость в 2/3 постановления или распоряжения Совета Министров СССР в день

при тридцатидневном рабочем месяце. Плюс – текущие бумаги и проблемы.

И обязанности по всем «делам» были не формальными, а при этом – немалыми. Надо было решать конкретно, причем – в весьма разнородных научно-технических сферах. Известный ракетчик Б.Е. Черток в своей книге воспоминаний называет «маршалом» атомной тематики Бориса Ванникова, и с этим сравнением можно согласиться, при уточнении – Главнокомандующим здесь был все же сам председатель Спецкомитета.

21 марта 1950 года военно-морской министр адмирал И.С. Юмашев именно Берии пишет о целесообразности научно-исследовательских и проектных работ «по созданию опытной энергетической установки с урановым котлом для подводных лодок, а в дальнейшем и для надводных кораблей». Но такие работы уже ведутся. И в отдельной справке Махнев 25 марта отмечает, что ***«опытный корабль разрабатывается».*** Однако уже разрабатывается и многое другое, не так давно бывшее лишь в замыслах. Во второй половине 1949 года был изготовлен первый в мире ВВР – водо-водяной реактор мощностью 10 тысяч киловатт, в котором замедлителем и теплоносителем служит вода, all февраля 1950 года принято решение о начале строительства в Лаборатории «В» у А.И. Лейпунского в Обнинске атомной электростанции. И там же, у Лейпунского, начались проектные работы по изучению перспектив промышленных реакторов на быстрых нейтронах.

5 мая 1951 года были приняты сразу два постановления Совмина СССР: № 1464-733сс о планах работ с применением препаратов «Р» (радиоактивных изотопов) «в области медицины, науки и техники» и № 1474-743сс/оп о плане работ ПГУ на 1951 год. Последнее постановление давало мощную картину развития атомной науки, техники и индустрии и впервые ставило задачу получения управляемой термоядерной реакции для целей энергетики.

РАЗВИВАЛИСЬ и ядерные оружейные работы… Второй взрыв советской атомной бомбы был произведен 24 сентября 1951 года в 16 часов 19 минут по местному времени на Семипалатинском полигоне.

Как докладывали Берии Курчатов, Харитон и Зельдович, мощность бомбы оказалась выше, чем предусматривалось расчетом, и составила 38 000 тонн тротилового эквивалента против 27 000 тонн расчетных. Отчет завершала фраза:

«Испытание 24.09.51 показало, что задание Правительства об

увеличении мощности атомной бомбы и облегчении ее веса выполнено. Бомба с полным тротиловым эквивалентом 38 тысяч тонн и общим весом 3,1 тонны создана…»

А 18 октября 1951 года командир экипажа Герой Советского Союза подполковник Константин Исаакович Уржунцев поднял в воздух «Ту-4» с новым боевым изделием. В тот же день в Москву ушло сообщение на имя Берии:

«18 октября 1951 года.
Товарищу Берия Л.П.

Докладываем:

18 октября в 9 часов 54 минуты по московскому времени произведен взрыв атомной бомбы с зарядом из плутония и урана-235.

Атомная бомба была сброшена с самолета «ТУ-4» с высоты 10000 метров и взорвалась на высоте 380 метров над целью.

Испытания показали, что взорванная бомба обладает большой мощностью; полный тротиловый эквивалент ее составляет около 40000 тонн.

При испытании установлено, что самолеты «ТУ-4» могут быть использованы для транспортировки и сбрасывания атомных бомб.

Задание Правительства о создании атомной бомбы повышенной мощности с использованием урана-235 выполнено…

Завенягин
Курчатов
Харитон
Щелкин».

И доклады тому же адресату по широкому кругу «атомных» вопросов были обычными. А последний раз подробная записка на имя Берии ушла от оружейников за день до ареста Лаврентия Павловича – 25 июня 1953 года. А.П. Завенягин, И.В. Курчатов, А.С. Александров и Ю.Б. Харитон докладывали о ходе работ так, словно куратор Атомной проблемы, член Политбюро работал главным технологом. Чтобы сказанное выглядело предметнее, приведу характерный для стиля и содержания записки краткий ее фрагмент:

«23 июня было произведено второе прессование полусферы из дейтерида-тритида-лития-6, причем количество материала было сокращено на 5 %. При втором прессовании деталь получилась в донышке близко к допуску, а по высоте на 0,8 миллиметра выше допуска. Попытки довести деталь до чертежных размеров путем увеличения давления до 3900

атмосфер не дали положительных результатов. На детали после распрессовки образовались трещины».

В записке от 25 июня шла речь о деталях уже для первой советской ***термоядерной*** (водородной) бомбы РДС-6с.

А 26 июня 1953 года заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР Л. Берия подписал распоряжение СМ СССР № 8532-рс о проектном задании на строительство завода «СУ-3» (по обогащению урана. – *С.К.)* на комбинате № 813. Ниже подписи машинописью шла рассылка: «тт. Завенягину А.П., Звереву А.Г. (М-во финансов СССР, Махневу В.А.)».

В тот же день, 26 июня, Берия был арестован, а вскоре, на июльском Пленуме ЦК 1953 года, был вычеркнут из жизни страны. И с 10 июля 1953 года тема значения деятельности Берии для развития страны оказалась под запретом. Причем несправедливость по отношению к «атомной» роли Берии сразу же проявилась в форме трагикомической.

Первое испытание советского термоядерного оружия – «водородной» бомбы РДС-6с состоялось 12 августа 1953 года. За неделю до этого дня – 5 августа – Председатель Совета Министров СССР Маленков на внеочередной сессии Верховного Совета СССР горделиво заявил: «Американские империалисты пугают нас сверхоружием – водородной бомбой. Но нас не следует пугать, мы не только знаем секрет водородной бомбы, но и создали ее». За месяц же до этого – 2 июля – на Пленуме ЦК тот же Маленков как пример «преступных антигосударственных действий» привел решение Берии (члена Бюро Президиума ЦК КПСС и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР) «без ведома ЦК и правительства… организовать взрыв водородной бомбы».

Потом я скажу об этом подробнее, но не могу не заметить сразу, что блестящему управленцу Берии всегда претил непрофессионализм (в том числе и чисто управленческий) ведущих фигур «ЦК и правительства». Партократического пустословия он и впрямь не жаловал.

С другой стороны, Маленков ставил в вину Берии такие его действия, которые надо было лишь одобрять! Ведь не было бы этих действий, не было бы в такие быстрые сроки и испытания РДС-6с, а значит, не было бы и чем похвалиться 5 августа!

К тому же испытание РДС-1 формально тоже не было санкционировано документом (Сталин проект постановления об испытании не подписал). Да и что бы дала санкция ЦК и правительства «организовать взрыв водородной бомбы»? К 1953 году о текущем состоянии атомных работ полностью были осведомлены, по сути, лишь Сталин и Берия. Так что

пренебрежение Берии бюрократической стороной дела было вполне оправданным.

Что же до искренности общей атмосферы Пленума «по Берии», не зачеркнувшего даже, а сплошной черной краской вымаравшего его из созидательной истории России, то о ней (об искренности) можно судить по следующему эпизоду…

В РЕШАЮЩИЙ для дальнейшей судьбы России день 26 июня на заседании Президиума ЦК (в ходе которого Берию и арестовали) было решено взамен Специального комитета образовать Министерство среднего машиностроения СССР в составе 1-го и 3-го ГУ (2-е ГУ еще раньше было включено в ПГУ).

И вот свежеиспеченный «атомный» министр Малышев, выступая на пленуме, заявляет:

«Я… работал под руководством… и товарища Молотова, и Кагановича, и у Берия. Я должен сказать, что каждый раз, когда идешь докладывать по какому-нибудь вопросу товарищам, то с разным чувством идешь. С одним чувством идешь к товарищу Молотову, про которого знаем, что он строгий руководитель, требовательный, но всегда, когда идешь к нему, знаешь, что никогда не будет поспешных решений, авантюристических решений… не будешь находиться под ударом… Иное дело – Берия.

Мы, министры, знали, что идешь в кабинет министром, а как выйдешь обратно – не знаешь… может быть, в тюрьму попадешь… Грубо говоря, стиль руководства Берия – диктаторский, грубый, непартийный».

Вообще-то, как за время членства Берии в ГКО, так и за время его пребывания во главе «атомных» дел с лета 1945 года по июнь 1953 года (включая работу в Совмине) ни один из руководителей любого звена, находившихся в поле зрения Берии, в тюрьму не попал. Да и не он снимал и назначал наркомов и министров… И «силовыми» министерствами Берия с 1946 года не руководил. Достаточно вспомнить, что он не имел даже единоличного права приказать Абакумову и Круглову принять под охрану здание ПГУ – решение приходилось проводить через Совмин!

Но самое интересное здесь – правомерность заданной Вячеславом Малышевым параллели «Молотов – Берия»… В книге Ю.Б. Харитона и Ю.Н. Смирнова «Мифы и реальность советского атомного проекта» (ВНИИЭФ, Арзамас-16, 1994 г.) сказано:

«Почва для различных домыслов появляется и тогда, когда правда замалчивается из-за политических установок… как… в случае Л.П. Берии. Нет правды сегодня – значит, будут мифы завтра… Известно, что вначале общее руководство советским

атомным проектом осуществлял В.М. Молотов. Стиль его руководства и соответственно результаты не отличались особой эффективностью. И.В. Курчатов не скрывал своей неудовлетворенности.

С переходом атомного проекта в руки Берии ситуация кардинально изменилась… Берия быстро придал всем работам по проекту необходимый размах и динамизм. Этот человек… обладал… огромной энергией и работоспособностью. Наши специалисты, входя в соприкосновение с ним, не могли не отметить его ум, волю и целеустремленность. Убедились, что он первоклассный организатор, умеющий доводить дело до конца. Может быть, покажется парадоксальным, но Берия… умел по обстоятельствам быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком. Не случайно у одного из немецких специалистов Н.Риля, работавшего в СССР, сложилось очень хорошее впечатление от встреч с Берией.

Проводившиеся им совещания были деловыми, всегда результативными и никогда не затягивались. Он был мастером неожиданных и нестандартных решений… Берия был быстр в работе, не пренебрегал выездами на объекты и личным знакомством с результатами работ…»

Подводя итог, Ю.Б. Харитон писал:

«По впечатлению многих ветеранов атомной отрасли, если бы атомный проект оставался под руководством Молотова, трудно было бы рассчитывать на быстрый успех в проведении столь грандиозных по масштабу работ».

Надо ли подробно комментировать эти строки?

ЛУЧШЕ я еще раз коснусь темы резолюций Берии на документах Атомного проекта. «ЮБ» Харитон мог «ЛП» Берию перехвалить, кто-то мог его очернить, а документы беспристрастны и точны – если они сохранились и если не сфальсифицированы. Но кто же после 26 июня 1953 года фальсифицировал бы документы, свидетельствующие в пользу Берии? А среди документов Атомного проекта нет ни одного, представляющего Лаврентия Павловича с неприглядной стороны. Зато примеров обратного – множество!

Вот такая деталь. Ноябрь 1949 года… С момента успешного взрыва РДС-1 прошло два месяца. Производство хотя бы единичных новых атомных бомб – вопрос для СССР жизненной важности. А подписанный лично Берией протокол заседания Спецкомитета № 88а констатирует:

«1. Отметить, что хранение деталей РДС-1 из аметила

(кодовое наименование плутония. – ***Прим. С.К.)*** на комбинате № 817 поставлено неудовлетворительно. Детали РДС-1 были помещены в сырые подземные помещения, не обеспечивающие поверхность их от окисления».

Казалось бы, комментарии излишни – руководство комбината можно легко (и, увы, не без оснований) обвинить чуть ли не в государственном преступлении! Ведь плутоний в то время – главный фактор, который дороже любого золота! Однако в «оргвыводах» Берии и близко нет «расстрельного» оттенка:

«2. Указать начальнику комбината № 817 т. Музрукову и главному инженеру т. Славскому на недопустимость такого отношения к хранению изделий из аметила.

3. Заместителю начальника комбината № 817 по режиму т. Рыжову, ответственному за хранение аметила и давшему неправильное распоряжение о закладке деталей РДС-1 в сырое помещение, объявить выговор.

4. Обязать начальника комбината № 817 т. Музрукова в 3-дневный срок наладить бесперебойную вентиляцию хранилища, обеспечить тщательную просушку его и оборудовать приборами для контроля влажности и температуры.

Т. Музрукову лично систематически проверять состояние хранилища…

5. Поручить… т. Мешику с выездом на место проверить исполнение настоящего решения».

Другой, более ранний пример. Июнь 1947 года… Только что назначенный на строящийся комбинат № 817 Славский сообщает в обширной докладной записке на имя Берии возмутительные вещи. Скажем:

«Темпы работ… крайне слабые…

…сложнейший объект…поручено строить автодорожностроительному полку, в составе которого нет ни одного специалиста по строительству промсооружений…

По жилищному строительству полный провал…

…Рабочие очень много времени сидят и никто не заставляет работать…

Из 41 тысячи рабочих… на промышленных объектах работает всего 5 700 человек, а остальные распылены на различных подсобных предприятиях и вспомогательных работах» и т. д. и т. п.

Резолюция же Берии:

«Т. Круглову, т. Ванникову и тов. Завенягину. 1. Надо срочно укрепить руководство… Т.Рапопорта освободить по состоянию

здоровья. Выдвинуть в качестве н-ка стр-ва Царевского. 2. Рассмотреть докладные записки т. Славского и т. Ткаченко и принять по ним меры. О принятых мерах доложить. 3. Т. Чернышева командировать на 2–3 месяца для принятия на месте всех необходимых мер по обеспечению окончания строительно-монтажных работ в установл. Правительством сроки. 4. Срочно связаться с т. Хрулевым по вопросу оказания помощи стр-ву инженерно-тех. работами. Л. Берия».

Спускаемся по шкале времени еще ниже. 2 октября 1946 года… Первухин, Малышев, Завенягин, Антропов и Курчатов сообщают Берии:

«До настоящего времени не было принято определенных решений относительно того, где должно быть организовано получение чистого металлического плутония в количестве 100 граммов в день из осадка, получаемого на заводе № 817, и чистого металлического урана-235 в количестве 140 граммов в день из шестифтористого урана-235 на заводе 813…»

Из пяти авторов письма четыре – крупнейшие организаторы промышленности с огромным опытом, причем один из них – Антропов – с 1941 по 1945 год был помощником члена ГКО Берии. Пятый – крупный ученый, обязанный дать первым четырем рекомендации по оптимизации планировки по крайней мере комбината № 817, где он является научным руководителем. Однако они обращаются к Берии, который 5 октября 1946 года пишет:

«Тт. Первухину, Курчатову, Завенягину. Представьте более конкретные предложения – где разместить эти цеха? Л. Берия».

Но что-то у Курчатова и «руководящих ребят» не ладится, и 10 апреля 1947 (!) года Берия на том же документе пишет:

«Тт. Первухину, Завенягину, Курчатову. Почему выбор места и строительство цеха Вы откладываете. Дальше затягивать это дело нельзя. Срочно займитесь этим вопросом и в недельный срок представьте конкретные предложения. Л. Берия».

Однако и после этого дело двигалось туго, начинаются все перипетии истории с комбинатом № 817, которые читателю уже известны, и Берии приходится выехать на строительство самому. Но и там он никого в «лагерную пыль» не стер. И даже не грозился стереть – у него и выражения такого в лексиконе не было.

Продолжаем движение к истокам атомных работ. 12 ноября

1945 года П.Я. Антропов докладывает Берии о результатах своей командировки в Таджикскую ССР на комбинат № 6 (7 рудников и 5 заводов по добыче и переработке уранового сырья). Положение безрадостное… И к докладной Антропова подкалываются две узкие ($\sim 1/6$ формата А4) полоски бумаги с резолюциями:

«Тов. Чернышову, шов. Завенягину. Разберитесь и доложите, почему фонды, отпущенные для комбината № 6, использовались не по назначению. Виновных надо наказать. 15 ноября 1945 г.».

«Тов. Ванникову Б.Л., тов. Борисову Н.А. 1. Срочно разработайте меры, обеспечивающие резкое увеличение добычи и переработки руды на комбинате. 2. Необходимые меры по наведению порядка примите немедля. Результаты доложите. 15 ноября 1945 г.».

И здесь тон исключительно деловой. И такой подход – не случайная «блажь», а стиль! Это доказывают не чьи-либо воспоминания, а документы! Хотя и воспоминания – тоже! Например – воспоминания того же Славского (трижды Герой Социалистического Труда, десять орденов Ленина!), не очень-то к Берии лояльного (а как же – он ведь Ефима Павловича «снимал»).

Но вот что вспоминал Славский в 1998 (!) году… Для первого уран-графитового реактора необходим был графит практически без примесей. Отвечали за это нарком цветной металлургии Ломако и его заместитель Славский. Увы, графит, который они поставляли в ПТУ и считали кондиционным, оказался браком. Ломако и Славского вызвали в Спецкомитет:

«Стоим мы с Ломако в приемной, ожидаем, когда нас вызовут, и думаем: «Ну, вот и пришел всему конец… Что же нам будет?»

Входим. Председатель Берия обращается к Маленкову… и говорит: «Георгий! Вот Ломако и Славский доложили и обещали, что они… сделают все, как нужно. Как думаете, согласимся?» Тот, а за ним и другие, кивнули: «Согласимся». И мы вышли с заседания с чувством, что заново родились: как будто стояли мы на стуле с петлей на шее… А тут… сняли петлю и мы пошли работать».

А петлю-то снял Берия. И простите, – не бывает же так, что сегодня человек по отношению к нижестоящим – хам и держиморда, а завтра он же – вежлив и в своих поведенческих реакциях корректен. Накричать – это да! Ведь при огромной личной ответственности, при перегрузках можно иногда и

сорваться. Но – без несправедливых «последствий».

Приведу еще одну резолюцию Берии на докладной начальника КБ-11 генерала А.С. Александрова от 12 мая 1952 года, начинающейся весьма драматической констатацией:

«Докладываю Вам, что если не принять срочных мер, то мы накануне срыва подготовки изделий РДС-4 и РДС-5 к испытаниям на полигонах № 71 и № 2».

Причинами были исключительно бюрократическая волокита и нераспорядительность аппарата ПГУ. КБ-11 еще 4 декабря 1951 года выдало в Главк сведения о своих потребностях, но в начале января 1952 года обнаружило, что из плана на 1952 год необъяснимо выпали позиции по 33 наименованиям деталей и узлов двух новых изделий, испытания которых были запланированы на осень этого года.

10 марта Александров обратил на это внимание Завенягина. Тем не менее даже в мае КБ-11 вынуждено было «буквально выпрашивать по 2–3 узла» на заводах-изготовителях. И Берия 15 мая адресует записку Александрова Завенягину и Н.И. Павлову (первому заместителю начальника ПГУ):

«1. Разберитесь и представьте объяснение, кто виноват в том, что требующиеся для КБ-11 узлы и детали не были предусмотрены заблаговременно.

2. Как видно отдел, руководимый т. Зерновым, работает плохо, т. к. не сумел при наличии 46 работников обеспечить в течение полугодия подготовки предложений для обеспечения опытных работ КБ.

Наведите порядок в этом отделе и доложите о принятых мерах».

«Т. Зернов» – это бывший начальник КБ-11 П.М. Зернов, переведенный в 1951 году начальником отдела в ПГУ по состоянию здоровья. Вот уж когда Берия мог бы припомнить Зернову – если бы «инцидент с канделябром» и впрямь имел место – неудавшийся «террористический акт» при помощи «пресс-папье-канделябра», предотвращенный Берией при помощи «браунинга с золотой литой ручкой». Ведь РДС-4 – это опытный образец первой серийной авиационной бомбы, которая должна была поступать непосредственно в войска! И срыв плановых сроков испытания оказывался не шуткой.

Однако наказания последовали в виде выговоров и т. п.

БОЛЕЕ того! Ведь и Славский насчет «петли на шее» просто наплел! И наплел злостно, изображая Берию, по сути, все тем же «злодеем», который-де мог сунуть Ефима Павловича в петлю, но вот – не сунул, по своему барскому соизволению. А все было не

так! Я намеренно не сразу проиллюстрировал «воспоминания»

Славского документами. Зато теперь я их читателю предъявлю! Тем более что тут мы имеем дело с «помутнением памяти» ***знаковым***!

17 апреля 1946 года Курчатов направил одному из помощников Махнева – Н.И. Коробкову письмо о недопоставке графитовых блоков «для обеспечения сооружения установки Ф-1». Установка «Ф-1» – это как раз и есть тот первый наш уран-графитовый реактор, о котором говорил Славский, который строился на территории Лаборатории № 2 и был запущен 25 декабря 1946 года.

К 1 августа 1946 года Московский электродный завод должен был поставить Курчатову 1000 тонн графита, из них 340 тонн – к 31 марта 1946 года. А поставил лишь 107,9 тонны. Курчатов забил тревогу, Коробков доложил Махневу, а тот – 18 апреля – Берии, сообщив при этом:

«Причинами такого положения являются: во-первых, отсутствие контроля со стороны Министерства цветной металлургии за работой Московского электродного завода, в результате чего работники завода и треста «Союзэлектрод» длительное время поставляли в Министерство цветной металлургии очковтирательские сведения о выполнении плана, засчитывая в готовую продукцию полуфабрикаты;

во-вторых, невыполнение Министерством цветной металлургии и Министерством по строительству топливных предприятий Постановления СНК СССР от 14 сентября 1945 года о вводе в эксплуатацию первой очереди электродного завода № 523 (так был закодирован завод по производству графитовых реакторных блоков. – С.К.) к 1 марта 1946 г.».

В тот же день Берия дает распоряжение:

«Тт. Первухину (созыв), Ванникову, Ломако, Задемидко (министр по строительству топливных предприятий СССР. – *С.К.)*, Славскому. 1. Срочно разберитесь в этом вопросе, примите необходимые меры, обеспечивающие своевременную поставку графитовых блоков и скорейший ввод в эксплуатацию завода № 523. 2. Тт. Ломако и Задемидко представить в 5-дневный срок отчеты о поставке блоков и строительстве завода № 523. 3. Виновных в срыве поставки и задержке строительства необходимо привлечь к ответственности. Л. Берия. 18 апреля 1946 г.».

Как видим, Берия приказывает привлечь виновных к ответственности самим Ломако и Славскому. Так что, спрашивается, он им приказывал высечь ***самих себя***? Так что вряд ли Славский после этого дрожал аж до 7 мая 1946 года, когда в

Кремле состоялось то 20-е заседание Спецкомитета с участием Берии, Маленкова, Вознесенского и других, где VI пунктом повестки дня шел отчет Ломако о ходе поставки графитовых блоков и строительстве первой очереди завода № 523, а пунктом VII – вопрос о мероприятиях по строительству второй очереди.

По VI пункту в Протоколе заседания говорилось:

«1. Принять к сведению сообщение т. Ломако о том, что им:

а) привлечены к ответственности лица, виновные в срыве плана производства графитовых блоков для Лаборатории № 2;

б) приняты меры, обеспечивающие поставку до 20 августа с.г. 600 т высококачественных графитовых блоков для Лаборатории № 2;

2. Принять также к сведению сообщение тт. Задемидко и Ломако о том, что ими приняты меры, обеспечивающие ввод первой очереди завода № 523 в конце мая с.г.

3. Обязать т. Ломако установить контроль…» – и т. д.

По пункту VII постановлялось «поручить Борисову (созыв), Ломако и Славскому в 5-дневный срок доработать проект Постановления Совета Министров СССР…» – и т. д.

Ну, и где здесь «петля» и прочее? По Славскому выходит, что они с Ломако вошли на заседание Спецкомитета и ***почти сразу*** вышли – со снятой петлей… В действительности же имел место вполне деловой подход руководителей государства к серьезному, но выправляемому провалу ***с заслушиванием*** ответственных за выправление государственных деятелей.

Инженер Тремасов, физик Головин, управленец Славский, безымянный «командир подмосковной ракетной базы» и прочие «мемуаристы» в своих «воспоминаниях» порой изображают эпоху и поведение Берии так, как будто все происходило чуть ли не в банде. Но помилуйте, речь ведь о государственной работе серьезных государственных людей! А в воспоминаниях того же Славского Берия ***на заседании Специального комитета при Совете Министров СССР*** ведет себя как председатель захудалого колхоза, разбирающий прегрешения загулявшего бригадира: мол, как, Георгий, простим ребят?..

Но зачем Славскому понадобилось даже через полвека после тех событий сгущать краски так, чтобы испачкать Берию в «графитовой пыли» и создать впечатление, что Берия в любой момент «мог с нами расправиться»? Вот то-то и оно, уважаемый читатель! Вся, вся тогдашняя элита после 1957 года была повязана ***тройным государственным преступлением…***

В 1953 году она выдала с головой Никите Хрущеву Берию.

В 1956 году она позволила ему же облить грязью Сталина.

А в 1957 году эта же элита выдала с головой Хрущеву же

Маленкова, Молотова и Кагановича, вдруг спохватившихся: «Что же мы творим?»

И теперь до конца жизни элите оставалось одно: ***помалкивать*** и получать отступные в виде кресел, дач, Звезд и прочего. Поддакивая (хотя бы молчанием своим) клеветнику Хрущеву в его инсинуациях по поводу «тирана» Сталина и «палача» Берии. Впрочем, на Берию они и сами охотно клеветали.

А ведь те, кто занимается документальной историей ЛГУ, не отмечают ни одного факта расправы Лаврентия Павловича с кем-либо из провинившихся… Зато есть немало документов с его указаниями всемерно поощрять тех, кто трудился ударно. В том числе и самого Славского.

А вот его самого хотя бы морально поощряли не очень-то. И даже через десятилетия не оценили по заслугам. Скажем, на вопрос о роли Берии Славский во вдрызг «демократическом» 1998 году ответил снисходительно:

«Берия нам не мешал. В научных, инженерных вопросах он не разбирался, поэтому к мнению специалистов всегда прислушивался (вспомним, как Малышев утверждал обратное. – *С.К.)*. Что же касается организационных проблем, мобилизации людей и ресурсов, то… он помогал проводить в жизнь все необходимые решения».

Тут нельзя не заметить вот что… Анализ стиля работы Берии с разнородными документами ПГУ убеждает, что он в специальных вопросах как раз разбирался на удивление неплохо – в той части, которая касается верных управленческих решений. А что же еще от него требовалось?!

Славский утверждает, что Берия, мол, ***«помогал*** проводить в жизнь все необходимые решения». Однако будет, пожалуй, более верным предположить, что, ***напротив***, такие специалисты, как Малышев, Курчатов, Славский, Харитон, Кикоин, Музруков, Зернов, Царевский, Комаровский и десятки других, помогали Берии создавать и укреплять атомную промышленность!

А он – да, помогал, в свою очередь, им!

И не только им. Он в той или иной мере курировал многие отрасли экономики, принимая участие даже в определении направлений развития Военно-морского флота в целом (не только его формирующейся атомной подводной компоненты). Но как неадекватно относился кое-кто к нему даже тогда!

СРЕДИ рассекреченных ныне документов имеется два письма П.Л. Капицы Сталину и одно – Берии. Первое письмо Сталину от 25 ноября 1945 года Капица написал об организации работ по

проблеме атомной бомбы, как она ему виделась, и о своем освобождении (точнее – самоустранении. – *С.К.)* от работы в Специальном комитете и Техническом совете Спецкомитета.

Общий тон письма (к Сталину!) достаточно высокомерен, с поучениями и рассуждениями. Например, в письме есть в принципе верные, но в контексте письма неуместные сентенции о роли атомной энергии в мировой культуре и т. п.

Капица видел «общий план действий» в разработке двухлетнего плана подготовки промышленности, в параллельных этому научных исследованиях, в подъеме высшего образования и в «подъеме благосостояния наших научных работников». И напрочь игнорировал тот простой факт, что Бомбу надо сделать ***быстро.*** А перед тем как сделать ее, надо еще быстрее «сделать» новую отрасль, способную сделать Бомбу.

Капица писал о том, что «правильная организация всех вопросов возможна только при одном условии, которого нет, но, не создав его, мы не решим проблемы А.Б. быстро… Это условие – необходимо больше доверия между учеными и государственными деятелями…».

Петр Леонидович был прав и здесь, но, как показала сама жизнь (Бомбу-то сделали быстро), доверие было, однако – к тем ученым, которые не только рассуждали, но и действовали! И действовали быстро. Как, скажем, Курчатов.

В первом письме Сталину есть и любопытные оценки Капицей Берии (и не только его):

«Товарищ Ванников и другие, из Техсовета, мне напоминают того гражданина из анекдота, который, не веря врачам, пил в Ессентуках все минеральные воды подряд в надежде, что одна из них поможет.

<…>

Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру (прямой намек на то, что им должен быть великий Капица, которого все и должны слушаться – дирижер ведь сам не играет. – *С.К.)* У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо».

Слабо или не слабо было у товарища Берии с пониманием «партитуры», вскоре показала жизнь. И та же жизнь доказала: Берия вел себя не как «сверхчеловек», а как обоснованно уверенный в себе человек. А вот товарищи Маленков и

Вознесенский вели себя «как сверхчеловеки» зря. Их начальственные амбиции не очень-то соответствовали их деловой потенции (позднее относительно Вознесенского я приведу некий факт поразительнейший, почти неправдоподобный, но имевший место быть).

Капица писал и так:

«Я лично думаю, что тов. Берия справился бы со своей задачей, если отдал бы больше сил и времени. Он очень энергичен, прекрасно и быстро ориентируется, хорошо отличает второстепенное от главного, поэтому времени зря не тратит, у него, безусловно, есть вкус к научным вопросам, он их хорошо схватывает (вот даже как! – *С.К.),* точно формулирует свои решения.

Но у него один недостаток – чрезмерная самоуверенность, и причина ее, по-видимому, в незнании партитуры. Я ему говорю прямо: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах», – на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особенно любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт…»

Что тут можно сказать? Если бы Берия «учился», то, может быть, он и стал бы доктором наук, но как же быть тогда с Урановой проблемой?

А высокомерие Петра Леонидовича все возрастает и уже способно позабавить… А «рекомендации» его переходят всякую грань, вызывая вежливую улыбку и, одновременно, желание прибегнуть к ненормативной лексике. Так, он пишет далее:

«Наши гениальные купцы-меценаты Третьяковы, Щукин и пр., ведь они прекрасно разбирались в картинах и видели больших художников раньше других; они не были художниками, но изучали искусство. Берия, если бы не был так ленив (н-да. – *С.К.),* то, поработав с его способностями и «знанием людей», несомненно, мог бы потом разбираться в творческих процессах у людей науки и техники, чтобы стать первоклассным дирижером оркестра А.Б. Например, ему следовало бы…»

А вот тут я цитирование прерву и подчеркну, что далее идут строки самого Петра Леонидовича:

«… следовало бы познакомиться по первоисточникам (а не в популярном изложении), как прокладывался трансатлантический кабель, как развивалась паровая турбина и пр.

Он увидал бы общую закономерность этих процессов и использовал бы этот опыт для того, чтобы понять, что важно и нужно в развитии работ по А.Б…»

Предлагать подобную «техучебу» человеку, который тянул вместе со Сталиным основную лямку организационных усилий Великой Войны, мог лишь предельно самовлюбленный и ослепленный самолюбованием (а значит, в конечном счете, и ограниченный) человек! Которым, увы, Капица и был.

А он ведь безмятежно предлагал и вот что:

«Следует, чтобы все руководящие товарищи, подобные Берия, дали почувствовать своим подчиненным (интересно, какие при этом методы убеждения подразумевал академик Капица? – *С.К.),* что ученые в этом деле ведущая, а не подсобная сила…»

Как при этом видел организацию работ академик, видно из его письма от 1 декабря 1945 года уже непосредственно Берии: «Предлагаю следующее. Создавать… ряд технических комитетов по каждому из важных технических заданий… Создать орган, который можно бы назвать Совет председателей технических комитетов… Задача… – наблюдать, утверждать, координировать работы различных комитетов и подбирать кадры их работников (то есть кадры не работников новой отрасли, а кадры работников комитетов, то есть – чиновников. – *С.К.)*. При такой постановке вопроса Совет председателей… будет расти по мере появления новых заданий, когда соответственно указаниям Особого комитета будет увеличиваться число комитетов».

Итак, как писал о «прозаседавшихся» Маяковский: «О, если бы еще одно заседание ради искоренения всех заседаний!»?

При этом приоритеты «отдельных проблемных вопросов» атомной энергии Капица (1 декабря 1945 года!) выстраивал не более ответственно:

«а) использование А.Э. в мирных целях культурного развития,

б) разрушительная сила А.Б…» – и т. д.

Мало того, что так расставлять приоритеты в 1945 году мог не патриот, а космополит в точном значении этого слова… Капица даже не задумывался о потенциально мирной, ***сдерживающей***, роли «разрушительной силы А.Б.»! А Берия, похоже, задумывался. Во всяком случае, он к 1953 году, уже будучи уверенным в том, что Россия вскоре получит термоядерную «супербомбу», думал не о безудержном развитии ядерных арсеналов, а о разумном сокращении (точнее – оптимизации) расходов общества на ядерные вооружения! Стоял на позициях, так сказать, оборонной достаточности. И ему это еще поставят в вину на том пленуме, где его будут ***заочно*** шельмовать!

Увы, на тему «Берия и ученые», приводя факты, не очень-то

выигрышные для реноме ряда ученых, можно говорить много (одна история о том, как профессор Фок публично защищал свои научные взгляды ссылками на авторитет Берии, чего стоит!).

Но я скажу лишь об академике Сергее Аркадьевиче Векшинском. Псковитянин, 1896 года рождения, он с 1914 по 1916 год учился в Петроградском политехническом институте, в 1916 году был командирован Главным артиллерийским управлением в США. А вернувшись (вернувшись!) в годы лихолетья в ту Россию, в которую Капицу с трудом удалось вытащить из Кембриджа уже в относительно благополучные годы, он поступает на химический факультет Донского политеха, а с 1922 года начинает работать на ленинградском заводе «Светлана».

15 декабря 1945 года Векшинский – уже признанный ученый – обращается с письмом к Маленкову. Насколько письма Капицы в практическом отношении бездарны, настолько же практически ценны идеи письма Векшинского, которое Маленков направил Берии с резолюцией: ***«Лично т. Берия Л.П. Прошу ознакомиться с этим письмом. Знаю Векшинского как серьезного работника. 27/***XII***».***

Вот это письмо:

«Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Я поставлен в известность т. Махневым о том, что моя лаборатория привлечена к участию в работах по созданию электромагнитных масс-сепараторов.

Раз нужно, так нужно, и я готов приложить все силы, чтобы облегчить выполнение этой задачи. Я понимаю ее значение.

Два заседания Технического совета у т. Ванникова, на которые я был приглашен, убедили меня, однако, в том, что в постановке задачи имеется такая логическая и организационная путаница, что рассчитывать на успех нельзя. Дело в том, что для создания практически работающих масс-сепараторов нужно решить 95 % инженерно-технических задач и 5 % – принципиально физических.

Сейчас вокруг этого дела собраны физики и только организация физических исследований занимает внимание. <… > Предполагается, что потом (когда?) все сделают заводы. Это в корне неверно, и золотые яйца, снесенные кукушкой в пустые гнезда, протухнут скорее, чем из них вылупится хоть один птенец.

<…>

Физикам все это представляется пустяком, давно известным и достигнутым. Мне кажется, что физики, (хотя я и сам физик, но «порченый», «фабричный») – это люди, которые слишком много знают, чтобы уметь что-нибудь хорошо делать. К сожалению,

инженеры у нас слишком много делают, чтобы хорошо знать новое в физике. <…> Значит, должна быть создана такая организация, где были бы слиты в один коллектив и мастера, и физики, и инженеры (подчеркивания были сделаны Берией. – *С.К.)*.

<…>

Как временную меру приходится принять организацию исследовательских работ в разных местах, но нужно немедля приступать к созданию и оборудованию такого научно-технического центра, где через 8—10 месяцев можно было бы вести работу по-настоящему. Предложение академика Курчатова о срочной постройке института с сильным техническим уклоном, по-моему, является не только обоснованным, но и категорически необходимым.

<…>

С коммунистическим приветом,
Искренне Ваш, Векшинский».

31 декабря 1945 года Берия адресует письмо Векшинского Ванникову и Первухину и пишет: ***«Прошу с участием т. Векшинского разработать и представить на утверждение Специального Комитета предложения по лаборатории т. Векшинского».***

Так было положено идейное начало Центральной вакуумной лаборатории Наркомэлектропрома, в 1947 году преобразованной в Научно-исследовательский вакуумный институт. Но одновременно эти же идеи окончательно подтолкнули к решению об образовании КБ-11 в «Арзамасе-16», выросшего в СССР в крупнейший многопрофильный научно-инженерный «комбинат», бездарно и бесславно погибающий в нынешней «Россиянин».

Капица по складу себялюбивой натуры был ближе к чиновной партократии – поэтому он и не сошелся характером с Берией. А вот Векшинский был человеком дела и чести. И поэтому его идеи были тут же Берией восприняты и приняты им к немедленной реализации.

В ЛИТЕРАТУРЕ приходится встречать утверждения, что Берию порой называли «отцом советской атомной бомбы». В любом смысле это не так. Но вот отцом советской атомной индустрии его не только можно, но и должно назвать по праву, если мы хотим стоять на почве исторической правды. В «эпоху Берии» была создана, по сути, вся материальная «атомная» инфраструктура, которая после Берии лишь развивалась.

Но он этой своей роли никогда и никак не выпячивал и до

рекламы (о саморекламе вообще не разговор!) охоч не был. После его ареста управляющий делами Совмина СССР Помазнев в записке в ЦК от 2 июля 1953 года писал:

«Высотные здания Берия считал своим детищем (и имел к тому все основания. – *С.К.)*. Однажды я слышал, как он говорил, другие уже десять раз фотографировались бы на фоне этих зданий, а тут строим, и ничего».

Итак, даже нелояльный Помазнев невольно отметил личную скромность Берии. Но это же подтверждает и такой, скажем, документ, как «Материалы к сборнику по истории овладения атомной энергией в СССР», который готовился с сентября 1952 года в секретариате Специального Комитета! Все его главы просматривал лично Берия, и, похоже, он хотел издать ***открытый*** советский аналог американского правительственного отчета о разработке атомной бомбы в США.

Сборник так и не увидел свет, поскольку с арестом Берии идея была похоронена, и страна в реальном масштабе времени так и не узнала ни того, какое великое дело она совершила, ни имен героев Атомной эпопеи. Последствия этой глупейшей суперзакрытости мы расхлебываем по сей день. Ведь страна так и не поняла: какая это ценность – ее оружейники-атомщики и что значил для России их подвиг… А не поняла не в последнюю очередь потому, что в реальном масштабе времени об этом подвиге не знала.

Так вот, в объемных (страницы 806–912 в книге 5-й тома II «Документов и материалов советского Атомного проекта») черновых «Материалах» имя Берии упоминается всего три раза в чисто служебных фразах.

Вот они:

1) «Исходя из особого характера поставленной перед страной задачи, руководство всеми работами по атомной проблеме т. Сталин (к слову, имя Сталина там встречается тоже очень редко и к месту. – *С.К.)* поручил своему верному и ближайшему соратнику Лаврентию Павловичу Берия. Товарищ Берия Л.П. был назначен Председателем Специального комитета».

2) «С первых же дней деятельности Специальный комитет под руководством товарища Л.П.Берия широким фронтом повел работы по организации и строительству новых научных учреждений, конструкторских бюро и опытных установок и расширению работ привлеченных ранее к решению атомной проблемы организаций».

3) «О ходе строительства (первого реактора. – *С.К.)* товарищу

Л.П. Берия докладывалось ежедневно, меры помощи принимались незамедлительно».

Это – все!

ВСЕ!!!

Зато в «Материалах» даны весьма комплиментарные оценки другим: «ближайший соратник т. Сталина, секретарь Центрального Комитата Коммунистической партии Советского Союза Георгий Максимилианович Маленков», «крупнейший ученый страны в области ядерной физики академик И.В. Курчатов», «опытные хозяйственные руководители и талантливые инженеры Б.Л.Ванников, А.П. Завенягин, М.Г. Первухин, В.А. Махнев», «опытный инженер и замечательный организатор… Е.П. Славский», «энергичный, знающий инженер и хороший организатор А.С. Елян» и т. д.

В «Материалах…» упоминались десятки имен, в том числе имена немцев Герца, Барвиха, Стейнбека, Фольмера, Шютце, Тиссена, Арденне, Риля, Вирца… Отдельный раздел был посвящен подготовке кадров, и в текст органично вошла мысль Сталина: «Русский революционный размах – это та живительная сила, которая будит мысль, двигает вперед, ломает прошлое, дает перспективу. Без него невозможно никакое движение вперед».

Да, это был коллективный документальный портрет Проблемы и Эпохи, но отнюдь не портрет одной из главных фигур Проблемы – Лаврентия Берии.

А какой ведь был соблазн!

Хотя… Если бы соблазн был, то «Материалы» и написаны были бы иначе – «под Берию». А они написаны «под коллектив».

Так что эти никак в расчет биографами Берии не бравшиеся страницы, пожалуй, наиболее весомо доказывают, что Лаврентий Павлович не только не страдал чем-либо напоминающим манию величия, а, напротив, – был искренне, органически скромен.

Как много за время работы над этой книгой мне пришлось прочесть «воспоминаний», «мемуаров», «показаний» и стенограмм выступлений, где оценки Берии были даны как по трафарету: «хамелеон», «неудержимый карьерист», «деспот, ослепленный жаждой персонального возвеличения» и т. д.

Но вот ДОКУМЕНТ. Его писали и отрабатывали под ***личной*** редакцией Берии. И где же здесь «жажда персонального возвеличения»?

А ведь это и есть лакмусовая бумажка для сути личности. Хрущев, дорвавшись до власти, тут же навесил себе Звезду Героя Социалистического Труда в 1954 году, к 1961 году став уже

трижды «Героем». К семидесятилетию его вот уж воистину жажда персонального возвеличения стала настолько острой, что он кощунственно навесил на себя Звезду Героя Советского Союза.

А Берия довольствовался тем, что зажигал – как звезды – огни новых строек Державы.

Он действительно не был охоч до наград, и за все «атомные усилия», как я уже сообщал, был отмечен один раз. Но из особо важных и совершенно секретных документов того времени вырисовывается привлекательный облик выдающегося государственного деятеля: умницы, организатора с прекрасной реакцией, способного быстро войти в курс неизвестных до этого проблем и адекватно решать их, человека, склонного к управлению за счет действенной постановки дела и подбора кадров, а не репрессий и к тому же предельно внимательного к нуждам трудящихся масс.

Говоря образно, он руководил методом не топора, а точной директивы, а порой, да, – и крепкого кулака.

Но разве этот метод по отношению к нерадивым или нерасторопным не был тогда единственно оправданным? И разве он не должен быть употребляем во все времена в сфере высшего государственного руководства? Ведь доброта к ворам, разгильдяям и коррумпированным чиновникам оборачивается злом по отношению к народу.

БЕРИЯ был устранен из активной жизни страны 26 июня 1953 года, однако оружейники еще жили в ритме, заданном им ранее. В хлопотах по подготовке к испытаниям первой водородной бомбы РДС-6с летели недели июля и августа. Наконец наступил день 12 августа 1953 года…

На Опытном Поле, центром которого была 40-метровая башня с зарядом, возвышалось (или – напротив, было заглублено в землю) 308 сооружений: здания, мосты, блиндажи… 1300 измерительных, фото– и киносъемочных приборов, 1700 индикаторов – все, как и ранее. И все – впервые, потому что политическая цена успеха или неуспеха «водородного» взрыва в 1953 году была чуть ли не такой же, как и взрыва «атомного» в году 1949-м.

Государственную комиссию по проведению испытания возглавил министр среднего машиностроения СССР Малышев, и на это небывалое событие – ожидаемая мощность взрыва должна была иметь тротиловый эквивалент в 400 тысяч тонн тринитротолуола! – собралось немало крупных фигур. Достаточно привести ряд фамилий из утвержденного Курчатовым списка лиц, «представляющих личные наблюдения» о взрыве…

Там были три академика – М.В. Келдыш, М.А. Лаврентьев и А.Д. Сахаров, будущий академик М.А. Садовский и будущие «членкоры» Д.И. Блохинцев и Л.А. Галин, В.П. Джелепов, Б.С. Джелепов, генерал-лейтенанты И.Ф. Чухнов, С.В. Рогинский, И.С. Глебов, Рождественский, генерал-майоры М.Н. Кочергин и Воскресенский…

Час «Ч» наступил в 7 часов 30 минут по местному (в 4.30 по московскому) времени. Определенная по методике «огненного шара» температура светящейся зоны значительно превышала солнечную, то есть командный пункт испытаний с расстояния в несколько километров какое-то время опаляла маленькая рукотворная звезда!

Огромное зарево красно-оранжевого цвета было видно с расстояния в 170 километров. Полный тротиловый эквивалент оценивался в 400 ± 50 килотонн. Это был успех! И какой успех! 20 августа «Правда» опубликовала «Правительственное сообщение об испытаниях водородной бомбы в Советском Союзе».

Но все это было уже без того, кого еще два месяца назад атомщики и ракетчики называли между собой просто «ЛП». Его, как я понимаю, к этому времени и вообще уже не было в живых, хотя официально шло лишь «следствие» по его «делу».

Однако мой рассказ об «атомной» жизни Берии еще не окончен…

Глава 22
Лаврентий для Лаврентьева

11 марта 1946 года директор 2-го Научно-исследовательского физического института МГУ член-корреспондент АН СССР Д.В. Скобельцин обратился к «глубокоуважаемому Лаврентию Павловичу» с ходатайством ***«дать указания о необходимости демобилизовать из армии и ускорить возвращение в МГУ для переквалификации физиков, окончивших ранее МГУ, и бывших студентов старших курсов согласно прилагаемому списку».***

Мотивация была следующей: «***промедление в проведении испрашиваемого мною распоряжения поведет к срыву всего задания в части выпуска специалистов по физике атомного ядра в 1946*** г.».

Тревога Скобельцина была понятна и понята: 12 марта Берия адресовал его письмо министру вооруженных сил Булганину, а тот 18 марта сообщил:

«Товарищу Берия.

Во исполнение Вашего поручения от 12.3.46 г. по вопросу увольнения из Красной Армии военнослужащих для подготовки специалистов по физике атомного ядра мною отдано прилагаемое приказание».

Приказание было отдано начальнику Главного управления кадров генерал-полковнику Ф.И. Голикову, и тот его выполнил, однако 18 апреля 1946 года обратился к секретарю Центрального Комитета ВКП(б) тов. Маленкову Г.М. с докладной запиской:

«Докладываю:

Идя навстречу научно-исследовательским учреждениям, работающим над проблемами атомной энергии, Главное управление кадров Вооруженных Сил возвращает из армии значительное количество бывших студентов физических факультетов вузов.

При этом нельзя не обратить внимание на то, что… отбор отзываемых из армии студентов-физиков производят уж чересчур односторонне.

Так, из списка в 20 человек 13 апреля с. г… профессор Д.В. Скобельцин просит уволить 16 чел. евреев.

Ранее, 11 марта из 10 человек профессор Скобельцин половину людей (5 чел.) отобрал той же национальности».

20 апреля Маленков адресовал эту докладную Берии, и в тот же день уже Махнев в свою очередь дал Берии справку:

«Выяснение показало, что т. Скобельцин при составлении

списка пользовался устными рекомендациями знакомых преподавателей, физиков и студентов, так как в МГУ не оказалось учета студентов старших курсов, призванных в армию».

Судя по оперативности Махнева, вопрос показался Берии интересным, но как уж там было далее, документы умалчивают. Однако вышеприведенная «информация к размышлению» послужит уместным вступлением к дальнейшему рассказу.

ПОЛНОСТЬЮ читатель может познакомиться с этой историей в № 6,7 и 8 «Бюллетеня по атомной энергии», но вряд ли ведомственное издание ЦНИИАтоминформа найдется во многих публичных библиотеках.

Сразу предупреждаю, что, хотя далее все излагается в основном от третьего лица, фактически я очень сжато пересказываю то, что ***от первого лица*** написал в этом «Бюллетене…» о себе, о физике и о физиках начала 50-х годов доктор физико-математических наук Олег Александрович Лаврентьев, судьба которого оказалась связанной с судьбой Берии тоже ***знаковым*** образом. И поэтому не рассказать о ней невозможно.

Уже более полувека Олег Александрович живет в Харькове, будучи сотрудником знаменитого УФТИ – Украинского физико-технического института Академии наук. Работая над этой книгой, я дозвонился до него, и после моего представления у нас состоялся примерно такой телефонный разговор…

– Олег Александрович, насколько я знаю, вы встречались с Лаврентием Павловичем Берией.

– Да, у меня была одна встреча с ним… Я был, кстати, вместе с Сахаровым.

– А когда это было?

– В 1951 году…

– Ну и какие у вас впечатления от него?

– Хорошие впечатления… Во-первых, он был прекрасным организатором…

– Это я знаю, но меня он как человек интересует… Что Вы об этом можете сказать? Что хотите, то и говорите… Какое впечатление он произвел?

– Хорошее впечатление… Во-первых, он вышел из-за стола, у него же большой стол был… Подошел, поздоровался за руку, сказал: «Здравствуйте», пригласил садиться…

Голос у Лаврентьева – глуховатый бас, а манера разговора – неторопливая и обстоятельная… Он делает паузу и продолжает:

– И первый же его вопрос меня огорошил… Он спросил: «У вас что – зубы болят?..» Я удивился – почему? Ничего не болят! А

он спрашивает: «А почему щека распухла?!» – «А они у меня всегда пухлые…»

Тот, кто увидит фото молодого Лаврентьева, вопросу Лаврентия Павловича не удивится – щеки у Олега Александровича были тогда действительно как у хомячка…

И еще одно… И в опубликованных мемуарах, и в телефонном разговоре со мной Олег Александрович вспоминал, что Берия обращался к нему на «вы». Но как часто в воспоминаниях других (хотя бы – генерала КГБ Синицына) Берия хамовато «тыкает» собеседнику… Так вот, позвольте не поверить! К тем, кто уже прочно вошел в его круг, он мог, конечно, по-товарищески обращаться на «ты» («пустое «вы» сердечным «ты» она, обмолвясь, заменила»)… Но «ты» как норма? Нет, и еще раз нет!

И вот почему я так категоричен… В 1951 году перед ***Маршалом Советского Союза***, членом Политбюро, зрелым человеком, в конце концов, сидел двадцатишестилетний ***сержант*** Лаврентьев!

Именно – сержант…

Как он попал в кабинет Берии, читатель вскоре узнает. Но сейчас существенно то, что Лаврентий Павлович вышел к нему из-за стола, чтобы поздороваться за руку и усадить в кресло! А потом сразу же заботливо поинтересовался распухшей щекой… Да одна эта деталь опровергает все гнусности, нагроможденные над памятью Берии за прошедшие пол века с лишком!

– Ну, и что потом? – спросил я у своего телефонного собеседника.

– Потом стал расспрашивать о родителях. У меня же тогда отец в тюрьме сидел…

– А потом?

– Ну, а потом он написал хорошую записку Ванникову, Завенягину и Курчатову.

– А потом?

– Потом тоже все было хорошо… Комнату в Москве дали… Денег дали… Сталинскую стипендию я получал – как отличник… Меня на работу к Курчатову приняли… Программу мы подготовили…

В трубке молчание… Пауза…

– А потом? – не выдерживаю я.

– Потом Берии не стало, и на меня все шишки посыпались… Хотя я один только раз с ним и встречался.

Вновь пауза, а потом я слышу:

– Да все это опубликовано…

– Где?

– В «Бюллетене по атомной энергии», кажется – в летних номерах за 2001 год…

ПАМЯТЬ старого физика не подвела, и далее я все излагаю так, как об этом и предупредил читателя вначале…

В 1941 году семиклассник Олег Лаврентьев прочитал только что вышедшую из печати книгу «Введение в ядерную физику», автора которой позднее запамятовал. И у него зародилась голубая мечта – работать в области атомной энергетики.

Началась война, в 18 лет Лаврентьев ушел добровольцем на фронт, воевал в Прибалтике, а после окончания войны был переведен в Сахалинский военный округ в 221-й зенитно-артиллерийский дивизион. Там он стал радиотелеграфистом и сержантом, на сержантские рубли смог через Посылторг выписать из Москвы книги по физике и подписаться на журнал «Успехи физических наук». Кроме того, в части была неплохая библиотека.

И началось систематическое и серьезное самообразование, тем более что командование части это поощряло. Удивительно, но факт – не имея формально даже среднего образования, Лаврентьев уже тогда мыслил как серьезный физик, уже в 1948 году самостоятельно придя к идеям термоядерного синтеза и водородной бомбы на основе дейтерида лития. Задумываясь же над использованием термоядерных реакций для промышленных целей, он формировал идею электростатических ловушек для плазмы… Фактически, сержант Лаврентьев был потенциальным физическим гением, ибо гений – это не только способности, но и труд. А трудиться его учила жизнь.

В сентябре 1948 года Олег поступает в вечернюю школу, несмотря на запрет посещать ее военнослужащим. Однако замполит А. Щербаков убедил командира дивизиона подполковника И. Плотникова в том, что тут надо сделать исключение. В мае 1949 года, пройдя три класса за год, Лаврентьев получает аттестат зрелости.

Газеты были полны сообщениями о том, что президент Трумэн ставит задачу создания водородной бомбы. А сержант Лаврентьев знал, как ее сделать! И написал короткое письмо Сталину, а через несколько месяцев – в ЦК ВКП(б). Вскоре из Южно-Сахалинска приехал подполковник инженерной службы Юрганов – посмотреть на Олега, а заодно выяснить – все ли у него нормально с психикой.

Через несколько дней командование части получило предписание создать сержанту Лаврентьеву условия для работы, и в охраняемой комнате в штабе части он начал писать свою первую работу по термоядерному синтезу.

В июле 1950 года!

Протеже профессора Скобельцина в это время благополучно грызли «гранит науки» в МГУ, периодически перемежая это «меню» изделиями московских ресторанов.

Но и у Лаврентьева впереди была Москва… Уже были посланы документы в приемную комиссию МГУ, и 21 июля – без всяких профессорских ходатайств – честные советские люди провели досрочную демобилизацию талантливого советского парня. Свою работу по термояду он закончил, и 22 июля 1950 года она секретной почтой ушла в ЦК ВКП(б) к заведующему отделом тяжелого машиностроения И.Д. Сербину. Сам же Олег уехал в Южно-Сахалинск.

А там…

А там выяснилось, что вблизи Владивостока дожди размыли путь, садиться в Корсакове на пароход бессмысленно – все равно застрянешь на материке. В тогдашней России – если верить Станиславу Пестову и Антонову-Овсеенке – были в разгаре «тоталитарные» времена, когда все «друг за другом шпионили», чтобы спихнуть ближнего в «рабы ГУЛАГа», и когда «людей за людей не считали», называя их «винтиками». Но что удивительно – в этой «тоталитарной» державе Лаврентьев не придумал ничего более умного, как пойти в обком партии. И там…

И там секретари по науке и промышленности, уже знакомые (!) с работой сержанта (!) помогли ему купить билет на самолет до Хабаровска и познакомили с книгой Г. Смита о Манхэттенском проекте США. Книгу он проглотил, и она дала ему новый толчок для идей по водородной бомбе.

Попав в столицу 8 августа, Олег был включен в группу опоздавших и после успешной сдачи вступительных экзаменов стал студентом физфака. В сентябре он встретился с Сербиным, который предложил поддерживать контакт (завотделом ЦК и студент!) и сообщать обо всех новых идеях. Олег написал еще одну работу, через экспедицию ЦК направил ее Сербину, но ответа не было…

И вдруг 3 января 1951 года в общежитии на Стромынке Олегу сообщили, что его разыскивают, и просили позвонить по такому-то телефону. Он позвонил. Абонент на другом конце провода представился Махневым и, несмотря на позднее время, предложил приехать в Кремль.

Студенту-сержанту!

У окошка в бюро пропусков у Спасских ворот был лишь один человек, и когда он услышал фамилию «Лаврентьев», то всмотрелся внимательно и пошел следом. Оказалось, что они идут в одно место, и, когда попутчики добрались до Махнева, тот

представил их друг другу: «Олег Александрович Лаврентьев» и «Андрей Дмитриевич Сахаров».

На столе у Махнева лежала красиво оформленная вторая работа Лаврентьева, и секретарь Спецкомитета поинтересовался у Сахарова – знаком ли он с ней? Сахаров ответил, что нет, но что он читал первую работу Лаврентьева и она произвела на него сильное впечатление. Махнев порекомендовал прочесть и вторую работу. Напоминаю: Лаврентьев был тогда студентом-первокурсником.

Через несколько дней тоже поздним вечером Лаврентьев вновь был у Махнева – как и Сахаров. Махнев сказал, что их примет председатель Специального комитета, но придется подождать – у него сейчас совещание. После довольно долгого ожидания пошли в соседнее здание Совета Министров СССР, и после многократной проверки документов все трое оказались в «предбаннике» бериевского кабинета.

Вначале к Берии был вызван Сахаров. Через 10 минут к нему пригласили и Олега. И состоялся тот разговор, который я описал выше…

ОЧЕНЬ скоро круг высоких знакомств студента расширился. И за счет кого! Ванников, генерал Павлов, Курчатов! Но чаще всего Олег имел дело с Павловым…

«Прокатывая» мои идеи, – пишет Лаврентьев, – он устраивал мне встречи с учеными, с интересом следил за нашими дискуссиями, проходившими иногда довольно бурно. Тогда для меня существовал только один авторитет – наука, и если я в чем-то был уверен, то отстаивал свою точку зрения, не считаясь ни с чем…»

Однажды Павлов сказал, что ему звонил «Хозяин» и интересовался делами Лаврентьева. Сегодня «руководители» «Россиянин» не находят времени для академиков, а Берию интересовал талантливый студент! Да, собственно, уже и не студент, а перспективный молодой ученый!

Круг знакомств расширялся: физики Блохинцев (Олег его знал только заочно по учебнику квантовой механики), Головин (тот, будущий антибериевский «сказитель»), математик Самарский… Курчатов предложил окончить университет за четыре года, и Олег быстро перескочил с первого курса на третий, и вскоре его пригласили на работу в Лабораторию № 2 (будущий Институт атомной энергии имени Курчатова).

Все было хорошо, но… Но вдруг с удивлением Лаврентьев узнает, что Сахаров и Тамм тоже занимаются вопросами удержания плазмы – за счет магнитного поля, о чем Сахаров

Олегу не говорил. И тому были причины – как узнал Лаврентьев лишь в 1968 году, его первая сахалинская работа попала на отзыв к Сахарову – недавнему аспиранту Тамма, и идеи Лаврентьева, судя по всему, запустили «цепную реакцию» мыслей Сахарова…

В середине мая 1951 года Олег получил постоянный пропуск в Лабораторию № 2, именуемую и ЛИПАН – Лаборатория измерительных приборов Академии наук. Работали много, ожидался приезд Берии, который сам хотел посмотреть на эксперименты… Лаврентьев знакомится с Львом Арцимовичем – руководителем экспериментальной программы по управляемому термоядерному синтезу, величиной крупнейшей. Оказывается, и Арцимович читал его первую работу и высоко ее ценит. А потом Олег знакомится и с Будкером – будущим директором Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР. Будкер тоже читал «сержантскую» работу выпускника вечерней школы рабочей молодежи и отнесся к ее автору очень доброжелательно.

В это время Олег уже жил на набережной Максима Горького (там было построено несколько внушительных жилых домов для сотрудников ПГУ). И все устраивалось, казалось бы, отлично! В конце июня 1951 года его в своем кабинете в ПГУ на Ново-Рязанской улице принимает Завенягин, расспрашивает о жизни, о планах на будущее, предлагает путевку. Нередки встречи с Павловым и Махневым – Олег хотел реализовать скромную собственную экспериментальную программу (Махнев назвал ее в силу незначительности требующихся средств «грошовой»)…

Но что-то стопорилось.

В октябре 1951 года в ЛИПАНе состоялось детальное обсуждение идеи Олега об электромагнитной ловушке.

«На обсуждении, – пишет Лаврентьев, – присутствовал еще один человек. Он тихо сидел в углу, внимательно слушал мои объяснения, но вопросов не задавал и в наши разговоры не вмешивался. Когда обсуждение подходило к концу, он тихо встал и вышел из аудитории…»

Лишь позднее Олег понял, что это был Тамм. Через полвека Лаврентьев напишет: «Причины, побудившие его присутствовать на нашей встрече инкогнито, мне непонятны».

Хотя читатель, возможно, уже кое-что понимать начинает…

К ИЮНЮ 1952 года Лаврентьев выпустил отчет с расчетами своей ловушки и параметров удерживаемой в ней плазмы. Отчет был направлен на рецензию академику М.А. Леонтовичу, а 16 июня состоялась первая встреча еще одной крупнейшей величины в физической науке и пухлощекого упрямца, признающего авторитет лишь научной истины.

Леонтович начал с комплиментов, но потом стал убеждать автора отчета в нереализуемости как его идеи ловушек, так и второй идеи о реактивном плазменном двигателе для использования в космическом пространстве (позднее такие двигатели будут использоваться практически, но…).

Лаврентьев не поддавался, однако вежливо сказал, что подумает. И тогда Леонтович при нем позвонил кому-то по телефону и сообщил: «Все в порядке». Даже наивного Олега эти слова покоробили, и он мысленно к ним добавил: «Ваше задание выполнено».

Хотелось бы знать – чье?

Отчет Лаврентьева Леонтович «зарубил», но встречи их продолжались, и Леонтович даже хотел брать его в аспирантуру, но… Но вот слова Лаврентьева:

«Заключение М.А. Леонтовича задержало начало экспериментальных исследований по электромагнитным ловушкам почти на пять лет. Это была большая потеря не только для меня, но и для всей нашей программы по управляемому термоядерному синтезу».

Лаврентьев, конечно, не знал, что 23 октября 1950 года Юрий Жданов писал в ЦК:

«В ряде институтов Академии наук имеет место тенденциозный подбор кадров по национальному признаку… Среди теоретиков-физиков и физико-химиков сложилась монопольная группа – Л.Д. Ландау, М.А. Леонтович, А.Н. Фрумкин, Я.И. Френкель, В.Л. Гинзбург, Е.М. Лившиц, Г.А. Гринберг, И.М. Франк, А.С. Компанеец, Н.С. Мейман и др.».

Это «др.» было, увы, обширным…

И что там молодой русский парень с задатками гения, но – без амбиций и без облика гения, в отличие от «блистательного» Ландау или Леонтовича с его очень выразительным лицом! Интриганы от науки валили фигуры покрупнее! Например, в 1946 году в ЖЭТФе – «Журнале экспериментальной и теоретической физики» была опубликована статья В.Л. Гинзбурга, Л.Д. Ландау, М.А. Леонтовича и В.А. Фока, начинавшаяся так:

«В последнее время (в 1944–1945 гг.) в печати появился ряд работ А.А. Власова… Рассмотрение указанных работ А.А. Власова привело нас, однако, к убеждению об их несостоятельности и об отсутствии в них каких-либо результатов, имеющих научную ценность…»

Анатолий Александрович Власов был профессором физфака МГУ… В 1988 году во Франции, на Корсике, прошла международная конференция, названная по предложению ряда ученых США «Плазма Власова»… Но самого Власова давно не

было в живых – он сошел с ума и умер.

Олег же был парнем с крепкими нервами, и хотя удивлялся, почему Сахаров при разговорах уклоняется от темы той части «сахалинской» записки Лаврентьева, где предлагалась «настоящая» водородная бомба, но из колеи молчание Сахарова бывшего артиллерийского разведчика-наблюдателя не выбивало. А оно было вполне объяснимо… Скажем, идея использования дейтерида лития в термоядерном заряде датирована в СССР 1948 годом – на этот счет есть ***вроде бы*** неоспоримые документы в «Арзамасе-16». Но ее авторство оспаривали друг у друга сами «корифеи». И вдруг признать, что этот мальчишка, лишенный интеллигентского изящества, да еще и продвигаемый «этим» Берией, нашел все ***это*** самостоятельно, нося сержантские погоны…

Нет, это было для «корифеев» непереносимо… Но терпеть, скрывая раздражение, приходилось… Тем более что, с одной стороны, строптивец мог подбрасывать интересные идеи, а с другой стороны, за ним нужен был глаз да глаз… Оставишь его без присмотра, а он, смотришь, за гроши сможет сделать то, что академики не сделали за миллионы. И как тогда объясняться «корифеям» с «ЛП» Берией?

Но вот академик Леонтович к своему 50-летию, наступающему 7 марта 1953 года, получил самый замечательный – как он сам заявлял «своим» – подарок: смерть Сталина… Это как же надо ненавидеть страну, в которой родился, чтобы так относиться к тому, кто – по оценке Черчилля – принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой?

26-го же июня 1953 года вся всесоюзная сволочь получает еще один подарок – арест Берии.

И началось!

Лаврентьева лишают и пропуска в ЛИПАН, и допуска к работам. А у него начинается дипломная практика и надо писать диплом. Лишают его и повышенной стипендии (абсолютно беззаконно, в нарушение постановления правительства) и выворачивают плату за обучение за целый год. Олег оказывается без средств к существованию, а когда пробивается в кабинет нового декана физического факультета Фурсова, то слышит: «Ваш благодетель умер, чего же вы хотите?»

КАК ЖЕ верил молодой физик в Советскую власть, если сразу после этого он пишет письмо Хрущеву. И через несколько дней Олега… вызывает на Старую площадь научный референт Хрущева Панасенков. Сам физик, Панасенков все быстро схватил, да и – как оказалось – Арцимович на высшем уровне подтвердил

важность и ценность идей Лаврентьева.

Короче, стипендию вернули, но на пути к защите препон оказалось много, и лишь в мае 1955 года защита состоялась. И еще полгода (!) потребовалось, чтобы талантливый физик Лаврентьев получил диплом и квалификацию физика.

Еще год назад все было ясно: его ждали в ЛИПАНе. Но теперь ему дают от ворот поворот – в том числе тот же Головин.

Академик Арцимович довольно холодно сообщает, что этот вопрос не в его компетенции… В итоге Лаврентьев оказался в Харькове, где и остался на всю жизнь. Но еще до его приезда директору УФТИ Синельникову позвонил кто-то из ЛИПАНа и уведомил, что к нему едет «скандалист и автор путаных идей»…

Московские мытарства сменились харьковскими, но не может у таланта совсем уж не быть успехов. Были собраны первые установки, получены первые результаты. Началась работа многих лет… Однако даже публикация статей в Москве для Лаврентьева оказывается невозможной. Он публикуется в «Украинском физическом журнале» – на украинском языке, и его статьи начинают читать… на Западе. И сразу же делают на них «стойку».

В 1968 году на Новосибирской конференции по физике плазмы иностранные ученые знакомятся с Лаврентьевым уже лично… Лаврентьева цитируют, на него ссылаются… Однако за кордон его Москва не командирует, игнорируя даже прямые приглашения, направляемые в адрес Олега Александровича. Даже те, где выражается готовность оплатить расходы за счет приглашающей стороны. Лишь в 1974 году он впервые выехал за границу – в ГДР на конференцию по низкотемпературной плазме (в 1975 году его «милостиво» отпустили еще и в Лозанну). Но чаще Лаврентьеву в поездках отказывали – не то что его однокурснику и бывшему соседу по общежитию на Стромынке Роальду Сагдееву, сделавшему блестящую карьеру в брежневском СССР и затем «увенчавшему» ее переселением в «оплот свободы» за океан.

В 1968 году, в Новосибирске, Будкер сказал Олегу Александровичу: «Угробили хорошего парня». Вспоминая это, Лаврентьев написал: «Мои смутные догадки после этих слов обрели реальные очертания. Меня просто «гробили», а когда «угробили», выяснилось, что я не пользовался высоким покровительством, никому и ни в чем не причинил вреда…»

А вот тут он ошибся.

КАК И БЕРИЯ на своем уровне государственного деятеля, Лаврентьев на своем уровне физика причинял «вред» очень многим самим фактом своего существования! Он хотел жить в

семье физиков, а в наличии были лишь ***кланы*** – если иметь в виду тех, кто составлял «Олимп».

Берия был виноват уж тем, что очень многим хотелось просто «кушать», а он заставлял их работать так, как работал сам, на пределе сил. Так ведь и Лаврентьев был виноват – на своем уровне – В ТОМ ЖЕ! Он хотел работать, а не блистать.

Берия любил Родину в себе. Его же идейные антиподы, и прежде всего – Хрущев, любили себя в руководящем кресле.

Лаврентьев любил физику в себе. А все эти Леонтовичи и Ландау с Арцимовичем, да и Сахаров, и Тамм, и Капица, любили себя, свою исключительность, свою «избранность». И поэтому не то что любить – терпеть рядом с собой того, кто избранного из себя не корчил, но ***был им***, они не могли.

Как уж Сахаров в своих воспоминаниях не пожалел черной краски для Берии. Да что там «изверг» Берия, с вниманием и интересом отнесшийся в свое время не только к Лаврентьеву, но и к самому Сахарову! «Совесть демократии» – Сахаров даже скромного Василия Алексеевича Махнева, ни одного дня не служившего в «органах», производит в начальника «лагеря на Колыме» – в своей статье о Леонтовиче, опубликованной в сборнике 2003 года «Академик М.А. Леонтович. Ученый. Учитель. Гражданин»…

Это – на людях…

Но когда 5 апреля 1989 года Лаврентьев пришел к Сахарову на его московскую квартиру и хозяин, «понурив голову», повел гостя мимо галдящих по всему дому доморощенных «демократов» и наставников-иностранцев на кухню, то уже в первые минуты вспомнил он не что-то там, а ***встречу с Берией.***

Запала она, значит, академику в душу и в память, но не атмосферой же «страха» – ее в той встрече и близко не было. Зато был живой интерес к нему выдающегося государственного человека. Сахаров ведь был старше Лаврентьева всего на пять лет, старший ровесник, по сути. И в 1951 году он попал к «ЛП» тоже в первый, хотя – в отличие от Олега Александровича – и не в последний раз. Так что это и для АД С были ***смотрины…***

«Мы пили чай, – свидетельствует Лаврентьев, – с пирогом и вспоминали былое. Он все еще находился под впечатлением нашей встречи с Л.П. Берией, и первые его слова были о ней…»

Какими же были эти слова, что вспоминал Сахаров? Я не знаю, а Олег Александрович не помнит – во всяком случае, он так сказал в ответ на мой вопрос. Но что, впрочем, мог сказать тогда Сахаров, пройдя, ***понурив голову***, на кухню сквозь строй ликующих разрушителей России? Он ведь, похоже, тогда начинал понимать, что Россию, не без его содействия, ведут на заклание…

Это был 1989 год – год вакханалии горбачевского Съезда «народных депутатов», похоронившего Державу. А тогда, в эпоху Берии и позднего Сталина, Держава оказывалась на распутье. Пути было два: или к новой славе, или – к бесславью.

Или – к нерушимой мощи, или – к одряхлению.

Или – к расцвету подлинной, то есть советской, демократии, или – вначале к партократическому, а затем и к олигархическому тоталитаризму.

Или – к естественному мировому лидерству в мире возрастающей справедливости и свободы, или – к неестественной гибели в мире возрастающего неравенства и глобального подавления свобод…

Выбор был.

И страна оказывалась на распутье.

Глава 23
Конец 40-х – начало 50-х… Страна на распутье

В 1946 или 1947 году Эйнштейн в одном из американских журналов опубликовал статью с характерным для тех лет названием «Почему нужен социализм?». Подчеркну – не «Нужен ли социализм?», а «Почему нужен социализм?».

Дипломатический деятель времен Хрущева – Брежнева – Горбачева Георгий Корниенко вспомнил о ней в своей книге «Холодная война. Свидетельство ее участника». Путь автора, закончившего вскоре после войны Высшую школу НКГБ, а к эпохе «катастройки» добравшегося до высших постов в МИДе, вполне характерен для представителя предавшей Державу элиты. Конкретно Корниенко на словах «остался верен социализму», однако что нам сейчас до его слов!

В юности ему подобные не очень внимательно читали Ленина, а уж тем более – Сталина, но мнили себя публикой думающей. Потом они быстро поднимались вверх, думая, что их участие в большой политике объясняется их талантами, в то время как оно обеспечивалось успехами России времен Сталина и Берии.

Они занимали все более высокие посты во все более могучем государстве и были уверены, что мощь государства растет благодаря им, в то время как эта мощь росла на той базе, которая была заложена трудами эпохи Сталина и Берии.

Пришло время, и эта элита – уверовавшая в свою избранность (а на самом деле всего лишь закаменевшая, как некая специфическая субстанция) – бестрепетно и без какой-либо внутренней борьбы, на которую, впрочем, не была способна и в младые лета, сдала Державу бездарному и недалекому проходимцу с Каиновой печатью на лбу. А его постепенно поднимали на вершину власти самые темные и зловещие силы.

Почему же произошло так?

Почему?

Ответ есть, и я постараюсь его дать.

В свое время…

Корниенко признается, что суждения Эйнштейна повлияли на его-де мировоззрение (оказывается, оно у него, подсюсюкивавшего Горбачеву (!), было!) больше, чем штудировавшиеся им в то же самое время сталинские «Вопросы

ленинизма». И это тоже показательно.

Вернемся, впрочем, к Эйнштейну. В упомянутой выше статье он приходил к выводу о предпочтительности и большей справедливости социализма – не советской именно его модели, а социализма как общественного строя. Наиболее знаменитый физик XX века писал:

«Экономическая анархия капиталистического строя, по моему мнению, есть подлинный корень зла… Производство ведется не для блага людей, а для прибыли… Капитал концентрируется в немногих руках, и результатом являются капиталистические олигархии, чью гигантскую силу не в состоянии контролировать даже демократически-организованное государство… Я убежден, что есть только один путь борьбы с этим тяжким злом – ***введение социалистической экономики вместе с системой просвещения*** (выделение мое. – *С.К.),* направленной на благо общества…»

Для мира частной собственности это был своего рода идейный нокаут. Однако в огромной (со страничным портретом-вклейкой) статье об Эйнштейне в 48-м томе второго издания БСЭ об этой – казалось бы – такой важной и выигрышной для СССР работе Эйнштейна даже не упоминалось, хотя о философских взглядах его было сказано. Думаю, это был не просмотр редакции, а точный расчет – уже прошел XX съезд, и кое-кто уже начинал работу по будущему демонтажу социализма, так что брать в его защитники знаменитого физика этим силам было ни к чему.

Так или иначе, но за десять лет до выхода в свет 48-го тома БСЭ Эйнштейн сравнил два строя, их преимущества и недостатки и вынес исторический приговор капитализму ***как ученый***, в результате ***научного*** анализа.

Он, между прочим, говорил и об истощении природных ресурсов, провоцируемом капитализмом, отмечал, что США при населении в 5 % от мирового потребляют 30 % мировых энергетических ресурсов, зачастую просто выбрасывая их на ветер. А СССР потреблял еще немного, но имел огромный потенциал развития и огромные запасы природных ресурсов.

США все более обкрадывали внешний мир, а СССР в перспективе мог на взаимовыгодной основе поделиться с ним своим богатством. Но после войны возникли новые проблемы, и от того, будут ли они решены, зависело будущее реального социализма, а значит – в соответствии с выводами Эйнштейна – и будущее планеты.

ЧТОБЫ БЫТЬ более убедительным, я сошлюсь еще на одно свидетельство из Нового Света. Самобытный американский

художник Рокуэлл Кент был также интересным литератором, и наиболее известна его автобиографическая книга «Это я, Господи!». И вот что мы находим в ней:

«Прибыв в Париж (в 1950 году, на одно из международных мероприятий западных сторонников мира. – *С.К.),* я едва успел умыться в гостинице: надо было ехать в палату депутатов…Вслед за этим выступлением меня пригласили поехать в Москву в составе делегации. Москва! Эта сказочная столица запретной страны!.. И если мы хотим мира, то где нам еще его отстаивать, как не в главной цитадели его врагов, каковым будто бы является этот город? Итак, мы летим в Москву…

Москва предстала предо мной великим городом, полным людей, людей хорошо одетых и активно участвующих в общенародной борьбе за мир. Я увидел самый чистый город в мире, даже более чистый, чем Стокгольм и Копенгаген….

Каждый вечер нас водили в оперу, балет, в театр или кино. В залах было многолюдно. Никто из публики не выделялся настолько, чтобы его можно было назвать богатым или бедным…»

«Сталинско-бериевская «потемкинская деревня», – ухмыльнется по поводу этих строк «демократ». И ошибется настолько, насколько могут ошибаться только «демократы». Ибо далее следует вот что:

«…Однажды ночью, возвращаясь домой, я заблудился. В поисках милиционера, который указал бы мне дорогу, я прошел бесчисленное множество московских кварталов. Так и не встретив ни одного милиционера, я вынужден был обратиться к прохожему, оказавшемуся весьма дружелюбным…»

Вот как это было в якобы «тоталитарной» Москве образца 1950 года. Как обстоят дела сейчас в «демократической» Москве, вряд ли стоит говорить…

Да, к началу 50-х годов уже всем честным людям в мире стало ясно, что Россия превращается в могучую, но при этом – миролюбивую державу. В сороковые годы полстраны лежало в развалинах. Многие жили тяжело, но перспективы давали надежду – вполне обоснованную. Тем не менее были основания и для тревог.

То, что происходило в СССР, прецедента в мировой истории не имело. Впервые такая экономическая и государственная махина была так централизована, а ее жизнь так всесторонне планировалась. И она успешно функционировала и развивалась.

Но благодаря чему?

В такой огромной стране ***с такой историей*** у такого успеха могло быть только два слагаемых: 1) усилия народа и 2) адекватное им, компетентное управление.

Управление Советским Союзом имело двоякий характер: партийный и государственный. Партия и ее высший орган, то есть Политбюро ЦК, в принципе должны были обеспечивать моральное, духовное руководство обществом.

Государство и его высший исполнительный орган, Совет Министров СССР, должны были обеспечить хозяйственное, экономическое руководство.

При этом партия обязана была понимать экономические проблемы социализма, а правительство должно было решать их. Но кто должен был быть ведущим? Этот вопрос возникал объективно. И даже если бы от него отмахивались, он не исчезал бы, а лишь обострялся.

Сталин понимал, что теперь, когда социализм выстоял в войне, партийные органы должны не убеждать людей в преимуществах Советской власти – они были очевидны, а практически развивать и укреплять эти преимущества. Но если, скажем, на каком-то заводе конкретный член партии лучше других способен руководить работой завода и его развитием, то кем его надо ставить – парторгом завода или директором?

А если в каком-то городе конкретный член партии лучше других способен решать вопросы развития города, чем он должен руководить – горкомом партии или исполкомом горсовета? Ответ и в первом, и во втором случае, казалось бы, был ясен.

Но если самых компетентных в сфере управления людей надо было направлять в органы советского и экономического управления городом, то и право решающего голоса в городе должны были иметь они. Не так ли?

Вроде – так.

А в области?

А в республике?

А в Советском Союзе?

То-то и оно…

Был во всем этом и еще один острый момент.

Чтобы указывать директору металлургического завода, как ему лучше варить сталь, член партии, входящий в руководство Министерства черной металлургии, должен был пройти много ступеней профессионального роста. Но член партии, вчерашний директор школы, если его избрали секретарем горкома в городе, где работал металлургический завод, обретал право давать указания и директору этого завода, и директору молочного комбината, и ректору университета.

Социализм – строй директивный, и в принципе в том ничего порочного нет. Плоха не директива сама по себе, а некомпетентная директива. Но кто и как должен был

разрабатывать и давать компетентные директивы?

По мере развития социализма над тем, как и кому организовывать его развитие, задумывались все. Даже такой мало думающий человек, как Хрущев… Уже после того, как он разделался и с Берией, и с «антипартийной группой Маленкова – Кагановича-Молотова», выступая 1 ноября 1957 года на собрании актива Московской областной организации, Хрущев выболтал (он там вообще разболтался) интересные вещи! Я приведу его слова по неправленой стенограмме, опубликованной в сборнике Фонда «Демократия» «Георгий Жуков. Документы»:

«…возьмите Берия. Берия после смерти Сталина в каком направлении стал действовать? Он стал усиливать МВД и ослаблять партию (Хрущев передергивал, потому что Берия стал усиливать прежде всего Совет Министров, но партболтунов действительно начинал игнорировать. – *С.К.)*… Это значит подрезать партию… Это, товарищи, шел поход на партию, на разгром партии и на усиление личной роли, это привело бы к реставрации капитализма. Это враги только могут.

Теперь смотрите, если взять Маленкова, Молотова, Кагановича, Шепилова, то какой спор был опять с Молотовым. Ну, Берия и Молотов – это, верно, разные люди, совершенно разные. Но у нас с Молотовым был большой спор, как только умер Сталин. Он говорил, что нужно усилить роль советских органов. Мы (кто «мы»? – *С.К.)* сказали: нет, надо усилить роль партийных органов…

Кто способен сокрушить противника в партии? Партия. Поэтому вопрос о роли партии – это главное. Если бы партия не смогла бы справиться с Берия, куда бы тогда пошли мы?»

А действительно – куда?

Куда мы пошли с Хрущевым, мы знаем.

А куда мы пошли бы с Берией?

И куда мы шли после войны со Сталиным?

В 1945 ГОДУ будущему Главному конструктору ядерного оружейного центра на Урале, а позднее – заместителю начальника оружейного главка Минсредмаша генерал-майору Леониду Федоровичу Клопову исполнилось двадцать семь лет, и он только что был зачислен слушателем Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского. 24 июня в составе Сводного полка академии он стоял на Красной площади – почти прямо перед Мавзолеем, ожидая начала Парада Победы. И хорошо видел, как поднимались на трибуну Мавзолея члены Политбюро во главе со Сталиным.

«Близко я увидел Сталина, – писал в книге воспоминаний

Л.Ф. Клопов, – во время похорон М.И. Калинина на Красной площади в 1946 году. Я находился тогда в расчете оцепления места движения катафалка с гробом М.И. Калинина. И.В. Сталин шел непосредственно за катафалком один, а члены Политбюро шли на три-четыре шага сзади. Землистый цвет лица, негустые седые волосы, не совсем уверенный шаг показывали его усталость и старость. Даже после его смерти в 1953 году в Мавзолее Сталин казался мне более молодым, чем семь лет назад на похоронах».

Не знаю, как читатель, но я ценю такие вот мелкие детали не меньше, чем документы. То, что Сталин уже к концу сороковых годов старел и устал, можно прочесть на сотнях страниц у десятков маститых мемуаристов. Но впечатления молодого офицера, безусловно навсегда врезавшиеся ему в память, ценны как старая фотопленка, где в один миг документально запечатляются приметы эпохи.

Да, Сталин старел, хотя в 1946 году ему всего-то было шестьдесят семь лет. Но каких лет! К тому же 1946 год – это год, когда США становились все агрессивнее, а остальной мир колебался. Сталин, Молотов и Берия знали настроения западного руководства не из газет – сведенные в единый Комитет информации (КИ) при Совете Министров СССР советские разведывательные службы укладывали на их столы настолько первоклассные и точные данные о планах Запада, что Сталин, в отличие от западных лидеров, видел подлинную картину мировой политики.

И она тревожила…

Вот фрагмент типичного сообщения резидентуры КИ в апреле 1948 года:

«В течение последних двух недель в Вашингтоне происходили секретные англо-американские переговоры. Первая стадия переговоров закончилась 1 апреля с.г.

(Далее подробно излагалась суть переговоров, где обсуждались планы создания НАТО. – *С.К.)*

В течение ближайших нескольких недель будут проведены англо-американско-канадские штабные переговоры, которые могут представлять еще больший интерес, чем только что закончившиеся переговоры в Вашингтоне.

Военно-штабные переговоры будут иметь своей целью выработать объединенные планы:

А) На неизвестный неопределенный случай, а именно на случай войны в течение ближайших нескольких недель или месяцев;

В) На случай войны в 1955–1956 годах.

Англо-американцы считают, что к этой дате Советский Союз будет иметь атомные бомбы в достаточном количестве и сознательно может пойти на риск войной…»

Причем как в 1940 году, так и в 1948 году первоочередным объектом атомной атаки предполагалась даже не Москва, а Баку и окружающие его нефтяные районы. Нефть все более становилась нервом политики Запада. А ведь в апреле 1948 года мы еще не имели ни одной атомной бомбы, в то время как США быстро наращивали свой ядерный арсенал, переходя от двузначных цифр уже к трехзначным.

Было отчего иметь «не совсем уверенный шаг» Сталину в 1946 году. Но после успешного испытания РДС-1 напряжение несколько спало. 29 октября 1949 года Сталин подписал Постановление СМ СССР № 5060–1943 «О развитии атомной промышленности в 1950–1954 гг.». Первым пунктом утверждался план «изготовления готовых изделий из плутония» в количестве 153 изделий, в том числе: в 1949 году – 2 единицы; в 1950 году – 7 ед.; в 1951 году – 18 ед.; в 1952 году – 30 ед, в 1953 году – 42 ед.; в 1954 году – 54 единицы.

Итак, все налаживалось?

Все, да не все…

3 января 1947 года Абакумов направил Сталину следующее донесение:

«Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 31 декабря 1946 года разговоре Бордова со своей женой (Татьяной Владимировной. – *С.К.)* и справку о состоявшемся 28 декабря разговоре Бордова с Рыбальченко.

Из этих материалов видно, что Бордов и Рыбальченко являются явными врагами Советской власти. Счел необходимым еще раз просить Вашего разрешения арестовать Бордова и Рыбальченко».

Бенерал-полковник Василий Бордов, 1896 года рождения, уроженец села Матвеевка Мензелинского района Татарской АССР, был тогда типичным – по биографии – генералом Советской Армии. Призван в 1915 году, воевал, старший унтер-офицер старой русской армии, в Брацданскую – командир взвода, роты, батальона, полка… Потом – курсы «Выстрел», академия имени Фрунзе, в 1940 году – начальник штаба Приволжского военного округа…

В войну Бордов поднялся вначале до должности командующего Сталинградским фронтом и вот тут летом 1942 года бездарно провалился, а в результате немцы прорвали внешний оборонительный обвод Сталинграда. Его провалы исправлял вернувшийся из Китая Василий Чуйков, позднее

отмечавший апломб и заносчивость Гордова.

Пониженный до должности командарма, Гордов воевал лучше, в 1945 году стал Героем Советского Союза. После войны он назначается командующим Приволжским военным округом, а генерал Рыбальченко становится у него начальником штаба (они служили в такой «связке» еще во время войны).

Итак, реальным уровнем некомпетентности Гордова была должность командующего армией. Однако этот бывший крестьянский сын, поднятый Советской властью на «золотые» звездные высоты, был «обижен», что и зафиксировала техника Абакумова.

Разговор Гордова с женой я привожу частично, но – для удобства читателя – без обозначения многоточиями выпущенного текста.

«ГОРДОВ. – Ты все время говоришь – иди к Сталину. Значит, пойти к нему и сказать: «Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно». Кому? Подлости буду служить, дикости? Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут! (Как раз в эти дни исполнялась годовщина с того дня, когда генералы Музыченко, Потапов, Лукин выходили после спецпроверки с Лубянки. – *С. К.)*

Т.В. – Вот сломили такой дух, как Жуков…

ГОРДОВ. – Его все равно не уволят. Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии… А Жукова год-два подержат, а потом тоже – в кружку и все! Я очень многого недоучел. На чем я сломил голову свою? На том, на чем сломили такие люди – Уборевич, Тухачевский… (с учетом того, что в 1933 году Гордов был начальником штаба Московской военной пехотной школы, эти слова очень интересны. – *С.К.)*.

Т.В. – Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло.

ГОРДОВ. – Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать… Не могу я! Что меня погубило – то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и, когда я все увидел, все это страшное, – тут я совершенно переродился…. И это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, то завтра будет порядок, будет рынок, будет все… Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

Т.В. – Сейчас никто не стремится к тому, чтобы жить для общества.

ГОРДОВ. – Общества-то нет.

Т.В. – Если даже есть – кучка, но для нее не интересно жить.

ГОРДОВ. – А умереть тоже жалко.

Т.В. – Хочется увидеть жизнь. До чего все-таки дойдут.

ГОРДОВ. – Эту мразь?»

Мадам Гордова своей разочарованностью в жизни в обстановке московской (кроме куйбышевской) генеральской квартиры очень напомнила мне классическую провинциальную дуру с претензиями на высокие запросы, которые «не хочут» понять всякие Сталины и Берии…

Генерал Гордов, взявшийся судить о проблемах выше генеральского сапога, симпатичен мне не более. За всеми этими разговорами «дайте жить» стояло просто неудовлетворенное в своем самомнении мурло мещанина… Но у этого мещанина были генеральские погоны, как и у еще одного «радетеля за народ», генерала Рыбальченко, беседовавшего с Гордовым у того на квартире проездом из Сочи в Куйбышев.

И вот о чем был разговор:

«РЫБАЛЬЧЕНКО. – Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

ГОРДОВ. – Он все видит, все знает.

РЫБАЛЬЧЕНКО. – Или он так запутался, что не знает, как выпутаться? Выполнен 1-й год пятилетки – ну что пыль в глаза пускать?..

ГОРДОВ. – Едят кошек, собак, крыс.

РЫБАЛЬЧЕНКО. – Раньше нам все-таки помогали из-за границы.

ГОРДОВ. – Дожили, теперь ничего не дают. И ничего у нас нет.

РЫБАЛЬЧЕНКО. – И никаких перспектив, полная изоляция».

Эти разговоры были зафиксированы. Вначале арестовали Рыбальченко, потом – и Гордова (в 1950 году их расстреляли, но в 1956 году – что показательно – реабилитировали). Однако фиксировалось-то далеко не все! И кукиши в кармане той власти, которая ее и породила, часть советской элиты показывала все чаще – даже после того, как страна двинулась к достатку. А причиной были не некие «платформы», которыми пытался прикрыть свое брюзжание Гордов. Какие там «платформы»! Все сводилось к тому, что они хотели жить и жрать ***сейчас***, а страна дать им возможность этого немедленно не могла.

Бывший крестьянский парнишка барски отказывал нам в праве на общество, а его «мадам», оправдывая собственную никчемность, заявляла, что никто-де и не стремится жить для него. Собственно, повторялась – с поправкой на эпоху – ситуация, возникшая после революции и Гражданской войны, когда кто-то из бойцов засучивал рукава для мирной работы, а кто-то… «За все бои, за все невзгоды…»

Ну, далее читателю, надеюсь, понятно… Тем более что раньше я на эту тему в книге уже высказывался.

А ЗА ПРЕДЕЛАМИ формирующегося круга новой советской элиты, вознесенной войной на житейские (жизненные написать не могу) высоты, жила огромная страна. Жила непросто, но – с надеждой и в трудах. Восстанавливались заводы, отстраивались города, делались новые открытия, выводились новые сорта озимых и яровых, разрабатывались отечественные электронные микроскопы и шагающие экскаваторы, стартовали к целям ракеты ПВО…

Сержант Лаврентьев обдумывал на Сахалине (на Сахалине!) пионерские физические идеи, на сержантские рубли выписывал научные журналы… А впереди у него была встреча с маршалом Берией.

И я думаю – а что, если бы со своими идеями сержант обратился не к маршалу Берии, а к генералу Гордову? Да бравый этот «сторонник рынка» его в пыль бы стер! Не в лагере, а на плацу… Одним бы матом вбил сержанта в землю.

Маршало-генералитет, уверенный, что превзошел все, – это была одна угроза развивающемуся социализму. Второй, так и не изжитой, угрозой была партократия. Если генералы были уверены в том, что генерал дураком быть не может, то партбюрократы были уверены, что дураком не может быть секретарь ***ЦК.*** Третьей же угрозой была «элитная» интеллигенция. Прежде всего – служилая и «творческая», но в какой-то мере – и научная, особенно на профессорско-академическом уровне.

Василий Осипович Ключевский классифицировал интеллигенцию так:

«1) Люди с лоскутным миросозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных. 2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению. 3) Щепки, плывущие по течению, с одними словами и аппетитами».

Ключевский прослеживал проблему со времен еще допетровских и заключал удивительно злободневными поныне словами:

«…гордый русский интеллигент очутился в неловком положении: то, что знал он, оказалось ненужным, а то, что было нужно, того он не знал. Он знал возвышенную легенду о нравственном падении мира и о преображении Москвы в Третий Рим, а нужны были знания артиллерийские, фортификационные, горнозаводские, медицинские, чтобы спасти Третий Рим от павшего мира…. Образованный русский человек знал русскую

действительность как она есть, но не догадывался, что ей нужно и что ему делать…»

С тех пор, как были написаны эти горькие слова, прошло немало лет, и в России появился целый общественный слой образованных русских людей, прекрасно знавших и русскую действительность – ***как она есть***, и знавших, что ей нужно, и что им делать…

Делать!

Они были уверены в Державе и в себе, потому что имели знания и артиллерийские, и фортификационные, и горнозаводские, и медицинские, и умели ими пользоваться, делая дело! Они были людьми дела, они хотели и любили его делать! А уж эпоха Сталина и Берии предоставляла им для этого все возможности… Однако на кой черт нужны были эти возможности партократии? Или – нарождающимся завсегдатаям «кухонных» дискуссий об «отсутствии свободы творчества»?

Партократию и «творческую» интеллигенцию роднило неумение делать дело и склонность к пустопорожней болтовне. Партократию и генералитет роднила гипертрофированная самоуверенность в том, что они-то уж знают, как управлять страной.

И это было смертельно опасно.

Безусловно, в стране Сталина и Берии было тогда много прекрасных партийных и советских работников – одни дважды Герои Советского Союза Алексей Федорович Федоров-Черниговский и Сидор Артемович Ковпак чего стоили! Я уж не говорю о сформированной войной когорте блестящих хозяйственных руководителей, естественным лидером которых был как раз Берия. И были прекрасные, честные, занятые строительством новой армии генералы и даже маршалы – один Константин Константинович Рокоссовский как хорош был! И были преданные Истине ученые… И преданные Искусству творцы художественных ценностей…

Это благодаря им дела шли неплохо, а год от года – все лучше. Перспективы обрисовывались блестящие, и сделано было к 1952 году очень много.

Генералы Гордов и Рыбальченко сами выбрали свою судьбу и не смогли увидеть страну 1952 года. А она к 1952 году имела качественно иной облик. В этом году мы произвели стали 34,4 миллиона тонн против 12,3 миллиона тонн в 1945 году; угля – 300 миллионов тонн против 149 миллионов тонн; электроэнергии – 119 миллиардов киловатт-часов против 43,3 миллиарда.

Детская смертность уже к 1950 году сократилась по

сравнению с 1940 годом вдвое, число врачей выросло с 155 тысяч в 1940-м до 265 тысяч в 1950-м.

В 1945 году страна произвела 292 тысячи тонн растительного масла и 117 тысяч тонн животного. А в 1950 году (когда расстреляли Гордова и Рыбальченко) – 819 тысяч и 336 тысяч. Сахара – 2 миллиона 523 тысячи тонн против 465 тысяч тонн.

Это ведь, уважаемый читатель, был подвиг!

Но делалось-то не для дяди Сэма, не для олигархов, а для себя! Потому так мощно и делалось!

Но все это надо было организовать.

Партия Сталина и организовывала.

Партия партократов – пользовалась.

А страна?

Страна пока что была на подъеме…

ОДИН из антисталинских (значит, и антибериевских) мифов таков: мы отстали в области электронных вычислительных машин, потому что кибернетика была объявлена лженаукой. Но такой исследователь истории советской науки, как Лорен Грэхэм, признавал, что «советская враждебность к кибернетике была преувеличена за пределами СССР».

Еще бы! Читатель уже знаком с запиской министра Паршина Берии о работах по ЭВМ. А вот иллюстрация к ней с «той» стороны… В своей книге «Я – математик» Норберт Винер, «отец кибернетики», писал:

«Мои исследования… тесно соприкасались с работами нескольких русских математиков… Хинчин и Колмогоров, два наиболее видных русских специалиста… работали в той же области, что и я. Больше двадцати лет мы наступали друг другу на пятки…

И у меня нет никакой уверенности в том, что Колмогоров самостоятельно не нашел… известных мне возможностей применения этих методов… ему, наверное, просто не удалось опубликовать свои работы в открытой печати…

Когда я начинал работать для Военного министерства США… возник вопрос, не интересуется ли кто-нибудь за границей теми же проблемами, что и я. Я говорил тогда, что… если кто-нибудь в мире занимается сейчас тем же, что и я, то, вероятнее всего, это Колмогоров в России…»

Ученик Лузина, Андрей Колмогоров в 36 лет, в 1939 году, стал академиком, в 1941 году – лауреатом Сталинской премии, еще при жизни Сталина получил два ордена Ленина и орден Трудового Красного Знамени. Александр Хинчин стал членом-корреспондентом АН СССР в том же году, что и Колмогоров, но –

в 45 лет. В 1941 году Хинчин стал лауреатом Сталинской премии, а к 1953 году – еще и кавалером ордена Ленина.

Сергей Александрович Лебедев, создатель нашей первой быстродействующей счетной электронной машины БЭСМ и ее модификаций, в 1934 году, тридцати двух лет от роду, выпустил в свет уже 2-е (!) издание своей книги «Устойчивость параллельной работы электрических систем», в 1946–1951 годах возглавлял Институт электротехники АН Украинской ССР, ас 1953 года стал Директором института точной механики и вычислительной техники, где разрабатывались БЭСМ-1, БЭСМ-4, БЭСМ-6 и другие пионерские ЭВМ.

В 4-м томе 3-го издания Большой Советской Энциклопедии о машинах семейства БЭСМ есть статья, написанная самим Лебедевым. Это – 1971 год. А вот в 4-м томе Большой Российской Энциклопедии, изданном в 2006 году, о БЭСМ нет ни слова. Еще бы – а вдруг кто-то обратит внимание на то, что первая БЭСМ работала уже в 1953 году, и усомнится в том, что «тиран» Сталин был гонителем современных направлений научно-технического прогресса.

Однако у нашей вычислительной техники уже в 40-е годы были собственные идеологи и собственные творцы. Об этом хорошо написал Серго Берия:

«Я как-то рассказывал своим нынешним коллегам, что у меня в институте тогда было вычислительных машин больше, чем сегодня! Одиннадцать! Да, большие по объему, еще первого поколения, но – были! Отечественная, кстати, техника… Странно, что все это забыто. А ведь основные разработчики находились в Киеве и Харькове… Профессор Лебедев, целый ряд других ученых создали эти машины…

Хотя именно тогда партия давила лженауку кибернетику… Ее ЦК, аппарат, как всегда, были далеки от реальных вещей…

Их болтовня нам не мешала, потому что к таким серьезным вещам, как ядерный, ракетный проекты, партийных работников и близко не подпускали. В других отраслях, где они имели возможность вмешиваться, они, конечно, мешали здорово… А Сталина интересовало дело. Цену аппарату ЦК он знал, поверьте… Он ему нужен был для контроля…»

Эту оценку я сразу же предложу читателю сопоставить с другой, данной только что назначенным министром среднего машиностроения Вячеславом Мылышевым на антибериевском пленуме ЦК:

«Стиль руководства Берия – диктаторский, грубый, непартийный.

Кстати о партийности. Я работал во время войны, руководил

танковыми делами… не было у него партийности никогда. Он как-то настраивал или толкал не прямо, а косвенно, что партийная организация должна услуги оказывать (кому – Берии, или стране? – *С.К.)*… ты то-то сделай, другое сделай.

Не было положения, чтобы он нас учил, у партийной организации попросил помощи организовать партийную работу и так далее. Он считал секретарей областных комитетов партии диспетчерами…»

А кем же еще могли быть во время войны секретари обкомов в областях, производящих вооружения, как не диспетчерами Государственного Комитета Обороны? Токарь Аня Лопатинская с Уралмаша дала 300 (триста!) процентов нормы… Когда ее спросили, как это ей удалось, она ответила: «Стою на цыпочках». Чтобы достать рычаги управления большим станком, Аня, которой не хватало роста, «стояла на цыпочках» одиннадцатичасовую смену!

Так что – перед такими людьми секретари обкомов должны были «партийных вожаков» из себя изображать, «агитировать» их, а не деловым образом координировать их производственную деятельность – как диспетчеры?

Да перед этой пятнадцатилетней девочкой, «стоявшей на цыпочках» во имя Победы, им не грех было и на колени встать!

Малышев был инженером. И в том же 1941 году на Уралмаше он очень жестко потребовал от руководства завода снизить, например, время монтажа подмоторной рамы танка с сорока восьми часов до трех-пяти… То есть **в десять раз!** Начальственное самодурство? Безграмотный произвол? Нет! Жесткость Малышева не запугала уралмашевцев, но показала во всей наготе: КАК нужны фронту танки. И через какое-то время танки пошли на потоке.

Вот так же жестко вел себя – когда этого требовала ситуация – и Берия. В итоге фронт получал от тыла то, что обеспечивало Победу. В этом и была партийность Лаврентия Берии и Ани Лопатинской, потому что они состояли в партии Сталина.

А генералы Бордов и Рыбальченко, несмотря на их стенания по поводу голодающего народа, состояли в партии партократов, и в эту партию – партию Хрущева – переходили теперь и люди вроде Вячеслава Малышева.

Увы…

Вот еще одно обвинение в якобы «непартийности», письменно высказанное в адрес Лаврентия Павловича управляющим делами Совмина СССР М.Т. Помазневым уже после ареста Берии. Помазнев объяснял Маленкову и Хрущеву, что, поскольку ему «не удалось получить слово на Пленуме ЦК», он хотел бы дополнить

характеристику «матерого интригана, веролома и провокатора» Берии рядом фактов и писал:

«…7. Берия нетерпимо относился к партийным и общественным органам, работникам и мероприятиям. Он культивировал неуважение к аппарату ЦК. Участие в общественных мероприятиях считал бездельем. Когда приходилось присутствовать на парткоме, на собрании или заседании и в это время был звонок от Берия, всегда был скандал. Он много раз говорил, что это могут допускать лишь бездельники».

Что ж, таким поведением Берии и такими его оценками можно лишь восхищаться. Во время войны за социализм надо было не агитировать, его надо было защищать. После войны в пустопорожней «агитации» тем более уже не было нужды. За социализм не надо было агитировать, его надо было строить и укреплять! И страна к 1952 году умела и могла многое…

Ах, как много мы уже тогда могли! И как многим из того, что мы могли, мы обязаны организаторскому и управленческому таланту Берии, умевшего талантливо использовать «человеческий фактор» в самых лучших его проявлениях. Сейчас иногда пишут о тандеме-де «технократов» Маленкове и Берии. Но никакого настоящего «тандема» не было, и если склонный к партократаческим методам Маленков и умница Берия нередко сидели на одном «велосипеде», то «педали» вовсю крутил Берия, а Маленков в лучшем случае не тормозил движение.

И ВОТ ТУТ я скажу еще раз о несостоятельном утверждении различных политологов, о повсеместно пропагандируемом тезисе относительно якобы постоянных интриг в высшем руководстве сталинского СССР.

Я не хочу сказать, что интриг вовсе не было. Но я хочу сказать, во-первых, что они были не такими, как их описывают, во-вторых, – не так персонифицированны и, в-третьих, что Лаврентий Павлович Берия ими не занимался. Не раз упоминавшийся мной Алексей Топтыгин, написавший о Берии зачастую умно и точно, в нем, к сожалению, многого не понял. Тем не менее и Топтыгин написал, например, так:

«Берия, который и до этого занимался народнохозяйственными вопросами достаточно плотно, становится чистым хозяйственником, но не только… Он выдвигается в первые ряды руководителей военно-промышленного комплекса. Сталин до конца жизни не выпускал из рук бразды правления ВПК. Берия в этой системе – вторая по значимости фигура…

…Но вместе с тем он не играет активной роли в тех политических баталиях, которые разыгрываются вокруг фигур Вознесенского, Кузнецова – всего того, что получило название «Ленинградского дела»… Зато Лаврентия Павловича более чем энергично пытаются поймать на т. н. «Мингрельском деле» – по существу, оно против него и направлено…»

Замечу, что помянутое Топтыгиным «мингрельское дело» – несмотря на то что Берия был мингрелом, несмотря на то что после смерти Сталина Берия участвовал в закрытии этого дела, – факт в истории позднего сталинского СССР неоднозначный. Достаточно сказать, что об этом якобы исключительно антибериевском «деле» говорилось как о фальсификате на антибериевском Пленуме ЦК в июле 1953 года после ареста Берии. Хотя, казалось бы, имело смысл этим «делом» обвинения против Берии усилить. Поэтому я заранее предупреждаю читателя, что не намерен анализировать это «дело» тогда, когда мой рассказ дойдет до 1953 года. Оно слишком важно, чтобы можно было ограничиться лишь кратким его рассмотрением.

Вернемся, впрочем, к теме «интриг…» В 1996 году в издательстве «Гея» впервые вышли воспоминания Павла Судоплатова (показательно, что «Гея» печатным образом сняла с себя ответственность за достоверность излагаемых в них фактов). И там Судоплатов сообщал, что в конце 40-х годов познакомился с Анной Цукановой, заместителем заведующего Отделом руководящих партийных органов ЦК, фактически – заместителем Маленкова. И Цуканова якобы открыла глаза Судоплатову на то, что политика Сталина – это цепь интриг… Мол, в небольшой группе ближайшего своего окружения (Маленков, Булганин, Хрущев, Берия) Сталин всячески «способствует разжиганию соперничества»… Он постоянно-де перемещает партийных руководителей высокого ранга и чиновников госбезопасности, не позволяя им оставаться на одном и том же месте более трех лет подряд, и т. д. и т. п.

Что тут можно сказать?

Само признание одного из руководителей спецслужб в том, что глаза на ситуацию ему якобы открыли в конце 40-х годов, порождает сомнение в том, что интриги имели место быть. Вот системно схожий случай… В сборнике фонда «Демократия» «Георгий Жуков. Документы» приведена запись якобы воспоминаний маршала, сделанная якобы в 1963–1964 годах и переданная в Российский Государственный военный архив в 1995 (!) году. Подлинность этих «воспоминаний», где говорится и об аресте Берии, для меня более чем сомнительна. Но там есть фраза, в любом случае любопытная: «Тогда еще не знали о

размерах того зла, которое причинил Сталин в 1937—38 годах советскому народу…»

Это как же понимать? Если кто-то нанесет мне, скажем, рану, то я буду знать об этом сразу. А что же это за страшное зло, причиненное в 1937 году советскому народу Сталиным, если о нем народ узнал лишь в 1956 году из сообщений Хрущева и писаний хрущевских писак? Так, может быть, в 1937 году Сталин причинил зло не народу, а врагам народа – как оно сразу и было объявлено? Народ этого зла не заметил, а вот враги народа его запомнили и забыть не могли, как не могли Сталину и простить его…

Вот так же странно выглядит заявление Судоплатова о том, что ему, уже опытному в московской жизни человеку, лишь в конце 40-х годов открылось, что жизнь Кремля полна интриг. Так, может, они не были настолько уж обширными и повсеместными, как повествовала Судоплатову Цуканова? Тем более что она, возможно, Судоплатову ничего такого и не повествовала…

Посмотрим, однако, на утверждение о постоянной-де тасовке Сталиным руководства спецслужб СССР. Имела ли она место на самом деле? Тот же Виктор Абакумов был на одном, фактически, месте с 1943 по 1951 год. Сергей Круглов был на одном, фактически, месте с 1943 по 1953 год. Иван Масленников был заместителем министра внутренних дел СССР с 1948 года по 1954 год. Василий Рясной был замнаркома и замминистра внутренних дел с 1946 по 1953 год. Иван Серов был первым заместителем министра внутренних дел СССР с 1947 по 1954 год. Николай Стаханов был начальником Главного управления погранвойск с 1942 по 1952 год. Лаврентий Цанава был наркомом-министром ГБ Белорусской ССР с 1943 по 1951 год. Василий Чернышов был замнаркома-министра внутренних дел СССР с 1937 по 1952 год (в 1952 году скончавшись).

Как видим, по крайней мере в отношении них информация то ли Цукановой, то ли Судоплатова, то ли политкорректировщиков его мемуаров была не совсем точна. А точнее – совсем не точна.

Но означает ли это, что в советском послевоенном руководстве вообще не было интриг? Для верного ответа на этот вопрос надо иметь верное представление о коллективном облике этого руководства, а для начала посмотреть, кто в него с 1945 года входил.

7 июля 1945 года Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталин дает в Кремле обед «в честь премьер-министра Монгольской Народной Республики маршала Чойбалсана». С советской стороны присутствовали: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, Н.А.

Булганин, и далее: В.Н. Меркулов, А.Я. Вышинский, Лозовский и другие…

13 июля 1945 года Сталин дает обед «в честь Председателя Исполнительного Юаня и министра Иностранных Дел Китайской Республики г-на Сун Цзы-веня».

С советской стороны присутствовали: В.М. Молотов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, Н.А. Булганин, А.Н. Косыгин и далее: В.Н. Меркулов, В.Г. Деканозов, Лозовский и другие…

13 августа 1945 года Сталин дает обед «в честь генерала армии Дуайт Д. Эйзенхауэра».

С советской стороны присутствовали: В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, маршал Г.К. Жуков, маршал С.М. Буденный, Н.А. Булганин и далее: А.Я. Вышинский, Б.Л. Ванников, А.И. Шахурин, Д.Ф. Устинов, другие маршалы и генералы…

Уже отсюда видно, что главная послевоенная «обойма» выглядела так: Молотов (1890 г.р., в партии с 1906 г.), Каганович (1893 г.р., в партии с 1906 г.), Микоян (1895 г.р., в партии с 1915 г.), Берия (1899 г.р., в партии с 1917 г.), Маленков (1901 г.р., в партии с 1920 г.), Вознесенский (1903 г.р., в партии с 1919 г.), Булганин (1895 г.р., в партии с 1917 г.)…

Хрущев (1894 г.р., в партии с 1918 г.), в «обеденной обойме» отсутствует, как и Жданов (1896 г.р., в партии с 1915 г.).

Но Хрущев – в Киеве, Жданов – в Ленинграде, хотя оба входят в Политбюро полноправными членами (Берию и Маленкова утвердят членами ПБ лишь 18 марта 1946 года).

Что же объединяло этих людей? И прежде всего – Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Жданова, да и Микояна? Последнюю группу объединял прежде всего дореволюционный партийный стаж. Их самые юные годы, когда личность формируется, прошли под знаком чистой идеи. Когда они пришли в партию, это означало не привилегии, а опасности, ссылки, тюрьмы, подполье… В таких условиях вырастают не интриганы, а профессиональные революционеры.

Берия, Маленков, Жданов, Булганин, Вознесенский пришли в партию тоже не в «сливочные» времена, благодатные для ведения интриг. Однако Вознесенский и Маленков (особенно – последний) сразу «шли» по аппаратной линии, с живым управлением особо дел не имея. И приобрести навыки неких «игр» в аппарате им было проще, чем в наркомате. Я уже говорил, что в СССР Сталина более высокий уровень власти означал прежде всего более высокую ответственность и большую загрузку. Но прежде всего

это справедливо в отношении тех, кто занимался такой деятельностью, результат которой был материальным. А вот аппаратчики…

Читатель наверняка уже заметил, что я ничего не сказал о Хрущеве, но он в высшем руководстве сталинского СССР оказался фигурой уникальной, совершенно особой. Лишь он был прирожденным интриганом и лицедеем, и поэтому лишь он из всех остальных его тогдашних коллег может быть определен как системный гробовщик Советской власти.

Но в 40-е годы до этого было далеко. Страна развивалась, победила в войне и вышла в первый ряд мировых держав. И положение во всех сферах стало меняться. Власть все более становилась синонимом благ и удовольствий. Не в полной мере синонимом, но все же…

К тому же после войны и характер бытия ближайшего сталинского окружения изменился. Нет, напряжение и большая загрузка из этого бытия не исчезли, но приобрели более спокойный, плановый, так сказать, характер. К тому же Сталин начинал стареть.

Когда работы по уши – не до интриг. Чем меньше работы – тем выше вероятность их возникновения. И поэтому даже в ближайшем сталинском окружении с начала 50-х годов начали возникать ***зародыши*** интриг, которые развились уже после смерти Сталина.

Первый мощный прием для иностранцев был устроен Молотовым в Наркомате иностранных дел по случаю 27-й годовщины Красной Армии 23 февраля 1944 года. Берии, да и большинству остальных соратников Сталина, как и самому Сталину, было тогда не до приемов. Берия – в отличие от остальных членов «обеденной обоймы» – не был даже на обеде, данном Сталиным 28 марта 1945 года в честь президента Чехословакии Бенеша, впервые появившись на подобном мероприятии только 11 апреля 1945 года – на обеде в честь Броз Тито. Однако Берия до подобных акций охотником не был, он и в Ялте, и в Потсдаме держался на втором плане.

А как остальные его коллеги по управлению страной? Еще в 1944 году всем им, носившим тогда военную или полувоенную форму, вряд ли было возможным представить себе чуть ли не непрерывную череду парадных, официальных обедов, в которых они бы участвовали. Обедов, блистающих золотом, хрусталем, напитками, деликатесами, цветами, дорогими костюмами, погонами…

А теперь…

Теперь изменялось положение не только Державы, но и тех,

кто ее возглавлял. **А также – и положение тех, кто окружал руководство Державы!** Это положение становилось все менее ответственным и все более комфортным – особенно для тех, кто обеспечивал передачу указаний, а не исполнение их.

Короля играет окружение… А кто «играл» теперь Великую Советскую Державу? Не та ли среда, которая в официальных сообщениях о визитах и приемах именовалась «…и сопровождающие их лица»; «… а также ученые, писатели, артисты, представители советской печати»; «…ответственные сотрудники Наркоминдела СССР и Наркомата Обороны»; «…и другие»? Не говоря уже об «и других ответственных сотрудниках» ЦК ВКП(б) – КПСС и Совнаркома-Совмина СССР…

А ведь были же еще и национальные ЦК и Совнаркомы, министерства и их аппараты, взаимно связанные с Центральными Аппаратами!

Эта среда даже в скромные довоенные времена, одетые в защитного цвета полувоенные кителя, имела в своих рядах тех, кто – пренебрегая опасностью любых репрессий – умудрялся интриговать и «вертеться» для того, чтобы «жить». Ведь психология растратчика живуча во все времена, и ее точно сформулировал один из самых высокопоставленных растратчиков всех времен и всех народов Людовик XV: «После нас – хоть потоп!»

Так не в этой ли среде, начиная особенно со второй половины 40-х годов, интриги действительно начали становиться чертой ее существования и залогом ее выживания?

И эта среда начинала оказывать дополнительное развращающее, деморализующее влияние на своих высших «шефов». И чем меньше «ответственный сотрудник» отвечал за конкретную работу, тем больше у него развивалось стремление имитировать деятельность, прикрываясь «партийностью».

Недаром 28 марта 1947 года по инициативе Сталина Политбюро утвердило постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». На суды чести возлагалось: «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти поступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке…».

С апреля по октябрь 1947 года суды чести были образованы в 82 министерствах и центральных ведомствах. В сентябре 1947 года был создан суд чести в аппарате ЦК ВКП(б), а в апреле 1948 года – в аппарате Совета Министров СССР. Эти суды могли

объявить общественное порицание, общественный выговор или передать дело следственным органам для направления в суд в уголовном порядке.

Но замысел Сталина повсеместно «втихую» «спускали на тормозах», хотя несколько судов под контролем Сталина и состоялось. Нужны ли были суды чести тем, кто или никогда не имел ее, или готовился выгодно ее разменять на сытную жизнь при высоком начальстве и т. п.? Недаром в первые же годы хрущевского «руководства» об этих судах забыли прочно и навсегда.

Во всю свою гнусную силу возникал еще один фактор. Дипломат, разведчик и политолог Джордж Кеннан – человек, понявший в Советской России далеко не все, но кое-что к 70-м годам XX века понявший, тогда вдруг забеспокоился о судьбе СССР, без которого Кеннан пророчески не представлял себе стабильного мира. И одним из факторов распада он считал «отсутствие цели в жизни у детей элиты».

Я уже писал о сыне наркома Шахурина. А сейчас приведу еще одну иллюстрацию того, как сомнительные отцы порождали уж вовсе негодных сынов. В советской истории известны имена двух Трояновских – отца Александра, и сына Олега. Отец, родившийся в семье офицера в 1882 году и сам офицер, вступил в РСДРП(б) в 1904 году, в 1909 году был сослан в Сибирь, бежал, с 1914 года был меньшевиком-оборонцем, в 1917 году вернулся в Россию, в 1923 году вступил в РКП(б) и, пребывая на различных, в основном – дипломатических, должностях, дожил до 1955 года, скончавшись на 73-м году жизни.

Сын его родился в 1919 году, стал известным дипломатом и в 1997 году опубликовал мемуары, названные очень точно – «История одной семьи». Для «дипломата» Олега Трояновского, сына «меньше»-«большевика» Александра Трояновского, и после 1991 года ничего не изменилось, а точнее – такие, как Трояновский-сын ***делают вид***, что ничего не изменилось. Ну, подумаешь – был вот «тиран» Сталин, потом были «волюнтарист» Хрущев, «застойный» Брежнев, были непонятные Андропов, Черненко… Ну, а потом, после Горбачева, все немного запуталось, пришел вот Ельцин… Не очень, конечно, все хорошо, но Москва-то – на месте, и по-прежнему она – столица их родины (с маленькой буквы)…

И на месте их столичные квартиры, и «российская дипломатия» функционирует, и даже вот мемуары публикуют – как у всех порядочных.

Лично у меня такая публика вызывает отвращение. Они прожили жизнь в стране, не служа ей, а будучи всего лишь высоко

(и не по таланту!) оплачиваемыми наемными работниками. Понятие идеи для них не существовало с юности. Недаром же в знаменитом ИФЛИ (Московском институте философии, литературы и истории), студентом которого стал Трояновский-сын, было принято по пути на ***предвоенные*** первомайские демонстрации в определенном месте кричать: «Да здравствует Борис Леонидович Пастернак!»

Не Аристотель и Демокрит или там – Гегель, у философов… Не Пушкин и Маяковский или там – Гейне, у поэтов… Не Карамзин и Ключевский или хотя бы – академик Тарле, у историков, а губастый, всю жизнь проживший на обочине истории поэт сумбурного таланта… Дешевая, местечковая фронда в центре создающейся великой державы со стороны ее будущей якобы интеллектуальной якобы элиты… Это ведь показательно, уважаемый мой читатель!

Так же как показательно и то, что, рассуждая о Сталине, пуговицы с потертого кителя которого не стоят папа и сын Трояновские, вместе взятые, сын не нашел ничего лучшего, как заявить, что для него-де Сталин – не дьявол и не ангел, а просто политик из числа стоящих на самой вершине политической пирамиды, и процитировать (Трояновский-сын думал, что к месту) письмо Гарри Трумэна к дочери, где этот заурядный штатовский политикан высокомерно разглагольствовал: «Чтобы быть хорошим президентом, нужно совмещать в себе качества Макиавелли, французского короля Людовика XI, Цезаря Борджиа и Талейрана, быть лгуном, предателем, лукавым церковником (Ришелье), героем и еще неизвестно кем».

Если бы Олег Трояновский в ответ на такое свое заявление услышал, что Сталин был большевиком-ленинцем, всю жизнь жившим идеей великой и могучей России для свободных, развитых и образованных (а потому и свободных) людей, то сын-«дипломат» папы-«дипломата» пожал бы плечами. Ведь если не для папы, то уж для сына – точно, это было, в конце-то концов, пустым звуком. Они-то жили, как и положено «цивилизованным людям», в конечном счете, семьей.

Эти «отцы и дети» возникали в стране не как следствие власти Сталина, а вопреки ей и ее духу, ибо это был дух творчества и созидания, а они жили духом потребления и прислуживания за лакомый кусок.

По МИДу сороковых годов ходила легенда о том, как некий «служивший» там (такие всегда не работают, а «служат») заведующий экономическим отделом, имевший четырех или пятерых детей, в ответ на раздраженное замечание первого заместителя министра Вышинского: «Вы ничего, кроме детей, не

умеете делать», «смело»-де ответил: «А у вас это получается не лучшим образом, Андрей Януарьевич, потому и злитесь».

«Смельчаком» был отец будущего президента Центрального банка ельцинской «Россиянин» Геращенко… Как видим, папа-Геращенко и детей хороших сделать не сумел.

А вот устраиваться они умели. Читатель должен помнить о том, как они умели устраиваться, по описанию квартиры профессора Виноградова – одного из «врачей-вредителей». И ведь они действительно были вредителями! А также – и интриганами…

ЕСЛИ знакомиться с историей СССР на рубеже 40—50-х годов по трудам многих нынешних «исследователей», то ключевыми словами к этому периоду окажутся не «восстановленные ДнепроГЭС, Сталинград, Севастополь», «система «Беркут»», «БЭСМ», «РДС-1 и РДС-6с», а «дело врачей», «ленинградское дело», «дело Михоэлса» и т. п.

Я не буду вдаваться в исследование этого второго ряда – Берия к этим «делам» отношения не имел, половину своего времени отдавая известным читателю «делам № 1, 2 и 3», а вторую половину – делу управления народным хозяйством. Но я приведу один любопытный факт, когда деятельность куратора Атомного проекта Л.П. Берии пересеклась с «деятельностью» одного из будущих «героев» «дела врачей» профессора Егорова.

В конце 1947 года Махнев обратился к Берии с письмом:

«Начальник Лечсанупра Кремля т. Егоров сообщил, что по решению Секретариата ЦК ВКП(Б) производится сокращение контингента, обслуживаемого поликлиникой Кремля.

По Вашей просьбе к кремлевской поликлинике было прикреплено несколько ученых, для которых, ввиду специфики условий их работы, требовалось более квалифицированное медицинское обслуживание.

Как сообщил т. Егоров, эти ученые подлежат откреплению от кремлевской поликлиники.

Академик Соболев Л.С. уже получил извещение об откреплении.

Ученые просят сохранить за ними и членами их семей право пользования кремлевской поликлиникой.

Список ученых прилагается.

26 декабря 1947 г.

В. Махнев».

Судя по решению ЦК, Егоров «спецобслуживал» так много чиновной шушеры, что пришлось ее число сокращать. И на ком

же начальник Лечебно-санитарного управления Кремля решил сэкономить?

Вот список, приложенный Махневым к письму:

1.Курчатов И.В.	академик
2.Соболев С.Л.	— » —
3.Алиханов А.И.	— » —
4.Семенов Н.Н.	— » —
5.Хлопин В.Г.	— » —
6.Кикоин И.К.	чл.-кор. Академии наук СССР
7.Харитон Ю.Б.	— » —
8.Арцимович Л.А.	— » —
9.Александров А.П.	— » —

Это была научная «головка» Атомного проекта, значение которой заключалось не только в ее чисто интеллектуальном потенциале, но и в том, что эти люди осуществляли взаимодействие, знали связи между отдельными частями работ и т. д. Их здоровье, их силы в тот момент принадлежали уже не им – их здоровье было государственной ценностью особой важности.

Ученых прикрепили к Кремлевке по просьбе Берии. Это было, между прочим, характерным проявлением заботы ЛП о тех, кто, по словам клеветников, «был ему нужен», а на самом деле – о тех, кто был нужен стране. А вот открепил их Егоров, и это – с учетом времени и того, что Егоров о значении работы ученых был осведомлен, вполне можно расценивать как самое настоящее вредительство. И уже в свете приведенного выше документа обвинения против врачей типа Егорова и Виноградова выглядят весьма убедительно.

Берия реагировал в тот же день, приложив к письму Махнева машинописную записку секретарю Сталина Поскребышеву:

«Тов. ***Поскребышеву А.Н. Прошу сохранить за перечисленными в списке учеными право пользования кремлевской поликлиникой. Л. Берия 26 декабря 1947 г.».***

Здесь все было благополучно улажено в реальном масштабе времени, но случалось и иное.

Как «лечили» Жданова, читатель знает. А вот как «лечили» Калинина… О его «лечении» рассказала с перепугу на следствии по «делу врачей» лечащий врач Калинина с января 1940-го по июнь 1942 года – С.Е. Карпай. С перепугу не потому, что ей в МГБ выбивали зубы, а потому, что обвинение в умертвлении Калинина предъявили вначале ей, и она, «отмываясь», сообщила занятные

факты.

В июне 1942 года Карпай предложила провести тщательное обследование Калинина, жаловавшегося на боли в кишечнике. И тогда главный терапевт Лечсанупра профессор Виноградов: 1) ограничился назначением клизмы, диеты и медикаментозного лечения; 2) ***заменил Калинину лечащего врача.***

Лишь 10 июня 1944 года профессор А.Д. Очкин сделал Калинину операцию, выявившую рак желудка в очень запущенном состоянии. Очкин старался как мог, но лишь отсрочил неизбежное – в июне 1946 года Калинин умер.

После арестов руководство Лечсанупра обвиняли и в том, что оно «залечило» 44-летнего секретаря ЦК Александра Щербакова. И это очень похоже на правду. Особенно если учесть, как очернил уже в своих «воспоминаниях» Щербакова Хрущев, еще и Берию сюда приплетая – мол, «Берия… говорил, что Щербаков умер потому, что страшно пил»… Нет, пожалуй, Александр Сергеевич Щербаков умер потому, что мешал реализации вожделений партократии и элиты по обеспечению их безбедного существования. И лишнее подтверждение тому – «ленинградское дело».

ЭТИМ понятием объединяют несколько процессов 1950 года по делам бывшего первого секретаря Ленинградского обкома и секретаря ЦК А.А. Кузнецова, зампреда Совмина и председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, бывшего председателя Ленсовета и первого секретаря Ленинградского обкома П.С.Попкова, бывшего Предсовмина РСФСР М.И. Родионова и других. Всего в орбиту этих «дел» попало до полутора тысяч партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников Ленинграда и области.

«Демократические» источники указывают цифру даже до 2 тысяч, но реальные цифры, имеющиеся в записке министра внутренних дел Круглова и его зама Серова на имя Хрущева от 10 декабря 1953 года, таковы: 23 человека были осуждены Военной коллегией к расстрелу, 85 человек – на сроки от 5 до 25 лет, и 105 человек высланы на срок от 5 до 8 лет. Из общего числа осужденных 36 человек работали в Ленинградском обкоме и горкоме, а также в облисполкоме и Ленсовете, 11 человек – в других обкомах и облисполкомах, и 9 человек – в райкомах и райисполкомах Ленинградской области.

В основном же «репрессии» ограничивались освобождением от работы.

Берия к этим делам отношения не имел, даром что на XX съезде Хрущев обвинил его в организации этих дел, хотя Берия не

мог влиять в этом отношении на МТБ, руководимое Абакумовым. Но в 1956 году можно было запускать в оборот любые антибериевские «дурочки» на самом высоком уровне, чем Хрущев и занимался.

Тем не менее, не сказать о «ленинградском деле» нельзя… Кузнецову, Вознесенскому, Попкову, Родионову инкриминировали, кроме прочего, намерение отделить РСФСР от СССР, сделав столицей нового государства Ленинград. Не вдаваясь в анализ, просто скажу, что по моим представлениям формальные обвинения и фактическая вина здесь не всегда совпадали по содержанию, но никак – не по тяжести, потому что Сталину и делу Сталина, то есть – делу Советской власти, а значит, и Советскому Союзу, осужденные по «ленинградскому делу» изменили.

Изменили и тем, что постепенно из партии Сталина перешли в партию партократов. Недаром «ленинградцев» не оказалось в первой реабилитационной «обойме» после смерти Сталина и вопрос об их «реабилитации» возник позднее, когда Хрущев и хрущевцы укрепились.

Родившийся в 1905 году Кузнецов был уже полностью сформирован в советское время, когда он в 19 лет пошел по аппаратной комсомольско-партийной дорожке. Вот уж кто был чистым «аппаратчиком» – так это Кузнецов. Маленков хоть МВТУ почти закончил, в Гражданскую был комиссаром эскадрона, полка… Жданов послужил в старой армии, повоевал в Гражданскую, был комиссаром земледелия уездного совета, редактором областной газеты. А Кузнецов как стал в 1924 году секретарем Ореховского волостного комитета комсомола, так и «секретарствовал» до самого ареста на посту секретаря ЦК.

Его, как и Николая Вознесенского, изображают самыми крупными и самыми безвинными жертвами «позднего сталинского террора», но оба они имели темную натуру и темную судьбу людей, очень себя переоценивающих. Психологически я сблизил бы их с генералом Гордовым – они тоже были уверены, что все сделали бы лучше Сталина. А при этом думали не о том, как они будут ***служить*** стране после ухода Сталина, а о том, как они будут ей ***править.*** Не служить ее интересам, а править, удовлетворяя свои амбиции.

Не останавливаясь подробно на «ленинградском деле», я приведу несколько интересных, на мой взгляд, деталей. И сделаю это потому, что Берии приписывают инициативу пересмотра после смерти Сталина как «дела врачей», так и «ленинградского дела», в чем я сомневаюсь.

Итак, обещанные детали…

В 1946 году комиссия ЦК под председательством **Алексея Кузнецова** рассмотрела деятельность МГБ СССР и министра Меркулова, смехотворно обвинив его в том, что во время войны было-де прекращено преследование троцкистов. Меркулов был снят со своего поста, а он был для МГБ, пожалуй, более подходящей фигурой, чем заменивший его Абакумов.

Далее… Профессор Егоров до весны 1947 года был главным терапевтом **Ленинградского** военного округа, а главным терапевтом Лечебно-санитарного управления Кремля стал по рекомендации **Алексея Кузнецова.**

Или вот еще… 7 октября 1946 года заведующий отделом ЦК М.И. Щербаков (однофамилец А.С. Щербакова) направил секретарю ЦК **Алексею Кузнецову** пространную записку «О националистических и религиозно-мистических тенденциях в советской еврейской литературе». Кузнецов не реагирует.

Я не буду утомлять читателя статистическими данными об удельном весе евреев в тех или иных сферах послевоенной жизни – желающих отсылаю к изданной на средства Российского Еврейского Конгресса книге Г. Костырченко «Тайная политика Сталина». Этот труд призван разоблачить «тирана» и «антисемитов», но полон таких цифр, что объективно разоблачает «обличителей». Скажу одно: как А.С. Щербаков, так и М.И. Щербаков в своих опасениях были правы. И через несколько месяцев М.И. Щербаков опять обращается к **Алексею Кузнецову** с предложением вынести вопрос на секретариат ЦК (то есть на рассмотрение Сталина).

И опять Кузнецов не спешит.

А время идет.

Летом 1947 года по подозрению в передаче американцам сведений о наших атомных работах арестовывают директора и создателя Издательства иностранной литературы Б.Л. Сучкова. В 1955 году Сучкова освободили, но я склонен считать, что судили его не на пустом месте. Сучков был хорошо знаком с многими физиками, в частности – с М. Леонтовичем, который вполне мог что-то сболтнуть Сучкову, ну а тот – по интеллигентскому неумению держать язык за зубами – мог что-то сболтнуть знакомым из числа американцев.

Некий якобы внебрачный «сын Сталина» (а может, заодно, и сын лейтенанта Шмидта) К.С. Кузаков в № 39 «Аргументов и фактов» за сентябрь 1995 года утверждал, что подлинной-де причиной ареста Сучкова была «схватка под ковром» Берии и Жданова, но «ЛП» тогда делать было нечего, как только козни какому-то Сучкову строить. Однако арест Сучкова, которому протежировал Жданов, интересен тем, что вызвал-таки

активность **Алексея Кузнецова.** 23 сентября 1947 года Политбюро приняло решение создать в ЦК «суд чести», а 23–24 сентября перед этим судом с подачи **Алексея Кузнецова** предстали бывший заместитель начальника Управления агитации и пропаганды ЦК… К.С. Кузаков и… заведующий отделом кадров печати управления кадров ЦК… М.И. Щербаков. Им был объявлен «общественный выговор», и обоих исключили из партии. Это был удар и по Жданову, и по Маленкову. Удар со стороны, в том числе, и **Алексея Кузнецова.**

Да, интриги в высшем руководстве в конце 40-х начинались, но – без участия Берии. И в то время как он занимался атомными, ракетными и общеэкономическими проблемами, в высшем руководстве действительно формировалась аппаратная интрига, формальными первыми фигурами которой были тогда, скорее всего, аппаратчики Жданов, Маленков и Кузнецов, а также «хозяйственник» Вознесенский. Фактически же движущими силами интриги были различные аппаратные слои, а также – та еврейская часть советской элиты, которую устраивало усиление все более некомпетентной и неадекватной исторической ситуации партократии.

А теперь от общих рассуждений я перейду к тому удивительнейшему факту относительно председателя Госплана СССР Вознесенского, сообщить который обещал читателю уже давно.

Вначале, впрочем, немного хронологии…

1 марта 1949 года Бюро Совета Министров СССР за подписями Берии, Маленкова, Вознесенского (ему пришлось подписывать волей-неволей), Микояна, Кагановича, Сабурова, Булганина, Ворошилова, Косыгина и Малышева направило Сталину доклад по итогам рассмотрения записки Госснаба СССР о плане производства промышленной продукции на I квартал 1949 года. Автором записки был М.Т. Помазнев, тогда – первый заместитель председателя Госснаба СССР Кагановича. И записка Помазнева, и доклад Бюро Совмина обстоятельно и предметно (с цифровым анализом) доказывали, что Госплан СССР работает, мягко говоря, слабо и некомпетентно.

В итоге 5 марта 1949 года Политбюро приняло постановление об утверждении постановления Совмина СССР «О Госплане СССР». Главным кадровым моментом было освобождение Вознесенского от обязанностей Председателя Госплана и назначение на его место Сабурова.

7 марта Полютбюро «удовлетворило просьбу» Вознесенского ***«о*** предоставлении ему месячного отпуска для лечения в Барвихе». Но «отпуск» затянулся… 4 июля секретарь ЦК Суслов

треть докладной об ошибках редакции журнала «Большевик» (главный теоретический орган ЦК) посвящает критике хвалебных рецензий на книгу Вознесенского «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны», а 17 августа Вознесенский обращается к Сталину «с великой просьбой» – «дать… работу, какую найдете возможной…». «Очень тяжело быть в стороне от работы партии и товарищей», – сетовал экс-зампред Совмина.

Однако 22 августа 1949 года уполномоченный ЦК по кадрам в Госплане СССР Е.Е. Андреев направляет записку секретарю ЦК Пономаренко. И вот тут хронология заканчивается и начинается почти фантастический, но документально засвидетельствованный криминал.

Андреев докладывал:

«В Госплане СССР концентрируется большое количество документов, содержащих секретные и совершенно секретные сведения государственного значения, однако сохранность документов обеспечивается неудовлетворительно…

Отсутствие надлежащего порядка в обращении с документами привело к тому, что в Госплане СССР в 1944 году пропало 55 секретных и совершенно секретных документов, в 1945 г. – 76, в 1946 г. – 61, в 1947 г. – 23 и в 1948 г. – 21, а всего за 5 лет недосчитывается 236 секретных и совершенно секретных документов…» и т. д. – на семи листах машинописного текста.

Я приведу наименование лишь некоторых из упомянутых Андреевым и «утерянных» подчиненными Вознесенского документов:

Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945 год, на 209 листах;

О покупке в США за наличный расчет оборудования, недопоставленного американцами, на 15 листах;

Об организации производства радиолокационных станций, на 6 листах;

Справка о потребности в донецком, кузнецком и челябинском углях по отдельным маркам и сортам на 1947 год по Минавиапрому, на 1 листе;

Справка о запасах топочного мазута в государственном резерве, на 1 листе, и т. д.

И куда эти «утерянные» документы ушли, никто в Госплане сказать не мог. Факт, повторяю, удивительнейший для любого не понаслышке знающего, что такое работа «с секретами», неправдоподобный, но…

Но – факт!

И данные эти абсолютно достоверны, ибо взяты из сборника документов «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953», изданного издательством РОССПЭН тиражом в полторы тысячи экземпляров в 2002 году в основанной Franko Venturi серии «Документы советской истории» (председатель Научной серии Michael Confino, ответственные редакторы Andrea Graziosi и О.В. Хлевнюк). Не будет же столь представительный коллектив антисоветчиков фальсифицировать документы советской истории в целях подтверждения обвинений против «жертв» Сталина, не так ли?

Многословные оправдания Вознесенского, направленные им Сталину 1 сентября 1949 года, производят жалкое впечатление и отнюдь не рисуют нам фигуру выдающегося государственного деятеля.

Возвращаясь же к хронологии, сообщу, что 11 сентября 1949 года Политбюро утвердило предложения Комиссии партийного контроля при ЦК В КП (б) по вопросу «о многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР».

КПК рекомендовала:

«1. За нарушение советских законов об охране государственной тайны и создание в аппарате Госплана СССР разлагающей обстановки попустительства виновника утери секретных документов Вознесенского Н.А. исключить из состава членов ЦК ВКП(б).

2. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9.VL1947 г. и ввиду особой серьезности нарушений закона в Госплане СССР, предать суду Вознесенского, как основного виновника этих нарушений, а также…» – и далее перечислялись фамилии ряда высокопоставленных «госпланов цев» Панова, Купцова, Орешкина и Белоуса…

Вот за что был арестован в октябре 1949 года Вознесенский и его бывшие сотрудники, а уж расстрелян в октябре 1950 года он был, как я понимаю, далеко не только за это. За год следствия можно было выяснить и много чего еще…

Сомневающимся в моем последнем предположении могу порекомендовать прочесть в упомянутом выше сборнике РОССПЭНа подробную записку уполномоченного ЦК по кадрам в Госплане СССР Е.Е. Андреева о проверке и замене кадров в Госплане СССР (стр. 301–305). Это не только честный, но и умный документ, вышедший из-под пера безусловно компетентного работника. И картина положения в Госплане образца Вознесенского там дана не просто невеселая в деловом отношении, но и политически весьма сомнительная.

Теперь же я подведу некоторые итоги, высказав – как «информацию к размышлению» – версию событий 1945–1950 годов, для полного исследования которых надо предпринимать отдельные усилия.

Александр Сергеевич Щербаков был русским человеком и, несмотря на «аппаратное» происхождение и аппаратное положение, не был аппаратчиком. Он обладал прекрасной памятью, но в то же время умел анализировать и затем ***принимать решения –*** чем и был опасен партократии. В 1925–1930 годах Щербаков работал под руководством Жданова в Нижегородском обкоме, потом одно время – вторым секретарем Ленинградского обкома. Его привыкли считать «молодым» кадром, но это ошибочное впечатление – его просто ***убили молодым***, а так он был всего на два года моложе Берии.

Жданов был женат на сестре Щербакова, так что они были люди свои во всех отношениях. Различные «исследователи» пишут о противостоянии А. Щербакова и А. Жданова, но это выглядит передержкой, призванной сыграть роль дымовой завесы. Мне же дело представляется так…

Александра Щербакова – как наиболее последовательного представителя партии Сталина в сфере идеологии и культуры – некие набирающие силу темные силы убрали в 1945 году. Андрей Жданов мешал тем же силам и был убран ими же в 1948 году.

В перспективе перерождающаяся элита (включая ее мощное еврейское крыло) делала ставку на тандем «Кузнецов – Вознесенский», однако о возне вокруг этого плана стало известно Абакумову и через него Сталину, результатом чего и явилось «ленинградское дело».

Когда расчет на Кузнецова и Вознесенского оказался бит, начались поиски нового варианта. Собственно, рассчитывать можно было на узкий круг: Маленков, Молотов, Каганович, Микоян, Булганин, Хрущев (с декабря 1949 года секретарь ЦК и первый секретарь Московского горкома)… Всех их можно было в той или иной мере, тем или иным образом использовать «втемную».

Берия исключался сразу – это был быстрый и острый ум, и он бы цели «доброхотов» рассмотрел сразу, со всеми вытекающими отсюда для них последствиями.

Каганович был человеком эмоциональным и достаточно открытым, он на роль главной фигуры интриги не подходил, как и Молотов. К тому же оба они были вполне преданы делу Советской власти и поэтому склонности к темным интригам не имели.

Микоян был так осторожен, что на него можно было

рассчитывать лишь как на подпорку победителю.

Фигура Булганина прельстить тоже никого не могла. Оставались Маленков и Хрущев. Первый был неглуп, не без амбиций, но – инертен. Второй был недалек, но хитер и подл.

Вот на Хрущеве, я думаю, все и сошлось. Он был удобной фигурой для манипуляций как внутрисоюзной, так и мировой «закулисы». Он подходил как для всех тех, кто к началу 50-х годов образовывал «партию» партократов, так и для внешних врагов России, уже внедривших в аппарат и в столичную элиту точечных (пока) агентов влияния. На него и решено было сделать ставку – в перспективе!

Причем в перспективе – после так или иначе произошедшей смерти Сталина – надо было быстро убрать и Берию, потому что он после устранения Сталина оказывался главным личностным гарантом дальнейшего развития и укрепления СССР.

То есть уже году в 1950-м объективно наметилось будущее противостояние Хрущева и Берии. Но даже в 1951, в 1952, 1953-м и последующих годах Хрущев, как я это себе представляю, о таком выборе «закулис» не догадывался. Я думаю, он и в гроб сошел, не поняв, что ***им*** протаранили судьбу его Родины.

К ТЕМЕ интриг я вернусь еще, а сейчас напомню читателю, что, кроме темных интриг, в стране тогда развивались и созидательные процессы, росли новые поколения. И при верной линии в жизни общества у этого поколения послевоенных энтузиастов были прекрасные перспективы!

Много, много приложено усилий, чтобы представить социализм Сталина как принципиально казарменный, как Систему, которая держалась якобы Террором и Страхом. А ведь жесткость определялась обстановкой. И главным идеологом и практиком демократизации был в стране всегда именно Сталин.

Вот передо мной потрепанная книга… «В.А. Карпинский. Конституция СССР. Учебное пособие для 7-го класса средней школы. Издание ***четвертое***, исправленное. Москва, Учпедгиз». Подписано к печати 3/VT 1953 г., тираж 2000 тыс. экз., то есть – два миллиона. Откроем страницу 156 и прочтем:

«Конституция обеспечила советским гражданам неприкосновенность личности, жилища. Тайну переписки (статьи 127, 128). Никто в Советском Союзе не может быть арестован без постановления суда или разрешения прокурора. Войти в жилище гражданина без его согласия представители государственной власти могут только в случаях, указанных в законе…»

Будет ли политическая система, ориентированная на произвол и беззаконие, заботиться о том, чтобы нормативным образом, преподавая это **в качестве учебного предмета в массовой школе,** внедрять подобные мысли в юные умы?

Неужели у кого-то на этот вопрос повернется язык ответить «да»?

Но я заранее знаю – повернется. «Одемокраченному» «интеллигенту» хоть кол на голове теши, он будет убежден, что «семьдесят лет рабом был», даже если ему от роду не более шестидесяти.

Что ж, вот еще цитата…

«Необходимо… добиться такого культурного роста общества, который обеспечил бы всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии.

Что требуется для этого?

Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение… Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную заработную плату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму…»

Будет ли тиран стремиться к тому, чтобы народная масса была полноценно образована? Образована так, что исчезает само понятие элиты, потому что каждый член общества всесторонне развит, и, объединившись с другими всесторонне развитыми индивидуумами, уже никому не позволит корчить из себя «квинтэссенцию», «сливки общества», «слуг народа», «соль земли» и т. п.

А ведь это Сталин – «Экономические проблемы

социализма»…

1952 год.

Вот с чем шел Сталин в этом году к тому XIX съезду партии, который стал ее первым послевоенным съездом и последним съездом, который созвала партия большевиков. Причем в таком видении перспективного социального развития России и человечества политик Сталин был един с физиком Эйнштейном. Я напомню читателю вывод последнего:

«Экономическая анархия капиталистического строя… есть подлинный корень зла… Я убежден, что есть только один путь борьбы с этим тяжким злом – введение социалистической экономики ***вместе с системой просвещения*** (выделение мое. – *С.К.),* направленной на благо общества…»

XIX СЪЕЗД ВКП(б) проходил в Москве с 5 по 14 октября 1952 года. С отчетным докладом выступил Маленков. По докладу председателя Госплана Сабурова съезд принял директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 годы. С докладом об изменениях в Уставе ВКП(б) выступил Хрущев. Выступал на съезде и Берия.

Сталин произнес заключительное слово 14 октября.

На съезде была образована комиссия по переработке программы партии в составе: И.В. Сталин – председатель, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, О.В. Куусинен, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, П.Н. Поспелов, А.М. Румянцев, М.З. Сабуров, Д.И. Чесноков, П.Ф. Юдин.

Наличие в комиссии Берии и отсутствие в ней Хрущева наводит на размышления само по себе, как и наличие Молотова при отсутствии Микояна. Но главными оказались кадровые результаты съезда, начавшегося как съезд ВКП(б), а закончившегося как съезд КПСС. Тогда думали, что партия была лишь переименована, но оказалось, что она на этом съезде была, фактически, похоронена. Следующий, XX съезд был уже съездом не коммунистов ленинско-сталинской формации, а первым съездом торжествующей партократии.

16 октября 1952 года Пленум ЦК избрал вместо Политбюро Президиум ЦК в таком небывало многочисленном составе: В.М. Андрианов, А.Б. Аристов, Л.П. Берия, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, С.Д. Игнатьев, Л.М. Каганович, Д.С. Коротченко, В.В. Кузнецов, О.В. Куусинен, Г.М. Маленков, В.А. Малышев, Л.Г. Мельников, А.И. Микоян, Н.А. Михайлов, В.М. Молотов, М.Г. Первухин, П.К. Пономаренко, М.З. Сабуров, И.В. Сталин, М.А. Суслов, Н.С. Хрущев, Д.И. Чесноков, Н.М. Шверник, М.Ф. Шкирятов.

Кандидатами в члены Президиума стали: Л.И. Брежнев, А.Я. Вышинский, А.Г. Зверев, Н.Г. Игнатов, И.Г. Кабанов, А.Н. Косыгин, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.М. Пузанов, И.Т. Тевосян, П.Ф. Юдин.

Вместе с кандидатами в члены ***Президиум ЦК был расширен до 36 человек***, причем предложил такой состав Сталин, и в нем было много молодых кадров (скажем, Д.И. Чесноков). Одновременно по предложению Сталина для оперативного решения вопросов было создано внеуставное Бюро Президиума ЦК КПСС: Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Сталин и Хрущев.

Изучение состава Бюро показывает, что в нем отсутствовали такие крупные фигуры, как Молотов и Микоян. Сталин их серьезно критиковал на пленуме 16 октября, и критиковал за дело (что, впрочем, отнюдь не означало для них – как облыжно утверждают «демократические» «исследователи» – некоего полного падения и репрессии).

Наибольшее же значение для будущего имело то, что пленум сформировал также «руководящую пятерку»: Берия, Булганин, Маленков, Сталин, Хрущев. Берия стоял здесь на первом месте, Хрущев – на последнем. Но объяснялось это всего лишь порядком букв алфавита, с которых начинались их фамилии.

Секретариат ЦК выглядел так: Аристов, Брежнев, Игнатов, Маленков, Михайлов, Пегов, Пономаренко, Сталин, Суслов, Хрущев.

Генеральный секретарь избран не был. Причем Сталин высказал желание уйти из секретарей ЦК, однако на это никто не согласился. Такой шаг Сталина «исследователи» подают как иезуитское с его стороны «испытание верности» соратников, но Сталин не мог не понимать заранее, что его в таком желании не поддержит ***никто.*** Ведь в тот момент никто объективно не мог быть полноценной альтернативной заменой Сталину. Даже Берия!

Скорее Сталин таким заявлением был намерен повысить шансы на принятие другого его предложения, о котором печатные источники не сообщают, – о сложении полномочий Председателя Совета Министров СССР. Да, имеются свидетельства, что Сталин хотел сложить с себя обязанности Предсовмина, и даже проводилось некое голосование, но кандидатура Берии при этом не рассматривалась, а рассматривалась весьма неожиданная кандидатура Пономаренко. Но, так или иначе, главой Совмина остался Сталин. И жить ему осталось немногим более четырех месяцев.

Уважаемый читатель! Моя книга объемна, однако эпоха, в ней описанная, неизмеримо объемнее. Но как же куце она

исследована, причем как редко ее исследуют добросовестно… Вот Николай Зенькович «анализирует» последние месяцы 1952-го и первые месяцы 1953 года и заявляет, что многие-де до сих пор называют Берию убийцей Сталина. И далее на кого только не ссылается: на Авторханова, на Светлану Аллилуеву, на «аргументы» В.Ф.Аллилуева, с кивком в сторону Берии утверждающего, что стоило-де Сталину кого-то похвалить, и тот-де «куда-то» исчезал, потому что Берия якобы не терпел «конкурентов».

Не Москва, а какая-то Сицилия!

При этом «обличитель» спрашивает: где Вознесенский, Косарев, Кузнецов, что со Ждановым, Орджоникидзе?

Что, Зенькович, не знает, что Берия здесь ни при чем? Зенькович – уже в другом месте, прямо сообщает, что Сталина убил Хрущев, но это – в другом месте. Что же до остальных якобы убиенных Берией…

Орджоникидзе покончил самоубийством (серьезно, вообще-то, запутавшись и многое запутав) 18 февраля 1937 года… Берия еще был в Тбилиси.

Косарев арестован 29 ноября 1938 года. Берия еще не был наркомом, хотя Ежов уже от руководства был отстранен. Но чем главный комсомолец СССР мог мешать Берии? Расстрелян Косарев в феврале 1939 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. Реабилитирован «в партийном порядке» Московским горкомом КПСС 27 апреля 1989 года, то есть, фактически, не реабилитирован.

Жданов был умерщвлен врачами Кремлевки тогда, когда Берия не руководил спецслужбами.

Вознесенский и Кузнецов?

Что ж, вот прямая цитата из № 2 «Известий ЦК КПСС» за 1989 год:

«Раздувая дело о незаконности проведения Всероссийской оптовой ярмарки (которая была-таки проведена незаконно. – *С.К.),* Г.М. Маленков использовал и другие предлоги для дискредитации ленинградских руководителей <…>

21 февраля 1949 г. Маленков с группой работников выехал в Ленинград для проведения бюро и объединенного пленума обкома и горкома партии… на котором… заявил, что в Ленинграде существовала антипартийная группа <…>.

13 марта 1949 г. в Москве в кабинете Г.М. Маленкова… были арестованы А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, П.Г. Лазутин, Н.В. Соловьев.

В то же время развернулась подготовка… в отношении Н.А. Вознесенского. В этих целях была использована записка

заместителя председателя Госснаба СССР М.Т. Помазнева о занижении Госпланом плана промышленного производства на I квартал 1949 г. <…>

С целью получения… показаний… Маленков лично руководил ходом следствия и принимал в допросах непосредственное участие…»

При чем здесь Берия?

А ведь на подобных «обвинениях» и выстроен весь образ «монстра» Берии. Выстроен от времен мусаватистского Баку и до дня ареста Лаврентия Павловича.

И так же облыжно выстроен образ «тирана» Сталина, в создание которого внес свою лепту, увы, и Серго Берия, а возможно, политкорректировщики его «воспоминаний». Серго Лаврентьевич утверждал, что Сталин был-де намерен заменить всех старых соратников новыми людьми, убрав и Молотова, и Маленкова, и Хрущева, и Берию, чтобы войти в историю-де как чистый человек, выигравший войну и создавший державу.

Я привожу это мнение только потому, что оно перекликается с утверждением К. Залесского о том, что если бы, мол, Сталин успел завершить «перетряску» номенклатуры, то «эпохи Хрущева» вообще бы не было, и в этом случае к власти пришли бы люди «эпохи Брежнева», которые получили власть в октябре 1964 года. Отмахнуться от этого тезиса как от полностью несостоятельного я не могу – в том смысле, что обновление было возможно, хотя и без «кровавых бань». Сталин на Пленуме ЦК в октябре 1952 года прямо говорил о том, что надо выдвигать молодых, особенно на посты зампредсовмина и министров. Он заметил, что работа министра – «работа мужицкая» и для нее надо иметь крепкое здоровье. Высказывал он такие мысли и 20 октября 1952 года на заседании в его кремлевском кабинете.

Если бы Сталин – представим себе это на мгновение – замыслил некое «кровопускание», он бы так в присутствии «старой гвардии» не говорил. Но коль уж он сам заговорил о чем-то вроде отставки, имея в виду себя, то перестановки явно планировались. Причем Сталин в полном соответствии со своим видением развития советского общества был намерен весь «ареопаг» сосредоточить в руководстве КПСС для идейного влияния на общество, а хозяйственное управление передать молодым силам. Но – под руководством опытных хозяйственников.

Одно плохо – Сталин, судя по всему, не видел Берию в качестве опытного лидера молодых хозяйственных кадров. А им мог быть лишь Берия. И если бы этот вариант реализовался, дальнейшее развитие страны шло бы по пути ***всестороннего***

развития социализма и социалистической демократии.

Почему же произошло иначе?

ОТВЕТИТЬ на этот вопрос непросто в том числе потому, что так же, как полностью была сфальсифицирована последняя предвоенная неделя и лишь сейчас, усилиями непрофессиональных историков, она приобретает реально бывший облик, так еще более запутаны и сфальсифицированы эти последние четыре месяца жизни Сталина.

Разбираться во всех хитросплетениях лжи я не намерен – в этой книге посильному ее разоблачению я и так уделил немало страниц. Но есть ряд фактов и обстоятельств, ничем и никак не опровергаемых (например то, что официальной датой смерти Сталина является 5 марта 1953 года). К таким фактам относится и состоявшееся 9 января 1953 года заседание бюро Президиума ЦК КПСС.

Бюро заседало в почти полном составе: Берия, Булганин, Ворошилов, Каганович, Маленков, Первухин, Сабуров, Хрущев. Присутствовали секретари ЦК Аристов, Брежнев, Игнатов, Михайлов, Пегов, Пономаренко, Суслов, председатель Комитета партийного контроля Шкирятов, главный редактор «Правды» Шепилов, заместители министра госбезопасности Гоглидзе и Огольцов.

Характерно, что среди приглашенных не было министра госбезопасности Игнатьева. Не было и Сталина. Хорошо известный нам Г. Костырченко намекает на «византийскую»-де склонность «диктатора» в острые моменты уходить от ответственности, но Сталин порой побаливал, и его отсутствие объясняется явно недомоганием.

Несомненным фактом является и то, что 9 января обсуждался проект адресованного всей стране сообщения ТАСС об аресте группы «врачей-вредителей» и рукопись передовой статьи в «Правде» – «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». И это опровергает все обвинения Сталина в желании уйти от ответственности за важное решение – ясно было, что такую передовую все воспримут как лично сталинскую (хотя в данном конкретном случае, если судить по стилю статьи, вряд ли это было так на деле).

Костырченко же (источник осведомленный) сообщает, что в ***структуре 2-го управления Главного Разведывательного Управления Генерального штаба был сформирован 13-й («антисионистский») отдел, задачей которого была борьба с еврейской «пятой колонной» внутри страны.*** И то, что такой отдел был создан в армейской спецслужбе, а не в

общегосударственной, то есть в ведомстве министра ГБ Игнатьева, тоже было показательным. Это доказывало, что Сталин уже не доверял ни МГБ, ни лично Игнатьеву. Причем, судя по номеру нового отдела ГРУ, Сталин хорошо разбирался в «играх» «братьев в фартуках», на что недвусмысленно намекал номер отдела.

Дата опубликования Сообщения ТАСС была выбрана тоже соответствующая – 13 января 1953 года.

После этого не приходится удивляться, что жить Сталину оставалось менее восьми недель.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ «атомные» дела шли своим чередом. Только в период с 8 по 12 января 1953 года было принято пять обширных постановлений и распоряжений Совмина по различным вопросам: о выделении Гидротехнической лаборатории ЛИПАН в отдельную лабораторию; об организации в 1953 году ревизионно-поисковых работ на уран в Венгерской Народной Республике и т. п.

Эти документы в «Материалах Атомного проекта СССР» публикуются по копиям, заверенным протокольной частью Управления делами СМ СССР. Заведенная во всех документах подпись Сталина отсутствует, хотя это не означает, что он не подписывал первые экземпляры.

15 февраля 1953 года хоронили Мехлиса, давно тяжело болевшего и 13 февраля умершего. Урна с прахом была вмурована в Кремлевскую стену. Сталина на церемонии не было, как не было и Берии с Маленковым. Впрочем, 17 февраля Сталин принял индийского посла К.Менона и долго беседовал с ним. По словам Менона, Сталин, несмотря на семьдесят три года, выглядел совершенно здоровым человеком.

Однако таковым он, увы, уже не был – если 6 февраля 1953 года под вполне заурядным распоряжением Совмина о режиме работы завода № 4 комбината № 817 в зимнее время заведена была подпись Председателя Совета Министров СССР И.Сталина, то существенно более важное распоряжение об обеспечении работ на установке «МР» (исследовательский реактор РФТ) подписал 14 февраля 1953 года зам Председателя Совета Министров СССР Л.Берия.

А вот тут мы подошли еще к одному достоверному, но крайне загадочному – если не сделать определенные предположения – факту! Как следует из книги 5-й тома II «Документов Атомного проекта СССР» (текст – стр. 505, факсимиле – стр. 506), 28 января 1953 года на бланке ЦК КПСС строжайшей (выше некуда!) отчетности был отпечатан документ удивительного и необычного содержания, а именно:

«№ БП7/217
Т.т. Берия, Маленкову, Булганину
28.1.1953 г.

Выписка из протокола № 7 заседания Бюро Президиума ЦК от 26 января 1953 г.

214. – Вопрос о наблюдении за специальными работами.

Поручить тройке в составе тт. Берия (председатель), Маленкова, Булганина руководство работой специальных органов по особым делам.

БЮРО ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС».

Как понимать этот документ, я могу лишь гадать. Но гадать могу!

Все оборонные работы шли плановым образом, и усиливать руководство ими (да еще кем – Маленковым и Булганиным!) нужды не было.

Однако обращаю внимание читателя на то, что эта особая «Тройка» представляла собой вариант «руководящей пятерки» (Берия, Булганин, Маленков, Сталин, Хрущев), усеченной на Хрущева.

Сталин, естественно, не в счет, он подразумевался. Он для этой «тройки» в любом случае был бы «кучером», и «ехала» бы она туда, куда правил «кучер».

Но какой же это работой каких специальных органов и по каким особым делам должна была руководить эта непонятная «Тройка»? Вроде бы на этот вопрос дают ответ четыре протокола заседаний (2, 9, 16 и 23 февраля) «Тройки», начиная с первого, состоявшегося 2 февраля 1953 года и определившего днем и часом заседаний «Тройки» (так в документах, с большой буквы) понедельник, 2 часа дня.

9 февраля на заседании «Тройки» были приняты решения по специальным работам по

– первому (атомному) разделу (тт. Ванников, Клочков, Маленков, Берия);

– второму (добыча урана) разделу (тт. Антропов, Клочков, Маленков, Берия);

– акционерному обществу «Висмут» (добыча урана в Германии) (тт. Сергеев, Маленков, Берия);

– советско-румынскому горному обществу «Кварцит» (тт. Сергеев, Берия);

– разделу «Б» («Беркут» и «Комета») (тт. Рябиков, Владимирский, Берия);

– изготовлению опытной партии изделий 32-Б (тт. Берия С.Л., Владимирский, Маленков, Берия Л.П.);

– опытно-конструкторским и научно-исследовательским работам по изделиям «Р» (ракетная техника) (тт. Устинов, Королев, Неделин, Василевский, Булганин, Маленков, Берия).

Все вроде бы шло здесь в давно налаженном русле, но почему вдруг «Тройка»? Зачем вводить в такой узкий состав Булганина – вопросы Вооруженных Сил в повестке дня заседаний «Тройки» присутствовали четвертым планом.

Думаю, ответы на сии вопросы на документальной основе дать нельзя – после убийства Сталина и Берии архивы, надо полагать, зачищались всерьез. Да и могли ли быть письменно документированы некие важные замыслы Сталина – если они у него имелись?

А они, похоже, у него имелись!

Во всяком случае, подлинной целью создания «Тройки» не могли быть исключительно оборонные работы, и вот почему… После смерти Сталина, 16 марта 1953 года, было принято подписанное уже Маленковым постановление Совмина № 687-355сс/ оп «О руководстве специальными работами», которым образовывался Специальный комитет при Совмине СССР в составе: Л.П. Берия (председатель); Б.Л. Ванников (первый заместитель председателя), заместители председателя И.М. Клочков, С.М. Владимирский, члены Н.А. Булганин, А.П. Завенягин, В.М. Рябиков, В.А. Махнев.

На Спецкомитет было возложено «руководство всеми специальными работами (по атомной промышленности, системам «Беркут» и «Комета», ракетам дальнего действия <…>)…»

Руководство «всеми ***специальными работами***», предусмотренное Постановлением СМ СССР № 687-355сс/оп и ***«руководство работой специальных органов по особым делам»,*** предусмотренное пунктом 214 протокола № 7 заседания Бюро Президиума ЦК КПСС, были вещами явно разными. Очень уж отличаются две формулировки как по форме, так и по смыслу.

Так как все это можно объяснить?

Я оговорюсь, что в моей версии событий могут быть «проколы»… Когда мы обсуждали ее с таким авторитетным экспертом, как Ричард Иванович Косолапов (известный ученый-обществовед, бывший главный редактор журнала ЦК КПСС «Коммунист», член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР), он заметил, что для полного обоснования такой версии надо

скрупулезно проследить цепочку ряда судеб, сопоставить факты, хронологию событий и т. д.

И это действительно так. Причем роль, скажем, Маленкова в событиях последних недель жизни Сталина может оказаться в итоге как нейтральной, так и отрицательной. Однако я попробую выстроить свою реконструкцию на тех данных, которые имею.

Итак…

9 января 1953 года Бюро Президиума ЦК одобряет проект Сообщения ТАСС о деле врачей, и 13 января оно обнародовано. «Пятая колонна» в панике, а слухи (а то и информация) об образовании 13-го отдела в ГРУ панику лишь усиливают.

События развиваются.

Министр ГБ Игнатьев – несомненная креатура Хрущева (а возможно, и Маленкова) тоже встревожен. Его от событий отсекают, а у него рыльце в пушку. При этом Управлением охраны (охрана руководителей партии и правительства), то есть и охраной Сталина, а также подбором кадров для нее, руководит в МГБ человек, которому Семен Игнатьев может доверять как самому себе. Кто это был конкретно, я сообщу позднее, пока ограничившись сообщением о том, что к началу 1953 года верные Сталину охранники генерал Власик и Кузьмичев были от Сталина удалены.

26 января на заседании Бюро – явно с участием Сталина – образуется таинственная «Тройка».

Формально это тот же Спецкомитет с целями чисто «технократическими», но фактически ***«Тройка» сразу выглядит неким политическим суперорганом, способным мгновенно стать руководящим триумвиратом при высшем верховенстве Сталина.***

Берия – МВД – МГБ и народное хозяйство.

Маленков – партийный аппарат и пропаганда.

Булганин – Вооруженные Силы.

Фактически эта «Тройка» заменяет собой руководящую «пятерку», вышвыривая Хрущева из доверенного руководства. Причем председатель «Тройки» – Берия. И он не просто формально первый, он из трех – единственный человек дела и действий с быстрой реакцией. И все это сулит некие кардинальные перемены отнюдь не в ходе работ по оборонным проектам.

Теперь в панике и Хрущев. И он делает все, чтобы восстановить к себе доверие Сталина, вовсю заискивая и лебезя…

Игнатьев давно «ангажирован», и охрана Сталина подобрана им так, что Сталина можно быстро устранить. При этом паникующего Хрущева пока «втемную» подзуживает окружение из

«пятой колонны».

Молотов и Микоян в опале, и Хрущев может рассчитывать на их – нет, не поддержку в устранении Сталина, упаси боже, но на поддержку ***после*** (ой, какое горе!) смерти товарища Сталина.

Февраль 1953 года – это подготовка устранения Сталина (имеются сведения, что на чердаке сталинской дачи находились чашечки с ртутью).

Вдохновители – «пятая колонна».

Покровитель – Хрущев.

Ответственный исполнитель – Игнатьев.

Непосредственные исполнители – сотрудники Управления охраны МГБ, руководимого…

Нет, кто им руководил, я сообщу все же несколько позже.

А события ускоряются… На понедельник 2 марта 1953 года – тут я полагаюсь на утверждение Юрия Мухина – Сталиным назначено заседание Президиума ЦК (а это 36 человек!) для рассмотрения вопроса об объединении МВД и МГБ в одно министерство с назначением министром Берии.

Если информация Ю. Мухина об именно такой повестке дня верна, то картина дальнейшего в ***принципе*** ясна: между 28 февраля и 2 марта 1953 года Сталина начали убивать. Это непреложно вытекает из вышеприведенной реконструкции ситуации.

Как конкретно он был устранен, я предоставляю расследовать другим. Существенно то, что он был устранен. И устранен потому, что утратил верное кадровое чутье и не конституировал как своего прямого преемника Берию – прямо на Пленуме ЦК 16 октября 1952 года настояв на его назначении Председателем Совета Министров СССР.

Назначение Берии председателем особой «Тройки» можно расценивать как начало прозрения Сталина. Но «пятая колонна» и Хрущев оказались проворнее.

ДА, ПОЖАЛУЙ, Сталин к началу 1953 года достиг, если пользоваться понятиями принципа Питера, о котором я еще скажу, уровня своей некомпетентности. За свою жизнь он совершил две крупнейшие ошибки, каждая из которых стоила России и человечеству золотого века.

Первой была недооценка перспектив и возможности стратегического партнерства с Германией против англосаксов после заключения Пакта 1939 года.

Второй же стала недооценка возможностей и потенциала Лаврентия Берии как единственного адекватного требованиям эпохи своего преемника.

Сталин был старше Берии ровно на двадцать лет. Он формировался как профессиональный революционер-марксист, движимый лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и вместе с Лениным веривший в европейскую и мировую революцию. Из всех вождей революции – как самый трезвый из них – он раньше других понял, что России вряд ли приходится рассчитывать на «братьев по классу» в развитых странах. Но понял он и то, что Россия вполне самодостаточна, чтобы вырасти в могучую державу, в которой нет места частной собственности и шкурным интересам и в которой свободное развитие каждого станет условием развития общества.

И вот она, пройдя испытание войной, стала такой державой.

И Сталин…

Ну, сложно сказать, что сыграло роковую роль – постепенное ли старение, нагрузки ли войны, привычка ли трех десятилетий брать все на себя и быть, в конечном счете, последней инстанцией (недаром же в аппарате привилось это иносказание в отношении его – «Инстанция»), ослабление защитной реакции на славословие…

Но можно с уверенностью сказать, что Сталин, как ***всеобъемлющий*** глава государства, свой ресурс к концу 1952 года исчерпал, а Берия, напротив, накопил такой жизненный и управленческий государственный опыт, что полностью мог использовать его, лишь оказавшись во главе государства.

Берия, хотя и пришел в революцию юношей, но почти стразу из революционера и подпольщика превратился в государственного управленца, в организатора. Идеи мировой революции его не увлекали. Зато идея активной перестройки жизни в России на коллективистских началах увлекла на всю жизнь.

Он в ходе служебного роста получал все большие управленческие возможности и теперь был готов уже и к руководству Россией социалистических (подчеркиваю это!) «технократов». Построение коммунизма было для него не идеалом, не лозунгом, а конкретной, сложной, но решаемой, задачей.

Сталин с середины 30-х годов стремился поменять местами роль партии и Советов. И вот в 1952 году наступил для этого вполне благоприятный момент… В руководство введено немало молодых кадров, началась переориентация задач партии с хозяйственного управления на идейное, что было видно уже из сопоставления Устава ВКП(б), принятого XVIII съездом в марте 1939 года, и Устава КПСС, принятого XIX съездом.

Устав 1939 года:

«Партия является руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных, и обеспечивает успешное построение коммунистического общества».

Устав 1952 года:

«Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество… непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества…»

Причем если раньше Политбюро ЦК было призвано организовывать «политическую работу», а Комиссия партийного контроля контролировала «исполнение решений партии и ЦК… партийными организациями и советско-хозяйственными органами», то теперь Президиум ЦК должен был организовывать текущую работу ЦК, а Комиссии партийного контроля ***при ЦК*** придавались функции контроля чисто внутрипартийных дел.

И если бы сразу после XIX съезда Сталин, оставив за собой пост Генерального секретаря КПСС, передал свои полномочия Председателя Совета Министров СССР Берии, то этим он сохранил бы себе и жизнь, и нерушимую посмертную славу.

Наиболее ярко, на мой взгляд, впервые возникшая некомпетентность Сталина проявилась в ряде тех «грандиозных» строительных проектов, на отмене которых Берия стал настаивать сразу после смерти Сталина. Я о них еще скажу.

Увы, Сталин не решился отдать будущее страны в руки Берии, а это означало, что после смерти Сталина неизбежно возникнет вопрос о преемнике, о лидере. И от того, кто им станет – член партии Сталина или член партии партократов, зависела дальнейшая судьба огромной страны.

Да и – мира.

ТАК к концу 1952 и началу 1953 годов у страны наметилось два принципиально разных пути. Один путь вел к неизбежной деградации страны, второй – к не менее неизбежному ее расцвету.

Символом одного был Функционер – недалекий, невежественный, амбициозный, не только не способный, но и не стремящийся оптимизировать общественное бытие страны, лично ленивый и некомпетентный и поэтому порождающий лень и некомпетентность как рядом с собой, так и на более низких уровнях власти.

Символом другого был Управленец – дальновидный,

образованный, энергичный, уважающий тех, кто уважения достоин, по самой сути натуры стремящийся сделать жизнь общества лучше. Управленец, любящий и умеющий работать, компетентный и поэтому всемерно поощряющий и приближающий к себе хороших, компетентных работников.

Функционер не знал дела, но имел наглость учить всех, не учась ничему, ибо считал, что он все заранее знает ***и так***, потому что он – секретарь ЦК и член Политбюро.

Управленец, если чего-то не знал и сталкивался с новым для себя делом, учился, разбирался в новых для себя вещах и потом мог принимать осмысленные решения.

Функционер в перспективе отдавал СССР в руки таких же функционеров, как он, только рангом пониже. И они были способны на одно – довести страну «до ручки».

Управленец в перспективе давал в СССР все права профессионалам, специалистам управления, науки, производства, образования и культуры, которые непременно довели бы страну до подлинного, непоколебимого ничем и никем величия.

Функционер в перспективе низводил массы до уровня быдла – нерассуждающего, приученного к примитивному полурастительному существованию.

Управленец в перспективе обеспечивал массам всестороннее развитие, позволяющее каждому желающему раскрыть все свои способности и жить весело, умно и долго.

Функционер любил себя в Державе, а не Державу в себе, потому что великой, народу принадлежащей Державе он был просто не нужен.

Управленец не мог не любить Державу в себе и жил для Державы уже потому, что лишь в великой Державе он мог реализоваться наиболее полно как личность.

Логическим итогом «деятельности» Функционера становилась гибель Советского Союза и последующая деградация всего человечества.

Логическим итогом деятельности Управленца становился такой Советский Союз, который мог по праву не только сильного, но и справедливого, встать во главе всех здоровых сил Планеты.

И в высшем руководстве страны к 1952 году имелся как ярко (если можно говорить о яркости заурядной личности) выраженный, законченный Функционер – Никита Хрущев, так и ярко выраженный, выдающийся Управленец – Лаврентий Берия.

Сталин не бросил на чашу весов Берии свой огромный авторитет. А это означало, что весы будут колебаться и все может решить случай.

Противостояние Берии и Хрущева было неизбежным, и

победить в нем мог лишь один.

Хрущев, как интриган и эгоист, это понимал, заранее готовился к схватке и просчитывал – как пробудить в коллегах по власти низменные страсти и привлечь их на свою сторону.

Берия, как «трудяга» и коллективист, был глубоко и простодушно уверен в том, что его очевидное деловое превосходство автоматически обеспечит ему лидерство. И хотя он понимал никчемность Хрущева, не мог и помыслить, что ради личного благополучия тот может устроить над товарищем и коллегой расправу.

Берия мерил по себе.

Но и Хрущев мерил по себе.

Вот только мерки у них были разными.

Глава 24
«Странная» смерть Сталина

Официальная дата смерти Сталина – 5 марта 1953 года. А официальный диагноз целого синклита из руководства Минздрава СССР и элитных врачей вполне благопристоен, без намека на какие-либо медицинские непонятности.

К слову, о синклите… 4 марта в печати появилось первое правительственное сообщение о болезни Сталина, где говорилось о том, что в ночь на 2 марта у него произошло кровоизлияние в мозг и что «для лечения т. Сталина привлечены лучшие медицинские силы». Что же это были за силы? Подробнейший бюллетень о состоянии здоровья Сталина, опубликованный в «Правде» 5 марта 1953 года, был подписан: министром здравоохранения СССР А. Ф. Третьяковым, начальником Лечебно-санитарного управления И.И. Куперины, Главным терапевтом Минздрава профессором П.Е. Лукомским, членом Академии медицинских наук Н.В. Коноваловым, членом АМН профессором А.Л. Мясниковым, профессором Е.М. Тареевым, членом-корреспондентом АМН И.Н. Филимоновым, профессором И.С. Глазуновым, профессором Р.А. Ткачевым и доцентом В.И. Ивановым-Незнамовым.

«Светил», как видим, хватало. Но история со смертью Сталина темна, как заброшенный подземный застенок. Ведь Сталин был явно убит. И явно с санкции Хрущева, а то и – при личном участии Хрущева в финишном акте отравления. Собственно, если верить «историку» Николаю Зеньковичу, Хрущев в конце своего правления сам проговорился, что устранил Сталина.

Однако Зенькович – источник ненадежный. Для бывшего «внутреннего хроникера Н,К КПСС», как подают его аннотации к его книгам, он слишком часто вместо анализа занимается сбором сплетен. Но зато каких сплетен! Чего стоит, например, пересказ им рассказа Ильи Оренбурга, приведенный в книге Зеньковича издания 2005 года «Лжесвидетельства, фальсификации, компромат»!

Оренбург – якобы с санкции хрущевского Кремля – якобы рассказал французскому философу Жану-Полю Сартру, что дело было так…

Заседание Президиума ЦК происходило 1 марта 1953 года, и на нем Каганович при поддержке всех членов старого Политбюро (кроме Берии) потребовал от Сталина создания объективной

комиссии по расследованию дела врачей и отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР.

Сталин якобы разразился площадной бранью, но Микоян якобы заявил, что если они (фактически – заговорщики) через полчаса не выйдут свободными из этого помещения, то армия займет Кремль. После этого Сталина покинул и Берия, а Каганович изорвал в клочки свой билет члена Президиума ЦК и швырнул Сталину в лицо. После чего Сталина поразил удар, он упал без сознания, а в 6 часов утра 2 марта к нему, уже умирающему, вызвали врачей.

Уважаемый читатель! Этот бред – не бред, а изложение содержания страниц 180–181 указанной книги Н. Зеньковича. Правда, он тут прямо цитирует другого «хроникера» – Авторханова, но цитирует всерьез, а не как пример исторической паранойи (которую Авторханов приписывает Сталину)…

Сам Каганович в своих мемуарах написал, что Сталин умер «неожиданно». Однако по свидетельству Феликса Чуева, на которое так любят ссылаться россиянские «историки», Каганович через тридцать с лишним лет на замечание Феликса Чуева: «Мне кажется, что Сталина убили» – ответил: «Не знаю…»

Тогда Чуев возразил: «Молотов к этому склонялся» – и затем продолжил: «Знаете, что он мне сказал?» – «Что?» – откликнулся Каганович. «На Мавзолее 1 мая 1953 года, последний раз, когда Берия был, он сказал Молотову: «**Я** его убрал».

Чуев, впрочем, тут же оговорился, что, по словам Молотова, Берия «мог нарочно на себя наговорить, чтобы придать себе вес…».

Вряд ли Берия таким образом мог пытаться повысить свое значение – оно и так было уже выше почти некуда. А вот спровоцировать Молотова Лаврентий Павлович мог. Берия наверняка знал, что Сталин убит, а круг его потенциальных убийц был крайне ограничен. И для опытного следователя такой зондаж – как отреагирует Молотов – был бы вполне естественным. И характерно то, что Кагановичу он не заявлял: «Я вас всех спас», хотя отношение Сталина и к Кагановичу в последнее время было не очень-то теплым.

Впрочем, еще не факт, что Берия говорил это и Молотову. Нет, я более-менее верю Чуеву, но Молотов мог, мягко говоря, «наклепать» на Берию. Вспомним, как он «аккуратно» передал в Истпарт свою переписку со Сталиным, аккуратно убрав – судя по всему – из нее те письма, где упоминался Берия. Ведь Берия там мог упоминаться лишь в положительном смысле.

Можно, утомляя и так, боюсь, утомленного читателя,

привести, следуя за Зеньковичем и другими «сказителями», еще ряд «версий», подобных авторхановской. Так, вполне серьезно утверждают, что когда Сталин упал без сознания, Берия якобы в восторге закричал: «Тиран умер, мы – свободны». Но тут Сталин открыл глаза, и Берия на коленях начал просить у него прощения.

Ну, просто Шекспир в переложении Михаила Жванецкого, да и только!

ЧТО ВО ВСЕМ этом бреде интересно, так это – то ли реальные, то ли мифические планы депортации евреев как причина устранения Сталина, во-первых.

Во-вторых – признание факта не естественной смерти Сталина, а факта того или иного устранения его.

В-третьих, то, что даже в бредовых версиях Берия неким образом отделен от остальных как человек, прямо к заговору против Сталина не причастный.

Я не знаю – имелись ли планы депортации, но дело врачей дало бы «круги по воде» вне сомнений. И вмененное в обязанность «Тройке» во главе с Берией руководство «работой специальных органов по особым делам» очень может быть и означало как раз руководство широкими мероприятиями против сионистской «пятой колонны» в СССР. Хотя, естественно, этим бы «особые дела» не ограничились…

В свете же «сказок» Авторханова – Зеньковича и К° (а сказка – ложь, да в ней намек) моя версия смерти Сталина, во многом совпадающая с версией, например, Юрия Мухина, выглядит все достовернее. Между прочим, и Эренбург, и Авторханов, и Зенькович поленились заглянуть в старые календари и «назначили» заседание Президиума ЦК на ***воскресенье***, ибо 1 марта 1953 года было именно воскресеньем. Зато информация Ю. Мухина о том, что на ***понедельник*** 2 марта было назначено острое заседание Президиума ЦК, косвенно подтверждает его правоту и в целом.

К слову, даже 1 марта Президиум ЦК не мог бы идти так, как он описан у Авторханова – Зеньковича, просто потому, что большая и младшая часть ***тогдашнего*** многочисленного Президиума ничего подобного описанному не позволила бы в любом случае! Недаром же сразу после смерти Сталина, 6 марта 1953 года, Президиум мгновенно «усох» до размеров Бюро, количественно с 36 человек до 10 человек. Из Президиума были выведены, как детишки из-за стола, практически все его молодые члены, избранные на октябрьском 1952 года Пленуме ЦК. И это, конечно, было сделано не по инициативе Берии.

Зато в новый Президиум вошли Молотов и Микоян

(фактически это был прецедент установления партийной геронтократии).

НО, БОЛЕЕ того! Как я уже говорил, Зенькович, перебрав «версии», на странице 193 прямо бухнул, что загадка смерти Сталина не в том, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло.

Зенькович сообщает, что 19 июля 1964 года на митинге в честь венгерской партийно-правительственной делегации Хрущев прямо признался в насильственной смерти Сталина и заявил, что в истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором…

Вот так!

Однако Зенькович мажет кровью Сталина сразу все Политбюро, включая Берию, утверждая, что поставленные перед альтернативой: кому умереть, «тирану» или «старой гвардии», «соратники» выбрали смерть Сталина. И если вспомнить название упомянутой выше книги Зеньковича, можно сказать, что такой его «коллективный компромат» следует отнести к разряду лжесвидетельств и фальсификаций.

Нет, не на всех соратниках Сталина его кровь, а лишь на Хрущеве. Но вот грязь, вскоре облепившая Сталина, – на руках у всех из них, кроме Лаврентия Берии. Елена Прудникова назвала его «последним рыцарем Сталина», и я могу лишь поздравить ее с таким точным определением.

Как конкретно был умерщвлен Иосиф Виссарионович, меня сейчас интересует мало. И даже не так уж важно то, кто санкционировал его смерть.

Важно – по каким причинам был погублен так тщательно, казалось бы, охраняемый Сталин?

Думаю, что частично на эти вопросы мы уже имеем ответы, но тут есть еще о чем сказать… Я обещал читателю сообщить, кто в МГБ при министре Игнатьеве руководил в 1953 году Управлением охраны (охрана руководителей партии и правительства)… Так вот, им руководил сам… Семен Игнатьев.

Еще в 1952 году Главное управление охраны возглавлял генерал-лейтенант Николай Власик, его в 1946 году и основавший. Однако 23 мая 1952 года ГУО было преобразовано в просто Управление охраны (УО), Власик был снят и переведен заместителем начальника исправительно-трудового лагеря в г. Асбест Свердловской области (интересно, что туда же управляющим трестом «Союзасбест» был сослан после июньского Пленума ЦК 1957 года Каганович).

А вместо Власика руководить охраной Сталина стал непосредственно Игнатьев. В свете дальнейшего я уверен, что Власика перед Сталиным просто «подставили» (грехи у генерала были, но для приведения его в норму хватило бы встряски, а Сталину он верен был).

16 декабря 1952 года Власика арестовали и после странно долгого следствия в 1955 году приговорили к 5 годам ссылки. Но уже в 1956 году судимость с него была снята. Я уверен, что Власика временно устранили силы, стоявшие за Игнатьевым, а потом он просто пошел на сговор с хрущевцами, еще и согласившись бросить тень на Берию.

Но история с Власиком более-менее на слуху. А вот имя генерал-майора Сергея Федоровича Кузьмичева (1908–1989) практически неизвестно. А зря… В 1946 году при образовании ГУО 1-е управление ГУО (охрана Сталина) возглавил именно Кузьмичев. В 1948–1949 годах он был уполномоченным Совмина СССР по курортам Сочи – Мацеста (места отдыха Сталина). В 1949–1950 годах Кузьмичев опять непосредственно в ГУО на той же должности, но в 1950 году его переводят зам. начальника УМГБ Брянской области. В 1952 году еще более понижают в должности до зам. начальника Дубравного лагеря ***МВД*** СССР, вообще выведя из системы МГБ.

Примерно в это же время из МГБ выводят и Власика. А в январе 1953 года Кузьмичева – как и Власика – арестовывают, окончательно выводя из стремительно развивающейся вокруг Сталина ситуации.

Показательно, что ***в марте 1953 года***, придя в МВД – МГБ, ***Берия немедленно освободил Кузьмичева и назначил его начальником Главного управления охраны МВД СССР***, поручив ему охрану правительства (потом Берии и это поставят в вину на «антибериевском пленуме). Показательно и то, что на следующий же день после ареста Берии был арестован и Кузьмичев. Освободили его в феврале 1954 года, и с тех пор этот полный сил, доживший до 81 года человек из активной жизни выпадает. Похоже, так заплатила ему партия партократов за молчание. И осуждать мне его трудно. Уж он-то знал, что после падения Берии и вследствие падения Берии падение СССР – вопрос лишь времени.

Рассказав об этом, я замечу еще раз: **просто удивительно, как много «исследователей» «упускает» из виду тот очевидный факт, что с января 1946 года до самой смерти Сталина охраной Сталина и его обслуживанием ведал не Берия, а другие!**

Причем с августа 1951 года ею ведал Игнатьев –

представитель и ставленник партии партократов и лично Хрущева.

Это ведь штамп: Берия-де через своих людей отравил Сталина и т. д. Но Сталина-то окружали люди Игнатьева! И это Игнатьев вначале отсек от охраны Сталина Кузьмичева, а затем – и Власика.

И Игнатьев же в последние месяцы жизни Сталина изолировал их – тех двух людей, которые лучше всех были знакомы с организацией охраны Сталина и с людьми, его охранявшими. В противном случае Власик и Кузьмичев могли или сами обратить внимание на странные моменты и ненадежных людей в охране, или дать кому-то другому квалифицированную экспертную оценку происходящего. Этим они мешали, находясь на свободе, как Игнатьеву, так и его «заказчикам».

Павел Судоплатов вспоминал, что в конце февраля 1953 года, за несколько дней до смерти Сталина, он заметил в поведении Игнатьева «нарастающую неуверенность».

Ценное свидетельство!

Судоплатов же сообщает, что после смерти Сталина Берия добивался ареста Игнатьева, однако поддержки в Президиуме ЦК не получил. Судоплатов связывает инициативу Берии с участием МГБ в деле с врачами, но явно промахивается. Вести это дело, находившееся на контроле у Сталина, Игнатьев был вынужден так или иначе.

Арестовать же его Берия хотел явно в связи с желанием расследовать смерть Сталина. И сразу наткнулся на такое сопротивление, что даже Берии пришлось отступить.

СМЕРТЬ Сталина не ввергла его соратников в глубокую скорбь. Однако нужна она была из высшего руководства только Хрущеву. Никита Хрущев не мог быть предан Сталину по нескольким причинам.

Бывший троцкист (а троцкизм подобен сифилису – можно лишь залечить, но не вылечить), он не был близок партии Сталина политически.

Отец сомнительно пропавшего на фронте сына, он не мог простить Сталину (самому потерявшему на войне достойного сына) отказ поучаствовать в судьбе любимого чада. О ненависти Хрущева к Сталину в связи с этим отказом рассказывал Ф. Чуеву Молотов, о ней же много написал бывший заместитель начальника 9-го управления КГБ генерал-майор М.С. Докучаев в своей книге «Москва. Кремль. Охрана».

Но главное было в том, что Хрущев понимал: если Сталин все же сделает Берию Предсовмина, то Берия уже при жизни Сталина быстро дезавуирует болтающих языком партократов типа

Хрущева и заменит их работающими социалистическими технократами типа самого Берии и его соратников. И тогда уже при жизни Сталина участь Никиты Хрущева будет незавидна.

Поэтому надо было убрать вначале Сталина – физически. Потом надо было разделаться с Берией – вначале политически, а потом – и физически. И эти чисто шкурные интересы Хрущева очень хорошо накладывались на ту политику Запада и Золотой Элиты Мира по отношению к СССР, которая начала формироваться после окончания Второй мировой войны и которая привела СССР к краху.

Так что не будет очень уж авантюрным предположить, что Хрущева и хрущевцев подвела к убийству Сталина не просто запаниковавшая «пятая колонна», но и прямые агенты влияния, сумевшие настроить Хрущева (и возможно, не только его) должным образом и использовать его «втемную».

В 1937 ГОДУ в беседе с Лионом Фейхтвангером Сталин сказал: «Вы, евреи, создали бессмертную легенду, легенду об Иуде». Сталин тогда имел в виду Карла Радека, о дружеском отношении к которому говорил Фейхтвангеру. Радек письменно уверял Сталина в своей невиновности, но, увы, лгал.

«Как странно мне было слышать от этого обычно такого спокойного, логически мыслящего человека эти простые патетические слова», – признавался Фейхтвангер.

Но сейчас, в начавшемся новом веке, такому, невольно вырвавшемуся, признанию Сталина можно не удивляться… Сегодня становится ясно, что со второй половины 30-х годов тема Иуды в той или иной мере сопровождала всю его жизнь до смерти.

И за гробом – тоже.

И раз за разом Сталина будут предавать свои (впрочем, предают всегда только свои). И предавать они будут не только Сталина, но и державу. Потому что предавать Сталина или его память и будет означать предавать Россию.

И означает по сей день!

А не предать его партократии всех времен и всех народов было нельзя. Ведь лишь на фоне очерненного ею Сталина не были видны чернота их дел, а также – и их непроходимая серость, почти неотличимая от черноты.

Глава 25
Сто двенадцать дней…

Сталин умер…

И надо было жить без него.

Как?

В определенной мере на это ответило совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР 6 марта 1953 года. Сам факт такого объединенного заседания был экстраординарным, но и повод был таким же. Заседание прошло на следующий день после дня официальной кончины Сталина и санкционировало «ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства»…

15 марта открылась 4-я сессия Верховного Совета СССР, которая одобрила решения, принятые 6 марта, и придала им силу закона.

Ворошилов заменил на посту Председателя Президиума Верховного Совета Шверника, «рекомендованного» Председателем ВЦСПС.

Председателем Совета Министров стал Маленков, его первыми заместителями: Берия, Молотов, Булганин и Каганович.

Ряд нынешних «историков» той эпохи, описывая первые траурные дни, усматривает хитрый ход Берии в том, что он, мол, первый предложил избрать Председателем Совмина Маленкова, а тот, в благодарность, назвал фамилию Берии первой, предлагая кандидатуры своих первых заместителей. И этим-де обеспечивал Берии первенство среди равных.

Но все такие объяснения – от лукавого, хотя для того, чтобы это в полной мере понять, мне пришлось просидеть вечер над подшивкой «Правды» за 1953 год. И из газет видно, что 4-ю сессию открыл председатель Моссовета Яснов, а затем первым выступил Хрущев, предлагая избрать Ворошилова Председателем Президиума ВС СССР. И это было чисто «техническое» выступление. Следующее за ним выступление Берии, предложившего назначить Председателем Совмина Маленкова, было таким же.

Думаю, и за неделю до сессии – 6 марта – предложение Берии о Маленкове, высказанное в кругу высшего руководства, было тоже вполне «техническим», без оттенка интриги.

Да, собственно, кто другой мог реально возглавить тогда Совет Министров, кроме Маленкова или Берии? И кого другого

мог предложить Маленков в «рабочие лошади» Совмина вместо Берии, который и при Сталине был в высшем руководстве основной таковой «лошадью»? Другое дело, что Маленков мог бы сразу вместо себя предложить Берию, но это было бы для него чересчур. Интриги не интриги, но амбиции теперь, после ухода Сталина, начали у Маленкова выпирать.

Да и не у него одного…

У Берии же амбиций не было – у него были идеи и инициативы. Но об этом – чуть позже. А сейчас я повторю, что во времена Сталина его ближайшее окружение не было приучено интриговать и бороться за власть, потому что власть тогда давала не столько «пироги да пышки», сколько «синяки да шишки». И даже поздний Сталин, вопреки утверждениям «политологов», никого из своих соратников лбами намеренно не сталкивал – якобы в целях сохранения своего положения. И не в натуре Сталина было подобное, и не в духе тогдашней власти. А кроме всего прочего, положение Сталина было тогда настолько прочно и незыблемо, что…

Короче, понятно что…

Читатель должен помнить московского историка Юрия Жукова, автора книги «Иной Сталин». В 2007 году вышла в свет другая его книга, продолжающая первую, – «Сталин: тайны власти». И так же как первая, она производит двойственное впечатление. Охватывая период с 1939 по 1954 год, Жуков сообщает массу интересных и новых сведений, опираясь чаще всего на закрытые ранее архивы. При этом он четко выдерживает старый свой тезис: все гнусное, разлагающее и разрушающее в СССР – результат деятельности загнивающей и зачастую своекорыстной партократии, с которой не смогли справиться ни Сталин, ни… Маленков после смерти Сталина.

В общем и целом спорить с этим тезисом у меня нет ни малейшей необходимости – я сам убежден в том уже давно. Но Ю.Жуков с не меньшей последовательностью все объясняет интригами и клановостью, а вот с этим согласиться нельзя никак, если иметь в виду большую часть ближайшего сталинского окружения, и прежде всего – Берию!

К тому же удивляют и многие частности… Увы, в книге Жукова сталкиваешься со странным смешением принципа подхода к источникам. То доктор наук Жуков опирается на «железные» архивные данные, то пользуется чуть ли не слухами. Особенно странно выглядит у Ю.Жукова подход к описанию последних предвоенных и первых военных дней 1941 года. Чуть ли не все исходные импульсы по мобилизации высшего руководства на организацию войны, включая идею

Государственного Комитета Обороны, Жуков приписывает Молотову, который якобы привлек к действиям также Маленкова и Берию. Причем последний уже 30 июня 1941 года при живом наркоме ГБ Меркулове руководит у Жукова «госбезопасностью».

Союзники понадобились якобы Молотову постольку, поскольку, как утверждает Ю.Жуков, «предстояло отстранить от власти (так и написано! – *С.К.)* либо весьма значительно ограничить в полномочиях не только Вознесенского, Жданова, но и Сталина». Причем Молотов якобы «как никто другой искушенный в кремлевских закулисных интригах, отлично понимал всю опасность подобного предприятия, знал, что в одиночку ничего сделать не может»… Потому-де и обратился к Берии и Маленкову.

Молотов, Маленков и Берия выглядят у Жукова неким триумвиратом, сыгравшим в первые дни войны по отношению к якобы растерявшемуся Сталину роль старшин казацкого «коша», которые говорят избранному кошевому атаману: «Бери же, сучий сын, власть, пока ее тебе дают!» Жуков утверждает, что то, что в узком-де руководстве «нашлись отчаянные люди», «наверняка приободрило Сталина, вывело его наконец из прострации (даже так! – *С.К.)*…».

Я надеюсь, что достаточно познакомил читателя с графиком первой военной недели Сталина и с некоторой общей хронологией тех дней, чтобы, мягко говоря, неправота Жукова была видна вполне отчетливо. Напомню, что в первые шесть дней войны только то рабочее время Сталина, о котором «выборочно» сообщил генерал Горьков, составило суммарно 55 часов, за которые было принято несколько десятков человек… Хороша «прострация»! Да, чуть позже момент примерно суточной депрессии у Сталина, скорее всего, имел место. Но это при той его нагрузке – чисто физической, не говоря уже о психологической, и неудивительно.

Я потому так подробно остановился на описании Ю. Жуковым начала войны, что хочу еще раз заметить следующее: подобный неправомерный подход приводит Ю. Жукова к объяснению и процессов в период незадолго перед смертью Сталина и вскоре после его смерти не чем иным, как исключительно «интригами» разных «группировок». Многоходовыми интригами и жаждой власти, а не принципиальными соображениями объясняет Ю. Жуков и поведение Лаврентия Павловича.

Однако, имея в виду не только Ю. Жукова, я возражу, что, хотя интриги в среду высшего руководства с уходом Сталина и пришли, их характер злостно искажается, а масштабы

раздуваются. Конечно, в целом на переменах в персональном составе руководящей группы и перераспределении обязанностей, произошедших 6 марта 1953 года, сказались как объективные потребности ситуации, так и личные симпатии или антипатии. И, переплетаясь, объективные и субъективные факторы программировали, увы – да, появление в будущем в высшем руководстве неких деляческих «блоков».

Так, было вполне логичным, что МВД и МТБ были вновь объединены в одно Министерство внутренних дел под рукой Берии. Но вот Молотов вновь стал министром иностранных дел вместо Вышинского, заменившего Молотова в марте 1949 года. Такой «ренессанс» Молотова был более-менее оправдан, однако то, что Вышинский был теперь перемещен на пост первого заместителя министра с назначением к черту на кулички – постоянным представителем СССР в ООН – было уже проявлением личных антипатий. К слову, Молотов как раз, не имея натуры прожженного интригана, в интриги мог быть, по ряду причин, втянут одним из первых.

Булганин сменил на посту Военного министра маршала Василевского, перемещенного в первые замы, а вторым заместителем был назначен возвращенный с Урала маршал Жуков.

Министерства внешней торговли и торговли объединили, и министром вновь стал фактически отставленный к тому времени от дел Микоян. Для него смерть Сталина тоже оказалась политическим возрождением, которое я назвал бы, увы, возрождением теперь уже политиканским.

Знаток экономики Сабуров был переведен из председателей Госплана в министры образованного из нескольких министерств суперминистерства машиностроения, а его место занял Григорий Косяченко, ничем ни до, ни после себя особо не зарекомендовавший. Известный нам уполномоченный ЦК по Госплану Андреев в 1950 году в официальной докладной в ЦК писал о Косяченко так: ***«Тов. Косяченко… в политическом отношении… человек неострый, активности в устранении недостатков в работе Госплана не проявляет, как организатор совершенно никудышный… Авторитетом среди членов Госплана и работников аппарата т. Косяченко не пользуется, не проходит ни одного партийного собрания без серьезной критики*** (это во времена-то «махрового – по уверениям «демократов» – тоталитаризма»! – *С.К.)* ***в его адрес…»***

Что же касается партийного руководства, то Бюро Президиума ЦК упразднялось, но… упразднялся фактически и сам Президиум. Он, как я уже говорил, «усох» до размеров

ликвидированного Бюро ЦК и даже меньших! Теперь Президиум составляли его члены Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров, Первухин и кандидаты в члены Шверник, Пономаренко, Мельников, Багиров.

Секретариат ЦК тоже резко «усох» и посерел: 1) Игнатьев (бывший МГБ, «мавр», уже 28 апреля 1953 года из состава ЦК выведенный); 2) «теоретик» Поспелов и 3) Шаталин (этот нам еще попадется).

О Хрущеве в совместном постановлении было сказано следующее:

«Признать необходимым, чтобы тов. Хрущев Н.С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС и в связи с этим освободить его от обязанностей первого секретаря Московского Комитета КПСС».

То есть и Хрущев становился секретарем ЦК. Пока – «просто» секретарем. Как же сложился данный «расклад»?

Для оценки ситуации я воспользуюсь, пожалуй, цитатой из очерка Константина Симонова, помещенного в политиздатовском «антибериевском» сборнике 1991 года. При всей пасквильности этого очерка кое-что у Симонова, в то время члена ЦК КПСС, почерпнуть можно:

«Почему же Берия был заинтересован, чтобы Маленков стал наследником Сталина именно на посту Председателя Совета Министров, а пост Сталина в Секретариате ЦК занял бы человек, с точки зрения Берии, второстепенного масштаба – Хрущев, в личности и характере которого Берия так и не разобрался до самого дня своего падения? А очень просто. Идея Берии сводилась к тому, чтобы главную роль в руководстве страной играл Председатель Совета Министров и его заместители…»

Здесь ценны два свидетельства: 1) Берия действительно мыслил в духе идей Сталина об изменяющейся роли партии; 2) человеком с двойной душой был не Берия, а Хрущев…

И еще одного не понял Симонов: он, желая Берию очернить, привел здесь аргумент в его пользу! Ведь побудительными причинами активности Лаврентия Павловича Симонов назвал не шкурные, а государственные соображения!

Симонов, однако, верно определил, что «нерв» ситуации задали не линии «Маленков – Хрущев» или «Маленков – Берия», а линия «Хрущев – Берия». Вокруг отношений двух последних фигур наворочено так много лжи (отправные тезисы которой были заданы самим Хрущевым прямо на Пленуме ЦК после ареста Берии), что подробно разъяснять ее у меня сейчас возможности нет. Однако кое-что – для иллюстрации – сообщить читателю надо. Скажем, общим местом считается, что именно

Берия стал инициатором пересмотра «дела Михоэлса» или «дела врачей». В сборнике Фонда «Демократия» «Лаврентий Берия. 1953» документы поданы так, что Берия действительно выглядит как освободитель врачей от несправедливых обвинений. 1 (первым) апреля 1953 года датирована им подписанная (но вряд ли им написанная) записка в Президиум ЦК ***«о*** реабилитации лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях». Но вот что пишет в своей книге «Москва. Кремль. Охрана» генерал Докучаев, человек осведомленный:

«После смерти Сталина, **освободив** из-под следствия **врачей** и объявив амнистию в основном уголовникам, **Хрущев** (выделение везде мое. – *С.К.)* предстал перед всеми героем, которого с благодарностью вспоминают, возносят и поднимают на щит как великого демократа…»

Докучаев отнюдь не сторонник Берии. Более того, он не брезгует очевидной ложью по его адресу, утверждая, например, что «в конце сороковых годов волна бериевщины вылилась в так называемое «Ленинградское дело»…», что «Берия ненавидел Сталина, желал быстрее избавиться от него…» и т. д. Но тем ценнее сведения этого высокого чина брежневско-горбачевского КГБ!

А вот сам Хрущев на «антибериевском» пленуме:

«Если взять поздние вопросы – врачей, это – позорное дело для нас, это же липа… Я считаю позорное дело с врачами… Мы, члены Президиума, между собой несколько раз говорили, ***я говорил*** (выделение и здесь мое. – *С.К.)* Лаврентию…»

Это была не «липа», хотя далеко не всем в высшем руководстве вредители в белых халатах вредили. Щербаков, Жданов, Берия, Сталин были «пятой колонне» поперек горла, а с Хрущева или там Микояна кремлевские врачи были готовы пылинки сдувать. Поэтому отношение Хрущева к ситуации просматривалось отчетливо – «реабилитацию» врачей Хрущев рассматривал как ***свою*** заслугу, иначе он просто умолчал бы об этой истории – «патронов» в «антибериевской» обойме обвинений у Хрущева и без нее хватало.

Итак, инициатива в деле врачей исходила, скорее всего, от хрущевцев. И относительно этого есть интересные детали… После ареста Берии в МВД пришел – как первый заместитель министра, оставаясь секретарем ЦК, некто Шаталин. Именно ему поручалось произвести изъятие бумаг Лаврентия Павловича, которые были сразу же по решению бывших соратников Сталина уничтожены.

Шаталин на «антибериевском» пленуме говорил о Берии много гнусностей (кое-что я в свое время приведу), но о деле врачей сказал так:

«…взять дело о врачах. Это я думаю, даже общее мнение, что произошло правильное в конечном итоге решение, но зачем понадобилось коммюнике Министерства внутренних дел, зачем понадобилось склонение этого дела в печати и т. д…Зачем это нужно было публиковать? Это сделано было для того, чтобы себя поднять – вот он какой претендент…»

То есть, по словам Шаталина, выходило, что не очень-то Берия к реабилитации врачей и причастен, больше, мол, примазался… Да еще и рекламу МВД и себе в печати создал….

Последнее было прямым поклепом! Шаталин, как и ***все участники пленума***, не мог не знать, что «коммюнике Министерства внутренних дел» и «склонение этого дела в печати» понадобились потому, что 3 апреля 1953 года было принято постановление Президиума ЦК «О фальсификации так называемого дела о врачах-вредителях», пункты 2-й и 7-й которого гласили:

«2. Утвердить прилагаемый текст сообщения для опубликования в центральной печати

<…>

7. Настоящее постановление… разослать всем членам ЦК КПСС…»

Всем членам ЦК КПСС!

И теперь секретарь ЦК КПСС Шаталин с трибуны пленума нагло лгал в глаза ***всем*** членам ЦК КПСС, и ***ни один*** член ЦК КПСС не выразил по этому поводу ни малейшего удивления (о возмущении уж и не говорю).

Но, может, инициировал коммюнике Берия – для саморекламы. Да нет – текст коммюнике был вполне сухим, и в печати это дело, в-общем-то, не «склонялось». В любом ведь случае шумиха была ни к чему.

МНОГО неясного имеется и в истории с навязшей в зубах амнистией 1953 года. Генерал Докучаев относит ее к инициативе Хрущева, но как часто утверждается, что это якобы «благодаря Берии» хлынула на страну неуправляемая мутная волна бандитов и т. д.

А ведь Берия 26 марта 1953 года предложил амнистировать около 1 000 000 человек из числа вполне конкретных категорий заключенных. А именно: осужденных на срок до 5 лет; осужденных независимо от срока наказания, за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления; женщин, имеющих детей до 10 лет и беременных женщин; несовершеннолетних в возрасте до 18 лет; пожилых мужчин и женщин и больных, страдающих тяжелыми неизлечимыми

недугами.

При этом в «расклад» имеемого в виду ***Берией*** миллиона входили:

– осужденные за должностные и т. п. преступления (председатели колхозов, бригадиры, руководители предприятий и др.) – 30 000 человек;

– женщины – беременные и с детьми, до 400 000 человек;

– пожилые, неизлечимо больные и несовершеннолетние соответственно 238 000; 198 000 и 31 181 человек.

В сумме это дает почти 900 000 человек, вряд ли способных сразу по освобождении на некие разнузданности. Причем все они попали в систему ГУЛАГа не при наркоме Берии, а при министре Круглове. А «ЛП» предлагал как в принципе смягчить уголовное законодательство в части хозяйственных и других менее опасных преступлений, так и проявить милосердие по отношению к той части конкретных заключенных, которая не представляла опасности в силу самого характера преступлений, не связанных с насилием над людьми.

Мог ли такой контингент освобожденных породить некую мощную «волну насилия»? Лично я в этом сомневаюсь, хотя некие эксцессы могли быть, и вот почему… Берия представил записку МВД в Президиум ЦК КПСС как ***рабочий*** документ, где не требовалась юридическая шлифовка формулировок. А уже через день, 27 марта 1953 года, – без консультаций с Генеральной прокуратурой, с Министерством юстиции и прочего Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов и секретарь Президиума Пегов подписали Указ об амнистии. Их поспешность (явно подтолкнутая Хрущевым) и привела к ряду издержек – не таких уж, как я догадываюсь, значительных. Так или иначе, Берия в них не виноват, и тема амнистии 1953 года еще ждет, как говорится, своего исследователя.

Как и тема некоторых реабилитаций 1953 года… Да, через Берию, как через министра внутренних дел, проходили все реабилитационные инициативы, и в той обстановке возразить против любой из них для Лаврентия Павловича было чревато крупными неприятностями.

Особенно это верно в отношении «дела врачей». Я не исключаю, между прочим, что те, кто готовил в течение февраля устранение Сталина, могли загодя приготовить и нужные якобы «документы» именно «по врачам». Причем документы, якобы «разоблачающие» «фальсификаторов» «дела врачей» «во главе со Сталиным». И Берия вынужден был ими оперировать.

Что ему еще в той ситуации оставалось? Надо было осмотреться, понять – что к чему…

«Уступи в малом», – учат мудрые. Так почему Берии было не уступить в деле о врачах? Их можно было освободить, а через какое-то время заменить в Лечсанупре другими. Тем более что лично Берия теперь вновь мог пользоваться услугами медиков МВД, а это было гарантией от любых «забот» Лечсанупра Кремля.

Поскорее отделаться от «дела врачей» было тем более соблазнительным, что у Берии имелось множество действительно ***его*** инициатив во всех сферах жизни. И теперь, казалось, высшему руководству страны никуда было не уйти от активности и идей самого деятельного члена этого руководства. Он ведь уже давно все ухватывал лучше других, причем даже лучше и глубже Сталина – если речь не шла о вопросах теории общественных процессов.

Берия имел свои, причем – оптимальные для общества, взгляды на хозяйственные приоритеты.

Он быстрее других коллег ориентировался в тех конкретных вопросах, к решению которых имел отношение, причем все решал без лишних словопрений, высмеянных и Лениным, и Маяковским. На «антибериевском» пленуме его бывший заместитель по Спецкомитету Завенягин в осуждение Берии сообщал: «И когда мы занимались каким-либо вопросом, он говорил: бросьте вы, к черту, заниматься этим делом, вы организаторы».

Завенягин далее вопрошал: «Как работу можно организовать, не разобравшись в сути дела?» – не понимая, что Берия-то в сути дела разбирался, но именно ***как организатор.*** Иначе Завенягин, докладывая Берии о ходе тех или иных работ, не заканчивал бы каждый раз: «Прошу Ваших указаний…»

Если Завенягин так перестраховывался, он был перестраховщиком, а это – позиция не самая достойная. Если же Завенягину действительно требовались указания, то имел ли он моральное право хулить организаторский стиль Берии?

Берия лучше любого другого руководителя государства из состава Президиума ЦК КПСС знал и народнохозяйственные проблемы. Тут с ним на равных могли выступать разве что Каганович, Сабуров и Первухин, но первый уже весьма немолод, а два последних имели более низкий государственный статус, чем Берия, и не имели его влияния.

Он хорошо знал и перспективные направления научно-технического прогресса.

Имел точный взгляд на рациональную внешнюю политику. А при этом верно понимал и насущные проблемы политики внутренней.

К тому же, с детства приученный к экономии, он от всех, с кем работал, всегда и во всем требовал экономии – не копеечной,

а продуманной. И это тоже выделяло его из всех остальных членов Президиума ЦК.

Но, выполняя огромный объем работы, он, по сравнению с другими, был меньше на общественном виду. Такие уж у него были занятия. Кто, скажем, в стране знал, что атомное оружие – это Берия?

Каганович проводил до войны публичные слеты передовиков различных отраслей, а Берия всегда имел дело лишь с высшим руководством этих отраслей.

«Ворошиловскими стрелками» в довоенной юности были миллионы, а вот бериевскими снайперами на войне становились десятки тысяч. И Лаврентия Павловича в стране знали меньше, чем Кагановича, Молотова, Микояна, Ворошилова, Хрущева… Но зато он лучше «старой гвардии» знал саму страну, ее возможности.

Думаю, он давно хотел, – пожалуй, немного наивно, – чтобы товарищ Сталин оценил его, наконец, в полной мере и сделал его своим преемником. Берия ведь подходил для этого больше, чем кто-либо другой.

Конечно, с годами у него не могла не выработаться манера поведения, которая на первый взгляд выглядела излишне самоуверенной. Но как он успевал бы сделать так много в разных сферах, если бы, что называется, «разводил турусы на колесах»? Он мог сказать в сердцах, по телефону, то есть, фактически, с глазу на глаз, зампреду Совмина Грузии и одновременно министру пищевой промышленности ГССР Бакрадзе: «Консервщик ты, а не политик», или пасовавшему перед партбоссами генералу МВД: «Ты чиновник в погонах», но это как раз говорило о редком умении дать точную и сочную оценку, когда сказал – как припечатал.

Он всегда был скор и на слово, и на дело. Причем и слово было к месту, и дело было «по делу». И вот теперь он мог рассчитывать на быстрое продвижение своих идей, потому что лишь у него – из всего состава Президиума ЦК – они ***были.***

Свои!!!

Но почти сразу он натолкнулся на то же противодействие партократии, преодолеть которое так хотел, однако не смог даже Сталин.

ВНУК Шепилова, журналист и востоковед Дмитрий Косырев, сообщает вещи, занятные и по стилю, и по смыслу. Оказывается, Шепилов считал, что «за трон (редкостно неверное выражение! – *С.К.)* Сталина схватились два самых кровавых сталинских палача – Берия и Хрущев. Победил тот, кто успел выстрелить первым».

Что ж, одна эта фраза неплохо характеризует и внука, и деда.

Внук далее восклицает: «Хрущев – сталинский палач! Да возможно ли это?» Относительно Берии у внука сомнений нет: «палач». Аттестация же как палача Хрущева внука смущает. А зря! Как раз Никита Хрущев и был кровавым палачом если не в прямом смысле слова, то уж в политическом смысле – вполне! Это подтверждается его провокационной, палаческой политикой и в бытность первым секретарем Московского горкома, и первым секретарем ЦК КП(б) Украины.

А Берия?

К центральным репрессиям 1937–1938 годов он причастен не был – как фигура уровня Хрущева. Придя в конце 1938 года в НКВД, снизил объем репрессивной политики до исторически необходимого (не катынской же фальшивкой ему пенять или депортациями!). А с 10 января 1946 года Берия вообще не имел отношения к репрессивным спецслужбам как фигура, влияющая на их политику. Да, собственно, уже с 1943 года его возможности и функции в этом отношении минимизировались после выделения из Наркомата внутренних дел СССР в отдельные ведомства Наркомата государственной безопасности во главе с Меркуловым и контрразведки «Смерш» во главе с Абакумовым.

Берии приписывают, правда, курирование спецслужб после войны, но напоминаю: ***с марта 1946 года по февраль 1949 года органы юстиции, МВД и МГБ курировал прежде всего секретарь ЦК, член Оргбюро ЦК и одновременно начальник Управления кадров Центрального Комитета тов, А, А, Кузнецов! Тот самый, «ленинградский», «жертва сталинизма»,,***

17 сентября 1947 года полномочия Кузнецова были подтверждены и постановлением Политбюро «о наблюдении за работой Министерства Государственной Безопасности» (пункт 218 повестки дня). Причем решение принималось на основе записки Молотова.

И влияние Кузнецова было так велико, что он мог добиться смещения с поста министра Меркулова, давнего сподвижника Берии. А преступления Кузнецова (коль уж речь о ***преступлениях*** того периода) приписывают НКВД Берии, хотя Берия им в то время ***не был***\ Не пора ли господам «демократам» если не честь знать (если ее нет, то и знать нечего), то хотя бы меру?

А теперь насчет того, кто – пользуясь терминологией Шепилова – «успел выстрелить первым»…

Рассмотрим ситуацию. Допустим, у «трона» действительно ***схватились*** за власть Хрущев и Берия…

Один склонен к лени, груб, как организатор слаб. Располагать людей к себе не умеет и не желает. К тому же охрана

руководства страны находится как вне его компетенции, так и (после ухода Игнатьева с поста МВД после смерти Сталина) вне его влияния. Это, конечно, Хрущев.

Второй – сама энергия, прекрасный организатор, умеет подбирать и поощрять кадры и с марта 1953 года возглавляет ведомство, отвечающее за охрану руководства страны. Это, конечно, Берия.

Если оба рассчитывают «стрелять первым», то кто из них первым и выстрелит? Ответ, пожалуй, очевиден. Однако Берия не «выстрелил».

Не успел?

Чепуха! Если бы он рассчитывал «стрелять», то зачем ему было тянуть? Он ведь не всю «старую гвардию» должен был бы убрать, а только Хрущева. Он ведь ***с ним***, по уверениям Шепилова, ***схватился…***

И коль Берия так и не «выстрелил», то ясно, что он и не собирался ***захватывать*** высшую власть! Он в простоте душевной (да, да!!) предполагал, что реализуется один из двух вариантов.

Первый вариант…

Если Берия будет формально вторым или третьим, то в любом случае его признают лидером неформальным – в силу его очевидного интеллектуального и делового превосходства над остальными.

Второй вариант…

По той же вышеуказанной причине коллеги через какое-то время все равно передадут ему даже формальное лидерство. Он ведь сам считал, что этого достоин. И на сей счет есть показательное свидетельство. Уже после окончания «антибериевского» пленума поверженного Берию решил куснуть и Поскребышев, подав в ЦК текст своего несостоявшегося выступления (это Александру Николаевичу не помогло, и его вскоре отправили на пенсию).

Знакомство с этим документом убеждает, что Сталин держал Поскребышева не за ум, а за память. В результате, выливая на Берию и свой ушат грязи, Поскребышев сообщил немало такого, что при верном взгляде на сообщенное свидетельствовало в пользу Берии как государственного деятеля и человека! Вот один их таких пассажей бывшего секретаря Сталина:

«Берия добивался всяческими путями занять при жизни тов. Сталина место первого заместителя тов. Сталина по Совмину, считая, что только он один является действительным преемником тов. Сталина.

Когда же последовало решение утвердить тов. Булганина первым заместителем тов. Сталина по Совмину (в апреле 1950

года. – *С.К.),* то Берия был очень недоволен этим решением, характеризуя т. Булганина как слабо подготовленного и неспособного справиться с этой работой…»

Во-первых, коль уж о недовольстве Берии решением Сталина (!) в реальном масштабе времени знал Поскребышев, то о каком «лакействе» Лаврентия Павловича перед «вождем», о якобы страхе перед ним может идти речь? А сколько наврано и об этом! И разве Берия был не прав в оценке Булганина?

А во-вторых, разве Берия не имел права искренне обижаться на Сталина, так и не увидевшего очевидного решения? И не увидевшего, возможно, не потому, что Берия оговаривал кого-то, а потому, что ***кто-то*** оговаривал ***Берию*** перед Сталиным.

Берия явно не умел притворяться (прошу не путать с умением создавать в интересах дела представление о себе, отличное от истинного!). Зато Хрущев владел искусством притворства в совершенстве. А поскольку и Сталин притворяться не умел (прошу не путать с умением создавать в интересах дела представление о себе, отличное от истинного!), то обвести его вокруг пальца Хрущев мог.

Это с Черчиллем Сталин всегда держал ухо востро, а порох в пороховницах сухим. А «Мыкыта»-то был ***свой…*** Причем не только для Сталина, но и для Берии. Да, и Сталин, и Берия, как и всякие труженики, были в чем-то неистребимыми идеалистами и верили в товарищей по партии и руководству страной. Потому Берия и Хрущеву верил. Во всяком случае, несмотря на всю сомнительность обстоятельств смерти Сталина, вряд ли Берия мог заподозрить прямое предательство интересов дела со стороны кого-то из членов Президиума ЦК.

В 1998 году в № 5 журнала «Новая и новейшая история» профессор Наумов задался вопросом: «Был ли заговор Берии?». И даже «историк»-«демократ» не смог дать на этот вопрос утвердительный ответ в свете впервые «открытых» тогда документов. Зато он сообщает немало интересного об антибериевском заговоре Хрущева.

Прямо об этом же пишет такой «слуга всех господ», как Федор Бурлацкий – ближний референт Хрущева. Бурлацкий ссылается на воспоминания своего патрона, которому сразу после смерти Сталина «запало в сознание, что надо первым делом убрать Берию»… И тут я верю как самому Хрущеву, так и Бурлацкому.

А Берия…

Да если бы Берия, вернувшись в объединенное МВД, был циником и интриганом, то уже с первых дней действительно готовил бы переворот и, повторяю, провел бы его быстро и эффективно. И провел так, что внешне это не выглядело бы как

переворот. Просто Хрущев в одночасье, скажем, занемог бы… И вскоре был бы с почестями похоронен на Красной площади.

А Предсовмина Маленков скоропостижно скончался бы от нервного потрясения после смерти такого выдающегося вождя советского народа. Очередность «великих утрат» могла бы быть, впрочем, и обратной.

Почему не предположить такое развитие событий – если уж Берия был «признанным людоедом и интриганом», стремящимся к единоличной власти? А далее исполняющий обязанности Предсовмина Берия при помощи, скажем, членов Президиума ЦК Первухина, Сабурова и Микояна быстро созвал бы Пленум ЦК, предварительно известив всех изгнанных из Президиума ЦК образца 1952 года, что намерен вновь расширить Президиум до прежних пределов. И тот же 47-летний экс-член Президиума ЦК, секретарь ЦК Михайлов, который на июльском пленуме распространялся о «подлой, провокаторской деятельности врага партии и народа Берии», расхваливал бы товарища Берию за внимание к молодым перспективным кадрам. И дело было бы в шляпе, которую из всего тогдашнего руководства носил только Берия.

Ничего этого Берия не сделал, однако партократ Шепилов и после того, как был отставлен Хрущевым, гнул свое: «Крупная заслуга Хрущева в том, что по его инициативе был обезврежен Берия – страшный человек, руки которого в грязи и крови».

И понятно почему – Шепилов был личностью обаятельной, но политически бесчестной. Берия же никого обаять не стремился, но честь имел. И поэтому они с Шепиловым были антиподами, а вот с Хрущевым Шепилов был «одной крови». Профессор Наумов писал, что после ареста Берии «чиновники больше не боялись ареста, который при Сталине был возможен для каждого из них в любую минуту. Партийно-советская номенклатура стала чувствовать себя свободнее и действовать более раскованно»…

Ответственность за истинность утверждения относительно угрозы ареста «в любую минуту» я возлагаю исключительно на В. Наумова, а вот насчет распустившей пояса номенклатуры я с ним полностью согласен, но с одним уточнением в отношении очень, увы, многих: «…более раскованно в удовлетворении своекорыстных интересов». Причем Наумов кое о чем проговорился, этого не заметив, а я внимание читателя на его промах обращу… Профессор Наумов сообщил, что стала чувствовать себя свободнее ***партийно-советская*** номенклатура, но ведь была же еще и номенклатура ***народнохозяйственная.*** И она-то после ареста Берии наоборот – была осмелевшими малокомпетентными «партократами» зажата.

Нужен пример?

Пожалуйста! Причем это свидетельство человека, к Берии не расположенного – известного ракетчика Б.Е. Чертока. В своем капитальном труде «Ракеты и люди» он сообщает, что министр Устинов, занявшись ракетными делами, к 1949 году понял-де всю «несуразность» структуры ведущего НИИ отрасли – НИИ-88, но на реорганизацию не отважился, поскольку над ним стоял «всесильный» аппарат Оборонного отдела ЦК В КП (б) во главе с Иваном Сербиным, имевшим прозвище «Иван Грозный».

Без санкции Сербина были невозможны никакие изменения, поощрения и т. п., причем Черток вспоминает, что не раз имел возможность лично убедиться: министры этого партократа «побаивались» и «никогда не рисковали» спорить с ним.

А вот в атомной и противовоздушной отраслях все было, по словам Чертока, принципиально иначе, и он даже с некой грустью сообщает, что там, где руководил Берия, все кадровые, например, решения, принимал Ванников, согласовывая их с Курчатовым и представляя на утверждение Берии. А «небольшой аппарат Спецкомитета № 1» готовил проекты постановлений о назначениях, которые Берия давал на подпись Сталину.

Черток, зная «атомную» жизнь извне, точен не во всем, и уже «кадровые» резолюции Берии, приводимые в моей книге, показывают, что эту важнейшую сторону дела Берия на полный откуп никому не отдавал. Но в целом Черток ситуацию обрисовал верно. И коль так, спрашивается: стали ли руководители не ***парткомов*** заводов, институтов, конструкторских бюро оборонных отраслей, а их директора, главные инженеры и главные конструкторы «чувствовать себя свободнее и действовать более раскованно» после того, как «палача» «ЛП» Берию сменил партократ Сербин?

Задавать такие вопросы «примкнувшему» сгоряча «к ним»

Шепилову было бы напрасным трудом. Шепилов умер в 1995 году, и если бы он был личностью, а не политическим ничтожеством, он бы зубами вырвал у жизни право публично проклясть и Горбачева, и Ельцина, и капитализацию! Зубами, угрожая публичным самосожжением на Красной площади! А он до конца «обличал» Берию, хотя все горбачевцы и ельциноиды не стоили (и не стоят!) одного стеклышка из его разбитого пенсне…

ЗАТО «ЛП» БЕРИЯ был не только крупнейшей государственной фигурой, но и доброкачественным человеком! И вот очередной тому пример. Умер Сталин. «Ближняя», кунцевская дача осталась без хозяина, а точнее – без главного жильца (дача-то была государственной!). И естественно, возник вопрос – как ею

распорядиться? В сборнике «И примкнувший к ним Шепилов» кандидат исторических наук Александр Шефов сообщает:

«После смерти Сталина Берия, минуя секретарей ЦК КПСС, вынес решение, по которому охрана дачи была разогнана (? – *С.К.),* а их функции были переданы вахтерам из МВД (вообще-то, с марта 53-го года сотрудники **всех** спецслужб стали сотрудниками объединенного МВД. – *С.К.)*. В мае дача была отдана Министерству здравоохранения СССР для размещения там детского санатория…»

Каков стиль у А. Шефова! «Минуя секретарей ЦК», «охрана разогнана…».

Да уж, в отличие от нынешних «свободных россиян» Лаврентий Берия за коллективную безответственность не прятался. И не стал тратить народные деньги и силы опытных оперативников на охрану воздуха. Это ведь когда на даче жил глава государства, она являлась объектом особой важности и там требовалась чекистская рота охраны. А теперь можно было обойтись и «вахтерами».

Причем Шефов умудрился как бы укорить Берию даже тем, что дачу хотели отдать детишкам, потому что дальше он сообщает:

«После ареста Берии вновь встал вопрос о даче «Ближняя», и ее решили передать в ведение Центрального музея В.И. Ленина на правах филиала, чтобы создать там музей И.В. Сталина».

Намек понятен – «обезвредивший» «изверга» Хрущев Сталина почтил, а вот «изверг» Берия памяти вождя не чтил. Значит, он его и укокошил. «Логика», достойная Элизы Дулитл, еще не образованной профессором Хиггинсом.

А ведь факт-то Шефова – в пользу Берии, уважаемый читатель! Не так ли? С одной стороны – что это за музей Сталина на дальней окраине столицы? С другой стороны, для детского санатория очень подходит. Да и память Сталина так была почтена бы наилучшим и самым человечным образом.

Сегодня кое-кто из либералов претендует на «объективный» подход к «феномену Берии». Скажем, Олег Хлевнюк, главный редактор журнала Горбачев-Фонда «Свободная мысль», в № 2 за 1995 год этого журнала опубликовал статью «Берия: пределы исторической «реабилитации». Я к ней еще вернусь, однако название говорит само за себя.

И такие вот хлевнюки и Наумовы склонны сейчас рассматривать Берию как «прагматика», якобы стремившегося к деполитизации и деидеологизации советского общества. Это, конечно, чепуха!

Берия был убежденным большевиком… Как часто, рассуждая

о природе большевистской партии, сегодня видят в ней партию исключительно разрушителей старого мира. Даже Елена Прудникова убеждена: «В нее собирались оппозиционеры-экстрема-лы, борцы с режимом, то есть, по психологическому типу, разрушители, созидателей там было крайне мало…»

Увы, это – не более чем заблуждение, умело сформированное в последние пятнадцать лет… А ведь партийный гимн «Интернационал» сообщал: «Весь мир насилья мы разроем до основанья, а затем…»

Это «затем» из виду и упускают, а дальше-то идет: «…мы наш, мы новый мир построим»! Так что уж, пардон, партия большевиков была партией строителей, почему ее идеи и привлекли строителя по натуре Берию сразу после падения самодержавия.

Перед Февралем 1917 года в партии большевиков было до 60–80 тысяч членов, и большинство из них не было ни профессиональными революционерами, ни «экстремалами», зато в этой партии было много сознательных и развитых рабочих. Собственно, весь интеллектуальный, так сказать, цвет рабочего класса России был к 1917 году болыпевизирован.

А относительно целей большевиков я сошлюсь на мнение уже однажды мной цитированного Лорена Р. Грэхэма, профессора Массачусетского технологического института. Он в 1987 году писал, что первоначальное обещание русской революции для тех, кто ее поддерживал, заключалось в ***рациональном руководстве обществом*** и что большевики рассматривали революцию 1917 года как решающий прорыв в сторону социальных преобразований, являющихся ключом к прогрессу. Как видим, тут речь исключительно о созидании, да еще и небывало масштабном. Ни один капиталистический концерн не мог бы дать Берии возможностей созидания того масштаба, какой он обрел на службе Советской России! Недаром он в разговоре с управляющим делами Совмина Помазневым гордо заметил о высотном здании Московского университета, что «это здание равно капиталам Дюпона и других американских миллиардеров».

И это прямо перекликается со строчкой Владимира Маяковского: «У советских – собственная гордость! На буржуев смотрим свысока…» Угу! С высоты МГУ имени Михайлы Ломоносова!

Нет, Берия был убежденным большевиком. Но, будучи человеком умным и деловым, он понимал, что:

1) общество идейно сильно не тогда, когда носит на демонстрациях портреты «вождей», а когда эти вожди «живьем» живут во имя тех идей, которые провозглашают, то есть не

раскатывают по горным курортам и не гоношат деньгу, а постоянно заняты проблемами развития общества;

2) крепость политической системы в режиме ее нормального, а не экстремального функционирования определяется уровнем оптимизации ее экономической основы и уровнем научно-технического и технологического развития производительной сферы как базы для роста благосостояния народа;

3) многонациональное государство едино тогда, когда политика центрального правительства реально выбивает у националистов почву для любых их пропагандистских усилий.

В этом смысле Берия действительно был прагматиком и в этом направлении начал действовать сразу после смерти Сталина. Его инициативы впечатляли как своим потенциалом, так и охватом всех, по сути, сторон жизни общества.

Он имел конкретные предложения в сфере: а) государственного управления; б) экономики; в) оборонной политики; г) внутренней общегосударственной и национальной политики; д) внешней политики.

В СФЕРЕ государственного управления он брал четкий курс на перенос центра управления экономической и хозяйственной деятельностью, включая масштабные оборонные проекты, из П,К в Совет Министров. Собственно, вся наиболее перспективная оборонная работа и так велась в рамках деятельности Спецкомитета при Совмине СССР, но остальное…

Разные взгляды на приоритеты власти проявились уже на похоронах Сталина. Тогда на Мавзолее выступали трое: Маленков, Берия и Молотов. Все три речи были достаточно схожи весьма бесцветной официозностью – особых страстей и ярких мест в них не было.

Однако Маленков раз за разом употреблял формулу «Коммунистическая партия и Советское правительство», Молотов также подчеркнуто пользовался формулой «Советское государство», партию практически не помянув, а Берия еще более настойчиво говорил о «Советском правительстве», не отказывая, впрочем, партии в праве быть «ведущей силой советского общества».

Ведущая – не руководящая и направляющая. И упор Берии на Советское правительство был достаточно красноречив. Причем это было как раз то, к чему вел и Сталин. Он ведь еще при жизни Жданова в ответ на замечание последнего о том, что давно не проводился съезд партии, сказал примерно следующее: «Что партия… Партия превратилась в собрание аллилуйщиков». И

тогда же Сталин признал, что война доказала: антисоветских элементов в советском обществе было меньше, чем «нам докладывали…». И тогда же Сталин предложил: «Надо покаяться» – перед народом, естественно.

Ответом ему было молчание, поддержали его только Жданов и Вознесенский (последнему это ничего не стоило, он репрессии не организовывал). Впрочем, если Сталина поддержал и Берия, то это в позднейшие воспоминания – даже изустные – попасть не могло.

Публично покаяться можно было лишь при живом Сталине – это прибавило бы уважения и авторитета в народе как ему, так и партии. Каяться же после его смерти означало бы косвенно подрывать этот авторитет. Хрущев так позднее и сделал, не покаявшись, конечно, а все свалив на «тирана» Сталина, но что с партократа можно взять, кроме двуличия и фальсификаций?

Берия предпочитал исправлять перекосы и ошибки делом. Однако политическая реформа организации жизни общества являлась непростой перспективной задачей. А вот в сфере экономики новые инициативы Берии проявились сразу же и вполне внятно. Он всегда мыслил масштабно, его управленческие решения то и дело «стоили» миллионы, десятки, сотни миллионов рублей. С другой же стороны, он всегда требовал расходовать не больше, чем нужно. И особенно ярко эта его черта проявилась уже через шесть дней после назначения первым заместителем Предсовмина.

21 марта 1953 года Берия направляет в Президиум Совмина СССР записку с предложениями о прекращении строительства или ликвидации 20 крупных объектов, строительство которых «в ближайшее время не вызывается неотложными нуждами народного хозяйства». Объяснялось все тем, что Сталин с начала 50-х годов поддался определенной гигантомании, и это сказалось в разработке ряда амбициозных проектов. Например, в сентябре 1950 года было принято постановление Совмина о строительстве Главного канала Аму-Дарья – Красноводск, об орошении и обводнении земель южных районов Прикаспийской равнины Западной Туркмении, низовьев Аму-Дарьи и западной части пустыни Кара-Кум.

Вначале стоимость Большого Туркменского канала оценивалась в несколько миллиардов рублей, но потом выяснилось, что реально необходимо будет затратить тридцать миллиардов. Имея в виду проекты типа Главного Туркменского канала, Берия писал:

«Прекращение или ликвидация некоторых объектов строительства целесообразна также вследствие того, что эти

стройки требуют значительного количества металла, строительных и других технических материалов, оборудования, а также рабочей силы… Считаю необходимым прекратить или полностью ликвидировать строительство… общей сметной стоимостью 49,2 млрд, рублей…»

Это – и самотечный канал Волга – Урал, и железнодорожный тоннель под Татарским проливом с материка на Сахалин, и железная дорога Чун – Салехард – Игарка, и Кировский химический завод…

Причем экономические предложения Берия увязывает с внутриполитическими. И какими! 17 марта он в записке в Совмин предлагает:

«…передать из МВД в ведение других министерств главные производственно-хозяйственные управления, строительные управления, промышленные предприятия со всеми входящими в их состав промышленными и строительными подразделениями, служебными помещениями, подсобными хозяйствами, научно-исследовательскими и проектными учреждениями, с материальными ресурсами…»

«Другие министерства» – это министерства металлургической промышленности, угольной промышленности, электростанций и электропромышленности, промышленности строительных материалов, нефтяной промышленности, химической промышленности, путей сообщения, морского и речного флота, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, сельского хозяйства и заготовок.

А среди передаваемых в отраслевые министерства организаций и предприятий: Главное управление золото-платиновой промышленности, Норильский комбинат цветных и редких металлов, Сталинградгидрострой, Куйбышевгидрострой, янтарный комбинат в Калининградской области… И прочая, и прочая, и прочая…

Похоже это на действия властолюбца и себялюбца, мечтающего (как в облыжном пасквиле Л. Млечина) загнать в ГУЛАГ всю страну?

Министры Тевосян, Засядько, Первухин, Юдин, Байбаков, Тихомиров, Бещев, Шашков, Орлов, Козлов получают в свои ведомства новые огромные ценности, кадры, ресурсы, но… Но и новую ответственность – тоже… В том числе и ответственность за выполнение тех плановых народнохозяйственных заданий 1953 года, за которые отвечало МВД.

И радовало это не всех.

Историк Юрий Жуков в книге «Сталин: тайны власти» в подобных реформах Берии видит, впрочем, некое хитрое

двойное дно – мол, Берия просто избавлялся от «ненужных ему забот и ответственности». Что ж… Кто-то видит в луже звезды, а кто-то – лишь мутную воду.

А министр внутренних дел ***Берия отказывается и от ГУЛАГа —*** его в свое ведение получает министр юстиции Горшенин. 28 марта 1953 года по предложению МВД принимается постановление Совета Министров СССР «О передаче из Министерства внутренних дел СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний». За МВД остаются лишь особые лагеря и тюрьмы, где содержались «особо опасные государственные преступники, осужденные к лишению свободы: шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты…».

Уважаемый читатель! Как много написано о «садисте» Берии, упивающемся всевластием в «рабской империи ГУЛАГа». В «материалах» «следствия» по «делу Берии» имеется якобы признание Сергея Гоглидзе о том, что Берия якобы «давал указания бить арестованных ***перед расстрелом***»! И что остается и от этой лжи после такого шага Берии?

А ведь Лаврентий Павлович инициировал и добился также принятия постановления Совмина «Об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей»! 13 мая он подает объемную записку в Президиум ЦК КПСС, где, кроме прочего, говорилось:

«т. Маленкову Г.М.

<…>

В настоящее время в Советском Союзе паспортные ограничения распространяются на 340 режимных городов, местностей, железнодорожных узлов, а также на пограничную зону вдоль всей границы страны шириной от 15 до 200 километров…

Таким образом, если взглянуть на карту СССР, то можно видеть, что вся страна пестрит режимными городами и различными запретными зонами, где запрещено проживать гражданам, имеющим судимость и отбывшим наказание.

При существующем положении граждане, отбывшие наказание в местах заключения или ссылки и искупившие тем самым свою вину перед обществом, продолжают испытывать лишения и обречены на мытарство…»

Если привести этот текст без сообщения авторства, то записной «демократ» скорее всего определит его как «самиздат» того времени, обличающий «опричника» Берию. А это – записка министра внутренних дел СССР т. Л.П.Берии в высший

партийный «ареопаг».

И 20 мая 1953 года на заседании Президиума ЦК КПСС было принято постановление, которым утверждался проект постановления Совмина СССР, разработанный Берией и снимающий паспортные ограничения.

И это – «монстр», «садист», «выродок», «вурдалак», «дьявол»?

Причем после того, как «еще теснее сплотившиеся вокруг Центрального Комитета КПСС» бывшие соратники Берии расправились с ним, 21 января 1954 года постановлением Совмина СССР весь ГУЛАГ из Минюста СССР был передан обратно в МВД СССР. Однако «руки в крови по локоть» наше все более сходящее с ума, добравшееся до «отметки» в триста тысяч ежегодных насильственных смертей общество по сей день числит за Лаврентием Павловичем.

Но Берия не только знал цену человеческой крови и поэтому всегда стремился обойтись минимумом ее тогда, когда обойтись без нее не получалось. Берия был экономен и в расходовании материальных ценностей державы. Он органически не терпел расточительности, и после того, как наиболее необходимые расходы по Атомному проекту, включая разработку термоядерного оружия, были произведены, он стал требовать от руководителей ядерного оружейного комплекса заняться экономией.

В период «бури и натиска» атомщикам давали средства и материалы в тех размерах, в каких они их запрашивали. Одно время страна сидела без медицинских градусников – ртуть понадобилась Атомному проекту. Теперь Берия требовал укладываться в сметы. И это ему тоже (!!!) поставит в вину на «антибериевском» пленуме не кто иной, как Завенягин! А «демократы» и «россиянские» «исследователи механизмов политической власти в СССР» объясняют – вслед за участниками «антибериевского» пленума – такую активность Берии исключительно желанием создать себе дешевую популярность и облегчить захват власти.

И при этом те же «демократы» обличают непомерные аппетиты советского военно-промышленного комплекса. А ведь так и не внедренный в его деятельность принцип «денежка счет любит» хотел привить ВПК Лаврентий Павлович!

ПОСЛЕДНЕЙ крупной, вполне системно разработанной, но так и не реализованной идеей Берии стало намерение реорганизовать МВД.

После того как Лаврентий Павлович был арестован, «обиженный» и пониженный им до поста начальника областного

управления МВД по Львовской области генерал Строкач обвинял «ЛП» в том, что он-де на одном из совещаний после своего возвращения в МВД сказал, обращаясь к Мешику: «Нам нужны хорошие работники, чекисты, а не такие люди, которые только с трибун умеют болтать: «Ленин – Сталин».

Типичный партократ Игнатьев подобными «работниками» наводнил и центральный, и периферийный аппараты МВД. И теперь Берия чистил «игнатьевские» «конюшни». Скажем, ему позднее ставили в вину массовый отзыв из-за границы легальных резидентов внешней разведки. Но очень многие из них не знали не то что языка страны пребывания, но вообще ни одного иностранного языка!

Да, менять надо было многое и многих.

Проект «Положения о Министерстве внутренних дел СССР» помогал разрабатывать министру генерал Борис Обручников. Это был многолетний заместитель глав спецслужб по кадрам (с 1941 по 1952 год и с 12.03.53 г. по 03.07.53 г. в МВД и с 05.07.52 г. по март 1953 г. в МГБ).

3 июля 1953 года – как кадровый (в обоих смыслах) сотрудник Берии – Обручников лишится своего поста, а 5 марта 1954 года, в день годовщины гибели Сталина, его уволят в 49 лет из МВД «по фактам дискредитации органов ГБ» (в 1955 году лишат и звания «генерал-лейтенант»). После ареста Берии Обручников отступился от него, но дело знал, и поэтому итоговый проект реорганизации МВД был проработан тщательно.

И – впечатлял.

Избавившись от производственной деятельности, МВД, по замыслу Берии, должно было стать эффективно функционирующим комплексным силовым ведомством по охране государственной и общественной безопасности, охране государственных границ СССР, охране общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью, с сохранением обязанностей по противопожарной безопасности, регистрации актов гражданского состояния, государственному геодезическому контролю, и т. п, включая «выполнение специальных заданий правительства СССР».

Перечень всех задач МВД занял почти весь русский алфавит от буквы «а» до буквы «ф», причем не была забыта задача «подбора, подготовки и переподготовки оперативных кадров, воспитания всего личного состава Министерства в духе беззаветной преданности делу партии Ленина – Сталина, честности, правдивости и высокой дисциплинированности…»

Такое МВД могло бы при своем естественном развитии стать структурой, очень эффективно служащей интересам общества, –

чем-то вроде так и не ставшего серьезной силой Рабкрина, о деятельной работе которого мечтал Ленин. Серго Берия редко можно рассматривать как источник достоверной информации, но я верю ему тогда, когда он утверждает, что его отец «как специалист… считал, что МВД должно… информировать министерства и ведомства, помогать им в решении тех или иных конкретных вопросов».

Серго Берия пишет:

«Располагая колоссальными возможностями, МВД республик могли стать аналитическими органами и работать в интересах народного хозяйства. Партийный аппарат, который всегда все знал, никогда не давал полной картины происходящего. А МВД такой объективный анализ был по силам.

– Не с пистолетом надо гоняться, а головой думать, – говорил отец».

Это очень похоже на правду, потому что – разумно. Однако самое первое лживое официальное обвинение, которое было высказано в адрес Берии, – это «попытка поставить МВД над партией».

Причем то, что партия ставила себя ***над народом***, в глазах обвинителей Берии преступлением не являлось. А именно это происходило все чаще. Избрание специалиста освобожденным партийным секретарем все чаще воспринималось им и окружающими не как новый уровень обязанностей, а как новый уровень прав – в лучшем случае. А в худшем (и все более частом случае) – новый уровень привилегий.

Для подобного «партийного» секретаря и его аппарата честная информация «наверх» о недостатках и провалах была невозможной. А для кого такая информация не только была прямой обязанностью, но и не грозила неприятностями? Конечно, для местных «органов». При этом сам факт такой информации публичной огласки не получал – что тоже было важно.

Берия не ценил болтунов из ЦК, но это не значит, что он не понимал значения партии и роли ее Центрального Комитета. Лживость обвинения Берии в игнорировании ЦК видна уже из того, что информацию о положении в Литве, Белоруссии, на Западной Украине, которую по его поручению собрали и предоставили ему местные чекисты, Берия тут же доложил Президиуму ЦК! И по всем трем «национальным» запискам были приняты постановления партийного органа – мы это вскоре увидим.

Но после ареста Берии его записки были изъяты из протоколов Президиума ЦК! Победившей партии партократов не нужны были ни «аналитическое» МВД Берии, ни сам «ЛП» Берия.

Микоян на июльском пленуме обвинит Берию во всех грехах, начиная с двурушничества в мусаватистском Баку (хотя Микоян знал, что это не так). Однако Микоян же невольно сообщил интересную вещь (привожу по неправленой стенограмме его речи):

«Когда он (Берия. – *С.К.)* выступил на Красной площади над гробом товарища Сталина, то после его речи я сказал: в твоей речи есть место, чтобы гарантировать каждому гражданину права и свободы, предусмотренные Конституцией. Это в речи простого оратора не пустая фраза, а в речи министра внутренних дел – это программа действий, ты должен ее выполнять. Он мне ответил: я и выполню ее…»

«ЛП» действительно сделал такое заявление с самой высокой публичной трибуны державы. И действительно начал обещанное исполнять!

Хрущев в начале июля 1953 года обвинит Берию в разделении наркоматов внутренних дел и государственной безопасности перед войной – мол, ясно, что надо иметь одно министерство. А сам уже 10 февраля 1954 года выделит из МВД отдельный Комитет государственной безопасности при Совмине СССР. И случайно ли Указ Президиума Верховного Совета об организации КГБ был помечен 13 марта 1954 года?

Но почему же идеи Берии, его записки, предложения не отвергались? Что – Маленков, Молотов, Хрущев, Президиум ЦК и Совмин боялись его? Нет, конечно! Просто эти записки были настолько точны, что от них оказывалось невозможно отмахнуться. По крайней мере до тех пор, пока автор предложений был рядом, в высшем руководстве.

Причем Берия не игнорировал ЦК КПСС в тех случаях, когда официально, по существующему положению, требовалась санкция ЦК. Так было, например, в деле кадровых назначений в МВД – Хрущев на Пленуме ЦК в июле 1953 года оболгал его и в этом. Не говоря уже о том, что без согласия ЦК никакие назначения не могли бы состояться, Берия на следующий день (!) после своего последнего прихода в МВД направляет записку секретарю ЦК Хрущеву:

«В связи с объединением органов бывшего МТБ и МВД прошу утвердить министрами внутренних дел республик, начальниками краевых и областных управлений МВД (далее следует перечисление фамилий и должностей. – *С.К.)*.

В дальнейшем может оказаться необходимым сделать некоторые изменения в этом составе, независимо от этого представляемых товарищей необходимо утвердить.

Л. Берия».

Список вновь назначаемых включает сотни фамилий, но приходится его утверждать – Игнатьев сильно засорил МГБ партийными функционерами, а теперь в руководство спецслужбы Берия возвращал кадровых чекистов, ранее отодвинутых на вторые и третьи роли. И соотвественно, изгонял некомпетентных работников. Так, Берия немедленно избавился от типичного «партократа» Епишева (он потом, возглавляя с 1962 по 1985 год Главное Политическое управление Советской Армии, окарикатурит всю политическую работу в Вооруженных Силах), взятого Игнатьевым в замы по кадрам.

Ну, и так далее…

«Соратникам» приходилось с Берией соглашаться – его предложения были деловыми, конкретными и хорошо аргументированными. Но подспудно Берия начинал их всех, как я понимаю, раздражать. Не успели они вдохнуть полной грудью воздух свободы от ответственности перед строгим «дядькой» товарищем Сталиным, а тут свой же, ***ровня***, ***Лаврентий***, лезет и лезет с неприятной правдой, с хлопотными предложениями, тормошит, подталкивает, заставляет думать и решать…

А это ведь только начало!

Ну как мог нравиться Лаврентий Берия и его давний «кадр» Павел Мешик, назначенный министром внутренних дел Украины вместо Тимофея Строкача, руководству Украины, если 8 мая 1953 года Берия направляет в Президиум ЦК КПСС очередную записку, подготовленную по данным Мешика. И 26 мая 1953 года Президиум ЦК принимает строго секретное постановление «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР».

Позднее секретарь ЦК КПУ Кириченко на «антибериевском» пленуме будет обвинять «политического провокатора и авантюриста» Берию в том, что записка была составлена якобы «по данным сомнительной агентуры без глубокого знания положения дел на месте»…

Кириченко будет утверждать, что «украинские (? – *С.К.)*… народы – единая семья, и нет в ней западных украинцев и восточных украинцев…».

Во-первых, почему тогда в речи Кириченко появилось множественное число? Во-вторых же, правоту Берии доказала сама жизнь: вместо борьбы с национализмом хрущевцы всего лишь загнали эту болезнь внутрь… Вначале – в подполье бункеров-«схронов», а потом – в «подполье» душ. И сегодня мы пожинаем результаты лицемерия Хрущевых и кириченок…

ЧТО ЖЕ ДО записки Берии – Мешика, то на том заседании Президиума ЦК, в ходе которого она рассматривалась, были и Кириченко, и 1-й секретарь ЦК КПУ Мельников, и Маленков, Хрущев, Коротченко, Каганович, Микоян, украинские деятели Корнейчук и Корниец… И если бы Берия был не прав, там было кому это разъяснить. Однако записка-то, как всегда у Берии, била «в точку»! Вот некоторые извлечения из постановления Президиума ЦК по ней:

«ЦК КПСС отмечает, что политическое положение в западных областях Украины продолжает оставаться неудовлетворительным. <…>

Только за три месяца 1953 года военной цензурой конфисковано около 195 тысяч писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти (как видим, эти и другие данные – не агентурного, а вполне официального происхождения. – *С. К.)*…

Серьезное недовольство населения западных областей Украины вызывают имеющиеся там факты грубого искривления ленинско-сталинской национальной политики… почти все руководящие посты в партийных и советских органах заняты работниками, командированными из восточных областей УССР и других республик Советского Союза. Так, например, из 311 руководящих работников областных, городских и районных партийных органов западных областей Украины только 18 человек из западноукраинского населения.

Особенно болезненно воспринимается населением Западной Украины огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции. Например, из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежат только 320 человек…

Нужно признать ненормальным явлением преподавание подавляющего большинства дисциплин в высших учебных заведениях Западной Украины на русском языке. Например, в Львовском торгово-экономическом институте все 56 дисциплин преподаются на русском языке…» и т. д.

Националисты на Западной Украине были жесткой, жестокой и реальной силой, но через восемь лет после окончания войны борьба с ними могла быть эффективной лишь при главенстве политических методов. Хрущев, Мельников, Кириченко мнили себя политиками. Так и отправлялись бы во Львов и вели бы там беседы с интеллигенцией, убеждали бы ее словом, а «западенские» массы – делами. Но тот же Мельников в Львов и

носа сунуть не желал. Не говоря уже о Хрущеве.

А при чем здесь Берия?

И мог ли «палач» и «садист» заявлять – как заявлял он, – что «бестолковое применение репрессий (на Западной Украине. – *С.К.)* лишь вызывает недовольство населения»?

Обращаю внимание читателя на формулировку «бестолковое применение репрессий»… Репрессии в регионе, где пионера-детдомовца могли повесить на его красном галстуке, были необходимы. Но – не ***бестолково*** тотальные, а прицельные, толковые!

Павел Судоплатов, знавший национализм как свои пять пальцев, после смерти Сталина привлекался Берией к подготовке аналитических записок с детальным анализом ошибок партийных организаций и органов госбезопасности в борьбе с националистическим подпольем на Украине и в Литве. И Судоплатов потом писал, что Берия считал: на руководящие должности надо ставить местных, а в заместители им назначать приезжих. «…Его заботила проблема воспитания нового поколения национальной интеллигенции, для которой были бы по-настоящему близки социалистические идеалы», – сообщал Судоплатов в 1997 году!

Социалистические! Одно это доказывает не просто прагматизм Берии, а большевистский его прагматизм!

Положение в Литве тоже было сложным – «лесные братья» были там так же активны, как бандеровцы на Украине. И 16 мая 1953 года Берия представляет в ЦК записку по Литве, которую готовил генерал Сазыкин, приезжавший в Литву по его поручению чуть ли не инкогнито. Сазыкин собрал много конкретных данных, и они были для литовского руководства убийственными! В Вильнюсском обкоме из 16 заведующих отделами и секторами всего 3 литовца; из 22 лекторов ЦК и обкомов литовцев 6; из 87 начальников районных отделов МГБ – 9; из 85 начальников райотделов милиции – всего 10; из 92 директоров совхозов литовцев только 27; из 132 директоров МТС – 53…

Делопроизводство на литовском языке в республике отсутствует (!!!), и это «отдаляет власть от народных масс».

И Президиуму ЦК КПСС опять приходится рассматривать эту записку и на том же заседании Президиума ЦК 26 мая принимать постановление и по Литве – после обсуждения записки Берии – Сазыкина с участием 1-го секретаря ЦК КП Литвы Снечкуса, председателя Совмина Литвы Гедвиласа, Маленкова, Хрущева, Кагановича, Микояна.

А это ведь результаты бездарной «работы» не только

Снечкуса, но и председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литве в 1944–1946 годах Михаила Суслова.

Снечкус и Гедвилас договариваются о личной встрече с Берией, и Снечкус просит его помочь забивать «все передачи вражеских станций на литовском языке». А Берия отвечает, что он готовит предложения ликвидировать и ту «забивку», которая уже существует.

«Какая же это помощь в ликвидации буржуазного националистического подполья?» – разводил руками Снечкус на июльском пленуме 1953 года. Но ответ Берии – это ответ человека идейного, большевика, понимающего, что с идеями надо бороться делом и идеями же. Враг ведет пропаганду – веди контрпропаганду. Враг тычет в глаза людям твоими ошибками и недостатками – исправляй их!

Хрущев же, Снечкус, Брежнев, Андропов своими «глушилками» достигали как раз того эффекта, который нужен был Западу. И прибегали к «глушилкам» потому, что не умели ни работать во имя масс, ни убеждать массы.

А Берия умел!

А «тов. Снечкус» ***через девять лет*** после восстановления Советской власти в Литве из 13 тысяч литовцев-коммунистов (на республику с населением в 2,7 миллиона человек немалая сила – если это коммунисты!) не сумел подобрать 75 человек на должности начальников районных отделов милиции – всего-то! Не сумел вырастить из национальных кадров 65 директоров совхозов…

Когда Петр Кондаков, министр внутренних дел Литвы, не смог внятно ответить на вопросы Берии о состоянии аппарата

ЦК и обкомов КП Литвы и затруднился дать характеристику их секретарям, Берия разозлился и заявил Кондакову, что он не министр, а чиновник в погонах, порученного участка работы не обеспечивает и будет освобожден.

Берия и тут был прав! И Кондакова он успел-таки 23 июня снять – с назначением начальником Управления МВД Брянской области. И что показательно – после «разоблачения» Берии 1-й секретарь ЦК КП Литвы не обеспокоился вернуть в республику такой «ценный», изгнанный из нее Берией «кадр».

Снечкус на июльском Пленуме лживо заявлял, что подпольный «президент» Литвы, нелегально избранный в 1949 году председателем президиума «Союза борьбы за освобождение Литвы», капитан Жемайтис был пойман «без помощи Берия».

На самом же деле Жемайтис (которого Абакумов и Игнатьев не могли поймать 9 лет) был захвачен 30 мая 1953 года живым в своем подземном бункере в лесу около Каунаса в результате

агентурно-чекистской операции, проведенной ***объединенной*** оперативной группой МВД Литовской ССР и 4-го управления МВД СССР. И Берия тут же приказывает доставить Жемайтиса в Москву и ведет с ним долгую беседу, используя в качестве переводчика заместителя министра внутренних дел Литвы Мартавичюса. И предлагает Жемайтису возглавить уже ***подставную*** националистическую организацию.

Технологию подобных оперативных мероприятий советские чекисты давно отработали до совершенства: операции 20-х годов «Трест», «Синдикат»… Да и сам Берия в ОГПУ Закавказья умел это делать хорошо (вспомним его действия по разложению грузинского буржуазно-националистического подполья). Причем такой подход был не только эффективным, но и гуманным – зачем уничтожать, если можно использовать?

А Берия анализирует положение дел уже в Белоруссии – там ведь тоже есть «особые» – западные области. И даже в Белоруссии не все благополучно, и там во властных структурах непропорционально мало коренных западных белорусов. И 12 июня 1953 года Президиум ЦК с участием Маленкова, Молотова, Хрущева, Ворошилова, Берии принимает строго секретное постановление по Белорусской ССР, которым, кроме прочего, 1-й секретарь ЦК КПБ Николай Патоличев (еще один «записной» партократ) освобождается от своих обязанностей.

А на место Патоличева рекомендуется 39-летний партийный работник Михаил Зимянин, работавший в Белоруссии с 1940 по 1953 год и только что переведенный в МИД.

Но выполнение пункта постановления по Патоличеву затянулось до ареста Берии, и он остался в республике до 1956 года, потом «переключившись» на иностранные дела, ас 1958 года – на внешнюю торговлю, создав в МВТ СССР ко времени ухода на пенсию в 1985 году (в 77 лет) мощный аппарат будущих мародеров социализма… Понятно, что на июльском «антибериевском» пленуме Патоличев получает слово и сообщает, что «хитрый и опасный враг партии и государства» Берия готовил полную замену на белорусов всех кадров МВД Белоруссии «до участкового милиционера включительно».

Так и сказал, стервец, – «…до участкового»!

Что показательно! На «антибериевском» пленуме Хрущев заявлял:

«Ведь вот эти записки по Украине, по Латвии (Хрущев ошибся, надо «по Литве». – *С.К.),* по Белоруссии. Это же факт, что они собраны не через обкомы, не через центральные комитеты, они собраны через работников МВД, хотя эти материалы имеются все в Центральном Комитете…»

Хорошо, пусть так! Но почему же тогда те вопросы, которые Президиум ЦК рассмотрел по инициативе Берии, не были поставлены перед Президиумом секретарями ЦК, тем же Хрущевым? Ведь Берия говорил дело, по его запискам были приняты постановления того же Президиума!

Да ведь и оговорка Хрущева была не случайной, потому что 12 июня 1953 года Президиум ЦК принял постановление не только по Белоруссии, но и по Латвии, причем нелицеприятную записку по Латвии в Президиум ЦК представил не кто иной, как… Хрущев!

То есть на пленуме Хрущев сек сам себя, причем и как один из тех, кто дал ход запискам Берии, так и… автор записки по Латвии. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Поэтому Хрущев «тоже» сунулся в национальные проблемы. А потом все валил на Берию.

По «логике» партбюрократов Лаврентию Павловичу национальной политикой заниматься, впрочем, не следовало. Министерству внутренних дел этого ведь «не поручали», как любил приговаривать Михаил Суслов.

Но Берия, как государственный человек, как человек ответственный и гражданственный, ***как человек, а не чернильница***, наконец, не мог быть бездеятельным тогда, когда видел, что может что-то сделать. А он-то мог! Он ведь даже формально был теперь вторым лицом в государстве, а уж по своим личным и деловым качествам – несомненно первым.

И в свои сто двенадцать дней после смерти Сталина он работал, как всегда, так много, что мне даже рассказать о его деятельности непросто – как ни ужимай рассказ, все равно он оказывается объемным. И все не находится удобного повода коснуться темы о якобы «любовных похождениях» Берии, поэтому я ее пока затрагивать не буду. Лишь замечу: если уж мне все не удается вклинить эту тему в свое повествование, то вряд ли у «ЛП» было время на те «гламуры», которые ему так охотно и гнусно приписал вначале на июльском пленуме 1953 года секретарь ЦК Шаталин, а уж потом – все, кому только не лень было клеветать на Берию, «навешивая» на него десятки только несостоявшихся любовниц, якобы отправленных им за неуступчивость по этапу. Но коснуться этих инсинуаций я все же не премину.

Зато я не буду останавливаться на позиции Берии в «югославском», «корейском», «венгерском» и прочих вопросах. Просто скажу, что по всем из них, по сути, Берия был прав. А что касается вопроса «югославского», то ирония истории выразилась также в том, что в 1957 году Хрущев обвинял Молотова в

блокировании улучшения отношений с тем самым Тито, попытку налаживания отношений с которым в 1953 году Хрущев и Молотов подавали как преступление Берии.

Я ограничусь одной «венгерской» цитатой из «бункерного» письма Берии Маленкову, где он писал:

«Предложения о Надь Имре должен был не я или кто иной вносить, а тебе надо было сделать, а тут я выскочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за что конечно меня следует крепко взгреть».

Берия имел в виду встречу делегаций СССР и ВНР, проходившую 12 июня 1953 года в Москве. Живой тон этой цитаты говорит сам за себя. Причем это написал человек, неожиданно низвергнутый с вершины власти в бетонный подвал. И в таком положении он думал о деле, о державе, а не о собственной шкуре!

Разве это не говорит об очень высоких духовных и человеческих качествах нашего героя? Как говорит о них и то, что 15 июня Берия обратился в Президиум ЦК с запиской о резком ограничении прав Особого совещания при МВД СССР. А ведь если бы Лаврентий Павлович был тем садистом, маньяком, которым его изображают ненавистники, то внесудебное право распоряжаться человеческими судьбами и жизнями было бы для него особо привлекательно и приятно.

БЕРИЯ как всегда был занят сразу многими делами, но вдали от России произошло нечто вынудившее его срочно собираться в неблизкий путь – 16 июня в Восточном Берлине началась массовая забастовка строительных рабочих. Она быстро переросла в мощную демонстрацию, а назавтра забастовки и демонстрации начались еще в 14 городах ГДР… Бурлили Росток, Лейпциг, Магдебург… В Берлине был захвачен Дом правительства. В течение 16–20 июня в забастовках участвовало 430 тысяч человек, в демонстрациях – более 330 тысяч.

Такие события не возникают на голом месте и не начинаются сами по себе. Безусловно, начались волнения по прямому приказу Запада, но первопричина их крылась в неумном поведении руководства ГДР и СССР. После образования ГДР там был необдуманно взят курс на построение социализма, а 8 июля 1952 года Москва и Берлин (Восточный) решили его даже форсировать.

Насильственное кооперирование в сельском хозяйстве, голодный ресурсный режим для среднего и мелкого частного капитала (крупный был национализирован), нерациональная налоговая политика, лишение частных предпринимателей и лиц

свободных профессий продовольственных карточек, чрезмерная репрессивная политика – вот что питало широкое недовольство немцев. С января 1951 по апрель 1953 года в Западную Германию бежало 447 тысяч человек, в том числе только за четыре месяца 1953 года – свыше 120 тысяч человек. Данные взяты из приложения к распоряжению Совмина СССР от 2 июня 1953 года № 7576-рс, так что верить им можно.

Факты – упрямая вещь, а советские руководители хотя и были нередко упрямы, но – не упрямей фактов. Как-никак, все они тогда прошли школу Сталина. Поэтому было ясно – политику надо менять. На «антибериевском» июльском пленуме Маленков признавал:

«Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен. Политическое и экономическое положение в ГДП в настоящее время крайне неблагополучно».

И поэтому незадолго до июньских событий в Германии дискуссия разгорелась в Кремле серьезная. Большинство склонялось к временному отказу от строительства социализма, Молотов соглашался лишь на отказ от форсированных темпов.

Позиция Берии была, как всегда, обдуманной – его секретариат недаром получил от него распоряжение отыскать знатока экономики стран народной демократии. Поэтому «германский» документ Совмина СССР от 2 июня 1953 года был содержательным и конкретным – вполне в стиле Берии. Стиль этот заключался и в том, что при разработке сложных специфических проблем «ЛП» определял общее направление, а разработку мер и рекомендаций оставлял экспертам. Соответственно, анализ ситуации, данный в приложении к распоряжению Совмина, обнаруживал хорошее знание германских реальностей (например, там имеются даже рекомендации относительно линии поведения по отношению к рядовым участникам молодежной религиозной организации «Юнге Гемайнде» и т. д.).

Поэтому и рекомендующая часть была разумной:

– свернуть коллективизацию, ограничившись обществами по совместной обработке земли;

– рычагом воздействия на деревню сделать машинопрокатные станции;

– отказаться от политики вытеснения средних и мелких частных предприятий и, напротив, предоставлять им кредиты, сырье, энергоносители;

– пересмотреть пятилетний план ГДР в пользу более широкого развития промышленности группы «Б» для

производства товаров широкого потребления;

– принять меры к укреплению законности и искоренять голое администрирование во всех сферах жизни Германии, в том числе – в отношении церкви и духовенства;

– поставить задачу политической борьбы за восстановление национального единства Германии и заключение мирного договора.

В идеологии такого подхода чувствуется тот точный прагматизм, который был характерен именно для умницы «ЛП». А реальный «внешнеполитический» Берия был так же далек от образа «монстра» и «палача», как далек был от него реальный «внутриполитический» Берия.

Причем в части идеи объединенной Германии у него был некий авторитетный единомышленник, хотя поддержать Берию он уже не мог. Я имею в виду, конечно, Сталина. 7 апреля 1952 года он подписал исправленный им проект ноты Правительства СССР правительству США по вопросу о мирном договоре с Германией. Ранее, в направленной 10 марта 1952 года ноте в адрес США, Великобритании и Франции СССР предлагал выработать мирный договор «при непосредственном участии Германии в лице общегерманского правительства» после свободных общегерманских выборов при гарантии последующего нейтралитета Германии (то есть невхождения объединенной Германии в НАТО).

Заканчивалась советская нота так:

«Именно в настоящее время решается вопрос. Будет ли восстановлена Германия как единое независимое миролюбивое государство, входящее в семью миролюбивых народов Европы, или останется в силе раскол Германии и связанная с этим угроза войны в Европе».

Нейтральная Германия Западу не требовалась и раскол, напротив, усиливался. При этом руководители Компартии Германии были настроены куда более решительно, чем даже Молотов, и предпринятое правительством ГДР повышение норм выработки стало непосредственной причиной для волнений.

Приходится сталкиваться с утверждениями в литературе, что как забастовщики, так и их западные «кураторы» были склонны считать, что русские не поддерживают правительство Ульбрихта и оружием забастовщиков не подавят.

Уж не знаю, как можно было предполагать подобное. Любое правительство, если бы оно было образовано с влиятельным участием руководителей волнений 1953 года, было бы не просто антисоциалистическим (это бы еще полбеды), но –

антисоветским. Поэтому ни о какой отстраненной советской позиции в условиях присутствия в Германии советских оккупационных войск не могло быть и мысли! И коль уж волнения начались, их надо было ликвидировать быстро, пока у англо-американцев и французов не появился шанс на вмешательство.

Что ж, и это Берия делать умел – если к тому его объективно вынуждали. Как я уже не раз подчеркивал, не был от природы жестоким, но жизнь научила его быть – при необходимости – ***жестким*** настолько, насколько этого требовала обстановка. Он с детства приучил себя экономить во всем. И так же бережно он относился к пролитию крови: если надо, то надо быть готовым ее пролить, однако надо делать все, чтобы пролить ее как можно меньше в случае, если нельзя этого избежать.

В ряде источников утверждается, что 18 июня Берия направился в Германию лично. Но документально это не зафиксировано – как ни странно. Хотя факт отбытия первого зампреда Совмина СССР за пределы государства, казалось бы, должен легко устанавливаться. Впрочем, биохроника Берии – вещь особая, тут мы всегда можем столкнуться с подтасовкой. Что можно считать достоверным, так это то, что в Германию тогда были направлены его люди, в том числе – Зоя Рыбкина-Воскресенская, а также начальник 3-го (контрразведывательного) управления МВД генерал Гоглидзе.

Однако я склонен считать, что Берия какое-то время в Германии был, что косвенно подтверждается как решительностью действий в ситуации, когда действовать надо было уже решительно, так и ее относительной бескровностью.

Еще 17 июня комендант советского сектора генерал-майор Диброва своим приказом ввел в Берлине военное положение. В Берлин, Лейпциг, Галле, Дрезден, Франкфурт-на-Одере, Гере и Потсдам были введены войска. Огонь на поражение открывался в исключительных случаях, однако в итоге было убито около тридцати и ранено около четырехсот человек. Генерал Судоплатов в своих мемуарах написал, впрочем, что погибли «тысячи людей». Хотя тысячи и не погибли.

Принципиальная же позиция Берии по Германии была такова: Советскому Союзу вряд ли нужна нестабильная социалистическая ГДР, полностью зависящая от нашей поддержки, и лучше пойти на объединенную демократическую буржуазную Германию, но – на выгодных для нас условиях. Это был перспективный подход! И рассматривать его как некое предательство наших друзей в ГДР было неправомерно. Реально процесс даже переговоров об объединении, да еще при нашей инициативе, был бы

многошаговым, но мы могли выиграть на каждом этапе и обеспечить ряд гарантий как Восточной Германии, так и себе.

Уйти из единой Германии мы могли лишь после заключения мирного договора. Но по его заключении из Германии должны были уйти и союзники. Причем, став инициаторами объединения, Россия обеспечивала бы себе и лояльность всех здравомыслящих немцев. А вместо обременительного для нас финансирования социализма в ГДР мы получили бы, напротив, немалые выгоды от развития экономических связей с Германией, для России традиционно полезных и важных.

Был и еще один момент… Вот-вот должна была начаться термоядерная эра, и мало кто из политиков мира знал это так же хорошо, как Берия. А это давало державе, ориентированной на внутреннее развитие за счет собственных ресурсов, невозможные ранее возможности по исключению внешнего посягательства на нее. При верном взгляде на термоядерный фактор угроза внешней агрессии против России быстро сводилась фактически к нулю, и военное присутствие СССР в Германии, в центре Европы, с перспективной точки зрения уже не влияло решающим образом на нашу военную безопасность. К тому же мы имели теперь «буфер» по линии «Польша – Чехословакия – Венгрия – Румыния». Так что в позиции Берии имелся и хороший геополитический потенциал.

Однако «германской», как и всем остальным «послесталинским» идеям Берии, реализоваться не удалось.

«А как же быть с тем, что сегодня мы имеем единую ФРГ?» – возможно спросит кто-то. И действительно, приходится порой читать, что Берия-де в «германском вопросе» (и в остальных – тоже) был чуть ли не предтечей Горбачева. О, нет! Не реализовавшаяся единая Германия образца Берии и реальная единая Германия образца Горбачева – явления абсолютно разного характера во всех отношениях, кроме, разве что, одинакового в обоих вариантах контура государственных границ ФРГ.

Итак, Берия если и выезжал в Германию, то быстро вернулся в Россию. И ему осталось быть на свободе всего ничего – несколько дней. Сам он об этом, конечно, не знал. Зато знали другие. И пока он еще государственный деятель, а не узник бетонного бункера, я скажу о его ста двенадцати днях еще кое-что, более чем существенное.

1 МАЯ 1953 года в Москве, как и всегда, по Красной площади прошли колонны демонстрантов. И стоящие на трибуне Мавзолея Маленков, Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян и другие могли любоваться на сотни собственных портретов, которые

колыхались над морем голов. Смотрел на собственное тиражированное плавание над Красной площадью в очередной раз и Лаврентий Павлович, но мысли у него возникали при этом, надо полагать, разноречивые. Во всяком случае, уже на следующей неделе после праздников он на первом же заседании Президиума ЦК внес некое предложение, и члены Президиума – как ни странно – его приняли! Да и сложно было его не принять, ибо установившееся в стране портретопочитание в чем-то смахивало на иконопочитание. И 9 мая 1953 года появилось постановление Президиума ЦК КПСС «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных торжественных праздников». Постановление предписывало Секретариату ЦК КПСС в двухнедельный срок представить проект постановления ЦК и Совмина, исходя при этом из следующего:

«…отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов, а также зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных праздников… отменить практику провозглашения с правительственной трибуны призывов, обращенных к демонстрантам».

И этот шаг Берии никак не расценишь как попытку завоевать дополнительную популярность лично себе! Отказ от славословий в адрес руководства, отказ от руководящих приветствий, на которые массам полагалось радостно кричать «Ура!», популярности и авторитета власти прибавили бы, да.

Но – власти в целом! Кто из миллионов советских людей узнал бы о том, что это предложил Берия? Так что Лаврентий Павлович и здесь мыслил по-государственному. Однако ему и это предложение скоро поставят в вину. Это сделает на Пленуме ЦК самый бесцветный из всех тогдашних руководителей страны – Андреев, причем обвинения его будут высказаны в стиле дурного анекдота – мы это еще увидим!

Поставят в вину Лаврентию Павловичу и другую блестящую его идею! Я, забегая вперед, расскажу о ней, используя неправленую стенограмму выступления давнего коллеги Берии – Мир Джафара Багирова – на том же «антибериевском» Пленуме ЦК в июле 1953 года. Тогда 1-й секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров тоже предал Берию, назвав его хамелеоном, злейшим врагом партии и народа, двурушником и подлецом (это Багирову не помогло, и он пережил Берию лишь на три года: арестован в марте 1954 года, расстрелян в мае 1956-го). А 3 июля 1953 года Багиров говорил:

«Багиров. …Звонит мне Берия и говорит: ты знаешь, что я готовлю вопрос об орденах. Говорю ему: как это готовишь? Он

поправился и говорит: мы хотим установить новые ордена. Я думаю, вопрос об орденах непростой вопрос… Это входит в функции Центрального Комитета партии, правительства (как будто Берия не был первым зампредом Совмина и членом Президиума ЦК. – *С.К.),* это вопрос политики, как же он может готовить этот вопрос.

Пегов. Тем более это не дело МВД…»

Тут я цитирование прерву, чтобы заметить: как ярко в замечании Николая Пегова, прожившего долгую и серую жизнь аппаратчика, проявилось то бездарное, писарское отношение к делу, которое свое классическое завершение получило в знаменитой фразе другой всесоюзной серятины – Суслова, говорившего: «Нам не поручали…»

Из слов же самого Багирова следовало, как мы уже видели и еще увидим, что в стране постепенно начинала торжествовать личная безответственность «вождей» – о ЦК говорили как о живом существе, долженствующем всегда изрекать «Мы»… Невольно вспоминаешь вопрос Берии Калмыкову и Расплетину: «Кто ручку держал?» по поводу их ответа: «Мы писали»… Вспоминается и то, как на вопрос обескураженного героя скетча Аркадия Райкина: «Кто шил костюм?» – ему ответили тоже «мы». Увы, это всеобщее «МЫ-чание» тогда уже стало повсеместным.

А Багиров вел дальше:

«Багиров. И тем более не бывает так, чтобы даже по самым маленьким вопросам… не позвонили из аппарата ЦК… или аппарата Совета Министров. Как правило, всегда говорят: я звоню по поручению ЦК… У него же только одно я.

Маленков. Какие ордена?

Багиров. Ордена культуры, союзные и республиканские ордена культуры.

Маленков Для какой категории людей?

Багиров. Для работников искусства, работников театров.

Маленков. Например, какие ордена?

Багиров. Вы его спросите…

Маленков. Ордена могут быть чьего-то имени.

Юсупов (Председатель Совмина Узбекской ССР. – *С.К.).* Мне звонил по его поручению его помощник Ордынцев, что Берия вносит предложение о том, чтобы установить две группы орденов: первая… – союзная, вторая – республиканские; затем установить ордена великих людей национальных республик… У него (у Багирова. – *С.К.)* Низами, у узбеков – Алишер Навои…»

Но это же здорово! Это и есть умная национальная политика! Вот такой пример… Присланный из Москвы украинец Павел

Мешик вызвал на заседании ЦК КПУ шок, когда обратился к присутствующим на украинском языке и посоветовал учить его русским, работающим на Украине, включая 1-го секретаря Мельникова. Его поддержал лишь драматург Александр Корнейчук, но Мешик-то был прав! А поступал он так потому, что прошел школу Берии, то есть был человеком, выбирающим линию поведения, оптимальную для обеспечения интересов порученного тебе участка работы.

Когда Мешик гордо рассказал об этом Судоплатову, последний заметил Мешику, что тот, мол, дурак, если «вступает в конфликты с местной властью» (как будто сам Мешик был не власть!).

В таком ответе Судоплатова сразу видна вся глубина различия между ним и Мешиком, как фигурами социальными. Мешик был «кадровым» кадром Берии, его и арестовали сразу после Берии, и расстреляли по одному «делу». А расстреляли потому, что оба они вступали в конфликты с «местной» властью – Мешик в Киеве, Берия – в Москве. Конечно, проще было превратить таких людей в кремационный пепел, чем реагировать на их предложения, считаться с их критикой, и работать, работать, работать…

Первый секретарь Львовского обкома Сердюк (этот тоже отметится среди выступавших на июльском пленуме) облюбовал под жилье особняк, в котором размещался детский сад МВД, а Мешик воспрепятствовал и выставил там охрану. Секретарь Киевского обкома Шелест (будущий «хозяин» Украины) взял для охоты катер пожарного надзора и не вернул, а Мешик доложил в МВД СССР и в Совмин Украины.

У людей это называется честностью и принципиальностью. У партократов – глупостью и склонностью к склокам. Но Берия-то и Мешик были людьми, а не партократами. К слову, ветераны МВД, с которыми беседовал автор книги «Кто вы, Лаврентий Берия?» А.Сухомлинов, в один голос говорят о Мешике как о человеке, преданном делу, которое ему поручено.

Да ведь и «ЛП» Берия был таким же. И не ждал за это от жизни особых «коврижек». И поэтому не понимал, как могут быть охочими до них другие… Так что неудивительно, что в день открытия «антибериевского» пленума, 2 июля 1953 года, управляющий делами Совмина Помазнев подал Маленкову и Хрущеву докладную-донос на Берию (очень уж хотелось Помазневу попасть в число выступающих).

Кадровый аппаратчик Помазнев обвинял Берию в саботаже «важнейшего» дела – сохранения за партийными, профсоюзными и комсомольскими работниками преимуществ и льгот,

установленных для важнейших отраслей народного хозяйства, если они были выдвинуты на партийную или комсомольскую работу из промышленности. ***«Этот вопрос рассматривался много раз и в конце концов был снят ввиду нежелания решать его и протестов со стороны Берия», –*** писал Помазнев.

Берия рассуждал просто и здраво: льготы были связаны с определенной работой… Начальник участка на шахте получал «подземные» потому, что работал во вредных условиях, под землей. Но, став, например, инструктором горкома, он уже под землей не работал. Так за что же ему теперь выплачивать деньги? Нет работы – нет и льгот. К тому же – что это за идейный профессиональный борец за идеи партии, если он рубли считает? Тем более что, переходя на партийную работу, он без куска хлеба, да еще и с маслом, не оставался…

Однако «элита» все более вожделела льгот, привилегий, «изячной» жизни… На ***сто десять*** квартир в сдаваемой в эксплуатацию секции высотного здания на Котельнической набережной было подано ***полторы тысячи*** заявлений!

Берия тогда приказал Помазневу сделать на каждую просьбу справку, после чего доложить ему. Ну, понятно – крохобор!

ШЛИ первые месяцы жизни без Сталина.

Апрель…

Май…

Раздражение «коллег» Берии накапливалось.

Хрущев был недоволен тем, что Берия не ставил аппарат ЦК выше того, что этот аппарат заслуживал.

Молотов был задет активностью Берии во внешнеполитической сфере, которую считал своей епархией, хотя самостоятельной фигурой здесь никогда не был.

Маленков был, несомненно, уязвлен тем, что он, «премьер-министр», проигрывал по сравнению с Берией даже в собственных глазах.

У Булганина, Ворошилова, Кагановича, Микояна были свои претензии – не деловые, но какая разница, если они ***были…***

26 июня 1953 года Лаврентий Павлович Берия как заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР подписал свой последний правительственный документ – распоряжение СМ СССР № 8532-рс о проектном задании на строительство завода «СУ-3» комбината № 813.

СУ-3 – это завод по производству «2 %-го олова-115», то есть, без кодовых «хитростей», – завод по первичному обогащению урана. И пожалуй, символично, что последнюю свою государственную подпись Берия поставил под документом о

строительстве нового предприятия. Он ведь всю жизнь и хотел строить! И строил – вплоть до 26 июня 1953 года.

В этот же день он был арестован. И сразу же вслед за ним или чуть позднее были арестованы близкие к нему генералы МВД Богдан Кобулов, Сергей Гоглидзе, Павел Мешик, Владимир Деканозов, Лев Влодзимирский и Всеволод Меркулов.

В судьбе Берии начался последний, уже бесславный этап, а в судьбе страны – очередной.

Но, как оказалось, – тоже, в итоге, бесславный.

Глава 26
Арест et cetera

Сегодня не приходится сомневаться, что инициатива устранения Берии исходила исключительно от Хрущева. Другой вопрос – как и когда он решился на постановку такого вопроса перед коллегами. Да и решился ли вообще – если иметь в виду большинство Президиума ЦК.

Однако ряд деталей позволяет предполагать, что арест Берии готовился ***кем-то*** весьма долго и спонтанным событием признан быть не может! И уж тем более нельзя свалить все на раскрытие мифического «заговора» Берии, никогда не существовавшего даже в замыслах – ни у Берии, ни у шести арестованных его сподвижников.

В этой книге я не могу уделять много места вопросу о роли Золотой Элиты Запада в событиях тех дней и просто выскажу интегральный вывод: как минимум со второй половины 1952 года в окружении Хрущева уже имелись первичные агенты западного влияния. Они ловко растравляли хрущевскую желчь, играли и на его амбициях, и на чувстве страха, и на ущемленном самолюбии. Они же провоцировали и спровоцировали Хрущева на активные действия вначале против Сталина, а затем – против Берии.

Для самого Хрущева эти действия были залогом его личного непреходящего благоденствия на вершинах власти. Для Золотого Запада и его агентов было важно сорвать возможность устойчивого развития России. Думаю, в том числе и поэтому сразу же после ареста «ЛП» его дальнейшая судьба начала обрастать не просто слухами, а целенаправленно создаваемыми мифами, а также подлогами, фальсификациями и провокациями.

Поэтому единственными достоверными датой и фактом в череде тех дней можно считать лишь дату и факт ареста самого Берии. А, например, говорить, когда были арестованы другие его соратники, лично я не рискну. Не рискну и потому, что убежден: в «деле» Берии и в «следственных делах» тех, кого судили якобы вместе с ним, так много подлогов, что эти многотомные сочинения надо бы расценивать как сплошную фальшивку – насквозь.

Считается, что почти сразу после ареста Берии были арестованы Богдан и Амаяк Кобуловы – 27 июня. Министр же ГБ Украины Мешик был арестован якобы 30 июня. Якобы в Киеве… Но вот книга Андрея Сухомлинова – единственного из писавших о Берии, кто имел доступ к его следственному делу, – «Кто вы,

Лаврентий Берия?». Автор – профессиональный юрист, и я буду ссылаться на него еще не раз. Так вот, Сухомлинов приводит факсимиле протокола личного обыска Мешика Павла Яковлевича от 30 июня 1953 года, проведенного «в помещении внутренней тюрьмы МВД СССР» в 23 часа 50 минут 30 июня майором Моисеевым П.М. в присутствии заместителя начальника внутренней тюрьмы Таланова Д.А.

Итак, 30 июня Мешик уже был в Москве. Но ведь его еще надо было в Киеве арестовать и в Москву этапировать! Значит, Мешика арестовывали в период между 26 и 29 июня. Однако обыск был проведен «на основании ордера Министерства Внутренних Дел СССР за № А-109 от 30 июня». Сухомлинов приводит факсимиле и самого ордера, подписанного заместителем министра Иваном Серовым. И там имеется запись: «Ордер мне предъявлен ***1 июля*** 1953 года в час. ***02*** мин. ***45» —*** и подпись Мешика. Выходит, в Киеве Мешика арестовали незаконно? И даже в Москве вначале обыскали, а уж затем предъявили ордер на арест.

В ордере на арест Мешика указано, что он выдан майору Медведеву К.Н., а вот в ордере от 27 июня 1953 года № А-92 на арест Богдана Кобулова фамилия того, кому предписывалось арестовать и обыскать Кобулова, не указана.

Владимир Георгиевич Деканозов, давний соратник Берии и по Закавказью, и по НКВД СССР, много поработавший и во внешнеполитическом ведомстве, а на момент ареста Берии – министр внутренних дел Грузинской ССР, если верить анкете арестованного, был арестован 30 июня 1953 года. Однако основанием для ареста указан не ордер на арест, а постановление об избрании меры пресечения Прокуратуры СССР от 3 июля 1953 года.

Так же мутна картина ареста начальника 3-го управления (военная контрразведка) МВД СССР Сергея Гоглидзе. Анкета арестованного составлена в Бутырской тюрьме МВД СССР вроде бы 27 июня 1953 года. При этом А.Сухомлинов сообщает, что в материалах уголовного дела не раскрывается, «как проводился арест Гоглидзе в ночь с 26.06 на 27.06 в ГДР» и как он был доставлен в Москву. Задержан был Гоглидзе якобы на основании ордера № А-98, который хронологически не мог быть выписан ранее ордера № А-92 на арест Богдана Кобулова, помеченного 27 июня и подписанного новым министром внутренних дел СССР Кругловым. Получается, что Круглов только 27 июня в Москве подписал ордер на арест, а в ночь на 27-е Гоглидзе уже арестовали аж в Германии. Так могли ли его арестовать по тому ордеру, якобы на основании которого его арестовали?

По воспоминаниям же генерала Судоплатова, об аресте

Берии, Богдана и Амаяка Кобуловых, Гоглидзе, Мешика он узнал на совещании у нового министра Круглова в середине дня 27 июня…

Странно все это…

Постановление Прокуратуры СССР об избрании меры пресечения у Гоглидзе тоже датировано 3 июля 1953 года (как и в случае с Деканозовым). А первый допрос Гоглидзе заместитель Главного транспортного прокурора государственный советник юстиции 3-го класса Г.Терехов провел якобы 2 июля (не указав в протоколе время допроса, что было серьезным отклонением от процедуры).

Андрей Сухомлинов – сам опытный прокурор (в 2007 году ему исполнилось, как я понял, 60 лет) – внимание на все эти несообразности обратил, но объясняет их небрежностью тех, кто вел расследование.

Думаю, что дело не только в небрежности, а также – в том огромном объеме фальсификата, без которого «дела» Берии не было бы. Слишком многое надо было подтасовать, оформить задним числом и т. д., и без накладок тут вряд ли можно было обойтись даже при особой тщательности. Хотя и тщательности-то не было – тут можно вполне довериться свидетельствам на сей счет того же Сухомлинова.

К тому же все арестные документы подписывал новый Генеральный прокурор СССР, хрущевец Роман Руденко. Им срочно заменили на этом посту Григория Николаевича Сафонова, находившегося с Берией в хороших отношениях и даже считавшегося «человеком Берии». Скорее, впрочем, он был просто честным человеком. Сухомлинов, ссылаясь в том числе на свидетельство бывшего первого заместителя Генерального прокурора СССР Н.А. Баженова, пишет, что Сафонов был мягким, добродушным, незаносчивым, начисто лишенным амбиций и чиновного честолюбия. Баженов свидетельствует, что в начале 60-х годов Сафонов, пониженный до заместителя начальника отдела в прокуратуре РСФСР, был самым исполнительным и добросовестным работником в отделе, а ведь ему тогда было около шестидесяти.

И если судить о Берии по «его человеку» Сафонову, не забыв также о принципе «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты», личность «ЛП» освещается дополнительно добрым светом.

Назначение Генерального прокурора СССР – конституционная прерогатива Верховного Совета СССР, однако Сафонова незаконно освободили от его обязанностей на заседании Президиума ЦК КПСС 29 июня 1953 года. Тогда же на его место и был назначен Руденко. Так «восстанавливалась» та

социалистическая законность, которую якобы попирал Берия.

Руденко и дал формальную санкцию на арест Берии – дал 8 июля, через полторы недели после фактического ареста. И такая задержка, пожалуй, показательна не только с правовой точки зрения. Даже Руденко боялся, очевидно, какое-то время, что события могут пойти в неблагоприятном для хрущевцев направлении. А вот после благополучного для них окончания Пленума ЦК, длившегося со 2 по 8 июля 1953 года, хрущевцы осмелели.

Причем официально санкционировать на бумаге арест Берии Руденко, думаю, было тем проще, что Берии к 8 июля или уже не было в живых, или его бессудное убийство было делом ближайших дней. Но это – тема отдельная…

Были арестованы также начальник секретариата Берии Людвигов (прямо на стадионе «Динамо», на футболе) и бывший начальник личной охраны Берии Саркисов. Последняя фигура интересна и тем, что Берия отстранил Саркисова от должности за три недели до своего ареста и перевел его заместителем начальника отдела в 1-е главное управление МВД. Причем и там, судя по всему, Саркисов долго не задержался бы.

На основании этого генерал Судоплатов в своих воспоминаниях предполагает, что или решение об аресте Саркисова принимали люди, не знавшие о его отставке, или решение принималось тогда, когда Саркисов был к Берии близок.

Второе очень не исключено, но, скорее всего, все объясняется иным. Кто такой Саркисов? По сравнению с «китами» МВД он – даже не карасик, а так – пескарь. И вот же – его арестовывают… Не потому ли, что он очень подходил как фигура для фабрикации «бытовых», так сказать, «обвинений» против Берии, и именно так и был позднее использован? То есть над Берией заранее готовилось неправедное судилище.

Но кем?

Непосредственно Хрущев разработкой «технических» подробностей заниматься не мог и не занимался. Но кто-то, выходит, занимался? Заранее! И на обобщенном портрете этого «кто-то» очень отчетливо просматриваются уши «серых», а точнее – «грязных», «кардиналов» разного рода.

Об аресте Берии написано много, а об аресте его соратников – фактически ничего. Во всех версиях ареста Берии сообщается, что арестовали его высшие военные по приказу то ли Хрущева, то ли – Маленкова.

А кто арестовывал Саркисова?

А кто – Кобулова и Гоглидзе? Кто Мешика и Деканозова? Кто – Влодзимирского?

Не маршал же Жуков и не генерал Батицкий их арестовывали?

И по чьим приказам были произведены эти аресты? Ордера, допустим, подписывали ренегат Круглов и хрущевец Серов. Но кто им указывал, что арестовать надо именно эту «шестерку»?

Почему – понятно. Все шесть были близки к Берии еще по Закавказью, и именно их «показаниями» можно было очернить Лаврентия Павловича с охватом, по сути, всех периодов его деятельности. Но это лишний раз подтверждает наличие продуманного заговора против Берии, детали которого по уровню продуманности просто не могли принадлежать неизощренному уму Хрущева!

ДОЛЖЕН сообщить читателю, что не намерен уделять много внимания вопросу о том, как и кем был арестован Л.П.Берия. В литературе на сей счет можно найти добрый десяток версий – и основательных, и сомнительных, и вовсе уж авантюрных, включая наиболее экстремальную «версию» Серго Берии, по которой его отец якобы погиб при якобы штурме особняка, в котором проживала семья Берии.

Достоверен же в истории ареста Берии сам, повторяю, факт ареста. А также – то несомненное обстоятельство, что арест был произведен 26 июня 1953 года.

Второй по экстремизму после «версии» Серго Лаврентьевича следует признать версию, по которой Берия, арестованный в Кремле группой высших военных во главе с маршалом Жуковым (при, скорее всего, наличии в ней генерала Москаленко), в тот же день был расстрелян в подземном бункере штаба МВ О. Юрий Мухин в своих книгах утверждает, что примерно так все и случилось, а письма Берии из бункера – фальшивка.

Что тут можно сказать… Факт нахождения Берии перед его арестом в Кремле, а не дома, уверенно документируется по последнему распоряжению Совмина СССР № 8532-рс, подписанному Берией как одним из руководителей государства, о строительстве нового «атомного» объекта на комбинате № 813. Он мог подписать его только в Кремле и только до ареста. И, значит, отправился на свое последнее в жизни совещание из своего кремлевского кабинета.

Но куда он направился?

О том, где был арестован Берия, тоже можно прочесть разное в разных воспоминаниях. Однако анализ документов приводит к выводу: арест произошел в ходе заседания Президиума ЦК КПСС.

Итак, Берия не погиб при штурме своей домашней резиденции. Но как события развивались перед этим и после?

Писатель Владимир Карпов, ненавидящий Берию слепо и неумно, тем не менее оказал делу прояснения правды о Берии неплохую услугу, приведя примеры лжи в описании ареста, данном одним и тем же человеком – маршалом Жуковым – в двух разных изданиях: известном нам сборнике «Берия: конец карьеры» (1991 г.) и в книге «Жуков: полководец и человек» (1988 г.). Карпов приводит ряд разночтений, например:

Вызвал Булганин	Вызвал Хрущев
Поехал с Булганиным в Кремль на одной машине	Приехал в Кремль сам по вызову Хрущева
Разговор в зале заседаний Президиума	Разговор в кабинете Хрущева
Задачу на арест ставит Маленков	Задачу на арест ставит Хрущев

Юрий Мухин, анализируя эти и другие разночтения (их у разных авторов хватает), делает вывод о том, что лгут все. И лгут потому, что Берию-де сразу же застрелили и т. д.

Да нет, лгут-то лгут, но – по причинам разным. Во-первых, лгут – по присказке криминалистов – ***как очевидцы.*** То есть лгут не сознательно, а в силу особенностей восприятия человеческим сознанием острых событий. Но многие лгут и сознательно. Кто – отводя вину от себя. Кто – выставляя «заказные» «дымовые завесы». Кто – по привычке к лжи, к двойным стандартам, к двоедушию… Привычка-то многолетняя – со 2 июля 1953 года, со дня начала антибериевского Пленума ЦК.

Но расстреливать «ЛП» сразу после ареста никто не взялся бы. И тут я предлагаю читателю поразмышлять вместе. Представим себе мысленно, как все могло происходить…

Вот Хрущев – один или совместно с кем-то из членов Президиума ЦК – приглашает к себе Жукова, Москаленко и сообщает, что «есть мнение» арестовать Берию по таким-то и таким соображениям и что Президиум ЦК поручает это непростое дело им.

Вряд ли можно сомневаться, что генералов такое сообщение должно было ошеломить, но так же вряд ли можно сомневаться, что от такого поручения они не стали отказываться. В конце концов высшую власть представляла собой партия, и ответственность за арест несло бы высшее руководство, а не исполнители.

Широко расписанная якобы неприязнь Жукова к Берии (Серго

Берия ее, между прочим, отрицает) вряд ли играла какую-то роль уже потому, что никакого «компромата» относительно Жукова Берия в сороковые годы не мог собирать, к спецслужбам отношения не имея. Мне приходится раз за разом напоминать об этом постольку, поскольку заблуждения на сей счет очень живучи.

Вернемся к анализу ареста. Согласившись на его производство, генералы не могли настаивать на обязательности ордера на арест. С одной стороны, законный порядок оформления ордера создал бы опасность утечки информации, с другой стороны, арест должен был производиться в присутствии руководителей партии и правительства, и сам состав свидетелей акта ареста исключал чьи-либо претензии к военным по части нарушения ими законов СССР. По уставу надо выполнять последний приказ, а отвечать за отмену предыдущего приказа будет тот, кто этот последний приказ отдал.

Но это справедливо в отношении ареста. Арест – действие обратимое: сегодня арестовали, завтра освободили. А как там насчет несанкционированного законным порядком расстрела? Это ведь действие с необратимыми последствиями.

Арестовать Берию по устному приказу руководства Жуков, Москаленко, Батицкий и любой другой – куда ни шло – еще могли… Но застрелить его без следствия и суда, без приговора суда, без, хотя бы, прямого письменного приказа?

Нет уж, пойти на такое тягчайшее нарушение закона никто не захотел бы. Здесь требовалась хоть какая-то материальная гарантия, а именно – письменная санкция Хрущева, а то и нескольких членов Президиума. Но мог ли дать письменную санкцию Хрущев? Нет, конечно! Поэтому Берия был арестован и после ареста всего лишь изолирован, а не сразу расстрелян.

Но сколько об этом дне и его вечере наворочено «достовернейших» рассказов и даже «документов», не стоящих бумаги, на которой они напечатаны. И я удивляюсь, как до сих пор из вороха побасенок о том дне какой-нибудь бойкий литератор не состряпал киносценарий политического триллера. Там фигурировали бы и танковые колонны на улицах Москвы, и застывшие на бетоне аэродрома «Мигалово» 216 бомбардировщиков Ил-28 56-й авиационной бомбардировочной дивизии под командой генерал-лейтенанта авиации Героя Советского Союза Долгушина, и сам Долгушин, мучительно решающий – выполнять ли приказ командующего ВВС Московского военного округа генерал-полковника авиации Красовского, если тот распорядится бомбардировать Кремль… А как эффектно смотрелись бы панорамы аэродромов в Подольске и

Кубинке с штурмовиками Ил-10 5-й гвардейской штурмовой дивизии и истребителями Миг-15 9-й истребительной авиадивизии! Или – несущиеся по Киевскому шоссе три танковых полка гвардейской Кантемировской дивизии…

Различные авторы, даже такой вроде бы серьезный историк, как Ю. Жуков, уверяют, что все так и было. Жуков, явно переписывая кого-то, тоже сообщает о входивших в Москву по Киевскому шоссе танках еще и Таманской дивизии (вообще-то – мотострелковой), и…

И весьма вероятно, все так могло бы и быть, если бы Хрущев и К° решили устроить эффектное шоу под названием «Ликвидация заговора Берии». Однако в 1953 году такие шоу еще были не в моде, и я очень сомневаюсь, что все описанные выше триллерные детали из «воспоминаний» генералов и ветеранов действительно имели место быть. Если бы в Москве 26 июня 1953 года происходило нечто подобное, то уже на следующий день ее парализовали бы слухи. И они поползли бы по всей стране. А этого не было.

Нет, не отдавал генерал Красовский приказ генералу Долгушину бомбить Кремль, и не блокировали выезды из Кремля танки Кантемировской дивизии, навсегда опозорившей свои когда-то боевые знамена лишь через сорок лет – в октябре 1993 года, когда была расстреляна Советская власть.

Я не исключаю, впрочем, что некая возня – с боевыми тревогами, с выводом из мест расположения на подмосковные дороги какого-то количества танков и т. п. – имела место, поскольку надо было как-то инсценировать контрмеры против «заговора».

Но если бы шоу состоялось в развернутом виде ***на улицах столицы***, то вряд ли власти смогли бы выдержать в первый период после ареста Берии такую длительную информационную паузу, какая была выдержана. Я вскоре скажу о ней, но перед этим не могу не заметить вот что…

Уважаемый читатель! Все, сказанное выше о гипотетическом кинотриллере, я написал еще до того, как в еженедельнике «Антенна телесемь» за 12–18 ноября 2007 года прочел о съемках неким Алексеем Пимановым 8-серийного сериала «Охота на Берию». Премьера должна состояться 5 марта 2008 года – в день 55-й годовщины со дня смерти Сталина.

Эти мои строки пишутся в ночь с 17 на 18 ноября 2007 года, и я очень предполагаю, что в кинопасквиле Пиманова многое, вышеупомянутое, присутствовать будет, а заранее говорю о «работе» Пиманова как о пасквиле с такой уверенностью потому, что пимановы ничего кроме пасквилей не «создают» и «создать»

не могут.

А ТЕПЕРЬ о том, какой были информационная пауза et cetera (и прочее, и так далее)…

Автор книги «Бандиты времен социализма» Федор Ибатович Раззаков утверждает, что именно Берия стоял «у истоков десталинизации советского общества, способствуя тому, чтобы имя Сталина постепенно исчезало со страниц массовой печати». В обоснование этого абсолютно не соответствующего действительности тезиса Раззаков подсчитал количество упоминаний имени Сталина в передовицах «Правды» и заявил, что за период с конца мая 1953 года до конца июня, когда был арестован Берия, на Сталина была лишь одна ссылка. Зато, мол, после ареста Берии только за первую неделю имя Сталина было названо 12 раз.

Это заявление Раззакова подвигло меня на изучение годовой подшивки «Правды» за 1953 год! Так вот, Федор Ибатович считал не совсем верно, хотя число ссылок на Сталина по сравнению с январем – мартом 1953 года за «подсчитанный» им период действительно резко уменьшилось. Это – факт, заслуживающий самого пристального внимания и изучения, но разве Берия влиял на линию печати? Он в сей специфической сфере никогда своим не был и быть не мог по причине принципиального различия его прямой натуры с гибкими натурами «бойцов идеологического фронта ЦК».

В «Правде» после траура марта 1953 года в передовых и идеологических статьях не упоминался персонально ни один действующий высший руководитель – ***усиленно*** использовалось понятие «коллективного руководства». Причем в таких, например, передовых «Правды», как передовые за 27 мая 1953 года «Насущные задачи комсомольских организаций», за 22 июня – «Могущество советского строя», Сталина действительно не упоминают, во что трудно поверить, даже имея газетный лист перед глазами. Однако большинство передовых того периода носят чисто производственный, так сказать, характер, и поминать Сталина в связи с проблемами полеводства или животноводства вряд ли было необходимо. К тому же Берии, при его огромной загруженности, только и забот было, что о немедленной «десталинизации» думать.

После ареста Берии увеличение числа ссылок на Сталина в передовицах «Правды» было видно невооруженным глазом, но тут уж «коллективное руководство» стелило себе соломку в кризисной ситуации. Уже через месяц-другой после «антибериевского» пленума ЦК имя Сталина в «Правде» вновь

поминается нечасто, вплоть до того, что 21 декабря 1953 года – в первый день рождения Сталина, отмечаемый без него, «Правда» **ни одной строчкой** не напомнила стране, чем этот день знаменателен! Казалось бы – невероятно! Но – факт.

Возвращаясь же к теме ареста, сообщу, что с «подачи» Раззакова я установил и еще один любопытный факт. Не то что за первую неделю после ареста Берии, но вообще за период с 27 июня по 10 (десятое!!) июля я, к своему величайшему удивлению, ни разу не встретил в «Правде» имени Берии!

Он был арестован, как читатель помнит, в пятницу 26 июня. Однако ни 27-го, ни 28-го, ни 29-го, ни 30 июня, ни 1 июля, ни 2 июля – в день открытия пленума ЦК, о начале и работе которого главный печатный орган КПСС тоже умолчал, ни во все дни работы пленума об «агенте империализма» и «враге народа» Берии не было сказано ни слова!

Было бы возможным такое долгое молчание, если бы дело с арестом «ЛП» не обстряпали быстро и ***без шума***, так, что все вышло шито-крыто? Если бы в день его ареста по булыжникам Красной площади лязгали траками отнюдь не парадные бронетанковые расчеты?

Вряд ли…

Лишь 10 июля ***бабахнуло***: в верхнем левом углу первой полосы «Правды» разместилось «Информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС»:

«На днях состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК – тов. Маленкова Г.М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение – вывести Л.П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского государства».

Авторы этого Сообщения даже не заметили абсурдности сообщаемого! При строго логическом подходе вывод из сообщения мог быть один: МВД СССР – это орган иностранного капитала.

Но до логики ли было тогда «верхам»!

ВЕРНЕМСЯ, впрочем, в конец дня 26 июня. Сухомлинов пишет, что Берия был вывезен из Кремля в 17 часов 30 минут, и

это хорошо согласуется с общей картиной происходившего, как она мне представляется. Сухомлинов же сообщает, что отвезли «ЛП» вначале на гарнизонную гауптвахту в Алешинские казармы, а 27 июня перевезли в бункер штаба Московского военного округа на улицу Осипенко, 53.

Вечером того субботнего дня в Большом театре шла премьера обновленной оперы Юрия Шапорина «Декабристы», на которой должны были присутствовать все высшие руководители страны, включая Берию. И лишь по отсутствию его имени в газетных сообщениях о посещении руководством Большого театра кто-то мог заподозрить неладное. А впрочем… Мало ли причин выпадения одного имени из руководящей «обоймы»! Приболел человек, и не поехал на спектакль – всего-то и дел…

Увы, 27 июня Берия был уже не зрителем, а участником подлого «спектакля» в жизни, и назначенный неизвестно кем следователь прокуратуры СССР Цареградский заполняет на него анкету арестованного. Ее факсимиле тоже приводит А.Сухомлинов, и страницы его книги с факсимильным воспроизведением некоторых документов по делу Берии и его соратников мне представляются одними из самых ценных.

Вот и эта анкета… В нее положено вклеивать стандартное тюремное фото анфас и в профиль. Но в штабе МВО тюремного фотографа, естественно, не было, и Берию фотографировали лишь анфас и не с предписанной дистанции, поэтому фото получилось крупным, на нем, в отличие от большинства тюремных фотографий, лучше видны детали лица, четче просматривается его выражение и, главное, блеск глаз. Сухомлинов считает это фото почему-то «комическим», хотя оно безусловно трагично не только потому, что сделано в узилище, но и самой «фактурой» – с него смотрит на нас умный, немного – пока еще не смертельно – уставший человек без малейшей злобы и жестокости во взгляде.

Сильное вышло фото.

Сделано оно через сутки после ареста, и видно, что первый взрыв чувств уже прошел. А он, надо полагать, был… Я пишу «надо полагать», потому, что, повторяю, весь недолгий период

жизни Берии после 26 июня 1953 года точно восстановить вряд ли возможно как в главном, так и в деталях. Скажем, имевший доступ к якобы подлинным документам Сухомлинов сообщает об аресте ***начальника*** охраны Берии Саркисова, хотя к моменту ареста Берии Саркисов уже три недели был ***бывшим*** начальником его охраны и занимал должность заместителя начальника отдела в 1-м ГУ МВД. Так же вряд ли точна «максимально точная» – по заявлению Сухомлинова – его

реконструкция последнего дня Берии в Кремле. Сухомлинов явно не осведомлен о последнем «атомном» документе, подписанном Берией, и сразу же по приезде в Кремль направляет его в кабинет Маленкова. Не берет Сухомлинов во внимание и то, что как раз день ареста Берии стал и днем образования «атомного» Министерства среднего машиностроения. А ведь этот автор имел наиболее благоприятные по сравнению с остальными возможности для уяснения истины!

Но кое-что можно считать достоверным. И это, прежде всего, письма Берии из бункера. Они-то подлинны – очень уж психологически точны. Правда, знающий, что пишет, прокурор Сухомлинов сообщает, что «в органах… тогда существовали следователи-«забойщики» и следователи-«писатели» и что последние «были такими мастерами в литературе и в изложении на русском языке показаний, что им позавидовали бы даже опытные редакторы любого издательства». Это сообщение ценно и важно кроме прочего тем, что объясняет – на мой взгляд – откуда взялись многочисленные тома «дела» Берии. Однако вряд ли в штате кругловско-игнатьевско-кругловского МВД образца 1946–1953 годов имелись новые Лев Толстой или Антон Чехов. Гладко состряпать «показания» – это одно… А вот для того, чтобы написать письма из бункера, надо было или обладать выдающимся литературным талантом в сочетании со знанием множества деталей деятельности высшего руководства страны за много лет, или… Или быть Берией.

За охрану Берии в штабе МВО отвечал генерал Батицкий. В сборнике документов «Лаврентий Берия. 1953» сообщается, что в архивах сохранились его пометы, относящиеся к условиям написания первого письма ***«С. секретно. В ЦК КПСС. Лично т-щу Маленкову Г.М. Получено в 19.20 27.6.53. Батицкий» и «Было выдано 4 листа бумаги. 2 листа возвратил, 1 лист изорвал, $^1/_2$ листа использовал, $^1/_2$ листа осталась на руках. Батицкий».***

Всего писем было вроде бы три. Однако в соответствии с пометой Батицкого первое письмо было получено им от Берии в 19 часов 20 минут 27 июня, в то время как первое письмо, опубликованное в упомянутом сборнике документов, датировано 28 июня (эта же дата видна и на факсимиле письма в книге А.Сухомлинова). Так что же получил Батицкий «в 19.20 27.6.53» – написанное на ***«$^1/_2$*** листа» письмо, опубликованное в сборнике документов и воспроизведенное Сухомлиновым, или что-то другое? Не исключено, что писем было ***четыре***, но первое впоследствии уничтожили. Вечером 27 июня психологическое состояние Берии было таково, что он мог написать нечто

особенно неудобное для создателей образа «кровавого палача» и «монстра».

Так или иначе, мы имеем три опубликованных письма Берии от 28 июня, от 1 июля и от (предположительно) 2 июля. Со вторым письмом, от 1 июля, – самым обширным – читатель уже знаком, я его цитировал в начале книги и далее.

Что же до первого, от 28 июня, то оно достаточно кратко и написано уверенным почерком, практически без помарок и ошибок, строчки ровные:

«В ЦК КПСС
Товарищу Маленкову

Дорогой Георгий.

Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю, что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина – Сталина, – своей родине, был всегда активен в работе. Работая в Грузии, в Закавказье, в Москве МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД все, что мог отдавал работе, старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей. Это же относится к Специальному комитету, Первому и Второму главным управлениям занимающихся атомными делами и управляемыми снарядами. Такое же положение Секретариата и помощников по Совмину. Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других пусть простят, если что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы. Дорогие товарищи желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина – Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей Славной Родины.

Георгий, прошу, если сочтете возможным семью (жена и старуха мать) и сына Серго, которого ты знаешь не оставить без внимания.

Лаврентий Берия».

Тон этого письма, как видим, не слезливый и не просительный, причем Берия как бы даже прощается с коллегами. Его «прошу… пусть простят…» – это не униженная просьба о прощении нашкодившего школяра, а нечто психологически

напоминающее просьбу о прощении в Прощеное воскресенье: «Простите меня, люди русские, и я вам прощаю…» Последние слова о семье лишний раз подтверждают, что так оно на душе у Лаврентия Павловича и было.

Юрий Игнатьевич Мухин на основании того, в частности, что в письме упоминается не Президиум ЦК, а ЦК («ЦК решил иначе…», «считаю, что ЦК поступил правильно…»), делает вывод о том, что письмо писал-де не Берия, но в таком смешении двух понятий ничего подозрительного нет – для Берии, для его коллег, да и для остальных членов ЦК, Президиум ЦК и был «ЦК». Нет, это писал и подписывал Берия.

Ответа не последовало, и тогда «ЛП» пишет новое письмо, второе, сам вид которого говорит о нарастающем стрессе и которое начинается со слов: «В течение этих…» А вот тут надо остановиться!

В сборнике документов «Лаврентий Берия. 1953» текст выглядит так: ***«В течение этих четырех тяжелых суток для меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС…»*** и т. д.

Однако в книге А. Сухомлинова приведено факсимиле всех трех писем, и на странице 29 ясно читается: ***«В течение этих трех тяжелых суток для меня, я основательно продумал…»,*** а далее первоначально было ***«все мои действия как на работе, так и в отношении товарищей…»,*** потом сверху надписаны уточнения: ***«лично тебя и некоторых товарищей…»*** и ***«…все, что имело место с моей стороны за последние месяцы…»,*** а также: ***«…после пленума ЦК КПСС».*** Есть и другие расхождения. В сборнике читаем: ***«не провалиться… без товарища Сталина…»,*** а на факсимиле видно, что первоначально Берия написал: ***«не провалиться… после смерти Сталина…»*** То ли Сухомлинов привел черновик (вид факсимиле именно таков), то ли публикаторы письма в сборнике документов привели лишь окончательный его текст без учета вставок и поправок… Тогда становится понятным и расхождение в числе суток (черновой вариант был начат через трое суток, а беловой был закончен через сутки).

Я обращаю внимание читателя на эти детали постольку, поскольку ранее в источниках они (насколько мне известно) отмечены не были, хотя достаточно важны для анализа психологического состояния Лаврентия Павловича в те дни. Но, так или иначе, 2 июля начался Пленум ЦК, о котором мы еще поговорим и о котором вряд ли Берия знал, как не знала о нем до 10 июля и вся страна.

Понятно, что всем было не до узника бункера, и Берия пишет

новое письмо, ставшее последним:

«В Президиум ЦК КПСС.

Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, (после 5 дневного заключения без единого допроса}, умоляю Вас всех, чтобы этого не допустили, прошу немедленно вмешаться, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавить т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК не заслуживает, того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать так как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ без суда и выяснения дела в отношении члена ПК и своего товарища после

5 суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно т.т. работавших и (это «и» есть лишь в факсимиле в книге Сухомлинова, но отсутствует в сборнике «Лаврентий Берия.1953». – ***С.К.) с т. Лениным и т. Сталиным, обогащенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен верный Ваш друг и товарищ, верный член нашей партии…»***

В письме несколько раз повторяется слово «умоляю», но это не трусливая мольба о пощаде, а призыв к справедливости и объективности. Увы, объективность по отношению к Берии уже тогда оказалась более чем редким товаром. Не часто смотрят на него объективно и многие современные его биографы. Так, Борис Соколов в неоднозначной книге «Берия: судьба всесильного наркома» написал о своем герое немало, казалось бы, добрых слов, но оговаривается, что Берия вряд ли относится к категории людей «делать жизнь с кого»…

А почему бы и нет? Вполне его можно отнести к этой немногочисленной человеческой категории! Тем более что если абстрагироваться от тона книги Соколова, в ней самой можно

найти достаточно фактов, опровергающих это утверждение ее же автора. Думаю, Бориса Вадимовича, как и многих других, тут подводит некий вялый интеллигентский антикоммунизм, который даже умных людей делает глупее, чем они есть. Возможно, поэтому в оценке писем из бункера Соколов проявил удивительную духовную слепоту, написав: «Помещенный после ареста в бункер штаба Московского военного округа, Лаврентий Павлович забрасывал (? – *С.К.)* коллег письмами, в которых умолял пощадить его».

Нет, Берия не просил пощадить его – в его письмах и слова-то этого нет. Он ведь знал, что перед собой, перед партией и державой чист. Он просил вмешаться для того, чтобы ***разобраться*** в ситуации по существу. Он на объективности настаивал. Думаю, публикаторы письма в сборнике документов о Берии не по оплошности выпустили один союз «и» во фрагменте ***«ист. Лениным и т. Сталиным…».*** Таких тогда в Президиуме ЦК осталось четыре человека, Берия их чуть ниже перечисляет поименно. Лишь они ***помнили живой*** стиль и Сталина, ***и*** Ленина. Но, увы, не восприняли их стиль.

А Берия продолжает:

«Кроме укрепления, мощи нашей Страны, и единства нашей Великой партии у меня не было никаких мыслей.

Свой ЦК и свое Правительство, я не меньше любых т-щей поддерживал и делал все, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только захотите это расследовать. Что за спешка, и притом очень подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущева прошу не упорствовать разве будет плохо, если т-ща реабилитируют.

Еще и раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.

Ваш Лаврентий Берия».

Выше в фигурные скобки мной взята единственная в письме вставка, дописанная сверху, а подчеркивания принадлежат самому Берии, и эта последняя деталь лишний раз доказывает аутентичность письма: «ЛП» именно так выделял ключевые моменты в документах, а фразы «***Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только захотите это расследовать. Что за спешка, и притом очень подозрительная»*** он – тоже по давней привычке – еще и выделил очерком на полях.

Нет, это письмо писал не интриган. Интриган, кроме прочего, понимал бы, что нельзя – ни боже мой! – как-то упрекать тех, от кого зависит его судьба, да еще и пенять им подозрительной спешкой. Да из одной такой констатации виден человек

искренний, склонный поэтому к горячности, но – ЧЕСТНЫЙ!

У этого письма есть и еще одна особенность, характерная именно для Берии. Искренние и лживые покаянные письма писали в ЦК и Сталину не раз, но, пожалуй, лишь Берия ставил вопрос так, как и должен его ставить честный и умный человек. Он не просто заявляет о том, что за ним нет вины, но просит и даже требует (самой тональностью письма) ***расследовать*** обвинения против него. И за таким подходом виден опытнейший профессионал, чекист, следователь, знающий все стороны жизни и сознающий: ситуация сложна, и коль уж он утратил доверие товарищей, то восстановить его можно, лишь тщательно все разобрав.

Увы, дело было не в утрате доверия, а в том, что Берия испугал «товарищей» перспективой такой работы на благо державы, которой они – по разным причинам – вести уже не хотели. Им нужны были «заслуженные» лавры, а не неугомонный Лаврентий.

Этим все и определилось.

АНДРЕЙ Сухомлинов в своей книге о Берии к нему в целом нелоялен (позднее я об этом еще скажу) и поэтому мог написать следующее:

«Все, кто видел Берия в те дни (имеется в виду период после смерти Сталина. – *С.К.),* отмечают, что он был возбужден и деятелен… Даже в общении с членами Президиума ЦК он неожиданно перешел на «ты». А по воспоминаниям сослуживцев, при телефонных разговорах в их присутствии Берия нарочито… высмеивал и унижал членов Президиума ЦК, работая в основном «на публику»».

Увы, такой, мягко говоря, пристрастный подход к Берии типичен для многих, пишущих о нем. Но что плохого в том, что человек деятелен, если он при этом толков? А на «ты» обращались друг к другу все члены Президиума – это следует хотя бы из заявлений Хрущева на антибериевском пленуме и из других речей на нем же (например, Булганина)…

«Обличающие» же «воспоминания сослуживцев» – это то ли воспоминания Судоплатова, то ли результат политкорректировки его воспоминаний. И правды в них столько же, сколько в рассказах о хамстве Берии по отношению к коллегам.

Сухомлинов пишет о Берии и так:

«Ему бы затаиться, как Хрущеву, не раскрывать раньше времени своих намерений, но он слишком долго шел к власти и потерял осторожность перед последним рывком…»

Ну а что мы имеем здесь? Много ли смысла и правды в

заявлении, например, о том, что Берия-де «слишком долго шел к власти»? Как это понимать? Высшая власть давно принадлежала Сталину, и, пока Сталин был здоров, ее никто, в том числе и Берия, не оспаривал ни явно, ни тайно, хотя бы в собственных мыслях. Что же до самооценки Берией своего потенциала, то он и не скрывал ни от кого, включая Сталина, что именно себя считает единственным достойным преемником Сталина на посту Председателя Совета Министров СССР.

Но вот натуру и суть Хрущева Сухомлинов определил точно! Хрущев давно затаился, а теперь, когда лев был мертв, шакал прыгнул, вонзив ядовитые зубы в свою жертву… Уже в 1989 году его зять Аджубей сделал такое невольно обличающее тестя признание:

«Одержав верх над Берия, Хрущев сразу вырвался вперед… Хрущев даже внешне очень изменился, стал более уверенным, динамичным… Иначе, более нагло, стала вести себя даже охрана Хрущева…»

Завуалировать инициативную роль Хрущева в устранении Берии для всех, не желающих исторической правды, не просто выгодно, но насущно необходимо. Скажем, в 1998 году в номере 5-м журнала «Новая и новейшая история» известный читателю доктор исторических наук, профессор, ответственный секретарь Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ Владимир Наумов сообщал:

«Как признал на июльском 1953 г. пленуме ЦК Маленков, вопрос о том, что делать с Берией, возник 12 июня после обсуждения на очередном заседании его записок, подготовленных МВД, и постановлений президиума ЦК, принятых на основе той информации, которая содержалась в этих записках. Сепаратные переговоры с отдельными членами президиума продолжались более недели. Организаторами переговоров выступали Маленков и Хрущев… К 26 июня все члены президиума ЦК, кроме Берии, знали о характере предстоящего заседания. Фактически, это был заговор президиума ЦК против одного из своих членов. Все элементы заговора были налицо: строгая конспирация, секретная подготовка перечня обвинений, проработка сценария, распределение ролей, закулисные переговоры участников событий, формирование вооруженной группы генералов и офицеров, которым поручался арест Берии…»

Очень хочется профессору Наумову выдать произошедшее 26 июня 1953 года за коллективный заговор, хотя коллективным тогда было лишь пособничество членов Президиума главному и единственному подлинному заговорщику – Хрущеву.

Не знаю, что там «признал на июльском 1953 г. пленуме ЦК

Маленков», но в сборнике документов 1999 года «Лаврентий Берия. 1953», где приводится доклад Маленкова, ни о чем, подобном сообщенному Наумовым, не говорится! И что забавно! Тот же Наумов является одним из составителей этого сборника, на странице 410 которого сказано, что фальсификация происходившего на пленуме началась уже на первой стадии подготовки стенографического отчета. Причем в неправленой стенограмме пленума, приводимой в сборнике, доклада Маленкова вообще нет – он приводится лишь по тому официальному стенографическому отчету, фальсификацию которого признает сам Наумов.

Чудны дела Твои, Господи, но куда им до дел Твоих блудливых и лукавых творений!

Причем Наумов в упомянутой статье пишет и так: «По поводу этого заседания президиума ЦК (на котором был арестован Берия. – *С.К.)* существует много версий, основанных не на фактах, а на домыслах. Но есть два достоверных свидетельства…»

Какие же это свидетельства?

А вот какие: «Одно из них принадлежит Хрущеву… Есть также свидетельство группы генералов и офицеров Московского военного округа, которые были привлечены Булганиным и Хрущевым для ареста Берии…»

Ну, свидетельства Никиты Хрущева, «отправившего» Сталина пьянствовать после начала войны на «ближнюю» дачу, может принимать за достоверные лишь тот, кому этого очень хочется или кому это выгодно.

Что же до «свидетельств» генералов, то, не принимая даже в расчет явную ложь этих «свидетельств», доказанную даже таким антибериевцем, как В.Карпов, надо заметить, что Жуков и К° появились в зале заседаний Президиума ЦК лишь в момент ареста, поэтому о предшествующих обстоятельствах и о ходе заседания знать не могли.

И такие вот «историки», как профессор Наумов, пытаются наставлять на ум своих сограждан, у которых от подобных Наумовых и так уже ум за разум заходит! Между прочим, должен осведомить читателя, что домыслы Наумова относительно «признаний Маленкова, проработки сценария, распределения ролей, формирования группы военных» и т. д. практически текстуально воспроизвел (без ссылок на первоисточник) в своей книге и Сухомлинов – на страницах 14 и15.

Но чего нельзя отрицать, так этого того, что раздражение против Берии у его коллег нарастало, и оно очень показательно прорвалось на июльском пленуме. Вот, скажем, стенограмма выступления Ворошилова:

«Ворошилов. …Особенно он распоясался… после смерти товарища Сталина… Он во всем и постоянно первый, он все предлагает, он все предвидит, он все знает, он всегда командует! Так это было, товарищи? (Обращается к членам Президиума.)

Голоса из президиума. Так, правильно».

Или Хрущев, подавая реплику во время речи Микояна:

«Хрущев. Может сложиться впечатление, что мы… сидели и дрожали перед ним. Было много случаев, когда мы хорошо в зубы давали и принимали решения. А то получается впечатление, что мы сидели и глядели на него…»

Чье-то явное превосходство (пусть даже не подчеркиваемое) для посредственности нетерпимо. А к лету 1953 года почти весь Президиум ЦК КПСС превратился в коллективную посредственность, не способную, говоря языком современным, справиться с вызовами времени.

И, честно говоря, я не могу утверждать, что с ними мог справиться – без Берии – уже и сам Сталин, при всей его гениальности разменявший восьмой десяток лет.

Профессор Наумов пытается приписать Берии антисталинизм на том основании, что его записки, включая «национальные», обличали-де «порядки, царившие при Сталине». Несколькими страницами дальше Наумов, забывшись, уже называет Берию «сталинским опричником», о реабилитации которого «не может быть и речи». Нет, Берия был ***учеником*** Сталина, но, как всякий толковый ученик, он уже обходил Учителя, ибо надо было идти дальше. А в извращениях национальной политики были виновны именно руководители на местах – Хрущев и Мельников с Кириченко, Пономаренко и Патоличев, Снечкус и Гедвилас, а ни Сталин. Если дело было в Сталине, то почему и после его смерти наболевшие вопросы подняли не республики, а Берия?

Кто-то, возможно, возразит мне: «Почему же Берия не выступил со своими инициативами при жизни Сталина, если дело было не в Сталине?» Но то-то и оно, что к 1952 году Сталина в немалой мере «играло» окружение. И это окружение в случае усиления активности Берии могло бы коллективно затюкать «активиста» просто из инстинкта самосохранения. Не путем интриг, а путем коллективного остракизма. Что, собственно, позднее и было сделано.

С другой стороны – как знать? Может быть, нечто похожее на то, что предлагал Берия, и должно было стать предметом внимания той загадочной «Тройки», которую Сталин так и не

успел отправить в большой путь?

Да, Берия и без Сталина был для коллег неудобен. Однако замышлять арест и ***ликвидацию*** Берии вряд ли мог даже Молотов.

Явный миф – и якобы затаенное соперничество Берии и Маленкова. Что значит соперничать? Это значит стараться превзойти другого в чем-то. Однако Берия как государственный деятель был на голову выше Маленкова, и соперничать с Маленковым ему не было нужды. Так что о соперничестве тут говорить не приходится, хотя нельзя исключать затаенной ***зависти*** Маленкова к Берии. Но даже зависть не программировала ненависти – от зависти до ненависти дистанция немалая.

Впрочем, нет правды и в утверждении, например, Судоплатова, что Маленков и Берия были якобы «в доверительных отношениях». То ли престарелый генерал, то ли политкорректировщики его мемуаров не увидели абсурдности такого утверждения – если бы отношения у Георгия Максимилиановича и Лаврентия Павловича были ***доверительными***, то Берию никто не арестовал бы! Другое дело, что из всего состава Президиума ЦК у Берии объективно не могло не быть наиболее тесных отношений именно с Маленковым. И, даже без особой приязни к коллеге, Маленков не мог не видеть его сильных для дела качеств.

Зато не мешает нам познакомиться с признанием еще одного коллеги Берии:

«Мы ведь с Берия ходили вместе, под ручку ходили… У меня с Берия были разные периоды… отношений, но самый лучший период у меня с ним отношений, такие – не разлей, не растянись, – это после смерти товарища Сталина. Если я ему день не позвонил, то он уже звонит и спрашивает, чего не звонишь. Говоришь, что некогда, дела были. «А ты звони»…»

Коллега этот – Хрущев. А говорил он это на июльском пленуме 1953 года. Но с чего это вдруг Хрущев признавался партийному пленуму в такой тесной дружбе с им же разоблачаемым «врагом народа»? А может, все было наоборот? Может, это Хрущев названивал Берии – заранее создавая «фон» будущих обвинений?

Я это все к тому, что против Берии за десятилетия в литературе нагромоздилось множество разнообразных обвинений, но первоисточник их – материалы двух масштабных и скоординированных мероприятий по демонизации Берии – антибериевского июльского 1953 года Пленума ЦК КПСС и «следствия» по «делу» Берии. Итог их: официальный стенографический отчет о пленуме и 39 томов (плюс 4 Особые

папки ЦК) «следственного дела».

И в обоих случаях мы имеем дело с историческим фальсификатом.

Зададимся еще раз вопросом – так кто же с самого начала замышлял физическую ликвидацию «ЛП»? В речи Булганина на июльском пленуме имеется следующий пассаж:

«Булганин. …Товарищи, разоблачение Берия… в особенности завершение этого разоблачения и сам арест Берия были трудным делом и рискованным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущеву и ***Молотову (бурные аплодисменты***), которые организовали хорошо это дело и довели его до конца…

Хрущев. Одна поправка есть: и себя ты не исключай из этого. ***(Аплодисмент ы.***)

Булганин. Я очень тебе благодарен, Никита, за эту реплику и заявляю тебе и всем другим товарищам, что я поступил так, как должен был поступить каждый порядочный (? – *С.К.)* член партии…»

Но, тонко умеющий держать хвост по ветру Николай Александрович здесь лишь польстил отныне главным властителям номенклатурных душ. А Хрущев в ответ польстил ему – как в благодарность за содействие аресту, так и для того, чтобы круче замарать Булганина в грязи своего заговора против Берии, где Маленков и Молотов активной роли, конечно, не играли.

Правда, тот же Юрий Жуков некритически воспроизводит лукавую гипотетическую версию о якобы не просто ведущей, а полностью инициативной антибериевской роли… Маленкова! Мол, тот якобы самостоятельно договорился с Кругловым, Серовым, Жуковым и Москаленко и лишь затем поставил Хрущева (!), Булганина и Микояна перед выбором: или поддержка ими предстоящего ареста Берии, или их немедленный арест прямо в маленковском кабинете.

При всей антиисторичности и несуразности такой версии, она имеет хождение, как видим, даже в академической среде. И поэтому остановимся кое на чем подробнее…

КАК СООБЩИЛ в 1998 году в ранее упоминавшейся статье профессор Наумов, «недавно стал доступен исследователям документ, имеющий ключевое значение для реконструкции не только событий 26 июня 1953 года, но и частично раскрывающий процесс подготовки членов президиума ЦК к снятию Берии». Документ этот – черновая запись выступления Маленкова на

заседании Президиума ЦК, и он опубликован в сборнике «Лаврентий Берия. 1953».

Это действительно черновик, и черновик, вне сомнений, подлинный – его содержание так точно говорит о сути ситуации, что автором записей мог быть только Маленков. И из этих записей видно, что с точки зрения Маленкова, согласованной, надо полагать, с Хрущевым и Молотовым, главным прегрешением Берии было то, что он… стал министром внутренних дел.

Всего-то!

Чтобы читатель убедился в этом сам, я приведу в наиболее существенных фрагментах текст черновика Маленкова, который начинается так:

«Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством.

Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии.

Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД.

Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения (выделение мое. – ***С.К.) подобных преступлений…»***

Кого же подразумевает Маленков под врагами?

Берию?

Но тогда он так бы и написал – это же черновик тезисов предельно конфиденциальной речи.

Впрочем, из последней фразы можно понять, что Маленков имеет в виду не Берию, а его предшественников в довоенном ОГПУ – НКВД. То есть прежде всего Ягоду. Знакомство с речью Маленкова на июльском пленуме окончательно убеждает в правомерности такого утверждения – он говорил там, кроме прочего, следующее: «…в истории нашей страны были не раз попытки со стороны врагов, пробравшихся в органы… подтачивать руководство партии…»

Что же до самого Берии, то Маленков в своих тезисах далее пишет:

«…Органы МВД занимают такое место в системе государственного] аппарата, где имеется наиболь[шая] возможность злоупотребить властью.

Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребления] властью…

<…>

2. Пост Мин[истра] внутренних] дел у товарища] Б[ерия] – он с этого поста контролирует] парт[ию] и

пр[авительст]во[.] Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же, не поправить…»

То есть «т[оварищ] Б[ерия]» – не заговорщик, не реставратор капитализма, не враг народа и агент международного капитала, а всего лишь ***потенциальный*** источник «больших опасностей», да и то не для державы, а для ее руководителей. Но даже это – предположение Маленкова, а не констатация им свершившегося факта. Первым же пунктом обвинений стоит вот что:

«7. ***факты – Укр[аина], Литва, Латв[ия]***
Нужны ли эти меропр[иятия]
Что получилось, как стали понимать?»
МВД поправл[ял] партию и правит[ельство]
ЦК – на второй план…»

Здесь все понятно – имеются в виду известные читателю «национальные» постановления Президиума ЦК. Они вызвали в республиках неоднозначную реакцию – кто-то стал перегибать палку в другую сторону. Но если вы руководители страны, а не чиновники, то объясняйте и действуйте так, чтобы все понимали все так, как понимаете это вы! А поняв, соответственно бы действовали.

Что же до претензий по поводу инициатив МВД – это явное коммунистическое чванство, ненавидимое еще Лениным. Умный человек или партия, если их кто-то поправит (то есть исправит ошибки или недочеты), за это должны быть лишь благодарны. Дело-то делается одно, общее – не так ли? Но «жалобы» Маленкова позволяют понять, что «вина» Берии состояла не в ошибочной позиции, а в активной позиции.

Третьим и четвертым пунктами шли обвинения в несогласованности линии поведения с венграми и в Германии, в «подавлении коллектива». Маленков пишет:

«Какая же это коллектива [ость].
Безапелляционность – покончить.
Нужен – монолитн[ый] кол[лектив] и он есть!» и т. п.
Особенно же интересен пункт пятый:
«5. Как исправить:
а) МВД – пост дать другому (Кр[углов]) + ЦК
Управл[ение] охр[аны] – ЦК»
С утра до вечера шага не шагне[шь] без контроля!
Наша охрана – у каждого в отд[ельности], тому кого охр[аня-ют] (без доносов)
<…>
Товарищи] не увере[ны], кто и кого подслуш[ивает]

б) От поста зама [Совета Министров СССР] – освободить назначать] министром] нефт[яной] пр[омышленности]

Потом!

в) Специальный] Комит[ет] – в Министерство] Сабуров и Хруничев

г) Президиум ЦК – по крупн[ым] вопр[осам] реш[ения] – за подп[исью] секретаря], Председ[ателя]…»

Из тезисов пункта 5-го однозначно следует, что члены Президиума ЦК, взятые как некое целое, Берию арестовывать не собирались. Вывести его за пределы руководящего круга и отстранить от МВД – да! Правда, в записях имеется неясное «Потом!», но оно никак не может расшифровываться как план в итоге устранить «ЛП» и физически… Скорее это надо понимать как обещание шанса на последующее частичное прощение…

Итак, и в свете черновика Маленкова арест Берии на заседании в Кремле выглядит как чистая инициатива исключительно Хрущева. Константин Симонов был участником антибериевского пленума. Как литератор он кое-что подметил верно и позднее написал вот что:

«О том, как поймали Берию… на пленуме рассказывал Хрущев. Слово «поймали» наиболее точно соответствовало характеру рассказа Хрущева, его темпераменту и тому ***страстному удовольствию*** (выделение мое. – ***С.К),*** с которым он рассказывал обо всем этом.

Из его рассказа… следовало, что именно он, Хрущев, сыграл главную роль в поимке и обезоруживании этого крупного зверя. Для меня было совершенно очевидным, когда я слушал его, что Хрущев был инициатором этой поимки… потому что он оказался проницательнее, талантливей, энергичней и решительней, чем остальные. А с другой стороны, этому способствовало то, что Берия недооценил Хрущева, его качеств, его глубокой природной, чисто мужицкой хитрости, его здравого смысла, да и силы его характера, и наоборот, счел его тем круглорожим сиволапым дурачком, которого ему, Берии, мастеру интриги, проще простого удастся обвести вокруг пальца. Хрущев в своей речи не без торжества говорил о том, за какого дурачка считал его Берия…»

Симонов за свою жизнь написал немало талантливых строк (особенно стихотворных), но высоким человеческим стандартам не отвечал, не поднимаясь над общей серостью постсталинской руководящей элиты. И это сказалось в его завышенной оценке Хрущева.

Нет, Лаврентий Павлович Берия не был заговорщиком, не был он и интриганом. И жертвой Хрущева он пал в силу того, что

был по натуре – в конечном счете – идеалистом, пусть и практическим. А Хрущев был духовным лакеем, искренне не понимающим, как можно не сподличать, если это выгодно. Хрущев был хамом, давно возомнившим о себе, но вынужденным десятилетиями это самомнение скрывать. Он был идеально способным к нравственной и политической мимикрии подлецом с действительно цепкой хитростью. Он действительно был энергичен, умел говорить с народом, был исполнителен и умел изображать преданность делу – за счет чего и держался.

Но если бы постсталинская ситуация получила конструктивное развитие, то Берия встал бы во главе страны. А Хрущев вряд ли удержался бы долго даже на позициях одного из секретарей ЦК. Поэтому он и задумал кроме коллективного заговора части Президиума ЦК по ***смещению*** Берии (вот этого я не исключаю) еще один, собственный моно-заговор по ***ликвидации*** Берии. И в этом его заговоре все остальные оказались лишь безвольными пособниками на этапе ареста и деятельными пособниками на этапе Пленума ЦК.

Вот что пишет генерал Судоплатов:

«Положение Хрущева в руководстве ставило его в исключительно выгодную позицию поочередного блокирования с любым влиятельным членом Президиума ЦК. Именно он, почувствовав уязвленность Молотова амбициями (фу! – *С.К.)* Берии во внешней политике, устроил заговор первоначально против Берии, а затем и против Маленкова».

Это мнение интересно, хотя и далеко не во всем верно. Скажем, как надо понимать «…с любым влиятельным членом Президиума ЦК»? Кто из членов Президиума был реально влиятельным, кроме Хрущева? Только Маленков – как Председатель Совета Министров, и еще – Берия.

Молотов? МИД – не силовое ведомство, да и можно ли было говорить о Молотове как о самостоятельной величине?

Булганин? Хотя и военный министр, но реально в войсках серьезного влияния не имеет.

Каганович? Ворошилов? Микоян? Нет, нет и нет, если иметь в виду каждого в отдельности.

Личным моральным и интеллектуальным влиянием на соратников, каким обладали Ленин и Сталин, в постсталинском Президиуме ЦК никто не обладал. Кроме Берии… Но Хрущев действительно имел возможность блокирования с любым членом Президиума ЦК кроме, опять-таки, одного – Берии, потому что все остальные, как и сам Хрущев, постепенно переходили в партию партократов. А Берия оставался в партии Сталина.

В партии Сталина интриги не обеспечивали высоких постов –

Сталин интриг не терпел. В формирующейся партии партократа Хрущева интриги становились неотъемлемой чертой «внутрипартийной» жизни высших бонз этой партии. Тот, кто осваивал искусство интриг, выживал – как сам Хрущев, как Микоян. Не освоившие сие искусство сходили «с круга» – как члены «антипартийной группы» Маленков, Молотов, Каганович…

Кроме прочего, Хрущев ловко сыграл на страхе коллег перед возможностью жесткой власти Берии. Ведь страх высокопоставленного чиновника потерять свое кресло – страшная вещь, способная породить страшные вещи. А после смерти Сталина руководящее кресло уже ни для кого не грозило превратиться в скамью подсудимого, и терять его никому не хотелось вне зависимости от того, мог ли его хозяин претендовать на него объективно.

Интриги Хрущева цели достигли – в высшем руководстве против Берии в той или иной мере были настроены все. Но я не исключаю, что даже министра обороны Булганина Хрущев до самого 26 июня не привлекал к обсуждению идеи ***ареста.*** Зато заручился содействием хорошо знакомых ему Москаленко и еще – Ивана Серова в МВД.

По некоторым данным, в повестку дня заседания Президиума ЦК 26 июня был включен и вопрос о Московском военном округе. Близкого к Берии командующего МВО генерал-полковника Павла Артемьева в те дни отвлекли на командно-штабные учения МВО в Калинине. И Хрущев мог попросить Булганина пригласить в Кремль ряд военных с включением в эту группу Москаленко.

А вот из членов Президиума ЦК Хрущев по вопросу о возможном аресте Берии предварительно скорее всего не советовался ни с кем. Просто подтолкнул Маленкова и других провести заседание «по Лаврентию», который забирает-де все большую волю и власть.

Впрочем, не исключено, что в самый последний день перед заседанием Хрущев мог припугнуть коллег лживыми «данными» о, скажем, намерении «Лаврентия» арестовать всех на премьере шапоринских «Декабристов». Параллельно же, не вдаваясь в подробности, договаривался с лояльными к нему и нелояльными к Берии военными, не очень-то разборчивыми по части чести, но готовыми взять на себя сам арест.

Понятно и то, почему Хрущев обратился к генералам. Во-первых, вовлекая их в свой персональный заговор «втемную» (ведь он наверняка представлял им дело так, что на арест есть устная санкция Президиума ЦК), Хрущев, тем не менее, повязывал военных и их министра Булганина соучастием. И тем гарантировал себе поддержку – в случае чего – армии.

Во-вторых, появление в Кремле группы высших военных не было подозрительным – мало ли в чем дело… Вызвали на Президиум или там заседание Совмина, вот и идут!

В-третьих, сам факт появления генералов в зале заседания не мог не произвести на членов Президиума ЦК ожидаемого Хрущевым эффекта. Попробуем представить себе психологический рисунок происходящего.

Идет заседание, и Маленков (как и договаривались) круто «накатывает» на Берию. Атмосфера, вполне понятно, накаляется. И вдруг в зал входят с решительным видом вооруженные генералы. Что могли подумать Маленков, Молотов, Микоян, Каганович, Ворошилов и прочие? Первая мысль – даже не «Зачем они здесь?», а ***«За кем они?».*** Ведь кроме Хрущева (и, возможно, Булганина) о предстоящем появлении генералов не знает никто. И все, понятное дело, вздернуты донельзя!

Вздернуты все, кроме того, кто этот приход инициировал. Спокоен лишь Хрущев – теперь ситуацию контролирует он. И знает об этом только он.

Берии сообщают об аресте. И в шоке от этого не только сам Берия, но и остальные – кроме Хрущева. Но теперь психологическое состояние качественно иное. Вопрос «За кем?» отпал. И все начинают мгновенно прикидывать – а не выход ли это из положения? Лаврентий скоро действительно может выйти на первую роль, а парень он энергичный и жесткий… И тормошить будет, и вот портреты носить не будут, и вообще… Так что уж раз ***слово*** сказано, пусть его уведут.

А там – посмотрим.

Расчет Хрущева был точным – для этого ни русской грамматики, ни высшей математики знать не требовалось. А уж избавившись от Берии как от реальной силы, Хрущеву было нетрудно убедить коллег в том, что от него надо избавиться вообще – если не будет серьезных возражений со стороны пленума ЦК, который надо созвать как можно скорее.

Об этом, «антибериевском», пленуме можно написать отдельную книгу, но мне придется ограничиться одной главой, заранее сообщив читателю, что внимательный анализ ***обеих*** стенограмм июльского пленума (подлинной, неправленой, и вошедшей в официальный стенографический отчет, фальсифицированной) сам по себе может породить сомнение в преступлениях Берии.

Тогда о нем, еще неделю назад бывшем фактически первым человеком в державе, было сказано столько плохого, что у объективного аналитика не может не закрасться сомнение в искренности и правдивости «обвинителей». Они и не были

правдивыми…

Что же до искренности, то тут дела обстоят сложнее. Пожалуй, все выступавшие были вполне искренни в проявлении радости от того, что они избавились от Берии. Но эта радость очень напоминала радость школяров по поводу отмены урока из-за болезни учителя. «Ура! – кричат юные глупцы. – Мы свободны!»

«Да, – замечу я, – свободны… От новых знаний… От работы ума и души… А в конечном счете – от шанса вырасти людьми…»

Однако в зале заседаний пленума собрались не юнцы, и радовались они по более серьезному поводу – из истории страны устранялся последний человек, способный заставить Номенклатуру трудиться не во имя собственного продвижения и процветания, а во имя Державы и Народа.

Глава 27
Пленум ЦК без члена Президиума ЦК и «следствие» без подследственного

На следующий день после ареста Лаврентия Павловича – 27 июня 1953 года – Хрущев подписал письмо Президиума ЦК членам и кандидатам в члены ЦК и членам Центральной Ревизионной Комиссии о созыве Пленума ЦК с предложением «обязательно прибыть для участия в работе пленума». И в намеченный срок – 2 июля 1953 года, пленум начался.

Сегодня, когда проведена огромная работа по уничтожению великой державы, начатая на том пленуме, можно тиражом в 1000 экземпляров сказать часть правды о сути его, и во введении к известному читателю сборнику «Лаврентий Берия. 1953. Документы», изданному Фондом «Демократия», можно прочесть: «Образ кровавого палача, агента международного империализма, карьериста, интригана и властолюбца, хама и законченного развратника Лаврентия Берии, ***созданный коллективными усилиями на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС***, не претерпел с тех пор каких-либо существенных изменений…»

Выделение в этой цитате, естественно, мое. И вообще-то, уважаемый читатель, одной этой цитаты из документа ограниченного (тиражом) ознакомления достаточно для того, чтобы заявить: «Тот Берия, который давно всем привычен, это ***клеветническая выдумка*** его очернителей!»

Не скрывает Фонд «Демократия» и следующего: «Фальсификация происходившего на пленуме начиналась уже на первой стадии подготовки стенографического отчета, когда авторы речей редактировали неправленую стенограмму своих выступлений…»

Как видим, тиражом в 1000 экземпляров, через полвека после преступления, можно факт тотальной фальсификации облика Берии и признать.

Иными словами, уважаемый читатель, не было ни кровавого палача, ни агента международного империализма, ни карьериста и интригана, ни хама, ни законченного власто– и сластолюбца…

Не бы-ло!

Был человек… Не ангел, однако и не злодей.

Уж никак не злодей.

Злодеем, причем – классическим, коварным, рядящимся в

простодушие, был Никита Хрущев. И уж он-то, поняв, что отныне хозяин страны и опора Номенклатуры – он, на этом пленуме просто-таки упивался той первой ролью, которую вырвал у жизни в считаные дни. Он впервые вкусил сладость ***высшей*** власти и не особенно себя контролировал, поэтому порой у него вырывались эмоциональные фразы, по «интеллектуальному» уровню и стилистической конструкции достойные уст незабвенного «Грегория» Ефимовича Распутина: «Такой авантюрист!», «Ух, это какой мерзавец!» и т. п.

Особенно же чувство торжества Никиты проявилось, пожалуй, в следующих словах:

«…Интриган, и главное, что он за дураков считает всех, думает, что он великий разведчик, он все понимает… Думает, что он великий разведчик, он все понимает… но не такие простаки оказались, как он думал».

Хрущев ликовал и лгал, лгал и ликовал. И, ликуя, порой пробалтывался о том, о чем болтать не следовало. Так, в исправленном, типографским образом изданном стенографическом отчете о пленуме, предназначенном для рассылки членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам ЦРК, а также в обкомы, крайкомы и центральные комитеты компартий национальных республик, он якобы произносил следующий текст:

«Недавно он (Берия. – *С.К.)* вошел в Президиум ЦК с предложением об особых совещаниях. Мы этого вопроса еще не обсудили, не успели. Решили раньше Берия посадить, а потом обсудить. ***Берия внес предложение о правах особого совещания*** (выделение мое. – *С.К.)* при МВД. Что такое особое совещание? Это значит, что Берия арестовывает, Берия допрашивает и Берия судит».

И читающий имел законные основания возмутиться «властолюбцем» Берией, стремившимся и дальше «арестовывать, допрашивать и судить».

Однако в действительности Хрущев сболтнул прямо противоположное, что следует из неправленой стенограммы:

«Интересно, с какими предложениями вошел он в Президиум. Мы еще их не обсудили, не успели, решили раньше его посадить, а потом обсудить. Он ***внес предложение, что нужно ликвидировать Особое совещание*** (выделение мое. – *С.К.)* при МВД. Действительно, это позорное дело. Что такое Особое совещание? Это значит, что Берия арестовывает, допрашивает и Берия судит».

Вот так.

Но как обстояли дела с Особым совещанием (ОС) на самом деле? Впервые, «в связи с окончанием войны», резко ограничить

права ОС предложил в записке на имя Сталина от 1 октября 1945 года якобы «палач» Берия.

Напомню, что в 1938 году Особое совещание при НКВД было лишено права приговаривать к высшей мере наказания с предоставлением права выносить решение о лишении свободы сроком до 8 лет. Лишь 17 ноября 1941 года Государственный Комитет Обороны вновь наделил ОС правом приговаривать к расстрелу.

Теперь же Берия, как нарком внутренних дел, сам, по собственной инициативе, предлагал ограничить ОС правом приговаривать к лишению свободы на срок не свыше 8 лет с конфискацией имущества. Такой вот «палач» и «садист».

Сталин тогда предложение Берии не принял, и уже после ухода Берии из МВД Особое совещание было дополнительно наделено правами ссылать на бессрочное поселение, заключать в особые лагеря на 20 лет каторжных работ лиц, совершивших побеги с постоянного места поселения и т. д.

Причем все это происходило во времена курирования спецслужб Маленковым и «ленинградцем» Кузнецовым! Уж они-то Сталина предложениями типа бериевского не беспокоили.

Зато, скажем, Хрущев в записке Сталину в феврале 1948 года предлагал ***внесудебным*** порядком, по общественным приговорам сельских сходов, выселять за пределы УССР (фактически – ссылать) «вредные элементы». Это предложение было реализовано в Указе Президиума ВС СССР от 2 июня 1948 года, причем идея была вполне разумной. Но в системном отношении она походила как раз на… идею ОС: когда меры принять надо, а по суду их принять сложно, то их разумно принять в особом порядке.

Так или иначе, при жизни Сталина вопрос о судьбе и правах ОС решен не был. И вот 15 июня 1953 года Берия вновь поднял этот вопрос, предлагая «ограничить права Особого совещания… разрешив ему рассмотрение дел, которые по оперативным или государственным соображениям не могут быть переданы в судебные органы, и применять меры наказания… не свыше 10 лет заключения… или ссылки».

Это и ставил теперь в вину Берии Хрущев, еще и передергивая насчет того, что Берия «арестовывает…». Арестовывать Берия мог лишь с санкции прокурора (это Хрущев арестовал его без санкции!).

Из подлинной стенограммы речи Хрущева можно извлечь и лишнее подтверждение тому, что прекращение «дела врачей» инициировал не Берия, а Хрущев, который говорил так: «Если взять поздние вопросы – врачей, – это позорное дело для нас, это

же липа…»

Так-то оно так, но позор был не в аресте безусловно виновных в многих прегрешениях врачей, а в том, что подобным сомнительным во всех отношениях дельцам была доверена охрана здоровья руководителей государства. И замазать этот позорный факт было выгодно прежде всего Хрущеву.

ВООБЩЕ-ТО пленум открылся выступлением Маленкова, но оно не могло задать нужный тон судилищу – Председатель Совмина выступал без страсти, вяловато. И, возможно, поэтому стенограммы его речи в архивах нет. Даже отредактированный и антибериевски усиленный текст ее в официальном отчете не впечатляет: самое сильное выражение, которое Маленков нашел для Берии, это – «авантюрист».

Так что с системной точки зрения подлинной отправной точкой трехдневного действа стало выступление Хрущева. Я говорю «трехдневного» потому, что пленум, формально длившийся со 2 по 7 июля, фактически имел двухдневный перерыв на субботу и воскресенье 5 и 6 июля. А 7 июля все закончилось за пару часов без выступлений (лишь взбодрившийся Маленков произнес пространное заключительное слово, где, к слову, кратко, но однозначно осудил «культ личности» Сталина).

Своей речью Хрущев задавал тон всей «работе» пленума, и уже в начале он дал понять, что никому не надо стесняться ни по части выбора выражений, ни по части измышлений – лишь бы они были по адресу Берии.

И Хрущев был понят всеми… О том, кто эффективно боролся с контрреволюцией в 20-е и 30-е годы, кто вложил много сил в развитие советского Закавказья, в перестройку НКВД СССР, в отражение германской агрессии и обеспечение Победы, о том, кто принял на себя огромную ответственность за Урановую и Ракетную проблемы, а после смерти Сталина показал себя наиболее активным, инициативным и понимающим суть эпохи государственным лидером, на пленуме не было сказано не то что ни одного доброго, но минимально объективного слова…

Впрочем, нет, Молотов сказал и так:

«…Он выполнял большую работу, он талантливо работал в организации ряда хозяйственных мероприятий…» – однако тут же оговорился:

«…но послушайте, мы ведь используем и вредителей, заставляем их работать…»

Впрочем, в официальном отчете о пленуме эта часть речи Молотова выглядела уже более политкорректно:

«Нельзя отрицать его организационных способностей,

которые сказались в организации и проведении ряда хозяйственных мероприятий…»

Да, Молотов, как и Маленков, не сразу сумел подняться до нужного «градуса» обличений и в начале речи даже признался:

«Когда 9 марта (после смерти Сталина. – *С.К.)* собирался Верховный Совет, я позвонил Берия по-товарищески. Мы тогда еще товарищами были…»

Однако потом Вячеслав Михайлович набрал обороты и сообщил: «С тех пор как Берия приехал в Москву (то есть, выходит, с августа 1938 года. – *С.К.),* атмосфера испортилась: пленумы перестали собирать, съезд затянулся на 13 лет… Он отравлял атмосферу, он интриговал…»

Итак, еще 9 марта 1953 года «мразь» и «вонючий клоп» Берия (сподобился министр иностранных дел СССР и на такие выражения) был для Молотова товарищем. Но при этом еще до войны Молотов знал, что Берия интриган, отравляющий атмосферу дружного товарищества, царившую в Москве до приезда туда Берии…

Да, дивны, дивны, Господи, не Твои дела, а дела творений Твоих!

Речь Хрущева стала камертоном, и по ней настраивались все остальные… Причем согласованная тональность выступлений менее руководящих товарищей (уровня ниже члена Президиума ЦК) позволяет предполагать, что их в аппарате хрущевского ЦК если и не снабдили соответствующими тезисами, то уж развернутыми «ценными указаниями» не обделили… И можно ли было все это подготовить за три, по сути, дня до начала пленума ЦК.

Нет, пожалуй, не так все просто обстояло с арестом Берии и заговором против него, как и с заговором против Сталина. И даже не Хрущев тут, пожалуй, был подлинной пружиной интриги… Пожалуй, тут надо говорить о тех агентах влияния, число которых в России с послепетровских времен лишь умножалось, которые не перевелись в России после революции и которые благополучно пережили Великую Отечественную войну, обретя «второе дыхание» в атмосфере «холодной войны» Запада против СССР.

Вернемся, впрочем, в зал заседаний в Кремле… Из членов Президиума ЦК кроме Маленкова, Хрущева и Молотова на пленуме выступили Булганин, Каганович, Микоян, Ворошилов… Пройдет четыре года, и все они (а также Первухин и Сабуров), исключая Микояна и, естественно, Хрущева, выступят против волюнтаризма Хрущева. И тут же получат ярлык «антипартийной группы». И Хрущев при содействии Номенклатуры произведет

новый государственный переворот. И расправится с бывшими коллегами, но уже – без их физической ликвидации. Живой

Берия был опасен даже низложенный – он был личностью. А вот остальные…

В той или иной мере бесславно закончат и многие другие «обвинители» Берии: первый секретарь Ленинградского обкома Андрианов, первые секретари Компартий Грузии, Армении и Азербайджана Мирцхулава, Арутинов и Багиров, председатель Совмина Грузии Бакрадзе, секретари ЦК КПСС Михайлов и Шаталин, министр внутренних дел Круглов.

Одних вскоре отправят в отставку, других резко понизят, Багирова вообще арестуют и расстреляют. Особенно же круто Хрущев «отблагодарит» крестьянского сына Сергея Круглова.

Заместитель Берии и Круглова по кадрам генерал Обручников на партийном активе руководящего состава МВД, проведенном после ареста министра, обвинял кроме Берии и ряд генералов МВД (Судоплатова, Эйтингона, Райхмана), но лишь через десятилетия Судоплатов узнал, что Обручников слово в слово повторил выступление Круглова на пленуме в Кремле. И это лишний раз доказывает: Круглов выступал по предписанной ему схеме. Он, между прочим, волновался в те дни так, что потерял половину своего веса.

Что ж, причины тому были. В отличие от хрущевца Ивана Серова Круглов не имел отношения к заговору против Берии и в начале 1956 года был снят с МВД, занимал третьестепенные должности, в 1958 году (в 51 год) уволен на пенсию. В 1959 году его лишили звания генерал-полковника и выселили из элитной квартиры в простую двухкомнатную. А в 1960 году исключили из партии «за причастность к политическим репрессиям». После этого жил Круглов крайне бедно, бедствовал, ив 1977 году, не дожив четырех месяцев до семидесятилетия, погиб под колесами подмосковной электрички…

Случайно ли, по своей ли воле – кто знает.

Но пока что над Кремлем стоял июль 1953 года… Ни Круглов и уже упомянутые выступавшие, ни украинские деятели Кириченко и Сердюк, ни литовец Снечкус, ни «белорус» Патоличев, ни «атомщик» Завенягин, ни министры Малышев, Тевосян и Байбаков, ни член Президиума Верховного Совета СССР Андреев не сказали ничего конкретного, уличающего Берию как фигуру антигосударственную. Генерал Судоплатов позднее вспоминал, что выступления Маленкова и нового заместителя министра внутренних дел Шаталина (о нем – чуть позже) на партийном активе МВД с объяснением причин ареста Берии «для профессионалов, собравшихся в конференц-зале, прозвучали

наивно и по-детски беспомощно…».

«Эйтингон, Райхман (генералы МВД. ***– С.К.)*** и я, – писал Судоплатов, – сразу поняли, что никакого бериевского заговора не существует, был антибериевский заговор в руководстве страны…»

Известный читателю доктор наук и профессор Владимир Наумов в сборнике «И примкнувший к ним Шепилов» утверждает:

«Одной из видных и, можно сказать, всесильных фигур (вообще-то в каждый исторический момент **всесильной** может быть лишь одна фигура, а не несколько, – по определению. – *С.К.)* в окружении Сталина был Берия. Однако органами госбезопасности к 1953 году было собрано такое досье, такое количество компрометирующих его документов, которого было более чем достаточно для ареста и физического устранения (? – *С.К.)* Берии».

Так вот, никаких сенсационных компрометирующих **документов** на пленуме оглашено не было! Ни одного! Голословных обвинений хватало с избытком, а вот документальных подтверждений хотя бы одного из них не нашлось. А ведь это был, фактически, партийный суд над членом Президиума ЦК. Вот только сам обвиняемый отсутствовал.

Но, спрашивается, почему? Почему Берию не доставили на пленум? Казалось бы, все, как сейчас говорят, «схвачено». В МВД новое руководство, и оно продемонстрировало «преданность ЦК», а Иван Серов участвовал в заговоре Хрущева. Армия начеку и на стороне хрущевского ЦК. Освобождать Берию никто не пытается. Так почему бы этого всеми осуждаемого «авантюриста», «интригана» и «мерзавца» не представить пред грозны очи партийного пленума, чтобы окончательно и бесповоротно убедиться в правомерности таких жестких и неожиданных мер по отношению ко второму, по сути, лицу государства?

Ответ очевиден: очень многие из собравшихся в зале заседаний пленума, и прежде всего члены Президиума ЦК, так или иначе знали Берию по совместной работе и в глубине души не могли не сознавать, что все они по умению работать и контролировать кризисные ситуации на голову ниже «ЛП». И если бы он «живьем» оказался на «скамье подсудимых», то все могло быстро стать на свои места! И очень не исключено, что на эту скамью здесь же пришлось бы перебираться кое-кому из президиума.

Ведь выступление того же Хрущева было настолько непоследовательным, сумбурным и бездоказательно лживым, что Берии ничего не стоило бы опровергнуть Никиту. А также – и всех прочих «обвинителей». А среди участников пленума были не

только партократы, но и немало людей дела.

ПОЭТОМУ Хрущев в своей речи взял если не быка за рога, то ослов за уши, сразу и круто. С первых же слов он определил Берию в «авантюристы» и «большие интриганы», обвинил его в работе на мусаватистов, туманно и путано ссылаясь на давние подозрения «т. Каминского», а затем заявил: «Ловкость, нахальство и наглость – это основные качества Берии». Ну, а потом вообще «пошло-поехало»…

Привести все примеры хрущевской «логичности» нет никакой возможности, но хватит, пожалуй, и одного. Вот два фрагмента подлинной стенограммы его речи, отделенные друг от друга не более чем пятью минутами.

Вначале было сказано вот что:

«Товарищи, товарищ Маленков доложил ЦК партии, как члены Президиума… дорожили сохранением единства коллектива членов Президиума…чтобы это единство… передавалось на весь Центральный Комитет…»

А вскоре после этого вот что:

«Вы, дорогие товарищи, имейте в виду, что Берия добился своего еще при жизни товарища Сталина, он разобщения между членами Бюро ЦК добился…»

Так что же было «наверху» при жизни Сталина – «разобщение» или «единство коллектива»? И чего стоили как личности члены Президиума, если их можно было интригами перессорить друг с другом и посеять меж ними рознь? Это большевики или опереточные примадонны?

Между прочим, именно в речи Хрущева прозвучал термин «лагерная пыль»… И я очень догадываюсь, что сочинители пасквилей о Берии именно из этой речи и перенесли в выдуманный ими лексикон «кровавого палача» сии печально знаменитые и вряд ли самому Хрущеву пришедшие на ум слова.

Надо заметить, что выступавших на пленуме подобрали неглупо – по вполне понятному принципу. Что доброго могли сказать о Берии «пострадавшие» от него Сердюк, Патоличев, Кириченко, Снечкус или по-восточному гибкие Бакрадзе, Мирцхулава, Кецховели, Арутинов?

Первый секретарь Львовского обкома КП Украины Сердюк, имея в виду записку Берии и Мешика, заявил:

«Хотели так изобразить, что Советской власти в западных областях нет. Днем она еще поддерживается МВД, а ночью полностью властвуют оуновцы (ОУН, «Организация украинских националистов» Бандеры. – *С. К.)».*

Но позже проговорился:

«От рук националистов, злейших врагов украинского народа, погибло на Украине около 30 тысяч партийных работников, органов МВД, солдат и офицеров Советской Армии, партийно-советского и колхозного актива».

Это ведь данные уже послевоенные… И они доказывали, что прав Берия: Советская власть в западных областях все еще не имеет прочного статуса, и верный выход один: признать этот факт и использовать по преимуществу не силовые, а политические меры для изменения положения.

О том, как клеветал на «ЛП» свежеиспеченный «атомный» министр Вячеслав Малышев – ранее фигура в Урановой проблеме относительно второстепенная, – я уже писал. Но не менее подло клеветал на Берию его коллега по МВД и Спецкомитету Авраамий Завенягин, фигура в Урановом проекте крупная.

Еще до него Маленков, касаясь «атомной» деятельности «ЛП», ни словом не отметил его вклад в успех атомных работ, зато заявил:

«…и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы Центрального Комитета. Так, он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта?»

Речь – о нашей первой термоядерной бомбе РДС-6с, которой Маленков публично хвалился через месяц, 5 августа, на внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Он тогда сказал: «Американские империалисты пугают нас сверхоружием – водородной бомбой. Но нас не следует пугать, мы не только знаем секрет водородной бомбы, но и создали ее».

Причем испытание состоялось лишь 12 августа 1953 года, и успех автоматически гарантирован не был. То есть Маленков лишний раз подтвердил, что он – в отличие от Берии – был в специфических атомных вопросах дилетантом, которого к информации о них раньше времени подпускать не стоит, пусть даже Маленков к ним формально и допущен. Однако в любом случае Берия был первым заместителем Председателя Совмина СССР, членом Президиума ЦК и единственным из высшего руководства, способным компетентно решать вопросы в ядерной сфере. Так о каком игнорировании ЦК и правительства можно было говорить.

Впрочем, Маленков и Завенягин на пленуме лгали – о подготовке испытания тот же Маленков был давно и прекрасно осведомлен и никаких возражений не высказывал. 8 марта 1952 года Завенягин направил письмо на имя начальника КБ-11

генерала Зернова. Письмо, кроме обычного грифа «Совершенно секретно (особая папка)», имело также дополнительный гриф «Хранить наравне с шифром. Только лично», и Завенягин писал в нем:

«Во исполнение Постановления Совета Министров СССР № 827-303сс/оп от 26 февраля 1950 года, предлагаю:

а) к 1 мая 19***52*** (выделенное подчеркиванием и курсивом вписывалось от руки. – *С.К.)* года изготовить по принципу, предложенному т. Сахаровым А.Д., изделие ***РДС-6С*** с малой многослойной заправкой на обычном магнии (так в переписке кодировался литий. – *С.К.)* с добавкой 5 условных единиц иттрия (радиоактивного изотопа водорода – трития. – С.I) и в июне 19***52*** года провести испытания этого изделия для проверки и уточнения теоретических и экспериментальных основ ***РДС-6С…»*** и т. д.

И уж Маленков-то особо важные постановления Совмина читал, так что испытание РДС-6с сюрпризом для него быть не могло. Завенягин же, повторив обвинение Маленкова, дополнил его:

«Мы подготовили проект решения правительства. Он (Берия. – *С.К.)*… взял его с собой почитать… Недели через две он приглашает нас и начинает смотреть документ. Прочитал его. Он дома, видимо, прочитал его, начинает исправлять. Доходит до конца. Подпись – Председатель Совета Министров Маленков. Зачеркивает это. Говорит – не требуется. И ставит свою подпись».

Ну и что?! Берия подписывал иногда постановления и распоряжения Совмина СССР даже при Сталине. И вполне понятно, что теперь ему просто по-человечески могло быть обидно: Маленков к атомным разработкам касательство имел более чем косвенное, а постановление – подписывать ему? Нет уж, дудки!

Хотя, скорее всего, Лаврентий Павлович руководствовался здесь государственными соображениями. Ведь и проект постановления об испытании нашей первой атомной бомбы РДС-1 не был подписан. Сталин посчитал, что делать этого не стоит ввиду возможной неудачи испытаний.

А Завенягина несло:

«Я, товарищи, довольно много лет работал с Берия и имел возможность наблюдать этого человека. С самого начала бросалось в глаза главное качество Берия – это презрение к людям. Он презирал весь советский народ… он считал за простаков членов Президиума ЦК, которых он может в любой момент взять в кулак и изолировать. А сам оказался простаком, слепым бараном…

<…>

Для Берия не было ничего святого… Очень отрицательным качеством Берия было подавление инициативы. Если вы с каким-нибудь предложением выступаете, вас сразу оборвут, посадят на место: вот изобретатель нашелся….

<…>

Но с точки зрения того, чтобы понять вопрос, вникнуть в суть дела, – я бы сказал, туповатый был (? – *С.К.)* человек. Без лести (н-да! – *С.К.)* членам Президиума ЦК могу сказать: любой член Президиума ЦК гораздо быстрее и глубже разбирался в вопросах и мог разобраться, чем Берия… По своей тупости он не мог вникнуть в дело…»

Причем Завенягин Берию еще и в бюрократизме обвинил, заявив, что «он отгораживался от людей, бывало, неделями, месяцами не принимал работников, ему подчиненных». А ведь работники, ***ему*** подчиненные, в том числе и Завенягин, практически каждую неделю вместе с Берией принимали участие в заседаниях того же Спецкомитета…

Не погнушался Завенягин и подтасовкой конкретных деталей, например, облыжно приписав Берии отсутствие внимания к вопросам применения атомной энергии в морском флоте: мол, Завенягин с Ванниковым два года назад этот вопрос поставили, а он «не разрешился… залежался».

А вот справка В.А. Махнева от 25 марта 1950 года по письму военно-морского министра адмирала И.С. Юмашева на имя Л.П. Берии от 21 марта 1950 года:

«1…предложение т. Юмашева (приступить к разработке двигателя уранового для подводных кораблей) будет рассмотрено Специальным комитетом при решении вопроса о плане исследовательских работ по использованию атомной энергии для промышленных целей и для двигателей (проект плана предусматривает разработку такого двигателя)…

На лицевой стороне листа помета: ***«Решено положительно. Опытный корабль разрабатывается. В.Махнев»,*** а на обороте листа: «***Доложено тов. Берия Л.П. 27.III 50 г. В. Махнев».*** И в свете этого непонятно: то ли Завенягин сознательно клеветал на «ЛП», то ли так «хорошо» знал свое дело, что не знал о разработке «объекта № 627» – нашей первой атомной подводной лодки?

Но уж Маленков не знать о ней не мог, потому что 18 апреля 1953 года он, как Председатель Совмина СССР, подписал Постановление СМ СССР № 1087-445сс/оп «Об утверждении тактикотехнического задания по опытному объекту № 627». Утвержденное ТТЗ – всегда результат большой предварительной работы. И началась она при участии Берии, а закончилась уже,

увы, без него («объект № 627» был спущен на воду 9 августа 1957 года).

Отдельно надо остановиться и на следующем фрагменте стенограммы завенягинской речи:

«Завенягин. …Была у него замашка после смерти товарища Сталина… вести игру в экономию: деньги нужны, экономить нужно, промышленность развивать, культуру, сельскому хозяйству помогать, но есть вопросы, в которых мы не могли себе позволить чрезмерной экономии. Нужно мощности развивать в области атомной энергии… Берия говорит: «К черту, вы много денег бросаете, укладывайтесь в пятилетку… укладывайтесь в то, что есть».

Маленков. Это дело контролировать придется, потому что там деньги расходовали без всякого контроля.

Завенягин. Это безусловно…»

Здесь интересно, во-первых, то, как мгновенно Завенягин извернулся, не попав «в струю»… Хотел укусить Берию, а Маленков, не отличаясь такой быстротой реакции, фактически подтвердил правоту «ЛП». И Завенягин, как флюгер, тут же поддакивает, хотя Маленков сказал нечто прямо противоположное тому, что ожидал услышать Завенягин. Но еще более интересен этот момент по существу. В первый период «бури и натиска» атомщикам действительно давали все, что они запрашивали. И это многих, вообще-то, развратило, с чем Берия в начале 50-х годов уже начинал бороться, и был в том прав! Основные производственные мощности атомной отрасли были уже созданы, и теперь требовалось максимально оптимизировать ее деятельность.

А при этом надо было вырабатывать и рациональные военные и военно-политические подходы к проблеме ядерных вооружений. Увы, после устранения Берии, да еще и руками военных, Хрущев оказался в немалой мере заложником маршалитета, и вместо оптимизации оборонной деятельности государства на основе рационального использования ядерного оружейного фактора мы получили гонку вооружений, которую питали не только очевидные внешние угрозы Запада, но и маршальско-генеральские недальновидность и амбициозность.

Иногда же обвинения против Берии на пленуме были простo-таки абсурдными. Так, Хрущев вещал:

«Товарищи, вы знаете, что несколько лет как поручено товарищу Маленкову наблюдать за сельским хозяйством. Берия демонстрирует внешнюю свою дружбу, неразлучную, неразрывную с товарищем Маленковым, гробя сельское

хозяйство, доведя до последней степени это хозяйство. Дальше терпеть нельзя: молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем. А какой же коммунизм без горячих лепешек, если говорить грубо…»

Бюро по сельскому хозяйству во главе с Маленковым было образовано Постановлением ЦК ВКП(б) и Совмина СССР от 8 февраля 1947 года, то есть за шесть лет до смерти Сталина. Но в том, что нет горячих лепешек в июле 1953 года, обвиняли Берию.

Н-да…

Много распространялся о «вредительстве» Берии в сельском хозяйстве и Микоян, хотя из его пространных речей было непонятно – при чем здесь Берия? Если даже он и имел отличную от остальных точку зрения на, например, закупочные цены на картофель или мясо, то ведь решал эти вопросы не он единолично, и не он в первую голову. А Микоян к обвинениям Берии приплел даже селедку… Я, уважаемый читатель, не шучу! Вот стенограмма (неправленая, из официального отчета этот бред изъяли):

«Микоян. …Или взять улов сельдей. Улов у нас в два раза больше, а в продаже сельдей меньше, чем при царе. При царе на 280 тысяч импортировалось взамен хлеба. Нажимаем, нажимаем, а рыбпром больше не дает».

Тут даже Хрущев не выдержал:

«Хрущев. Может сложиться впечатление, что мы действительно сидели и дрожали перед ним. Было много случаев, когда мы хорошо в зубы давали и принимали решения. А то получается впечатление, что мы сидели и глядели на него…»

Так спрашивается: кто вам мешал «в зубы давать» каждый раз, когда на просвещенный взгляд так расхваленных Завенягиным членов Президиума ЦК «туповатый» Берия был не прав?

Увы, читая стенограмму пленума, хочется перефразировать знаменитую крыловскую строчку так: «Ты виноват уж тем, что хочется нам власти…»

Но не только в стремлении к сохранению власти и привилегий было дело! Против Берии на том пленуме ополчились и уязвленные амбиции, и бездарность. Порой чуть ли не комично (если бы дело не шло к крови) выглядела, скажем, речь бесцветного «старого большевика» Андреева.

Сразу же заявив, что Берия – враг «необычного типа», «старый провокатор, старый авантюрист», Андреев пустился во все тяжкие:

«Все мы, старые цекисты, да и новые, знаем, какая была теплая дружба между товарищем Сталиным и товарищем Молотовым… Но вот появился Берия в Москве – и все коренным образом изменилось… Товарищ Молотов стал подвергаться незаслуженным нападкам со стороны товарища Сталина…

<…>

Все знают, что такое товарищ Ворошилов, каков его удельный вес в нашей партии, и все знают о тесной дружбе товарища Сталина с Ворошиловым. С появлением Берия положение совершенно меняется, товарищ Ворошилов затерт, фактически некоторое время без работы. Это дело рук Берия…»

Берия «появился» в Москве в августе 1938 года. Молотов с 1931 по 1941 год был Председателем Совнаркома СССР и Совета Труда и Обороны СССР. Лишь в мае 1941 года, в преддверии важнейших событий, Сталин взял Совнарком на себя, но Молотов остался в Совнаркоме лицом № 2. В мае 1939 года Молотов назначается на важнейший пост наркома иностранных дел. В ноябре 1940 года Сталин доверяет ему переговоры с Гитлером и Риббентропом в Берлине. С началом войны Молотов становится заместителем Сталина в Государственном Комитете Обороны.

Хороши «нападки»!

Ворошилов… До мая 1940 года – нарком обороны СССР, снятый не по наветам Берии, а по результатам советско-финской войны 1939–1940 годов, однако назначенный после этого заместителем Председателя Совнаркома СССР. С началом войны – главнокомандующий Северо-Западным направлением, отошедший позднее на вторые и третьи роли не из-за происков Берии, а по причине «служебного несоответствия». Но до правды ли было экс-члену Политбюро ЦК ВКП(б), «старому цекисту» Андрееву, если надо было подольститься к действующим членам Президиума ЦК?

Превзошел же он себя, «разоблачая» инициативу Берии о портретах «вождей». В стенограмме это выглядит следующим образом:

«Андреев. Я считаю, что не без его влияния было принято такое решение, которое мы читали в протоколах, о том, чтобы демонстрацию проводить без портретов, не вывешивать портретов (тут уже не причастный к высшим тайнам руководства Андреев попал относительно авторства Берии в самую «точку»! – *С.К.)*. Почему? На каком основании? Народ должен знать своих вождей по портретам, по выступлениям. Это было неправильное решение.

Из Президиума тов. **Ворошилов.** Неправильное решение.

Андреев. Это была уступка врагу.

Из Президиума тов. **Каганович.** Андрей Андреевич, это решение отменили. ***(Бурные аплодисменты)…»***

Народ должен знать своих вождей не по портретам, а ПО ДЕЛАМ! Для вождя трудящихся это – азбучная истина, но… Да что там! Нужны ли здесь пространные комментарии?!

Андрееву принадлежит и следующая забавная (если бы дело не шло к крови) оценка деятельности Берии: «Он, конечно, делал большую работу кое-когда…»

И сразу вспоминаешь припевку брежневских времен: «Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет…»

ЕСЛИ тщательно анализировать и документально опровергать все инсинуации в адрес Берии, высказанные только на том пленуме, то получится отдельная книга. Поэтому я ограничусь лишь еще одним фрагментом стенограммы, без которого обойтись нельзя никак.

Секретарь ЦК Шаталин сразу же после ареста Берии был назначен по совместительству первым заместителем министра внутренних дел СССР. Именно Шаталину был поручен обыск служебного кабинета Берии в Совете Министров, и вот что сообщается о его якобы результатах в стенограмме речи Шаталина на вечернем заседании 3 июля:

«Шаталин. Выполняя это задание, просматривая содержимое сейфов… мы натолкнулись на необычные для служебных кабинетов вещи и предметы. Наряду с документами мы обнаружили в больших количествах всевозможные, как уж там назвать, атрибуты женского туалета. Вот краткие (?! – *С.К.)* выдержки из описи, которую я хочу огласить. Напоминаю и повторяю, что это в служебном кабинете в Совмине, здесь: дамские спортивные костюмы, дамские кофточки, чулки дамские иностранных фирм – 11 пар, женские комбинации шелковые – 11 пар, дамские шелковые трико – 7 пар, отрезы на дамские платья – 5 отрезов, шелковые дамские косынки, носовые платки иностранных фирм, шелковые детские комбинации, еще некоторые детские вещи и т. д., целый список (в официальном отчете было добавлено «всего 29 порядковых номеров. – *С.К.).* Мне думается, что того, что я опубликовал (обнародовал? – *С.К.),* уже достаточно. Нами обнаружены многочисленные письма от женщин самого интимного, я бы сказал, пошлого содержания. Нами также обнаружено большое количество предметов мужчины-развратника. Эти вещи говорят сами за себя и, как говорится, комментариев не требуется…»

Можно представить, с каким затаенным интересом слушал

эти якобы «разоблачения» пленум. Ярослав Гашек, творец бессмертного бравого солдата Швейка, писал о «ревнителях» общественной морали, которые, однако, ходят по общественным туалетам читать непристойные надписи на стенах. А тут сразу столько «белья», да не грязного, а шелкового! Да на Пленуме ЦК!

Шаталин же с опытностью умелого «бойца идеологического фронта» подбавлял гнилой «клубнички» и подбавлял:

«Тем не менее для большей убедительности этой стороны дела я зачитаю показания некоего Саркисова, на протяжении 18 лет работавшего в охране Берия…

Вот что показал этот самый Саркисов: «Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами… Мне известно, что через некую гражданку С. (разрешите мне фамилию не упоминать) Берия был знаком с подругой С…

<…>

Кроме того, мне известно, что Берия сожительствовал со студенткой Института иностранных языков Майей… Сожительствовал Берия также с 18—20-летней девушкой Лялей. От Берия у нее родился ребенок, с которым она жила на даче (в официальном отчете прибавлено: «на бывшей даче Обручникова». – *С.К.)*.

Находясь в Тбилиси, Берия сожительствовал с гражданкой М., после сожительства с Берия у М. родился ребенок…

Мне также известно, что Берия сожительствовал с некоей Софьей…

По указанию Берия я завел целый список женщин, с которыми он сожительствовал. ***(Смех в зале.)*** Впоследствии я этот список уничтожил (в официальном отчете прибавлено: «по его предложению». – *С.К.)*. Однако один список сохранился, в этом списке указаны фамилии, номера телефонов 25–27 таких женщин. Этот список находится на моей квартире в кармане кителя… (в официальном отчете прибавлено: «Список, о котором говорит Саркисов, обнаружен, в нем значится 39 женщин». – *С.К.)»*.

Но и это не все! Шаталин, цитируя Саркисова, эффект и еще усилил:

«Год или полтора назад я (Саркисов. – *С.К.)* совершенно точно узнал о связях Берия с проститутками… Он болел сифилисом, лечил его врач поликлиники МВД такой-то. Подпись – Саркисов».

Затем последовало резюме:

«Вот, товарищи, истинное лицо этого претендента, так сказать, в вожди советского народа. И вот эта грязная моська

осмелилась соперничать с нашей партией, с нашим ЦК. Этот самый грязный человек пытался внести раздор в ряды нашего Президиума» и т. д.

Психологически речь Шаталина стала неким пиком в «работе» пленума. Да и по счету она стояла примерно посередине. И недаром ***сразу после ее окончания*** Хрущев объявил перерыв на 15 минут. «Товарищам по партии» надо было дать возможность тут же, по горячим впечатлениям, обсудить услышанное и посудачить на тему – какие же это «предметы мужчины-развратника» обнаружил товарищ Шаталин в сейфе «Лаврентия»?

Протокол допроса Саркисова 1 июля 1953 года, оконченного в 23 часа 00 минут, приводит А.Сухомлинов. Допрашивали Саркисова лично Генеральный прокурор Союза ССР Руденко (так написано в протоколе, хотя Руденко стал им в конституционном порядке лишь через месяц, после сессии Верховного Совета СССР) и помощник Главного военного прокурора Базенко. И из протокола видно, что Шаталин цитировал показания Саркисова неточно. Скажем, фрагмент о якобы венерическом заболевании выглядит так: ***«Год или полтора тому назад жена Берия в разговоре со мной сказала, что в результате связей Берия с проститутками он болел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД – Юрий Борисович, фамилию его я не помню».***

Профессиональный юрист А. Сухомлинов оценивает этот протокол так:

«Если бы следователь принес мне такой протокол допроса одного из свидетелей по делу, то этот следователь вылетел бы из моего кабинета в одночасье (обращаю внимание читателя на чересчур уж энергичный лексикон служителя правосудия. – *С.К.)*. Нахватал каких-то кусков и отрывков, ничего толком не выяснил, контрольных вопросов не поставил…»

Но ведь допрос Саркисова и не был следственным действием! Уже из «протокола» его первого «допроса» и из других показаний Саркисова понятно, почему охранника арестовали. Малообразованный Саркисов идеально подходил для того, чтобы с его привлечением максимально быстро состряпать первичный «компромат» на Берию. Позднее я еще приведу его «откровения», а сейчас вновь сошлюсь на А. Сухомлинова:

«Примерно так же обстоит и дело с болезнью Берия – сифилисом. Документально это не подтверждено. Никаких медицинских документов историй болезни и протоколов допросов медицинских работников нет…»

Но что было до правды секретарю ЦК Шаталину, если Хрущев решил сделать из Берии развратника, точно рассчитав, что это обеспечит нужный ему эффект надежней, чем обвинения Берии в

провокаторстве и прочем… Так оно, к слову, и вышло – когда материалы ЦК о Берии зачитывали позднее на закрытых партийных собраниях, то рядовые партийцы на десятилетия запомнили прежде всего те места, где говорилось о множестве женщин разложившегося «врага народа».

Собственно, по сей день в сознание масс вбивается образ не столько «палача», сколько «сексуального маньяка» Берии.

Прокурор Сухомлинов этой теме посвятил в своей книге целую главу «Половые преступления Берии». Собственно, ему надо было взять второе слово в кавычки, потому что автор книги сам же документально, с правовым анализом доказывает, что преступлений-то не было.

«А женщины были?» – может спросить читатель. Так вот, и женщин не было. И чтобы не возвращаться к этой теме, я кое-что скажу об этом сейчас – до того, как мы перейдем к «следствию» по «делу» Берии.

Тот же Сухомлинов сообщает, что Антонов-Овсеенко пишет о списке более чем двухсот женщин «представленных Судебному присутствию», и иронически прибавляет, что кое-кто повышает это число до семисот (!). При этом, фактически, по свидетельству А. Сухомлинова, в материалах уголовного дела имеется лишь «список Саркисова». И уже это обстоятельство – вне зависимости от подлинности списка, позволяет отмести как клеветнические все россказни о несчастных школьницах, за которыми охотился Берия на улицах Москвы, высматривая их из «черного ворона». Одно дело вести учет любовниц, и другое – учет жертв насилия. Подобных списков никто не ведет, да еще через телохранителя!

Список же Саркисова не может насчитывать более тридцати девяти женщин, причем знавших, зачем они требуются, то есть – уж в этих случаях (даже если бы они были) об изнасилованиях говорить не приходится. В официальном обвинительном заключении, кстати, Берии инкриминировали всего ***одно*** изнасилование некой Ляли Дроздовой, причем А. Сухомлинов предметно показывает, что это обвинение против Берии шито не грязнобелыми нитками.

И что занятно! На странице 112 своей книги Сухомлинов же (!) якобы со слов невестки Берии Марфы Пешковой-Берии сообщает, что у Берии был якобы роман с молодой красавицей Лялей Дроздовой, от которой у Берии родилась якобы дочь. Но в явно продиктованном этой Ляле руденковцами «ее» «заявлении» о якобы изнасиловании ее Берией, датированном 11 июля 1953 года (факсимиле на страницах 242–243), о дочери ничего не говорится. Впрочем, на странице 227 книги Сухомлинова сообщается, что когда мать этой Вали-Ляли допросили, то она

«сообщила», что «Валентина забеременела от Берия, но ее поместили в Кремлевскую больницу, где ей сделали аборт». Смотришь на все это и думаешь: «А вычитывал ли сам Сухомлинов свою книгу, после того, как ее написал?» Очень уж она, его книга, отличается подобными нестыковками. Да оно и понятно – автору и читательский интерес хотелось вызвать «объективностью» и новизной материала, и от образа «монстра» Берии далеко отходить не хотелось. А задача и капитал приобрести и невинность соблюсти – не из легких.

С «приводом к власти» Горбачева стало модно, а нередко – и коммерчески выгодно трясти грязным бельем истории. Однако массовых, исчисляемых сотнями, «воспоминаний» и интервью бывших «наложниц тирана» так и не появилось… Подобные претензии заявили считаные старушки, хотя большинство тех женщин, кому в 1953 году было 20–30 лет, в 90-х годах были живы. Но даже наиболее настойчивая в поползновениях на пребывание в постели Берии Нина Черменская-Алексеева (я о ней еще скажу) вряд ли там бывала.

Зато эти «сотни» фигурировали после уничтожения Берии в речах высших государственных фигур. Так, 6 мая 1954 года Генеральный прокурор СССР Роман Руденко выступал на собрании актива Ленинградской партийной организации по поводу «разоблачения» еще одного «врага народа» – бывшего министра государственной безопасности Абакумова, причем имя Берии в речи Руденко звучало чуть ли не чаще, чем имя самого Абакумова. Не погнушался верный хрущевец и следующей сплетней:

«Бывший начальник охраны Берия, арестованный Саркисов показал: «О моральном разложении Берия я докладывал Абакумову. В 1948 или 1949 году я пришел в его служебный кабинет и сказал ему, что я больше не хочу работать в охране Берия. Абакумов спросил, почему я там не хочу работать. Я сказал, что прошу перевести меня в какое-либо другое место, т. к. Берия развратничает. Абакумов спросил: «А много у него женщин?» Я ответил: «Сотни! В каждом переулке, на каждой улице»…»

Так вот, не было ни сотен, ни даже десятков «сексуальных жертв» Берии. Когда на высшем, почитай, государственном уровне позволяют себе обвинять человека в подобной манере («… в каждом переулке, на каждой улице…»), то я позволю себе заявить: «Ни в одном переулке и ни на одной улице!» А когда болтают: «Сотни…», я возражу: «И единиц не было!»

К слову, когда Руденко ссылался на Саркисова, бывший охранник уже пребывал в психиатрической лечебнице. Похоже,

его эмоциональная кавказская натура не смогла справиться с психологическим грузом морального предательства своего шефа.

Относительно же мифического «списка Саркисова» уже давно было замечено, что следственная группа Руденко, похоже, просто воспользовалась реальным списком подружек давно арестованного экс-начальника охраны Сталина генерала Власика. «Список Власика» был составлен по результатам расследования прегрешений Власика, имевших место быть. А уж затем он (список) пригодился для дискредитации Берии. А если бы кто-то в реальном масштабе времени и узрел сходство двух списков, всегда можно было, пардон, отбрехаться от критиков тем, что Власика и Берию пользовали-де одни и те же веселые девицы.

В отличие от «идейно выдержанных партийцев» и «демократов» меня мало интересует «половая тема» в жизни Лаврентия Павловича. И чтобы закрыть ее в моей книге, я приведу извлечения из интереснейшей статьи Т. Коридзе, опубликованной в № 1–2 тбилисской газеты «7 дгэ» за 28 июля 1990 года и перепечатанной в сентябре 1990 года киевской газетой «24 часа» в переводе П. Згонникова.

Статья называется «Я никогда не вмешивалась в дела Лаврентия» и представляет собой запись беседы с 86-летней Ниной Теймуразовной Берия-Гегечкори, жившей тогда «в окрестностях большого города на берегу Днепра, на зеленой улочке, в обычной «хрущевке»…».

Это – на мой взгляд – исторический документ большой силы и большой убедительности. Нино Берия и в 86 лет сохранила, как пишет Т.Коридзе, следы былой красоты, ясность памяти и мыслей. То, что она рассказала, относится к теме мифических «женщин Берии» лишь в малой своей части, однако ниже я дам пространную цитату из этой статьи – материал того стоит!

«Один год жили в Баку, потом вернулись в Тбилиси… Жили бедно. Время было такое – жить по-человечески было стыдно, боролись с богатством.

В 31-м году Лаврентия назначили первым секретарем ЦК Грузии. До него на этом посту работал Картвелишвили, который у одного должностного лица отбил жену. Правда, потом, когда Картвелишвили сняли, она ушла к другому.

Лаврентий постоянно был занят работой. Времени для семьи почти не оставалось. Очень много работал. Сейчас легко критиковать, но тогда действительно шла борьба. Советской власти надо было победить. Вы помните, что писал Сталин о врагах социализма? Эти враги действительно существовали… Сталин хотел сделать большое и сильное государство, и он это сделал…»

Интонация здесь очень искренняя, достоверная – это ведь говорит человек, много испытавший и мудрый. Говорит и о себе, и о своем времени:

«В Москву мы переехали в конце 1938 г. К тому времени репрессии 37-го уже закончились. Когда о моем муже пишут, об этом почему-то забывают. Так легче: есть человек, на которого можно возложить вину за все… Но я уверена, когда-то будет написана объективная история, и тогда все встанет на свои места. Я не доживу до этого времени, но вы обязательно доживете, вы молоды.

Я никогда не вмешивалась в служебные дела своего мужа. Тогдашние руководители не посвящали жен в свои дела, поэтому я ничего не могу рассказать об этом. То, что его обвинили в государственной измене, конечно, демагогия – в чем-то нужно было обвинить. В 53-м случился переворот. Боялись, как бы после смерти Сталина Берия не занял его место. Я знала своего мужа: он был человеком практического ума и понимал, что после смерти Сталина стать грузину главой государства – дело невозможное. Поэтому, наверное, он пошел навстречу нужному ему человеку, такому, как Маленков…»

Маленков, конечно, нужен был Берии не в личных интересах, а потому что Берия надеялся создать действительно эффективный руководящий «тандем» «Берия – Маленков» в интересах России. Однако Маленков, увы, не мыслил так же широко, как его деятельный коллега. Настоящим, то есть – деятельным и решительным, большевиком из них двух был лишь «ЛП», и показательно, как точно оценила вдова Берии события 1953 года в 1990 году:

«В июне 53-го меня и моего сына Серго внезапно арестовали и поместили в разные тюрьмы. Сначала мы думали, что произошел государственный переворот и власть захватили антикоммунистические силы.

Я сидела в Бутырке. Каждый день приходил следователь, который требовал от меня показаний против мужа. Говорил, что «народ возмущен преступлениями Лаврентия». Я ему ответила, что никогда не дам сведений – ни плохих, ни хороших…»

Что же до «женщин», то об этом Нино Берия сказала так:

«В один день надзиратель рассказал мне, что 760 женщин признали себя любовницами Берии (благодаря А. Сухомлинову, мы знаем, что надзиратель лгал. – *С.К.)*. Удивительное дело: Лаврентий день и ночь был занят работой, когда ему было заниматься любовью с легионом этих женщин?! На самом деле все по-другому было. Во время войны и позже он возглавлял

разведку и контрразведку. Эти женщины были его сотрудницами, информаторами и только с ним имели непосредственный контакт. У Лаврентия была феноменальная память, и он все, что касалось его служебных связей с этими женщинами, держал в уме. А потом, когда их спросили об отношениях с шефом, естественно, все заявили, что были его любовницами. А что им было делать? Признать обвинение в агентурно-подрывной работе?»

Это объяснение, между прочим, вполне правдоподобно! Причем понятно и то, почему в следственном деле нет материалов об этом «легионе». Руденко и К° было выгодно как-то «засветить» сам факт контакта Берии с сотнями женщин, подав его как «разврат». А вот фиксировать имена и анкетные данные оперативных сотрудниц и доверенных лиц МВД было уже ни к чему.

Нет, Лаврентий Берия не был бабником и по складу натуры, и в силу особого служебного положения, и в силу предельной загруженности. Между прочим, народная артистка СССР Лидия Смирнова уже в преклонном возрасте с улыбкой отметала сплетни о том, что была-де любовницей Берии. Это приписывала себе, правда, другая актриса – Т. Окуневская, во что простодушно поверил и А. Сухомлинов. Однако знакомство с им же приводимым отрывком из «воспоминаний» Окуневской убеждает в том, что мы имеем дело всего лишь с «великосветскими» мечтаниями экзальтированной дамы с гипертрофированно больной фантазией.

В 2004 году были изданы и «Записки любовницы» некой Нины Алексеевой-Черменской, с не очень обнадеживающим указанием: «Литературная запись и композиционное построение Игоря Минутко». Бывшая актриса оперетты и ансамбля песни и пляски НКВД на первый взгляд может действительно показаться правдоподобным вариантом предмета увлечения «ЛП»… Была весьма похожа на молодую Нино Гегечкори, зовут так же… Знакомясь с ее «записками», «композиционно выстроенными» Игорем Минутко, я вначале даже засомневался: может, это действительно увлечение «ЛП» – не очередное, а единственное, напомнившее молодость и поманившее былым? Но по прочтении решил: «Вряд ли…» И дело даже не в многочисленных и очевидных фактических «проколах». В целом весь рассказ Черменской не вписывается в судьбу «ЛП».

Не вписывается!

Как не вписывается не только в его судьбу, но и вообще в рамки правдоподобия рассказ еще одной кандидатки в любовницы, уже инкогнито – «гражданки К., домохозяйки». Он

был услышан, записан и поведан согражданам писателем Кириллом Столяровым в его книге «Палачи и жертвы»… Мол, однажды Берия якобы приехал к этой «пассии», прямо с Красной площади, сразу же после похорон Жданова. Якобы позвонил ей тогда, когда с площади «еще доносились звуки траурных мелодий»… И в ответ на ее недоуменные вопросы якобы ответил: «Когда сталкиваешься с грустным, то стремишься к живому…»

Столяров, сей рассказ сомнению не подвергая (еще бы – речь-то о «палаче» Берии!), далее «глубокомысленно» замечает: «… Простодушие гражданки К. – отдельная тема… А вот отношение Берии к Жданову…» и т. д. Но ведь и добросовестность «известного публициста» гражданина К. Столярова – тоже отдельная тема, и коснуться ее придется. Хотелось бы знать, как это себе К. Столяров представляет?

Оркестры еще играют траурные мелодии, над могилой Жданова только-только вырос свежий холмик… Посуровевший товарищ Сталин говорит соратникам что-то вроде: «Ну, что ж, товарищи! Ему земля пухом, а мы пойдем, помянем раба Божия Андрея по старому русскому обычаю…» И тут товарищ Берия бочком так бочком норовит задвинуться в сторонку, а на недоуменный вопрос товарища Сталина несколько виновато отвечает что-то вроде: «Да я, товарищ Сталин, когда сталкиваюсь с грустным, стремлюсь к живому… Так что вы уж идите на поминки, а я лучше пойду по бабам…»

Так это себе представляет гражданин К. Столяров?

Есть фотография, скорее всего, самого начала 50-х годов… На ней Берия снят с женой и своими секретарями Людвиговым и Ордынцевым. Очаровательная, прекрасно сохранившая форму Нино Берия полуобняла мужа и смотрит на него вполне влюбленным взглядом. На мужей-прелюбодеев такими глазами нормальные женщины не смотрят!

Любители мемуаров могут, конечно, напомнить мне, например, о Коре Дробанцевой-Ландау, не просто спокойно относившейся к перманентным изменам мужа, но только что постель для его похождений в собственной спальне не стелившей… Однако можно ли считать эту Кору нормальной женщиной? Как, впрочем, и самого Ландау нормальным мужчиной?

Вот, пожалуй, на этом я данную тему и завершу.

Возвращаясь же к пленуму, надо сказать, что финальным его аккордом стало Постановление, которое положило начало многолетнему процессу демонизации облика Лаврентия Берии.

И в итоге место члена Политбюро и Президиума ЦК, заместителя Председателя Государственного Комитета Обороны и

первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, Маршала Советского Союза, Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии заступил «вурдалак», «сексуальный маньяк» и «палач», у которого «руки в крови» то ли по локоть, то ли – по колено…

АТМОСФЕРА июльского Пленума ЦК была воспроизведена – с учетом масштабов – в различных московских учреждениях и организациях, связанных с деятельностью Берии, в том числе – и в КБ-1 вновь образованного Министерства среднего машиностроения. Эту атмосферу хорошо обрисовал знакомый нам Григорий Кисунько. И при этом он, опять-таки, не понял, что, по сути, дал дополнительные психологические доводы в обеление ненавистного ему Берии. А сообщил Кисунько следующее:

«В число «ставленников Берия» попал и начальник КБ-1 Елян – бывший директор прославленного артиллерийского завода, давшего фронту больше пушек, чем вся промышленность фашистской Германии, ставшего одним из ведущих по созданию атомной промышленности, а затем и по созданию системы «Беркут».

Пока я догуливал свой отпуск (арест Берии произошел тогда, когда Кисунько отдыхал с семьей в Сочи. – *С.К.),* в КБ-1 состоялось бурное партсобрание, на котором, как мне рассказывали, клеймили не столько врага народа Берия, сколько его ставленников, каковыми называли Г.Я. Кутепова (замначальника КБ-1, знакомого нам по руководстству ЦКБ-29 НКВД, главным конструктором которого был арестованный Туполев. – *С.К.),* П.Н. Куксенко, А.С. Еляна…

Больше всех досталось Еляну. Припоминались обиды, когда он наказывал за грязь и беспорядок в цехах, за брак в изделиях, порчу инструментов и оборудования, за пьянки, – и все это притягивалось за уши к тому, что он – ставленник Берии. Кто-то припомнил Еляну даже то, что он не обеспечил санаторной путевкой «нашего талантливого ученого Кисунько Григория Васильевича», который из-за этого где-то скитается дикарем в Сочи (в действительности, как пишет Кисунько, он отказался от предложенной Еляном путевки, решив ехать именно «дикарем» со всей семьей. – *С.К.)…»*

Ах, уважаемый читатель, как ведомственные гнусности этого «партсобрания» по отношению к Еляну отражали в миниатюре гнусности, совершенные на высшем партийно-государственном уровне по отношению к Берии! И как трагически схожими были в обоих случаях мотивы и побудительные причины для «обличений» и «разоблачений»!

Берии не дали возможности ответить на инсинуации в его адрес, но, думаю, если бы он мог что-то сказать, его ответ был бы системно схож с ответом Еляна, переданным Кисунько:

«В своем выступлении Амо Сергеевич прошел мимо демагогической истерии, сказал, что КБ-1 выполняет важные правительственные задания, а не задания Берии. И мы здесь не ставленники Берия, а поставлены на это дело партией и правительством. Долг нашего коллектива – с честью выполнить эти задания».

Елян был действительно яркой фигурой, он был хорошо знаком Сталину. Во время войны однажды случилось вот что: нарком Устинов разбился на мотоцикле и попал в больницу (Устинов был страстным мотоциклистом, и даже после войны за ним на самолете возили мотоцикл с коляской, на котором он передвигался по полигонам и «объектам»). Сталин, разгневанный «мальчишеской выходкой» Устинова (определение абсолютно точное и Устиновым заслуженное), позвонил по ВЧ Еляну, чтобы тот принимал наркомат. Но Елян ответил, что при живом Устинове принять наркомат не может.

Эта история характеризует как принципиальность Еляна, так и натуру самого Сталина, не обрушившего свой гнев уже на Еляна, а понявшего и оценившего честность его поступка. И вот теперь его открыто шельмовали, и Кисунько, не сознавая, что пишет и о Берии, о Сталине, написал о Еляне:

«На крутых поворотах общественного бытия порядочные люди всегда оказываются беззащитными перед прохиндеями, ловцами чинов, званий и должностей, и сейчас именно в таком положении оказались Куксенко и Елян».

«И Берия в 1953 году», – прибавлю уже я.

«И Сталин в году 1956-м», – прибавлю я еще раз.

Психологически судьба Еляна после ареста Берии оказалась связанной с судьбой Берии так очевидно, что читателю надо познакомиться с ней до конца, причем – из уст ненавистника Берии Григория Кисунько:

«Вскоре стало известно о назначении Еляна на должность главного механика одного из подмосковных заводов. Там этот талантливый инженер, знаток и организатор производства, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, генерал-майор инженерно-технической службы, депутат Верховного Совета СССР, будет отвечать за вентиляцию в цехах, нестандартное оборудование и такелажные работы.

Но Елян недолго будет исполнять свои новые обязанности. Последуют три тяжких инсульта, после чего он на многие годы… будет обречен на существование в полной беспомощности и

неподвижности, при полном отсутствии функций сознания, мышления и памяти.

Хоронить Еляна будут без воинских почестей, положенных при его воинском звании генерал-майора. Отдание почестей будет запрещено завотделом ЦК КПСС И.Д. Сербиным. За гробом Амо Сергеевича будет идти маленькая группа людей, которых успеют оповестить родные и близкие…»

И это было в высшей степени символично! В бурно и поступательно развивающемся СССР, во главе которого стояли такие выдающиеся управленцы, как Сталин и Берия, таких людей, как Амо Елян, умели ценить и умели максимально использовать их потенциал.

В СССР, во главе которого оказался выдающийся приспособленец, партфункционер Хрущев, такие, как Амо Елян, оказывались ненужными и забытыми.

Сталину и Берии нужны были инициативные и предельно честные сотрудники, умеющие работать.

Хрущеву и партократической Кº нужны были исполнители, умеющие подслуживаться, готовые на все ради карьеры и личной выгоды, ради номенклатурного «конверта». В такой атмосфере получили возможность развития и продвижения уже прямые ренегаты, прямые агенты влияния Запада.

И страна, направленная партократией и агентами влияния по пути вначале системной и нравственной, а потом – и материальной деградации, не могла не прийти в итоге к загниванию, одряхлению и гибели.

А ТЕПЕРЬ надо хотя бы кратко остановиться на следствии по делу Берии и группы его соратников, которое окончилось 24 декабря 1953 года опубликованием в «Правде» сообщения «В Верховном Суде СССР».

Там сообщалось о рассмотрении 18–23 декабря 1953 года Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР «уголовного дела по обвинению Берия Л.П. и других», перечислялись «преступления» Берии и остальных шести обвиняемых, объявлялся расстрельный приговор и жирно было напечатано: **«Приговор приведен в исполнение».**

Одним из наиболее точных источников сведений о ведении следствия сегодня надо считать, пожалуй, книгу А. Сухомлинова. В ней цитируются тома уголовного дела (всего их было 39), протоколы допросов В. Меркулова, С. Гоглидзе, Б. Кобулова, В. Деканозова, П. Мешика и Л. Влодзимирского.

Обстоятельный анализ книги А. Сухомлинова выходит за рамки возможностей данной книги, однако проведенный мной

рабочий ее анализ приводит – на мой взгляд – к интегральному выводу о ***тотальной фальсификации*** следствия. Причем, как я понимаю, фальсификация шла по двум основным направлениям: 1) фабрикация абсолютно или частично подложных документов без участия подследственных и 2) выбивание нужных показаний из шести подследственных (почему из шести, а не из семи, включая самого Берию, я объясню позже).

Да, прокурор Сухомлинов обильно цитирует «показания» шести, и нередко их несоответствие истине устанавливается даже без сопоставления с достоверными фактами биографии Берии или истории страны – устанавливается чисто логическим анализом самих «показаний». Однако я не буду утомлять читателя многочисленными примерами, а приведу лишь несколько. Вот, скажем, извлечение из письма еще не арестованного Всеволода Меркулова в ЦК, написанного им (а может быть, и не написанного) в конце июля 1953 года:

«У Берия был сильный, властный характер.

Я знаю его с 1923 года, когда он был зам. председателя ЧК Грузии. Было ему тогда всего 24 года, но… он стремился выше (на самом деле он тогда и позднее стремился, как мы знаем, учиться. – *С. К.)*.

Вообще он считал всех людей ниже себя, особенно тех, которым был подчинен по работе…

<…>

Я неоднократно наблюдал Берия в игре в шахматы, в волейбол. Для Берия в игре (и я думаю, и в жизни) важно было выиграть во что бы то ни стало… любой ценой, даже нечестным путем. Он мог, например, как Ноздрев, стащить с шахматной доски фигуру противника, чтобы выиграть. И такая «победа» его удовлетворяла.

Общая культурность и грамотность Берия, особенно в период его работы в Тбилиси, была не высокой. Берия тогда буквально не мог написать стилистически грамотно несколько строк…»

По крайней мере частично этот текст принадлежит, пожалуй, Меркулову – чувствуются и стиль, и литераторская хватка, которой Меркулов обладал. Но именно литераторская! Ведь тот же Сухомлинов пишет о, подчеркиваю, ***молодом*** Берии:

«Современный психолог… должен отметить, что мысль Берия излагает правильно, логично и кратко… Знание русского языка, общее развитие и грамотность хорошие, почерк выработанный… орфографических и грамматических ошибок 20-летний Берия допускает немного. Увлекается, правда, заглавными буквами (тогда ими увлекались многие. – *С.К.)*…»

Как видим, Меркулов (а может, «редактор» из группы

Руденко) «творчески» соединил в письме правду («сильный, властный характер») с явным вымыслом («мог… как Ноздрев…» и т. д.). Впрочем, после июльского пленума, участником которого Меркулов был и даже записывался в список желающих выступить, бывший соратник «ЛП» мог и «сломаться». Полностью же Всеволод Меркулов, как я понимаю, был искренен в тех письмах на имя Берии, где писал о желании работать под руководством «ЛП» и только «ЛП»…

А вот еще пример… Сухомлинов, касаясь «зверств» репрессий 1937 года в Грузии, некритически цитирует показания, данные «следствию» в 1953 году бывшим политическим цензором газеты «Заря Востока» Васиной, арестованной 7 декабря 1937 года и пробывшей в тюрьме два месяца:

«… мои страдания ни в коей мере не могут сравниться с пытками, которым была подвергнута Сария Лакоба… О ее мучениях можно написать целую книгу… Сария была красивой женщиной, имела пышные волосы. Однажды, когда она возвратилась с допроса, я увидела, что половина ее волос вырвана… Сария ***говорила*** (выделение здесь и далее мое. – *С.К.),* что Твалчрелидзе, Кримян и Савицкий таскали ее за волосы, ***сломали ей челюсть…***

В следующий раз ее принесли с допроса с перебитыми ребрами…» и т. д.

Рассказчик ***со сломанной челюстью*** – это, насколько я понимаю, в медицинской практике нечто небывалое. Стремясь нагромоздить как можно больше «кровавых подробностей», Васина и «литераторы» из группы Руденко не заметили, что написали нечто типа: «Маяк то тух, то гас…»

Причем, если уж в НКВД Грузии царил такой произвол, то как же уцелела (и даже вскоре была выпущена на свободу) свидетельница диких его проявлений Васина? Как, надо заметить, и сама Сария Лакоба.

В книге Сухомлинова приведены якобы подлинные факсимильные воспроизведения распоряжений и виз Берии об арестах в 1937 году. Но сравнение подлинного почерка Берии и его подписи с почерком, которыми написаны «кровавые» распоряжения, резолюции и с подписями под ними, позволяет предполагать, что «писатели» из группы Руденко даже не очень утруждали себя усилиями подделать «палаческие» «визы» и подпись Берии в одной манере.

А вот что записано в протоколе допроса Владимира Деканозова от 9 сентября 1953 года (стр. 185 книги Сухомлинова):

«Вопрос: На протяжении ряда лет вы работали вместе с Берия

и под его руководством продвигались по службе или его рекомендациям. Как вы можете его охарактеризовать?…

Ответ: Еще в период работы в ЧК – ГПУ у меня сложилось отрицательное мнение о Берия, как о человеке. Уже тогда он проявил себя как честолюбец, лицемер, интриган и карьерист…

<…>

…он заводил интриги против тех лиц, которые работали в должности председателя ГПУ Закавказья… Я помню, что Павлуновский обличал Берия в интриганстве против него, причем Павлуновский объявил об этом Берия прямо на совещании начальников отделов, где присутствовал и я…

<…>

Несмотря на то, что Павлуновский был хорошим работником, он все же был отозван, и Берия был назначен председателем ГПУ Закавказья…» и т. д.

На странице же 419-й Сухомлинов приводит письмо самого Павлуновского Сталину. Вот оно (орфография и синтаксис сохранены):

«Секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину

О т. Берия

В 1926 (в оригинале описка «В 1936». – ***С.К.) году я был назначен в Закавказье Председателем Зак ГПУ.***

Перед отъездом в Тифлис меня вызвал к себе Пред О ГПУ т. Дзержинский и подробно ознакомил меня с обстановкой в Закавказье. Тут же т. Дзержинский сообщил мне, что один из моих помощников по Закавказью т. Берия при муссоватистах работал в муссоватской контрразведке. Пусть это обстоятельство меня ни в коей мере не смущает и не настораживает против т. Берия, т. как т. Берия работал в контрразведке с ведома ответственных тт. закавказцев и что об этом знает он, т. Дзержинский и т. Серго Орджоникидзе.

По приезде в Тифлис… я… зашел к т. Серго… Т. Серго Орджоникидзе сообщил мне, что действительно т. Берия… эту работу вел по поручению работников партии и что об этом хорошо известно ему, т. Орджоникидзе, т. Кирову, т. Микояну и т. Назаретяну. Поэтому я должен относиться к т. Берия с полным доверием, и что он… полностью т. Берия доверяет.

В течение двух лет работы в Закавказье т. Орджоникидзе несколько раз говорил мне, что он очень высоко ценит т.

Берия, как растущего работника, что из т. Берия выработается крупный работник и что такую характеристику т. Берия он, Серго, сообщил и т. Сталину.

<…>

Года два назад т. Серго как-то в разговоре сказал мне, а знаешь, что правые уклонисты и прочая шушера пытается использовать в борьбе с т. Берия тот факт, что он работал в муссоватской контрразведке но из этого у них ничего не выйдет.

Я спросил у т. Серго, а известно ли об этом т. Сталину. Т. Серго Орджоникидзе ответил, что об этом т. Сталину известно и что об этом и он т. Сталину говорил.

Кандидат ЦК ВКП(б) Павлуновский

25 июня 1937 г.».

Написал ли бы так Павлуновский о Берии в 1937 году (явно отвечая на некий запрос Сталина), если бы за десять лет до этого он публично обвинил Берию в интриганстве?

Это письмо, хранящееся в архиве Президента РФ, окончательно убивает сразу несколько инсинуаций относительно Лаврентия Павловича, а заодно доказывает, что или: 1) «показания» Деканозова подложны, или: 2) он оговорил Берию под сильнейшим давлением следствия.

А вот теперь я сообщу, почему упоминал ранее о шести, а не семи (включая Берию) подследственных. Я уверен, что ложные показания Деканозова (и других соратников Берии) объясняются не только давлением следствия, но и тем, что Деканозов, как и остальные пять его товарищей, точно знал, что Берии в живых нет, что его доброе имя ничто уже не спасет… А надежда на снисхождение в случае «сотрудничества» с группой Руденко оставалась.

Да, я уверен, что Берия был убит без суда ***и без следствия*** вряд ли позднее середины июля 1953 года. И уж не намного позднее времени окончания внеочередной сессии Верховного Совета СССР, закончившейся 8 августа 1953 года.

К такому выводу я пришел еще в самом начале своей работы над книгой, а знакомство с книгой А.Сухомлинова (уже в конце работы) окончательно укрепило меня в таком убеждении, потому что самым ценным свидетельством ее автора, заслуженного юриста России, изучавшего материалы следствия, является, по-моему, следующее:

«По закону дело должно быть расследовано всесторонне, полно и объективно……по закону для собирания и последующей оценки доказательств проводятся очные ставки. Ничего сложного

здесь нет. Тем более все обвиняемые в одном городе. Берется охрана, сажаются в кабинете друг против друга два допрашиваемых, и им поочередно задаются контрольные вопросы. Составляется протокол… Так вот, ***по делу Берия очных ставок вообще не проводилось*** (выделение мое. – *С.К.)*. Такого следственного действия для Руденко просто «не существовало»…»

А. Сухомлинов усматривает в этом лишь пренебрежение следственными нормами вследствие предрешения приговора, но для меня ***отсутствие очных ставок с Берией является последним убедительным доказательством того, что Берия был бессудно и подло убит,***

А с покойником очной ставки не проведешь!

До некоторого момента физически устранить Берию было для хрущевцев все же опасно… А вдруг кто-то на пленуме или на сессии ВС отважился бы поднять вопрос о заслушивании самого Берии. Но после окончательного публичного аутодафе на сессии ВС, напротив, опасно было оставлять Берию в живых! Одно то, что живой Берия мог развалить все «дело», к тому же будучи моральной опорой и для «подельников», вынуждало Хрущева и Руденко к немедленным действиям.

Однако убийство Берии не могло произойти ранее указанных выше сроков. Так что какое-то время он в бункере МВО сидел.

И ТОМУ есть – на мой взгляд – убедительное косвенное подтверждение. Но вначале я сделаю небольшое вводное замечание.

Не знаю, как кто, а я верю в ценность мелких деталей. Их сложно учесть фальсификаторам, но они важны для пытливого исследователя. Недаром считается, что лгущий чаще всего прокалывается на мелочах! Нои напротив – мелкие детали нередко очень доказательны, потому что мелочь легко просмотреть, а поэтому непросто скрыть.

Так вот, это – присказка. А рассказать я хочу вот что… В № 41 за 2000 год еженедельника «Независимое военное обозрение» на странице 8-й в рубрике «Заметки на погонах» был помещен материал Александра Щелокова «Самодурство с большими звездами (Борьбу с неуставными взаимоотношениями в армии надо начинать с искоренения командирского хамства)».

Речь в статье шла о бедах современной армии, о прочно укоренившемся уже в Советской Армии публичном командирском мате. И как один из примеров автор статьи в ряду других привел тот, который я сообщаю читателю без каких либо сокращений.

«Мой коллега и приятель военный журналист Алексей Котенев, – ***писал А. Щелоков, сам отдавший армейской службе***

положенные офицеру четверть века, **–** рассказывал о случае, свидетелем которого был сам. Генерал (впоследствии – маршал) Павел Батицкий, в 1953 г. обеспечивавший охрану бункера, в котором содержался арестованный Лаврентий Берия, дневал и ночевал на охраняемом объекте. И вот однажды ему доложили, что Берия отказался от пищи и объявляет голодовку. Батицкий рассвирепел. Он отправился в бункер. Перед ним открыли стальные тяжелые двери. Батицкий нервными шагами спускался по лестнице в чрево подземного командного пункта Московского военного округа, и его басовитый командирский рык разносился под сводами:

– Берия, е… твою мать! Не будешь жрать, в цепи закую!

Позже Котенев признавался, что угроза Батицкого произвела впечатление даже на него – вовсе не заключенного… Особенно угроза «заковать в цепи», смысл которой увязывался только с далеким прошлым. Почему именно эта мысль пришла на ум генералу? Сказать трудно. Но даже Берия продолжать голодовку не рискнул.

А уж как Павел Федорович умел пугануть ненормативными словесами своих подчиненных, вряд ли требует пояснений».

Не думаю, что эпизод с Батицким был вставлен А. Щелоковым в статью (или рассказан ему в свое время А. Котеневым) с целью хитромудрой стратегической дезинформации, призванной подкрепить версию о том, что Берию не застрелили при аресте. Нет, это как раз та мелкая деталь, которая позволяет сделать вывод: Берия действительно содержался в бункере штаба МВ О.

Но как долго он там содержался?

Официальная версия – до конца декабря 1953 года. Однако, повторяю, я убежден, что Лаврентий Павлович был застрелен еще до наступления осени 1953 года.

Сразу расправиться с ним было рискованно – мало ли как все могло повернуться. Но вот все благополучно (для заговорщиков) закончилось. На пленуме никто заслушать Берию не потребовал, запланированное «всенародное осуждение» худо-бедно, но состоялось – июльские номера «Правды» пестрят соответствующими репортажами и фотографиями «с мест».

Берия об этом не знает, однако после последнего своего письма понимает, что писать бесполезно. И он предпринимает попытку голодовки. Увы, по поведению Батицкого видно, что желаемого эффекта и этот шаг не дал. Датировать же попытку голодовки можно десятыми числами июля.

Вот прошла и сессия Верховного Совета… И тоже – без сучка и задоринки для Хрущева и Президиума ЦК. Руденко и его

следственная команда уже вовсю работали тогда с арестованными Деканозовым, Кобуловым, Гоглидзе, Мешиком и Влодзимирским (Меркулова арестовали позднее), и надо было максимально быстро сломить их и принудить к вовлечению в процесс тотальной дискредитации Берии. Смерть Берии здесь могла стать и наверняка стала тем решающим фактором, который обеспечил Руденко желаемое поведение обвиняемых.

Собственно, уже отсутствие очных ставок с Берией было для его арестованных соратников, каждый из которых сам был опытным следователем, очевидным доказательством того, что «ЛП» в живых уже нет. Возможно, подследственным даже показали труп Берии или его фотоснимки. И после этого…

Ну, после этого можно было получать от пяти подследственных, а позднее – и от шестого (Меркулова) любые «признания»…

О якобы участии Берии и их самих в пытках, избиениях, палачестве, о якобы расправе с неугодными в ходе репрессий в Закавказье и в Москве, и т. д.

Подобными «свидетельствами» книга А. Сухомлинова полна, и по поводу некоторых из них даже ее автор, от «демократической» трактовки Берии далеко не отходящий, замечает: «Чепуха все это!» Относительно же материалов «дела» Берии он говорит так:

«Само дело на 90 процентов состоит не из подлинных документов и протоколов, а из машинописных копий, заверенных майором административной службы ГВП (Главной военной прокуратуры. – *С.К.)* Юрьевой. <…> Короче, не уголовное дело, а сплошные копии…»

Впрочем, и весь протокол судебного заседания по этому «делу», как свидетельствует А. Сухомлинов, – «не первый экземпляр».

ДОПОЛНИТЕЛЬНО вывод об убийстве Берии летом 1953 года – до начала следствия по его «делу» – убеждает и анализ факсимильного воспроизведения в книге А. Сухомлинова документов, связанных с приведением в исполнение приговоров в декабре 1953 года.

Распоряжение о «расстреле» Берии и акт о его «расстреле» 23 декабря 1953 года в 19 часов 50 минут – это документы, ***отдельные*** от распоряжения о расстреле Меркулова, Деканозова,

Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского и акта об их расстреле 23 декабря 1953 года в 21 час.

Оба распоряжения подписаны председателем Специального Судебного Присутствия Маршалом Советского Союза Коневым.

Но если распоряжение о «расстреле» Берии адресовано «коменданту Специального Судебного Присутствия Верховного Суда СССР генерал-полковнику тов. Батицкому П.Ф.», то распоряжение о расстреле остальных адресовано «Министру внутренних дел СССР генерал-полковнику тов. Круглову С.П.».

То же и с актами о приведении в исполнение приговора. Акт о «расстреле» Берии, датированный 23 декабря 1953 года, подписан Батицким (якобы исполнителем) и якобы присутствовавшими при этом Генеральным прокурором СССР Руденко и генералом армии Москаленко. Эта троица была прочно повязана участием в «деле» Берии еще с конца июня 1953 года, и только им можно было доверить декабрьское «участие» в «расстреле» давно убитого «ЛП».

А ***реальный*** расстрел еще живых к декабрю 1953 года соратников «ЛП» можно было поручить людям МВД и МО, которые его и произвели. Это были первый заместитель министра внутренних дел К. Лунев, заместитель Главного военного прокурора Д. Китаев, командующий бронетанковыми войсками МВ О генерал-полковник А. Гетман, генерал-лейтенант Баксов из штаба ПВО и некий генерал-майор Сопильник…

Показательно, что если смерть шести реально расстрелянных в декабре человек заверена в акте подписью врача, то в акте о «расстреле» Берии такая подпись отсутствует.

Нет и акта кремации трупа Берии, хотя относительно остальных – реально в декабре расстрелянных – такой акт имеется.

А. Сухомлинов объясняет все эти нестыковки тем, что «транспортировать его (Берию. – *С.К.)* в другое место казни необходимости не было» и Батицкий – де «с удовольствием» расстрелял Берию прямо в бункере (куда для исключения рикошета якобы доставили деревянный щит). А уж из бункера военные, несведущие в процедуре «актирования» трупов, свезли-де труп в крематорий, документально ничего не оформив. Но, как писал по поводу одного из обвинений в адрес «ЛП» сам же Сухомлинов: «Чепуха все это!»

ВПРОЧЕМ, в конце концов, не так уж и важно для сути проблемы – когда и как был физически уничтожен Лаврентий Павлович Берия.

Важно и существенно то, почему он был арестован и уничтожен. И этим вопросом – уже во многом, я надеюсь, для читателя проясненным, мы еще зададимся…

Глава 28
Торжество двоедушия и трагедия сверхкомпетентности

Невиновность Берии перед народом и страной доказывается также тем, каким образом он был публично обвинен и публично осужден.

Ранее политических лидеров в СССР, обвиненных в государственных преступлениях, осуждали на открытых политических процессах. Сталин не боялся представить врагов народа народу и показать, что они заслуживают осуждения. В случае же с Берией все было иначе. Его гражданская казнь завершилась 8 августа 1953 года. Но как!

В этот день в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Климент Ворошилов подписал, а секретарь Президиума Верховного Совета СССР Николай Пегов контрассигнировал его подпись на постановлении пятой сессии Верховного Совета, проходившей с 5 по 8 августа.

Оно гласило:

«Вследствие вскрытых преступных антигосударственных действий Л.П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Л.П. Берия полномочий депутата Верховного Совета СССР, снять его с поста первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и с поста Министра внутренних дел СССР с лишением всех присвоенных ему званий и наград и о передаче дела о преступных действиях Л.П.Берия на рассмотрение Верховного Суда СССР».

И это постановление верховной власти показывало ее нарастающую правовую и интеллектуальную некомпетентность. Если вина Берии была доказана настолько очевидно, что его публично низвергли с высот государственной власти в пучину государственных преступлений, то к чему тогда было вести еще какое-то следствие в видах предстоящего суда? И о каком суде могла быть речь, когда Берию уже осудил высший орган государственной власти?

Но если к 8 августа 1953 года виновность Берии лишь устанавливалась и «следствие» по его «делу» лишь «велось» и было «закончено» лишь поздней осенью, то на основании чего

Берия был осужден на эту гражданскую – пока – казнь?

8 августа Верховный Совет в рамках закона мог не более чем санкционировать, кроме снятия Берии с государственных постов, следственные мероприятия по делу депутата Верховного Совета, приостановив его депутатские полномочия. Но лишать его этих полномочий, а тем более – всех званий и наград, до суда, куда его дело передавалось «на рассмотрение»?

Воля ваша, но тут что-то не то…

Конечно, на самом деле Берия или был уже тайно, бессудно и безвинно расстрелян – как только Хрущев и хрущевцы поняли, что члены ЦК «сдали» своего коллегу безоговорочно и бесстыдно, или его расстрел – после окончания сессии ВС – был делом ближайших дней. Но я ведь сейчас о правовой стороне дела.

Официально следствие по делу Берии было закончено в декабре 1953 года, и об этом, как и об его «расстреле» 23 декабря, в конце 1953 года во всех центральных газетах появилось предельно короткое сообщение. Но уже 15 августа 1953 года был сдан в набор, а 5 сентября 1953 года подписан в печать стенографический отчет о пятой сессии ВС СССР. А вскоре любой советский гражданин, заплатив 7 рублей, на страницах 144 и 223 этого отчета мог прочесть выступления депутатов В.М. Бакрадзе и А.И. Мирцхулавы (выступавших и на пленуме ЦК). Лишь им двоим, как землякам Берии, доверили «высокую честь» «осудить» его и с депутатской трибуны.

И вот депутат от Кутаисского избирательного округа, Председатель Совета Министров Грузинской ССР Бакрадзе (в сердцах названный однажды Лаврентием Павловичем «консервщиком») говорил:

«Весь советский народ, в том числе и грузинский народ, с исключительным единодушием и благодарностью встретил своевременные и решительные меры… по ликвидации преступных… действий буржуазного отщепенца Берия. Этот заклятый враг партии и советского народа, выполняя задания империалистов, хотел подорвать основы советского общества, разрушить Коммунистическую партию, разрушить наше социалистическое государство и подвести советских людей под ярмо капитализма. Шпион международного империализма Берия своим вредным «шефством» причинил огромный ущерб грузинскому народу…» и т. д.

В том же духе высказался и Мирцхулава… Стоило ли после такого «обвинительного заключения» переводить бумагу на протоколы «допросов» и тратить время следователей?

Увы, этим очевидным вопросом никто из тех, кто готовил пятую сессию ВС, не задался. Покончив с Берией физически,

хрущевцы стремились покончить с ним как можно быстрее и политически. И высшие представители Советской власти – депутаты Верховного Совета СССР «сдали» своего коллегу-депутата так же единогласно, как это сделали месяц назад высшие представители партии – члены Президиума ЦК и члены ЦК КПСС.

Двоедушие и некомпетентность восторжествовали по обеим линиям. И теперь страна, двигаясь, казалось бы, вверх и вверх, к «вершинам «коммунизма», на самом деле начала восхождение к падению.

При этом исходной системной точкой начала процесса гибели Державы стал антибериевский Пленум ЦК КПСС 1953 года. Тогда, на пленуме, Хрущев впервые взял в подельники по преступлению всю советскую партийно-государственную элиту. И после того, как она позволила Хрущеву расправиться со своим выдающимся и компетентным представителем, с лидером, лучше других способным обеспечить дальнейшее социалистическое развитие страны, после этого все они: Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Микоян, Василевский, Жуков, Конев, Завенягин, Малышев, Тевосян, Косыгин, Первухин, Пономаренко, Баграмян, Штеменко, и прочие, и прочие, и прочие – как люди и личности кончились!

И они сознавали это!

Да, я уверен: не признаваясь в том друг другу, в глубине души они не могли не сознавать, что, оставшись без строгого ока Сталина и получив возможность вести обсуждение любых острых вопросов на равных, на «ты» (чего в последние годы не позволял себе со Сталиным даже Молотов – «Молотштейн», как шутливо называл его Сталин в письмах начала 30-х годов), они во второй – после смерти Сталина – критический момент истории страны вместо делового, большевистского подхода к кризису обнаружили подход чиновный, партократический.

Что-то непонятное случилось с их коллегой и лидером. Возможно, этот их руководитель попортил им в прошлом немало нервов и крови, но и они ведь – каждый на своих постах – попортили нервы и кровь немалому числу своих подчиненных, и не всегда – за дело. Так как же можно было низвергать, не посмотрев перед этим низвергаемому в глаза?

Но то-то и оно, что они все – как некая общность людей – ***боялись***, что Берия посмотрит прямо в глаза им. Боялись, что ***им***, а не ему в этом случае придется отводить глаза в сторону.

Никогда до июльского Пленума ЦК 1953 года на пленумах, партконференциях и съездах большевиков не царила атмосфера такого тотального и откровенного лицемерия и фальшивого

«единодушия». Впервые в подобной атмосфере прошла и сессия Верховного Совета СССР.

И этот факт свидетельствовал о том, что после смерти Сталина началось быстрое перерождение элиты и ее деградация. Если ранее – худо-бедно – она жила интересами дела и руководствовалась хотя бы в ряде случаев принципиальными соображениями, то отныне главенствующим стало стремление сохранить ***пост.*** Ибо он теперь был связан не столько с ответственностью, сколько с благами, с пресловутым «конвертом» – то есть ежемесячной неподотчетной суммой, выдаваемой высшему слою партийно-государственной номенклатуры до областного уровня. У министра при зарплате 5000 рублей «конверт» содержал 9000 рублей, у председателя облисполкома при зарплате 4000 рублей – 5000 рублей. (Зарплата квалифицированного инженера или рабочего составляла примерно 1000…2000 рублей).

По инициативе Берии и Маленкова в апреле 1953 года эти «конверты» и льготы для ряда категорий номенклатуры были ликвидированы. Впрочем, еще в 1947 году, при Сталине, вообще для всех категорий были отменены, например, закрытые распределители промышленных товаров при структурах МГБ.

Теперь же «конверт» возвращался. А сохранение его зависело отныне не столько от деловых качеств, сколько от того, готов ли ты дудеть в дуду в угоду вышестоящим (и прежде всего – Хрущеву).

Сталин не только допускал возражения себе, он их даже поощрял. Сталин не терпел (и вот уж тут – до гнева включительно) ***некомпетентные*** возражения.

Хрущеву же не нужны были возражения ***как таковые.*** И чем более компетентными были чьи-либо возражения, тем больше у строптивца было шансов вылететь из руководящей «обоймы». Не на Колыму, а всего лишь послом куда-нибудь в Монголию или управляющим трестом в Азию но… Но платить такую цену за принципиальность никто не желал.

Не отважившись заслушать Берию на пленуме, члены ЦК доказали, что как компетентный руководящий орган партии ее Центральный Комитет кончился. И в глубине души они, повторяю, не могли не понимать этого.

КОНЕЧНО, Хрущев понимал, что они это понимают. Поэтому он и пер так нагло ко все большей власти и к собственному культу личности. Сразу после убийства Берии по стране пошла гулять частушка, запущенная в оборот отнюдь, как я понимаю, не народным творчеством:

А предатель Берия вышел из доверия,
А председатель Маленков надавал ему пинков.

При всей внешней незамысловатости этот мини-пасквиль сделан вполне профессионально, что и позволяет мне усомниться в его истинно фольклорном происхождении. Однако председатель Маленков фигурировал здесь лишь «для рифмы». В действительности пинки теперь все чаще раздавал «секретарь Хрущев». Но мог он это делать лишь при поддержке «молчаливого» номенклатурного большинства, которому культ Хрущева был во всех отношениях выгоден.

Уже 7 сентября 1953 года очередной Пленум ЦК закончился так (цитирую по стенограмме):

«Маленков: Значит, с этим покончили. Повестка исчерпана, но у Президиума ЦК есть одно предложение.

Президиум ЦК предлагает, товарищи, утвердить первым секретарем Центрального Комитета товарища Хрущева. Требуются ли пояснения этого дела?

Голоса: Нет.

Маленков: Нет. Голосую. Кто за то, чтобы утвердить товарища Хрущева первым секретарем Центрального Комитета партии, прошу поднять руки. Прошу опустить. Возражающих нет?

Голоса: Нет.

Маленков: Значит, работа пленума закончена. Заседание объявляю закрытым».

Все совершилось, как видим, походя… Но отнюдь не походя ***кем-то*** подготавливалось! Ведь совершившееся отдавало в руки Хрущева (вот только – Хрущева ли?) всю полноту высшей власти!

Чтобы читатель мог убедиться, что не один автор этой книги смотрит на те события так, как он смотрит, я сошлюсь на оценку историка Юрия Жукова, который заявляет, что избрание Хрущева первым секретарем привело к возвращению к власти наиболее консервативных кругов «широкого руководства» и возвращению им всех отобранных весной 1953 года привилегий. Теперь Секретариат ЦК, пишет Жуков, «мог… позволить себе откровенно некомпетентные, но оказывающиеся решающими суждения по всем без исключения вопросам, например, мнение М.А. Суслова и Н.С. Хрущева о конструктивных (!! – *С.К.)* недостатках незадолго перед тем созданной картофелесажалки»…

Я лишь уточню, что все это стало результатом устранения волевого компетентного Берии, не терпевшего некомпетентности ни у кого и поэтому хорошо знавшего пределы собственной

компетентности. Относительно же компетентный, но относительно и безвольный, Маленков Хрущеву и хрущевцам противостоять не мог. И теперь карьеристы с подхалимами вкупе с набирающими тайную силу агентами влияния могли беспрепятственно создавать формальный культ личности «дорогому Никите Сергеевичу».

Культ-то они создали.

Личности не было.

Поэтому вокруг этой всесоюзной бездари – как на уровне высшего руководства, так и на уровне руководства пониже – тоже не было личностей (кроме «личностей» темных). «Сдав» в июле 1953 года Берию, своего товарища, об огромных заслугах и огромном масштабе которого они были прекрасно осведомлены, все руководители страны – подчеркну это еще раз – перестали быть личностями. Даже те, кто, в отличие от Хрущева, при Ленине и Сталине ими были.

И только поэтому Хрущев смог провести через три года вторую крупнейшую «знаковую» акцию. Ему казалось при этом, что суть ее – в упрочении его положения. Однако фактически она была задумана (не Хрущевым, конечно) как новый важнейший шаг по дискредитации и подготовке краха социализма и СССР. Я имею в виду XX съезд, на котором элита «сдала» уже Сталина.

Ленин в одной из своих работ приводил русскую поговорку: «Первая колом, вторая – соколом, а остальные – мелкими пташечками…» Так оно и вышло! «Сдав» Берию в 1953 году, Молотову, Маленкову, Кагановичу, Ворошилову, Микояну уже проще было сдать и Сталина в 1956 году.

После этого Хрущеву не стоило больших усилий свалить, при помощи загнивающей элиты, их самих. А уж потом в «распыл» пошли такие «мелочи», как ответственность за дело, личная скромность, идеалы, порядочность, забота о стране и ее будущем.

«Партия» партократов никогда не жила подобными «мелочами» уже при Сталине. Да уже и при Ленине. Это обстоятельство хорошо выявилось, между прочим, в поведении членов «партии» партократов летом 1941 года, при эвакуации в глубь страны. Члены партии большевиков шли тогда впереди идущих в атаку, а члены «партии» партократов бежали впереди отходящих в тыл…

Но Сталин не давал этой «партии» хода, и она существовала вопреки ему. Когда его дочь Светлана, приехав во время войны из Куйбышева в Москву к отцу, рассказала ему к слову о том, что учится в эвакуации в отдельной школе для детей руководства, Сталин не сдержался, и у него вырвалось: «О, проклятая каста!..»

И после уничтожения Берии и упрочения власти Хрущева

«проклятая каста» партократов стала бурно расти и развиваться в полном соответствии с жизненными установками своего Первого секретаря «дорогого Никиты Сергеевича» Хрущева. Разум теперь был заменен «коллективным разумом» утвердившегося в «монолитном единстве» ЦК.

Однако английский историк и философ Томас Карлейль давно высказал мысль, словесное выражение которой не мешало бы отлить в бронзе и вывесить над входом во все общественные здания:

«Я не верю в коллективный разум невежественных индивидуумов».

Лаврентий Берия потому и «вышел из доверия» у коллег по высшей государственной власти, что обладал по сравнению с ними ***просто*** разумом – без оглядки на ЦК.

Можно сказать и иначе: управленец Берия был более чем компетентен в вопросах управления обществом, а функционер Хрущев и ему подобные – нет. Я об этом уже говорил, но сейчас хотел бы выйти на вопрос с другой стороны, привлекая опыт развитого Запада.

В интеллектуальную сокровищницу человечества давно вошли открытые в Британии «Законы Паркинсона», гласящие, что: 1) чиновник множит подчиненных, но не соперников; 2) чиновники работают друг для друга.

Примерно в ту же эпоху в США был открыт «Закон Мэрфи» с множеством следствий и дополнений к нему. Основной же постулат выглядел так: «Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается», а одно из главных следствий: «Предоставленные самим себе, дела имеют тенденцию ухудшаться».

Окончательную же завершенность наука анализа якобы шутливыми методами серьезных проблем управления обрела лишь после формулирования, опять-таки, в США, «Принципа Питера» и создания наряду с «мэрфологией» «иерархологии». «Принцип Питера» сообщает нам: «В иерархии каждый индивидуум имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности». Из этого следует, между прочим, что основную работу выполняет тот, кто еще не достиг своего уровня некомпетентности и, следовательно, в своей сфере компетентен.

К слову, Сталин к началу 1953 года, пожалуй, достиг своего уровня некомпетентности, и это проявилось как в том, что он поддался обманам Хрущева, так и в том, что он не подкрепил Берию статусом преемника. Хотя…

Хотя, если вспомнить санкционированную Сталиным

«Тройку» во главе с «ЛП», то нельзя исключать, что Сталин уже «дозревал» до такого решения – что дополнительно заставляло Хрущева и стоящие за его спиной силы торопиться.

Итак, Берия был компетентен. И даже – сверхкомпетентен! А что это означало? Питер пришел к следующему выводу:

«В большинстве иерархий сверхкомпетентность принимается за большее зло, нежели некомпетентность… Сверхкомпетентность нередко служит основой для увольнения, потому что она подрывает иерархию и тем самым нарушает первую заповедь иерархического бытия: иерархия должна быть сохранена…

Еще один способ, каким организация может воспользоваться для защиты от разрушительного (для иерархии, а не для дела. – ***С.К.) влияния сверхкомпетентных, – это их изоляция».***

Так вот, это сказано и о Лаврентии Берии. Для его устранения у его коллег по власти было много причин, но далеко не последней из них была та, что в среде высшего руководства лишь Берия после смерти Сталина был достаточно компетентен и даже сверхкомпетентен для того, чтобы обеспечить прочные пути дальнейшего развития страны.

А что такое сверхкомпетентность государственного лидера? Это прежде всего умение подобрать на все ответственные посты в системе управления обществом, государством, экономикой компетентные и даже сверхкомпетентные (то есть предельно активные) кадры. Бездарям и карьеристам в такой системе места не нашлось бы! Так что Берия своей сверхкомпетентностью подрывал номенклатурную иерархию и подлежал, с ее точки зрения, «увольнению».

Номенклатура просто не могла не воспользоваться для защиты от разрушительного для нее влияния Берии иным способом, кроме «изоляции». Она им и воспользовалась, а смогла сделать это в том числе и потому, что ее возглавил в таких действиях системный антипод Берии – сверхнекомпетентный и невежественный, но энергичный Никита Хрущев.

КОМПЕТЕНТНЫМ решением в интересах развития социализма в СССР и его победы в глобальном масштабе была бы постепенная передача всей полноты власти от партии государству. То есть в политическом отношении – передача политической власти органам Советской власти, избираемым всем народом, а в экономическом и технологическом отношении – передача прав управления органам хозяйственной исполнительной власти, состоящим из научно-технических

специалистов и ответственным перед органами Советской власти.

Такое решение обеспечивало бы уже одержавшему великие победы Союзному Советскому Социалистическому государству прочную, устойчивую великую же будущность.

Такой страной руководили бы коммунисты, но коммунисты – ***специалисты***\ Коммунисты по убеждениям, а специалисты – по специальному образованию и профессиональному опыту.

Но что бы делал и кем бы был в таком, вышедшем на новый уровень развития обществе невежественный и некомпетентный Никита Хрущев? Кто-то из Президиума Ц,К КПСС в той или иной мере смог бы быть в такой, специалистами-коммунистами управляемой, стране хоть кем-то. Недаром же Маленков, почти закончивший в 20-е годы МВТУ, когда пал с высот власти, был директором ГЭС в Усть-Каменогорске, директором ТЭЦ, в Экибастузе… А много занимавшийся самообразованием и прекрасно знавший экономику Каганович – управляющим трестом «Союзасбест» в Асбесте Свердловской области. У Кагановича был, к слову, особенно высокий потенциал компетентного хозяйственного руководителя общегосударственного масштаба.

Нашлось бы место Молотову, Ворошилову, Микояну… Даже – Булганину, не говоря о Сабурове и Первухине.

Но Хрущеву?

Кем мог бы стать он? Председателем колхоза? Нет! В новой гипотетической стране Берии кандидатов в председатели не привозили бы из райкома, а искали бы среди образованных агрономов или животноводов. И в такой стране вряд ли нашелся бы колхоз, который по своей воле взял бы себе в председатели «Никиту». Он ведь – в отличие от Берии – не умел ничего! И ничего сам не знал.

Голову, говорят, имел неплохую? Так на Руси это не редкость. Тем более – на Руси Советской, в Советском Союзе. К началу 50-х годов у нас хватало не просто неплохих, но и неплохо при этом образованных голов. Нет, в Советском Союзе образца Берии Хрущеву места не было бы.

Поэтому Хрущев и сделал все для того, чтобы убрать и политически дискредитировать как Сталина, так и Берию. Дискредитация Берии была организована настолько многослойно, что в августе 1953 года ценные агенты советской разведки на Западе получили задания выявить якобы наличие его секретных связей с У.Черчиллем и английскими спецслужбами.

Такие задания Москвы выставляли Центр в глупом виде и отвлекали агентуру от действительно важных разведывательных задач, но так хрущевцы выставляли очередные ложные политические «маяки». Хрущев знал, конечно, что никаких связей

у Берии не было и быть не могло, однако задания ставились. Зачем? Да чтобы показать – пусть не широким массам, а узкому кругу сотрудников спецслужб, что «мальчик»-то был, что с Берией действительно нечисто – ведь задачу ставит сам товарищ Хрущев. Такой акцией Хрущев одновременно и страховал свое руководящее реноме – мол, я не потому убрал Берию, что его ненавидел, а потому, что он оказался политически подозрителен по части ренегатства.

Возможно, у кого-то возникнет вопрос к автору: «А был ли Хрущев сознательным – типа Горбачева и Ельцина – ренегатом и политическим перерожденцем?» Что ж, мой ответ тут: «Не думаю…» В 1956 году, когда еще не «примкнувший к ним» Шепилов в качестве министра иностранных дел в Совете Безопасности ООН успешно завершил переговоры по Суэцкому каналу в пользу Египта, Хрущев направил в Нью-Йорк шифровку: ***«Перед самым отъездом дайте по мордам этим империалистам***». Это ведь не для печати – это от искреннего неприятия «буржуев». Хотя, конечно, и не от большого ума.

Впрочем, даже у Хрущева хватило ума на одном из пленумов ЦК закончить свое выступление словами: «Что вы все о Сталине да о Сталине! Да все мы вместе не стоим сталинского г…» Как видим, у Хрущева иногда прорезалось некое понимание своего исторического места – не то что у нынешних «влазтителей во власть», не стоящих даже хрущевского г… Но на большее Хрущева не хватало.

Помощница президента Рейгана Элизабет Доул однажды то ли в шутку, то ли всерьез заявила: «Президенту в его окружении не нужны мужчины и женщины, умеющие только поддакивать. Если президент говорит «нет», мы все говорим «нет».

Мадам Доул – уж не знаю, насколько сама это понимая – сформулировала жизненное кредо шкурников всех времен и всех народов при любом политическом строе. Так вот, если Хрущев и ему подобные не поддакивали Сталину лишь в том случае, когда он говорил «нет», то Берия и ему подобные (не он один ведь был компетентным человеком в окружении Сталина) могли сказать на сталинское «нет» и «да» – потому, что могли компетентно обосновать свою позицию. А Сталин, находясь на верху иерархии, не терпел именно некомпетентности. А компетентность уважал, приветствовал и выдвигал. Потому выдвинул он и Берию.

ЕЩЕ в 1924 году, когда только начиналось серьезное противостояние компетентного Сталина и некомпетентного Троцкого, Сталин в работе «Основы ленинизма» определил ленинский стиль как сочетание русского размаха с американской

деловитостью. И Берия очень точно подходил под это определение. Причем возможность жить в именно таком стиле была для него главным удовольствием и наградой. Ведь умеющему работать человеку работать, прежде всего, при-ят-но! Если, естественно, его работа адекватно оценивается. И пресловутый «трудоголизм» здесь ни при чем. Берия «трудоголиком» не был, но смысл жизни без всяких высоких слов видел в работе.

Ранее я цитировал одно из писем Берии Маленкову из бункера, предупредив читателя, что убрал из него некую фразу, которую приведу позднее. Сейчас время для этого пришло, и я привожу ее в контексте, выделив жирным шрифтом:

«Товарищи Первухин и Сабуров говорили, что у меня было привилегированное положение при жизни т-ща Сталина. Это же не верно, Георгий, ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности, когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии, ЦК ВКП(б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе. И работа шла хорошо, и лично я был в восторге…»

В ***восторге***, уважаемый читатель!

Какое точное и характерное для человека дела слово! Да оно одно доказывает, что письма из бункера подлинные, что писал их Берия! Разве может холодный ремесленник-фальсификатор не то что знать, но даже догадываться о том, что можно быть ***в восторге*** от такой жизни, когда у тебя выше макушки дел, обязанностей и ответственности?

Не тогда, когда ты рыщешь по аукционам и покупаешь в личное обозрение Рубенса или Ренуара… Не тогда, когда плейбойствуешь на личной яхте с «королевами красоты»…

Не тогда, когда сумел сорвать «банк» в Монте-Карло, и не тогда, когда «тусуешься» на элитной «тусовке», а тогда, когда тебя в любое время дня и ночи лично товарищ Сталин может вызвать в кремлевский кабинет и сказать: «Лаврентий! Как ты смотришь на то, если мы тебе поручим…»

А ты, с волнением от новой большой и сложной задачи, предвкушая новую работу, ***с восторгом*** отвечаешь: «Берусь, товарищ Сталин! Все сделаем в срок!» И потом уходишь в ночь, которая уже скоро сменится утром… И это новое утро окрасит нежным светом стены древнего Кремля.

Нет, нынешним «шалунам из Куршевеля» и кремлевским любителям тенниса и горных лыж подобные ощущения недоступны! Это ведь не купишь ни за какие деньги! Это можно только заслужить!

Работой.

И работой не на себя, не «на дядю» (Сэма), не на «золотой клан», а на великую свободную Державу, живущую во имя народа и создаваемую свободным народом.

Томас Эдисон однажды заявил:

«Единственное мое стремление – работать… Мне не нужны обычные утехи богачей. Мне не нужно ни лошадей, ни яхт, на все это у меня нет времени. Мне нужна мастерская».

Один толковый ученый как-то пошутил, определив современную науку как способ удовлетворения любопытства за счет государства. И в этой шутке есть доля истины.

Так вот, любой крупный – не только по положению, но и по личностному масштабу – политик, крупный государственный деятель в СССР Сталина имел почти безграничные возможности удовлетворять свою жажду делать дело! Если, конечно, умеешь делать его, а не имитировать.

Для такого политика «мастерской», где можно было бы работать над лучшей – более умной и интересной – жизнью для людей, становился весь Советский Союз! И лишь в Советском Союзе крупный от природы политик получал возможность работать с восторгом!

Как Берия.

Вот почему если бы он возглавил страну, то этот ***восторг*** созидания стал бы нервом всей общественной жизни России. Ведь компетентность лидера – великая вещь, особенно – применительно к России. Перефразируя Сталина, здесь уместно заявить: «Лидер решает все». Конечно, в том случае, если он – лидер, то есть делает то, что отвечает потребностям эпохи.

А потребностям эпохи отвечало полное раскрепощение инициативы и потенциала новых, преданных общему делу, социалистических профессионалов. И сделать это после Сталина мог бы только «ЛП» Берия.

Вот что писал о Наполеоне академик Евгений Тарле более полувека назад:

«Перед ним были горы старорежимных обломков и масса новых… очень много начатого и неоконченного, начатого и брошенного, начатого и взятого назад; все было как бы в хаосе и брожении…

Бонапарт начал с организации новой власти… Правильно сказал о Наполеоне поэт Гете: для Наполеона власть была то же самое, что музыкальный инструмент для великого артиста. Он немедленно пустил в ход этот инструмент, едва только успел завладеть им».

Берия не был подвержен комплексу «бонапартизма», но некую аналогию тут провести можно. Как только «инструмент» власти выпал из рук великого властителя, Берия поднял этот «инструмент», надеясь, что товарищи по «оркестру» признают если не формальное, то – неформальное право «ЛП» на ведущую партию. Он ведь имел на это право как никто другой!

Бывший долголетний заместитель начальника 9-го Управления КГБ СССР, обеспечивавшего безопасность высшего руководства страны, генерал-майор Докучаев вспоминал, что в частных беседах государственный секретарь США Генри Киссинджер признавался: ему непонятны три момента в истории Советского Союза: первое – как он смог победить фашизм; второе – как он смог так быстро создать атомную бомбу; и третье – как он смог вывести Гагарина в космос.

Все это напоминает недоумение Главного Буржуина в гайдаровской сказке о Мальчише-Кибальчише: «Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились»?

«Военную Тайну» Державы «сдали» Буржуинам на рубеже 80-х и 90-х годов наследники и преемники тех, кто в июле 1953 года «сдал» Лаврентия Берию, чтобы вскоре «сдать» и дело Сталина. Но это так, к слову! Сейчас я, помня о вопросе Киссинджера, хочу сказать вот о чем… Показательно то, что во всех трех узловых моментах в истории Советского Союза, вызвавших изумление государственного секретаря США, роль Берии была выдающейся! Его личный вклад оказался первостепенным и в дело обеспечения Победы, и в решение Урановой проблемы, и в становление советской ракетной отрасли!

Я не хочу сказать, что именно Берии Советская Россия обязана своими тремя самыми выдающимися достижениями – их обеспечили новые люди новой эпохи. Однако то, что Берия находился на острие державной работы во всех трех случаях – факт!

ЧТО думал он в те дни, когда сидел в бункере?

Что думал в первую ночь?

Во вторую?

В третью?

Его письма из бункера позволяют в какой-то мере ответить на этот вопрос так: «Он думал о многом, но в конечном счете он думал о делах Державы, и думал о них потому, что давно не отделял себя от них».

Глава 29
Сага об «убийстве» Ханджяна

Моя книга приближается к концу, но многие ответвления темы «Берия и эпоха» в ней так и останутся лишь намеченными – очень уж эта тема обширна. Так, я мало касался разоблачения лжи о якобы «кровавых преступлениях» Берии, о которых так красочно писали классики сталино– и бериефобии Антонов-Овсеенко, «генерал» Волкогонов и прочие, им подобные, включая «сочинителей» из «следственной» группы Романа Руденко.

Однако я обещал читателю подробно остановиться на обвинении Берии в наиболее серьезном из уголовных преступлений – обвинении его в прямом убийстве первого секретаря ЦК Компартии Армении Ханджяна, которое потом было якобы выдано Берией за самоубийство.

Это будет непростое и для автора, и для читателя расследование, потому что логический анализ – не описание перестрелок или хитрых разведывательных комбинаций. Но что делать? Ведь речь – о серьезнейшем обвинении. Если мне удастся убедить читателя, что оно – ложно, то тогда сам собой будет напрашиваться вывод о том, что и все обвинения Берии в избиениях лично им и с его санкции подследственных и т. д. и т. п. тоже не стоят выеденного яйца.

В итоге более прочно восстанавливается доброе имя Берии! А разве это – не благодарная задача: еще раз понять: был ли Берия тем злодеем, каким его изображают уже много лет? И я уж прошу читателя следить за рассуждениями автора внимательно.

Итак…

11 июля 1936 года в газете «Заря Востока» появилось сообщение:

«Заккрайком ВКП(б) извещает о смерти секретаря ЦК КП(б) Армении тов. Ханджяна, последовавшей 9 июля 1936 года в результате акта самоубийства. Рассматривая акт самоубийства как проявление малодушия, недопустимого особенно для руководителя парторганизации, ЗКК ВКП(б) считает необходимым известить членов партии о том, что тов. Ханджян в своей политической работе за последнее время допустил ряд политических ошибок, выразившихся в недостаточной бдительности в деле разоблачения националистических и контрреволюционных троцкистских элементов. Осознав эти ошибки, тов. Ханджян не нашел в себе мужества по-большевистски исправлять их на деле и пошел на самоубийство.

Общее состояние тов. Ханджяна усугублялось также его длительной болезнью – тяжелой формой туберкулеза.

ЗКК ВКП(б)».

Агаси Ханджян был личностью политически, так сказать, растрепанной… Если читатель помнит, я так же охарактеризовал и запутавшегося в жизни Ломинадзе. Что ж, это были люди одинакового примерно возраста, но главное – одинаковых чувств. Вот я смотрю на некий коллективный портрет «в интерьере»… 6 февраля 1935 года, пуск пробного поезда Московского метрополитена… На сиденьях, слева направо: Мехлис, Ханджян, Хрущев, Берия и стоящий, опершись о никелированную стойку, Нестор Лакоба. В объектив смотрит только Ханджян. Лицо, я бы сказал, потасканное, «утиный» нос, безвольный подбородок. Немного напоминает то ли коверного клоуна, то ли – мелкого конторщика. Немного похож на Микояна, однако черты лица не четкие, как у того, а размягченные, оплывшие.

Ханджян родился в 1901 году в Ване, в турецкой Армении, в семье учителя. В 1915 году младотурки устроили миллионную резню армян. Не знаю, то ли поэтому Ханджяны оказались в российской Армении, то ли они перебрались туда раньше, но в 1917 году Агаси вступает в ряды РСДРП (б) и в том же 1917 году участвует в создании организации молодых армянских социалистов «Спартак». В 1919 и 1920 годах юный Агаси дважды арестовывается дашнакским правительством Армении, будучи секретарем подпольного Эриванского комитета партии.

После установления в Армении Советской власти он четыре месяца – до февраля 1921 года – был секретарем Эриванского обкома, а потом уехал в Коммунистический университет имени Свердлова – крупный питомник кадров мировой революции с троцкистским уклоном. С 1922 по 1926 год Ханджян – на партийной работе в тогдашнем трокистско-зиновьевском «аппаратном» заповеднике – в Ленинграде. С 1922 года заведующий агитационно-пропагандистским отделом Выборгского, с 1925 года – заведующий орготделом Московско-Нарвского райкома, потом – секретарь райкома. О годах с 1926-го по 1928-й у меня данных нет, но интересно то, что в 1926 году в Ленинград приезжает Киров, и как раз в 1926 году заканчивается работа в Ленинграде 25-летнего экс-«спартаковца». Так что не исключено, что Киров его из Питера «потурил»…

Где был Ханджян два года после Ленинграда, я не знаю, однако на хозяйственной работе он пробовал себя вряд ли, поскольку уже сформировался как ярко выраженный партаппаратчик, умеющий призывать и администрировать, но не умеющий хозяйствовать.

Так или иначе, в 1928 году Агаси возвращают в Армению, и с 1930 года до 9 июля 1936 года он – первый секретарь республиканского ЦК. Манипулировать им, как я понимаю, было при желании нетрудно.

К слову, БСЭ в 1950 году констатировала:

«В 1930—31 руководство КП(б)А, проводя коллективизацию сельского хозяйства, допустило ряд грубых «левацких» ошибок, голое администрирование… В 1932 году с помощью Заккрайкома ВКП(б), секретарем которого был верный ученик Ленина и Сталина Л.П. Берия, партийные организации А[рмении] ликвидировали ошибки, допущенные в ходе коллективизации…»

А ведь «ЛП» расхлебывал «кашу», заваренную в том числе Ханджяном. Причем воздавал за них позднее виновникам не Берия – в ходе репрессий 1937 года в Армении работала комиссия во главе с Микояном, в которую входил Маленков (Берия тоже входил в нее, но реально Арменией занимались первые двое). Ханджяна, впрочем, к тому времени уже не было в живых.

«РАССЛЕДОВАНИЕ» по «делу» Ханджяна я проведу по двум основным источникам.

Первый – книга о Берии Антонова-Овсеенко.

Второй – изданный в 2000 году сборник документов Международного фонда «Демократия» – «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956». В разделе V этого сборника имеется документ № 14 – записка заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС П.Т.Комарова от 8 февраля 1956 года об обстоятельствах смерти А.Г. Ханджяна.

Записка Комарова констатировала, что 13 января 1956 года Генеральный прокурор СССР Руденко сообщал в ЦК (в Президиум которого тогда еще входил Маленков, не говоря о «непотопляемом» Микояне) следующее… По результатам прокурорских проверок Военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала 75 руководящих партийно-советских работников Армении. В скобках замечу, что по этой цифре можно как прямо судить о реальном «размахе» якобы «многотысячных» репрессий в Армении, проведенных комиссией Микояна – Маленкова, так и косвенно судить о подобном же «размахе» репрессий в Грузии.

Сейчас для нас, впрочем, наиболее важно то, что Руденко заявлял: «Расправу над Ханджяном учинили Л.П.Берия и др.» (обращаю внимание читателя на это «др.», в документе прокурора выглядящее бесподобно).

Президиум ЦК КПСС 17 января 1956 года постановил принять

предложение Руденко о реабилитации Ханджяна. Шаг, надо сказать, плохо объяснимый – Ханджяна ведь никто не репрессировал, он сам наложил на себя руки. Правда, после 1937 года уже покойный Ханджян проходил как враг народа. Ну, так и реабилитировали бы его в рамках работы Военной коллегии! Однако было решено почему-то провести партийную реабилитацию, не затрагивая вопрос о реабилитации юридической.

Так или иначе, Руденко и Комаров подняли вопрос о Ханджяне, и о нем же повествовал Антонов-Овсеенко, с писаний которого я и начну. Цитаты будут длинными, но что уж делать – нам будут нужны многие детали… При этом выделения в текстах Овсеенко и Комарова везде мои – для удобства сопоставления сообщаемого Овсеенко с сообщаемым в записке Комарова.

Итак:

«…в здании Закавказского крайкома рядом с кабинетом первого секретаря (Берии. – *С.К.)* работала комиссия КПК по проверке деятельности партийных организаций Закавказья. Они уже побывали в Ереване – председатель комиссии, член коллегии КПК Иван Коротков и старая большевичка Анна Иванова. На местах в комиссию включали ***третьего члена, председателя парткомиссии ЦК национальной республики.***

Рабочий день шел к концу. Вдруг в кабинете Берии прогремел ***выстрел*** (один. – *С.К.)*. Коротков кинулся на звук выстрела, открыл дверь. Лаврентий Берия бросил на стол ***пистолет***, на ковре, в ***луже крови*** лежал с простреленной головой Агаси Ханджян, первый секретарь ЦК Армении. Коротков вернулся к себе, сообщил о случившемся Ивановой (а третий-то что – был лишний? – *С.К.)* и добавил: «Никогда, нигде, никому об этом не рассказывай. Если хочешь жить». В поезде, на обратном пути в Москву, Коротков повторил «Смотри, Анна, ни слова. Иначе мы с тобой погибнем».

Уже сообщенное вызывает ряд вопросов.

Оставим в стороне то, что хороши же старые большевики из Комиссии партийного контроля, которые без колебаний становятся юридическими соучастниками уголовного преступления в ситуации, когда они хотя бы в Москве обязаны были подать о случившемся рапорты.

Но почему Коротков «кинулся» на выстрел один? И почему другие не «кинулись» если не вслед за Коротковым, то хотя бы для того, чтобы вызвать охрану ЗКК, а сидели как суслики? И почему даже в Москве столичные партийные контролеры так панически боялись далекого Берию? Тем более что до широких репрессий был еще год.

Вернемся, впрочем, к Антонову-Овсеенко:

«Лишь двадцать лет спустя удалось уточнить обстоятельства убийства Ханджяна.

Председатель КПК послал в Ереван своего помощника Кузнецова. Специалисты вскрыли могилу, произвели эксгумацию останков и установили, что ***пистолетная*** пуля пробила левый висок. Ханджян не был левшой, это подтвердили его близкие».

И опять возникают вопросы.

Оставим в стороне то, что лишь законченный кретин открыто совершит убийство в своем служебном кабинете в рабочее время, а Берия кретином не был. Но как это себе представляют обвинители Берии?

Вот возник конфликт, вот у Берии в руках оружие (по утверждению Овсеенко – пистолет, а почему я это подчеркиваю, читатель позднее поймет)… И что – Ханджян, видя это, сидит как пень?

Вряд ли он, да при его нервном характере, хотя бы не дернулся. Однако Берия демонстрирует класс истинного «ганфайтера» прерий и всаживает с некоего расстояния пулю точно в левый висок (для чего Ханджяну надо было еще и любезно повернуть вполоборота голову вправо).

Бред?

Пожалуй.

Тогда, возможно, все было так? Ханджян бросал Берии обвинения, тот грозил стереть строптивца в лагерную пыль, армянский секретарь вспылил, но Берия стал его успокаивать, как-то отвлек, затем коварно зашел Ханджяну с тыла, вынул «браунинг с литой золотой ручкой», которым якобы позднее угрожал Зернову, приставил дуло к виску Ханджяна и выстрелил.

Допустим, все было так, но вот незадача! Берия ведь тоже левшой не был. И если бы он стрелял в висок Ханджяну, то – с правой руки, приставив дуло к правому виску Ханджяна. А у того пробит левый висок.

Ну, ладно, Берия как-то извернулся и Ханджяна убил. Что далее?

Что ж, и об этом нам сообщает Антонов-Овсеенко:

«Тело Ханджяна завернули (кто же это был еще? – *С.К.)* в ковер и отвезли на автомобиле **в гостиницу** для ответственных работников ЦК и Совнаркома Армении. На крыше расположенного напротив здания работал в тот день **кровельщик.** Он все видел сверху. По приказу Берия **личный охранник произвел в его номере выстрел** – имитировав самоубийство секретаря ЦК Армении.

Накануне Берия снял Ханджяна с его поста, и тот приехал в

крайком объясняться. На следующий день Лаврентий Берия публично поносил убиенного за национализм и предательство интересов рабочего класса».

Увы, уважаемый читатель, и здесь возникают вопросы.

Оставим в стороне то, что пост 1-го секретаря ЦК выборный и Берия не мог снять Ханджяна с его поста, а мог, пусть и уверенный в успехе, лишь поставить вопрос о снятии, однако – не более того. Но зачем, спрашивается, коль уж Ханджян убит, заворачивать тело в ковер? Для перевозки такого груза – труп в ковре – надо грузовик вызывать!

И зачем везти тело в гостиницу? Не проще ли отвезти труп в относительно укромное место и там оставить? В том, что его нашли бы быстро, сомневаться не приходится – исчезнувшего армянского секретаря искал бы весь НКВД ЗСФСР. Однако нашли бы не сразу, а чем позднее найдут тело, тем проще прятать концы…

И зачем впутывать личного охранника то ли Ханджяна, то ли – самого Берии? Что, Берия – коль уж он был в номере «гостиницы», не мог выстрелить в воздух сам? Да и имитация самоубийства со стрельбой в номере «руководящей» «гостиницы» отдает таким дилетантизмом, который для профессионала Берии был невозможен.

Наконец, что это за стахановец такой – кровельщик, что и после окончания рабочего дня торчит на крыше? В центре Тбилиси частных строений не было, так что и частных ремонтников на крыше государственного здания тоже быть не могло.

На этом я цитирование Овсеенко прекращаю, но замечу, что эти цитаты взяты ведь не из рукописи, а из антибериевского сборника Политиздата 1991 года. А это означает, что за утверждения Овсеенко несут моральную ответственность также заведующий редакцией А.В. Никольский, редактор Г.С. Пружинин и особенно составитель, проводивший общую редакцию, – доктор исторических наук, профессор В.Ф. Некрасов.

Размышляем дальше… То, что написал Антонов-Овсеенко, он не мог прочесть в неких опубликованных источниках. Но откуда-то же он узнал то, что написал! Был знаком с запиской Комарова в ЦК? Нет, расхождения его версии и версии записки Комарова не просто велики, а принципиальны! Мы это сейчас увидим.

Так откуда?

Я предполагаю, что Антонов-Овсеенко излагал ***один из вариантов*** той фальсификации, которая готовилась в недрах хрущевского ЦК. А поскольку ложь, похоже, шлифовалась в несколько этапов, то в случае версии Антонова-Овсеенко мы

имеем дело с полуфабрикатом, а в ЦК Комаров представил уже «готовый продукт».

И вот что сообщается в записке Комарова, имеющей, подчеркиваю, статус ***официального*** документа высшего уровня:

«По показаниям лиц, охранявших Ханджяна, последний между 7 и 8 час. вечера 9 июля 1936 года обнаружен лежащим в своей комнате на кровати с огнестрельной раной в голову. Между тем, на Тбилисской станции скорой помощи вызов к Ханджяну зарегистрирован в 9 часов 25 мин., а пострадавший доставлен в больницу в 10 час. 25 мин. вечера».

Что делать, и тут без вопросов не обойтись…

Если у Ханджяна были «лица, его охранявшие», то они ведь должны были его везде сопровождать. Вот они вошли с Ханджяном в здание крайкома, не дождались, и, ничего не выясняя, вернулись в…

А куда, кстати, вернулись? В гостиницу? Нет, оказывается, Ханджян жил в Тбилиси не в гостинице, а в ***квартире***. Не личной, как я понял, а в служебной, закрепленной за ЦК КП(б) Армении, но все же в квартире в «номенклатурном» доме.

Так вот, выходит, охранники не дожидались в Заккрайкоме «шефа», а бестрепетно вернулись на квартиру? Не очень похоже на правду.

Далее… Хороши охранники: фиксирующие время «между 7 и 8 час. вечера» вместо «7 часов столько-то минут». Такие «профессионалы» могли вместо вызова «скорой» начать звонить в крайком. Да и вообще с временем обнаружения перепутать. Причем если усматривать некий злой умысел Берии в затяжке с вызовом «скорой», то уж приезд-то ее ***чуть ли не на час*** он затягивать не рискнул бы… Да и как бы он это сделал? Из крайкома позвонил бы: вы, мол, к Ханджяну не спешите?

Нет уж, Берия тут ни при чем! Настолько, значит, «оперативно» работали подчиненные наркома здравоохранения Грузии Мамаладзе. Ладно! Так или иначе – «пострадавший» в больнице. Что дальше?

«После консилиума врачей, – ***повествует далее Комаров***, – Ханджян оперирован в 1 час 30 мин. утра 10 июля 1936 г. и затем он умер, о чем имеется запись в операционном журнале. В то же время в акте вскрытия трупа Ханджяна от 10 июля 1936 г. указано, что он умер 9 июля 1936 года. История болезни Ханджяна в больнице не обнаружена, хотя на всех больных того периода они имеются…»

Но что здесь странного? Зачем на человека, скончавшегося на операционном столе сразу после привоза его в больницу,

заводить, кроме акта вскрытия, еще и историю болезни? По одной несуразной, неуклюже пытающейся «уличить» Берию части записки Комарова можно судить, какие неизобретательные тупицы заполняли аппарат ЦК КПСС и КПК к 1956 году. А ведь на основании этой никчемной «улики» они делают далеко идущий вывод:

«Указанные данные дают основание для предположения, что могла быть произведена фикция операции над трупом».

А вот это уже не шутки! Это же сколько людей надо вовлечь в такую «фикцию»?! И зачем? Ну, привезли тов. Ханджяна в больницу «Скорой помощи». Срочно известили руководство (в записке Комарова сообщается, что в больнице находились Берия, Агрба, наркомздрав Мамаладзе, прокурор Грузии Вардзиели и главный врач Киршенблат).

Привезли, говорю я, тов. Ханджяна, а он уже холодный… Ну, покачали головой, велели Киршенблату провести вскрытие, составить акт о смерти и, если оснований для открытия уголовного дела не обнаружится, готовить тело тов Ханджяна к отправке в Ереван.

Ханджян мертв, Берию не изобличит. Так зачем Берии устраивать опаснейшую фикцию операции над трупом? Чтобы его заподозрили? К тому же это ведь Берия – по Комарову – прямой убийца, а остальным зачем ему в организации этой фикции содействовать? Чтобы доложить в Москву – боролись-де за жизнь руководящего товарища до конца?

Глупо?

Пожалуй.

Но эта подлая глупость имела высший официальный уровень – уровень хрущевского ЦК! Причем записка Комарова напоминает, что «Агрба, Вардзиели и Мамаладзе в 1937–1938 гг. были осуждены и расстреляны, а Киршенблат, осужденный к 10 годам лишения свободы, был расстрелян в феврале 1938 г. в Полтавской тюрьме по постановлению «тройки» УНКВД…»

Комаров прозрачно намекает на якобы руку Берии, хотя за что судили Мамаладзе и Киршенблата, можно судить по качеству работы тбилисской «неотложки» в 1936 году. И как, не имея в феврале 1938 года к НКВД СССР никакого отношения, Берия мог влиять на «тройку» в Полтаве?

К тому же сам Комаров сообщает: «Охранники Саноян и Мкртчян арестовывались после смерти Ханджяна и освобождены через 1,5 месяца». Причем по крайней мере Саноян был жив и здоров и в 1956 году (как следует из записки Комарова). А уж охранников, если дело было нечисто, Берии надо было убирать в ходе репрессий в первую очередь. И сделать это было проще –

люди маленькие…

Усматривает записка Комарова нечто подозрительное и в том, что «акт вскрытия трупа… был произведен не судебным экспертом-врачом, а патологоанатомом Джорбенадзе». Хотя чему удивляться? Ханджян оставил предсмертную записку, следов насильственной смерти нет, так зачем же нужен ***судебно-*** медицинский эксперт, если в больнице есть штатный патологоанатом? Причем Джорбенадзе никто впоследствии не репрессировал.

Но у зампреда КПК Комарова (заурядный, к тому времени – 58-летний, партаппаратчик высшего уровня, ушедший в 1959 году на пенсию и спокойно скончавшийся в 1983 году в возрасте 85 лет) имеются козыри вроде бы посильнее, а именно:

«Указанный акт в 1955 г. Главной военной прокуратурой был направлен судебно-медицинским экспертам. Главный судебно-медицинский эксперт Министерства обороны проф. Авдеев М.А. дал заключение, что обнаруженная, согласно записи в акте, у Ханджяна на голове огнестрельная рана не могла быть нанесена выстрелом из ***пистолета*** «Лигнозе» калибра 6,35 (который имелся у Ханджяна), а нанесена она пулей ***револьвера*** калибра не менее 7,5 мм. В извещении Заккрайкома В КП (б) было указано, что Ханджян застрелился из револьвера, а не пистолета…».

В извещении ЗКК, во всяком случае, в том, которое приводит без отточий Овсеенко, об орудии самоубийства вообще не упоминается, но занятнее другое – Овсеенко упорно настаивает как раз на ***пистолете***! И я могу лишь восхищаться суперпрофессионализмом проф. Авдеева, устанавливающего тип оружия по бумажному описанию. А что, если Джорбенадзе, на честность и профессионализм которого записка Комарова бросает, к слову, косвенную тень, что-то описал в своем акте неверно?

К тому же наличие у Берии личного револьвера сомнительно – у него если и было тогда личное оружие (что вероятно), то это был, скорее всего, пистолет. Тем более что у него как раз и был наградной «браунинг».

Но ладно, пусть уж будет так, как описано! Однако далее начинается самое интересное! Комаров пишет:

«В момент гибели Ханджяна в Заккрайкоме ВКП(б) в гор. Тбилиси находилась тройка КПК при ЦК ВКП(б) в составе председателя Короткова И.И. (умершего несколько лет тому назад) (он умер 14.11.49 года в Москве, о чем зампред хрущевской КПК мог бы и знать. – *С.К.),* партследователя КПК т. Ивановой и третий член тройки не установлен (? – *С.К.),* но, по заявлению Ивановой, им был Синайский-Михайлов…

В своем заявлении в КПК, – продолжает Комаров, – и в показаниях, данных Главной военной прокуратуре, тов. Иванова сообщает, что 9 июля 1936 г. ***вечером*** (а не «в конце рабочего дня». – *С.К.)* она, Коротков и Синайский работали в здании Заккрайкома В КП (б). Вдруг в кабинете Берия раздалось ***2 выстрела*** (у Овсеенко один. – *С.К.)*. Тов. Коротков бросился в кабинет Берия и долго там задержался. ***Не дождавшись Короткова***, Иванова и третий член парттройки ***ушли*** в гостиницу…»

А вот уж здесь даже сказочники развели бы, наверное, руками… Прошу уважаемого читателя представить эту картину. Вечер… В охраняемом здании крайкома в кабинете первого секретаря раздаются два выстрела. Коротков убегает в кабинет, не появляется оттуда, а два его товарища, два стойких большевика, невозмутимо чего-то выжидают, а потом спокойно отправляются восвояси в гостиницу, даже не попытавшись узнать: а что же случилось? И даже на выходе из здания не осведомив охрану.

А вдруг в кабинет тов. Берии пробрался враг и застрелил его? А если парттроица знала, что в кабинете тов. Ханджян, то беззаботность оставшейся партдвойки просто преступна!

А вдруг враг застрелил и тов. Берия, и тов Ханджяна? А когда тов. Коротков бросился в кабинет тов. Берии, то притаившийся враг пронзил его кинжалом и был таков.

Два руководящих товарища, может быть, истекают кровью, а партследователь тов. Иванова и ее напарник тов. Синайский и бровью не повели и ушли чаи распивать…

Можно в такое поверить?

Думаю, нет.

Тов. Комаров же, не усмотрев, как и партследователь тов. Иванова, в ситуации ничего неестественного, ведет дальше:

«…ушли в гостиницу, куда позже вернулся и Коротков. На расспросы Ивановой Коротков ответил, что «произошло ужасное», о чем будет известно завтра. На другой день утром они ***в газетах*** прочитали извещение о самоубийстве Ханджяна, и Коротков тогда заявил: «Иезуит Берия убил Ханджяна». Предложение Ивановой немедленно сообщить об этом в Москву Коротков отклонил, также запретил и ей делать это, сказав, что «история разберется»…»

Просто фантастика! Во-первых, кто мешал Ивановой все же сообщить обо всем в Москве по приезде? Да она обязана была это сделать даже не как партийка, а просто как гражданин – чтобы не попасть в соучастники! Во-вторых, если член КПК при ЦК ВКП(б) предоставляет право разбираться в партийных и уголовных делах

истории, а не следствию, то на кой черт нужна такая КПК?

Забавно (хотя что тут забавного!) и то, что ни Комаров, ни сама Иванова в фальсификаторском раже не поняли, что по факту подачи своей записки в 1956 году Иванова в любом случае оказывалась уголовной преступницей! Если то, о чем шла речь в ее записке (то есть признания ей Короткова), было правдой, то Иванова была виновна в том, что в 1936 году не сообщила властям важные сведения (утаила их) о преступлении. Если же она в своей записке в 1956 году написала неправду, то подлежала привлечению к уголовной ответственности за клевету и оговор. Не так ли?

Но какой справедливости можно было ожидать, если появлялась соблазнительная возможность представить Берию вульгарным уголовником? Поэтому к записке Ивановой (единственной к тому времени «свидетельнице») отнеслись со всем интересом и пониманием.

Что ж, вернемся к ней и мы… 11 или 12 июля (Иванова точно не помнит) они поездом уехали в Москву.

«В купе вагона, – продолжает Комаров «сагу» Ивановой, – Коротков, любивший рисовать, на бумаге нарисовал кабинет Берия, где на ковре лежал окровавленный Ханджян. Иванова этот рисунок уничтожила. Она предполагает, что Коротков, бывший очевидцем происшествия, изобразил на бумаге представившуюся ему в кабинете Берия картину».

Картина действительно хоть куда! Причем и ковер ведь был, получается, безнадежно испорчен. И как же Берия объяснил наутро или кровавое пятно на нем, или отсутствие ковра?

Ах, да! Он труп в этот ковер завернул и вынес, совершив нечто вроде тринадцатого подвига Геракла, из здания крайкома в восьмом часу июльского вечера в центре Тбилиси.

Это – по Овсеенко.

Но и по Комарову – тоже, хотя и с существенными различиями. Как Берии удалось переправить труп на квартиру Ханджяна, Комаров предусмотрительно умалчивает, и у Комарова получается так:

«Сообщение Ивановой об убийстве Ханджяна в здании Заккрайкома находит подтверждение в таком факте: ***маляр*** Гаспарян (простите, он же был кровельщиком! – *С.К.),* ремонтировавший дом, расположенный напротив квартиры Ханджяна, 9 июля 1936 года вечером услышал выстрел, и, выйдя ***на балкон*** (простите, он же был на крыше! – *С.К.),* увидел, как от подъезда дома, где была квартира Ханджяна, отъехала автомашина Берия».

То есть профессионал Берия делает ошибку за ошибкой, то и

дело неумно «подставляется», и описанное «Комаровым-Овсеенко» напоминает мне коллизии итальянского политического детектива «Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений». Там начальник секретной полиции чуть ли не на глазах у подчиненных зарезал любовницу, намеренно везде оставляя следы вплоть до отпечатков пальцев, но ему все сошло с рук. И теперь я раздумываю – а не при знакомстве ли с запиской Комарова возникла у сценариста идея сценария?

Комаров же несуразностями не смущается и делает вывод:

«Отсюда возникает версия, что Ханджян, застреленный в кабинете Берия, был доставлен (как и кем? – *С.К.)* на машине последнего в квартиру и с целью инсценировки самоубийства был произведен выстрел. Через несколько минут Берия позвонил по телефону Ханджяну, и вошедший по этому звонку в комнату Ханджяна охранник Саноян обнаружил лежащего на постели окровавленного Ханджяна».

Комарова странная избирательность слуха Санояна не удивила, но может ли быть так, что охранник услышал из соседней комнаты телефонный ***звонок*** и перед этим не услышал ***выстрел***? А он его – по Комарову – не услышал, иначе он сразу же, а не «после звонка Берии» появился бы в комнате, потому что обязан был это сделать.

Далее Комаров сообщает, что в комнату Ханджяна был второй вход с лестничной клетки через комнату секретаря армянского ЦК Аматуни и Гулояна, минуя комнату обслуживающего персонала.

И теперь я пытаюсь представить, как Берия подъезжает к дому и (вообще-то не гигант) тащит труп в ковре через несколько дверей.

Второй вариант: он тащит просто труп, с ног до головы мараясь в крови.

Возможна – с учетом обеих «саг», и Овсеенко, и Комарова – и такая картина: Берия вытаскивает из машины ковер, разворачивает его на улице, взваливает на плечо труп и бодро протискивается в дверь… Потом ведь еще и от ковра надо избавиться, это ведь не носовой платок. Да еще и в «неотложку» успеть – организуя «фикцию операции»… Тяжелую задачу задал себе неосмотрительный Берия.

А Комаров сообщает и кое-что еще:

«Как показала жена т. Ханджяна (вообще-то – вдова. – ***С.К.)*** т. Винзберг Роза и охранник Саноян, Ханджян, уезжая 8 июля 1936 г. из Еревана в Тбилиси, взял с собой принадлежащий ему пистолет «Лигнозе» малого калибра, другого оружия с собой не

брал. Кроме того, Ханджян сказал ей, что в Тбилиси решительно поставит вопрос об освобождении его от работы в Армении ввиду травли со стороны Берия, и если ему откажут, то проедет далее в Москву… Таким образом, при выезде из Еревана у Ханджяна мысли о самоубийстве не было».

То есть никакого Ханджяна Берия накануне ни с какого поста не снимал – это во-первых. Во-вторых, по здравом размышлении приходишь к выводу, что т. Винзберг Роза лжет уже потому, что если дело обстояло бы так, как она представляет, то ее муж сразу уехал бы в Москву. Перед кем он мог бы ставить вопрос о себе в Тбилиси? Не перед Берией же…

Но и все остальное ведь – плохо сляпанная некомпетентными партократами ложь. Надеюсь, я это читателю доказал. Реальной в «саге» об «убийстве» Ханджяна является одна деталь: Ханджяна вечером 9 июля не стало.

КАК НЕ стало – сказать трудно… В справочнике К.Залесского коротко сообщается: «Убит во время допроса», – даже Залесский не соблазнился россказнями Комарова. Хотя и в таком сообщении все странно. Если кто-то где-то вел допрос Ханджяна, то он был арестован. И вместо сообщения о самоубийстве в «Заре Востока» появилось бы сообщение об аресте или вообще ничего не появилось бы.

Нет, скорее всего, это было действительно самоубийство, для которого Ханджян выбрал не дамский «Лигнозе», а мужское оружие – револьвер, решив хоть в смерти оказаться мужчиной, коль уж в жизни не получилось. Потому что жизнь у него была путаной, не стойкой… А возможно, он стрелял все же из пистолета.

Возможно, впрочем, что его убрала какая-то группа в армянском ЦК – ведя некую интригу. На Кавказе интриг разного рода – от личных до политических – хватало. Тот же сосед по квартире Ханджяна – Аматуни через два года был репрессирован, и из 55 членов армянского ЦК его судьбу разделили 40 человек. Но одно можно сказать с уверенностью: Берия к смерти Ханджяна никакого прямого отношения не имел.

Это видно и из анализа «обвинений» Овсеенко и Комарова. Это видно и из судьбы Ивана Короткова. Берии приписывают ликвидацию «под шумок» осени 1941 года «старого большевика» Кедрова, якобы «знавшего» о том, что Берия был якобы двойником-агентом в 1919 году. Кедрова в 1941 году расстреляли, но не по этой, естественно, причине. Однако если бы Берия устранял опасных свидетелей, то кому уж быть первым кандидатом на расстрел, как не Ивану Короткову! Еще бы – такой

свидетель, и такое удобное время – немцы под Москвой, неразбериха…

Иван же Иванович Коротков, 1885 года рождения, из крестьян, с 1899 года маляр, член РСДРП(б) с 1905 года, арестовывался, ссылался и т. п., с 1934 по 1939 год был членом КПК при ЦК ВКП(б), с 1939 по 1944 год – директором Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, а в 1944 году вышел на пенсию. И никакая «рука Берии» его никогда не хватала.

Имея в виду «саги» Антонова-Овсеенко и Комарова, надо сказать, что, конечно, оба варианта – ложь от начала до конца, начиная с того, что позиции Ханджяна в Москве сильными не были – в отличие от позиций Берии, и никакой опасности для Берии со стороны Ханджяна быть не могло.

С другой стороны, если бы Берия решил и впрямь убрать Ханджяна (тем более – лично), то это было бы сделано профессионально. И, конечно, не в служебном кабинете.

САГА об «убийстве» Ханджяна Берией – из числа наиболее гнусных антибериевских фальшивок, но я благодарен безвестным ее творцам. Запущенная в оборот как на уровне общественного сознания «сказителем» Овсеенко и его покровителями, так и на самом высоком уровне ЦК и КПК при ЦК КПСС, эта «сага» позволяет мне после ее анализа утверждать, что и остальные якобы «документальные» сведения об участии Берии в пытках и т. д. – ложь! Как и сведения о самих пытках в НКВД Берии. Я не склонен отрицать того, что в какие-то моменты физическое воздействие (но, конечно, не зверское, не садистское) на некоторых арестованных по особо важным и особо опасным для безопасности государства делам могло быть санкционировано и имело место. Но это были исключительные случаи, а исключения, как известно, лишь подтверждают общее правило.

Обращу внимание читателя на фигуру Льва Емельяновича Влодзимирского. Его изображают явно «палаческой» фигурой в окружении Берии. К. Залесский пишет о нем: ***«Один из наиболее одиозных следователей НКВД, широко применявших методы физического воздействия».***

А далее получается интересно… К. Залесский сообщает о Влодзимирском: ***«1905 года рождения, поляк, сын подъесаула…»*** Но в официальной кадровой справке говорится иное: ***«Влодзимирский Лее Емельянович (Эмильевич), 1903 года рождения, уроженец г. Барнаул, русский. Родился в семье контролера пассажирских поездов…»*** Верно, надо полагать, второе, но в одном Залесский точен – в юности Лев приписал себе два года и в

14 лет вступил в Красную Армию. После Гражданской более четырех лет служил рулевым-боцманом в Севастопольском военном порту, окончил вечерние общеобразовательные курсы, потом почти два года был секретарем Кисловодского райисполкома, с мая по сентябрь 1927 года обретался в Пятигорске безработным, а с сентября 27-го начал работать в уголовном розыске на Тереке. В мае 1928 года его перевели в органы ОГПУ, и он был в кадрах чекистов до 1947 года, когда его «по состоянию здоровья» уволил в запас новый министр ГБ Абакумов. В июле 1947 года Влодзи-мирский становится начальником Управления кадров и ревизионного отдела Главного управления советским имуществом за границей при СМ СССР. Взял его туда, конечно, Меркулов, замененный 4 мая 1946 года на посту министра ГБ Абакумовым и назначенный 25 апреля 1947 года начальником Главного управления советским имуществом за границей.

Сразу после смерти Сталина, 5 марта 1953 года, Берия возвращается в объединенное Министерство внутренних дел. МВД вновь включило в себя МГБ, при этом бывший министр внутренних дел Круглов стал первым заместителем Берии, а бывший министр государственной безопасности Игнатьев, пребывавший во главе МГБ с 9 августа 1951 года, из «органов» был удален. Зато вновь стал секретарем ЦК.

Не документированы, но очень правдоподобны сведения о том, что Берия заявил: он-де изжил «ежовщину», изживет и «игнатьевщину». Так оно было или не так, однако наследство Лаврентию Павловичу в очередной раз досталось нелегкое – классический партократ Игнатьев был уверен, что знает все уже потому, что он – член ЦК. И кадры МГБ подбирал соответствующие. Между прочим, «печально знаменитый» Родос, с 1942 года заместитель начальника следственной части по особо важным делам НКВД – НКГБ СССР, служил и при министре Игнатьеве, но подается «демократами» как «бериевский палач».

Теперь «органы» вновь возглавил «ЛП», а уж он-то значение человеческого фактора понимал прекрасно. И уже 18 марта 1953 года Берия назначает генерал-лейтенанта Влодзимирского начальником Следственной части МВД по особо важным делам.

Для чего?

Чтобы выбивать из «жертв» признания? Думаю, напротив – чтобы исключить возможность произвола! Да, именно так! Я связываю назначение Влодзимирского с изменением следственной политики в МВД СССР постольку, поскольку 4 апреля 1953 года выходит приказ министра внутренних дел СССР «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер

принуждения и физического воздействия».

Вот его основные моменты:

«Министерством внутренних дел СССР установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток – жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер и др.

<…>

Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе.

<…>

Приказываю:

Категорически запретить в органах МВД применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия…

Ликвидировать в Лефортовской и внутренней тюрьмах… помещения для применения к арестованным физических мер воздействия…

С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав органов МВД и предупредить, что впредь за нарушение советской законности будут привлекаться к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду, не только непосредственные виновники, но и их руководители.

Министр внутренних дел СССР Л. Берия».

Так спрашивается: издавая такой приказ, вернул бы Берия в МВД Влодзимирского, если бы тот имел репутацию костолома? Совершенно секретный приказ министра издается не для журналистов и не для будущих историков. Те, кому он адресован, осведомлены о подлинном положении дел и о моральных и деловых качествах того или иного сотрудника как минимум не хуже министра. И если бы Берия в своем приказе лицемерил, если бы в НКВД Берии рукоприкладство, ***как явление***, существовало,

то своим приказом Берия лишь уронил бы свой авторитет в глазах подчиненных ему профессионалов. Однако тональность приказа вполне определенна: она подтверждает приверженность министра внутренних дел Берии линии наркома внутренних дел Берии.

Причем я прошу читателя обратить внимание на перечень тех действий, которые приказ Берии определяет как пытки: «жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки… длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер…». При всей недопустимости перечисленного как «следственной» практики, это все же не те ***изуверские, садистские истязания***, которые приписывают Берии и его подчиненным различные «сказители»…

Читатель, знакомый с книгой А.Сухомлинова, может возразить мне, что тот же Влодзимирский на следствии сам признал факты избиения им арестованных (смотри стр.306–307). И я не буду ссылаться на то, что сами эти показания Льва Емельяновича из него могли быть «выбиты», а приведу фрагмент его показаний:

«Я эти показания (об избиениях. – *С.К.)* подтверждаю частично. В некоторой части они преувеличены. В отношении Павлова… я применял меры физического воздействия, так как он был врагом советской власти и имел намерение при захвате немцами Москвы создать организацию «Возрождение России» (хорошо, что не «Единая Россия». – *С.К.)* и намечал себя бургомистром. Мне ***разрешили*** его бить и ***только после этого он рассказал следствию правду*** (выделение мое. – *С.К.)*. На избиение Локтионова, Штерна, Мерецкова, Рычагова… было ***указание*** Меркулова, который ссылался ***на санкции*** директивных органов».

Итак, «садисту» Влодзимирскому в 1953 году смогли инкриминировать лишь несколько случаев физического воздействия на явно виновных арестованных, санкционированного свыше, – что само по себе доказывает отсутствие избиений как стандартной практики – в ***исключительных условиях военного времени.*** Я подчеркиваю, виновных, хотя тут упоминается и Кирилл Мерецков, закончивший войну Маршалом Советского Союза. Не имея возможности даже кратко касаться этой фигуры, скажу лишь, что она далеко не так безупречна, как это обычно изображается.

Обвиняли Влодзимирского также в участии в похищении и ликвидации в 1940 году жены маршала Кулика – К.Симонич-Кулик. Что ж, не исключаю… «Жена маршала Кулика» – это звучит внушительно. Но все «обличители» забывают сообщить,

что пятидесятилетний и уже потасканный Кулик женился на… 18-летней подруге дочери, и вокруг свежеиспеченной «мадам маршальши» начали виться подозрительные по шпионажу личности. Сегодня – ничего вроде бы серьезного… А завтра? Нет, дело с этой сомнительной «маршальшей» спустя десятилетия выглядит еще более темным, чем в реальном масштабе времени. И я не исключаю, что Сталин решил не рисковать и санкционировал тайную операцию. Как не исключаю я и того, что эту Симонич могли ограбить и убить уголовники, а уж в 1953 году это когда-то нашумевшее дело пристегнули к «преступлениям» Берии…

В ЗВЕРСТВАХ и пытках «в застенках НКВД» обвиняют не только Берию, но и, например, заместителя наркома внутренних дел СССР в 1941–1943 годах, министра государственной безопасности СССР в 1946–1951 годах Абакумова. Обвиняют его в рукоприкладстве и в те времена, когда он подчинялся только Сталину, возглавляя контрразведку «Смерш» Наркомата обороны СССР. Скажем, Судоплатов пишет, что периодически избивали в 1943–1947 годах арестованного Абакумовым комиссара ГБ Ильина, что Абакумов выбил «в первую же ночь» допросов два передних зуба генералу Теплинскому…

Но писатель Кирилл Столяров приводит (в том числе в факсимильном воспроизведении) весьма важный документ – письмо Абакумова из тюрьмы на имя Берии и Маленкова. Подлинность его не подвергают сомнению даже «демократические» «исследователи».

Абакумов был снят с поста министра в 1951 году в результате подачи в ЦК ВКП(б) заявления старшего следователя Следственной части по особым делам МГБ СССР Михаила Рюмина. Столяров утверждает, что Рюмин написал его прямо в кабинете секретаря ЦК Игнатьева (он Абакумова в МГБ вскоре и сменил). Вряд ли это так, но заявление Рюмина – факт общеизвестный. И 4 июля 1951 года по нему была создана комиссия Политбюро в составе: Маленков (председатель), Берия, Шкирятов, Игнатьев.

12 июля 1951 года Абакумова арестовали. Безусловно, не в одной докладной Рюмина было дело – с одной стороны, Абакумов начинал мешать ряду партократов, с другой же, за ним действительно имелись серьезные служебные проступки. Так или иначе, Абакумов оказался в Лефортово, откуда и написал упомянутое выше письмо.

Берия давно не возглавлял спецслужбы и не курировал их единолично – после ареста «ленинградца» Кузнецова главным

куратором «органов» был Маленков. Он в первую голову готовил документы Политбюро по вопросам МГБ, он возглавлял комиссию по Абакумову и т. д.

Однако в ниже приводимом письме Абакумов обращался к Берии и Маленкову явно как к членам Политбюро, как к руководителям государства, зная, что в этом случае его письмо в МГБ Игнатьева не осядет (такой порядок при обращении арестованных к членам Политбюро соблюдался строго).

И вот что писал Абакумов 18 апреля 1952 года:

«Товарищам Берия и Маленкову.

Дорогие Л.П. и Г.М.! Два месяца находясь в Лефортовской тюрьме, я все время настоятельно просил следователей и нач. тюрьмы дать мне бумагу написать письма Вам и тов. Игнатьеву…

Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали так, что я спал всего лишь час-полтора в сутки… На всех допросах стоит сплошной мат… оскорбления, насмешки… Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер… Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал…» и т. д.

Из письма Абакумова однозначно следует, что меры физического воздействия стали нормой для МГБ Игнатьева, а вот для НКВД Берии и МГБ Абакумова они были настолько несвойственны, что Абакумов, «кадр Берии», зверствами игнатьевцев был шокирован. А раз так, вряд ли он и сам дробил челюсти и ребра своим подследственным… Как в НКВД – при Берии, так и в «Смерше», в МГБ, возглавляя их.

«А как же свидетельство генерала Судоплатова?» – спросит читатель. Но я отвечу ему цитатой из письма Чарльза Диккенса, написанного 4 февраля 1868 года из Вашингтона своему близкому другу Джону Форстеру: ***«Оба поделились своими воспоминаниями, причем, как всегда в таких случаях, обнаружилось несоответствие в деталях».*** Вот так и с печатными воспоминаниями генералов КГБ, изданными после 1991 года (до этого года, впрочем, подобные мемуары не издавались вообще). К ним надо относиться очень аккуратно, не без доли здорового скепсиса. Особенно – с учетом высокой вероятности политкорректировки их «мемуаров».

Между прочим, случайно сообщив одному из моих коллег, что пишу книгу о Берии, я услышал от него вот что… В свое время он лежал в 12-й московской клинике в одной палате со

старым чекистом Николаем Ивановичем Галкиным. Галкин (личный друг Завенягина, к слову), по образованию – горный инженер, пришел в НКВД в 1935 году и входил в состав одной из двух бригад, которые вели допросы Туполева. Так вот, Галкин, однозначно, между прочим, говоривший о вине Туполева, полностью отрицал применение мер физического воздействия в НКВД времен Берии, говоря, что это, кроме прочего, считалось уроном офицерской чести. Хотя сам же признавал, что на человеческом, так сказать, уровне, кто-то и срывался.

Я доверяю такому изустному, даже из вторых уст, свидетельству больше, чем писаным свидетельствам Судоплатова. Недаром же издательство «ОЛМА-ПРЕСС», издавшее расширенные воспоминания Павла Анатольевича, сочло необходимым отметить, что издательство «не несет ответственности за изложенные в книге факты».

Между прочим, у К. Залесского я нашел сообщение о том, что, придя в МГБ, Игнатьев заявил: «Нужно снять белые перчатки и с соблюдением осторожности прибегнуть к избиениям арестованных». Клеветать на Игнатьева у «демократически» ориентированного Залесского нужды вроде бы нет. И выходит, при предшественнике Игнатьева Абакумове в МГБ работали если не в белых перчатках, то и не в «ежовых рукавицах»?

Возвращаясь к Абакумову, спрошу: «Стал бы Абакумов (который якобы на пару с Берией ломал кости подследственным в 1939–1940 годах) писать Берии в 1952 году о том, что «такого зверства никогда не видел», если бы он еще большие зверства творил на глазах Берии?»

Думаю, нет.

Кирилл Столяров, автор сомнительных книг о той эпохе, объясняет обращения Абакумова именно к Берии и Маленкову тем, что они, мол, и предрешили его судьбу, будучи членами назначенной Сталиным комиссии по проверке работы МГБ, где кроме них были еще Шкирятов и Игнатьев. Столяров утверждает, что последние два «довольствовались правом совещательного голоса», а вот Берия и Маленков Абакумова «сдали». Однако насчет «совещательного голоса» в постановлении ПБ от 4 июля (пункт 404. «Заявление т. Рюмина») ничего не сказано, все члены комиссии Маленкова были равноправны и все были «за» отстранение Абакумова. К тому же все последующие события говорят о том, что интригу против Абакумова вел как раз Игнатьев, и не только по своей инициативе. Берия же не только не был всесилен, но и вообще в делах МГБ был тогда номером не более чем третьим (после Сталина и Маленкова).

Столяров заявляет, что Абакумов обращался к Маленкову и

Берии постольку, поскольку считал-де: кто его погубил, тот и вернет к жизни. Мотивация более чем «вывернутая», особенно – в части Берии. А далее Столяров пишет, что при аресте у Абакумова якобы изъяли компромат «именно на Берию и Маленкова». Если бы это было так, обращался ли бы к ним Абакумов?

У меня нет возможности анализировать линию «Берия —

Абакумов» подробно, но из рассказа того же Столярова можно сделать вывод о том, что Берия в вину Абакумова не верил, а, придя в МВД вновь, не освободил его сразу потому, что требовалось время для выяснения положения вещей.

Однако Рюмина, бывшего до ноября 1952 года заместителем Игнатьева, Берия арестовал почти сразу после прихода в МВД – 17 марта 1953 года. Думаю, что если бы Берия оказался во главе государства, то Абакумов жил бы и работал, а так его в середине декабря 1954 года расстреляли, скрыв в пролитой его крови многие концы преступлений будущих губителей социализма.

О ТОМ ЖЕ, какой была обстановка в НКВД Берии на самом деле, имеется очень показательное свидетельство в книге Герхарда Кегеля «В бурях нашего века». Она написана суховато, но повествует о судьбе, из которой можно сделать захватывающий телесериал. 1907 года рождения, член КПГ с 1931 года, агент ГРУ ГШ РККА «Курт» с 1933 по 1943 год, сотрудник МИД рейха, с осени 1939 года по 22 июня 1941 года заместитель начальника торгово-политического отдела германского посольства в Москве, Кегель с 1943 года был призван на военную службу. Служил на Западном фронте, а, переброшенный на Восточный фронт, в январе 1945 года перешел на сторону Красной Армии и попал в советский офицерский пересыльный лагерь.

Его искали товарищи-антифашисты через органы НКВД, и вот в середине марта 1945 года Кегеля в сопровождении женщины-офицера и старшины-сибиряка направляют из Лодзи через Киев в Москву. Там провожатые сдают Кегеля под расписку на Лубянку, и далее я прямо цитирую:

«Вот так сюрприз, подумалось мне. Встречу в Москве я представлял себе совсем иначе. Но поскольку совесть моя была чиста и я был уверен, что скоро все прояснится, я оставался в хорошем настроении.

Я сидел в приемной и ждал. Примерно через два часа началась процедура моего оформления. У меня отобрали нож, бритву, котелок с ложкой и другое имущество. Потом повели в баню, а одежду забрали для дезинфекции. И вот наконец я оказался в камере.

Это было помещение размером примерно три на три с половиной метра. Мебель состояла из двух узких железных кроватей с матрацами и одеялами, стола и, разумеется, обязательного унитаза.

В камере уже находился человек… в военной форме… Представляясь мне, заключенный сообщил, что он румын…

На следующий день меня вызвали в медпункт. Там врач внимательно осмотрела и тщательно обработала мои раны на ступне и голени левой ноги, которые все еще сильно гноились. На третий день в камеру зашла библиотекарь, которая осведомилась, что бы я хотел почитать…» и т. д.

Кегель отнесся к ситуации спокойно, зная, что он чист. Он вспоминал:

«Поскольку учреждение, в ведении которого я сейчас находился, ничего не знало о моих контактах с Красной Армией, моим показаниям здесь, конечно, не могли просто поверить без всякой проверки».

И проверка, включавшая допросы, шла корректно, закончившись 9 мая 1945 года, когда Кегелю вернули доверие, свободу, переодели в новую одежду и поселили на московской квартире. 20 июня 1945 года он был уже в Берлине.

Уважаемый читатель! Пока Кегеля проверяли, он был подозреваемым, и отношение к нему не могло быть особым, оно было стандартным! И это был вполне, как видим, уважительный к проверяемым стандарт.

Читатели, знакомые, например, с «мемуарами» другого разведчика ГРУ – Леопольда Треппера, могут возразить мне, что у него все описано иначе. Да, иначе. Но книга Треппера полна вымыслов и лжи. Так, Абакумова у него арестовывают после ареста Берии, Берия занимает пост секретаря ЦК и т. д.

Однако даже из книги Треппера можно кое-что извлечь. Нет, он не уходит от клише «палача» Берии и описывает все так, что у неосведомленного читателя может создаться впечатление того, что пребывание Треппера в камере на Лубянке и пребывание Берии во главе Лубянки неразрывно связаны.

Но вот приводимая самим Треппером хронология. После темной истории с его парижским арестом и побегом из гестапо, он 5 января 1945 года вылетает в Москву, и вскоре его помещают во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Решение логичное – после всех перипетий Треппера надо проверять и проверять… Режим при этом достаточно мягкий. И это – НКВД Берии (или – НКГБ бериевского «кадра» Меркулова).

В начале 1946 года Треппера переводят в Лефортово, где он пробыл почти год при ужесточившемся режиме. Но это уже МТБ

Абакумова, а с июля 1951 года – МТБ Игнатьева. Причем наиболее жестко к нему относились при Игнатьеве.

Наступает март 1953 года, и Трепперу вдруг предлагают написать просьбу о пересмотре решения «тройки». И он пишет заявление на имя… Берии – министра внутренних дел.

В отличие от Кегеля, до конца оставшегося коммунистом, скрытый троцкист Треппер кончил тем, что стал сионистом. И лгал «Большой шеф» в своей «Большой игре» с избытком. Тем не менее даже Треппер свидетельствует вообще-то невольно в пользу Берии.

ВОЗВРАЩАЯСЬ же к «саге о Ханджяне», скажу, что так же можно проанализировать все «саги» о «палаче» Берии. Но это была бы уже другая книга – не о Лаврентии Павловиче, а о клеветниках на него. Надеюсь, я уделил теме «преступлений» Берии достаточно внимания, чтобы на этом поставить точку и сказать о преступлениях не измышленных, а подлинных, совершенных после смерти Берии Хрущевым и другими его сообщниками по убийству Советской Державы.

Глава 30
Курсом XX съезда…

Когда в 1946 году на месте бывшей Саровской пустыни начал строиться первый советский центр разработки ядерного оружия, единственный тогда проспект нового, динамично растущего города был назван проспектом Сталина.

Сейчас это проспект Мира.

Недалеко от пересечения проспекта Мира и проспекта Ленина – немного по направлению к Саровской башне, бывшей колокольне монастыря, влево от проспекта Мира уходит недлинная тенистая улица, застроенная удобными двухэтажными домами «сталинской» застройки. Это – улица Гагарина, до апреля 1961 года – Боровая. Такое скромное и маловыразительное наименование для центра города со звучным, хотя и закрытым, именем «Кремлев» выглядело странно. Однако до середины июля 1953 года улица называлась вполне звонко – имени Берии.

Уж не знаю, случайным ли было созвучие старого и нового наименований (Берия – Боровая), но не исключаю, что подсознательно те, кто переименовывал улицу, не очень-то были рады шельмованию «ЛП» – на атомных объектах его уважали не только как руководителя, но и как человека.

А вообще-то имя Берии стирали в памяти народа старательно и всеобъемлюще. И уже подбирались к имени Сталина. На июльском пленуме 1953 года Берии поставили в вину некие разговоры о «культе личности»… Не думаю, что это было так в отношении Берии, но вот то, что вопрос о «культе личности товарища Сталина» затронул в заключительном слове на том пленуме Маленков – это факт.

Фактом было и то, что линия возможного развития, олицетворяемая Берией, пресеклась, зато получила развитие линия Хрущева. И как же теперь шли дела?

«Авантюрист» Берия после смерти Сталина стал инициатором многих реалистичных решений типа прекращения строительства Большого Туркменского канала. Зато «тесно сплотившийся» вокруг «верного ленинца» Никиты Хрущева ЦК не смог противостоять «целинной» авантюре. Молотов и Ворошилов, правда, попытались возражать: мол, техника и средства нужны для подъема сельского хозяйства центральных областей России, но поддержаны не были.

И молодые энтузиасты с песнями поехали навстречу зимним казахстанским степным ветрам… Летом 1954 года они

любовались могучей пшеницей, вымахавшей на девственной, никогда не знавшей плуга почве, а осенью с горечью сваливали небывалый урожай в овраги, потому что вывезти его не было никакой возможности…

«Авантюрист» Берия отменил в 1941 году глупейшее назначение роскошной умницы-красавицы Зои Рыбкиной в стрелочницы-разведчицы в тылу немецких армий и направил ее в Скандинавию, к Коллонтай. Зато «восстанавливающие попранную справедливость» хрущевцы укатали полковника внешней разведки Рыбкину в распоряжение ГУЛАГа, возвращенного ими же вновь в МВД. И направили ее начальником спецотдела в лагерь для уголовников в Воркуту.

«Палача» Берии уже не было в живых, но вот что пишет Рыбкина-Воскресенская о ситуации 1954 года:

«В самом страшном положении в лагере находились женщины. Заключенные в женском отделении работали на кирпичном заводе… Женщины в толстых рукавицах и тяжелых сапогах грузили на тачки и вывозили из этого ада кирпич…»

Увы, в полном соответствии с приведенным мной ранее замечанием Диккенса, Воскресенская и в «воркутинской» части своих воспоминаний далеко не всегда точна. Например, она пишет о делах «опоздавших на работу», которые за опоздание «получали по пять лет заключения», причем «их детей на эти годы власти отправляли в детские дома». Этого просто не могло быть. За опоздание виновный мог получить максимум год принудительных работ по месту работы с вычетом четверти заработка.

Однако не по тяжести проступка осужденные, особенно женщины, в лагере имелись. Воскресенская пишет:

«…я отобрала пачку дел и копии с них послала в Центральный Комитет партии, просила обратить внимание на это узаконенное беззаконие. Получила ответ из ГУЛАГа на бланке, который рассылался заключенным. Вижу свою фамилию и типографский текст: «В вашей просьбе отказано»…»

Не было уже ни «диктатора» Сталина, ни «палача» Берии… А женщины все таскали кирпичи, хотя амнистия 1953 года предусматривала прежде всего их освобождение. Воскресенская хлопотала за них в 1954 году, однако это не избавило и ее в глазах «творческой интеллигенции» от ярлыка, наклеенного на Берию. Возможно, читатель помнит приведенное мной ранее свидетельство полковника КГБ Шарапова насчет того, что соседка Зои Ивановны, поэтесса Шагинян, всем рассказывала, что у Воскресенской «руки по локоть в крови»…

Руки у Рыбкиной «в крови» были в той же мере, что и у

Берии. А вот при «разоблачившем» Берию Хрущеве дело дошло в 1955 году до вооруженных волнений в лагерях: Горном в Норильске, Речном в Воркуте, в Степлаге, Унжлаге, Вятлаге, Карлаге… В ряде лагерей для ликвидации волнений использовались танковые и артиллерийские части.

Для ликвидации же в верхних эшелонах власти остатков людей чести использовался прокурор Руденко и иже с ним. Так, 16 апреля 1954 года погиб Герой Советского Союза генерал Масленников, полководец, ближайший соратник Берии военного времени по включению войск НКВД в отражение гитлеровской агрессии. Формально он, все еще будучи заместителем министра внутренних дел СССР, застрелился в своем кабинете, но фактически это было убийство.

Генерал Судоплатов, арестованный в пятницу 21 августа 1953 года и относившийся к Масленникову с большим уважением, писал, что позднее узнал: Масленников застрелился после допроса в Прокуратуре СССР, во время которого Руденко настойчиво пытался приписать ему причастность к якобы плану Берии ввести в Москву войска МВД и арестовать правительство.

Судоплатов разъяснял:

«Такого плана в действительности не существовало, и Масленников решил: лучше покончить с собой, чем подвергнуться аресту. Так он защитил честь генерала армии».

У рыцарственного Масленникова действительно не было иного выхода: в 1954 году он не мог не сознавать, что хрущевцы не позволят ему защитить честь чекиста и офицера иначе, и в случае ареста состряпают любые его «показания», как это было в случае с Берией.

Ряды людей чести редели, зато множились ряды людей бесчестных и не то чтобы бесхребетных, а с хребтом, но – с услужливо гибким.

ПРОШЕЛ 1954 год, заканчивался год 1955-й… И в хрущевском Кремле затевалась новая авантюра, на этот раз – политическая: готовилась небывало массовая реабилитация «жертв репрессий 1937–1938 годов». У хрущевцев получалось так, что в те годы не было ни «пятой колонны», ни троцкистов и оппозиционеров, ни антисоветских сил, ни вредительства, ни откровенных, ни замаскировавшихся врагов партии и Советской власти.

И если следственные дела двадцать лет назад рассматривались хотя и ускоренно, но рассматривались, то теперь реабилитационные дела шли потоком, ***валом***, без какого-либо серьезного рассмотрения. Не были виновны, оказывается, ни

планировавшие государственный переворот Тухачевский с Якиром, ни спившийся, проваливший оборону Дальнего Востока Блюхер, ни проваливший начало войны генерал Павлов, ни сдавшиеся в плен в новеньких кителях генералы Понеделин и Кириллов, ни бывшие кулаки, проводившие антиколхозную агитацию и спровоцировавшие массовую резню скота крестьянами в период коллективизации… Не были виновны пропустившие к Москве в мае 1941 года немецкий самолет генералы-авиаторы…

И даже начинали намекать, что Троцкий с троцкистами – тоже не такие уж «иудушки».

Зато виноват был Сталин. Во всем! Пока что прокурор-хрущевец Роман Руденко в срочном порядке запасался новыми «показаниями» «свидетелей» «преступлений» Берии: из старых следственных дел с хрустом выдирался «для предъявления партии» «компромат» о ходе репрессий, а буде такого не находилось, никто не горевал – «писатели» всегда были у Хрущева и Руденко под рукой. Но даже тогда, когда шельмовали Берию, метили, в конечном счете, в Сталина.

31 декабря 1955 года была создана комиссия ЦК «для установления причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК В КП (б), избранных на XVII съезде партии». В комиссию под председательством секретаря ЦК Поспелова вошли известный читателю по «саге о Ханджяне» Комаров, член Президиума ЦК Аристов и председатель КПК при ЦК КПСС Шверник (роль последнего, впрочем, была уже «свадебно-генеральской»).

Дело шло к XX съезду КПСС, комиссия работала в ударном темпе. И 1 февраля 1956 года Президиум ЦК рассматривал вопрос о том, что и как говорить на близком уже съезде. Присутствовали ветераны Хрущев, Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов, Маленков, Микоян, Первухин, Сабуров и новая поросль: Руденко, Аристов, Поспелов, Суслов, Серов… В томе 1-м трехтомного сборника «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС…», изданного фондом «Демократия» в 2000 году, имеется рабочий протокол этого заседания, извлечения из которого я и привожу:

«Хрущев. —…Виноват Сталин. <…> Ежов, наверное, не виноват, честный человек. <…>

Поспелов. – Лимиты на аресты утверждались (напоминаю, что по запросу Хрущева в том числе. – *С.К.).* <…>

Молотов. – Но Сталина как великого руководителя надо признать.

Микоян. – Возражает Молотову: «А ты, т. Молотов,

поддерживал».

Каганович. Нельзя в такой обстановке решать вопрос… Много пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе.

Молотов. – Нельзя в докладе не сказать, что Сталин великий продолжатель дела Ленина…

Микоян. – Возьмите историю – с ума можно сойти.

Сабуров. – Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя.

Маленков. – Правильно ставится вопрос…

Первухин. – Знали ли мы – знали. Но был террор…

Булганин. – Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет… Не согласен с т. Молотовым, не согласен, что великий продолжатель…

Ворошилов. – Партия должна знать правду, но преподнести как жизнью диктуется. Период диктовался обстоятельствами. Но страну вели мы по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Мерзости много, правильно говорите, т. Хрущев… но надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка. Дело серьезное, исподволь.

Суслов. – За несколько месяцев узнали ужасные вещи (с 1939 года этот тогда 37-летний «младенец» руководил крупнейшим Орджоникидзевским крайкомом В КП (б) и был прекрасно осведомлен о сути тогдашней ситуации. – *С.К.).* Нельзя оправдать этого ничем…

Молотов. – Присоединяюсь к т. Ворошилову… Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела – тоже факт…

Хрущев. – Ягода, наверное, чистый человек. Ежов… Надо решить в интересах партии. Сталин – преданный делу социализма, но вел варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он (н-да! – *С.К.).* Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял (в двух последних фразах в очередной раз невольно прорвалась ненависть Хрущева к Сталину, ненависть убийцы к жертве. – *С.К.).* На съезде не говорить о терроре. Надо… отвести Сталину свое место…»

Эта не очень внятная полустенограмма дает, однако, много ценной «информации к размышлению». Интересны, в частности, реплики Хрущева о Ягоде и Ежове, интересна и реакция присутствующих на некие «ужасные» сенсации.

То есть, как я понимаю, комиссия Поспелова поработала неплохо. И похоже, фантазии ее членов (или – «референтов» ее членов) вполне мог бы позавидовать позднее сам «король ужасов»

Хичкок.

Интересно и то, что когда 9 февраля 1956 года, за пять дней до начала работы съезда, в Президиум ЦК поступил официальный доклад комиссии Поспелова, Ежов представал в нем уже «нарушителем советских законов» и т. д.

Как же все так быстро изменилось? Вот Хрущев, познакомившись с «ужасными», по оценке Суслова, «вещами» (а это могли быть лишь данные комиссии Поспелова), 1 февраля 1956 года говорит о Ягоде и Ежове – главном ответственном исполнителе чекистской репрессивной операции, как о людях «чистых, честных»… И вдруг через неделю в итоговом докладе комиссии Поспелова в избытке обнаруживаются «данные» о «зверствах» НКВД образца не только Берии (само собой), но и Ежова. И тема доклада уже намного шире, чем установление причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии.

Впрочем, исходная задача Поспелова и К^{о} выглядит вообще странно, если вспомнить, что в состав того Президиума ЦК КПСС, которому должны были быть представлены выводы комиссии Поспелова, входили в 1956 году Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, то есть члены Политбюро ЦК ВКП(б) образца 1937 года (Хрущев стал кандидатом в члены ПБ 14.01.38). И уж они-то о причинах и масштабах репрессий знали все, поскольку их и организовывали.

Забегая вперед, скажу, что на основе доклада поспеловской комиссии Поспеловым и Аристовым был подготовлен и проект доклада на XX съезде Хрущева.

Уважаемый читатель! Дать здесь развернутый анализ обоих докладов я не в состоянии. Поэтому, приведя лишь некоторые их детали, уже не в первый раз ограничусь интегральным выводом: эти основополагающие для темы репрессий «документы» во многих отношениях, увы, ***лживы.***

Вот доклад комиссии Поспелова… Иногда его ложь очевидна, иногда для ее вскрытия надо затратить немало усилий. Иногда сквозь ложь невольно пробивается правда, вряд ли удобная для «реабилитируемых». Например, в докладе комиссии имеется справка по делу арестованного в двадцатых числах октября 1938 года маршала Блюхера, где, в частности, утверждалось:

«После ареста Блюхер жестоко избивался лично Берия и его сообщниками.

Один из бывших следователей НКВД Головлев, будучи допрошенным в 1955 (угу! – *С.К.)* году, показал, что он, увидев впервые арестованного Блюхера, «сразу же обратил внимание на то, что Блюхер накануне был сильно избит, ибо все лицо у него

представляло сплошной синяк и было распухшим».

(Цело Блюхера, т. I, л.д.)

В результате зверских избиений Блюхер на восемнадцатый день после ареста 9 ноября 1938 года умер. В ту же ночь Меркулов вместе с подручными отвез труп Блюхера для кремации».

Все это, конечно, впечатляет, но вот цитата ***из того же доклада*** комиссии Поспелова:

«Широко распространена была практика, когда в камеру к арестованному, не дающему требуемых показаний, подсаживали агента-провокатора… Так, сидевшему с Блюхером В.К. агенту давали даже в камеру коньяк, и уговоры происходили во время его распития».

Итак, перед нами две весьма различающиеся версии. Так что здесь правда? Избивали на Лубянке Блюхера или поили его коньяком? Напоминаю, что в докладе комисии Поспелова оба сообщения подаются как достоверные.

Блюхер на посту командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной Армией постепенно, увы, разлагался, и приверженность к спиртному приобрел чрезмерную. Потому, как я понимаю, в камеру ему и подавался коньяк – чтобы у маршала развязался язык. И об этом факте сообщают сами поспеловцы.

Однако они же уверяют, что показания Блюхера «выбиты» из него в результате «зверских истязаний» – даром что сами же (не от большого ума, конечно) фактически проболтались, что показания получались от Блюхера по принципу: «Что у трезвого на уме, то у пьяного – на языке».

Предлагаю читателю поразмышлять вместе… Совмещается одна версия с другой?

Вообще-то – да. Технология «кнут и пряник» стара как мир. Но что чему предшествовало, если таковая технология имела место? Могли Блюхера вначале поить коньяком, а потом избивать?

Вполне!

А вначале избивать, а потом поить коньяком?

А это уж вряд ли! А точнее – нет! «Кнут» идет в ход тогда, когда не срабатывает «пряник».

Но, может, избиения все же шли вначале – чтобы психологически сломить Блюхера? В общем случае такое быть могло. А в данном конкретном – нет, потому что алкоголь психологически расслабляет и ломает человека надежнее и быстрее любых истязаний. Блюхер же к моменту ареста был законченным пьяницей, и все об этом знали.

Собственно, сам факт того, что маршал пошел на «распитие»

коньяка в узилище, а не отверг с презрением провокацию «палачей», говорит о том, что никаких резервов психологической стойкости у него не было – как у всякого прочно пьющего человека (это ведь, по сути, уже наркоман!). Не понимать же, что коньяком его поят не из гостеприимства, Блюхер не мог. Но пил. Так зачем истязать, если проще споить? К тому же после истязаний человек (военный, как-никак, герой Гражданской войны!) мог озлобиться, что следствию было ни к чему.

В итоге можно весьма уверенно утверждать, что «коньячная» версия истинна, а «пытошная» – лжива. Смерть же Блюхера в ходе следствия вполне объяснима естественными причинами (подточенное излишествами здоровье, стресс от ареста т. п.).

Между прочим, если бы в состав комиссии Поспелова входил Антонов-Овсеенко-сын, то этот доклад мог быть и «цветистее». Так, по утверждению Овсеенко, Берия лично застрелил Блюхера в своем кабинете.

Впрочем, «сказителей» и без Овсеенко в хрущевском аппарате хватало. В 1957 году некий партследователь КПК Крылов, готовивший в 1955 году документы к реабилитации Блюхера, «поведал» его вдове следующее (цитирую по «антибериевскому» сборнику 1991 года):

«Блюхер был похож на человека, по которому не один раз (!!! – *С.К.)* прошел трактор. Следователи пытали его зверски. Блюхер положил на ладонь вырванный ими глаз: «Что вы со мной делаете?..»

Паранойя?

Несомненно!

И в то же время реальность России как последнего десятилетия XX века, так и первого десятилетия XXI века, если иметь в виду безудержность лжи об эпохе Сталина.

Я подробно остановился на истории с Блюхером по трем соображениям. Хотелось: 1) в какой-то мере лишний раз познакомить читателя с одной из моих технологий анализа информации; 2) убедить читателя в том, что я не без оснований оцениваю доклад комиссии Поспелова как лживый; 3) в очередной раз показать, что в измышлениях о Берии предела параноидальным фантазиям нет.

И ЕЩЕ одна странная деталь… Доклад комиссии Поспелова стал исходной точкой всех последующих обвинений Сталина после 1956 года, из него брались цифровые данные о репрессиях, включая 353 074 «расстрелянных» в 1937 году и 328 618 – в 1938 году. И вот в машинописном ***оригинале*** доклада ссылки на следственные дела (нередко без указания номеров листов дела) и

сводные цифры арестованных и расстрелянных за 1935–1940 годы «вписаны, – как сообщается составителями сборника фонда «Демократия», – в машинописный текст рукой неустановленного автора».

Что же это за мистер Икс?

В докладе подчеркивалось, что он печатался с соблюдением конспирации. Авторов официально было всего четыре: Поспелов, Аристов, Шверник и Комаров. Все они занимали очень высокое положение, так что, казалось бы, установить «руку» любого из них исследователям особого труда не представляло. А вот же…

Кто же вписывал от руки ключевые цифры и др.? Не машинистка же?

Как непросто и горько предполагать фальсификацию на таком уровне… Тем более что извлечения из следственных дел способны тронуть даже каменное сердце. Но и верить в то, что было написано в этом докладе, – не получается, начиная с того, что, по утверждению хрущевцев-поспеловцев, в 1937–1938 годах было выбито практически все руководство «партийных, советских органов, хозяйственных организаций».

Если бы это было так, то чем можно объяснить явный взлет во всех сферах жизни советского общества в конце 30-х годов?

В тексте доклада, к слову, упоминается о репрессиях «против многих десятков тысяч партийных, советских, хозяйственных, военных кадров». А в разделе «Судебный произвол Военной Коллегии Верховного Суда СССР» сообщается о предоставленных в 1937–1938 годах лично Сталину 383 списках «на 44 465 ответственных партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников».

Десятки тысяч – это много. Но это все же не 1 980 635 человек «арестованных» и 688 503 «расстрелянных» за два года, вписанных в текст доклада рукой ***«неустановленного автора».***

Да, прав был «партайгеноссе» Геббельс – поверить можно лишь в чудовищную ложь. А ведь даже ложь «доклада Поспелова» на фоне лжи Хрущева на XX съезде о Сталине и его эпохе выглядит детскими шалостями. Читатель это еще увидит!

Итак, подготовка к съезду шла своим чередом. Готовился отчетный доклад Первого секретаря ЦК КПСС, готовились Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1956–1960 годы. Готовился и «закрытый» доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях»…

Порой его подают чуть ли не как личную инициативу Хрущева, но в действительности проект доклада был подписан Поспеловым и Аристовым. А уж каким «неустановленным»

автором он был ***написан***, сегодня можно только гадать.

9 февраля 1956 года Президиум ЦК принял и постановление об утверждении Хрущева докладчиком. И тогда же вновь возникли споры на те же темы, что и 1 февраля (я опять обращаюсь к протокольной записи):

«Хрущев, Первухин, Микоян.

Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает…

<…>

Т. Молотов. – Но 30 лет мы жили под руководством Сталина – индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией.

<…>

Т. Булганин. – Считаю предложение т. Хрущева правильным. Члены партии видят, что мы изменили отношение к Сталину… То, что вскрылось, мы не знали…

<…>

Т. Первухин. – На съезде надо доложить. В этом докладе о положительной стороне не требуется говорить. Культ Сталина вреден… Узурпировал власть, ликвидировал ЦК, ПБ…

<…>

Т. Сабуров. – Молотов, Каганович, Ворошилов неправильную позицию занимают, фальшивят… Сказать правду о роли Сталина до конца.

Т. Хрущев. – <…> Все мы работали со Сталиным, но это нас не связывает… Когда выявились факты (это для Хрущева-то? – ***С.К.),*** сказать о нем… Не сбрасывать со счетов, что через 3 м[еся]ца после смерти Сталина арестовали Берия. И этим расчистили [путь] к действию. Мы можем полным голосом, можем сказать.

Нам не стыдно…»

Здесь приведена малая часть бурных запротоколированных споров, но прошу читателя обратить внимание на то, что Хрущев фактически признался в том, что Берию уничтожили не за то, что он был «агентом», «врагом народа», «палачом», а за то, что лишь Берия мог стать продолжателем дела Сталина.

А делом Сталина было построение могучей Советской Державы. И вот теперь главными антигероями закрытого доклада становились Сталин и «шайка Берии – Абакумова». И говорилось о них в докладе так, что сразу вспоминался, опять-таки, незабвенный Геббельс.

КОГДА говорят и пишут о XX съезде, кульминацией которого

стал его финал, то на первый план выдвигают сам доклад Хрущева. Однако мне представляется ключом как к поведению самого Хрущева в то время, так и к пониманию сути тех дней некий документ, ныне хранящийся в архиве Президента РФ (фонд 52, опись 1, дело 169, листы 29–63). Он воспроизведен в сборнике документов «Реабилитация: как это было…» на страницах 365–379 под заголовком: «Продиктованные Н.С.Хрущевым дополнения к докладу «О культе личности и его последствиях».

Уже шел XX съезд, открывшийся 14 февраля 1956 года (закрылся он 25 февраля, избрав ЦК в количестве 133 членов и 122 кандидатов в члены ЦК). И вот в разгар съезда – 19 февраля Хрущев якобы диктует некие дополнения, записанные некой Захаровой.

Почему я уже который раз пишу «якобы»? Да потому, что стиль, манера построения фраз, лексикон и уровень мышления (пусть и подлого, но развитого) отрицают авторство Хрущева. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить февральскую якобы «диктовку» 1956 года с неправленными стенограммами выступлений Хрущева на июльском антибериевском Пленуме ЦК в 1953 году.

Скорее всего, некий «неустановленный автор» подготовил для него сей текст, а уж косноязычный Никита «продиктовал» его стенографистке, кое-где кое-что от себя и прибавив.

Текст был составлен, повторяю, умно и подло, и он-то и стал основой той идеологической «бомбы», которая была подложена под фундамент Державы руками Хрущева, но отнюдь не его руками и не его умом была изготовлена.

Я приведу лишь несколько фраз из этого обширного текста, но зато каких!

«…говорим, что разгромили врага под руководством гениального Сталина. Нет, враг был разгромлен в результате сплочения партии, сплочения трудового народа вокруг партии… Мы пролили крови столько, сколько ни в одной войне не проливали… потому что глупо была подготовлена война… <…>

Это говорит о полной деморализации руководства Сталина. Он… боялся, как кролик боится удава, Гитлера… <…> В военных делах он ничего не смыслил, он чуть ли не с глобусом выходил, когда ему докладывали обстановку, он из-за голенища вытаскивал карту, на которой был помещен чуть ли не весь мир. И это называется военное руководство.

Или возьмите гибель наших войск под Харьковом в 1942 году. Маршал Баграмян сидит здесь, он подтвердит. Он был начальником оперативного отдела Юго-Западного фронта (вообще-то тогда он был начальником штаба фронта. – С.Х.),

когда сложились тяжелые условия и было принято правильное решение. А что Сталин сделал? Он отменил это решение… сел за стол и начал пить, ведь он пьянствовал. Я звоню Василевскому и умоляю: возьмите карту (а почему не глобус? – С.Х.), покажите Сталину, какая обстановка… надо принять решение, которое мы разработали с Тимошенко (Хрущев был членом Военного совета фронта, то есть политработником. – *С.К.)*…» и т. д.

Вот здесь авторство (точнее, пожалуй, все же – соавторство) Хрущева усматривается. Причем из его слов следует, что сам Хрущев если и не был гениальным полководцем, подсказывающим «верные решения», отвергнутые Сталиным, то уж в военном деле смыслил побольше Верховного Главнокомандующего.

В прозвучавшем с трибуны XX съезда варианте это место несколько отличается от вышеприведенного, например:

«А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта…» и т. д.

Но в целом все осталось… И когда Хрущев при гробовом молчании зала выплевывал в него подобные инсинуации, в зале, кроме маршала Баграмяна, сидело не менее двух десятков других маршалов и генералов (в том числе Василевский, Ворошилов, Жуков, Конев, Москаленко, Соколовский, Тимошенко), которые с особой остротой не могли не сознавать всего ужаса и гнусности хрущевской лжи. И все они молчали, не нарушая вот уж и впрямь гробовой тишины – ведь под славословия социализму в кремлевском зале начинались его похороны.

Лишь когда Хрущева отправили в политическое небытие,

Жуков, Василевский, Штеменко, Москаленко, касаясь неудачи наступления в районе Барвенковского выступа под Харьковом, сказали в своих мемуарах некую полуправду о том, что операция разрабатывалась и развивалась при нажиме Хрущева. Тимошенко не написал мемуаров – старый вояка, похоже, лгать не хотел, а правда для него была очень уж тяжела, потому что очень уж Семен Константинович (вместе с другими, конечно) был перед Сталиным виноват. Но имеется свидетельство бывшего ответственного работника ЦК КПСС Г. Шумейко. Он сообщает, что когда много позднее войны лично задал вопрос Тимошенко о причинах Харьковской трагедии, маршал ответил так:

«Политически необходимо было отвоевать именно в этот период хотя бы небольшую территорию Украины. Особенно важно было вернуть вторую ее столицу – Харьков. Хрущев был настойчив. Он буквально уговорил наш Генштаб, а через него и Сталина провести эту операцию».

Книгу Москаленко, где тот касается роковой роли Хрущева в стратегической неудаче весны 1942 года, Хрущев назвал гадкой, а самого маршала – приспособленцем, беспринципным человеком. Так-то оно так, но такая оценка полностью приложима также и к самому Хрущеву, и к хрущевцам как таковым.

В «продиктованном» 19 февраля 1956 года «дополнении Хрущева» сказано было и о Лаврентии Павловиче… Вот как:

«О Берия. Как могло получиться, что этот махровый враг нашей партии и агент иностранной разведки, который еще в момент оккупации английскими войсками Баку служил в контрразведке, которая была подчинена английской контрразведке…добился такого положения, что стал первым заместителем председателя Совета Министров и членом Политбюро, занял такое положение, когда все в то время говорили, что без совета с Лаврентием Павловичем нельзя проводить Политбюро и в Правительстве ни одного вопроса. <…>

Спрашивается, почему же этот враг народа Берия, который стоил народу десятки тысяч лучших жизней нашей партии и народа (в любом случае их надо записать на счет Ежова. – С.Х.), не был разоблачен при жизни нашего «гениального» вождя и учителя, «всеведающего» и т. д. и т. п. эпитеты, которыми мы все здесь сидящие награждали Сталина. Потому что сам Сталин был носителем этого порока. <…>

Вот что такое Берия. Сам по себе он оказался ничтожеством, дело не в Берия, а в Сталине. Берия жил поддержкой Сталина…»

Итак, если в 1953 году Берии приписывали попытки развенчать Сталина, то теперь обвинения имели противоположный смысл. Но удар, как я понимаю, наносила одна и та же рука.

Та, которая вписывала в «доклад Поспелова» подложные цифры и «факты»…

Та, которая готовила «доклад Хрущева» о «культе личности» и писала «надиктованные» Хрущевым дополнения к этому докладу.

Агенты влияния обретали в Кремле все большее влияние, и «корабль» Державы постепенно ложился на курс гибели.

ДОКЛАД Хрущева был прочитан им в последний день работы съезда – 25 февраля. А 21 февраля 1956 года Корней Чуковский записал в дневник:

«Замечателен, мажорен, оптимистичен, очень умен XX съезд, – хотя говорят на нем большей частью длинно, банально

и нудно. Впервые всякому стало отчетливо ясно, что воля истории – за нас».

Подлинное же ликование литературных «инженеров человеческих душ» было еще впереди. Съезд закончился. Приближалась очередная годовщина со дня смерти теперь уже не вождя, а «тирана». И 4 марта 1956 года Чуковский записал:

«Сейчас был у меня Казакевич. Пришел Оксман… Казакевич весь вечер бурлил шутками, остротами, буффонил, изобретал комические ситуации… Среди них такая: вдруг в «Правде» печатается крупным шрифтом на третьей странице: «В Совете Министров СССР». Вчера в 12 часов 11 минут считавшийся умершим И.В.Сталин – усилиями советских ученых ВОСКРЕШЕН и приступил к исполнению своих обязанностей. Вместе с ним воскрешен и заместитель председателя Совета Министров Лаврентий Павлович Берия».

И никто даже не удивился бы.

Сегодня я впервые заметил, какой щедрый у Казакевича высокий думающий лоб – и какой добрый щедрый смех» и т. д…

Да, интеллигентов прорвало.

И не только их. Чуковский с явным удовольствием записывал, что из академии имени Фрунзе не могли вынести бюст Сталина и тогда его раздробили и вынесли по кускам… Что Всеволод Иванов сообщает, что Фрунзе был убит Сталиным… Что фото, где Сталин снят на одной скамье в Горках с Лениным, это жульнический монтаж…

И так далее, и тому подобное.

Казакевич заявил Чуковскому, что «Тараканище» написано о Сталине. И напрасно Чуковский разубеждал лауреата Сталинской премии Казакевича, объясняя, что «Тараканище» писал в 1921 году.

Чуковский же тогда отметил, что на заседании редколлегии журнала «Вопросы философии» редактор сказал: «Вот письмо мерзавца Сталина к товарищу Троцкому». И эта мелкая вроде бы деталь, зафиксированная Чуковским, позволяет понять, кто поставлял Хрущеву идеи, чем дышало его окружение и что представляли собой «неустановленные» «серые кардиналы» серого хрущевского руководства.

Эти «кардиналы», позаботившиеся о создании облика «палача Берии» в июле 1953 года, теперь, зимой 1956 года, высасывали из перьев «ужасы» уже «сталинизма». Не забывая при этом, конечно, о черной краске и для Берии.

И еще одну цитату из записей Чуковского от 9 марта 1956 года я не могу не привести:

«Все «простые люди» потрясены разоблачениями Сталина как бездарного полководца, свирепого администратора, нарушившего все пункты своей же Конституции. «Значит, газета «Правда» была газетой «Ложь», – сказал мне сегодня школьник 7 класса».

Через шесть лет этот школьник станет студентом времен гнилой хрушевской «оттепели». Через сорок лет ему будет уже за пятьдесят, и он – если судьба и далее будет вести его курсом XX съезда – взахлеб поддержит Горбачева и Ельцина. Так в 1956 году закладывалась база будущей «катастройки».

А Чуковский все записывал:

«13 мая.

Застрелился Фадеев… Мне очень жаль милого А.А. – в нем – под всеми наслоениями – чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все ее идиотские зверства, весь ее страшный бюрократизм, вся ее растленность и казенность находили в нем свое послушное орудие».

Н-да…

Удивительный все же народ – литераторы. Как и вообще удивителен – порой – великий русский народ.

В считаные часы, ушедшие на «разоблачения» «культа личности» Сталина, Хрущев достиг такого разрушительного для будущего России эффекта, что если его оценить в сопоставлении с расходами тогдашней западной антисоветской и антикоммунистической пропаганды против СССР и социализма, то итог составил бы, как я понимаю, десятки тогдашних миллиардов долларов.

Даже враги пожимали плечами. Черчилль высказался в том смысле, что живой осел лягнул мертвого льва. И с точностью этой оценки может соперничать точность лишь другой оценки того же Черчилля: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой».

Возмутился даже Черчилль… А «сталинские» маршалы, «сталинские» наркомы, «сталинские» соколы и «верные ученики товарища Сталина» или сами лягали его память, или позволяли лягать ее другим.

РАЗМЫШЛЯЯ сегодня о XX съезде, уместно задаться вопросом: «А зачем вообще все это затевалось? Что – в таком всеобщем «битье посуды» имелась настоятельная необходимость?» Со времени репрессий прошло двадцать лет, многое уже отболело даже у невинно пострадавших, многое отрицательное перекрылось положительным… Можно было

провести амнистию и частичную реабилитацию без шельмования эпохи Сталина и самого Сталина.

Ведь ход XX съезда был во всем его течении достаточно спокойным: деловой отчетный доклад, прения, директивы на новую пятилетку… И вдруг под самый конец (да, собственно, даже после официального закрытия съезда!) – бух! Нате вам: Сталин не великий лидер, а «мерзавец»…

Почему же случилось подобное недержание? Ведь 9 февраля 1956 года на заседании Президиума ЦК Каганович резонно призывал подойти к вопросу хладнокровно, «чтобы 30-летний период не смазать», а Ворошилов предупреждал: «Всякая промашка влечь будет последствия…» И Молотов говорил о том же, и даже Шепилов предлагал «продумать о формах, чтобы не было вреда»…

И вдруг – такой вред!

Однако без причины и прыщик на носу не выскочит, а уж тем более не могло не быть причин появления на свет доклада о «культе» и его зачтения в Москве 25 февраля 1956 года. И некие предположения на сей счет я выскажу, напомнив, что Поспелов и Аристов представили Хрущеву проект его доклада «о культе» лишь 18 февраля, когда съезд уже шел. На следующий день Хрущев «надиктовывает» «свои» дополнения, а 23 февраля направляет сводный текст доклада на 83 листах членам и кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК. К этому проекту члены Президиума сделали поправки и пометы непринципиального характера, и окончательный вариант доклада на 82 листах был сформирован с учетом этих замечаний. И произнесен 25 февраля.

Но что же это получается?! ***Вопрос о необходимости доклада члены Президиума ЦК мусолили 1 февраля, 9 февраля, однако до начала съезда не получили даже тезисов доклада***. Сам Первый секретарь ЦК Хрущев увидел «свой» доклад в разгар работы съезда, а члены Президиума получили возможность ознакомиться с ним лишь за день, по сути, до обнародования доклада.

В чем дело? Кто и почему ситуацию с докладом вначале замедлял, потом ускорял, но все время – запутывал?

В «дополнениях» Хрущева от 19 февраля имелся и следующий, по стилю и словарю явно не хрущевский, пассаж:

«Возьмем троцкистов. Сейчас мы об этом можем говорить спокойно и довольно объективно разобраться, потому что прошел достаточный исторический срок. Ведь вокруг Троцкого были люди, которые не являлись выходцами из буржуазии и помещиков, часть из них была партийной интеллигенцией, часть

из рабочих. И можно назвать целый ряд людей, которые принимали активное участие и до победы революции, и в укреплении завоеваний этой революции…

<…>

Видимо, люди будут много работать и изучать архивные материалы, они увидят, что материалы были оторваны от действительности, глаза беспристрастных историков не поверят печатному слову, они будут искать факты, сопоставлять эти факты (в подобном стиле профессору впору изъясняться, а не автору резолюций «Азнакомица!». – *С.К.)* и будут делать свои анализы, свои выводы.

<…>

Люди будут изучать решения XX съезда, будут изучать наш доклад на этом съезде, будут делать свои выводы, и мы не должны допустить, чтобы наши потомки плохо думали о нас…»

Занятные рассуждения, не так ли? Хотя и явно не хрущевские! И, на мой взгляд, эти строки (как и дневниковое свидетельство Чуковского насчет реплики о «товарище Троцком») кое-что проясняют по части причин и истоков странной и запутанной спешки с «разоблачением культа».

Во-первых, скрытые троцкисты, к которым относился и сам Хрущев, спешили взять политический реванш хотя бы у памяти Сталина.

Во-вторых, широкая и шумная кампания по реабилитации в считаные годы обеспечивала массовый приток на высокие этажи власти и средств массовой информации таких кадров, которые могли бы начать демонтаж на первый взгляд «сталинизма», а на самом деле – социализма. Причем эти кадры составили бы как сами «реабилитированные», так и их дети, пока что на первые роли не допускаемые.

В-третьих, Хрущеву хотелось и попросту отомстить Сталину. А подогревать подобные его настроения в Москве было кому.

В-четвертых же, кроме скрытых троцкистов в окружении Хрущева и вообще в Москве имелись и другие скрытые силы. И к подрыву социализма (вначале – в общественном сознании) подталкивали также агенты влияния. Ведь контрольные цифры экономического развития СССР в директивах XX съезда были вполне реалистичными. Несмотря на нарастающую некомпетентность партократии, несмотря на ее загнивание, Советская Россия была все еще на подъеме и могла уйти очень далеко и высоко. А «развенчание» «культа личности» ***по троцкистско-хрущевской схеме*** в перспективе закладывало базу тотального краха. Как, собственно, и произошло.

Вначале, в 1956 году, было «Слово», а к 1985 году

сформировались условия для «Дела». В 1991 году это дело системного убийства Державы мировые политические «мокрушники» успешно и безнаказанно (пока) обстряпали.

Что надо было сделать Хрущеву, если бы он был компетентным партийно-государственным лидером, решившим, что пора дать гласную оценку сталинской эпохе во всех ее аспектах, включая и аспект ошибок и издержек репрессий? Надо было все тщательно обдумать и не в 1956 году, на очередном, чисто деловом, XX съезде партии, а, скажем, 7 ноября 1957 года, в день 40-летия Октября, провести акцию публичного покаяния РУКОВОДСТВА ПАРТИИ перед народом.

Надо было сказать примерно вот что: «Товарищи! Братья и сестры! Граждане и гражданки Советского Союза! Наша страна прошла за сорок лет славный и трудный путь. Из России лапотной мы создали Россию социалистическую. Мы подавили внутреннюю контрреволюцию, мы смогли изжить и псевдореволюционность троцкизма, и правый уклон бухаринцев. От сохи мы поднялись до высот космоса. Мы защитили Советскую власть в годы войны и потом надежно оградили наши завоевания от внешних посягательств ядерным щитом.

И все это мы совершили под руководством партии большевиков во главе с товарищем Сталиным.

Но в этой борьбе мы, и руководство партии и сам товарищ Сталин, совершили ряд ошибок, и теперь – когда мы сильны и могучи – пришло время об этом сказать… Незадолго до смерти это хотел сделать сам товарищ Сталин, но – не успел. И вот мы, его ученики и продолжатели его дела, говорим, что в ходе классовой борьбы против врагов Советской власти наши удары не всегда разили врагов, но порой приходились по честным людям…» и т. д.

Впервые идею такого покаяния выдвинул сам Сталин, в узком кругу признав, что война показала: врагов было «меньше, чем нам докладывали»… «Надо покаяться», – предложил тогда коллегам Сталин, но поддержки в том не нашел. И Сталин сам предпринял некое личное покаяние, когда произнес на приеме в честь Парада Победы свой тост за здоровье русского народа на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года.

Я приведу этот тост полностью:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что

он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне всеобщее признание как руководящей силы Советского Союза среди народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала потому, что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие.

За здоровье русского народа!»

Как видим, Сталин оказался третьим и последним из всех глав Российского государства после Петра Великого и Ленина, который оказался способным на публичное признание своих ошибок. И единственным, признавшим их в момент величайшего личного триумфа!

Причем эти ошибки были признаны не в порядке посыпания главы пеплом, а так, что от признания этих ошибок авторитет вождя и Державы, им возглавляемой, лишь возрастал!

Эти сталинские мысли Хрущеву и надо было развить, подкрепив их делом, то есть тщательно продуманной работой по реабилитации невинных и амнистированию тех виновных, кого уже можно было амнистировать. При этом было важно, возвращая репрессированных из ссылок и лагерей, не допустить другого перехлеста – когда каждый из них будет рассматриваться как невинно пострадавший.

Особенно тщательно надо было отнестись к проблеме амнистии для тех, кто когда-то занимал общественно значимые посты. Подпускать таких, и особенно их детей, к реальным рычагам воздействия на общество – идейного, а тем более – организационного, надо было с крайней осторожностью. С

общественной точки зрения было бы разумнее дать этим людям личную свободу, но не поднимать их на щит.

Реабилитация Тухачевского и прочих подобных фигур была недопустима в силу их очевидной виновности. Удаление же из

Мавзолея Сталина и его шельмование были с точки зрения перспектив развития страны просто преступными.

Но о том ли думал Хрущев?! Он был низким негодяем с микроскопической душонкой, и покаяться самому ему и в голову не приходило. Известный нам профессор Наумов со слов Шепилова утверждает, правда, что якобы при поддержке Шепилова Хрущев на одном из первых заседаний Президиума ЦК после ареста Берии (то есть, выходит, в 1953 году) якобы предложил Ворошилову, Молотову, Маленкову и Кагановичу совместно с ним «принести всенародное покаяние за 1937 год». Однако это ложь уже потому, что Шепилов мог присутствовать на заседаниях Президиума ЦК лишь с 1956 года и уж не ранее чем с 1955 года, когда стал секретарем ЦК. Это ложь и потому, что Хрущев ничего подобного говорить не мог, потому что не мог говорить такого никогда!

Да и, как мы знаем, не сказал…

Не из тех он был, кто признает свои ошибки по собственной инициативе. Зато как удобно было свалить грехи на Сталина, отомстив ему сразу за все!

И за письменные признания в 20-е годы в грехах троцкизма.

И за сына, странным образом исчезнувшего то ли на фронте, то ли в плену.

И за необходимость десятилетиями ему, ничтожеству, завидовать титану.

И за неизменно снисходительно-добродушное отношение Сталина, отдававшего себе отчет в том, что «Мыкыта» с неба звезд не хватал и хватать не будет (он их потом, правда, нахватал в количестве четырех штук по указам хрущевского Верховного Совета СССР).

Наконец, Хрущев, организовавший физическое устранение Сталина, избавлялся и от страха разоблачения этого главного своего преступления. Ведь если Сталина в собственной стране объявляли преступником, то если бы даже роль Хрущева вдруг обнаружилась, ему впору было бы рядиться в тогу Брута, избавившего Отечество от новоявленного Цезаря! Да он под конец «эпохи развитого волюнтаризма» так осмелел, что эту тогу на себя почти и напялил! Напомню читателю о свидетельстве «внутреннего хроникера ЦК КПСС» Зеньковича насчет того, что 19 июля 1964 года Хрущев похвалился устранением «тирана» Сталина.

Да, Хрущев на XX съезде расплатился со Сталиным по всем мыслимым счетам, которые завистливая дрянь может предъявлять к предмету зависти.

ОДНАКО Хрущев готовился рассчитаться и с теми, кто не восстал против лжи о Сталине, но не очень-то поощрял ее, то есть – со своими давними коллегами по сталинскому Политбюро. Прежде всего – с ними.

Они ведь мешали не только Никите Хрущеву. Предав Сталина, предав Берию, они даже после этого мешали той Золотой Элите Запада, для которой наличие в мире к концу XX века могучего Советского Союза означало бы быстрый крах уже в начале XXI века. На личную мстительность Хрущева и здесь накладывались далеко идущие планы внешних врагов России, действующих через агентуру-«референтуру» влияния.

Главным внутренним союзником Хрущева здесь оказалась все та же Номенклатура. Сошлюсь вновь на знатока постсталинской ситуации Юрия Жукова, который очень уж нахваливает Маленкова, но, безусловно, прав в оценке его подхода к проблемам страны как системного и комплексного, на базе интенсивного развития с упором на повышение качества всех видов продукции.

При этом Ю.Жуков констатирует, что Маленков в попытках проведения такого курса постепенно терпел поражение, и хрущевцы избрали экстенсивный (не за счет преимущественно технического прогресса) способ «развития». И избрали, как пишет Ю.Жуков, «прежде всего потому, что интенсивный способ подразумевал профессионализм, знания и богатый опыт – все, чем партфункционеры не обладали»…

Как видим, не поддержав Берию, Маленков заложил базу и для собственного падения. И новые события не задержались.

Не прошло и года после XX съезда, а в номере 185-м газеты «Ло…», пардон – «Правда» за 4 июля 1957 года появилось информационное сообщение:

«22–29 июня с.г. состоялся пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум обсудил вопрос об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.

Пленум принял соответствующее постановление.

Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК КПСС тт. Маленкова, Кагановича, Молотова; снял с поста секретаря ЦК КПСС и вывел из состава кандидатов в члены Президиума ЦК и из состава членов ЦК т. Шепилова…»

Итак, Хрущев успешно провел свой очередной и уже

последний заговор против остатков большевистского влияния на развитие России. И вот как это произошло…

После устранения Берии и развенчания Сталина как политика, так и линия личного поведения Хрущева оказались настолько неконструктивными, что восстановили против него большинство Президиума ЦК. Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов были настроены наиболее решительно, и с ними во многом соглашались М.Г. Первухин и М.З. Сабуров.

После XX съезда в Президиум ЦК вошли также А.И. Кириченко и М.А. Суслов. Они, включая А.И. Микояна и Н.С. Хрущева, составили «прохрущевское» меньшинство среди полноправных членов Президиума с решающим голосом.

Итого: семеро против четырех.

Имелось также шестеро кандидатов в члены Президиума с совещательным голосом: Г.К. Жуков, Л.И. Брежнев, Н.А. Мухитдинов, Д.Т. Шепилов, Е.А. Фурцева и Н.М. Шверник.

Здесь против Хрущева весьма отрицательно была настроена поначалу Фурцева, и, как оказалось, к ней и к большинству Президиума ЦК примкнул Шепилов. Остальные четверо в любом случае поддержали бы Хрущева.

В Секретариат ЦК входили первый секретарь Н.С. Хрущев и секретари А.Б. Аристов, Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, П.Н. Поспелов, М.А. Суслов – все «хрущевцы», а также Е.А. Фурцева и бывший одно время до этого министром иностранных дел СССР Шепилов.

18 июня 1957 года состоялось крайне бурное заседание Президиума ЦК. Из членов Президиума тогда присутствовали Маленков, Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов, Микоян, Первухин и Хрущев. Было также четверо из шести кандидатов в члены Президиума: Брежнев, Жуков, Фурцева и Шепилов. И 18 июня партийная судьба Хрущева повисла на волоске.

Затем последовали трехдневные дебаты 19–21 июня. Президиум заседал уже в полном составе в присутствии секретарей ЦК, за исключением «заболевшего» Брежнева. 21 июня будущий «дорогой Леонид Ильич» все же решил не отсиживаться и письменно высказался за немедленный созыв Пленума ЦК. Но к тому времени все определилось и так: за спиной «старой гвардии» Хрущев при помощи военных быстро свез в Москву всех членов ЦК.

И 22 июня 1957 года маршал Жуков уже выступал на экстренном пленуме, обвиняя в «расколе», в «противопоставлении себя ЦК», в «нарушении единства» и в «кровавых преступлениях 1937–1938 годов» тех, кто три года назад поддержал Хрущева в подобных обвинениях против Берии.

Булганин и Ворошилов дрогнули, как, впрочем, и Сабуров с Первухиным. Судьба же основных «фигурантов», то есть Маленкова, Молотова и Кагановича, а также «примкнувшего к ним» Шепилова была решена, по сути, в первый же день. Однако пленум растянулся на неделю, закончившись 29 июня. И если в первый день его в зале еще сидели хотя и провинившиеся перед Державой, но – большевики, то в последний день в Кремле остались только нравственные отступники-ренегаты и возвысившиеся до высоких партийно-государственных постов молодые, входящие во вкус власти карьеристы и приспособленцы.

То есть незадолго до 40-летия Великой Октябрьской революции партия партократов победила партию большевиков окончательно и уже бесповоротно.

Чуть позднее, в рамках откровенной уже грызни за власть в конце октября того же 1957 года был созван антижуковский пленум, осудивший «культ личности» маршала Г.К.Жукова и исключивший его из состава членов Президиума ЦК и членов ЦК.

5 сентября 1958 года Хрущев на пленуме ЦК вышвырнул из Президиума ЦК Булганина. Что же до июньского Пленума ЦК 1957 года, то кроме основных фигур Хрущев и хрущевцы устранили тогда и фигуры менее влиятельные, но что-то из себя представляющие. Так, 53-летнего Первухина перевели из членов Президиума ЦК в кандидаты в члены, чтобы в 1961 году вывести из Президиума окончательно. 57-летнего Сабурова изгнали из Президиума сразу, отправив директором завода в Сызрань.

На внеочередном XXI съезде КПСС, прошедшем в начале 1959 года, обоим (не включая их в состав делегатов) дали возможность покаяться в грехе поддержки «заговора» Молотова, Маленкова и Кагановича. Первухин говорил: «Вместе со всей партией я осуждаю фракционную, раскольническую деятельность антипартийной группы». В том же духе «каялся» и Сабуров, сообщив, что на протяжении всего периода его пребывания в составе членов Президиума ЦК КПСС (то есть с конца 1952 года) он «твердо и последовательно поддерживал линию, проводившуюся здоровой частью членов Президиума во главе с товарищем Хрущевым».

В 1953 году Президиум ЦК состоял, кроме Хрущева и Первухина, из «отъявленного» «врага народа» Берии, «антипартийных фракционеров» Молотова, Маленкова, Кагановича, из поддержавших их в 1957 году Ворошилова, Булганина, Сабурова, а также – Микояна.

По Первухину образца 1959 года, выходило, что «здоровую часть» составлял тогда, вместе с ним и «товарищем Хрущевым», лишь последний.

Бесславно «покаявшись», Сабуров и Первухин будут после этого почти двадцать лет бесславно ***доживать*** (Сабуров умер в 1977 году, Первухин – в 1978-м).

БЕРИЯ был старше Сабурова всего на год, так что вполне мог бы дожить до конца 70-х годов.

Однако не дожил.

На XXI съезде его имя тоже прозвучало – в речи председателя КГБ Шелепина, прозвучало в последний раз с «высокой трибуны». «ЛП», конечно, осуждали:

«В органах государственной безопасности ликвидированы последствия вражеской деятельности Берия и его подручных. Под непосредственным руководством Центрального Комитета

КПСС, его Президиума и лично товарища Н.С. Хрущева за последние годы в стране полностью восстановлена революционная законность…» и т. д.

На этом «эпохальном» внеочередном съезде выступал и ровесник Берии академик Павел Юдин, тогда посол в Китае. Директор Института красной профессуры в 1932–1938 годах, он говорил:

«Надо…понять всю научную глубину… положений доклада товарища Хрущева, что в мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь…»

Товарищ же Хрущев огласил уже не пятилетний, а семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы и в заключительном слове заявил:

«Товарищи! XXI съезд принимает величественную программу коммунистического строительства. Нашей партии, героическому советскому народу предстоит свершить большие дела. Выполнение семилетнего плана поднимет нашу страну на такую высоту, что ни у кого не останется никаких сомнений в великих преимуществах коммунизма перед отживающим свой век капитализмом…»

Через два года, в октябре 1961-го, состоялся уже очередной съезд – XXII, принявший третью Программу партии – «программу построения коммунизма». Он стал для Хрущева последним – 14 октября 1964 года, после Пленума ЦК, «дорогой Никита Сергеевич» сам отправился в политическое небытие. Однако впереди были новые «исторические» съезды КПСС…

Вначале – во главе с Генеральным секретарем ЦК Брежневым.

Затем – во главе с Генеральным секретарем ЦК Горбачевым…

Глава 31
Курсом XX съезда… (продолжение)

Через четыре месяца после «разгрома» «антипартийной группы» – 1 ноября 1957 года Хрущев, выступая на собрании актива Московской областной организации, задал сам себе вопрос: «Если бы партия не смогла бы справиться с Берия, куда бы тогда пошли мы?»

А действительно – куда?

Ответ на этот вопрос читатели журнала «Новое время» могли узнать в 1993 году, заглянув в номер 41-й, где на страницах 34–38 была опубликована «документальная фантасмагория» Леонида Млечина «Если бы Лаврентия Берия не арестовали…».

Начиналась эта фантасмагория так:

«На закрытии XX съезда КПСС выступил Лаврентий Павлович Берия.

– Прежде всего, – сказал он, – я хотел бы всех нас поздравить с этим съездом. Это был съезд обновления… Времена, когда нарушалась социалистическая законность, когда попирались нормы партийной жизни, навсегда ушли в прошлое.

XX съезд был первым, на котором Берия выступал с отчетным докладом.

Когда ему было предоставлено заключительное слово, зал поднялся и долго аплодировал. Берия улыбался и делал рукой движение, означавшее, что он просит всех успокоиться и сесть. Но делегаты продолжали аплодировать, глядя на президиум, который тоже стоя приветствовал лидера великой страны…»

Далее Млечин устами Берии (или наоборот?) рассказывает о том, как разворачивались события после смерти Сталина:

«Этот рассказ Берия делегаты и гости XX съезда слушали с замиранием сердца.

Путч готовил хитрый и коварный Никита Хрущев, который играл роль простачка, пытался со всеми дружить…

Хрущев, рассказывал Берия, хотел навсегда законсервировать то, что создал Сталин. Хрущеву были свойственны субъективизм и волюнтаризм, полнейшая некомпетентность, стремление все решать самому, без совета со специалистами…

<…>

Хрущев, интриган и антипартийный человек, виновный в нарушениях социалистической законности на Украине и затем в Москве… стал готовить переворот. Он стремился захватить всю власть в стране. Для этого он решил уничтожить Берия –

единственного человека, который мог противостоять его амбициям…

<…>

Арест Берия наметили на 26 июня…»

В «фантасмагории» Млечина к заговору оказались причастны все, кто к нему был причастен в реальности: Булганин, Серов, Круглов, Жуков, Батицкий, Москаленко… Однако Берия был начеку и утром 26 июня приехал к Маленкову. Млечин описывает ситуацию так:

«– Ты что же, Егор, решил против меня выступить? – спросил Берия, глядя ему прямо в глаза.

Испуганный Маленков поспешил переметнуться на сторону Берия и выдал план хрущевской операции».

Далее, естественно, все развивалось с «точностью до наоборот» по отношению к реальной истории: Кобулов во главе оперативников МВД арестовал Жукова и его людей, арестовал Серова и Круглова, и, когда на заседании Президиума ЦК Хрущев после обвинений в адрес Берии нажал на «секретную кнопку», в зал вместо Жукова вошли офицеры внутренних войск.

«Хрущева, Булганина, Жукова и других, – продолжал Млечин, – судил военный трибунал. По совокупности преступлений перед Родиной их приговорили к смертной казни.

Маленкова и Микояна Берия оставил на их постах.

<…>

После ареста Хрущева и его подручных, которые оказались еще и агентами американской разведки, председателем Совета Министров стал Берия.

Никто не мог оспорить у него права возглавить партию и страну.

Именно Берия выступил против всевластия партийного аппарата и некомпетентного вмешательства в хозяйственные дела…» и т. д.

Начав читать в 2007 году эту «фантасмагорию» четырнадцатилетней давности, я был крайне удивлен. Вот так так! Мысли смешивались: «Неужели Млечин чуть ли не первым оценил Берию объективно? Нет, быть того не может! Это же Леонид Млечин, фигура, в общем-то, одиозная, просто-таки пропитанная заказным антисоветизмом».

Но вскоре все стало на свои места!

Делегатов XX съезда – по Млечину – после тщательных и давно привычных им проверок постами внутренних войск – развозят из огражденного колючей проволокой Внукова военно-

транспортные самолеты (гражданской авиации нет, потому что «просто так по стране никто не болтался»).

Все строительство, а также производство на оборонных заводах в Советском Союзе образца млечинского Берии «велось с помощью Главного управления лагерей».

Млечин упоенно фантасмагорирует:

«Председатель Госплана Амаяк Кобулов назвал в своем выступлении (на «фантасмагорическом» XX съезде. – *С.К.)* контрольные цифры на пятилетку: 83 процента промышленного производства дать за счет использования трудовых ресурсов Главного управления лагерей…

XX съезд поставил перед правительством задачу максимально освободить советских людей от тяжелого физического труда, передав почти всю промышленность в ведение Главного управления лагерей» и т. д. и т. п.

Автор этой фантасмагории, родившись в 1957 году и окончив факультет журналистики МГУ, благополучно процветал уже в брежневские времена, тиская «политические повести» в серии «По ту сторону», разоблачая «мифы о советской угрозе», рассказывая о том, как «американские спецслужбы расправляются с активистами антивоенного движения» и т. п. Вполне вписавшись в эпоху «застоя», он естественным образом процветает и сегодня, поэтому информирован о деликатных моментах советской истории неплохо, почему и обнаружил отличное знание всех начинаний «ЛП».

Однако Млечин умолчал о передаче Берией всего промышленного производства из МВД в отраслевые министерства и о передаче им же в Министерство юстиции самое ГУЛАГа. И сия «забывчивость» вполне понятна – простое упоминание этих двух фактов обрушивает сразу всю млечинскую «фантасмагорию».

А ведь автор этого пасквиля цели его написания не скрывал. Он хотел доказать, что:

«История многовариантна. Судьба социализма в России тоже зависела от множества факторов… Но страна развивалась бы все в том же круге от ГУЛАГа до реформы.

Многовариантность реального социализма сведена к минимуму, потому что генеральная схема существования социалистического общества – террор…»

Заключил же свою «фантасмагорию» Млечин следующим образом:

«Бериевские реформы 1953 года, испугавшие его коллег по партийному руководству, были первой попыткой самоспасения. Но если бы реформы и удались, вскоре страна бы вновь вернулась

к ГУЛАГу. Так и продолжалось бы до тех пор, пока социализм не рухнул.

Многовариантность социализма безнадежна».

Я не намерен комментировать ретро-футурологические изыскания бывшего заместителя главного редактора «Нового времени» времен поздней перестройки. Но удержаться от соблазна познакомить с ними читателя я, каюсь, не смог.

Однако опусы млечиных не отменяют правомерности вопроса: «Куда пошла бы Россия, ведомая после Сталина Берией?»

Думаю, сейчас читатель способен ответить на такой вопрос самостоятельно. Но я еще к этому вопросу вернусь…

В ОКТЯБРЕ 1964 ГОДА Хрущев пал… Судьба России оказалась в руках группы Брежнева… И, как дружно утверждают сейчас «демократы», произошел «некоторый откат к мягкому сталинизму».

Это, конечно, чепуха, но грязь на Сталина лить стали действительно меньше. Однако ни о какой, хотя бы по «атомной» линии, реабилитации Берии не могло быть и речи.

Почему?

Казалось бы – и момент был удобный, и повод. Группа Брежнева – Шелепина только что «опрокинула» Хрущева, и было бы вполне логично дать объективную оценку ***Хрущева***, показав, кроме прочего, ***его*** роль в репрессиях 30-х годов. Ведь из всего окружения Сталина, включая и самого Сталина, лишь «Никита» лил кровь, в немалой мере безвинную, потому что скрытым антикоммунистам, антисоветчикам, троцкистам, провокаторам было проще подводить советских людей под нож именно там, где руководил он – безграмотный, невежественный, амбициозный и поэтому полностью зависящий от своего окружения.

И это можно было подтвердить цифрами!

И если уж с приходом к власти группы Брежнева начинался «мягкий откат к сталинизму», то можно было бы показать истинное лицо Хрущева и этим как-то смягчить былые хрущевские инсинуации относительно роли в репрессиях Сталина. А заодно – и Берии… Мол, волюнтарист и завистник Хрущев и на товарища Берию немало напраслины возвел… А он, между прочим, и в войну был неплох, да и в «атомных» делах не подкачал.

Однако относительно Берии и в брежневские времена не было сказано ни одного доброго слова.

Почему?

Да потому, что Берия был чужд и «хрущевцам», и «брежневцам…» Хрущев был Брежневу в духовном смысле достаточно

близок, а Берия – нет! Даже Горбачев и «горбачевцы» были для бреж-невцев своими. Они их приняли в свой круг, они позволили сформироваться группе Горбачева. Берия же, если бы познакомился с ее «художествами», просто расстрелял бы членов этой группы.

Лично!

И не в силу садистских наклонностей, а в качестве высшей меры социальной защиты советского народа.

Что же до справедливости заявлений Млечина и ему подобных о безнадежности советского социализма, то надо сказать, что послевоенное социальное строительство в СССР имело грандиозные перспективы. Не политическим кокетством Сталина – он никогда не испытывал нужды в нем, – а мудрым расчетом объясняются заявления Сталина о переходе со временем к шести– (и даже пяти-!) часовому рабочему дню для всестороннего совершенствования граждан новой России. И на этой базе становилась реальной трансформация советского общества в сторону все большего демократизма и гражданских свобод.

С системной точки зрения реальному социализму для подтверждения его состоятельности не хватало, во-первых, развитых обратных связей между Властью и Массой на базе принципа удаления от руководства людей, к нему неспособных или утративших такую способность.

Во-вторых, по мере развития социализма руководящий авангард общества должен был перемещаться туда, где ему в разумном обществе и положено быть: в экономические и культурно-просветительные структуры.

Берия исповедовал как раз такие подходы к организации жизни в стране – недаром он видел МВД аналитическим органом и задумывался об особых орденах прежде всего для деятелей культуры.

Поэтому с Берией во главе Россия пошла бы к развитой демократии образованных и всесторонне развитых масс, возглавляемых компетентными специалистами. Причем после того, как исчерпался бы государственный потенциал уже Берии в связи с его старостью или после кончины, Россия могла бы далее развиваться и жить уже без ярко выраженного лидера, потому что страну населяли бы две-три сотни миллионов развитых граждан, которые образовывали свободную и могучую ассоциацию свободных индивидуумов.

Ведь человек обретает подлинную свободу лишь в свободном коллективе друзей и единомышленников. И такой коллектив непобедим!

Увы, на деле мы получили вакханалию вначале нарастающей управленческой некомпетентности Хрущева и Брежнева, а затем – вакханалию тотального политиканства Горбачева, Ельцина и последышей-ельциноидов. Впрочем, развернутый анализ постсталинских десятилетий нашей истории выходит за рамки этой книги. Однако в связи с темой Берии я замечу вот что….

Сталинская эпоха заложила в России фантастическую по своему творческому потенциалу цивилизационную базу. Культурный, образовательный, научно-технический, экономический и духовный итог ее был таков, что, отталкиваясь от него, можно было обеспечить невиданный расцвет России и ее народов!

В стране сформировался мощный многомиллионный человеческий пласт – деятельный, прекрасно профессионально образованный, соединяющий в себе опыт зрелых поколений с устремлениями и энергией молодых, в немалой мере – альтруистичный, готовый жить во имя скорейшего решения грандиозных и захватывающе интересных профессиональных и общественных задач. Лидером этих слоев общества становились ученые и специалисты передовых оборонных отраслей – ракетно-космической, авиационной, ядерной, электронной, судостроительной…

Но так же увлеченно, профессионально – на уровне не ниже мирового – были готовы мыслить и созидать не только они, а и металлурги, архитекторы, селекционеры, станко– и танкостроители, железнодорожники, животноводы и агрономы, строители и энергетики, биологи и геологи, педагоги и художники, спортсмены и озеленители…

В ударе могли быть и «физики», и «лирики»! Дело было за верным руководством и верным курсом – политическим, нравственным, экономическим.

Дело было за лидером!

А лидер был подло убит в каком-то подвале в одну из душных летних ночей 1953 года.

И если сталинский период нашей истории создал базу для расцвета, то хрущевско-брежневский период при всех его видимых и несомненных достижениях во всех сферах жизни общества создал базу для быстрой и тотальной деградации Державы и создавшего ее народа.

Горбачев (хотя не он, не он, конечно, а предавшая Родину элита) положил Державу на плаху.

Ельцин (хотя не он, не он, конечно, а предавшая Родину элита) расчленил ее.

А последыши одного и другого усердно поливают ее

расчлененный труп мертвой водой, но ни за что не отважатся брызнуть на него живой водой нового воссоединения и коллективизма.

Нет на них товарища Сталина.

И товарища Берии – тоже!

Глава 32
Данайские хвалы Эми Найт и иже с ней…

Эта глава тоже будет короткой, но она, на мой взгляд, необходима…

Весной 1985 года началось то, что было позднее точно названо «катастройка». И по всей стране прошел чуть ли не директивный показ кинопасквиля «Покаяние», снятого Тенгизом Абуладзе. В главном антигерое явно усматривался Берия, и выбор его в качестве мишени бывшими диссидентами, ставшими в конце 80-х годов «народными» депутатами, лишний раз показал, что после Ленина и Сталина им наиболее ненавистен Лаврентий Павлович.

В те дни директор Института истории партии при ЦК КП Грузии, доктор и профессор Д. Стуруа писал в «Комсомольской правде»: «Сам факт выхода в свет фильма «Покаяние» свидетельствует о правильном настрое тех, кто определяет сегодня нравственный и политический климат в стране…» И далее Стуруа хвалился выпуском в Грузии монографий, посвященных «видным деятелям Коммунистической партии и Советского государства – Авелю Енукидзе, Мамии Орахелашвили, Шалве Элиаве, Лаврентию Картвелишвили, Левану Гогоберидзе, Михаилу Кахиани, Самсону Мамулии (Сталин писал, что «Мамулия не стоит левой ноги Берии». – *С.К.),* Ефрему Эшбе, Нестору Лакобе…»

А чуть позднее написали коллективную «монографию» и о Лаврентии Берии – не раз цитировавшийся мной сборник «Политиздата» под названием «Берия: конец карьеры», пропитанный патологической, близкой к паранойе, ненавистью к «ЛП».

И сразу же выявился некий парадокс! Заключался он в том, что внимательный анализ ***информации*** (не ***оценок)*** даже этого сборника, где был помещен ряд достоверных документов, приводил к мысли скорее о положительном облике его антигероя… И поэтому «политиздатовскими» данными не раз пользовались те, кто обелял Берию: Юрий Мухин, Елена Прудникова. Пользовался ими и я.

В некотором смысле стала сенсацией – по мнению научного редактора журнала Горбачев-фонда «Свободная мысль» Олега Хлевнюка – публикация в 1991 году в журнале «Известия ЦК

КПСС» стенограммы июльского Пленума ЦК КПСС 1953 года. Причем в редактируемом уже им журнале Хлевнюк в статье «Берия: пределы исторической реабилитации» (№ 2, 1995 г.) признал весьма занятные вещи:

«Поднимавшиеся на трибуну пленума ораторы ***клеймили*** Берия ***и одновременно создавали портрет реформатора*** (выделение мое. – *С.К.),* пытавшегося в те немногие месяцы, что отпустила ему судьба, радикально демонтировать сталинский социализм. Сами же противники Берия, включая Хрущева, выглядели на пленуме ярыми сталинистами, отстаивающими каждую крупицу наследия своего великого учителя».

Хлевнюк написал так в 1995 году, а за два года до этого, в 1993 году, в издательстве «Princeton University Press» вышла книга историка из США Эми Найт «Beria: Stalin's First Lieutenant». Заключая ее, американка утверждала нечто иное (перевод здесь и ниже мой):

«Даже если Берия перехитрил бы Хрущева и, обойдя его ловким маневром, сумел бы сохранить свою ведущую позицию в руководстве, он добился бы еще меньших успехов, чем Хрущев, в создании жизнеспособной и эффективной системы, потому что был насквозь пропитан сталинскими традициями».

Итак, по «демократу» Хлевнюку ярый сталинист – Хрущев. А по «демократке» Эми Найт, напротив, – Берия. Кто же прав?

Увы, оба не правы, хотя и различным образом. Хлевнюк явно намекал, что сталинский социализм был настолько ужасен и непригляден, что даже такой-де «сатрап» и «палач», как Берия, пытался его демонтировать. Эми Найт намекала на то, что любой-де социализм ужасен и непригляден, и поэтому Берия заранее был обречен на провал.

Тем не менее за вышеприведенной констатацией у Найт следует вот что:

«Однако историки должны, вероятно, дать ему более сбалансированную оценку, уходя от легенды о Берии как о сверхзлодее сталинской эпохи и оценивая его карьеру в широком историческом аспекте…»

Найт собрала весьма богатый фактический материал о жизни и деятельности Берии. Но, увы, ничего не поняла ни в эпохе Сталина, ни в судьбе Берии, напирая на все те же репрессии и массовые депортации….

Однако даже она, попытавшись хоть в какой-то мере быть объективной, обнаружила, что образ «палача Берии» при таком подходе рушится. И – по словам того же Хлевнюка – Найт «вынуждена» была «признать в своем герое реформатора» и

«подозревать в Берия прагматика, «полицейского, обратившегося в либерала» на манер Ю. Андропова…»

БЕРИЯ никогда не был либералом, но и аттестовать его «полицейским» нельзя никак, даже с учетом его работы в ЧК и ОГПУ. Смешно сравнивать его и с Андроповым. А вот стать продолжателем всего лучшего, что дал России Сталин, Берия мог бы!

Приняв Россию от Сталина с той атомной Бомбой, в создание которой внес выдающийся вклад, Берия мог бы оставить Россию потомкам государством с надежно упрочившейся социалистической демократией, развивающей в человеке свободного творца и сознательного коллективиста.

Что же до статьи Хлевнюка, то я предполагаю, что она, имеющая в немалой своей части вид некой рецензии на книгу Найт, появилась в журнале Горбачев-фонда не случайно. И не случайно она появилась ***после*** выхода в свет книги Найт. Ведь тогда эта книга была, пожалуй, первой, где говорилось о необходимости «более сбалансированной оценки» личности и деятельности Берии, и просто отмахнуться от этого факта хлевнюки уже не могли. Ведь можно было ожидать появления уже отечественных более-менее объективных, основанных на документах, исследований о «ЛП», и даже (!!!) исследований, ***полностью*** объективных!

А ведь про себя все эти хлевнюки, Наумовы и прочие волкогоновы и радзинские не могли не знать истинную цену Хрущеву и хрущевцам, включая сюда всю их «когорту»: от самого Никиты Сергеевича до Брежнева, Андропова, Горбачева, Ельцина и Путина.

Не могли подобные «историки» не знать и истинную цену Сталину, Берии и той эпохе, наиболее крупными фигурами которой они были.

А зная это, россиянские «демократические» «историки» не могли не понимать, что ***полностью*** объективное рассмотрение роли и деятельности Лаврентия Павловича Берии станет реальной базой для его ***полной*** исторической, политической и нравственной реабилитации. Причем в этом случае Берия предстанет перед потомками не просто как несбывшийся реформатор, а как реформатор именно социализма в интересах ***развития*** социализма, а не его «демонтажа»!

Надо было срочно упреждать угрозу формирования верного исторического облика Берии, надо было представить его несбывшиеся реформы как некий прообраз горбачевской «перестройки». Мол, Берия – прямо-таки Горбачев прошлого

времени. Только по части репрессий подкачал.

Ну уж – нет!

Горбачев в историческом плане – мелкая дрянь, которой волею судьбы были предоставлены неограниченные возможности созидать, а он направил эти возможности на разрушение Державы.

А Берия в том же историческом плане – выдающийся государственный деятель, созидатель, который мог обеспечить Державе реальный шанс на величие, свободу и процветание! ***Берия, в некотором роде, – несбывшийся шанс Державы!***

Признать это для современных «историков» страшно.

Да и невыгодно.

Хотя и представлять его только «палачом» тоже уже невозможно – не рискуя профессиональным реноме.

ДОКТОР исторических наук Борис Старков свою статью, опубликованную в № 11 журнала «Родина» за 1993 год, назвал «Сто дней «лубянского маршала». Взошедший на отечественном «информационном поле» в январе 1989 года, журнал «Родина» стал одним из рупоров той мелкобуржуазной интеллигенции, которая, по точному определению Ленина, мечется от крайней «революционности» к крайней реакционности. Но, при всем при том, учредителем этого «российского историко-публицистического» журнала был Совет Министров – Правительство РФ.

Начинает Старков со смерти «величайшего диктатора XX столетия Сталина», а затем переходит к рассказу о Берии. Заканчивалась статья так:

«В архивах сохранился…один интересный документ, подготовленный секретариатом Берии. Это список решений ЦК партии и Совнаркома или Совета Министров, подлежащих отмене или пересмотру, как устаревшие или ошибочные. Так что можно предполагать, что реформаторские намерения у «лубянского маршала» были, и весьма серьезные. Но реализовали их другие.

И потому Берия был обречен».

Старков, хотя и называл Берию «палачом», тоже выставлял его кем-то вроде предтечи горбачевской перестройки. То есть Лаврентия Павловича вроде бы лобызали. Однако лобызали его поцелуем Иуды, ибо лобызали те, кто отрекся от Державы, созданной партией большевиков. Но тем ценнее фактические сведения, которые сообщает тот же Старков и которые я ниже частично приведу:

«В Государственном архиве Российской Федерации, где хранятся документы и материалы секретариата Берии, – это

наиболее бедный в документальном отношении период (имеется в виду период с 5 марта по 26 июня 1953 года. – *С.К.)*…

<…>

Перечитывая воспоминания Никиты Сергеевича, невольно думаешь, что все-таки он лукавил… Основная борьба за власть разворачивалась между Н.С.Хрущевым и Г.М. Маленковым. Л.П. Берия оказался между ними…

<…>

Профессор… А.С. Норинский, работавший в структурах МВД, вспоминает, что возвращение Берии к руководству объединенным МВД СССР в 1953 году было воспринято многими сотрудниками как «большой праздник» (видно, очень уж надоела некомпетентность Игнатьева. – *С.К.)*…

<…>

Министерство внутренних дел СССР подготовило и направило на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева представление с предложением амнистировать (не реабилитировать! – *С.К.)* всех осужденных внесудебными органами, прежде всего «тройками»…

Все радикальные предложения Министерства внутренних дел относительно амнистии репрессированным в 30—40-е годы были отклонены (выделение здесь и ниже Б. Старкова, – *С.К.)*. Берии… указали на то, что он проводит эти мероприятия «с излишней торопливостью».

<…>

Берия впервые поставил вопрос о ликвидации и выводе из системы **МВД целых структурных подразделений.**

<…>

«Лубянский маршал» осознал, что… принципы коллективности в работе были отброшены, что критика и самокритика в высшем звене руководства вовсе отсутствовала… (Б. Старков здесь бросает камешек в огород Сталина, но забавно, что его «демократические» коллеги ставят Сталину же в вину «уничтожающую» критику Микояна и Молотова на Пленуме ЦК после XIX съезда партии. – *С. К.)*

<…>

Берия считал необходимым создать специальную комиссию из представителей партийных, советских и административных органов для изучения условий труда, быта и отдыха спецпереселенцев…»

И наконец, последняя цитата из статьи Старкова… Конец ее, как легко заметит читатель, может быть прямо противопоставлен «фантасмагориям» Леонида Млечина:

«Мастера политической интриги уже активно плели нити заговора. Для него же (т. е. для Л.П. Берии. – *С.К.)* продолжались

обычные дни, заполненные повседневной работой: совещания, заседания коллегии, подготовка новых предложений Совету Министров СССР и Президиуму ЦК КПСС. Одно из них, датированное 16 июня, предлагало решить судьбу Архипелага Гулаг («демократы» почему-то пишут эту аббревиатуру – ГУЛАГ (Главное Управление ЛАГерей) неверно. – *С.К.)*. Берия предлагал ***«ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности»…*** Напомним, что к этому времени Гулаг уже был выведен из подчинения МВД и передан в ведение Министерства юстиции СССР».

Да, все смешалось в доме кремлевском! «Палач» Берия выступает освободителем, а «творец «оттепели» Хрущев оказывается держимордой. Но ведь так оно, уважаемый читатель, и было – ***на самом деле!***

ВЕРГИЛИЙ в «Энеиде» сказал: «Timeo Danaos et dona feren-tes» («Боюсь данайцев (греков), даже дары приносящих»). Фраза стала крылатой, и резон в совете Вергилия насчет данайцев был. Ведь это они преподнесли наивным троянцам в дар огромного деревянного коня, внутри которого был спрятан отряд античных «коммандос». При помощи этого приема данайцы Трою и взяли.

Тем более надо опасаться политических «данайцев» сегодня. Но даже они, как видим, на исходе XX века не смогли отказать Берии в потенциале реформаторства, пусть они же лукаво и попытались при помощи такой «хвалы» оторвать Берию от идей социализма, превращая его в чуть ли не необуржуазного «прагматика».

Однако Берия был не просто «прагматиком». Он имел план реалистичных реформ социализма во имя социализма, но не был понят даже теми из коллег, кто был предан идеям социализма. Так, Каганович на июльском пленуме 1953 года негодовал:

«Партия для нас превыше всего. Подлец Берия не раз говорил: ЦК должен заниматься только пропагандой и частично кадрами – к этому он сводил роль ЦК (как и Сталин. – *С.К.)*. А для нас, старых большевиков, ЦК – это партийное, политическое и экономическое руководство всей жизнью… страны и государства…»

Для Кагановича и в 1953 году превыше всего была партия. А для Берии превыше всего была Держава, созданная партией. То есть – держава социалистическая, существующая для процветания трудящихся в социалистических коллективах масс.

Каганович не был перерожденцем, шкурником, рвачом, но насущных задач времени себе не уяснил – почему и оказался

временно в одном ряду с Хрущевым. Каганович не понял, что сам-то он действительно идейный старый большевик, но по мере упрочения социализма именно в партийных, а не в хозяйственных органах проще всего будет обосноваться шкурникам и карьеристам. И тогда рухнет и партия, и держава.

Берия это, судя по всему, понимал.

Ранее поминавшийся внук Дмитрия Шепилова – Дмитрий Косырев рассуждает о том, как могла бы пойти история, если бы «Дмитрий Шепилов возглавил государство в конце 50-х…»?

«На мой взгляд, – пишет он, – тогда в истории нашей Родины произошло бы почти то же, но без острых углов и поворотов… Кукурузу не сеяли бы за Полярным кругом, Карибского кризиса не было бы… Оттепель в искусстве обошлась бы без уничтожения картин бульдозерами, но всяческим модернистам жилось бы все равно невесело…» и т. д.

Кукурузу за Полярным кругом не сеяли и «при Хрущеве». А исток Карибского кризиса не в «волюнтаризме» Хрущева, а в провокационном размещении американских ракет «Юпитер», долетающих до Москвы, на базах в Турции. Но внуку-журнали-сту это знать не обязательно.

А вот что он подметил верно, так это то, что гипотетическая страна «при Шепилове» не отличалась бы принципиально от реальной страны «при Хрущеве»…

Косырев считает, правда, что его деда все равно сместили бы, потому что своим-де «для правящей бюрократии» он «никогда не был бы». Слишком, мол, «блестящая биография, слишком яркая личность, слишком чужой человек для массы аппаратчиков».

«Вдобавок, – заключает Д. Косырев, – человек, не желавший скрывать своего презрения к «середнячкам». А вот тут можно и поспорить! Дмитрий Шепилов был, как я понимаю, человечески, ***житейски***, весьма привлекателен. Однако был он по сути своей как раз «аппаратчиком» и «середнячком», принципиально неспособным на подлинно яркие действия, даже если бы он оказался во главе страны!

Внуку даже не приходит в голову, что подлинно великая личность, подлинно яркая натура, получив власть, тут же начнет проводить назревшие реформы – если реформы назрели! И если он ***личность***, то реформы обязательно будут успешными.

Но, во-первых, реформа (см. «Большой толковый словарь современного русского языка» Д. Ушакова изд. 2005 года) – это «изменение в устройстве чего-нибудь, сделанное в целях улучшения», а применительно к обществу – «изменения в законодательном и государственном устройстве, проведенные правительственной властью ***без нарушения основ***

существующего государственного строя (выделение мое. – ***С.К.)»***

А во-вторых, реформа будет успешной, если ее проводят компетентно, то есть: 1) в интересах того общества, которое реформируется; 2) с привлечением к процессу реформирования честных профессионалов.

Еще раз напомню, что академик Евгений Тарле, имея в виду Наполеона, писал: «…для Наполеона власть была то же самое, что музыкальный инструмент для великого артиста. Он немедленно пустил в ход этот инструмент, едва только успел завладеть им». Так вот, хотя Шепилов и мог пропеть наизусть несколько опер из репертуара Большого театра, но под определение «великого артиста» не подходил.

А Берия?

А Берия – подходил!

К слову, у Шепилова и врагов-то настоящих не было – в отличие от Берии!

Ну, отстранили «и примкнувшего к ним…». Ну, сослали (во Фрунзе, не на Колыму же!)… Но уже то, что в книге воспоминаний о Шепилове помещены доброжелательные воспоминания такой гнилой фигуры, как академик Леонид Абалкин, о чем-то говорит! О Берии Абалкин слова доброго не сказал и не скажет, ибо абалкины и Берия – антиподы! Берия Родине служил, абалкины – подслуживались к властям предержащим. И по сей день подслуживаются, только теперь уже не за «деревянные» рубли, а за «зеленые» «баксы».

Если у Шепилова и было нечто отличающее его от большинства крупных партократов, так это – несомненное личное обаяние. Но вот две цитаты из записи беседы с ним вполне «демократического» журналиста Николая Барсукова, состоявшейся 23 февраля 1989 года и приведенной в сборнике воспоминаний о Шепилове:

1) «Меня подкупала простота и доступность Никиты Сергеевича. Выходец из рабочих. Он вел себя очень демократично. И я поначалу был просто влюблен в него. Да и у большинства он вызывал огромные симпатии» (стр.123).

2) Вообще Хрущев был злобным и мстительным человеком. Характерна **(сам** Шепилов сообщает, что характерна, то есть – свойственна для Хрущева! – *С.К.)* в этом отношении его расправа с Тевосяном, выдающимся металлургом, умницей, прекрасно знающим мировую практику (работал на заводах Круппа). Как-то он поспорил с Хрущевым по специальному вопросу (Тевосян и со Сталиным спорил, и с Берией. – *С.К.)*. Хрущев: «Ты что со мной споришь?» – «Да я же металлург и знаю этот вопрос, а вы чепуху

говорите». Через два дня Тевосян был снят и полностью отстранен от дел» (стр.134).

Так кем был Хрущев на самом деле?

И кем был Шепилов, «интеллигентный» и обаятельный «умница», на протяжении получаса высказывающий прямо противоположные утверждения и сам этого не замечающий? Да на кой черт Державе такие «обаяшки»? Единственный раз в жизни встал в 1957 году на принципиальную позицию, но и на той не смог удержаться.

ДЛЯ СРАВНЕНИЯ со вторым свидетельством Шепилова приведу сообщение А. Сухомлинова:

«Сослуживцы Берия, которые живы и сейчас, отмечают, что хотя он был и строг, но быстро «отходил», обиды забывал…».

Замечу, что такие люди никогда не бывают двоедушными, склонными к интригам и мучительству. Они непосредственны и весьма открыты. Недаром ведь Хрущев любил охоту, а Берия, будучи отличным стрелком, предпочитал рыбалку в компании боевых друзей.

Да, Берия был строг и нередко – резок… Но это – неизбежность для любой выдающейся личности, вынужденной организовывать деятельность множества людей в тех или иных форс-мажорных, экстремальных исторических обстоятельствах. И организовывать при огромной, невероятной личной загруженности!

Они ведь все не отличались мягкостью к бездельникам и бездарям: Юлий Цезарь, Людовик XI, Оливер Кромвель, Петр Великий, Наполеон Бонапарт, Отто Бисмарк, Владимир Ленин, Иосиф Сталин…

Можно ли в этот мощный ряд компетентных Управленцев поставить Лаврентия Берию?

Это, конечно, вопрос. Хотя – нет! В один ряд с этими историческими фигурами Берию не поставить просто потому, что он не успел завладеть тем «музыкальным инструментом» – Властью Первого Лица, – на котором мог бы исполнить свою «симфонию власти».

Но исполнить бы ее он смог!

А был ли Берия гением?

Говорят, что гении – это волы, работающие по 14 часов в сутки. Берия иногда работал и больше, однако гением он все же не был. Он и не мог бы им стать уже в силу тех условий, в которых формировался. Не помню, кто это сказал, но сказал хорошо: «В тиши зреет интеллект, в бурях рождается характер».

Сравним начало жизни Ленина, Сталина и Берии…

Ленин мало того, что имел задатки гения, он имел возможность их и развить: интеллектуальная дружная семья, достаток. Даже комфорт – пусть и скромный… Книги, общение с незаурядным отцом, с хорошо образованными преподавателями. Даже после исключения из университета, даже в тюремной камере Ленин имел возможность думать, читать, работать. И уж тем более он мог делать это в ссылке, в эмиграции.

Что еще надо для развивающегося мыслителя? Тем более – социального мыслителя!

Сталину было сложнее – для развития его гениальных задатков условия были неблагоприятными, но – не в такой степени, чтобы эти задатки глохли, а не опять-таки развивались. И Сталин тоже имел время и возможность спокойно, неторопливо думать. Думать, размышлять, познавая при этом то, что люди осмыслили до тебя… Эту возможность Сталин тоже в молодые годы, да и в годы зрелости имел. Он ведь был профессиональным революционером, а повседневность профессионального революционера – не бомбы, не митинги, не стачки, а работа мысли, постоянно оформляемая в слова.

И – чтение…

И – дискуссии.

Ежедневной текучки, той «груды дел, суматохи явлений», о которой писал Маяковский, у Сталина не было ни в его девятнадцать лет, ни в его тридцать лет. Для Сталина все началось по-настоящему в его тридцать восемь лет.

Для Ленина – даже в сорок семь лет.

А для Берии – в девятнадцать!

Тут уже не до развития задатков! Тут успевай расшвыривать то, что наваливается каждый день с раннего утра. Так сказать: «Довлеет дневи злоба его…»

Но у такой ситуации есть свои не только «минусы», но и «плюсы». Попадая в нее, талантливый и работоспособный волевой человек становится чем-то вроде… Да, пожалуй, чем-то вроде гения управленческой работы! Не гений как мыслитель, как генератор идей, но гений-практик, генератор дел. Вот как, пожалуй, можно определить Берию.

Простое перечисление всех его обязанностей во время войны в ГКО и НКВД приводит к однозначному выводу: один человек всем этим заниматься одновременно не способен. Но он ведь занимался! И справлялся не кое-как, а блестяще!

И, выйдя из войны от роду всего-то 46-летним, он приобрел такой опыт, стал настолько компетентен, что был способен справиться с любой проблемой… Например, с Урановой… Недаром именно ему Сталин ее и поручил.

Ведь, напоминаю, вначале ее вел Молотов, но Курчатов почему-то хотел бы иметь во главе дела не его, а Берию. И писал ему 29 сентября 1944 года:

«В письме т. М.Г. Первухина и моем на Ваше имя мы сообщали о состоянии работ по проблеме урана и их колоссальном развитии за границей… Вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил… У нас же, несмотря на большой сдвиг в развитии работ по урану в 1943–1944 гг., положение дел остается ***совершенно*** неудовлетворительным… Зная Вашу исключительно большую занятость, я все же, ввиду исторического значения проблемы урана, решился побеспокоить Вас и просить Вас дать указания о такой организации работ, которая бы соответствовала возможностям и значению нашего Великого Государства в мировой культуре».

Именно так «ЛП» эти работы и организовал! И, думаю, справился бы он и с проблемой построения коммунистического общества в России и превращения ее в ведущую силу всестороннего прогресса человечества! Ведь строить было его призванием… Тем, к чему он стремился с младых ногтей.

Лишь крайним высокомерием (продуцирующим, в конце концов, и узость мышления) академика Капицы можно объяснить ту наглость (другого слова я не подберу), с которой он рекомендовал Берии познакомиться с историй-де прокладки трансатлантического кабеля для того, чтобы компетентно руководить советскими атомными работами.

Да если бы Берии, да еще с его опытом заместителя председателя Государственного Комитета Обороны, поручили эту прокладку, когда она была предпринята впервые, то эти подводные транскабели вскоре опутали бы весь земной шар намного раньше, чем это произошло в действительности! И – без всякого «принудительного труда заключенных». Да ведь, к слову, и такой труд требовалось умно организовать!

Капице было «скучно» работать в Спецкомитете, а вот Берии никогда не было скучно – у него на скуку и времени-то никогда не было. И вот что надо, пожалуй, сказать.

Ленина и Сталина как личностей сформировала Мысль. Берию – Дело. Ленин и Сталин уже потом, во всеоружии своего понимания задач развития России, получили (да не получили, а взяли сами – с бою!) возможность делать Дело. А Берия сразу начал делать его, и суть тут была не в различии натур, а в различии судеб. Ленин и Сталин подготовили в России эпоху Дела, а Берия в ней жил.

Но склонность к анализу у Берии тоже была… И если бы он оказался во главе страны, то, думаю, он как личность эволюционировал бы именно в сторону мыслителя, потому что как компетентный Управленец понял бы: «Здесь у меня слабина…» И он строил бы себя, строя Державу!

И подперли бы его крепко – снизу! Подперли бы подросшие, окрепшие за годы войны, уцелевшие в ней молодые ребята, преданные идеям социализма и социализмом воспитанные. Подперли бы и зрелые, достигшие профессионального пика Сергей Королев, Игорь Курчатов, Борис Музруков…

Да те же Серго Берия и Олег Лаврентьев!

Однако у Державы и народа был украден шанс на прочное созидание, секрет которого прост: необходим прочный, мощный фундамент. Берии этот «секрет» был известен – он ведь был строителем не только по призванию, но и по профессиональному образованию. Он не только любил строить, но знал, как строить и здания, и государство, чтобы они стояли вечно.

Среди его послевоенных многочисленных обязанностей как заместителя Председателя Совета Министров СССР было и курирование строительства высотных зданий. Старые архитекторы поговаривали позднее, что «сталинские высотки» более верно называть «бериевскими высотками». Уже фундамент этих зданий был могучим инженерным сооружением. Так что значение фундамента в любом деле Берия понимал хорошо.

Но великого Строителя Державы убили. И после этого ее «строили» уже на «песке» партократического аппарата, а дом на песке прочно не стоит.

Глава 33
«Он был рыцарем – и убит из-за угла…»

О, нет, уважаемый читатель! Цитата, вынесенная в заголовок, не о Лаврентии Павловиче Берии.

Это – о Павле Петровиче Романове… То бишь, об императоре Павле I, павшем жертвой проанглийского заговора знати в 1801 году. И сказал это не я, а… поэт Владислав Ходасевич, человек не так чтобы тоталитарного склада ума и души.

В своей книге «Русская Америка: открыть и продать!» я писал, что в отечественной историографии портрета Павла нет – есть карикатура. И вот портрет появился – монография Геннадия Львовича Оболенского – «Император Павел I» (М., «Русское слово», 2001 г.). На ее страницах – совершенно неожиданный для большинства Павел и, что самое существенное, – Павел ***подлинный.*** Тот, кто, кроме прочего, «впервые с высоты престола» ограничил барщину тремя днями в неделю с предоставлением крепостным выходных по праздникам и воскресным дням.

Павел обеспечил себе уважение русских людей уже основанием в 1799 году Российско-Американской компании, что сулило России блистательные геополитические перспективы на Тихом океане. Не вина Павла, что его бездарный и преступный потомок Александр II продал в 1867 году Русскую Америку за 7 миллионов тогдашних «баксов».

Павел пошел и на единственно разумный – по тем временам – геополитический союз с Наполеоном. И это послужило одной из причин для антирусского заговора против русского царя. Но – лишь одной из причин, потому что и внутренняя политика Павла была страшна знати, элите… В своей монографии Геннадий Оболенский пишет:

«Павел I пал жертвой недовольных дворян и придворных. Заговорщики действовали с молчаливого согласия того, что являлось тогда общественным мнением. Убийцы Павла I были бесконечно ниже его и умом, и характером, а они ославили свою жертву «полубезумным тираном», и никто им не возражал».

А вот историк Ключевский:

«Император Павел I был первый противодворянский царь… Чувство порядка, дисциплины и равенства было руководящим побуждением его деятельности, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей».

Упомянутый выше Ходасевич написал о Павле выразительно и точно:

«Когда русское общество говорит, что смерть Павла была расплатой за его притеснения, оно забывает, что он теснил тех… сильных и многоправных, кто должен был быть стеснен и обуздан ради бесправных и слабых…

Он любил справедливость – мы к нему несправедливы. Он был рыцарем – и убит из-за угла…

Слухи о его «странностях» и «жестокостях»… привели к тому, что огромное большинство русского общества до сих пор считает его сумасшедшим тираном и неумолимым деспотом…

Отрывочные и темные слухи… принимались на веру без всякой проверки… большинство рассказов исходило из уст людей, стремившихся или вполне оправдать убийство императора, или хотя бы с ним примириться… Он осужден своими убийцами. Осуждая его, они оправдывали себя… Историческая наука XIX столетия согласилась с судом убийц».

Цитаты обильны и длинны, но я надеюсь, что читатель уже понял, почему в книге о Берии я так подробно отвлекаюсь на личность убитого элитой императора. Ведь все, вышесказанное о самодержце Павле, точно совпадает в системном смысле с тем, что можно сказать о большевике-сталинце Берии!

Павел был деятелен в интересах Державы. И парто…, ах, пардон, аристократия того времени ему этого не простила. Как не простила она, эта ***подлократия,*** того же и Берии. А ведь Пушкин назвал Павла «врагом коварства и невежд» и собирался написать историю его царствования. Лев Толстой считал, что «характер, особенно политический, Павла I был благородный, рыцарский характер». И тоже хотел «попробовать написать его историю». Знаменитый же генерал А.П.Ермолов заявлял, что «у покойного императора были великие черты, исторический характер его еще не определен у нас».

Читаешь и не поймешь – то ли это о Павле Петровиче, то ли – о Лаврентии Павловиче…

Можно привести не менее поразительные авторитетные оценки Павла такими фигурами, как И.М. Муравьев-Апостол, декабристы Н.М. Муравьев, В.И. Штейнгель и другие, привести удивительные примеры, но я пишу все же книгу не о Павле. И, ограничившись сообщенным, спрошу у читателя: «А каким подают Павла широкой публике уже две сотни лет?»

Ответ-то известен: «тираном», «самодуром»… Да и «палачом». А профессор Харьковского университета П.Н. Бучинский в начале XX века, глубоко изучив проблему, сообщал вот что:

«По отзывам беспристрастных современников, как русских, так и иностранных, Павел Петрович – этот царь-демократ – был человеком редким в нравственном отношении… прекрасным семьянином с недюжинным умом, феноменальной памятью, высокообразованным, энергичным и трудолюбивым и, наконец, мудрым правителем государства как в делах внешней политики, так и внутренней».

То-то! А каким представляем Павла мы?

Нет, ложь, чтобы в нее поверили, должна быть действительно чудовищной!

Как ложь о «тиране» и «палаче» Павле…

Как ложь о «тиране» Сталине…

Как ложь о «палаче» Берии.

ВОТ ЕЩЕ одно якобы отклонение от темы, на самом деле попадающее, как убедится читатель, в самую ее точку, – историческая репутация «сатрапа» и «палача» Аракчеева.

Все ниже сообщаемое мной об Алексее Андреевиче Аракчееве взято из «Военной энциклопедии», издававшейся в начале XX века товариществом крупнейшего русского книгоиздателя И.Д. Сытина. Там из обширной статьи о графе Аракчееве можно узнать много не только неожиданного, но и позволяющего лучше понять природу феномена уже Берии…

Итак:

«Главное влияние на развитие его характера и тех «начал», которыми впоследствии он резко выделялся сперва из среды своих сослуживцев, а потом из среды своих современников, оказала мать, Елизавета Андреевна, урожденная Витлицкая. Развив в ребенке глубокую к себе привязанность, она неустанно заботилась о том, чтобы он был набожен, умел «обращаться в постоянной деятельности», был педантично аккуратен и бережлив, умел повиноваться и усвоил себе привычку толково предъявлять требования к «людям». Все эти требования хорошо и прочно были усвоены Аракчеевым…

…Деятельность Аракчеева при Цесаревиче (будущем императоре Павле. – *С.К.),* заслужившая ему от современников и историков ряд нелестных отзывов, вроде «гатчинского капрала» и т. п., прежде всего выразилась в посредничестве с главной артиллерийской канцелярией… Сохранились различные сказания о том, какими средствами достигал Аракчеев благоустройства вверенной ему команды… каким зверствам и неистовствам предавался «гатчинский капрал»… учил солдат по 12 часов кряду; вырывал у солдат усы, бил их нещадно… Принимая во внимание, что обо всем этом свидетельствуют такие «современники»…

которые могли передавать лишь слышанное от других, надлежит с особенным вниманием отнестись к документам. По «Книге приказаний при пароле с 5 июля по 15 ноября 1796 г.», хранящейся в Стрельнинской дворцовой библиотеке, можно установить, что на все 135 сохранившихся записей на долю взысканий приходится всего 38 записей, из коих: 8 замечаний, 22 выговора, 3 вычета из жалованья, 2 ареста, 1 исключение во флот и 2 разжалования…случаев «прогнания сквозь строй» не было ни одного… Приказы же самого Аракчеева содержат, например, ходатайство его о разжаловании фельдфебеля в рядовые за жестокое наказание им подчиненного…»

Как видим, технология превращения графа Аракчеева в «изверга» ничем не отличалась от технологии превращения в «палача» наркома Берии, только роль хрущевского «старого большевика Снегова» в данном случае играл некий граф Толь.

Не обходилось, конечно, и без «историков»:

«…Некоторые историки напрасно полагают, что Аракчеев «ничему не учился кроме русского языка и математики»… Учреждая впоследствии офицерские библиотеки (вот же «изверг», читать офицеров заставлял! И это – вместо офицерских «рестораций». – *С.К.),* Аракчеев вполне определенно высказал свой взгляд на самообразование: «Чтение полезных книг в свободное время есть, без сомнения, одно из благороднейших и приятнейших упражнений каждого офицера. Оно заменяет общество, образует ум и сердце и способствует офицеру приготовлять себя наилучшим образом на пользу службы Монарху и отечеству». И «приготовляя себя», он 30 лет собирал библиотеку, сохранившийся каталог которой… показывает, что Аракчеев свои книги «расклассировал» по… одиннадцати «предметам»… число названий в этой библиотеке доходило до 2.300, а число томов превышало 11 тысяч… Очевидно, историки впадают в глубокую ошибку, утверждая, что «Аракчеев не был из числа людей, которые чтением расширяют свои познания»… Сам Аракчеев отзывался об этом периоде своей службы (1792–1796 гг.) так: «В Гатчине служба была тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено, а знание дела и исправности отличены»…»

Уважаемый читатель! Не кажется ли тебе, что аракчеевское «служба была тяжелая, но приятная…» очень напоминает признание Берии в письме из бункера: «…работа шла хорошо и лично я был в восторге»? Однако разве могли разделять эти «приятные восторги» бездельники и невежды хоть в XX, хоть в XVIII веке? Безусловно – нет, в чем и отыскивается причина уже

другой клеветы:

«…Служба офицеров по квартирмейстерской части под его начальством была, по свидетельству графа Толя, «преисполнена отчаяния», а по новейшим исследованиям, Аракчеев проявлял даже и «фантастическое тиранство»… являясь по два и по три раза в день среди офицеров… осыпал их самой отборной бранью…»

Если же сопоставить клевету с объективными оценками, картина оказывается прямо противоположной:

«…Однако, если сопоставить эти указания с данными «Истории русского генерального штаба», составленной Н.П. Глиноецким…, то нельзя не обратить внимание на следующее: «Глиноецкий ставит в заслугу Аракчееву, что его заботами к концу 1797 г. удвоен был состав членов свиты Его Высочества по квартирмейстерской части и усовершенствованы проводившиеся в то время съемки в Литве и Финляндии…» (в той же «Истории…» разоблачается ложь о том, что Аракчеев якобы стал причиной самоубийства некоего подполковника Лена, на самом деле просто умершего. – ***С.К.)…»***

Негодяи распространяли об Аракчееве самые невероятные слухи, аккуратно заносимые в мемуары теми, кому настырный граф не раз прищемлял хвост. И слухи были отменные – вплоть до того, что однажды Аракчеев якобы «укусил у одного гренадера нос», что «вообще с нижними чинами он поступал совершенно по-собачьи, как разъяренный бульдог»…

Но вот ***подлинные*** указания военного министра Аракчеева о том, как надо готовить рекрутов в запасных рекрутских депо (нечто вроде современных учебных рот), им же и учрежденных:

«Чтобы не изнурять людей и отнюдь за ученье не наказывать, ибо ошибки в учениях зависят больше от понятия, которое не у всякого человека равно; следовательно, чтобы довести рекрута до желаемого совершенства, надобно употреблять время и старание, дабы не побоями, а благоразумным растолкованием и ласковостью дойти до того…»

К слову, в бытность Аракчеева военным министром он и провел ту выдающуюся реформу русской артиллерии, которая так оправдала себя и в русско-шведскую войну 1808–1809 годов, и в борьбе кутузовской Молдавской армии с турками, и в «грозу 12-го года»…

Думаю, небесполезным для уяснения истинной сути таких натур, как Аракчеев и Берия, будет и знакомство читателя со следующим свидетельством «Военной энциклопедии» Сытина:

«Для характеристики деятельности Аракчеева… ценным является… рассказ Д.Б. Мертваго, бывшего генерал-

провиантмейстером действовавшей в Финляндии армии. Беседуя с Аракчеевым о средствах снабжения армии хлебом, Мертваго сказал, что единственным средством исполнить все своевременно явилось бы приказание всему Санкт-Петербургскому гарнизону печь хлеб и пересушивать его в сухари.

Аракчеев сейчас же, «постуча в колокольчик», призвал адъютанта и велел ему составить соответствующий приказ. Огромный и важный проект, сильно помогший армии, был осуществлен моментально, благодаря энергии и решимости Аракчеева брать все на себя и быстро, с одного слова, схватывать предмет и понимать идею…»

Ну как, уважаемый читатель, этот достоверный портрет никого тебе не напоминает?

Но мог ли такой человек нравиться всем? И вот что пишет – не о Берии, а об Аракчееве «Военная энциклопедия», издававшаяся честными русскими людьми (Иван Дмитриевич Сытин, скончавшийся в 1934 году, служил и Советской России и за деятельность в отечественной полиграфии получил в 1927 году от правительства персональную пенсию):

«Конечно…совместная работа с Аракчеевым породила множество недовольных, в глазах и на устах которых он стал и «проклятым змеем», и «вреднейшим человеком», и «извергом и злодеем, губящим Россию». Более же справедливые современники признавали, что «из всех министров минувшей эпохи граф Аракчеев был одним из самых трудолюбивых, дельных и честных» и что он, «занимаясь делами с железной настойчивостью», всемерно стремился «поставить деловое и опытное на место знатного пусточванства»… Даже ярый ненавистник его Ф.Ф. Вигель (известный как откровенными мемуарами, так и откровенным гомосексуализмом. ***– С.К.)*** не называет его «призраком министра», а наоборот, подчеркивает, что в то время когда «бессильная геронтократия дремала у государственного кормила… за всех бодрствовал один всем ненавистный Аракчеев»…

…Действительно, редко кто в нашей истории имел более врагов, навлек на себя столько ненависти и перешел в память потомства с таким количеством злостных, оскорбительных эпитетов. Из них сочинен был целый акростих: «Аггелов семя, Рыцарь бесов, Адское племя, Ключ всех оков, Чувств не имея, Ешь ты людей, Ехидны злее, Варвар, злодей». И хотя давно уже сказано было князем П.А. Вяземским благородное слово: «… считаю, что Аракчеева должно всецело исследовать и без пристрастия судить, а не то что прямо начать с четвертования

его», – но и до сих пор Аракчеева не «исследуют», а четвертуют… Историческое четвертование Аракчеева продолжалось… находя себе почву в духе времени, в потребности найти козла отпущения за все темное прошлое русской жизни…»

Читаешь это и думаешь: «Как все же во все времена в России элитарная «светская чернь», владетельная каста «невежественных индивидуумов» ненавидела державных людей Дела»!

Между прочим, насчет якобы укушенного «у одного гренадера носа» и «разъяренного бульдога» по отношению к нижним чинам – это как раз из записок Вигеля. Известный в свое время русский психиатр Владимир Чиж (1855–1922?) в своей претенциозной монографии «Психология злодея, властелина, фанатика: записки психиатра» бестрепетно приводит это «свидетельство» желчного педераста как достоверное и прибавляет:

«Нет основания не доверять Массону (прощелыга-француз на русской службе с 1786 по 1796 год, секретарь великого князя Александра Павловича, согласившегося в 1801 году на убийство отца. – *С.К.),* категорически утверждавшему: «Его (Аракчеева. ***– С.К.)*** бешеные выходки и удары палки стоили жизни не одному несчастному солдату, даже на глазах самого Павла». Жестокость Аракчеева по отношению к нижним чинам…» и т. д.

Ну как же, как же! Можно ли не доверять самому Массону?! Тем более – в разоблачении «палачества» Вер…, пардон, Аракчеева!

А если бы этот Чиж, для которого герои его монографии Аракчеев и Павел всего лишь «злодеи», жил в наше время? Что ж, он бы вполне мог написать еще один «научный труд» – о «злодее» Берии. И аплодисменты у «демократов» Чиж, несомненно, сорвал бы.

Хотя…

Хотя даже «историки» В. Наумов и Ю. Сигачев из Фонда «Демократия» сквозь зубы иногда говорят что-то вроде правды и признают, что «образ кровавого палача… карьериста, интригана и властолюбца, хама и законченного развратника» Берии создан «коллективными усилиями на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК». При этом они утверждают, что такой образ «не претерпел с тех пор каких-либо существенных изменений».

К счастью, у здравомыслящей части нашего общества постепенно формируется прямо противоположный образ, несмотря на то что пасквильный образ Берии коллективными усилиями на июльском пленуме лишь начал создаваться, а затем эти усилия умножились стараниями «референтов», «историков» и «творческой интеллигенции».

Один из типичных примеров: 29 июля 2007 года по НТВ идет

передача о Нино Берии-Гегечкори. И как же называется эта передача? Правильно: «Нина Берия. Жена дьявола». А кто в ней участвует? Тоже правильно: лучшая подруга всех «кремлевских жен» Лариса Васильева и непременный член всех «демократических» процессов Рой Медведев. И Медведев рассказывает согражданам что-то вроде того, что, мол, пропуском в Политбюро было количество-де подписанных «расстрельных» листов…

13 ноября 2007 года в передаче «Пусть говорят» некоего Андрея Малахова престарелые старушки рассказывают, что насиловавший их-де Берия был таким извергом, которого свет не видел.

А вот писатель Владимир Карпов в своей книге «Расстрелянные маршалы» сообщает о том, что под контролем Берии во время войны были «все заводы, производившие вооружение для армии – самолеты, танки, орудия и прочее», и далее пишет:

«Вот в этой работе Берия был очень своеобразным маршалом, у него была не обычная армия, какой командуют полководцы, а совсем иная армия, как описал ее Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ». Это была огромная, многомиллионная, гораздо большая по численности, чем регулярная Красная Армия (численность РККА во время войны превышала 10 миллионов человек. – *С.К.)*. Вот этой своей армией маршал (он тогда был Генеральным комиссаром ГБ. – *С.К.)* Берия распоряжался единолично и как хотел. Многие тысячи (это после эпитета «многомиллионный? – *С.К.)* заключенных были привлечены для строительства новых объектов, восстановления эвакуированных заводов и для работы в самых различных областях народного хозяйства».

Ослепленный злобой Владимир Карпов не понял, что, написав это, он оклеветал всех тех, кто в тылу обеспечивал фронт! Оклеветал коллективы Уралмаша и сталинградского завода «Баррикады», оружейников Ижевского завода и сибирских самолето-и авиадвигателестроителей, тружеников сотен больших и малых оборонных предприятий, КБ, НИИ…

Это ведь и Аню Лопатинскую, «на цыпочках» стоявшую за станком во имя Победы, Карпов низводит до положения трясущейся, запуганной «сатрапом Берией» «рабыни», более всего боящейся не угодить всесильному «тирану»!

Причем Карпов сам же, в своих «Вечерних беседах с Викторией Брежневой», возмутился слухами насчет того, что Брежнев якобы имел сказочные апартаменты с бассейном на шестом этаже. А Брежнев жил в доме № 26 на Кутузовском

проспекте «в квартире, – как сообщает Карпов, – едва ли соответствующей рангу главы государства: столовая, кабинет, спальная, спальная, небольшая гостиная, где жила дочь Галя, маленькая комната около кухни, где жила прислуга».

Вот вся цена сплетням о Брежневе! Брежнев-то, хотя и был партократом, «демократом»-ренегатом не был. Он был духовно слаб и некомпетентен, но не подл и жаден. Но сплетни Карпова о Берии стоят не дороже разоблачаемых Карповым же сплетен о Брежневе!

ЭТО – антибериевская возня людей «творческих». А уж за ними следуют менее творческие слои общества, и уже знакомый нам бывший замнаркома вооружений Владимир Новиков пишет о Берии:

«Сейчас часто вспоминают эту зловещую фигуру, казалось, вечно сопровождавшую Сталина (Берия что, в телохранителях служил, на пару с Новиковым? – *С.К.).* Но подходят к его оценке упрощенно, не идя дальше «мрачной личности» и «кровавого палача». А был он, нарком НКВД Лаврентий Павлович Берия (Новиков самым недостойным образом выпячивает эту обязанность Берии, в то время как во время войны главной были его обязанности по ГКО. – *С.К.),* далеко не прост и не так примитивен, каким кажется большинству писателей и других творческих людей, а с **их легкой руки** (выделение мое. – *С.К.)* и миллионам читателей и зрителей».

Вот так – простодушно и откровенно, генерал Новиков тоже признает, что образ «палача» Берии лепили в массовом сознании «писатели и другие творческие люди», для которых написать «тысячи и миллионы безвинных жертв» – раз плюнуть! И как же Новиков здесь прав!

Возьмем знаменитую (во всяком случае – в свое время) трилогию Юрия Германа о докторе Владимире Устименко. Один из глубоко привлекательных персонажей этого произведения – тетка Владимира Аглая Петровна Устименко. Красавица, вдова чекиста, партийный работник и честнейшей души человек, она во время войны была в подполье, попала в гестапо и пала жертвой провокации – Аглаю заподозрили в предательстве. В итоге еще до окончания войны она оказалась в лагере.

Однако ее почти невероятным образом удалось освободить – без реабилитации… И Устименко, лишь чуть оправившись от лагерных лишений в родном Унчанске, решает ехать в Москву – разоблачать «врагов, пробравшихся в органы»…

На дворе – не ранее чем весна 1946 года, потому что в романе упоминается МВД, а 15 марта 1946 года НКВД СССР был

преобразован в МВД СССР. И вот такой происходит диалог:

«– Останься в Унчанске, – тупо сказал Владимир Афанасьевич. – Не знаю, не понимаю, но варится какая-то чертова каша… И если есть возможность…

– Нету, – оборвала она, – для меня нету. Я добьюсь самого Берии, лично Лаврентия Павловича…»

С тем она и уехала… И, естественно, «от Берии» не вернулась… Ее опять, уже до 1953 года, поглотил ГУЛАГ.

И тут я вынужден заметить: «Ох уж эти «инженеры человеческих душ»!» Герман хотел обвинить Берию, а фактически его обелил, хотя сам этого не понял, как не поняли этого и «миллионы читателей и зрителей»… Да я и сам долгое время ничего не понимал – такова уж «волшебная сила искусства». А ведь что следует из описанной Германом коллизии? А вот что…

Если Аглая рвется «лично к Берии», то это означает, что уж ему-то она, кристально чистая партийка, в 1946 году доверяет безгранично. А это значит, что в глазах активной части советского общества и в 1946 году Лаврентий Павлович выглядел не «палачом», а образцом коммуниста и человека. И Аглая не только не боится его, но видит именно в нем эталон справедливости.

А с чего бы это честной коммунистке Устименко бояться Берии? Придя в 1939 году к руководству НКВД, освободил сотни тысяч несправедливо репрессированных и навел в НКВД порядок. С начала войны – неутомимый член ГКО, а потом – и заместитель Председателя ГКО товарища Сталина.

Художник – если он талантлив, нередко показывает и доказывает не то, что ему хотелось бы, а то, что он «подсмотрел» в той реальной жизни, которая служит ему канвой для работы его творческого воображения. Герман был талантлив, и поэтому, повторяю, как писатель он Берию против своей воли ***обелил***, потому что убедительно показал – в глазах честных советских людей Берия до 10 июля 1953 года монстром не выглядел… И его имя с несправедливыми репрессиями в массовом сознании не связывалось!

Но Герман подкачал как хронист… Даже в 1946 году он отправляет Аглаю к Берии ***на Лубянку, в МВД.*** Но с января 1946 года Лаврентий Павлович ни к МВД Круглова, ни к МГБ Меркулова и Абакумова отношения не имел. И, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР и председателем Спецкомитета, он сидел ***в Кремле.*** В Кремле, а не на Лубянке!

А вот другой «инженер человеческих душ» – Константин Симонов:

«Он хотел приобрести дополнительную популярность, показав себя… человеком, отодвинутым в сторону в последние месяцы жизни Сталина, человеком, которому Сталин не доверял или перестал доверять…

Вот он вам, ваш Сталин, как бы говорил Берия, не знаю, как вы, а я от него отрекаюсь».

Симонов лгал уже потому, что подлинное отношение Берии к Сталину было прямо противоположным тому, которое приписал ему Симонов. Это видно даже из бериевских «писем из бункера»… Если бы то, что написал Симонов, было правдой, то в этих письмах было бы примерно следующее: я же вместе с вами, дорогие товарищи Молотов, Маленков, Хрущев, Микоян и прочие, начал работать по разгребанию наследства тирана, который нас всех бы скоро уничтожил, а вы меня арестовываете… Но ничего подобного Берия, как мы знаем, не писал… Он, напротив, писал так, что видно было его неподдельное уважение к гению Сталина и сознание его исторического масштаба.

Симонов лгал и потому, что о каком недоверии Сталина можно говорить, если Сталин в октябре 1952 года ввел Берию в узкую комиссию по переработке программы КПСС и в еще более узкую «руководящую пятерку», а в конце января 1953 года в совсем уж избранный орган – «Тройку»!

Причем Симонов тоже проваливается как хронист, утверждая, например, что в «последние месяцы» перед смертью Сталин назначил министром государственной безопасности «старого партийного работника» Игнатьева. Хороши, во-первых, «месяцы» – с 9 августа 1951-го по 5 марта 1953 года… Да и какой там, во-вторых, Игнатьев старый партиец!

Но у лжи всегда не сходятся концы с концами, и Симонов в одном месте своих «мемуаров» пробалтывается насчет того, что на страницах редактируемой им в 1953 году «Литературной газеты» «фамилия Берии могла оказаться разве что в какой-нибудь заметке о сельском хозяйстве, где фигурировал бы колхоз или совхоз его имени». Просмотрев подшивки и «Литературки», и «Правды» за 1953 год, могу это подтвердить. А ведь «демократы» все уши прожужжали «миллионам читателей и зрителей» насчет того, что Берия после смерти Сталина якобы заправлял всей центральной печатью и занимался безудержной саморекламой.

А вот менее «творческий» пример… Клевеща на Берию, Антонов-Овсеенко утверждает, что, работая в «мусаватистской разведке», Берия познакомился с Мир Джафаром Багировым. На июльском же Пленуме ЦК в 1953 году Багиров утверждал, что его в это время вообще не было в Баку, он-де «уехал в Россию». Может, лжет первый, может – второй. Но в любом случае лгут,

вообще-то, оба.

А чего стоят комментарии к автобиографии Берии неких Б.С. Попова и В.Т. Оппокова в антибериевском сборнике 1991 года! В автобиографии 1923 года Берия пишет:

«В том же 1915 году начинается впервые и мое участие в партийной жизни, тогда еще в зачаточной форме. В октябре этого года нами – группой учащихся из Бакинского технического училища – был организован нелегальный марксистский кружок, куда вошли учащиеся из других учебных заведений. Кружок просуществовал до февраля 1917 г. В этом кружке я был казначеем. Мотивами создания кружка были: организация учащихся, взаимно материальная поддержка и самообразование в марксистском духе (чтение рефератов), разбор книг, получаемых от рабочих организаций, и проч. Одновременно был избран старостой своего класса (нелегально)».

Казалось бы – все ясно. Спокойный, суховатый, деловитый тон без тени самолюбования, но злопыхатели комментируют это сообщение Берии так:

«Вот еще когда начались игры (? – *С.К.)* в нелегальщину, в подпольную работу, прикрытие высокой революционной фразой мелочного самовозвеличивания, переросшего в вождистские амбиции».

Те же Попов и Оппоков, намекая на якобы причастность Берии к гибели в авиакатастрофе летом 1925 года секретаря Заккрайкома Мясникова и известного чекиста Атарбекова, заявляют, что «Берия не мог простить ни тому, ни другому их значительный и неоспоримый партийный стаж, что являлось лично для него больным местом».

Мясникову в момент гибели было 39 лет, и он состоял в партии с 1906 года. Атарбекову – 33 года, и он состоял в партии с 1908 года. Итак, 26-летний Берия, член партии с 1917 года, «не мог», оказывается, простить двум заслуженным партийцам, каждый из которых был старше его на целую (по тем бурным временам!) эпоху, более долгого партийного стажа.

Да он что – клиническим психопатом был, что ли?

Вот уж воистину – злоба слепа.

Но злоба, увы, еще и активна! 16 июля 1953 года некая Елена Гогоберидзе, сестра репрессированного в 1937 году Левана Гогоберидзе, пишет в письме Микояну:

«Сейчас, наконец, настал час, когда воочию стало ясно, что человек, загубивший Левана, – враг народа. Берия загубил его сознательно, боясь разоблачений.

Вряд ли Вам доподлинно известно, как Л.Берия ненавидел

Левана за то, что в руках Левана оказались в свое время (1933 г.) материалы, свидетельствующие о позорных фактах его биографии (все тот же «мусаватистекий след». – *С.К.)*. Серго велел Левану молчать…» и т. д.

Елена Гогоберидзе прилагала к письму и копии якобы предсмертных записок брата, якобы «написанных во внутренней тюрьме НКВД в Тбилиси». Она сообщала, что оригиналы-де «посылала Г.М. Маленкову» (позднее их нигде найти не смогли). Осторожный – а как же! – Микоян дал ход «заявлению гр-ки Гогоберидзе» лишь 16 января 1954 года, и Леван Гогоберидзе был после XX съезда благополучно реабилитирован.

А ведь не Берия ненавидел Левана, а Леван Берию! Я напомню, что Берия писал из Тбилиси в Москву Орджоникидзе:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т. Лакоба и ряда других товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в муссаватистской контрразведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает. Между тем Вам хорошо известно, что в муссаватистскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году, в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Дауд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла, Ахундова, Буниат-Заде и других. (В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован)».

Вот из таких «саг» коллективно и создавался облик «палача Берии». Между прочим, в книге А.Сухомлинова приводятся факсимиле якобы компрометирующих Берию виз об арестах и т. п. в Грузии в 1937 году. Фальсификаторы этих «виз» (а подлог, благодаря факсимильному воспроизведению, ***очевиден)*** даже не позаботились об исполнении «почерка» и «подписей» Берии в одной манере! Но ведь это действительно не шутка – без «накладок» изготовить чуть ли не четыре десятка фальшивых томов по делу уже уничтоженного «подследственного».

ДА ЧТО там Берия, на которого после его гибели вылиты не то что ушаты, а цистерны грязи! В ***реальном масштабе*** исторического времени обливали той же грязью, например, Кирова. При его жизни!

Да так обливали, что рассказать об этом в книге о Берии вполне уместно – очень уж параллели очевидны! И я знакомлю читателя со следующим письмом, поступившим в июле 1921 года в Центральный Комитет РКП(б):

«Извещаю ЦК, что тов. Киров партбилет получил только в

Астрахани, до этого его знали на Кавказе как меньшевика, особой активности в партийной работе он не проявлял…

Тов. Киров, как оратор, пользуется в массах известной популярностью, но за ним нет почти никакого стажа практической партийной и советской работы, которую он или не может вести, или осторожно уклоняется от нее, ограничиваясь, главным образом, выступлениями на заводах и широких собраниях… Долго колебался и лавировал. Официально в партию вступил в 1919 году…»

К моменту поступления в ЦК этого письма 35-летний Сергей Миронович Киров (Костриков), член РСДРП(б) с 1904 (четвертого) года, имел следующие основные вехи биографии…

С июля 1905 года член Томского комитета партии, заведующий нелегальной типографией, в 1907 году приговорен к 1 году и 7 месяцам тюрьмы.

С мая 1909 года руководитель Владикавказской организации РСДРП(б), участник Октябрьской революции в Петрограде.

Затем – один из создателей Терской и Северо-Кавказской республик, член Реввоенсовета 11-й отдельной армии, один из руководителей обороны Астрахани в 1919 году.

Организатор восстановления Советской власти в Азербайджане и Грузии, в октябре 1920 года – руководитель советской делегации на переговорах о заключении Рижского мирного договора с Польшей, член Кавказского бюро ЦК РКП(б).

С июля 1921 года секретарь ЦК Компартии Азербайджана и кандидат в члены ЦК РКП(б)…

Автором же обвиняющего письма был Юрий Павлович Бутягин. И ведь не прощелыга, казалось бы! Член партии с 1902 года с вполне заслуженной биографией: участник трех революций и Гражданской войны, сидел в тюрьме, был в ссылке… В 1919 году входил в состав Военно-революционного комитета Астрахани вместе с… Кировым, в составе экспедиции которого и был послан из Москвы на Северный Кавказ.

Это Бутягина Киров отстаивал перед Троцким в период обороны Астрахани… Это Бутягин в январе 1920 года неизменно начинал переговоры по прямому проводу с Кировым с обращения: «Здравствуй, Мироныч!»

И это Бутягин в своих воспоминаниях о «Мироныче», опубликованных в «Правде» 1 декабря 1935 года (уже после смерти Кирова), писал:

«Он жил вместе с нами – его ближайшими помощниками – в большой и пустой комнате, где постелями служили бурки, разостланные на полу. Конечно, он мог бы получить любые удобства. Но Сергей Миронович не мог допустить даже мысли о

том, чтобы как-то… отделить себя хоть в бытовых мелочах от своих товарищей… А затем начинался день – боевой день большого человека, который перед лицом грозной опасности твердо решил спасти город и фронт».

Что же подвигло старого большевика Бутягина на очевидную (ее даже разоблачать не надо было!) гнусность по отношению к Кирову?

Точного ответа у меня нет, но предположить кое-что можно… Кончилась Гражданская война. Киров был выдающейся личностью и в 1921 году пошел круто вверх, потому что эпоха позволяла ему проявить себя во всей его силе. Бутягин же был посредственностью, и его в том же 1921 году направляли в штаб РККА всего лишь начальником и комиссаром… Административно-хозяйственного отдела. Нужны ли здесь дальнейшие комментарии?

Но если такие вот бутягины – вполне натуральные «старые большевики», могли так откровенно, завистливо клеветать на Кирова, то чего можно было ожидать от подобных завистников по отношению к Берии? Причем Бутягин хоть славянином был, северянином (родился в Тверской губернии). А многие бериевские завистники и злопыхатели типа Гогоберидзе имели, как-никак, кавказский темперамент.

Между прочим, 27 ноября 1919 года из Астрахани в Москву на имя секретаря ЦК Стасовой (копии Ленину и Троцкому) ушла телеграмма, где, в частности говорилось:

«Вот уже три месяца обязанности командарма 11 армии исполняет член реввоенсовета XI – Бутягин. Считаю долгом отметить, что за это время армия определенно выросла и окрепла…

К сожалению, очевидно, работа Бутягина недостаточно оценивается в руководящих военных органах, т. к. на днях врид (временно исполняющий дела. – *С.К.)* командармом назначен бывший начдив Василенко. По-моему, эта перемена не только ничем не вызвана, но даже рискованна…» и т. д.

Подписал телеграмму… Киров. На свою, как видим, голову.

Но не одному Бутягину Сергей Миронович застилал свет… Я процитирую выдержки из документа 1919 года, адресованного в Реввоенсовет Юго-Восточного фронта, копия – в ревтрибунал Юго-Восточного фронта, копия – в ЦК партии, копия – в ВЧК:

«На днях в Астрахани… была создана гнусная провокация против… т. Кирова… поддержанная группой ответственных советских работников. Создав легенду о том, что т. Киров – Илиодор (иеромонах-реакционер Илиодор был вначале ярым приверженцем, а затем еще более ярым противником Григория

Распутина. – С.Х.), губвоенком Чугунов и другие ночью, дав приказ гарнизону быть в полной боевой готовности, подвергли обыску и временному аресту т. Кирова… Дабы пресечь провокацию… Ревтрибунал армии решил немедленно арестовать всех участников этой авантюры: командира бригады войск внутренней охраны Кротова… политкомиссара полка Пашкова, секретаря губисполкома Иванова, членов коллегии губсовнархоза Рокаты, сестру милосердия В ассерман…»

Эта идиотская история выглядит дурным анекдотом: Киров – Илиодор! Но это ведь было. Потому что твердый большевик Киров уже тогда мешал многим…

Так ведь и твердый большевик Берия мешал не меньшему числу чиновных и самовлюбленных честолюбцев и глупцов, не говоря уже о скрытых врагах Советской власти! Мешал при жизни. Мешает и через десятилетия после гибели.

ГЕББЕЛЬС… Раз за разом, сталкиваясь с «обвинениями» против Берии, я вспоминал этого умного мастера «черной» и «серой» пропаганды с его принципом: правдивой выглядит лишь чудовищная ложь. А ложь о Берии – чудовищна. И потому она так убедительна для некритического восприятия.

Вот в книге А.Сухомлинова я читаю об участии в декабрьском судебном заседании по делу Берии в качестве свидетеля разведчика Александра Короткова, которому – если верить протоколу – Берия даже задавал вопросы. Так что – рушится моя версия о бессудном убийстве Берии задолго до декабря? Да никоим образом, потому что и тут мы имеем дело с подтасовкой, начиная с того, что высокий профессионал Коротков в «своих» «показаниях» о событиях 1940 года говорит о НКГБ, впервые появившемся в СССР лишь 3 февраля 1941 года. Реальный Коротков так оговориться не мог бы – у профессионала точность к реквизитам заложена на уровне рефлекса.

Иногда, уважаемый читатель, у меня просто опускались руки. Обнаружив очередную очевидную, подлую ложь, я думал: «Ну, ладно! Я в этом разобрался. Но чтобы в этом могли разобраться другие, мне надо вначале привести эту ложь, затем дать опровергающую ее достоверную информацию, да еще и свой комментарий… А ведь это – время, силы, нервы… Разрастание объема книги, наконец!..»

Да, порой опускались руки.

Ведь лжи вокруг имени и эпохи Лаврентия Берии так много! Вот книга уже известного читателю полковника в отставке Сувенирова «Трагедия РККА. 1937–1938» издания 1998 года. Книга издана по решению Ученого совета Института военной

истории Минобороны РФ, рецензент – доцент А.И. Барсуков, научный (!) редактор – доктор наук А.С. Орлов. В аннотации написано, что книга «предназначена для офицеров и генералов Российской армии, для всех граждан Содружества Независимых Государств…» и т. д.

Вообще-то, это – вполне капитальный труд, содержащий столько бесспорной архивной информации, что нередко эта информация сама по себе опровергает утверждения Сувенирова. И все же это, пожалуй, изделие с фабрики Геббельса…

Открываю страницу 211 и читаю:

«И надо со всей определенностью сказать, что следователи НКВД зверствовали всласть. Как справедливо пишет изучивший ряд следственных дел Л.Э. Разгон, «…выбор средств для уничтожения личности был совершенно беспредельный. Можно было бить по наиболее чувствительным местам тела, зажимать пальцы дверью, срывать ногти, бить по половым органам, никаких не было ограничений, кроме возбужденной фантазии нелюдей в мундирах»…

Били действительно, по любимому выражению будущего министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова, «смертным боем»[359]. Комдиву (будущему маршалу) К.К. Рокоссовскому во время пыток выбили девять зубов, сломали три ребра, отбили молотком пальцы ног[360].

Одному из первостроителей РККА бывшему командующему войсками МВ О Н.И. Муралову отпилили сначала одну ногу, а потом и другую. На допросы его возили в коляске»[361].

Смотрю примечания 359,360 и 361 к главе третьей. Оказывается, это – ссылки на источники. Но какие! У Сувенирова имеются тысячи ссылок на ***архивные*** данные. Однако при описании «зверств НКВД» он ссылается на такие «достоверные» источники, как: «[359] Новый мир. 1993, № 10»; «[360] Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева»; «[361] Николай Муралов. (составитель Н.С. Полещук). 1990 г.»!

Собственно, я не поверил бы в данном случае ссылкам даже на фонды, архивные дела, описи и листы. И вот почему… Николай Муралов был одним из главных обвиняемых на открытом январском процессе 1937 года по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». О его полном и явно чистосердечном признании вины писал в книге «Москва. 1937» Лион Фейхтвангер, слышавший это признание лично. Так что – Муралова и на процесс в коляске возили? Чтобы весь мир видел, до каких зверств опускаются большевики?

А много ли правды в «откровениях» «страдальца за правду» Льва Разгона, дожившего после всех «зверств» «нелюдей в

мундирах» до глубокой «постперестроечной» старости? Он-де, «изучив ряд следственных дел», пришел к выводу, что «пытки в НКВД» не были ограничены ничем, «кроме возбужденной фантазии».

Разгон что – в следственных делах этакое прочитал? Отбил, скажем, следователь ***подследственному*** (его ведь и освободить могут, прецеденты были) половые органы или там ноготь сорвал, а потом деловито делает запись в протоколе – мол, сорваны ногти с указательного и безымянного пальцев левой руки. И просит подследственного подтвердить это подписью.

Абсурд?

Да, черт побери!

Но ведь «напечатано»! И люди верят! Потому что чудовищной лжи почему-то слишком часто верят больше, чем правде.

Клише о «Большом терроре» 1937 года, о «палаче в пенсне» Берии, сменившем-де «палача-карлика» Ежова в «ведомстве пыточных дел», за последние двадцать лет стали привычными и устойчивыми. И, упоминая ту эпоху по любому поводу, политкорректному гражданину требуется также сказать пару-тройку дежурных фраз о «массовых репрессиях кровавого Берии», как ранее ***ему же*** требовалось сказать пару-тройку фраз о решениях очередного «исторического» съезда КПСС. И этому поветрию поддаются вполне, казалось бы, серьезные люди.

Читатель должен помнить генерала КГБ Виталия Павлова и его книгу «Операция «Снег»… Там, в начале главы 2-й, он сообщает:

«Заканчивался 1937 год. Теперь мы вспоминаем его как недоброе время страданий и жестоких испытаний для многих в нашем отечестве…

Но тогда, памятным для меня ранним декабрьским утром, мы – дружная студенческая ватага – бодро шагали на занятия в Сибирский автодорожный институт, коротко: СибАДИ. Оживленно о чем-то болтали, не задумываясь над прошедшим и не слишком беспокоясь о предстоящем…» и т. д.

Прочтя это, я лишь головой покачал… Это же надо! Человек ***сам*** пишет о том, что он и его товарищи в конце того якобы «страшного» 1937 года были беззаботны, веселы и смотрели в будущее с оптимизмом, и ***сам же*** утверждает, что теперь-де он ***вспоминает*** то время как недоброе.

А вот другое «воспоминание» престарелого генерала Павлова

«К началу 1941 года внешняя разведка сумела в значительной мере оправиться от страшных ударов, нанесенных ей ежовско-бериевской чисткой».

Но простите!

Во-первых, зачем объединять в одно два очень различающихся процесса – чистки Ежова (во внешней разведке до него было много троцкистов) и чистки Берии, по сути и масштабам бывшие иными.

А во-вторых, с 25 ноября 1938 года по 3 февраля 1941 года работой НКВД, в том числе и разведки, руководил Берия. И если к началу 1941 года дела с внешней разведкой наладились, то это ведь и заслуга наркома, как и его «выдвиженца» – начальника ГУГБ Меркулова.

Не так ли?

Конечно, так!

А тогда стоит ли Павлову в 1996 году клеветать на своего бывшего шефа? И не пойму я, уважаемый читатель, – уж таким-то людям, как генерал Павлов, зачем было бить поклоны перед «демократическими» «ценностями»?

Разгона боялись, что ли?

ДА, ГЕББЕЛЬС был прав – лишь чудовищной лжи можно поверить как правде. В 1994 году некое московское издательство «Грегори Пэйдж» выпустило очередное издание книги Антонова-Овсеенко о Сталине «Портрет тирана». И на странице ее 376-й читаем:

«В 1968 году в Кунцевской больнице умирал от рака маршал Рокоссовский. Перед смертью он успел кое-что рассказать о Сталине-полководце: «Этот недоучившийся поп только мешал всем. Мы его обманывали: какое бы несуразное распоряжение он ни отдавал, мы поддакивали, а действовали по-своему»…»

А вот фрагмент выступления вернувшегося из Польши, где он был министром обороны, маршала Рокоссовского на Октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС. Я привожу его по изданному Фондом «Демократия» в 2001 году сборнику «Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы»:

«…Совершенно иной разговор у меня был с товарищем Сталиным. Тяжелый момент под Москвой, меня вызвали к ВЧ для разговора со Сталиным. Я предполагал, что меня, как командующего 16 армией, будут ругать, и считал, что со стороны Сталина будет такая же брань (до этого Рокоссовский выслушал от Жукова: «сплошной мат с угрозой расстрела». – *С.К.),* немедленно снимут с работы и расстреляют. Но до сих пор у меня сохранилось теплое, хорошее воспоминание об этом разговоре. Товарищ Сталин спокойно, не торопясь, просил доложить обстановку. Я начал рассказывать детально, но он меня оборвал и сказал – не нужно, вы командующий… и я вам верю. Тяжело вам,

мы поможем. Это был разговор полководца, человека, который сам учитывает обстановку, в которой мы находились…»

Рокоссовский говорил это в годы, когда доброе слово о Сталине было слушавшей это слово верхушке КПСС во главе с Хрущевым хуже горькой редьки! Сразу после пленума заместитель министра обороны СССР Рокоссовский был снят со всех постов и отправлен командовать Закавказским военным округом – явно в отместку и с издевкой: любишь, мол, Сталина – так катись на его родину, где его и сейчас любят…

Вот как на самом деле относился к Сталину его самый талантливый и самый человечески привлекательный полководец! А типы типа Антонова-Овсеенко не только из Берии делали и делают «исчадие ада», но и из рыцарственного Константина Константиновича, как видим, пытались сделать гаденького лицемера, трусливо показывающего Сталину кукиш в кармане.

И чтобы уж закончить с Александром Владимировичем Антоновым-Овсеенко, я сообщу читателю, что у Владимира Антонова-Овсеенко, старого большевика, в начале своего пути шедшего за Лениным рядом со Сталиным, но затем пошедшего по ложному пути Троцкого против Сталина, был не только сын Александр, но и другой сын – старший, Владимир. И вот что в той же книге издания «Грегори Пэйдж» написал младший брат о старшем:

«В 1983 году исполнилось сто лет со дня рождения моего отца Владимира Александровича Антонова-Овсеенко… Московская киностудия документальных фильмов выпустила короткометражную ленту о… трагической гибели героя Октября… Отсняв… материал в моем кабинете, режиссер Екатерина Андриканис решила посетить старшего сына революционера. Я не советовал ехать к нему: в тридцать седьмом, когда арестовали отца и я сказал, что он не может быть врагом народа, Володя усмехнулся: «Много ты понимаешь…»…»

«Ага, – может сказать читатель, – вот как! Младший от отца не отрекся, а старший проявил малодушие и сподличал!» Но не спеши выносить свое суждение, уважаемый читатель, я еще не закончил цитирование! Младший брат написал о старшем далее следующее:

«Мой брат вступил в партию в 1924 году и постоянно кичился (а может – гордился? ***– С.К.)*** тем, что ни разу не примкнул к оппозиции и голосовал неизменно за «генеральную линию». А вот отец… Отец был отступником.

XX съезд и последовавшая за ним реабилитация Антонова-Овсеенко не сбили его старшего сына с этой позиции. Режиссеру

фильма Владимир Владимирович заявил: «И правильно сделали, что отца расстреляли: он был троцкистом».

Но вот кинофильм об Антонове-Овсеенко вышел на экран, и мой старший брат послал на киностудию письмо: «Кто позволил популяризировать на всю страну врага народа?!»

Что убедительнее может доказать государственную вину и политическую неправоту Овсеенко-отца, чем убежденность в них его собственного сына, сохранившего ее и через десятилетия после всех конъюнктурных «реабилитаций»? Что – сын не хотел видеть имя отца очищенным от неправедных обвинений? Что – он, коммунист, не хотел без оговорок гордиться отцом, арестовавшим Временное правительство?

Конечно, хотел!

Но не мог.

Не мог потому, что его отец вкупе с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Раковским и прочими Мдивани, Орахелашвили и т. д. были перед народом и Державой ви-нов-ны! А правда была за Иосифом Сталиным. И – за его ближайшим, начиная с предвоенных лет, соратником по построению новой России Лаврентием Берией!

Вот почему цена жизни старшего сына Антонова-Овсеенко: право на прямой, хотя и горький взгляд в глаза Эпохе и Истории. А цена жизни младшего сына Антонова-Овсеенко: левацкие заблуждения в молодости, а как итог – злостный пасквиль на Эпоху, на тех, кто ее делал и сделал. Пасквиль на Сталина, на Берию. И – на Россию.

Что ж – каждый выбирает свое. Младший брат выбрал ложь. А старший брат еще в 1924 году выбрал правду, то есть – путь Сталина. Это был непростой и жесткий, а порой – жестокий путь. Но это был исторически верный и честный путь.

А ЗАОДНО уж сообщу читателю и еще об одном казусе из серии «Отцы и дети», рассказать о котором в своем месте обещал. Братья-«демократы», близнецы Рой и Жорес Медведевы всегда выставляют своего отца неким чистым рыцарем, боевым комиссаром РККА, павшим «жертвой сталинщины». Однако вот что пишет даже «демократ» Сувениров:

«…известный историк сталинщины Р.А. Медведев… неоднократно печатно обвинял как доносчика и прямо-таки смешивал с грязью Б.А. Чагина, одного из тогдашних преподавателей кафедры философии Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева…

Сразу же возникает целый ряд вопросов. Откуда Медведев знает, как относились к Чагину на кафедре? Ведь юный Рой тогда еще только в школу ходил… Он не сомневается, что Чагин сексот

НКВД, а где доказательства, где документы?… А дело в том, что на этой же кафедре философии ВПАТ старшим преподавателем работал отец Роя – полковой комиссар А.Р. Медведев. И вот он-то, судя по протесту Главной военной прокуратуры, как раз являлся одним из негласных сотрудников НКВД… Установлено… что Чагин и Пручанский недолюбливали Медведева за его высокомерие…»

Вот такой вот отец… Вот такие вот сыновья.

И еще, пожалуй, не мешает вспомнить об одних братьях – футболистах-«спартаковцах» Старостиных, точнее, о старшем из братьев, Николае. В антибериевском сборнике 1991 года есть и его «воспоминания». Наполненные явными выдумками, они, тем не менее, интересны некоторыми деталями. Так, Старостин вспоминает, как однажды до войны к нему на катке на Патриарших прудах подошел Берия поговорить на спортивные темы, и потом было вот что:

«Потом он (Берия. – *С.К.)* сказал: «Идите, Николай, играйте. Вы все объяснили, мы посмотрим без вас, спасибо за информацию» (обращаю внимание читателя на предельную вежливость Берии. – *С.К.)*. В тот раз он представил меня своей свите: «Это тот самый Старостин, который однажды убежал от меня в Тифлисе».

…Берия был явно доволен произведенным эффектом. Он напомнил мне о давно забытом всеми матче. В начале двадцатых годов сборная Москвы играла в Тбилиси. В рядах наших противников играл грузный, не очень техничный, грубоватый левый полузащитник. Это был Берия… во втором тайме я действительно убежал от него и забил гол».

«Грузный…» – это уже от неприязни, в те годы Берия был легок и строен. Но момент для обрисовки общего облика «ЛП» занятный… Не отличаясь крепким здоровьем, он, тем не менее, значение спорта понимал прекрасно, всегда уделяя внимание этой стороне дела как руководитель. Сам отлично стрелял. Ветераны НКВД рассказывают, что крепких напитков Лаврентий Павлович не пил, не курил, на охоту не ездил, зато любил рыбалку и особенно увлекался ею во время работы в Закавказье.

И еще о братьях Старостиных. В 1942 году Николай, Александр, Андрей и Петр были арестованы. Их подают тоже как «жертв режима» и Берии (хотя до них ли было Берии в 1942 году). Но вот что надо сказать… Миллионы простых болельщиков думали, что вот, мол: есть «Торпедо», «Спартак», «Динамо». И болели за тех, кто больше нравился манерой игры, кто нравился внешне…

Но была ведь и «элита».

Покажите мне московского «интеллигента» 30-х – 80-х годов, болевшего за «Динамо» или «Торпедо»? «Спартак», только «Спартак»!

«Торпедо»? Ну, это для рабочего «быдла». Это – «ЗИЛ», это – «работяги»… А «Динамо»? В приличном обществе и название это произносить было неприлично! Вы что – «за ЧК»?

Братья Старостины были хорошими футболистами. Но почему они – молодые, сильные ребята – в 1942 году отирались в Москве, а не воевали на фронте? Что – их берегли?

А братьев Знаменских, выходит, не берегли? А Анатолия Капчинского, погибшего на украинской земле в спецотряде Дмитрия Медведева, не берегли? Капчинский был чемпионом Союза. Но пришла лихая година, и он пошел в ОМСБОН – в Особую мотострелковую бригаду особого назначения НКВД.

В ОСМСБОНе, откуда ушли в историю Великой Отечественной войны многие прославленные впоследствии партизаны, разведчики, диверсанты, собрался тогда цвет советского спорта. Боксеры Николай Королев (он потом был адъютантом Дмитрия Медведева) и Сергей Щербаков, конькобежец Анатолий Капчинский, штангист Николай Шатов, гребец Александр Долгушин, дискоболы Леонид Митропольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, гимнаст Сергей Кулаков, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо», бегуны-стайеры братья Знаменские,

Все они ушли к Берии – защищать Родину вместе с ним и под его руководством! Ведь это Л.П. Берия вновь стал наркомом внутренних дел СССР с началом войны. А вот «героев советского спорта» братьев Старостиных среди подлинных героев страны в тяжелый для нее час не оказалось!

Не знаю, в чем там эти братья провинились в 1942 году. Но то, что они не по своей воле оказались в глубоком советском тылу как «жертвы Берии», а не в немецком тылу по своей воле – как бойцы Берии, на мой взгляд, символично. Те, что были «своими» для новоявленных отечественных снобов, не могли быть своими для труженика «ЛП».

НО КАКИМ же был он – вначале закавказский чекист, затем лидер Закавказья, нарком внутренних дел СССР, член Политбюро, заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, член и заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны, председатель Специального комитета, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Герой Социалистического Труда, кавалер пяти орденов Ленина, ордена

Суворова первой степени, двух орденов Красного Знамени, лауреат Сталинской премии первой степени, Маршал Советского Союза Лаврентий Павлович Берия?

Каким он был не лидером, не организатором, не руководителем, а каким он был ***человеком***?

Именно этот вопрос в 1953 году задал Ю.А. Гусев, один из молодых руководителей плутониевого комбината № 817 (ПО «Маяк») в «Челябинске-40», своему директору Б.Г. Музрукову.

Борис Глебович Музруков, директор Уралмаша военной поры, с 1955 по 1972 год руководивший уже ВНИИЭФ – ядерным центром в «Арзамасе-16», – это одна из наиболее безупречных и человечных фигур советского Атомного проекта. И вот что вспоминал Ю. Гусев, работавший с ним с 1948 года, вначале на комбинате № 817, а затем во ВНИИЭФ:

«После расстрела Л.П. Берии я набрался смелости и обратился к Музрукову с вопросом: что за человек был Лаврентий Павлович, как он решал вопросы работы комбината? Борис Глебович мне рассказал такую историю. Перед одним из очередных приездов Берии, в 1951 году, Музрукову на комбинат позвонили из Москвы и сообщили, что накануне, на одном из предприятий… Берия снял с работы директора за невнимание (sic! – *С.К.)* к развитию социальной сферы объекта. Б.Г. Музруков, встретив Л.П. Берию, также предполагал с его стороны вопросы в первую очередь по социальной сфере, но тот попросил показать вначале производство. Затем, по пути в гостиницу, он увидел стройку и спросил «А это что?» Борис Глебович объяснил, что здесь будут новые жилые дома. И Берия сказал: «Вот это хорошо»…»

Уважаемый читатель! Один человек спросил у другого о том, что был за человек третий? И вот хорошо знающий жизнь, много что испытавший человек в ответ на такой вопрос рассказывает ту историю, с которой ты только что познакомился… Причем рассказывает о том, кто только что официально объявлен врагом народа.

Не знаю, как кому, но лично мне одного такого рассказа такого человека, как Музруков, хватает для того, чтобы окончательно убедиться в том, что все отрицательное, сказанное о Лаврентии Павловиче Берии после 26 июня 1953 года, – гнусная и злонамеренная клевета. Хотя может ли быть клевета не гнусной и не злонамеренной?

Он был скромен, в здание наркомата на Лубянке входил со служебного входа и центральным не пользовался. Получив отрез на наркомовскую шинель, остатки (это был, собственно, почти

весь отрез) отдавал на шинели сотрудникам.

В феврале 1941 года он направил в Комитет по кинематографии письмо следующего содержания:

«В одном месте кинофильма «Дружба», выпускаемом Тбилисской киностудией (режиссер т. Долидзе), исполняется песня, в которой упоминается моя фамилия.

Настоятельно прошу эту песню вырезать из фильма, так как считаю ее включение в фильм неуместным, не говоря о существенных недостатках этой картины вообще.

Народный комиссар внутренних дел СССР Л. Берия

15 февраля 1941 года
№ 750/6».

Андрей Сухомлинов, приведя этот текст в своей книге, заявляет: «Я подозреваю, что здесь Берия главным образом работал «на публику». Но что же не «работали» подобным образом «на публику» «дорогой Никита Сергеевич», «дорогой Леонид Ильич» и прочие, очень дорого обошедшиеся и обходящиеся России «лидеры»?

Да и какая тут «публика»? Андреев, Жданов, Маленков, входившие в комиссию по приему фильма? Причем с 3 февраля 1941 года «ЛП», не оставляя поста наркома, стал еще и заместителем Председателя Совнаркома СССР. Упустил ли бы себялюбец и честолюбец возможность покрасоваться этим новым постом перед коллегами, указав его перед подписью?

Думаю, нет.

Но «ЛП» ведь честолюбцем и себялюбцем не был. Да, он вряд ли был безупречным человеком… Когда с 22 лет у тебя такая власть, такой напряженный ритм и ***такая ответственность*** при такой власти, то это с какого-то момента не может не сказаться на характере поведения, на манерах. Но – не на сути характера, не на личности.

Если ты, конечно, личность.

В 2003 ГОДУ газета «Красная звезда» опубликовала серию статей о событиях 1953 года, последняя из которых, в номере от 20 декабря, называлась «Приговор приведен в исполнение». Не опускаясь до клише «палача», автор статьи Александр Захаров порой даже писал о Берии правду, но я вспомнил о его статье потому, что в ней приводится оценка Берии бывшим наркомом и министром сельского хозяйства И. Бенедиктовым (потом он более 10 лет и в МИДе проработал, послом в Индии и Югославии):

«Да, пороки у него имелись, человек был непорядочный,

нечистоплотный, – как и другим наркомам, мне от него натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изъянах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватить суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке».

Иван Бенедиктов был на три года младше Берии и скончался в «застойном» 1983 году, поэтому насчет «пороков» – это «мимо денег», это обычный экивок опытного аппаратного «волка», тем более что конкретных примеров «нечистоплотности» Бенедиктов не приводит. Но что ценно в его словах? Ведь Бенедиктов имел дело с Берией не по делам разведки, промышленности или пожарной охраны, а по делам сельскохозяйственным. И, оказывается, и тут обнаруживал умение быстро схватить суть вопроса…

Но не только этим была характерна личность Лаврентия Павловича… И вот тому лишний пример, взятый из вышедшей в 1993 году тиражом 500 экземпляров книги дочери генерала Кароля Сверчевского «Солдат трех армий». Поляк, кадровый командир РККА, «генерал Вальтер» в Испании, генерал-майор Красной Армии, он был в 1943 году откомандирован в Войско Польское, получил звание генерала брони, а 28 марта 1947 года во время инспекционной поездки уже в должности вице-министра национальной обороны Польши погиб от пули бандеровца.

В мае же 1938 года полковник Сверчевский вернулся из Испании и, оказавшись надолго в «подвешенном» состоянии, 2 апреля 1939 года направил письмо наркому обороны Ворошилову, где писал:

«…Совершенно очевидна и понятна очевидность тщательной и всесторонней проверки меня, по национальности поляка, родившегося на территории за пределами Советских границ, имеющего сестру, проживающую в Варшаве, и брата, арестованного органами НКВД в марте пр[ошлого] года… и по сей день состоящего под следствием. Совершенно ясно, что подобного рода биографические моменты, сами по себе являются достаточными, чтобы вызвать ко мне более пристальное, чем к другим внимание…»

Сверчевский просил личного приема или, по крайней мере, внятного решения своей судьбы. И Ворошилов наложил на его письмо резолюцию: ***«Нужно переговорить с тов. Берия».*** А спустя два месяца, в начале июня 1939 года, Ворошилов подписал приказ о назначении полковника Сверчевского на должность старшего преподавателя Военной академии имени Фрунзе.

25 июня 1939 года закончились и мытарства брата Сверчевского, бывшего слесаря Московского лампового завода – в

этот день он на закрытом заседании Мосгорсуда был оправдан ввиду неподтвердившегося обвинения. И уже скоро на Доске Почета его родного завода вновь появилась его фотография.

Это – штрихи к портрету подлинного «ЛП» Берия в печатном издании тиражом, напоминаю, 500 (пятьсот) экземпляров. А антибериевский пасквильный сборник Политиздата «Берия: конец карьеры» был издан тиражом в 200 000 (двести тысяч) экземпляров. И кроме гнусностей и лжи прозой, там имелось также «стихотворение» «поэта» Петра Вегина:

Я никогда не увижу Красные ворота,
Сколько столицу Шагами ни меряю,
Но зато
Моя дочь свободна от страха
стать сексуальной добычей Лаврентия Берии.
Этот палач лубянский,
Исчадие ада,
Иногда по улице Горького
Ехал медленно,
Из машины на женщин поглядывая.
Его лакомством были восемнадцатилетние.
Он выбирал пристально – как в ювелирном отделе —
И молча указывал на избранную
Своим вертухаям…
Многие уступали —
куда деваться? —
а красавицы, что не хотели,
становились украшением
Колымского края.
<…>
Рушились женские души,
Как взорванный храм…
Одна художница
пыталась пырнуть его
маникюрными ножницами,
но здесь же, в постели,
получила девять грамм… —

и так далее…

Вот такие вот «стихи», подписанные в печать в Издательстве политической литературы в Москве 5 марта (надо же!) 1991 года и отпечатанные в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».

В том же сборнике был помещен и очерк Константина Симонова, где о Берии было сказано тоже подло и лживо, а в конце написано так:

«Если попытаться собрать, спрессовать в нечто единое все самое отвратительное для человеческого сознания, все самое жестокое, трагическое, свирепое и грязное, что было в той эпохе, <…> то именно Берия, его дела <…> были комком блевотины политической и нравственной…»

Как совпадает настрой Вегина и Симонова – при всей внешней абсолютной несхожести их натур и судеб! Удивительно, но объяснимо. Вегин – «демократ», но ведь и Симонов после смерти Сталина не остался в его партии, а перешел в партию «партократов».

Берия же, вступив в 1917 году в партию Ленина, так и остался до конца своей судьбы членом партии Ленина – Сталина. То есть, жил и умер ***человеком.***

16 мая 1953 года – за сорок дней до своего ареста – Лаврентий Павлович направил в «Арзамас-16» директору КБ-11 генералу Александрову одно из последних своих деловых писем, носящих яркий отпечаток его подлинной натуры и его отношения к делу и к жизни.

Этот документ, рассекреченный 13 августа 1996 года, лежит сейчас передо мной – в факсимильной архивной копии, с разметкой, с подписями ознакомившихся с ним руководителей КБ-11. Вот его текст – без изъятия, с сохранением орфографии.

«Сов. секретно
(Особая папка)

Тов. АЛЕКСАНДРОВУ А.С.

Копия: тт. ВАННИКОВУ Б.Л.
ЗАВЕНЯГИНУ А.П.
КЛОЧКОВУ И.М.

За последнее время в КБ-11 участились аварии, повторение которых может привести к более тяжелым последствиям.

9 апреля с.г. при производстве измерений на опытном реакторе (тогда этот реактор назывался и «ФКБН» – физический котел на быстрых нейтронах. – *С.К.)* научным сотрудником была допущена грубейшая ошибка, в результате которой этот реактор вышел из строя.

11 мая с.г. при перевозке специального груза произошла авария, потому, что это дело было поручено работникам, не знающим правил перевозки и не имеющим на это право, а шофер

был в нетрезвом виде.

Авария от 9 апреля свидетельствует о том, что контроль за деятельностью лабораторий, выполняющих важнейшие опыты, ослаб и сотрудники безответственно относятся к порученным им работам.

Авария, произошедшая 11 мая, говорит о неудовлетворительном положении с системой допусков на особо режимные об'екты КБ-11, несовершенством инструкций о порядке выдачи и транспортировки особо важных грузов и наличием нетерпимой, преступной недисциплинированности среди некоторых работников об'екта.

Эти факты говорят о том, что Вы и некоторые другие руководящие работники об'екта, недооцениваете еще в полной мере своей ответственности за порученное Вам Государством (замечу, что экивока в сторону партии нет. – С.К.) дело и не всегда помните о том, что малейший недосмотр или неточность в работе персонала об'екта могут привести к чрезвычайно серьезным последствиям.

Необходимо, чтобы чувство особой ответственности перед Государством в своей работе стали потребностью каждого руководящего работника, каждого научного работника, инженера, техника, рабочего и служащего любого участка об'екта.

Ознакомьте с настоящим письмом тт. Харитона (главный конструктор КБ-11. – *С.К.),* Алферова (заместитель главного конструктора по автоматике подрыва. – *С.К),* Детнева (уполномоченный СМ СССР. – *С.К.),* Щелкина (заместитель академика Ю.Б. Харитона. – *С. К.),* Бессарабенко (директор опытного завода. – *С. К.),* Лаврентьева (академик, будущий организатор Сибирского отделения АН СССР. – *С.К.),* Ильюшина (член-корр. АН СССР, ученый в области механики сплошной среды. – *С.К.),* Духова (заместитель главного конструктора по заряду. – *С.К.),* Ершова, а также тт. Бронникова и Пастухова.

Вместе с ними и остальными руководящими работниками об'екта обсудите данный вопрос, разработайте и проведите в жизнь систему дополнительных мер, обеспечивающих предупреждение аварий, пересмотрите списки лиц, имеющих пропуска в особорежимные об'екты КБ-11, и наведите должный порядок на об'екте, исключающий повторение подобных аварий.

О принятых мерах доложите.

Л. Берия

16 мая 1953 г.»

Этот документ, опубликованный в книге 7-й тома II «Документов советского Атомного проекта», характеризует стиль

и личность именно Берии, а не какого-то сотрудника его аппарата, готовившего проект письма. Дело в том, что на обороте архивного экземпляра имеется помета машинописью: ***«Стенограмма. Четыре экз. разосланы тт. Александрову А.С., Ванникову Б.Л., Завенягину А. П. и Клочкову И.М. 5-й экз. в деле. Голованова, Коржев».***

То есть письмо полностью продиктовано Лаврентием Павловичем, и оно – хотя это и деловая «бумага» – продиктовано в высоком смысле справедливым и гуманным человеком. И не просто хорошим человеком, а выдающимся государственным деятелем редкого таланта, умеющим видеть и «деревья», и «лес за деревьями»… Но это же письмо можно приводить и в учебниках по управлению – как образец.

Первый абзац вводит в суть вопроса. Второй и третий – краткое и точное изложение аварий. Четвертый и пятый – краткий и точный анализ причин аварий.

Затем следует развитие анализа и умное, неканцелярское обращение к чувству ответственности и профессионализма с перечислением тех конкретных руководителей, которых надо с документом ознакомить.

В заключение – деловые рекомендации и указания по исключению ЧП в дальнейшем.

Последняя фраза ставит необходимую организационную точку.

Общий тон – строгий, но не уничижительный. И никаких разносов, никакой «лагерной пыли». Потому что «стирать в пыль» – не его стиль.

ЧЕРЕЗ сорок дней автора этого письма арестуют. И жизнь Державы пойдет дальше без него.

Пройдет полвека, и в Москве, уже не в отвратительно лживых «стихах» Вегина, а в действительности, старые и молодые «жеребчики» будут выбирать себе на потребу красивых восемнадцатилетних русских девчонок. Выбирать и впрямь как в ювелирном отделе – и живьем, и по роскошно иллюстрированным каталогам «живого товара».

Однако это вегиных не возмутит.

Потому что вегины этого и хотели.

Послесловие

Книга прокурора Сухомлинова начинается так: ***«Сколько раз мы слышим, да и сами произносим «упаси бог»… предупреждая собеседника о том, чтобы он не заподозрил нас в каком-то неблаговидном деле. Так вот, я тоже хочу сказать «не приведи господь», чтобы кто-то подумал, что я взялся за перо, дабы оправдать, обелить, реабилитировать, попросту говоря, отмыть от людской крови Лаврентия Берия…»***

Я свою книгу заканчиваю. И сейчас, зная о Берии неизмеримо больше, чем знал о нем полгода назад, могу сказать, что взялся за перо прежде всего для того, чтобы понять – каким человеком был Берия. То, что он обладал талантом прекрасного, крупнейшего организатора, я, тридцать лет проработав в оружейном деле, знал давно. Но обладал ли он и талантом человека?

Так вот, сейчас, зная намного больше, чем знал, я заявляю, что написал эту книгу, дабы оправдать, обелить, реабилитировать и, попросту говоря, отмыть Лаврентия Павловича от залившей его грязи.

В мае 2000 года Главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Демин обратился в Военную Коллегию Верховного Суда РФ с просьбой «признать Берия Лаврентия Павловича, Меркулова Всеволода Николаевича, Деканозова Владимира Георгиевича, Кобулова Богдана Захарьевича, Гоглидзе Сергея Арсеньевича, Мешика Павла Яковлевича и Влодзимирского Льва Емельяновича не подлежащими реабилитации».

Не говоря уже о прочем, Главная Военная прокуратура РФ продемонстрировала в этой официальной просьбе удивительное незнание истории. В своем заключении, оглашенном 29 мая 2000 года на судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда РФ, ГВП утверждала, что Берия и его соратники, осужденные в 1953 году, «…грубо попирая Конституцию Закавказской Федерации и основной Закон союзного государства – Конституцию СССР и другие законы, создали преступный механизм незаконных массовых репрессий с целью захвата власти…».

В 2000 году, после «художеств» Горбачева и Ельцина в 1991 и 1993 годах, обвинение в планах «захвата власти» выглядело анекдотически и даже, с учетом ссылки на Конституцию СССР, издевательски. Но суть даже не в этом, а в том, что ГВП РФ инкриминировала Берии и другим создание «преступного механизма незаконных массовых репрессий» в ***1937–1938 годах***,

ссылаясь на Конституцию Закавказской Федерации, прекратившей свое существование 5 декабря ***1936 года —*** после принятия новой Конституции СССР.

Такие вот «законники»! Но разве это могло смутить «обвинителей» Лаврентия Павловича?!

И ровно через два года, 29 мая 2002 года, Военная коллегия вынесла определение, скрепленное подписями председательствующего А.Уколова и судей Ю. Пархомчука и А. Петроченкова. Приговор специального судебного присутствия от 23 декабря 1953 года в отношении Деканозова, Мешика и Влодзимирского изменялся и их действия переквалифицировались так, что расстрелянные в 1953 году люди были в 2002 году осуждены к 25 годам лишения свободы.

Относительно же остальных Военная коллегия удовлетворила просьбу Демина и признала Берию Лаврентия Павловича, Меркулова Всеволода Николаевича, Кобулова Богдана Захарьевича, Гоглидзе Сергея Арсеньевича реабилитации не подлежащими.

Ну что ж… Такие фигуры, как Лаврентий Берия, осуждает и реабилитирует суд не людей, а Суд Истории… А он «ЛП» Берию рано или поздно реабилитирует! И я надеюсь, что моя книга послужит как делу будущей полной реабилитации Берии и его эпохи, так и делу обретения моими современниками и согражданами верного взгляда на великое прошлое своей Родины.

Лишь обретя верный взгляд на это прошлое, мы сможем обеспечить себе историческое будущее. Я понимаю, что написал сейчас нечто для многих банальное, но тут уж что поделать: дважды два равняется не пяти, а четырем, при всей банальности этой истины.

Я намеренно в своем исследовании не избегал публицистичности, и вот почему… Как публицист, не имеющий глубоких знаний об оцениваемой им эпохе, не способен ни на что, кроме малоубедительной выспренней болтовни, так и историк, пытающийся «академичностью» задрапировать свою гражданскую несостоятельность, боящийся элемента публицистичности в своей работе, не способен дать подлинной научной картины эпохи. Ведь каждую эпоху создают живые люди, в ней действующие или… Или, увы, бездействующие.

Надо сказать в завершение и то, что только за последние пятнадцать лет о Берии написаны десятки книг, журнальных и газетных статей. И для ***полного*** критического анализа даже того, что имелось в моем распоряжении (а имелось, надо сказать, немало), понадобилась бы книга раза в два большая, чем эта – и так уже не то чтоб маленькая. Поэтому фактически за пределами

моего анализа оказались и многие документы той эпохи об участии Берии в организации послевоенной экономики, и пасквили, как, скажем, «Красный закат» Валерия Болдина, и антибериевские измышления американца Гаррисона Солсбери в его книге «900 дней. Блокада Ленинграда», и воспоминания Лариной-Бухариной, и книги Эми Найт, Бориса Соколова «Берия. Судьба всесильного (н-да! – *С.К.)* наркома», и ряд других книг, и ряд «интернетских оценок» Берии, например, Петром Вагнером и Рудольфом Пихоей. Не смог я уделить должного внимания корректной трактовке личности Лаврентия Павловича Александром Бушковым или линии «Берия – немецкие специалисты-атомщики»… Да и ту же книгу А. Сухомлинова можно было разобрать подробнее, благо ее анализ – вопреки намерениям ее автора – полезен именно с позиций реабилитации Берии…

Но об одном исследовании, мной еще не упомянутом (и, к сожалению, известном мне пока лишь по обложке), не сказать нельзя. Еще в 1998 году в издательстве «Русич. Олимп» вышла книга Н. Рубина «Лаврентий Берия. Миф и реальность». В «Интернете» она аннотирована так:

«Эта книга – увлекательное историческое исследование, посвященное личности печально знаменитого Лаврентия Берии. Реконструируя события, опираясь на документы и свидетельства современников, автор утверждает, что Л. Берия вовсе не был тем жестоким и кровавым палачом, каким традиционно принято его считать вот уже многие годы. Автор видит в фигуре Л. Берии одного из наиболее талантливых и прозорливых деятелей сталинской эпохи, а преступления, которые ему приписывают, считает во многом выдумкой его соперников в борьбе за власть (за которую лично Берия, впрочем, не боролся. – *С.К.)*. Сопоставляя традиционные обвинения против Берии с реальными фактами его жизни, автор показывает, как и почему возникло каждое из этих обвинений, предоставляя читателям решать самим, насколько убедительна его версия».

Как видим, кто бы ни взялся за объективный анализ Берии, он сразу отходит от традиционных клише. Что же до последней фразы приведенной выше аннотации, то читатель ведь всегда – не нуждаясь в позволении автора – сам выносит свое суждение о его работе. Вынесет он его и относительно моих усилий, но это уже другой разговор. Я их предпринял, и этого мне довольно…

Но кое-что мне, пожалуй, сказать еще надо.

ИЗВЕСТНЫЙ писатель Александр Бушков задался вопросом: «Должно же быть какое-то объяснение тому, что Берию, по сути,

определили на то место, которое в большинстве религий занимает злой дух, демон, Сатана…»

И в одном этом вопросе – даже без ответа – больше ума и чувства, чем во всех писаниях «демократических» исследователей Берии.

Но каков же здесь ответ?

Собственно, не в последнем счете для того, чтобы читатель мог и сам ответить на такой вопрос, я написал эту книгу.

Но чтобы точный вопрос Александра Бушкова имел наиболее полный ответ, прикинем – какие фигуры новейшей истории России надо признать сегодня наиболее «знаковыми»?

Первая, безусловно, – Ленин.

Вторая – Сталин.

А третья ведь – Берия!

Что такое был Ленин в истории России?

К 1917 году только внешняя краткосрочная задолженность Российской империи равнялась трем довоенным бюджетам… К чему бы это привело после окончания Первой мировой войны?

«Россия, – писал в 30-е годы XX века американец Б. Хоппер, – вероятно, была бы заложена иностранным банкам». Да ведь так оно и было бы! Журнал англо-русских финансовых кругов «Россия» в мае 1918 года писал: «То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за ее неизмеримые ресурсы сырья».

Схоже мыслила и «London fmansial news» в ноябре 1918 года: «События все более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного рынка».

Вот от чего увел Россию великий русский патриот Ульянов-Ленин. И он же дал народам России шанс на свободу и счастье.

Далее Россию и ее народы вел к свободе и величию Сталин. А что такое Сталин? Сталин – это задача «Догнать и перегнать!». Недаром в его время выпускались станки серии «ДИП». Но прежде всего Сталин – это задача формирования того нового человека, массовое появление которого должно было стать главным фактором победы социализма в России.

А Берия?

А БЕРИЯ – это вторая по величине – после Сталина – фигура в эпопее построения социализма и превращения лапотной России в передовую мощную державу с огромным потенциалом развития. Да, не Молотов, не Каганович, не Орджоникидзе, а Берия!

Уже перед войной Берия в качестве заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР стал принимать на себя все более значительную часть конкретного руководства государственной работой. Война окончательно проявила его значение,

даже формально поставив Лаврентия Павловича в 1944 году на второе место в структуре тогдашней высшей власти.

И тогда стало окончательно ясно, что чекистом, главой спецслужб Берия был по государственной необходимости, а вот организатором общегосударственной и экономической работы он был по призванию, по сути таланта.

Безвременно ушедший из жизни Алексей Васильевич Топтыгин так и не успел подержать в руках типографский экземпляр своей книги «Неизвестный Берия», изданной в 2002 году. Я весьма высоко ценю его труд – для воссоздания объективного исторического облика Берии Топтыгин сделал немало. Однако сам он, пожалуй, в сути «ЛП» полностью не разобрался. Во всяком случае, в послесловии в своей книге Топтыгин вдруг начинает размышлять о судьбе и личности Берии в сопоставлении с судьбами и личностями… рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и «великого инквизитора» КПК и КНР Кан Шэна. А стоило ли вообще ставить вопрос так?

Топтыгин, правда, пишет:

«Кан Шэна нередко называют китайским Берия. ***Не знаю, насколько справедливо это сравнение*** (выделение мое. – *С.К.).* Берия, объективно говоря, не был героем в белых одеждах, но его заслуги перед государством, которому он верой и правдой служил на разных поприщах, безусловно не идут ни в какое сравнение ни с хладнокровным убийцей Г. Гиммлером, ни с кровожадным демагогом Кан Шэном».

Но однозначности оценки у Топтыгина, как видим, нет. А ведь любая попытка как-то сравнивать «ЛП» с Гиммлером и Кан Шэном объективно неправомерна сама по себе! Неправомерна уже потому, что невозможно представить себе преуспевающих Гиммлера или Кан Шэна вне поприща спецслужбы. А Берию не только можно представить – он, кроме своей действительно блестящей и имевшей огромное значение для государства деятельности в спецслужбах, внес выдающийся вклад в общее хозяйственное и государственное развитие страны. И его общегосударственные усилия оказались, несомненно, намного более значительными и значимыми, чем чисто чекистские, при всем несомненном масштабе последних!

Несравнимы две мрачные фигуры германской и китайской истории с фигурой «ЛП» и чисто человечески. Тем не менее А.В.

Топтыгин не отважился на полностью четкую позицию по отношению к своему герою, в предпоследнем абзаце послесловия лишь сообщив читателю, что «Лаврентий Павлович Берия был умным человеком, талантливым организатором и в добре, и в зле»…

Моя же позиция определена жестко: злые дела Берии, как и злые дела Сталина, существуют лишь в злостном и злонамеренном мифотворчестве тех, для кого и вообще могучая, независимая, мировая, процветающая Российская Держава – зло.

В 1917 году для будущего ***такой*** державы альтернативы не имел Ленин. Затем пришло время Сталина… Калинин в своем предсмертном письме, адресованном «В Политбюро товарищу Сталину» и написанном не позднее 3 июня 1946 года, констатировал:

«Болезнь и ожидание смерти не притупили моего интереса к судьбам нашей страны, в особенности на ближайшее будущее. Главным элементом ее обеспечения, по моему глубокому убеждению, является руководство т. Сталина.

<…>

Со дня смерти Ленина я твердо свою политику и поведение персонифицировал в лице т. Сталина. Не личные отношения или мотивы меня толкали к этому, а глубокое убеждение, что только он справится с трудностями как государственного, так и партийного порядка… Других претендентов я не считал серьезными…»

Вряд ли надо прибавлять что-то к этой констатации Калинина.

И так же как Сталин в период своей зрелости был безальтернативным лидером страны, который лишь один был способен вести ее к успехам, так и 54-летний Берия к 1953 году объективно был единственным из соратников Сталина, способным обеспечить полный успех делу Ленина – Сталина. То есть – делу окончательного, никем и ничем неразрушимого расцвета России.

Вот для того чтобы эта истина не могла обрести убедительности факта, Берия был уничтожен. Иначе прошел бы год, другой, и всем стало бы ясно: во главе страны должен быть Лаврентий Павлович.

А поскольку все принявшие то или иное участие в уничтожении Берии оказывались преступниками по отношению к существующему государственному строю, то есть оказывались государственными преступниками, то для того, чтобы скрыть это, Берию надо было представить в глазах современников и особенно потомков «рыцарем бесов», «ключом всех оков», «варваром,

злодеем» и «палачом».

После физического уничтожения Берии надо было не медля ни дня, в реальном масштабе времени, начать процесс его полной демонизации. И, лишь убедив как Россию образца 1953 года, так и будущие поколения, что Лаврентий Берия – «палач», «монстр», «исчадие ада», «вурдалак», «извращенец», «сексуальный маньяк», «садист», «растлитель», «Сатанаил», Номенклатуре можно было рассчитывать на некие исторические лавры.

Да что там – «лавры»! Главное – теперь можно было быть спокойным, зная, что никто уже всерьез не потревожит свежими идеями и постоянными инициативами высшее партократическое болото, покрывающееся жирной ряской благополучия.

Причем Берию надо было не просто устранить как будоражащий фактор, как действующего высшего государственного лидера – для этого достаточно было бы проделать с ним то, что вскоре Хрущев проделал с «антипартийной группой» и «примкнувшим к ней» Шепиловым. Нет, Берию надо было вымарать из жизни полностью – чтобы впредь в корне пресечь у кого бы то ни было поползновения вести искреннюю, инициативную и деятельную внутреннюю и внешнюю политику.

В политике Сталина были порой излишние жесткость и жестокость, в ней были порой серьезные ошибки (как, например, призыв сжигать леса в начале войны и т. п.), но в ней никогда не было лицемерия и фальши! А с приходом к власти Хрущева и хрущевцев эта фальшь на высших уровнях партийно-государственной власти все более усиливалась, став к временам Горбачева тотальной!

Однако все, что могла позволить себе постсталинская Номенклатура по отношению к Сталину, – это принизить его роль и величие, измарав его имя и дела в грязи XX съезда. Но даже «демократам» оказалась не под силу задача тотальной демонизации Сталина. Одна посмертная оценка Сталина Черчиллем портила им всю игру. Сэра Уинстона в «красно-коричневые» ведь не запишешь.

А вот с Берией этот «фокус» удался. И одно время казалось – навсегда.

И все же ветер истории – это ветер истории… Он способен смести с выдающихся фигур любые нагромождения грязи и мусора.

И сметает.

СТАЛИН сделал почти все, что ему положено было сделать. Он принял постцарскую Россию с сохой, а оставил ее с атомной

бомбой. Точнее и короче Черчилля здесь не скажешь, умел все же сэр Уинстон ***слово*** найти.

Одного Сталин не сделал или не успел сделать – не оставил необъятной и богатой на таланты стране достойного своего преемника. Возможно, Сталин надеялся увидеть его в двуединой, так сказать, фигуре Кузнецова и Вознесенского, но оба они оказались из мелкотравчатой, увы, породы. Наедине друг с другом и с ближайшим своим окружением они мечтали не о том, как получше ***строить коммунизм*** в России, а о том, как они будут ***править*** Россией после Сталина.

Узнав об этом, Сталин испытал, как я понимаю, что-то вроде чувства Тараса Бульбы, узнавшего об измене Андрия. Сталин и поступил, как Тарас! Он их породил… Он их – как Тарас Андрия – и убил.

А компетентный-то преемник был рядом – Берия. Сталин этого не понял, а Берия без Сталина был обречен. И в итоге страна вверила свою судьбу ловкому, недалекому, беспринципному и невежественному интригану. И только ли ему – ведь «Никиту», как и любого другого, стоящего у высшей власти, «играло» окружение. Такое же некомпетентное, как и он, а в некоторой своей части – антисоветское и прозападное.

Задачей Берии как преемника Сталина должна была стать и стала бы задача постепенной, подкрепленной развитием масс, демократизации общества, задача развития всех творческие сил народа, задача предоставления в стране побеждающего социализма всей полноты прав не номенклатуре, а народу. Не функционерам, а профессионалам. Берия и уже его преемники должны были и могли упрочить и развить социализм, а не предать его, как Хрущев и его преемники.

Берия мог бы руководить все более усиливающимся и расцветающим Советским Союзом лет, скажем, до шестидесяти пяти-семидесяти, то есть мог бы встретить во главе страны пятидесятилетие Советской власти. И это была бы совершенно иная, отличная от реально состоявшейся, страна!

Думаю, у ***его*** Советского Союза не было бы во внешнем мире такого огромного количества «приживалов», которое развели Хрущев, а затем – Брежнев. Советский Союз Берии не отравлял бы свой государственный организм нефтедолларовыми инъекциями. В ***его*** Советском Союзе не смогла бы сформироваться «пятая колонна» горбачевцев и ельциноидов. И в его Советском Союзе любой нерадивый руководитель по Конституции отвечал бы за свою работу не перед бюро горкома, а перед трудовым коллективом, который и имел бы право такого нерадивого руководителя вернуть «в первобытное», неруководящее,

состояние.

Короче, его Советский Союз уверенно вошел бы и в XXI век как решающий фактор мирового общественного процесса. И не только Россия имела бы совершенно иной облик и совершенно иное место в мире, но и сам мир имел бы совершенно иной вид!

Вот этого хрущевцы-партократы, горбачевцы, ельциноиды-«демократы», мировая плутократия и мировая аристократия Берии – пусть и по разным причинам – простить не могли ни при его жизни, ни тем более за гробом.

Не могли простить того, что он был способен вместе с народом довести Россию до такого уровня развития, когда судьба народа зависела бы уже не от кучки, мнящей себя «элитой», а от массового интеллектуально и духовно компетентного ядра общества. Когда руководящей и направляющей силой общества был бы не «коллективный разум ЦК», а общественный разум.

ЭТУ КНИГУ предваряла цитата из Карлейля: «Я не верю в коллективный разум невежественных индивидуумов». Что ж, я, автор этой книги, тоже в него не верю. Но задаю себе и всем вопрос: «А можно ли верить в коллективный разум всесторонне развитых индивидуумов?»

Что до меня, то я уверенно отвечаю: «Да!»

И этот разум нам – России, миру еще лишь предстоит обрести. Если, конечно, мы хотим жить на Планете, а не умирать на ней в собственных духовных и материальных нечистотах.

Берия не был гениален – как Ленин, как Сталин. Он был всего лишь сверхкомпетентен. Кроме прочего, его погубило и это – в полном соответствии с принципом Питера. И еще его погубила наивная вера в доброе начало в людях, в коллегах. В его голове никак не могла уместиться мысль, что всего лишь из зависти, из «шкурности» можно возвести на товарища такую ЧУДОВИЩНУЮ напраслину и вонзить ему в спину кинжал.

За десятилетия все возрастающей и возрастающей власти изначально подлый и гнусный человек к пятидесяти годам окончательно превратился бы в законченного хама и черствого негодяя. А Берия в 1950 году, в ранге вице-премьера, члена Политбюро, главы Спецкомитета, в звании Маршала Советского Союза, наконец, мог, впервые в жизни увидев пухлощекого русского парня, простого сержанта, сразу же поинтересоваться – с чего это у него зубы болят?

Нет, уважаемые читатели, воля ваша, но такой человек не мог быть плохим человеком!

МОЯ книга закончена.

Я расстаюсь со своим героем и прощаюсь с читателем.

Осталась позади славная и громкая эпоха – бои, борьба, стройки, поражения и победы…

Жизнь…

Большая Жизнь Великой Страны.

Она вновь ожила в моих мыслях, легла на бумагу и так на ней и осталась. А мы с тобой, уважаемый читатель, остаемся один на один с гнусью уже не партократического, а олигархического режима, во сто крат более отвратительного и разрушительного, чем партократический. Остаемся один на один с гнусью режима уже не просто зажравшейся некомпетентности – как при Хрущеве, при Брежневе, при Андропове и Горбачеве, а с гнусью режима торжествующей сверхнекомпетентности.

Остаемся один на один?

Пока – да…

Но, может быть, пора бы как-то и объединяться? Объединяться, чтобы сообща формировать коллективный разум компетентных индивидуумов. И тогда мы поймем, что, лишь верно оценивая сделанное предшественниками, мы сами становимся людьми, способными на собственные, обусловленные вызовами времени свершения.

28 мая —
00 часов 05 минут 29 октября 2007 года —
06 часов 31 минута 21 ноября 2007 года.

г. Кремлев («Арзамас-16»)